

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855871 9

INDEX

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ ХХХІІ. — ТОМЪ СХХІХ. — 1/10 СЕНТЯБРЯ, 1875.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ПЯТЫЙ ТОМЪ

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТШЕТЕРБУРГЪ.

1875.

АЛБОМЪ

ГРУППЫ И ПОРТРЕТЫ.

III *).

Ноябрьское утро чуть брезжилось сквозь вьюгу, от которой бѣгли N-скія улицы. На базарной площади, скрипя отяжелѣлыми полозьями, шевелились сѣрые, нескладные воза; вокруг них мелькали такіе же сѣрые, занесенные снѣгомъ люди. Въ густомъ воздухѣ стономъ прорѣзался звонъ раннихъ обѣдней, въ рѣшетчатыхъ окнахъ церквей мерцали маленькіе огни; кое-гдѣ, по тротуарамъ, прижимаясь къ стѣнамъ, брели богомольцы. Вдали засвисталъ приходящій поѣздъ и что-то потемнѣе клубами поднялось на бѣлыхъ сумеркахъ неба. Окна гостинницъ освѣтились. По перерубамъ дороги застучали сани. Прогремѣла карета, озаривъ фонарями сонную слободу. Пробужденный поѣздомъ, городъ на полчаса проснулся и заснулъ опять, еще неподвижнѣе; на улицахъ только вертѣлась метель.

Отъ вереницы, возвращавшейся съ воззала, отстали одни санки. Онѣ были необыкновенно малы, но маленькая, тощая лошаденка едва везла ихъ шагомъ, беспомощно помахивая головой противъ вѣтра. Огромный извозчикъ, въ бѣломъ зипунѣ, заледѣломъ, занесенномъ снѣжными комками, не погонялъ и не крикивалъ, сознавая, что это будетъ бесполезно. Въ саняхъ сидѣло что-то почти невидимое, закутанное, неподвижное. Все это ныряло въ сугробахъ между заборами слободы, выносило столбы вихря на плацу передъ городомъ и едва не опрокинулось въ ровъ

*) См. выше: февраль, 437 стр.

у заставы. Лошадка не прибавила шагу, даже завидя городскіе огни. Она додвигалась до гостинницы и вдругъ остановилась, стукнувъ поводомъ въ тротуарную тумбу.

— Нельзя ли поближе къ крыльцу? — раздалось за спиной извозчика.

— Куда! вонъ сколько намело: увязнешь. Сходи, небось!

Въ саняхъ зашевелилось; сѣдокъ была женщина. Она вытѣзла, выказывая при тускломъ свѣтѣ догорающаго фонаря свою коротенькую стеганую шубку и крошечныя ножки въ опушенныхъ ботинкахъ. Вѣтеръ рвалъ съ ея головы узкую шаль. При остановкѣ явственнѣе слышалось, какъ онъ визжалъ по пустой улицѣ. Лошадка опустила голову.

— Поскорѣе, что ли, — торопилъ извозчикъ. — Всѣ, гляди, ужъ развѣхались. Мнѣ ко двору пора; мы, вѣдь, ночные.

Пріѣзжая старалась вытащить изъ саней свой дорожный мѣшокъ. Ея руки, назябшія въ перчаткахъ, ей не повиновались.

— Я не справлюсь, — сказала она: — помогите. Вы сойдите, дайте мнѣ туда, на крыльцо.

Извозчикъ оглянулся и, должно быть, сжалился. Не торопясь, онъ кинулъ возжи, вытѣзъ, похлопалъ руками и досталъ мѣшокъ. Лошадка не чувствовала, что оставалась на свободѣ; она вздрагивала и спала. Пріѣзжая перескочила на обледенѣлое каменное крыльцо и, шатаясь отъ вѣтра и усталости, отыскивала деньги въ карманѣ шубки. Извозчикъ бросилъ къ ногамъ ея мѣшокъ и снялъ рукавицу.

— Прибавить бы, — сказалъ онъ: — съ часъ ѣхали.

Она безпрекословно положила ему еще пятакъ и, подхвативъ мѣшокъ, ударила имъ въ дверь. Дверь не отворялась.

— Эхъ, барынька, не туда, — замѣтилъ извозчикъ.

Онъ потянулъ къ себѣ тяжелый блокъ.

— Ахъ, спасибо, — выговорила пріѣзжая, исчезая съ своей поклажей въ сѣрыхъ сѣняхъ, гдѣ прямо отъ порога начиналась скользкая лѣстница, едва освѣщенная лампочкой.

Взобравшись, она очутилась въ корридорѣ, гдѣ горѣла эта лампочка. Было грязно, пусто, но тепло и тихо. Пріѣзжая сбросила шаль съ головы и прислонилась къ стѣнѣ, перевода дыханіе. Въ ея ушахъ еще гудѣли поѣзды и выюга... Она долго бы осталась такъ, еслибы дала себѣ волю, но заставила себя очнуться, оглянулась и постучала въ дверь, на которой было написано:
Буфетъ.

Вышелъ половой.

— Комнату..., — выговорила она.

— Съ машины? Что такъ изволили заповѣдать? — заговорилъ онъ. — Пожалуйте. Какой номеръ требуется? Въ рубль, въ два рубля...

— Нѣтъ, дешевле.

Онъ оглянулъ ее и ея мѣшокъ.

— Такъ ступайте выше, вонъ, туда, по лѣстницѣ.

— Проводите меня.

— Тамъ укажутъ.

Онъ исчезъ. Она подняла свой мѣшокъ и пошла. Ей посчастливилось: на стукъ ея усталыхъ шаговъ, съ верха лѣстницы выглянула заспанная фигура съ оплывающей свѣчой и спросила:

— Съ машины?

— Да. Комнату..., — повторила пріѣзжая.

— Пожалуйте-съ. Отличный вамъ номерокъ. Семьдесятъ пять копѣчекъ. Пожалуйте. Окны на улицу. Самоваръ прикажете?

— Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно... покуда, — прибавила она, входя, между тѣмъ какъ ее охватывалъ сальный воздухъ жарко-нагретой комнаты. — Есть ли замокъ у дверей?

— Все въ порядкѣ-съ. № 18, — объяснялъ служитель, пере-кладывая ключъ внутрь двери. — Если что потребуется, извольте позвать меня: Герасимъ. Звонка нѣтъ. Женская прислуга при этихъ номерахъ не полагается...

Онъ, наконецъ, вышелъ. Она заперла дверь, сбросила шубку, шляпку съ чернымъ крученымъ перомъ и стала стаскивать свои застывшія ботинки. У нея навернулись слезы... Кончивъ все, она бросилась на постель, утомленная до того, что даже ее не оглянула.

Ей крѣпко спалось... Кажется, счастье сна — единственное, которое люди признаютъ безспорно. Отчего же они такъ боятся сна покрѣче и поглубже?..

На дворѣ было солнечно и морозно послѣ ночной вьюги. Въ гостинницѣ давно поднялся весь нужный и ненужный обычный шумъ. Пріѣзжая проснулась, вскочила, оглядываясь, не узнавая мѣста, не видя ничего въ обледенѣлое окно, — въ испугѣ, что проспала и опоздала. У нея не было часовъ. Торопясь, она стала одѣваться.

Она была молода и хороша собою, несмотря на худобу, которая дѣлала еще изящнѣе ее замѣчательно стройный станъ. Темно-золотистые волосы были роскошны. Она съ какой-то лаской собирала ихъ и укладывала вѣнкомъ на маленькой головѣ,

всматриваясь въ тусклое зеркало, висѣвшее противъ свѣта, и чуть-чуть улыбаясь. Ея губы были сухи и слегка поблекли. Большіе, глубокіе глаза казались еще темнѣе отъ длинныхъ рѣсницъ и будто вспыхивали, когда молодая женщина взглядывала прямо. Эти глаза не смотрѣли протѣ даже на простые предметы; въ нихъ была постоянная, безпокойная жизнь, смѣлая, капризная и прелестная...

• Она одѣвалась, и хотя спѣшила, но были минуты, въ которыя у нея будто отпадали руки. Она достала изъ мѣшка черное шелховое платье и осмотрѣла его съ внимательной досадой: платье было смято; въ мѣшкѣ все было смято. У нея вырвалось движеніе избалованной щеголихи. Усталая, она съ злостью бросила все на прорванный диванъ, будто сейчасъ только замѣтивъ грязь своего помѣщенія.

«Что за гадость...»,—вырвалось у нея громко.

Она проплась по комнатѣ. Обои были съ заплатами, съ окна тепло, въ форточку дуло. Вчерашняя духота замѣнилась провѣтливой сыростью. Молодая женщина озябла, ей хотѣлось ѣсть.

Она достала большой мужской бумажникъ съ записной книжкой, выложила изъ него на столъ три ассигнаціи, нѣсколько мелочи и принялась считать, записывая карандашомъ. Счетъ шелъ неуспѣшно. Она обшарила карманъ пубки, и нашла еще какую-то мѣдъ. Но вычисленіе не подвигалось. Съ новымъ порывомъ злости, она кинула карандашъ и въ одинъ мигъ одѣлась, ловко, граціозно, какъ особа привычная.

«Будь что будеть...»,—выговорила она, пошла къ двери, оставилась и заплакала.

Это были слезы негодованія, ропота, бѣдности и стыда за невзость этихъ слезъ... И еще болѣе горькія — слезы одиночества.

«Милые! — вскричала она:—ну, что-жь? ну, будеть у меня кусокъ хлѣба... васъ-то нѣтъ!»!

• Изъ записной книжки высовывалась фотографическая карточка: молодой, красивый мужчина съ крошечной дѣвочкой на рукахъ. Молодая женщина прижимала къ груди эту карточку и цѣловала...

Въ дверь стукнули; она вскочила.

— Кто тамъ?

— Самоваръ привезете?

— Ничего не нужно,—отвѣчала она рѣзко и вдругъ, оправясь, пріотворила дверь.—Который часъ?

— Дѣнадцать скоро. Съ московской машины уже пріѣхали.
Да хозяинъ велѣлъ спросить вашъ видъ.

— Я останусь здѣсь только до завтра.

— Все-таки, можете спросать. Записать надо на доскѣ.

— Запишите: Риднева. Я сейчасъ ухожу.

— Это какъ вамъ угодно.

— Возьмите ключъ.

Она нагнула шубку и надѣла шляпку; то и другое было еще влажно отъ вчерашней вьюги. Глядя, какъ молодая женщина скоро, ловко и величаво шла по корридолу, половой засмѣялся.

— Туда же, барыня!—сказалъ онъ, запирая ея дверь.

«Барыня», между тѣмъ, вышла на улицу. Н. былъ ей знакомъ давно, хотя она уже много лѣтъ его оставила. Еслибы покойники возвращались на мѣста своего земного жительства, они, конечно, испытывали бы чувство этой молодой женщины. Она шла, припоминая дорогу по церквамъ, по общественнымъ зданіямъ. Переимѣнъ было много. Она припоминала, какъ жила здѣсь, — вотъ, въ этомъ большомъ домѣ, гдѣ внизу магазины, а на верхнемъ этажѣ голубая доска, съ надписью: *Телеграфъ*. Вотъ эти окна была ея комната. Этотъ рядъ оконъ — зала, гдѣ отецъ давалъ балы, а она танцевала...

Ея мать умерла давно; она ее не знала. Все, что она знала — это, что она единственная дочь, что отецъ несмѣтно богатъ, что ее обожаютъ. У нея перебивалъ десятокъ гувернантокъ и полные шкапы игрушекъ и нарядовъ. Повдѣе, она какъ-то слышала, что существуютъ какіе-то откупы, что отецъ — предсѣдатель какой-то палаты и эти откупы отъ него зависятъ, что будетъ очень нехорошо, если они отойдутъ. Куда отойдутъ и какъ, и собственно что такое «отойти» — она не понимала и не спрашивала объясненія. Она слышала въ то же время, что еще многое переимѣнится и тоже будетъ нехорошо, но ей до этого не было дѣла. Именно тогда ей было особенно весело: ей минуло четырнадцать лѣтъ; у нея была предобрая, премилая, прехорошенькая гувернантка, м-ше Видьгольдъ, которая попросила отца давать вечера, чтобъ приучить Лизу къ обществу. Лиза хозяйничала на этихъ вечерахъ, какъ большая. Дамы обращались съ нею немного покровительственно, но очень мило, а дѣвицы, — она знала наизусть, — ей завидовали. Со злости, онѣ насчитывали ей лишніе года и — для нихъ же было хуже: молодые люди сочли ее

въ самомъ дѣлѣ *большою* и объяснялись ей въ любви. Очень было хорошо, только не долго. Отецъ вдругъ вышелъ въ отставку, откупа совсѣмъ уничтожились; м-ше Вильдгольцъ вдругъ за что-то разсердилась и уѣхала. Отецъ сказалъ Лизѣ, что больше не возьметъ ей гувернантки. Лиза была очень довольна; она и сама умѣла принимать гостей, а учиться — она ужъ прекрасно говорила по-французски, играла на фортепiano, рисовала цвѣты, даже умѣла дѣлать ихъ изъ папиросной бумаги, вышивала иногда по канвѣ, — на рукахъ, конечно, чтобъ не кривить талии, — а танцевала въ совершенствѣ. Она и пѣла, но въ то время у дѣвушекъ было не въ модѣ пѣть романсы. Ея воспитаніе могло считаться вполне оконченнымъ. У нея было уже нѣсколько жениховъ. Отецъ что-то сталъ поговаривать, что пора ей замужъ, даже предлагалъ одного. Но, конечно, это была шутка: женихъ былъ сѣдъ и страшенъ, и Лиза только смѣялась. Когда, соскучась этой шуткой, она заплакала, — отецъ испугался, расплакался самъ и, чтобъ ее утѣшить, накупилъ ей нарядовъ и задалъ праздникъ.

— Къ чорту его, стараго! — твердилъ онъ, самъ не зная, какъ успокоиться.

Лиза хохотала. Смѣясь, она была очаровательна и, конечно, ей уже ни въ чемъ отказать было невозможно.

Дѣло было лѣтомъ. Лиза не имѣла понятія о деревнѣ. На богатой дачѣ, которую отецъ нанималъ въ окрестностяхъ N., жизнь была похожа на городскую: тѣ же гости, наряды, танцы при цвѣтныхъ фонаряхъ, прогулки въ крытыхъ аллеяхъ и въ цвѣтникахъ, гдѣ цвѣты появлялись какъ-то волшебю, неизвѣстно кѣмъ и когда насаженные... Но въ это лѣто ей вдругъ полюбилися одинъ запущенный садъ-огородъ, съ кустами крыжовника, съ скамейкой, — доской, прилаженной на кирпичахъ, — садъ, гдѣ всѣ роскоши флоры состояли въ двухъ длинныхъ мальвахъ, — одна палевая, другая блѣдно-красная, — гдѣ была всего одна дорожка, и та затанутая стелющейся травой. Этотъ садъ...

(«Онъ мой теперь», — подумала она, сворачивая въ переулокъ съ большой Дворянской улицы...).

Этотъ садъ принадлежалъ старухѣ, Аннѣ Ивановнѣ Ридневой. Какъ эта старуха познакомилась въ домѣ отца, за какимъ дѣломъ она тамъ бывала, — Лиза, конечно, не знала. Но старуха приходила часто, отецъ вводилъ ее въ свой кабинетъ, и если, возвращаясь оттуда, она заставала Лизу въ залѣ, то всегда останавливалась, спрашивала о здоровьи, цѣловала ее, хвалила; а если Лиза была у рояля, всегда просила сыграть какую-нибудь штучку. Тѣмъ ограничивалось знакомство. Вскорѣ послѣ изгнанія стараго

зениха, отецъ былъ особенно озабоченъ. Разъ онъ позвалъ Лизу въ кабинетъ и вручилъ ей толстую пачку денегъ.

— Душа моя, съѣзди сама къ Ридневой и отдай ей изъ рукъ въ руки. Тутъ двѣ тысячи. Она тебѣ дастъ росписку. Понимаешь?

Лиза ничего не понимала, но отвѣчала:— «хорошо».

— Мнѣ самому некогда, а послать не съ кѣмъ, — продолжалъ сумрачно отецъ. — Это ея деньги. Пусть будетъ что Богу угодно, но чтобъ бѣдный человѣкъ на насъ не плакался.

Лиза, все-таки ничего не понимая, поцѣловала отца; какъ-то вдругъ, почему-то онъ показался ей жалокъ. Онъ особенно крѣпко ее обнялъ; она ушла, непривычно взволнованная... Все это вспомнилось ей много времени спустя.

Она отправилась къ Ридневой. Она всегда помнила, какъ была хороша въ это утро и какъ къ лицу одѣта. Въмѣсто старухи, на подвѣздѣ ея трехъ-оконнаго домика, Лизу встрѣтилъ молодой человѣкъ.

Этому прошло девять лѣтъ... Девять лѣтъ!

Прелесть первой любви, блаженство, — которому словъ нѣтъ, блаженство не какъ-нибудь скупое отмѣренное судьбой, схваченное съ оглядкой, взмѣшанное съ сомнѣніемъ, съ ревностью, съ усталостью, — нѣтъ, блаженство, которое, любя, дается избраннымъ, въ полномъ цвѣтѣ, во всемъ сіяніи!.. О, что бы ни было прежде, послѣ, — горе, нужда, утраты, разрушеніе всего, что наполняло жизнь, нищета, униженіе, смерть ребенка, ради котораго выносилось униженіе... все, все исчезаетъ передъ памятью перваго свиданія, перваго взгляда!..

Они полюбили другъ друга съ перваго взгляда. Гриша Ридневъ былъ студентъ на вакаціи, племянникъ старухи. И начались безконечныя прогулки въ огородъ, поцѣлуи подъ чириванье воробьевъ... Ему было двадцать-два года, ей — шестнадцать.

— Папаша, я хочу замужъ, — сказала Лиза.

Отецъ становился день-о-го-дня сумрачнѣе. Онъ спросилъ, кого она полюбила. Лиза назвала смѣло; она бы постояла за свою любовь, еслибы ей стали противорѣчить. Но отецъ не противорѣчилъ. Онъ только сказалъ, улыбаясь, когда они оба, смущенные, стояли передъ нимъ:

— Ты хоть дай ему курсъ кончить.

Ридневъ самъ не думалъ иначе, хотя приходилось ждать еще два года; онъ даже скоро уѣхалъ изъ N. на какой-то урокъ. Лиза плакала, негодовала на такую холодность, но въ ней самой произошла какая-то перемѣна: она сама себя казалась серьезнѣе,

говорила о трудѣ, о занятіяхъ. Она слышала, что мудроно свѣтской дѣвицѣ сдѣлаться трудовой женщиной, что нельзя привязаться къ занятіямъ, въ которыхъ съ-дѣтства мы не признавали ни важности, ни смысла, — но она твердила, что такъ слѣдуетъ сдѣлать, если возможно. Для нея—это было невозможно. Учиться было не у кого и некогда. Получая письма Риднева, покрывая ихъ поцѣлуями и не понимая въ нихъ половины, Лиза говорила себѣ, что *тогда* онъ всему ее выучить. Она бросалась читать, и читала романы... Скоро стало даже и не до романовъ.

Отецъ совсѣмъ разорился. Два года передъ тѣмъ «отопли» эти непостижимые откупа, теперь «лопнули» какія-то акціи, бѣжалъ какой-то кассиръ; нужно было передать другому только-что построенную желѣзную дорогу... Лиза помнила, какъ праздновали закладку этой дороги; завтракали въ полѣ, въ палаткѣ; все было убрано кисеей, а цвѣтовъ — цѣлыя оранжереи! Когда уѣхалъ архіерей, пришла музыка, танцовали... А теперь, отецъ отдавалъ эту дорогу. *Тотъ* господинъ его «прижалъ»... Богъ знаетъ чтѣ. Все продали: экипажи, лошадей, домъ. Последнее—она сама сказала отцу, чтобъ продать ея брилліанты; онъ долго не хотѣлъ. Старуха Риднева продала шубки Лизы и чтѣ было приготовлено бѣлья въ приданое, и платья... тоже кому-то въ приданое, въ деревню. Шкатулочка оставалась одна, съ инерустанціями; Лизѣ было ее ужасно жаль: въ ней она прятала письма Гриши. Старуха оставила ее у себя, сказала, что сбережетъ...

(— Вотъ, сейчасъ ее увижу; должно быть, цѣла, — сказала она себѣ и прибавила шагу. — Какъ, однако, далеко. Какъ холодно...

Сырая стеганая шубка застывала у нея на плечахъ...)

Уѣхали отсюда... съ ночнымъ поѣздомъ, въ третьей классѣ. Благое начало положили: съ тѣхъ поръ иначе и не ѣзжала. Съ тѣхъ поръ и началась эта мерзость—бѣдность.

— Да чтѣ-жъ это было такое?

Она остановилась на минуту, будто удивилась, будто всѣ ужасы прожитаго предстали предъ нею въ первый разъ, будто она вспоминала не про себя, а про какую-то другую женщину, которой довелось вынести тѣ, чтѣ она вынесла.

Срамъ. Три года всякихъ униженій!.. Уѣздный городишко; квартира... коморка какая-то; потолоки текли; разъ штукатурка свалилась, чуть головы не проломилась. Отецъ, на старости лѣтъ, нашель службу: на телѣгѣ, по слякоти, по ночамъ, ревизовалъ кабаки... А она... ну, все дѣлала, до всего дѣшла: и тряпки, и

сорь, и корыто. Нужно было пить и ѣсть. А то—не было чего и поѣсть. Зубы-то молодые, здоровые... Ахъ, какъ ѣсть хотѣлось...

Она и теперь была голодна. Забывъ мѣстность и задумавшись, она ошибалась на перекресткахъ и зашла — не знала куда: она никогда тутъ не бывала. Какой-то пустырь; вѣтеръ, на солнышкѣ, крутить верхушки сугробовъ; въ концѣ — поле, по краямъ — съ десятокъ кривыхъ домишекъ и стая собакъ.

Баба съ ведрами переходила улицу.

— Уймите собакъ!—закричала ей Риднева.

Баба не слышала отъ холода и вѣтра, который прохватавалъ ее сквозь рубаху и жиденскій платокъ, накинутый на голову. Только усиленный крикъ заставилъ ее оглянуться. Она махнула багровой голой рукой и продолжала идти.

— Какъ тутъ пройти къ Покрову?—спросила Риднева.

Баба еще разъ оглянулась, заставила еще разъ повторить вопросъ, закачала головой и пошла.

— Къ Покрову?—кричала Риднева.

— Мы деревенскія. Вонъ, спроси!—отвѣчала баба, показавъ на одни ворота, и ушла.

Подъ навѣсомъ воротъ стоялъ мужчина, мастеровой или мѣщанинъ — хозяинъ, въ тулупѣ, и курилъ папироску. Онъ былъ пьянъ; день былъ праздничный.

Риднева добралась до него, по-колѣно въ снѣгу.

— Въ какую сторону идти къ Покрову?—повторила она въ десятый разъ.

Онъ поглядѣлъ на нее въ упоръ, будто любуясь перомъ ея шляпки и моднымъ подборомъ ея платья, бросилъ папироску, засмѣялся, исчезъ въ калитку и стукнулъ засовомъ.

— Чортъ васъ всѣхъ возьми!—вскричала Риднева.

Она повернула назадъ, отмахиваясь отъ собакъ. Ее душили слезы, злость, вся нравственная и физическая пытка, къ которой, въ столько лѣтъ, она не могла привыкнуть.

— Провлятые, —твердила она:—а подѣзжай я въ каретѣ... Да нѣтъ ихъ, вареть-то, забыла, какъ въ нихъ садятся. Вотъ такъ-то всю молодость, всю жизнь, а впереди... Да что впереди? Наслѣдство тѣтенки Анны Ивановны? Вонючій домишко у Покрова? Богадѣльня?.. Чортъ возьми все, лучше разомъ утопиться! Ну, чего я ищу, чего добиваюсь? Огороды, что-ли, я буду разсаживать? Песцовъ разводить, да пухъ продавать?.. Въ двадцать-

пять лѣтъ? Женишка, что-ли, себѣ искать изъ новыхъ воровъ? Да меня, вдовицу-безприданницу, и больничный фельдшеръ не возьметъ... О, Господи!

Она закашлялась, задыхаясь.

— Еще занеможешь... Нѣтъ, шалишь: хворать не по барману. А не все ли равно? Ну, отправлюсь, все равно—могила: въ поле стащутъ, или замуруютъся у Покрова...

Стройная старинная колокольня съ чешуйчатой кровлей вырѣзалась на яркомъ небѣ. Широкая бѣлая площадь; заиндевѣлые, пушистые сады нависли надъ низенькими изгородями, надъ низенькими кровлями... Господи! вотъ кровля, вотъ домъ!.. Тамъ была скворешня, уморительныя черныя птички... Господи, столько лѣтъ...

Она забыла усталость, забыла все и побѣжала.

Пушное майское утро зардѣлось надъ этой снѣжной поляной... Все умерло,—эта память не умерла! Поклониться милому порогу, взглянуть на стѣны, гдѣ родилась, гдѣ сладко прожила свое утро ничѣмъ не омраченная любовь...

Тогда... О, когда ужъ, кажется, все кончилось, всѣ оставили, все продано, все заложено, отецъ не вставалъ другую недѣлю, въ домѣ не было хлѣба, — онъ пріѣхалъ... Только-что получилъ мѣсто, прилетѣлъ! А передъ тѣмъ ужъ и не писалъ полгода, самъ не зная, что съ нимъ будетъ... Сейчасъ повѣнчались...

— Но было же это, было! — повторяла она, запыхавшись и останавливаясь, будто предъ черной могилой, въ которую сложила сначала баловника, безумнаго, виноватаго, несчастнаго отца, потомъ его,—его, милаго и съ нимъ свою молодость!.. Оставалось еще одно — крошка-дѣвочка... Нѣтъ, надо было и ее туда же! Видно, мало ихъ гнѣтъ тамъ! Видно, когда у бѣдныхъ отнимается что-нибудь, такъ отнимается до конца, до послѣдняго, — отнимается и ангель-хранитель!.. Для нея, для того, чтобы кормить ее... Господи Боже!..

Передъ ней мелькнули подмостки провинціальной сцены, запачканныя кулисы, вороха всякаго хлама, расписанныя лица въ туманѣ керосиновой гари и табачнаго дыма; въ ея ухахъ зазвенѣлъ пошлый мотивъ съ безстыдными словами... Она встряхнула головой, будто отмахиваясь.

— Ну, это кончено, кончено! Теперь начнется другое... Что бы ни началось, хуже не будетъ!

Она тяжело передохнула и пошла, опустивъ голову, уже не оглядываясь.

Крыльцо было новое, какъ-то иначе. Она не удивилась, даже

не замѣтила, что ставни были открыты и кругомъ все смотрѣло жгуче. Но звонка не было, подъѣздъ отпертъ и подновленъ тоже, дверь изъ сѣней отперта. Риднева отворила. Ее обдало жаромъ, шумомъ, удушливымъ запахомъ ѣды и вина. Съ морознаго воздуха, въ комнатѣ казалось темно и въ темнотѣ двигалось что-то много народу. Риднева оскользнулась на грязномъ порогѣ и удержалась за притолку.

— Вамъ чего?—раздался голосъ.

Передъ нею стояла толстая краснолицая женщина.

— Это домъ Анны Ивановны Ридневой?—спросила прѣзжая, невольно отклоняясь отъ этой фигуры, ея круглыхъ глазъ и ея дыханія.

— Никакой тутъ Анны Ивановны нѣтъ.

— Ея нѣтъ, я знаю. Но этотъ домъ—ея.

— Не ея этотъ домъ.

Риднева одну секунду одумалась. Не понимая, что кругомъ нея, она догадалась, что и сама говорить непонятно.

— Я знаю, Анна Ивановна Риднева умерла,—сказала она.— Но это былъ ея домъ, а я—хозяйка, наслѣдница...

Женщина захохотала.

— Проходите, — сказала она, кулакомъ отворяя дверь, къ которой прислонялась прѣзжая.

— Чтѣ вы...,—вскричала Риднева, чуть не упавъ.

— Много васъ, такихъ-то. Проваливай!

— Послушайте... Какъ вы смѣете... Отвѣчайте, что здѣсь такое? Кого тутъ спросить? Риднева—моя тетка...

— Проваливай,—повторила женщина.—Вишь, въ шелковыхъ платьяхъ, уши заморозила, раскрасавица по трактирамъ тѣтушекъ отыскиваетъ!

Вокругъ нихъ собрались зрители изъ-за столовъ, гдѣ ѣли.

— Это ни на что не похоже! Скажите толкомъ...

— Убирайся!—закричала женщина.

— Позвольте, Марья Петровна, что ужъ вы,—вступился одинъ изъ гостей, нѣсколько увѣреннѣе другихъ державшійся на ногахъ. Онъ былъ въ черномъ фракѣ изъ дешеваго сукна и при часахъ съ подвѣсками; очевидно, лакей. — Позвольте вамъ объяснить,—обратился онъ къ Ридневой. — Тутъ съ вашей стороны ошибка. Домъ этотъ, дѣйствительно, кому-нибудь принадлежалъ, только теперь онъ, значить, купленъ. Второй гильдіи купца Аристарха Семеновича Барашова. Точно такъ-съ.

— Купленъ?—повторила она.

— Не извольте сомнѣваться. И потому, въ немъ трактирное заведеніе, въ этомъ концѣ города единственное, потому...

— Купленъ... Когда же?

— Должно быть, не такъ давно. Когда купленъ? — повелительно обратился онъ къ женщинѣ:— въ какомъ мѣсяцѣ?

— А кто его знаетъ! Да чего онъ...

— Уже это позвольте, Марья Петровна, хоть вы здѣсь и за хозяйку, а не ваше дѣло; мы объяснимъ, потому, сейчасъ видно— благородная дама... Осенью, мадамъ, должно быть, проданъ. Вы, должно быть, въ разсѣянности, не примѣтили, вывѣска: *Трактиръ Ташкентъ*, а другая половина, вывѣска тоже...

— Проданъ!

— Такъ точно-съ.

— Не можетъ быть!

— Ахъ, ты, батюшки, не украли! Дома не украдешь!

— Не извольте безповоиться, мадамъ. У господина Барашова дѣла въ аккуратности; хоть справку наведите.

— Справку? У кого?

— Не вѣрите еще!—закричала женщина.

Лавей снисходительно засмѣялся.

— У кого угодно можно справиться, — отвѣчалъ онъ, затрудняясь.

— У кого же?

— Да у нотариуса; нынѣ всѣ дѣла тамъ, — отозвался одинъ изъ посѣтителей, возвращаясь отъ двери опять къ накрытому столу.

— У нотариуса?

— Такъ точно-съ.

Лавей тоже хотѣлъ отойти.

— Пойдите... Извините, — выговорила она, торопясь и теребясь. — Кто здѣсь нотариусъ?

— Ихъ много-съ.

— Старшаго спросите, — крикнули ей изъ-за стола.

— Кто старшій?

— Господинъ Ешецкій, — отвѣчалъ лавей и обратился къ своей компаніи:—они у насъ знакомы, постоянно бываютъ. Недавно совершали актъ. Наши господа ему пять-сотъ заплатили, и такъ онъ былъ, знаете, доволенъ...

— Что ему за диво, онъ самъ давно въ тысячахъ, — возразилъ гость изъ-за обѣда. — Вѣдь Ешецкій-то, — обратился онъ къ другимъ:—еще давно, при Солонцовѣ, въ казенной палатѣ былъ, на побѣгушкахъ при немъ состоялъ. Еще тогда грѣбъ, да секретно,

прѣла. А какъ Солонцовъ покончился, другіе порядки—времена пошли, этотъ и выгѣзъ... Ешецкій въ тысячахъ!

— Ешецкій...,—повторила молодая женщина.

— Слыхали о немъ, что-ль?—спросилъ обѣдающій. — Еще Солонцова не знавали-ли? Желѣзную дорогу у насъ строилъ. Попировалъ, да въ трубу вылетѣлъ...

— Гдѣ живетъ Ешецкій?—прервала она.

— Свой домъ у него... «Гдѣ!»... Извозчикъ довезетъ.

— Прикажете вамъ, мадамъ, извозчика?—предложилъ лакей.

Она толкнула дверь, пачкая рукава своей шубки, и выбѣжала на улицу... Невольно, отчаянно, еще разъ она оглянулась на домъ. Да, точно на углу, къ саду, окно, у котораго они, бывало, сидѣли съ Гришей... Изъ этого окна сдѣлана какая-то лажка, примочены приступки и надъ всѣмъ—красная надпись:—*Расширено и на выносъ...*

Она уже ничего не вспоминала. Прошлое скрылось, будто огни свѣчей, когда похороны прошли и повернули за уголь... Подступало настоящее, подступала дѣйствительность, черная, безпокойная, безпомощная, грозная и грязная.

Теперь она поняла (будто до сихъ поръ не понимала!), что это наследство тетки было бы, въ самомъ дѣлѣ, спасеніе. Былъ бы уголь, ключокъ собственности, что-нибудь... Какъ же это могло случиться?.. Невозможно!..

— Невозможно!—повторяла она себѣ.—Тетка писала положительно: «пріѣзжай, все твое». Она писала въ августѣ; пріѣхать было нельзя, гроша не было. А въ сентябрѣ занемогла дѣвочка... Господи, что-жъ это?.. Да, невозможно! есть какой-нибудь судъ, справедливость?.. Какъ-же такъ сдѣлать: «все твое», — а домъ продала?.. Тамъ и вещи были; домъ не бываетъ пустой. Она скупа была. Гриша, тогда, какъ-то, послалъ ей матеріи на платье (вотъ очень нужно было!) — она писала, что «куда ей шелкъ», что она бережетъ, прячетъ... И деньги были: вѣдь она намъ ничего не давала; по рукамъ, конечно, въ процентахъ ходили... Тутъ мошенничество. Эти купчишки вездѣ влѣзутъ. Ну, погоди-же, я этого такъ не оставлю...

— Но что, если въ самомъ дѣлѣ... невозможно!.. Но, однако, что тогда дѣлать?..

— Берегись!—раздалось у нея надъ головой.

Она бросилась на тротуаръ. Сани парой мчались бѣшено и

стали у этого же тротуара. Изъ нихъ выскочила дама; мелькнулъ серебристый мѣхъ, зеленый бархатъ. Двое щеголеватыхъ молодыхъ людей пожали ей руки и, всѣ втроемъ, загородили дорогу проходящимъ. Дама говорила громко, смѣялась, будто ховяйба на улицѣ. Сѣвось газъ сверкало ея румяное, пухлое лицо, свѣжія губы, прищуренные глаза...

— Дашка Васильева..., — прошептала Риднева. — Я ей два платья подарила...

Дама и ея спутники вошли въ кондитерскую.

— Всѣ разжились, — продолжала думать Риднева. — Ея отецъ... что онъ такое былъ? Разъ онъ моему отцу калоши подаль...

Она все стояла, будто чего ждала. Нарядная дама показалась опять также быстро, молодые люди — за нею. Они усадили ее въ сани, оправили коверъ, подали коробки конфетъ. Это дѣлалось также невнимательно ко всему окружающему, какъ прежде, даже еще шумнѣе.

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ вы попадетесь, полюбуемся! — кричала она одному изъ нихъ. — Ахъ, какъ всѣ мужчины глупы! Вѣдь ужъ поютъ вамъ, а вы все свое!

— Вотъ, сегодня, еще послушаю.

— Въ послѣдній разъ?

— Не зарекаюсь!

— Каково? Вотъ привязался! — обратилась она, хохоча, къ другому. — Ахъ, какъ бы я желала, чтобъ она васъ хорошенько, хорошенько надула...

Лошади не стояли на мѣстѣ.

— Вотъ бы какой вамъ носъ!.. Ну, что-жъ, придете ко мнѣ въ ложу, слушать, какъ мужчины глупы?

— Не приду.

— Это почему? вѣдь моего мужа не будетъ. Ну, въ антрактъ?

— А въ антрактъ пойду куда поинтереснѣе.

— Ахъ! это за кулисы?

— Нѣтъ, подальше.

Лошади еще разъ дернули.

— Это въ уборную? Смотрѣть, какъ ее шнуруютъ? Ну, стойте же!.. Ну, и не надо васъ, и не приглашаю!.. Приходите вы! — крикнула она другому, между тѣмъ, какъ сани ужъ неслись.

Риднева еще смотрѣла вслѣдъ.

— Не дурна..., — сказать франтъ, кивая на нее и толкнувъ локтемъ другого.

Тотъ оглянулся.

— Ну... съ гоноромъ. Чего тамъ!

Они прошли.

— Видѣла она меня, или не видала? Не узнала, или не хотѣла узнать? Или я такъ перемѣнилась? — вертѣлось въ головѣ молодой женщины. — Но точно ли это Дашка Васильева?.. Она! Еще растолстѣла. Видно, сытно живетъ. Замужемъ...

Она забылась, развлеченная, взволнованная. Ей хотѣлось плакать, хотѣлось уворять, браниться... за что? съ кѣмъ? все равно! Мученіе было минутное, но въ немъ пережила вся жизнь и какъ-то странно затерялось сознаніе настоящаго, будто не было никакой своей заботы. Мелькнуло какое-то злое любопытство, какое-то желаніе приключенія, скандала...

Сама не зная зачѣмъ, Риднева вошла въ кандитерскую и остановилась.

— Что вамъ угодно? — спросилъ, оглянувъ ее, хозяинъ, съдой и сумрачный.

По выговору — это былъ иностранецъ. Ридневой показалось, будто она его знавала.

— Дама, которая сейчасъ здѣсь была — m-lle Васильева? — спросила она по-французски.

— Не знаю, — отвѣчалъ онъ, по-французски тоже, и продолжалъ наблюдать за нею. — Что вамъ угодно?

— То-есть, бывшая m-lle Васильева? — повторила она, отводя глаза отъ горы пирожковъ и всего, что было на прилавкѣ.

— Не знаю. Что вамъ угодно?

— Миѣ?.. Миѣ нужно узнать, который часъ. Мои часы стали.

У нея не было часовъ.

— Почти два.

— И еще... это афиша сегодняшняго спектакля?

— Да. Вамъ нужно билетъ?

— Нѣтъ. У меня уже есть... Я прѣвжая. Я, когда-то давно, жила здѣсь... Не припомните ли вы меня, m-g Эрдеръ?

— Извините, нѣтъ. Вамъ ничего не угодно?

— Merci. Нѣтъ.

Она сконфуженно повернулась къ двери.

— Ахъ, я забыла. Скажите, гдѣ живетъ нотариусъ Ешецкій?

— Не знаю, — повторилъ онъ.

Она вышла на улицу, почему-то спѣша. Тяжелая стеклянная дверь приклоннула ее назадъ; она потянула его со злостью,

еще съ бѣльшей злостью вспомнила, что можетъ его изорвать, и стала освобождать осторожно. Кандитеръ изъ-за прилавка слѣдилъ за нею безповойными глазами. Ей хотѣлось его побить.

— Ну, да, конечно, онъ. Его тогда прогнали отъ Сіу; отецъ далъ ему денегъ, здѣсь, на обзаведеніе... О, чортъ ихъ всѣхъ возьми!.. Подносилъ мнѣ букеты, бонбоньерки...

— Прикажете довести?—спросилъ извозчикъ.

Она умирала отъ усталости. Все равно, — двугривенный не капиталъ... Но зачѣмъ ѣхать? О чемъ спрашивать?.. Ей хотѣлось въ теплый домъ, на мягкій диванъ, выпить кофе, позавтракать, заснуть...

— Дура, — сказала она себѣ мысленно: — и дома нѣтъ, и ѣсть нечего... Свези къ нотаріусу Ешецкому, — прибавила она вслухъ, садясь въ сани:—знаешь гдѣ?

— Знаю.

Она была рада сѣсть, тутъ почувствовавъ, что ея ноги «отказывались». И далеко, и ѣхать приходилось противъ вѣтра; не до того, чтобы смотрѣть по сторонамъ, а потому можно немного собраться съ мыслями, насколько позволяетъ холодъ... Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, Ешецкій что-нибудь скажетъ. (Она не опредѣляла чтѣ). Домъ должны возвратить, и деньги, — все, чтѣ было. Для этого, можетъ быть, Ешецкій скажетъ, нужно время, нужно будетъ здѣсь остаться... Въ номеръ, въ гостиницѣ — дорого обойдется. Денегъ всего три рубля, да мелочь. Ыхала сюда, рассчитывала найти здѣсь. Тогда... тогда что же? дѣлать нечего, продамъ брошку, вотъ и деньги...—Ахъ, Боже! А тамъ-но? А неустойка? за каждый день! А если откажусь совсѣмъ, тогда... тогда сколько надо заплатить? Рассчитывала на тѣткны теньги... — Но что же я? А Ешецкій? Можно будетъ взять у него, на короткое время, покуда мнѣ отдадутъ то, чтѣ мое. Вотъ и все, и всѣ затрудненія. Ешецкій не откажетъ, конечно; онъ возьмется за дѣло и все отхлопочетъ. Онъ служилъ у отца. Смѣшной такой былъ... — Получу свое, расплачусь съ нимъ и все здѣсь продамъ, все, все. И уѣду. Не хочу здѣсь жить; куда-нибудь учачу далеко-далеко, куда-нибудь, совсѣмъ въ незнакомое мѣсто, хоть въ глушь... Но опять на сцену—ни за чтѣ, ни за чтѣ, ни за какія блага!..

Сани остановились передъ большимъ деревяннымъ домомъ, красивымъ и изящнымъ, какіе хотя рѣдко, но уже строятся въ провинціи. Цѣльные, незамерзшія окна; въ нихъ пестрѣли цвѣты,

широкая зелень, кисти и бахромы драпировокъ; тротуаръ былъ плитный, — тоже рѣдкость; бронзовыя свобки у рѣзной двери, бронзовый колокольчикъ. Дверь распахнулась, едва Риднева позвонила. Ей было почти неловко, когда щегольской лакей, съ какимъ-то неуловимымъ поклономъ, объяснилъ на ея вопросъ, что сегодня нѣтъ приѣма въ конторѣ, но если ей угодно пожаловать въ гостиную, — Ольга Константиновна принимаетъ, а тамъ можно видѣть и Алексѣя Александровича.

Риднева видѣла у подъѣзда сани, маленькіе, тоненькіе, сверкающіе, запряженные сѣрымъ рысакомъ красоты неописанной. Въ передней, ея шубка исчезла на вѣшалкѣ въ сосѣдствѣ громадной собольей шубы. Молодая женщина поглядѣла на нее невольно.

— Какъ прикажете доложить?—спросилъ лакей.

— Риднева... Солонцова,—прибавила она, входя въ залу.

Лакей побѣжалъ дальше, она осталась одна. Цѣпты, цѣпты, канделябры съ подвѣсками, зеркала во всю стѣну, паркетъ, половникъ дорожкой отъ передней чрезъ всю залу и дальше въ другія двери...

— Боятся, гости натопчуть...—подумала она, и увидѣла въ зеркалѣ свое злое лицо. У нея мелькнуло движеніе поправить волосы, но движеніе мгновенное.

— Вотъ еще, смотрѣться въ ихъ зеркала!.. Да это, кажется, наши?.. Такъ и есть. Славно!

Она быстро стала осматривать, нѣтъ ли еще чего своего. На стѣнѣ были два ландшафта, новенькіе; рамы жаромъ горѣли. На одномъ — пламенный закатъ и лиловыя горы, вѣроятно — Италия; на другомъ — черныя полосы и черныя галки по бѣлому полю, несомнѣнно — родина. Риднева разсмѣялась, потомъ вспыхнула, замѣчая, что ждетъ долго.

— Васъ просить,—объявилъ, возвращаясь, лакей.

Ужъ не смотря кругомъ, она прошла большую гостиную; красный цвѣтъ билъ ей въ глаза, гдѣ-то играли часы съ музыкой. На порогѣ слѣдующей комнаты появилась высокая, худая, очень некрасивая и очень нарядная дама.

Онѣ взаимно, мгновенно, оглянули другъ друга. Хозяйка была далеко не молода и одѣта со всѣми модными претензіями, при которыхъ, какъ извѣстно, трудно найти границы, что пристало, что нѣтъ. На рукахъ, на платьѣ, на шеѣ, на головѣ у нея все что-то сверкало. Риднева вспомнила, что когда-то видѣла эту барыню въ клѣтчатомъ бурнусѣ, съ узелками подъ мышкой... Все равно. То—прошлое! Неизмѣннымъ остался только

цвѣтъ лица, сѣрый, какой-то масляный... Выскочки добиваются до всего: до чистаго цвѣта кожи не добьются...

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе..., — проговорила хозяйка, все на порогѣ, съ видимымъ нежеланіемъ ступить еще шагъ.

— Риднева, рожденная Солонцова, — громко отвѣчала молодая женщина, вспыхнувъ и устремляя на нее въ-упоръ свои сверкающіе глаза.

— Ахъ, очень пріятно, — сказала дама, свонфузаясь и осторожно протягивая худую, синюю руку.

Она, впрочемъ, все еще не двигалась съ мѣста.

— Очень пріятно... Александра Ильинишна?..

— Лизавета Васильевна! — вскричалъ, юношески выбѣгая изъ-за портьеры, ея мужъ. — Дорогая Лизавета Васильевна, которая, столько лѣтъ... Ручку вашу!

Онъ пожалъ, поцѣловалъ ея руку повыше перчатки и еще удержалъ въ обѣихъ своихъ.

— Столько лѣтъ, что приходится вновь знакомиться! Милости просимъ! Вотъ, сюда, здѣсь покойнѣе. Вы любили маленькіе, теплые уголки...

— Прошу покорно, — выговорила хозяйка, такъ же медленно и съ чувствомъ достоинства указывая рукою.

Риднева вступила во вторую гостиную, съ каминомъ, коврами, жардиньерками. Часы съ золоченымъ Петромъ Великимъ доигрывали плачь «Травіаты». Хозяйка, молча, жестомъ предложила гостѣ диванъ; гостя молча отказалась и сѣла въ кресло. Ей было смѣшно, досадно, какъ-то неловко и опять смѣшно, когда она взглядывала на госпожу Ешецеую, которая хмурилась все больше, по мѣрѣ того, какъ оживлялся ея супругъ.

— Прежде всего, позвольте васъ спросить..., — заговорилъ онъ. — Но, право, не знаешь, съ чего начать! Позвольте васъ спросить, какъ это, — кажется, столько лѣтъ прошло! — а вы все такъ же прекрасны? Ни время, ни чтó... Какъ это, однимъ словомъ, вы устроили? Вѣдь еслибъ, — какъ, помните, у Грибоѣдова, — вы могли мнѣ отвѣчать... Помните: «огонь въ глазахъ, похорошѣли страхъ», — но вы... Какъ давно вы овдовѣли?

— Два года, — отвѣчала Риднева.

— Неужели? — сказала хозяйка. — Такъ вашъ супругъ скончался?

— Вѣдь ты знала, — замѣтилъ Ешецкій вскользь, но настаивательно, и опять обратился къ гостѣ. — Я всегда, въ этихъ случаяхъ, вспоминаю міросоверпаніе древнихъ: «спящий въ тробѣ мирно спи». Знаете, это примиряющее... такъ сказать, прозрач-

ное міросозерцаніе, сквозь которое жизнь представляется на известномъ разстояніи,—онъ протянулъ руки впередъ, объясняя взглядно,—и оттуда, изъ этого прекраснаго далёка, я лучше усматриваю всѣ ея подробности; я уясняю себѣ, что бы могло (при известныхъ данныхъ, при неизбежныхъ столкновеніяхъ!), что бы могло нарушить гармонію моего бытія? Разсмотрю—и успокоиваюсь. Это не утѣшеніе обыденной пошлостью... Позвольте... Извините!.. Это не желаніе утѣшенія, не ханжество какое-нибудь, это—трезвый взглядъ! Вы какъ объ этомъ разсуждаете, Николѣй Дмитріевичъ?

Онъ обратился къ господину, находившемуся въ гостиной. Этотъ гость не всталъ при входѣ Ридневой и оставался, полулежа, въ широкое креслѣ, закрытый жардиньеркой; по дыму, который вылеталъ изъ-за зелени, по запаху кофе, по звуку ложки о-чашку,—было ясно, чѣмъ онъ занимался. Онъ поднялся на слова Ешецкого и не безъ затрудненія выльзъ изъ своей засады. Онъ казался очень молодъ; огромный ростъ, бѣлокурые густые волосы, свѣтло-голубые глаза, яркій румянецъ, алыя губы—поражали здоровьемъ. Это былъ богатырь, какіе опять начинаютъ появляться. Десятокъ лѣтъ назадъ, они, казалось, перевелись совсѣмъ. Теперь опять можно встрѣтить юношей цвѣтущихъ; сытыхъ, удалыхъ, просто рѣшающихъ вопросы жизни, или, еще проще, не признающихъ существованія никакихъ вопросовъ. Это—богатые соками отпрыски стараго древа, казалось бы, срубленнаго подъ корень. Правда, ихъ листва какъ будто немного перемѣнила форму; но, говорятъ, что это случается и съ настоящими деревьями, между тѣмъ какъ свойство ихъ остается все то же. Дѣло не въ наружности. Новые богатыри, какъ ихъ предки, упражняются въ конскихъ ристаніяхъ, веселятъ сердца свои за чапками, гнутъ кочерги, боятся грамоты и бьютъ посуду, потому что не позволено бить лакеевъ.

— Не правда ли...,—продолжалъ оживленно Ешецкій,—Лизавета Васильевна, позвольте васъ познакомить: Николѣй Дмитріевичъ Мѣняевъ. Самое безбрежное, самое блаженное міросозерцаніе! Фаталистъ, эпикурецъ...

Мѣняевъ раскланялся и смѣялся. Несмотря на свою громадность, онъ былъ красивъ и ловокъ, но поклонъ вышелъ очень странный. Ешецкій былъ слишкомъ занятъ тѣмъ, что говорилъ, господа Ешецкая слишкомъ погружена въ себя и оба не замѣтили, что молодой человекъ посмотрѣлъ какъ-то особенно, а молодая женщина повраснѣла и потупила глаза. Это сдѣлалось въ одну секунду.

— И еще, знаете, я нахожу,—продолжалъ Ешецкій, обращаясь къ Ридневой,—что, вотъ, такое короткое счастье, какъ было ваше... Но вѣдь эта старая истина! Прекрасное должно погибать въ пышномъ цвѣтѣ! На что ему медленное, постепенное увяданіе, помилуйте! Нѣтъ, вдругъ, разомъ, опустить занавѣсъ на освѣщенную сцену, тамъ еще огни, все...

— А мнѣ позвольте спичку,—прервалъ Мѣняевъ.

— Ахъ, батюшка, съ какой вы провой! Бѣда съ вами.

Ешецкій, смѣясь, засуетился, отыскивая спичечницу.

— Отчего свончался вашъ супругъ? — спросила госпожа Ешецкая, выражая своимъ видомъ и тономъ нѣчто въ родѣ протеста противъ игривости мужа.

— Чахотка.

— Долго былъ боленъ?—продолжала еще сумрачнѣе г-жа Ешецкая.

— Да.

— На службѣ свончался?

— Да.

— Вы получили пенсію?

— Онъ служилъ всего три года.

— Какое мѣсто онъ занималъ?

— Учителя гимназіи въ В.

— Что онъ преподавалъ? какой предметъ?

— Математику.

— Это очень грустно... Вы тамъ и остались, въ В.?

— Нѣтъ, я вскорѣ уѣхала,—отвѣчала Риднева и смутилась: Мѣняевъ опять смотрѣлъ на нее.

— Куда вы уѣхали?

— Я... Я нѣсколько разъ переѣзжала, перемѣняла мѣста...

— Но вѣдь иначе и быть не могло,—вступился, возвращаясь, Ешецкій и, вдругъ будто спохватившись, засмѣялся мягкимъ, отрывистымъ смѣхомъ.—Нѣтъ, знаете, это понятно, это такъ и слѣдовало, это естественно, это законно! Когда одинъ разъ человѣкъ почувствуетъ подъ собою недостатокъ почвы, онъ стремится сейчасъ перепорхнуть, онъ ищетъ... Я не признаю застоя. Молодость даже обязана...

— Молодость!..—выразительно и серьезно прервала его супруга и взглянула на него съ состраданіемъ.

Мѣняевъ громко засмѣялся, закурилъ опять и скрылся за жардиньерку, выставивъ только свои толстыя ноги. Но Риднева видѣла, что, сквозь зелень, онъ продолжаетъ смотрѣть на нее и улыбаться... Ей хотѣлось спрятаться.

— Вы теперь откуда?—спросила госпожа Ешецкая, желая сдѣлать разговоръ и обратить его на что-нибудь болѣе положительное.

— Изъ А. Я по дѣлу,—отвѣчала Риднева, все больше смущаясь.

Обстановка, любезности хозяина, все, что бываетъ развлекающаго при встрѣчѣ съ чужими, незнакомыми людьми, сблизил ее и безъ того неясныя понятія объ ея *дѣлѣ*; упрямый, устремленный на нее взглядъ заставлялъ ее еще больше теряться.

— По дѣлу?—вскричалъ Ешецкий,—какъ, вы, вы—по дѣлу? Чтобы вы могли имѣть въ жизни что-нибудь подобное дѣламъ, этой мертвящей... Я не могу иначе вообразить васъ, какъ среди букетовъ, вѣнковъ, поклоненій...

— Какое дѣло?—прервала госпожа Ешецкая.

— Наслѣдство,—отвѣчала Риднева, улыбнувшись невольно.

— А!.. Наслѣдство... Это очень хорошо...—произнесла госпожа Ешецкая съ глубокимъ вздохомъ.

Ее, казалось, что-то огорчило и она прибавила, будто ожидая облегченія:

— Большое?..

Ридневой хотѣлось захохотать.

— Не знаю сама,—отвѣчала она,—можетъ быть, сотня тысячъ.

— Послѣ вашего батюшки? Но я слышала... Еще при жизни, онъ потерпѣлъ потерю состоянія... Сколько я слышала...

— Вы даже и навѣрно это знаете,—прервала со злобью Риднева.—Мы выѣхали отсюда ни съ чѣмъ. Вы тогда сами провожали насъ!—рѣзко и раздражительно обратилась она къ Ешецкому.

— Да... Но...

— Разореніе было на весь свѣтъ. Послѣ отца ничего не могло остаться: онъ расплатился всѣмъ, что имѣлъ... Такъ ли?—опять также рѣзко спросила она Ешецкаго.

— Безъ сомнѣнія! это было сдѣлаво... роскошно! Роскошно!—подхватилъ онъ.—Это было...

Онъ отвернулся въ сторону Мѣнаева.

— Честность—до фанатизма! Знаете, до той точки, гдѣ она переходитъ уже въ идиотизмъ!.. Вашъ батюшка былъ мечтатель... Многое можно было бы, понимаете, совершенно оставить въ сторонѣ, многія обязательства... просто промолчать, предать забвенію, какъ это сплошь и рядомъ дѣлается.

Онъ засмѣялся своимъ короткимъ, сухимъ смѣхомъ.

— И никто бы не заявил претевзѣи, потому что люди, съ которыми вашъ батюшка великодушничать... Просто, вчужѣ жаль, какъ это дѣлалось...

— Я не знаю, какъ и что дѣлалось,— прервала Риднева,— но если мой отецъ находилъ, что такъ должно...

— Да вы и не можете находить иначе!— вскричалъ онъ любовно, покровительственно и слегка насмѣшливо,— женщины вѣчно сотканы изъ мечтаній, и чуть что реальное, онѣ готовы...

— Но какое же наслѣдство вы получаете?— прервала госпожа Ешецкая.

— Послѣ тѣтки мужа, Анны Ивановны Ридневой.

— А!.. Но это, я полагаю, далеко не сотня тысячъ,— сказала, усмѣхнувшись, хозяйка.

— Вѣроятно... Но мое положеніе...

У нея защемило въ горлѣ... Отвратительная минута! ницета вспомнилась какъ-то вся, разомъ,— и надо рассказывать, надо просить... У молодой женщины подступили слезы. Она совладѣла съ ними, краснѣя, и встала, чтобы отойти изъ-подъ взгляда, который ее преслѣдовалъ.

— Васъ солнце беспокоитъ?— замѣтила хозяйка.

— Да... Благодарю васъ,— сказала она, между тѣмъ какъ Ешецкій подвигалъ ей другое кресло.— Я именно хотѣла спросить васъ... Вы знали мою тѣтку...

— Да... она какъ-то здѣсь была,— отвѣчала нерѣшительно госпожа Ешецкая.

— Почтенная женщина,— серьезно замѣтилъ Ешецкій,— и, внаете, энергическая женщина.

— Я нахожу, что вы чрезвычайно похожи лицомъ съ вашей тѣтушкой,— прибавила госпожа Ешецкая.

— Это— тѣтка моего мужа,— возразила Риднева.

— Все-таки, есть много родственнаго...

— Помилуй!— вскричалъ мужъ.— Какъ же это возможно? Черты...

Риднева поспѣшила прервать его, покуда чувствовала себя въ силахъ говорить.

— Лѣтомъ, она писала, звала меня пріѣхать и хотѣла передать мнѣ все, что имѣла. Я... не могла пріѣхать до сихъ норъ. Она этимъ временемъ умерла...

— Развѣ свончалась ваша тѣтушка?— спросила госпожа Ешецкая.

— Но вѣдь ты давно знаешь!— нетерпѣливо остановилъ ее мужъ.— Ну-съ, и вы пріѣхали...

— Пріѣхала, и ничего не нашла, — договорила Риднева. — Домъ, говорятъ, кому-то проданъ, и все... Мнѣ сказали, что нужно обратиться къ вамъ...

— Почему во мнѣ?

— Но покупки, продажи...

— Да-а! Точно-съ, домъ проданъ. Продажа была совершена законно. Купилъ Барашовъ, купецъ здѣшній.

— Законно?

— Конечно, законно... Я, знаете, умиляюсь предъ этимъ, вполне женственнымъ, совершенствомъ невѣдѣнія! Милѣйшая Лизавета Васильевна, вы, ей-Богу, меня восхищаете! Я будто еще вижу васъ дѣвочкой...

— Стало быть, тѣтка получила деньги?

— Всеконечно.

— Много?

— Нѣтъ. Сколько помню, она продала за безцѣнокъ.

— Но гдѣ же онѣ?

— А, вотъ видите, она даже врядъ ли и получила ихъ въ руки. Этотъ Барашовъ — продувной господинъ. Она рѣшила отдать домъ на церковь, на свой приходъ, а онъ принялъ на себя внести. Ей было все равно, за чтó ни продать: «всякое даваніе», — много ли, мало ли... Словомъ, не знаю, сама ли она жертвовала, или черезъ Барашова, но домъ — у Покрова въ кружкѣ...

— И денегъ нѣтъ?

— Нѣтъ, положительно.

— Но у нея были еще, кромѣ этихъ...

— Этого я совершенно не знаю.

— Но вещи были, мебель...

— Это, позвольте, надо вамъ все объяснить. Ваша тѣтушка... Вы мнѣ позвольте нѣсколько опредѣлить ея психическое состояніе. Какъ бы это сказать вамъ понятнѣе? Умственный-то капиталъ былъ уже, знаете, значительно тронуть; не было той цѣльности...

Онъ сдѣлалъ маленькій жестъ рукою и засмѣялся.

— Ну, — старушка!.. — досказалъ онъ снисходительно. — И тутъ еще была нѣкая Гливерія, въ родѣ пророчицы. Она — и съ другой стороны — Барашовъ. Необыкновенная, я вамъ скажу, виртуозность мошенничества! — вскричалъ онъ, захохотавъ съ наслажденіемъ. — Видимо было, какъ они тутъ работали. Любопытно и вмѣстѣ назидательно. Такъ, что даже, право, пріятно такимъ понаблюдаться...

— Должно быть, въ самомъ дѣлѣ, ловкіе люди, — прервала

Риднева.—Они скоро сдѣлали свое дѣло. Тѣтка въ августѣ писала мнѣ, а въ сентябрѣ ужъ все было продано.

— Въ октябрѣ,—поправилъ Ешецкій.

— Но она умерла въ октябрѣ.

— Это и повончено, такъ, недѣли за двѣ какихъ-нибудь до ея смерти. Формальностей, вѣдь, немного. Она давно ужъ хворала.

— Такъ если успѣла продавать, раздавать, могла бы успѣть и еще предупредить меня! успѣла бы сдѣлать завѣщаніе...

— Конечно,—сказала Ешецкій.

— Видно, не пожелала,—замѣтила г-жа Ешецкая.

— А то, будто на зло...

Риднева замолчала, потерянная.

— Это ужасно... За что?—выговорила она невольно.

— Нѣтъ дѣйствія безъ причины,—сказала значительно и задумчиво госпожа Ешецкая.

— Вы знаете причину?

— Я полагаю, вы и сами чувствуете и догадываетесь...

— Что такое?

— Для вашей почтенной тѣтушки было, конечно, прискорбно...

— Вадорь!—вскричалъ Ешецкій,—какъ тебѣ приходится въ голову...

— Нѣтъ, я прошу сказать,—рѣшительно возразила Риднева и встала,—для меня это очень важно. Я хочу знать, чѣмъ я могла провиниться...

— Э, Боже мой,—вскричалъ Ешецкій,—старые предрасудки, ну, просто, старья глупости, капризь бабы, которая изъ ума выжила... Извините... Впрочемъ, даже не прошу извиненія. Говорить, такъ прямо: вы поступили на сцену, Лизавета Васильевна?

Молодая женщина поблѣднѣла.

— Какъ это могли узнать?

— То-есть, какъ могла узнать ваша тетушка?.. Мы-то всѣ узнали чрезъ неосторожнаго корреспондента нашей N—ской газеты: онъ видѣлъ васъ, какъ слѣдовало—восхитился и написалъ. Простите вашему поклоннику: все это очень естественно... Вы играете подъ именемъ Любиной?.. Но газетой подслужились тѣтушкѣ. Представьте же себѣ вашу тѣтушку,—которая никогда ничего не читала,—съ Гликеріей своей, за театральнымъ фельетонь... Вѣдь это глубокая драма!—обратился онъ въ Мѣняеву и засмѣялся.—Да перестаньте конфузиться, дражайшая Лизавета

Васильевна. Эти вещи, будьте увѣрены, здѣсь (онъ обмахнулъ кругомъ рукою) понимаются иначе! Я такъ высоко цѣню всякое свободное проявленіе человѣческой личности... а гдѣ же лучше, какъ не въ борьбѣ съ предрасудками, съ остатками варварства время «Домостроя» — можетъ выразиться личность женщины?.. Помилуйте, вѣдь это черта къ вашей биографіи: лишена наслѣдства за то, что воплотила намъ Джульетту, Офелію...

Въ восторгѣ, онъ бросился цѣловать ея руку.

Ряднева оторопѣла и улыбалась. Ей было пріятно, стыдно, весело; что-то, — она чувствовала, — забывалось, и ей было жаль этого забытаго, что-то сжимало сердце, какъ будто раскаяніе; опять, разомъ, раздражительно нахлынуло ощущеніе настоящаго, бѣдности, голода, отъ котораго засыхали губы, — и опять стало какъ-то смѣшно, весело, что этотъ раздушонный, подкрашенный баринъ злитъ свою супругу... Молодость!.. Это слово огнемъ летало предъ ея глазами, пѣло въ ея ушахъ... Нечаянно она оглянулась и увидѣла себя всю въ длинномъ зеркалѣ: она была очень хороша въ эту минуту...

Ещецѣй поймалъ этотъ взглядъ и опять принялся цѣловать ея руку, уже не восторженно, какъ художникъ, а какъ полулюбленный другъ, и, крѣпко удержавъ ее, ободрительно и нецеремонно по ней похлопалъ.

— Такъ-то лучше, прелестнѣйшая Лизавета Васильевна! — вскричалъ онъ, — съ этого бы вамъ и начать, а не съ какого-нибудь допотопнаго наслѣдства! На что оно вамъ? У васъ талантъ — золотая россыпь, предъ которой всѣ мы ничто! Вамъ нужны дворцы...

— Не отваяжусь, — сказала она, — но покуда...

— Полноте! Ничего вамъ не надо! Это — женская замашка лишней аккуратности, это — вы себѣ сказали, что надо исполнить желаніе тети, и составили себѣ изъ этого нѣчто въ родѣ долга. Вѣдь такъ? Понялъ я васъ?.. О, люблю я это милое, женственное упрямство: ни за что не сознается! Ну-съ, а предъ невозможностью вы отступаете? Предъ очевидностью?

— Я хочу чего-нибудь опредѣленнаго.

— Опредѣленнаго? Извольте, коротко и ясно: о дворцѣ у Покрова нечего вамъ и думать. Довольны вы? Угодно справиться, когда, какого числа и за какимъ номеромъ совершенъ актъ? Если вы удостоите завтра посѣтить мою контору...

— Нѣтъ, — прервала она, — я уѣду.

— Куда?

— Но, откуда пріѣхала, — отвѣчала она неохотно. — Въ А.

— Вы тамъ играете нынѣшній сезонъ?

— Да.

— Я слышала о вашемъ антрепренѣрѣ... Вѣдь это совсѣмъ особенный мѣръ—театръ. Въ золотые годы, бывало... уносиле! Дѣйствительность становилась понятнѣе сквозь призму сцены...

— Ты и теперь такой же театраль,—произнесла госпожа Ешецкая.

— Ахъ, Боже мой, это мнѣ, просто, тяжело слышать!—воскликнула Ешецкiй съ какою-то горестью. — «Театраль», — это бранное слово!.. Да что-жъ мнѣ дѣлать, матушка, если въ нашемъ поволнiи женщины не было искорки священнаго огня? Дай вамъ хозяйство, дай вамъ тряпки... Но, вотъ, новое поколѣние меня поддержитъ! Николай Дмитриевичъ!

— Что приважете?—отозвался Мѣняевъ.

— Придите на помощь! Объясните, чтѣ вы чувствуете, когда предъ вами волнуется еще опущенная занавѣсъ, и тамъ—загадочное, и гулъ въ оркестрѣ, еще все нестройно, невнятно, и вы ждете, ждете съ замиранiемъ сердца...

Мѣняевъ громко, здорово засмѣялся.

— Я не знаю,—сказалъ онъ.

— Но чтѣ вы чувствуете?

— Я люблю театръ... Что же!

Ешецкiй махнулъ рукой.

— Эхъ, господа!..—сказалъ онъ съ упрекомъ и серьезно обратился къ Ридневой. —А знаете, что собственно о васъ это было всегда мое мнѣние: вы созданы для сцены. У васъ воспитанiе прежняго закала, выдержка. Это особенно важно для артистки. Нужна презентабельность. Вы, все-таки, получили сколько-нибудь понятiе о порядочномъ обществѣ. Ваше образование хотя поверхностное, но все же не то, чтѣ мы находимъ у провинциальныхъ актрисъ. Навонецъ, вы могли какъ-нибудь его дополнить, подъ руководствомъ чѣмъ-нибудь... Я всегда это думалъ о васъ. У меня такой взглядъ: если я скажу себѣ что-нибудь, составлю себѣ убѣжденiе—такъ и выходить!.. Какiя, собственно, роли вы занимаете? Главныя, это несомнѣнно, но въ какомъ родѣ? Чтѣ вамъ, такъ сказать, по душѣ?

— Не знаю,—отвѣчала она, едва его слушая.—Я пою въ опереткахъ.

— Поете? У васъ и голосъ есть?

— Я всегда пѣла.

— Да! Но, собственно говоря, у васъ не было голоса, то-есть, замѣчательнаго голоса,—продолжалъ онъ съ озабоченнымъ

видомъ знатока.—Но, конечно, для легкой музыки... Такъ, Оффенбахъ?.. А, Николай Дмитриевичъ? Къ этому и вы неравнодушны! «Даръ небесъ, даръ боговъ, сновидѣнье любви»...

Онъ почти запылъ. Мѣняевъ смѣялся, Риднева встала.

— Куда же вы, Лизавета Васильевна? Только-что наша беседа приняла свой настоящій характеръ...

— Мнѣ пора,—отвѣчала она, кланяясь хозяйкѣ, которая поколебалась подать ей руку.

— Почему-жъ это «пора»? Почему бы не попросту...

— Ты забываешь, что сегодня ты обѣдаешь въ клубѣ,—вступилась госпожа Ешецкая:—обѣдъ официальный, ты подписался, заплатилъ...

Ешецкій, не слушая, уходилъ за гостей.

— Позвольте, Лизавета Васильевна... Неужели... Позвольте! И мы съ вами больше не увидимся?

Она остановилась въ залѣ. У нея кружилась голова отъ усталости, говора, отъ нравственнаго и физическаго истощенія. Она старалась припомнить: кажется, еще что-то надо сказать, что-то сдѣлать?.. Да, точно: завтра надо уѣхать; стало быть, надо...

— Мнѣ бы хотѣлось еще васъ видѣть и сказать вамъ кое-что,—выговорила она тихо, и сама взяла руку Ешецкаго.—Приходите вечеромъ, часовъ въ семь, въ восемь, хоть позднѣе.

— Непремѣнно. Гдѣ вы остановились?

— Гостинница... Ахъ, да! Ларіонова, № 18, наверху.

— Ларіонова? Но это безобразіе! Что вамъ вздумалось?

— Такъ случилось; все равно. Придете?

— О, конечно,—прошепталъ онъ, оглядываясь, не идетъ ли жена.

Въ дверяхъ стоялъ Мѣняевъ. Риднева вышла въ переднюю.

— Что, батюшка, что скажете,—заговорилъ Ешецкій, желая потрепать его по плечу и вообще заигрывая, какъ виноватый, застигнутый врасплохъ.—Какковы барыньки-то бываютъ? Живчикъ!

— Скоро вы ѣдете въ клубъ?—спросилъ Мѣняевъ.

— А развѣ пора?

— Я ѣду переодѣться и сейчасъ туда. До свиданья.

Риднева вышла на крыльцо; ей заступилъ дорогу извозчикъ, съ которымъ она прѣѣхала.

— Развѣ не сядете,—спросилъ онъ, когда она махнула ему, отходя.

— Нѣтъ.

— А деньги что-жь?

— Какія? я заплатила.

— Это точно. Да я васъ еще дожидался.

— Но я не приказывала дожидаться.

— Вы ничего не сказали. Я два часа стоялъ. Мы полтину въ часъ беремъ.

Это выходило глупо и грубо. Кучеръ Мѣняева, свидѣтель сцены, забавлялся, дергая своего сѣраго рысака и наѣвжая на спорящихъ.

— Возьми!— вскричала Ряднева, бросила извознику ассигнацію и убѣжала.

Она не переводила духу, пока не завернула за уголь, смущенная, растерянная. Эта послѣдняя мелочь все переполнила. Но развѣ это мелочь? Отдать рубль, когда ихъ остается только два, и надо жить, и надо ѣхать... Все пропало, все Богъ знаетъ что, и вдругъ, послѣднія деньги... Она заплакала, подумала, что плачетъ на улицѣ,— хотя улица была совсѣмъ пуста,— подумала, что вотъ, сейчасъ, люди будутъ обѣдать въ клубѣ...

— Лизавета Васильевна!— окликнули ее.

Она невольно, испуганно обернулась:— Мѣняевъ. Его сани шагомъ ѣхали по среднѣй улицѣ; кучеръ, конечно, привычный къ такимъ продѣлкамъ, не оглядывался на барина.

— Лизавета Васильевна, да постойте же!

— Что вамъ нужно?

Мѣняевъ захватилъ обѣ ея руки, смотрѣлъ ей въ лицо и хохоталъ.

— Проказница! Хоть бы видъ подала, что меня знаете!

— Я васъ не знаю.

— Что?

— Я васъ знать не хочу.

— Будто?

— Я вамъ это сто разъ говорила. Пустите.

— Ой, не приплюсь бы каяться!

— Пустите.

— Вѣдь я васъ не въ шутку люблю, душенька.

— Пустите!

— Я вамъ говорилъ— у меня пятнадцать тысячъ дохода, наибольшихъ нивого и— заживемъ. И что бы потомъ ни было,— ну, что бы ни было! Не вѣкъ вмѣстѣ вѣковать!— я, какъ честный человѣкъ, васъ не обижу... Конечно, если только вы сами меня не надуете; въ такомъ случаѣ, благодарю покорно, это ужъ

подишь будетъ... Вѣдь люблю васъ, ей-Богу, съ ума схожу цѣ-
лѣй годъ. Ну, будетъ модничать. Ну, не вырывайтесь. Вѣдь сло-
мно руку, вотъ вамъ и вся потѣха... Лизавета Васильевна?.. А?

— Я кликну городского, — выговорила она, блѣднѣя отъ
бѣли.

— Злючка! У, глаза страшные! Кабы только моя воля...

— Вы сказали—вы честный человѣкъ?

— А то что же?

— Если честный... пустите меня!

— Больно?.. Господи, да она плачетъ! Ливочка, душенька...

Она отскочила. Мѣняевъ схватилъ бы ее, но на встрѣчу, въ
сѣрнхъ сумеркахъ, показалось нѣсколько прохожихъ. Онъ подо-
звалъ свои сани и уѣхалъ.

Въ потѣмкахъ, на мерцанье далекаго, бѣлаго окна, Риднева
поднималась на свою лѣстницу. Гдѣ-то гудѣлъ органъ, хлопали
двери, шуршали платья, слышалась пѣсня, слышалась брань,
прерываемая хохотомъ, звонъ посуды, звонки, бѣготня. Густая
темнота нависла сверху, обступала кругомъ, полная дыма и чада,
тѣснила грудь, рѣзала глаза. Риднева шла спотыкаясь. Что-то
подкатилось ей подъ ноги и запищало. Она вскрикнула. На ея
крикъ распахнулась боковая дверь, блеснулъ свѣтъ и выскочили
двое половыхъ.

— Чортъ!—кричалъ одинъ: — говорили тебѣ, зажги лампу!..
Кто тутъ? Ахъ, это вы, сударыня. Чего изволили испугаться?

— Дайте мой ключъ...

Вся дрожа, она бросилась въ свою комнату.

— Что это у васъ, тамъ...

— Гдѣ-съ?

— Что это... бѣгаетъ?

— Ахъ, это вы, вотъ что-съ. Ничего, не извольте беспо-
коиться. Это, должно быть, мышки-съ. Ихъ у насъ много. Ни-
чего. Иныя—съ кошку. Иногда, точно, господа прѣзжіе оби-
жаются... Очень наволели устать, сударыня.

— Принесите мнѣ обѣдать.

— У насъ, сударыня, обѣдъ можно получать только до че-
тырехъ часовъ, потому—теперь никакъ нельзя.

— Ахъ, какое наказаніе! Какъ же вы смѣете морить голо-
домъ прѣзжихъ? У васъ ни одинъ порядочный человѣкъ не оста-
нется. Чтобъ сейчасъ былъ обѣдъ!

Половой вышелъ.

Она была внѣ себя; она не знала, что съ нею дѣлается. Къ довершенію всего—этотъ глупый испугъ. Все тѣло изломано; голова горитъ, ни рука, ни нога... Она упала на диванъ, вскопчила, вся содрогаясь отъ привосновенія липкой клеенки, застелила ее своей шалью, взяла подушку, потомъ вдругъ стала раздѣваться.

— Такъ легче отдохнуть.

Она накинула дорожную, синюю фланелевую блузу и нечаянно, мелькомъ взглянула въ зеркало. Сегодня она уже нѣсколько разъ себя видѣла. Взглянуться въ зеркало—было у нея привычнымъ, непривольнымъ движеніемъ. Кто-то однажды ей это замѣтилъ... Кто?.. Ей, казалось, что она сходитъ съ ума.

Боже, что такое въ головѣ? Что-жъ это будетъ?..

Она легла и закрыла глаза; сердце стучало, точно часы... «А интересны часы у Ешепцевыхъ. Вотъ дураки-то. Ахъ, хороша барыня; приятно имѣть такую супругу. Задастъ тону, сама коровъ доила... Доила или нѣтъ? Это спросить бы у тетушки Анны Ивановны; та все знала... Ну, тетушка, Богъ ей судья!..»

«Богъ!.. Каково же это: и тетушка прогибалась тоже во имя Божіе... Видите, грѣхъ какой,—униженіе роду нашему! Да, когда куска хлѣба нѣтъ, по неволѣ пойдешь его выплывать. Что-жъ она, святая, сытая, свѣчи ставила, молебны пѣла, а не хватилась раньше помочь, къ себѣ позвать, когда Гриша умеръ, когда я осталась съ дѣвочкой, когда я просила? И строки не писала два года, не отвѣчала, а тутъ, вдругъ, «чувствуя приближеніе кончины»...»

«Но вѣдь вздоръ все это, и думать больше нечего!.. Что-жъ не дадутъ обѣдать? Поѣсть да заснуть... Липъ бы и обѣдъ не былъ тоже «въ сновидѣнны»...»

Она захохотала и зарыдала.

«Нервы проклятыя... Господи Боже!.. Право, еще занеможешь. Вотъ будетъ хорошо! И тутъ прожить нечѣмъ, и тамъ плати неустойку... Но неужели опять туда? А больше некуда! Мудреца спросить—и тотъ ничего не выдумаетъ. Нѣтъ выхода! Человѣка нѣтъ, къ кому обратиться. Во всемъ мірѣ нѣтъ другого прибѣжища, какъ тотъ омутъ. Ну, и топись,—больше дѣлать нечего. Продать брошку—вотъ, сказать Ешепцову, пусть продастъ,—да завтра скорѣе ѣхать. Въ два дня поспѣю. Что-жъ, люди живутъ такъ. Говорятъ—веселое житье, служеніе искусству... Попробовали бы, каково!»

«А сколько счастливыхъ на свѣтѣ! Вотъ, хоть эта старая ехидна, Ешепцкая. Чего ей еще: въ бантахъ, бархатные ковры...»

Какъся, пралинки сосала; что-то было во рту... Какъ же: по-
дъ мнѣ руку неприлично! Говорить со мной унижительно! И
ка-то моя исторія, вся моя жизнь, вотъ вся эта грязь, вотъ
хоть нынѣшній день,—раскричались бы барыни, еслибъ расска-
зать имъ... Можетъ быть, неприлично даже знать, что я суще-
ствую? А чѣмъ я хуже ихъ? Тѣмъ, что бѣдна?.. Вотъ, Ешецкая,
въ молодости, можетъ быть, сама терпѣла нужду...

«Ничего она, ничего не терпѣла, никогда! А вотъ такъ, съ
восемнадцати лѣтъ биться и не видать конца, не видать отдыха...
Потому, что же? Замужемъ не было крайности, но вѣдь и до-
вольства не было,—такъ, жили...»

«Гриша, жизнь моя, любила я тебя, любила, любила... Ну...
Ну, и только! Въ томъ и была вся радость. А жилось, — охъ,
какъ трудно! И тебѣ было трудно, милый, и ты сторуль, какъ
на огнѣ, на работѣ»...

Раздраженная, больная, она плакала порывами и вспоминала
отрывочно. Ни одна мысль не приходила связно, ни одно чув-
ство не опредѣлялось. Но иначе и быть не могло...

Балованное дитя — она могла поворяться необходимости, но
поворчалась ей какъ случайному, временному; могла бороться съ
бѣдой, даже удачно и смѣло, но находя силы и владея собою
только сторуля. Проходила бѣда — она помнила ее со злостью,
ожесточаясь, но не становилась опытиѣе, мужественнѣе, не го-
товилась ни къ чему въ будущемъ. Она трудилась по неволѣ,
но не приучалась, не могла привыкнуть къ труду, со всякимъ
днемъ больше ненавидѣла трудъ. Она выносила лишения, потому
что такъ складывались обстоятельства, но не понимала, какъ
можно добровольно отказывать себѣ въ чемъ-нибудь. Для нея су-
ществовали только крайности: совершенная беззаботность или от-
чаяніе, и вся ея жизнь — каждый день ея жизни — состояла изъ
безпрестанныхъ переходовъ изъ одной въ другую крайность. Она
не утѣшала себя, не успокоивала планами или мечтами: спокой-
ствіе налетало само собою, мгновенно, при малѣйшемъ просвѣтѣ
обстоятельствъ, и, довольная тѣмъ, что успокоилась, она, конечно,
не тревожила себя оглядкой, разборомъ прошедшаго, какимъ-ни-
будь соображеніемъ на будущее: она отдыхала, будто обновля-
лась, на день, на два, иногда на нѣсколько часовъ, до новой
«бѣды»... Такъ прожила она тяжкій годъ съ полу-безумнымъ
отцомъ. Неожиданное счастье — возвратъ и любовь милаго чело-
вѣка, его попеченія, угожденія, снисходительность только поддер-

жали это дѣтство мысли, эту жаркую, своевольную жизненность. Она принялась отдыхать всѣмъ своимъ существомъ. Она не умѣла ни работать, ни сберегать, ни заботиться. На наряды она не тратилась: она помнила, что они дорого стбять и что грѣшно разорять Гришу, а главное—она знала, что въ весельи она безъ нарядовъ еще красивѣе. Но за то, въ минуты веселья, ей были необходимы пустяки, мелочи, правдничанье, маленькая роскошь въ убранствѣ дома, прихоть въ обѣдѣ; ей хотѣлось «кутить», какъ она кричала, обнимая своего Гришу съ радостными слезами. Привѣтливая, ласковая со всѣми, она любила дарить, не разбирая, нравятся ли, годятся ли подарки тѣмъ, кому она дарила. Иногда, вдругъ вспомнивъ свою бѣдность съ отцомъ, она бросалась помогать другимъ, не оглядываясь, чего это стбить, то ли нужно и даже точно ли нужна помощь; она только съ умиленіемъ, съ восторгомъ твердила, что помогаетъ не она, а все ея милый, золотой Гриша. Ее обманывали; она кляла обманщиковъ, но не дѣлалась осмотрительнѣе. Она только считала себя виноватой предъ мужемъ и все собиралась помогать ему, собиралась зарабатывать, собиралась учиться, заводила пальцы и прочее, накупала учебниковъ, но все было некогда. Когда родилась дочка, —ужь и вовсе было некогда, хотя Лиза не кормила сама, хотя послѣ кормилицы была взята нянька, хотя всѣ наряды дѣвочки шились въ магазинахъ.

— На свѣтѣ нѣтъ лучше нашей куколки!—воскликнула счастливица, поднося въ самомъ дѣлѣ прелестнаго ребенка влюбленному отцу.

Онъ любилъ ее. Былъ ли онъ счастливъ?.. Занятый цѣлый день, возвращаясь домой, онъ находилъ праздникъ, пѣсни, поцѣлуй, или—горькія слезы, жалобы, что нѣтъ того, нѣтъ другого, что онъ — труженикъ, а она—глупая; раскаяніе и опять поцѣлуй. Жизнь сердца выходила какая-то странная отъ этихъ безпрестанныхъ перемиѣтъ. Молодая женщина была вспыльчива, своенравна и покорна; ей нельзя было выговаривать ни въ чемъ, потому что она приходила въ искреннее отчаяніе и страдала. Она была вся—желаніе принести себя въ жертву, при полнѣйшей неумѣлости на самую простую услугу, и не сознавала этой неумѣлости, и оскорбилась бы до отчаянія, еслибы ей о ней замѣтили. Она была добра и несправедлива; мужества у нея не было. Рѣзкій переходъ отъ роскоши къ бѣдности и потомъ къ житью средняго круга не сдѣлалъ для нея понятнѣе жизнь и людей; она осталась прежней «барышней» въ замашкахъ, въ отгнѣкахъ обращенія; у нея являлось иногда капризное важничанье. Слу-

чалась, она не скрывала, что ей случно «безъ хорошаго общества»...

Ридневъ былъ простой, бѣдный, прилежный студентъ. Его мечты были—тихая, занятая жизнь, любовь жены, поддержка въ ея добромъ словѣ, счастье въ ея довольствѣ, въ оживляющемъ раиѣнѣ мысли и убѣжденій, отъ котораго любимая женщина дѣлается товарищемъ и становится еще милѣе и дороже... Въ немногіе дни любви женщина узнаетъ больше, чѣмъ за цѣлыя годы; какая-то новая сторона жизни, дѣятельная, полная мысли, вдругъ откуда-то выглядываетъ и выясняется; понятливость женщины расцвѣтаетъ вмѣстѣ съ ея сердцемъ... Такъ два цвѣтка раскрываются разомъ на одномъ стеблѣ...

Ридневу мечталось это съ перваго раза, какъ онъ увидѣлъ Лизу. Этого ждалъ онъ, когда она стала его женою, ждалъ день за день...

Онъ сталъ хворать. Она не замѣчала, вѣрнѣе—ей не вѣрилось... еще вѣрнѣе: она не могла понять, чтобъ *это* могло быть въ самомъ дѣлѣ. Когда она, наконецъ, поняла,—ея отчаяніе было бурно, безумно, мучительно и бессильно. Онъ умеръ въ отчаяніи за нее.

Она обвиняла проклятый трудъ, который убилъ его. Она благодарно, нѣжно и страстно помнила его любовь и не упрекала себя ни въ чемъ. Ребенокъ сталъ ей милѣе вдвое. Горе будто осѣтило для нея ея прошлое; она поняла, что мужъ былъ ея совѣстью, ея силой, что въ немъ она лишилась нравственной опоры, что до этой минуты она не понимала, что такое нравственная опора...

Тогда, вдругъ, любовь въ дочери выросла у нея въ обязанность. Все для нея, вся жизнь для нея! Прежде всего—чтобъ она не знала бѣдности... ужасъ! Чтобъ не заблю это прелестное тѣлицо, не грубѣло это личико, не плакали эти глазки о пустякахъ, въ которыхъ нѣтъ отказа другимъ дѣтямъ. Страшное дѣло—дѣтскія слезы! Ей ужъ три года; ее видятъ на улицѣ. Чтобъ не смѣли безобразныя, безсовѣстныя, богатыя дѣти, не смѣли презирать ее за то, что она бѣдно одѣта! Она лучше всѣхъ, у нея все должно быть лучше, нежели у всѣхъ...

Риднева ничему не могла учить и не умѣла работать, но во всякомъ случаѣ трудно было бы достать уроковъ и работы. Она жила, закладывая, продавая понемногу что имѣла, въ ожиданіи... чего-то,—чего—опредѣлить не могла. Она писала теткѣ; отъѣта не было. Запасъ вещей былъ очень не великъ; его достало только на два мѣсяца. Подступала осень. Шубы мужа уже не

было давно, свою она заложила. Оставалось всего одно шелковое платье, но надо же было имѣть что-нибудь порядочное. Риднева отпустила горничную, нянька жаловалась, что ей слишкомъ много дѣла и грозила уйти.

Въ августѣ въ В. пріѣхала труппа актеровъ «на короткое время, на нѣсколько представленій», какъ обѣщали афиши, обѣля на столбахъ. Риднева не разъ останавливалась передъ ними. Ей было горько, тяжело... и ей было скучно. Знакомыхъ было мало, и тѣ въ послѣднее время приходили все рѣже. Она очень любила театръ. Мужъ не любилъ его, судилъ какъ-то серьезно и строго, но не стѣснялъ ее, уступалъ ей, и она бывала въ театрѣ постоянно... Ей казалось, что теперь, въ настоящей тоскѣ, два часа спектакля были бы полезны ей какъ лекарство...

Искушеніе было такъ сильно, что, прочтя афишу у театральнаго подъѣзда, она шла въ кассу, готовая отдать за билетъ послѣднія деньги.

— Спектакля не будетъ, — сказалъ ей молодой человѣкъ, выходя изъ сѣней.

Ей было такъ жаль, что она спросила невольно:

— По какому случаю?

Изъ сѣней вышелъ еще господинъ, постарше, и присоединился къ первому. Оба съ замѣтнымъ удовольствіемъ смотрѣли на хорошенькую женщину, такую граціозную, тоненькую, въ сукономъ подобранномъ платьѣ, съ облачемъ сѣраго газа вокругъ крошечной шляпки.

— Спектакля не будетъ по очень интересному случаю, — отвѣчалъ старшій господинъ. — Примадонна вчера вечеромъ неожиданно вышла замужъ, а сейчасъ прислала извѣстіе, что оставляетъ насъ.

— Вы изъ труппы? — спросила Риднева, спускаясь съ крыльца.

— Да, — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Они пошли за нею.

— Стало быть, пьесу замѣнять другою?

— Это довольно трудно, потому что надо замѣщать всѣ главныя женскія роли.

— И нашъ импрессаріо въ большомъ огорченіи, — прибавилъ старшій.

— Такъ что, пожалуй, не придется дать ничего порядочнаго.

— Очень жаль.

— Кого вы жалѣете? — спросилъ старшій артистъ.

— Публику, которая не увидитъ порядочныхъ пьесъ.

— А не нашего злосчастнаго директора, потерявшаго лучшую артистку? Не насъ грѣшныхъ? Вотъ, напримѣръ, сей юноша, по долгу службы, можетъ быть, весь сезонъ будетъ объясняться въ любви какому-нибудь безобразію, а я, «благородный отецъ», получу дочку старше себя...

Онъ смѣялся. Молодой человѣкъ нѣсколько конфузился.

— Развѣ такъ трудно найти желающую?—спросила Риднева.

— Нѣтъ, потому что условія выгодны...

— А теперь, въ необходимости, будутъ и еще выгоды,— перебилъ «благородный отецъ». — Найти желающую очень не трудно, но какую? Отъ артистки требуется много условій: красота, грація, образованіе... Вотъ, еслибы какая-нибудь дама, изъ тѣхъ, что составляютъ украшеніе гостиныхъ, пожелала украсить собою нашу сцену...

— Она бы ничего не сумѣла сдѣлать,—возразила, улыбнувшись, Риднева.

— О, повѣрьте мнѣ, — напротивъ! Она бы научила насъ, артистовъ по профессіи. Свѣтская жизнь—великая школа! Конечно, это никогда не можетъ быть: кто-жъ изъ любви въ искусству оставить семейный кругъ, знакомства, прочное положеніе? О вознагражденіи за все это странно и говорить...

— А сколько получала ваша первая артистка?

— Двѣсти рублей въ мѣсяцъ и бенефисъ. Но теперь онъ дастъ и больше, лишь бы найти. Лучшія наши, извѣстныя, ужъ ангажированы, а намъ къ 15 сентября надо быть въ А. и начать представленія. Такъ что-жъ тутъ сдѣлаешь, въ три недѣли?.. Я думаю даже, что онъ здѣсь и не пробудетъ, сколько рассчитывалъ; отправится на поиски. Вы какъ полагаете?—спросилъ онъ товарища.—Телеграфировалъ онъ въ Москву?

— Не знаю.

— Надо зайти, его навѣстить... Извините,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Ридневой и снимая шляпу:—извините нашу смѣлость и позвольте васъ благодарить за честь, которую вы намъ сдѣлали, удостоивъ вашего общества... Вотъ жилище нашего огорченнаго патрона!

Комическимъ жестомъ онъ указалъ на другую сторону улицы, и оба отправились туда. Риднева видѣла, какъ они вошли на крыльцо, потомъ въ домъ. Она еще постояла, все глядя имъ вслѣдъ...

Что это такое?—Совсѣмъ другая жизнь, совсѣмъ другой міръ, невѣдомый... И какой заманчивый! Искусство, веселье и кусокъ хлѣба, честно заработанный...

«Веселье!» какое страшное слово! Можетъ ли быть для нея веселье? Нѣтъ, это такъ сказалось, потому что встрѣтились добрые люди... Они добрые люди, — сейчасъ видно; люди простые...

Она припомнила, какъ два раза, еще живя въ N. съ отцомъ, въ пору своего величія, играла въ спектаклѣ любителей и какъ всѣ были отъ нея безъ ума. Шла *Дочь полка*... Прелесть!

— Пусть дадутъ *Дочь полка*. Я имъ сыграю; я всю роль помню и спою...

Вечеромъ, она гѣла, закачивая свою Любу, потомъ отчаянно плакала, когда та заснула.

— Э, лучше бы Богу молились, — замѣтила ей нянька.

Она не спала долго, за то проснулась поздно, свѣжая и блѣдная отъ волненія. Чтѣ-то еще никогда неиспытанное, веселый страхъ, умиленіе, смѣшанное съ какой-то совѣстливостью; все отдаляющаяся, будто потухающая печаль, сожалѣніе объ этой печали; минутныя слезы и желаніе оправдаться въ чемъ-то предъ вѣмъ-то невидимымъ; порывы страсти въ этому невидимому, будто въ вознагражденіе за то, чтѣ у него отнималось; увѣренія себя и ея, что ничего не отнимается... Потомъ что-то сумасшедше-радостное, ощущеніе, будто кто подхватилъ подъ руки и мчить, не давая коснуться земли; сердце замираетъ, а хорошо, легко... И въ зеркалѣ, — которое продать не было силы — отражаются сіяющіе глаза, волны темно-золотистыхъ волосъ... Какъ бы уложить ихъ такъ, чтобы тотчасъ было видно, что они не фальшивые?..

Она вспомнила, какъ во времена бны, выпорхнувъ изъ кареты, она побѣдительно входила въ гостиныя, какъ умѣла проходить мимо ненужныхъ людей, будто шла въ пустое пространство, какъ счастливила однимъ бѣглымъ взглядомъ, осмѣивала однимъ неуловимымъ движеніемъ губъ, вносила съ собою свѣтъ и оживленіе... Давно прошедшее! Можно было разучиться... Но она все та же! Никогда не казалась она такъ стройна, какъ въ этомъ черномъ, тяжело драпирующемъ платьѣ...

Антрепреніёръ странствующей группы растерялся, когда въ его небланномъ номерѣ явилась эта гостыя. Она ловко и мило отклонила всякія извиненія, сбросила шляпку на запыленный столъ, подъ предлогомъ, что жарко, сѣла и заговорила, не дожидаясь вопроса.

— Вчера я случайно узнала, что вы въ затрудненіи: въ вашей группѣ недостаетъ артистыи для главныхъ молодыхъ ролей. Я пришла предложить свои услуги.

Это было сказано такъ просто, коротко и рѣшительно, что

антрепренёръ еще больше сконфузился. Онъ заглядѣлся на красавицу. Ея увѣренность, изящный звукъ ея выговора, выработанный на отгѣнкахъ, недостижимый для хозяевъ, чиновницъ, воспитанницъ дешевыхъ пансіоновъ, — показали ему, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— Птичка изъ богатаго гнѣздышца... сообразилъ онъ, и прибавилъ громко:—Позвольте спросить, какъ же вы могли узнать? Это — наша семейная тайна.

Она тоже мгновенно сообразила, что можетъ доставить не-приятность артистамъ, которые ей проговорились.

— А я подслушала!—отвѣчала она и, слегка, прелестно за-смѣялась.—Два господина выходили изъ театра и разговаривали.

Директоръ какъ-то просіялъ.

— Кругомъ никого больше не было и я никому не ска-зала,—прибавила она весело и ласково, какъ виноватый ребен-окъ, увѣренный въ прощени.

Она вспомнила, что прежде эта маленькая игра ей всегда удавалась. Теперь успѣхъ былъ несомнѣнный: красивый, щеголе-ватый господинъ смотрѣлъ на нее очарованными глазами. Она немножко примолгла, смутясь искренно — и лукаво.

— Вы уже играли прежде?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ... То-есть, я играла въ spectacles de société,—от-вѣчала она.—Но мнѣ хотѣлось бы испытать себя на публичной сценѣ. Я люблю искусство и... мнѣ почему-то кажется, что я могу служить ему... если только вы захотите принять мое пред-ложеніе.

— Помилуйте!.. Но, извините... я необходимо долженъ спро-сить васъ,—это довольно трудно...

— Можете экзаменовать меня,—прервала она шаловливо.— У меня прекрасная память, здоровая грудь, и хоть не очень большой, но, говорить, очень приятный голосъ,—повѣрьте!

— Помилуйте,—повторилъ онъ.—Ужь те, что я вижу предъ собою... Если вамъ угодно осчастливить насъ вашимъ товари-ществомъ,—это такая находка, на зависть всѣмъ, но...

— Что?—спросила она торопливо.

— Можетъ быть, ваше семейное положеніе, ваши родители... Вы — дѣвица?

— Вдова,—отвѣчала она, содрогнувшись, будто никогда не говорила и не слыхала этого слова.— У меня никого нѣтъ. Я свободна.

— Это другое дѣло, — заговорилъ онъ, пріятно улыбнув-шись... Стало быть, не нужно никакихъ позволеній, а то задержки

очень скучны... Очень радъ, милости просимъ. Въ чемъ вамъ угодно дебютировать?

— Какъ,—въ чемъ?

— Выберите сами пьеску, такъ, небольшую, извѣстную, чтобъ не затруднять насъ постановкой. Я, видите, вамъ съ перваго раза дѣлаю снисхожденіе: обыкновенно, я назначаю самъ. Что у васъ есть любимаго?

— Но... ничего. Не знаю. Что хотите.

— Замѣтно, что вы очень неопытны,—продолжалъ директоръ любезно, но принимая уже совсѣмъ хозяйскій тонъ. — Хорошо-съ. Мы вамъ выберемъ. На первый разъ небольшое, чтобъ вы могли выучить въ день, въ два, срететировать; мы здѣсь на походѣ...

— Какъ, развѣ играть здѣсь? — прервала она.

— А что же-съ?

— Я думала... Но вы здѣсь только на нѣсколько дней, вашъ сезонъ въ А....

— Да-съ, но на мѣсто мнѣ надо пріѣхать готовымъ, въ полномъ сборѣ; какъ же привезу дебютантку, которой и самъ не видалъ? Конечно, ваша наружность, образование—тутъ и слова нѣтъ! Но вѣдь сцена — это совсѣмъ другое. Сколько хорошенькихъ женщинъ обрывалось...

— Я не могу играть здѣсь, — прервала она и, чувствуя, что не владѣетъ собою, отвернулась.

Директоръ усмѣхался,—слѣдя за ея движеніемъ и поглаживая свою красивую, слегка сѣдѣющую бороду.

— Въ такомъ случаѣ, очень жаль, но мы не сойдемся, — выговорилъ онъ спокойно. — Нельзя покупать товаръ, не глядя.

Онъ полюбовался, какъ она вспыхнула, и подумалъ, что этотъ владъ отъ него не уйдетъ.

— Очень жаль, — повторилъ онъ задумчиво и замолчалъ, будто предоставляя ей проститься и уйти.

Она, точно, встала съ мѣста, но для того, чтобы пройтись по комнатѣ. Она забывала, что она не дома и не одна. Еслибъ она видѣла, какъ этотъ человекъ наблюдалъ за нею, она бы, конечно, убѣжала...

«Что-жъ я буду дѣлать...», подумала она, и если эти слова не вырвались вслухъ, то было довольно ея застыившаго взгляда, чтобъ выдать все, что происходило въ ея душѣ. Антрепренёръ не сомнѣвался ни въ ея талантѣ, ни въ томъ, что ей ѣсть нечего.

— Вы недавно лишились вашего супруга? — спросилъ онъ

тно, когда она машинально остановилась у стола и машинально перебирала вуаль на своей шляпѣ.

— Недавно...

Она быстро взглянула на него, будто просыпаясь.

— Что же?

— Что вамъ угодно?

— Ваши условія?

— Но вы не принимаете самого перваго!—возразилъ онъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ.—Съ моей стороны, я отъ души радъ...

— Хорошо. Я буду играть здѣсь. Выбирайте что хотите... только не забавное. А впрочемъ, все равно, что хотите... Но если я сыграю и вамъ вдругъ не понравится...

— О, Боже мой, возможно ли это!—вскричалъ онъ.—Вы—мой избавительница въ такомъ затруднительномъ положеніи, вы такъ прекрасны, очаровательны... Чувство, грація... Я не знаю какъ благодарить! Нѣтъ, я увѣренъ, что мы никогда не разстанемся...

— Хорошо,—сказала она, отдыхая, растерянно улыбаясь и дая руку, за которой онъ протягивалъ свою.—Хорошо. Сколько же вы будете платить мнѣ?

— А сколько вы желаете? — спросилъ онъ шутливо, какъ дразнить дѣтей.

Половину ночи она продумала объ этомъ вопросѣ и испугалась, когда его услышала. Но робѣть некогда, нельзя. Дѣлать, такъ дѣлать, а то не стоило начинать... И изъ-за чего конфузиться...

— Триста рублей въ мѣсяцъ и бенефисъ, — отвѣчала она бойко, будто цѣлый вѣкъ торговалась съ антрепренѣрами, но, опустивъ глаза и, въ ожиданіи отвѣта, слыша стукъ своего сердца.

Директоръ промедлить довольно долго, будто соображая и не рѣшаясь.

— Ваша предмѣстница получала двѣсти,—сказалъ онъ наконецъ:—больше—не въ моихъ средствахъ. Вы убѣдитесь, когда поближе увидите наше хозяйство. Къ тому же, у меня правило, —и если я для васъ уступлю, я другихъ обижу.

— Какое правило?

— Начинаящіе получаютъ менѣе, нежели уже извѣстные артисты. Оно и справедливо. Такъ если вамъ угодно—полтора—са, мы заключимъ контрактъ.

Взглянувъ на нее, онъ подумалъ, что могъ бы предложить и

еще меньше, и она бы не отказалась. Она опять перебирала свой вуаль и вдругъ нетерпѣливо его оттолкнула.

— Хорошо, я согласна. Что-жъ вы мнѣ дадите играть?

— А прежде, позвольте немножко васъ, какъ вы сказали, проэкзаменовать. Теперь мнѣ некогда, я сейчасъ уйду, а вечеромъ приду къ вамъ съ однимъ нашимъ, — вы, кстати, познакомитесь, — и прочтете съ нимъ. Найдется у васъ что-нибудь? Тургеневъ, Пушкинъ, что-ли?

— У меня есть книги.

— И прекрасно. Гдѣ ваша квартира? Госпожа Ряднева, вы сказали? Не перемѣните имени?

— Я объ этомъ подумая, — отвѣчала она, замѣтивъ, что онъ сѣлъ, между тѣмъ какъ она стояла, и взяла шляпку. — А контрактъ?

— Ну, хоть послѣ перваго дебюта, — дайте срокъ! — возразилъ онъ ужъ совсѣмъ нецеремонно. — Между артистами, между честными людьми должно быть довѣріе.

— Я такъ и думала, — замѣтила она. — Я считаю себя въ вашей группѣ ужъ съ этой минуты, потому что знаю, — вы будете мною довольны.

— Вотъ это прекрасно. А то, признаюсь, я хотѣлъ вамъ замѣтить одинъ, одинъ небольшой, впрочемъ, важный недостатокъ...

— Какой?

— Вы не смѣлы.

— А!..

— Но это еще придется.

— Надѣюсь, — сказала она, неопредѣленно возмущенная, чувствуя, что надъ ней сбывается какое-то несчастье.

— И не откровенны, — продолжалъ любезно директоръ. — Позвольте. Мнѣ было бы весьма пріятно заслужить ваше довѣріе, потому позвольте предложить вопросъ: вамъ, можетъ быть, сейчасъ нужны деньги?

Ей хотѣлось умереть, ей хотѣлось бѣжать. Она осталась какъ прикованная къ мѣсту. Этотъ человекъ, кажется, смотрѣлъ на нее. Она ничего не видала; она думала, какъ она воротится домой...

— Да, — сказала она, не оборачиваясь, не зная, что дѣлалось кругомъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ секундъ.

— Съ удовольствіемъ, извольте, — заговорилъ снова директоръ, подавая ей ассигнацію. — Это — задатокъ... Или, нѣтъ! такъ какъ вамъ, въ скоромъ времени, придется ѣхать съ нами,

это—на подъѣмъ... Конечно, издержки возжа, какъ слѣдуетъ, мож... Ну, это не въ счетъ! Сочтемся!..

Онъ смѣялся и пожималъ ея руку.

— Я дамъ росписку..., выговорила она.

— Зачѣмъ, помилуйте! между товарищами-артистами... Вѣдь, знаете ли, случается, я самъ играю! Да-съ! И самъ чувствую,— плохо,—но страсть! А иногда, необходимость: замѣстить нежѣмъ... Такъ вы позволите, мы придемъ сегодня?

— Прошу васъ.

— Приведу вамъ нашего «перваго любовника». Вы ихъ у меня хорошенько оживите...

Онъ проводилъ ее до крыльца. Она пла какъ помѣшанная.

— Ну, вотъ, вотъ, все сдѣлано. Все рѣшено. И прекрасно. Новая жизнь. Благородное занятіе. *Артистка*—даже слово такое хорошенькое... Гриша, да что же я не умерла вмѣстѣ съ тобою?

Ей поклонился какой-то проходящій господинъ; она машинально приостановилась: вчерашній «благородный отецъ». Ей стало вдругъ странно, нервически смѣшно: вѣдь это—товарищъ...

— Куда вы?—окликнула она его, сама не зная зачѣмъ, смѣло и звонко, и ея голосъ вдругъ оборвался.

— Туда же, гдѣ былъ вчера, къ директору нашей труппы,— отвѣчалъ артистъ, обрадованный интересной встрѣчей и такимъ неожиданнымъ вниманіемъ.

— Идите, идите скорѣе; вы тамъ узнаете новость.

— Новость?

— Которая удивить васъ.

— Приятно?

— Почему-жъ я знаю!

— Но вы почему же знаете эту новость?

— Идите, идите,—повторила она, уходя.

Ей стало стыдно... Но что-жъ не пошутить, не посмѣяться? Столько слезъ выплакано... да и теперь, развѣ легко на душѣ?.. Надо же быть и благодарной: вчера, въ эту пору, закладывала торговкѣ послѣднее платье... А его надо выкупить; оно понадобится... Что-жъ это? Неужели...

Въ ея воображеніи заперстрѣли костюмы, наряды. Она заглянула въ окна магазина, вошла, и чрезъ полчаса возвращалась домой съ свертками покупокъ.

— Люба, гдѣ ты? Иди сюда!

Она наряжала ее въ стеганное пальто коричневаго ліонскаго бархата.

— Вотъ она, моя рыжая бѣлочка, ясноглазый мой ангелъ! Это тебѣ на дорожку, моя красавица. Далеко-далеко уѣдемъ!..

Провинціальные города не особенно пустѣютъ лѣтомъ; большинство общества—служащіе, которыхъ короткіе отпуска кончаются къ августу; учебный людъ въ августѣ собирается весь; если есть какой-нибудь стоящій полкъ, его офицеры ужъ возвращаются изъ лагерей. Театръ былъ полонъ, когда Риднева явилась въ первый разъ.

Въ три дня, которые были ей даны на приготовленіе, ей было время только учить роль, готовить костюмъ, а не раздумываться о перемѣнѣ своей участи. Но эта перемѣна дѣлалась какъ-то складно, оживленно: въ этой вознѣ, въ новыхъ знакомствахъ и любезностяхъ мужчинъ, въ трепетѣ ожиданія, въ неожиданности всякой пріятной мелочи было что-то похожее на далекое прошлое, на дѣвичье беззаботное жительство, эту лучшую, любимую, самую памятную пору жизни. Странно: теперь было еще какъ-то оригинальнѣе, какъ-то еще интереснѣе, нежели тогда, что-то загадочное, что-то вызывающее... У нея кружилась голова.

Она сама ужъ не понимала, почему ей не хотѣлось начинать играть здѣсь; какъ-то неловко: что скажутъ? По привычкѣ, она воображала, что о ней заговорить весь городъ. Она ошиблась. Правда, слухи скоро расходятся въ провинціи, и на другой день уже всѣ знали, что вдова учителя Риднева идетъ на сцену, но говорили объ этомъ очень умѣренно. Въ богатыхъ салонахъ, гдѣ ее не знали, это было принято очень равнодушно. Тамъ, гдѣ она бывала съ мужемъ, ее ужъ успѣли забыть, и ея поступокъ вызвалъ только пожатіе плечъ, выразившее, что она ни на что больше неспособна. Средній кругъ оскорбился и закричалъ о скандалѣ, — но Риднева никогда не дорожила мнѣніемъ «этихъ людей». Разобравъ—она ужъ не могла сказать, кого и чего она боялась... Былъ еще упрекъ, но онъ не дошелъ до нея: что она еще такъ недавно схоронила... Еслибъ она это услышала, она признала бы отголосокъ того, что какъ-то глухо, далеко раздавалось въ ея сердцѣ, надъ чѣмъ задуматься ей было некогда... Въ эти три дня она не видала никого изъ городскихъ знакомыхъ; у нея были только ея новые «товарищи». Въ нее влюбилась вся труппа, ея дѣвочку задарили конфетами.

Убѣдясъ, что въ три дня нельзя разучить многого и все больше восхищаясь своей примадонной, антрепренѣръ рѣшилъ,

что на первый разъ будетъ довольно, если она явится въ извѣстной, передѣланной для театра сценѣ Онѣгина и Татьяны. Онъ былъ въ восторгѣ, какъ она прочла ее на своемъ «экзаменѣ».

— Одно только—немножко это не ново, не современно!—говаривалъ онъ.—Ну, дѣлать нечего, какъ-нибудь придумаемъ чѣмъ водновить...

Придумала сама Риднева. Она видѣла эту сцену давно, въ столицѣ, и тогда ее, извѣженную богатую дѣвушку, неприятно поразила бѣдная, небрежная постановка. Она захохотала въ ложѣ, когда увидѣла эту княгиню передъ какимъ-то ломбернымъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ съ повументами и кричала отцу, что это унесли столъ изъ его палаты; кругомъ былъ пусыръ, а въ глубинѣ таковой прадедовскій золоченый стулъ, что Онѣгинъ не рискнулъ тащить его на авансцену и все время выстоялъ, прислонивъ шляпу на колѣно. Риднева очаровательно-забавно пересказала это на репетиціи и кокетливо потребовала, чтобъ ей дали самой убрать свою гостиную.

— Иначе играть нельзя, это охлаждаетъ,—увѣряла она, будто ужъ играла десятою лѣтъ. — Моя сцена — послѣдняя; слѣдовательно, я не стѣсню перемѣны декораціи.

Оставалось ей покориться.

— Если ужъ собираются глядѣть меня, пересуждать, — думала она со злостью:—пусть по крайней мѣрѣ не найдутъ чему смѣяться!..

На собственные деньги, она взяла на прокатъ цвѣтовъ, мебели, бездѣлушекъ, и въ полчаса антракта затѣсенная сцена превратилась въ уютную, изящную комнату.

— Да вы у насъ и декораторъ!—говорилъ антрепренѣръ, любуясь, какъ она распоряжалась живо, привычно, не жалѣя труда, прислуги и денегъ, взыскательная и щедрая, какъ настоящая свѣтская женщина.

Она была счастлива тѣмъ, что «привазывала; ей воображалось, что она у себя дома, что она, въ самомъ дѣлѣ, убираетъ себѣ гостиную, куда придуть говорить ей о любви. Конечно, долго мечтать было некогда, дѣйствительность слишкомъ на лицо, слишкомъ много кругомъ чужого народу... Но и лучше, что кругомъ чужіе, что некогда. Такъ легче: некогда думать. А ей хотѣлось подумать, но... лучше, что некогда. Къ чему волновать себя? Отъ этой четверти часа зависитъ ея участь... Да ну жели, Боже мой, такъ мудрено доказывать этому свѣту...

Что?—она не знала. Она хотѣла за что-то мстить обществу, второе съ этого часа дѣлалось ей чужимъ. Въ ея душѣ всплы-

вала злость, накипѣвшая за много лѣтъ; ей было больно... Но никого не жаль, никого не нужно!..

— Конечно! Иду одѣваться!—вскричала она весело, пробѣгая въ уборную.

Директоръ, привыкшій, что его артистки всегда опаздывали, не успѣлъ еще ни разу пожаловаться, какъ Риднева возвратилась.

— Какъ, ужъ готовы?—вскричалъ онъ.

— Но гдѣ—только!—отвѣчала она, указывая на свой кашемировой пеньюаръ, нѣжный какъ первый снѣгъ.

— И не гримированы?

— Развѣ вы находите, что нужно?—возразила она, наклонивъ къ нему лицо и близко взглянувъ своими блестящими глазами.—Но вспомните: *«неубрана, блѣдна»*...

Она пошла мимо него на сцену.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ такъ еще вѣрнѣе,—сказалъ ей вслѣдъ директоръ и сдернулъ съ ея головы черную ленту.

Ея волосы рассыпались. Она испугалась, оскорбилась, но оправляться ужъ было поздно: занавѣсь поднималась. Волненіе придало ей силы, разогнало послѣднюю робость; она чувствовала, что хороша, что это долженъ находить и находить всякій... Еще разъ въ жизни довелось торжествовать... о, какъ долго она дождалась!.. Забываясь, въ чаду, она была смѣла, увѣрена, счастлива, будто въ честь ея давался праздникъ.

Ей много аплодировали, ее вызывали. Она не знала, что этой благосклонностью публики она была обязана одной чувствительной и вліятельной дамѣ, которая два дня повторяла всѣмъ своимъ носѣтителемъ, что нужно поддержать бѣднязку, у которой нѣтъ другого ресурса. Но при вызовахъ, ей было непривычно неловко отзывать на новое имя, которое она выбрала, и что-то будто рѣзнуло ее по сердцу, когда она услышала свое настоящее имя, которое кто-то крикнулъ по ошибкѣ, а можетъ быть, и съ умысломъ. Вдругъ, въ первый разъ,—какъ ни странно, но точно, въ первый разъ!—у нея мелькнула мысль: что бы сказать ея мужъ?.. До этой минуты она была занята только исполненіемъ своего намѣренія, помнила только свою крайность, только свою Любу, бросалась въ неизвѣстное, развлекалась шумомъ, новыми лицами, новымъ складомъ обстановки пестрой, беспорядочной, рѣзкой, полной приключеній...

— Гриша, прости меня, мнѣ весело!—шептала она, выходя въ четвертый разъ раскланиваться публикѣ...

Воротась домой, утомленная, она сейчасъ бросилась въ по-

стель. Дѣвочка еще не ложилась, ждала маму и, обрадовавшись, прибѣжала ласкаться; нянька, довольная тѣмъ, что ей подарили на платье, позаботилась приготовить чай. Горничная, которая въ эти дни опять воротилась на только-что оставленное мѣсто, ловко и проворно убрала туалетъ госпожи... Все было какъ-то свѣтло, покойно. Риднева заснула, не успѣвъ подумать ни одной минуты.

На-завтра, въ слѣдующіе дни—то же; опять роль, опять репетиціи, опять хлопоты съ костюмами. Риднева устала. Она истратила все, что ей дали «на подъемъ», а подъемъ приближался. Конечно, «возьмъ на счетъ директора», онъ такъ сказалъ,—но какъ быть безъ денегъ? Риднева поручила нянькѣ распродать все, что оставалось у нихъ въ домѣ мебели, посуды, ненужныхъ за отъѣздомъ. Набралось очень немного, но, гуляя по городу съ порученіями, нянька услышала столько отвратительныхъ сплетенъ о своей госпожѣ, что (хотя навѣрно знала, что все это клевета) не сочла приличнымъ при ней оставаться, а еще меньше—ѣхать съ нею чортъ знаетъ куда. Она такъ и выразилась. Риднева прогнала ее. Уходя, эта женщина попрекнула тѣмъ, что услуживала «покойнику» во время его болѣзни. Это было ужъ всего возмутительнѣе. Горничная не напоминала никакихъ услугъ, а сплетни слышала давно и не возражала, не находя въ нихъ ничего особеннаго, и вообще думая, что еслибъ онѣ и подтвердились, то это было бы только пріятнымъ разнообразіемъ. Она съ удовольствіемъ ѣхала съ Лизаветой Васильевной хотъ на край свѣта и, чтобъ доказать свою преданность, сейчасъ гдѣ-то достала и принесла ей денегъ. Затрудненія Ридневой были разрѣшены. Люба никогда не любила няньки, а теперь и не вспомнила: у нея было слишкомъ много конфетъ и куколъ.

Въ двѣ недѣли, Риднева играла три раза. Въ безчисленномъ множествѣ провведеній сценической литературы нашлась какая-то небольшая драма, несомнѣннѣе безсмысленная, какая-то пьеса съ куплетами безъ паясничанья, и директоръ труппы окончательно очаровался. Ему точно достался кладъ: новая актриса умѣла ни съ кѣмъ не ссориться и никого не ссорить, была привѣтлива, свисходительна, готова на маленькія услуги, привлекала даже женщинъ. Никто не догадывался, что она цѣнила себя такъ высоко, что не боялась «нисходить», увѣренная, что унижена быть не можетъ. Она была не мелочна и слишкомъ хорошо воспитана, чтобъ беспокоить себя и другихъ изъ-за мелочей; къ тому же, еще не представлялось и случая для столкновеній и,—что всего

важнѣе, — ей давно не было такъ весело, и она спѣшила пользоваться весельемъ.

Веселья стало не надолго. Труппа переѣхала въ А. Когда на новомъ мѣстѣ, гдѣ было незнакомо все, отъ улицъ и мелкихъ обычаевъ, которые составляютъ особенность провинціальныхъ городовъ, Риднева увидѣла себя совсѣмъ одну съ своей дѣвочкой, — она очнулась.

Прежде всего — пусто. Когда-то, давно, она смѣялась надъ старыми дѣвами, которыя хранятъ разные сувениры. Теперь она дорого бы дала, чтобъ видѣть хоть пестрые обои своей комнаты, тамъ, тѣ обои, что ей такъ надоѣли, казались такъ «непорядочны», за которые однажды она всплила на мужа. Ей было скучно, что подъ окнами не мельбаютъ тѣ присмотрѣвшіеся прохожіе, отъ которыхъ, бывало, она съ досадою спускала занавѣски. Теперь ни одной знакомой души; нѣтъ встрѣчнаго, кому поклониться. Одинъ театральннй міръ, который узъ приглядѣлся, хоть всякій день тревожить, какъ новизна. Ничего, ни слѣда похожаго на прошлое...

Свѣтская женщина, любительница, удостоивающая для благотворительной цѣли, или для собственнаго удовольствія, разъ въ годъ вступить на подмостки сцены, артистка по профессіи, рекламами газетъ, прихотью судьбы или публики выдвинутая въ знаменитости, находятъ всю прозу подмостковъ прибранную, украшенную, все въ своимъ услугамъ и все у своихъ ногъ. За костюмомъ этихъ дамъ десятокъ ночей просидитъ швея, и костюмъ будетъ удаченъ, чего бы ни стоилъ. Онѣ всегда произведутъ эффектъ, хотя бы были безобразны; ихъ исполненіемъ всегда восхитятся, хотя бы онѣ не понимали ни слова изъ всей пьесы... Развѣ не аплодировали одной Маргаритѣ, которая, бросаясь на брилліанты Мефистофеля, съ хохотомъ закидывала чрезъ всю сцену букетъ студента?.. Но хотя бы свѣтская женщина или прославленная артистка была, дѣйствительно, совершенство по уму, таланту, красотѣ, сердцу и образованію, она все-таки отрѣшена отъ всѣхъ житейскихъ заботъ, памятныхъ невольно, волнующихъ, разочаровывающихъ, охлаждающихъ вдохновеніе; она сповойно изучила свою роль, передала ее, чувствуя себя властью надъ внимательной толпою. До спектакля никто почтительно не смѣлъ ее тревожить; кончивъ, сходя со сцены, побѣдительница встрѣчаетъ поклоненіе всего, что есть знатнаго и блестящаго, или еще болѣе дорогой избранный кружокъ, наслажденіе въ равенствѣ образованія, въ товариществѣ понятій, отдыхъ, гдѣ роскошь обста-

новки уже и не замѣчается, какъ подробность, къ которой при-
выкли...

Но провинціальная актриса?.. Дымная квартира, гдѣ за пе-
регородкой хозяйка распиваетъ чай, заглядываетъ въ щелку, под-
слушивается, насмѣхается и, хорошо еще, если не сплетничаетъ.
Разсчетъ каждаго дня и невозможность, недосугъ свести этотъ
разсчетъ толкомъ, привести жизнь въ порядокъ; одуряющая возня,
безденежье, займы и, вслѣдствіе ихъ, сношенія съ людьми, кото-
рыхъ не пустилъ бы на порогъ. Товарищество, которое, можетъ
быть, могло бы быть и пріятнымъ, — но эти товарищи живутъ
также день-за-день, такимъ же неустроеннымъ житьемъ, имъ та-
кой же недосугъ, ихъ интересы такъ же бѣдны. Одни—также ску-
чаютъ, безъ возможности вырваться; другіе—втянулись и несосны.
Изъ нихъ—женщины жалки или пусты. Друзей нѣтъ и быть не
можетъ тамъ, гдѣ каждый день можетъ встрѣтиться мелкое со-
перничество изъ-за моднаго платья, изъ-за линялаго вызова, изъ-за
эффектной роли. Эти тетради ролей, безграмотно переписанныя,
изорванныя, измятыя, которыя противно взять въ руки—вотъ и
все умственное занятіе. Какой-то странный, особенный разговоръ,
особенные вкусы... Общество... Оно величаво смотритъ изъ ложъ,
шумитъ въ партерѣ, преслѣдуетъ на улицахъ, приглашаетъ же-
лающихъ въ рестораны, но домовъ своихъ не отворяетъ. Остается
запираться у себя дома, но что дѣлать? въ чемъ отдохнуть? Го-
лова полна чужихъ мыслей и чужихъ словъ—нѣтъ возможности
думать. Тысяча мелкихъ житейскихъ подѣлокъ—некогда прочесть
что-нибудь серьезное.

Но Риднева и не умѣла читать серьезнаго. Всю жизнь свою
она только набрасывала себѣ въ голову романы, забывая, что
бросала, какъ свои ленты и перчатки по комодамъ. У нея оста-
валось общее, смѣшанное впечатлѣніе и не бывало желанія оста-
новиться, перечитать, припомнить и полюбоваться красотой про-
читаннаго. Къ счастью, она легко, механически заучивала наизусть.
Теперь, выучивая для сцены, она поневолѣ немного вдумывалась,
но ей больше помогать романической складъ ея ума и желаніе
нравиться. Публика невыскательна къ искусству: Риднева нра-
вилась; она была самая хорошенькая женщина, не только въ
труппѣ, но во всемъ городѣ.

Послѣ двухъ-трехъ представленій, антрепренѣръ, на новомъ
мѣстѣ уже гораздо менѣе любезный съ своей примадонной, объ-
яснилъ ей, что не можетъ, въ угоду ея серьезному праву, давать
однѣ драмы, да устарѣлые водевили, что нынче у публики дру-
гой вкусъ, съ которыми онъ, директоръ труппы, намѣренъ сообра-

жаться. Затѣмъ онъ показалъ ей репертуаръ сезона. Тутъ было все новѣйшее, весь Оффенбахъ и тому подобное, и дивертисменты съ комическимъ чтеніемъ и шансонетками.

— Я этого не умѣю, — возразила Риднева.

— Но вы видали? слышали?

— Да, конечно.

— Такъ постарайтесь. У васъ талантъ.

— Я на это неспособна.

— Э, полноте, стѣбитъ начать.

— Я не хочу!

— Вы бы такъ и сказали. Такъ я напишу въ Москву; мнѣ тамъ рекомендуютъ артистку, а съ вами придется разстаться.

— Развѣ я не могу исполнять серьезныя роли, между тѣмъ, какъ другая...

— Это мнѣ содержать двухъ? Немного навладно-съ. Бъ тому же, вашихъ слезныхъ комедій больше не поставится ни одной: и касса пуста, и артистамъ надоѣло. Такъ, какъ будетъ вамъ угодно. Вотъ роли, возьмите, или потрудитесь возвратить тѣ, что у васъ. Да ужъ встать...

Онъ не договорилъ, но она очень хорошо поняла: «возвратите деньги, которыя забрали впередъ». Это было сказано при товарищахъ. Она вспыхнула, но постаралась не потеряться.

— Если я отговариваюсь, то потому только, что не самонадѣянна, — сказала она, какъ могла спокойнѣе. — Дайте, я посмотрю...

Она долго рыдала, возвратясь домой. Она знала, чего отъ нея хотѣли. Въ короткую пору своего замужства, она видѣла всѣ эти пьесы; тогда онѣ ее забавляли, нравились ей. То простодушно увѣренная, то упрямо, на зло, она спорила съ мужемъ, что не находить въ этомъ ничего дурного, ничего, кромѣ откровеннаго смѣха... Теперь, когда ей предоставлялось на выборъ — голодать, или тѣшить собою зрителей, какъ тѣ несчастныя, которыми она сама тѣшилась, — она поняла ихъ положеніе.

— Что дѣлать? Боже, что мнѣ дѣлать? — повторяла она въ отчаяніи.

— Э, полноте, Лизавета Васильевна, — говорилъ «благородный отецъ», придя навѣстить ее въ тотъ же день; онъ былъ добрый малый и расположенъ къ ней искренно. — У васъ странная скрупулезности, какія-то монастырскія замашки. Это вся Европа смотреть и не насмотрится. Это въ духѣ времени, въ порядкѣ вещей. Это, увѣряю васъ, полезно для толпы; это ее развиваетъ... Да, да! — Вы раздумывались ли когда-нибудь объ искусствѣ? Что оно такое? Оно — выраженіе потребностей общества

и вмѣстѣ—его наставникъ. Въ настоящее время, людямъ необходимо смѣхъ, какъ отдыхъ отъ постоянной заботы о хлѣбѣ... Да, да, именно! Никогда еще такъ люди въ голосъ не кричали о хлѣбѣ, какъ въ нашъ вѣкъ... Слѣдовательно, смѣхъ необходимъ. Надъ чѣмъ же смѣяться? Понятно: надъ глупыми идеалами, которые довели людей до этого нищенскаго крика! Боги, великіе люди, добродѣтели, — пора простымъ смертнымъ увидеть все это «въ натуральности», какъ выражался одинъ мой знакомый; это научить не звать, не восторгаться вздоромъ, не вѣрить выпрепнившимъ рѣчамъ... и преползшая это наука!.. И знаете ли еще что: эта наука дѣлаетъ добрѣе, снисходительнѣе, гуманнѣе. Видишь— въ самомъ дѣлѣ, слабъ человекъ, или судьба, или необходимость свернули его съ того, что называется «путь истинный» — и не осуждаешь... Да еще подумаешь: точно ли *истинный* тотъ путь, гдѣ все скука, все разныя стѣсненія, да самоотверженія, ради нивѣсть-чего?.. Насилуемъ свою природу, не боимся грѣшить противъ духа, а бѣдную плоть-то совсѣмъ забыли... — Размышляли вы объ этомъ когда-нибудь?

Риднева должна была сознаться (конечно, только самой себѣ), что никогда, ни о чемъ не размышляла. Она слушала, не возражая, но между ею и тѣмъ, во что ее приглашали увѣровать, становилось простое, непосредственное, необъясняемое, даже безымянное чувство, но чувство сильное, сокрушающее всѣ доводы: ей было противно. Она хотѣла возразить, что и въ ней это тоже — голосъ природы, слѣдовательно, нельзя и не должно заставлять его молчать, но удержалась, смутилась и только выговорила:

— Это грязно.

— Ну, вотъ еще! Я такъ и ждалъ! Вполнѣ свѣтская дама! Онъ расхохотался.

— Ужъ я не стану вамъ толковать, что въ самой жизни— грязи еще больше, оставимъ это; но скажите мнѣ серьезно: что пристанеть къ вамъ отъ этой грязи? Къ вамъ, къ душѣ вашей, потому что, — замѣтно, — вы все-таки за идеалы?.. Сыграли, переселись, воротились домой и кладите-себѣ ваши сто поклоновъ, или, тамъ, сколько ихъ у васъ требуется: вы все та же. А тѣ, кто видѣлъ васъ, разѣдутся веселы и помянутъ васъ добромъ. И вы, точно, сдѣлаете добро...

— Какое?

— Я вамъ доказывать! забыли?.. Но хоть то, что доставите эстетическое наслажденіе, потому что хороши вы будете какъ... не приберу и словъ! Я вѣдь въ васъ безъ памяти влюбленъ съ

перваго часа, вы не хотите этого замѣчать, но я великодушень, не наскужаю вамъ и всегда во всемъ за васъ. Такъ слушайте: нашъ хозяинъ не шутить; у него въ самомъ дѣлѣ есть къ вамъ замѣстить. Вамъ,—не конфузйтесь,—некуда броситься. Стало быть, держитесь крѣпче и играйте... въ мою голову! Посмотрите, какого я вамъ изображу Калхаса!..

Конечно, дѣлать было нечего...

Риднева разучила роль и сыграла. Какъ новички творять чудеса храбрости, какъ безсильные ломаютъ крыши на пожарѣ, такъ и она въ невѣдѣніи, въ неопытности, со злости, съ размаха превзошла всѣ ожиданія смѣлостью своего исполненія. Она была отвратительна. Ее вызвали пятнадцать разъ, а къ послѣдному вызову старичокъ изъ «золотой молодежи» ужъ успѣлъ достать и бросить ей бузетъ. Антрепренёръ расцѣловалъ ея ручки.

— Какова? Смиреница, лукавая!—повторялъ онъ.—А увѣрала, будто не умѣетъ!

Едва дыша, усталая, какъ никогда, Риднева спускалась съ лѣстницы. Въ корридорахъ, въ сѣняхъ всѣ говорили о ней и никто не узналъ блѣдной, измученной женщины, когда вслѣдъ за горничной, которая несла ея узелъ, она неловко влѣзла на оборванные извожичьи дрожки и упала головой на этотъ узелъ. Была темная осенняя ночь и хлесталъ дождь.

Въ спальнѣ горѣлъ ночникъ, заставленный картонкой. Дѣвочка спала къ стѣнкѣ на широкой постелѣ. Ее обыкновенно поручали хозяйкѣ, когда мать уходила въ театръ и вводила горничную; сначала дитя плакало, потомъ привыкло... Риднева оставилась и смотрѣла на нее съ ужасомъ.

— А ужъ какъ вы, сударыня, сегодня прекрасно играли!—восхищалась горничная.

Риднева махнула рукой.

— Ничего-съ. Она не проснется. Ахъ, какъ прекрасно! Меня за кулисами спросилъ одинъ баринъ, высокій такой, бѣлокурый, видный... Изволили примѣтить? въ первомъ ряду сидѣлъ?

— Поди,—сказала Риднева.

— Ничего-съ; почиваетъ.—«Когда, говоритъ, милая дѣвушка, ваша госпожа Любина можетъ меня у себя принять?»...

— Да ступай же, я спать хочу!—закричала Риднева.

Дѣвочка не проснулась...

Да, правда; все та же, ничего не пристало, и любовника нѣтъ, слава Богу... но отчего же душить? отчего по лицу будто прошли поцѣлуй всей этой толпы? Не легче ли... да не честнѣе

ли разомъ отдаться одному, нежели, вотъ такъ, выносить наглость всѣхъ?..

Довольный директоръ самъ предложилъ ей небольшую прибавку жалованья. Мѣняевъ, двадцати-трехъ-лѣтній юноша, ни за чѣмъ катающийся по Россіи, предлагалъ свои пятнадцать тысячъ дохода... Ея ремесло стало для нея ваторгой..

Такъ прошли два года. Лѣтомъ, труппа ѣздила по ярмаркамъ, зарабатывала мало и питалась бѣдно. Антрепренёръ платилъ одними обѣщаніями. Риднева погибала въ крайности. Къ довершенію всего, ея дѣвочка, отъ плохого присмотра, отъ переѣздовъ, отъ лишеній хворала и чахла. Риднева еще писала къ теткѣ и, наконецъ, получила вызовъ пріѣхать въ N. Но ѣхать было не съ чѣмъ. Съ осени начались опять постоянные спектакли, могли бы сволотиться какія-нибудь деньги, но Люба умирала, и умерла. Риднева рѣшилась все бросить; не оставалось цѣли унижаться.

Она не проговорилась, зачѣмъ ѣдетъ, выпросивъ себѣ недѣлю отдыха, ради своего горя. Директоръ согласился, но никакъ не болѣе какъ на недѣлю взо-дня въ день, иначе — въ контрактѣ были предусмотрѣны всѣ неустойки.

— Хорошо, ворочусь, — отвѣчала Риднева, рассчитывая совсѣмъ уничтожить контрактъ и заплатить все, что съ нея по-тянутъ — изъ наслѣдства тетушки..!

А о немъ, говорить, нечего и думать!..

— Дадутъ ли мнѣ, наконецъ, обѣдать? — закричала она, отворивъ дверь своего номера.

Она не могла выносить воздуха этого корридора; въ темнотѣ, по полу свѣтились какіе-то огоньки. Можетъ быть, у нея мутилось въ глазахъ отъ нездоровья.

— Есть ли тутъ кто-нибудь?

— Сейчасъ, несу-съ, — отозвался служитель, звеня приборомъ и появляясь. — Только и осталось, разогрѣвали, послѣдняя порція... Вы ужъ извините, сударыня, что замѣшался, — потому, вы сами изволили кричать, испугались. Мышки-съ. Хозяинъ приказалъ сейчасъ имъ лекарство...

— Возьмите прочь эту гадость, — вскричала она, оттолкнувъ то, что передъ нею поставили. Принесите мнѣ чаю, — но свѣжаго! и свѣжій хлѣбъ, и кусокъ швейцарскаго сыра, но свѣжій, изъ магазина!.. Это не гостинница, а помойная яма!.. Затворите крѣпче дверь!

— Она распахнула форточку. Можетъ быть, удушливый запахъ фосфора мерещился ей сильнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ, но она немного успокоилась только тогда, когда морозный паръ залюбился по комнатѣ, колебля огонь свѣчи. Въ открытый синій четырех-угольникъ свѣтилась большая звѣзда. Это что-то хорошо...

— Вотъ, охрипну, еще будетъ лучше, — подумала она, затворила окно, пожимаясь, прислонилась къ печкѣ, грѣла руки и смотрѣла передъ собою. — Что, если въ самомъ дѣлѣ охрипну?

Она заплѣла, потомъ засмѣялась.

— Любопытно, какъ здѣсь играютъ, и кто. Не мѣшало бы, даже слѣдовало бы посмотрѣть. Еслибъ заранѣе знать, что не-зачѣмъ было таскаться все утро, да не этотъ извощикъ... скоты!.. Да, посмотрѣла бы... Охъ, завтра опять трястись съ мужиками, въ нетопленномъ вагонѣ, сутки цѣлыя... Но неужели опять туда?.. Вотъ вздоръ: вѣдь ужъ рѣшила, некуда больше; счастье, что хоть *это* есть, а то... вотъ, такъ-то цѣлый день не покупай, да не знай куда голову приклонить... Только выѣду ли завтра? Что, если не придетъ дуракъ этотъ, Ешецкій?.. Э, придетъ! Растаялъ... Что онъ себѣ вообразилъ? А великая истина, что *они* глупы. Гдѣ же моя брошечка? проститься съ нею...

Она порылась въ дорожномъ мѣшкѣ и достала небольшую сафьянную коробочку, а изъ нея брошку — золотой узелъ, схваченный сапфиромъ, — и приволола ее на грудь. Въ зеркалѣ, гдѣ вечеромъ, при одной свѣчѣ, нельзя ужъ было ничего раз-смотреть, сверкнулъ только голубой огонекъ драгоценнаго камня.

— Прелесть какая. Двухъ недѣль нѣтъ, какъ подарили въ бенефисъ, и обновить не успѣла, не до того было. Сколько лѣтъ не видала на себѣ золота! Вотъ, за дѣломъ сюда прїѣзжала — послѣднюю вещь *постыла!*.. Кому-то она достанется? Ешецкій, конечно, знаетъ здѣсь всѣ магазины, сдастъ завтра утромъ, а мнѣ собираться не долго: подхватила мѣшокъ — и въ вокзалъ... Что-жъ больше дѣлать!

Принесли чай. Сохраняя важность, она едва могла дожидаться, покуда выйдетъ половой, чтобъ не броситься на теплое, на вкусную ѣду. Она вся дрожала... Лишь бы теперь не приходилъ Ешецкій... Боже, но вѣдь и это счастье — погрѣться и поѣсть!

У нея брызнули слезы.

— Глупая я... Посмотрѣли бы на меня барыни, хоть та, что будетъ носить мою брошку... — Ну, изъ-за чего я плачу? День мой, вѣкъ мой... Лишь бы не помѣшалъ Ешецкій!

Но она не успѣла налить второй чашки, какъ въ дверь послышались шаги.

— О, что-бы его...,—пророчала она, пряча хлѣбъ и сыр:—догадается, что я безъ обѣда... Войдите.

Ещецкій вошелъ въ шубѣ и завалилъ ея и сапогами цѣлый уголъ.

— Ну-съ, какъ вы...,—началъ онъ.—Да какъ тутъ у васъ...

— Я люблю холодъ,—прервала она:—хотите чаю?

— Позвольте, не откажусь. Я прямо изъ-за обѣда. Въ клубѣ были разныя торжества по случаю выбора старшинъ.

Ещецкій говорилъ, повуда она вставала спросить еще чашку. Говоря, онъ оглядывалъ комнату и все, что въ ней было; по стульямъ лежало разбросанное платье, которое сняла Риднева, воротнички, поясъ. Возвращаясь, Риднева замѣтила, чѣмъ занимался гость. Онъ поймалъ ея взглядъ.

— Люблю я этотъ артистическій беспорядокъ,—сказалъ онъ съ своимъ сухимъ смѣхомъ.—Это, знаете, сразу какъ-то опредѣляетъ отношенія собесѣдниковъ, ставить, однимъ словомъ, въ такое положеніе... Хорошо, однимъ словомъ! — заключилъ онъ, въ увлеченіи даже взмахнувъ руками.

Она сѣла на свое мѣсто, на диванъ, къ самовару.

— А вы отдыхали, покоились?

— Да.

— Вы мнѣ позволите закурить?

— Если хотите.

— Не обезпуюю? Впрочемъ, въ компаніи артистовъ, вы, конечно, такъ сказать, обстрѣлены. А отличное ваше общество! Право, когда посмотришь на наше... Вотъ, хоть сейчасъ: собралось насъ двѣсти человекъ членовъ... Безобразіе—по пятнадцати рублей подписка, да не въ счетъ этого, сколько еще потребовалось вина... Я тутъ, конечно, не при чемъ; мнѣ — два бокала и—*pes plus ultra!*.. Обѣлись,—помилуйте, что за удовольствіе? Еслибъ каждый что-нибудь сказалъ, проведъ, однимъ словомъ, для общественнаго дѣла... А то вѣдь пропало безслѣдно. Напились, разѣхались, залегли спать, или, проснется—въ театръ къ послѣднему акту. А какой-нибудь дикій сынъ природы, Николай Дмитріевичъ Мѣняевъ,—вы утромъ у меня видѣли,—тотъ и темеръ тамъ, въ бильярдной. Хорошъ будетъ!

— Артисты тоже не отшельники,—замѣтила она.

— И очень! и прекрасно! — воскликнулъ онъ.— Это даже ихъ существенная особенность! Но отпечатокъ, складъ другой! Свобода! главное — свобода! Изобрѣтательность, шизъ!.. Я самъ,

бывало... О моя юность, о моя свѣжестъ!.. Въ глухомъ городишкѣ, ну, знаете, провинція! — тоже труппа... Бездарности, невѣжество... Я швольникъ, лѣтъ двадцать мнѣ было... роли, бывало, ихъ списываешь, французскія фразы русскими буквами... И одна была хорошенъвая; все еще, я помню, мальчиговъ она играла... ну, влюбился по уши, а меня удостоивала благосклонности другая... и столкновенія самыя комическія... — Нѣтъ, какъ можно, — продолжалъ онъ, будто съ нимъ спорили: — артистическій міръ или нашъ дѣловой, заковтѣлый... Даже свѣтскій міръ! — вскричалъ онъ вдругъ съ ожесточеніемъ. — Ну, можно ли сравнить эти золоченные салоны, эти условія, всю эту «ветошь маскарада», какъ сказалъ Пушкинъ...

— Съ прорванными кулисами? съ удовольствіемъ подставить лицо подъ размазыванье гримера? съ поклонниками, которые напиваются въ бильярдной? — прервала она и захохотала.

— О, да вы...

Онъ въ секунду сбился и захохоталъ на свой ладъ.

— Это другое дѣло-съ. Это ужъ что же? Это ужъ какіе же артисты? — заговорилъ онъ успокоительно. — Это не то; этого мы и не признаемъ. Этого вы и сами не знаете. Вамъ, конечно, въ первую минуту показалось неловко перейти отъ таковой условной, натянутой жизни, какъ жизнь свѣтской женщины, къ свободѣ артистки; но вѣдь это все равно, какъ еслибы изъ зараженнаго воздуха васъ мгновенно перенесли на вершину Альпъ, гдѣ свѣжестъ, блескъ, горизонты... Вы отъ этого перехода стали нравственно здоровѣе. Я теперь лучше всмотрѣлся въ васъ: вы дѣйствительно похорошѣли. Вы, такъ сказать, изъ хризалиды... Но я какъ будто еще васъ вижу. Бѣлое платье, роза у пояса, опущенные глазки... прелестна, но — хризалида. Не то намъ нужно-съ. Вы были... Ну, что? Такъ, глушенькая дѣвочка вы были!.. Извините, драгоценнѣйшая Лизавета Васильевна! я вѣдь всегда такъ вамъ сочувствовалъ... Странно даже, какъ можетъ такъ долго, — нелѣпо даже, безнадежно!.. какъ можетъ такъ долго уживаться симпатія въ человѣкѣ... ни годы, ни что...

— Хорошо, — прервала она, позволивъ ему поцѣловать ея руку и отчаянно думая, какъ бы скорѣе покончить что нужно, и прогнать его. — Но видите ли... мнѣ не до комплиментовъ и обоимъ намъ это не пристало. Вы меня знали и любили дѣвочкой, а хочу остаться для васъ тѣмъ же.

Ещецкій чуть-чуть повернулся на мѣстѣ, въ его маленькихъ глазахъ вспыхнуло что-то злобщее.

— И вотъ именно потому я буду съ вами откровенна. Я

гнѣвъ хотѣла и видѣть васъ... Я было-думала остаться здѣсь, о такъ какъ это все разстроилось, наслѣдство это...

Она терялась. Ешецкій молчалъ.

— Я увѣжаю... Вы знали близко моего отца, вы его тоже любили... Я хотѣла просить васъ...

Последнее слово, казалось, окончательно возвратило Ешецкому его самообладаніе. Онъ отвѣчалъ задумчиво и значительно.

— Единственное, что я осуждалъ въ вашемъ отцѣ, это его неразсчетливость. Я даже часто давалъ ему рѣзкій отпоръ; мы съ нимъ не ладили въ этихъ случаяхъ. Но между людьми однихъ понятій, одного, такъ сказать, закала... Я былъ преданъ вашему отцу. И я это доказалъ: когда онъ увѣжалъ, тогда, что было въ моихъ средствахъ... У меня тогда небольшія были средства, даже очень небольшія, однако я...

— Я знаю,—сказала она тихо:—когда мы увѣжали отсюда, вы помогли намъ.

— Да... конечно, немного, но...

— Во мнѣ есть то отцовское, — заговорила она, сіѣша и волнуясь:—что я не забываю своихъ обязательствъ. Я знаю, что отецъ остался вамъ долженъ, и знаю сколько. Ничего бы я такъ не желала, какъ заплатить этотъ долгъ...

— Но, сколько я могу заключить, вы не имѣете этой суммы?—подсказалъ Ешецкій.

— У меня ничего нѣтъ! — почти вскрикнула она и смутилась еще больше отъ досады, что себя выдала.—Я растратилась тамъ, пріѣхала налегѣть... А теперь... Нельзя ли обратить это въ деньги?

Она отстегнула брошку. Ешецкій взялъ ее и привсталъ къ свѣтѣ, чтобъ лучше разсмотрѣть.

— Красивая вещица,—сказалъ онъ, прищуриваясь.—Отчетливая отдѣлка и нѣкоторый, такъ сказать, отпечатокъ оригинальности. Не дурно. Вы хотите это продать?

— Да.

Ешецкій продолжалъ разсматривать брошку, попробовалъ, какъ она застегивается, и заставлялъ блестѣть камень передъ огнемъ.

— Зайчики,—сказалъ онъ, улыбнувшись.—Это сапфиръ?

— Да.

— Не фальшивый?

— О, нѣтъ, какъ можно.

— Бываетъ-съ, сплошь и рядомъ. Во сколько вы ее цѣните?

— Мнѣ подарили въ бенефисъ, но я знаю цѣну; вещь до-

рогая. Посмотрите, вотъ футляръ: работа Вальянъ. У Вальянъ не бываетъ поддѣльныхъ камней.

— Вы думаете? Sancta simplicitas! Таковы, я вамъ скажу всегда заблужденія женщинъ!—сказалъ онъ любезно и осмотрѣлъ футляръ.—Такъ чего же, собственно, вы желаете?

— Чтобы вы продали ее въ магазинъ! — отвѣчала она нетерпѣливо.

— Что вы за нее хотите?

— Сто рублей. Я знаю навѣрно, она куплена дороже.

— Вамъ не дадутъ и половины. Но если вы уступите, я могу взять ее за семьдесятъ-пять.

— Вы сами?

— Вѣдь вамъ все равно?

— Конечно...

— Больше никто не дастъ, повѣрьте.

— Я вамъ вѣрю...

— Такъ вы согласны?

— Очень рада.

Ещецкій положилъ брошю въ футляръ, а футляръ въ карманъ.

— Милѣйшая Лизавета Васильевна, — заговорилъ онъ, улыбаясь дружески-лукаво и покачивая головой: — ей-богу, милѣйшая! Какъ бы это узнать, что это: дорогое воспоминаніе сценическаго успѣха, — или болѣе?.. Но — нѣтъ, нѣтъ не смѣю, ни слова больше! Я не врываюсь въ душевную область, въ тайникъ... Не наше дѣло! Правда ваша — не годимся мы. Вотъ ужъ и усталость сказывается! Вамъ — вашъ, такъ сказать, заоблачный міръ, а намъ — лежанка!.. Пора домой. Прощайте, дорогая Лизавета Васильевна. Да благословить васъ Фебъ и музы. Нѣтъ, не въ шутку: я съ наслажденіемъ убѣдился, что вы все та же умница, прямая, хорошая дочь и — бѣдовая вы!..

Пожимая холодныя руки молодой женщины, онъ успѣвалъ накинуть шубу, вдѣть сапоги и отворилъ дверь.

— Что за темнота... Не безпокойтесь, найду выходъ, — сказалъ онъ, когда она, взявъ свѣчу, вышла на свой порогъ. — Еще разъ прощайте. Мнѣ очень пріятно, что я могу сдѣлать вамъ пріятное и исполнить ваше желаніе...

— Мнѣ совѣстно... — сказала Риднева.

— Чего, помилуйте? Я не стѣсняю ни васъ, ни себя; это, что называется, настоящая полюбовная сдѣлка. Для меня, въ настоящее время, не составляетъ разницы получить отъ васъ, вмѣсто денегъ, вещь, которую я признаю таковой же стоимости...

— Какъ? развѣ...,—выговорила Риднева.

У нея подкосились ноги.

— Конечно! Долгъ вашего батюшки, — вы сами помните, — былъ ровно семьдесятъ-пять рублей. Мы теперь квиты...

— Послушайте...

— Не безпокойтесь, все это прекрасно... Ворогитесь, вы про- студитесь!

Онъ ужъ спускался съ лѣстницы.

— Послушайте, подождите... Что-жъ это такое?—вскрикнула она громко, остановясь, какъ безумная, со свѣчей въ рукѣ среди своей комнаты. — Что это? Что мнѣ дѣлать? Куда я дѣнусь?.. Дура, безумная! Этотъ воръ обиралъ отца, губилъ его, а я-то къ нему... Всѣмъ отцу обязанъ, рубашкой, что на тѣлѣ... И видѣлъ, каково мнѣ, понялъ, скорѣе бѣжалъ, чтобъ назадъ не взяла... Что дѣлать? Теперь ужъ некуда, и въ адъ тотъ вромѣш- ный, и туда не съ чѣмъ...

Ея дверь оставалась отворена. Проходящій половой за- глянулъ.

— Чего вамъ?

— Ничего-съ,—отвѣчала онъ, усмѣхаясь.—Все мышки бѣ- гають.

Она смотрѣла въ его глупо-наглое лицо и засмѣялась.

— Мышки? А скоро онѣ умираютъ отъ вашего лекарства?

— Кто ихъ знаетъ. Иная, когда видишь, завертится, завер- тится,—должно быть хватила,—мечется. Хоть тварь, а помирать тоже не хочется.

— Не хочется...

— Да что, всѣ попремъ! — рѣшилъ онъ весело: — что онѣ, что люди. Вонъ сколько угощенія про нихъ приготовлено.

Онъ показавъ огромную стѣлянку.

— Иной и мышѣ, все равно, какъ человѣку, можетъ жизнь не мила,—разсуждалъ онъ:—можетъ и рада; бѣгать-то умаялась; въ иномъ мѣстѣ поѣсть нечего...

— Слушайте,—прервала Риднева: — подите, принесите мнѣ счетъ, сколько я вамъ должна.

— Развѣ желаете ѣхать, сударыня? Поѣздовъ нѣтъ до утра.

— Я рано утромъ уйду.

— Слушаю.

Онъ поставилъ на окно стѣлянку и побѣжалъ. Риднева огля- дывалась и все стояла на своемъ порогѣ. У нея стучало въ ви- скахъ и въ груди; ей хотѣлось пѣть и смѣяться. На лѣстницѣ опять слышались шаги возвращающагося полового. Риднева

схватила стклянку, унесла ее въ свою комнату и опять стала у двери.

— Вотъ счетъ,—сказалъ половой, подавая листокъ.

Она читала:

— «Комната, обѣдъ...» Ну и прочее. Только-то? Сейчасъ.

Она вошла въ себѣ, высыпала деньги изъ бумажника и расплатилась.

— Тутъ лишнее; оставьте себѣ.

— Поворнѣйше благодарю.

Онъ ушелъ. Она посмотрѣла на фотографію въ своемъ бумажникѣ... «Каково это, какая роскошь — остался еще цѣлый рубль. Можно еще на цѣлый рубль раскутиться, покуда... покуда не завертись».

— Эй, воротитесь,—завричала она... — Вотъ, возьмите, — принесите мнѣ сейчасъ коробку конфетъ, но лучшихъ, отъ Эрдера.

Она ходила по комнатѣ, то скоро, то медленно, тяжело пристукивая и прислушиваясь, какъ гудѣлъ старый полъ; иногда ударяла кулакомъ по столу, смѣялась отъ боли и слушала звонъ неубранныхъ чашекъ. Ей почудился сухой смѣхъ Ешецаго; она передразнила. Вдругъ что-то испугало ее, шевельнулась какая-то тѣнь;—она узнала свою тѣнь и остановилась, широко раскрывъ на нее глаза. Въ углу что-то заблѣло; ея воротничекъ, лежавшій сверхъ брошеннаго платья, показался какимъ-то блѣднымъ лицомъ, запрокинутымъ на спинку кресла. Она охнула, сжала руки и не двигалась.

— Извольте-съ,—сказалъ половой, пріотворивъ дверь.

— Что?.. Ахъ, да, хорошо. Но не стучитесь, не входите ко мнѣ, пожалуйста. Я спать хочу.

— Да мы, сударыня, если насъ не зовутъ...

— Хорошо, хорошо. •

Она крѣпко захлопнула дверь и съ какою-то злостью повернула ключъ въ замѣкъ.

— Ну-съ, Лизавета Васильевна?..—сказала она громко, возвращаясь къ столу.—Теперь все готово.

Она развязала розовую ленту коробки, которую ей принесли.

— Кажется, недурны... А *ты*—еще лучше.

Она еще не посмотрѣла на *тебя*. Стклянка оставалась подъ диваномъ; она спрятала ее туда и не подходила. Она сѣла, облокотилась спокойно и ничего не думала. Раскрытый бумажникъ съ фотографіей опять бросился ей въ глаза.

— Люба, хочешь конфетку? — сказала она громко и зарыдала.

«О, дитя! въ тебя всю душу положила! Гриша, жизнь моя, помyslюмъ противъ тебя не была виновата! Прости,—видишь, ди кого срамилась,—для твоей же... Ты зачѣмъ ее взялъ? Ну, ничего я не умѣю, не могу, но я бы для нея подъ окна пошла просить, и прожили бы, и я бы жила... было бы для чего жить! А теперь, что же? Гриша,—одинъ конецъ! Уйду къ вамъ... Вы меня примете, что ли? Или и вы прогоните, не гожусь? Что тамъ у васъ?.. Господи!»

— Ужась!.. Честная женщина,—бывало, краснѣла, лаская мужа—а тутъ, всякій вечеръ, при сотняхъ глазъ, при сотняхъ ушей... Прислушалась, притерпѣлась къ стыду! Изъ-за куска хлѣба... вотъ каковъ хлѣбъ насущный!.. Нѣтъ, теперь я свободна, я одна, я не хочу... Но хоть бы и хотѣла,—понимаете ли вы, сударыня, барышня балованная, понимаете ли вы, что вашейменьшѣ и срамиться—сунуться не съ чѣмъ?

Она помѣшанно хохотала.

— Конечно! вотъ, здѣсь, въ этой грязи, сейчасъ будетъ кончено... И славно! Гриша, любовь моя, свѣтъ мой, поцѣлуй меня! Дай мнѣ вздохнуть, дай мнѣ передъ смертью легче вздохнуть, покаяться, освятиться твоимъ поцѣлуемъ... О, какъ я тебя любила!.. Прощайте! Довольно... Что-жь, не ребенокъ я...

Она подошла къ дивану, протянула и отдернула руку. Она увѣрила себя, будто ей показалось, что кто-то стучится... Все было тихо.

— Гадость, должно быть, ужасная. Изъ аптеки. Какъ это отпускаютъ такъ неосторожно; мало ли можетъ быть несчастныхъ случаевъ, мало ли кому вздумается... Вотъ, на примѣръ, мнѣ вздумалось... Это задохнешься отъ вони.

— Она опять открыла форточку. Большой звѣзды ужъ не было. Хоть бы ее увидѣть. Куда онѣ идутъ, направо, или налѣво? Гриша объяснялъ какъ-то.

Тихо что-то. Всѣ въ театрѣ. А что, умираетъ кто-нибудь въ городѣ въ эту минуту?.. Холодно... Гдѣ меня похоронять?.. Вотъ, чѣмъ бѣгать по улицамъ за вздоромъ, зайти бы лучше въ монастырь, гдѣ схоронена мать... А какъ это странно—не знать матери...

Вдали, въ рѣдкомъ воздухѣ, раздался бой часовъ.

«Это на соборной колокольнѣ», подумала она и сосчитала десять. «Еще рано. Весь день не было слышно этого боя; должно быть, теперь оттуда вѣтеръ. Что значить привычка: послѣ столѣтнихъ лѣтъ, я узнала этотъ колоколь. И вѣчно узнаю. Здѣсь родилась, и здѣсь умру».

— Ну, что жъ?—Пора, что ли?

Она сошла съ окна.

— Отвратительно. Должно быть, жжетъ въ горлѣ. Можно заѣсть конфеткой. Успѣю, прежде нежели заверчусь... А что, какъ провертяться долго? Полчаса... часъ, больше... Господи!.. Какая должна быть боль... Вѣдь это горитъ; вотъ, заслонить свѣчку—свѣтится... Горитъ! Во мнѣ будетъ горѣть... Господи!

Ложка выпала у нея изъ руки.

— Господи! въ двадцать-пять лѣтъ, здоровой.. умереть, умереть, такъ, вдругъ, въ такихъ мѣстахъ... Господи!.. А тамъ зайдутъ сюда, будутъ осматривать, слѣдствіе... Создатель, такая смерть... Всю жизнь, всю молодую жизнь плакала, голодала, унижалась, скоронила все... и околѣть, какъ крыса, и надъ мертвой еще наругаются, истерзаютъ, бросать въ яму... Господи!.. А другимъ тепло, свѣтло, цвѣты, роскошь... Господи!..

Она рвала на себѣ волосы...

На лѣстницѣ кричали и бранились.

— Говорять тебѣ, дуракъ,—актриса Любина!

— Никакой актрисы у насъ нѣтъ,—отвѣчала оторопѣлымъ голосомъ полового.

— Восемнадцатый номеръ, наверху!

— Тамъ пріѣзжая, госпожа Риднева.

— Ну, Риднева, Любина, все равно! Свѣти!

Голоса все приближались.

— Да онѣ не приказали себя беспокоить...

— Вздоръ! Доложи: Николай Дмитриевичъ Мѣняевъ!

— Не приказано.

— Вздоръ!

Раздался ударъ въ дверь.

— Войдите,—сказала Риднева, бросивъ сѣлянку въ окно, и отворила.

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ

I.

Введенный, въ видѣ опыта, «проектъ положенія объ управленіи въ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской областяхъ» сослужилъ свою службу, и въ настоящее время выработывается особою комиссіею новое положеніе, на основаніи пятилѣтняго опыта и всесторонняго изученія на мѣстѣ бытовыхъ особенностей населенія далекой азіатской окраины. Такимъ образомъ, реформа 1867 года дѣлается достояніемъ исторіи. Вводя новое положеніе, организаціонныя комиссіи собирали болѣе или менѣе подробныя, болѣе или менѣе точныя статистическія свѣдѣнія о своихъ участкахъ. Особенно дѣятельно работала Кураминская комиссія. Собранныя ею данныя по топографіи уѣзда и по экономической дѣятельности населенія послужили мнѣ матеріаломъ при моихъ статистическихъ работахъ¹⁾, а служба моя по военно-народному управленію дала мнѣ возможность лично познакомиться съ Кураминскимъ уѣздомъ, провѣрить и дополнить собранныя до меня данныя, и такимъ образомъ составить довольно полный очеркъ уѣзда по всѣмъ отдѣламъ программы центрального статистическаго комитета.

Новый проектъ потребуеть, конечно, новыхъ комиссій для опредѣленія поземельныхъ правъ каждаго осѣдлаго жителя, и я полагаю, что рассказъ объ опытѣ предшественниковъ можетъ пригодиться новымъ дѣателямъ положительною или отрицательною

¹⁾ Статистическіе очерки средне-азиатской Россіи. — Зап. Импер. Географ. Общ. Т. IV. 1874.

своею стороною, т.-е. представляя примѣры, достойные подражанія, или предостерегая отъ ошибокъ.

Кураминскій уѣздъ населенъ такъ пестро, въ немъ перемѣшано столько народностей, переходы отъ пастушества къ земледѣлію, отъ кочевого образа жизни къ осѣдлости такъ рѣзко очерчиваются, что и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ наибольшій интересъ въ ряду другихъ уѣздовъ. Поэтому я считаю не лишнимъ подѣлиться, съ интересующимися этнографіей и статистикой Средней Азии, своими наблюденіями и свѣдѣніями, добытыми комиссіей. Напѣ трудъ будетъ состоять изъ двухъ отдѣловъ: собственно реформы, и очерка работъ организаціонныхъ комиссій и ихъ результатовъ въ Кураминскомъ уѣздѣ.

Движеніе наше къ Средней Азии началось еще съ 1730 года, когда киргизы Малой Орды, не находя нигдѣ спасенія отъ набѣговъ джунгарь, башкирь и яицкихъ казаковъ, обратились въ Россію съ просьбой принять ихъ въ подданство.

Учрежденіемъ оренбургской линіи по Уралу башкиры были замѣнуты и съ теченіемъ времени совершенно намъ подчинились — киргизы съ этой стороны были успокоены, имѣя къ тому же возможность всегда уклониться отъ нашего вліянія простою откочевкою къ югу.

Со стороны Сибири, линіи и поселенія тянулись *не одолъ* границы, а перпендикулярно къ ней, направляясь рядомъ параллельныхъ линій отъ сѣвера къ югу по меридіанамъ, ничѣмъ не связанныя по широтѣ.

Въ 1836 году, сибирскія линіи применили къ оренбургской при помощи соединенія Орска съ Троицеомъ. Въ 1844 г. мы заняли низовья Сыръ-дарьи, а въ 1864 г. рѣшено уже было связать образовавшуюся сыръ-дарьянскую линію съ западною Сибирью. Правительство надѣялось закрыть ничѣмъ не охранявшееся пространство, запереть эти громадныя ворота, сквозь которыя по корридорамъ, образованнымъ «линіями», беспрепятственно вторгались шайки кочевыхъ барантачей, вплоть до Иртыша и Урала.

Выполненіе этой задачи вызвало рядъ войнъ съ Боканомъ и Бухарою и повело къ занятію обширной территоріи, включающей теперь почти цѣликомъ бассейны Сыръ-дарьи, Чу, Или и Заравшана.

Завоеванія наши были до того неожиданны и до того не въ видахъ нашего правительства, что на примѣръ, 31-го октября

1864 года состоялось высочайшее повелѣніе о непремѣнной неподвижности нашей границы. Сначала хотѣли ограничиться Пишпекомъ и Аулие-ата, откуда вести пограничную черту по сѣверному склону хребта Кара-тау, отнюдь не занимая ни Туркестана, ни Чамкента. На дѣлѣ это оказалось намъ не по силамъ: мы были слишкомъ слабы, чтобы допустить такіе два лагеря передъ нашимъ фронтомъ, и достаточно сильны, чтобы занять ихъ. Стоя на главныхъ путяхъ, ведущихъ изъ двухъ средне-азиатскихъ ханствъ въ Россію, Чамкентъ и Туркестанъ послужили намъ какъ-бы замками, запирающими ворага сибирской и оренбургской окраинъ. Вслѣдъ за сказаннымъ повелѣніемъ былъ занятъ и Ташкентъ, но въ отношеніи министерства иностранныхъ дѣлъ къ оренбургскому генераль-губернатору (отъ 23-го февраля 1866) было высказано намѣреніе возвратить Ташкентъ назадъ. Не занявъ Чамкента и Туркестана, соединеніе Сибири съ сирдарьинской линіей было невозможно. Линія же отъ Чамкента къ Аулие-ата дѣлалась чисто фиктивною, какъ только Ташкентъ выпалъ бы изъ нашихъ рукъ: она была совершенно открыта и съ фланга, и съ тыла. Кромѣ того, нравственное значеніе и матеріальныя средства средне-азиатскихъ ханствъ были такъ сильны, что на прочность нашей новой линіи нельзя было бы рассчитывать. Только благодаря послѣдующимъ успѣхамъ нашимъ мы заняли наконецъ достаточно обезпеченное положеніе, дозволившее намъ заняться внутреннимъ устройствомъ занятыхъ земель.

Расширеніе нашихъ владѣній въ Средней Азіи и возстаніе дунганъ, возгорѣвшееся близъ нашихъ границъ съ западнымъ Китаемъ, до того измѣнили положеніе наше на юго-востоку киргизскихъ степей, что явилась необходимость принять безотлагательныя мѣры къ преобразованію существовавшаго управления этою пограничною полосою. Необходимость преобразованій чувствовалась тѣмъ осязательнѣе, что дѣйствовавшія тогда въ разныхъ частяхъ края узаконенія были крайне разнообразны: временное положеніе 6-го августа 1865 г. — для большей части края, сибирскія учрежденія 1822 — для копальскаго и сергіопольскаго округовъ, и «особое положеніе» для алатавскаго округа.

Оренбургскій генераль-губернаторъ, ген.-адъютантъ Крыжановскій, и тогдашній туркестанскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Романовскій, представляя хаотическое состояніе существовавшей администраціи, доносили, что такое положеніе терпимо долѣе быть не можетъ, и потому предлагали мѣры къ ея преобразованію.

Въ видахъ ознакомленія съ нуждами новаго края учреждена

была степная комиссія, на обязанность которой было возложено объѣхать всѣ вочевки и населенныя мѣста Туркестанской области и составить проектъ положенія для управления ею. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ, а членами: полковники Гутовскій и Гейнсъ и подполковникъ Проценко. Цѣлыхъ два года комиссія разъѣзжала по степи, знакомилась съ бытомъ народа, собирала статистическія данныя и, наконецъ, выработала проектъ положенія объ управленіи народомъ. Въ основаніе соображеній по устройству администраціи края комиссія приняла слѣдующія начала: 1) Неразрѣдность власти военной и административной. 2) Необходимость приблизить устройство мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, по возможности, къ администраціи, существующей въ другихъ частяхъ имперіи. 3) Предоставленіе внутренняго управленія туземнымъ населеніемъ по дѣламъ, не имѣющимъ политическаго характера, — выборнымъ изъ среды народа. 4) Отстраненіе въ этихъ низшихъ народныхъ учрежденіяхъ порядковъ, вредныхъ интересамъ Россіи. 5) Образованіе и развитіе административныхъ органовъ, сообразно мѣстной потребности, съ точнымъ указаніемъ предѣловъ ихъ власти. 6) Отдѣленіе суда отъ администраціи, въ возможной, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, степени.

Заключенія Особого Комитета, специально обсуждавшаго вопросъ о преобразованіи управленія въ Туркестанской области, были высочайше утверждены 11-го апрѣля 1867 г.

Согласно этимъ заключеніямъ, Туркестанская область и часть Семипалатинской (къ югу отъ Тарбагатайскаго хребта) были дѣланы изъ вѣдѣнія оренбургскаго и западно-сибирскаго генералъ-губернаторовъ и соединены въ одно генералъ-губернаторство, названное туркестанскимъ и раздѣленное на двѣ области: Семирѣченскую и Сыръ-дарьинскую. Противъ отдѣленія Ташкента отъ Оренбурга сильно ратовалъ оренбургскій генералъ-губернаторъ, доказывавшій, что «самостоятельное» существованіе туркестанскаго округа опасно, ибо грозитъ отдѣленіемъ, по слабости его связи съ центромъ. Юнкерское училище даетъ въ Ташкентѣ офицеровъ, а само находится въ Оренбургѣ; дороги за Орскъ *не нужны* оренбургской власти и можно надѣяться, что, въ случаѣ отдѣленія, почтовая гоньба придетъ въ упадокъ (это и случилось на дѣлѣ) и т. д.: въ такомъ родѣ были аргументы.

Выработанный степною комиссіею проектъ положенія объ управленіи въ областяхъ туркестанскаго генералъ-губернаторства, согласно резолюціи комитета министровъ, высочайше утвержденной 14-го іюля 1867 г., рѣшено было ввести въ видѣ опыта на

три года; но при этомъ генераль-губернатору предоставлено было право, примѣняясь къ указаннымъ въ проектѣ основаніямъ, принимать всѣ тѣ мѣры, какія будутъ признаны полезными для лучшаго устройства края. По проекту положенія, Семирѣченская область раздѣлялась на пять, а Сыръ-дарьинская на восемь уѣздовъ.

Организація управленій проектирована была слѣдующая:

Во главѣ управленія всего края—генераль-губернаторъ; при немъ: канцелярія и чины для порученій (въ томъ числѣ одинъ по дипломатической, одинъ по горной и одинъ по финансовой частямъ). Во главѣ управленія областей — военные губернаторы и областныя правленія, въ каждомъ три отдѣленія: распорядительное, хозяйственное и судное; въ областныхъ городахъ учреждаются областныя казначейства и областныя почтовые конторы; въ уѣздахъ: уѣздные начальники, при нихъ два помощника (младшій назначается изъ туземцевъ) и канцелярія. Кромѣ того: уѣздный врачъ, уѣздная касса, почтовое отдѣленіе и уѣздный судья; въ г. Ташкентѣ: начальникъ города, его помощникъ, канцелярія и городской врачъ; въ г. Вѣрномъ: городничій.

Ближайшее внутреннее управленіе туземнымъ населеніемъ положено было предоставить выборнымъ изъ среды самого народа, примѣняясь къ его обычаямъ. Туземное населеніе туркестанскаго края состоитъ изъ кочевыхъ и осѣдлыхъ; первые преимущественно киргизы, вторые сарты. Киргизы дѣлятся на роды, роды на отдѣленія и подъ-отдѣленія. Неудобства этого подраздѣленія, въ административномъ отношеніи, состоятъ въ томъ, что роды, составляя большія и неравномѣрныя единицы, раскинуты иногда на значительномъ пространствѣ, а соединеніе большихъ родовъ подъ властію одного родоначальника можетъ быть неудобно въ политическомъ отношеніи.

Такъ какъ у киргизовъ Западной Сибири уже десятки лѣтъ существуетъ подраздѣленіе на волости и аулы, вполне соответствующее волостнымъ и сельскимъ обществамъ Россіи, и такъ какъ оно принесло благопріятные результаты, то не было никакого повода предполагать, чтобы такая же организація управленія туркестанскими киргизами могла имѣть неудовлетворительныя послѣдствія. Чтобы устранить вліяніе богатаго или знатнаго меньшинства, рѣшено было предоставить право выбора *всему* народу, безъ ограниченія ценомъ. Въ каждомъ аулѣ хозяева десяти кибитокъ назначаютъ одного избирателя, сходъ этихъ избирателей выбираетъ аульнаго. Затѣмъ, отъ каждыхъ пятидесяти кибитокъ назначается также одинъ избиратель, съѣздъ этихъ избирателей со всей волости выбираетъ волостного. Опредѣленіе

размѣра содержанія волостнымъ и аульнымъ предоставляется самимъ обществамъ, приговоры которыхъ должны быть составлены, впрочемъ, *раньше* выборовъ этихъ должностныхъ, чтобы устранить при этомъ вліяніе ихъ.

Осѣдлое населеніе также выбираетъ старшинъ или аксакаловъ¹⁾ посредствомъ избирателей, назначенныхъ отъ каждаго десяти домовъ. Немноголюдныя, но близко другъ къ другу лежащія селенія соединяются по два и болѣе подъ властію одного аксакала, а большія селенія и города раздѣляются на кварталы—махале. Существовавшіе при коканцахъ *раисы*—особые полицейскіе чиновники, наблюдавшіе за нравственностію и религіозностію народа, были оставлены, съ тѣмъ однакоже, чтобы вакансіи, могущія открыться впредь за смертію раиса или за выбытіемъ его—уже не замѣщались новыми лицами.

Въ краѣ дѣйствуютъ три рода суда: 1) *военный*—за измѣну, возбужденіе народа къ неповиновенію, нападеніе на почты и военные транспорты и за убійство христіанина и должностного лица; 2) *по общимъ уголовнымъ законамъ имперіи*: за разбой, грабежъ, нападеніе на караваны, похищеніе казеннаго имущества, дѣланіе фальшивой монеты, сопротивленіе властямъ и побѣгъ въ чужія владѣнія; 3) *народный*: за всѣ остальные преступленія, не исключая баранты и убійства у киргизовъ; сарты же по этимъ преступленіямъ вѣдаются судомъ уголовнымъ.

Русскіе подданные, не-туземцы, судятся по общимъ законамъ. Тому же суду подлежатъ и дѣла между туземцами и русскими, а также между сартами и киргизами. Такимъ образомъ, если истецъ не единоплеменный отвѣтчику, онъ уже долженъ обращаться не къ народному, а къ русскому суду.

Органами суда народнаго служатъ *би* у киргизовъ и *кази* у сартовъ. Судъ биевъ—гласный и публичный; онъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти и по обычаю. Судъ казиевъ также гласный и публичный, но основывается на *шариатѣ*, то-есть на коранѣ и его толкованіяхъ, и сохраняетъ по преданію рутинную неподвижность, безъ всякаго отношенія къ духу времени и требованію обстоятельствъ. Въ видахъ ослабленія вліянія казиевъ, а слѣдовательно и фанатическаго духовенства, приняты были слѣдующія мѣры: 1) предоставлено народу выбирать судей на 3 года, чрезъ что устраняются вредныя послѣдствія ихъ несмѣняемости и со временемъ явится возможность попадать въ кази и не однимъ ходжамъ²⁾);

1) *Акъ*—бѣлый, *сакаль*—борода.

2) *Ходжа*—святоша, отсюда наше „хавжа“.

2) территория края раздѣлена на судебныя участки, вѣдающіеся каждый исключительно своимъ казіемъ, что, конечно, должно было вкорвать авторитетъ *кази-келянговъ* (келянъ — старшій) и разныхъ святошей, къ которымъ при прежнемъ порядкѣ по преимуществу стекались тяжущіеся; 3) учреждены періодическіе съѣзды казіевъ, рѣшающіе дѣла уголовныя, а также исковыя, если они превышаютъ власть казія, то-есть выше 100 рублей. Эта мѣра, во-первыхъ, уменьшаетъ значеніе казія, а во-вторыхъ, даетъ болѣе правильную организацию существовавшимъ и прежде съѣздамъ, даетъ, сверхъ того, возможность надзора безъ нарушенія шаріата; 4) разрѣшено туземцамъ обращаться и къ русскому суду, но только до разбора дѣла у казія или и послѣ разбора, но уже тогда при заявленномъ неудовольствіи *обѣихъ* сторонъ и съ *обоюднано* ихъ на то согласія. Эта мѣра увеличитъ, конечно значеніе русскаго суда, не придавая ему нисколько характера апелляціонной инстанціи, къ которой въ большинствѣ случаевъ здѣсь обращалась бы неправая сторона, что напрасно увеличивало бы работу судебныхъ властей и развило бы ябеды; 5) отмѣнены тѣлесныя наказанія и смертная казнь, постановлявшіяся прежде судомъ казіевъ. Форма судопроизводства у биевъ и казіевъ имѣетъ много общаго съ нашимъ мировымъ судомъ: предложеніе сторонамъ окончить дѣло миромъ или третейскимъ разбирательствомъ, гласность и публичность суда, отсутствіе письменнаго производства, простота и несложность обрядовъ, — все это дѣлаетъ русскій судъ доступнымъ пониманію туземцевъ и не поражаетъ ихъ новизною, а принимается какъ давно знакомое дѣло.

Нѣтъ сомнѣнія, что туземцы будутъ охотнѣе обращаться къ русскому суду, какъ болѣе развитому и гуманному, чѣмъ казіевъ и бий. Съ распространеніемъ суда совѣсти — суду шаріата, а съ нимъ и фанатизмъ станутъ упадать мало-по-малу, уступая мѣсто русскому праву и вѣротерпимости. Бий — отъ 4 до 8 на каждую волость — выбираются тѣми же представителями народа, которые выбираютъ и волостного. Жалованья имъ не полагаются, но они получаютъ *бий-мыкз* за рѣшеніе каждаго дѣла, т.-е. установленный обычаемъ штрафъ съ виновнаго. Казіи также не получаютъ жалованья, а довольствуются *кази-мыкомъ*. Понятно поэтому, что доходъ судьи прямо зависитъ отъ количества рѣшенныхъ имъ дѣлъ, а это количество прямо зависитъ отъ доброй славы судьи: если онъ извѣстенъ за толковаго человѣка, умѣющаго скоро отличать ложь отъ правды, если онъ затѣмъ еще и справедливъ, не кривитъ душою, не склоняется подарками на сторону неправую, то къ нему и будутъ обращаться преимущественно передъ

другими. Обычаемъ киргизовъ установлено, что тѣжущіеся имѣютъ право, съ обоюднаго впрочемъ согласія, обращаться къ тому или другому бію, не стѣсняясь въ выборѣ ничѣмъ, хотя бы онъ былъ не только другого рода, но даже и жилъ бы за тридцать земель. Этотъ обычай, въ сущности не дурной, подтвержденъ и нашимъ положеніемъ. Въ Семирѣчьи, напримѣръ, ссоры между киргизами, каркаралинцами, джалаиловцами и намовцами, при невозможности найти изъ своихъ равно безпристрастнаго къ обѣимъ сторонамъ судью, повели къ тому, что всѣ спорныя дѣла оставались до приѣзда какого-нибудь русскаго, хотя бы простого казака. Въ особенности прославился одинъ рыбопромышленникъ, извѣстный у киргизовъ подъ именемъ *аксакъ-маіора* (хромой маіора). Онъ ежегодно приѣзжалъ, разбиралъ споры и бралъ бій-лыкъ.

У сартовъ, гдѣ казіи въ то же время и духовное лицо — намъ неудобно было бы узаконять тотъ же обычай: это питало бы въ народѣ ненужный фанатизмъ, а цѣлью нашей было сколько можно ограничить значеніе этихъ святошей. Достигнута эта цѣль весьма простымъ средствомъ: казіи приурочены къ своимъ участкамъ и принимать дѣла изъ другого участка не имѣютъ права.

Для рѣшенія дѣлъ, превышающихъ сумму въ 100 р., учрежденъ *създъ биевъ* со всей волости, а у сартовъ *създъ казіевъ*; рѣшенія этихъ създовъ окончательны на сумму не выше 1,000 р. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ исковыхъ или гражданскихъ, а также и уголовныхъ, у киргизовъ—учреждается еще *чрезвычайный създъ биевъ* со всего уѣзда; этотъ създъ собирается только по распоряженію уѣзднаго начальника и въ его присутствіи. Рѣшенія суда биевъ и казіевъ записываются въ особую книгу и объявляются сторонамъ, съ выдачею *вышравшей* сторонѣ копіи съ постановленія за печатами судей. Только по однимъ брачнымъ дѣламъ сторона, *недовольная* рѣшеніемъ народнаго суда, можетъ обратиться къ уѣздному начальнику, которому и предоставляется право рѣшить дѣло окончательно. Понятно, что будетъ обращаться къ русской власти именно женщина. Подчинить браворазводныя дѣла вѣдѣнію русскаго суда казалось неудобно и въ томъ отношеніи, что въ нашихъ законахъ нѣтъ статей, которыми бы могъ руководствоваться судья въ этихъ случаяхъ. Есть, напротивъ, статьи, положительно воспреещающія всякія условія, клонящіяся къ расторженію брака или къ нарушенію «святости» его. У насъ, при трудности добыть законный разводъ у духовной власти, житейская практика выработала обычай обращаться въ этихъ случаяхъ къ свѣтской власти. Генераль-губернаторы, оберъ-полицій-

мейстеры, шефъ жандармовъ могутъ выдать притѣсняемой женщины отдѣльный видъ на жительство. Этотъ нашъ обычай перенесъ былъ и на средне-азиатскую почву: въ лицѣ уѣзднаго начальника туземная женщина получила естественнаго защитника. О томъ, какъ пользовались русскіе этимъ правомъ, я сваяю впоследствии, когда придется говорить о результатахъ реформы по наблюдениямъ моимъ въ Курамѣ.

Съ кочевого населенія положено взимать кибиточную подать, но не личную съ каждаго поименованнаго въ спискѣ, а съ волости, которая должна внести сумму по расчету въ 2 руб. 75 коп. на каждую душу, и сама уже раскладываетъ эту сумму *не поровну* на богатыхъ и бѣдныхъ, а *пропорціонально* состоянію каждаго. Такимъ образомъ, введена наша круговая порука. Точно также раскладываются и остальные сборы: почтовый, на общественные расходы и т. п. Общественные расходы заключаются въ жалованьи волостнымъ, аульнымъ, аксакаламъ и прочимъ. Волостному управителю объявляется вычисленная заранѣе и назначенная губернаторомъ цифра податей, падающихъ на его волость. Эту сумму раскладываютъ по ауламъ, смотря по ихъ богатству, выборные отъ 50 кибитокъ. Последнюю раскладку между юрто-владѣльцами въ каждомъ аулѣ производятъ выборные отъ десяти кибитокъ. Самый же сборъ производится аульными старшинами. Собранныя деньги сдаются волостному, а этотъ отвозитъ ихъ въ мѣстную уѣздную кассу. Съ осѣдаго населенія опредѣлено взимать *хераджъ* въ $\frac{1}{10}$ съ урожая и *таманный сборъ* съ произведеній земли, не подлежащихъ хераджу. Сборъ эти взимаются порядкомъ издавна существующимъ у туземцевъ, т.-е. особыми специальными сборщиками — *серкерами*. Дѣло серкера весьма не легко: онъ долженъ вычислить площадь засеяннаго поля, чтобъ опредѣлить сколько въ немъ *тамановъ* ¹⁾ и сколько, значитъ, слѣдуетъ выискать съ землевладѣльца; онъ долженъ вѣрно опредѣлить на глазъ, какъ великъ можетъ быть урожай на каждомъ данномъ участкѣ, принявъ въ расчетъ количество высѣяннаго зерна и густоту стоящаго на ворню хлѣба... Все это требуетъ извѣстныхъ званій и снаровки. Вотъ почему хорошій серкеръ всегда цѣнился, и вотъ гдѣ источникъ богатства этихъ специалистовъ: оцѣнивая на глазъ, серкеръ можетъ ошибиться—въ пользу землевладѣльца, а за это можетъ получить и должную благодарность.

Съ торгующихъ туземцевъ сыр-дарьинской области взимается

1) Таманъ = $\frac{1}{6}$ части нашей десятины.

заявять въ $2\frac{1}{2}\%$ съ торговаго капитала или въ $\frac{1}{40}$ часть стоимости товара. Цифра эта установлена во всей Азии древнимъ обычаемъ.

Въ Семирѣченской области, а также въ Казалинскѣ и Перовскѣ торгующіе туземцы подчиняются торговому уставу, общему для всей имперіи. Заявять тамъ взыскивается только съ каждаго приходящаго изъ-за границы иностраннаго каравана, въ чемъ и выдается квитанція караванъ-башу. Такая разница правъ туземнаго купечества въ одномъ и томъ же округѣ, конечно, не можетъ считаться нормальною, и со временемъ придется ввести однообразную систему.

Подводная повинность въ видѣ поставки арбъ ¹⁾, верблюдовъ и лошадей для передвиженія войскъ и тяжестей—отмѣнена. Впрочемъ, въ военное время и въ экстренныхъ случаяхъ разрѣшается прибѣгать и къ наряду, но съ уплатою за перевозку или, какъ здѣсь говорятъ, «за жиръ» и за упалыхъ животныхъ, по опредѣленной, т.-е. назначенной начальствомъ, цѣнѣ. Постоянная повинность или квартирная, въ видѣ размѣщенія войскъ по туземнымъ жилищамъ или въ видѣ выставки кибитокъ на ночлеги проходящихъ командъ, также не существуетъ. Войска располагаются въ походѣ бивуаками или возятъ съ собою кибитки, на мѣстѣ—въ базармахъ, а лѣтомъ—въ баракахъ.

26 октября 1867, вновь назначенный ген.-губернаторъ предписалъ воен. губернатору Семирѣченской области составить пять организаціонныхъ комиссій, по числу предположенныхъ уѣздовъ, и приступить къ составленію списковъ юртовладѣльцевъ, въ образованію ауловъ и волостей, выбору должностныхъ и раскладкѣ податей. Такъ какъ въ Семирѣченской области населеніе по преимуществу кочевое, то нужно было приняться за дѣло немедленно и окончить его въ теченіи зимы, чтобы захватить всѣ кочевки на мѣстахъ. Позднее прибытіе въ край нѣкоторыхъ изъ вновь назначенныхъ чиновъ военно-народнаго управленія задержало дѣло организаціи, и чтобы наверстать потерянное время пришлось потомъ раздѣлить Сергіопольскій и Копальскій уѣзды на два участка каждый и сформировать двѣ новыхъ комиссій, которымъ, конечно, досталось вдвое менѣе работы, и потому онѣ могли окончить ее къ назначенному сроку. Работы Семирѣченскихъ комиссій начались съ декабря 1867 года и продолжались отъ 3-хъ до 7 мѣсяцевъ.

20-го декабря 1867 предписано было сформировать и въ

¹⁾ Арба—телега на двухъ высокихъ колесахъ.

Сыр-дарьинской области *три* комиссіи для уѣздовъ, гдѣ преобладаетъ кочевое населеніе, а именно: для Аулие-атинскаго, Казанскаго и Перовскаго. Всѣ комиссіи снабжены были инструкціями, указывавшими, впрочемъ, только общіе приемы предстоявшихъ работъ, и не стѣснявшими исполнителей излишними подробностями, которыя на практикѣ могли бы оказаться непримѣнными. Руководителемъ всего дѣла организаціи былъ одинъ изъ членовъ степной комиссіи, А. К. Гейнсъ, назначенный правителемъ канцеляріи генераль-губернатора. Комиссіямъ указано было формировать аулы изъ 100 и до 200 кибитокъ; названія ауламъ давать по нумерамъ, сохраняя особую нумерацію въ каждой волости. Затѣмъ указанъ былъ самый порядокъ выборовъ: сначала избирателей по одному отъ каждаго 10 и по одному отъ каждаго 50 кибитокъ, а затѣмъ и выборовъ аульных старшинъ, волостныхъ управителей и наконецъ биевъ. Волости указано формировать изъ 1,000 и до 2,000 кибитокъ. Названія волостямъ давать или по главному, вошедшему въ составъ ея роду, или по урочищу, гдѣ расположены зимнія стойбища. Во все время работъ комиссіи должны были обходить вопросъ о податяхъ, и только во второй объѣздъ разъяснить народу порядокъ взиманія податей, тогда же объявить и о введеніи особыхъ бляхъ для должностныхъ лицъ, а также о форменныхъ для нихъ печатяхъ. Всѣ эти вопросы казались наиболѣе щекотливыми. Для завѣдыванія сборами податей и хозяйствомъ волостей приказано было учредить въ каждомъ уѣздѣ по нѣскольку хозяйственныхъ управленій, соединяя для этого по 8—10 волостей, которыя и выбираютъ членовъ управленія по два, по три отъ каждой.

При выполненіи этой программы, комиссіи, начавшія работы зимою, встрѣтили множество препятствій: разбросанность кочевковъ небольшими группами дѣлала невозможнымъ посѣщеніе каждой группы, за недостаткомъ времени. Поэтому, вполне правильнаго составленія списковъ ожидать было нельзя. Суровое время года крайне затрудняло переѣзды комиссій. Бураны закрывали иногда всѣ пути въ какое-нибудь ущелье, гдѣ пріютился тотъ или другой аулъ. Необходимость окончить работы къ веснѣ, т. е. ко времени начала перекочевовъ, заставляла спѣшить съ подготовительными работами: киргизы боялись показывать **практично** число кибитокъ, чтобы съ нихъ не взыскали недоборъ податей за прошлые годы. Въ Семирѣченской области, гдѣ прежде **взимался** *ясакъ*, то-есть подать со скота, киргизы старались скрыть истинное число кибитокъ, чтобы уклониться отъ обложенія податью. Наконецъ, нашлись и злонамѣренные люди, распространяв-

шіе нелѣпные слухи о томъ, что мы будто бы хотимъ сдѣлать киргизовъ осѣдлыми, какъ сдѣлали это съ башкирами; что если составляются списки, то съ цѣлю потому брать рекрутъ по одному съ 10 кибитовъ. Слухи эти повели къ тому, что, напримѣръ, въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, въ списки юртовладѣльцевъ, если ужъ никакъ нельзя было пропустить кого-нибудь, записывали нерѣдко давно умершихъ или недавно родившихся,—такъ что хозяиномъ оказывался не отецъ, а самый младшій сынъ! Въ томъ же уѣздѣ брали даже бѣа, котораго и имени не было въ спискѣ хозяевъ.

Въ Казалинскомъ уѣздѣ, къ подобнымъ же слухамъ присоединилось еще то обстоятельство, что бѣа, съѣхавшіеся на торги для поставки саксаула, получивъ извлеченіе изъ положенія (въ переводѣ на киргизскій языкъ) выдали его за приказъ собрать съ народа деньги. Результатомъ этого было то, что около 500 кибитовъ уочевало въ оренбургскія степи, а болѣе 1,200 въ Хиву.

Какъ легко удавалось киргизамъ уклоняться отъ записи, можно судить изъ того, что когда до генерала Колпаковскаго ¹⁾ дошли слухи о пропускахъ, сдѣланныхъ вѣрненскою комиссіей, то онъ самъ поѣхалъ провѣрить одну волость и, при помощи своихъ агентовъ, нашелъ 324 кибитки, не попавшія въ перепись. Комиссіи это было поставлено на видъ, и при второмъ объѣздѣ она сама нашла еще 4,266 кибитокъ, всего же, противъ прежняго счета, открылось 12,815 лишнихъ кибитовъ.

Въ Токмавскомъ уѣздѣ открыто . . .	8,711
> Копальскомъ	3,660
> Сергіопольскомъ	1,222
> Иссымъ-бульскомъ	308
А всего	26,716

Степная комиссія считала, что по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ всего числа кибитокъ скрывается отъ обложенія податью, и потому опредѣляла все число кибитокъ Семирѣченской области въ 62,000. Организационныя комиссіи записали 104,811 кибитокъ, слѣдовательно, противъ счета степной комиссіи на 42,812 кибитокъ болѣе, а это составляетъ почти 65⁰/₀, то-есть не $\frac{1}{3}$, а $\frac{2}{3}$ кибитокъ укрывались отъ подати!

Самый порядокъ переписи въ семирѣченскихъ уѣздахъ былъ таковъ: прибывъ въ аулъ, тотчасъ собирали юртовладѣльцевъ и переписывали имена ихъ, съ отмѣткой числа кибитокъ, принадлежащихъ каждому. Повѣрка числа юртъ производилась при

¹⁾ Вышшаго тогда губернаторомъ Семирѣченской области.

перечислѣ выборныхъ десятниковъ и пятидесятниковъ, какъ для простоты называли депутатовъ-избирателей. Вызывая депутата, одинъ изъ членовъ спрашивалъ его, отъ кого онъ выбранъ, а другой отмѣчалъ по списку его показанія, и кого нѣтъ, того писывали. Для скорости, въ Токмакскомъ уѣздѣ дѣлалось такъ: въ одинъ центральный аулъ собирали выборныхъ изъ окрестныхъ ауловъ, гдѣ списки поручалось составить старому волостному; списки эти повѣрялись десяточными, затѣмъ, нововыбранному волостному также приказывалось составить списки и затѣмъ производилась перекрестная повѣрка. Если являлось сомнѣніе, то при объѣздѣ коммиссія повѣряла на выдержку 1 аулъ съ волости.

Въ Вѣрненскомъ уѣздѣ также собирали по 1,000 и болѣе юртовладѣльцевъ въ центральные пункты и тамъ записывали; но какъ это производилось во время уразы ¹⁾, то народъ собирался весьма неохотно, и мы уже знаемъ, сколько коммиссіей было пропущено кибитокъ.

Въ Сергіопольскомъ уѣздѣ придумано было каждому юртовладѣльцу выдавать особый *билетъ* на право кочевать въ извѣстномъ, указанномъ самимъ киргизомъ, мѣстѣ. Киргизы брали билеты весьма охотно, такъ какъ это походило на документъ, закрѣплявшій за ними землю. При объѣздѣ же, коммиссія спрашивала билеты и сейчасъ отерывала, кого не было на сборномъ пунктѣ. Мысль удачная и вполне отвѣчающая цѣли.

Для ознакомленія народа съ новыми порядками, генераль Колпаковскій велѣлъ перевести на киргизскій языкъ нѣкоторые параграфы положенія (130—135, 181—213 и отъ 151 по 171), касавшіеся киргизовъ. Переводы эти были розданы по одному на волость. Такъ какъ у разныхъ султановъ было много *теленитовъ*, рабовъ, которые объявлены были нами свободными, и какъ, кромѣ того, оказалось много всякаго сброда изъ батраковъ, бѣдняковъ, отставшихъ отъ своего рода, то ихъ приказано размѣстить по разнымъ волостямъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы они ни въ одной не оказались большинствомъ. Въ Копальскомъ уѣздѣ, гдѣ волости часто приходилось составлять изъ нѣсколькихъ родовъ, генераль Колпаковскій разрѣшилъ *уравнивать* число избирателей отъ слабыхъ и сильныхъ родовъ: слабѣе выставляли для выбора волостного не по одному отъ 50 кибитокъ, а по одному съ 45-ти, съ 35-ти и даже съ 25-ти, то-есть уже по два отъ 50-ти кибитокъ. Такимъ образомъ, сильные роды не могли подавить слабыхъ большинствомъ голосовъ и не могли навязать имъ

¹⁾ Мусульманскій постъ.

своихъ волостныхъ, биевъ и членовъ хозяйственныхъ управленій. Потомки знаменитаго хана Аблая, считающіеся теперь въ числѣ 19-ти кибитокъ въ Вѣрненскомъ и нѣсколькихъ еще (сколько именно — я цифры не нашелъ) въ Копальскомъ, навсегда освобождены отъ всякихъ податей. Право это переходитъ, впрочемъ, только къ старшему въ родѣ и потому обѣленныхъ *всегда* будетъ только то число, какое записано въ организацию 1868 года. Аулы составлялись изъ 150—200 сосѣднихъ кибитокъ; изъ 8—11 ауловъ составлялась волость. Такимъ образомъ, волость составлялась изъ 1500—2000 юртъ; если въ составъ ея входило бѣдное населеніе, то волость дѣлалась сильнѣе числомъ кибитокъ, чтобы легче могла содержать своихъ представителей. Къ границамъ области волости дѣлались *мелче*, даже до 800 кибитокъ; цѣль была та, чтобы облегчить волостному наблюденіе за порядкомъ, что въ особенности нужно и въ особенности трудно именно на границахъ.

Названія волостямъ давались по урочищамъ и рѣкамъ, что давало возможность, по одному названію, знать, гдѣ она расположена и, кромѣ того, родовыя имена по-немногу исчезаютъ. Всѣ коммисіи почти безъ исключенія держались такого правила, отдавая преимущество территориальному началу передъ родовымъ. Основаніемъ для границъ волости приняты были зимнія кочевки и пашни: лѣтнія нельзя было принять за основаніе, потому что иные роды откочевываютъ весьма далеко. Коммисіи ограничивались только приведеніемъ въ извѣстность мѣста лѣтнихъ и лишь въ случаяхъ, когда онѣ были не далеко отъ зимовокъ — ихъ включали также въ границы волости. Выборы волостныхъ производились закрытой баллотировкой записками. Правду сказать, это было нѣсколько неясно: какъ можетъ *написать* записку неграмотный? А если за него пишетъ другой, то это ужъ никакъ не *закрытая* баллотировка... Списокъ избранныхъ представлялся губернатору, который иногда и не утверждалъ выбора, а *назначалъ* забаллотированнаго. Это хотя и разрушало принципъ выбора, но въ виду новости дѣла для самихъ киргизовъ было совершенно неизбѣжно. Въ Копальскомъ уѣздѣ, напримѣръ, выбрали однажды совершенно дряхлаго, 87-ми-лѣтняго старика, а кандидатомъ къ нему человека необыкновенно тучнаго и пораженнаго хроническимъ ревматизмомъ! Понятно, что оставить народу выбранныхъ имъ точно на потѣху — было нельзя. Случалось также, что выборъ падалъ на лицъ неблагонадежныхъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніяхъ. Жалованье аульнымъ старшинамъ назначалось выборными отъ 50-ти кибитокъ, и одинаковое по

всей волости — отъ 50 до 125 рублей. Волостнымъ назначалось отъ 400 до 600 руб., считая съ разсылными. Были случаи, что должностные отказывались отъ жалованья. Такъ, въ Иссыкь-кульскомъ уездѣ трое волостныхъ и всѣ аульные старшины въ двухъ волостяхъ отказались отъ жалованья, сохранивъ только назначенны имъ на содержаніе джигитовъ-разсылныхъ — по 70 р. въ годъ (волостнымъ по 150 р.). Раскладка податей производилась при второмъ объездѣ. Среднимъ счетомъ каждая кибитка должна была платить по 3 р. $73\frac{2}{3}$ коп., считая въ томъ числѣ и расходы на администрацію. Реформа встрѣчена была населеніемъ Семирѣчья съ довѣріемъ и благодарностію — въ этомъ заслуга организаціонныхъ комиссій, которыя такимъ образомъ сумѣли разъяснить дѣло какъ слѣдуетъ.

Только въ одномъ Токмакскомъ уездѣ сарабагиши постарались стоять подалеже отъ административнаго центра и, двигаясь на востокъ, потѣснили богинцевъ, которые, не будучи въ силахъ отразить баранту и сберечь скотъ отъ расхищенія, вынуждены были уступить свои мѣста. Сарабагиши заняли, такимъ образомъ, даже пашни богинцевъ по р. Кунгею. Въ степныхъ уездахъ Сырдарьинской области нѣкоторый непорядокъ произошелъ только въ Казалинскомъ уездѣ, гдѣ, какъ сказано, оточевало 1,728 кибитокъ (482 въ оренбургскую степь и 1,246 въ Хиву), вслѣдствіе плутовства биевъ. Въ Аулие-атинскомъ уездѣ киргизы, по примѣру вѣрненскихъ, хотѣли составлять волости по родамъ, не соединяясь по нѣскольку родовъ въ одну волость, такъ какъ каждый родъ хотѣлъ избрать своего волостного. Предсѣдатель комиссіи, артиллеріи капитанъ Мѣдинскій, обошелся безъ всякаго шума и весьма просто: онъ удалил изъ толпы наиболѣе вліятельныхъ людей, заинтересованныхъ почему-либо въ выборѣ, и толпа согласилась на все.

Казалинская комиссія (предсѣдатель — генеральнаго штаба капитанъ Соболевъ) сочла нужнымъ отступить въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ указаній инструкціи. Во-первыхъ, аулы формировались не изъ 200, а изъ 300 и 400 кибитокъ; волости изъ 1,750—2,254 кибитокъ. Бии выбраны были для *каждаго аула*, въ видахъ облегченія народа, а не по 4 на всю волость. Киргизы просили еще опредѣлять имъ и *аульныя границы*, такъ какъ зимою, при наплывѣ кочевниковъ изъ другихъ родовъ, является недостатокъ въ топливѣ и кормѣ. Просьба эта была удовлетворена, что заслуживаетъ одобренія уже въ томъ отношеніи, что выдвигаетъ на первый планъ поземельные интересы. При раскладкѣ податей оказалось, что большая часть выборныхъ не

знали и не понимали, какъ надо вѣзаться за дѣло, какъ разложить всю причитающуюся съ волости сумму по ауламъ, чтобы это вышло *уравнительно* и пропорціонально богатству ихъ. Комиссія должна была произвести эту раскладку сама. При опредѣленіи границъ волостей, оказалось невозможнымъ включить въ нихъ и лѣтовки, такъ какъ чумекеевцы, дюртваринцы, алтынцы, китинцы, чивлинцы, явпасцы и др. уходятъ на рр. Иргизъ и Тургай и далѣе, до Орсеа, особенно, когда на Сырѣ легкая зима и потому ожидается сухое лѣто. На западъ названные роды доходятъ до Малыхъ-Барсуковъ. Кромѣ того, *минчи* ¹⁾, разбогатѣвъ теперъ, также тянутся вочевать на сѣверъ.

Въ видахъ административныхъ, полезно было бы присоединить Иргизскій и Тургайскій уѣзды къ туркестанскому генералъ-губернаторству, такъ какъ лѣтомъ въ нихъ переселяется почти весь Казалинскій уѣздъ, спасающій свои стада отъ сыр-дарьинскаго овода.

Прежде чѣмъ приступить къ организаціи остальныхъ уѣздовъ Сыр-дарьинской области, въ которыхъ приходилось имѣть дѣло уже съ осѣдлымъ населеніемъ—надобно было произвести предварительный опытъ на Ташкентѣ. Принявъ реформу, Ташкентъ послужилъ бы хорошимъ примѣромъ и другимъ городамъ, что казалось тѣмъ важнѣе, что осѣдлыхъ туземцевъ, какъ болѣе знакомыхъ съ тонкостями мусульманскаго ученія, у насъ считали менѣе склонными къ реформѣ, чѣмъ киргизовъ. Кромѣ того, на Ташкентѣ могли подучиться, собранные на этотъ случай, члены другихъ комиссій, люди болѣею частью новые, только-что прибывшіе изъ Россіи и вовсе съ краемъ незнакомые.

Для организаціи г. Ташкента была сформирована комиссія изъ нѣсколькихъ отдѣленій, подъ предсѣдательствомъ ген.-м. Гейнса. Составленіе списковъ и здѣсь встрѣтило много затрудненій. При опасеніи возбудить открытое противодѣйствіе и при нежеланіи нарушить народные обычаи, комиссіи избѣгали входить внутрь дворовъ, а при такомъ своеобразномъ характерѣ построекъ, каковы здѣшнія, весьма легко замаскировать не только домъ, но и цѣлую улицу: загородятъ входъ арбой, замажутъ калитку глиной и увѣряютъ, что тутъ не жилье, а сады. Входить для проверки было запрещено, и приходилось отмѣчать садомъ чуть не цѣлый кварталъ!

Для разъясненія жителямъ касавшихся ихъ параграфовъ проектъ

¹⁾ Бѣдьяки киргизы, не имѣвшіе скота и средствъ къ кочевью и потому занятыіе земледѣіемъ. Ихъ въ 1868 г. насчитано 4,836 кибитокъ.

положенія—приглашены были въ комиссію улемы, казіи, аксакилы и другіе почетные туземцы. Нѣкоторые параграфы вызвали выраженія со стороны улемовъ. Нашли, напримѣръ, что *выбора* казіи допустить отнюдь нельзя, ибо это будетъ нарушеніемъ шаріата; нельзя также отмѣнять права казіевъ приговаривать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, отсѣченію членовъ и къ смертной казни; наконецъ и народная перепись противна шаріату. Первое возраженіе было устранено чтеніемъ изъ шаріата того мѣста книги *Фазилъ-Гамиди*, гдѣ говорится, что если начальникъ города *не мусульманитъ*, то *избраніе* казіи зависитъ отъ мусульманъ, и если избранный согласится, то долженъ быть допущенъ къ должности. На протестъ противъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, установленныхъ шаріатомъ, было сказано, что такова высочайшая воля, и что если во всей Россіи это уничтожено, то и здѣсь не будетъ исключенія. Тогда нѣкоторые улемы просили оставить за казіями хоть право налагать штрафы, какъ это установлено шаріатомъ; на это имъ предоставлено составить особый кодексъ въ одномъ изъ будущихъ сѣздовъ. Что касается переписи, то собраннымъ туземцамъ было указано, что шаріатъ не допускаетъ только *личной* переписи, а дома, дворы, скотъ, количество урожая и т. п. могутъ быть предметами переписи. Самая уплата хераджа, танапа и зявета немыслима безъ счета, безъ переписи. Наконецъ, 60 лѣтъ назадъ Алимъ, ханъ коканскій, произвелъ же народную перепись—правда, что онъ далъ торжественную клятву въ мечети, что это онъ дѣлаетъ въ послѣдній разъ. Казіи находили также неудобнымъ ношеніе бронзовыхъ знаковъ своего званія, такъ какъ изображенія вообще, а выпуклыя въ особенности—строго воспрещены кораномъ¹⁾. Неудобно также вводить форменныя печати, по случаю изображенія на нихъ орла. Это, конечно, были вопросы не существенные, а между тѣмъ могли возбудить разные толки и дать пищу фанатизму. Поэтому рѣшено было ни знаевъ, ни печатей не вводить.

Въ мартѣ 1868 года приступлено было въ организациі остальныхъ уѣздовъ Сыръ-дарьинской области. Наиболѣе интереса и вмѣстѣ съ тѣмъ затрудненій представлялъ Кураминскій уѣздъ, въ которомъ собрались представители всѣхъ народностей русскаго Туркестана и всѣхъ ступеней гражданственности: тутъ, рядомъ съ вождемъ киргизомъ, видишь полуочевоего сарта, полу-осѣдлаго кир-

¹⁾ Послѣ занятія Самарканда, 2-го мая 1868, ген.-губернаторъ роздалъ нѣсколько карманъ, но кази-халикъ отказался надѣть *суремъ* (портретъ), ибо законъ не позволяетъ, а кази долженъ показывать другимъ примѣръ.

гиза, а рядомъ съ осѣдлымъ сартомъ и таджикомъ, видишь осѣдлаго киргиза; видишь, наконецъ, особый типъ, свойственный только Кураминскому уѣзду—курама. Несмотря на затрудненія комиссiи, подъ предсѣдательствомъ маіора Козакова, скоро и толково повела дѣло, собравъ попутно довольно обстоятельныя данныя по топографіи уѣзда, этнографіи его и экономической дѣятельности населенія.

Организаціи Кураминскаго уѣзда и наблюденіямъ нашимъ мы посвятимъ нѣсколько словъ въ слѣдующей главѣ. Всѣ почти комиссiи окончили свои занятія въ теченіи 1868 года. Замѣшкательная только чембентская, и пропустила время, такъ что киргизы успѣли откочевать раннею весною. Пришлось работать и зимою на 1869 годъ; но и тутъ дѣло шло весьма вяло, а потому въ помощь чембентской комиссiи былъ посланъ одинъ изъ членовъ кураминской, который и докончилъ дѣло организаціи этого уѣзда.

Дживакская комиссiя и вовсе ничего почти не сдѣлала въ теченіи двухъ лѣтъ. Сначала ея работамъ мѣшала начавшаяся кампанія противъ бухарцевъ (такъ-называемая самаркандская экспедиція), а потомъ отсутствіе уѣзднаго начальника. Теперь, какъ извѣстно, уѣздъ этотъ упраздненъ вовсе. Главная заслуга организаціонныхъ комиссiй заключается въ томъ, что онѣ сумѣли внушить въ себѣ довѣріе въ народъ, сумѣли разъяснить ему цѣль и значеніе вводившейся реформы, которая поэтому и принята спокойно, съ довѣріемъ и признательностью.

Болѣе всего пришлось по праву населенію—отмѣна власти султановъ и манаповъ, давившихъ народъ поборами, затѣмъ право выбора всѣхъ ближайшихъ своихъ начальниковъ, раскладка податей пропорціонально состоянію, какъ процентъ съ дохода, и наконецъ, правильная организація народнаго суда. Успѣшность дѣйствій новыхъ, избранныхъ самимъ народомъ, представителей выразилась немедленно безнедоимочнымъ поступленіемъ податей, а затѣмъ и возрастаніемъ самой цифры этихъ податей. Кураминскій уѣздъ, на примѣръ, до организаціи въ 1867 г. вносилъ 81,980 р. 23³/₄ коп., а послѣ организаціи въ 1868 г. уже 244,172 р. 22¹/₄ к., въ 1869 году—277,889 р. 82¹/₄ к., да еще надобно прибавить къ этому общественные расходы и содержаніе туземныхъ властей въ 65,000 р., т.-е. 343,000 р.,—вчетверо болѣе того, что вносилось до организаціи. Правда, туземецъ платитъ несравненно меньше, чѣмъ русскій крестьянинъ; но если при увеличившейся вчетверо суммѣ податей недоимокъ все-таки и происходитъ, то это, конечно, слѣдуетъ отнести не только въ за

близости уѣздной администраціи, но и въ заслугѣ низшихъ исполнителей, выбранныхъ изъ среды народа и самимъ народомъ.

Бураминская организаціонная комиссія приступила къ работѣ съ предвзятою мыслью о неизбежности противодѣйствія со стороны мусульманскаго населенія. Она думала найти, съ одной стороны — кочевника, проникутаго родовыми преданіями, гордаго своимъ степнымъ просторомъ и волею, съ другой — степеннаго, скрытнаго и фанатичнаго сарта.

При первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, комиссія увидѣла ошибочность своихъ предположеній. Она увидѣла киргиза-земледѣльца, киргиза-осѣдлаго, увидѣла его киплакъ изъ камышевыхъ кибитокъ, обмазанныхъ глиной и, значить, привоженныхъ уже къ землѣ, нашла киплаки и изъ глиняныхъ домовъ. Оказалось, что для такого киргиза — родъ остается только послѣднимъ отголоскомъ безвозвратно минувшаго времени, пустымъ звукомъ безъ значенія: родовыхъ интересовъ уже нѣтъ и слѣда, потому что нѣтъ ни родовыхъ зимовокъ, ни родовыхъ лѣтенокъ — всѣ роды перемѣшались въ одну безхарактерную массу съ преобладаніемъ интересовъ уже не отвлеченныхъ — родовыхъ, а осязаемыхъ — территориальныхъ. Явились заботы объ общемъ арыкѣ, объ общей землѣ, о границахъ участка и т. п. Понятіе же о родѣ напоминало еще о себѣ только при сборѣ кибиточной подати, да и то потому, что она собиралась бѣями, официальными представителями рода. Но бѣи эти не были старшими въ родѣ, не были ни султанами, ни манапами, къ власти которыхъ искони привыкъ ихъ родъ. Это были, напротивъ, плебен, чернѣ, простая «черная кость» (кара-сюекъ), и выдвинулись не избраніемъ народнымъ, не первородствомъ, а произволомъ коканскихъ, а потомъ и русскихъ властей. Такіе бѣи не пользовались, конечно, ни должнымъ уваженіемъ, ни значеніемъ, свойственными званію, если оно доставалось *законно*, т.-е. по обычаю. Такіе бѣи держались только страхомъ, каковой успѣвали внушить, благодаря поддержкѣ со стороны власти, ихъ поставившей, и потому понятно, что они чаще всего возбуждали къ себѣ только ненависть и презрѣніе со стороны подчиненныхъ имъ людей. Безразличное отношеніе, почти равнодушіе къ мусульманству и забота о насущномъ хлѣбѣ — способны были обломать, сгладить всѣ углы киргизскаго характера. Привыкшіи уже къ кое-какимъ удобствамъ, усвоеннымъ отъ сосѣда таджика или сарта, утратившіи всякую связь съ родомъ — киргизъ представлялъ готовую почву для какихъ угодно насажденій.

Что касается сарта, то и въ немъ комиссія не нашла фа-

натива. Охваченные со всѣхъ сторонъ киргизскимъ населеніемъ— сарты также утратили постепенно многія изъ своихъ характерныхъ чертъ. Взаимодѣйствіе народностей не прошло безслѣдно и для нихъ. Сталкиваясь съ киргизомъ на базарѣ, на пашнѣ, на судѣ, не встрѣчая ни въ комъ и нигдѣ противорѣчія своему религиозному воззрѣнію, а слѣдовательно, и не находя борьбы, которая бы возбуждала и питала фанатизмъ, кураминскій сартъ могъ только сдѣлаться ханжею, лицомъромъ, для котораго довольно и однихъ обрядовъ. Такимъ образомъ и сартъ оказался годнымъ для передѣлки матеріаломъ, хотя и менѣе податливымъ, чѣмъ киргизъ. Но и киргизъ, и сартъ явились сначала апатичными и равнодушными къ новымъ порядкамъ. Волновалась, рябила лишь поверхность, да и то потому, что искала мѣсть и жалованья. Вивзу, въ массѣ, царила тишь невозмутимая — этимъ сказалось отсутствіе религиознаго фанатизма и ничтожность вліянія туземнаго духовенства. Въ большихъ городахъ, каковы Ташкентъ, Джизагъ, Ходжентъ и т. п., гдѣ множество мечетей, а слѣдовательно, и муллъ, комиссіи встрѣчали не только затаенное противодѣйствіе, но иногда и явное сопротивленіе.

То же явленіе замѣчено и въ уѣздѣ: Бискентъ и старыя Чиназъ, какъ наиболѣе населенные центры, выказали нѣкоторое противодѣйствіе, и если оно не имѣло вредныхъ послѣдствій, не помѣшало мирному ходу и успѣху работъ, то единственно потому, что къ организаціи этихъ центровъ комиссія приступила не въ началѣ, а въ концѣ своихъ работъ, когда за нею были уже 6 мѣсяцевъ опыта, достаточное знакомство съ характеромъ народа, а главное—примѣръ привившихъ уже новое положеніе. Кончилось тѣмъ, что недовольный вначалѣ народъ, возбужденный ложными слухами и подстрекательствами нѣсколькихъ честолюбцевъ—высказывалъ впоследствии признательность за порядокъ и тишину, которые у него водворились тотчасъ, какъ только введена была правильная система администраціи.

Старые порядки или, вѣрнѣе, беспорядки привели дѣла въ хаотическое состояніе: въ уѣздѣ господствовала полная анархія. Мѣстная русская власть стояла одиноко, безъ возможности дѣйствовать и въ самомъ неопредѣленномъ, какъ къ высшимъ, т. е. русскимъ властямъ, такъ и къ народу и его представителямъ. Созданный при генералѣ Романовскомъ новый органъ власти—такъ-называемое *мехкеме* (совѣтъ, дума)—смѣшивало въ себѣ и права судебной инстанціи, и права совѣта по всѣмъ дѣламъ. При такомъ всеобъемлющемъ характерѣ мехкеме — оно скоро сдѣлалось гнѣздомъ интригъ, взаимной вражды и продажности.

Территориальныхъ дѣленій никакихъ не было. Вся задача управленія сводилась исключительно къ сбору податей, а разъ, что сборы были не одинаковы съ кочевниковъ и осѣдлыхъ, то и подраздѣленія уѣзда были не территориальныя, а скорѣе этнографическія. При этомъ величина подраздѣленій была весьма неравномѣрна, а границы ихъ вовсе не опредѣлены. Отсюда — череполосица со всѣми ея послѣдствіями. Народъ не зналъ въ точности, кто именно уполномоченъ взимать съ него подати, и жалобы на неправильности, на вторичное взысканіе податей двумя разными сборщиками — были нерѣдки. Русская власть не знала, съ кого именно и сколько собрано. Сборщикъ самъ опредѣлялъ, сколько тотъ или другой хозяинъ долженъ внести въ казну, сообразно съ урожаемъ, но оцѣнка урожая, измѣреніе площади засѣяннаго участка — такія хитрыя дѣйствія, что никакой контроль здѣсь невозможенъ, и потому весьма естественно, что сборщики могли смѣло оставлять въ своихъ карманахъ львиную долю.

Киргизское населеніе управлялось родовыми бѣями, старшими и младшими, и арыкъ-аксаалами. Бѣи зачирчинскіе почти не жили въ средѣ управляемаго ими народа, а стремились въ Ташкентъ, поближе къ главному начальству, а слѣдовательно и къ милостямъ. Народъ, конечно, тянулъ въ Той-тюбе въ русскому чиновнику, завѣдывавшему населеніемъ. Какъ могъ управлять киргизами этотъ чиновникъ, когда ближайшіе его помощники, бѣи, почти постоянно отсутствовали — трудно себѣ представить. Осѣдлое населеніе, къ которому въ то время причисляли только сартовъ, кураминцевъ и таджиковъ, также не могло похвалиться благоустройствомъ управленія. Кое-гдѣ и существовало что-то въ родѣ волостныхъ управителей, но то были либо русскіе ставленники, не имѣвшіе сами по себѣ никакого значенія и власти, либо прежніе серкеры, присвоившіе себѣ эту власть въ послѣднія времена коканскаго владычества и сдѣлавшіеся изъ простыхъ сборщиковъ податей полновластными господами своего округа.

Какъ ни противорѣчилъ таковой порядокъ нашимъ интересамъ, все же онъ былъ лучше совершеннаго отсутствія волостныхъ, какъ это было въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда. Невыгоды такого порядка вещей сказывались весьма чувствительно, когда русской власти приходилось при каждомъ своемъ распоряженіи сноситься со множествомъ мелкихъ деревенскихъ старшинъ. Необходимость передаточныхъ инстанцій вызвала къ жизни множество *самозваныхъ* помощниковъ русскаго начальника. Это были, такъ сказать, чиновники особыхъ порученій изъ туземцевъ. Не нося

никакого офіціального званія, они довольствовались только выдававшимъ на ихъ долю почетомъ и вліяніемъ, изъ которыхъ умѣли извлекать и прямыя матеріальныя выгоды. Сотрудники эти, не имѣя подъ ногами низовой законной почвы и зная, что одинъ дурной приѣмъ у русскаго начальника можетъ лишить ихъ въ глазахъ народа всякаго значенія — лавировали между народомъ и русскою властью, стараясь угодить обѣимъ сторонамъ. На офіціальномъ языкѣ эти люди причислялись вообще въ категоріи «вліятельныхъ или почетныхъ лицъ изъ туземцевъ». Ихъ назначали въ депутаціи, выставляли при встрѣчахъ начальства и т. п., а выданный при этомъ случаѣ халатъ съ галунами или медаль — навсегда закрѣпляли за пролазой титулъ «почетнаго лица».

При первомъ взглядѣ обиліе «почетныхъ лицъ» въ Курамѣ могло привести заѣзжаго человѣка въ полнѣйшее уныніе; но самое поверхностное ознакомленіе съ дѣломъ ясно показывало, что въ сущности «вліятельныхъ» нѣтъ ни одного, что они свѣтили только свѣтомъ, заимствованнымъ отъ русской власти, и что народъ быстро забывалъ своего непрошеннаго представителя, своего ходатая, какъ только власть переставала его поддерживать.

Къ сожалѣнію, первые представители русской власти плохо понимали дѣло, были не въ состояніи оцѣнить свое положеніе, взвѣсить свои силы и потому вступали въ компромиссы, смотрѣли сверху пальцы на подвиги такихъ самозванныхъ старшинъ, каковъ напримѣръ, злодѣй *Мулла-Яръ* ¹⁾, и подобные.

Это, конечно, вело за собою безурядицу въ управленіи и обнаруживало передъ народомъ слабость русской власти. Но кромѣ ошибокъ, проистекавшихъ отъ взгляда на дѣло второстепенныхъ русскихъ дѣятелей — и вся тогдашняя система нашего управленія страдала излишнимъ смиренномудріемъ. Мы боялись затронуть вѣрованія и предрасудки народа, боялись возбудить фанатизмъ нечаяннымъ нарушеніемъ какаго-нибудь правила шариата. Это много повредило дѣлу цивилизаціи и надолго отодвинуло рѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ. Многое, что могло быть введено въ 1865 году однимъ почеркомъ пера — теперь потребуетъ долгихъ годовъ постепенной подготовки. Правда, что мы явились сюда только во всеоружіи силы и безъ знанія — ни бытъ, ни характеръ, ни законы туземцевъ намъ извѣстны не были.

¹⁾ Въ 1868 году его, наконецъ, сослали въ Сибирь, но отъ скоро бѣжалъ оттуда, однако же былъ пойманъ въ 1869 г. и снова сосланъ.

Шариатъ, котораго мы не вѣдали, служилъ для насъ пугаломъ, и вотъ причина, почему казіимъ и въ особенности такимъ, которыя выдавались ханжествомъ, а слѣдовательно, были для насъ наиболѣе опасны — предоставлена была полная свобода отправлять правосудіе, какъ они знаютъ.

Самыя святыя изъ ханзей казіевъ быстро выдвинулись во мѣстѣ главныхъ русскихъ начальниковъ въ краѣ и какъ нельзя лучше воспользовались этимъ, обративъ другихъ казіевъ въ своихъ подручныхъ и распространивъ черезъ нихъ свое вліяніе на огромныя пространства. Наши губернаторы, рассчитывая заслужить популярность въ покоренномъ народѣ — утвердили за такими ханжами титулъ *казы-каляновъ*, «верховныхъ судей», которые и сдѣлались официальными покровителями всякихъ ханзей, муллоевъ, улемовъ и дувановъ. Понятно, затѣмъ, что туземецъ, служившій вѣрно нашимъ интересамъ, терялъ въ народѣ всякую почву, какъ только узаконенный нами старшій законовѣдъ, толкователь шариата (сартовскій митрополитъ, какъ его называютъ наши солдаты), заклеиваетъ этого туземца названіемъ *кафира*, невѣрнаго.

Только равнодушныя массы, да отчасти спасительный страхъ поддерживали должный порядокъ; но во времени введенія новаго положенія уже начали проявляться отдѣльные примѣры буйства, неповиновенія и ненужной смѣлости, хвастливости передъ русскою властію. Такъ, на примѣръ, нѣкоторые святоши на приказаніе явиться въ управленіе отвѣчали, что-де «во время *ураза* (мусульманскій постъ) мы лежимъ на брюхѣ, вознося мысли къ Богу и потому явиться не можемъ».

Такой порядокъ вещей самъ по себѣ указывалъ уже на необходимость реформы, и надо сознаться, что эта реформа подошла весьма кстати. Она положила конецъ дальнѣйшему развитію такого вреднаго направленія умовъ и разомъ повернула дѣло на новый, твердый путь. Тотъ же святоша, что прежде въ уразу считалъ себя вправѣ не повиноваться приказу русскаго начальника — теперь, переставленный на новую должность, скачетъ, сломя голову, по первому зову, и, несмотря ни на что, безъ оговорокъ — собираетъ кибиточную подать со своей бывшей паствы! Фанатизмъ, такимъ образомъ, легко уживается съ выгодами, и если не нуженъ — удобно укладывается въ карманъ. Выборныя власти теперь твердо знаютъ, что у народа имъ нечего записывать, что русская власть требуетъ только честной службы, а такая служба одинаково угодна и народу; что, наконецъ, русская власть и милуетъ, и караетъ, руководствуясь при этомъ не степенью пресловутой вліятельности лица, а лишь заслугами

или проступками его. Новопоставленные власти, поднятыя нерѣдко изъ ничтожества, стали въ независимое положеніе относительно народа и тверже въ своихъ законныхъ требованіяхъ. Кто же уцѣлѣлъ изъ старыхъ старшинъ, тотъ замѣтно притихъ и прежнее наглое казноградство исчезло.

Народъ во-очію убѣдился въ безсиліи своихъ прежнихъ кумировъ. Понятія о равенствѣ передъ закономъ, которыя старалась проводить русская администрація, оказались мало отвѣчающими укоренившимся обычаямъ, но это не остановило дѣла. Какъ образчикъ понятій объ этомъ народа, можно указать жалобу выборныхъ уральской волости на своего старшину за то, что «онъ не смотритъ ни на кого, не различаетъ большого отъ малаго, одинаково со всѣхъ взыскиваетъ и никому не дѣлаетъ ни въ чемъ уваженія». Попытка объяснить выборнымъ противорѣчіе ихъ взгляда съ закономъ и справедливостью осталась тщетною. Это было выше ихъ пониманія, и потому имъ просто приказано слушаться.

Согласно проекту положенія объ управленіи въ Сыръ-дарьинской и Семирѣченской областяхъ, организаціоннымъ комиссіямъ предложено было формировать аулы изъ 100 и до 200 кибитокъ, названія имъ давать по нумерамъ, сохраняя особую нумерацію въ каждой волости; волости формировать изъ 1000 и до 2000 кибитокъ, названія имъ давать или по тому роду, который въ волости преобладаетъ, или по урочищу, гдѣ расположены его зимнія стойбища. Во время работъ комиссія должны были обходить вопросъ о податяхъ и только во второй объѣздъ разъяснить народу порядокъ взиманія податей, тогда же объявить о знакахъ или бляхахъ для старшинъ и судей и форменныхъ печатахъ. Для завѣдыванія сборами податей и хозяйствомъ волостей, рѣшено учредить въ каждомъ уѣздѣ нѣсколько хозяйственныхъ управленій, подчиняя вѣдѣнію каждаго отъ 8-ми до 10-ти волостей. Каждая волость выбираетъ въ свое хозяйственное управленіе отъ 2-хъ до 3-хъ членовъ.

Организаціонная комиссія ¹⁾ приступила къ работамъ 15-го марта 1868 г. и окончила ихъ 6-го декабря того же года. Съ перваго же шага комиссія увидѣла невозможность придерживаться всѣхъ предположеній данной программы. Начать съ того, что составлять особая аксакальства для осѣдлыхъ представлялось весьма неудобнымъ на томъ основаніи, что вышлагаи

¹⁾ Предсѣдатель майоръ *Колзакъ*, члены: артилл. шт.-кап. *Астафьевъ*, капит. *Гребенкинъ*, прап. баронъ *Гревеницъ* и титул. сов. *Савинковъ*.

весьма разбросаны, осѣдлые жители перемѣшаны съ кочевыми, да и самые кишлаки весьма малы. Понятное дѣло, что такимъ кишлакамъ весьма трудно было бы содержать свое *особое* управленіе и, сверхъ того, еще общее съ кочевымъ населеніемъ. За-тѣмъ, выдѣленіе этихъ кишлаковъ въ особыя аксакальства дало бы поводъ къ спорамъ за арыки, принудило бы собирать мелкіе киш-лаки, какъ бисеръ, на 70 верстѣ въ окружности, что затруднило бы полицейскій надзоръ и повѣрку сборщиковъ податей (сборы производились не по кишлакамъ отдѣльно, а по арыку). Всѣ эти соображенія заставили комиссію ходатайствовать о разрѣше-ніи ввести кишлаки въ составъ волостей, не выдѣляя осѣдлыхъ въ особое отъ кочевыхъ управленіе. Это казалось тѣмъ выгоднѣе, что при сведеніи сартовъ и киргизовъ въ одну волость большин-ство, и слѣдовательно преобладаніе на выборахъ, оказалось бы на сторонѣ киргизовъ—элемента болѣе для насъ удобнаго. Хода-тайство это было уважено и комиссія, не связанная болѣе *бук-вой* проекта положенія, повела дѣло быстро и рѣшительно. Въ смѣшанныхъ волостяхъ народу предоставлено было выбрать и казиевъ и биевъ; осѣдлые судились у казиевъ, кочевые у биевъ. Такимъ образомъ въ каждомъ кишлакѣ явился свой казіи, въ каждомъ аулѣ свой бій; народу это было весьма удобно, ибо для суда не надобно было далеко ходить, розыскивая судей по всей волости, какъ это случилось бы въ томъ случаѣ, когда было бы выбрано на всю волость 4—8 судей, безъ опредѣленія гра-ницъ ихъ вѣдѣнія. При этомъ кто бойчѣе, тотъ и практики имѣлъ бы больше, прибралъ бы въ рукавъ всю судебную власть и сдѣлался бы болѣе вліятельнымъ, чѣмъ то намъ считалось нуж-нымъ.

Степная комиссія оставила такой порядокъ, какъ уступку мѣстнымъ обычаямъ, но при введеніи ея проекта въ практику пришлось измѣнить и этотъ пунктъ. Власть волостного, а также аульнаго старшины не имѣетъ корней въ прошломъ, не живетъ въ преданіяхъ народа, носить даже чужеземное имя. Волостной, какъ полицейскій, является агентомъ русской власти, тогда какъ бій, судья, есть хранитель преданія, старины, обычая и народ-ности. Очевидно, на чьей сторонѣ должна была быть симпатія. Для дѣла, конечно, лучше, если власть, вытекающая изъ рус-скихъ началъ, будетъ, силою вещей, расти и прививаться, а власть, оставленная въ видѣ уступки, умаляться и падать. При выборахъ не волостью, а ауломъ, выбираются не *первые* люди, извест-ные всему народу, а второстепенные, слава которыхъ не идетъ дальше аула. Такіе люди, конечно, не соперники волостному.

Самая должность казія и бія потеряла отчасти свою заманчивость, и потому ни одинъ святой не добивался чести быть навіемъ, ни одинъ родоначальникъ не лѣзъ въ бій, а то и другое было какъ нельзя болѣе встати: въ эти должности попало много неграмотныхъ, которые—по совершенному незнакомству съ шаріатомъ—повевольт должны были судить только по обычаю и по совѣсти.

Киргизы такъ настойчиво проводили своихъ кандидатовъ въ ущербъ сартовскимъ, что даже въ хозяйственныхъ управленіяхъ они явились преобладающими. Неграмотность этихъ членовъ нѣсколько озабочивала комиссію, но опасенія оказались напрасными: киргизы весьма осторожно скрѣпляли документы своими печатями, а при сборѣ податей дѣйствовали *мазомъромъ* не хуже грамотныхъ. Для завѣдыванія арыками учреждены въ каждой волости особые арыкъ-аксакалы, вознагражденіе которымъ составлялъ прежде такъ-называемый *кепсень*, т.-е. отсыпка хлѣба 2 — 3 *чарика* (чарикъ — большая чашка), съ батмана зерна или отъ 1 до 6 чариковъ съ танапа земли. Кепсень былъ отмѣненъ и вмѣсто него положено жалованье; *мирабы* или *тураты* получали вознагражденіе отъ арыкъ-аксакаловъ, какъ ихъ помощники. Замѣчательно, что на жалованье своимъ избраннымъ народъ оказался весьма скупымъ и ни за что не хотѣлъ увеличить его. Казіямъ и біямъ предоставлено было довольствоваться только кази-лькомъ и бій-лькомъ—извѣстнымъ сборомъ съ тяжущихся.

Самый порядокъ выборовъ происходилъ такимъ образомъ: въ каждомъ аулѣ и кишлакѣ отъ каждыхъ 10 кибитокъ или 10 домовъ выставлялось по одному депутату; представители эти выбирали аульнаго старшину и, сверхъ того, производили раскладку податей, наложенныхъ на ихъ аулы депутатами отъ 50-ти кибитокъ. Эти послѣдніе, кромѣ раскладки между аулами и кишлаками податей, причитающихся съ ихъ волости, назначались еще для избранія волостного управителя. Такъ какъ выборъ народа нрѣдко подчинялся вліянію интриги и поэтому падалъ иногда на людей, не сочувствовавшихъ нововведеніямъ, то комиссія предпочитала отступить отъ правила невмѣшательства и указывала народу на соответствующее лицо, то-есть выставляла оффиціального кандидата. Такое отступленіе отъ правилъ оправдывалось опасеніемъ подвергнуть риску великое дѣло организаціи при несоответствующемъ выборѣ исполнителей. Уѣздъ раздѣленъ былъ на 28 волостей, сгруппированныхъ въ три хозяйственныхъ управленія, названныхъ по главнымъ системамъ арыковъ: агреновскимъ, кара-суйскимъ и чирчикскимъ. Выборы, произведенные въ первый разъ подъ вліяніемъ

комиссиі, были въ ббльшей части случаевъ удачны. Если нѣкоторые и не оправдали довѣрія, то это не могло особенно повредить дѣлу, такъ какъ утайка или растрата части собранныхъ податей всегда отрывалась своевременно и недостающая сумма исполнялась родственниками виновнаго или даже его избираемыми.

Опытъ перваго же года убѣдилъ, что арыкъ-аксакалы не нужны. Они свалили всю тяжесть заботъ и наблюденія за арыками на мирабовъ, а сами только даромъ получали жалованье. На этомъ основаніи въ 1869 году должность арыкъ-аксакаловъ была упразднена, что дало сбереженія въ 18.000 р. ежегодно. Дѣятельность волостныхъ управителей аульныхъ и вишлачныхъ старшинъ, будучи направляема одною властію уѣзднаго начальника, совершенно гармонировала съ правительственными цѣлями. Поддержаніе порядка и благочинія во вѣренныхъ мѣстахъ управленію районамъ, а также сборъ податей составляли единственную заботу низшихъ административныхъ органовъ. Въ помощь къ нимъ, по сбору податей, командировались обыкновенно члены хозяйственныхъ управленій, какъ лица вполне подготовленные къ нашей системѣ отчетности и счетоводства. Впослѣдствіи (въ 1870 г.) уѣздною администраціею принято было за правило, посылать въ волости во время сборовъ податей членовъ *чужого* хозяйственнаго управленія для контроля. Члены чирчикской думы посылались, на примѣръ, въ волости ангренской думы, и наоборотъ. Этимъ дѣйствительно достигалась предположенная цѣль: подати вносились безнедоимочно, раскладка производилась правильно и самая сумма податей увеличивалась съ 81.980 р. на 244,172 р.

До введенія реформъ русская власть не опредѣляла заранее количества податей и довольствовалась тѣмъ, что дадутъ сборщики. Въ этомъ виновата была сама система сборовъ *въ процентномъ содержаніи съ урожая* ¹⁾. Урожай такая неуловимая величина, что усчитать сборщика никакъ невозможно. Для этого пришлось бы, во-первыхъ, вычислить площадь запашки каждаго землевладѣльца — дѣло не легкое, а въ особенности когда весь уѣздъ надо вымѣрять въ какіе-нибудь два мѣсяца, въ пору сборовъ. Во-вторыхъ, пришлось бы опредѣлить: сколько можетъ быть собрано хлѣба съ каждаго участка? Понятно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ широко примѣнялся глазомѣръ и, конечно,

¹⁾ *Хераджъ*—десятое зерно съ зерновыхъ продуктовъ, *танакъ*—десятая часть съ того, что зернами не ссыщается, какъ арбузы, виноградъ, хлопокъ и т. п.

въ выгоды плательщика, а слѣдовательно, и сборщика. Таки *мзочно* собирались подати и во всемъ край. Списки плательщиковъ и количество ихъ взносовъ писались на длинной—иногда въ нѣсколько сажень—хартіи изъ приклеенныхъ одинъ въ другому листовъ лощеной бумаги. Хартіи эти, писанныя по-сартовски, пугали русскихъ чиновниковъ размѣрами и письменами. Переводить ихъ не было никакой физической возможности, по немнѣнью достаточнаго числа переводчиковъ, и потому повѣрялись только итоги, затѣмъ деньги сдавались въ казну, а хартіи свертывались въ трубки и укладывались на полки архивовъ. Впослѣдствіи хартіи передавались въ областное правленіе и въ контрольную палату, гдѣ, конечно, имъ придется также лежать на полкахъ. Говорятъ даже, что иные изъ прежнихъ «завѣдывающихъ туземнымъ населеніемъ», преспокойно вырѣзывали ножницами нѣсколько среднихъ листовъ съ ихъ итогами, а концы хартіи, гдѣ были приложены печати сборщиковъ, склеивали снова. Эта операція давала возможность схоронить: деньги въ карманъ, а концы въ воду.

Какая бы причина тутъ ни дѣйствовала: злоупотребленія ли русскихъ чиновниковъ, плутовство ли туземныхъ сборщиковъ — фактъ остается въ своей силѣ и ни для кого не тайна, что доходы края возрасли чуть не вчетверо тотчасъ послѣ введенія реформы.

По всему округу доходъ въ 1868 году доходилъ до	1.006,657 р.
а въ 1870 „ былъ уже	1.958,880 „
Богѣ на	
	952,223 р.

Къ сожалѣнію, цифра дохода по всему округу за 1867 годъ, предшествовавшій реформѣ, мнѣ не извѣстна въ точности, и потому я остерегаюсь привести ее; но уже по одной цифрѣ дохода Кураминскаго уѣзда читатель можетъ видѣть, какава произошла разница. Сыръ-дарьинская обл. дала 1.652,862 р. 67 к., Семирѣченская 306,017 р. 53³/₄ к. Изъ всей суммы доходовъ Сыръ-дарьинской области русское населеніе въ 21,549 чел. внесло 182,838 р. 93 к. (пошлинами за право торговли, акцизами съ питей и т. п.). На каждаго приходится 8 р. 44 к. Туземцы, въ числѣ 931,660 душъ, внесли 1.470,023 р. 74 к. или по 1 р. 57³/₄ к. съ души.

Простое сравненіе относительнаго числа преступленій, совершаемыхъ средне-азиатцами и жителями Европейской Россіи, говорить уже въ пользу нашихъ новыхъ подданныхъ. Если же принять въ соображеніе низкую степень гражданскаго развитія какаго-нибудь полудикаго киргиза, у котораго понятія о правѣ

собственности основываются до сихъ поръ на правѣ силы (что обаранговаль, то и его), у котораго даже личность гарантируется только собственными средствами (око за око, зубъ за зубъ), а кровь оплачивается куномъ — штрафомъ, то слѣдуетъ удивляться относительному благодушію туземцевъ. Вопедшій въ характеръ народа, въ плоть и кровь его, законъ возмездія, тысячекратный гнетъ полнаго произвола деспотической власти, отсутствіе общедоступныхъ и общепонятныхъ законовъ — все это сравнительно еще слабо повліяло на народную нравственность.

Если отсутствіе писаннаго и чисто мѣстнаго, по духу и по языку, закона сдѣлало коранъ единственнымъ кодексомъ, а законовѣдніе — достояніемъ и орудіемъ меньшинства, за то арабскій языкъ корана и его чужеземныя тенденціи сдѣлали этотъ кодексъ не популярнымъ, а муллы и казіевъ, практиковавшихъ въ качествѣ судей и духовенства, — людьми сомнительными въ глазахъ народа, лишеннаго средствъ провѣрить изреченія своихъ оракуловъ, нерѣдко вѣщавшихъ въ разногласіи.

Относительное понятіе о справедливости развилось и окрѣпло въ народѣ отчасти и на основаніи корана, но единственно благодаря гласности суда казіевъ и биевъ. Дѣйствовалъ ли на судѣ шаріатъ или адатъ, т. е. мусульманское ли право, народный ли обычай, во какъ скоро отправленіе правосудія происходитъ гласно, то присутствующіе мало-по-малу знакомятся съ дѣйствующимъ правомъ. Воспитательное значеніе гласнаго суда признано всѣми, и потому никто, конечно, не станетъ отвергать вліянія его на нравственность средне-азиатцевъ. Если и встрѣчались иногда между представителями правосудія люди недобросовѣстные, то они могли только подорвать довѣріе къ самимъ себѣ; усвоенное же народомъ понятіе о справедливости и законности оставалось непоколебимымъ. Введенное нами «Положеніе» не тронуло народнаго судопроизводства, но еще развило его учрежденіемъ новаго органа — уѣзднаго судьи, руководствующагося во всемъ положеніями о мировомъ судѣ. Сходство этихъ положеній съ судомъ биевъ повело къ тому, что уѣздный судья явился не новостью какою-нибудь, а знакомымъ лицомъ, только съ новою рѣчью и съ новыми законами, болѣе мягкими и справедливыми.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, практиковавшихся здѣсь самымъ щедрымъ образомъ — отъ палокъ до отсѣченія руки — а также отміна смертной казни — нисколько не разнуздало, приносящаго къ виду крови, народа. Опасенія въ этомъ смыслѣ разныхъ казіевъ, а съ ихъ голоса и нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей — оказались напрасными. Число преступленій, по сознанию

тѣхъ же казѣвъ, даже уменьшилось противъ кованскаго времени, и уменьшилось не на малую долю, а чуть не вчетверо! Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ, новое пова для народа, наше «русское право» переработаетъ его первобытныя понятія и закрѣпитъ еще сильнѣе ту связь, какая уже существуетъ между Россіей и ея новыми средне-азиатскими владѣніями.

Быстрое движеніе русскихъ въ глубь Азіи породило множество самыхъ нелѣпныхъ слуховъ въ средѣ народа. Муллы, кази и ханскіе чиновники, терявшіе подъ собою почву съ нашимъ приходомъ, были самыми усердными сочинителями этихъ нелѣпостей. Прежде всего разнеслась вѣсть о насильственномъ обращеніи мусульманъ въ христіанство, но сдержанность нашего военного духовенства и незнаніе имъ мѣстныхъ нарѣчій скоро успокоили религиозный страхъ побѣжденныхъ. Былъ примѣръ, что какой-то сартъ самъ обращался въ благочинному церкви Сырдарьинской области, о. Малову, съ просьбой о принятіи его въ христіанство, но ему было отказано на томъ основаніи, что онъ не знаетъ языка и потому не можетъ узнать догматы нашей религіи. Другой слухъ—о намѣреніи нашемъ брать рекрутъ—также распался съ теченіемъ времени. Туземцы даже стали сознавать свою негодность въ военной службѣ, по сравненію себя съ нашими солдатами... Слухъ объ усиленной дани разлегълся первымъ, такъ какъ г. Черняевъ и началъ именно съ объявленія льготы отъ податей на одинъ годъ, и затѣмъ, вмѣсто $\frac{1}{5}$ и даже $\frac{1}{3}$ части съ урожая, мы стали взимать только $\frac{1}{10}$. Осталось только одно убѣжденіе, которое держится весьма упорно: это—о намѣреніи нашемъ отнять у англичанъ (англичанъ) Индію. Мягкое обращеніе русскихъ съ туземцами, ожидавшими совсѣмъ другого отъ побѣдителей—понежному примиряетъ народъ съ волею судьбы. Мусульманскій фанатизмъ не имѣетъ пищи и уступаетъ мѣсто фатализму—поворности предопредѣленію. Если нѣкоторые изъ русскихъ свлонны были видѣть въ фактѣ разрытія нашихъ могилъ и поруганія мертвыхъ—признакъ религиознаго фанатизма, то они ошибались самымъ положительнымъ образомъ. Это была просто спекуляція: отрѣзавъ голову у только-что скороненнаго повойника, а если это былъ офицеръ или чиновникъ, то, захвативъ и его эполеты или погоны, — хищникъ спѣшилъ съ добычей въ какое-нибудь изъ сосѣднихъ ханствъ, гдѣ и выдавалъ эту добычу за трофей, взятый имъ въ честномъ бою... Халатъ, нѣсколько золотыхъ тиллей и славы батыря — богатыря—были обыкновенною наградой предприимчиваго вора. Такъ какъ голова женщины не могла доставить столько же славы,

как мужская, то, конечно, могилы женщинъ разрывались только во сшибкѣ или незнаніи и, значитъ, весьма рѣдко. Со времени принятія нами азіатскаго способа устройства могилъ (кромѣ обыкновенной ямы еще боковая ниша, куда и вдвигается гробъ), открывать гробъ одному человѣку оказывается неудобнымъ, потому что прежде всего гробъ надобно выдвинуть изъ ниши, и потому выпаденія на покойниковъ прекратились.

Между разными порочными склонностями туземцевъ заслуживаютъ упоминанія, по ихъ развитію, — подлоги документовъ, конокрадство, противоестественные пороки и пьянство.

Страсть къ подлогамъ, можетъ быть, нигдѣ не развита въ такой степени, какъ здѣсь, — причина весьма простая: документы здѣсь не подписываются, а скрѣпляются только печатью, печать же, конечно, поддѣлать не трудно. Рѣзчики берутъ за печать, кѣстѣ съ серебромъ, до трехъ рублей, и заказчикъ чужой печати гнѣтъ документы сотнями, почти не рискуя быть уличеннымъ. Наша подпись, допускающая росчерки иногда весьма характерные, конечно, не болѣе гарантируетъ отъ подлога, чѣмъ и печать, потому что всегда найдутся искусники, которымъ нипочѣмъ подписаться подъ любую руку. Азіатскіе почерки не допускаютъ росчерковъ, и потому единственнымъ знакомъ принадлежности документа или письма тому или другому автору — служить его ~~именная~~ печать. Понятно, какъ берегутъ эту печать: ее носятъ тщательно завязанною въ поясѣ, какъ амулетъ; самый процессъ прикладыванія ея отличается торжественностію, точно совершается таинство; нивогда туземецъ не отдастъ свою печать другому, развѣ ужъ довѣряетъ ему какъ самому себѣ. Такимъ образомъ, добыть чужую печать весьма трудно, рѣзчики есть не вездѣ, но это не останавливаетъ ловкаго мошенника. Во время моей административной практики мнѣ не разъ удавалось уличать такихъ плутовъ, противъ которыхъ были бессильны и свидѣтели, и очистительная присяга.

Однажды на волостного управителя, честнаго и прямодушнаго каргеза, предъявлено было нѣсколько росписокъ на довольно круглую сумму, въ нѣсколько сотъ тиллей (тилля стоитъ 3 руб. 80 к.). Росписки были написаны весьма мелко на небольшихъ четырехугольныхъ кусочкахъ бумаги. Нѣкоторые кусочки были такъ малы, что на нихъ едва помѣщалась печать, при чемъ самый текстъ былъ написанъ на другой сторонѣ. Другія росписки писались *подъ* печатью. Волостной утверждалъ, что онъ нивогда не занималъ денегъ у истца, что истецъ бѣднякъ и самъ живетъ изъ милости у отвѣтчика, какъ дальній родственникъ; что

на роспискахъ печати дѣйствительно его, но истецъ вѣроотно какъ-нибудь укралъ печать во время сна отвѣтчика. Выставленный волостнымъ свидѣтель или поручитель присягнуть за правдивость всего показаннаго волостнымъ ¹⁾ Разспросы о личности истца дали въ результатъ, что онъ прежде былъ серверомъ—сборщикомъ податей, но подчистилъ въ шнуровой книгѣ и выскаль съ какаго-то землевладѣльца вторично, за что и смѣненъ. Затѣмъ нѣсколько изъ присутствовавшихъ (разбирательство производилось гласное) заявили, что истецъ уже выскаль долги съ нѣкоторыхъ старшинъ и волостныхъ, представляя росписки, выданныя ими будто бы за время исправленія имъ должности сервера, когда онъ не разъ вносилъ за нихъ въ казну свои собственные деньги. Одинъ изъ потерпѣвшихъ былъ на лицо и сказалъ, что хотя онъ и не призналъ дѣйствительности долга, но такъ какъ на роспискѣ была его печать, то кази приговорилъ заплатить. О другомъ потерпѣвшемъ сказали, что онъ и не допустилъ до разбирательства, а самъ уговорилъ и усовѣстилъ истца, который и согласился на отступное въ нѣсколько тиллей.

Я уже не сомнѣвался. Оставалось только уяснить себѣ способъ подлога, доказать его очевидность присутствующимъ и довести мошенника до признанія. Самый видъ росписокъ навелъ меня на мысль, что истецъ просто досталъ какое-нибудь письмо отвѣтчика, вырѣзалъ кусочекъ, гдѣ приложена печать и на обратной сторонѣ написалъ росписку. Такъ какъ печати прикладываются бѣльшею частью у самаго текста, иногда даже закрываютъ нѣсколько послѣднихъ буквъ, то понятно, что не всякую печать можно отрѣзать, а если можно, то придется довольствоваться самымъ небольшимъ кусочкомъ бумаги. Что печати не были приложены нарочно для росписки, а вырѣзаны изъ старыхъ писемъ—доказывалось и тѣмъ, что почти у каждой гдѣ-нибудь на краѣ бумаги видны были слѣды складки. Мирза—писарь уѣзднаго управленія—какъ экспертъ, объяснилъ по моему спросу, что печать всегда прикладывается *внизу* текста, а еслибы мѣста не достало, то и на оборотѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы нижній уголъ лицевой стороны былъ загнутъ назадъ и печать такимъ образомъ отпечатывается частью на этомъ треугольникѣ, а частью на обратной сторонѣ, при чемъ верхъ печати долженъ придтись на треугольникѣ. Выходить, что печать какъ-бы при-

¹⁾ По здѣшнему обычаю, присягаютъ не сами тяжущіеся, а выставленные ими поручители. Между каргизами, плохими мусульманами, присяга не пользуется уваженіемъ.

ложена на *лицевой* сторонѣ и по недостатку мѣста перенесена на обратную.

Итакъ, подлогъ былъ ясенъ. Я громко объявилъ свое мнѣніе, взявъ со стола только-что полученное донесеніе одного изъ старшинъ, вырѣзалъ кусочекъ бумаги, гдѣ была приложена его печать, и велѣлъ мирзѣ написать росписку на имя истца въ 1000 тиллей.

— Возьми, — сказала я ему, подавая новую росписку. Эта съ твоими — какъ капли росы похожи.

Надобно было видѣть удовольствіе присутствующихъ. Хохогъ и насмѣшки надъ уличеннымъ плутомъ огласили залу нашего мехеме (дума). Уличенный повинился, — а торжествующій волостной самъ же взялъ его на поруки.

Другой разъ мнѣ представили постановленіе какого-то казія, покрытое печатами и каракулями неграмотныхъ и «безъ-печатныхъ» свидѣтелей. Отвѣтчикъ отвергалъ законность документа на томъ основаніи, что имена свидѣтелей выставлены зря, что ихъ на самомъ дѣлѣ на лицо не имѣется, и т. п. Пришлось вызвать въ уѣздное управленіе всѣхъ поименованныхъ свидѣтелей. Истецъ и казіи выставили новыхъ, доказывавшихъ, что прежніе дѣйствительно были на лицо въ деревнѣ во время разбирательства. Дѣло залутовалось. Къ счастью, доказано было, что одинъ изъ свидѣтелей былъ поденщикомъ при постройкѣ дома въ Ташкентѣ именно въ то самое время, когда въ другомъ мѣстѣ за него рисовали каракулю! Казіи сознался «*въ ошибку*»...

Но и лжесвидѣтельства не рѣдкость. Народъ относится къ этому весьма безразлично: лжесвидѣтель «работаетъ» за коканъ, за два — что дѣлать, когда ему нечего ѣсть! Если его уличать, онъ сохнетъ именно на свою бѣдность. Свидѣтельствовать что бы то ни было и во что бы то ни стало — его ремесло. Во время организаціонныхъ работъ сами депутаты, избранники народа (представители 10 и 50 кибитокъ), дѣлали безпрестанные подлоги, то скрывая цѣлые аулы, забиравшіеся въ какую-нибудь трущобу, то внося въ списки юртовладѣльцевъ имена людей давно умершихъ или только-что родившихся, боясь, что по спискамъ будутъ брать въ солдаты. Нечего и говорить, что возможности покривить душою представляется обширное поприще при сборахъ податей. Перейдемъ къ вонокрадству.

Вездѣ, гдѣ есть лошадь, тамъ есть и вонокрадъ. Но здѣшній вонокрадъ только дерзокъ — онъ воруетъ, такъ сказать, откровенно, безъ хитростей. Единственное его средство для скрытія украденной лошади — это угнать ее подальше. Перекраска, передѣлка,

подпиливаніе зубовъ и прочія искусства находятся еще въ младенческомъ состояніи и ограничиваются подстриганіемъ гривы и хвоста. Обыкновенно хозяинъ самъ начинаетъ розыски, а привычка къ путешествіямъ верхомъ и обширныя знакомства, сдѣланныя во время переездовъ, значительно облегчаютъ и ускоряютъ розыски. Вотъ почему значительная доля украденныхъ лошадей отыскивается хозяиномъ рано или поздно.

Вонокрадство создало здѣсь особый типъ искателей вонокрадствъ — «суинчи» и особыя правила ихъ вознагражденія: за первый слухъ о пропавшей лошади, за поимку вора, за найденную лошадь и т. д. Правила эти обязательны, такъ что незаплатившій суинчи его гонорара принуждается къ этому судомъ казія или бія. Сообщившему первое извѣстіе о пропавшей лошади *кулак-суинчи* (кулакъ—ухо) дается обыкновенно халатъ и деньги, смотря по цѣнности лошади и средствамъ потерпѣвшаго. Поймавшій вора имѣетъ право на *сасыгытз*, т.-е. отобрать у него одежду, которая составляетъ какъ-бы трофей побѣдителя. Вору оставляется только необходимѣйшее... За то поимщикъ обязанъ представить вора ближайшей власти, а если воръ убѣжитъ, то сасыгытъ отбирается и доказчикъ самъ отвѣчаетъ, какъ воръ. Кто розыщетъ и приведетъ къ хозяину украденнаго у него коня, тотъ получаетъ, конечно, большее вознагражденіе, которое достигаетъ почтенной цифры, если дѣло идетъ о цѣломъ табунѣ, угнанномъ баранчачами.

Воръ, конечно, увѣряетъ, что купилъ коня на такомъ-то базарѣ (подальше гдѣ-нибудь) или вымѣнялъ у неизвѣстнаго проѣзжаго. Уликъ обыкновенно нѣтъ никакихъ, очевидно только необыкновенное сходство лошади съ украденною. Для народнаго суда улики и не нужно: если только составилось убѣжденіе въ виновности пойманнаго, его принуждаютъ возвратить лошадь и вознаградить хозяина за издержки по розыскамъ; чаще всего вору приходится внести *майнута-кусакз*, штрафъ въ видѣ двухъ лошадей, привязанныхъ къ гривѣ и хвосту украденной, затѣмъ вора отпускаютъ на свободу. Дѣло въ томъ, что народъ смотритъ на вонокрадство гораздо снисходительнѣе, чѣмъ на простое воровство, а бія получаютъ даже *ульджу*, т.-е. свою часть съ каждой добычи. Баранта—охога за чужимъ скотомъ—считается удалю, молодечествомъ, и этотъ взглядъ сталъ измѣняться только подъ вліяніемъ русской администраціи, объявившей войну этому освященному обычаю и давностію грабежу. Какъ бы ни было, но общественная совѣсть относится къ вонокрадству пока довольно мягко. Дѣла эти зачастую оканчиваются миромъ и потому не вос-

ходить дальше суда бѣвъ; но крупныя воровства и баранты теперь уже не встрѣчаются.

Здѣсь встаетъ будетъ упомянуть еще объ одномъ способѣ сдѣлать всякіе розыски покражи невозможными — способъ весьма простъ: можно *сгнать* украденную лошадь, хотя кража и рѣдко дѣлается для этой цѣли. Дѣло въ томъ, что лошадь — перевозочный аппаратъ всегда дороже лошади-дичи. Понятно, что измороенная кляча, едва волочащая ноги, перестаетъ быть перевозочнымъ аппаратомъ и становится *конинной*... Туземцы, въ особенности киргизы, не брезгаютъ даже и палую лошадью, но все-таки предпочитаютъ прирѣзать издыхающее животное раньше послѣдняго вздоха.

Не въ рабочую пору улицы базаровъ кипятъ празднующими — это фланеры, дѣлающіе «*тамашу*» — развлечение. Ученья нашихъ войскъ, церковная служба, базарный день — все это привлекаетъ цѣлыя толпы народа. Въ первое время къ окнамъ невысокихъ русскихъ домовъ то-и-дѣло прилипали любопытные, чаще взрослые, чѣмъ дѣти. Бывало ничѣмъ нельзя было отогнать безцеремоннаго наблюдателя нашей домашней жизни! Незнакомые предметы, новые люди, «*которыхъ такъ любитъ Богъ*» и которые принесли съ собою снѣгъ и морозы, все это, конечно, заслуживало вниманія и изученія. Намъ изучили однако же очень скоро: оказалось, что мы народъ нехитрый, простой, гостеприимный, не брезгающій ни сартомъ, ни жидомъ, ни индійцемъ. Разные «*тамыры*» (знакомые), подъ предлогомъ какихъ-нибудь услугъ, а не то съ канаусомъ и вышитыми шелкомъ кожаными чамбарами — (штаны) залѣзали къ намъ въ залы, кабинеты и спальни...

Какъ древній афинянинъ — здѣшній горожанинъ готовъ толкаться на площади цѣлый день, охотно слушая подъ открытымъ небомъ поученія какого-нибудь туземнаго Сократа, или повѣствованія о временахъ давноминувшихъ какого-нибудь туземнаго Фукидида. Базаръ для туземца — кладъ, чай-ханэ, — особенно съ балагуромъ и балалайкой, — сущій рай! Страсть къ зрѣлищамъ, бездѣлье и отсутствіе развлеченій сдѣлали увеселительнымъ мѣстомъ «*чайную*». Пѣсни, пляски и фокусы — вотъ незатѣливая программа порядочной чайной. Пловъ съ морковью и изюмомъ, пельмени варенные на пару ¹⁾, сушеный урюкъ и персики, варенныя фисташки, кишмишъ, джиза (сартовскіе финики, какъ на-

¹⁾ Надъ котломъ съ кипящею водою ставятся одно надъ другимъ нѣсколько рѣдкихъ ситъ, въ которыхъ укладываются пельмени; сверхъ всего опирается сито съ сплошнымъ кожаннымъ дномъ.

зываютъ русскіе этотъ терпкій сладковатый плодъ), вяленая дыня, наръзанная ломтиками, сплетенными въ палку, гранаты, миндаль и прочія сласти манятъ гастронома и лакому. А тутъ еще «бача»...

Женщина изгнана суровымъ закономъ изъ общества; нѣтъ ей мѣста въ средѣ мужчинъ. Безобразный синій халатъ, наезнутый на голову съ длинными, спитыми вмѣстѣ и болтающимися сзади, рукавами, черная непроницаемая волосяная сѣтка, покрывающая лицо—все это придаетъ туземной женщинѣ видъ огороднаго пугала... Молчаливая, какъ мумія, она жметя къ стѣнѣ отъ каждаго проѣзжаго; а пестрые и нарядныя толпы мужчинъ, разодрѣтыхъ въ яркіе, съ большими цвѣтами и птицами, ситцевые халаты, а не то въ адрасть (полупелюшковая муарѣ) и канаусъ—весело балагурять съ красивыми и безстыдными мальчишками...

Взгляните на этого тучнаго сарта, съ лоснящеюся фізіономіей и огромнымъ бѣлымъ тюрбаномъ изъ англійской кисеи. На немъ сегодня только три халата, — значить въ тѣни не очень жарко: градусовъ двадцать ¹⁾ — самый парадный верхній съ роскошнымъ букетомъ на спинѣ, съ букетомъ на лѣвомъ рукавѣ, очевидно, шить только вчера изъ ситца для обоевъ. Шуршать и шумить наврахмаленная матерія, доволенъ и веселъ щеголь, съ завистью косятся розовые и зеленые халаты на диковинные цвѣты туземнаго франта, безпрестанно отворачивающаго помы, подшитыя узорчатымъ адрасомъ. Нѣжно гладить онъ рученку мальчугана съ подрисованными бровями, лукавыми глазенками и желтыми, окрашенными *женой*, ногтями. Поклонникъ и обожатель красоты и граціи не знаетъ какъ угодить плясуну бачѣ. — Бача одѣтъ въ женское платье. Длинные косы, сплетенныя изъ конскаго волоса, висятъ по плечамъ и спинѣ. Бусы и золоченыя русскія монеты украшаютъ его грудь... Никто не скажетъ, что это не дѣвушка — такъ красивъ и кокетливъ бача. Другой еще продолжаетъ танецъ, плавно выступая по ковру босыми ногами подъ тактъ нѣсколькихъ бубенъ и пронзительный визгъ дудки. — Этотъ одѣтъ мужчиной, но движенія плечъ намекаютъ на что-то не-мужское... Бача есть, такъ сказать, законное слѣдствіе изгнанія женщины изъ общества. Есть особые мастера, воспитывающіе бачей, обучающіе ихъ танцамъ, граціи и самому циническому кокетству. Мастера эти являются со всѣмъ балетомъ, костюмами и музыкантами, по первому зову какаго-нибудь богача,

¹⁾ Зимой носятъ нѣкоторые и до восьми.—Холодно ли сегодня?—спросите вы.—Халатовъ на шесть.

устроивающаго *той* — балъ, по случаю ли семейнаго торжества, или по случаю посѣщенія его вѣтъ-нибудь изъ русскихъ «большихъ тюря».

Тѣлодвиженія мальчика, лукавые и вовсе недвусмысленные взгляды, граціозная поступь подъ звуки не всегда пристойной пѣсни, — все это, конечно, должно дѣйствовать на чувственнаго азіата. Роскошная одежда, добрый конь и толпа поклонниковъ въ свѣтъ еще издали выдаютъ бачу во время его прогулокъ. Въ лавкахъ онъ заставляетъ покупать себѣ лакомства и бросаетъ ихъ народу, а не то распорядится такимъ же образомъ и деньгами своихъ обожателей. Народъ восхваляетъ щедрога бачу и сыплетъ комплименты: «глаза твои—что звѣзды, поцѣлуй—словно жаркое дыханіе мекьскаго вѣтра»...

Почти у всякаго богача есть свой бача, бѣдняки же любители идутъ въ складчину и общими средствами содержатъ одного бачу, удовлетворяя такимъ образомъ эстетическимъ потребностямъ души. Говорятъ, что встрѣчаются бачи, держащіе своихъ поклонниковъ «на благородной дистанціи», и что такіе феномены являются обыкновенно въ бачахъ, принадлежащихъ цѣлой артели любителей.

Русскіе смотрятъ на все это весьма снисходительно, а нѣкоторымъ это даже нравится... Бороться съ такимъ ненормальнымъ явленіемъ, какъ «бачебазство» весьма трудно. Какъ уже сказано, это вытекаетъ естественнымъ образомъ изъ затворничества женщинъ. Кто не знаетъ, что бачебазство составляетъ обычное явленіе въ Турціи, Персіи и въ сосѣднихъ съ ними земляхъ. Греки, армяне, грузины заимствовали этотъ обычай какъ моду. Въ одну категорію съ Турціей и Персіей надо поставить и всю Среднюю Азію съ Хивой, Бухарой, Коканомъ, Кашгаромъ и русскимъ Туркестаномъ.

Кромѣ изгнанія женщинъ изъ общества, на развитіе бачебазства имѣетъ, конечно, вліяніе и отсутствіе театровъ, что при однообразіи азіатской жизни и страсти азіатца къ зрѣлищамъ, къ развлеченіямъ, къ *тамашъ*, заставляетъ его искать ихъ въ чайныхъ, кофейныхъ, баняхъ и т. п. притонахъ.

Главная же причина все-таки отсутствіе женщинъ. Доказательствомъ служить то, что у кочевыхъ народовъ, какъ, напримеръ, у киргизовъ, пороковъ встрѣчается не какъ общее правило, а какъ исключеніе—единственно благодаря равноправности женщинъ, открытому лицу ихъ и простотѣ отношеній. Никакія мѣры не искоренятъ бачебазства до тѣхъ поръ, пока останутся

негронутыми *причины* этого ненормальнаго явленія. Строгія наказанія, существующія въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, безсильны противъ этого зла—даже и въ Россіи, можетъ быть, именно вслѣдствіе ихъ строгости, а въ Азійи законы эти просто непримѣнимы. Дѣлъ этой категоріи почти не возникаетъ.

Страсть къ одуряющимъ и опьяняющимъ веществамъ развита въ народъ довольно сильно. Въ числѣ первыхъ—*опій*, англійской фабрикаціи (въ видѣ палочекъ, обернутыхъ бумагою), *наша* или, какъ у насъ называютъ, *гашишъ*, изъ листьевъ и цвѣтовъ индійской конопли, употребляются какъ куренье. Маленькій шарикъ опія владется на уголья *чилима*, самодѣльнаго кальяна изъ тыввы *каду*, и нѣсколько затяжекъ переносить «теріака»—любителя опія—въ неземныя пространства!

Изъ «наши» шарики дѣлаются съ примѣсью сала. Густой бѣлый дымъ, отзывающійся и сѣномъ, и горѣлымъ саломъ, и коноплею, быстро одуряетъ любителя, падающаго иногда почти безъ чувствъ на землю. Свѣжія или и сухія листья и верхушки мѣстной конопли даютъ матеріалъ для опьяняющаго напитка *бемъ*. Листья эти стираютъ въ чашкѣ, прибавляютъ воды, тщательно перемѣшиваютъ эту смѣсь и выпиваютъ. Веселое состояніе духа, смотря по характеру любителя, переходитъ или въ сонъ, или въ буйство. Болѣе же всего распространена *буза*, приготовляемая изъ проса. Такъ какъ съ бузой познакомились и наши солдаты, и такъ какъ на нихъ, по наблюденіямъ врачей, она дѣйствовала, вслѣдствіе какихъ-то примѣсей, одуряющимъ образомъ, то употребленіе ея и даже фабрикація были запрещены еще въ 1869 году. Теперь нѣкоторые любители сильныхъ ощущеній изъ свившихся съ вдругу безсрочныхъ прибѣгаютъ и къ опію, и къ наша... Бывали примѣры, что одурѣвшаго солдата сарты обрывали, одѣвали въ халатъ и чалму, и увозили связаннымъ въ Бухару. Весьма распространено также употребленіе *куннара*, приготовляемаго изъ обмолоченныхъ уже головокъ мака. Ихъ растираютъ съ водой и выжимаютъ сквозь тряпку.

Слѣдовало бы лучше разрѣшить бузу, которая все равно производится по ауламъ, чѣмъ запретомъ ея наталкивать народъ на болѣе вредныя, одуряющія вещества. Намъ кажется, что если вредна не самая буза, а вредныя примѣси къ ней, то слѣдовало бы только запретить эти примѣси. Наши солдаты чаще опиваются водкой, чѣмъ бузой, а между тѣмъ водку запрещать никто и не думаетъ. Въ пользу отмѣны запрещенія говорить и то, что поддерживать это запрещеніе рѣшительно невозможно, такъ какъ бузовареніе доступно каждому отдѣльному лицу и не требуетъ ни особен-

нихъ помѣщеній, ни машинъ, ни большихъ денежныхъ затратъ. Кромѣ того, лица, на которыхъ возложена обязанность полицейскаго надзора, аульные старшины у киргизовъ и выплачные аксакалы у сартовъ, нерѣдко сами варятъ запрещенный напитокъ.

Теперь вмѣсто бузы туземцы начинаютъ пить водку, считая, что запрещеніе корана не распространяется на этотъ напитокъ; а если ужъ и водку подвести подъ понятіе о *шаратъ*,—о винѣ,—то въ ея пользу все-таки можно сдѣлать исключеніе, такъ такъ она въ тоже время и *дару*—лекарство.

Что водка есть лекарство, туземцы видятъ каждый день на примѣрѣ своихъ русскихъ знакомцевъ, лечащихъ всѣ болѣзни этимъ специфическимъ средствомъ. Стручковый перецъ, мата, полынь, хина — все это служитъ матеріаломъ для настоевъ и лечить ту или другую болѣзнь.

Сарты предпочитаютъ, впрочемъ, совершенно чистую водку. Нѣкоторымъ изъ нихъ даже кажется, что мы запретили бузу именно съ цѣлю покровительствовать водкѣ... Винокуренныхъ заводовъ, добывающихъ спиртъ и водку исключительно изъ винограда, развелось въ Ташкентѣ не малое количество (Федорова, Жемчужникова, Первушина, Кузнецова и еще кого-то). Ясно, что эти заводы не могли бы и существовать безъ поддержки туземцевъ, такъ какъ русскихъ потребителей немного.

Въ видахъ предупрежденія развитія пьянства въ Кураминскомъ уѣздѣ было принято за правило: не разрѣшать никому открывать питейныхъ заведеній въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ русскаго населенія. Поэтому, до сихъ поръ на весь уѣздъ имѣется только 20 кабаковъ (въ 1871 г.), находящихся преимущественно въ Чиназѣ. Мысль, руководившая въ этомъ случаѣ уѣздною администрацію, была та, что у туземцевъ слишкомъ достаточно и своихъ пороговъ, чтобы имъ прививать еще наши. Наконецъ, гораздо лучше и свойственнѣе имѣть меньше кабаковъ, чѣмъ больше тюремъ!

Слѣдуетъ упомянуть наконецъ о страсти во всевозможнымъ азартнымъ играмъ: орлянка, карты, чѣтъ и нечѣтъ камешками,— все это способствуетъ передвиженію капиталовъ, затѣмъ одежды, домашняго скарба, а наконецъ и домочадцевъ отъ одного игрока къ другому... Жена, сестра, дочь, сынъ — все идетъ на ставку! Игроки до того пристращаются къ игрѣ, что иногда можно встрѣтить играющаго съ самимъ собою: то кидаетъ монету и торопится заглянуть—орелъ или рѣшетка?—то перебрасываетъ камешки изъ одной руки въ другую и быстро считаетъ: чѣтъ или нечѣтъ? Въ 1870 году я видѣлъ въ Самаркандѣ такого субъекта подъ судомъ по обвиненію въ разбоѣ: онъ до того былъ углуб-

лень въ свою игру, что на вопросы судей отвѣчалъ не впадать, совершенно равнодушно относясь къ своей участи. Это насъ всѣхъ весьма поражало ¹⁾. Кромѣ игры, существуютъ и еще азартные способы приобрѣтать деньги, это—пари. Скачка, борьба двухъ силачей, бой пѣтуховъ, перепеловъ и куропадокъ, нарочно для того выдерживаемыхъ въ теченіи зимы (весною, въ пору спариванія, ихъ стравливаютъ)—все это служить поводомъ къ пари.

Убийствъ было совершено: въ 1868 году 4
 „ „ „ „ 1869 „ 8
 „ „ „ „ 1870 „ 5

Изъ числа совершенныхъ въ 1869 году—два падаютъ на долю русскихъ, и именно казаковъ.

Убийство у киргизовъ оплачивается куномъ, размѣръ котораго не опредѣленъ обычаемъ съ такою строгостію, чтобы можно было прямо сказать: сколько въ данномъ случаѣ виновный долженъ будетъ заплатить. Обыкновенно богачъ платитъ за убійство дороже бѣдняка. Такъ, въ 1869 году одинъ виновный былъ приговоренъ бiами къ уплатѣ 90 тиллей—около 360 р., а другой убійца заплатилъ 193 тилли, то-есть 772 р., да еще 3 халата и 1 лошадь. Оно и резонно: иначе какой-нибудь богачъ могъ бы сбѣлаться просто бичомъ сосѣдей, такъ какъ для него легкій денежный штрафъ ничего бы не стоилъ. Правда, на такого человѣка найдется еще одна узда: обычай кровомщенія. Опасеніе за собственную жизнь. служить довольно сильнымъ аргументомъ, сдерживающимъ самоуправство дикаго сына степей.

Кое-гдѣ въ степи установилась для куна такая норма: за мужчину убійца долженъ отдать наслѣдникамъ 100 коней и 6 слѣдующихъ *джаксы* ²⁾: 1) одинъ невольникъ или невольница; 2) *кара-наръ*—черный одnogорбый верблюдъ (нары сильнѣе двугорбыхъ туюя); 3) *кара-чулакз-атз*—вороная, славная въ народѣ лошадь; 4) *акз-суатз*—бѣлая кольчуга; 5) *тзумутукз*—вѣрное ружье, и 6) *калынь-гленъ*—толстый мохнатый коверъ.

За женщину платится половина: 50 лошадей и 3 *джаксы*: *кара-наръ*, *кара-чулакз-атз* и *калынь-гленъ*, то-есть—верблюдъ, во-

¹⁾ Въ статьѣ А. Д. Гребенкина, „Таджики“ (Русскій Туркестанъ, выпускъ второй) упомянуть, какъ видно, тотъ же случай.

²⁾ Собственно *джаксы* значить *хорошій*: слово татарское, испорченное киргизскимъ произношеніемъ, которое передѣлываетъ мягкое *ч* въ *дже*, *ш* въ *с*, *е* въ *б* и *н* и т. д. *Йолз*—дорога, будетъ *джоль*; *йилз*—годъ, *джилз*; *башъ*—голова, *басъ*; *кя-филь*—свидѣтель, *кяпилъ*; *ясши*—хорошій, *джаксы* и т. д.

рная лошадь и коверъ. Очевидно, что такая норма, гдѣ играютъ роль ружья, кольчуги и прочее, не самая древняя. Счетъ баранами—конечно древнѣе. За мужчину 1000, а за женщину 500 барановъ—какъ разъ даже и по цѣнѣ подойдетъ къ названной выше нормѣ. Нынѣшніе киргизы ее рѣдко придерживаются, потому ли, что обѣднѣли, потому ли, что цѣнять жизнь дешевле, потому ли, что теперь убійства рѣже и наказаніе не нуждается уже въ устрашающемъ характерѣ—сказать трудно.

Смыслъ обычая весьма ясенъ: убійца мужчины долженъ обезпечить семью его за матеріальный ущербъ и выдать свое оружіе, коня и оруженосца; убившій женщину, оружія и раба не выдаетъ. Если бы оцѣнить всѣ джаксы и лошадей, то цѣнность куна выразилась бы слѣдующими цифрами:

100 лошадей, по 30 р. каждая	3000 р.
Наръ	80 >
Вороной конь	200 >
Кольчуга	30 >
Ружье	30 >
Коверъ	20 >
Рабъ	200 >

3560 р.

Надобно сказать, что кольчуги теперь упали въ цѣнѣ: наѣзденники убѣдились, что онѣ ничего не стоятъ передъ русскимъ штыкомъ и пулей. Поэтому, теперь можно купить иногда порядочную кольчугу рубля за три, или за пять. Въ степи же это охранительное вооруженіе еще цѣнится. Хорошая лошадь-сакаунъ цѣнится иногда и въ 1000 тиллей, т.-е. въ 3500 рублей, а меньше какъ за 200 р. его не купишь. Ружье, не весьма хитрой конструкции, съ фителемъ и развалкой, придѣланной къ ложѣ для подставки—иногда стоитъ и не дешево, но я принимаю здѣсь и кольчугу и ружье въ цѣну обыкновенной лошади.

Что касается невольниковъ, то, конечно, теперь существуетъ развѣ одинъ видъ рабства: кабала за долги, за невыплаченный кунъ и т. п. Впрочемъ, у сосѣднихъ съ китайскими провинціями киргизовъ встрѣчаются калмыки, проданные своими родителями, или и просто забарантованные во время набѣговъ. Такимъ образомъ, если принять даже наши умѣренныя цѣны, то кунъ за кровь мужчины доходить до 1000 тиллей, а за кровь женщины до 500 тиллей. Приведенныя нами выше цифры въ 90 тиллей и въ 193, а съ лошадью и 3-мя халатами, пожалуй, 215 тиллей—весьма далеки отъ старой нормы. За убійство султана или ходжи платится какъ за 7 человекъ. Обида этихъ лицъ

словами оплачивается семью баранами. Не всегда ссора и драка доводятъ туземцевъ до убійства; такъ, на 5 убійствъ, совершенныхъ въ 1870 году, приходится 45 случаевъ нанесенія ранъ и увѣчій. Раны также оплачиваются кунемъ, смотря по важности ихъ. За отсѣченіе большого пальца прежде платилось 100 барановъ, за мизинецъ—20, а если потерпѣвшій не прощаетъ, то виновному отсѣвается соответствующій членъ.

Для предупрежденія, а со временемъ и, вовсе для искорененія баранты и кровомщенія можетъ служить изыятіе этихъ преступленій изъ—подъ вѣдѣнія народныхъ судовъ, ограничивающихся, бѣльшею частью, только возмѣщеніемъ убытковъ и кунемъ за кровь. Убійство и баранта завѣщаны эпохою безсилія государственныхъ началъ въ Средней Азии, когда каждому предоставлялось право творить судъ и расправу надъ противникомъ, за нанесенную имъ обиду. Это, конечно, не можетъ быть терпимо при русскомъ владычествѣ. Судъ и расправа конечно не могутъ быть предоставлены всякому желающему. Народъ уже достаточно ознакомился съ основаніями и приемами русскаго судопроизводства, а потому передача такихъ крупныхъ правонарушеній, каковы грабежъ и убійство, подъ вѣдѣніе русскаго суда, не покажется уже крутою и неподготовленною мѣрою. Преслѣдуя эти преступления уголовнымъ порядкомъ, слѣдуетъ однако же оставить за потерпѣвшей стороной право искуать матеріальнаго вознагражденія по обычаю; въ противномъ случаѣ множество преступленій будетъ скрыто отъ русскаго суда изъ-за матеріальныхъ выгодъ мировой сдѣлки.

Оставить одинъ кунь, какъ пеню за пролитую кровь—значитъ снять съ богачей всякую отвѣтственность и дать каждому изъ нихъ возможность безнаказанно творить самоуправство, обрекая на смерть ихъ противниковъ.

Грабежей и разбоевъ было совершено: въ 1868 году—14; въ 1869 г.—10. Въ томъ числѣ на большихъ дорогахъ: въ 1868 г.—10, а въ 1869 году—4. Въ 1869 году изъ десяти грабежей, три произведено русскими.

Случаевъ воровства и мошенничества было: въ 1868 году—12; въ 1869 г.—11; въ 1870 г.—185.

Увеличеніе цифры 1870 г. произошло не вслѣдствіе ухудшенія народной нравственности, а вслѣдствіе введенія болѣе правильной отчетности со стороны казиевъ и биевъ, которые прежде не сообщали въ управленіе числа рѣшаемыхъ ими дѣлъ. Въ своемъ мѣстѣ будутъ даны свѣдѣнія о числѣ всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ 1870 году народнымъ судомъ. Замѣчательною кражею

можно считать совершенную въ 1868 году: одинъ сартъ укралъ въ чинаской церкви часть разобраннаго имъ подсвѣчника. Это чуж ли не единственный случай въ этомъ родѣ.

Главную статью въ цифрѣ кражъ составляетъ конокрадство: въ 1868 и 1869 г. было по 9-ти случаевъ, а въ 1870 г. слѣдуетъ считать до 140. Въ сущности же и въ предшествовашіе годы слѣдовало бы считать хотя по 180 всѣхъ кражъ, потому что въ то время мы вели войну съ Бухарою, вводили новое положеніе, посылали въ степь экспедиціи и т. д., и слѣд. надзоръ былъ слабѣе. Такъ какъ уѣздная администрація обязана слѣзть только первое дознаніе и затѣмъ передаетъ дѣло судебному слѣдователю (общему для уѣзда и для города), и такъ какъ судебный слѣдователь, нисколько не подготовленный въ этой дѣятельности (изъ писмоводителей), обыкновенно затягиваетъ дѣла и велъ ихъ *отъ* уѣзда, то слѣдить за ходомъ этихъ дѣлъ не было никакой возможности.

Противъ конокрадства и грабежей въ 1868 году была принята слѣдующая мѣра: изъ самихъ жителей составлена стража и расположена пикетами у переправъ черезъ рѣвки и на высокихъ мѣстахъ. Средство это оказалось довольно дѣйствительнымъ, и противъ 1867 года конокрадство сразу ослабло.

Крупныхъ происшествій, нарушившихъ общественный порядокъ, было только два. Въ 1868 году, въ ночь на 1-е апрѣля, на станцію Арабатъ, которую охраняли шесть уральскихъ казаковъ, напала шайка въ шестьдесятъ человекъ, подъ предводительствомъ одного карадуваны и нѣсколькихъ дувановъ ¹⁾. Заслышавъ неистовые визги, казаки взобрались на крыши сакель и открыли огонь. Шайка потеряла трехъ человекъ убитыми и ранеными, и отступила. Виновные увѣрали, что они нападать и не думали, а просто возвращались съ праздника и вздумали поидтиговать мимо станціи, казаки же съ перепуга приняли ихъ за разбойниковъ. Присланный на слѣдствіе офицеръ поддерживалъ показанія виновныхъ, и уральцы были заподозрѣны въ излишней пугливости; но настойчивость уѣзднаго начальника не дала замолкнуть этому дѣлу, и виновные подверглись суду. Главные зачинщики, впрочемъ, успѣли бѣжать, изъ второстепенныхъ же приговорены были: двое — къ смертной казни и одинъ — къ ваторжнымъ работамъ. Приговоренные къ смерти были однакоже помилованы

¹⁾ Дувана — туземный монахъ нищенствующаго ордена. Между ними многіе напеваютъ на себя юродство, и потому слово „дувана“ сдѣлалось синонимомъ — волюму, дурака, юродиваго и т. п.

генераль-губернаторомъ и сосланы въ Сибирь на поселеніе. Другое нападеніе, и также на почтовую станцію, было произведено въ 1871 году, шайкою человекъ въ 60 сартовъ и киргизовъ, въ 30-ти верстахъ отъ Ташкента, при чемъ нѣсколько казаковъ было убито или ранено. Какъ скоро получено было извѣстіе о происшествіи, — снаряжена была погоня изъ мѣстныхъ жителей. Узнавъ о погонѣ, разбойники разбрелись поодиночкѣ, но жители горныхъ кишлаковъ были на-готовѣ, и къ вечеру того же дня 8 человекъ было поймано; черезъ нѣсколько дней было захвачено еще 20 чел. и затѣмъ каждый день поодиночкѣ перехватывали болѣе половины шайки. Главный атаманъ успѣлъ бѣжать въ Коканъ.

Слѣдствіе показало, что ишанъ—святоша, бывшій атаманомъ шайки — давно уже пропагандировалъ противъ русскихъ и нерѣдко прїѣзжалъ въ самый Ташкентъ. Главная масса его послѣдователей набралась въ аулѣ *Куль-кара*, гдѣ онъ устроилъ мечеть, школу, и назначилъ по себѣ *халифа*—старшаго ученика и преемника. Себя выдавалъ за пророка *Меиды*, послѣдняго передъ свѣтопреставленіемъ. Шайку набралъ отчасти угрозами, отчасти увѣреніемъ, что все готово, что ташкентцы ждутъ-не дождутся и т. п. Замѣчательно, какъ отнесся къ этому народъ: мало того, что туземцы спасаютъ казака, даютъ знать въ сотню и ловятъ разбойниковъ, но даже готовы были растерзать пойманныхъ. Впослѣдствіи четверо изъ наиболѣе виновныхъ были разстрѣлены, нѣсколько сослано въ каторжные работы.

Всѣхъ арестантовъ въ Кураминскомъ уѣздѣ содержалось въ теченіи 1870 года 152 чел. Значительная доля ихъ, впрочемъ, не принадлежала уѣзду; въ числѣ множества рабочихъ, прибывающихъ изъ Кокана въ Ташкентъ, попадаются и воры, которыхъ болѣею частію и высылаютъ обратно. Кураминскія тюрьмы служатъ для этихъ пересылочныхъ партій этапамъ. Собственно тюрьмъ нѣтъ, но при гауптвахтахъ въ Чиназѣ, Куйлюкѣ, Той-Тюбе и Тиляу устроены арестантскія помѣщенія, весьма недостаточныя въ случаѣ прилива арестантовъ изъ Ташкента. Той-Тюбинская, передѣланная изъ сартовской сакли, весьма низка, съ малыми отверстіями для оконъ, и потому съ недостаточною вентиляціею. Лѣтомъ, въ душныя ночи, арестантовъ приходится размѣщать въ тѣсномъ дворикѣ, окруженномъ невысокою глиняною стѣною, — и это, при крайней неопытности оренбургскихъ и сибирскихъ казаковъ, составляющихъ обыкновенный гарнизонъ сел. Той-Тюбе, ведетъ къ побѣгамъ. Въ 1868 году бѣжало двое, въ 1869 году одинъ. Средство употреблялось весьма простое: во время вечер-

ниго намаза, когда правовѣрные арестанты станутъ на колѣни и часовому казаку прискутить смотрѣть на однообразные поклоны, какой-нибудь смѣльчакъ вскакиваетъ на плечи сосѣда, хватается за верхъ стѣны и перелетаетъ на улицу. Выскочившій караулъ не знаетъ за кѣмъ гнаться, ибо на улицѣ видны пятки нѣсколькихъ человѣкъ, улепетывающихъ во всѣ стороны. Неистовые крики: «держи, лови» и высыпавшая изъ воротъ толпа казаковъ съ оружіемъ ошеломляетъ прохожихъ, незнающихъ въ чемъ дѣло и боящихся попасть на закланіе! Ловятъ обыкновенно какого-нибудь перепуганнаго прохожаго, а виновникъ суматохи успѣваетъ скрыться въ первомъ извилистомъ переулкѣ.

Одежда арестантовъ ничѣмъ не отличаетъ ихъ отъ остальныхъ жителей, головы брѣюгъ всѣ. Единственное средство сдѣлать ихъ замѣтными—это бритье бороды, усовъ и бровей, употребительное въ ханствахъ. Но это считается верхомъ позора. Когда хотятъ сказать: онъ потерпѣлъ поражение, онъ былъ пристыженъ, то употребляютъ выраженіе: «онъ ушелъ съ обритыми бровями»!

Безпечность и незнаніе службы у казаковъ таковы, что, надобно удивляться, какъ еще не разбѣгались и *всѣ* арестанты!

Содержаніе арестантовъ возлагалось обыкновенно на такъ называемаго *куръ-баша*, или сартовскаго полиціймейстера, которому отпускались и деньги. Обезпеченное содержаніе при полнѣйшемъ бездѣйствіи обращало тюрьму въ какой-то монастырь. Опшельники не только не стремились къ свободѣ (развѣ ужъ кому грозила строгая кара за содѣянное), но весьма охотно поступали въ скитъ, нисколько не заботясь ни о поручителяхъ, ни о скорѣйшемъ представленіи своихъ свидѣтелей.

Въ видахъ гигиеническихъ, а также, чтобы извлечь изъ массы тунеядцевъ какую-нибудь пользу, я заставлялъ ихъ (лѣтомъ 1870 года) очищать дворы уѣзднаго управленія, поправлять дорожки въ саду, поливать засѣянную мною плантацію врачебныхъ растеній, сахарнаго сорго и т. п.

Къ зимѣ арестанты обыкновенно старались уйти на поруки; крупныхъ плутовъ въ уѣздѣ не держали, отсылая ихъ въ ташкентскую тюрьму, въ видахъ предупрежденія побѣга, а также въ виду того, что судебный слѣдователь жилъ постоянно въ Ташкентѣ, гдѣ и велъ слѣдствія.

Кромѣ названныхъ пунктовъ, арестантскія имѣются и при каждомъ волостномъ управленіи, но онѣ передѣланы изъ сакель и не отвѣчаютъ всѣмъ условіямъ гигиены, и потому требуютъ перестройки.

Дома строятся изъ глины, которую берутъ тутъ же подъ ногами, такъ какъ грунтъ состоитъ изъ чистѣйшей и хорошей глины. Для тонкихъ стѣнъ (въ лавкахъ, сараяхъ и т. п.) туземцы ставятъ деревянный остовъ и залѣпляютъ его глиной. Самый характеръ здѣшнихъ построекъ изъ глиняныхъ комьевъ съ камышевыми крышами, покрытыми глиною же, дѣлаетъ ихъ недоступными огню съ внѣшней стороны. Смазка крышъ глиною употребляется кое-гдѣ и въ Россіи. Опытъ указалъ, что это прекрасное предохранительное средство. Во время пожара въ Коротоякѣ (Воронежской губ.), происшедшаго въ 1868 году отъ иллюминаціи въ честь пріѣзда генераль-инспектора кавалеріи, и когда притомъ вся вольнонаемная пожарная команда отправлена была за городъ зажигать плошки—удалось отстоять только тѣ дома, крыши которыхъ были покрыты глиной, кругомъ же ихъ множество сосѣднихъ зданій были истреблены.

Сартовскія постройки застрахованы отъ огня и изнутри: въ нихъ нѣтъ ни печей, ни дымовыхъ трубъ—огонь раскладывается просто на полу въ особомъ углубленіи, а если сами жители хотятъ согрѣться, то въ это углубленіе накладываются уголья, надъ ними ставится большая и низкая табуретка, похожая на маленькій столикъ, табуретка покрывается ватнымъ одѣяломъ и семья садится вокругъ, засовывая ноги подъ табуретку на перекладыны ея ножекъ и закутываясь въ одѣяло. Полъ, конечно, глиняный или вымощенный квадратными плитками кирпича—огню нѣтъ пищи никакой. Дымовыя трубы, причиняющія въ Россіи столько хлопотъ, здѣсь замѣняются окномъ, дверью или отверстіемъ въ крышѣ. Эта сравнительная безопасность отъ огня дѣлаетъ пожары большою рѣдкостью. Ихъ было во всей области 20, сгорѣло 78 дворовъ на—9,480 р.

Поэтому и пожарныхъ командъ нигдѣ не имѣется. Слабымъ намѣкомъ на будущіе пожарные инструменты въ Курамѣ служитъ пока единственный гидропультъ, купленный мною для уѣзднаго управленія. Въ случаѣ нужды и онъ можетъ пригодиться, такъ какъ струя его достаегъ до крышъ здѣшнихъ невысокихъ построекъ.

Отсутствіе печей въ туземныхъ постройкахъ объясняется теплымъ климатомъ и короткою, несуровою зимой. Съ приходомъ русскихъ зима стала суровѣе. Туземцы видятъ въ этомъ знаменіе... знакъ особаго благоволенія Аллаха въ русскимъ, которые любятъ снѣгъ и безъ мороза жить не могутъ!

Занявъ сартовскія сакли, мы понадѣлали печей и—принялись рубить фруктовыя деревья. Туземцы охотно стали возить дрова,

преимущественно урюковья (абрикосовья), которыя лучше горять. Съ истребленіемъ садовъ дрова, конечно, вздорожали. Наннн печи устраивались самымъ допотопнымъ образомъ такими печниками изъ солдатъ, которые сдѣлались ими только потому, что имъ «приказано». Очагъ и вертикальная труба, безъ всякихъ заворотовъ, откровенно глядять сквозь крышу въ небо; никакихъ вьюшекъ не волагалось, и чтобы закрыть трубу, надо было лазить на крышу и тамъ затывать трубу кошмой, сверхъ которой накладывались камни. Понятно, что такія печи поѣдали огромное количество топлива и давали ничтожное количество тепла. Дороговизна дровъ заставила подумать и о топливѣ, и о печахъ. Каменный уголь съ казенной «Татариновской» копи, хотя и добывался за Чемкентомъ и везти его 200 верстъ чего-нибудь стѣсило, но все-таки казалось выгоднѣе платить 35 коп. за пудъ угля, чѣмъ 15 р. за сажень дровъ. Выписанные изъ Россіи для «генеральскаго» дома печники были заняты чуть не на годъ впередъ, и потому менѣе вліятельные чины должны были довольствоваться тѣми туземными *уста*—мастерами, которые служили чернорабочими при русскихъ мастерахъ. Одинъ изъ такихъ скоро допелъ до такого искусства, что не уступалъ и русскимъ, но за то и его трудно было залучить къ себѣ. Сложитъ каминъ онъ брался за 7 и 10 рублей. Второстепенные мастера брали не менѣе 15-ти. Когда я выставилъ такому мастеру несообразность его цѣны сравнительно съ цѣной лучшаго мастера, онъ весьма резонно возразилъ:

— Да вѣдь тотъ какъ взялся за работу—такъ ужъ и кончить, а мнѣ можетъ быть придется еще раза три передѣлать все занова... за что же я буду трудиться?

И правда: начнешь пробовать каминъ—то не тянетъ вовсе, но дымить. Мастеръ ужъ не отходить и передѣлываетъ до тѣхъ поръ, пока дѣло не наладится.

Татариновскую копи скоро залило водою. Уголь вздорожалъ. Первушинскій изъ копи Кураминскаго уѣзда продавался по татариновской цѣнѣ и портилъ колосники: избытокъ сѣры велъ къ образованію сѣрнистыхъ соединений, и желѣзные прутья перегорали. Теперь уже многіе топятъ камышомъ, каминны передѣланы на простыя печи. У китайцевъ, гдѣ дровъ было мало, печи или, вѣрнѣе, трубы строились такимъ образомъ: очагъ врывается въ полъ, боровъ-дымоотводъ кладется горизонтально вдоль стѣнъ на полу же, и выходитъ потомъ наружу ниже горизонта, оканчиваясь въ трубу, сдѣланную изъ коры дерева, обмазанной изнутри глиной. Въ видахъ красоты въ кору втыкають сучья и вѣтви, преимущественно вѣчно зеленой хвои—нужды нѣтъ, что

кора дубовая, а вѣтви будутъ еловыя. Боровъ внутри комнаты обдѣлывается лежанкой и покрывается циновками—выходитъ и чисто и тепло, да и мебели лишней не надо. Выгода еще та, что сырость, гнѣздящаяся обыкновенно внизу стѣнъ, уничтожается. Такія печи есть въ Кульдждѣ, и русскіе должны съ ними познакомиться. Корейцы, переселенные насильно изъ Владивостока на Амуръ, передѣлали русскія печи въ домахъ, для нихъ построенныхъ, на описанный нами образецъ. Экономія въ топливѣ достигается при этомъ полная. Все тепло остается въ комнатѣ, а не грѣетъ небо.

Другое, что слѣдуетъ позаимствовать отъ китайцевъ — это полы: матеріаломъ служить жженый кирпичъ, но его заливають — замѣтимъ, не *мажутъ* только — варенымъ растительнымъ масломъ. Кирпичъ дѣлается непроницаемымъ для сырости, приобретаетъ большую прочность, такъ какъ въ порахъ его останется сгустившееся масло — и затѣмъ его можно еще шпаклевать, красить, мыть. Кирпичные полы дѣлаются и у насъ, но безъ масла, оттого кирпичъ сильно стирается подъ ногами, пылить, а мытый — долго сохраняетъ сырость и гноить вещи въ сундукахъ, чемоданахъ и т. п. Квадратная сажень китайскаго пола обойдется въ 6 р. 50 к., а деревяннаго не менѣе 30 р.; кирпичный и служить въ 10 разъ дольше.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et Cie. 1875. Tomes I-XIV ¹⁾.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *).

I.

Годъ «республиканской реакціи», кончившійся «дѣломъ темной ночи» — 2-мъ декабря — прощель для Прудона все въ томъ же тюремномъ сидѣньи. Переписка этого, 1851, года носить на себѣ, по-прежнему, журнально-редакціонный и, притомъ, болѣе кружковый, чѣмъ единоличный характеръ.

Кто могъ бы еще усумниться въ томъ, что Прудонъ, когда сложился въ политическаго дѣятеля, былъ отъявленный врагъ всякаго демагогическаго фетишизма тогдашнихъ революціонныхъ кружковъ — тотъ пусть прочтетъ большое письмо, отъ 7-го января 1851 года, къ Ланглуа, содержащемуся тогда, по политическому преступленію, въ крѣпости «Belle-Isle». Тамъ содержались и два главныхъ вожака революціонной партіи: Барбесъ и Бланкі, бывшіе уже тогда въ непримиримой враждѣ. Барбесъ сидѣлъ первоначально въ Дюлленсѣ, гдѣ былъ въ то время и

¹⁾ При началѣ изданія предполагалось выпустить *восемь* томовъ „Переписка“; теперь же число ихъ увеличено до *четырнадцати*.

²⁾ См. выше: мартъ, 154; май, 78; июль, 38; авг., 523 стр.

Прудонъ; но самъ выпросился въ «Бель-Иль» для того, чтобы (такъ говорили его приверженцы) раздѣлить лишенія своихъ единомышленниковъ и не пользоваться тѣми удобствами, какія были ему предоставлены въ Дюлленсѣ; въ сущности же, онъ перебрался въ «Бель-Иль» съ исключительною цѣлью: быть въ томъ большомъ центрѣ демагогіи, гдѣ первенствовалъ ненавистный ему Бланкі (въ «Бель-Иль» собралось до 240 политическихъ заключенныхъ). Прудонъ разбираетъ эту вражду, въ назиданіе молодому Ланглуа, и находитъ, что оба кандидата въ диктаторы—одинаково тщеславны и нетерпимы. Бланкі, какъ извѣстно, заслужилъ негодованіе и ненависть Барбеса и его партіи за то, что онъ, будто бы, «предалъ» своихъ сообщниковъ передъ палатой пэровъ, когда его судили при Луи-Филиппѣ, или, по крайней мѣрѣ, многое сообщил о планахъ заговорщиковъ. Говоря объ этомъ, Прудонъ того мнѣнія, что если Бланкі и сообщил что-нибудь «argès-сюр», когда его рассказы не могли повредить дѣлу, то въ этомъ не было еще никакого предательства. Барбесъ же, правда, ни въ чемъ не проговорился и сповойно ждалъ своего смертнаго приговора; однако же, отъ помилованія, вымоленного у Луи-Филиппа его сестрой, не отказался, что Прудонъ опять-таки считаетъ вполне естественнымъ. Если же, полагаетъ онъ, Бланкі такъ оскорбленъ обвиненіями революціонеровъ, то почему же онъ категорически не объяснится, а откладываетъ все свою защиту со дня на день? Вообще же Прудонъ смотритъ на подобное желаніе: прослыть непременно «звѣрѣмъ», какъ на «*scrupules plus dignes de brigands que de citoyens*». Поддерживая свои доводы и мнѣнія, онъ прибавляетъ о себѣ самомъ:

«Да, любезный Ланглуа, сиди у меня на шеѣ вѣчное заключеніе, я бы не считъ себя ни подлецомъ, ни дурнымъ гражданиномъ, предложивъ, въ обмѣнъ на мою свободу, обѣщаніе: абсолютно воздерживаться отъ политики до того дня, когда революція освободила бы меня отъ моей клятвы». Далѣе, онъ съ новою силою нападаетъ на печальный духъ нетерпимости и депотизма, заразившій тогда демократическій лагерь. Онъ утверждаетъ, что «революція задержана въ своемъ движеніи единственно по милости демократовъ». Указывая Ланглуа на полемическіе выходы сторонниковъ Ледрю-Роллена и Барбеса, направленные на кружокъ Прудона, онъ подтверждаетъ свой взглядъ такими указаніями:

«Развѣ въ республиканской партіи не господствуетъ правительственный духъ, доведенный до самой зростной диктатуры? Что же до нравовъ, то пьянство и распутство (*paillardise*) на

ших друзей развѣ не обратились въ поговорку? Обвиненія реакціонеровъ должны бы были побудить насъ къ самому строгому поведенію, а мы видимъ, что самые замѣтные люди публично, почти официально, предаются вонкубинату. Точно будто *свидѣтельства оъ цивиизмѣ* (certificat de civisme) достаточно для освобожденія отъ всякихъ семейныхъ добродѣтелей».

И, глядя въ свое будущее, Прудонъ предупреждаетъ юнаго единомышленника, что, выступивъ опять на арену журнализма, онъ займется безпощаднымъ бичеваніемъ «лже-братъевъ, сбывающихъ съ пути и обезчещивающихъ все больше и больше республику и совсѣмъ губящихъ революцію». Конецъ письма касается нѣкоего V***, заподозрѣннаго, а потомъ и уличеннаго въ томъ, что, втершись въ редакцію «Voix du peuple», былъ ей враждебенъ, и дѣйствительно—тайно предавалъ ее. Этому V*** Прудонъ, нѣсколько позднеѣ, самъ пишетъ, не боясь говорить ему правду въ глаза, съ большой однакожь сдержанностью, какъ и слѣдовало ожидать. Эмиля Жирардена Прудонъ, по-своему, *жестокатируетъ*, и въ письмѣ отъ 22-го января уговаривается съ нимъ по журнальной тактикѣ, а въ тотъ же день пишетъ Марку Дюфрессу: «Г. де-Жирарденъ, со всей своей лихорадочной дѣятельностью и изворотливостью хищника,—одна изъ самыхъ драгоценныхъ машинъ, какія я только встрѣчалъ на своемъ вѣку: одному Богу извѣстно, сколько мы изъ него извлекли себѣ пользы, и какъ онъ намъ еще пригодится!»

Товарищъ Прудона—Турнѣ, оказался виднымъ желѣзно-дорожнымъ чиновникомъ, въ которому онъ, отъ 16-го февраля, обратился—письмомъ, съ просьбою о нѣкоемъ Nicolas, послѣ долгой разлуки и неизвѣстности. Прудонъ сообщаетъ ему (въ первый разъ являются эти подробности) изъ своей частной жизни факты, случившіеся за послѣднее время:

«Писалъ ли я тебѣ, когда нужно было, о своей женитьбѣ, переводѣ меня въ Дюлленсъ и о моихъ процессахъ? Признаюсь, для вынтриша времени, я сократилъ, постепенно, всякую переписку, всякія ненужныя сношенія. Быть можетъ, ты найдешь, что я долженъ былъ хоть для тебя сдѣлать исключеніе. Коли таково твоѣ мнѣніе, охотно винюсь и объявляю себя преступнымъ. Прости моимъ мытарствамъ то подобіе забвенія, котораго вовсе нѣтъ въ моемъ сердцѣ. Я женился, какъ ты легко сообразишь, не въ радости, а въ грусти; молодая работница, въ которой я, такъ сказать, уже давно увѣрился, предпочла мою несчастную долю всякой другой удачѣ, хотя я могъ ей предложить одну малую неволю; но я думалъ, что для меня непозволительно от-

вергать преданность, послѣ того, какъ приобрѣлъ расположеніе. Теперь же я могу только поздравить себя съ тѣмъ, что я сдѣлалъ. Во всей моей жизни это—самый лучший, самый полезный для меня, самый достойный уваженія въ моихъ глазахъ—поступокъ. У меня четырехъ-мѣсячная дѣвочка, неподобнаго вида. Не стану распространяться предъ тобой, человѣкомъ, отдавшимся любви, внутренней жизни и семейству. Ты самъ догадываешься, что заключеніе почти-что ровно ничего для меня не значитъ. Напротивъ, никогда еще я не пользовался подобнымъ самообладаніемъ, какъ съ тѣхъ поръ, какъ я такимъ образомъ дополнилъ свое существованіе».

Подерѣвление взглядовъ Прудона на революцію находимъ мы и въ письмѣ, отъ 19-го марта, къ Вильоме, автору «Histoire de la Révolution». Никогда не лишнее—прочеть страницу, написанную французомъ, который такъ рѣзко отличался въ своихъ взглядахъ отъ всего тогдашняго революціоннаго лагеря:

«Французская революція,—говоритъ Прудонъ,—неистощимый текстъ, резюмирующій, въ небольшомъ числѣ годовъ, всю исторію міра; хорошо составленная философія революціи представляла бы полный курсъ политики, публичнаго права и соціальной экономіи. Въ послѣднее время я много ею занимался, особливо той частью, которая заключается между 89-мъ и 94-мъ гг.».

Слѣдующее мнѣніе о Робеспьерѣ немногіе французскіе радикалы и теперешней лѣвой подпишутъ безъ оговорокъ:

«Признаю, вмѣстѣ съ вами, что «гора» должна была взять верхъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время (ибо, въ концѣ-концовъ, восторжествовала жиронда); но я различаю, какъ и Мишлэ, «гору» отъ якобинцевъ, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы въ съ ббльшей смѣлостью уважали на посредственность Робеспьера и заклеили его низкія политическія убійства. Большое несчастье то, что этотъ человѣкъ погибъ съ подобіемъ мученичества: популярность, весьма мало осмысленная, какую ему сдѣлало 9-е термидора—одна изъ нашихъ злосчастнѣйшихъ традицій. Съ Робеспьеромъ-побѣдителемъ или съ Робеспьеромъ-побѣжденнымъ—терроръ все равно подходилъ къ концу; а конецъ террора равнялся началу реакціи. И не Робеспьеру было остановить ее: я даже убѣжденъ въ томъ, что онъ бы съ ней поладилъ; человѣкъ, бывшій такъ долго враждебнымъ республикѣ, деистъ, тайно склонявшійся къ священству, весьма бы охотно удовольствовался конституціей à la Sieyès и подписалъ бы конкордатъ. Онъ одобрилъ бы его въ 1802 г., припоминая свои автецеденты 1791 года и утверждая, что никогда не мѣнялъ мнѣній...

«Сожалѣю также и о томъ, что вы такъ постарались оправдать Марата. Я приписываю этому человѣку, какъ и Руссо—оба иностранцы, кальвинисты, аллоброги—зловредное вліяніе на нашъ умъ и наше нравственное чувство. Я жила въ ихъ странѣ, я знаю эти декламаторскія, надутыя, тщеславныя, шарлатанскія интуры, я съ колыбели научился не уважать ихъ и не довѣрять имъ.

«Революція можетъ очень хорошо обойтись и безъ подобныхъ оправданій; она тогда лишь будетъ вполне понята, восторжествуетъ и станетъ чиста, когда всѣ увидятъ, что она страдала, что она погибла вслѣдствіе тѣхъ вліяній, которыхъ отъ нея не отдѣляютъ».

Изъ письма къ Морису видно, что Прудонъ продолжалъ свои сношенія съ префектомъ полиціи, Карлье. Префектъ, добиваясь популярности, началъ принимать разныя мѣры, въ интересахъ массы—по продажѣ говядины, по пониженію заставной пошлины на вино и т. д. Онъ пользовался докладными записками Прудона по этимъ вопросамъ. Прудонъ, передавая пріятелю слухи, ходившіе по городу объ его вліяніи на префекта, полусерьезно говорить: «я дѣлаю видъ, что стою одной ногой въ правительствѣ—все это, конечно, безъ малѣйшей жертвы по части убѣжденій и достоинства».

По поводу *манифеста*, выпущеннаго въ Лондонѣ и подписаннаго Мапцини, Руге, Дарашемъ и Ледрю-Ролленомъ, Прудонъ высказываетъ въ письмѣ къ М. Дюффрессу, отъ 11-го іюня, постоянный свой протестъ противъ диктаторскихъ замашекъ, проникнутыхъ духомъ архи-правительственнаго централизма; а въ письмѣ отъ 3-го іюля опять возвращается къ злосчастной революціонной традиціи, которую, по его мнѣнію, совершенно напрасно «ведутъ отъ Робеспьера, Руссо и якобинцевъ, тогда какъ она заключается скорѣе въ Дантонѣ, Верньо, Кондорсе, Дидро, Вольтерѣ и т. д.»

«Я никогда не падалъ человѣка 9-го термидора (т.-е. Робеспьера), имя котораго приводится не одинъ разъ въ моей брошюрѣ (о «*Правительствѣ*»), именно въ томъ мѣстѣ, которое я тамъ читалъ вмѣстѣ съ Галлѣ. Вы увидите тамъ, что если революція 1848—1852 гг. не родитъ высшихъ идей, способныхъ измѣнить *настоящее направленіе* идей, она принуждена оставить *линію* Робеспьера и Руссо, и идти по линіи Дантона и Жиронды».

Въ письмѣ къ книгопродавцамъ Гарнье, отъ 9-го іюля (по поводу новаго изданія Прудоновыхъ «*Confessions*»), мы обращаемъ вниманіе на фразу, показывающую, какъ трезво и смѣло

смотря на ходъ своего умственнаго развитія: «если что-нибудь отличаетъ меня отъ другихъ писателей, то это — постоянный прогрессъ, замѣчаемый между моимъ первымъ и послѣднимъ печатнымъ сочиненіемъ: я его не отрицаю, а напротивъ, люблю на него указывать. Въ прогрессивномъ ходѣ и состоитъ единство и связь моихъ идей».

Заявленіе это нужно принять съ извѣстной оговоркой. Мы видѣли, что между нѣкоторыми идеями Прудона, особенно по вопросамъ теософіи и метафизики, нѣтъ строгой связи, въ смыслѣ философскомъ, а есть одна только преемственность во времени; но умъ его тѣмъ и доказывалъ свою свѣжесть и даровитость, что въ немъ замѣчалось постоянное стремленіе: переходить отъ одного принципа къ другому, *высшему* или *вѣрнѣйшему*, и отбрасывать все, оказавшееся ложнымъ или одностороннимъ. Прудону, какъ и нашему Бѣлинскому, нечего было стыдиться своихъ «скачковъ» и «противорѣчій». Въ ихъ умахъ происходила неустанная «эволюція», и самыя непоследовательности ихъ легко объяснить тѣми принципами, которые они не могли или не успѣли *одновременно* измѣнить, сообразно послѣднему уровню своего развитія.

Изъ дальнѣйшей переписки съ людьми кружка особенно видѣются довольно большія посланія къ Ланглуа и Шарлю Эдмону. Первое помѣчено 14-мъ августа. Юный Ланглуа, наклонный къ увлеченіямъ, попалъ въ самую свалку демагогической вражды *барбесистовъ* и *бланкистовъ*, и подъ влияніемъ сторонниковъ Барбеса поссорился съ ближайшимъ своимъ единомышленникомъ — Пильсомъ, членомъ Прудонова кружка. Прудонъ старается воздержать юнаго друга отъ всѣхъ этихъ печальныхъ раздоровъ и личностей; онъ защищаетъ даже Бланки въ его глазахъ, говоря, что и Бланки — одна изъ фатальныхъ фигуръ революціи, воплощающихъ собою народное мнѣніе. Въ тогдашнемъ разгарѣ реакціи и демагогіи Прудонъ видитъ нѣчто роковое, и вотъ какъ разсуждаетъ на эту тему:

«Такъ захотѣла реакція: — и насъ несетъ въ сторону катастрофы и возмездій. Уже и теперь никто не занимается идеями; уже и теперь, заручившись нѣсколькими свѣтлыми, плодотворными принципами социальной экономіи, думаютъ, что знаютъ все остальное; и со всѣхъ сторонъ мы слышимъ обвиненія рьяныхъ революціонеровъ, направленные противъ теоретиковъ. И Бланки дождется своего часа; бесполезно отрицать это, и было бы не благоразумно, почти несправедливо противиться этому. То, что затѣмъ послѣдуетъ, будетъ, безъ сомнѣнія, распаденіемъ Франціи».

если не какъ націи, по крайней мѣрѣ, какъ государства. Но паденіе французскаго государства повлечетъ за собою и паденіе остальныхъ европейскихъ государствъ; сквозь вакханалію сектъ, партій, заговоровъ, банкротствъ, междоусобныхъ войнъ, проскрипцій, мы доберемся путемъ всѣхъ этихъ испытаній до настоящаго изъясненія свободой.

«Я лично буду продолжать служить моимъ современникамъ и всему человѣчеству посредствомъ результатовъ моихъ изслѣдованій; но не скрою отъ васъ: — я буду держаться въ сторонѣ; ибо человѣческій разумъ находится въ эту минуту въ совершенномъ разбродѣ; а я не чувствую въ себѣ достаточно силы для того, чтобы страстно бороться со страстями.

«Знаете ли, какого человѣка изъ старой революціи я люблю и высоко почитаю, кого я беру въ свои герои, несмотря на его упрямство и недостатки? Это—Ланжюинэ! Да, Ланжюинэ, жирондистъ, но такой великодушный и чистый, что онъ внушаетъ уваженіе самому Марату — 31-го мая, Робеспьеру, послѣ преріальскаго закона. Чувствую, что, при случаѣ, я достоинъ подражать Ланжюинэ, протестовать противъ всего, что осуждаетъ моя совѣсть; но я не желаю никакой роли *въ этой пляскѣ одержимыхъ водобоязнью*. Пусть они пожираютъ другъ друга, разрушаютъ и уничтожаютъ до тла и поворять народъ до тѣхъ поръ, пока народъ самъ не поднимется въ ужасѣ и не раздавитъ ихъ; быть можетъ, я громко прокричу свое проклятіе; *но я не буду между ними вожакомъ партіи или заговора, и еще меньше буду ихъ сообщникомъ*. Пусть то, что должно случиться—произоидеть. Я не буду мѣшать; но удержу за собою право суда и оцѣнки. Моя единственная забота заключается въ томъ, чтобы, претерпѣвая бѣдствіе, своими поступками отклонять отъ себя всякую солидарность и всякую грязь».

Текуція политическія событія подають ему поводъ дополнить свой взглядъ на тогдашнее движеніе:

«Г. Карно — почти официальный кандидатъ въ президенты. Ужъ лучше бы посадить отца Анфантена. Эти бѣдные демократы—со всей ихъ честностью и умѣренностью—воображаютъ, что они востановятъ миръ, какъ въ 1848 г., задушивъ соціальный вопросъ. Несмотря на наши крики, вотъ уже четыре года, какъ они ничего не предвидятъ и ничего не знаютъ, и не отказались ни отъ одного изъ своихъ предразсудковъ; все это—та же буржуазность, завистливая и сварливая посредственность Робеспьера, Гювэ, Сивса, Гарнье-Пажеса, Карреля, Марраста, Бюшеза; удов-

летворенные эзсъ-сенсимонисты задаютъ тонъ теперешней республикѣ».

Сообщая объ успѣхѣ послѣдняго своего произведенія, Прудонъ резюмируетъ преимущества своей авторской природы:

«Словомъ, я самый передовой, самый интеллигентный въ революціонеровъ. Но умы не занимаются больше идеями; они обращены въ сторону гражданской войны. Революція безъ битвы, безъ возмездій, кажется безвкусной вещью. Темпераментъ беретъ верхъ, наука минутами только блещетъ, какъ молнія, а демократическое солнце—опять-таки: *братство или смерть*».

Въ самомъ концѣ письма мы находимъ сообщеніе и того, что они съ Даримономъ работаютъ надъ исторической компиляціей, подъ заглавіемъ: «Революціонный Атласъ». Послѣ этого изданія они предполагали перейти къ другому, чтобы, за неимѣніемъ ежедневнаго органа, производить хоть такимъ путемъ пропаганду здравыхъ философскихъ и социальныхъ идей.

Другой его молодой пріятель и сотрудникъ—Шарль Эдмонъ—проживалъ въ это же время въ Ниццѣ (тогда еще въ сардинскомъ городѣ), не считая для себя возможнымъ, по политическимъ причинамъ, возвращеніе въ Парижъ. Прудонъ зоветъ его назадъ, въ письмѣ отъ 28-го августа, назадъ въ Парижъ, его и другихъ пріятелей, жившихъ въ Ниццѣ, между прочимъ и русскаго Г. Замѣчательно, что въ предыдущей перепискѣ Прудона нѣтъ ни одного письма къ Г. (и во всемъ 4-мъ томѣ значится *одно лишь* письмецо, отъ 7-го августа 1852 г.), между тѣмъ какъ извѣстно участіе, какое Г. принималъ въ кружкѣ Прудона и въ судьбѣ его журналовъ. Частичное объясненіе этого мы находимъ въ томъ же письмѣ къ Шарлю Эдмону, гдѣ Прудонъ, прощаясь, проситъ передать свой душевный привѣтъ Н. и Г—у, «которыя (прибавляетъ онъ) я—и того и *другую*—слишкомъ мало зналъ, но это—*не моя* (?) вина».

Шарлю Эдмону Прудонъ пишетъ про затѣвующееся изданіе «Histoire générale de la démocratie moderne», редакцію котораго поручаютъ ему; онъ же предлагаетъ сотрудничество четиремъ друзьямъ своимъ: Даримону, Буттвилю, Массоллю и Ш. Эдмону, оставляя себѣ лишь общее редакціонное. Онъ указываетъ Эдмону на то, что тутъ — годъ вѣрнаго заработка; а работы для каждаго всего на полгода. Онъ идетъ далѣе въ своихъ планахъ и проектируетъ цѣлую ассоціацію для изданія дешевыхъ книгъ, и этимъ путемъ предполагаетъ возобновить опять и «Общественный банкъ», и придушенный реакціей журналъ ихъ кружкѣ. Мы только-что видѣли, какъ Прудонъ рѣшался на пассивную роль

мыслителя-гражданина, не желающаго бросаться въ свалку реакціи съ демагогіей. Не больше, какъ черезъ двѣ недѣли, жизнь и потребность въ дѣятельной роли взяли свое, и онъ пишетъ Эдмону:

«Любезный другъ мой, на нашъ пай мы довольно мыслили, и въ головахъ нашихъ достаточно ясно, чтобы броситься въ исполненіе. Не постояннымъ говореньемъ, строченьемъ (*écrivaint*), уничтоженьемъ (*ratiocinant*) подвинемъ мы революцію. Надо видаться въ огонь, въ огонь, говорю я вамъ!

«Нашъ «*Voix du peuple*» исчезъ, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что и общество, издававшее его, тоже должно исчезнуть?»

«Мы слишкомъ согнулись подъ угрозою реакціи. Наши противники и завистники воспользовались этимъ, противъ насъ поведена была подземная работа; часть нашихъ нападокъ (которой рупошескало общественное мнѣніе) помогала прозрѣвать якобинцамъ и они, употребивши въ свою пользу наши уроки, не торопясь, добились популярности—и теперь они опять господа!

«Что бы мы ни дѣлали — за нихъ стоитъ традиція; они — старшіе; а противъ старшинства разумъ будетъ всегда безсиленъ. Народъ хочетъ непременно попробовать ихъ еще разъ: да будетъ его воля! Но намъ надо поставить себя въ возможность выдержать критику противъ этихъ горделивыхъ рутинеровъ; надо, чтобъ у народа ни въ какой моментъ не чувствовалось нужды въ нашей оппозиціи. А для этого я не вижу ничего лучше маленькихъ книгъ и дешевыхъ изданій, такъ какъ въ концѣ-концовъ, среди крушенія прессы, одно книжное дѣло осталось свободнымъ и цвѣтущимъ».

Упомянувъ о тѣхъ «*Tables Révolutionnaires*», которыя Прудонъ называетъ «*Atlas*» въ письмѣ къ Ланглуа, онъ говоритъ, что отъ Фихте-сына (бывшаго тогда профессоромъ философіи въ Тюбингенѣ) онъ узналъ о демократическо-соціальномъ триумvirатѣ нѣмецкихъ вожаковъ: А. Руге, Маркса и Грюна.

«Какъ бы тамъ ни было, — замѣчаетъ онъ, — я не очень-то буду доволенъ вліяніемъ, какое этотъ триумvirатъ можетъ оказать на идеи французскихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ: ихъ манифесты, обращенные къ Европѣ, все также пусты, все также надтреснуты (*fêlés*), какъ и пресловутые циркуляры. Въ особенности я не довѣряю даровитости Маццини, въ немъ я вижу лишь мечтателя во вкусѣ Сильвіо Пеллино; мнѣ кажется, Италіи нужно вовсе не этого».

Вреднымъ вліяніемъ «красныхъ» объясняетъ онъ всѣ ошибки и заблужденія передовыхъ людей эпохи. Поведеніе Кошута ка-

жется ему непростительнымъ и пагубнымъ для будущности Венгріи.

«У меня, — кончаетъ онъ, — есть на этотъ предметъ свои взгляды, которые я придерживаю до поры, до времени; довольно съ меня на этотъ разъ, если я скажу, что новый анализъ фактовъ привелъ меня къ признанію Кошута и Маццини — я ихъ прежде ставилъ высоко — двумя бичами своихъ странъ, и всей революціи».

Письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ, Л. Фоме, отъ 28-го августа, есть не что иное, какъ просьба о дозволеніи выходить известное число разъ въ мѣсяцъ, на которое Прудонъ смотритъ, какъ на льготу, вполне оправдываемую его личнымъ поведеніемъ. Доктору Магё Прудонъ характеризуетъ свои отношенія къ публикѣ:

«Вообще говоря, у меня теперь есть своя публика; она растетъ, и я на нее могу положиться; требуетъ она отъ меня взглядовъ, идей, этюдовъ и прощаетъ мнѣ всякое журнальное и ораторское краснорѣчіе.

«Въ пяти послѣднихъ *этюдахъ* моего послѣдняго труда находятъ, при всей ихъ чрезвычайной сжатости, новое и рѣшительное освѣщеніе тѣхъ вопросовъ, которые въ нихъ трактуются.

«Такое расположеніе умовъ публики — мнѣ очень на руку, и я чувствую, что скоро настанетъ день, когда я въ состояніи буду сгруппировать всѣ мои философскіе и экономическіе этюды въ видѣ одного элементарнаго волюма, на который можно уже будетъ смотрѣть, какъ на совершенно-доктринальное изложеніе афоризмовъ».

II.

Первое письмо, отправленное Прудоню, по переводѣ его въ тюрьму С.-Пелажи (или, по крайней мѣрѣ, первое дошедшее до насъ) было писано все къ тому же доктору Магё, отъ 2-го октября. Въ немъ рѣчь идетъ опять о составленной Прудоню *Революціонной хронологіи* и о большомъ компилятивномъ трудѣ по *исторіи новѣйшей демократіи*, гдѣ ему принадлежитъ лишь редакціонная часть, за которую онъ вознагражденія не беретъ.

«Моя известная книга ¹⁾, — пишетъ онъ вслѣдъ затѣмъ, — не дѣлая особеннаго шума, поразила всѣхъ, кто ее читалъ. Она

¹⁾ Книга эта вѣроятно: „La révolution sociale“ (Le droit au travail etc.).

меня, рѣшительнымъ образомъ, поставила впереди всей революционной партіи по глубинѣ взглядовъ, по ясной манерѣ установить вопросы и указывать на ихъ рѣшенія. Я, какъ говорится, ищущень теперь *hors ligne*. Это меня удовлетворяетъ, главное, въ томъ смыслѣ, что мнѣ отнынѣ придется гораздо меньше полемировать, чѣмъ я дѣлалъ это до сихъ поръ. Мнѣ, стало-быть, можно уйти въ серьезныя и положительныя изслѣдованія, въ увѣренности, что я буду понять, и что за мной послѣдуютъ. Кто пойдетъ со мною, будетъ, раньше двухъ лѣтъ, считаться неспособнымъ ни на что и отсталымъ (*trainard*).

Тѣмъ временемъ онъ предается историческимъ занятіямъ по своей компиляціи и пишетъ Потье, отъ 2-го октября, что во французской исторической литературѣ недостаетъ книги, въ родѣ *Histoire universelle* Боссюэта, написанной въ положительномъ и передовомъ духѣ. Онъ проситъ Потье—возвратить ему первый томъ Гумбольдтова *Космоса*, и увѣдомить: вышелъ ли второй? Ему хочется начать свою хронологію или «хронику» (какъ онъ ее называетъ) космогоніей, расчищающей тѣ невѣрности, какими до сихъ поръ угощаютъ дѣтей по этой части.

Маркъ Дюфрессъ задалъ Прудону цѣлый рядъ вопросовъ, политическихъ и социальныхъ, по поводу возможности возобновить журналъ въ ихъ направленіи. Прудонъ удовлетворяетъ его по всѣмъ пунктамъ. Намъ нѣтъ надобности приводить *esp* его отвѣты, нѣкоторые даже не совсѣмъ ясны безъ полныхъ вопросовъ (только вѣтко обозначенныхъ); но мы не можемъ не привести по крайней мѣрѣ нѣсколько ихъ отрывковъ: они слишеюмъ ярко проявляютъ натуру ума Прудона и тогдашній складъ его *практическихъ* воззрѣній.

Въ самомъ началѣ этого посланія мы читаемъ:

«Всѣ эти вопросы (т.-е. поставленные Маркомъ Дюфрессомъ) въ сущности — прямо или косвенно — сводятся къ слѣдующему:

«Журналъ, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ или нѣтъ, слѣдовать политикѣ инсurreкціонной и въ какой мѣрѣ?»

«Такъ какъ нѣтъ, да и не будетъ никогда предѣловъ для неудовольствій, какія можно поднимать противъ какого бы то ни было правительства, противъ законности его происхожденія и правоты его дѣйствій; такъ какъ, слѣдовательно, невозможно логически остановиться на пути возстанія; а предѣлъ является лишь тогда, когда возмущающійся органъ дѣлается обладателемъ власти,—изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ, поставленный вами, пред-

полагаетъ мнѣніе, о нравственности котораго каждый можетъ судить по-своему.

«Журналъ не перестанетъ подбивать къ возстанію до тѣхъ поръ, пока его редакторы (т.-е. сотрудники) не будутъ министрами, а его глава президентомъ республики.

«Съ этой точки зрѣнія я и стану формулировать мои вопросы на каждое изъ вашихъ вопрошеній».

Тонъ такого предисловія показываетъ, что Прудонъ, и съ ближайшими своими единомышленниками, сохраняя полнѣйшую свободу критики, не боялся своимъ рѣзкимъ, безцеремоннымъ здравымъ смысломъ срывать покровы съ условной демократической фразеологии.

На вопросъ о томъ, что лучше: *политика невмѣшательства, или сдѣлка (transaction)*, съ помощью которой народъ обезпечиваетъ себѣ извѣстную долю участія въ правленіи, — Прудонъ говоритъ:

«Система упрямого отчужденія отъ дѣлъ, которой, вотъ уже два года, слѣдуютъ у насъ въ верховномъ судѣ (Haute Cour), въ военныхъ совѣтахъ, на выборахъ, въ генеральныхъ совѣтахъ (по земству), въ муниципальных совѣтахъ, въ національной гвардіи и т. д. и т. д... *притиснула насъ къ возстанію* и утомила, въ то же время, народъ. Жалкое это было средство воспалять умы и возбуждать пролетарія къ вооруженному возстанію: — превращать всюду, на цѣлыхъ два года, революціонную агитацію, тогда какъ каждый процессъ, каждый выборъ, каждое преніе доставляли намъ въ тому удобнѣйшій поводъ. Думали, что такое систематическое молчаніе произведетъ сильнѣйшій эффектъ; я же не вижу въ этомъ ничего, кромѣ угрозы безсилія».

Вопросъ: «Журналъ будетъ ли поучать доктринѣ прямого правительства или представительнаго?» — Прудонъ рѣшаетъ такъ:

«Разумѣется, онъ будетъ поддерживать доктрину прямого правительства, или всякаго другого, съ нимъ сходнаго. Ему нельзя, при его направленіи, не держаться ея. Но кому же не ясно, что эта доктрина скорѣе указываетъ цѣль, чѣмъ доставляетъ прямое примѣненіе; почему, послѣ *теоретической profession de foi*, журналъ принужденъ будетъ оговариваться насчетъ *практики*; а принужденный признать необходимость сдѣлокъ, онъ ослабляетъ всѣ свои доводы инсurreкціоннаго свойства, свои исключительныя притязанія, и обнажить эгоизмъ, личный характеръ и недобросовѣстность своихъ инсинуацій».

Опять-таки, неумолимая логика Прудонова ума не стѣс-

ается, указывая на противорѣчіе, въ какое журналъ, держащійся *абсолютныхъ* доктринъ въ политикѣ, долженъ неминуемо впасть.

По вопросу обязательнаго обученія, онъ стоитъ за свободу обученія, «т.-е.—какъ за свободу *учить*, такъ и за свободу быть *обучаему*». Католицизмъ долженъ быть, по его мнѣнію, преслѣдуемъ «вплоть до уничтоженія, что однако не мѣшаетъ мнѣ (говоритъ онъ о себѣ самомъ) надписывать на моемъ знамени: *терпимость*; это, конечно, противорѣчіе». И тутъ же онъ прибавляетъ, въ видѣ вопроса: «что вы отвѣтите, когда васъ попросятъ объяснить его, т.-е. это противорѣчіе?» Изъ принципа *прямо* правительства вытекаетъ для него *избирательное начало всякой должности*. Но на практикѣ, *общественное спасеніе* (*salut public*), потребуетъ многочисленныхъ исключеній изъ этого принципа, и вотъ опять новое противорѣчіе. И опять Прудонъ спрашиваетъ: «посмѣете ли вы объяснить его?» Точно то же о вопросѣ самоуправленія. Прудонъ защищаетъ полную самостоятельность *общины* и смотритъ на государство вовсе не какъ на что-то стоящее выше общинъ, а лишь какъ на ихъ коллективное выраженіе. «Таковъ для меня,—говоритъ онъ,—настоящій принципъ, составляющій то, что довольно-таки глупо называли *жирондизмомъ*». Но государство часто должно быть поставлено выше коммуны для того, чтобы дѣйствовать на нее, какъ импульсъ, какъ руководящее и развивающее начало. Журналу съ абсолютными принципами опять придется противорѣчить себѣ, и его нападки на существующее правительство будутъ потому уже недобросовѣстны, что на мѣстѣ правительства онъ дѣйствовалъ бы точно такъ же.

Экономическій вопросъ рѣшаетъ Прудонъ, разумѣется, совершенно своимъ принципамъ: онъ стоитъ за *синтетическую*, совокупную дѣятельность, равно отстоящую и отъ государственной централизаціи, и отъ формулы «*Laissez faire, laissez passer*». Тутъ же онъ замѣчаетъ, какъ ему трудно было добиться пониманія своей «синтетической формулы». Только она, по его мнѣнію, и можетъ дать практическіе результаты; абсолютизмъ же, въ ту или другую сторону, фатально приводитъ къ непреходимымъ противорѣчіямъ. Налогъ онъ признаетъ единственный—падающій на капиталъ. «Такимъ путемъ,—поясняетъ онъ,—налогъ дѣлается разомъ и *прогрессивнымъ*, и *пропорциональнымъ*, чего свачала не понималъ Жирарденъ». По вѣшной политикѣ онъ повторяетъ свое мнѣніе о пагубности для Италіи, Венгріи и Германіи *уничиженія* Маццини, *націонализма* Кошута и *теотонской имперіи*

А. Руге. Его предсказанія не сбылись, если не считать теперешняго порядка Германіи вреднымъ для ея внутренняго развитія. Но его замѣчаніе, что Венгрія должна непремѣнно признать чье-нибудь главенство (*suzeraineté*), чтобы имѣть самоуправленіе— болѣе вѣрно. Нѣмецкое единство онъ называетъ «теоріей нѣмецкой метафизики». И все-таки онъ говоритъ своимъ друзьямъ, затѣвающимъ журналъ, что нельзя не поддерживать открытыми симпатіями «измученную Италію», «скованную Венгрію» и «Германію, обманутую своими фюрстами». Стало, противорѣчіе опять вступаетъ въ свои права.

Заключительныя его мысли мы приведемъ цѣликомъ:

«Еслибъ я сдѣлался *вашимъ* сотрудникомъ, мой планъ былъ бы, снова, заявивъ и закрѣпивъ всѣ мои предыдущіе выводы, занять общественное мнѣніе новой грандіозной теоріей, которая предупредила бы и вобрала бы въ себя всѣ критики, *теоріи прогресса по себѣ* (*théorie du progrès en soi*), т.-е. вѣчнаго хода прогрессивныхъ идей; словомъ, физиологіей реформъ. Съ этимъ я бы все спасъ: абсолютизмъ принциповъ и медленность примѣненій. Тогда поняли бы, что если истина есть то, что *есть*,—она еще болѣе то, что дѣлается: тогда журналъ, даже въ своихъ противорѣчіяхъ, могъ бы быть оправданъ и поставленъ внѣ всякаго упрека. Тогда революціонная партія предстала бы, съ непоколебимостью принциповъ, практической и возможной.

«Но тактика, къ которой привели народъ наши друзья по прессѣ и трибунѣ, дѣлаетъ невыполнимой такой планъ—въ настоящую минуту. Несомнѣнно, что теперь въ ходу—*политическіе рецепты*, шумливыя замашки, всѣ ни съ чѣмъ несообразныя поджигательства, вызываемыя правительствомъ, вдавнившимся въ преслѣдованія. Теперь нѣтъ мѣста для идей и серьезныхъ рѣшеній. Я понимаю, что хотятъ воспользоваться такимъ положеніемъ, но по-моему—это значить: удить въ мутной водѣ. Я дождусь, когда мнѣ возвратятъ свободу»...

Мы уже знакомы, по письмамъ Прудона, съ личностью Тиссо, профессора философіи въ Дижонѣ. На его имя значится письмо отъ 28-го октября. Прудонъ начинаетъ съ того, что оправдываетъ свое долгое молчаніе водоворотомъ парижской жизни: ему передалъ пріятель слова Тиссо: «*Depuis que Proudhon est devenu une célébrité il ne m'écrit plus*». Поводомъ къ письму послужили его занятія по составленію компендія всемірной исторіи. Ему сообщили, что Тиссо готовитъ къ печати философское сочиненіе, гдѣ резюмированы «всѣ мнѣнія, когда-либо высказанныя о Богѣ», и онъ проситъ подѣлиться съ нимъ этой книгой, кото-

ры избавила бы его отъ «изысканій по этому первому преданію чужества». Кончается Прудонъ подробностями своей интимной жизни: его переписка такъ бѣдна такими деталями, что можно, въ злоупотребляя вниманіемъ читателя, сообщать ихъ не въ изъясненіи, а вполнѣ:

«Я женился, сорока-одного года, на простой парижской работницѣ, безъ состоянія, но строгихъ нравовъ и отличной преданности; что же до ея воспитанія, она—басонщица (rassementière), такъ же мало «*bas bleu*», какъ и «*cordon bleu*». Она моложе меня четырнадцатью годами.

«Это было рѣшенное дѣло, съ самаго начала февральскихъ событій; мой арестъ не измѣнилъ чувствъ молодой особы, и я выполнялъ въ тюрьмѣ свое обѣщаніе. Она живетъ напротивъ меня; изъ моего окна я, во всякое время дня, могу видѣть и ее, и ея маленькую дочь. Мы каждый день обѣдаемъ вмѣстѣ, разумѣется, въ заведеніи (т.-е. въ тюрьмѣ; Прудонъ называетъ ее: «*établissement*»). Въ настоящее время мнѣ дозволено три выхода въ мѣсяцъ.

«Я пошелъ на эту женитьбу съ преднамѣреніемъ, безъ страсти, для того лишь, чтобы быть, въ свой чередъ, отцомъ семейства, пожить полной жизнью и сохранять около себя, въ томъ вихрѣ, гдѣ я очутился, образъ простоты и материнской скромности. Моя жена могла бы быть пообразованнѣе, и я этимъ бы не остался недоволенъ; но это не зависѣло ни отъ нея, ни отъ меня. За то трудъ и нужда дали ей, въ замѣнъ, здравый смыслъ, имѣющій свою цѣну. Я началъ, женившись, серьезную войну съ духовенствомъ, которую и надѣюсь продолжать: я добился того отъ моей жены, что мы не пройдемъ черезъ церковь; моя дочь не крещена; также обойдемся мы и со вторымъ ребенкомъ, и, если я поживу, льщу себя надеждой: воспитать ихъ въ принципахъ, съ которыми имъ нечего будетъ бояться искупеній».

Во Франціи теперь уже не рѣдкость—семейства, освободившія себя отъ католическихъ формъ; но рѣдко дѣлается это съ такою прямою и простотою, какими отличается сообщеніе Прудона. Никакихъ возгласовъ и фразъ больше нѣтъ въ приведенной нами тирадѣ, которой письмо къ Тиссо и кончается.

Замѣчательно содержаніе письма къ Ш. Эдмону, писаннаго 25-го ноября, т.-е. за недѣлю до переворота 2-го декабря. Начинается оно личнымъ дѣломъ Эдмона, который задумалъ хлопотать о дозволеніи вернуться во Францію, откуда его выгнали за сотрудничество въ «*Peuple*», хотя онъ и былъ уже натурализо-

ванъ. Прудонъ рѣшительно отсовѣтываетъ ему обращаться съ петиціей къ палатѣ и полагаться на интерпелляцію Жюля-Фавра. Онъ ему предсказываетъ полнѣйшее фіаско: палата, при тогдашнемъ ея направленіи, не выслушаетъ Фавра, и, по первому слову министра—Бароша, или Фосе́ — перейдетъ къ очереднымъ дѣламъ. Своего пріятеля Прудонъ приглашаетъ поразсудить: что дѣлается въ Парижѣ, по журналамъ, получаемымъ въ Ниццѣ. Съ особенною силою нападаетъ онъ на депутатовъ, которые, вмѣсто умиротворенія страны, ведутъ себя такъ, что «черезъ три мѣсяца почти неизбѣжна общая рѣзня». Вѣчныя и влосчастныя партіи—бонапартистовъ, легитимистовъ и орлеанистовъ клеймитъ Прудонъ съ неменьшимъ негодованіемъ.

«Что же бы слѣдовало всѣмъ имъ дѣлать?» — спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ:

«Одни должны повиноваться конституціи; другіе признавать избирательное право; третьи не такъ храбриться (*ne pas faire autant les bravaches*) и выказывать немножко побольше здраваго смысла и умѣнья; всѣ должны: уступать въ томъ или другомъ, и показывать народу, своимъ желаніемъ взаимныхъ соглашеній и уступокъ, что если представительство и не можетъ добиться ничего лучшаго, это выходитъ не по недостатку доброй воли, а просто по недостатку умственныхъ силъ (*lumières*).

«Въ такой системѣ законъ былъ бы простой сдѣлкой (*transaction*), внушающей всѣмъ уваженіе, вплоть до своего пересмотра и отмены.

«Такъ бы оно и было, еслибъ каждый депутатъ, признанный и всѣми другими, считался представителемъ законнаго интереса, какъ это дѣлается въ каждомъ общемъ собраніи въ мірѣ торговли и промышленности.

«Но вотъ бѣда: въ дѣлѣ политиви есть идея, которая все портитъ; идея эта—общественная *власть*.

«Власть—это полный произволъ надъ лицами и состояніями; власть—это право помыкать другими по-своему; власть—это право навязывать силою мнѣнія, вѣрованія и проч.

«Кому же будетъ принадлежать власть? О томъ-то и рѣчь идетъ.

«Когда два промышленника затѣютъ между собою тяжбу, они выбираютъ третейскихъ судей, которые все обсуждаютъ за нихъ и приходятъ къ соглашенію; но когда дѣло касается народа, и вмѣсто дѣловой тяжбы вопросъ заключается во власти, то тутъ уже выходитъ не третейскій судъ, а битва Гораціевъ съ

Буриціями. Представители народа — уже больше не посланцы его, а гладиаторы...

«Я было собрался написать памфлетъ на эту тѣму...

Въ концѣ этого-то письма и помѣщенъ отзывъ о Г.

«Мой поклонъ Г.; я прочелъ его отвѣтъ Мишле (извѣстная брошюра, явившаяся и по-русски, и по-французски); это — очень хорошо; это лучше, яснѣе, категоричнѣе всего того, что онъ до сихъ поръ написалъ. Мы, французы, любимъ вещи точныя и членораздѣльныя; намъ нужно ставить точки на і; нашъ способъ мышленія — какъ разъ наоборотъ нѣмецкой манеры — не категоріями, а фактами.

«Прочитавъ эти нѣсколько страницъ, почти знаешь славянскій народъ, чувствуешь и угадываешь его».

III.

Переворотъ 2-го декабря долженъ былъ отразиться на Прудонѣ нѣсколько иначе, чѣмъ на обыкновенныхъ тогдашнихъ радикалахъ.

Его переписка послѣ 2-го декабря отрывается письмомъ не къ многогородному другу или знакомому, а къ члену парижскаго кружка, Матею, отъ 9-го декабря. Впечатлѣніе скорби и разочарованія въ этомъ письмѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ послѣдующихъ, и даже очень контрастируетъ со многими, что онъ скажетъ въ ближайшемъ будущемъ. Онъ начинаетъ съ указанія на то, какъ Луи-Наполеонъ сдѣлаетъ партію социалистовъ — «возломъ очищенія» государственнаго переворота. Слухи о сопротивленіи въ провинціи не очень-то тѣшатъ Прудона.

«У меня нѣтъ вѣры въ департаменты, и не было ея въ Парижѣ; если рабочіе знаменитаго предмѣстья (вѣроятно—St. Antoine) играютъ на билльардѣ (историческій фактъ — ставить онъ въ собакахъ), въ то время, какъ Парижъ въ волненіи, и говорятъ, что это до нихъ не касается, то совершенно естественно видѣть, какъ радуются бургундскіе и лангедокскіе крестьяне.

«Только самыя избранныя изъ благородныхъ и возмущенныхъ гражданъ, безъ различія класса и партіи, отвѣтятъ на призывъ къ оружію и отдадутъ себя на избіеніе, безъ всякой пользы. Помню, въ сто разъ было бы лучше, чтобы чѣмъ-нибудь повонюхъ: тотчасъ же покориться, чѣмъ поддерживать сопротивленіе,

которое вызоветъ неумолимое возмездіе. Представители протестовали, послѣ нихъ протестовала баррикада, грубая сила одолѣла гражданъ, пошедшихъ на мученичество, и этого довольно.

«Видѣли вы, какъ вся эта сволочь изъ завистливыхъ, ревнивыхъ, неблагодарныхъ и подло-трусливыхъ санкиюотовъ покинула, въ рѣшительную минуту, своихъ представителей и пристала къ бонапартовской политикѣ? Это предмѣстье—его ли не ласкали, и съ нимъ ли не носились—не издало ни одного звука: и такъ случается въ третій разъ, съ іюньскихъ дней... Пригѣньте, послѣ того, законъ прогресса къ этимъ народнымъ массамъ, неспособнымъ къ дисциплинѣ и къ сознательности, недоступнымъ нравственному чувству, увлекающимся только, когда нѣтъ никакой опасности, лестью, обращенною къ ихъ гордынѣ и себялюбію. Пожалуйста, не расхваливайте мнѣ больше панацею всеобщей подачи голосовъ. Меркантильный интересъ уже наполовину подгноилъ эти почти-что обанкрутившіяся ассоціаціи, а такіе-то люди кричатъ противъ благоразумныхъ людей, ненавидящихъ краснобайство; въ угоду этому міру какой-нибудь Мишель, такой способный и тонкій, оставляетъ свой стиль и свое направленіе и начинаетъ выть вмѣстѣ съ волками. Канальи, канальи, и трижды: канальи!

«Если бы не текла больше кровь, я бы скоро махнулъ рукой на всѣ политико-парламентскія и социальныя *закорючки* (apicruches). Для меня ясно, что народъ — самая варварская, а слѣдовательно и самая ретроградная часть общества, ни мало не думаетъ о великихъ гражданскихъ чувствахъ и желаетъ, чтобы его вели по струнѣ (à la baguette) вплоть до полного его воспитанія. Ну, и пускай онъ этого попробуетъ!»

И обращая умственный взоръ на самого себя, онъ дѣлаетъ такое личное заключеніе.

«Человѣкъ, умѣющій работать и думать, заставляя цѣнить свои заслуги и указывать предрасудкамъ ихъ настоящее мѣсто, человѣкъ этотъ будетъ всегда достаточно свободенъ, достаточно счастливъ; и съ его стороны было бы большой простоватостью, даже виной, заниматься счастьемъ толпы болѣе, чѣмъ она сама имъ занимается.

«Говорить ли теперь кто-нибудь о Л. Блажѣ, Л. Ролленѣ и проч.? Вижу отсюда, какъ они чувствуютъ себя одураченными, эти бѣдные фантазеры, которые возмутились, читая мое письмо къ Бонажу, гдѣ я говорилъ, что не имѣю ни малѣйшаго довѣрія къ возстанію».

Прудонъ продолжаетъ и въ письмѣ къ Э. Жирардену, отъ 11-го декабря, развивать свои мысли, по поводу *сoup d'état*, но уже въ другую сторону. Жирардену онъ внушаетъ возможность печатно объясниться въ томъ смыслѣ, что во 2-мъ декабря виновата—*твоя*, одна лѣвая, и вотъ чѣмъ: 1) поддержавъ проектъ отмены закона 31-го мая; 2) вотируя вмѣстѣ съ министерствомъ по предложенію квесторовъ палаты (требовавшихъ вооруженной силы, опасаясь того, что и случилось 2-го декабря); 3) вотируя нѣсколько разъ за-одно съ министерствомъ по муниципальному закону; 4) воздержавшись отъ участія, также вмѣстѣ съ министерствомъ, въ послѣднихъ парижскихъ выборахъ.

«Отчего бы вамъ не сказать (предлагаетъ Прудонъ Жирардену, какъ издателю вліятельной «Прессы»), что если парижскій народъ остался, въ огромномъ большинствѣ, глухъ къ воззваніямъ представителей, то это не потому, чтобы онъ пересталъ быть очень республиканскимъ, очень демократическимъ и даже—очень-соціалистичнымъ, а потому, что онъ увидалъ въ призывѣ президента мысль о необходимости государственнаго переворота для спасенія *революціи* отъ заговорщиковъ-монархистовъ. Какъ же такъ случилось, что этотъ-то самый *революціонный* народъ, ни мало непричастный заговорамъ (монархистовъ), теперь выдаютъ, преслѣдуютъ, ссылаютъ и разстрѣливаютъ?..»

Итакъ, не прошло трехъ дней, и Прудонъ уже выгораживаетъ парижскій народъ, и всего горячѣе сочувствуетъ горькой долѣ республиканцевъ, на которыхъ обрушилась Бонапартова реакція. Не для обмѣна досужихъ мыслей пишетъ онъ такому человеку, какъ Э. Жирарденъ, а единственно въ интересахъ демократовъ, надѣясь, хоть черезъ Жирарденову газету, повліять на тѣ сферы, гдѣ въ эту минуту могли «вязать и рѣшить». Онъ уже не возмущается въ тонѣ письма къ Матею. Онъ говоритъ лишь, что «было бы смѣшно видѣть жертвами государственнаго переворота, *сдѣланнаго во имя республики*—какъ разъ самихъ республиканцевъ». Эта фраза, пожалуй, вызоветъ вопросъ: да неужели же Прудонъ могъ, хотя на одну минуту, вѣрить въ желаніе Бонапарта «спасти революцію отъ монархистовъ»? Врядъ ли вѣрилъ онъ въ это желаніе; но онъ указывалъ только на возможность подлога, и, по своей неизмѣнной *логической* манерѣ, дѣлалъ, такъ сказать, демонстрацію «*ad absurdum*». Но чтобы видѣть, какъ страдалъ внутренне этотъ скептическій реверъ, стобитъ прочесть только слѣдующія строки изъ того же письма къ Э. Жирардену.

«Съ этого дня (т.-е. со 2-го декабря, которое пришлось на выходной день Прудона; онъ ѣздилъ къ Жирардену и не засталъ его) меня *ложетъ крусть и я съ трудомъ нахожу разсыпаніе въ работъ. Ночи мои проходятъ точно у осужденнаго на смерть.* Я слишкомъ хорошо предвидѣлъ то, что случилось: масса осталась равнодушной; даже издѣвалась; только великодушные люди протестовали; они и пали!» Съ этимъ фактомъ онъ все еще помириться не можетъ, хотя тонъ его уже не таковъ.

Пропустимъ письмо къ Буттвилю, отъ 17-го декабря, по дѣлу составленія «Исторіи Новѣйшей Демократіи», и остановимся на большомъ посланіи къ Шарлю Эдмону, отъ 19-го декабря. Мы могли бы ограничиться краткимъ анализомъ и этого, и другихъ *политическихъ* писемъ Прудона, но текстъ самъ просится подъ перо. Личность пишущаго, а главное—весь его умственный складъ такъ сильно проявляются въ обобщеніяхъ, вызванныхъ событіемъ 2-го декабря, что было бы тяжело лишить читателя всякихъ подлинныхъ выдержекъ.

Посланіе свое къ Эдмону Прудонъ начинаетъ выраженіями дружбы имъ обоимъ (т.-е. Эдмону и Г—ну, все еще живущему въ Ниццѣ), говоря, что послѣднія политическія событія, если возможно, сдѣлали ихъ дружескій союзъ еще тѣснѣе. Тотчасъ же затѣмъ онъ резюмируетъ актъ 2-го декабря, называя его «grand attentat» и предсказывая то, что черезъ недѣлю это «покушеніе» будетъ оправдано всеобщей подачей голосовъ и превратится въ «доблестное дѣяніе». Друзьямъ своимъ онъ описываетъ, далѣе, въ какомъ душевномъ состояніи находился онъ пѣлую недѣлю, послѣ 2-го декабря. Но онъ пришелъ къ спокойствію путемъ внутренней борьбы и умственного анализа. Онъ пишетъ имъ уже съ полной (по его мнѣнію) независимостью взглядовъ и надѣется, что его выводъ ихъ не скандализуетъ. Каковъ же этотъ выводъ? Вотъ онъ: «Съ точки зрѣнія политической (если тутъ дѣло въ политикѣ), а также и съ революціонной, актъ 2-го декабря изъжется почти нормальнымъ, и, извините меня, законнымъ!» Ожидаль ли читатель такого вывода? Вѣроятно, не ждали его и ниццскіе друзья Прудона. Онъ не ограничивается заявленіемъ своего мнѣнія; онъ его доказываетъ доводами, уже намъ извѣстными, т.-е., что виновницей государственнаго переворота была, главнымъ образомъ, лѣвая республиканская палата. Прудонъ перечисляетъ и комментируетъ всѣ ошибки лѣвой, и съ его доводами, съ точки зрѣнія текущей тогдашней политики, трудно не согласиться. Бездѣльность радикаловъ сдѣлала то, что Луи-Наполеонъ превратился еще до 2-го декабря въ защитника самаго перваго

демократическаго принципа — всеобщей подачи голосовъ, да и социалистскія его *замашки* были, какъ слѣдуетъ, отрекомендованы массѣ пролетаріевъ. Теперь кто же станетъ спорить съ тѣмъ (а Прудонъ это именно и говорить), что не произведи Бонапартъ своего «сюрприза» 2-го декабря, правая (еслибы пропелъ завоить квесторовъ) устроила бы свой «*coup d'état*» ранѣе и вызвала бы бонапартистское *pronunciamento*, которое несомнѣнно бы и удалось, такъ какъ оно было совсѣмъ подготовлено. Съ провѣей, но уже сповойно говорить Прудонъ друзьямъ: «надо было дать этотъ урокъ нашимъ трибунамъ, чтобы доказать имъ, что народъ—чудовищный звѣрь, и что слѣдуетъ не поступать съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, а сначала обратить его къ чело- вѣчности».

«Если же мы отъ политической точки зрѣнія,—говорить далѣе Прудонъ,—перейдемъ къ философской, то мы не меньше найдемъ поводовъ оплакивать ослѣпленіе нашихъ друзей.

«Какова, вотъ уже три года, тактика республиканской партіи, минутно задержанная и окритикованная нами? Захватить, съ помощью популярности, или съ оружіемъ въ рукахъ, *власть*, а потомъ употребить ее для того, чтобы *организовать* народы. Организовать! Поведеніе арміи, со дня 2-го декабря, показываетъ намъ, чѣмъ можетъ стать человѣкъ, когда онъ организованъ. Феодализмъ, касты, корпоративный порядокъ, заработная плата (какъ система), парагвайскіе іезуиты и проч.—другіе образчики того же.

«Будьте увѣрены, любезный другъ, демократія погибла 2-го декабря 1851, какъ и 13-го іюня 1849, какъ и въ 1848 году, путемъ собственнаго противорѣчія, отъ незнанія того, въ чемъ состояло движеніе, отъ противодѣйствія прогрессу... Этого не хотятъ понять, возмущаются противъ такой тривиальной идеи, вужны непременно блескъ, ораторскія воззванія, фейерверки и грубые звуки нашимъ революціоннымъ полчищамъ; походъ противъ королей и все, что изъ того слѣдуетъ. Безъ этого готическаго и диктаторскаго аппарата—нѣтъ у насъ и революціи! Молчаніе «*Peuple*» и «*Voix du peuple*» принималось (въ революціонныхъ кружкахъ) за торжество демократіи потому только, что эти журналы вызвали революціонное движеніе снизу и внѣ всякихъ избитыхъ шаблоновъ; страсти народа нарочно разжигали, расхваливали всеобщую подачу голосовъ, угрожали и гремѣли съ высоты, а всеобщая подача голосовъ дала намъ измѣну 2-го декабря; она же доставитъ намъ черезъ недѣлю оправдательный

билль для Луи-Бонапарта, съ открытымъ листомъ (*blanc seing*) на управление Франціей въ теченіи десяти лѣтъ, *ad libitum*...

«Понимаю горе друзей свободы и самъ его испытываю; сознаю, какъ благородныя сердца сожалеютъ о томъ, что дѣло не пошло по иному пути; самъ глубоко чувствую несчастную долю нашего поволенія, принужденнаго отложить свои надежды на неопредѣленное время. Но я не желаю оставлять вамъ даже эту глупую горечь, надо, чтобы она исчезла изъ вашей души, какъ она исчезла изъ моей, отъ свѣточа разума...

«Не упускайте изъ виду того, что торжество права, 2-го декабря, перешло бы очень скоро въ побѣду надъ свободой—мѣстной, личной, меркантильной и проч., и что анархисты (т.е. люди, смотрящіе на необходимость самодѣтельности, какъ смотрѣлъ Прудонъ) закланы были бы сейчасъ же красными, какъ жертвы искупленія, совершенно такъ, какъ они должны были послужить жертвами бѣлымъ и синимъ, какъ они служатъ теперь Елисейскому дворцу такими же жертвами. Васъ нѣтъ здѣсь, любезный Эдмонъ, чтобы все это видѣть; но мы, чувствующіе на себѣ, каждый день, глухія нападки политиковъ лѣвой, мы ни малѣйшимъ образомъ не сомнѣваемся въ томъ. Въ 1852 совершенно также, какъ и въ 1848 году, революція (принимаемая въ прудоновскомъ смыслѣ) была бы радикально отрицаема официальными революціонерами; а то зачѣмъ же, вотъ уже два года, они ее скрываютъ, поддѣлываютъ, маскируютъ, клеветаютъ на нее, покидаютъ ее? Зачѣмъ оставили они социализмъ въ тѣни, и во всѣхъ безъ исключенія политическихъ, экономическихъ, церковныхъ вопросахъ слѣдовали они той же рутинѣ, что и ихъ противники?

«Еще разъ повторяю и утверждаю: революція легка и неотразима путями, которые я обозначалъ много разъ, и нашъ пріятель Матей, быть можетъ, говорилъ вамъ о нихъ въ своемъ письмѣ. Почему же «Гора» никогда не натягивала эту именно струну?

«Почему, будучи меньшинствомъ, раздавленнымъ въ палатѣ, вмѣсто того, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе спокойствіемъ, дисциплиной, духомъ соглашенія, она (т.е. «Гора») только подстрекала и раздражала и, насколько отъ нея зависѣло, подталкивала страну къ междоусобицѣ? Развѣ такая революція—не рискованное дѣло, когда нужно ее выполнить, дѣйствуя грубыми, суевѣрными массами, развращенными рабствомъ, и не слѣдуетъ ли поступать со всевозможными предосто-

рожностями кротости и благоразумія? Неужели необходимо было навлекать на революцію, которую въ глубинѣ души уже хорошили, подозрѣнія и ненависть, дѣлаясь для всѣхъ невыносимыми? Нѣтъ, нѣтъ, когда я представляю себѣ, чѣмъ было бы владычество нашихъ вожаковъ, у меня нѣтъ силы провозносить приговоръ надъ событіями 2-го декабря (вопросъ морали — въ сторонѣ), съ высшей точки зрѣнія человѣческихъ судебъ! Революція тутъ въпрямую. Очень можетъ случиться, что я лично пострадаю отъ новаго порядка вещей, что свобода моя будетъ нарушена, что доберутся до моего семейства, друзей, до всего, что мнѣ дорого. Я несколько не удивлюсь, если, на этихъ дняхъ, мнѣ объявятъ, что нужно отправляться въ Нукагиву, или, что еще хуже, затѣять новый процессъ, чтобы продержать меня еще пять-шесть лѣтъ въ тюрьмѣ. При диктатурѣ все законно и все возможно. Но что бы со мной ни случилось, я не перестану смотрѣть на все это, какъ на революціонный случай, которымъ я не больше долженъ возмущаться, чѣмъ первой попавшейся черепицей, свалившейся мнѣ на голову, въ бурю. Затѣмъ я жилъ среди такого поколѣнія? Вина ли эта судьбы, если я, шагая на-босу ногу по скорпіонамъ и ехиднамъ, буду укушенъ и отравленъ?...

«Еслибы монтаньяры были поменѣ чувствительны насчетъ того, будто они подслуживались въ елисеизму (*élyseïsme*, т.-е. бонапартова партія), и дѣлали хорошенько свое дѣло, республика на половину бы участвовала въ *conseil d'état*; вмѣсто Морни, Сентъ-Арно у насъ были бы: Мишель (изъ Буржа), Шаррасъ, Ламорисьеръ или Бѣдо; вмѣсто Вейль—Жиранденъ; вмѣсто Монталамбера—Э. Кинѣ и Мишлѣ. «Горѣ» не утодно было этого, и мы должны платиться за ея неспособность. Я, повторяю вамъ, былъ бы удивленъ, еслибы меня, по истеченіи моего тюремнаго срока, выпустили на волю».

И въ этомъ направленіи Прудонъ перечисляетъ послѣдствія «переворота» и предсказываетъ еще худшія: Францію могутъ превратить во вторую Австрію, и чрезъ 30 лѣтъ она потеряетъ всѣкую инициативу въ дѣлѣ европейскаго движенія, и послѣднюю искру чести. Конечно, новый военный заговоръ можетъ повалить все зданіе бонапартовой реакціи, но на что-либо подобное слѣдуетъ рассчитывать съ крайнимъ недоувѣріемъ.

«Франція—исподлилась, говорю я вамъ (такъ Прудонъ заключаетъ все предыдущее), я вижу, вотъ уже двѣ недѣли, зрѣюще ея печальной трусости. Франція сама кидается въ яму; она его и получить!»

Возвращаясь опять къ себѣ и друзьямъ своимъ, Прудонъ

приглашаетъ ихъ къ спокойному подчиненію обстоятельствамъ и къ разумной жизни—въ предѣлахъ возможнаго:

«На это,—убѣждаетъ онъ ихъ,—у насъ есть два высшихъ мотива: первый, извлеченный изъ обыкновеннаго хода человѣческихъ дѣлъ; второй—изъ настоящей оцѣнки людей.

«Какая бы ни затѣвалась теперь реакція, она отнюдь не остановитъ хода прогресса, быть можетъ, даже она ускоритъ его. Уже и теперь мы видимъ такой крупный фактъ: Европа все больше и больше дѣлается чѣмъ-то въ родѣ федеративнаго государства, простымъ членомъ котораго является каждая отдѣльная нація. Европейское единство, слагаясь за или противъ социализма, все-таки остается великимъ революціоннымъ актомъ, заключающимъ въ себѣ зародышъ всѣхъ выводовъ свободы, все равно, что даровой кредитъ, свобода мысли или вотированіе бюджета».

«Иезуиты, мальтусіанцы процарствуютъ еще двадцать-пять, тридцать лѣтъ, болѣе или менѣе, но что это значить въ сравненіи со всей жизнью человѣчества? Будемъ же пользоваться тѣмъ, что мы можемъ получить, не жалѣя о томъ, чего у насъ нѣтъ; безконечно совершенствованіе человѣка и также безконечна и нескончаема борьба; а наша эра, въ какую бы вы ее эпоху ни помѣстили, будетъ всегда лишь битвой. Развѣ не все равно съ кѣмъ воевать: съ иезуитами Монталамбера, или съ коммунистами Кабе?»

«Посмотримъ сверху внизъ на наше злосчастное племя: мнѣ сдается, что, стремясь къ наибольшему поднятію двуногихъ до человѣческаго достоинства, мы должны признавать подобными себѣ лишь такихъ, которые обладаютъ, подобно намъ, свободой разума и совѣсти, что и уменьшаетъ значительно сочувствіе, какое мы можемъ оказывать всѣмъ остальнымъ. Человѣчество, любезный другъ, вовсе не тѣ грубыя массы, которыя способны всегда крикнуть: Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ лгальное человѣчество, это—избранное меньшинство, составляющее двигательное начало (ferment) вѣковъ, такъ сказать, дрожжи, поднимающія тѣсто. По статистикѣ я вижу, что на корѣ земной сто милліоновъ (?), имѣющихъ образъ человѣческой, но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы человѣчество состояло болѣе, чѣмъ изъ десяти тысячъ. Одинъ человѣкъ на десять тысячъ животныхъ (bêtes)—пропорція эта не очень ли еще велика?»

«Если на Луи-Филиппа покушалось семь царубійцъ, то Луи-Бонапартъ долженъ вызвать семьдесятъ-семь (Прудонъ по провинціальной привычкѣ писалъ *septante-sept*), и вы увидите, что не

явится ни одного. (и онъ не ошибался, такъ какъ Орсини былъ *малынецъ*). Чувствуете вы значеніе такого факта?

«Прощайте, любезный другъ, плевать я хочу (je s'achè) и на боговъ, и на людей, и не вѣрую ни во что, кромѣ научнаго труда и дружбы. Коли правительство вспомнить обо мнѣ, я буду просить о добровольномъ изгнаніи; тогда мы можемъ соединиться, хорошо, кабы потомъ уже никогда не разлучаться».

Въ этомъ письмѣ Прудонъ высказалъ, въ главныххъ чертахъ, весь свой философско-соціальный взглядъ на «государственный переворотъ». Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли онъ совладалъ со своими личными гражданскими чувствами и пришелъ къ опредѣленному взгляду на тогдашній военно-диктаторскій порядокъ вещей. Взглядъ этотъ выраженъ имъ съ беспощадной рѣшительностью и рѣзкостью; въ доводахъ Прудона и сповойному человѣку не трудно замѣтить, пожалуй, индифферентизмъ или умственное барство, если не вникнуть поглубже въ прямую связь между письмомъ его и всѣми тѣми принципами, которые онъ себѣ выработалъ. Нѣтъ ничего мудренаго, если дружеское посланіе Прудона неприятно поразило его ниццскихъ друзей, вызвало въ нихъ цѣлый рядъ возгласовъ и протестацій, быть можетъ, даже огорчило ихъ и временно охладило къ нему. Но ихъ парижскій другъ былъ не такой природы человѣкъ, чтобы на вѣтеръ высказываться о подобномъ предметѣ, а подъ впечатлѣніемъ пріятельскихъ возраженій или упрековъ тотчасъ же мѣнять свой взглядъ. Мы это и увидимъ въ дальнѣйшихъ письмахъ, вертящихся около «государственного переворота».

IV.

Но пока друзья въ Ниццѣ отвѣчали Прудону на его «самостоятельные» выводы, онъ пишетъ Ланглуа. Письмо это безъ числа, съ однимъ только мѣсяцемъ (оно писано въ декабрѣ); есть однако же основаніе предположить, что оно отправлено въ этотъ именно промежутокъ, почему издатели и помѣстили его между двумя письмами отъ 19-го декабря.

Съ Ланглуа Прудонъ не обсуждаетъ значенія «государственного переворота», за то даетъ намъ чрезвычайно цѣнные указанія на совокупность своихъ соціологическихъ взглядовъ въ тотъ моментъ развитія. Онъ вызванъ былъ критическими возраженіями Ланглуа, по поводу своей послѣдней книги объ экономической организаціи. Мы предпочитаемъ и на этотъ разъ полное сообще-

ніе письма краткому изложенію, въ которомъ очень многое бы потерялось.

«Общество, — начинаеть Прудонъ, — это безконечное, почему и несомнѣнно, что тому, кто является реформаторомъ, представится *милліоны* случаевъ, требующихъ разрѣшенія, о которыхъ онъ никогда и не думалъ. Все, что можно дѣлать въ революціонное время, это — *отрицать* *посильнѣе* прошедшее и, до известной степени, настоящую дѣйствительность; потомъ обозначить цѣль, идеалъ и наставить въ направленіи этого *идеала* вѣхи. Самая могучая натура больше ничего не сдѣлаетъ, да и то еще съ трудомъ... Развѣ Ромуль или Нума создали Римъ? Развѣ Карлъ Великій содалъ феодализмъ? Развѣ Тюрго, знавшій все, что знали люди 89-го года, создалъ конституціонную систему?»

«Человѣкъ не можетъ никогда ни знать, ни выразить чего-либо, кромѣ самой малой доли истины. Истина, когда она социальная, человѣчная, есть продуктъ времени.

«Вотъ и я, въ моей послѣдней книгѣ, критиковалъ, вывелъ изъ этой критики указаніе цѣли, поставилъ нѣсколько вѣхъ. Но не ждите отъ меня цѣлой системы. Система моя — самъ прогрессъ, т.-е. необходимость работать неустанно надъ открытіемъ неизвѣстнаго, по мѣрѣ того, какъ изнашивается прошедшее... Въ будущемъ году, взглядъ этотъ — самая существенная сторона моихъ трудовъ — явится въ такомъ яркомъ свѣтѣ, что живо поразитъ умы; тогда поймутъ, что «Даровой кредитъ» (*Crédit gratuit*) и другія формулы — первый лишь шагъ нашъ — вонъ изъ прошедшаго; но что будущее, во всей своей полнотѣ, ускользаетъ отъ насъ, и позволительно представлять его себѣ только подъ видомъ символа, болѣе или менѣе мнѣйческаго, который я называю *маркшей*, а другіе *брахствомъ*. Тогда поймутъ также, какимъ образомъ и почему ни секты, ни системы ничего не значатъ, почему настоящій революціонеръ работаетъ изо дня въ день (*au jour la journée*); почему судьба человѣка — пустота, *hiatus*, поставленный передъ нами. Однихъ ребятъ можно потѣшать систематическими перспективами (т.-е. готовыми доктринами общественного спасенія), а также и народъ, неспособный понять того, что онъ долженъ идти безостановочно впередъ, какъ вѣчный жидъ, народъ, охотно отдыхающій на Кабѣ, Фурьѣ и проч., подъ тѣнью общины или ассоціаціи. Народъ, какъ и реакція, хотѣлъ бы закончить со всѣмъ этимъ, а я вамъ повторяю: конца никакого нѣтъ, и если исторія показываетъ намъ кончигь той кривой, которую мы описываемъ, то мы почти-что совершенно невѣжественны насчетъ

будущаго. Наше предвидѣніе нейдетъ дальше антитеза, вызываемаго въ насъ настоящимъ.

«Такая теорія прогресса, въ своемъ широкомъ развитіи исключая всякія абсолютныя положенія, всякія такъ-называемыя гипотезы,—та именно, которая, по-моему, должна доставить прочную основу, хотя и постоянно измѣняясь для взглядовъ на будущее. Она защититъ общество и отъ консервативной лѣни, и отъ ложныхъ революціонныхъ попытокъ.

«Что за бѣда, послѣ того, что въ намъ каждый день пристаютъ съ какою-нибудь новой трудностью въ дѣлѣ практическаго примѣненія? Трудности? Развѣ это можетъ насъ ставить втупишь, если мы существуемъ среди *невозможной* дѣйствительности? Не тѣ ли считаютъ себя выше насъ, кто героически складываетъ на груди руки и заваливается спать въ ожиданіи удобнаго случая броситься на кормило правленія и овладѣть имъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ находится полюсъ...

«Вы видите, любезный другъ, что я не только не отвожу возраженій, какія можно мнѣ сдѣлать, но скорѣе способенъ усилить ихъ самъ, въ томъ случаѣ, конечно, когда я не обращаю ихъ на тѣхъ же, кто выступаетъ противъ меня, ибо я не знаю никого, кто былъ бы въ состояніи разрѣшить ихъ; развѣ тотъ, кто вмѣстѣ съ іезуитами и крупными рантьерами находитъ, что все идетъ прекрасно.

«Я поставилъ, въ моемъ послѣднемъ трудѣ, пять или шесть положеній, на которыя я смотрю, какъ на капиталныя, и, въ настоящую минуту, я ничего больше не хочу сказать...

«Думаю, другъ мой, что всѣ мои соображенія не только не оставляютъ васъ въ праздности и равнодушіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что я не на все отвѣчаю и что въ моей книгѣ остаются темныя мѣста; но заставляютъ васъ самихъ искать... такъ какъ, въ настоящую минуту, я единственный человѣкъ, серьезно разрабатывающій вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаютъ наши собраты? Каждый изъ нихъ, убѣдившись въ томъ, что у него есть ключъ къ знанію будущаго, что у него есть формула абсолютнаго, остается спокойнымъ и ждетъ, чтобы міръ пришелъ просить его о спасеніи. Когда требуются *исследователи* истины, находишь *однихъ пророчателей*. А я вамъ говорю, что если мы такъ пойдѣмъ и дальше—мы пропадемъ!»

Предполагая даже, что письмо это было написано не только раньше 19-го декабря, но и до государственнаго переворота, его значеніе все-таки обнимаетъ собою всю переписку Прудона съ друзьями въ Ниццѣ. Не случайно пришелъ Прудонъ къ своему

взгляду на *coup d'état* Людовика-Наполеона. Его идеи по историческому прогрессу (т.-е. по *соціологіи*), выраженные въ письмѣ къ Ланглуа, достаточно показываютъ, почему онъ не могъ стать на обыкновенную радикальную точку зрѣнія тогдашнихъ республиканцевъ, или революціонеровъ. Только тѣ и могли безусловно торжествовать или окончательно падать духомъ, кто вѣрилъ въ какую-нибудь общественную панацею: въ яеобинскую ли республику, или фурьеристскую коммуну. А для Прудона такихъ мистическихъ абсолютовъ не существовало. Въ ближайшей будущности человѣчества онъ позволяетъ себѣ предвидѣть *отчасти* таковой порядокъ, когда свобода и самостоятельность всѣхъ и каждого будутъ одни править человѣческими социальными группами. Этотъ идеалъ онъ, какъ мы видѣли, называетъ *анархіей*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова—безвластіе, а вовсе не какъ уничтоженіе, путемъ насилій, *всѣхъ культурныхъ приобретений человечества, вплоть до науки.*

Къ министру «флота и колоній» Прудонъ писалъ, отъ 21-го декабря, горячую просьбу обратить вниманіе бонапартова правительства на его предложенія:— вмѣсто денежнаго пособия на исправительную колонію въ Гвіанѣ, дать это пособіе всѣмъ французамъ, обреченнымъ на ссылку, и открыть съ тою же цѣлью публичную подписку. Политическіе изгнанники сами бы выбрали мѣсто для своего поселенія внѣ Европы и Франціи. Разумѣется, записка Прудона осталась «подъ сукномъ»; но его инициатива говорить за себя. Тонъ его обращенія къ министру—въ высокой степени благородный и сдержанный; едва ли не онъ одинъ, изъ передовыхъ людей той эпохи, умѣлъ такъ писать къ правительственнымъ лицамъ, не поступаясь нисколько своими убѣжденіями...

Изъ письма къ Морису, отъ 28-го декабря, мы узнаемъ, что Прудонъ могъ, послѣ *coup d'état*, получить позволеніе прогуляться по городу только 26-го числа. Онъ удивился, увидавъ, что оба его издателя приглашаютъ его писать, точно не боясь нисколько неприяностей, и даже преслѣдованій, за его книги. Прудонъ считаетъ такую смѣлость нѣсколько преждевременною; но тутъ же добавляетъ отъ себя:

«Я хорошо знаю, что меня еще всего менѣе ненавидятъ (въ бонапартовомъ мірѣ); скажу даже и то: во всей демократическо-соціальной партіи (по его манерѣ писать: «*parti démoc soc*») меня всего болѣе уважаютъ. Я сдѣлалъ мои идеи доступными всѣмъ силою логики, науки, философіи и откровенности, почему меня и ставятъ совершенно особо; но все-таки теперь царствуютъ

іезуиты каждый день по ихъ доносамъ происходятъ расправа, и ихъ заявленія не очень-то успокоительны».

Онъ увѣряетъ пріятеля, что приготовился ко всему, и будетъ, если нужно, писать и издавать книги гдѣ угодно:—въ Нью-Йоркѣ, Рио-Жанейро или Смирнѣ—ездѣ у него найдется заработокъ и кусокъ хлѣба. Вотъ это-то, по собственному его сознанію (рядомъ съ общими принципами), и позволяетъ ему спокойно относиться къ «послѣдней революціи» (такъ онъ называетъ бонапартовъ переворотъ), не забывая и того, что «красные» его единодушно ненавидѣли, никакъ не менѣе іезуитовъ. Приводятся сейчасъ же факты, доказывающіе, что республиканцы якобинскаго отгѣнка, вожаки революціи въ Лондонѣ, всячески стараются и стараются подорвать вліяніе Прудона; что пресса, настроенная ими—противится социальному движенію и готова была бы обойтись съ социалистами совершенно такъ, какъ доблестные Морни и Сентъ-Арно обошлись со всѣми честными гражданами Парижа, въ періодъ времени отъ 2-го по 10-е декабря. Но, по мнѣнію Прудона, социализмъ заставляетъ каждого побѣдителя, будь это бонапартизмъ, или чисто-политическая республика, считаться съ нимъ и дѣлать ему уступки. И Луи-Бонапартъ не избѣжалъ этой тенденціи, и у него есть «свой социалистскій планъ». Прудонъ представляетъ даже Морису, что президентъ преспокойно прикажетъ декретомъ: убавить ренту съ 5-ти процентовъ на 4. Онъ замѣчаетъ также, по поводу слуховъ объ уменьшеніи муниципальныхъ пошлинъ на вино, что, быть можетъ, и его проектъ, представленный когда-то префекту полиціи Карлье—будетъ приведенъ въ исполненіе. «Было бы забавно,—кончаетъ онъ,—еслибы огромный социализмъ повлекъ за собою осуществленіе моихъ плановъ. Но люди такъ странны!» Одно онъ желаетъ выдѣлать изъ всего переполоха 2-го декабря, и просить Мориса хорошенько разумѣть «то, что партія или классъ гражданъ, которая всего болѣе потерпитъ отъ революціи 2-го декабря—будетъ *буржуазія*». Выводъ или предсказаніе Прудона не совсѣмъ отвѣчаетъ исторической правдѣ не только для провинціальной Франціи, но и для Парижа, если онъ подъ *буржуазіей* разумѣлъ тутъ *более состоятельный средній классъ*. Буржуазные кварталы Парижа вплоть до 4-го сентября стояли всегда за бонапартово правленіе, да и теперь не очень-то считаютъ имперію опасной для своихъ дѣлъ и дѣлишекъ. Въ имущей буржуазіи и бонапартовъ агитація находитъ, до сихъ поръ, хорошую почву.

Послѣднее письмо, относящееся къ 1851 году—скорѣе записка, чѣмъ письмо. Оно адресовано брату Прудона—Шарлю, и писано

28-го декабря. Въ этой записочкѣ Прудонъ очень условительно говоритъ о себѣ. Онъ чувствуетъ, что и при измѣнившихся порядкахъ ему предстоитъ «играть роль, неизвѣстно еще какую, но важную—въ смыслѣ прогресса и свободы. Красные покончены (*les rouges sont finis*), и вмѣстѣ съ ними и много еще кое-чего; я же остаюсь и przygotowляюсь снова извлечь изъ послѣднихъ событий все, что возможно для свободы».

V.

По числу сохранившихся писемъ, слѣдующій 1852 годъ такъ же богатъ, какъ и 1851. Кромѣ лицъ, принадлежавшихъ къ кружку Прудона, мы видимъ нѣсколько новыхъ если не корреспондентовъ, въ тѣсномъ смыслѣ, то людей, въ которыхъ Прудонъ обращался по тому и другому случаю, каковы, напр., Мишлэ, *гражданинъ* Жениво, Маццини, президентъ республики и другіе.

Въ самый новый, 1852, годъ Прудонъ отвѣчаетъ огромнымъ посланіемъ на горячее, по всей вѣроятности, письмо друзей; жившихъ въ Ниццѣ, по вопросу «государственнаго переворота». Начинаетъ онъ съ пониманія того, какъ они должны были возмутиться постыднымъ фактомъ 2-го декабря. Онъ не меньше ихъ чувствуетъ, сколько выплыло наружу зла, подлости, эгоизма, глупости и трусости; но это не мѣшаетъ ему повторить имъ то же, что онъ «пять дней передъ тѣмъ» сказалъ г-ну Морни, министру внутреннихъ дѣлъ, т.-е., «что революція, находившаяся въ застоѣ отъ 24-го іюня 1848 по 2-е декабря 1851-го, снова двинулась со 2-го декабря». Такой *парадоксъ* (онъ самъ это знаетъ) долженъ опять-таки поразить ихъ. Онъ приглашаетъ ихъ вдуматься хорошенько въ текуція событія, и они убѣдятся въ томъ, что только «подъ деспотизмомъ сабли начинается, какъ слѣдуетъ, революціонная работа».

Общія соображенія Прудонъ прерываетъ обсужденіемъ текущихъ фактовъ: онъ настаиваетъ на своей идеѣ—создать колонію изгнанниковъ въ нѣсколько тысячъ, и надѣется, что министръ внутреннихъ дѣлъ, черезъ полицейскаго префекта, пуститъ ее въ ходъ, такъ какъ онъ уже попросилъ у Прудона докладную записку чрезъ того же префекта; сообщаетъ онъ главные пункты своего разговора съ Морни, произведшаго на него впечатлѣніе по этому разговору выходило, что правительство Людовика-Наполеона соглашалось и на социализмъ, и на продолженіе «рево-

людиной сери», и даже на травлю иезуитовъ, въ извѣстной степени. Читая все это, трудно не удивиться тогдашней доврчивости Прудона хитрымъ прибауткамъ такой личности, какъ Морий. Но упорный умъ Прудона не любилъ уступокъ, и его взглядъ на значеніе 2-го декабря только еще рѣзче формулировать имъ въ письмѣ къ друзьямъ отъ 1-го января. Свои доводы онъ снова пересматриваетъ и придаетъ 2-му декабря такой отгвнокъ, съ которымъ это событіе приобретаетъ совсѣмъ иную революціонную физиономію. По Прудону, — Л.-Бонапартъ уничтожилъ старыя партіи и выступилъ со «всемирнымъ отрицаніемъ»; а это отрицаніе Прудонъ признаетъ *своимъ* (указаніе на его *Confessions*) и возлагаетъ на него лучшія надежды. Голосованіе 20-го декабря, освятившее преступленіе Л.-Бонапарта, было гнусной измѣной только со стороны меньшинства; масса же, т.-е. рабочіе и крестьяне, вотируя за диктатуру президента, были убѣждены, что вотируютъ за уничтоженіе старыхъ партій красныхъ и бѣлыхъ, за конецъ парламентскаго порядка, за экономическія реформы, уничтоженіе податей, увеличеніе матеріальнаго довольства и проч. и проч. Что произошло недоразумѣніе — Прудонъ этого не отрицаетъ, но, по его взгляду, самое это недоразумѣніе погубить узурпаторовъ; а націи, въ концѣ-концовъ, увидятъ свое заблужденіе и возьмется за умъ. На тайныхъ мотивахъ голосованія Прудонъ желаетъ всего сильнѣе настоять, и указываетъ друзьямъ своимъ на то, какъ страна тяготилась красными, и какъ эти красные преслѣдовали, передъ самымъ 2-мъ декабря, социалистовъ и всѣхъ, кто е принадлежалъ къ ихъ кликѣ. И тутъ перечисляются, уже цитированные имъ въ другихъ письмахъ, акты нетерпимости и абсолютизма якобинскаго лагеря, направленные противъ всѣхъ, смольвинихъ на революцію шире. Прудонъ не можетъ не радоваться, что Л.-Бонапартъ «раздавливаетъ эту нечисть» (*écrase cette vermine*). Покончивши со всѣми старыми партіями, бонапартизму необходимо перейти къ *мазному*, т.-е. къ *охламъ*: «трудъ для бочаго, рынки для предпринимателя и крестьянина, дешевизна жизни, сокращеніе бюджета и проч.» По части экономической тутъ уже извѣстны факты, доказывающіе, что правительство Л.-Бонапарта нуждается въ деньгахъ и принуждено будетъ прибѣгать къ средствамъ, прямо бьющимъ по карману буржуазію. Это-то и нужно Прудону. По внѣшней политикѣ онъ рассчитываетъ на то, что Л.-Бонапартъ ввяжется въ цѣлый рядъ войнъ, европейская коалиція опять посадитъ на престолъ кого-нибудь: расана или Шамбора; «а до тѣхъ поръ, — прибавляетъ онъ, — экономическая революція совершится, и Европа ее скушаетъ!»

Перечисливъ всѣ эти соображенія, наведенія и факты, Прудонъ, ни мало не смущаясь, съ усиленной увѣренностью въ своей правотѣ, говорить друзьямъ:

«Страхните же съ себя тотъ кошмаръ, который овладѣлъ вами со 2-го декабря; не смотрите на настоящее, изучайте дѣйствія власти въ ихъ смыслѣ и значеніи, взвѣшивайте необходимости положенія, и вы убѣдитесь, какъ и я, въ томъ, что если переворотъ 2-го декабря радикально уничтожаетъ революціонный планъ, созданный въ Лондонѣ, на манеръ 93-го года, революція ровно ничего тутъ не теряетъ, и что Европа, хоть и не будетъ эмансипирована по торжественной формѣ Камбона (членъ конвента) и комитета общественного спасенія, все-таки придетъ къ тому же результату путемъ болѣе вѣрнымъ и прямымъ».

Упомянувъ мимоходомъ о томъ, что его издатели просятъ его писать и не боятся бонапартовой реакціи, Прудонъ указываетъ на этотъ фактъ, какъ на новое доказательство необходимости, въ какую поставлено новое правительство, — *заняться дѣлами*.

«А *дѣла*, любезные друзья, знаете ли вы, что это такое? — разрѣшеніе всѣхъ человѣческихъ противорѣчій, ни больше, ни меньше. Стало быть, вопросъ поставленъ рѣзче, чѣмъ когда-либо: одинъ социализмъ уцѣлѣлъ, сказалъ бы я даже, еслибы не боялся, что вы меня примете, пожалуй, за новаго сторонника елисейскаго дворца: — одинъ лишь социализмъ побѣдилъ 2-го декабря».

Въ PS. стоить тоекратное восклицаніе:

«Courage! courage! courage!»

Длиннымъ отвѣтомъ отъ 1-го января 1852 года не ограничась полемическая переписка съ друзьями — за нимъ идетъ такое же длинное, отъ 10-го января, также на имя Шарля Эдмона.

Прудонъ не желаетъ уже болѣе входить въ новыя подробности по вопросу государственнаго переворота, оставаясь при своей точкѣ зрѣнія; но онъ сводитъ полемику къ дѣлу личнаго участія въ «злобѣ дня». Друзья предложили ему эмигрировать и поселиться въ Сардиніи. Онъ сразу же высказывается противъ такого добровольнаго бѣгства, противъ презрительнаго и личнаго отношенія къ печальной дѣйствительности въ родномъ краѣ.

«Для васъ, — говоритъ друзьямъ Прудонъ, — первое дѣло: — выхватить меня изъ этой помойной ямы, предоставить Францію самой себѣ, поискать въ другомъ мѣстѣ квадратнаго льѣ съ чистымъ воздухомъ и создать собственное довольство, совершенно особнякомъ. Для меня же, напротивъ: — сильнѣе, чѣмъ когда-либо,

обращаться въ умы и коллективной совѣсти; овладѣть страну лучами свѣта, заставить ее застыдиться, извлечь изъ опыта 2-го декабря средства и залогъ успѣховъ революціи, увѣренной въ самой себѣ, и на этотъ разъ неотгнѣнимой. Вотъ тѣ двѣ точки зрѣнія, на которыхъ находимся я и вы. Худо ли, хорошо ли, но я рѣшился, хочу бороться, бороться на смерть».

Еслибъ онъ *вынужденъ* былъ повинуть родину, — *насилно*, онъ еще пошелъ бы на комбинацію: поселиться въ Сардиніи и заняться тамъ какимъ-нибудь промышленнымъ дѣломъ; но онъ могъ рассчитывать на то, что его оставятъ въ покое, по выходѣ изъ тюрьмы, и планъ труда и умственной борьбы у него — совсѣмъ готовый.

«Сначала, — развиваетъ онъ ходъ своихъ трудовъ, — намѣреваюсь я занять въ глазахъ европейской, начитанной, интеллигентной публики болѣе высокое мѣсто, чѣмъ то, какое мнѣ сдѣлали, до сихъ поръ, мои полемичи и мои умствованія (*élucubrations*). Я уже вамъ, кажется, говорилъ, что приготавливаю опыты постановки (*constitution*) экономической науки, которая окончателно опредѣлитъ смыслъ движенія въ девятнадцатомъ вѣкѣ и дастъ вамъ совокупность тѣхъ идей, какія вы имѣли отъ меня въ нѣкоторыхъ образчикахъ: *Даровой кредитъ, Экономическія силы и проч. и проч.* Понимаете вы меня? — новая наука, предполагаемая, утверждаемая въ теченіи шестидесяти лѣтъ, но представляющая еще собою до сихъ поръ запечатанное письмо; наука съ своими *аксіомами, опредѣленіями, методами*, и своей собственной по-ѣркой (*certitude*); наука отличная отъ математики и правовѣдѣнія и отъ всего того, что считается наукой. По-моему, надо, по крайней мѣрѣ, сдѣлать все это, чтобы поставить снова на ноги революцію. А я думаю, что могу, въ эту минуту, осуществить такое именно условіе для будущаго успѣха революціи. Моя наука создана; беру это слово во всемъ его протяженіи и строгости.

«Послѣ экономической науки, пойдутъ впередъ: *философія исторіи*, а позднѣе *общая философія*. Довольно этого? Нѣтъ, другія гигантскія работы могутъ слѣдовать затѣмъ, работы, предпріятыя въ сотрудничествѣ со всеми моими друзьями; и вы примете въ нихъ участіе, надѣюсь — и Г. Будетъ это, примѣрно, *всемирная біографія* въ пятьдесятъ томовъ in 8°, въ двѣ колонки; трудъ тутъ на двадцать человѣкъ, и — памятникъ въ славу революціи.

«Все это можно сдѣлать во Франціи; мнѣ нѣтъ надобности отправляться въ Сардинію. Экономія, исторія, философія — эти вещи настолько стоятъ поверхъ текущей политики, что могутъ

легко пройти, тѣмъ болѣе, что іезуиты теряютъ вліяніе въ Елисейскомъ дворцѣ.

«Слѣдовательно, нѣтъ мнѣ никакой надобности эмигрировать; смѣю даже думать, что я добьюсь поддержки и покровительства этимъ важнымъ трудамъ».

Рядомъ съ этимъ Прудонъ указываетъ еще на *дипломатию*, подъ которой онъ разумѣетъ: «всякое революціонное дѣйствіе, не входящее въ *научную* категорію».

Если этотъ планъ понравится друзьямъ, придется и имъ отказаться отъ Сардиніи; а если нѣтъ, Прудонъ все-таки останется въ Парижѣ: «ибо, говоритъ онъ, я рѣшился, вполне рѣшился — испробовать все, чтобы не заключаться, не замуравливать себя въ роль мыслителя; а когда мнѣ будетъ ясно, что я ни на что больше претендовать не могу, ну, тогда я не вижу необходимости экспатрироваться, и остаюсь!.. Спинова былъ же стевольщикомъ въ Амстердамѣ, а св. Павелъ дѣлалъ шатры. Почему же и мнѣ не сдѣлаться опять, гдѣ-нибудь, прикащикомъ, или плотиннымъ надсмотрщикомъ?..

«Мнѣ минуло сорокъ-три года. Я думаю: то, что мнѣ предстоитъ еще сдѣлать, заставитъ меня забыть уже сдѣланное мною; предлагаю этотъ плодъ моихъ размышленій республикѣ и желаю снова повоевать за нее. Ранѣе, чѣмъ черезъ шесть мѣсяцевъ, мое «Экономическое построеніе» (*Construction économique*) выйдетъ въ свѣтъ; за нимъ послѣдуетъ другое изданіе; въ теченіи того же года сильно подвинется моя *Общая картина исторіи*. Съ этими двумя или тремя произведеніями, если только я придамъ имъ надлежащій тонъ (*accentuation*) и практическое современное значеніе (*actualité*), ручаюсь, что всевозможные деспотизмы, іезуитизмы, католицизмы и проч. не продержатся и двадцати-пяти лѣтъ».

Прудонъ снова перебираетъ шансы эмиграціи, предвидя возможность и своего изгнанія; но ему хотѣлось бы тогда пуститься въ практическую дѣятельность поборника революціи (какъ онъ ее разумѣлъ), а не спасать только одну свою личность. За личную безопасность онъ не особенно боится, и почти увѣренъ, что его оставлять въ покоѣ, если онъ не будетъ заниматься политикой. Кончаетъ онъ приглашеніемъ принять участіе въ его издательскихъ замыслахъ, и не забываетъ одной вещи: что «во Франціи больна голова, гораздо больше, чѣмъ сердце. Всѣ мозги возбуждены, отсюда — нервнѣтельность, непрочность, трусость и наконецъ поворъ. Этотъ несчастный народъ, руководимый то своими электиками, то доктринерами, то абсолютистами, то якобинцами.

то боями, самъ того не зная и не понимая нисколько, дошелъ до того момента, когда ему нужно распрощаться со всѣми своими идеями: религіозными, политическими, капиталистскими и проч. Мы, «Peuple», «la Voix du peuple», мы произвели три-четверти это сумбура (ce gâchis), поднимая вверхъ дномъ всѣ эти жалкія понятія. Поэтому насъ, болѣе чѣмъ когда-либо, проклинали, ненавидя и бѣлые, и синіе, и красные, и всѣ они — соперники Луи-Бонапарта, а стало, и его союзники — обвиняютъ насъ, наперерывъ, въ декабрьской катастрофѣ».

Въ припискѣ сообщаетъ онъ друзьямъ, что даль второй своей дочери имя *Марселю* въ честь «благороднаго преддѣвья, гдѣ я живу» (S-te Marceau), а также и въ память «объ одномъ изъ самыхъ чистыхъ людей старой революціи — Марсѣ».

И этимъ письмомъ не повончилась полемика переписка Прудона. За нимъ сейчасъ же слѣдуетъ третье посланіе, отъ 24-го января, такихъ же почти почтенныхъ размѣровъ. Третье посланіе открывается обмѣномъ отеческихъ чувствъ и взглядовъ: по всей вѣроятности, III. Эдмонъ недоволенъ былъ тѣмъ, что у него родилась дочь, а не сынъ. Прудонъ его утѣшаетъ, говоря, что и у него вотъ опять родилась *дочь*. Для будущаго врага эмансипаціи женщинъ онъ довольно рѣзко разсуждаетъ на эту тему: «я помирился съ тѣмъ, что выпало на мою долю (т.е. съ рожденіемъ дочерей); вѣдь, въ концѣ-концовъ, женщины воспитываютъ мужчинъ; и мои дочери не будутъ за то пушечнымъ мясомъ (chair à canon), а ихъ хорошенько уберегу, и увѣренъ, что онѣ не будутъ также и проституціоннымъ мясомъ» (chair à prostitution).

За такимъ «а parte» слѣдуетъ сейчасъ же продолженіе полемики. Непониманіе друзей хоть и не выводитъ его изъ себя, но заставляетъ заявить, что «наговори ему чего-нибудь подобнаго кто-нибудь другой, онъ бы его отдѣлалъ по-своему (souffleté et coprié)». Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что о человѣкѣ съ его «положительнымъ и здоровымъ умомъ» нельзя судить такъ угловато и несправедливо. *Преступленіе* 2-го декабря и его глубоко возмущаетъ; но на самый фактъ онъ продолжаетъ смотрѣть, какъ на кризисъ политической и соціальной неурядицы, кризисъ, который онъ и предсказывалъ въ печати. Теперь для него ясно, что въ бонапартизмѣ взяла верхъ самая темная партія (слѣдуетъ разборъ декрета, отнявшаго у Орлеановъ ихъ собственность), и реакція еще скорѣе самоѣ себя доканаетъ.

«Все хорошо идетъ, говорю я вамъ, потому что все идетъ такъ, какъ ему слѣдовало идти; развѣ бы мы впали въ отчаяніе

оттого, что женщину передъ родами схватятъ родовыя боли? Или: отчаяваемся ли мы въ больномъ потому только, что болѣзнь, проходя всѣ свои періоды, находится въ пароксизмѣ?

«О, я хорошо знаю, что вы насъ утѣшаете, насъ, бѣдныхъ мыслителей, въ томъ, что мы умѣемъ только краснобайничать, а ничего не дѣлаемъ. Неужели же та революціонная агитація, какую вы видѣли, была—*дѣйствіе*! Дѣйствіе, повнайте же это наконецъ, есть *идея*, и человѣкъ достаточно дѣйствуетъ, распространяя въ интеллигентной атмосферѣ зародыши будущаго общества».

На предложеніе друзей перебраться на островъ Джервей, Прудонъ отвѣчаетъ новымъ отказомъ. Ему надо работать, чтобы поддерживать и себя и семейство, почему всѣ эмиграціонныя планы друзей кажутся ему немного воздушными замками. Онъ готовъ, по выходѣ изъ тюрьмы, черезъ четыре мѣсяца приняться за свое старое ремесло: наборщика или судоприказчика.

«Словомъ, — заключаетъ онъ: — я останусь не по личному вкусу или слабости, а по необходимости; буду работать, *чтобы жить*, а стало быть, какъ революціонеръ, я менѣе буду *дѣйствовать*; но все-таки буду же. Я теперь разомъ собираюсь: построить эконоическую науку, набросать картину всемірной исторіи, подъ названіемъ *Кроноса*, и изложить общую философію. Все это, сколько я могу судить, доведется до конца; мнѣ еще остается двадцать-пять лѣтъ бодрой жизни (вышло только 13!), а я пріобрѣлъ привычку работать въ бѣдности, посреди всякаго рода матеріальныхъ заботъ. Я написалъ первыя мои вещи въ моей типографской мастерской, набирая самъ то, что писалъ; я написалъ мои «*Противорѣчія*» на конторѣ судоприказчика въ Лионѣ; я обработалъ послѣднія мои изданія въ неволѣ; я кончу жизнь, какъ я ее началъ. Много придется вряхтѣть; но за то я, умирая, похвастаюсь тѣмъ, что былъ однимъ изъ самыхъ свободныхъ людей, какіе только являлись на свѣтѣ.

«Поклонитесь нашему дорогому Г. Будьте почтше съ нимъ, утѣшите его, посоветуйте ему не дѣлаться сообщникомъ контръ-революціи, проповѣдуя какое-то смѣшное *consummatum est!* По истинѣ говорю вамъ: ничто не потеряно!»

VI.

Мишлэ посѣщалъ Прудона въ тюрьмѣ С.-Пелажи, какъ мы видимъ это изъ письма послѣдняго, отъ 19-го февраля, къ историку-профессору. Прудонъ спрашиваетъ его, какъ онъ себя чувствуетъ послѣ «переворота», и говоритъ ему то же, что и друзьямъ въ Ниццѣ: «Взвѣсивъ все, какъ слѣдуетъ, видишь, что то, что вышло, должно было логически произойти, и наша страна нуждалась въ этомъ толчекѣ, въ этомъ урокѣ». Практическимъ мотивомъ письма было: приглашеніе Мишлэ принять участіе въ затѣваемой Прудонѣмъ «*Biographie universelle*», которую книгопродавецъ Гарнье гарантировалъ участіемъ въ 200,000 франковъ. Кромѣ Мишлэ желали приобрести и сотрудничество друга его, Кинь. За Мишлэ идетъ слѣдомъ и Луи-Бланъ, обратившійся къ Прудону изъ Лондона, письмомъ отъ 10-го февраля, гдѣ онъ спрашиваетъ Прудона, правда ли, будто тотъ говорилъ, на основаніи какого-то слуха, что Луи-Бланъ писалъ нѣсколькимъ вѣзгательнымъ рабочимъ, приглашая ихъ вотировать за Луи-Бонапарта, тогда какъ онъ тотчасъ же послѣ 2-го декабря напечаталъ прокламацію съ другими изгнанниками, сначала въ англійскихъ журналахъ, а потомъ старался всѣми силами распространить ее въ Парижѣ?

Не трудно было предвидѣть, что въ отвѣтъ Прудона проявится не совсѣмъ дружелюбное отношеніе къ автору «Организации труда» и эксъ-предсѣдателю люксамбургской комиссіи. Прудонъ отрицаетъ тотъ фактъ, будто онъ взводилъ на Луи-Блана обвиненіе въ подговариваніи рабочихъ дать голоса за Бонапарта, но подтверждаетъ то, что такой слухъ дошелъ до его тюрьмы 5-го января. Онъ сообщилъ его своимъ товарищамъ по заключенію и просилъ ихъ справиться, правда это, или нѣтъ. Вотъ объясненіе той сплетни, которая дошла до Луи-Блана. Давая его, Прудонъ не преминулъ язвительно замѣтить, что подобный слухъ могъ быть мотивированъ старинными связями фамиліи Луи-Блана съ Бонапартами, тѣмъ, что самъ Луи-Бланъ поддерживалъ Л. Бонапарта въ учредительномъ собраніи—тѣми частыми визитами претендента въ Лондонъ, которыми онъ удостоивалъ Л. Блана, «аналогіей, существующей въ глазахъ всѣхъ, между правительственнымъ социализмомъ президента республики и ванинѣ» —кончаетъ Прудонъ перечисленіе мотивовъ слуха. Онъ еще сильнѣе язвитъ своего противника, говоря, что «наивный народъ» дѣйствовалъ совершенно по идеямъ Луи-Блана, когда руюнлесалъ по-

ревороту 2-го декабря и выдавалъ сыщикамъ своихъ представителей. «Такимъ-то именно путемъ, — заканчиваетъ Прудонъ: — народъ 93-го года былъ подготовленъ къ узурпаціи брюмера и 1804 года; такимъ же образомъ, по крайней мѣрѣ, я себѣ объясняю, да и вы должны объяснять себѣ то печальное употребленіе, какое дѣлали въ послѣднее время изъ вашего имени».

Впрочемъ, Прудонъ кончаетъ все письмо болѣе лестными словами, говоря, что «въ этомъ обстоятельстве чувства Луи-Блана оказались выше его теорій».

Дальнѣйшія соображенія по теоретическимъ работамъ, прерванныя катастрофой Бонапартова заговора, находимъ мы въ письмѣ къ Мадѣ-Монжо, отъ 23-го февраля.

«Любезный Мадѣ-Монжо, я желаю, чтобы вы не читали ничего моего до тѣхъ поръ, пока я не издамъ *«Опытъ созданія экономической науки»*, который я przygotowляю къ печати. Все, что я до сихъ поръ дѣлалъ—только пренія, ведущія къ наукѣ, и очень многіе, даже изъ друзей моихъ, приняли эти пренія (controverses), иногда очень страстныя, за утвержденія (affirmations), за доктринальныя положенія. А вѣдь дѣло шло, въ большинствѣ случаевъ, о томъ, чтобы оспорить ложныя опредѣленія, ложныя данныя, ложныя гипотезы и проч., и проч., почему, когда на основаніи однихъ этихъ полемикъ позволяютъ себѣ говорить о моей *«Системѣ»*, мнѣ наносятъ большой вредъ и рискуютъ выслушать отъ меня порядочный выговоръ.

«Я, прежде всего, желаю, чтобы вы хорошо знали все, что я *утверждаю*, тогда только вы съ пользою для себя возьметесь за мою предшествующую критику, или, по крайней мѣрѣ, съ меньшей опасностью. Вотъ уже четырнадцать лѣтъ, какъ я спорю со всѣми и противъ всѣхъ, но никогда еще я не догматизировалъ. Вы должны повѣрить тому, что человекъ, съ такими предосторожностями исказившій того, чему ему вѣрить, и чему нѣтъ,— не рѣшится на что-либо положительное безъ добрыхъ и солидныхъ поводовъ. Вотъ это-то, любезный другъ, я и желаю бы вамъ сначала сообщить, а потомъ вы можете отдѣлывать меня по всему остальному».

Но политива брала свое, и заставила Прудона, въ письмѣ съ теоретическимъ началомъ, обратиться опять къ текущимъ событіямъ. Онъ негодуетъ на «всеобщую подачу голосовъ», признаваясь однакожъ въ томъ, что поддерживалъ ее, какъ журналистъ, ибо она, по его мнѣнію, «est dans la donnée de l'avenir». За прошедшее онъ приноситъ свою «mea culpa», но теперь отрывается отъ suffrage universel, какъ отъ здороваго прогрессивнаго

принципа, увѣренный, что не одинъ онъ такъ думаетъ. Взглядъ на прошедшее революціонной пропаганды заставляетъ его такъ выражаться:

«Иные, да и мы всѣ, желали демагогіи, хотѣли захватить власть путемъ возбужденія массъ; мы проиграли, что и должно было случиться. Въ дѣлѣ демагогіи самыя лучшія имена тѣ, которыя погромче: Наполеонъ, Вѣчный Жидъ, и т. п. Хотѣли мы диктатуры 93-го, а народъ предпочелъ диктатуру 1804 года; добивались мы власти, а народъ самъ себя далъ владыку, все—посредствомъ государства; а теперь народъ говоритъ: Барбесъ только требовалъ для насъ миллиардъ у богатыхъ, а Наполеонъ отдастъ намъ его». Извольте убѣждать людей, смѣшивающихъ такія имена въ своихъ симпатіяхъ, и для подобныхъ мотивовъ...

«Я—готовый на все, равнодушный ко всему, кромѣ преступленія, буду служить моему дѣлу подъ всѣми властями, не пятаюсь ни на волосъ назадъ (*sans broncher d'une semelle*). Если я прихвачу при этомъ республику и устраню претендентовъ, я не стану себя жалѣть; но я ни за что не отвѣчаю. *Демократія* для меня значить *демопедія*, воспитаніе народа. На этой почвѣ я непобѣдимъ; но за то, я самъ никогда ничѣмъ не буду; я буду встрѣчать всегда на моемъ пути тѣ же подлости, тѣ же измѣны, то же тщеславіе, ту же зависть, и я умру подъ тяжестью моего труда».

Послѣ этого горькаго и пророческаго предсказанія идутъ опять размышленія, вызванныя «переворотомъ» и показывающія, какъ Прудонъ горячо переживалъ этотъ ударъ, поразившій всѣхъ лучшихъ людей Франціи. Онъ повторяетъ то же, что мы уже знаемъ: размышленіе беретъ у него верхъ надъ возмущеннымъ сердцемъ и онъ объявляетъ себя «самымъ веселымъ чело-вѣкомъ во Франціи».

«Иногда,—признается онъ,—я радуюсь громадной ошибкѣ этой гнусной расы (т.-е. французовъ). А! мои галльчики (*petits gaulois*)—грабители и болтуны, надутые буржуа, скряги-мужики, тупоголовые пролетаріи—вамъ нужна власть, вамъ нужны цезаризмъ и деньги, во что бы то ни стало. О чести, справедливости, добросовѣстности, вы ни мало не заботитесь! Искупайте теперь, вскупайте все это! Желаю вамъ два года таковаго режима; по моимъ соображеніямъ, этого довольно будетъ, чтобы васъ сдѣлать ничтожными и размягнуть васъ»...

Полемическая переписка Прудона съ друзьями въ письмѣхъ къ Мадье-Монжо дополняется еще его выводами:

«Съ одной стороны, имперія—контръ-революція, война съ

республикой, съ демократіей, съ социализмомъ, съ пролетаріатомъ; но буржуазія протестуетъ противъ деспотизма, обособляется, дѣлаетъ вокругъ нея пустоту, такъ-что бонапартовская политика, осужденная на борьбу съ народной партией, осужденная на войну съ буржуазіей, враждебная притязаніямъ возникшъ, на дѣлѣ оказывается лишенной опоры, почвы, твердости, будущности, силы, смысла, справедливости».

Философскій объективизмъ Прудона не мѣшаетъ однако ему воскликнуть въ самомъ концѣ письма: *La France... est jetée en proie au plus obscène, au plus exécrationnable des maniaques*. И слова эти написаны не для эффекта—въ прокламаціи, а въ простомъ пріятельскомъ письмѣ.

Д — Е В Ъ.

НОВО-КЕЛЬТСКОЕ

И .

ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВО ФРАНЦІИ.

IV *).

Надо сказать, что и этнографическій, и языковой дилеттан-тизмъ бретанофиловъ принесъ свою долю пользы: онъ привелъ за собою изученіе народнаго быта, поэзіи и языка,—т.е., кромѣ чисто научной стороны такого изученія, приготовилъ матеріалъ для изученія почвы, на которую должны быть направлены ра-боты національныхъ патриотовъ и любителей народа вообще, и того орудія, каковымъ можетъ наилучше вліять на народъ интел-лигенція, не только тѣсно національнаго, но и космополитическаго направленія,—а именно народнаго языка.

Со времянь Ле-Гонидека чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ больше растетъ число ученыхъ работъ надъ кельтской на-родностью и языкомъ.

Мало-по-малу романтическое отношеніе къ кельтской народ-ности смѣнилось болѣе научнымъ,—и теперь энциклопедія древ-ностей кельтскихъ: *Ethnogenie gauloise, par Roget-baron de-Bel-*

*) См. выше: августъ, 688 стр.

lognet, отличается болѣе холоднымъ отношеніемъ къ дѣлу, чѣмъ прежніе труды въ этомъ родѣ ¹⁾.

Въ Англіи, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Германіи явился рядъ ученыхъ трудовъ о кельтской старинѣ, литературѣ и языкѣ (съ 30-хъ годовъ — Причардъ въ Лондонѣ, Пикте въ Женевѣ). Въ 1836 году Боппъ въ Берлинѣ и Пикте въ Женевѣ (мемуаръ, получившій премію академіи надписей: *Sur l'affinité des langues celtiques avec le sanscrit*. 1837 ввели изученіе кельтскаго языка въ рядъ индо-европейскихъ студій, а Гаспаръ Пейссъ въ *Grammatica celtica* (1853 г.), нарочито писавшій по-латыни, чтобъ легче могла она проникнуть въ кельтскія земли, гдѣ не знаютъ нѣмецкаго языка, — далъ родъ лингвистической энциклопедіи кельтизма, какой характеръ имѣеть особенно недавнее (1871) второе изданіе его, сдѣланное Эбелемъ. Въ то же время въ Ирландіи работали надъ кельтскимъ языкомъ А. Lottner, проф. санскрита въ Дублинѣ, Stokes; въ Шотландіи Peter и Rhye; въ Англіи Edwin Norris, авторъ изслѣдованія объ исчезнувшемъ языкѣ корническомъ (Корнуэльса). Въ Италіи кельтскою стариной занимался Нигра (*Reliquie celtiche*). Во Франціи цѣлый рядъ ученыхъ: De Saulcy, de la Saussaye, Anat. de Barthélemy, Hucher, Creuly, составители «*Dictionnaire archéologique de la Gaule*» работали кельтскія древности; другіе (Aurélien de Courson — «*Hist. des peuples bretons*», 1846) писали исторію кельтовъ, — или, какъ Мартенъ, давали кельтизму широкое мѣсто во французской исторіи, или какъ А. Мори, Просперъ Мериме популяризировали свѣдѣнія о кельтизмѣ въ «*Athéneum Français*», «*Encyclopédie moderne*», «*Revue germanique*» ²⁾ и т. д.; третьи, напр., кромѣ по-

¹⁾ *Ethnogenie Gauloise ou Mémoires critiques sur l'origine et la parenté des Cimmeriens, des Cimbres, des Ombres, des Belges, des Ligues et des anciens Celtes. I partie. Glossaire Gaulois. II p. Preuves physiologiques. Types gaulois et celtobretons. 1861. III partie. Preuves intellectuelles. Le génie gaulois. Caractère national, moeurs, institutions, druidisme, industrie. 1868.*

²⁾ А. Mory—*Druidisme. Encyclop. Mod. t. XIII. 95. Les études celtiques en Allemagne. Revue Germ. 1859. Octobre.*

Fr. Mérimé—*Des monuments dits celtiques et druidiques, Ath. Fr. 1852, № 11; Antiquités celtiques. Ibid. 1853, № 17.*

О важнѣйшихъ монументальныхъ памятникахъ старо-кельтскаго быта и культа, — могилкахъ, дольменахъ и т. п., полнѣе всего А. Bertrand—*Monuments primitifs de la Gaule, monuments dits celtiques, dolmens et tombeaux, distribution des dolmens sur la surface de la France, в Revue Archeologique 1863, t. IV, p. 217 и слѣд. Библиографія трудовъ антропологическихъ (Причарда, Брокъ, Prunner Rey и т. д.) см. у Lagneau—*les Celtes, extrait du Dict. des sciences medicales. P. 1878. Въ со- жалѣнію, самъ Даныо, привязавшись къ противному выводу лингвистике мнѣнію**

именованныхъ выше, d'Arbois de Loubainville и Gaidoz, изучали языкъ кельтскій, старую литературу и народную поэзію. Въ числѣ особенно добросовѣстныхъ ученыхъ выдается поэтъ Люзель, — который издалъ въ 1862 г. важнѣйшую бретонскую драматическую мистерію о святой Трифинѣ и королѣ Артурѣ (Sainte Truphine et le Roi Arthur, Mystère breton en deux journées et huit actes. Texte breton et traduction. Morlaix. Paris. Schulz et Thuillé). Эту мистерію играютъ и до сихъ поръ. Вслѣдъ за нею были изданы одни тексты, безъ перевода, другихъ мистерій: жизнь св. Елены (Buez santez Helena. 1862. Lannion), св. Женовефы, (Buez santez Genovefa, 1865, Buez Luis Eunius, 1871). Получивъ порученіе отъ министерства изслѣдовать бретонскую литературную старину, Люзель собралъ болѣе 40 мистерій для библиотеки національной въ Парижѣ, о коихъ далъ отчетъ въ *Archive des missions scientifiques et littéraires*, 2 série (1871), t. V. 101—205. Въ 1868 г. Люзель издалъ эпическія пѣсни Нижней Бретани (Gwerziou Breiz-Izel, — Chants populaires de la Basse Bretagne, recueillis et traduits p. F. M. Luzel. Lorient. Paris. Franck). Изданіе сдѣлано съ примѣрной точностью: пѣсни взяты прямо изъ народныхъ устъ, съ отмѣткой мѣста и лица, отъ коего записана пѣсня; при переводѣ помѣчено каждое слово, котораго не могъ понять собиратель. Это-то изданіе эпическихъ пѣсень (gwerziou) возбудило подозрѣніе въ подлинности пѣсень, изданныхъ М. де-Ла-Вильмарке, — остается желать, чтобъ Люзель поскорѣе издалъ и сборникъ лирическихъ пѣсень (soniou), какой у него уже готовъ былъ еще въ 1868 году, о которыхъ до сихъ поръ можно имѣть понятіе только по заподозрѣнному, а потому сдѣлавшемуся неудобнымъ къ пользованію, сборнику Вильмаркэ. Въ 1870 г. Люзель издалъ небольшой сборникъ бретонскихъ сказокъ съ переводомъ на французскій (Contes bretons. 1870) и, кромѣ того, помѣстилъ нѣсколько сказокъ въ «*Archive*

что собственно кельты, т. е. старіе жители средней Франціи, Бретани, Ирландіи, Уэльса, не принадлежатъ къ индо-европейскому племени и были аборигены, а что галлы, племя германское (къ которымъ онъ причисляетъ и каледонцевъ), нанесли въ ихъ языкъ словъ индо-европейскихъ, — перепуталъ и археологическія и антропологическія данныя о кельтахъ и ихъ потомкахъ. Желаніе распутать многія темноты въ кельтскомъ вопросѣ обнаруживаютъ письма Bertrand—Celtes, Gaulois et Franca, напечатанныя въ *Revue d'anthropologie* 1873, № 2. Бертрамъ считаетъ имя кельтовъ идиомомъ именемъ одного племени на югѣ Франціи, которому марсельскіе греки, и за ними греки вообще, дали родовое названіе, которое стало странствовать вмѣстѣ съ переселеніемъ военныхъ трибъ (а не народныхъ), поселившихся по западу и востоку. Галлы, галлаты и т. д. — это имя народа съ опредѣленнымъ мѣстомъ жительства на сѣверѣ Италіи, во Франціи и т. д.

des missions» и въ «Revue Celtique» съ примѣчаніями извѣстнаго знатока славяночуждой литературы, Кёлера, бібліотекаря въ Веймарѣ.

Въ 1871 г. Le Men издалъ «Le Catholicon de Jehan Lagaeue» (по изд. 1499 г. Lorient), представляющее родъ лексикона бретонско-латинско-французскаго, — одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ языка бретонскаго, — а англичанинъ Мэтью Арнольдъ — Очеркъ исторіи литературы кельтовъ (Essays of the litterature of the Celtes). Уже въ 1868 г. Моранъ, авторъ сочиненія «l'Armorique au V siècle» (1867), началъ сравнительное изслѣдованіе живыхъ нарѣчій кельтскихъ (Esquisse comparative des dialectes néo-celtiques. 1. Dialectes bretoniques), въ 1869 г. Hingaut издалъ Éléments de la Grammaire bretonne, а Troude — практическій словарь французско-бретонскій (Nouveau dictionnaire pratique français et breton du dialecte de Léon avec les acceptions divers dans les dialectes de Vannes, de Tréguier et de Cornouailles). Появленіе подобныхъ работъ показываетъ, что въ обществѣ пробуждается желаніе стать въ непосредственныя сношенія съ народомъ, понимать его, говорить его языкомъ и попробовать взять на него самого этимъ языкомъ, — показываетъ ясный переходъ стъ археологическаго изученія народности и языка и романтическаго переживанія звуковъ старой народной поэзіи, съ цѣлью возбудить въ высшихъ классахъ сочувствіе къ народности, — къ опытамъ непосредственнаго, практическаго вліянія на народъ.

Научное размышленіе надъ какии бы то ни было сюжетомъ имѣетъ свойство расширять умственный кругозоръ; а кромѣ того ученые бретонцы встрѣтились въ своихъ работахъ съ людьми разныхъ странъ, народовъ, религій и мнѣній вообще, — а потому ихъ католически-легитимистскіе идеалы должны были значительно поколебаться. Систематическое изложеніе стремленій бретонскихъ кельтофиловъ, требованій и надеждъ не уже, а пожалуй шире и смѣлѣе, чѣмъ тѣ, какія высказали въ своихъ стихахъ Бризе и Лювель, но безъ ихъ романтической вражды къ духу времени, хотя еще съ сильнымъ католическимъ характеромъ, мы видимъ въ книгѣ де-Голля: «Кельты въ XIX вѣкѣ» ¹⁾.

Де-Голль нашелъ уже, что дѣло поддержки кельтской народности во Франціи — есть дѣло поднятія и просвѣщенія сельскаго класса и возбужденія къ нему сочувствія въ классахъ го-

¹⁾ Les Celtes au dix-neuvième siècle. Appel aux représentants actuels de la race celtique, par Charles de Gaulle. Extrait de „la Revue de Bretagne et de Vendée“, 1864. Nantes. Paris, Aubry.

рожденъ, а не только дѣло сохраненія старины и народности для народности. «Стало общимъ мѣстомъ, — говоритъ онъ, — утверждать, что прогрессъ цивилизаціи, болѣе легкія сообщенія, распространеніе просвѣщенія должны уничтожить послѣдніе слѣды древнихъ языковъ и первобытныхъ нравовъ, которые могли сохраниться еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ провинціяхъ. Большинство одобряетъ этотъ предстоящій результатъ, нѣкоторые же горюютъ и готовы, напереворъ благоразумію, прогнать самыя необходимыя улучшения. Даже въ странахъ, для которыхъ этотъ вопросъ особенно интересенъ, между зажиточными классами, не имѣющими сношеній съ народомъ, весьма немногіе надѣются на успѣхъ сопротивленія; людей же, которые посвятили ему всѣ свои усилія, еще меньше. Народъ же исполненъ надежды. Попробуйте убѣдить крестьянина бретонскаго, что правнуки не будутъ говорить его языкомъ и не станутъ раздѣлять его понятій, — онъ покачаетъ головой, и всѣ ваши доводы разобьются о непоколебимую вѣру и національную гордость. Кто правъ: — горожанинъ, или селянинъ? — покажетъ будущее. Вспомнимъ только, что скептицизмъ бесплоденъ по своей природѣ, а вѣра двигаетъ горами, но не забудемъ, что такое могущество обѣщано только той вѣрѣ, которая умѣетъ дѣло дѣлать. Если смерть, которою намъ угрожаютъ, не желательна бы никому изъ друзей истины и свободы, то легко понять, что подобная перспектива не можетъ быть хладнокровно разсматриваема всѣми тѣми, въ странахъ кельтскихъ, кто сохранилъ искру патриотизма» (стр. 8—9).

Одна только ученая археологическая работа и воспѣваніе прошлаго не удовлетворяютъ де-Голля:

«Кельтское слово, прочитанное на поляхъ стараго манускрипта, имѣетъ большую цѣну въ моихъ глазахъ, но кельтское слово, возстановленное или сохранившееся въ нынѣшнихъ языкахъ, для меня дороже. Человѣкъ рожденъ для того, чтобъ дѣйствовать, а не только знать; пусть знаніе будетъ средствомъ, но не цѣлью; пусть изученіе прошлаго будетъ для насъ источникомъ серьезнаго вразумленія и плодотворныхъ уроковъ; позавидствуемъ у него прежде всего вдохновеніемъ къ дѣятельности, но будемъ остерегаться употребить на него всѣ наши силы, и не станемъ извурять себя бесполезными сожалѣніями, разсматривая это прошлое. Нужно умѣть отрывать наши взоры отъ славнаго прошлаго и отъ печальныхъ испытаній нашихъ отцовъ, съ тѣмъ, чтобы съ твердостью обращать ихъ въ будущее, которое всегда невѣдомо,

но участь котораго мы большею частью держимъ въ своихъ рукахъ» (стр. 10).

Кельтскій патриотъ задается вопросомъ, стоитъ ли кельтская народность, чтобъ быть сохраненною, — и старается по древнимъ авторамъ, по пѣснямъ и обычаямъ кельтовъ (разработаннымъ особенно въ сочиненіи Курсона: «Histoire des origines et des institutions des peuples de la Gaule armoricaine et de la Bretagne insulaire» Р. 1843) возстановить ихъ нравственныя черты и національныя учрежденія въ старыя времена: любовь къ свободѣ, малое развитіе рабства, стремленіе защитить бѣднаго, раздѣленіе властей, любовь къ поэзій, и въ то же время относительно высокій уровень матеріальной цивилизаціи старыхъ кельтовъ, рыцарскій духъ въ теченіи среднихъ вѣковъ, котораго ясныя черты сохранились въ пѣсняхъ горныхъ шотландцевъ (изданныхъ въ 1864 г. въ Эдинбургѣ, въ VIII томахъ, обществомъ Highland Society of Scotland), и ирландскихъ пѣсняхъ (изданныхъ миссъ Брукъ).

Де-Голль согласенъ даже съ де-Местромъ, что первые апостолы земель кельтскихъ нашли въ старой друидической религіи «извѣстный хорошій корень». Впрочемъ, онъ смѣется надъ попытками идеализировать и сочинять философію друидовъ, какъ это дѣлали Жанъ Рейнанъ и Морисъ Сандъ (послѣдній, въ романѣ «Callirhoé»). Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается де-Голль надъ любовью кельтовъ къ поэзій, сохранившейся и до сихъ поръ у крестьянъ и пастуховъ бретонскихъ, и указываетъ на то вліяніе, какое произвелъ въ Европѣ «Псевдо-Оссіанъ» Мафферсона, который, по признанію Ламартина (Premières méditations poétiques), открылъ ему новые горизонты, — и на то, что бретонецъ Шатобрианъ былъ тотъ, кто вырвалъ французскую литературу изъ рабскаго подражанія грекамъ и римлянамъ.

Характеристика кельтскаго духа и его остатковъ у бретонскихъ крестьянъ у де-Голля, конечно, отзывается идеализаціей, но многое вѣрно и засвидѣтельствовано примѣромъ многихъ странъ и тѣмъ общимъ фактомъ, что сельскіе классы, равно какъ и старина, не разъ были запасомъ, откуда городскіе классы почерпали тѣ впечатлѣнія, хотя и не совершеннаго, идеализма и поэзій, которыя такъ полезно противодѣйствуютъ буржуазной меркантильности и узкой разсудочности. Впрочемъ, де-Голль не забываетъ сказать, что для полнаго развитія того, что онъ считаетъ принадлежностью кельтизма, и что есть скорѣе особенность средневѣковой жизни и сельскихъ классовъ вообще, кельтамъ не

доставало всегда «воздуха, свѣта и свободы». Ихъ-то и считаетъ необходимымъ авторъ внести въ оставшіяся вельтамъ страны. Самымъ главнымъ дѣломъ для бретонца въ настоящее время де-Голь считаетъ образованіе на языкѣ вельтско-бретонскомъ. «Брестяне, — говоритъ онъ, — для удобства или даже для безопасности своихъ отношеній съ горожанами и иностранцами необходимо должны знать французскій языкъ, и нужно признать, что при настоящемъ ходѣ вещей учрежденіе французскихъ школъ сдѣлало не малую услугу. Къ несчастію, въ школахъ преподается одинъ французскій языкъ и притомъ исключительно французами, до такой степени, что ученикамъ запрещено произнести слово по-бретонски въ классѣ и даже разговаривать между собой на родномъ языкѣ во время рекреаций. Главная причина того, что бретонскій языкъ не можетъ стать первымъ орудіемъ образованія, заключается въ полномъ отсутствіи собственно бретонскихъ книгъ для преподаванія различныхъ отраслей знанія, исключая религиозныхъ. Бретонецъ въ настоящее время не можетъ приобрести самыхъ элементарныхъ знаній по ариметикѣ, исторіи, географіи и т. п., если онъ предварительно не выучился свободно читать и понимать французскія книги. Для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ развить свой умъ изученіемъ, французскій языкъ есть языкъ науки, а бретонскій — невѣжества. Какъ удивляться послѣ этого, что родители, лишь только они въ состояніи, спѣшатъ отправлять своихъ дѣтей въ городскія школы; а между тѣмъ дѣти обыкновенно выносятъ оттуда пренебреженіе къ ихъ родному языку и обычаямъ, въ которыхъ они воспитывались, а иногда приобретаютъ тамъ и презрѣніе къ тѣмъ самымъ родителямъ, которые, только благодаря самымъ тяжелымъ жертвованіямъ, доставили имъ возможность получить это неполное образованіе, которымъ они тщеславятся. Въ такомъ глубоко плачевномъ состояніи находятся дѣла, и помощь крайне необходима» (стр. 24—25).

Примѣромъ для Бретани можетъ служить Уэльсъ, гдѣ не только вельты, но и англичане, учителя школы, написали много учебниковъ по-вельтски, — даже для болѣе раціональнаго изученія самого государственнаго, англійскаго языка, какъ, на примѣръ, учебникъ Ллойда Филлипса (*Lhewiadur i'r iaith Seisonig; Dinbych, 1856* — начатки языка саксонскаго, т.-е. англійскаго). Въ предисловіи къ этому учебнику говорится: «авторъ видѣлъ, насколько школы въ княжествѣ нуждаются въ такомъ руководствѣ, особенно тамъ, гдѣ учителя англичане (а такихъ не мало) и гдѣ, слѣдовательно, дѣти должны учиться по-англійски, чтобы имѣть возмож-

ность получать какія бы то ни было познанія». Начало и основаніе народной бретонской литературы сдѣлали, по словамъ де-Голля, по инициативѣ Ле-Гонидека, де-ла Вилльмарке, Бризэ; нѣсколько духовныхъ и ученыхъ написали не мало стихотвореній, изъ которыхъ де-Голль хвалитъ особенно неизданныя стихотворенія доктора Guizonagn'a; аббатъ Дюранъ написалъ книгу о вѣрѣ (ag Feiz hag ag vro); епископъ Граверонъ основалъ періодическое религиозное изданіе («Vreugiez ag Feiz», бардъ и вѣра); Миленъ перевелъ «Подражаніе Христу»; стихи Вилльмарке и многихъ другихъ бретонскихъ писателей, напечатанныя на отдѣльныхъ лѣсткахъ, продаются въ тысячахъ экземпляровъ по праздникамъ, на ярмаркахъ, на богомольяхъ и т. п. Но этого, конечно, мало. Де-Голль желаетъ систематической работы надъ просвѣщеніемъ бретонскаго народа на его языкѣ, какъ въ интересахъ этого народа, такъ и въ виду постоянного возрастанія экономической и политической силы его, и въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и буржуазіи. «Если наступитъ какой-нибудь социальный кризисъ, — говоритъ бретонскій патріотъ, — кельтскій крестьянинъ протянетъ намъ руку, — руку, всегда готовую помочь тѣмъ, кого онъ любитъ и часто страшную тому, кто возбудитъ въ немъ недовѣріе и ненависть... Классы, выше стоящіе, приближенные съ наиболѣе многочисленной частью народонаселенія, встрѣтятъ тысячу мотивовъ, тысячу случаевъ, чтобы употребить честно и полезно свою дѣятельность. Устроивая дѣла своей провинціи, занимаясь лично обработкой своихъ полей, крупные владѣльцы достигнутъ результата одинаково полезнаго, какъ для нихъ самихъ, такъ и для низшихъ классовъ. Эти большія скопленія рабочихъ подъ одной кровлей, гдѣ ослабѣваютъ семейныя узы, истощается тѣло, гибнетъ душа, гдѣ создается ненависть эксплуатируемыхъ къ эксплуататорамъ, — самые эти заводы, вторые почти повсюду можно считать за общественную язву, — могли бы въ сильныхъ, разумныхъ и преданныхъ рукахъ стать могущественнымъ средствомъ къ возрожденію для сословій городскихъ и сельскихъ; они, быть можетъ, помогли бы формировать христіанскія свободныя ассоціаціи, которыя стали бы наслѣдницами національныхъ преданій и того стараго духа клановъ, коренящагося въ самой глубинѣ сердца нашего племени. Страсть къ бродяжничеству стала бы исключеніемъ; праздность, или еще худшее, не помрачала бы болѣе блестящія способности столькихъ наслѣдниковъ хорошаго имени, которые получили бы опять законное и прочное вліяніе въ солидарности интересовъ и довѣріе и благодарность за оказываемыя

услуги» (стр. 32). Де-Голль набрасывает цѣлую систему дѣйствій для поддержанія народности бретонско-кельтской и для распространенія въ Бретани образованія на народномъ языкѣ,—который, по его словамъ, и цѣль и вмѣстѣ средство,—ибо только черезъ народный языкъ можетъ «дѣйствительно проникнуть и распространиться повсюду въ народѣ образованіе,—и только посредствомъ его вліянія высшіе классы сблизятся съ крестьянами и будутъ, въ свою очередь, оказывать на нихъ полезное вліяніе».

Де-Голль жалуется, что правительство закрыло l'association bretonne,—наслѣдницу Académie celtique,—вѣроятно, опасаясь легитимистской агитаціи,—и на то, что въ государственной школѣ языкъ бретонскій не допускается, и совѣтуетъ бретонскимъ патриотамъ дѣйствовать средствами невинными и легальными, частными собраніями для разговоровъ, для музыки и пѣнія, трудами историческими и литературными, *чуждыми всякой политики*, дѣйствовать для достиженія своей цѣли. Особенно же рекомендуетъ де-Голль литературную дѣятельность для образованія народа, руководимую комитетомъ по крайней мѣрѣ изъ четырехъ представителей, изъ четырехъ епископствъ страны. Первые книги, такимъ образомъ публикованныя, должны быть азбуки по системѣ фонетической Ле-Гонидека въ такомъ родѣ, какъ Ле-Гоффикъ издалъ для діалекта Ланнионскаго. Второй родъ—книги религиозныя (*ouvrages de piété*), «особенно необходимыя вѣрнымъ и особенно любимыя ими». Въ этомъ отношеніи аббатъ Генри своими выдержками изъ св. писанія, трудъ Милена «Подражаніе Христу», и др. сдѣлали много,—но можно ли повѣрить,—говоритъ де-Голль,—что въ такой патриотической и благочестивой Бретани нѣтъ ни требниговъ (Pargoisien), ни катехизиса, ни «Житій Святыхъ», написанныхъ правильно или хоть сносно по-бретонски? Съ этой точки зрѣнія необходимо издать рукопись часослова (*Les Heures*) Монуара, недавно подаренный бібліотекѣ въ Брестѣ. Необходимо также сдѣлать изданіе «Житій Святыхъ» обѣихъ Бретавей и готовую уже апологію христіанства, аббата Кароса. Третій родъ должны составить школьныя книги, самыя элементарныя: ариметика, географія, св. исторія, исторія бриттовъ, исторія Франціи, грамматика французская, новое изданіе грамматики бретонской по Ле-Гонидеку, публикованное Пруданомъ, небольшія сочиненія о землѣ, пѣніи, ремеслахъ, гигиенѣ. Четвертый родъ книгъ долженъ представлять руководства болѣе обширныя, по всѣмъ исторіямъ,—исторіи религіи, исторіи народа кельтскаго, по математикѣ въ приложеніи къ обыденной жизни, къ мореходству, счетоводству и т. п., упражненія для рациональнаго изу-

ченія французскаго языка, начатки латинскаго языка, особенно въ примѣненіи къ службѣ церковной, англійская грамматика, грамматика уэльская и гаэльская, чтобы сдѣлать бретонцевъ въ состояніи читать сочиненія ихъ заморскихъ братьевъ.

Пятый родъ составитъ повѣя старая и новая, театръ, драмы, мистеріи. Шестой родъ—разныя сочиненія: по исторіи, путешествію, романы и т. д. Седьмой обнимаетъ переводы изъ разныхъ литературъ, преимущественно странъ кельтскихъ. Такъ какъ переводъ есть средство обогащенія и развитія языка, то объ этомъ предметѣ больше распространяется де-Голль, совѣтуя недостающія въ бретонскомъ языкѣ слова заимствовать изъ родственныхъ: уэльскаго и гаэльскаго, или производить отъ бретонскаго корня. Результаты такихъ опытовъ будутъ разсмотрѣны филологическимъ комитетомъ, который рѣшить, заслуживаетъ ли тотъ или другой терминъ быть внесеннымъ въ національный словарь.

Разъ, когда будетъ готова коллекція учебныхъ и научныхъ книгъ на бретонскомъ языкѣ, по плану де-Голля, слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы дать языку этому участіе въ официальномъ или, по крайней мѣрѣ, частномъ обученіи въ провинціи. Желательно, чтобы епископы образовали въ своихъ семинаріяхъ кафедры грамматики и проповѣди бретонской, но еще естественнѣе обратить вниманіе на бретонское ученіе матерямъ, «братьямъ науки христіанской», элементарнымъ учителямъ, управителямъ, капитанамъ судовъ, хозяевамъ и т. д.

Де-Голль желаетъ, дальше, устройства нормальной школы кельтской, мечтая, что она станетъ разсадникомъ «христіанскихъ друидовъ», и наконецъ высказываетъ еще болѣе смѣлое и трудно-осуществимое желаніе, чтобы образовался особый орденъ, или секція религіознаго ордена, которая посвятила бы себя дѣлу обученія кельтскаго народа, преимущественно посредствомъ національнаго языка. Желательны также общества музыкальныя, поэтическія, которыя устроивали бы публичныя собранія, отъ которыхъ нашъ авторъ ожидаетъ даже, со временемъ, развитія изъ бретонскихъ мистерій національной драмы, въ родѣ Эсхиловой и Софокловой.

Рядъ своихъ желаній бретонскій патриотъ заканчиваетъ желаніемъ установленія нравственнаго союза кельтскихъ племенъ, о которомъ говорили и старые памятники кельтскіе, предсказывая время, когда «кимры соединятся съ людьми изъ Дублина, съ ирландцами, съ жителями о-ва Мена, Бретани, Корнуальса и береговъ Клейда». Де-Голль говоритъ, что тѣ желанія, которыя онъ высказываетъ для кельтовъ бретонскихъ, онъ имѣетъ и

ди всѣхъ кельтовъ,—и живущихъ въ Соединенномъ королевствѣ. Тамъ даже удобнѣе выполнить нѣкоторыя изъ этихъ желаній, благодаря административной децентрализаціи и свободамъ ассоціацій. Можно сказать, что тамъ, въ Уэльсѣ, напр., какъ увидимъ ниже, нѣмня изъ желаній де-Голля уже исполнены давно,—тамъ существуетъ, напр., весьма богатая педагогическая литература. Но бретонскій патріотъ жалуется, что во Франціи трудно доставать изданія уэльскія и ирландскія, и желаетъ организаціи сношеній между кельтами англійскими и французскими посредствомъ съездовъ, на которые онъ приглашаетъ и всѣхъ друзей вельтизма, а также посредствомъ общаго литературнаго журнала. Де-Голль предлагаетъ издавать этотъ журналъ по-французски,—и такимъ образомъ дѣлаетъ неизбежное признаніе важности французскаго языка и для самого панкельтизма,—но вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ кельтскимъ патріотамъ разныхъ странъ цѣль, хоть и трудную для достиженія: образованіе общаго кельтскаго литературнаго языка. Прошлое кельтовъ, факты взаимной помощи ирландцевъ и бретонцевъ жителямъ Уэльса, постоянная симпатія между французами и шотландцами, говорятъ много въ пользу возможности солидарности и между теперешними кельтами, но нашъ авторъ усматриваетъ для нея и препятствія. Главное—религиозныя различія, тѣмъ болѣе, что, по словамъ де-Голля, «нѣтъ въ мірѣ интереса, который могъ бы быть равенъ религіи,—хотя и дурно служить ей тотъ, кто дѣлаетъ изъ нея поводъ къ спорамъ, способнымъ нарушать любовь, которую мы должны чувствовать другъ къ другу, во-первыхъ, какъ христіане, и потомъ, какъ кельты». Вотъ почему де-Голль не одобряетъ того, что «уэльскіе братья (протестанты) проповѣдуютъ бретонцамъ ересь на ихъ вѣрномъ языкѣ», хотя тутъ же выражаетъ убѣжденіе, что эти братья не обидятся, если бретонцы слишкомъ живо выскажутъ сожалѣнія при видѣ того, что уэльцы находятся внѣ католическаго единства», и самъ радуется успѣху католицизма въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. «Впрочемъ,—говоритъ онъ,—истинное правило католицизма было любить человѣчество и бороться въ то же время за свое ученіе; что же касается соплеменниковъ, то законъ любви къ ближнему и взаимной помощи долженъ побуждать ихъ къ еще болѣе тѣсной связи. Будемъ же надѣяться всѣ,—шотландцы, ирландцы, уэльцы и бретонцы, что въ день духовной борьбы, предписанной намъ нашей религіей, борьбы болѣе или менѣе просвѣщенной, но всегда искренней и человѣчной, мы встрѣтимся соединенные братской любовью и готовы вмѣстѣ бороться за святое дѣло патріотизма и свободы».

Желанія, высказанныя французскими кельтофилами черезъ де-Голля, исполняются медленно, но все-таки исполняются. Въ 1864 г. епископъ Кимпера и Леона основалъ еженедѣльный журналъ «Feiz ha Breiz» (Вѣра бретонца), по-бретонски, который, кромѣ религіи, долженъ былъ говорить о географіи, исторіи, земледѣліи, гигиенѣ, литературѣ, поэзіи, — обо всемъ, кромѣ политики. Въ 1868 г., въ С. Бриѣ состоялся международный кельтскій конгрессъ, на которомъ постановлены были начала солидарной дѣятельности кельтофиловъ въ разныхъ странахъ. Конгрессъ этотъ уже успѣлъ оказать полезное вліяніе на кельтскую науку. Между прочимъ, на этомъ конгрессѣ постановлено было издавать обще-кельтскій журналъ, который и сталъ выходить съ 1870 г. подъ редакцію Гедоза ¹⁾. Журналъ этотъ, преимущественно ученый, печатаетъ статьи и по-кельтски съ французскимъ переводомъ. Г. Гедозъ не только горячій кельтскій патріотъ и кельтистъ, но и человѣкъ обширной учености и независимаго образа мыслей. Журналъ его, показывающій въ редакціи знакомство съ наукою не только во Франціи, но въ Англіи, Германіи и даже въ славянскихъ земляхъ, — сразу заслужилъ уваженіе въ ученой публикѣ въ Европѣ. Характеръ «Revue Celtique», ученое значеніе обнародываемыхъ имъ памятниковъ, а также характеръ редактора и его отношенія къ другимъ учено-литературнымъ изданіямъ во Франціи, — «Revue des deux Mondes», «Revue de France», «Revue politique et littéraire», «Revue de linguistique», и къ политическимъ изданіямъ, какъ «La République Française», въ которыхъ онъ участвуетъ, были причиною, что вліятельные журналы во Франціи стали помѣщать статьи не только сочувственныя ученымъ работамъ кельтистовъ (западно-европейская публика настолько цивилизована, что такія работы всегда бывають одобрены, каковы бы ни были тенденціи ихъ), но и стремленіямъ кельтскаго возрожденія вообще.

Параллельно съ журналомъ, посвященнымъ наукамъ политическимъ, и изданія естественно-научныя открываютъ свои страницы для науки о кельтахъ. Такъ, въ недавнее время «Dictionnaire de la médecine» помѣстилъ объемистую статью Ланьо — «les Celtes», о которой мы упоминали, представляющую сводъ матеріала и библіографіи того, что было писано о кельтской расѣ въ фізіолого-антропологическомъ отношеніи. Новыя антропологи-

¹⁾ Revue Celtique, publiée avec le concours des principaux savants des îles Britanniques et du continent et dirigée par H. Gaidoz. Paris, Franck; London, Trübner.

ческія данныя сообщает и статья о кельтахъ въ «Revue de l'anthropologie» въ 1873 г.

Вообще, подъ вліяніемъ движенія, произведеннаго кельтофили, въ послѣднее десятилѣтіе и чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ больше, явилось много ученыхъ трудовъ для изученія жизни кельтскихъ народовъ въ прошломъ и настоящемъ времени: это владѣ кельтистовъ въ общечеловѣческую мысль, который останется цѣннымъ, каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы кельтофильства.

V.

Событія 1870—71 гг. и ихъ послѣдствія заставили и другіе элементы французскаго общества, кромѣ духовныхъ и ученыхъ, обратить вниманіе на кельтское движеніе и кельтскій языкъ. Статья Гедоза въ послѣдней книжкѣ «Revue des deux Mondes» за 1871 годъ даетъ обзоръ писаннаго по-бретонски для бретонскаго крестьянства со времени объявленія войны съ Германіей. Правительство Наполеона III почувствовало необходимость пустить на борьбу съ Германіей всѣ элементы и преданія, какія были во французскомъ населеніи. «Марсельеза» и «Нѣмецкій Рейвъ» Мюссе были переведены на бретонскій языкъ и напечатаны въ провинціальныхъ подначальныхъ листкахъ «Electeur du Finistère» и «Journal de Lannion». Тамъ же были напечатаны и оригинальныя, нарочито скомпонованныя пѣсенки «Молодой солдатъ» (аз Loudard Jaouk) и пѣсни ланнионскаго гардъ-мобиля. Первая, выражая грустныя чувства солдата, прощающагося съ родными, выражала и готовность его сражаться за отечество... на нѣмецкомъ Рейвъ. Во второй, расхорившійся поэтъ приглашалъ скромныхъ бретонцевъ погулять въ Берлинъ. Прогулка не состоялась, и мало того, нѣмцы дошли до самыхъ границъ Бретани. По мѣрѣ приближенія нѣмцевъ росло число стихотвореній, въ которыхъ бретонцы призывались на этотъ разъ съ большимъ основаніемъ встать за свою родину и, — прибавляли поэты для большаго возбужденія крестьянъ, — за вѣру, которой въ половину католическое (особенно отрядъ Танна) воинство нѣмецкое, предводимое благочестивымъ королемъ, конечно, не могло угрожать. «Злѣе люди, называемые пруссаками, идутъ притѣснять бретонцевъ, они хотятъ все сжечь, все разорить и покрасть до послѣдней коровы и возы бѣднаго человѣка! Вставайте, вставайте, впередъ бретонцы! защищать свою землю и вѣру!» — восклицали

патріотическіе поэты. Самый талантливый бретонскій поэтъ, Лезель, не остался нѣмъ при видѣ несчастій Бретани и Франціи. Когда молодежь бретонская собрана была въ лагерь Кули, онъ написалъ стихотвореніе «Наши братья на войнѣ». Онъ съ грустью смотритъ на опустѣніе сель, изъ которыхъ ушли всѣ способные въ оружію для защиты «вѣры и Бретани»; онъ приглашаетъ оставшихся, — или по крайней молодости, или по старости, — молиться, да дастъ Богъ побѣду ушедшимъ на борьбу съ врагомъ вѣры и Франціи, — но прибавляетъ выраженіе чувствъ, безспорно, достойныхъ благороднаго поэта, хотя можетъ быть и слишкомъ навныхъ въ наши дни «крови и желѣза»: «Когда я подумаю обо всемъ (что дѣлается), ужасъ и отвращеніе поражаютъ мой умъ и я говорю себѣ: люди на этомъ свѣтѣ хуже, чѣмъ скоты! Въ-сто того, чтобы убивать и ненавидѣть другъ друга, дѣлать зло и вредъ, почему бы не любить имъ взаимно? Развѣ не для этого и созданы люди? О, проклатіе войнѣ и всѣмъ тѣмъ, кто денно и ночью хочетъ играть роль смерти, какъ будто она сама слишкомъ лѣнива!»

Событія въ Парижѣ во время коммуны, борьба партій за господство во Франціи увеличили количество стиховъ, и особенно прозы, съ которою стали обращаться къ бретонскому крестьянству. Появились брошюры «О бѣдствіяхъ Парижа», «О томъ, что случилось въ Парижѣ во время господства красныхъ республиканцевъ», «Истинная исторія о жизни и храбрости великаго графа Макъ-Магона, герцога Маджентскаго, маршала Франціи» и т. п. Манифесты Генриха V появились и въ бретонскомъ переводѣ. Больше всего хлопотали около бретонскаго крестьянства легитимисты, указывая на «каплю крови, оставшуюся отъ племени Генриха IV», на «освободителя» — Генриха V. Бонапартистамъ и тутъ трудно показать лицо свое: только въ одной бретонской брошюрѣ Наполеонъ III представляется добрымъ монархомъ, котораго злые люди предали врагамъ. Судя по тому, что нацарапалъ безграмотно одинъ крестьянинъ въ Парижѣ на стѣнѣ, можно думать, что «Бадентѣ» проигралъ свое дѣло у бретонскаго простонародья. Крестьянинъ-мобиль написалъ по-своему: «Наполеонъ III, сынъ Люцифера, погубилъ всю Францію». Легитимисты въ своихъ брошюрахъ къ бретонскому крестьянству, приравливаясь къ этому отношенію къ Наполеону, называютъ его «Бадентѣ», «проклятымъ» и, по-своему, «франкъ-масономъ безсовѣстнымъ». Но они считаютъ гораздо болѣе опасными себѣ республиканцевъ, чѣмъ бонапартистовъ, а потому стараются больше о томъ, какъ бы опачкать республику, взваливъ на нее все, что

нагнала война и особенно коммуна. Одна брошюра говорить, что настоящимъ вождемъ парижскихъ коммунистовъ былъ, ни бога, ни менѣе, какъ самъ сатана. «Три раза, — говорить роялистскій авторъ, — была во Франціи республика: разъ при Робесперѣ; другой, при Ледрю Ролленѣ; третій, при Феликсѣ Пиа и К°. Довольно уже, и даже слишкомъ! Богъ да сохранить насъ отъ четвертой!» При видѣ ожесточенной борьбы партій во Франціи, Люзель опять настроилъ свою лиру на благородный, хотя не безъ примѣси наивности, тонъ. Въ новомъ стихотвореніи онъ сравниваетъ Францію съ больною, къ постели которой сошлись доктора. Медики спорять и о родѣ болѣзни, и о лекарствахъ, а между тѣмъ больная идетъ къ смерти. Наконецъ, сынъ больной прогоняетъ медиковъ и, бросаясь къ больной матери, ласками любви приводитъ ее къ жизни. «О, мои милые соотечественники, — заканчиваетъ Люзель: — вы только губите Францію; вѣрьте мнѣ, что для облегченія печали и болѣзни матери лучшее средство — любить ее. Будемъ же едины въ любви къ отечеству, и оно еще можетъ быть спасено!» Совѣтъ прекрасный, да жаль только, что партіи расходятся не только во имя своекорыстныхъ интересовъ, но и потому, что всякій любитъ по-своему свою родину: всѣ партіи — сыновья той же Франціи. Впрочемъ, самимъ идеямъ Люзеля соответствуетъ партія, которая рѣшилась не усложнять кризиса Франціи, а, признавъ существующую форму правленія, постараться о поднятіи образованія и поправленіи благосостоянія народа, т.-е. партія либерально-республиканская. Эта партія увидѣла, наконецъ, необходимость бороться съ империалистами и легитимистами въ средѣ, на которой опираются они, т.-е. въ крестьянствѣ. Въ Бретани и она взялась за народный языкъ, и надала къ выборамъ 2-го іюля 1871 г. изложеніе своихъ принциповъ на бретонскомъ языкѣ подъ названіемъ: «*Daou dad divar ar peaz*» (Къ сельскимъ людямъ) въ 12,000 экземплярахъ.

Многіе сотрудники «*Revue Celtique*», въ которомъ помѣщено упомянутое стихотвореніе Люзеля, и, по всему видно, редакторъ его принадлежатъ къ этой партіи. Обращеніе къ народу на языкѣ ему понятномъ подѣйствовало, — и 2 іюля въ департаментѣ Финистерре большинство получили умѣренные республиканцы, тогда какъ 8 февраля въ Бретани прошли преимущественно роялисты-ультрамонтаны. Послѣдніе были огорчены до глубины души появленіемъ и успѣхомъ республиканской программы на варѣчій, изъ котораго они сдѣлали себѣ было монополию и котораго только они были знатоками. На брошюру республиканцевъ появилось три возраженія, изъ которыхъ выдается осо-

бенно одно, гдѣ авторъ подписался анонимомъ «Земледѣлецъ», тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ духовный. Ободренные успѣхомъ и ставъ на практическую почву, патриоты бретонскіе либеральнаго направленія положили начало періодическому изданію на бретонскомъ языкѣ, напечатавъ альманахъ на 1872 г. для сельскихъ людей въ Бретани (*Almanac Breiz-Izel, Brest. 1872*). Тутъ, при біографіи Тьера, изложены политическія идеи о республикѣ французской; кромѣ того, есть статья объ Эльзасѣ и Лотарингіи, объ исторіи бретонскаго языка и практическая статья о приготовленіи масла, написанная членомъ національнаго собранія Ротрегу.

Надо сказать, что бретонскіе патриоты имѣютъ неподалеку край, который не только можетъ служить имъ примѣромъ, но источникомъ, откуда они могутъ черпать пособія для просвѣщенія своего народа. Мы разумѣемъ княжество Уэльское въ Англіи. Было сказано, что языкъ жителей Уэльса и Бретани принадлежитъ къ одной вѣтви кельтскаго языка. Рѣчь кельтовъ княжества Уэльскаго въ Англіи почти та же, что и въ Бретани, въ которую даже переселилось много газловъ изъ Уэльса послѣ саксонскаго завоеванія Англіи, — но далеко не одинакова была судьба обѣихъ вѣтвей бретонскаго племени въ исторіи. Княжество Уэльское, сохранивъ вмѣстѣ съ Ирландіей кельтскую народность и вмѣстѣ римско-христіанскую образованность послѣ вторженія Саксовъ, служило долго не только опорою кельтизма, источникомъ кельтскихъ преданій, героическаго эпоса, но и христіанства не только для Англіи, но и для Германіи. Въ XIV в. оно было наконецъ завоевано норманско-англійскими королями, хотя и присоединено на правахъ отдѣльной области, которая была уничтожена только въ половинѣ прошлаго вѣка (1746). Бретань же дольше оставалась независимою, входя по временамъ въ союзъ съ Франціей, съ которой была соединена окончателно въ силу брака Анны бретонской съ Людовикомъ XII уже въ XV в., съ добровольнаго согласія земскихъ чиновъ. Но въ Англіи государственно-административная централизація никогда не была развита, какъ во Франціи, а потому и кельтизмъ въ Уэльсѣ не пострадалъ такъ, какъ въ Бретани. Правда, онъ отодвинутъ сильно и низведенъ навѣки на степень провинціализма, но провинціализма, который въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, гдѣ онъ несомнѣнно можетъ быть полезенъ, имѣетъ почетное положеніе и можетъ выполнять свою скромную миссію безпрепятственно. Въ княжествѣ Уэльскомъ всего 1.200,000 жителей, изъ коихъ $\frac{1}{4}$ надо считать говорящихъ исключительно по-англійски, $\frac{1}{4}$ говорятъ на

обихъ языкахъ, — и только какія-нибудь 800,000 говорятъ исключительно или преимущественно по-кельтски. И между тѣмъ, несмотря на всемірное значеніе и могущество англійской литературы и цивилизаціи, эта горсть кельтовъ имѣетъ свою литературу, удовлетворяющую первыя потребности народа (которыми въ большинствѣ случаевъ масса и довольствуется), и тутъ кельты не только не похожи на тѣхъ своего рода паріевъ, въ положеніе которыхъ на материкѣ Европы, особенно въ предѣлахъ германо-славянскаго міра, ставятся народности малочисленныя, попавшія въ государства большія, — но и производить своего рода полезное водѣйствіе на болѣе многочисленную народность. Послѣ періода расцвѣта наивной народной литературы во время борьбы уэльскихъ кельтовъ съ англами и норманнами, литература этихъ кельтовъ или кимровъ, какъ они себя называютъ, стала клониться къ упадку. Но въ періодъ реформаціи прежнее горное прибжище католицизма стало убжищемъ крайнихъ протестантскихъ сектъ, духъ пропаганды которыхъ оживилъ употребленіе въ письмѣ кимрскаго языка. Пуритане, квакеры и всякаго рода диссентеры перевели на этотъ языкъ священное писаніе, написали не мало сочиненій духовно-моральнаго содержанія, духовныхъ пѣсенъ и т. п. Учено-археологическая работа надъ кельтскою народностью и языкомъ, а потомъ, конечно, и практическое ея примѣненіе, началась въ Уэльсѣ раньше и шла долго серьезнѣе, чѣмъ среди кельтовъ французскихъ. Такъ, уже въ XVI вѣкѣ Перри издалъ уэльскую грамматику. Въ 1753 г. Ричардсъ издалъ «*Antiquae linguae britannicae thesaurus*». Сюда же примыкаютъ словарные, грамматическіе и археологическіе труды гландцевъ въ XVII и XVIII вѣкѣ: O'Clery, Mallay. Съ конца XVIII в. въ Эдинбургѣ вышло много сочиненій о религіи кельто-друдической на о-вахъ Великобританскихъ Daviés'a, Chalmer'a и др. Въ 1793—1794 г. В. Оуэнъ издалъ словарь кельтскаго языка, а въ 1801—1807 сборникъ *The Myvyrian Archaeologie of Wales* (3 vols.), поставившіе дѣло изученія кельто-уэльской народности на твердо научную почву и обратившія на сторону Уэльса вниманіе всего ученаго міра въ Европѣ. Въ 1825 году Аристронгъ издалъ новый уэльскій словарь, въ слѣдующемъ году Ругъ издалъ этнографію Уэльса (*Cambria depicta*). Хотя въ горной Шотландіи и прекратилось употребленіе кельтскаго языка, но вниманіе къ нему, возбужденное Макферсономъ и В. Скоттомъ, привело къ появленію такихъ трудовъ, какъ *Etymological Dictionary of the scotish language* (Edinburgh, 1806—1824), и вліяло на труды сравнительной кельтской филологіи вообще (Bethan—The

Gael and Cymbry or an Inquiry into the origin and history of the Irish, Scots, etc. 1834). Возникновеніе въ Англіи сравнительно-индоевропейской филологіи еще болѣе усилило вниманіе къ столь древнему языку, какъ уэльско-кельтскій.

Причардъ ¹⁾ раньше материковыхъ ученыхъ (Диффенбаха — *Celtica*, 1839 — 46, Боппа — *Keltische Sprache*, 1839, Якова Гримма) и Пикте обратили вниманіе на важность кельтскаго языка въ ряду европейскихъ. Въ недавнее время Woodward издалъ исторію Уэльса, а Стефенсъ исторію его литературы ²⁾.

Романтизмъ въ настоящее столѣтіе и охота къ собранію народныхъ преданій въ средневѣковыхъ рукописяхъ и въ устахъ народа произвелъ и здѣсь обычныя свои послѣдствія. Народныя преданія и литература стали сначала предметомъ ученаго и дилеттантскаго вниманія, а потомъ народная рѣчь стала орудіемъ практическихъ и педагогическихъ цѣлей. Въ 1843 г. основанъ былъ первый кимрскій журналъ, и въ настоящее время небольшое племя это имѣетъ на своемъ языкѣ энциклопедію, много педагогическихъ книгъ, не мало изданій ученыхъ обществъ и ученыхъ сочиненія, какъ, напр.; исторія Уэльса (Hanes Kymru) Thomas Price Crickh owd'a, — содержитъ 10 еженедѣльныхъ журналовъ и 15 мѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ. Возрожденію кимризма способствовали и учрежденныя патриотами публичныя литературныя празднества, которыя въ Уэльсѣ такъ же привлекаютъ публику, какъ въ Англіи игры, а въ Германіи гимнастическія сборища. Въ этихъ празднествахъ (*Eisteddfodaw*) иногда принимаютъ участіе и кельты изъ Бретани, и для одного изъ нихъ написалъ стихотвореніе Ламартинъ въ 1838 г. ³⁾. Политическіе митинги ведутся на народномъ языкѣ. Любопытно, что первыя воскресныя школы были основаны для кимровъ въ Уэльсѣ и оттуда распространились по Англіи; первые же основатели библейскаго общества, распространившаго свою дѣятельность на всѣ языки свѣта, были кимры. Вліяніе товариществъ и образованія на народъ уэльскій таково, что Уэльсѣ — одна изъ провинцій, наименѣе имѣющихъ преступниковъ въ Англіи. По официальной статистикѣ за 1860 г., во всемъ сѣверѣ Уэльса за 15-ть лѣтъ былъ только одинъ случай приговора къ смертной казни, а въ

¹⁾ The Eastern origin of the Celtic Nations proved by a comparison of their Dialects with the Sanscrit, Grek, Latin and Teutonic Language. L. 1831.

²⁾ Hist. of Wales from the Earliest Time (1850). The litterature of the Cymry, being a critical Essay of the History of the language and litterature of Wales. 1869.

³⁾ Подробно описаны эти праздники Т. Мартеномъ въ *L'antiquité celtique*. 1870.

1860 г., при закрытіи ассизовъ въ Caermarthenshire, судья, лордъ Бремвель, заявилъ, что въ трехъ графствахъ южнаго Уэльса только одинъ природный вельтъ былъ осужденъ на три мѣсяца въ тюрьму. Таковы послѣдствія того духа «братства» и «ассоціаціи», который порождается здоровымъ направленіемъ національнымъ и провинціального патріотизма, которое, въ свою очередь, можетъ развиться только при такой свободѣ, какую даютъ каждому «братству» англійскія учрежденія. Слѣдуетъ сказать, что уэльскіе вельты не обнаруживаютъ сепаративныхъ политическихъ наклонностей, въ противоположность ирландцамъ, которые за то мало дорожатъ національнымъ языкомъ и произносятъ и пишутъ яры рѣчи противъ «англійской тиранніи» большею частью по-англійски. И если начавшееся въ Ирландіи, послѣ нѣкотораго улаженія церковнаго и аграрнаго вопросовъ, составлявшихъ наиболѣе насущные вопросы, новое движеніе къ федерализму (home-rule), въ которомъ теперь принимаютъ участіе и оранжисты, т.-е. крошечные англо-саксы, — должно отразиться и въ Уэльсѣ (какъ это почувствовалъ и самъ Гладстонъ, выразившійся въ 1872 г., что если дать Ирландіи home-rule, то его потребуешь и Уэльсѣ), — то это движеніе не имѣетъ никакихъ причинъ принять сколько-нибудь острый и даже исключительно національный характеръ. Оно если и возникнетъ, то можетъ повести развѣ къ какимъ-нибудь незначительнымъ исправленіямъ провинціальныхъ учрежденій, — ибо общинныя учрежденія въ Англійи даютъ достаточно свободы мѣстной инициативѣ, употребленіе національнаго языка въ духовной жизни достаточно обезпечено англійскою свободою, — чего же желать еще небольшому племени? Зачѣмъ крайній націонализмъ съ его неизбежными послѣдствіями, взаимнымъ озлобленіемъ, — если государственные люди съ такимъ вліяніемъ, какъ Гладстонъ, произносятъ такія рѣчи, какую произнесъ Гладстонъ 23-го августа 1873 г. въ Мольдѣ, въ южномъ Уэльсѣ? Гладстонъ сдѣлалъ обзоръ отношеній англійскаго правительства къ южному Уэльсу за нѣсколько столѣтій и напомнилъ, что «до послѣдняго времени оно старалось назначать на духовныя мѣста англо-саксовъ и всѣми средствами заставить населеніе забыть свой мѣстный языкъ. Тѣмъ не менѣе населеніе Уэльса показало безпримѣрную вѣрность своему нарѣчію»... «Исслѣдованія мои по исторіи южнаго Уэльса, — сказалъ Гладстонъ, — привели меня къ заключенію, что роковое заблужденіе политики — стараться вытѣснить языкъ, обычаи, преданія и привязанности народа физическими и нравственными притѣсненіями». Духъ землячества и братства не покидаетъ кимровъ и на чужбинѣ. Въ рабо-

чихъ округахъ Англии, гдѣ есть кимры, они составляютъ общины; въ Ливерпулѣ издается даже кимрская газета. То же и въ Австралиі, и въ Америкѣ, гдѣ даже, въ землѣ мормоновъ, издается, по-кимрски, журналъ «Udgorh Sion» («Труба Сионская»). Духъ землячества и желаніе сохранить въ неприкосновенности народность эмигрантовъ,—желаніе, по которому теперь нѣмцы стали избирать для поселеній штатъ Висконсинъ въ С. Америкѣ,—повель и у кимровъ въ тенденціозной эмиграціи въ страну, оставляемую до сихъ поръ въ сторонѣ европейскими колонистами, а именно въ сѣверную Патагонію, похожую по климату на горные округа Уэльса и Шотландіи. Въ 1865 г. образовался, съ этой цѣлью, комитетъ вспоможенія кимрской эмиграціи въ Ливерпулѣ, трудами котораго была основана колонія Bro-Wen (хорошая земля), принятая подъ покровительство аргентинской республики подъ именемъ Colonia de Gualenses. Въ такого рода предпріятіяхъ есть много наивности, вызывающей невольную улыбку. Но вспомнимъ о томъ, какія бѣды моральныя и экономическія претерпѣваетъ человѣкъ, когда перестаетъ быть «животнымъ общественнымъ»,—а въ нынѣшнихъ огромныхъ государствахъ и городахъ человѣкъ, по неимѣнію организаціи братствъ, очень часто безпомощнѣе, чѣмъ въ пустынѣ, гдѣ ему никто не помогаетъ, но за то никто его и не эксплуатируетъ. Вспомнивъ объ этомъ, воздержимся отъ слишкомъ насмѣшливой улыбки надъ духомъ землячества въ своей родинѣ и на чужбинѣ, надъ такими затѣями, какъ направленіе колонизаціи извѣстнаго племени въ одно мѣсто. Любовь къ своему языку, землѣ, землякамъ и образуетъ связь между людьми, которая мѣшаетъ индивидууму изнеможить въ борьбѣ съ природою и неблагоприятными общественными условіями,—и если она не сопровождается никакой исключительностью и не угрожаетъ никакому другому человеческому интересу, то она остается симпатическою, какъ бы наивно она ни проявлялась ¹⁾.

Кимрско-уэльское вельтофильство не чуждо, конечно, духа своего рода панкельтизма. Ученые и литераторы Уэльса близки съ такими же и въ Бретани; мы видѣли, что въ изданіи «Revue

¹⁾ Вотъ какими словами оканчиваетъ Бризѣ біографію Ле-Гонидека: Une doctrine un peu large devrait aimer, en regard même du génie de la France, cette variété du génie breton: pour tenir à tous les sentiments généraux, ne brisons pas les sentiments particuliers où l'homme a le mieux la conscience de lui-même. L'idiome natal est un lien puissant: soyons donc fidèles à notre langue natal, si harmonieuse et si forte au milieu des landes, loins du pays si douce à entendre (II. 412).

Celtique» принимаютъ участіе и жители Великобританіи. Уэльскіе протестанты имѣютъ двѣ миссіи въ Бретани. Но до сихъ поръ это взаимодѣйствіе между патріотами Уэльса и Бретани имѣло мало послѣдствій внѣ ученыхъ предметовъ. Католическое же духовенство ревностно оберегало бретонское крестьянство отъ умско-протестантскихъ миссій. Самъ де-Голль упрекаетъ уэльскихъ братьевъ въ томъ, что они стараются распространять ересь на благочестивомъ языкѣ Бретани. Но теперь, когда не одни клерикалы берутся за кельтскій языкъ, чтобы говорить съ бретонскимъ крестьянствомъ, для вліянія Уэльса на Бретань открывается болѣе обширное пространство. Уэльская литература представляетъ запасъ книгъ для элементарнаго обученія, для разумно-нравственнаго и эстетическаго чтенія, которыя, съ самыми незначительными принаровленіями могутъ быть перенесены въ Бретань. Бретонскіе патріоты сознали теперь, что они не должны ограничиваться одними научными работами и перепѣвомъ народныхъ поэтическихъ мотивовъ, а должны обратить вниманіе на образованіе народа, скорѣйшимъ путемъ въ которому будетъ употребленіе народнаго языка въ элементарномъ образованіи. Статья Гедоза въ важнѣйшемъ французскомъ журналѣ, изъ которой мы заимствовали свѣдѣнія о бретонской литературѣ во время войны и послѣ нея, свидѣтельствуетъ о такомъ сознаніи. Статья эта оканчивается весьма замѣчательными словами, въ которыхъ вопросъ о народномъ образованіи, на народномъ же языкѣ, затронутъ весьма глубоко въ связи съ вопросомъ о политическомъ значеніи крестьянства. Вотъ заключительныя слова бретонскаго ученаго: «Бретонское населеніе, ставши французскимъ, по узамъ расположенія душевнаго въ Франціи, какъ и по политическимъ, имѣетъ право подѣлаться правленіемъ, основаннымъ на поголовной подачѣ голосовъ, на свою долю образованія. Но въ Бретани средній классъ, отъ котораго должна бы идти инициатива, не знаетъ или чаще, что еще хуже, презираетъ бретонскій языкъ и стыдится употреблять его иначе, какъ чтобы сказать слово горничной или работнику на фермѣ. Съ другой стороны, достаточное количество людей во имя французскаго единства сопротивляется употребленію провинціальныхъ языковъ, какъ орудій образованія; они хотѣли бы навязать всѣмъ одинъ уровень языка французскаго, какъ будто населеніе можетъ оставить сразу языкъ домашній. Въ ожиданіи, пока все населеніе во Франціи будетъ знать французскій языкъ (а это время еще пока далеко), населеніе это, которое становилось бы образованнымъ, еслибы къ нему обращались на его языкъ, прозябаетъ въ невѣжествѣ. Кто

виновать, если не доктринеры централизаціи, которые хотятъ выгладить Францію по своей фантазіи, не обращая вниманія на дѣйствительное положеніе вещей, не заботясь о законныхъ преданіяхъ нашихъ провинцій? Нѣкоторыхъ демократовъ резонно упрекаютъ въ томъ, что они говорятъ народу только объ его правахъ, никогда не упоминая объ обязанностяхъ; съ равною справедливостію можно обратитъ тотъ же упрекъ защитникамъ преобладанія буржуазіи въ завѣдываніи общественными дѣлами. Средній классъ хочетъ сохранить за собою управленіе странкою, нравственное и политическое. Но онъ долженъ заслужить это, составивъ въ народѣ классъ наиболѣе образованный, наиболѣе дѣятельный, *наиболѣе преданный общему дѣлу*. Пусть же онъ примется за народное образованіе въ деревняхъ, какъ и въ городахъ! Это будетъ не только мѣрою благоразумія въ виду поднимающейся волны народной, — это будетъ также и дѣломъ справедливости, исполненіемъ обязанности, которая падаетъ въ семьѣ сиротъ на старшаго. Если либеральное управленіе можетъ установиться окончателно во Франціи, то только твердо опираясь на крестьянъ, при условіи, что они будутъ образованы и будутъ интересоваться общественными дѣлами. Ихъ можно заинтересовать въ этихъ дѣлахъ, не только работая надъ ихъ политическимъ воспитаніемъ въ управленіи дѣлами общинными и департаментскими, но также предпринявъ ихъ образованіе на языкѣ, который они понимаютъ. Во времена непрочности всего и неизвѣстности, въ которыя мы живемъ, это — одна изъ настоятельнѣйшихъ обязанностей либеральной партіи въ провинціи».

VI.

Провансальское литературное движеніе шло похожимъ на бретонское путемъ, хотя въ отношеніи провансализма къ французской литературной централизаціи есть и свои отличія. Гальско-бретонская народность и языкъ относятся къ французско-романской, какъ малое, но совершенно самостоятельное дерево къ большому, но совершенно отличному. Что бретонецъ безъ нарочитаго и долгаго ученія не понимаетъ по французски, такъ точно, какъ французъ не понимаетъ по-нѣмецки или по-русски, въ этомъ никто сомнѣваться не можетъ. Вопросъ могъ и можетъ быть только въ томъ, въ какой мѣрѣ стобитъ беречь остатки языка, столь отличнаго отъ французскаго, въ какой мѣрѣ необходимо прибѣгать къ нему при литературномъ и учебномъ вос-

италии народа, — но самый фактъ отличія бретонца отъ француза не подлежитъ никакимъ сомнѣнiямъ. Притомъ же, бретонская народность занимаетъ небольшой уголокъ на краю французскаго государства. Съ провансалами нѣсколько иначе. Провансалы насчитываютъ своего племени въ Европѣ до 15-ти миллионъ; по самому крайнему счету, во Франціи ихъ не менѣе 10-ти миллионъ, къ югу отъ линіи, которую мы получимъ, если проведемъ черту отъ устья Жиронды черезъ Пюи-де-Домъ въ Гренобль, — черта, которая отдѣляетъ $\frac{2}{3}$ территоріи Франціи. Кромѣ Франціи, провансальскую рѣчь говорятъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ округахъ Италіи и въ довольно обширной области Испаніи, до Эбро, и по сѣверному берегу Бискайскаго залива, почти до сѣверныхъ границъ Португаліи. Если кельтская словесность была на другія европейскія посредствомъ ассимиляціи кельтовъ съ другими народами, то провансальская поэзія была одно время преобладающею въ Европѣ; провансальскій языкъ былъ поэтическимъ языкомъ во всей западной Европѣ: Ричардъ англійскій, Фредрихъ II Гогенштауфенъ сочиняли пѣсни на этомъ языкѣ; въ самой Италіи провансальскій языкъ употреблялся въ литературѣ раньше итальянскаго, въ Ломбардіи, какъ и въ Сициліи. Послуживъ возбудителемъ другихъ новыхъ языковъ, провансальскій, наконецъ, вошелъ въ ограниченныя предѣлы провансальской или южно-французской народности, а неблагоприятный для нѣа Франціи исходъ альбигойскихъ войнъ поразилъ развитіе южно-французской образованности и литературы. Все болѣе усиливавшаяся съ тѣхъ поръ политическая централизація Франціи около сѣвернаго центра, Парижа, постепенно все болѣе отодвигала въ тѣнь *langue d'oc* и выдвигала *langue d'oïl*. Эпоха религиозно-политическихъ волненій XVI и XVII в., послѣднія усилія различныхъ элементовъ автономіи въ старой Франціи, то общинныхъ, то аристократическихъ, противъ абсолютизма и централизаціи, сопровождалась было усиленіемъ блеска и провансальской литературы; библіофилы и историки литературы насчитываютъ въ это время до 471 печатныхъ изданій на южныхъ народныхъ нарѣчiяхъ ¹⁾ а по библіотекамъ на югѣ Франціи есть еще, во показаніямъ свѣдущихъ людей, не мало пропущенныхъ библіографами изданій. Но бурный періодъ XVI—XVII в. закончился торжествомъ централизаціи во Франціи, одинъ изъ организаторовъ которой основалъ и очагъ литературной централизаціи,

¹⁾ Noulet, Essai sur l'histoire littéraire des patois du midi de la France aux XVI et XVII ss. Paris. 1859.

французскую академію. Еще у Рабле и даже у Монтэня видны сильныя слѣды провансальскаго элемента, но со временъ академіи французскій литературный языкъ оторвался даже и отъ сѣверно-французской народной рѣчи, не говоря уже о южной, ибо только въ новое время филологія выставила научнымъ образомъ принципъ, высказанный мимоходомъ Пушкинымъ, который совѣтовалъ учиться языку у торговцевъ, а не у академикомъ. Хотя еще въ прошломъ столѣтіи даже высшіе классы на югѣ Франціи не были сильны въ языкѣ Корнеля и Вольтера, но письменное употребленіе южно-французскаго языка свелось въ прошломъ вѣкѣ почти къ нулю,—и этотъ первый изъ ново-европейскихъ языкомъ, который сталъ литературнымъ, сталъ почти исключительно деревенскимъ, а наконецъ мужицкимъ.

Ученое вниманіе къ среднимъ вѣкамъ, проявившееся во Франціи уже въ первой четверти XIX в., открыло образованному міру богатую поэтическую и прозаическую литературу на южно-французскомъ языкѣ ¹⁾. Извѣстный трудъ Форіэля объ исторіи провансальской поэзіи (3 vol., 1847) возобновилъ славу ея во всей Европѣ, а открытая имъ поэма о крестовомъ походѣ противъ альбигойцевъ причислена литературной критикой къ числу наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ эпическаго творчества ²⁾.

Ученый приговоръ склоняется къ тому, чтобъ по лексическому составу и особенно по формамъ и фонетикѣ признать провансальскій языкъ такимъ же самостоятельнымъ, какъ и итальянскій, испанскій и французскій. Ученыя работы надъ старой провансальской литературой и языкомъ, изданіе памятниковъ поэзіи, живущей и теперь въ устахъ народа на югѣ Франціи, произвели и здѣсь попытки продолженія литературнаго творчества на языкѣ, который уже былъ запечатлѣнъ презрительнымъ въ устахъ образованнаго француза названіемъ *patois*, — расчищая дорогу наивному творчеству людей изъ простонародья. Уже въ 1825 г. сталъ пробовать свои силы въ сочиненіи пьесъ на народномъ языкѣ Гаскони, куафферъ въ Агенѣ, Янсемиъ (Jansemin, по фран. Jamin), которыя онъ и издалъ подъ названіемъ *Papillotos*. Поэтъ-куафферъ умеръ въ 1864 г., дождавшись признанія своего таланта и въ центрѣ Франціи. Критики Сентъ-Бѣвъ и Вильменъ оцѣнили его, и по предложенію послѣдняго академія, въ 1852 г., присудила Янсемину большую премію и выбила ме-

¹⁾ Кромѣ французскихъ изданій Ренуара, нѣмецкое—*Mana. Gedichte der Troubadours in provenzalischen Sprache treu nach den Handschriften. IV B. и др.*

²⁾ Недавно поэма эта издана наново съ французскимъ переводомъ. Guibal. *La Croisade contre les Albigeois.*

да въ честь его, какъ «поэта нравственнаго и народнаго» (poète moral et populaire). Полное собраніе его пѣсень вышло въ 1860 г. (съ портретомъ и французскимъ переводомъ) у Didot въ 20,000 экземпляровъ. Ближайшимъ къ Ясминнову діалектомъ, севенскимъ, сталъ писать маркизъ de la Fage-Alais (2 изд. 1851 г.), потомъ Альбертъ Арнавиель (съ франц. переводомъ, 1868). Но самыя замѣчательныя изъ провансальскихъ поэтовъ, живущіе и до сихъ поръ, это — Руманилья, Обанель (Aubanel) и Мистраль. Руманилья, — сынъ садовника въ San-Roumié (по французск. S.-Remy), недалеко отъ Авиньона, — былъ возбужденъ къ поэтическому творчеству на народномъ языкѣ страстнымъ любителемъ и собирателемъ народной поэзіи Esperit Requien'омъ. «Сначала, — говоритъ самъ Руманилья, — я пѣлъ, самъ не зная, что изъ этого выйдетъ». Руманилья былъ сельскимъ учителемъ, потомъ типографщикомъ, а теперь онъ книгопродавецъ въ Авиньонѣ, поставившій себѣ цѣлью организацію литературныхъ силъ провансализма. Въ 1848 г. Руманилья сталъ писать стихи противъ революціоннаго движенія. Въ 1852 г. онъ издалъ сборникъ сочиненій на провансальскомъ языкѣ, Li Provençalo, съ участіемъ многихъ лицъ и съ предисловіемъ вѣдѣстнаго писателя С.-Рене-Тальяндые, который тогда былъ профессоромъ въ Монпелье.

Тутъ помѣщено было и наиболѣе популярное его стихотвореніе Li Crècho (Ясли), въ которомъ, въ наивной формѣ словъ ангела, сторожившаго нѣкогда сонъ Христа въ ясляхъ и желающаго посвятить себя служенію дѣтямъ, — высказаны чувства любви и гуманности къ дѣтямъ, по поводу основанія дѣтскаго приюта въ Авиньонѣ въ 1851 г. Въ 1864 г. вышло уже третье изданіе стихотвореній теперь довольно пожилого, но бодрата поэта (his oubreto en vers. Avignon) и второе прозаическихъ сочиненій (his oubreto en prose). Появившаяся въ альманахѣ провансальскомъ, въ 1868 г., его повѣсть «Врачъ въ Кукуньянѣ» издана и по-французски въ Bibliothèque choisie (vol. 924, Naumburg. 1868).

Обанель, тоже книгопродавецъ въ Авиньонѣ, принимаетъ участіе въ сборникахъ, издаваемыхъ Руманильей. Въ 1860 г. Руманилья издалъ полное собраніе его стихотвореній, съ предисловіемъ талантливейшаго и дальше всѣхъ идущаго въ своихъ замыслахъ поэта провансальскаго, Мистрала. Мистраль, младшій въ провансальской плеядѣ, родился въ 1830 г., недалеко отъ S.-Roumié, въ помѣщичьей семьѣ. Мать его, старосвѣтская женщина, говоритъ только по-провансальски. Въ дѣтствѣ онъ учился въ школѣ, гдѣ былъ учителемъ Руманилья, потомъ получилъ степень бакалавра по литературному отдѣленію въ Монпелье и

лиценціата правъ въ Э (Aix). Въ 1859 г. онъ издалъ поэмъ *Mirèio*, которая привела въ восторгъ Ламартина и въ 1861 г. получила медаль отъ академіи, какъ нравственная книга. Она два раза была переведена на англійскій языкъ. Литературный отчетъ Готье называетъ Мистралья «un grand poète». Въ 1868 г. вышло уже пятое изданіе этой поэмъ съ французскимъ переводомъ, у Шарпантье. Въ этой поэмѣ въ канву любовной исторіи Виценца, сына корзинщика, къ Мирейо, дочери зажиточнаго крестьянина, вплетены описанія природы и нравовъ Прованса, мѣстныхъ легенды и преданія религиозныя и историческія. Поэма пронизана религиозностью и вмѣстѣ сочувствіемъ къ крестьянской жизни: «мы поемъ только для васъ, пастухи и сельскіе люди!» говоритъ поэтъ. Въ 1867 г. Мистраль выдалъ новую поэмъ *Calendau* (Avignon, Roumanille, съ портретомъ автора и переводомъ на франц.). Здѣсь также въ исторію, какъ рыбакъ спасъ отъ разбойниковъ принцессу, вплетены преданія и воспоминанія изъ исторіи Прованса. Самая принцесса — олицетвореніе Прованса. Поэтъ напоминаетъ прежнее величіе и процвѣтаніе Прованса, разрушенное походомъ людей сѣверныхъ въ знаменитый крестовый походъ Симона Монфора, и, хотя въ предисловіи вспоминаетъ имя Мирабо, однако, страннымъ образомъ, обходитъ религиозную борьбу эпохи похода сѣверныхъ людей, разбойниковъ, поработившихъ принцессу — Провансъ. А между тѣмъ главнымъ побужденіемъ къ свирѣпству «людей сѣвера» была не столько племенная зависть, сколько ненависть къ южанамъ, какъ еретикамъ; племенные антипатіи, очевидно, только «пришлись встать». Въ примѣчаніяхъ къ своей поэмѣ Мистраль высказываетъ идеи болѣе или менѣе автономическаго характера, и требуетъ организаціи народнаго образованія на провансальскомъ языкѣ. Рѣзкія выраженія Мистралья противъ людей сѣвера, хотя и въ прошломъ, его требованія, вызвали укору въ сепаратизмъ, особенно у Гарсена, который хотя самъ провансаль и принадлежалъ къ кружку Руманильи, но осудилъ довольно рѣзко идеи Мистралья въ брошюрѣ «*Les Français du Nord et du Midi*» (1868) и въ статьѣ «*La croisade du Provençal contre le Français*» (въ «*Revue Moderne*», 1869). «Мистралевы теоріи, — жалуется Гарсень, — нравятся многимъ: онѣ даютъ надежду легитимистамъ, потому что защищаютъ старое провинціальное устройство; съ другой стороны, он нравятся и республиканцамъ, потому что кажутся стремящимися къ федеративному строю. Вотъ почему его система пускаетъ корни въ Провансъ, въ Каталоніи и даже въ парижскихъ кругахъ; ея мысли становятся легиономъ. Потому-то, — говоритъ Гарсень, — м

и должны выступить противъ нихъ». «Парижъ, — говоритъ Гарсенъ, — есть духовный очагъ націи», и Гарсенъ радъ этой духовной централизаціи, хотя административную считаетъ деспотизмомъ. Возрожденіе провансализма, далѣе дилеттантскихъ стихотвореній упражненій, Гарсенъ считаетъ и лишнимъ, и вреднымъ: лишнимъ, потому что нѣтъ никакой провансальской націи; вреднымъ, потому что (Гарсенъ ссылается и на Реклю) провансальскій языкъ неспособенъ къ рефлексіи, благороднѣйшему свойству нашего духа. Впрочемъ, Гарсенъ не желаетъ и похода съ вера противъ юга, какъ насилія надъ умами, — да и вообще его рѣзкая статья не имѣла «дальнѣйшихъ послѣдствій». Мистраль былъ даже «украшенъ» ленточкою почетнаго легіона, и официальнѣйшій отчетъ Готье, Сасси и Тьерри, называетъ его великимъ поэтомъ, а о языкѣ провансальскомъ говоритъ, что «языкъ этотъ, не помѣщающійся во французскомъ, какъ въ langue d'oïl, остается вѣрнымъ своему старому происхожденію». Подвигаемое талантливыми поэтами и одобряемое корифеями французской критики и литературы, провансальское литературное движеніе, чѣмъ дальше, все больше организуетъ свои силы и вошло въ близкую связь съ возникшимъ въ послѣднее время децентрализационнымъ движеніемъ во Франціи. Въ 1854 г. Руманиля съ своимъ кружкомъ образовалъ «общество фелибровъ», т. е. провансальскихъ литературныхъ братьевъ. Утвержденный правительствомъ въ 1862 году уставъ этого братства поставляетъ цѣлью его «сохранить всему югу Франціи его языкъ, нравы, національную честь и мѣсто въ области умственной и художественной». Главою общества избранъ Мистраль. Органомъ его служитъ «Провансальскій Альманахъ» (Almanach Provençal), выходящій съ 1855 г. у Руманиля въ Авиньонѣ. Изъ парижскихъ изданій особенно благоклонностію къ провансализму отличаются «Revue des deux Mondes», помѣщавшая не разъ разборы провансальскихъ художественныхъ произведеній (1859, 15 oct.; 1867, 1 Avril), Bibliothèque de l'école des chartes (см. особенно 1869, t. V, статья Поля Мейера). Въ послѣднее время на югѣ Франціи появились учено-литературные и политическіе органы, которые выражаютъ и идеи провансализма. Таковы «Revue des langues romanes» въ Монпелье и «Revue de la décentralisation», издаваемая проф. въ Тулузѣ Gatiien Arnoult, «Minerve de Toulouse», «Messager du Midi» и др. Долгие ультрамонтаны постѣшили приложить свою руку къ признанію провансализма. Въ извѣстныхъ явленіяхъ Божіей Матери пастухамъ въ 1846 г. и дѣвушкѣ въ 1858 г., Мадонна говорила по-провансальски, — что подало впрочемъ поводъ одному

депутату - смѣшнику сомнѣваться въ чудѣ, ибо, по его словамъ, святые не говорятъ на патуа, — а поэтъ Альбертъ Арнавиель, по предложенію изъ Рима, перевелъ буллу о непорочномъ зачатіи Богоматери на провансальскій языкъ. «Странный поворотъ исторіи, — говоритъ по этому поводу «Revue des langues romanes», — папство, которое при Инновентіи III столько помогло упадку *langue d'oc*, въ настоящее время есть единственная власть, которая приняла официально этотъ языкъ въ число другихъ языковъ, употребляемыхъ на землѣ». Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить о клерикализмѣ провансальскомъ, что, — какъ въ южной Германіи, гдѣ епископа майнцаго Кетелера подозреваютъ въ социализмъ, гдѣ въ рядахъ клерикаловъ стоятъ демократы, какъ Іоргъ, — южно-французскій клерикализмъ часто уживается съ республиканизмомъ, а роялизмъ съ демократизмомъ. Притомъ же, несмотря на клерикализмъ фелибровъ, трудно стереть изъ провансальской исторіи альбигойство и вальденство, а изъ старой провансальской литературы энергическій протестъ противъ деспотизма и разврата Рима, протестъ, какимъ отличаются особенно сочиненія одного изъ славнѣйшихъ трубадуровъ—Гилльома Фигвейры.

Весьма любопытны отношенія провансализма французскаго къ литературно-общественному движенію въ Каталоніи. Языкъ народа въ Каталоніи есть нарѣчіе *langue d'oc*. Въ средніе вѣка югъ Франціи и сѣверъ Испаніи не разъ соединялись и политически подъ властію то аквитанскихъ, то провансальскихъ герцоговъ. Исторія и филологія открыли каталонцамъ и провансаламъ эту взаимную близость; все усиливающіяся торговныя сношенія сѣвера Испаніи съ Бордо, Марселью, Тулузою произвели сближеніе экономическихъ интересовъ, а возникшее и въ Каталоніи, какъ и вездѣ въ Европѣ, стремленіе къ децентрализаціи и къ литературному творчеству на народномъ языкѣ привело естественно къ мысли о соединеніи силъ каталонскихъ патриотовъ и южно-французскихъ. Подражая старымъ трубадурамъ, новыя фелибры установили публичныя литературно-поэтическія празднества. Эти празднества стали посѣщаться и каталонцами, которые присылали свои произведенія и въ прованскіе сборники. Съ 1868 года положено было производить поочередныя празднества, разъ въ Барселонѣ, въ Каталоніи, другой разъ въ Провансѣ. Въ 1871 году на поэтическій конкурсъ въ Барселонѣ было представлено 213 произведеній. Особенно торжественны были первые праздники въ Барселонѣ и С. Румьё въ 1868 г. ¹⁾ Въ С. Румьё

¹⁾ См. Tourtoulon, Renaissance de la littérature catalane et de la littérature provençale. Les fêtes littéraires internationales de 1868. Toulouse. 1868.

Мистраль провозгласилъ девизъ соединенныхъ фелибровъ: «Каталонія — наша сестра, Испанія — наша подруга, Франція — наша мать!» Наполеонъ III на всякій случай послалъ для этого праздника золотую медаль.

Связь провансальскихъ фелибровъ съ каталонцами имѣетъ въ себѣ зародышъ немаловажныхъ нравственныхъ и политическихъ послѣдствій. Дѣло въ томъ, что стремленіе къ децентрализаціи въ Испаніи сильнѣе, чѣмъ во Франціи, и притомъ автономизмъ испанскій значительно отличается отъ французскаго. Во Франціи централизаціонныя стремленія опираются не только на традиціи королевства, но едва ли не болѣе на яacobинскія воспоминанія и идеи. Оттого во Франціи партія автономистовъ считаетъ гораздо болѣе своихъ приверженцевъ въ рядахъ роялистской аристократіи, чѣмъ въ демократическихъ партіяхъ, изъ которыхъ только немногія лица, въ родѣ Кине, да часть социальнo-демократической партіи, послѣдователи Прудона, — искренніе федералисты. Не только многіе республиканцы, но и социалисты мечтаютъ скорѣе провести въ жизнь свои идеалы посредствомъ централизаціи, которая дастъ имъ возможность «декретировать» свободу политическую, экономическую и нравственную, чѣмъ посредствомъ автономизма, которымъ могутъ воспользоваться вліятельные землевладѣльцы и духовенство. Къ тому же, во Франціи централизація принесла и при короляхъ, и при республикѣ 1792 г., и при имперіи славу, которая не потеряла еще своего обаянія въ глазахъ всѣхъ французовъ, — и какъ думаютъ многіе еще, — свободу политическую и умственную великой революціи. Въ Испаніи же знаютъ только роялистскую централизацію, которая породила только разореніе и безславіе страны, и шла слишкомъ явно объ-руку съ клерикальной реакціей и инквизиціей; вотъ почему въ Испаніи республиканцы почти всѣ и федералисты и, за немногими исключеніями, враги клерикализма. Къ тому же, въ Испаніи во всѣхъ отношеніяхъ, промышленномъ и культурномъ, окраины почти всѣ развитѣе центра. Въ ряду этихъ окраинъ одна изъ наиболѣе выдающихся — Каталонія, страна высокаго промышленнаго развитія, давній центръ либеральныхъ протестовъ и одна изъ самыхъ упорныхъ республиканско-федеральныхъ провинцій. Въ Каталоніи, особенно вмѣстѣ съ сознаниемъ этнографическихъ своихъ отличій отъ остальной Испаніи, автономическія идеи дѣйствительно у нѣкоторыхъ, во время возстанія республиканцевъ уже по изгнаніи Изабеллы, приняли сепаратистическій отъенокъ: была высказана мысль о совершенномъ отдѣленіи Каталоніи и образованіи особаго государства съ столицей въ Барселонѣ.

Какъ извѣстно, въ послѣднее время Каталоніи и ея представителямъ принадлежитъ едва ли не инициатива федеральнаго движенія, и если она не приняла участія въ недавнемъ кантональномъ движеніи южныхъ провинцій, — то быть можетъ и потому, что съ самаго удаленія короля Амедея Каталонія de facto стала самостоятельнымъ кантономъ. Какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, въ послѣднихъ политическихъ событіяхъ каталонское нарѣчіе употреблялось и въ официальной жизни. Надо связать, что во многихъ отношеніяхъ литература каталонская шагнула дальше провансальской. Изученіе народной поэзіи идетъ въ Каталоніи едва ли не энергичнѣе, чѣмъ въ Провансѣ. Такъ, кромѣ старыхъ сборниковъ еще изъ XVII—XVIII в., въ 1853 году, Mila y Fontanals издалъ *Observaciones sobre la poesia popular con muestras de romanecs catalanos inéditos*; въ 1866—71 г. Pelay Bris-y' Candi-Salto—Cansons de la terra, съ нотами (два тома); въ 1871 г. La Rondallayre издалъ сборникъ сказокъ — *Cuentos populars Catalanas*. Въ то время, какъ провансальская литература состоитъ изъ отдѣльныхъ стихотворныхъ книжекъ, альманаховъ и стиховъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ, въ Каталоніи издается журналъ, посвященный всѣмъ отраслямъ знанія и выходящій два раза въ мѣсяцъ, *Repaxenza* и другой журналъ, *Revista didicada à la instruccio y educacio de la dóna*. На нарѣчій, близкомъ каталонскому, издается и *Revista basear*. Кромѣ того, памятники старой каталонской литературы печатаетъ *Biblioteca catalana*, которая недавно издала каталонскій переводъ книги Бытія, сдѣланный въ 1451 году.

По-каталонски, существуетъ и недостающее провансаламъ изданіе перевода св. писанія ¹⁾. Въ Барселонскомъ театрѣ часто играютъ пьесы на мѣстномъ языкѣ, — мѣстныя и переводныя (напр., въ 1871 г. «Серафиму» Сарду). Тамъ же общество «*La Jove Catalana*» установило премію за лучшія прозаическія сочиненія. Вотъ почему въ литературныхъ упражненіяхъ каталонцевъ сразу повѣялъ не одинъ только идиллическій, но и политическій духъ, затронувшій и поэтический клерикализмъ прован-

¹⁾ Вотъ кстати, для примѣра отношеній каталонскаго языка къ французскому и испанскому, фраза изъ дѣяній апостольскихъ на трехъ языкахъ. *По-французски*: Comment donc chacun de nous les entendons-nous parler la propre langue du pays où nous sommes nés? *По-каталонски*: Puix com nosaltres los ohim parlar cada hu en nostra llengue nativa? *По-испански*: Pues cómo los oimos nosotros hablar cada uno en nuestra lengua, en que nacimos? Для сравненія приведемъ ту же фразу и *по-итальянски*: Come adunque gli udiamo noi parlar ciascuno nel nostro proprio nativo linguaggio?

сальских фелибровъ. Уже въ 1862 г. каталонскій трубадуръ пѣлъ о «возвращеніи свободы», о томъ, что если «гдѣ либо и показываетъ тиранъ свои когти, то всѣ народы стремятся противъ отъ себя *чернаго* коршуна». По всему слѣдуетъ ожидать, что каталонцы «испортятъ» идиллическій характеръ фелибризма, если только младшее поколѣніе фелибровъ само останется при всѣхъ идеяхъ его основателей. Кромѣ того, сношенія патриотовъ южной Франціи и сѣверной Испаніи имѣютъ еще одну не лишнюю важности сторону.

Нельзя не сознаться, что національныя идеи, какъ онѣ выражаются въ настоящее время въ связи съ политикой, недостаточно ясно понимаются и недостаточно справедливо оцѣниваются всѣми. Обыкновенно говорятъ, что національныя стремленія въ политикѣ священнѣйшія и наиболѣе характеристическія стремленія нашего времени, которое называютъ временемъ національнаго принципа и которое противопоставляютъ концу XVIII вѣка, называемому не безъ презрѣнія космополитическимъ. Особенно восхваляется этотъ принципъ національности въ Германіи, гдѣ теперь часто достается старому космополитизму Шиллера и Гердера, которыхъ космополитизмъ назывался, впрочемъ, гуманизмомъ. Торжеству національнаго начала въ политикѣ обязаны мы двумя крупными историческими явлениями въ послѣднее время: единствомъ Италіи и Германіи. Но самый анализъ этихъ двухъ явленій и подобныхъ имъ можетъ привести къ оцѣнкѣ національныхъ объединеній, нѣсколько отличной отъ обыкновенно дѣлаемой. Поборники объединеній Италіи и особенно Германіи говорили, что они собственно дѣлаютъ только то, что сдѣлала Франція, Англія въ XV—XVI вв. И это совершенно справедливо. Между тѣмъ въ тѣ времена не было ясныхъ понятій о принципѣ національности. Конечно, тогдашнія объединенія были отчасти послѣдствіемъ стремленія къ организаціи силъ обороны, силъ экономическихъ и др. въ предѣлахъ областей, однородныхъ по національности; но гораздо больше объединенія повели къ подобнымъ слѣдствіямъ; сами же они были гораздо больше слѣдствіемъ завоевательныхъ стремленій, проявившихся въ извѣстныхъ династіяхъ и областяхъ; тогдашній процессъ объединенія былъ преимущественно «примученіемъ». По дорогѣ, объединители примучивали не только однородные, но и разнородные элементы: Ирландію, Лотарингію и т. д. Подобное примученіе своихъ и чужихъ возродилось въ XVIII в. подъ именемъ политики округленія, примазалось къ революціоннымъ и реставраціоннымъ войнамъ, и далеко не потеряло своей доли участія въ нынѣшней

политикѣ національностей. Въ стремленіи Італіи къ объединенію, вѣчно, найбілье играли роль освободительныя и оборонительныя идеи, — идеи новыя; но и тутъ иные итальянскіе патриоты мечтали и до сихъ поръ не перестали мечтать о захватѣ, для вышшаго прославленія отечества, напримѣръ, Истріи и Далмаціи. Въ Германіи, особенно въ 1866 г., «примученіе» проявило себя въ достаточно сильной степени по отношенію къ не-прусскимъ областямъ, въ 1870 г. по отношенію къ Эльзасу, въ 1871 г., по отношенію къ Познані; мимоходомъ къ объединенной Германіи были притянуты датскія, польскія и французскія области, а если вѣрять нѣмецкимъ теоретикамъ, то Германія, въ силу археологическихъ и лингвистическихъ основаній, имѣеть права и на Голландію съ фламандскою частію Бельгіи, и на нѣмецкую Швейцарію, и даже на славянскія части Австріи. Примѣнимъ тѣ же принципы къ Франціи, и получимъ права ея на части Бельгіи, Швейцаріи, Испаніи, а пожалуй и на гегемонію въ романскомъ союзѣ. Россія, по тѣмъ же основаніямъ, объявитъ претензіи на завоеваніе всѣхъ славянскихъ земель и т. д., и т. д. Очевидно, что если тѣ приемы, какіе употреблялись при объединеніи Германіи, будутъ употребляться при завершеніи объединенія племенъ германскихъ, французскихъ, славянскихъ, и если мимоходомъ будутъ захватываться и вовсе отличныя національности, то Европѣ предстоятъ столь длинный рядъ кровавыхъ войнъ, военныхъ положеній, внутреннихъ революцій, что, въ концѣ-концовъ, можно будетъ проклясть принципъ національностей, дающій поводъ къ подобнымъ насиліямъ и бѣдствіямъ. Въ довершеніе, надо обратить вниманіе на то, что принципъ національностей былъ первоначально принципъ протеста противъ искусственныхъ государственныхъ союзовъ, сложившихся исключительно по династическимъ или военнымъ соображеніямъ. Принципъ свободного союза областей въ силу взаимнаго тяготѣнія, основаннаго на географической и этнографической близости, т.-е. принципъ, разлагающій старыя идеи о государствѣ, не только выродился въ новую форму государственнаго и династическаго примученія, но рядомъ съ ученіемъ о свободѣ національностей образовалось другое ученіе — о государственной національности, такъ что теперь, въ силу идеи, что національность есть основа государства, не только примучиваютъ сходныя народности къ государственному союзу, но и несходныя въ принятію господствующей въ государствѣ народности. Если подобный процессъ національныхъ объединеній и подобныя понятія объ отношеніи національности и государства будутъ продолжать практиковаться и развиваться, то

элементы гуманности, посѣянные въ Европѣ классическою цивилизаціей, христіанствомъ и условіями жизни новыхъ временъ, угрожаютъ совсѣмъ затемниться духомъ національной исключительности и нетерпимости, о которой можно имѣть понятіе, представивъ себѣ смѣшеніе варварскаго эгоизма съ восточно-жреческою нетерпимостію. Къ счастью, тѣ явленія и идеи, которыя вернули законно подыавшуюся идею національности, имѣютъ въ себѣ противовѣсы, между прочимъ, и въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ самой идеи національности. Самымъ сильнымъ противовѣсомъ крайностямъ націонализма, особенно государственно-централистическаго, можетъ служить усиленіе участія въ политической жизни трудящихся классовъ населенія, большинства народа, которое есть преимущественно и хранитель духовнаго типа каждой національности. Интересы же трудящагося большинства, собственно во всѣхъ почти странахъ, исключая такихъ, гдѣ завоеваніе идетъ объ руку съ колонизаціей, вездѣ одинаковы, т.-е. космополитичны: они требуютъ обезпеченія труда и пользованія его результатами, т.-е. требуютъ расширенія просвѣщенія, свободы и мира. Рабочее сословіе уже вошло въ сферу международной жизни, и его повсемѣстные протесты противъ войны въ послѣднюю ужасную войну представляютъ, во всякомъ случаѣ, зародышъ новаго порядка вещей въ Европѣ. Эти протесты представляютъ традицію гуманитарныхъ идей лучшихъ умовъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, и притомъ опирающуюся не на одну только сердечную сторону прекраснодушества, но на самые реальные интересы, — тѣмъ болѣе залогу прочности такого гуманизма. Выступленіе на политическую сцену просвѣщеннаго крестьянства только усилитъ движеніе, начатое рабочими классами.

Другимъ противовѣсомъ крайностямъ государственнаго націонализма служить движеніе къ децентрализаціи, которое даже въ централизованныхъ странахъ тотчасъ же начинается вслѣдъ за завершеніемъ національнаго единства. Наше время представляетъ, повидимому, противорѣчивыя стремленія: съ одной стороны, національности сливаются въ большія политическія тѣла, образованный свѣтъ покрывается международными, промышленными, учеными, благотворительными учрежденіями; многіе мечтаютъ даже о всемирной политической организаціи, и какъ ни плохо она соотвѣтствуетъ этимъ мечтамъ, а все-таки уже 60 лѣтъ дѣйствуетъ во временамъ система конгрессовъ великихъ европейскихъ державъ. И при всемъ этомъ именно въ послѣднее время начинается во всѣхъ странахъ Европы замѣчаться движеніе къ тому, какъ бы устроить возможно автономнѣе мелкую общественную единицу.

общину, кантонъ, область, и въ мечтахъ самыхъ крайнихъ космополитовъ всемірное политическое тѣло является союзомъ свободныхъ и самоуправляющихся общинъ. Тутъ собственно нѣтъ никакого противорѣчія, потому что факторомъ, производящимъ и законную сторону національныхъ движеній и объединеній, и требующимъ организациі міровыхъ интересовъ и устройства автономной общины, служить одна и та же стремящаяся къ свободѣ и благосостоянію *личность* человѣка, этотъ атомъ общественнаго строя и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣль всякой общественной организациі. Понятно, что эта личность требуетъ наиболѣе удобной для себя организациі какъ міровыхъ, такъ и домашнихъ дѣлъ. Вопросъ о децентрализациі и мѣстной автономіи есть не что иное, какъ вопросъ о свободѣ и экономіи въ наиболѣе близко касающихся человѣка дѣлахъ. Наиболѣе жизненъ этотъ вопросъ для рабочаго, особенно для крестьянскаго населенія, по самому роду своихъ занятій наиболѣе домашняго. Понятно же, что чѣмъ болѣе политическая жизнь будетъ децентрализоваться, тѣмъ аппаратъ наступательный въ европейскихъ государствахъ станетъ слабѣе, и тѣмъ оборонительный станетъ сильнѣе (потому что побѣдить тѣло, имѣющее одну голову и сердце, легче, разъ эта голова побита, — чѣмъ многоголовую федерацію), а слѣдовательно развитіе автономіи мѣстной есть одна изъ прочнѣйшихъ гарантій мира.

Идея автономіи и теперь уже въ значительной степени сдерживаетъ стягиваніе близкихъ по народности областей въ одни государства и производитъ то, что, несмотря на прогрессъ этнографической централизациі въ послѣднее время, все еще продолжаютъ существовать политическіе союзы, составленные изъ разныхъ національностей, не обнаруживающихъ ни малѣйшей охоты потонуть въ образовавшихся по сосѣдству съ ними огромныхъ, родственныхъ имъ по языку, государствахъ. Такова, прежде всего, Швейцарія, потомъ Бельгія, отчасти Испанія. Такою могла бы быть Австрія, еслибы не стремленія нѣмцевъ къ подавленію всѣхъ другихъ народностей. Интересы мира и гуманности требуютъ сохраненія подобныхъ разновалиберныхъ политическихъ союзовъ: они образуютъ связь между государствами и расами уже по одному тому, что въ такихъ смѣшанныхъ государствахъ образованные люди владѣютъ нѣсколькими языками, по самой первой необходимости. Обитатели маленькихъ государствъ, лица, принадлежащія къ слабѣйшимъ народностямъ, видятъ трудность перестройки границъ государственныхъ по народностямъ, а если они принадлежатъ къ государствамъ, пользующимся свободой, то и не испытываютъ желанія разстаться съ

подобными государствами ради этнографического родства съ другими; поэтому, они стараются обезпечить свое національное развитие мѣрами внутренними, а не внѣшними катастрофами, и сохраняя свою принадлежность къ разъ данному государственному союзу, входятъ въ духовный союзъ съ сосѣдями и, такимъ образомъ, служатъ принципу будущихъ, болѣе еще широкихъ политическихъ ассоціацій, чѣмъ государства и національности. Вотъ почему такія явленія, какъ принадлежность кельтовъ къ Англіи и Франціи, фламандцевъ къ Франціи, Бельгіи и Голландіи, французовъ къ Франціи, Бельгіи и Швейцаріи, провансаловъ къ Франціи и Испаніи и т. д., составляетъ вовсе не печальное явленіе, а можетъ служить прогрессу человѣческихъ сношеній, — при равноправности народностей и при свободѣ духовнаго обмѣна между родственными народностями. Надо сказать, что въ Швейцаріи, Англіи, Бельгіи, Провансѣ и Каталоніи такъ и понимаютъ свою роль и значеніе мыслящіе люди. Поэтому, такого рода явленія, какъ участіе бретонцевъ и французовъ въ литературныхъ празднествахъ княжества Уэльса, какъ собранія фелибровъ въ Барселонѣ и Провансѣ, фламандскихъ патриотовъ изъ Франціи въ конгрессахъ нидерландско-бельгійскихъ, имѣютъ значеніе болѣе широкое, чѣмъ дилеттантское упражненіе въ трубадурствѣ. Тутъ національность служитъ человѣчеству, которое терпитъ такъ часто ущербы отъ соперничества государствъ и національныхъ ненавистей.

Слабыя численно національности, какъ, напр., фламандцы, бретонцы, или попавшіе, быть можетъ, навсегда во второстепенныя національности, какъ провансалы, имѣютъ еще одно значеніе, тоже согласное съ лучшими стремленіями человѣчества. Такія народности еще выбиваются изъ-подъ тяжелыхъ условий, наложенныхъ на нихъ старымъ военнымъ строемъ политической жизни; возрожденія свои такія народности могутъ совершать только во имя демократіи, свободы, мира. Вотъ почему такое явленіе, какъ то, что Мистраль, въ 1868 г., воспользовавшись присутствіемъ на праздникѣ у фелибровъ нѣмецкаго профессора Бѣмера (котораго *Die provençalische Poesie der Gegenwart*, Halle, 1870, представляетъ сжатый, но обстоятельный очеркъ провансальскаго возрожденія), провозгласилъ тостъ за «свободную великую Германію», имѣетъ особенно важное значеніе. Нѣкоторые изъ провинціальныхъ литературныхъ движеній даютъ основаніе гадать еще объ одномъ возможномъ результатѣ. Трудно предположить, чтобы провансализмъ во Франціи, платдѣйтумъ въ Германіи, стремленіе къ литературной обработкѣ нарѣчій итальянскихъ, которое замѣчается особенно въ Ломбардіи и Сициліи,

подорвало единство литературъ французской, нѣмецкой, итальянской. Слѣдуетъ думать, что и фламандское движеніе,—уже соединившееся съ голландскимъ, между тѣмъ, какъ еще въ революціи 1830 г. фламандцы предпочитали скорѣе французскій языкъ, лишь бы не голландскій,—слѣдуетъ думать, что и фламандское литературное движеніе съ теченіемъ времени болѣе сблизится съ нѣмецкой литературой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что домашнія, первыя литературно-образовательныя потребности населенія могутъ быть удовлетворены всего удобнѣе литературой на народныхъ нарѣчіяхъ. Но раздробленіе великихъ мировыхъ литературъ, какъ французская, нѣмецкая, итальянская, на провинціальныя было бы такимъ же бѣдственнымъ культурнымъ явленіемъ, какъ совершенное раздробленіе политическое великихъ національныхъ единицъ было бы бѣдствіемъ политическимъ. Это было бы возвращеніемъ къ средневѣковой дробности племенъ и интересовъ, съ тою еще невыгодною разницей, что средневѣковое единство церковное и общее употребленіе въ литературѣ латинскаго языка теперь погребено безвозвратно. А такъ какъ исторія, очевидно, идетъ къ расширенію всякаго рода сношеній между людьми, а не къ суживанію ихъ, то провинціальныя литературныя движенія, повидимому, идутъ противъ этого теченія, а потому и должны бы быть осуждены. И дѣйствительно, мы слышимъ, особенно въ обществахъ германскихъ и славянскихъ, гдѣ еще не завершился процессъ объединенія и гдѣ, поѣтому, и стремленія автономическія кажутся преждевременными, а, кромѣ того, гдѣ духъ нетерпимости не смягченъ еще проникновеніемъ цивилизаціи въ организмъ человѣка, слышимъ часто рѣзкіе уворы всякой попыткѣ не только разновидности племенной, но и совершенно отдѣльныхъ племенъ къ сохраненію или развитію общественной и литературной автономіи. Но эти уворы литературному автономизму въ томъ, что онъ идетъ противъ рожна историческаго прогресса, могутъ быть безъ большого труда опровергнуты. Во-первыхъ, трудно спорить противъ того, что литература на провинціальныя народныя нарѣчія и языкахъ несетъ блага цивилизаціи въ глубь населенія,—а потребность развитія цивилизаціи въ глубь, во всякомъ случаѣ, не менѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ историческаго прогресса, какъ и расширеніе цивилизаціи. Надо сказать, кромѣ того, что центробѣжныя стремленія провинціальныя литературныя движенія, по крайней мѣрѣ на дѣлѣ, мало подрываютъ развитіе центральныхъ литературъ, особенно тамъ, гдѣ центростремительныя тенденціи не идутъ далеко по пути нетерпимости. Въ этомъ отношеніи опять надо сказать,

то въ мірѣ романской и терпимость къ провинціальнымъ литературнымъ стремленіямъ сильнѣе, и слѣдовательно, и центробѣжныя стремленія провинціальныхъ патриотовъ слабѣе. Между тѣмъ, какъ голландская пресса въ 1870 году весьма серьезно обидѣлась, что готскій календарь зачислилъ голландцевъ въ племя ниже-нѣмецкаго языка, а фламандская литературная партія, по обвиненіямъ нѣмцевъ, упорствуетъ въ своемъ партикуляризмѣ,— мы видѣли, что Мистраль, произнеся формулу провансализма, назвалъ Францію «матерью». Сочиненія провансальскихъ и бретонскихъ литераторовъ почти всегда сопровождаются и французскими переводами; органы, посредствомъ которыхъ провинціальныя партіи говорятъ всему міру французскому и европейскому,— издаются все же на французскомъ языкѣ. Очень характерна разница тона, каковымъ Гедозъ говорить объ отношеніи романскаго и германскаго элемента къ кельтскому: говоря объ обезнароженіи кельтовъ, ученый кельтофилъ выражается, что «римляне дѣйствовали на кельтовъ своей мудрой цивилизаціей, а германцы варварскою яростію». Слѣдуетъ припомнить, что въ моментъ паденія римской имперіи нынѣшняя Франція оставалась далеко еще не романизированной: повсюду были еще острова кельтскихъ народностей, а у береговъ морей Бискайскаго и Ламанша не-романскія народности лежали сплошной и широкой массой. Вторженіе германцевъ, норманновъ еще болѣе понизило пропорцію романскаго элемента, а между тѣмъ, романизация и кельтскихъ и даже германскихъ элементовъ продолжалась сама собою. Едва въ концѣ X в. во Франціи былъ выбранъ король, который уже не зналъ по-нѣмецки, а уже въ половинѣ XI в. норманны даже въ Англію занесли романскій языкъ,— французскій. Быть можетъ, эта естественная притягательная сила французскаго элемента и составляетъ причину, почему, несмотря на сильныя централизаторскія стремленія, въ обществѣ французскомъ не только нѣтъ такой антипатіи къ провансальскимъ литературнымъ стремленіямъ, но наоборотъ,—выражается постоянная симпатія. Старая южная цивилизация и литература также цѣнятся и на сѣверѣ Франціи, какъ и на югѣ,—и нѣтъ ни одного историческаго и литературнаго произведенія во Франціи, затрогивающаго періодъ альбионскихъ войнъ, погубившихъ югъ, въ которомъ бы свирѣпство «людей сѣвера» не клеймилось такъ же энергически, какъ и у Мистрала. Такое отношеніе къ инородческому и провинціальному элементу въ литературѣ французской обуславливаетъ уже само по себѣ слабость сепаратистическихъ стремленій и въ провинціальныхъ литературныхъ партіяхъ и вызываетъ явленія, соотвѣт-

ственнымъ тому, по которому французскіе автономисты заботятся о мѣстной автономіи не для раздѣленія Франціи, а для усиленія ея жизнию всѣхъ частей.

Но не только настоящее положеніе вещей и стремленія провинціально-литературныхъ движеній не дають основанія бояться возвращенія къ средневѣковой дробности нарѣчій (потому что иначе скорѣе бы заглохли сами провинціальныя стремленія, чѣмъ имъ удалось бы разрушить единство цивилизаціи и литературы среди великихъ національныхъ группъ),—но есть основаніе предполагать, что именно обработка провинціальныхъ нарѣчій послужитъ помощію къ переходу отъ системы національныхъ литературныхъ языковъ къ выработкѣ болѣе широкихъ расовыхъ органовъ обмѣна мыслей. Кто сколько-нибудь обращалъ вниманіе на народныя нарѣчія, тотъ замѣчалъ, что они не представляютъ ни въ лексическомъ, ни въ грамматическомъ отношеніи такихъ рѣзкихъ границъ и отличій, какъ литературныя нарѣчія, въ образованіи которыхъ много условнаго, случайнаго и искусственнаго, а потому исключительнаго. Народныя нарѣчія заключаютъ въ себѣ много мѣстнаго, сообразно разнообразнымъ условіямъ жизни провинцій, но въ то же время имѣютъ множество именно бытовыхъ выраженій, общихъ цѣлой расѣ, а иногда и цѣлой группѣ народовъ,—между тѣмъ какъ иногда языки литературные преимущественно отличаются словами повдвѣнаго условнаго происхожденія, словами абстрактными и техническими, — если они не заимствованы изъ классическихъ языковъ, каковыя общи по преимуществу, но за то очень часто чужды всѣмъ живымъ языкамъ и составляютъ одну изъ главнѣйшихъ трудностей распространенія знаній въ массѣ. Изученіе народныхъ нарѣчій людьми высшаго образованія, литературная обработка этихъ нарѣчій, организація народнаго образованія, восходящаго отъ народнаго, мѣстнаго и частнаго, къ литературному и общему,—все это должно внести народный бытовой элементъ и въ теперешніе литературные языки великихъ національныхъ группъ. Во всякомъ случаѣ прошлая исторія языковъ не даетъ намъ никакого основанія считать теперешнія литературныя нарѣчія вѣчными,—а такія явленія, какъ вниманіе къ народной рѣчи ученыхъ, педагоговъ, которое замѣчаемъ въ наше время, развитіе децентрализаціи и общинной жизни, поголовная подача голосовъ и возрастаніе политическаго значенія крестьянства, — все это такія историческія явленія, какія по меньшей мѣрѣ равняются своей силой тѣмъ, которыя повліяли на образованіе нынѣшнихъ великихъ литературныхъ нарѣчій. Если мы обратимъ вниманіе на

географическое положеніе тѣхъ народныхъ нарѣчій, въ которыхъ наиболее обнаруживается стремленіе къ оживленію и къ литературной обработкѣ, то мы увидимъ данныя, очень мающія сдѣлать выводъ о будущей возможности образованія расовыхъ языковъ черезъ вліяніе народныхъ нарѣчій на литературныя. Такъ, во Франціи рвется къ оживленію нарѣчіе провансальское, въ которому въ Испаніи подаетъ руку каталонское, между тѣмъ какъ въ Италиі, кромѣ сицилійскаго, оживляется и пограничное съ провансальскимъ, — пьемонтско-ломбардское¹⁾. Такъ, даже въ некончившей еще центростремительнаго процесса Германіи (которой единство долго только и выражалось въ единствѣ литературнаго языка, какъ и въ Италиі, но гдѣ, какъ и въ Италиі, діалектизмъ разговорнаго языка сохранился въ образованномъ обществѣ гораздо больше, чѣмъ во Франціи и гдѣ почти вовсе не замѣтно стремленія къ пику столичнымъ произношеніемъ) мы видимъ зарождающуюся литературу ниже-нѣмецкаго нарѣчія, которое однимъ своимъ бокомъ касается датскаго, а другимъ фламандско-голландскаго. И теперь, и въ появленіи «Revue des langues romanes» на югѣ Франціи, и въ прамыхъ заявленіяхъ фелибровъ мы видимъ, что пан-романскія идеи начинаютъ уже пускаться корни именно въ области провансальскаго нарѣчія.

Впрочемъ, все это дѣла болѣе будущаго, чѣмъ настоящаго. Въ настоящее же время изъ жизненныхъ общественныхъ явленій провансализмъ всего болѣе связанъ тѣсно съ движеніемъ къ децентрализаціи, а затѣмъ наиболее близко стоящій по дорогѣ провансализма вопросъ — это вопросъ о народномъ образованіи. На празднествѣ 1868 г. Мистраль такъ формулировалъ литературно-общественныя стремленія фелибровъ: «мы хотимъ, чтобъ нашъ народъ узналъ, что отцы наши смотрѣли на себя, какъ на самостоятельное племя; онъ долженъ знать, что наши предки

¹⁾ Въ 1873 г. во Флоренціи, въ самой родинѣ отцовъ нынѣшняго литературнаго итальянскаго нарѣчія, образовалось общество — Società dialettologica italiana, для изученія нарѣчій и издаванія на нихъ книгъ и журналовъ. Къ обществу принадлежатъ почти всѣ извѣстные писатели и филологи итальянскіе и многіе государственные люди. Г. де-Губернатисъ сообщалъ въ „Вѣстн. Европы“, что въ Пьемонтѣ постоянно растетъ число драмъ и комедій, писанныхъ на пьемонтскомъ нарѣчіи, а въ Миланѣ самые замѣчательные изъ молодыхъ писателей обогащаютъ театръ комедіями на миланскомъ нарѣчіи. Тотъ же итальянскій ученый передалъ фактъ, что въ 1872 году книга стихотвореній на мѣстномъ нарѣчіи, вышедшая въ Пизѣ, распространилась въ 4500 экз., тогда какъ въ Италиі обыкновенно новая книга печатается рѣдко больше, чѣмъ въ 600 экз. Это показываетъ, что литература на нарѣчіяхъ если не можетъ достигать на географическую ширину распространенія, за то можетъ идти въ глубь народа.

свободно и съ достоинствомъ присоединились къ благородной Франціи; съ достоинствомъ, т. е. сохраняя свой языкъ, свои нравы, и обычаи, и народное имя. Народъ долженъ узнать, что когда онъ захотѣлъ, то языкъ, которымъ онъ говоритъ, сталъ поэтическимъ и литературнымъ языкомъ Европы, языкомъ любви, прекраснаго искусства, муниципальной свободы, цивилизаціи. Смотри же, доблестный народъ, что мы хотимъ открыть тебѣ: ни передъ кѣмъ не долженъ ты краснѣть, будто побѣжденный, не долженъ стыдиться своей исторіи, не долженъ стыдиться своего отечества, — а долженъ занять вновь свое мѣсто, первое мѣсто между народами юга. И если каждый провансаль, каждый каталонецъ вновь возвратятъ себѣ эту честь, тогда вы увидите, какъ наши деревни вновь стануть городами, и тамъ, гдѣ теперь лежитъ прахъ провинціальный, вы увидите, какъ поднимаются искусства, растутъ литература, рождаются великіе люди, — вы увидите цвѣтущую народность! Положимъ, Мистраль нѣсколько увлекается, думая, что когда-либо возможно возвращеніе Провансу стараго первенствующаго значенія на югѣ Европы; положимъ также, что желаемыя имъ федеративныя отношенія юга къ сѣверу Франціи, какъ одного цѣлаго къ другому цѣлому, особенно въ настоящее время, и не очень практичны и во всякомъ случаѣ вещь не очень близкая къ осуществленію. Идеалы децентралистовъ настоящаго времени имѣютъ мало общаго съ такими стремленіями — собственно *областнаго централизма*. Но спорить противъ того, что воскрешеніе въ новой формѣ старой муниципальной свободы французскаго юга можетъ помочь деревнямъ по прежнему стать городами, — врядъ ли можно съ успѣхомъ. Идеи Мистрала только крайніе побѣги тѣхъ идей о децентрализаціи, объ областной и общинной автономіи, которыя въ странахъ *langue d'oc* сильнѣе привязываются къ традиціямъ населенія, а потому и крѣпче, чѣмъ гдѣ-нибудь, во Франціи, кромѣ развѣ опять-таки Бретани и Фландріи. Мы уже упоминали объ основанномъ въ Тулузѣ профессоромъ-фелибромъ, прежде мэромъ города, Гатьеномъ Арнѣ, «*Revue de la décentralisation*». Журналъ этотъ еще въ 1868 г. призывалъ южные департаменты образовать лигу децентрализаціи (*Ligue de la décentralisation méridionale*), — выражая радостную надежду, что и сѣверные департаменты «общаго отечества» присоединятся къ этому движенію.

Событія послѣдняго времени могли только помочь начатому фелибрами движенію, хотя въ то же время они испытали и степень крѣпости связи юга Франціи съ сѣверомъ; кромѣ того, событія послѣдняго времени должны были вывести фелибровъ изъ

круга идилическо-религіозной пасторали въ современному содержанию, если не въ вполнѣ современнымъ идеямъ, въ ихъ сочиненіяхъ. Мы видѣли, что война 1870—71 г. обратила литературу бретонскую въ болѣе живымъ темамъ. То же случилось и съ провансальскою литературою. И здѣсь оказалось, что чувства единства съ Франціей довольно сильны даже у тѣхъ людей, готовыхъ, пожалуй, можно было бы заподозрить даже въ сепаратизмъ за ихъ выходки противъ централизаціи Франціи. «Агмана Ргювенсаи» съ 1871 г. не можетъ и до сихъ поръ оставить картину войны, грозить нѣмцамъ храбростью Прованса,—и плачуть объ участи «матери-Франціи» и Парижа.

Впрочемъ, вѣрные своему клерикализму, провансальскіе поэты объясняютъ всѣ бѣдствія Франціи и Парижа невѣріемъ ея, особенно столицы. Такъ, Мистраль,—который въ одномъ стихотвореніи, помѣщенномъ въ «Агмана» за 1871 г., сравниваетъ нашествіе нѣмцевъ на Францію съ нападеніемъ кимровъ на Римскую имперію и пророчествуетъ о новомъ Маріѣ, который въ Провансѣ поразитъ нѣмцевъ и спасетъ Парижъ, т. е. новый Римъ и латинскую цивилизацію,—въ другомъ стихотвореніи видитъ въ войнѣ наказаніе за грѣхи революціи и проситъ Бога пощадить Францію:—«и если строптивый городъ, который нами правитъ и мучитъ насъ, пересытитъ мѣру грѣховъ своихъ, то пощади хоть Провансъ. Онъ согрѣшилъ по невѣдѣнію». «Господи, — молятъ поэтъ, — мы хотимъ быть свободными людьми, пособи намъ; мы дѣти Рима и честные люди... дай намъ миръ». Другой поэтъ, Арнабидель, переводчикъ буллъ о непорочномъ зачатіи на провансальскій языкъ, додумался до того, что осыпаетъ проклятіями Базена, Наполеона, Вильгельма,—для котораго не считаетъ достаточною обыкновеннаго католическаго ада, а считаетъ необходимымъ изобрѣсть другой. Поэтъ грозитъ побѣдоносному вождю тевтоновъ, что онъ «будетъ раздавленъ какъ червь, ибо Франція — вѣра, прошлое, надежда, ибо Франція—право, ибо Франція—Франція». Уже изъ этихъ словъ видно, что о средствахъ обороны Франціи провансальскіе поэты имѣютъ мистическія представленія. Трудно же ожидать отъ нихъ, чтобъ они сознали настоящія причины бѣдствій Франціи и средства реформировать ее. Одну здравую идею (кромя идеи о латинской федераціи), которую они вывели изъ прошлаго и которую высказали энергичнѣе во время войны, мы и встрѣчаемъ въ ихъ писаніяхъ съ 1871 г., — это крикъ противъ централизаціи: «Къ чорту эту централизацію, механическое рабство, сфабрикованное деспотами, централизацію, которая бросила Францію разоренною, безоружною, неврыж-

тою въ чудовищную войну... Вмѣсто того, чтобъ казармировать народъ, обновимъ его въ свободѣ провинціальной и общинной свободѣ, въ сильномъ обновительномъ лонѣ природы-матери, въ любви къ своей землѣ. Пусть департаменты одного края сгруппируются свободно, сообразно ихъ интересамъ; пусть генеральные совѣты станутъ изъ департаментскихъ, слабыхъ и безжизненныхъ теперь,—областными и возвратятъ серьезную силу свою, не будутъ рабствовать передъ префектами; пусть засѣдаютъ мѣсяцъ, два, если нужно, а не нѣсколько дней. Пусть національное собраніе, вмѣсто того, чтобъ забираться постоянно въ одинъ городъ, перемѣняетъ ежегодно свое пребываніе, разъ на югъ, разъ на сѣверъ. Тогда мы не будемъ видѣть, что правительство достается въ руки узурпатору или горсти бунтовщиковъ; тогда во всѣхъ провинціяхъ воскреснетъ жизнь, благородное соревнованіе, привязанность къ родинѣ, любовь къ отечеству и старая гордость. Рядомъ съ требованіемъ децентрализаціи провинціальной, провансальскіе патріоты требуютъ также и вольностей муниципальныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ о союзѣ всѣхъ романскихъ народовъ. Но на бѣду поэтический дилеттантизмъ и клерикализмъ провансальскихъ поэтовъ, который приводитъ ихъ къ легитимизму, мѣшаетъ имъ представить себѣ въ реальныхъ формахъ, что такое разумѣютъ они, когда говорятъ о децентрализаціи и муниципальной вольности, мѣшаетъ имъ оцѣнить современные стремленія южно-французскаго же общества и вступить въ союзъ съ такими направленіями и дѣятелями, которые бы могли быть союзниками ихъ, а теперь даже скорѣе враждебны, чѣмъ равнодушны къ провансализму. Известно, что югъ Франціи еще съ 1848—1852 гг. отличается сильно-республиканскимъ направленіемъ. Теперь радикальная партія въ департаментахъ, гдѣ лежатъ Лионъ, Авиньонъ, Марсель, — сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо, кромѣ Парижа. Новые изъ дѣятелей радикально-республиканской партіи на югѣ Франціи весьма наклонны и къ федеральнымъ идеямъ,—явленіе также органическое, какъ и явленіе фелибризма,—но другіе, изъ страха, чтобы отъ децентрализаціи не усилилось вліяніе клерикализма и аристократіи, держались централистическихъ мнѣній. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ опытъ децентрализаціи, который сдѣлало версальское собраніе временнымъ закономъ о департаментскихъ совѣтахъ и комиссіяхъ и объ управленіи городскихъ общинъ, оказался благопріятнѣе демократіи и республикѣ, чѣмъ аристократіи и легитимизму, и радикалы-централисты стали благопріятнѣе къ идеѣ о децентрализаціи и федерализмѣ. Но между всѣми видами демократовъ на югѣ Франціи и фелибрами стоитъ—католицизмъ

из-за котораго въ послѣднее время иные изъ прежнихъ фелибровъ, напр. Брюне, оставили фелибризмъ. Когда спрашиваютъ главныхъ дѣателей фелибризма:—какимъ образомъ то направле-
 не, которое стоитъ за поднятіе языка, сохранившася въ чи-
 стотѣ только въ устахъ массъ народа, которое само говоритъ
 въ своихъ стихахъ, что пишеть только для мужиковъ и пасту-
 ховъ,—можетъ почти явно исповѣдывать легитимизмъ и вражде-
 вать съ демократіей и республиканцами? «Республиканцы не ка-
 толики», отвѣчаютъ фелибры. — Но вѣдь католицизмъ погубилъ нѣ-
 когда и самобытность Прованса, и его культуру. — «Да, мы это
 знаемъ,—говорятъ столбы фелибризма,—но это было давно, а те-
 перь нашъ народъ католическій и мы должны быть таковы, какъ
 онъ. Мы сами знаемъ, что сыновьямъ садовниковъ скорѣе слѣ-
 довало быть республиканцами, чѣмъ легитимистами. Но что-жъ
 дѣлать, если вѣру нашего народа мы видимъ только у легити-
 мистовъ, а радикалы—не провансалы. Это французы, парижане,
 которые заносятъ къ намъ не только безвѣріе, но и презрѣніе
 ко всему провансализму. Главное же—это религія. Повѣрьте, у
 насъ вопросъ о республикѣ и монархіи больше религіозный, чѣмъ
 политическій вопросъ; посмотрите хоть на гражданскія похо-
 роны» и т. д. Обанель въ стихотвореніи «Война» (*la Revue des
 langues romanes*, 1870, I. IV)—восхищается отъ имени матерей
 къ Богу: «посмотри, что дѣлаютъ короли съ нашими дѣтьми»,—
 а все-таки, ради католицизма, рожлисть. Такимъ образомъ, черезъ
 католицизмъ фелибры не имѣютъ связей даже съ тою частью силь-
 ной въ области провансальскаго языка республиканской партіи,
 которая очень наклонна къ идеямъ федерализма, и которая про-
 бовала-было проявить себя въ *Ligue de la défense nationale*, предво-
 димой Эскиросомъ, которую счелъ необходимымъ придержать самъ
 Гамбетта. Благодаря этому, самые толки фелибровъ о децентра-
 лизаціи и о муниципальных вольностяхъ имѣютъ какой-то стран-
 ный, больше романтической, чѣмъ реальный характеръ. Такъ,
 Мистраль уже въ 1870 г. помѣстилъ въ «*Revue des langues ro-
 manes*» два стихотворенія, правда, писанныя до войны, въ кото-
 рыхъ говорить по-своему и о децентрализациі, и о муниципальных
 вольностяхъ. Въ одномъ изъ нихъ *La Reine Jano* (Королева Жанна)
 поетъ жалуется, что теперь нѣтъ ничего подобнаго королевѣ Жаннѣ
 въ Провансѣ. «Я бы,—говоритъ онъ,—спѣлъ ей стихи, а она бы
 дала мнѣ коня; я бы попросилъ ее не ѣхать въ Неаполь, и
 она бы сдѣлала меня барономъ; я бы кричалъ *vivo!* и она бы
 дала мнѣ поцѣловать ея пальчики. А то крестьяне мало слу-
 шаютъ стихи, а мѣщане плохо ихъ понимаютъ, законъ же фран-

цузскій все поставилъ вверхъ дномъ: наши маркизы, наши императрицы живутъ въ Парижѣ, и моя душа, обожающая Жаннъ и Клеопатръ, за немѣнимъ пищи, блуждаетъ влюбленная ¹⁾).

Въ другомъ стихотвореніи — «*La princesse Clemenco*» — называется исторія о томъ, какъ въ старыя годы французскій посоль, пріѣхавшій сватать принцессу прованскую для своего короля, выразилъ желаніе посмотреть, не имѣетъ ли невѣста пороковъ на тѣлѣ, — «ибо что скажутъ англичане», — и какъ провансальская принцесса показала ему нагая, воскликнула предвзвѣстно: о, негодный! А впрочемъ, провансалька всего можетъ ожидать отъ француза:

Oh, l'insolent! diguè la provençala
D'un Franchimond m'estouno pas.

Провансальскій поэтъ совершенно наивно говорить о старинныхъ муниципальных вольностяхъ Прованса: «Наши короли-графы были малы, да и область ихъ была мала: они обходили ее всю, узнавали, облегчали, говорили съ Петромъ и Антономъ, узнавали тяжесть каждаго, и облегчали. Иногда Ницца, Лебо, Марель бывало начнутъ жаловаться: вонъ тирановъ! кричать. — Ну, погодите, я пойду же къ вамъ, — говоритъ графъ, — и какъ пастухъ, ослепный кормилецъ, — пригонялъ на траву свое стадо!»

Изъ множества стиховъ, выпускаемыхъ ежегодно провансальскими поэтами, мы знаемъ въ послѣднее время только одно стихотвореніе (*Provença*, «*Revue des langues romanes*». 1870, I. III, IV), въ которомъ не только не видно вражды къ духу новой Франціи, а напротивъ того указывается, чѣмъ именно служилъ Провансъ къ приготовленію этого духа: поэтъ, рассказавъ о томъ, какъ послѣ Генриха IV-го были потоптаны вольности коммуны

¹⁾ Вотъ для образца языка и стиха это мѣсто въ подлинникѣ:

Mai li pageso
Entènden gaire i vers,
E li bourgeso
Cumprenon de travers.
La fei francèso
A mès tout a l'envers:
Nòsti marqueso,
Nostis emperairis,
Vuei rèston a Paris,
E moun amo idoulatro
Vers Jano o Cleopatro,
Fauto d'autre alimen
Trèvo amonrousamèn. 1868.

Прованса, говорить: «но не будемъ плавать, такъ какъ Провансъ, прекрасная половина націи, сдѣлать великій вѣкъ послѣ возрожденія, и зажечь революцію. О, Франція! не говори, что наша душа холодна, что мы не плодили науки, искусства, торговли, не держали знамени національнаго!»

А вообще настроеніе поэтовъ провансальскихъ выражается слѣдующимъ восклицаніемъ Обанеля («Revue des langues romanes», 1872, I. I): «какъ много говорить о свободномъ человѣкѣ! О, мать! сдѣлай (изъ сына) ватоліека, о отецъ! сдѣлай изъ него фелибра!» — и хотя ученая редакція «Revue des langues romanes», очевидно стоящая выше по своимъ идеямъ, чѣмъ ея поэты-сотрудники, и говоритъ, что поэзія провансальская, которая черпаетъ изъ народныхъ источниковъ, меньше, чѣмъ другая можетъ ускользнуть отъ вліянія движеній, волнующихъ массы, но изъ всѣхъ этихъ движеній поэты провансальскіе отозвались охотно развѣ только на страданія народа отъ войны. Отъ другихъ вопросовъ жизни поэты провансальскіе всячески стараются откеститься ¹⁾. Въ послѣдніе годы это, конечно, трудновато, — и вотъ фелибры должны пускаться въ политику. Разумѣется, они это дѣлаютъ преимущественно въ стихахъ, и въ ультра-католическихъ. Таковъ недавній памфлетъ Руманильи противъ гражданскихъ похоронъ, *Lis entarro-chin* (собачьи похороны), или памфлетъ другого автора «Un cop de riffard», — отвѣтъ одному демократу, порицавшему фелибровъ, — «за то, говоритъ поэтъ, что они держатся паны». «*Agmaia Provençau*» за 1873 г. хвалитъ восторженно этотъ памфлетъ и говоритъ, что онъ влѣпляется въ кожу (противника), какъ добрый почтовый бичъ. Несмотря на такія вторженія въ политику, органъ фелибровъ, похваливъ новую поему Кледата (*Cledat*) «*La comtesse Me Montignac*», какъ «вещь элегантную, тонкую и галантную, какъ романсы XIII в.», — жалеть, что авторъ, поэтъ дѣйствительный, обращаетъ свое перо къ сюжетамъ политическимъ, — «политика проходитъ, а поэзія остается!» Такъ говоритъ органъ фелибровъ, вѣроятно, потому, что Кледатъ отклоняется отъ фелибро-легитимистской ортодоксальности.

Несмотря на то, что Мистраль выразилъ сожалѣніе, зачѣмъ въ школы въ Провансѣ не пускаютъ провансальскаго языка, фе-

¹⁾ Въ такихъ словахъ, какъ приведенныя выше слова редакціи «*Revue des langues romanes*», а также въ выраженіи: — «муза Прованса — плебейскаго происхожденія», — нельзя не видѣть косвенныхъ совѣтовъ фелибрамъ, которыхъ дѣло, по ея словамъ, продолжаетъ ученое обозрѣніе, выходящее въ Монпелье.

либры не заботятся о приготовленіи учебниковъ для народа, ни книгъ популярно-научныхъ, и вообще пренебрегаютъ прозою. Въ «Armana Prouvençau» Мистраль было напечатать статью о небѣ, родъ замѣтокъ объ астрономіи, — и можно было ожидать, что это опытъ изложенія народу научныхъ знаній, — но дѣло и остановилось на этой затерянной среди стиховъ въ «Armana Prouvençau» статейкѣ. Въ послѣдніе два-три года количество книгъ, брошюръ, стихотвореній въ журналахъ на разныхъ діалектахъ провансальскаго языка возрасло въ значительной степени. Покровительствомъ провансальской литературѣ занимаются, кромѣ общества фелибровъ, издающаго «Armana Prouvençau», еще другія литературно-ученыя общества въ разныхъ мѣстахъ на югѣ Франціи, которыя выдаютъ медали за лучшія сочиненія, какъ напр. Académie des jeux floraux, литературное и артистическое общество въ Э, археологическое общество въ Безьерѣ, и др.; кромѣ упомянутаго альманаха, «Revue des langues romanes», издающагося въ Монпелье, прямо заявила желаніе поощрять возрожденіе провансальской литературы; провансальскіе стихи встрѣчаются и въ другихъ мѣстныхъ изданіяхъ ¹⁾. Все это свидѣтельствуеть о возрастаніи запроса на провансальскую литературу, но она все никакъ не выйдетъ изъ очарованнаго круга романсовъ, часто изящныхъ по формѣ, теплыхъ по чувству, но имѣющихъ мало реального значенія, даже реально-художественнаго, да шуточекъ съ музыкою, въ родѣ *lis avoucat*, вышедшей въ 1872 году. Сколько-нибудь живое педагогическое значеніе имѣютъ изъ новыхъ изданій провансальскихъ развѣ переводъ басенъ Лафонтена (Marseille, 1872) съ приспособленіемъ къ провансальскому быту, Марія Бурелли, да переводъ «Подражанія Христу» аббата Ламаусуетта, на беарнскомъ нарѣчій (Rap, 1872); разумѣется, насколько можетъ быть теперь пригодно это любимое пѣвцами всѣхъ странъ сочиненіе. Даже духовные провансальскіе не обнаруживаютъ охоты и къ такой пѣвчески-наставительной прозѣ, какую пишутъ духовные бретонскіе. Въ 1872 году пять священниковъ провансальскихъ издали пѣсни въ честь разныхъ святыхъ съ музыкою, — но ни одинъ еще не подумалъ издать не только полнаго перевода, но и выдержекъ изъ евангелія.

Много книжекъ на мѣстномъ нарѣчій, — діалектѣ провансальскаго языка, — выходитъ въ послѣднее время въ Ниццѣ, и здѣсь они имѣютъ и болѣе реальное содержаніе, и болѣе про-

¹⁾ Библиографія см. въ Armana Prouvençau, и Léotard—Bulletin bibliographique de langue d'oc.

прессивный духъ. Это происходитъ, какъ думаемъ, оттого, что здѣсь мѣстный патріотизмъ былъ слѣдствіемъ того движенія, какое обняло Италію въ годы, когда еще Ницца принадлежала ей, а потомъ того броженія, какое возникло въ департаментѣ Нижнихъ Альпъ, — Ниццскомъ графствѣ, — послѣ присоединенія его къ Франціи, когда тутъ столкнулись партіи довольныя и недозвольныя присоединеніемъ: и та и другая мало-по-малу стали сходиться на идеяхъ провинціальной и общинной автономіи и выдѣляли изъ себя мѣстныхъ патріотовъ, такъ что теперь въ муниципальномъ совѣтѣ въ Ниццѣ преобладаетъ мѣстное нарѣчіе, которымъ охотно говорятъ и въ частныхъ обществахъ люди образованные. Такимъ образомъ, и тутъ мы видимъ, что мѣстный патріотизмъ оживляется и становится реальнѣе и современнѣе, когда онъ выходитъ изъ наивнаго землячества и этнографическаго дилеттантизма, и привязывается къ какимъ-нибудь общимъ политически-соціальнымъ принципамъ. Изъ писателей ниццардовъ отличаются своею плодovitостью: Бесси, издавшій нѣсколько стихотвореній, поэмъ и комедій (въ которыхъ затрогиваетъ, кромѣ общихъ пороковъ, какъ скупость, еще и специально священниковъ, такъ что одна его комедія вызвала-было агитацію съ цѣлью добиться ея запрещенія), и брошюръ о выборахъ политическихъ и въ совѣтъ генеральный, — и также брошюру «la Question de Nice» по-французски и по-итальянски, въ которой рѣшаетъ ниццскій вопросъ именно въ интересахъ status quo, но исправленнаго расширеніемъ свободы политической и муниципальной; и Гвизаль, который составляетъ контрастъ собственно провансальскимъ поэтамъ похвалою Гарибальди (*Poème à l'immortel Garibaldi en la sién lenga maire*, 1870) въ которой онъ между прочимъ желаетъ союза Италіи съ Франціей, впрочемъ, говоря о немъ въ весьма юнственномъ духѣ ¹⁾). Весьма вѣроятно, что направленіе ниццардовъ, какъ и съ другой стороны каталонцевъ, не останется безъ вліянія и на собственно провансальскихъ фелибровъ, между которыми молодые люди начинаютъ уже тяготиться клерикализмомъ и легитимизмомъ, чему способствуетъ и то удивленіе, какое высказываютъ при видѣ этихъ особенностей фелибризма, а также при видѣ исключительнаго стихотворнаго дилеттантизма фелибровъ, иностранные друзья провансальскаго возрожденія, которые въ послѣднее время часто посѣщаютъ Провансъ.

¹⁾ L'Italia e lon Piémont unit embe la França
Seran tougiou l'esfrai de touti li puissansa,
Si faran respetar fin à Mississaipe,
Eh! la China degià comensa à nen capil и т. д.

Замѣчательно, что иностранцы эти, кажется, серьезно многих фелибровъ смотрятъ на провансальское возрожденіе. Судя по словамъ «Revue des langues romanes» и «Atmana Provençau», въ послѣдніе годы Авиньонъ и Монпелье посѣтили гельсингфорскій профессоръ Эсландеръ, написавшій книгу о провансальскихъ трубадурахъ, и упсальскій профессоръ Гадбергъ, — вторымъ высказалъ, что Швеція, заинтересованная сама въ сохраненіи своей самостоятельности, принимаетъ особое участіе во всѣхъ усиліяхъ провансализма. Очень интересенъ переданный въ «Atmana Provençau» за 1873 г. разговоръ, какой имѣлъ въ 1872 году съ Мистралемъ императоръ бразильскій. Донъ-Педро сказалъ ему, что «иностранные народы, даже въ Америкѣ, слѣдятъ съ интересомъ за провансальскимъ возрожденіемъ, во-первыхъ, потому, что Провансъ своими тремя поэзіи симпатиченъ всему свѣту, а во-вторыхъ, потому, что возрожденіе и сохраненіе меньшихъ національностей необходимо для жизни и свободы въ мірѣ. Императоръ спрашивалъ, пишутъ ли фелибры прозою, и очень настаивалъ на необходимости этого и утверждалъ, что если (фелибры) желаютъ обезпечить будущность за ихъ дѣломъ, то должны разрабатывать языкъ со всѣхъ сторонъ, а особенно сочиненіями историческими». Талантливый поэтъ провансальскій долженъ быть имѣть весьма смущенный видъ во время этого разговора.

Самое прочное, что сдѣлано въ послѣднее время подъ вліяніемъ фелибризма и въ связи съ нимъ, — это работы по старинѣ, литературѣ и языку стараго Прованса и народной поэзіи теперешняго. Надо сказать, что въ этомъ отношеніи столь интересная страна, какъ югъ Франціи, была порядкомъ заброшена въ предпослѣдніа десятилѣтія, когда знаменитые труды Ренуара, Форіэля и другихъ успѣли устарѣть и стать библіографическою рѣдкостью. По смерти этихъ ученыхъ, начатыя ими романо-провансальскія студіи продолжались едва ли не болѣе, чѣмъ во Франціи, — въ Германіи, гдѣ боннскій профессоръ Дицъ, авторъ монографіи о трубадурахъ, сравнительной грамматики и ворнеслова романскихъ нарѣчій и множества другихъ работъ, успѣлъ создать цѣлую школу молодыхъ ученыхъ, занявшихъ кафедры романскихъ нарѣчій по всѣмъ германскимъ университетамъ. Между ними выдаются Барчъ, издавшій въ послѣднее время нѣсколько провансальскихъ памятниковъ, *Chrestomatie Provençale*, *Chrestomatie de l'ancien français* и недавно *Grundriss der Geschichte der Provensalischen litteratur* (1872), и Бёмеръ въ Страсбургѣ, издавшій нѣсколько памятниковъ, *Romanische Studien* и брошюру: *die Provensalische Poesie der Gegenvart* (1870). Во Франціи люди, какъ

С. Рене-Тайльянде, занимавшій кафедрю въ Монпелье, поддерживали болѣе литературное, чѣмъ ученое отношеніе къ славной литературной старинѣ Прованса. Но въ послѣднее время явилась фаланга романистовъ во Франціи, развившаяся не безъ сего вліянія Дица: Гастонъ Пари, Поль Мейеръ и др., которыя съ достойной всякаго почтенія энергіей взялась за изданіе памятниковъ богатой старой провансальской литературы, а также романскихъ литературъ вообще. Кромѣ участія въ изданіи «*Documents manuscrits de l'ancienne littérature de la France*», — которыя въ 1871 г. цѣлый томъ наполненъ памятниками провансальской литературы, открытыми Мейеромъ во Франціи и Оксфордѣ, въ 1872 году Мейеръ и Гастонъ Пари основали въ Парижѣ триместріальное изданіе «*Romania*», съ цѣлью изученія литературы и старины романскихъ народовъ. Впрочемъ, еще раньше, съ 1870 г., стала выходить въ Монпелье «*Revue des langues romanes*» тоже триместріально, — помѣщающая, кромѣ произведеній ново-провансальскихъ писателей, памятники романскихъ литературъ и статьи по романской филологіи. Изъ изданныхъ и описанныхъ ею памятниковъ едва ли не самый интересный — трактатъ по медицинѣ, переведенный съ арабскаго на провансальскій языкъ (тулузское нарѣчіе до XIV в.). Инициативу дѣлу, которому хочетъ служить это обозрѣніе, далъ въ Монпелье профессоръ Камбуліу, который образовалъ тамъ общество изученія языковъ на югѣ Франціи. Камбуліу, по всему видно, понималъ вопросъ этотъ во всей его широтѣ, — такъ какъ онъ выдвинулъ передъ тѣмъ обзоръ литературнаго (нѣмецкаго) движенія въ Эльзасѣ и историческій очеркъ литературы въ Каталоніи. Къ сожалѣнію, онъ умеръ въ 1870 году, въ самомъ началѣ изданія «*Revue des langues romanes*». Болѣе или менѣе присоединились къ той же работѣ: «*Revue des cours littéraires*», теперь «*Revue politique et littéraire*», «*Polybiblion*», «*Revue de linguistique*», «*Revue critique*», «*Bulletin de l'école de Chartes*» — въ Парижѣ; «*Revue de Gascogne*», «*Revue de Toulouse*», «*Petite Revue des bibliophiles dauphinois*» въ Греноблѣ, — въ провинціи. Это изученіе старой провансальско-романской литературы уже по самой необходимости употребленія сравнительнаго метода, по связямъ Прованса съ сѣверной Франціей, Испаніей, Италіей, по разбросаннымъ памятникамъ въ разныхъ земляхъ и бібліотекахъ принимаетъ пан-романскій характеръ; и сами археологи и кабинетные ученые начинаютъ высказывать идеи и желанія политическаго пан-романизма, — а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ средневѣковыхъ памятникахъ ученые встрѣчаютъ слѣды провинціального и коммунальнаго автономизма, то

эти же самые ученые невольно приходятъ къ федерализму, въ двойномъ смыслѣ этого слова—децентрализаціи по отношенію къ Франціи и союзу по отношенію къ остальному романскому міру. Осуществленіе послѣдняго, конечно, дѣло далекое, но не невозможное, скорѣе соответствующее ходу исторіи, чѣмъ противное ему. Безъ сомнѣнія, оно не можетъ осуществиться во имя только расоваго родства, открытаго учеными,—но и тутъ, какъ вездѣ, ученые кладутъ первые камни для новаго зданія. Археологическая наука о наслоеніяхъ національно-сословныхъ, о средневѣковыхъ учрежденіяхъ предшествовала движенію въ пользу конституціонализма, археологическое изученіе и идиллическое представленіе сельской жизни предшествовало движенію въ пользу свободы крестьянъ,—нѣтъ возможности, что пан-романская лингвистика есть одно изъ знаменій приближенія практическаго пан-романизма. Впрочемъ, и это все-таки дѣло будущаго.

Пока же можно засвидѣтельствовать только тотъ фактъ, что болѣе широкія идеи ученыхъ романистовъ понемногу оказываютъ уже вліяніе и на фелибровъ, т. е. любителей стихотворства на разныхъ діалектахъ провансальскаго языка. Въ послѣдніе годы «Агтана Провенсау» слѣдитъ не только за стихотворствомъ, но и за учеными работами въ области романо-провансальской филологіи, исторіи литературы, исторіи политической и по изученію народной словесности, какъ, напримѣръ, изданная въ 1872 г. въ «Revue des langues romanes», книга привилегій коммуны Клаугера, а также памятниковъ старой муниципальной свободы, какъ, напримѣръ, «Сборникъ обычаевъ права (coutumes) гор. Арля съ 1200 г.», изд. въ 1870 г. ученымъ обществомъ въ Арлѣ, и другой—«Las ordenones et empressas del luoc de Remolius», изданный тамъ же фелибромъ Шарье.

Число изданій памятниковъ народной поэзіи, собранныхъ изъ народныхъ устъ въ южной Франціи, также увеличивается въ послѣднее время. Такъ, кромѣ упомянутаго, вышедшаго еще въ 1862 г., сборника Arbaud, «Chants populaires de la Provence» (Aix, 2 vol.), вышелъ въ 1868 г. сборникъ сказокъ изъ марсельскаго округа («Contes dau village». Marseille, Boy). «Revue des langues romanes» извѣщаетъ о нѣсколькихъ лексиконахъ провансальскаго языка, приготовляемыхъ къ изданію, — что давно уже пора сдѣлать, такъ какъ лексиконъ Онопà уже старъ и съ трудомъ добываемъ, а лексиконъ Гарсена тоже старъ и кратокъ. Изъ мѣстныхъ и частныхъ лексиконовъ южно-французскаго діалекта, которые составляютъ необходимый матеріалъ для общаго, вышелъ въ 1863 г. Сенае-Moncaut, «Dictionnaire gascon-fran-

çais», а въ 1872 г. «Catalogue botanique. Synonymie languedocienne, provençate, gasconne, quereinoise etc. par Gabriel Azais», выданный приверженною къ фелибризму академіей въ Безьерѣ. Между прочимъ, надъ полнымъ лексикономъ стараго и новаго, книжнаго и народнаго языка провансальскаго работает Ми-страль.

Невозможно, чтобъ то вниманіе, какое показываютъ теперь жѣ просвѣщенные люди во Франціи къ провансальской старинѣ, не повело за собою болѣе энергическихъ усилій къ сохраненію провансальской народности и къ возрожденію провансальской литературы, потому что, какъ справедливо говорить Бризе: «Il est peu logique, quand tous les vieux monuments sont avec tant de soin conservés, de détruire une antiquité vivante» ¹⁾. Еще менѣе возможно, чтобъ политическія событія и вопросы, связь Прованса съ Каталоніей, столкновенія любителей провансализма съ народомъ, неизбѣжныя уже ради самого этнографическаго дилеттантства, не повели за собою ббльшаго оживленія и реальности ново-провансальскаго патриотизма, болѣе общественнаго и научнаго направленія и ново-провансальской литературы, которая найдеть себѣ опору и цѣль во всеобщемъ теперь стремленіи къ просвѣщенію массъ и самоуправленію.

М. Драгомановъ.

¹⁾ При восстановленіи и реорганизаціи парижской національной библиотеки послѣ войны положено образовать особый отдѣлъ изъ исторіи провинцій и нарѣчій народныхъ (Histoire des provinces, philologie des patois). Въ маѣ прошлаго года распродава по дорогимъ цѣнамъ коллекція Bibliothèque patoise (Maisonneuve), собранная однимъ любителемъ (Burgaud des Marets). Изъ нихъ было 293 книги баскскихъ, 1197 на романо-французскихъ діалектахъ, 241 бретонскихъ. Cp. de Riacre, *Projet d'étiquette sur les patois français*. 1868. (Maisonneuve).

ХОЛЕРА ВЪ ТАМБОВѢ

въ 1830-мъ году.

По рассказамъ очевидцевъ.

Въ русской исторіи, равно какъ и въ литературѣ, еще не наступило время появленія правдиваго и подробнаго описанія такъ-называемыхъ «бунтовъ» на Руси, происходившихъ въ текущемъ столѣтіи. Самые матеріалы для изученія этихъ событій—слѣдственные дѣла—все еще, къ сожалѣнію, находятся подъ спудомъ и для изслѣдованій недоступны. Вслѣдствіе этого, исторіи нѣкоторыхъ бунтовъ появляются въ нашей литературѣ «со словъ очевидцевъ»—въ рассказахъ, не проверенныхъ, лишенныхъ строгой исторической послѣдовательности и не чуждыхъ, иногда, вымысловъ и превратнаго толкованія фактовъ и явленій. Такъ, напр., дѣло декабристовъ, несмотря на его полувѣковую уже давность, до сихъ поръ еще полно недомолвокъ и многихъ неточностей. Даже, лишенное всякаго политическаго характера, дѣло о бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ графа Аракчеева, помѣщенное недавно въ «Русской Старинѣ», было составлено не по подлиннымъ документамъ и матеріаламъ, а по тѣмъ же «рассказамъ очевидцевъ», являющимъ собою, вообще, русское традиціонное хранилище свѣдѣній объ интереснѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи.

Несомнѣнно, конечно, что настанетъ со временемъ большая возможность описанія этихъ событій,—и тогда эпосъ «рассказовъ» померкнетъ предъ дѣйствительностью фактовъ: публика ознакомится

съ названными событіями въ болѣе строгой, исторической формѣ изложенія — менѣе чллюмпнованной и болѣе правдивой. А пока — поневолѣ приходится ограничиваться этими «разказами очевидцевъ»; и мы не думаемъ, чтобы русской литературѣ былъ брошенъ когда-либо упрекъ за ея сильное желаніе — ознакомить публику, насколько это возможно, съ событіями нашей новѣйшей исторіи.

Легко замѣтить, что наши народныя волненія носятъ на себѣ чрезвычайно своеобразный характеръ и очень различны отъ таковыхъ же событій въ западной Европѣ. Причины этихъ различій заключаются, конечно, въ особенностяхъ народнаго характера и бытовой стороны русской жизни; затѣмъ, въ основѣ этихъ волненій лежало многострадальное, историческое прошлое народа и, главное, темнота народная — т. е., положительное отсутствіе въ низшихъ классахъ самаго элементарнаго образованія. Неизвѣданная эпидемія, въ родѣ чумы, или холеры, новая комета, неясный указъ, эксплуатируемый въ свою пользу мелкимъ чиновничествомъ въ провинціяхъ — все это, порождая страхъ или неудовольствіе въ народѣ, собирало его въ массы и служило, затѣмъ, причиною въ открытымъ взрывамъ и сопротивленіямъ. Только два народныя волненія стоятъ особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ и являютъ изъ себя какъ бы нѣкоторую аномалію: это — бунтъ пугачевскій, и второй, бывшій на Сенатской площади Петербурга: оба бунта были «за цара» — по внутреннему убѣжденію подчиненныхъ массъ, слѣдѣ вѣрившихъ своимъ предводителямъ. Всѣ же прочіе бунты, начиная съ бывшаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ *мѣднаго бунта*, происшедшаго по поводу выпуска въ обращеніе мѣдныхъ денегъ, и кончая каргопольнымъ бунтомъ въ Пермской губерніи, происходили именно отъ темноты народной и отъ эксплуатаціи указовъ. Московскій бунтъ во время чумы, холерный бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ графа Аракчеева и таковой же въ Петербургѣ на Сѣнной — были порожденіями все той же темноты народной. Даже самый воднѣйшій изъ русскихъ «бунтовъ» — безднинскій, бывшій въ 1861 году, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, былъ результатомъ неясности въ пониманіи извѣстнаго манифеста и, затѣмъ, той же темноты народной.

Ни одно изъ этихъ волненій не произвело, какъ извѣстно, государственнаго переворота, не нарушило политическаго и соціальнаго строя и обычнаго теченія русской жизни. Тѣ событія, которыя, со второй половины прошлаго столѣтія, производили у насъ неожиданныя измѣненія въ престолонаслѣдіи, были

чужды русскому народу. Наши народныя волненія не были похожи на пронунсіаменто Испаніи, начинающіяся въ казармахъ и оканчивающіяся междоусобными войнами; еще менѣе они схожи со взрывами народнаго неудовольствія во Франціи, заявляющаго себя на баррикадированныхъ улицахъ Парижа.

Русскіе «бунты» имѣли, въ своемъ концѣ, одни и тѣ же послѣдствія: грозную кару. Виновные судились или особымъ верховнымъ судомъ, или же, въ большинствѣ случаевъ, полевымъ военнымъ. Иные бунты усмирялись однимъ грознымъ начальничьимъ окрикомъ — и затѣмъ оканчивались наказаніями вѣнцомъ и каторгою.

Къ числу послѣднихъ бунтовъ слѣдуетъ отнести и холерный бунтъ въ Тамбовѣ, въ 1830 году. Ни наша литература, ни публики не знакомы съ этимъ бунтомъ, — вслѣдствіе того же обстоятельства, что архивы того времени еще недоступны для ученыхъ изслѣдованій такихъ событій; а безмолвная печать того времени обошла тамбовскій бунтъ обычнымъ молчаніемъ. Изъ газетъ тридцатыхъ годовъ — «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Московскихъ» — мы узнаемъ лишь, что изъ нашихъ внутреннихъ губерній холера появилась впервые въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской и Нижегородской: указомъ правительствующему сенату отъ 24-го сентября 1830 года, опубликованнымъ 4-го октября, было повелѣно — приостановить въ названныхъ губерніяхъ производство назначеннаго рекрутскаго набора «по случаю появившейся въ сихъ губерніяхъ эпидемической болѣзни холеры». Затѣмъ, указомъ сенату (по 1-му департ.), отъ 10-го октября того же года, наборъ былъ приостановленъ въ губерніяхъ Костромской, Курской и Слободско-Украинской. О Тамбовской губерніи въ этихъ указахъ не упоминалось ни слова. Между тѣмъ, въ № 93 «Моск. Вѣд.», отъ 10-го ноября, за недѣлю до вспыхнувшего въ Тамбовѣ бунта, помѣщено было слѣдующее объявленіе: «министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, объявляетъ, что въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Курской и землѣ войска Донскаго, равно какъ и въ губернскихъ городахъ Костромѣ и Казани, эпидемическая болѣзнь холера, по благодати Всевышняго, прекратилась. Почему, между означенными губерніями и войскомъ, какъ благополучными, восстановлено свободное сообщеніе, а съ городовъ снято оцѣпленіе: съ Костромы 26-го октября, съ Казани 8-го ноября».

Изъ этого успокоивающаго объявленія графа Закревскаго

можно было, слѣдовательно, заключить о совершенномъ «прекращеніи» холеры какъ въ Тамбовской губерніи, такъ и въ Казани. Но на дѣлѣ оно было не совсѣмъ такъ. Не далѣе, какъ въ № 99 «Моск. Вѣд.», отъ 7-го декабря, т.-е. по прошествіи всего 18-ти дней послѣ своего перваго объявленія, тотъ же графъ Закревскій объявляетъ, что «Высочайше учрежденная центральная коммиссія для пресѣченія холеры отправилась *изъ Казани въ Тамбовъ*»... Такія объявленія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, взаимно другъ друга опровергающія, не могли, очевидно, достигать своей цѣли; жертвуя, ради успокоенія общественнаго мнѣнія, правдою событій, объявленія эти порождали совершенно противоположные результаты—нелѣпые, преувеличенные слухи, исходящіе изъ молвы народной и изъ того паническаго страха, которому безотчетно отдалось въ то время населеніе губерній, охваченныхъ невѣдомою болѣзью.

Слѣдуя за объявленіями графа Закревскаго далѣе, мы находимъ въ № 101 «Моск. Вѣд.», отъ 17-го декабря, слѣдующее: «министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ графъ Закревскій, объявляетъ, что онъ, вслѣдствіе высочайшаго Е. И. В. повелѣнія, отправился 12-го декабря изъ Тамбова въ С.-Петербургъ». Слѣдовательно: объявивъ, 19-го ноября, о прекращеніи холеры въ Казани, въ Тамбовской губ. и др., гр. Закревскій отправилъ въ ту же самую Казань «центральную коммиссію для пресѣченія холеры», каковая коммиссія и пробывъ тамъ до 7-го декабря; затѣмъ, коммиссія эта выѣзжаетъ *изъ Тамбовскую губернію*—гдѣ тоже, по словамъ гр. Закревскаго, холера давно была прекращена; затѣмъ, въ эту же губернію уѣзжаетъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ и живетъ тамъ до 12 декабря... Опять повторимъ: подобныя противорѣчащія объявленія, игнорируемыя общественнымъ мнѣніемъ того времени, еще болѣе способствовали преувеличеннымъ слухамъ о холерѣ и повсемѣстному унынію въ народѣ. Поэтому, и сообщаемымъ официально свѣдѣніямъ о смертности отъ холеры мало вѣрили,—хотя цифра этой смертности, даже и по правительственнымъ сообщеніямъ, была довольно значительна. Такъ, въ № 136 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», отъ 12-го ноября 1830 года, число всѣхъ заболѣвшихъ холерою въ двѣнадцати губерніяхъ внутренней Россіи показано 22,731; выздоровѣло 8,849 чел., умерло 14,066 чел., осталось больныхъ 824 ¹⁾. Въ числѣ этихъ 12-ти губерній на-

¹⁾ Цифра эти, очевидно, спутаны и не проверены. Мы помѣщаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.

звана и Тамбовская—въ послѣдній уже разъ. Далѣе, кромѣ упомянутыхъ уже нами извѣстій о поѣздѣ въ этотъ городъ изъ Казани центральной комиссіи и наконецъ самого министра внутреннихъ дѣлъ, — мы уже не встрѣчаемъ о Тамбовѣ никакихъ свѣдѣній въ газетахъ того времени—ни официальныхъ сообщений, ни частныхъ корреспонденцій, хотя послѣднія и помѣщались иногда въ «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Только въ № 36 «Моск. Вѣд.», отъ 6-го мая 1831 года, мы находимъ первую корреспонденцію изъ Тамбова; но и та говорить о попечительствѣ по призрѣнію бѣдныхъ духовнаго званія, но ни слова не упоминаетъ о холерѣ и бывшемъ бунтѣ. 28-го января 1831 года объявлено было о прекращеніи холеры и о возобновленіи рекрутскаго набора, пріостановленнаго въ началѣ эпидеміи. Затѣмъ, въ указѣ правительствующему сенату отъ 30 марта 1831, были объявлены многія льготы «мѣстамъ, наиболѣе потерпѣвшимъ отъ холеры»: сложеніе недоимки, исключеніе изъ народныхъ переписей и окладовъ, съ 1 января 1831 года, умершихъ отъ холеры людей податного сословія, и т. под. Въ указѣ этомъ подробно поименованы всѣ тѣ губерніи и области, на которыя распространялись эти льготы; но Тамбовская губернія не была поименована вовсе—безъ упоминанія причинъ этой очевидной кары.

Официальное молчаніе того времени о происшедшемъ въ Тамбовѣ бунтѣ объясняется обстоятельствами: при этомъ бунтѣ, какъ увидимъ ниже, солдаты тамбовскаго баталіона внутренней стражи оказали открытое сопротивленіе своему начальству, отказавшись стрѣлять въ бунтующихъ... Это произошло 26 ноября; а 17-го, какъ извѣстно, началось возстаніе въ Варшавѣ; въ виду такого смутнаго времени, вслѣдствіе, можетъ быть, дипломатической необходимости, тамбовскій бунтъ былъ облеченъ въ политическую тайну, о которой было не безопасно, по словамъ очевидцевъ, не только писать, но даже и говорить.

Подлинное дѣло о бунтѣ въ Тамбовѣ было, по распоряженію правительства, доставлено въ Петербургъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1831 года, флигель-адъютантомъ графомъ Ивеличемъ. Мы составили описаніе этого бунта по рассказамъ многихъ очевидцевъ, которыхъ, живя въ Тамбовѣ, знали лично.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1830 года до тамбовской губернской администраціи дошли слухи, подтвержденные вскорѣ донесеніемъ мѣстнаго станового пристава, что въ селѣ Никольскомъ, отстоящемъ отъ Тамбова въ 10-ти верстахъ, появилась холера и что нѣсколько тамошнихъ крестьянъ уже умерло. По первоначальному дознанію оказалось, что холера въ село Никольское была занесена крестьянами, прибывшими изъ Нижняго-Новгорода, съ Макарьевской ярмарки. Такъ-какъ тамбовскія власти были уже отчасти предувѣдомлены о возможности появленія этой болѣзни и снабжены надлежащими инструкціями, то въ село Никольское былъ командированъ тамбовскій уѣздный врачъ Гоффъ, съ фельдшеромъ и медикаментами. вмѣстѣ съ тѣмъ, самый Тамбовъ былъ подвергнутъ оцѣпленію и всѣмъ карантиннымъ строгостямъ—во избѣжаніе проникновенія эпидеміи въ городъ. Мѣры эти, сами по себѣ разумныя, дали обширное поле для злоупотребленій мѣстной полиціи и были необыкновенно стѣснительны для городскихъ жителей, и преимущественно для мѣщанъ, составлявшихъ главную часть населенія Тамбова. Въ самомъ началѣ мѣры эти называли всеобщій ропотъ, который, однако же, не устранилъ злоупотребленій полиціи. Тѣмъ не менѣе населеніе подчинялось карантиннымъ строгостямъ, хотя и крайне неохотно.

Черезъ нѣсколько дней по отправленіи врача Гоффа, въ Тамбовѣ было получено извѣстіе, что крестьяне села Никольскаго, скрывая своихъ заболѣвающихъ и даже покойниковъ, оказали сопротивленіе врачу; а когда Гоффъ прибѣгнулъ къ силѣ, обратившись къ содѣйствію сотскихъ, то крестьяне схватили его, связали вмѣстѣ съ двумя покойниками и стали изготовлять для него изъ кипятку ванну. «Ты нашихъ мужичковъ уморилъ въ горячей водѣ,—посиди теперь самъ въ ней!»—говорили связанному Гоффу крестьяне. Ванну же, какъ оказалось, Гоффъ привезъ въ село Никольское изъ Тамбова—согласно инструкціямъ, которыя предписывали, «посадивъ больного въ ванну, закрыть его на-глухо плотнымъ войлокомъ». («Моск. Вѣдом.» 1830 года: «объявленіе» совѣта московскихъ врачей).

Тамбовскій губернаторъ д. с. с. Мионовъ, по полученіи извѣстія объ истязаніяхъ Гоффа, тотчасъ же отправилъ въ Никольское 25 человекъ конныхъ жандармовъ и тамбовскаго уѣзднаго исправника, предписавъ ему отбить Гоффа и арестовать всѣхъ мѣщанинъ. Вслѣдъ за жандармами, на обывательскихъ подводахъ, была отправлена, въ помощь исправнику, одна рота изъ тамбовскаго баталіона внутренней стражи. Исправникъ съ жандармами успѣлъ прибыть въ Никольское во-время: ванну еще

не исполнили внятнымъ какъ слѣдуетъ, хотя Гоффъ, приготовленный въ этому испытанію, былъ уже отъезжанъ отъ мертвецомъ и совсѣмъ раздѣтъ. Жандармы и исправникъ подсакали прямо въ той избѣ, гдѣ былъ несчастный врачъ, и успѣли отбить его — послѣ сильной схватки съ крестьянами. А когда по всему селу преобладали вѣсти о прибытіи исправника, и крестьяне, вооруженные вольями, стали сбѣгаться въ избѣ, гдѣ лежалъ полуумертвленный отъ страха Гоффъ и гдѣ находился также исправникъ съ жандармами, то въ это время въ Никольское стали уже прибывать на подводкахъ солдаты, — и крестьяне не могли отбить Гоффа вторично; но виновныхъ не выдали и до арестовъ исправника не допустили. Прибывшая рота солдатъ ничего не могла подѣлать въ многолюдномъ селѣ Никольскомъ, куда, вдобавокъ, начали собираться крестьяне и изъ сосѣднихъ, ближайшихъ деревень. Вслѣдствіе этого, исправникъ со всюю командою и съ Гоффомъ вернулся въ Тамбовъ. Губернаторъ отправилъ надлежащее донесеніе въ Петербургъ, прибавляя, что дальнѣйшее усмиреніе крестьянъ селъ Никольскаго, охваченнаго холерою, неизбежно внесетъ эту бѣдѣ въ самый Тамбовъ. Неизвѣстно, какою отвѣтъ получилъ губернаторъ изъ Петербурга и скоро ли, — такъ-какъ, подобныя донесенія посылались въ то время изъ провинцій не по телеграфу и не по желѣзной дорогѣ, и даже не съ курьерами, — обыкновеннымъ порядкомъ, посредствомъ эстафеты, — но село Никольское было оставлено въ покоѣ; крестьянъ же этого селу прибывавшихъ въ базарные дни въ Тамбовъ, хватили на площади и сажали въ тюремный замокъ, — такъ что, потомъ, никольскіе крестьяне прервали всякія сношенія съ Тамбовомъ.

Къ несчастію, предположенія губернатора успѣли сбыты послѣ перваго же столкновенія съ крестьянами с. Никольскаго жандармы и гарнизонные солдаты, воротившіеся изъ этого селу не были подвергнуты «карантинному очищенію» — и внесли холеру въ Тамбовъ. Самый городъ, въ гигиеническомъ и санитарномъ отношеніи, какъ нельзя болѣе способствовалъ развитію эпидеміи: осень стояла душная, жаркая; на базарахъ продавали неспѣлые иногда, овощи и плоды; въ самой многолюдной и населенной части города — въ Пушкаряхъ — протекала ничтожная всегда вонючая рѣчка Студенецъ, въ которую обыкновенно сваливали всякій соръ и всѣ нечистоты города ¹⁾.

¹⁾ Припомнимъ кстати, что та же рѣчка Студенецъ аннотировала Тамбовъ и въ нѣкоторое время — въ холеру 1871 года, когда въ этомъ городѣ умирали по нѣскольку сотъ человѣкъ въ день, такъ что, наконецъ, стало недостатать гробовъ и ихъ и вывали, съ особыми повѣздами, изъ Козлова.

Настоящая холера стала развиваться въ Тамбовѣ, собственно, въ ноябрѣ; до этого времени смертныхъ случаевъ было очень немного, такъ-какъ жители заболѣвали преимущественно одною холериною, отъ которой врачи лечили какъ отъ настоящей холеры. Рядомъ съ развитіемъ эпидеміи было усилено и оцѣпление города, и карантинная строгость на заставахъ. Согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, примѣненному въ слѣдствіи и въ Москвѣ, всѣхъ лицъ, въѣзжающихъ въ Тамбовъ, подвергали 14-ти-дневному «карантинному очищенію», равнявшемуся аресту; при этомъ тому же «очищенію» подвергались не только люди, но «вещи и товары — въ лавкахъ и магазинахъ, въ коихъ купцы, или сидѣльцы заболѣвали холерою». («С.-Петербур. Вѣдом.» № 152, 1830 года). На заставахъ, вслѣдствіе этихъ мѣръ, стало не хватать помѣщеній не только для «товаровъ и вещей», но и для людей, задерживаемыхъ цѣлыми массами при въѣздѣ и въѣздѣ въ Тамбовъ. Особенно стѣснительною для тамбовскихъ торговцевъ и мѣщанъ мѣрою было упомянутое «очищеніе вещей и товаровъ»; мѣстныя власти эксплуатировали это очищеніе до самой невѣроятной степени: достаточно было въ домѣ любого купца кому-либо заболѣть холериною, — и полиція приступала къ описи и опечатанію товаровъ въ магазинѣ и въ складочныхъ амбарахъ. Приходилось откупаться отъ «очищенія»... Вслѣдствіе этого, жители стали тщательно скрывать отъ полиціи заболѣвающихъ холерою, — что, конечно, еще болѣе способствовало развитію эпидеміи. Укрывательство это вызвало новое зло со стороны властей: карательныя мѣры. Замѣтимъ еще при этомъ, что самое географическое положеніе Тамбова, отстоящаго вдали отъ столицъ, въ степной глуши, какъ нельзя болѣе способствовало всѣмъ этимъ безаппеляціоннымъ злоупотребленіямъ; что даже въ Москвѣ, въ столицѣ, холера имѣла для жителей видъ какаго-то осаднаго положенія. Такъ, напр., распоряженіемъ московскаго генераль-губернатора, отъ 10 октября 1830 года, объявлялась слѣдующая, чисто-военная мѣра: «если въ какомъ-либо домѣ будетъ умершій отъ холеры, о которомъ прежде не было дано знать полиціи, то за сіе сокрытие *весь домъ подвергнется оцѣпленію и никто изъ живущихъ въ такомъ домѣ не будетъ выпущенъ*» («Моск. Вѣдом.» 1830 года, № 83).

Но самымъ сильнымъ злоупотребленіемъ со стороны тамбовскихъ властей, особенною тяжестью ложившимся на жителей, было взиманіе денегъ за пропускъ въ Тамбовъ. Многіе купцы и богатые мѣщане, до начала эпидеміи находившіеся по своимъ

торговымъ дѣламъ на сторонѣ, спѣшили въ это тяжелое время возвращаться въ свои семейства и дома, но ихъ останавливали на заставахъ и подвергали 14-ти-дневному «очищенію», не допуская до свиданія съ родными. И въ этомъ случаѣ, опять-таки, приходилось платить деньги, и иногда очень большія. Впрочемъ, злоупотребленія эти, какъ надо полагать, совершались въ то время повсемѣстно — т.-е. въ тѣхъ губерніяхъ, которыя были охвачены холерою и гдѣ, вслѣдствіе этого, были учреждены карантинныя строгости и «очищенія». По минованіи холеры, въ судахъ того времени возникали массы дѣлъ, производившихся по поводу бывшихъ злоупотребленій во время эпидеміи. Иногда даже дѣла эти попадали, случайнымъ образомъ, въ молчаливую печать того времени—впрочемъ, только въ оффиціальныя органы. Такъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1831 года мы находимъ указъ правит. сенату отъ 10-го марта того же года (по 5-му департаменту, 1-му отд.), коему предлагалось къ разсмотрѣнію, по протесту владимірскаго губернатора, дѣло о рядовомъ 4-го фуриштатскаго баталіона Меркуловѣ, судимомъ за пропускъ во Владимірь, за *четыре рубля*, нѣсколькихъ крестьявъ «безъ надлежащаго 14-ти-дневнаго очищенія». Какимъ образомъ рядовой Меркуловъ могъ попасть на такой важный постъ, гдѣ онъ за деньги пропускалъ или не пропускалъ народъ въ оцѣпенный Владимірь — этого изъ газетъ не видно.

Въ половинѣ ноября холерина стала превращаться въ Тамбовѣ въ дѣйствительную холеру: заболѣвающіе люди быстро умирали — въ самыхъ страшныхъ мученіяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, жители, питая извѣстное отвращеніе русскаго человѣка къ нѣмецкимъ докторамъ и аптекамъ и къ казеннымъ больницамъ, откуда, по общему мнѣнію, не было уже возврата, тщательно скрывали больныхъ; это дѣлали и бѣдные люди, и богатые, не желавшіе умирать подъ кровомъ казеннымъ, вдали отъ семьи и близкихъ людей. Тогда власти распорядились высылать по городу особые на этотъ предметъ устроенные экипажи — «холерные возки», какъ ихъ потомъ прозвали тамбовцы. Сопровождаемые эскадрой полицейскихъ, возки эти разѣзжали по городу, наводя панический страхъ на жителей; солдаты вторгались въ дома — преимущественно небогатыхъ людей, — гдѣ они знали, что есть заболѣвшіе холерою, забирали больныхъ силою и отвозили ихъ въ городскую больницу. Очень часто случалось, что по дорогѣ въ больницу, находившуюся за-городомъ (тамъ же, гдѣ она находится и въ настоящее время), люди умирали въ самыхъ возкахъ. Такъ, однажды, когда такой возокъ проѣзжалъ берегомъ рѣки Цны,

мимо дома духовной семинаріи, то бурсаки, выбѣжавъ на улицу, сдѣлали нападеніе на этотъ печальный кортежъ и разогнали полицейскихъ солдатъ; въ возкѣ они нашли трехъ больныхъ: двухъ живыхъ, которыхъ сейчасъ же и взяли изъ возка ихъ родные, слѣдовавшіе за этимъ поѣздомъ, а третій больной былъ уже мертвъ и бурсаки его не тронули. А однажды, когда такой возокъ выѣзжалъ со двора 3-ей части на Варваринскую площадь, гдѣ въ то время собрался обычный, по понедѣльникамъ, базаръ, то народъ, завидя этотъ экипажъ, бросился въ паническомъ страхѣ во всѣ стороны и черезъ нѣсколько минутъ базара не существовало: всѣ разбѣжались и разбѣхались — кто куда могъ. Вообще, при встрѣчахъ съ этими холерными возками на улицахъ, крестьяне и мѣщане, если были на лошадяхъ, поворачивали обратно и неслись во весь духъ, куда глаза глядятъ; гѣ-шіе люди бросались тоже куда попало: въ калитки и подворотни.

При такомъ возбужденномъ и исключительномъ состояніи духа жителей Тамбова, при гѣхъ чрезвычайныхъ злоупотребленіяхъ, какія были порождены холерою, достаточно было какого-нибудь ничтожнаго повода, одной искры, чтобы произвести взрывъ народнаго неудовольствія. И искра эта въ скорости была брошена вице-губернаторомъ города Тамбова. Это былъ очень добрый и честный человѣкъ, но совершенно необразованный; онъ былъ малороссъ и женатъ на замѣчательно красивой, крещеной еврейкѣ. Хотя, по прибытіи своемъ въ Тамбовъ, онъ и выдавалъ жену за нѣмку, но гѣмъ не менѣ тамбовская губернская аристократія провѣдала какъ-то о настоящемъ происхожденіи его супруги — и грубо отстранилась отъ нея, а затѣмъ и отъ ея мужа. Вслѣдствіе этого, самого по себѣ ничтожнаго обстоятельства, вице-губернаторъ стоялъ особнякомъ отъ губернской администраціи и даже иногда открыто враждовалъ съ ней — въ гѣхъ случаяхъ, когда его честность и неподкупность становилась на дорогѣ дѣйствій прочихъ властей. Только съ однимъ изъ крупныхъ тамбовскихъ чиновниковъ онъ былъ друженъ — съ предсѣдателемъ гражданской палаты Вердеревскимъ, тоже малороссомъ и, слѣдовательно, своимъ землякомъ.

Во второй половинѣ ноября по городу стали распространяться зловѣщія слухи, что «господа отравляютъ воду въ колодцахъ»... Надо замѣтить, что Цна протекаетъ вдоль всего города; но Тамбовъ, выстроенный по одной ея сторонѣ, нагорной, соприкасается съ этою рѣкою самою лишь малою частью своихъ домовъ — Инвалидную улицу и набережную; въ улицахъ, отдаленныхъ отъ Цны, небогатые жители, не имѣя бочекъ и лошадей, пользовались во-

дою изъ володцевъ. Зловѣщій слухъ объ отравѣ воды былъ основанъ на томъ обстоятельстве, что холера, минуя прибрежныя улицы (гдѣ воздухъ, понятно, былъ гораздо чище), начала распространяться именно въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ рѣки, и преимущественно въ густо населенныхъ улицахъ второй городской части. Надо думать, что губернская власть, до которыхъ не могъ не дойти этотъ слухъ, не придали ему серьезнаго значенія: по крайней мѣрѣ, онѣ ничего не сдѣлали для опроверженія таковаго нелѣпаго слуха и для превращенія его въ самое началѣ. Между тѣмъ, слухъ этотъ быстро облетѣлъ весь Тамбовъ, и затѣмъ столь же быстро перешелъ въ уѣздъ и въ село Никольское. Вскорѣ послѣ этого случилось слѣдующее, очень важное, какъ увидимъ ниже, происшествіе: въ семействѣ вице-губернатора умерло двое дѣтей; а у предсѣдателя гражданской палаты умерла жена и единственный ребенокъ. Жена вице-губернатора, огорченная потерю горячо любимыхъ дѣтей и не принимаемая къ тому же тамбовскимъ обществомъ, охотно повѣрила слуху объ отравленіи володцевъ и успѣла увѣрить въ томъ же своего добродушнаго и огорченнаго мужа; а когда, на второй день послѣ похоронъ дѣтей, заболѣла холерою и она сама, то, умирая и прощаясь съ мужемъ, несчастная еврейка еще разъ высказала ему увѣренность, что она умираетъ отъ отравы... Обезумѣвшій отъ горя вице-губернаторъ, при похоронахъ своей молодой жены, имѣлъ неосторожность подтвердить увѣренія покойницы въ присутствіи посторонней толпы, собравшейся, по обычаю, къ нему въ домъ во время выноса тѣла. Его другъ и землякъ, предсѣдатель Вердеревскій, присутствовавшій на этихъ похоронахъ, заявилъ, что и онъ вполне вѣритъ слухамъ объ отравленіи воды. То же самое онъ повторилъ, возвратясь съ похоронъ, своему камердинеру, — и, такимъ образомъ, нелѣпыя слухи объ отравленіи володцевъ получили уже, въ мнѣніи простого народа, надлежащую санкцію со стороны двухъ очень важныхъ лицъ въ Тамбовѣ, малороссовъ, не имѣвшихъ съ мѣстными *господами* ничего общаго. Простая случайность и фатальное, повидимому, совпаденіе нѣкоторыхъ событій играли здѣсь, какъ и всегда, первую роль. Но если мы сгруппируемъ всѣ приведенныя нами событія и обстоятельства, то увидимъ какъ бы нѣкоторую послѣдовательность и постепенность въ нихъ: такъ, напр., холера породила веточныя и многочисленныя привезанія; привезанія создали злоупотребленія; злоупотребленія вызвали ропотъ; ропотъ породилъ нелѣпыя толки, которые, въ свою очередь, крайне воз-

будить притѣсняемую массу городского населенія, привели ее къ открытому сопротивленію и бунту.

26-го ноября, около одиннадцати часовъ утра, масса тамбовскихъ мѣщанъ собралась около городской думы и потребовала, чтобы къ ней вышелъ голова, для выслушанія ея жалобъ и зашеній.

Городского головы въ то время въ думѣ не было; узнавъ о сборищѣ мѣщанъ, онъ спрятался въ домѣ родныхъ своей жены и нигуда не показывался до самаго окончанія бунта. Когда толпѣ объявили, что головы въ думѣ нѣтъ, то она направилась къ дому губернатора, находящемуся черезъ домъ отъ зданія думы¹⁾. Губернаторъ встрѣтилъ толпу на крыльцѣ и спросилъ: что ей нужно? Мѣщане стали жаловаться на злоупотребленія во случаю холеры и на строгость карантинныхъ мѣръ.

— Никто изъ васъ, изъ господъ, не умираетъ, а простой народъ мретъ сотнями, — говорили выборные мѣщане губернатору: — мы не хотимъ также, чтобы ѣздили холерные возки по городу и забирали больныхъ въ больницу, такъ какъ еще не было примѣра, чтобы оттуда кто-нибудь возвратился живой: всѣхъ морятъ тамъ въ горячей водѣ... и т. д.

Губернаторъ сталъ-было уговаривать народъ разойтись и доказывать ему всю неумѣстность его требованій; между прочимъ, онъ прибавилъ: «вы врете: больницы хороши»...

— А былъ ли ты въ нихъ, и видѣлъ ли, сколь они хороши? — спросилъ его мѣщанинъ Ильинъ.

Губернаторъ совершенно растерялся отъ этого неожиданнаго вопроса — и не нашелся. Онъ сказалъ, что не былъ въ больницахъ...

Какъ только онъ сказалъ, что не былъ, толпа тотчасъ же подхватила его подъ руки и повела по направленію къ загородной больницѣ. Когда толпа его увела, то полиціймейстеръ Тамбова, полковникъ Модерахъ, приказалъ ударить во всѣхъ церквяхъ въ набатъ, а самъ неизвѣстно куда скрылся и не былъ розысканъ до самаго окончанія бунта. Въ то же время и командиръ баталіона внутренней стражи приказалъ барабанщикамъ бить тревогу, чтобы собрать солдатъ. Но на звонъ, прежде всего, выбѣжали жители, и, узнавъ въ чемъ дѣло, бѣжали къ городской больницѣ и присоединялись къ толпѣ, которая вела съ собою губернатора; та-

¹⁾ Гдѣ былъ губернаторскій домъ (въ которомъ ранѣе жилъ известный поэтъ Дерзавинъ, бывшій въ Тамбовѣ губернаторомъ), на томъ мѣстѣ встроены нынѣ Александрійскій женскій институтъ.

кимъ образомъ масса бунтующаго народа составила болѣе, чѣмъ изъ пяти тысячъ. Когда эта толпа стала подходить въ дому комиссаріатской комиссіи, то, услышавъ по городу барабанный бой и догадавшись объ его смыслѣ, быстро разобрала болѣе двадцати сажень дровъ, сложенныхъ у комиссіи, и такимъ образомъ вооружилась.

Когда толпа шла вблизи зданія 1-й городской части, то ей на встрѣчу, всего съ десяткомъ пожарныхъ солдатъ, вышелъ отставной поручикъ Кузнецовъ, бывшій въ этой части квартальнымъ надзирателемъ, и спросилъ у народа: «что за сборище и куда вы идете?» Изъ толпы ему отвѣтили: «идемъ *холеру разносить*». Въ это время Кузнецовъ увидѣлъ въ толпѣ губернатора съ обнаженной головой, котораго мѣщане держали подъ руки, такъ какъ онъ былъ слабый старикъ и отъ перепугу едва держался на ногахъ. Кузнецовъ сталъ уговаривать толпу отпустить губернатора. «А-а-а, и ты видно *холерникъ!*» закричали мѣщане и толчками отогнали Кузнецова отъ общей толпы, но не били его, такъ какъ бывшіе тутъ же обыватели 1-й части, любившіе Кузнецова за его обходительность и честность, не дали его бить и проводили до самой части.

Придя въ больницу, народъ бросился прежде всего искать докторовъ, большинство которыхъ были нѣмцы, плохо даже объяснявшіеся по-русски. Но доктора были уже предувѣдомлены — и скрылись. Толпа очень долго ихъ отыскивала; обыскали всѣ чердаки и подвалы, но ни одного доктора не нашли; отысканныхъ же тамъ фельдшеровъ, тоже попрятавшихся, толпа не тронула. Затѣмъ народъ бросился въ аптеку и съ особеннымъ ожесточеніемъ переломалъ ванны и уничтожилъ всѣ банки и сосуды съ медикаментами. Губернатора провели по всѣмъ палатамъ и, указывая ему на умирающихъ и на общій безпорядокъ въ больницѣ и нечистоту, спрашивали его: «хорошо ли въ больницѣ»?.. Взявъ купороснаго масла и насыпавъ въ него соли, они указывали на кипящій растворъ губернатору: «вотъ онъ, ядъ-то, которымъ господа отравливаютъ воду!..» Въ заключеніе, губернатора привели въ особую покойницкую палату и, указывая на мертвыхъ, говорили ему съ укоризною: «это все вашихъ рукъ дѣло»!..

Опустошивъ больницу, толпа двинулась обратно въ городъ, не выпуская отъ себя измученнаго и обезпамятѣвшаго отъ страха губернатора. Но на Студенецкомъ мосту, пользуясь дефилиемъ, конные жандармы сдѣлали на толпу нападеніе и успѣли отбить губернатора. Въ это время проѣзжали мимо чьи-то сани; жандармы бросили его въ эти сани, прикрыли его солдатскою ши-

налю и быстро помчали къ его дому, отстоявшему отъ Студенцаго моста въ полуверстѣ. Здѣсь встрѣтили губернатора всѣ власти, усиѣвшія уже собраться къ нему въ домъ. Когда его вынимали изъ саней и вводили по лѣстницѣ, то онъ шепталъ лишь: «тиру, тпру, тпру... тпру, тпру, тпру»... Онъ совсѣмъ обезпамятѣлъ и помнилъ лишь о послѣднемъ событіи, что его быстро мчали куда-то лошади... Вскорѣ, однако, при помощи врачей, губернаторъ пришелъ въ себя и вышелъ къ собравшимся властямъ въ пріемный залъ.

Между тѣмъ толпа подходила къ дому губернатора... На дворѣ этого дома было уже собрано войско: весь баталіонъ внутренней стражи и жандармы. Подступивъ къ дому, толпа подняла страшный шумъ и стала сгребать снѣгъ съ мостовой, для добыванія каменьева. Въ это время мимо дома губернатора проѣзжалъ въ парныхъ саняхъ князь Г., кавалерійскій офицеръ, находившійся въ Тамбовѣ въ отпуску; онъ былъ закутанъ въ бобровый воротникъ шинели, и народъ ошибочно принялъ его за полиціймейстера Модераха, котораго всѣ въ городѣ ненавидѣли; на офицера бросились изъ толпы и начали бить; его оставили только тогда, когда обнаружилась ошибка; кто-то изъ толпы закричалъ: «не онъ, не онъ»!..

Въ это время въ домѣ губернатора, подъ его предсѣдательствомъ, происходило общее совѣщаніе всѣхъ властей въ городѣ, какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Обсуждался вопросъ: что предпринять для подавленія бунта?.. Растерявшіяся власти, при своихъ единоличныхъ мѣрніяхъ, предлагали иногда такія мѣры, которыя привести въ исполненіе было невозможно... Большинство же голосовъ было постановлено принять слѣдующія мѣры: послать эстафеты во всѣ ближайшіе города, какъ губернскіе, такъ и уѣздные, съ требованіями о немедленной присылкѣ войскъ. Затѣмъ, выслать къ бунтующей толпѣ архіерея, дабы онъ уговаривалъ ее разойтись; буде же народъ не послушаетъ архіерея и не разойдется отъ губернаторскаго дома, то, не выжидая дальнѣйшаго нападенія съ его стороны, открыть по немъ стрѣльбу пулями.

Тамбовскій архіерей того времени, епископъ Евгений, выѣхавъ къ бунтующей толпѣ на площадь и, не выходя изъ кареты, сталъ уговаривать толпу разойтись. «Не разойдемся, пока не разгонимъ холеру!»—отвѣчали ему изъ толпы;—«холеру эту придумали господа: они насъ отравляютъ», добавили другіе.

— Холера послана отъ Господа Бога, въ наказаніе за грѣхи наши..., — началъ-было архіерей...

— И ты замасонишь¹⁾, и ты за холеру!... — закричалъ народъ...

Епископъ привсталъ въ каретѣ, благословилъ толпу и затѣмъ приказавалъ кучеру ѣхать на свое подворье, въ Казанскій монастырь.

Увидя изъ оконъ губернаторскаго дома, что архіерей уѣзжаетъ отъ толпы ни съ чѣмъ, власти успѣли приступить къ стрѣльбѣ по народу. Начальникъ 5-го округа корпуса внутренней стражи, генераль-маіоръ Зайцевъ, вышелъ на дворъ къ баталіону и командовалъ заряжать ружья «боевыми патронами»...

Тамбовскій баталіонъ внутренней стражи былъ составленъ почти весь изъ тамбовскихъ же мѣщанъ и изъ государственныхъ крестьянъ подгородныхъ выселковъ, поступавшихъ по набору въ рекруты. Еще до команды генерала Зайцева, многія мѣщанки были пропускаемы на губернаторскій дворъ: онѣ приносили гарнизоннымъ солдатамъ — своимъ мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ — обѣдъ съ квартиръ, такъ какъ время уже было позднее, а роты не распускали для обѣда.

Когда генераль-маіоръ Зайцевъ командовалъ «въ заряду», то изъ рядовъ громко отвѣтили ему: «мы, ваше превосходительство, ружья-то зарядимъ, но въ своихъ сродственниковъ стрѣлять не будемъ», а изъ 4-й роты, находившейся съ лѣваго фланга, неизвѣстный голосъ отвѣтилъ генералу: «нервы-то пули мы пустимъ вонъ туда — въ губернаторскія окна!».. Генераль Зайцевъ, пораженный такимъ небывалымъ нарушеніемъ военной дисциплины, назвалъ солдатъ, громко и нѣсколько разъ, «измѣнниками», — и затѣмъ ушелъ обратно въ домъ губернатора. Спусти нѣсколько минутъ, онъ вышелъ къ баталіону вновь, въ сопровожденіи уже губернатора Миронова, который обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

— Воины Его Императорскаго Величества! согласно присягѣ, вы должны защищать начальство, а вы — что?.. стрѣлять въ него хотите?!...

Солдаты угрюмо молчали.

¹⁾ Крикъ народа — „и ты замасонишь!“ — получилъ впоследствии слѣдующее объясненіе. Бунтъ 1825 года дошелъ до тамбовскихъ мѣщанъ въ самыхъ, конечно, темныхъ и неточныхъ разсказахъ: „въ Петербургѣ бунтовали масоны противъ цара“, — вотъ все, что слышалъ объ этомъ бунтѣ простой народъ въ провинціяхъ. Даже и послѣ, во время производимаго суда, мѣщане въ просьбѣ своей, посланной „съ ходами“ въ Петербургъ, писали: „мы за тебя, государь, стояли, хотѣли истребить масоновъ“...

Тогда престарѣлый генералъ Зайцевъ вновь приказалъ солдатамъ заряжать ружья:

— Зарядите хотя для страху, — чтобы народъ разошелся, — добавилъ онъ: — стрѣлять васъ, измѣнниковъ, я не заставлю.

Нѣкоторые солдаты, и преимущественно унтеръ-офицеры, зарядили ружья. Тогда генералъ Зайцевъ приказалъ коннымъ жандармамъ выѣхать со двора на площадь, къ народу, и объявить ему, что сейчасъ начнется стрѣльба: — «кто не бунтуетъ, — отходите прочь!» кричали жандармы. Женщины подняли вопль и стали уходить; за ними ушли и тѣ, кто стоялъ въ толпѣ ради празднаго любопытства, не принадлежа къ числу бунтующихъ. Остальная масса народа не удалялась и не предпринимала ничего рѣшительнаго. Наконецъ, ноябрьскій день сталъ смеркаться; сильно морозило и подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Толпа видимо забла, стоя на одномъ мѣстѣ; для солдатъ же, на дворѣ губернаторскаго дома, были разложены костры и разведенъ огонь. Съ наступленіемъ совершенныхъ сумерекъ, власти выслали въ толпу нѣсколько человекъ, переодѣтыхъ квартальныхъ надзирателей, надежныхъ унтеръ-офицеровъ гарнизона и жандармовъ — прислушаться, что говорятъ въ народѣ, что замышляютъ, а также замѣтить и потомъ записать главныхъ крикуновъ и вожаковъ всего дѣла..

Когда эти отмѣтчики вернулись изъ толпы въ губернаторскій домъ, то принесли властямъ свѣдѣнія самыя неутѣшительныя. Народъ, наголодавшись и назабнувшись, предполагалъ разойтись по домамъ; но утромъ, чуть свѣтъ, при первомъ ударѣ къ заутренѣ, всѣ порѣшили собраться вновь къ губернаторскому же дому, захвативъ съ собою то оружіе, какое найдется — т. е. топоры и вилы. Если солдатъ распустятъ для ночлега по квартирамъ, то склонять и ихъ къ бунту. Первымъ дѣломъ, собравшись на другой день, было рѣшено разграбить въ городѣ всѣ аптеки, кабаки и винный складъ, находившійся на берегу Цны. Братья же Ильины (двое), извѣстные въ городѣ кулачные бойцы и красавцы, уговаривали народъ, дабы на другой день, тотчасъ же по разграбленіи кабаковъ, виннаго склада и аптекъ, — перебить всѣхъ «приказныхъ» и «масоновъ».

По полученіи этихъ угрожающихъ свѣдѣній, было составлено новое совѣщаніе всѣхъ собравшихся на лицо властей, и рѣшено: солдатъ на квартиры для ночлега не отпускать, накормить ихъ, по уходѣ толпы, чѣмъ возможно; дать знать архіерею, чтобы онъ велѣлъ запретить всѣ колокольни, обрѣзавъ спущенныя отъ нѣкоторыхъ колоколовъ веревки; затѣмъ, выбрать изъ баталіона

самыхъ благонадежныхъ людей — унтеръ-офицеровъ и старыхъ солдатъ — и, образовавъ изъ нихъ небольшіе патрули, на разсвѣтъ отправить на перекрестки улицъ, дабы разгонять народъ, когда онъ будетъ сходиться; кромѣ того, запретить всѣ улицы шлагбаумами, перегородами; а архіерея просить, между прочимъ, и о томъ, чтобы въ 10 часовъ утра былъ открытъ общій крестный ходъ изъ всѣхъ церквей въ Казанскій монастырь и, по сборѣ духовенства и хоругвей, было бы совершено продолжительное служеніе на площади, близъ монастыря.

Ночь на 27-е ноября прошла въ Тамбовѣ весьма тревожно: немногіе, конечно, могли заснуть въ эту памятную ночь. На разсвѣтъ простой народъ сталъ прислушиваться и готовиться къ первому удару колокола... Но вотъ и совсѣмъ разсвѣло, а звона въ заутрени нѣтъ какъ нѣтъ... Догадались, наконецъ, мѣщане, что «господа» провѣдали объ ихъ уговорѣ, — и стали выходить изъ домовъ на улицы. Но тутъ они неожиданно встрѣчались съ пикетами и патрулями: на перекресткахъ ихъ останавливали и разгоняли; тѣхъ, которые упорствовали, хватали и тотчасъ же препровождали въ части и въ полицію. Тогда братья Ильины предложили народу собираться внѣ наблюденій пикетовъ и, уже массами, прорываться сквозь караулы и шлагбаумы въ улицахъ. Такимъ образомъ, часамъ къ десяти утра, народъ прорвалъ патрули, разметалъ всѣ перегорода въ улицахъ и сталъ направляться къ губернаторскому дому. Но въ это самое время ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола, изъ храмовъ вышло духовенство — въ полномъ облаченіи, съ образами и хоругвями — и направилось къ Казанскому монастырю. Изъ монастыря вышла особая процессія, съ архіереемъ во главѣ, — и на площади начался молебенъ. Народъ обнажилъ головы и сталъ молиться...

Между тѣмъ, въ ту же самую ночь, передъ разсвѣтомъ, на дворъ губернаторскаго дома прискакала изъ Липецка конно-піонерная рота. Затѣмъ, во время уже молебна, изъ уѣздныхъ городовъ Козлова и Кирсанова прибыли на подводахъ инвалидныя роты.

Молебенъ на площади былъ очень продолжительный, съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ. Когда, въ 1-мъ часу, окончился молебенъ, то сдѣланъ былъ общій крестный ходъ на соборную площадь (гдѣ нынѣ стоитъ губернаторскій домъ). Во второмъ лишь часу окончилось служеніе въ соборѣ. Епископъ Евгений говорилъ проповѣдь — и краснорѣчиво убѣждалъ народъ разойтись, послѣ обѣдни, по домамъ. Но, какъ только окончилось служеніе, народъ вновь направился къ губернаторскому

дому и окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Старшій братъ Ильинъ объявилъ толпѣ, чтобы обѣдать и грѣться уходили не иначе, какъ чередуясь, — такъ какъ народъ сильно уже прозябъ во время долгаго служенія на открытой площади и проголодался.

А команды, между тѣмъ, прибывали съ каждымъ часомъ все новыя — изъ уѣздныхъ городовъ, на подводахъ. Но, въ то же время, на помощь тамбовцамъ, изъ села Нивольскаго и изъ ближайшихъ къ нему деревень, шло двѣ тысячи крестьянъ, вооруженныхъ вилами, косами и топорами. Но особый счастливый случай не допустилъ ихъ до Тамбова: въ четырехъ верстахъ отъ астраханской заставы, съ толпою этой повстрѣчался ѣхавшій изъ города становой приставъ, въ станѣ котораго было и село Нивольское; крестьяне знали этого чиновника и имѣли къ нему довѣрiе. Подъѣхавъ къ толпѣ и догадавшись, куда она идетъ, становой объявилъ крестьянамъ, что въ Тамбовѣ съ помощью прибывшихъ войскъ уже все кончено: «васъ не допустить и до заставы — перестрѣляютъ всѣхъ до единого!» предостерегъ онъ крестьянъ, и сталъ уговаривать ихъ вернуться. Крестьяне повѣрили становому — и послушались.

Съ прибытiемъ конно-пiонеровъ и двухъ инвалидовъ ротъ, тамбовскія власти, не расходившiяся изъ дома губернатора, вздохнули свободнѣе. При помощи этихъ командъ, а равно и вновь прибывшихъ, было рѣшено отразить собравшiйся народъ силою. Исполненiе этого дѣла было возложено на подполковника Кувшинова, присланнаго въ Тамбовъ, по случаю рекрутскаго набора, въ качествѣ военнаго приѣмщика. Кувшиновъ построилъ ввѣренныя ему команды въ атакѣ; но прежде чѣмъ вести ихъ, онъ сѣлъ на лошадь и выѣхалъ къ бунтующему народу: — «Расходитесь по домамъ! — грозно прикрикнулъ онъ на толпу: — теперь чужiе солдаты: перестрѣляютъ всѣхъ васъ и, потомъ, растопчутъ пiонерами!..»

Всколыхнулся народъ, словно волна морская, отъ этого смѣлаго окрика, — и загудѣлъ...

— Въ послѣднiй разъ, приказываю вамъ: расходитесь! — крикнулъ Кувшиновъ еще однажды на народъ, и медленно поѣхалъ къ отряду. Конно-пiонеры стояли совершенно готовые въ атакѣ, у солдатъ ружья были давно заряжены: они зарядили ихъ, когда еще только входили въ Тамбовъ, у заставы.

Толпа подалась отъ губернаторскаго дома назадъ; отступила, затѣмъ, еще далѣе на площадь и раздѣлилась на отдѣльныя кучки. Одни совѣтовали идти и брать губернаторскiй домъ приступомъ; другiе склоняли народъ разойтись по домамъ, — тѣмъ

болѣе, что короткій ноябрьскій день совсѣмъ уже вечерѣлъ, а люди сильно назяблись и хотѣли ѣсть. Тронулась, наконецъ, толпа врознь и, подобно бурливому потоку, съ шумомъ разлилась по тамбовскимъ улицамъ...

Тѣмъ и окончился весь бунтъ въ тотъ день. А на-утро въ Тамбовъ прибыла новая подмога: митавскій гусарскій полкъ, стоявшій во Владимірской губерніи и двинутый оттуда форсированнымъ маршемъ, вслѣдствіе полученныхъ эстафетъ. 30-го ноября, въ Тамбовъ прибыли пѣхотные полки казанскій и вятскій, возвращавшіеся изъ турецкаго похода и проходившіе черезъ сосѣднюю Воронежскую губернію въ то время, когда губернаторъ Воронежа получилъ эстафету Миронова.

Всворѣ прибылъ изъ Петербурга, по особому высочайшему повелѣнію, министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ графъ Закревскій. Тотчасъ же по прибытіи, онъ удалилъ отъ должностей губернатора Миронова и полиціймейстера Модераха. Затѣмъ, прибыли изъ Петербурга генераль Геденовъ и флигель-адъютантъ графъ Ивеличъ. Была назначена особая слѣдственная коммиссія и затѣмъ военно-судная, членами которой были назначены также и командиры прибывшихъ полковъ—казанскаго и вятскаго. Начались аресты... Вмѣстѣ съ тамбовцами, были арестованы многіе крестьяне и изъ села Никольскаго, — такъ что число всѣхъ арестованныхъ простиралось свыше трехсотъ чело-вѣкъ, и не хватало уже мѣстъ для нихъ—ни въ острогѣ, ни при частяхъ. Тамбовскій баталіонъ внутренней стражи, обезоруженный, былъ запертъ въ старыя казармы, находившіяся за Вознесенскимъ женскимъ монастыремъ. Солдаты содержали тамъ до самаго окончанія суда, и затѣмъ весь этотъ гарнизонный баталіонъ, въ полномъ составѣ, былъ сосланъ на Кавказъ, такъ-какъ военно-судная коммиссія не могла найти зачинщиковъ между солдатами и виновныхъ.

— «Мы *еще* отказались стрѣлять, мы *еще* бунтовали», говорилъ на судѣ каждый солдатъ, допрашиваемый въ одиночку. Собственно за это былъ уволенъ отъ службы и генераль-маіоръ Зайцевъ — т.-е., за то, что не могъ указать главныхъ виновныхъ; вмѣстѣ съ Зайцевымъ былъ уволенъ отъ службы и командиръ баталіона, и многіе офицеры. Точно также пришлось поплатиться своею службою и вице-губернатору, и предсѣдателю гражданской палаты. Оба они были даже привлечены въ слѣдствію, но судомъ оправданы.

Всѣ прибывшія въ Тамбовъ войска простояли въ городѣ болѣе пяти мѣсяцевъ, расквартированыя по домамъ мѣщанъ, на

правахъ постоянной экзекуціи. Такое сильное стеченіе войскъ въ немногочисленномъ тогда Тамбовѣ еще болѣе поспособствовало усиленію въ городѣ холеры. Въ январѣ мѣсяцѣ эпидемія достигла высшаго своего развитія,—и въ Тамбовѣ стало недоставать гробовъ для покойниковъ. Народъ говорилъ: — «вотъ, теперь стоять войска въ городѣ,—и господа безпрепятственно отравляютъ воду, и мы ничего не можемъ имъ сдѣлать»...

Въ концѣ апрѣля, по полученіи изъ Петербурга утвержденія конфирмаціи и приговоровъ суда, было приступлено къ наказанію обвиненныхъ. На площади, гдѣ нынѣ выстроено зданіе новыхъ судовъ, было поставлено нѣсколько эшафотовъ и собраны были всѣ войска; съ ранняго утра полиція сгоняла на эту площадь народъ, силою, для присутствованія при наказаніяхъ. Восемьдесятъ-два человекъ были приговорены къ наказанію тѣлесному—кнутомъ, сквозь строй и розгами. Болѣе шести часовъ продолжалось чтеніе сентенцій и шли самыя наказанія. Площадь была оглашаема страшными воплями истязуемыхъ людей и ихъ женъ, матерей и прочихъ родныхъ, присутствовавшихъ тутъ же... Самое также наказаніе выпало на долю братьевъ Ильиныхъ: они были приговорены къ высѣченію кнутомъ и двадцати-лѣтней каторжной работъ. Старшій братъ не перенесъ наказанія: онъ умеръ въ тамбовской больницѣ—въ той самой, противъ которой, какъ бы по предчувствію, такъ сильно враждовалъ и которую опустошилъ.

Всѣ остальные арестованные люди были въ день всеобщей экзекуціи освобождены, — и ихъ продолжительный арестъ былъ имъ вмѣненъ въ наказаніе.

Родственники обвиненныхъ людей послали въ Петербургъ новое прошеніе—объ освобожденіи ихъ родныхъ отъ ссылки въ Сибирь. Но эта просьба, равно какъ и первая, поданная отъ имени тамбовскихъ мѣщанъ вообще (о которой мы, въ выносѣхъ, уже упоминали), была оставлена безъ послѣдствій.

И. В. Якунинъ.

КОНСЕРВАТИЗМЪ

РИМЛЯНЪ

О консерватизмѣ римской юриспруденціи. Опытъ по исторіи римскаго права. С. Муромцева. Москва, 1875.

I.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣмецкая философія поставила современному уму величественную задачу, — начертать *исторію развитія человеческого духа* и сдѣлала нѣсколько попытокъ разрѣшить эту задачу въ общихъ чертахъ. Эти попытки вызвали въ свое время не мало удивленія и восторженнаго увлеченія, но оставили послѣ себя много разочарованія. Фактической матеріаль, необходимый для этой задачи, не былъ еще достаточно разработанъ, и философія пыталась разрѣшить ее главнымъ образомъ собственными средствами, съ помощію отвлеченныхъ понятій и апріорныхъ конструцій, опираясь на историческій матеріаль, случайно собранный и иногда произвольно сопоставляемый мыслителемъ для подтвержденія своихъ разсужденій и выводовъ.

За этой эпохой изученія разнообразныхъ явленій человеческой жизни изъ одной центральной точки, наступила эпоха раздробленія и специализаціи занятій.

Но разработка фактическаго матеріала не можетъ быть плодотворна безъ обобщеній и въ каждой изъ главныхъ областей, въ

который проявлялась духовная жизнь человѣка: въ лингвистикѣ, мифологіи, исторіи искусства и права стали появляться замѣчательныя попытки сравненія и обобщенія добытаго матеріала, описанія свойствъ духа, творившаго въ той или другой области, и опредѣленія законовъ, по которымъ совершалось его развитіе. Достаточно напомнить здѣсь общеизвѣстныя сочиненія Макса Миллера, Тэйлора, Земпера (*Der Styl*), Игеринга (*Духъ Римскаго Права*) и Мэна (*Древнее Право*). Такія сочиненія, соединяющія тщательную обработку фактовъ съ философскимъ анализомъ и обобщеніемъ, не выходящія изъ предѣловъ разрабатываемой ими науки, слагаютъ прочное основаніе для духовнаго зданія, въ которомъ философія, когда наступитъ время, подведетъ такъ сказать подъ общій кровъ разнообразіе духовныхъ явленій.

На періодической печати лежитъ обязанность слѣдить за результатами подобныхъ замѣчательныхъ произведеній современной науки, особенно въ томъ случаѣ, если ихъ вліяніе плодотворно отражается на отечественной литературѣ, и мы поэтому хотимъ обратить вниманіе читателей на интересный трудъ одного изъ нашихъ молодыхъ юристовъ, сочиненіе котораго носить на себѣ печать умственнаго возбужденія, вызваннаго гениальнымъ твореніемъ Игеринга, и является самостоятельной разработкой нѣкоторыхъ его принциповъ и взглядовъ. Мы говоримъ о книгѣ С. А. Муромцева—«О Консерватизмѣ Римской Юриспруденціи»,—представленной авторомъ въ московскій университетъ для полученія степени магистра римскаго права. Эта книга выгодно отличается отъ большинства современныхъ диссертаций какъ изяществомъ изложенія, такъ и тѣмъ, что въ ея основаніе положена опредѣленная, живая мысль, которая послѣдовательно проведена и подкреплена искусно подобраннымъ матеріаломъ. Г. Муромцевъ поставилъ себѣ задачей продолжать дѣло Игеринга, т. е. продолжить изученіе свойствъ и приемовъ римской юриспруденціи, насколько они проявились въ постепенномъ созданіи системы римскаго права. Двѣ мысли Игеринга служили ему при этомъ главнымъ руководящей нитью. Во-первыхъ, замѣчаніе Игеринга, что консерватизмъ римлянъ (*der conservative Sinn*) былъ одной изъ чертъ ихъ юридическаго творчества.

«Два свойства римскаго народа,—говоритъ Игерингъ¹⁾,—показно проявляются въ исторіи его права и одинаково представляются какъ слѣдствія и признаки твердой энергической воли: *неизмѣнная послѣдовательность* и *упругій консерватизмъ*. Послѣ-

¹⁾ Ihering. Geist des Römischen Rechts. III Aufl. I Th., S. 886.

довательность и упорство суть признаки и неразлучныя свойства истинной воли въ дѣлахъ практической жизни. Пусть разумъ выводитъ заключенія, — только воля въ состояніи ихъ осуществлять. Если римское право отличается, болѣе чѣмъ какое-либо иное, своею строгой логикой, то это не столько заслуга разума, который *раскрылъ* ее, сколько воли, которая *осуществила* ее, т. е. практически ей подчинилась. Эта готовность римскаго народа подчиняться требованію послѣдовательности гораздо болѣе достойна удивленія, чѣмъ предшествующее напряженіе мыслительной способности. Иные народы страдали за свои религіозныя, римскій народъ за свои правовыя убѣжденія... Такое же вліяніе имѣло другое національное свойство римлянъ: ихъ консерватизмъ. И оно также оказалось чрезвычайно сильнымъ рычагомъ юридическаго творчества. Быть посредницей между потребностями настоящаго и преданіями прошедшаго, удовлетворить первыя, не ломая ни по формѣ, ни по содержанію завѣта старины, подчинять правовымъ нормамъ практическую жизнь, вести юридическое творчество по завѣтнымъ путямъ — вотъ въ чемъ въ теченіи столѣтій заключалось въ Римѣ благородное, истинно-практическое призваніе юриспруденціи, которая развивалась по мѣрѣ того, какъ увеличивались трудности ея задачи.

«И Востокъ консервативенъ: онъ стоитъ съ своими воззрѣніями и учрежденіями въ сущности на той же ступени, какъ и за тысячу лѣтъ. Но консерватизмъ Востока только обратная сторона *отрицательнаго* свойства — неспособности въ развитію; онъ не есть слѣдствіе силы, а простой косности. И на нашей отечественной почвѣ мы не рѣдко встрѣчаемъ настроеніе, которое любитъ выдавать себя за консервативное: то консерватизмъ эгоизма, нѣги, трусости, который не имѣетъ отваги взглянуть въ лицо новому времени и своей близорукостью наноситъ болѣе вреда своимъ собственнымъ стремленіямъ, чѣмъ содѣйствуетъ имъ. Не таковъ былъ консерватизмъ Рима. Римляне никогда не боялись отдать должное новому времени; отступить отъ учреждений, которыя отжили свой вѣкъ, и ввести новыя: — достаточно самаго бѣлаго взгляда на римское право, чтобы убѣдиться, что внутри его произошли самыя существенныя перевороты. Но эти перевороты не были дѣломъ дикой, порывами дѣйствовавшей силы, а совершались весьма постепенно и незамѣтно.

«Робко и почти украдкой вступаютъ въ дѣйствительность новыя идеи и стремленія. Шагъ за шагомъ должны они завоевывать себѣ почву, ибо существующее противопоставляетъ имъ упорное сопротивленіе, и окончательная побѣда ихъ есть только слѣдствіе

и награда безспорно доказаннаго превосходства ихъ силы; но этой трудности и медленности процесса развитія соотвѣтствуетъ прочность результата; дубъ растетъ чрезвычайно медленно, но его дерево совершенно иное, чѣмъ дерево тополя. Чтѣ легко добыто, отъ того легко отказываются, чтѣ съ трудомъ добыто—то упорно отставляется—вотъ положеніе, одинаково относящееся и къ народомъ, и къ отдѣльнымъ личностямъ.

«Народъ, который подобно римскому и англійскому крѣпко держится за старое и новому только уступаетъ, когда сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ, такой народъ, съ другой стороны, тѣмъ крѣпче держится за это новое; та же сила, которая до того затрудняла ему доступъ, поступаетъ въ услугу новому, когда оно открыло себѣ доступъ. Итакъ, тѣ, въ чемъ коренится стремленіе римскаго народа къ консерватизму, была сила, а не простая инерція; это та сила, съ помощью которой сильный характеръ слѣдуетъ правиламъ, которыя онъ самъ выработалъ, и держится за то, чтѣ онъ призналъ за истинное и справедливое».

Другая исходная точка труда г. Муромцева, это свойственное Игерингу понятіе о «юриспруденціи». Въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ (въ брошюрѣ «Борьба за Право» и въ III томѣ «Духа Римскаго Права»), Игерингъ торжественно отрекся отъ исторической школы, къ которой онъ принадлежалъ по собственному признанію. Причиной отреченія былъ измѣнившійся взглядъ его на возникновеніе права. Заслуга исторической школы, въ области римскаго права представленной Савиньи и Пухтой, заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что она противопоставила принципъ *органическаго развитія*—теоріи о произвольномъ, искусственномъ, условномъ происхожденіи языка, права, государства и пр., господствовавшей въ XVIII вѣкѣ. Теорія исторической школы объ естественномъ, т. е. какъ бы безсознательномъ, мирномъ возникновеніи права, упустила изъ вида, какъ показалось Игерингу при дальнѣйшихъ его занятіяхъ, два существенныхъ свойства всякаго права, слѣдовательно, и древнѣйшаго. Во-первыхъ, всякое право есть слѣдствіе столкновенія интересовъ—есть результатъ борьбы. Съ этой точки зрѣнія Игерингъ ставитъ исторической школѣ въ укоръ, что въ ея представленіяхъ возникновеніе права происходило также незамѣтно и безболѣзненно, какъ образованіе языка; что новая правовая норма осуществлялась также легко, какъ какое-нибудь грамматическое правило; что, напр., согласно съ идеями исторической школы, положеніе древнеримскаго права, по которому кредиторъ могъ продать должника за границу въ рабство, или что собственникъ какаго-нибудь

предмета имѣлъ право *требовать* его искомъ отъ всякаго, у кого бы онъ его ни нашель, — что такія положенія водворались въ древнемъ Римѣ почти подобнымъ же образомъ, какъ то правило, по которому предлогъ *сит* требуетъ творительнаго падежа.

Иронически разбирая выводы исторической школы, Игерингъ приписываетъ ей «фантастическое представленіе о золотомъ вѣкѣ права, когда люди находили право, не отыскивая его», «когда правовыя нормы выросли безъ содѣйствія людей на древнѣ познанія», когда «право, какъ прекрасный цвѣтъ поля, диво росло на благословенной почвѣ національнаго правоваго чувства, не нуждаясь въ уходѣ за нимъ людей». Такое идиллическое представленіе Игерингъ считаетъ нужнымъ замѣнить другимъ, что право было результатомъ борьбы, что исторія права началась съ желѣзнаго вѣка, съ трудной работы человѣческаго разума, что намѣреніе, размышленіе, сознаніе и расчетъ дѣйствовали при самомъ возникновеніи права; а изъ этого Игерингъ выводитъ новое замѣчаніе: что *у самой колыбели права стояла юриспруденція* (die juristische Kunst).

Такимъ образомъ, Игерингъ употребляетъ слово «юриспруденція» въ гораздо болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ мы привыкли принимать. Въ исторіи римскаго права эпоха юриспруденціи не совпадаетъ для него съ эпохой юрисконсультовъ въ послѣдніе два вѣка республики, когда изученіе права сдѣлалось свободнымъ, но болѣе или менѣе спеціальнымъ занятіемъ многихъ римлянъ высшихъ классовъ, которые давали свои совѣты и юридическіе отвѣты безвозмездно всѣмъ согражданамъ, нуждавшимся въ нихъ, и этими совѣтами имѣли большое вліяніе на развитіе права.

Эпоху юриспруденціи Игерингъ не хочетъ даже ограничить болѣе раннимъ періодомъ, когда въ лицѣ претора явился въ Римѣ новый самостоятельный органъ для болѣе или менѣе сознательнаго развитія права. Даже предшествовавшая самостоятельному значенію претора эпоха, когда главное вліяніе не только на священное, но и на гражданское право имѣла коллегія понтификесовъ, по мнѣнію Игеринга, не обозначаетъ начала такъ-называемой юриспруденціи, т.-е. сознательнаго развитія права. Юриспруденція, однимъ словомъ, начинается съ первыхъ попытокъ мысли подчинить явленія практической жизни извѣстнымъ правовымъ нормамъ, совпадаетъ съ *юридическимъ мышленіемъ*. Основные понятія права, по мнѣнію Игеринга, собственность, напр. облигація, суть результаты такого же сознательнаго труда, увѣнчавшагося успѣхомъ послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ, какъ домъ, плугъ и другія орудія вультуры являются такимъ образомъ

искусственными продуктами (Kunst-producte). «Кто,—говоритъ Игерингъ,—отождествляетъ юриспруденцію съ юридической литературой и опредѣляетъ ея начало появленіемъ перваго юридического сочиненія, для того конечно искусство, выработавшее основныя понятія права, не имѣетъ основанія называться юриспруденціей. Но кто, подобно мнѣ, усматриваетъ сущность юриспруденціи не въ сочиненіи книгъ, кто понимаетъ подъ нею юридическое мышленіе, тотъ не откажетъ тому первобытному искусству въ названіи юриспруденціи, ибо выработанныя имъ формулы и понятія представляютъ такое вѣское доказательство юридическаго мышленія, какового не могутъ выставить въ свою пользу инныя словоохотливыя эпохи въ цѣлыхъ вѣкахъ книгъ». На основаніи такихъ заключеній Игерингъ приходитъ наконецъ къ выводу, что «юридическое искусство (юриспруденція) восходитъ къ такой же древности, какъ и самое римское право».

Что касается до предмета спора между Игерингомъ и исторической школой, то его, конечно, нельзя исчерпать въ предѣлахъ журнальной статьи. Но мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что если устранить нѣкоторыя крайности, въ которыя впадали представители исторической школы, и другія, къ которымъ они подавали поводъ, то сущность выводовъ этой школы останется прочнымъ достояніемъ науки. Самой ошибочной крайностью исторической школы въ теоретическомъ и самой вредной въ практическомъ отношеніи является, конечно, пресловутое положеніе Савиньи о помощи законодательства сравнительно съ историческимъ ростомъ права и о необходимости невмѣшательства законодательной дѣятельности въ область естественнаго развитія національнаго правоваго чувства. Противъ этого положенія отчасти и направлена брошюра Игеринга «Борьба за право», въ которой онъ справедливо укоряетъ названную теорію въ романтизмъ и связи съ современной ей романтической литературой. Но упомянутое положеніе не вытекаетъ вовсе изъ основнаго принципа исторической школы и есть не болѣе какъ логическая ошибка, а эта ошибка, какъ во многихъ подобныхъ случаяхъ, есть только слѣдствіе практической потребности; недовѣріе къ законодательнымъ реформамъ и апотеоза естественнаго національнаго развитія, которымъ такъ безастѣнчиво воспользовался политическій консерватизмъ эпохи реставраціи, были только реакціей противъ лихорадочной дѣятельности законодательной власти въ Западной Европѣ во время французской революціи и подъ вліяніемъ ея. Съ этой точки зрѣнія, въ знаменитомъ изреченіи Савиньи былъ глубокий смыслъ

и оно соотвѣствовало практическому интересу эпохи, который искалъ себѣ теоретическаго оправданія въ ученіи исторической школы.

Другая, совершенно безвредная, крайность, противъ которой также вооружается Игерингъ, касается вѣшной оболочки, въ которой появилась теорія исторической школы, — выраженій и метафоръ, употребляемыхъ ею. Слабая сторона раціонализма XVIII вѣка, который старался свести всѣ явленія духовной жизни на сознательную дѣятельность разума, на уговоръ и договоръ, должна была особенно ярко обнаружиться въ ученіи о происхожденіи языка. Научная реакція противъ раціонализма началась поэтому въ области лингвистики, и послѣдней было не трудно доказать, что языкъ народа не есть *искусственное* произведеніе известной группы людей, а плодъ естественнаго, бессознательнаго процесса, хотя и совершавшагося на основаніи разумныхъ законовъ и орудовавшаго такъ-сказавъ логическими, расудочными данными. Когда реакція противъ раціонализма перешла въ область права, представителямъ исторической школы было удобнѣе всего обращаться къ аналогіи языка и заимствовать оттуда метафору о пчомѣ, естественномъ ростѣ. Возражая противъ этого и указывая на различіе въ возникновеніи языка и права, Игерингъ говоритъ, что хотя въ обоихъ случаяхъ ходъ развитія закономерный, т. е. совершающійся по общимъ законамъ, но форма развитія — иная. Въ области языка духъ человѣческой дѣйствуетъ бессознательно и не имѣетъ нужды бороться съ упорнымъ сопротивленіемъ; въ области художественной, искусство борется только съ своимъ собственнымъ прошедшимъ, т. е. господствующимъ вкусомъ. Право же связано съ понятіемъ цѣли и поставлено среди хаотическихъ столкновеній противоположныхъ интересовъ, и ему недостаточно найти истинный путь, а приходится еще побѣждать сопротивленіе различныхъ интересовъ.

Конечно, вышеприведенная аналогія, если ее ложно истолковывать, можетъ, какъ и всякая другая аналогія, столько же запутать вопросъ, сколько и пролить на него свѣта. Между различными сферами дѣятельности человѣческаго духа существуетъ известная градация въ степени проявленіи духа и участія человѣческаго сознанія. Не даромъ наука о языкѣ находится на границѣ между естественными науками и науками о человѣкѣ, какъ духовномъ дѣятелѣ, такъ что относительно причисленія ея къ тому или другому разряду существуетъ не только разногласіе между различными учеными, но замѣчается колебаніе въ мнѣніяхъ одного

и того же ученаго ¹⁾. Конечно, въ самыхъ первобытныхъ юридическихъ формахъ и нормахъ есть гораздо болѣе искусственнаго, т.-е. съ одной стороны условнаго, уговорнаго, съ другой — сознательнаго, чѣмъ не только въ грамматическихъ правилахъ, но и въ представленіяхъ древней мѣологии. Въ установленіи свадебныхъ обрядовъ или символическихъ формъ передачи собственности, человѣкъ дѣйствовалъ болѣе произвольно, яснѣе сознавалъ практическую цѣль, чѣмъ въ установленіи тѣхъ религиозныхъ обрядовъ, которые были *мимическимъ представленіемъ* событій, совершавшихся, по его мнѣнію, въ области небесныхъ свѣтилъ и атмосферическихъ явленій. Конечно, въ области права *мышленіе* вступило гораздо раньше въ свои права, чѣмъ въ области языка, мѣологии или искусства, и въ этомъ отношеніи поправка, внесенная Игерингомъ въ формулу исторической школы о возникновеніи права, представляетъ научный успѣхъ. Но, съ другой стороны, эта поправка подаетъ поводъ къ меньшему недоразумѣнію, чѣмъ та формула, которую она старается исправить.

Если мы будемъ очень напирать на элементъ мышленія и сознанія въ первобытномъ правѣ, мы, правда, точнѣе разграничимъ область права отъ другихъ родственныхъ ей областей, но за то рискуемъ слишкомъ ступевать границы между первобытнымъ правомъ и позднѣйшими періодами его развитія.

По мѣрѣ того, какъ развивается дѣятельность человѣка въ различныхъ сферахъ его духовной жизни, она измѣняется въ двойномъ отношеніи. На первыхъ ступеняхъ эта дѣятельность проявляется только *инстинктивно* въ цѣлыхъ группахъ людей, или въ извѣстныхъ народныхъ массахъ. Это творчество можно поэтому назвать также *коллективнымъ*. Въ области языка, дѣятельность человѣка всегда остается почти исключительно коллективной, и мнѣніе, которое могутъ имѣть на языкъ извѣстнаго народа ученые общества, подобныя, на примѣръ, Флорентинской академіи — della Crusca, или Французской академіи, или же отдѣльные писатели — сравнительно ничтожна. Въ области религіи вліяніе жрецовъ или отдѣльных основателей религиозныхъ ученій значительнѣе, но нѣтъ сомнѣнія, что и древнѣйшія мѣологическія представленія и вѣрованія не установлены, вопреки мнѣнію XVIII вѣка, произвольно жрецами, но суть произведенія инстинктивной духовной жизни цѣлыхъ массъ. И въ области поэзіи намъ извѣстна древнѣйшая эпоха коллективнаго творчества, которая по

¹⁾ См. напр. полемику М. Мюллера противъ Уитнея и Дарвина Младшаго въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Deutsche Rundschau“.

своему характеру рѣзко отличается отъ слѣдующихъ эпохъ. Это коллективное дѣйствіе народныхъ массъ, на первыхъ ступеняхъ развитія, мы и называемъ народнымъ творчествомъ, и къ этой эпохѣ и примѣняется то, что говорила историческая школа отъ хомъ, естественномъ развитіи изъ нѣдръ народной жизни: языка, религіи, искусства и права. Раскрытіе этой истины и составляетъ великую заслугу исторической школы, и нѣкоторымъ изъ ея представителей только можно поставить въ упрекъ, что, слишкомъ всматриваясь въ признаки древнѣйшаго періода въ развитіи духа, они не обратили достаточнаго вниманія на его позднѣйшія фазы, когда на первомъ планѣ стоитъ не коллективное творчество народа, а влияние и дѣятельность отдѣльных сословій, извѣстныхъ классовъ специалистовъ, индивидуальныхъ личностей, законодательной власти и пр.

Что касается до юридической области, то, конечно, въ установленіи древнѣйшихъ юридическихъ понятій и формъ, относящихся къ эпохѣ народнаго творчества, участвовала мысль человѣка, и въ этомъ смыслѣ мы можемъ говорить о юридическомъ мышленіи у самой колыбели права; но если эту первобытную инстинктивную мысль мы будемъ называть тѣмъ же именемъ, которое станемъ прилагать къ дѣятельности разума въ области права въ эпоху вліянія юристовъ и правительственной дѣятельности, мы опустимъ характеристическіе признаки, различающіе юридическое мышленіе этихъ двухъ эпохъ.

При такомъ обобщеніи термина «юридическое мышленіе», нужно избѣгать, кромѣ того, еще другого недоразумѣнія. Есть общій законъ, по которому всѣ произведенія человѣческаго духа: мнѳологическія представленія, художественныя формы, юридическіе институты и формы имѣютъ долгое время для человѣка только объективное значеніе, т.-е. рассматриваются имъ какъ нѣчто, извнѣ данное, а потому въ самомъ себѣ существующее, вѣчное и неизмѣняемое. Только постепенно поддаются они анализу сознанія и теряютъ свой абсолютный характеръ. Въ области права это совпадаетъ съ появленіемъ спеціального юридическаго мышленія, т.-е. съ научной разработкой права законовѣдами, или, какъ мы привыкли говорить, съ періодомъ юриспруденціи. Если же, отождествивъ юриспруденцію съ юридическимъ мышленіемъ, мы поставимъ ее въ самомъ началѣ исторіи права, мы сгладимъ различіе между эпохой объективнаго значенія правовыхъ институтовъ и формъ и эпохой сознательнаго анализа ихъ.

Какъ бы то ни было, мы должны имѣть въ виду, что терминъ «юриспруденція» употребляется Игерингомъ въ указанномъ

обширномъ смыслѣ, и что это понятіе совпадаетъ для него съ юридическимъ мышленіемъ народа въ его совокупности съ древнѣйшихъ временъ, какіе бы ни были у этого народа въ разное время органы для практическаго осуществленія его юридическаго мышленія. Въ этомъ же смыслѣ употребляется этотъ терминъ и г. Муромцевымъ. Такимъ образомъ, мы объяснили два главныхъ листя: «консерватизмъ» и «юриспруденція», обозначенныхъ на главномъ листѣ его изслѣдованія. Это объясненіе мы считали необходимымъ, какъ для удобства читателей, незнакомыхъ съ терминологіей школы Игеринга, такъ и для того, чтобы объяснить отношеніе указанной книги къ трудамъ извѣстнаго нѣмецкаго юриста.

Мы можемъ приступить теперь къ обзору тѣхъ особенныхъ явленій римскаго права, которыя авторъ разсматриваемой книги подвелъ подъ понятіе «консерватизма въ римской юриспруденціи». При этомъ будетъ необходима нѣкоторая полнота изложенія, какъ по свойству предмета, мало извѣстнаго читателямъ, такъ и для того, чтобы дать имъ возможность самимъ судить о характерѣ и свойствахъ того консерватизма, о которомъ идетъ рѣчь; ибо безъ близкаго разсмотрѣнія этихъ свойствъ нельзя приступить къ вопросу о причинахъ римскаго консерватизма вообще, что составляетъ главный предметъ предлагаемой статьи.

II.

Книга г. Муромцева представляетъ двѣ составныя части. Въ первой, — въ очеркѣ изъ исторіи права собственности въ Римѣ, — авторъ разбираетъ понятіе собственности у римлянъ и различныя формы передачи собственности, и старается указать на вліяніе консерватизма въ этомъ отдѣльномъ юридическомъ институтѣ. Вторая часть, въ трехъ главахъ, заключаетъ въ себѣ догматическое разсмотрѣніе средствъ вообще, съ помощью которыхъ, какъ выражается авторъ, «консерватизмъ юриспруденціи мирилъ себя съ гражданскимъ оборотомъ», т. е. съ развивающимися потребностями практической жизни.

Консерватизмъ юриспруденціи въ области института собственности особенно ярко отразился на значеніи и употребленіи такъ называемой «манципаціи». Извѣстно, что у римлянъ существовало два торжественныхъ, формальныхъ способа передачи собственности (*mancipatio* и *in jure cessio*) и третій неторжественный (*traditio*). Самымъ оригинальнымъ и вѣроятно самымъ древ-

нимъ былъ способъ *манципiatio*. Онъ заключался въ томъ, что передача собственности имѣла характеръ мнимой продажи и купли, все равно, предшествовала ли этому дѣйствительная продажа предмета и уплата или нѣтъ. Для совершенія этого обряда было необходимо присутствіе восьми человѣкъ: того, кто передавалъ собственность; того, кто получалъ ее, пяти свидѣтелей и одного человѣка, который держалъ въ рукахъ вѣсы. Обрядъ заключался въ томъ, что передававшій собственность и получавшій ее провозносили извѣстныя торжественныя слова, и послѣдній ударялъ о вѣсы кускомъ необдѣланной мѣди. Употребленіе послѣдняго символа было остаткомъ той эпохи, когда римляне еще не чеканили монеты, а платили въ торговлѣ извѣстнымъ количествомъ необдѣланной мѣди, которая тутъ же взвѣшивалась. Еще замѣчательнѣе то обстоятельство, что не всѣ предметы собственности могли передаваться способомъ манципiаціи, а только земля съ строеніями (въ Италіи), рабы, быки, лошади, мулы, ослы и сельскіе сервитуты, т.-е. обязанность, лежавшая на владѣльцѣ извѣстнаго участка земли пропускать по своей землѣ людей, или скотъ, или стокъ воды съ сосѣднихъ участковъ. Вслѣдствіе важнаго значенія, которое имѣлъ этотъ способъ передачи въ гражданскомъ правѣ, самые предметы собственности раздѣлялись у римлянъ на два разряда: предметы, способные быть передаваемыми посредствомъ манципiаціи (*res манципiі*), и предметы, не подлежащіе манципiаціи (*res не манципiі*).

Вопросъ о происхожденіи способа манципiаціи и о причинахъ ограниченія его извѣстными предметами возбудилъ цѣлую литературу.

Критикуя различныя, высказанныя по этому поводу мнѣнія, г. Муромцевъ приходитъ къ заключенію, что манципiаціа была древнѣйшимъ и нѣкогда единственнымъ юридическимъ способомъ передачи собственности. Формы этого способа сложились въ эпоху «экономическаго быта», главное основаніе котораго заключалось въ земледѣліи, когда обмѣнъ ограничивался землей и скотомъ; земледѣльческіе же плоды, одежда, оружіе, домашняя утварь и рабочія орудія не были предметами обмѣна между хозяйствами, а потреблялись или выдѣлывались на мѣстѣ. Такимъ образомъ, группа *res манципiі* обнимаетъ собою всѣ предметы первоначальнаго гражданскаго оборота, и для нихъ были выработаны древними юристами передача, *манципiatio*, находившаяся въ связи съ древней теоріей права собственности (*манципiумъ*), и особый способъ защиты (*rei vindicatio*).

Мало-по-малу экономическій бытъ римлянъ сталъ развиваться,

и въ гражданскій оборотъ стали проникать новые предметы на ряду съ *res mancipi*. Такъ какъ *манципація* была не для нихъ установлена, то они передавались другимъ способомъ, заимствованнымъ у сосѣднихъ племенъ, т.-е. изъ *jus gentium*. Но передавъ такимъ способомъ, въ глазахъ римскаго закона, не могла послужить основаніемъ полной собственности; и потому, въ случаѣ пропажи или похищенія такого предмета, его нельзя было отыскивать судебнымъ способомъ, установленнымъ для *res mancipi*, а надо было прибѣгать къ другому, менѣе удобному способу. Однако, оживленіе торговыхъ оборотовъ должно было постепенно привести къ результату, что сначала народное сознаніе, «а вслѣдъ за нимъ и сама юриспруденція», освоились съ мыслью, что *traditio* можетъ служить средствомъ перехода правъ на вещи. Вмѣстѣ съ этимъ, практическая жизнь стала требовать примѣненія къ *res nec mancipi* болѣе удобнаго способа защиты посредствомъ *rei vindicatio*. Какъ скоро это было допущено, пришлось признать, что *traditio* вещи *nec mancipi* ведетъ къ такой же полной собственности (*dominium ex jure Quiritium*), какъ и *манципація res mancipi*.

Такимъ образомъ, исчезъ въ сущности древній дуализмъ права собственности, а вмѣстѣ съ нимъ должна была бы исчезнуть необходимость двойной классификаціи предметовъ на *res mancipi* и *res nec mancipi*, и ограниченіе *манципаціи* первымъ разрядомъ. «Но,—говоритъ г. Муромцевъ (стр. 50),—еслибы у юристовъ, сдѣлавшихъ упомянутую реформу, сохранилось ясное воспоминаніе о причинахъ, побудившихъ ихъ предшественниковъ разбить всѣ вещи на двѣ группы, они могли бы убѣдиться въ бесполезности поддерживать подобное выдѣленіе, и имъ не оставалось бы ничего другого, какъ уравнивать во всѣхъ отношеніяхъ *res mancipi* съ прочими предметами собственности. Но этого не случилось. Представленіе о неразрывной связи *res mancipi* съ *mancipatio* и другими, вытекавшими отсюда положеніями, вслѣдствіе долгаго существованія этой связи, приобрѣло болѣе конкретный характеръ, и связь вещей *mancipi* съ извѣстною группой правоотношеній стала рассматриваться какъ *качество* только этихъ вещей. Еще во время классической юриспруденціи различіе *res mancipi* и *nec mancipi* имѣло важныя послѣдствія для опеки надъ женщинами; согласіе опекуна при отчужденіи вещи было необходимо для *res mancipi*, прочими же вещами женщина располагала независимо отъ опеки. Съ другой стороны, хотя практическая жизнь требовала въ иныхъ случаяхъ примѣненія торжественнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнаго способа *манципаціи* къ вещамъ *nec mancipi*,

а мы знаемъ, напр., изъ Плинія, что брилліанты, вслѣдствіе своей цѣнности, *de facto* передавали манципаціоннымъ способомъ, юриспруденція однако не расширила области примѣненія древняго торжественнаго способа». Въ этомъ г. Муромцевъ и усматриваетъ консерватизмъ юриспруденціи.

Другое проявленіе консерватизма римской юриспруденціи г. Муромцевъ видитъ въ такъ-называемой «бонитарной» собственности. Полную собственность, по праву римскихъ гражданъ, или квиритовъ, давали только способы приобрѣтенія, освященные этимъ правомъ; но на ряду съ ними появились со временемъ также иныя способы приобрѣтенія, за кого ими не признавалось такой силы. Собственность, которую они доставляли, отличалась отъ настоящей, квиритской, собственности названіемъ *бонитарной*, и только путемъ давности могла она обратиться въ собственность перваго рода.

Различіе между этими двумя родами собственности было чисто *теоретическимъ* и не имѣло почти значенія въ практической жизни. За нѣкоторыми исключеніями, приведенными въ книгѣ, бонитарная собственность, по юридическому значенію своему, представляла вполнѣ настоящую собственность. На практикѣ оставалось совершенно безразличнымъ, какимъ образомъ совершался переходъ вещи, а потому, естественно, представляется вопросъ, почему юриспруденція считала нужнымъ поддерживать различіе въ способахъ приобрѣтенія собственности и основывать на нихъ различіе въ характерѣ самой собственности? Авторъ относитъ происхожденіе бонитарной собственности «къ тому, полному реформѣ, времени, когда римская юриспруденція занялась передѣлкой стараго права, и когда преторская власть служила органомъ смѣлыхъ реформъ». Точнѣе опредѣлить это время трудно, такъ какъ намъ только извѣстно, что бонитарная собственность уже существовала въ послѣднемъ вѣкѣ республики. Къ тому времени Римъ сдѣлался изъ земледѣльческой общины политическимъ центромъ и денежнымъ рынкомъ для всѣхъ странъ средиземнаго побережья. Старые способы приобрѣтенія собственности оказались недостаточными, и на преторѣ лежала обязанность увеличить ихъ число или собственно освятить юридическимъ авторитетомъ способы, уже выработанные практической жизнью. Но «въ консервативныхъ умахъ юристовъ сложилось крупное убѣжденіе въ ненарушимости связи, существовавшей между собственностью и способами ея приобрѣтенія», и это убѣжденіе, въ связи съ представленіемъ о сравнительномъ безсиліи претора предъ закономъ, не дозволило юристамъ признать новые случаи происхож-

деня собственности тождественными съ старыми, по отношенію къ ихъ юридической природѣ: юристы увидѣли въ нихъ нѣчто другое, заслуживающее иного имени, и отличили новую собственность отъ квинтской именемъ «бонитарной».

Сдѣлавши такое различіе, юристы не сочли себя въ правѣ обезпечить новую собственность тѣми средствами судебной защиты, которыя существовали для старой, но изобрѣли новый искъ для защиты бонитарной собственности (*actio Publiciana*). «Признавъ, что новая собственность не должна быть смѣшиваема съ настоящею, юристы, чтобы не отступить отъ стараго принципа, въ силу котораго защищаться могла только квинтская собственность, дали защитѣ такой видъ, что ею защищалось *какъ бы квинтское право*», т.-е. прибѣгали къ такъ-называемой фивціи, для примиренія своего консерватизма съ потребностями жизни.

Представивши въ нѣсколькихъ наглядныхъ примѣрахъ вліяніе консерватизма на римское право, г. Муромцевъ переходитъ во второй части своего труда, къ разсмотрѣнію средствъ вообще, къ которымъ прибѣгалъ консерватизмъ. Средства эти подведены подъ три группы, разбираемая въ книгѣ въ историческомъ порядкѣ изъ появленія въ правѣ—аналогія, параллельные иски и *exsertio*.

Между ними «наибольшую древностью обладаетъ искусственное подведеніе новыхъ правоотношеній подъ старыя юридическія понятія», какъ опредѣляетъ авторъ аналогію. Г. Муромцевъ имѣлъ въ главѣ объ аналогіи дѣло съ вопросами, чрезвычайно тонко и подробно разработанными Игерингомъ, и, вѣроятно, потому, предназначая свою книгу для специалистовъ, къ сожалѣнію, счелъ нужнымъ ограничиться краткимъ обсужденіемъ предмета. Его книгу легко можно было бы сдѣлать доступной для большаго круга читателей, еслибы изложеніе его во второй части было популярнѣе, и еслибы авторъ, напр., описывалъ тѣ юридическія сдѣлки, о которыхъ онъ говоритъ.

Г. Муромцевъ отступаетъ, впрочемъ, отъ соответствующаго вложенія Игеринга не только въ формальномъ отношеніи,—такъ, напр., онъ придерживается иной классификаціи,—но расходится съ Игерингомъ въ объясненіи причины, вызвавшей употребленіе юристами *аналогии*. У Игеринга нѣкоторыя изъ относящихся сюда явленій объясняются принципомъ *формализма*, какъ одного изъ существенныхъ признаковъ римской юридической техники, другія объясняются принципомъ *юридической экономіи* (въ смыслѣ бережливости). Но при этомъ Игерингу пришлось нѣкоторыя изъ приведенныхъ имъ явленій (мнимыя юридическія сдѣлки) подводить подъ оба названные принципа, и сообразно съ этимъ раз-

дробить обсужденіе ихъ между II и III томами. Это отступленіе отъ Игеринга и замѣна принципа *юридической экономіи* или *бережливости* принципомъ консерватизма мы не можемъ не признать за очень счастливую мысль автора; она обличаетъ въ немъ живое чувство исторической дѣйствительности, которая не рѣдко бываетъ у юристовъ заслонена логическими конструкціями. Объяснять дѣйствіе древнихъ римскихъ юристовъ *бережливостію* — слишкомъ искусственный приемъ. Если и допустить, что римскіе юристы, ради сохраненія извѣстныхъ юридическихъ опредѣленій и формъ, намѣренно не создавали новыхъ, а старались обходиться посредствомъ старыхъ, истолковывая и растягивая ихъ для примѣненія къ новымъ потребностямъ, то нельзя безъ натяжки приписывать это тому самому побужденію, по которому, напр., какое-нибудь правительство не вынимаетъ изъ обращенія стертой монеты, для того, чтобы сберечь странѣ расходы, связанные съ перечеканкой старой монеты въ новую, полную снѣскую. Игерингъ возводитъ, правда, въ общій законъ всякой юриспруденціи правило: «не создавать новыхъ средствъ и понятій для цѣлей, которыя можно достигнуть старыми», и утверждаетъ, что уже древнѣйшая римская юриспруденція изъ всѣхъ силъ старалась слѣдовать этому правилу. Но позволительно думать, что хотя такое правило можетъ быть сочинено или извлечено изъ практики теоретической наукой и сдѣлаться впоследствии сознательнымъ, руководящимъ принципомъ иной юриспруденціи, едва ли оно можетъ возникнуть въ эпохи, когда нѣтъ теоріи права, отдѣльной отъ практики. Въ древнемъ правѣ то стремленіе, которое Игерингъ объясняетъ *бережливостію*, можетъ происходить только изъ двухъ причинъ: или изъ того, что законодательство или юриспруденція не *поспѣваютъ* за развитіемъ экономической жизни, и юристамъ приходится прибѣгать къ искусственному, извращенному примѣненію старыхъ формъ; или же изъ склонности общества во что бы то ни стало сохранять старыя понятія и формы, т.-е. изъ консерватизма. Что касается до римской юриспруденціи, то если мы не желаемъ прибѣгнуть къ первому объясненію, намъ остается приписать ей принципъ консерватизма, какъ это сдѣлалъ г. Муромцевъ.

Примѣненіе *аналогіи* въ правѣ выразилось, во-первыхъ, въ такъ называемыхъ мнимыхъ сдѣлкахъ (*Scheingeschäfte*), т.-е. такъ юридическихъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ извѣстному образу или формѣ приписывалось совершенно иное, новое значеніе. Прежде чѣмъ объяснить съ точки зрѣнія г. Муромцева проявленіе консерватизма въ подобныхъ мнимыхъ сдѣлкахъ, мы должны, для

удобства читателей, дополнить его изложеніе нѣсколькими примѣрами.

Когда въ Римѣ, вслѣдствіе паденія родового быта, увеличилась потребность прибѣгать къ завѣщаніямъ, а древнѣйшая форма завѣщанія, совершавшагося въ собраніи курій, оказалась недостаточной, тогда возникла новая форма завѣщанія—*testamentum per aes et libram*, которая имѣла характеръ мнимой купли и продажи, т.-е. тотъ, кто дѣлалъ завѣщаніе и тотъ, къ кому должно было перейти наслѣдство, совершали между собою обрядъ манципация, и послѣ этого наслѣдникъ считался покупщикомъ, приобретающимъ наслѣдство со всѣми связанными съ нимъ правами и обязанностями. Такимъ образомъ, обрядъ передачи собственности отъ одного лица къ другому, который былъ самъ мнимой сдѣлкой, т.-е. мнимой продажей (*imaginaria venditio*), вслѣдствіе аналогии былъ перенесенъ къ передачѣ собственности наслѣднику, т.-е. къ завѣщанію.

Другой примѣръ *coemptio fiduciae causa*. Остатки родового быта въ Римѣ, которые вообще тяжело отражались на положеніи родственниковъ по женской линіи (когнатахъ), имѣли особенно стѣснительное вліяніе на женщинъ, лишенныхъ права распоряжаться своимъ имуществомъ и находившихся всегда подъ властью отца, мужа или какого-нибудь агната. Освобождаясь постепенно изъ рамокъ своего древнѣйшаго быта, римское общество почувствовало необходимость создать и для женщины болѣе свободное, гражданское положеніе, и однимъ изъ самыхъ странныхъ средствъ, къ которымъ оно для этого прибѣгло, было упомянутое средство мнимаго брака. Женщина, желавшая освободиться отъ религиозныхъ и имущественныхъ оковъ родового быта, вступала въ мнимый бракъ съ такъ-называемымъ «свадебнымъ старикомъ»; иногда это былъ ея вольноотпущенный. Бракъ заключался для того, чтобы мужъ продалъ жену въ рабство третьему лицу, ею назначенному, а это лицо отпускало ее тотчасъ на волю. Черезъ это женщина становилась совершенно свободной и получала право отказывать свое имущество близкимъ ей кровнымъ родственникамъ, помимо чуждыхъ ей родовыхъ. Другое примѣненіе *аналогии* г. Муромцевъ видитъ въ *интерпретаціи* закона, т.-е. въ искусственномъ вложеніи въ слово еще иного смысла, чѣмъ тотъ, каковой былъ приданъ ему въ законѣ. Этотъ способъ расширять законъ нашелъ себѣ въ Римѣ обширное приложеніе. Мы ограничимся здѣсь извѣстнымъ примѣромъ, приведеннымъ у Гая. Одинъ изъ законовъ XII таблицъ воспрещалъ срубать *деревья* (*arbores*) на чужой землѣ. Если кто-нибудь жа-

ловался на сосѣда, срубившаго у него виноградныя лозы и въ жалобѣ употребилъ слово лоза (*vites*), а не деревья, то онъ терялъ искъ, такъ какъ не было закона, наказывавшаго за порубку лозъ. Если же онъ называлъ срубленные лозы деревьями, то онъ выигрывалъ процессъ, такъ какъ судьи истолковывали законъ въ обширномъ смыслѣ, и подразумѣвали подъ деревьями и кустарникъ. Г. Муромцевъ согласенъ, что такое вѣрное держаніе за букву закона можно назвать *формализмомъ*, но онъ полагаетъ, что формализмъ былъ здѣсь слѣдствіемъ консерватизма.

Подъ третьимъ пунктомъ г. Муромцевъ разумѣетъ то, что Игерингъ называетъ *Constructions-handlungen*, т.-е. формальныя дѣйствія, вынуждаемыя судебною властью для того, чтобы имѣть возможность соблюсти законъ со всѣми его формальными выраженіями. Такъ, напр., по закону опекунъ и его поручители отвѣчали за всѣ послѣдствія своихъ распоряженій или *администрации*. Поэтому, если опекунъ не приступалъ къ администраціи, не дѣлалъ никакихъ распоряженій, то его нельзя было привлечь къ отвѣтственности за опеку. «Въ наше время, — говоритъ Игерингъ, — мы восполнили бы пробѣлъ тѣмъ, что поставили бы, вмѣсто администраціи, слово опеку, т.-е. измѣнили бы самое *право*. Не такъ дѣйствовали римляне». Они сохраняли законоположеніе въ его формальномъ видѣ тѣмъ, что заставляли опекуна сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, т.-е. подойти подъ законъ. Другой случай. При завѣщаніяхъ посредствомъ фидеикоммисса, т.-е. подставнаго наследника, который обязанъ былъ передать наследство настоящимъ наследникамъ, могло случиться, что фидеикоммиссаръ отказывался принимать наследство, безъ уважительной причины. Можно было бы, придерживаясь духа завѣщанія, передавать въ подобномъ случаѣ наследство прямо настоящимъ наследникамъ, но, по постановленію сената (*Sc. Pegasianum*), было предписано принуждать подставнаго наследника къ совершенію формальнаго акта принятія и передачи завѣщанія (Игерингъ, III, стр. 271).

Четвертый пунктъ составляютъ юридическія фивціи, т.-е. вымысленія. Фивціи въ томъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ принимаетъ это понятіе г. Муромцевъ, имѣли, также какъ интерпретація закона, цѣлью расширять примѣненіе законовъ, не отбрасывая ихъ и не измѣняя ихъ формы. Фивція отличается только своимъ болѣе искусственнымъ, насильственнымъ приѣмомъ, и къ ней прибѣгаютъ, когда простая интерпретація невозможна по логическимъ или политическимъ причинамъ. Такъ, напр., можно было подвести виноградныя лозы подъ терминъ «деревья». Но если нужно было римлянину преслѣдовать судомъ вора иностранца, а

законъ говорилъ только о ворахъ гражданыхъ, то сильное національное сознание римлянъ не позволяло имъ истолковывать слово «гражданинъ» въ смыслѣ перетрина, ибо если бы допустить такую интерпретацію въ одномъ случаѣ, то можно было допустить ее и относительно политическихъ правъ. Для избѣжанія такого затрудненія истцу дозволялось сдѣлать вымышленное заявленіе, что подсудимый римскій гражданинъ и судья, удовлетворенный въ формальномъ отношеніи, безъ дальнѣйшей интерпретаціи примѣняли законъ. Такимъ образомъ, въ иныхъ случаяхъ дочь называется сыномъ, бездѣтная женщина называется матерью трехъ дѣтей, чтобы распространить на нее извѣстныя имущественныя преимущества.

Что касается до побужденій къ такимъ насильственнымъ истолкованіямъ, то Игерингъ видитъ въ немъ особенно убѣдительное доказательство въ пользу своей теоріи *юридической бережливости*, и объясняетъ ихъ слѣдующимъ сравненіемъ. Представимъ себѣ, что правленіе желѣзной дороги, или какая-нибудь казенная палата напечатала бланки, въ которыхъ пропущена графа для какого-нибудь предмета или по недосмотру, или потому, что при печатаніи бланковъ этого предмета не было въ торговомъ оборотѣ, или онъ не былъ обложенъ пошлиной. Чтобы не перепечатывать всѣхъ формуляровъ, правленіе объявляетъ, чтобы извѣстный предметъ былъ вносимъ въ одну изъ существующихъ графъ, одинъ сортъ каменнаго угля долженъ идти за другой. То же самое дѣлалъ преторъ, не измѣнявшій формулы процесса и только предписывавшій судья, чтобы онъ рассматривалъ новое отношеніе, какъ будто оно подходило подъ категорію стараго. Гораздо цѣлесообразнѣе объясняетъ фикцію Манъ въ своемъ сочиненіи «Древнее право», который видитъ въ нихъ одно изъ главныхъ средствъ для удовлетворенія потребности улучшенія въ области права въ извѣстномъ періодѣ общества — «средство, не идущее въ разрѣзъ съ суевѣрнымъ отвращеніемъ ко всякаго рода переменамъ», свойственнымъ первобытному обществу; ибо фикція есть предположеніе, которымъ прикрываютъ или стараются прикрыть тотъ фактъ, что правило закона подверглось измѣненію, т. е. что его буква осталась прежнею, а примѣненіе измѣнилось ¹⁾. И г. Муромцевъ считаетъ точку зрѣнія Игеринга не вполне удовлетворительною, по крайней мѣрѣ по отношенію ко всѣмъ фикціямъ, и полагаетъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно видѣть слѣды консерватизма, какъ непосредственной потребности юриспуден-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ, стр. 17 и пр.

цій. Въ особенности видѣть онѣ послѣдствія консерватизма въ фактивныхъ искахъ, защищавшихъ бенефициарную собственность.

Такимъ образомъ, рассмотрѣвъ разные виды аналогій, авторъ приходитъ къ заключенію, что аналогія, «служа въ Римѣ той же дѣли, какъ и въ настоящее время, расширенію области примѣненія существующихъ правовыхъ нормъ, имѣла своимъ истиннымъ *самостоятельную* потребность юридическаго мышленія—сохранять существующую систему права по возможности долго неизмѣняемою. Аналогія служила органомъ консерватизма, въ одно и то же время оставляя ненарушимою форму объективнаго права и подводя подъ дѣйствіе этой формы вновь нарождавшіяся жизненные отношенія» (стр. 85). За аналогіей идутъ въ историческомъ порядкѣ параллельные иски. Подобно тому, какъ простая интерпретація закона въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняется болѣе гибкимъ шагомъ съ помощью фисціи, такъ и аналогія вообще, при извѣстныхъ условіяхъ, оказывается недостаточной. «Когда, — говоритъ авторъ разбираемой нами книги, — родственныя явленія становятся настолько несходными, что признаніе ихъ путемъ искусственной аналогіи за безразличныя дѣлается неудобнымъ, тогда консерватизмъ вовлекаетъ юридическое мышленіе въ противоположную крайность и ведетъ его къ признанію полнѣйшаго различія въ природѣ старыхъ и новыхъ явленій, принадлежащихъ къ сферѣ развитія одного и того же института. Такимъ образомъ возникаетъ въ правѣ: *дуализмъ*. Его назначеніе подобно назначенію аналогіи. Отодвигая вновь признанныя юридическія отношенія въ новую, самостоятельную сферу, онъ тѣмъ самымъ содѣйствуетъ поддержанію систематической неприкосновенности права».

Мы достигли въ нашемъ изложеніи одного изъ тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ исторія римскаго права можетъ бросить яркій свѣтъ на общую исторію римскаго народа. *Дуализмъ* составляетъ одно изъ характеристическихъ явленій общей исторіи Рима. Вездѣ мы встрѣчаемъ этотъ дуализмъ: въ религіи, въ политическихъ правахъ и учрежденіяхъ. Въ религіи—римскій и греческій обрядъ (*ritus*); въ сферѣ политическихъ правъ—патриціевъ и плебеевъ, римскихъ гражданъ и латинцевъ, въ учрежденіяхъ—дуализмъ народныхъ собраній, дуализмъ законодательной власти, дуализмъ при установленіи имперіи. Историкъ, не обинуясь, будетъ искать причину этого дуализма въ консерватизмѣ. Поэтому, для него и должна имѣть такой интересъ систематическая попытка объяснить консерватизмомъ дуализмъ въ области гражданскаго права. Въ различныхъ институтахъ этого права мы видимъ, какъ

въ иеровосмѣ, ту же причину и тѣ же явленія, какъ въ общей исторіи римскаго народа.

Желаніе сохранить неприкосновеннымъ старое, привело къ рѣшѣнью проявленіямъ дуализма въ правѣ; право собственности рѣшилось, какъ мы видѣли, на квинтискую и бонитарную; то же случилось съ правомъ наслѣдства, такое же различіе установилось между землей, принадлежавшей римскому гражданину въ Италіи и въ провинціяхъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ замѣчаетъ г. Муромцевъ, несходство юридическіе отношеній значительно преувеличено, сравнительно съ дѣйствительностью, и родственныя юридическія отношенія разсматриваются какъ самостоятельные институты.

Дуализмъ правъ повлечъ за собой и дуализмъ исковъ. Мы уже упоминали, что различіе между квинтиской и бонитарной собственностью имѣло слѣдствіемъ различіе исковъ. Но къ этому дуализму исковъ, основанному на раздробленіи правъ, присоединился еще другого рода дуализмъ исковъ, независимый отъ характера защищаемаго ими права.

Чѣмъ древнѣе и грубѣе извѣстное общество, тѣмъ болѣе материализма въ его законахъ и въ его судопроизводствѣ, тѣмъ болѣе оно придерживается внѣшняго факта, не обращая вниманія на состояніе воли и на мотивы дѣйствія, и тѣмъ чаще оно можетъ быть несправедливымъ. Когда постепенно развивается способность различать между фактомъ и мотивомъ, и появляется потребность въ такъ-сказать идеальной справедливости рядомъ съ формальной, эта потребность находитъ себѣ выходы разными путями. Однимъ изъ такихъ путей были въ Римѣ такъ-называемые иски *bonae fidei*, т. е. иски, при которыхъ преторъ былъ обязанъ, передавая судѣ искъ, уполномочить его постановить свой приговоръ *ex bona fide*, такъ сказать *по совѣсти*. Эти иски, своимъ образомъ, отличались отъ старыхъ исковъ на основаніи точнаго пониманія права (*stricti juris*). Нѣкоторые изъ новыхъ исковъ возникли вмѣстѣ съ новыми институтами, но нѣкоторые принадлежали къ прежде существовавшимъ, для которыхъ употреблялись иски *stricti juris*. Г. Муромцевъ старается доказать, что новые иски возникли не изъ простой передѣлки старыхъ, но были образуемы самостоятельно и поставлены рядомъ съ послѣдними; другими словами, что юристы не рѣшились догнаться до древнихъ исковыхъ формулъ, хотя бы для того, чтобы вставить въ нихъ выраженіе «*ex fide bona*», а сочли болѣе удобнымъ создать новые, совершенно самостоятельные иски, слѣдова-

тельно, что причиною *параллельныхъ* исковъ былъ консервативный юрисприденція.

Однако, развитіе юридической жизни нашло себѣ выходъ и въ области старинныхъ исковъ *stricti iuris* чрезъ оригинальное средство, такъ-называемую «*exscriptio*». Подъ этимъ разумѣлось предоставленіе отвѣтчику встрѣчнаго иска, въ которомъ онъ ссылался на то обстоятельство, которое должно было послужить къ устраненію возбужденнаго противъ него иска. Какимъ образомъ г. Муромцевъ доказываетъ вліяніе консерватизма на возникновеніе эксценцій, мы не станемъ здѣсь пояснять, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ спеціальнаго изложенія.

Разсмотрѣвши главные проявленія консерватизма въ римской юрисприденціи, указаннаго г. Муромцевымъ, мы приступимъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи консерватизма и его причинахъ.

Если съ подобнымъ вопросомъ мы прежде всего обратимся къ г. Муромцеву, то найдемъ у него слѣдующій отвѣтъ. Держась взгляда Игеринга, что юридическія нормы суть результатъ мышленія, направленнаго къ удовлетворенію извѣстныхъ потребностей народа (стр. 3), г. Муромцевъ поставленъ въ необходимость и отличительныя свойства права у того или другого народа объяснить свойствами его мышленія; такимъ образомъ и консерватизмъ долженъ быть выведенъ изъ свойствъ мышленія. Правда, авторъ сознаетъ, что консерватизмъ не составляетъ исключительнаго достоянія юридическаго міра (стр. 183), а проявляется и въ другихъ областяхъ исторической жизни не только римскаго, но и другихъ народовъ, и что потому его слѣдуетъ причислить не къ спеціальнымъ юридическимъ свойствамъ, а къ свойствамъ болѣе общаго характера. Но въ то же время авторъ полагаетъ, что всестороннее историческое изслѣдованіе его не можетъ быть задачей юриста. Юристъ же долженъ описать или изучить его проявленіе въ области права, и изъ этого авторъ выводитъ, что онъ можетъ донскиваться причинъ его возникновенія только въ области юридической.

При ближайшемъ разсмотрѣніи причинъ консерватизма автору приходится раздѣлить его на два вида — на древнѣйшій и позднѣйшій, совершенно различныхъ и по свойству, и по причинамъ происхожденія. Только позднѣйшій консерватизмъ есть, по его мнѣнію, *самостоятельная потребность* юридическаго мышленія, иначе говоря — юристовъ; древнѣйшій же консерватизмъ является невольнымъ свойствомъ, такъ-сказать *недостаткомъ* мышленія, слѣдствіемъ его робости, неумѣлости. Причины этого

древнѣйшаго консерватизма авторъ видитъ (стр. 12 и 86) прежде всего въ конкретности мышленія древнихъ юристовъ-прагматиковъ, въ которой пронестекала нерасторгаемость связи юридическихъ понятій съ конкретными представленіями, лежавшими въ ихъ основаніи. Къ этой конкретности присоединяется *трудность*, съ которою неразвитому мышленію достается построеніе сколько-нибудь отвлеченныхъ понятій. Вслѣдствіе той *трудности обобщенія*, неразвитый умъ, добывъ разъ сколько-нибудь отвлеченныя понятія, дорожитъ ими гораздо больше и разстается съ ними неохотно, чѣмъ умъ, стоящій на болѣе высокой ступени развитія. Неземлемость старой системы юридическихъ понятій и представленій является, такимъ образомъ, слѣдствіемъ слабости, неразвитаго мышленія, но въ свою очередь она овладѣваетъ юристами и вводитъ ихъ въ заблужденіе. При трудности создавать новыя отвлеченныя понятія, они принуждены обходиться какъ можно дольше старыми и подводить подъ нихъ новыя потребности практической жизни. Но средство превращается постепенно въ цѣль; сменувшись съ неподвижностью юридической системы, юристы въ этой неподвижности начинаютъ видѣть нѣчто совершенно неизбѣжное; известный строй объективнаго права начинаетъ казаться имъ *необходимымъ самъ по себѣ* и, какъ таковой, *объективируется*, т. е. его рассматриваютъ, какъ стоящій внѣ воли юридическаго мышленія. Благодаря этому и консерватизмъ видоизмѣняетъ свой характеръ и, усилившись значительно въ своей энергіи, превращается въ *самостоятельную потребность юридическаго мышленія*.

Къ этимъ причинамъ авторъ присоединяетъ еще одну фактическую, случайную причину, т. е. стоящую внѣ всякихъ свойствъ юридическаго мышленія. Это особенное значеніе законовъ XII таблицъ; которые были *сдѣлкой*, достигнутой послѣ долгой политической борьбы между патриціями и плебеями. И этотъ мотивъ со временемъ подвергся дѣйствию объективизма, и превратился въ неприкосновенность законовъ XII таблицъ. Къ этому присоединяется то, что вообще въ Римѣ, гдѣ законъ вытекалъ изъ народной воли, онъ получилъ значеніе стража народныхъ правъ (стр. 14 и 87). Когда стала появляться новая юридическая система съ ея новыми нормами и институтами, развиваемая преимущественно юрисдикціей претора, тогда, вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, сложилось убѣжденіе «о сравнительномъ *бессилии* преторской власти предъ закономъ». Эта робость юридическаго мышленія, связанная съ бессиліемъ претора, должна была имѣть тѣ же послѣдствія, какъ нѣбогда робость и неумѣлость древнѣй-

иного мышления, т.-е. содѣйствовать консерватизму. Но и этот мотив, вытекавшій изъ фактическаго обстоятельства, получилъ, по мнѣнію г. Муромцева, свою силу только благодаря тому же консерватизму, ибо вслѣдствіе долгой практики неравноправность преторскаго адвката съ законами становилась все болѣе и болѣе пустымъ словомъ, «но, въ силу долговременной привычки въ этому понятію, оно не было оставлено. Сохраненное такимъ образомъ, лишь благодаря консерватизму, оно оказало рефлективное дѣйствіе на охранявшій его источникъ—консерватизмъ—и способствовало его развитію». Подъ вліяніемъ мысли о безсиліи адвката предъ закономъ, старыя формы права, установленнаго закономъ, должны были считаться непркосновенными, и преторъ долженъ былъ искать внѣ этихъ старыхъ формъ въ своихъ собственныхъ силахъ средства для защиты покровительствуемыхъ имъ идей.

Мы не думаемъ ставить автору «Консерватизма Римской Юриспруденціи» въ упоръ, что онъ желалъ объяснить рассматриваемое имъ явленіе не выходя изъ своей области. Онъ применилъ къ своему дѣлу совершенно естественный приемъ; каждая наука можетъ попытаться объяснить встрѣчаемыя въ ней явленія сначала собственными средствами—съ тѣмъ, чтобы уже потомъ прибѣгнуть къ сравненію и къ помощи другихъ наукъ. Но, желая дать изслѣдуемой статѣ болѣе общее значеніе и привести консерватизмъ въ области права въ связь съ консерватизмомъ римлянъ и въ другихъ сферахъ,—мы должны будемъ расширить задачу и доискиваться общахъ причинъ консерватизма.

III.

Мы считаемъ совершенно вѣрною мыслью, что необходимо дѣлать различіе между позднѣйшимъ консерватизмомъ римскихъ юристовъ и консерватизмомъ древнѣйшей эпохи. Позднѣйшій консерватизмъ юристовъ могъ держаться рутинной, могъ быть слѣдствіемъ теоретическихъ приемовъ, унаслѣдованныхъ однимъ поколѣніемъ отъ другого. Дѣло въ томъ, чтобы объяснить, какъ возникла такая рутинна и вслѣдствіе чего она такъ укоренилась. слѣдовательно, главною задачею должно быть указаніе причинъ консерватизма въ древнѣйшую эпоху, доступную нашему изслѣдованію. Г. Муромцевъ считаетъ этотъ древнѣйшій консерватизмъ слѣдствіемъ недосказки (конкретности) *юридическаго мышленія*. Такое объясненіе намъ кажется слишкомъ одностороннимъ и отвлеченнымъ. Оно напоминаетъ замѣчаніе Нибура, при объясне-

ни противоположности между патрициями и плебеями, что римляне были присуще психологическое свойство — всякій принцип двоять, и представлять себя въ мужскомъ и въ женскомъ видѣ такъ, духовное начало представлялось имъ какъ двойное и такъ, такому раздвоенію на мужское и женское начало соответствовало въ политической жизни дуализмъ патрициевъ и плебеевъ.

Мы полагаемъ, что не слѣдуетъ ограничиваться указаніемъ на свойства мышленія древнихъ юристовъ-практиковъ, но приодить консерватизмъ въ связь съ умственнымъ состояніемъ римскаго народа вообще, въ его древнѣйшую эпоху. Если мы пристальнѣе взглянемъ въ римскій консерватизмъ вообще, особенно же въ области права, то окажется, что онъ имѣетъ чрезвычайно формалистическій характеръ. Совершенно справедливо замѣчаетъ г. Муромцевъ, что римскій юристъ былъ консерваторомъ не на практикѣ, а лишь въ теоріи; но то же самое слѣдуетъ сказать о цѣломъ римскомъ народѣ. Слѣдовательно, первую задачу нашей при изслѣдованіи консерватизма должно быть — указать связь его съ формализмомъ и объяснить формализмъ, какъ характеристическую черту римскаго народа, проходящую черезъ всю его исторію.

Съ формализмомъ мы обыкновенно соединяемъ смыслъ, въ которомъ заключается нѣкоторое осужденіе. Мы разумѣемъ подъ нимъ склонность придавать формѣ большее, слѣпвоемъ существовавшее значеніе, независимо отъ содержанія и цѣли, или даже вовсе ихъ.

Такой формализмъ можетъ проявляться въ двоякомъ видѣ: такимъ образомъ, что содержаніе обставлено слишкомъ многочисленными и мелкими формами, несоблюденіе которыхъ считается признакомъ неуваженія къ содержанію или влечетъ за собой его несостоятельность. Другого рода формализмъ заключается въ излишнемъ уваженіи къ формамъ, завѣщаннымъ прошедшимъ: формы продолжаютъ пользоваться уваженіемъ, хотя значеніе вложеннаго въ нихъ содержанія и измѣнилось, или сохраненіе формъ требуется, несмотря на то, что онѣ не вызываютъ болѣе въ участникахъ и зрителяхъ тѣхъ ощущеній и идей, какъ прежде. Самый худшій видъ формализма послѣдняго рода тотъ, когда случайная связь между извѣстной формой и извѣстнымъ содержаніемъ только въ силу времени начинаетъ считаться существенной, или когда даже какое-нибудь обстоятельство, случайно замѣшавшееся при первоначальномъ установленіи формы, возводится на степень существеннаго признака, не допускающаго измѣненія.

Нѣтъ сомнѣній, что всѣ указанные виды формализма суть

вырожденія известной потребности въ формахъ, необходимыми для опредѣленнаго и нагляднаго выраженія содержанія. Эта потребность особенно сильно ощущается на раннихъ ступеняхъ развитія, когда люди не въ состояніи представлять себѣ содержаніе безъ опредѣленныхъ конкретныхъ формъ, когда они инстинктивно сопровождаютъ разныя событія своей психической жизни соответствующими тѣлодвиженіями, дѣйствіями съ помощью видимыхъ предметовъ или словами, т.-е. вообще обрядами, символами и формулами.

Эта первобытная, естественная потребность въ формахъ можетъ вырождаться въ формализмъ вслѣдствіе различныхъ причинъ.

Одна изъ главныхъ причинъ будетъ, конечно, заключаться во времени, въ долгомъ сосуществованіи известныхъ формъ съ известнымъ содержаніемъ. Вслѣдствіе указанной потребности въ формахъ, эти формы кажутся гораздо существеннѣе, чѣмъ вслѣдствіе; онѣ притягиваютъ въ себѣ содержаніе, поглощаютъ его, и послѣднее становится въ зависимое отъ нихъ положеніе. Такимъ образомъ, измѣненіе содержанія не влечетъ за собой паденія формы и между ними устанавливается противорѣчіе. Другія причины могутъ заключаться въ особенномъ почетѣ, которымъ пользуется тотъ, кто установилъ формы, или кому приписывается ихъ установленіе; въ тѣсной связи нѣкоторыхъ формъ съ известными практическими интересами; наконецъ въ томъ обстоятельстве, что надзоръ за соблюденіемъ формъ и дальнѣйшее развитіе содержанія поручены различнымъ классамъ или органамъ.

Различныя проявленія формализма того или другого вида встрѣчаются во множествѣ у всѣхъ народовъ. Поразительнѣе всего, конечно, тѣ примѣры, которые показываютъ, что случайная форма была признана существенной и приобрѣла, такъ сказать, равноправность съ содержаніемъ.

Египетскими жрецами дозволялось употребить при бальзамированіи мумій только каменные ножи, а не желѣзные. Это значитъ, что священные обряды погребенія установились у египтянъ еще въ ту эпоху, когда у нихъ не было металлическихъ орудій, и случайное свойство ножа было признано за существенную принадлежность обряда. Франскіе короли изъ династіи Меровинговъ въ известныхъ случаяхъ выѣзжали въ телѣгахъ, запряженныхъ волами, а не лошадьми. Мы не беремъ объяснять причину, вызвавшую такой обычай, но очевидно, что это остатокъ древнѣйшаго быта, отъ котораго сохранились только нѣкоторыя формальныя установленія, свято и строго исполняемыя.

У римлянъ мы встрѣчаемъ такія *окаменѣлыя* формы во всѣхъ областяхъ жизни. Такъ, на примѣръ, при совершеніи торжественнаго свадебнаго обряда, извѣстнаго подъ названіемъ *confarreatio*, до позднѣйшаго времени употреблялся *far*, т.-е. тотъ родъ зернового хлѣба, которымъ римляне питались въ древнѣйшія времена. *Fimment* или покрывало, которое надѣвали неvěсты и жрицы въ извѣстныхъ случаяхъ, дѣлалось изъ грубой ткани даже во времена изнѣженности и утонченности римскихъ нравовъ. Еще во времена Плинія неvěсты дарили при обрученіи желѣзное кольцо безъ драгоценнаго камня.

На развитіе и сохраненіе такого формализма у римлянъ, конечно, имѣли вліяніе тѣ же общія причины, которыя мы встрѣчаемъ и у другихъ народовъ; но если формализмъ римлянъ былъ сильнѣе и прочнѣе, чѣмъ обыкновенно, то это безъ сомнѣнія зависѣло отъ одного свойства римскаго народа, которое Игерингъ кратко обозначилъ словами: *Plastik des Gedankens*—пластичностью мысли.

Извѣстно, что народъ, у котораго наиболѣе была развита способность и потребность пластичности, были греки. Извѣстно, какое сильное вліяніе имѣла эта пластичность на ходъ религіозной исторіи грековъ, и особенно на ихъ поэзію и искусства. Въ области поэзіи и искусства римляне оставались подражателями грековъ. Но римляне были родственниками грековъ и, вообще говоря, не менѣе одаренный народъ. Ихъ способности обнаружались не столько въ мірѣ идеальныхъ образовъ, гдѣ творило воображеніе, сколько въ области жизненныхъ отношеній, гдѣ творила мысль. Тутъ они были такими же великими зодчими и художниками; тутъ въ построеніи государства, въ области политики и права, въ величественныхъ формахъ обнаружилась ихъ пластичность.

Эта потребность во внѣшнихъ, осязательныхъ формахъ для выраженія политическихъ и юридическихъ понятій имѣла и свою обратную сторону: римляне сдѣлались и остались формалистами. Формалистомъ былъ каждый отдѣльный римлянинъ, формализмомъ былъ проникнутъ весь народъ до мозга костей, формалистами считали они, поэтому, и своихъ боговъ. Доказательствъ можно много привести изъ разныхъ сферъ жизни. Такъ, римляне бросали съ моста въ Тибръ въ видѣ жертвоприношенія тростниковаго чучела, сдѣланнаго на подобіе людей. Когда, по завоеваніи Италіи, стало неудобно для римлянъ отправлять за море феціальное на границу непріятельской страны для совершенія стариннаго обряда объявленія войны, они заставили одного изъ плѣн-

ныхъ воиновъ Пирра кунить мѣсто передъ храмомъ Беллоны въ циркѣ Фламинія, и феціали получили возможность бросать окривленное воше во вражескую страну, «quasi in hostili loco», не удаляясь изъ Рима. Въ прежнее время римскій полководецъ послѣ неудачнаго дѣла возвращался въ Римъ и возобновлялъ ауспиціи, такъ какъ неудача приписывалась тому, что первые ауспиціи были совершены неправильно (*vitio capta*) и благосклонность боговъ не обезпечена. Но когда театръ войны все болѣе отдалялся отъ Рима и для полководцевъ сдѣлалось невозможнымъ туда отлучаться, они стали отводить известное поле въ неприятельской странѣ и, провававъ его адегъ Ромулю, совершали тамъ новыя ауспиціи, какъ-бы въ Римѣ. Какую роль игралъ формализмъ въ подобныхъ случаяхъ, видно изъ того, что у римлянъ случилось даже общее положеніе сакральнаго права, приведенное Сервіемъ, комментаторомъ Виргилія—*in sacris simulata pro vege accipiuntur*. Формализмъ выражался здѣсь въ томъ, что когда совершеніе известнаго жертвоприношенія или обряда становилось невозможнымъ, то они не отбѣнялись и не замѣнялись чѣмъ-нибудь другимъ, но сохранялись *минимымъ* образомъ, хотя бы сходство было основано лишь на томъ, что новый предметъ обозначался старымъ названіемъ ¹⁾.

Особенно поражаетъ насъ римскій формализмъ, когда онъ становится въ противорѣчіе съ настроеніемъ минуты и духомъ времени. Въ періодъ междоусобій и демагогическихъ агитцій, когда римскій народъ утратилъ уваженіе къ своимъ политическимъ учрежденіямъ, онъ остался однако подъ вліяніемъ формализма. Въ древнѣйшія времена, когда городъ Римъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, установился обычай во время народного собранія выкидывать на Яникулѣ бѣлое знамя, которое служило, если издали показывался отрядъ враговъ, чтобы такимъ образомъ увѣдомить объ опасности собравшихся гражданъ. Съ теченіемъ времени бѣлое знамя на Яникулѣ сдѣлалось существеннымъ признакомъ народного собранія, и за нѣсколько еще лѣтъ до паденія республики оптиматамъ удалось въ критическую минуту распустить одно изъ самыхъ бурныхъ и враждебно-настроенныхъ народныхъ собраній—тѣмъ, что они сняли бѣлый флагъ на Яникулѣ.

¹⁾ Подходящее сюда случаю собраніе въ брошюрѣ Демеліуса „Die Rechtschaffenheit 1858, который старается доказать, что иностранное изъ Сервія положеніе не работалось впервые въ области жертвоприношенія и отсюда перешло въ право, и породило „юридическія фикціи“.

Главный жрецъ Зевса въ Римѣ былъ обязанъ не снимать при жизни своей жреческой шляпы; но, съ другой стороны, римляне считали бы оскверненіемъ святыни, если бы эта шляпа была найдена на покойникѣ. Во время маріанскихъ прескрипцій одной изъ жертвъ торжествующей партіи сдѣлался жрецъ Зевса, Меруцъ; когда онъ узналъ, — рассказываетъ Аппіанъ, — что прокъ него были выставлены обвинители, онъ рѣшился на самоубійство, но около него нашли дощечку, на которой онъ написалъ, что снялъ шляпу до нанесенія себѣ смертельнаго удара.

Формалистами были триумвиры среди хладнокровныхъ жестоостей; формализмъ пережилъ республику и является въ возмутельной карриатурѣ при Тиверіѣ; не знаешь, чему приписать отталкивающій фактъ: суевѣрному ли формализму деспота, или цинической насмѣлкѣ его надъ формализмомъ.

Священный обычай или законъ (*fas*) въ Римѣ запрещалъ казнить дѣвушекъ. Можетъ быть, это было результатомъ культурной борьбы изъ-за человѣческихъ жертвоприношеній, отголосокъ которой дошелъ до насъ въ сказаніяхъ объ Ифигени, объ Атамантѣ и т. п. Реакція народнаго чувства противъ приношенія въ жертву дѣвушекъ въ Римѣ могла достигнуть такой силы, что выразилась въ упомянутомъ священномъ запретѣ, и страшный способъ казни согрѣшившихъ весталокъ, можетъ быть, объясняется именно желаніемъ обойти этотъ законъ, не нарушая его буквального смысла. Но если въ до-историческую эпоху римляне перестали приносить въ жертву богамъ дѣвицы, то имъ пришлось опять увидѣть подобныя жертвоприношенія, когда установилось у нихъ политическое идолопоклонство. Въ послѣднихъ принадлежкахъ библейской жестокости, Тиверій, какъ рассказываетъ Светоній (с. 61), не щадилъ и незрѣлыхъ дѣвушекъ, но — *immaturae puellae quia ante tradito nefas esset, virgines strangulari, vitatae prius a capitibus, deinde strangulatae*. Лицемерное зѣвство Тиверія нашло отраженіе въ эпоху преслѣдованія христіанскихъ семействъ.

Римскій формализмъ нигдѣ, конечно, не находилъ такого широкаго и удобнаго поприща для своего примѣненія, какъ въ области права, гдѣ форма не только существенна въ періодъ ранняго развитія права, но и впоследствии нужна для точнаго выраженія воли и опредѣленія юридическихъ понятій. Но, благодаря формализму, форма и здѣсь стала получать сама по себѣ важное значеніе и привоывать къ себѣ содержаніе. Какъ ни тутъ возникаютъ и развиваются въ извѣстномъ періодѣ отвлеченныя понятія, онѣ все-таки измѣняются скорѣе, чѣмъ однажды установленныя формы, выразившіяся въ формулѣ, или въ см-

вогѣ, или въ обрядѣ. Вслѣдствіе этой живучести формы, подъ ея покровомъ кристаллизуется содержаніе и также противится измѣненію. Такимъ образомъ, въ формализмъ слѣдуетъ искать причину древнѣйшаго консерватизма, т.-е. «нерасторгаемости связи юридическихъ понятій съ конкретными представленіями, лежащими въ ихъ основаніи».

Возьмемъ для примѣра извѣстное раздѣленіе предметовъ собственности на *res mancipi* и *res nec mancipi*. Едва ли будетъ рационально объяснять происхожденіе этого дуализма однимъ только различіемъ способа передачи, а это послѣднее различіе основывать на случайномъ обстоятельстве, что вещи *res nec mancipi* сдѣлались *posterioribus* предметомъ торговли и передачи собственности, когда для *res mancipi* уже установился опредѣленный способъ передачи посредствомъ манципации. Вѣдь во всякомъ случаѣ предметы *res nec mancipi*, въ которыхъ принадлежитъ большая часть движимой собственности, должны были постепенно и незамѣтно становиться предметами торговли и оборота рядомъ съ предметами *res mancipi*, и трудно себѣ представить, чтобы между эпохой, когда только быки и лошади были предметомъ торговли въ Лаціумѣ, и болѣе поздней эпохой, когда къ нимъ присоединились овцы, козы и свиньи, протекло такъ много времени, что для первыхъ установился особый способъ передачи, формы котораго римляне не рѣшились распространить на послѣднихъ.

Мы полагаемъ, что одно время не могло произвести такого глубокаго различія въ способѣ передачи, которое даже повлекло за собой различіе въ самомъ характерѣ собственности, — но что дѣло было наоборотъ, т.-е. что это раздѣленіе должно основываться на болѣе существенномъ различіи, на самомъ характерѣ собственности, а не на способѣ передачи; другими словами, мы думаемъ, что раздѣленіе собственности на два вида должно было предшествовать образованію дуализма въ передачѣ. Правдоподобнѣе всего будетъ, по нашему мнѣнію, объяснять вышеупомянутое различіе такъ: въ эпоху родового быта, земля была у римлянъ, какъ и вездѣ, собственностью рода, а не семьи и не лица. Когда впоследствии, при нѣкоторомъ ослабленіи родового быта, стала видѣться частная повемельная собственность, родъ сохранилъ однако извѣстныя права и преимущества относительно земли; земля переходила по наслѣдству къ агнатамъ, т.-е. къ родственникамъ, принадлежавшимъ къ тому же роду, а въ случаѣ неизмѣнныя агнатовъ, даже къ родичамъ (*gentiles*), уже не состоявшимъ собственно въ родствѣ. Но для древняго земледѣлія тѣ живыя орудія, посредствомъ которыхъ воздѣлывалась земля и перевозились

ей плоды, имѣли не меньшее значеніе, чѣмъ деньги и земледѣльческія орудія для современнаго, болѣе развитаго земледѣлія — а подъ живыми орудіями, безъ которыхъ не могъ обойтись римскій земледѣлецъ, слѣдуетъ разумѣть *работъ*, воловъ ¹⁾, лошадей и ослей. Древніе римляне, стѣсненные родовымъ бытомъ въ своихъ семейныхъ привязанностяхъ, дѣйствовали, повидимому, раціональнѣе, чѣмъ многіе земледѣльцы другихъ эпохъ и странъ, которые разрозниваютъ землю и то, что необходимо для ея обработки, оставляя землю однимъ наслѣдникамъ, а деньги и скотъ другимъ. Въ древнемъ Римѣ то, что было необходимо для земледѣлія, было такъ-сказать прикрѣплено къ землѣ, считалось однородною собственностью и потому подвергалось одинаковому стѣсненію при переходѣ, пользовалось одинаковымъ съ землею способомъ при передачѣ отъ одного лица въ другому. Если мы примемъ такое предположеніе, намъ будетъ ясно, почему изъ многочисленныхъ видовъ движимой собственности, только рабы, волы и лошади подходили подъ одну категорію вмѣстѣ съ землею — недвижимою собственностью. Такое объясненіе избавить насъ, кромѣ того, отъ многихъ недоразумѣній и натяжекъ, связанныхъ съ другими объясненіями. Если, напримѣръ, предположить, что различіе *res mancipi* и *res nec mancipi* произошло въ такую первобытную эпоху, когда ни хлѣбное зерно и другіе плоды, ни одежда, ни оружіе, ни женскія украшенія, ни жреческіе сосуды не были въ Лаціумѣ предметами оборота и торговли, насъ должно удивлять присутствіе сервитутовъ въ числѣ *res mancipi*, такъ какъ сервитуты суть признакъ довольно высокаго культурнаго развитія. Съ другой стороны, при нашемъ объясненіи намъ не нужно удивляться тому, что, напр., овца не упомянута въ числѣ *res mancipi*, и не нужно прибѣгать къ предположенію, что Гай забылъ упомянуть о нихъ. Овцы не нужны для земледѣлія, т. е. не представляютъ земледѣльческаго орудія; поэтому онѣ не такъ тѣсно связаны съ землею и римскій землевладѣлецъ могъ свободнѣе располагать этою частью своего имущества, чѣмъ тѣми, которыя входили въ разрядъ *res mancipi*.

Такимъ образомъ, мы считаемъ необходимымъ держаться того объясненія ²⁾, которое полагаетъ, что въ основаніи раздѣленія предметовъ собственности на *mancipi* и *nec mancipi* лежитъ различ-

¹⁾ На тѣсную связь между землею и земледѣльческимъ скотомъ указываетъ, между прочимъ, родство выраженій: *jugum*—пара воловъ и *jugerum*—мѣра земли, около 1/4 акра, т. е. такой участокъ земли, который можетъ быть вспаханъ въ день паровъ.

²⁾ См. объ этомъ Мана „Древнее Право“, въ соответствующей главѣ.

ное отношеніе рода у римлянъ къ различнымъ видамъ собственности. Понятно, что притязанія рода на личную собственность его членовъ могли легче осуществляться и дольше сохраняться относительно недвижимой собственности—земли, тѣмъ относительно движимой, и потому естественно, что когда развитіе культуры привело къ большей независимости поземельной собственности и къ свободному переходу земельныхъ участковъ отъ одного владѣльца къ другому посредствомъ продажи, этотъ переходъ былъ однако обставленъ и затрудненъ, а съ другой стороны и обезпеченъ особыми болѣе торжественными формами продажи, тѣмъ движимая собственность, которую родъ давно уже предоставлялъ въ свободное распоряженіе своихъ членовъ.

Но для родичей было важно получить не пустопорожнюю землю, а землю съ тѣмъ, что давало ей цѣну въ тѣ времена обилія земель и скудости рабочихъ силъ—съ рабами и рабочимъ скотомъ, и потому позволительно думать, что на эти предметы собственности одинаково простирались притязанія агнатовъ и рода, и они были обставлены при продажѣ тѣми же гарантіями для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ: для родичей, продавца и покупателя, какъ и самая земля.

Но въ какомъ способу объясненія мы бы ни прибѣгли, ни во всякомъ случаѣ должны придти къ заключенію, что различіе между *res mancipi* и *res mancipi* уворенилось, перешло въ историческую эпоху и удержалось до послѣднихъ временъ римской исторіи лишь вслѣдствіе формализма. Припишемъ ли мы происхожденіе этого различія *времени*, т.-е. тому, что *res mancipi* позднѣе сдѣлались предметомъ торговли, или вліянію родового быта, во всякомъ случаѣ въ историческую эпоху между *res mancipi* и *res mancipi* нѣтъ никакой разницы ни по отношенію къ торговлѣ, ни по отношенію къ правамъ агнатовъ или родичей. Различіе между ними держится только тѣмъ, что юридическія формы, установившіяся для первыхъ, не распространяются на послѣднія, а если въ иныхъ случаяхъ и примѣняются на практикѣ, какъ, напр., при продажѣ или передачѣ брилліантовъ, то не имѣютъ настоящей силы. Только формализмъ, т.-е. склонность сохранять старыя формы, не заботясь о ихъ цѣлесообразности, поддерживалъ различіе между двумя видами собственности, казавшееся совершенно искусственнымъ и произвольнымъ.

Но не въ одномъ формализмѣ слѣдуетъ искать причину не подвижности и консерватизма юридическихъ понятій и формъ въ Римѣ. Необходимо изслѣдовать также въ этомъ отношеніи вліяніе религіи.

Мало вопросовъ, которые разрѣнялись бы такъ диаметрально противоположно и которые дѣйствительно могутъ быть разрѣнены такъ различно, какъ вопросъ о вліяніи религіи на право у римлянъ. Съ одной стороны, мы знаемъ на основаніи свидѣтельствъ, почерпнутыхъ у древнихъ писателей, что въ извѣстную эпоху римляне, сохраняя только внѣшнюю сторону своей религіи, обратили ее въ политическое средство съ такимъ искусствомъ, что въ этомъ отношеніи съ ними могутъ поспорить только ихъ волонты, папы и куріалы, т. - е. дѣльцы папской куріи въ XIV — XV вѣкахъ. Мы знаемъ также, что никакой народъ не успѣлъ такъ рано и такъ ясно отдѣлить религіозную область отъ свѣтской, въ политикѣ и правѣ, какъ римляне, такъ какъ происхождение различія между *fas* и *jus* заходитъ за предѣлы нашего историческаго кругозора. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ у римскихъ писателей извѣстіе, что гражданское право находилось въ теченіи многихъ вѣковъ въ оковахъ религіи и было исключительно извѣстно жреческимъ коллегіямъ понтифексовъ, и мы можемъ, вромѣ того, судить по аналогіи съ другими народами, что религія должна была оставить глубокіе слѣды въ римскомъ правѣ. При такихъ данныхъ чрезвычайно легко, смотря по обстоятельствамъ, преувеличить или умалить вліяніе религіи, смотря по личной точкѣ зрѣнія или по области и характеру занятій. Такъ, напр., юристы, въ исключительномъ смыслѣ этого слова, будутъ склонны уменьшать вліяніе религіи и жреческихъ коллегій и настаивать на самостоятельномъ развитіи римскаго права, какъ дѣлаетъ, напримѣръ, Пухта. Ученые же, задавшіеся мыслью вслѣдовать вліяніе религіи вообще или на какую-нибудь спеціальную область, могутъ быть склонны преувеличивать ее вліяніе, какъ, напр., Шмидтъ и Демеліусъ, противъ которыхъ полемизируетъ Игерингъ. Сюда можно причислить еще одно оригинальное мнѣніе, написанное съ большою ученостью и убѣдительною последовательностью, которое старается объяснить возникновеніе и дальнейшій ходъ развитія римскихъ учреждений исключительно характеромъ древней религіи, отождествленной съ поклоненіемъ родовымъ предкамъ — извѣстное сочиненіе Фюстель-де-Куланжа, «Гражданская Община въ Древнемъ Мирѣ»¹⁾.

¹⁾ Мы обязаны переводомъ сочиненія Фюстель-де-Куланжа тому же неутомимому переводчику и тому же щедрому издателю, которые обогатили русскую литературу такими добросовѣстными переводами капитальныхъ сочиненій. Чтобы перевести такую ученую книгу, нужно обладать почти не меньшими способностями, чѣмъ у автора. Между русскими переводчиками, г. Е. Коршъ одинъ изъ немногихъ, удовлетворяющихъ такому условію. Не говоря о массѣ невѣстныхъ переводовъ, недоста-

Впрочемъ, относительно вопроса о вліяніи религіи собственно на римское право, мы находимъ у Фюстель-де-Куланжа только нѣкоторыя общія мысли. Гораздо подробнѣе разработанъ этотъ вопросъ у Игеринга, который болѣе чѣмъ кто-либо изъ нѣмецкихъ историковъ римскаго права изучаетъ свой предметъ въ связи съ исторіей культуры и у втораго мы, поэтому, находимъ много драгоцѣнныхъ указаній (въ § 18, 18', 21, 47). Но какъ трудно въ подобнаго рода вопросахъ избѣгнуть преувеличенія, доказываеель, напр., слѣдующее мѣсто у Игеринга, гдѣ онъ, говоря о раннемъ ослабленіи у римлянъ религіознаго духа, замѣчаетъ: «народъ, одушевленный истинной религіозностью, скорѣе дозволилъ бы плебеямъ покинуть городъ, чѣмъ допустилъ бы ихъ къ консульству или призналъ за ними право заключать съ патриціями браки, а если бы призналъ, то не заключалъ бы съ ними браковъ—и такой народъ едвали бы совершенно искоренилъ королевскую власть, вмѣсто того, чтобы предпочесть болѣе законный путь и избрать другого царя на мѣсто изгнаннаго Тарвинія».

Вообще можно сказать, что хотя Игерингъ и представляетъ замѣчательный примѣръ соединенія юриста и историка культуры, юристъ въ немъ, однако, преобладаетъ, и это привело его къ нѣкоторымъ противорѣчивымъ заключеніямъ относительно вопроса о вліяніи религіи. Такъ, напримѣръ, по нашему мнѣнію, глава XXI въ первомъ томѣ, гдѣ Игерингъ сводитъ все на истиннѣе цѣлесообразности у римлянъ и говоритъ о практическомъ отношеніи ихъ къ религіозному чувству, противорѣчитъ въ общемъ тонѣ и волоритѣ главѣ XLII во второмъ томѣ, гдѣ изслѣдуется вопросъ о вліяніи понтификесовъ на разработку *jus civile*.

Намъ здѣсь не предстоитъ обстоятельно изслѣдовать вліяніе религіи на римское право: намъ нужно только въ общихъ чертахъ указать на участіе религіознаго элемента въ развитіи римскаго формализма и консерватизма въ правѣ; мы ограничимся поэтому указаніемъ на четыре главныя точки соприкосновенія между религіей и правомъ: характеръ римской религіи и влія-

точная степень свѣдѣній въ переводчикѣ порождаетъ странныя промахи въ переводахъ у хорошихъ издателей. Такъ, напр., въ переводѣ сочиненія Мэну, „Древнее Право“, (изданіе Кожанчикова)—извѣстный Мэну, которому приписывается древній религіозный кодексъ Индіи, называется Мэну (стр. 5—11). Если бы переводчица была болѣе знакома съ этимъ именемъ, она не англазировала бы его потому только, что встрѣтила въ англійской книгѣ. Этотъ промахъ можно пожалуй, какъ это обыкновенно дѣлается, приписать корректору, но такія выраженія, какъ *de Juris Gentium* или *o Juris Gentium* (стр. 161 и сл.) уже не могутъ быть поставлены въ вину корректору, а переводчицу и издателю.

не его вообще на складъ духовной жизни римлянъ и ихъ право; тѣсную связь, сохранившуюся между *ius* и *fas*, несмотря на раннее раздѣленіе ихъ; вліяніе религіи на политическій строй и характеръ верховной власти, какъ источникъ законовъ и права; и наконецъ вліяніе жреческой коллегіи понтифексовъ на право (*ius civile*).

Утверждая, что вліяніе римской религіи на право было значительно, мы имѣемъ за себя прежде всего общую аналогію. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ древнѣйшія проявленія психической жизни историческихъ народовъ имѣли религіозный характеръ, были въ связи съ ихъ религіозными представленіями и въ зависимости отъ нихъ, что, какъ выражаютъ это преданія всѣхъ народовъ, боги жили вѣчно на землѣ и дѣйствовали непосредственно среди людей. И это не могло быть иначе. Если мы будемъ сводить главныя области духовной жизни на различныя психическія функціи человѣка— философію и науку, на разумъ, поэзію и искусство, на чувство, право и этику, на волю, то для религіи намъ придется искать основаніе въ *самосознаніи* человѣка. Самосознаніе, выдѣляя личность человѣка отъ окружающаго его міра, должно было вызвать въ немъ потребности привести въ связь свое личное я съ тѣмъ величественнымъ дѣиствомъ, которое онъ ощущалъ внѣ себя и около себя, и которое въ его представленіяхъ было пронизано такимъ же духовнымъ началомъ, какое онъ, благодаря самосознанію, ощущалъ въ себѣ самомъ. Съ пробужденіемъ самосознанія должна была начаться психическая жизнь человѣка, и потому содержаніе древнѣйшей психической жизни должно было имѣть религіозный характеръ. Въ самосознаніи нераздѣльно слиты всѣ психическія функціи, ибо человѣкъ сознаетъ себя существомъ мыслящимъ, чувствующимъ и хотящимъ, и только постепенно развивалась изъ самосознанія самостоятельная дѣятельность ума, чувства и воли. Изъ этого можно заключить, что потребность въ отвлеченныхъ понятіяхъ, художественныхъ образахъ, и юридическихъ, и нравственныхъ принципахъ развивалась и удовлетворялась первоначально только въ связи съ религіозной жизнью и подъ исключительнымъ ея вліяніемъ. Оттого древнѣйшая философія, древнѣйшая поэзія и древнѣйшее право не только носятъ на себѣ печать религіи и такъ сказать исключительно ей служатъ, но и находятся въ непосредственной связи между собой, сливаются и въ формѣ, и въ содержаніи. Оттого древніе народы не различаютъ строго между религіознымъ догматомъ, космогоническимъ ученіемъ, поэтическимъ представленіемъ и положеніемъ права. Въ древнѣйшихъ

письменныхъ памятникѣхъ все это смѣшано и связано другъ съ другомъ, напримѣръ, въ законахъ Ману. То же самое можно сказать намъ еще о сборникѣ постановлений, который Соломонъ далъ еврейнамъ, и Фюстель-де-Куланжъ справедливо опредѣляетъ его словами: «это было въ одно и то же время сводъ законовъ (code), политическая конституція и обрядникъ», ибо рядомъ съ политической организаціей тамъ опредѣлялись порядокъ жертвоприношеній и цѣна жертвенныхъ животныхъ, а также свадебные и похоронные обряды. Еще на XII таблицахъ мы находимъ мелочныя предписанія относительно похоронныхъ обрядовъ. Оттого древнѣйшія политическія и юридическія постановленія и обычаи приписывались или непосредственно богамъ, или божественному внушенію. Оттого и внѣшняя форма, въ которой передавались изъ поколѣнія въ поколѣнія древнѣйшія положенія религіи, философіи и право — имѣла характеръ поэтической.

Понятно, что вся святость, которою пользовались въ глазахъ древняго человѣка религіозныя представленія и постановленія, должна была сдѣлаться также удѣломъ его юридическихъ правилъ и формъ, и непоколебимость, неизмѣняемость, вѣчность первыхъ должны были приписываться и послѣднимъ. Но это консервативное вліяніе религіи на право, которое вездѣ имѣло мѣсто, должно было быть особенно сильно въ Римѣ, вслѣдствіе одной особенности римской религіи, наложившей глубокую печать на весь духовный складъ римлянъ. У римлянъ болѣе, чѣмъ у какаго-нибудь другого языческаго народа, религія приняла характеръ *сдѣлки, договора* съ богами. Не даромъ этотъ же народъ развилъ до такой тонкости институтъ обязательствъ и стипуляцій. Договоръ между богами и людьми связывалъ тѣхъ и другихъ. На основаніи договора, боги получали извѣстныя жертвоприношенія, чествовались извѣстными пиршествами, обрядами, молитвами и празднествами — болѣе давать богамъ, чѣмъ было установлено договоромъ, римлянинъ считалъ не нужнымъ. Если онъ особенно нуждался въ чемъ-нибудь — въ исполненіи завѣтнаго желанія, спасеніи отъ болѣзни или грозящей опасности — онъ могъ вступать кромѣ того, съ тѣмъ или другимъ богомъ въ частный, личный договоръ, онъ давалъ обѣтъ — *votum*. Этотъ обѣтъ имѣлъ совершенно юридическій характеръ взаимнаго обязательства. Римлянинъ обязывался дать или сдѣлать то-то, если божествомъ будетъ исполнено такое-то условіе. Римлянинъ ничѣмъ не рисковалъ, онъ выжидалъ исполненія условія и потомъ приступалъ къ исполненію обязательства. Но за то римляне не только точно исполняли принятія ими лично на себя обязательства, но и всѣ

обязательства, унаслѣдованныя отъ предковъ вмѣстѣ съ вѣрою въ боговъ. Религія римлянина была чувствомъ осторожнаго и мнительнаго человѣка, который получилъ наслѣдство подъ условіемъ исполненія многочисленныхъ обязательствъ и который постоянно одержимъ страхомъ, что можетъ нарушить то или другое обязательство, отъ котораго зависитъ сохраненіе наслѣдства. Подъ вліяніемъ такого страха римлянинъ былъ готовъ переносить много тяжелыхъ лишеній и стѣсненій, чтобъ не упустить главнаго. Такъ какъ всѣ эти унаслѣдованныя обязательства были установлены не имъ, то они не только были неизмѣняемы и вѣчны, но римлянинъ и не могъ знать, какое условіе связано съ исполненіемъ съ его стороны того или другого обряда. Отсюда у него долженъ былъ развиваться суевѣрный страхъ предъ нарушеніемъ самаго простаго обряда, предъ отступленіемъ отъ самой ничтожной формы. Онъ поддавался тѣмъ болѣе беззавѣтно этой суевѣрной обрядности, которая есть отличительный признакъ римской религіи, что нужда сдѣлала его изобрѣтательнымъ казуистомъ и онъ научился обходить стѣсненія и добиваться своего, не нарушая старой формы. Понятно, съ какою неотразимой силой долженъ былъ отразиться этотъ характеръ религіи на складъ римлянина, какъ консерватизмъ, относительно формы, сдѣлался самостоятельной потребностью народнаго духа и какъ глубоко онъ отражался на духовной дѣятельности римлянъ даже въ эпоху, когда разработка права вышла изъ нѣдръ (ex penetralibus) жреческихъ коллегій и сдѣлалась достояніемъ римлянъ-юристовъ.

Римляне пошли далѣе другихъ народовъ въ самостоятельномъ развитіи государства и права; они глубже другихъ сознали отдѣльное отъ религіи существованіе права и выдѣлили его подъ названіемъ *jus* отъ собственно религіознаго, касавшагося отношеній къ богамъ и той части человѣческаго права, на которомъ сохранилась печать религіи (*fas*). Но самый этотъ дуализмъ указываетъ на силу религіозныхъ представленій въ области права, на сознаніе неизмѣяемости и прочности древняго права; ибо римляне не рѣшились отмѣнить религіозный характеръ его, а рядомъ съ божественнымъ или освященнымъ богами создали новое право, обязанное своимъ происхожденіемъ только человѣку. Возникновеніе *jus* рядомъ съ *fas* есть первый важный плодъ римскаго консерватизма, на этотъ разъ очевидно вызваннаго религіей. Прирожденный римлянамъ юридическій инстинктъ увлекалъ ихъ по пути прогрессивнаго движенія къ освобожденію права отъ религіи, но наклонность къ консерватизму заставила ихъ щадить вліяніе религіи тамъ, гдѣ оно уже упрочилось, отвести ей

особенный *удѣлъ* и этимъ, такъ-сказать, устранить ея вліяніе на остальную область права.

Но мы бы сдѣлали большую ошибку, если бы предположили, что римлянамъ удалось совершенно выдѣлить религію изъ области права. Между *fas* и *jus* сохранилось много точекъ соприкосновенія, и эти области представляютъ даже, такъ-сказать, пѣ-вторую черезполосицу ¹⁾. Такъ, напр., всѣ древнѣйшіе институты права, касающіеся семьи, т.-е. возникновенія и упроченія семьи: брака, усыновленія, завѣщанія, семейнаго богослуженія, сложились въ эпоху исключительнаго господства *fas'a*, и свѣтское право успѣло окончательно отъ него эманципироваться только съ паденіемъ языческой религіи, что, впрочемъ, было временемъ торжества христіанства и новаго проиженія религіознаго элемента въ право. Понятно, какимъ тормазомъ должны были быть различныя нормы, освященныя религіей или священнымъ правомъ, для дѣятельности юристовъ въ смежной области, и какъ это заставляло послѣднихъ повторять въ частностяхъ тотъ же процессъ, который совершился при отдѣленіи *jus* отъ *fas*, т.-е. оставлять нетронутымъ существующее и обходить его или установленіемъ новыхъ независимыхъ нормъ, или казуистикой, основанной на формализмѣ.

Но вліяніе религіи продолжало ощущаться не только въ такихъ институтахъ, гдѣ развитіе гражданскаго права наталкивалось на незыблемыя скалы священнаго права, напр. въ области наслѣдства, съ которыми было связано обязательство сохранять семейное богослуженіе — это вліяніе сохранилось и въ эпоху восточникѣ свѣтскаго права. Почва, на которой жили и дѣйствовали римляне, была священной — богамъ были посвящены стѣны города и мѣжевые камни, храмы съ ихъ поземельными участками, особыя рошчи, очаги домовъ и алтари на улицахъ и перекресткахъ. Подобнымъ же образомъ и духовная почва, на которой было построено государство и развивалось право, была всадѣ помѣчена знаменіями боговъ и выраженіемъ ихъ воли. Даже въ эпоху относительной секуляризаціи государства и правъ послѣ того какъ законы были установлены децемвирами въ виду всего народа, главный источникъ права — постановленія народнаго собранія, продолжалъ имѣть полу-религіозный характеръ.

¹⁾ Хотя тѣсная связь между *fas* и *jus* не подлежитъ сомнѣнію, считаемъ не лишнимъ привести въ данномъ случаѣ *ipsissima verba* юриста: Eine strenge Grenzlinie zwischen beiden Gebieten des Rechts liess sich in manchen Verhältnissen gar nicht ziehen (Иеринг).

Подобно тому, какъ никакой магистратъ не вступалъ въ должность безъ правильныхъ и благопріятныхъ ауспицій, такъ безъ одобренія боговъ не могло состояться никакое народное собраніе, и на его постановленіяхъ лежало это одобреніе. Не слѣдуетъ дозволить себѣ анахронизма относительно ауспицій, т.-е. изъ того, что эти обряды въ послѣдствіи утратили свой смыслъ и превратились въ пустую формальность — забывать значеніе, которое они имѣли въ старомъ Римѣ и санкцію, которую эти ауспиціи валагали на постановленія римлянъ въ ихъ народныхъ собраніяхъ.

Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что, несмотря на отдѣленіе свѣтскаго права отъ религіознаго, религія продолжала имѣть вліяніе на право и дѣйствовать охранительнымъ образомъ не только вслѣдствіе смежности и чрезполосности этихъ областей, но и посредствомъ своихъ специальныхъ представителей — жреческихъ коллегій.

Какъ бы мы ни считали неправдоподобнымъ вліяніе жрецовъ на право въ историческую эпоху, какъ бы мы ни были склонны разрѣшать отдѣльные вопросы не въ пользу этого вліянія, никакая діалектика не въ состояніи ослабить силу извѣстныхъ историческихъ свидѣтельствъ, что въ эпоху, слѣдующую за XII таблицами, знаніе законовъ, искусство толкованія ихъ и искъ, т.-е. гражданскій процессъ были въ рукахъ коллегіи понтифексовъ, которая ежегодно назначала одного изъ своихъ членовъ для завѣдыванія гражданскимъ судопроизводствомъ, и что еще за 300 лѣтъ до Р. Хр. право (*jus civile*) было, какъ выражается Ливій, скрыто въ нѣдрахъ этой жреческой коллегіи.

Конечно, понтифексы не были жрецами въ исключительномъ смыслѣ этого слова; они были гражданами, не оторванными отъ политической жизни своего народа, они не стремились къ подчиненію государства жреческимъ интересамъ, но нѣтъ сомнѣнія, что они были исполнены уваженія къ стариннымъ нормамъ и обычаямъ, и уже благодаря таинственности, которымъ окружали свое знаніе, были такъ-сказать столпами консерватизма.

Извѣстно, какія причины устранили понтифексовъ отъ такого непосредственнаго завѣдыванія гражданскимъ правомъ: во время борьбы между патриціями и плебеями за право занятія магистратуръ, рядомъ съ консулами былъ установленъ особый магистратъ для судопроизводства (преторъ); затѣмъ тяжущимся было предоставлено право вести искъ, извѣстный подъ названіемъ *legis actio sacramento*, передъ преторомъ вмѣсто понтифексовъ (при этомъ искъ обѣ стороны вносили понтифексу извѣстную сумму —

потерявшій искъ тераль и эту сумму). Далѣе, около 300 лѣтъ до Р. Хр., писецъ Флавій, сдѣлавшійся курульнымъ эдиктомъ, обнаруговалъ на форумѣ то, что хранилось въ тайнѣ жрецами (*jus civile, ut quando lege agi posset, sciretur*). Наконецъ, были допущены въ число понтифексовъ плебеи, изъ которыхъ главный понтифексъ Тиверій Корунканій сталъ потомъ допускать всякаго желающаго къ изученію права подъ своимъ руководствомъ.

Изъ этого видно, какъ медленно освобождалось право изъ-подъ вліянія жрецовъ. Такое завѣдываніе правомъ понтифексами должно было оставить на немъ глубокіе слѣды. Не даромъ Игерингъ называетъ коллегію понтифексовъ первымъ юридическимъ факультетомъ и начинаетъ исторію юриспруденціи, какъ свободной науки, съ Корунканія. Не даромъ величаетъ онъ понтифексовъ «юрисстами въ настоящемъ смыслѣ, въ такой степени достойными предшественниками позднихъ римскихъ юристовъ, что послѣдніе сдѣлались великими только потому, что стояли на сечахъ такихъ предшественниковъ». Устраняя, какъ нецѣльное, предположеніе, что юристы отреклись отъ ученія и метода своихъ учителей, Игерингъ даже полагаетъ, что вліяніе понтифексовъ на исторію права (*auf die ganze Gestaltung des Rechts*) было значительнѣе, чѣмъ вліяніе позднѣйшихъ римскихъ юристовъ, которые должны были дѣлиться въ этомъ отношеніи сначала съ преторами, а потомъ съ императорскимъ законодательствомъ. Игерингъ доказываетъ, что римское право выросло въ хорошей школѣ подъ руководствомъ педантически строгаго, но послѣдовательнаго наставника (*Zuchtmeister*), а такимъ могла быть только духовная корпорація, пользовавшаяся положеніемъ и авторитетомъ понтифексовъ.

Мы не послѣдуемъ за Игерингомъ въ области частныхъ, посредствомъ которыхъ онъ доказывалъ, что у римской религіи и у древняго римскаго права тѣ же основныя принципы, тотъ же методъ, тотъ же стиль. Приведеннаго достаточно для нашей цѣли. Когда съ одной стороны преторъ, съ другой—юрисконсульты получили *право*, какъ наслѣдство, изъ рукъ понтифексовъ, они должны были не только находиться подъ вліяніемъ принциповъ и метода своихъ предшественниковъ, но они не могли совершенно свободно относиться къ своему наслѣдству. Юридическіе институты и форма, ими унаслѣдованные, выросли на другой священной почвѣ, ихъ нельзя было ломать въ угоду новымъ потребностямъ, и это было даже не нужно. Римская жизнь вообще и юридическая наука понтифексовъ уже выработали тѣ приемы

которые давали возможность мирить старое съ новымъ, удовлетворять потребности консерватизма, а также и прогресса.

Итакъ, религія имѣла вліяніе на развитіе консерватизма въ римскомъ правѣ непосредственно и косвенно: непосредственное вліяніе обнаружилось въ древнѣйшемъ правѣ, а потомъ въ незначительныхъ слѣдахъ, которые оставила дѣятельность понтифековъ въ исторіи римскаго права; косвенное же вліяніе отразилось въ образованіи всего склада и духа римскаго народа—римские юристы были прежде всего римлянами—и въ религіозной обстановкѣ политической жизни.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь для аналогіи мѣсто изъ Мэна, гдѣ онъ говоритъ о вліяніи каноническаго права на право западныхъ народовъ, которое можно во многихъ отношеніяхъ сравнить съ *fas* и *jus pontificum* у римлянъ: каноническое право ввело въ обычай, установившіеся въ Европѣ, несравненно меньшее число точныхъ правилъ, чѣмъ римское право, но за то оно сообщило особый складъ теоретическимъ воззрѣніямъ, снабдивъ ихъ поразительнымъ числомъ основныхъ принциповъ.

Мы такимъ образомъ рассмотрѣли два фактора, несомнѣнно повліявшихъ на порожденіе консерватизма, какъ особенной болѣе или менѣе сознательной потребности римскаго народа—формализмъ и религію. Оба эти фактора продолжали свое вліяніе несравненно дольше обыкновеннаго срока. Религія, которая господствуетъ надъ правомъ только въ раннюю эпоху развитія, продолжала вліять на свѣтскую область вслѣдствіе своего особеннаго характера и устройства жреческихъ коллегій; формализмъ, общее свойство всѣхъ первобытныхъ народовъ, сдѣлался подъ вліяніемъ различныхъ условий національнымъ свойствомъ римлянъ.

Но къ двумъ рассмотрѣннымъ элементамъ слѣдуетъ присоединить еще вліяніе разныхъ обстоятельствъ, которое можно подвести подъ общее названіе—вліяніе римской исторіи.

Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что римляне познакомились съ письменами сравнительно поздно. Не такъ какъ у западныхъ народовъ, грамотность перешла къ римлянамъ уже тогда, когда ихъ политическій, экономическій и юридическій бытъ достигли извѣстной степени законченнаго развитія. Какое это имѣло вліяніе на сохраненіе старыхъ формъ,—легко себѣ представить. Обрядность и торжественность формъ особенно необходимы тамъ, гдѣ нѣтъ возможности посредствомъ письменныхъ актовъ опредѣлять разныя условія и особенности въ провозглашеніи воли въ юридическихъ отношеніяхъ. При устномъ приложеніи сложныхъ юридическихъ нормъ необходима рутинна и

консерватизмъ, чтобы не допустить произвола и недоразумѣній, а вслѣдствіе этого сбивчивости и запутанности права. Укажемъ еще на другую причину, вызванную особеннымъ характеромъ римской исторіи. Въ эпоху республики, законодательная власть была у народнаго собранія, состоявшаго по большей части изъ простыхъ земледѣльцевъ. Это былъ тяжелый и неповоротливый органъ, въ вышательству котораго прибѣгали только въ крайности. Право предлагать новыя законы или переизмѣны въ старыхъ было въ Римѣ очень ограничено, и оттого только въ концѣ республики съ появленіемъ диктатуры, предшествовавшей имперіи, т. е. при Суллѣ, мы видимъ первую попытку довольно обширной законодательной реформы, продуманной по одному плану.

Но, конечно, изъ всѣхъ особенностей римской исторіи, главное вліяніе на ея консервативный характеръ слѣдуетъ приписать силѣ аристократическаго элемента.

Нерѣдко поднимается вопросъ о признакахъ настоящей аристократіи, объ условіяхъ ея живучести, о значеніи ея въ той или другой странѣ. Изученіе свойствъ трехъ самыхъ сильныхъ и долговѣчныхъ аристократій, которыя знаетъ исторія — римской, венеціанской и англійской — можетъ навести на разрѣшеніе этого вопроса. Главное условіе сильной аристократіи и существенный признакъ ея — не сохраненіе родовыхъ формъ и соблюденіе чистоты крови, не военныя занятія, не землевладѣніе, хотя всѣ эти средства поддерживаютъ аристократію и нивкая аристократія не пренебрегаетъ ими, — но наследственное владѣніе правительственной властью или по крайней мѣрѣ непосредственное, самостоятельное участіе въ ней. Не даромъ и самое названіе *аристократіи* происходитъ не отъ рода (*gentil-homme*), не отъ царскаго двора (дворянство), а отъ *власти*, въ смыслѣ правительственной власти.

Исторія Рима есть, въ извѣстномъ смыслѣ, исторія упорной борьбы римской аристократіи за правительственную власть; утративши одну позицію въ этой борьбѣ, она быстро возводила передъ собой другое укрѣпленіе. Когда правительственной власти родовитыхъ людей (патриціевъ) въ древнемъ Римѣ стала грозить опасность отъ союза царей съ лишенными политическихъ правъ плебеями, и рядомъ съ собраніемъ патриціевъ (собраніемъ курій) возникло общенародное собраніе по военнымъ сотнямъ (центуриямъ), патриціи отгнѣнили царскую власть и въ магистратурѣ консуловъ, въ которой перешла власть царя, воздвигли крѣпчайшій оплотъ *своей* власти. Когда потомъ, рядомъ съ тимократическимъ (т. е. по вмушеству) собраніемъ народа во центуриямъ,

воинско совершенно демократическое народное собраніе по округамъ (трибамъ) и люди безъ рода (plebs gentem non habens) были доступны къ магистратурѣ, римская аристократія снова измѣнила свою тактику и ослабила магистратуру, насколько это было ей нужно, правительственную же власть по возможности сосредоточила въ аристократическомъ собраніи сената.

Съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ измѣнялся способъ, посредствомъ котораго римская аристократія осуществляла и проявляла свою правительственную власть, измѣнялся и самый ея характеръ: пока собраніе по куріямъ (патриціанское) имѣло политическое значеніе и магистратура была доступна однимъ патриціямъ, аристократію представляли патриціи. Когда магистратура стала доступна плебейамъ, характеръ римской аристократіи измѣнился, и патриціанская аристократія замѣнилась новой аристократіей, состоявшей изъ тѣхъ патриціанскихъ и плебейскихъ родовъ, которые въ числѣ своихъ предковъ имѣли курульных магистратовъ, т. е. обладателей правительственной власти — *нобилитетъ*. Когда же установилась императорская власть и республиканскія магистратуры превратились въ ступени новаго имперскаго чиновничества, а остатки правительственной власти, не поглощенные непосредственною властью императоровъ, сосредоточились въ сенатѣ, аристократія снова измѣняетъ свой характеръ и мѣсто *нобилей* занимаютъ сенаторскія фамиліи, т. е. роды, предки которыхъ были сенаторами. А когда, наконецъ, *правительственное* значеніе сената окончательно исчезло подъ ударами легионевъ и подъ быстро развѣтвлявшейся бюрократіей, тогда пала и замерла римская аристократія, и потомки ея стали теряться въ рядахъ *превосходительныхъ* (Clarissimi и Illustrissimi) сановниковъ византийскаго двора, золотая одежда и мертвенная чинность которыхъ въ свѣтѣ кесаря еще отражаются на сохранившихся мозаикахъ древнихъ базиликъ.

Но гдѣ аристократія, тамъ и консерватизмъ. Консерватизмъ — ея жизненный источникъ, консерватизмъ становится ея потребностью и подъ влияніемъ преувеличеннаго консерватизма она мертваетъ. Консерватизмъ аристократіи проявляется двоякимъ образомъ: въ стремленіи по возможности сохранить неизмѣнность стараго строя и, если приходится уступить, въ стараніи, по крайней мѣрѣ сохранить старую форму, потому что она напоминаетъ объ утраченномъ и поддерживаетъ связь, непрерывность развитія съ прежнимъ. Проявленіе консерватизма второго рода встрѣчается въ исторіи каждой аристократіи, особенно въ періодъ ослабленія. Когда, напр., французская аристократія утратила

правительственное значеніе, которое она имѣла во время феодализма, она долго старалась неизмѣнно сохранять феодальныя формы въ гражданскомъ правѣ и обществѣ. Когда патриціи должны были уступить политическую власть общенародному собранію, они тѣмъ не менѣ сохранили собраніе патриціанскихъ курій, хотя сами перестали посѣщать ихъ, и замѣнили присутствіе тридцати курій тридцатью приставами (ликторами). Консерватизмъ римской аристократіи не могъ не отразиться на правѣ. Въ частности всегда можетъ быть спорнымъ, какой изъ мотивовъ консерватизма игралъ въ данномъ случаѣ главную роль, но въ общихъ чертахъ это несомнѣнно. Слѣдуетъ вспомнить, что лучшіе юристы временъ республики — тѣ заковоѣдцы, которые своими даровыми *советами* и *ответами* вліяли на развитіе права, принадлежали по происхожденію къ высшей римской аристократіи, и только во времена имперіи все увеличивается число юрисконсультовъ, которымъ юриспруденція *доставила* аристократическое положеніе въ чиновничествѣ и при дворѣ.

Сюда, кромѣ того, относится и то, что право вообще всегда имѣло въ Римѣ характеръ аристократическій, въ смыслѣ отличія и привилегіи господствовавшаго слоя. Древнее римское право, *право квиритское*, было собственно правомъ патриціевъ. Когда рядомъ съ патриціями появилось въ Римѣ соплеменное имъ населеніе плебеевъ, между этими слоями началась борьба за уравненіе не только въ политическихъ правахъ, но и въ правѣ. Эта борьба была первымъ сильнымъ толчкомъ, измѣнившимъ право квиритовъ и подавшимъ поводъ къ проявленію въ немъ званнаго намъ консерватизма. Послѣ этого римское право сдѣлалось муниципальнымъ отличіемъ и привилегіей гражданъ Рима передъ гражданами союзныхъ и родственныхъ имъ италійскихъ городовъ, право которыхъ сдѣлалось главнымъ источникомъ новой юридической системы, *jus gentium*; и наконецъ римское право сдѣлалось отличіемъ и привилегіей господствовавшаго въ имперіи національнаго, римскаго элемента до окончательнаго поглощенія его населеніемъ провинцій.

Такимъ образомъ, тѣсная твердыня римскаго права была всегда окружена моремъ различныхъ муниципальных и племенныхъ юридическихъ институтовъ и формъ, которые грозили его поглотить. Эта аристократическая исключительность, которою пользовались римляне, особенно благодаря своему праву, должна была побуждать ихъ сохранять его неизмѣненнымъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда заимствованія изъ чужого права были выгодны для

нихъ самихъ, заставляла ихъ сохранять, рядомъ съ новыми, старыя институты и нормы.

Вслѣдствіе этого, чѣмъ тѣснѣе была область римскаго права, тѣмъ болѣе квинты совнавали свою особность, чѣмъ сильнѣе была ихъ наклонность къ консерватизму въ правѣ и, напротивъ, чѣмъ болѣе просачивались въ римское право, посредствомъ *ius gentium*, не-національныя правовыя нормы, чѣмъ болѣе слабѣла противоположность, тѣмъ менѣе было основанія сохранять и старыя формы.

Мы имѣли цѣлью доказать, что консерватизмъ римскихъ юристовъ коренился въ общемъ складѣ и духѣ римскаго народа и въ условіяхъ его исторіи. Рѣшительнымъ аргументомъ въ этомъ отношеніи должно быть то обстоятельство, что не только такой консерватизмъ, но тѣ же приемы его мы встрѣчаемъ во всѣхъ областяхъ римской духовной жизни—какъ въ правѣ, такъ и въ религіи, и въ развитіи политическихъ учреждений. Мы должны считать основной чертой римской исторіи то, что никакой новый интересъ не допускается къ самостоятельному, свободному, призывному закону существованію безъ упорной борьбы со стороны старыхъ началъ. Когда, наконецъ, за новымъ признается право гражданства, оно рѣдко упраздняетъ старое или сливается съ нимъ, но ему отводится особенная *параллельная* область существованія и дѣйствія, пока оно не притянетъ къ себѣ жизненные соки изъ общей почвы, а старое постепенно увядаетъ. Но это старое однако не отминаялось и, хотя утрачивало существенное значеніе, продолжало жить формально, какъ памятникъ минувшаго.

Такъ, когда рядомъ съ комиціями по куріямъ возникли комиціи по центуріямъ и къ послѣднимъ перешла политическая власть, первыя однако продолжали существовать, хотя только въ формальномъ видѣ и для формальныхъ цѣлей.

Когда пришлось предоставить плебеямъ, подавленнымъ въ собраніи по центуріямъ, болѣе обширныя политическія гарантіи и права, эти комиціи не подверглись необходимой реформѣ, согласно съ новыми потребностями, но для удовлетворенія плебеевъ были предназначены особыя плебейскія собранія по трибамъ, а когда мало-по-малу, вслѣдствіе своей политической важности и расширенія своихъ правъ, комиціи по трибамъ привлекли къ себѣ весь народъ, въ Римѣ появилось рядомъ два верховныхъ собранія народа, два источника закона.

Такъ, когда римляне дозволили гражданамъ занимать подѣ

послѣ завоеванныхъ земли, и занятые участки, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, приняли характеръ частной собственности, въ Римѣ появилось два рода поземельной собственности, которые трудно было отличить на практикѣ и съ точки зрѣнія ихъ владѣльцевъ, но которые строго различались съ юридической и государственной точки зрѣнія. Этотъ теоретическій дуализмъ, противорѣчившій практической жизни, сдѣлался источникомъ горькихъ испытаній для римскаго народа.

Такъ, когда римляне были вынуждены признать право гражданства за жителями италійскихъ городовъ, консерватизмъ римскій не дозволилъ дать этимъ гражданамъ соответствовавшее политическаго устройства, которое бы живительно поддѣйствовало на дряхлѣвшую республику. Италійскія муниципіи были принудены въ рамки римскаго городского устройства и новые граждане были росписаны по старымъ 35-ти трибамъ, утратившимъ свое значеніе мѣстныхъ округовъ, тогда какъ новое раздѣленіе жителей Италіи заставило бы отрѣшиться отъ старыхъ муниципальных формъ, не соответствовавшихъ размѣрамъ государства.

Особенно важно было бы принять въ соображеніе вліяніе консерватизма на одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ римской исторіи, которымъ она примыкаетъ ко всеобщей европейской исторіи — на характеръ имперіи при установленіи ея, и на отношенія императорской власти къ республиканскимъ учрежденіямъ. Улучшеніе изъ вида этого вліянія приводило къ существеннымъ заблужденіямъ въ сужденіяхъ объ основателѣ имперіи и ея значеніи.

Но болѣе обстоятельныя объясненія этого замѣчанія заставили бы насъ выступить далеко за предѣлы, которыми мы должны ограничить настоящую статью.

Влад. Герье.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РЯДОВОГО ПЕРВАГО ПРИЗЫВА

I.

Черезъ полгода по окончаніи мною университетскаго курса былъ обнародованъ указъ о введеніи общей воинской повинности. Громомъ разразился онъ надъ русскою землею. Всѣ ждали его, говорили о немъ, но когда надежды перешли въ увѣренность, когда дѣйствительность заняла мѣсто гаданій, общество страшно переполошилось; всѣ зашумѣли, затолковали, заспорили; у каждаго шель сынъ, братъ, племянникъ; даже тѣ, которые по своимъ годамъ освобождались отъ поступленія въ ряды арміи, и тѣ трусили. «А, ну возьмутъ». — «Да, помиуйте, — говорили имъ, — уставъ...» — «Такъ-то такъ, а все-таки, ну возьмутъ». Пошли въ ходъ всевозможныя справки, появились особаго рода дѣльцы и ходатаи, которые за самое незначительное вознагражденіе брались все узнать и даже, если нужно, освободить: «потому, дѣло въ нашихъ рукахъ...», и при этомъ переясляли сразу такое количество присутственныхъ мѣстъ, что ошеломленный слушатель только крестился и махалъ рукой. Разнообразные уставы и уставчики, наскоро сфабрикованные изъ газетныхъ статей ловкими спекулянтами, съ заманчивыми эпитетами на заголовкѣ, въ родѣ: «полный», «подробный» и т. п., пошли въ ходъ съ чрезвычайной быстротой. Въ Харьковѣ, въ два-три дня, въ одной только книжной лавкѣ было распродано 300 экз. этого товара, и пришлось телеграфировать въ Петербургъ о высылкѣ другого транспорта.

Несмотря однако на такое жадное стремление общества ознакомиться поскорѣе съ новымъ закономъ, недоумѣніямъ не было числа. Многихъ, въ особенности, смущало названіе: «всеобщая воинская повинность». «Какъ же это такъ—всѣхъ и возьмутъ,— толковалъ мнѣ одинъ купецъ:—нѣтъ, это не порядокъ; ну, дворянъ—пушай, у нихъ натура воинственная, а купца не трогай, купцу торговать надо. Купецъ—въ армію хлѣбъ доставляетъ, опять-таки, сукно, кожа—все черезъ купца идетъ. Нѣтъ, это не порядокъ». Объясняться съ недовольными этой категоріи было крайне трудно. Разъ «своимъ умомъ» добравшись до извѣстнаго понятія, они защищали его во что бы то ни стало, и аргументами не стѣснялись. Крестьяне давали новому закону еще болѣе широкое примѣненіе: по ихъ мнѣнію, онъ распространялся и на дѣвушекъ. Мнѣ самому случалось два раза слышать подобныя разсужденія.

Все это волненіе, вся эта суетня провинціального общества, такъ спокойно относящагося ко всякаго рода внутреннимъ и вѣшнымъ государственнымъ вопросамъ, интересовали меня вдвойнѣ,— какъ новинка и, наконецъ, по чисто личной причинѣ: мнѣ былъ 21 годъ, и я самъ входилъ въ разрядъ обреченныхъ. Съ любопытствомъ прислушивался я къ толкамъ и пересудамъ, которые поражали иногда своею странною неожиданностью, со вниманіемъ старался я прослѣдить различныя фазы общаго волненія, а между тѣмъ, проявленія общественнаго возбужденія принимали, наконецъ, опредѣленную форму и выразились въ жадной погонѣ за рекрутскими квитанціями. Не скоро позабудутъ въ разныхъ укромныхъ уголкахъ нашего отечества появленіе какихъ-то странныхъ господъ, въ невиданныхъ шапкахъ, съ толстыми сигарами во рту, дававшихъ большія деньги за квитанцію, въ которой крестьянинъ никакъ не могъ сразу разглядѣть новой доходной статьи. Многіе изъ нихъ, подобно Коробочкѣ, видѣли сначала въ заманчивыхъ предложеніяхъ одинъ только подвохъ и предлагали неожиданнымъ покупателямъ скромные сельскіе продукты; но новыя Чичиковы не смущались недовѣріемъ, и въ концѣ-концовъ, уѣзжали съ желанной добычей. Вслѣдъ за ними, тянулись цѣлые отряды евреевъ, исколесившихъ въ этотъ годъ всѣ закоулки Россіи, побывавшихъ и въ Нижнедѣвицѣхъ, и въ Тетюшахъ, и въ другихъ, Богомъ забытыхъ, мѣстностяхъ, все съ одною и тою же цѣлью покупки квитанцій. Можно сказать безъ преувеличенія, что былъ моментъ, когда эти квитанціи считались наиболѣе выгодною бумажною цѣнностью. Всѣ покупали, продавали, или, по крайней мѣрѣ, горячились по этому поводу. Не говоря уже о мѣ-

ровыхъ посредникахъ и другихъ властяхъ, для которыхъ, по своему роду ихъ обязанностей, искушеніе являлось всецѣльнымъ, — люди, повидимому, стоящіе совершенно въ сторонѣ отъ всякихъ коммерческихъ операцій, и тѣ увлекались общимъ потокомъ и принимали участіе въ новой торговлѣ.

Всему, однако, приходитъ конецъ. Какъ ни глубоко взволновалось общественное мнѣніе провинціи, какъ ни важенъ былъ заботъ, занявшій на время всеобщее вниманіе, однако, мало-по-малу, все начало успокаиваться. Евреи превратились въ Колумбовъ и объѣздили не только извѣстные пустыри, но даже открыли новые, о которыхъ до той поры ничего не слыхали самые вѣрные мѣстные старожилы; богатые люди обзавелись квитанціями, и жизнь потекла по старому руслу.

А между тѣмъ рововой день приближался. И вотъ, наконецъ, въ началѣ ноября, въ помѣщеніе городской думы собрались со всѣхъ концовъ города молодые люди, ихъ родственники и знакомые. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, я не могъ быть лично при вынутіи жребія, но, когда я явился въ день приѣма, въ громадныхъ залахъ шумѣли цѣлыя толпы народа. Купцы, чиновники, мѣщане толпились, спорили, спрашивали, волновались. Какой-то молодчикъ, очевидно, подъ хмѣлькомъ, объяснялъ двумъ слушателямъ, что ему все тринь-трава и что если онъ идетъ на службу, то это потому, что охота на него такая напала, а не захотѣлъ бы, такъ кто-жъ бы его изъ лавки взялъ. Иерѣдка мелькала въ густой толпѣ франтоватые юноши въ желтыхъ перчаткахъ, съ страшно вытянутыми лицами, презрительно глядѣвшіе на эту vile populace, съ которой имъ пришлось по-неволѣ смѣшаться. Кое-гдѣ плакали женщины. Справа отъ главнаго входа, въ дверяхъ присутственной комнаты, помѣщался колоссальный жандармъ, выкрикивавшій по очереди № и соответствующія фамиліи: «№ 150, Ивановъ», басилъ онъ; «№ 150, Ивановъ», повторяли за нимъ на всю залу нѣсколько сподручныхъ жандармовъ, отличавшихся отъ перваго менѣ крупными формами, и повторяли свой крикъ до тѣхъ поръ, пока злосчастная жертва не убѣждалась, наконецъ, что это вызываютъ именно ее, а не кого-нибудь другого.

За небольшимъ столомъ, около стѣны, надъ листомъ бумаги, столпилась цѣлая кучка молодежи. Тамъ отмѣчали число принятыхъ въ солдаты. «До моего № еще 50 человекъ. — говорилъ одинъ, — пожалуй, меня не возьмутъ». Но вотъ вызываютъ десять-двадцать человекъ; половина льготныхъ, это оказывается негоднымъ, кто и совсѣмъ не явился, и надежда на избавленіе исчезаетъ.

Въ первомъ участіѣ города Москвы, гдѣ я былъ приписать, число такихъ неявишихся простиралось до 40 человекъ, большею частію, мѣщанъ. Впрочемъ, едва ли кто изъ нихъ намѣревался дѣйствительно уйти отъ службы; иные не получали повѣстокъ, иные просто не поняли, чего отъ нихъ хотятъ. Весьма характеренъ въ этомъ смыслѣ отвѣтъ одного мастерового, который упорно отказывался являться въ думу по повѣсткѣ: «что я, дуракъ что ли, самъ въ солдаты идти; пускай потащатъ» — отголосокъ времени стараго рекрутства.

Въ общемъ, впечатлѣніе, оставляемое разнокалиберною толпою, шумѣвшею въ залахъ, было далеко не радостное. Треть ожиданія, плачь женщинъ, неестественный смѣхъ и оживленіе нѣкоторыхъ — все это вмѣстѣ до крайности тяжело дѣйствовало на нервы. Невольно чувствовалось, что здѣсь для многихъ рѣшается жизненный вопросъ, что сердца самыхъ покойныхъ бьются неровно и тревожно, и что каждый въ этой разношерстной массѣ переживаетъ одинаково томительныя минуты.

Что касается до меня, то участь моя рѣшилась довольно скоро.

Съ перваго участка, изъ 380 приписавшихся, требовалось выставить 80 новобранцевъ; мнѣ попался 166 №, но таково было количество льготныхъ и негодныхъ, что, несмотря на значительность моего №, я былъ принятъ въ солдаты 34-мъ человекомъ по счету. Съ радостью выбѣжалъ я, наконецъ, на чистый воздухъ. Сѣрый, холодный день разстилался надъ городомъ; слегка моросило. Въ воздухѣ носился гулъ отъ пробѣгающихъ экипажей. «Итакъ, конечно, я солдатъ», вертелось у меня въ головѣ.

II.

По принятіи присяги мы были отпущены на 27 дней, съ обязательствомъ явиться въ послѣдній день срока въ К. казармы. Тамъ должны были распределить насъ по различнымъ родамъ войскъ; тамъ же происходилъ выборъ двѣнадцати человекъ, отправляемыхъ изъ нашего города въ гвардію. Съ этой цѣлью, въ продолженіи восьми дней, каждое утро со всѣхъ концовъ города Москвы, иногда за 10 и болѣе верстъ, подъ проливнымъ дождемъ, собиралось въ казармы около 300 новобранцевъ. Беспорядокъ царствовалъ въ шумной и нестройной толпѣ, толкавшейся по двору. Пользуясь свободнымъ выходомъ на улицу, молодежь кучками отправлялась въ сосѣдній трактиръ и возвращалась оттуда съ

крикомъ и пѣснями. Многіе, замѣтивъ бесполезность ежедневныхъ путешествій, совсѣмъ не появлялись въ казармы; другіе произвольно расходились по домамъ. Насъ о чемъ-то спрашивали, ходили то на дворъ, то разставляли въ казарменныхъ корридорахъ, переликали по два и по три раза въ день по фамиліямъ и, проморивши нѣсколько часовъ за такими полезными операціями, говорили: «до-завтра». Однако не всѣ пользовались правомъ удалиться на ночь домой: человѣкъ двадцать мѣщанъ—жителей окрестныхъ слободъ, а послѣдніе два дня и всѣ лица, не имѣвшія какихъ-нибудь льготъ по образованію, были оставляемы въ казармахъ. Впрочемъ, я не знаю, можно ли давать такое названіе двумъ небольшимъ деревяннымъ домикамъ, давно предназначеннымъ къ слому. Разбитыя, заклеенныя бумагою окна, рамы, грозящія каждую минуту разрушеніемъ, желѣзныя печки, распространившія болѣе угара, чѣмъ тепла въ этихъ давно нетопленныхъ комнатахъ, и, въ довершеніе всего, возмутительно грязныя матрасы, набитые какими-то сучками, которые, неизвѣстно почему, сторожа именovali соломою, — вотъ обстановка, среди которой приходилось вступать на новое поприще. Несмотря, однако, на эту обстановку, на дождь, не перестававшій въ перемешку съ мокрымъ снѣгомъ прохватывать насквозь собравшуюся толпу, пружино унынія не было и слѣдовъ. Смѣхъ, говоръ и шутки не умолкали. Особенно веселилъ всѣхъ какой-то привезенный мѣщанинъ, съ лицомъ, раздутымъ отъ продолжительнаго пьянства. Онъ кричалъ пѣтухомъ, усмирялъ непокорныхъ, пѣлъ дикимъ голосомъ какія-то пѣсни и, въ концѣ-концовъ, какъ будто случайно попадавъ во всякую компанію, отправляющуюся въ кабаки и непременно устраивалъ тамъ, что ему подносили. Зачѣмъ онъ вертѣлся между ними—никто не зналъ, да никто и не спрашивалъ. Есть люди, для которыхъ толпа необходима и безъ которыхъ она, въ свою очередь, обойтись не можетъ. Они чутьемъ слышатъ, гдѣ шумъ, драва, гдѣ собрался народъ, и непременно явятся во-время; будутъ давать совѣты, оцѣнивать полученные удары и затѣмъ, вынивши на чужой счетъ, исчезнуть до новаго случая. Субъектъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, до такой степени сжился съ новою обстановкою, что, пользуясь беспорядкомъ, совсѣмъ переселился въ казармы, спалъ вмѣстѣ съ новобранцами, ѣлъ съ ними изъ общаго котла, и когда насъ по утрамъ разставляли на дворѣ, то ходилъ непосредственно за офицеромъ, производившимъ переличку и, въ общему хохоту публики, пересчитывалъ насъ по пальцамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ продолжалъ бы увеселять насъ до послѣдней минуты, еслибъ однажды не былъ пойманъ

на кражѣ капитанской курицы, которую онъ коварно унеслъ подъ полюю, и послѣ короткой расправы не былъ позорно вытолканъ за ворота.

Однако не всё въ этой шумной и, повидимому, веселой толпѣ махнули рукой на прошедшее и, по народному выраженію, завалили горе веревочкой.

По странной небрежности, городская дума перепутала разряды по образованію, и лица, считавшія себѣ полтора или три года службы, неожиданно узнавали, что имъ приходится служить четыре и даже шесть лѣтъ. Начались хлопоты, разѣзды, справки. Не меньшая путаница происходила и въ канцеляріи К. казармъ. Новость дѣла и незнакомство съ уставомъ вносили множество затрудненій въ разрѣшеніе каждаго вопроса ¹⁾; нѣсколько дней, напр., за нами (лицами 1-го и 2-го разрядовъ по образованію), не хотѣли признать права выбирать родъ войска, права, которое намъ принадлежало по уставу, и дѣло разъяснилось въ нашу пользу только по полученіи телеграммы изъ генеральнаго штаба.

Наконецъ, настала и послѣдній день нашихъ странствій. Часовъ въ десять утра насъ перевели на другой дворъ передъ громаднымъ каменнымъ корпусомъ казармъ; немного спустя, вышелъ какой-то старый, сѣдой генералъ, осмотрѣлъ насъ, хотѣлъ, повидимому, произнести рѣчь, но подѣ конецъ ограничился только тѣмъ, что махнулъ рукой и сказалъ: «съ Богомъ».

Вечеромъ въ тотъ же день, мы вдвоемъ съ товарищемъ, пользуясь правомъ одиночнаго проѣзда, отправились въ Петербургъ для поступленія въ войска гвардіи. Остальные поѣхали съ партией.

Въ Петербургѣ насъ ждали новыя испытанія. Впредь до развѣстки по полкамъ, производимой Государемъ, новобранцевъ помѣщали въ NN казармахъ. Туда должны были явиться и мы, согласно инструкціи, данной намъ въ Москвѣ передъ отѣздомъ. Утромъ 14-го декабря мы были уже на мѣстѣ. Въ небольшой канцеляріи съ потолкомъ, на которомъ висѣли комки изжеванной бумаги—плоды невинной забавы праздныхъ писарей, насъ встрѣтилъ чрезвычайно обязательный и любезный офицеръ, который взялся немедленно указать намъ мѣсто нашего новаго

¹⁾ Наконецъ, были недосмотры и въ самыхъ правилахъ. Для примѣра я привелъ слѣдующій случай: въ Александровское желѣзно-дорожное училище поступаютъ только по окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ, а между тѣмъ по правамъ оно къ нему приравнено (права третьяго разряда), такъ что молодые люди, подлежавшіе набору не имѣя возможности получить отсрочки, установленной для лицъ первыхъ двухъ разрядовъ, были оторваны отъ занятій и взяты въ солдаты. Съ однимъ изъ такихъ несчастныхъ я служилъ впоследствии вмѣстѣ въ N. полку.

жительства. «У меня тутъ,—говорилъ онъ доброй, — совершенное вавилонское столпотвореніе, народу много, одни прибываютъ, другихъ разсылаютъ по полкамъ; всѣхъ нужно размѣстить, накормить—просто, умъ за разумъ заходить». Несмотря, однако, на тѣя хлопоты, онъ нашелъ время позаботиться и о насъ, и отвел намъ довольно большую комнату въ нижнемъ этажѣ одного изъ казарменныхъ корпусовъ. «Тутъ вамъ будетъ покойно; спите себѣ, какъ сурки; а вотъ вамъ и слуга, онъ и въ лавочку сбѣгаетъ, и печку вытопить». Спать однако намъ не хотѣлось и мы, кое-какъ размѣстившись, выпросили у того же обязательнаго офицера позволеніе отправиться въ городъ.

Возвратился я въ свое новое логовище часовъ въ шесть послѣ обѣда. Большой дворъ, частью окруженный каменными корпусами, частью огороженный заборомъ, представлялъ оригинальную картину, невольно обратившую на себя мое вниманіе. Среди сумерекъ ранняго зимняго вечера ярко блистали фонари торговыхъ—самодѣльныхъ маркитантокъ, разставившихъ повсюду свои лотки съ сбитнемъ, чаемъ, сухими пряниками и гнилыми орѣхами. Всюду шумъ, говоръ, пѣсни и гармонии. Между молодежью, въ красныхъ рубахахъ, съ ухарски накинутыми полушубками, нерѣдко можно было встрѣтить старыхъ солдатъ, отыскивающихъ земляковъ, и, въ довершеніе разнообразія, цѣлыя толпы матросовъ, окончившихъ свою службу и временно-помѣщенныхъ въ тѣхъ же казармахъ, сидѣли за столиками торговыхъ или толкались въ народѣ. Небольшого роста, коренастые, съ широкими скулами, съ хриплымъ и глухимъ отъ упорнаго пьянства голосомъ, въ своихъ оригинальныхъ шапкахъ, они рѣзко выдѣлялись изъ общей массы. Новобранцы, еще не успѣвши перезнакомиться и сойтись другъ съ другомъ, держались болѣе кучками по губерніямъ, и въ этомъ причина цѣлаго ряда чрезвычайно яркихъ контрастовъ. Въ десяти шагахъ отъ группы, повидимому, фабричныхъ, пѣвшихъ какую-то отчаянно-залихватскую пѣсню съ присвистомъ и взвизгиваньемъ, можно было встрѣтить совершенно растерянныхъ малыхъ—жителей степныхъ губерній, которые робко озирались по сторонамъ и, очевидно, недоумѣвали, какъ имъ приноровиться къ новой обстановкѣ.

Для помѣщенія всей этой массы людей (около 1000 человекъ), вмѣстѣ двухъ-этажнаго флигеля, гдѣ на койкахъ и нарахъ съ относительнымъ комфортомъ устроились новобранцы «по-чище», было отведено еще нѣчто въ родѣ каменнаго сарая, съ маленькими окнами подъ самымъ потолкомъ и съ какими-то полатнями по срединѣ, на которыя нужно было взбираться по лѣстницѣ.

Грязный полъ, покрытый соломой, истолченною въ мелкіе кусочки тяжелыми сапожниками, служилъ постелью; подъ голову клали мѣшки съ пожитками, а отъ холоду старались лечь поближе другъ къ другу. Воздухъ, испорченный испареніями нѣсколькихъ сотенъ людей, скученныхъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, дѣлался еще болѣе невыносимымъ отъ такия снѣга, который постоянно заносился входящими. Среди таковой отвратительной обстановки новобранцамъ приходилось жить недѣлю, а иногда и болѣе, смотря по обстоятельствамъ.

Взойдя къ себѣ въ комнату, я уже засталъ тамъ человѣкъ шесть новыхъ сожителей, пріѣхавшихъ, такъ же какъ и я, изъ Москвы и помѣщенныхъ къ намъ все тѣмъ же обязательнымъ офицеромъ. Большею частью это были знакомые по К. казармамъ. Въ ихъ обществѣ время проходило незамѣтно, и наконецъ наступилъ день нашего распредѣленія по полкамъ.

Уже стемнѣло, когда мы возвратились изъ дворца и, выстроенные въ длинную колонну, двинулись со двора казармъ. Я съ нѣсколькими товарищами, подобно мнѣ назначенными въ N. полкъ, нанявши извозчика и сложивши на него чемоданы, замыкали шествіе. Прохожіе съ любопытствомъ останавливались передъ длиннымъ вортежемъ и изрѣдка надѣляли новобранцевъ ироническими прозвищами. Какая-то баба, примчавшись къ толпѣ, подумала и неожиданно начала ругаться. Почему, зачѣмъ? — она и сама, я думаю, не могла бы объяснить этого. Впрочемъ, ея поведеніе не было исключеніемъ, и нѣсколько подобныхъ же случаевъ съ убѣдительною ясностью доказали намъ, какое глубокое разобщеніе существуетъ между солдатами и народомъ. Наконецъ-то, измученные, голодные, уже чувствуя, что съ настоящей минуты нашею жизнью будетъ управлять чужая, тяжелая власть, вошли мы въ канцелярію полка, въ ряды котораго намъ приходилось вступить.

III.

Рота, куда насъ назначили, квартировала въ нижнемъ этажѣ стараго каменнаго корпуса, выращеннаго какой-то выцвѣтшей, бланжевой краской. По грязной, истертой лѣстницѣ (для начальства была другая — болѣе чистая), мы входили въ широкій корридоръ, по обѣимъ сторонамъ котораго въ девяти комнатахъ размѣщалось около 120-ти человѣкъ; но такъ какъ четыре комнаты были заняты фельдфебелемъ, унтеръ-офицерами, канцеляріей и

шальной, то въ остальныхъ пяти приходилось отъ 15—20 человекъ на комнату, и такова была тѣснота, что солдаты сдвигали по двѣ койки вмѣстѣ и спали на нихъ втроемъ. Некрашенный палъ, казавшійся грязнымъ, какъ его ни терли швабрами, тяжелый и неприятный воздухъ, несмотря на вентиляцію и на постоянно открытыя печныя трубы, желтыя, запыленные стѣны, съ придѣланными къ нимъ полками, на которыхъ торчали ярко вычищенные мѣдныя каски, длинный рядъ ружей, разставленныхъ по козламъ—вотъ общій видъ девораціи новой сцены, на которой намъ пришлось быть дѣйствующими лицами.

По особенной любезности нашего начальства, для насъ двоихъ (лицъ перваго разряда по образованію) была отведена особая комната, занятая доселѣ канцеляріей. Странная была эта комната: сколько ее ни топили, она почти не нагрѣвалась; даже весною она сохраняла свою особенность и упорно не поддавалась мнѣнію солнечныхъ лучей. Впрочемъ, и топить ее было не совсѣмъ безопасно: печка, устройство которой остается для меня доселѣ загадкой, съ первымъ загорѣвшимся полѣномъ выкидывала цѣлые клубы дыма и, возбудивъ въ насъ непреодолимое стремленіе къ чиханью и слезамъ, позорно изгоняла въ корридоръ. Не менѣе оригинальными свойствами отличалось и единственное окно этой каморки. Склеенное изъ разнообразныхъ стеклянныхъ кусочковъ, оно грустно дребезжало при каждомъ порывѣ вѣтра, а во время мороза покрывалось замѣчательно толстыми ледяными наростами.

Однако, какъ бы тамъ ни было, а у насъ была своя отдѣльная комната, гдѣ намъ незачѣмъ было стѣсняться чужимъ присутствіемъ, и дорого цѣнили мы эту льготу особенно впоследствии, когда ближе познакомились съ общими условіями казарменной жизни.

Для черезъ три по нашемъ вступленіи въ роту насъ нарядили, наконецъ, въ военное платье и, предварительно растолковавши правила отдаванія чести, отпустили въ городъ. Съ этой минуты изъ «вольныхъ», какъ выражаются солдаты, людей мы превращались въ непрекословныхъ и послушныхъ исполнителей, для которыхъ весь кодексъ житейской морали сводится въ одному выраженію: «не разсуждать», и не мудрено поэтому разгадать тѣ чувства, съ которыми я вышелъ за ворота и принялся разглядывать въ густой, уличной толгѣ эполеты, выпушки и петлички, вспоминая невольно знаменитыя слова Скалозуба. Странно и непривычно было мнѣ въ моей сѣрой шинели, съ тяжелой каской на головѣ, проходить по шумной улицѣ, гдѣ постоянно шныряли прохожіе и развѣзжали богатые экипажи; еще страннѣе

было слышать завыванья гостиннодворческихъ приказчиковъ, выкрикивавшихъ съ любезною предупредительностью: «кавалеръ, а кавалеръ, купите ситцу на рубашку»; но всего болѣе поразило меня злорадное отношеніе такъ-называемыхъ простыхъ людей къ моему новому положенію. Еще прежде, когда я вмѣстѣ съ партией направлялся къ казармамъ N. полка, въ толпѣ, которой мы преграждали дорогу, уже слышались восклицанія въ родѣ: «что, попались купчики, или дворянчики,—будетъ на перинахъ-то валяться», или: «вотъ, васъ проберутъ теперь, голубчиковъ». Тѣ же самыя возгласы приходилось мнѣ выслушивать и теперь, потому что, несмотря на солдатскую костюмировку, мои очки предательски выдавали меня. Впрочемъ, чему же тутъ удивляться. Грѣхи отцовъ, говорить библейское изреченіе, падаютъ на дѣтей до седьмого колѣна, а насъ едва ли можно считать и за первое. Однако, не одно недоброжелательство встрѣтило меня среди моей новой дѣятельности. Выпадали на мою долю и крупныя того участія, которое народъ распространяетъ на всѣхъ «несчастнѣнькихъ» и, между прочимъ, въ нѣкоторой степени на солдатъ. Не могу не вспомнить при этомъ одинъ курьёзный случай на Николаевской желѣзной дорогѣ, хоть онъ и относится къ другой категоріи лицъ. Воспользовавшись 27-ми-дневнымъ отпускомъ, который, по принятіи присяги, получили новобранцы, я отправился по дѣламъ изъ Петербурга. Сосѣдомъ моимъ въ вагонѣ оказался какой-то купецъ съ большою сѣдоватою бородою, которая, очевидно, его крайне безпокоила. Онъ ее постоянно расправлялъ и расчесывалъ, то поднимая вверхъ, то раздѣляя на части, то наконецъ приводя въ нормальное положеніе. Завязались у насъ, какъ водится, разговоры. Узнавъ отъ меня въ какія-нибудь десять минутъ, что родители мои живы и здоровы, чѣмъ онъ, повидимому, остался крайне доволенъ, сосѣдь мой началъ съ дипломатическою тонкостью освѣдомляться, кто я такой, не торгую ли, а если служу, то гдѣ именно, и каковы у меня начальники. Въ отвѣтъ на всѣ эти докучныя, желѣзнодорожныя вопросы я далъ ему прочесть свой отпускъ, и надо было видѣть изумленіе этого старика, когда онъ узналъ, что сидитъ рядомъ съ солдатомъ *in spe*. «Господи, милосердый, вотъ чудеса-то. Посмотрите-ка,—обращался онъ къ публикѣ,—сидитъ себѣ человекъ, и все, какъ слѣдь, а онъ солдатъ. Вотъ и узнай тутъ. Ну, времена!» На первой же станціи мой старикъ торжественно подошелъ ко мнѣ съ бутылкой вина и сталъ просить выпить съ нимъ хоть стаканчикъ, напирая главнымъ образомъ на то, что военному человеку необходимо подерѣшиться, а когда

я хотѣлъ-было отклонить его предложеніе, онъ такъ смѣшно и чистосердечно обидѣлся, что я вынужденъ былъ согласиться. Съ той минуты и до конца нашего путешествія онъ выказывалъ мнѣ величайшее расположеніе и все время безъ всякой ироніи выказывалъ меня—«защитникомъ отечества». На этомъ мы съ нимъ и разстались.

По окончаніи рождественскихъ праздниковъ, новобранцевъ стали обучать уму-разуму и обучать, нужно сказать правду, крайне систематически. Сначала маршировка и гимнастика съ неизбежными маханіями ружь, присѣданіями и прыжками; затѣмъ мѣсяца черезъ полтора были выданы ружья, и мы стали мало-по-малу приготовляться ко вступленію въ строй. Одновременно съ обученіемъ шла и нравственная переработка новобранцевъ. Раздѣленные на небольшія группы по три, по два и даже по одному человѣку, они были поручены наблюденію и надзору старыхъ солдатъ, которые въ этомъ случаѣ получали названіе дядекъ. На нихъ лежала обязанность превратить всю эту разнохарактерную толпу крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ въ однообразную и одномыслящую массу, и нужно сознаться, что они вполне достигли своей цѣли. Не прошло еще нѣсколькихъ дней, а ужъ знаменитыя казенныя фразы, придуманныя на всѣ случаи жизни рядового: «такъ точно», «никакъ нѣтъ», «здравія желаю», «радъ стараться» и т. п., вертѣлись на языкѣ у каждаго новобранца. Причина такихъ успѣховъ лежала, конечно, въ той ревности, которую дядьки вносили въ исполненіе своихъ обязанностей, наказывая, напр., за неправильную расстановку словъ въ отвѣтъ: «такъ точно», который иные передѣлывали въ «точно такъ». вмѣстѣ съ этимъ идеалъ истиннаго служиваго, выражающійся въ словахъ: «прошелъ, такъ солдатомъ запахло», началъ мало-по-малу увлекать молодежь, и мѣсяца черезъ два уже не было между ними ядовитѣе брани, какъ попрекъ крестьянскою дуростью; простыя народныя пѣсни стали замѣняться болѣе искусственными, солдатскими, и самая строгость церковной обрядности смягчилась широкою терпимостью, наилучшимъ выраженіемъ которой служить извѣстная пословица: «кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ».

Наблюдая подобную метаморфозу, мнѣ невольно представлялась вся русская армія въ видѣ громадной машины, ежегодно перерабатывавшей въ однородные продукты цѣлую массу разнокалибернаго матеріала. Конечно, подъ форменной, солдатскою оболочкой продолжаютъ жить на время заглушенные и подавленные мѣстные особенности и интересы, и, по окончаніи шестилѣтней

службы, рядовой не представляет изъ себя болѣе отрѣзаннаго ломтя сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, но тѣмъ не менѣе слѣды военной выправки и казарменной обстановки ложатся неизгладимою печатью на всю его послѣдующую жизнь. Съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ по всему широкому русскому царству, возвратившись въ родныя селеня, бывшіе солдаты вносятъ одни и тѣ же понятія, убѣжденія и вѣрованія. Часто на родинѣ они получаютъ значеніе и вѣсь, понадаютъ на общественныя должности, поступаютъ въ волостные писаря и такимъ образомъ дѣлаются мѣстными воротилами. Съ этой точки зрѣнія роль войска, ежегодно выпускающаго въ народъ цѣлый рядъ новыхъ дѣятелей, сработанныхъ по одному шаблону, представляетъ большой интересъ, хоть пока и невозможно, даже съ приближительною точностью, опредѣлить всю важность этой роли. Но тѣмъ болѣе любопытно взглянуть на школу, куда попадаютъ молодые солдаты при своемъ вступленіи въ войско. Съ этою цѣлью я нѣсколько остановлюсь на внутреннемъ управленіи дядекъ, которое въ общихъ чертахъ сводится къ двумъ словамъ: деспотизмъ и эксплуатація. Племяшъ, какъ называютъ въ этомъ случаѣ молодого солдата по отношенію къ его принципалу, долженъ безпрекословно повиноваться своему дядкѣ, исполнять и даже предугадывать его малѣйшія желанія. Кромѣ этой, такъ сказать, общей обязанности, на племяшахъ лежатъ еще особныя, спеціальныя, такъ, напр.: утромъ они должны вычистить своимъ принципаламъ сапоги, каски, аммуницію, и затѣмъ уже приняты за чистку своего платья. Если дядкѣ поручается какая-нибудь работа, которую только можно передать, то ее исполняетъ племяшъ. Нерѣдки также и полученія денежныхъ и другихъ подарковъ, вручаемыхъ старымъ солдатамъ въ благодарность за науку, хоть случаевъ явнаго вымогательства, нужно правду сказать, мнѣ видѣть не приходилось. Но не думайте, чтобъ подобнаго рода отношенія порождали антагонизмъ между ученикомъ и учителемъ. — «Онъ тебя и побьетъ, онъ съ тобой и за столъ сядетъ», — говорится во всей Руси, и говорится исключительно съ цѣлью похвалы и одобренія. То же самое происходитъ и въ казармахъ. Постоянное общеніе и одинаковость умственнаго развитія не дозволяютъ сложиться какимъ-нибудь рѣзкимъ контрастамъ, а время сглаживаетъ послѣдніе слѣды неравенства, и — прежній племяшъ самъ превращается въ дядьку.

У меня съ товарищемъ не было принципала, — т. е., пожалуй, къ намъ и былъ приставленъ унтеръ-офицеръ, но онъ крайне стѣснялся своею ролью и старательно избѣгалъ нашего присут-

ствія. Впрочемъ, и вообще отношенія къ намъ солдатъ представляли первое время много странности и невыдержанности. То хотѣлось имъ задать форсу, и они принимали на себя видъ суровыхъ менторовъ, то проникались почему-то самоуничиженіемъ и робостью; только со временемъ преграда, раздѣлявшая насъ отъ этого своеобразнаго мірка, мало-по-малу, распалась, и наши невольные товарищи освоились видѣть насъ въ своемъ обществѣ, что однако не помѣшало имъ до послѣдней минуты титуловать насъ «господами». Недѣль черезъ пять по вступленіи въ поле мы уже настолько сжились съ своими новыми сосѣдями, что по вечерамъ наша комната сдѣлалась сборнымъ пунктомъ, нѣчто въ родѣ клуба для всѣхъ празднующихся нашей роты. Однимъ изъ первыхъ сталъ къ намъ ходить унтеръ-офицеръ Родіоновъ, добродушнѣйшій и очень красивый малый, въ трезвомъ видѣ соблюдавшій свое достоинство и санъ, любившій, какъ выражаются въ казармахъ, «подтянуть и пофорсить», въ пьяномъ отличавшійся необыкновенно воинственными наклонностями. Тутъ ему было все нипочемъ; онъ хваталъ первую попавшуюся ему подъ руку метлу или палку и настоятельно требовалъ указать ему мѣсто жительства коварнаго турка, съ цѣлью окончательнаго его истребленія;—отчаянно прыгалъ во всѣ стороны, махая импровизованнымъ орудіемъ, предлагалъ всевозможныя состязанія въ силѣ и ловкости, пока, наконецъ, вдоволь навертѣвшись, не сдавался на капитуляцію и не былъ отводимъ на кровать. На другой день онъ уже стоялъ, какъ ни въ чемъ не бывало, за своимъ дѣломъ, и мысль объ искорененіи презрѣннаго турка откладывалась до новой попойки. Гораздо хитрѣе, тоньше и дальновиднѣе былъ другой нашъ начальникъ—унтеръ-офицеръ Александровъ, тоже не забывавшій насъ своими посѣщеніями. Если онъ и касался басурманъ, то болѣе съ дипломатической точки зрѣнія, причемъ любилъ устраивать разныя невозможныя комбинаціи союзовъ и войнъ, среди которыхъ, наконецъ, терялся самъ и рѣшалъ, что «какъ тамъ ни разсуждай, а все-таки мы ихъ побьемъ». Ходили къ намъ и рядовые. Долго не забыть мнѣ послѣдняго по числу изъ длиннаго ряда нашихъ камеръ-лазеевъ, которые за 2 р. въ мѣсяць пользовались неотъемлемымъ правомъ таскать у насъ чай, сахаръ и всякіе другіе припасы. Съ громадными тараканьими усами, которыми онъ чрезвычайно дорожилъ, и потому смазывалъ всѣми клейкими веществами, попадавшими ему подъ руку, съ круглыми глазами и съ толстымъ краснымъ лицомъ—этотъ малый представлялъ чрезвычайно оригинальную и потѣшную фигуру. Къ водкѣ онъ чувствовалъ не-

преодолимую склонность и ради нея готовъ былъ сдѣлать все, что вамъ угодно, причемъ на самыя дикія и невозможныя предложенія простодушно отвѣчалъ пѣвучимъ, дребезжащимъ голосомъ: «отчего же, очень просто». Женщинами онъ то же не пренебрегалъ, но глядѣлъ на нихъ съ той особенной точки зрѣнія, которая специально вырабатывается въ казармахъ и по которой достоинства женщины опредѣляются извлекаемыми изъ нея доходами. Еще курьезнѣе былъ ближайшій пріятель нашего камерлакея, субъектъ, одержимый какой-то маніей лжи. Чего только съ нимъ не бывало! И на цѣлыя-то деревни одинъ съ кистенемъ драться ходилъ, и съ разбойниками-то встрѣчался, да еще съ какими! Въ немъ и теперь одиннадцать пуль сидятъ, не говоря про удары ножами и саблями, которыхъ онъ и не считаетъ. Впрочемъ, тутъ дѣло не въ числахъ. Завтра, смотря по расположенію духа, онъ увеличитъ или убавитъ количество пуль, нисколько не стѣсняясь тѣми же слушателями, предъ которыми онъ вчера особенно настаивалъ на подробностяхъ. Но въ особенности любилъ онъ хвастаться языкованіемъ. Не умѣя писать по-русски, онъ разводилъ на бумагѣ какія-то черточки и увѣрялъ всѣхъ, что это татарское письмо. Какъ-то разъ мы съ товарищемъ подложили ему въ шутку нѣмецкую книгу подъ видомъ татарской, и попросили прочесть намъ хоть нѣсколько строчекъ. Нашъ маніакъ нисколько не смутился и принялся произносить какія-то неудобоваримыя сочетанія согласныхъ, жалуясь только на неразборчивость печати.

Однако далеко не всѣ выглядывали такими чудаками. Въ большинствѣ мои новые пріатели были просто добрыми малыми, готовыми подѣлиться съ товарищемъ послѣдней скудной копейкой, и даже въ самыхъ испорченныхъ незлобіе и простодушіе русскаго человѣка брали верхъ надъ всѣми привитыми недостатками. Въ обществѣ этихъ людей прожилъ я нѣсколько мѣсяцевъ, и не одинъ длинный зимній вечеръ укоротилъ я, бесѣдуя съ ними о разныхъ разностяхъ. Кстатѣ же и скука въ казармахъ царитъ убійственная. Однообразно слѣдуютъ дни за днями, недѣли за недѣлями, не принося съ собой переменъ. Скучно въ будни, но всего тоскливѣе на праздникахъ. Туманный петербургскій день тускло глядитъ въ опушенные снѣгомъ окна; часть солдатъ разошлась по знакомымъ—это счастливыя; остальнымъ приходится искать забвенія въ водкѣ, и трудно вычислить, какое неимоверное количество этого напитка истребляютъ въ свободные дни помѣстительные солдатскіе желудки. Въ нѣкоторыхъ армейскихъ полкахъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, устроены для нижнихъ чиновъ своего рода клу-

бы, гдѣ можно получать за ничтожныя деньги чай съ сахаромъ и лѣбомъ, гдѣ время проходить за невинными играми въ шашки и шахматы, и куда, наконецъ, выписываются газеты. Едва ли ко станеть сомнѣваться въ громадной моральной пользѣ такихъ утѣжденій. Къ сожалѣнію, въ гвардіи, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ничего подобнаго, и солдаты, въ продолженіи всей своей службы, лишены какихъ бы то ни было развлеченій. Печально отзывается эта изолированность на здоровьѣ и на нравственности нижнихъ чиновъ. Какъ хотите, а прожить даже шесть лѣтъ далеко отъ семьи и родины, повторяя, съ регулярностью машины, вѣчно одни и тѣ же ружейныя приемы, надобеть самому терпѣливому. И вотъ, поневолѣ, чтобъ хоть какъ-нибудь развлечься, тащатъ въ казармы при всякомъ удобномъ случаѣ бутылки и бутылочки водки. Ни репрессивныя мѣры, ни строгость надзора не помогаютъ въ борьбѣ съ солдатскимъ пьянствомъ, и можно сказать навѣрное, что пока не удовлетворять инымъ образомъ закованной потребности человѣческой природы — искать себѣ развлеченій — водка по прежнему будетъ служить единственной забавой каждаго солдата. Безъ нея въ особенности трудно обойтись по праздникамъ, когда скука достигаетъ своего апогея. Зѣвая, ходитъ дежурный изъ конца въ конецъ громаднаго ротнаго корридора; зѣваютъ его помощники — дневальные, лѣниво слѣдя за движеніями начальника; зѣваютъ солдаты, лежа на койкахъ, пока, наконецъ, не осѣняетъ кого-нибудь счастливая мысль сбѣгать въ сосѣдній кабакъ за живительной жидкостью. Мгновенно отыскиваются деньги и уже чрезъ нѣсколько минутъ посланецъ, болѣею частію нашъ камеръ-лакей, ворочая длинными усами, стремительно спускается съ лѣстницы. Прошелъ часъ, и въ казармахъ начинается оживленіе: гдѣ слышится шумный говоръ, гдѣ раздаются веселыя звуки гармоникки, иногда же всѣ собираются въ корридоръ и затѣиваютъ хоровыя солдатскія пѣсни, а между тѣмъ время идетъ и идетъ. Коротенькій зимній день давно уже смѣнился сумерками, а они въ свою очередь уступили мѣсто беззвѣздной, холодной ночи. Люди готовятся спать. Пройдутъ полчаса, и все затихнетъ до слѣдующаго утра.

Тихо по ночамъ въ казармахъ. Тускло горятъ закоптѣлыя лампы; спитъ дежурный, кое-какъ примостившись на узкой скамейкѣ близъ самаго входа, и слышится ему съвозъ сонъ, чрезъ двойныя рамы сосѣдняго окна, глухой шумъ еще не замолешей жизни громаднаго города. Слава Богу, еще одинъ день кануль въ вѣчность!

IV.

Рогная школа, куда, чрезъ нѣкоторое время 'по прибытіи въ полкъ, я былъ назначенъ учителемъ, помѣщалась въ небольшой комнаткѣ съ двумя рядами грязныхъ свамеекъ и съ чернымъ шкафомъ въ углу, носившимъ пышное названіе библиотеки. Въ эту школу каждый день, отъ 8-ми до 9-ти часовъ утра, собиралось 24 человѣка грамотныхъ солдатъ, изъ которыхъ 21 попали на службу вмѣстѣ со мною, по послѣднему набору. Такимъ образомъ, на 38 новобранцевъ нашей роты приходилось вмѣстѣ со мною и съ моимъ товарищемъ, получившими высшее образованіе, 23 человѣка, т.-е. почти двѣ-трети грамотныхъ, но въ сущности даже и это число было ниже дѣйствительности. Между такъ-называемыми неграмотными большинство умѣло читать, а нѣкоторые даже и писали; сверхъ того, между ними находилось нѣсколько поляковъ, хорошо писавшихъ и читавшихъ по-своему, и для которыхъ изученіе русской азбуки не представляло особенныхъ трудностей, такъ что, если мы исключимъ тѣхъ и другихъ, то вполнѣ безграмотныхъ окажется не болѣе пяти человѣкъ. Подобное изобиліе сравнительно развитыхъ и кое-чему учившихся людей обуславливалось, насколько я могъ замѣтить, чисто случайными причинами, а именно на 38 молодыхъ солдатъ приходилось: 2 дворянина, 1 оберъ-офицерскій сынъ, 4 купца и 1 послушникъ Святогорскаго монастыря; кромѣ этихъ восьми лицъ, принятыхъ на службу только въ силу новыхъ правилъ о воинской повинности, въ нашей ротѣ было еще пять человѣкъ, которые при старыхъ порядкахъ представили бы за себя квитанціи или охотниковъ; четверо изъ нихъ служили приказчиками въ петербургскихъ магазинахъ и одинъ артельщикомъ на желѣзной дорогѣ, съ 1000 рублями годового жалованья; нельзя при этомъ упустить изъ виду того обстоятельства, что цѣлая треть новобранцевъ, 14 человѣкъ, были уроженцами промышленной Ярославской губерніи (всѣ грамотные, изъ нихъ 3 приказчиковъ). Наконецъ, чтобы еще болѣе уяснить себѣ исключительность условий, въ которыхъ находилась наша рота, необходимо обратить вниманіе и на слѣдующій фактъ: въ другихъ ротахъ того же полка отношеніе между грамотными и неграмотными было обратное, т.-е. число послѣднихъ превышало число первыхъ, хотя въ общей сложности процентъ грамотности между новобранцами но-

ваго набора (второй половины 1874 года) и былъ нѣсколько выше сравнительно съ наборами прежнихъ лѣтъ.

Вмѣстѣ съ начатками первоначальнаго образованія молодежь внесла въ казармы и нѣкоторые понятія, несогласовавшія съ солдатскимъ міросозерцаніемъ. Конечно, первое время, когда давленіе новыхъ жизненныхъ условий, говоря образно, стывало мысль и запирало уста, новобранцы робко подчинялись всякому требованію стараго солдата, но мало-по-малу показались и зачатки протеста. Не могу не рассказать по этому случаю шумнаго спора, возникшаго по поводу школы между однимъ юнкеръ товарищемъ по набору и солдатамъ 1869 года, въ которыхъ мало-по-малу применили многочисленныя союзники.

— Къ чему школы, — говорить одинъ: — я такъ думаю, что пустое это дѣло; небось, наши дѣды грамоты не знали, а жили лучше нашего. Стану я мальчѣнка отрывать отъ работы да за десять верстъ посылать на ученье — нѣтъ, шалишь. Пускай лучше за скотиной ходить: и семьѣ прибыль, — да и баловства меньше».

— Все ты путаешь, — возражалъ ему новобранецъ: живи себѣ въ деревнѣ, на пни молился, такъ и думаешь, что краше этой жизни на свѣтѣ нѣтъ. Вотъ, таперича меня родители грамотѣ научили, и я имъ завсегда долженъ быть благодаренъ, потому что безъ грамоты былъ я, одно слово, темный человекъ; а какъ выучился, и мѣсто въ Питерѣ получилъ, и жалованье стали давать хорошее. Да вотъ онъ, — замѣчалъ спорщикъ, указывая на меня, — превзошелъ курсъ наукъ, и служба ему не въ службу; всего на шесть мѣсяцевъ пошелъ, а ты, небось, шесть лѣтъ протрубилъ.

— Что ты, мальчишка, толкуешь, — презрительно прерывали его старики: — то барское дѣло; стали бы мы всѣ учиться, и поля вспахать было бы некому. Всѣмъ въ Питерѣ жить не приходится, кто-нибудь и въ деревнѣ долженъ оставаться. Да и начальству-то очень нужна твоя грамота; какъ, братъ, въ книжку ни читай, благодарности не получишь; вотъ, ходи хорошо да ружейныя приемы знай — тебѣ и скажутъ спасибо. А то, выдумалъ, — книжка!

Долго длился споръ, и длился бы вѣроятно еще дольше, еслибъ дежурный подъ конецъ не разсердился на шумъ и не разогналъ толпу по комнатамъ. — Спорщики, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разошлись, еще болѣе убѣжденные въ правотѣ своихъ мнѣній, и до поздняго вечера въ разныхъ углахъ слышались тѣ же доводы и возраженія, пока сонъ не свалилъ на общія койки и друзей, и противниковъ школы. Случалось, что

разница понятій высказывалась и тѣмъ, что новобранцы, даже подъ страхомъ взысканія отъ своихъ дядекъ, отказывались подчиняться нѣкоторымъ, слышеомъ грубымъ приемамъ солдатской науки и солдатскаго обычая.

Привода эти примѣры различія во взглядахъ и понятіяхъ между старыми и молодыми солдатами, я однако еще не рѣшаюсь видѣть въ нихъ прочный залогъ плодотворныхъ измѣненій. Разрозненность новобранцевъ, латкость и неопредѣленность ихъ убѣжденій, невольное подчиненіе болѣе опытнымъ товарищамъ, имѣющимъ за собою авторитетъ власти,—все это пова мѣшаетъ созданію новаго солдатскаго типа даже при тѣхъ случайно-благоприятныхъ условіяхъ, которыя замѣчались въ нашей ротѣ. Молодежь, какъ я уже говорилъ раньше, очень скоро отказывается отъ своихъ мнѣній и вѣрованій и постепенно замѣняетъ ихъ кодексомъ правилъ, регулировавшихъ доселѣ отношенія казарменной жизни. Чтѣ будетъ со временемъ, черезъ нѣсколько лѣтъ—сказать трудно, да и не входитъ въ узкіе предѣлы моей программы. Но во всякомъ случаѣ, только обративши серьезное вниманіе на школы, бібліотеки и занятія солдатъ въ часы досуга, можно ожидать отъ новой воинской повинности поднятія умственнаго и нравственнаго уровня арміи. Къ сожалѣнію, всѣ эти вопросы интересуютъ очень немногихъ или отодвинуты на задній планъ. Я уже указывалъ въ краткихъ словахъ на отсутствіе какихъ бы то ни было развлеченій въ свободныя минуты и на печальные результаты замкнутой и однообразной жизни. Еще въ болѣе степеніи такое заключеніе можетъ быть сдѣлано по отношенію къ школьному дѣлу. За исключеніемъ немногихъ счастливыхъ (не болѣе пяти-шести человѣкъ на роту), попадающихъ въ полковую учебную команду, гдѣ специально изготавливаются унтеръ-офицеры и гдѣ обращается довольно серьезное вниманіе на умственное развитіе учащихся (я говорю, конечно, только про гвардію), всѣ остальные солдаты посѣщаютъ сколько-нибудь послѣдовательно ротныя школы лишь въ продолженіи первой зимы по вступленіи ихъ въ ряды арміи. Караулы, смотры, разводы и т. п. такъ наполняютъ всѣ послѣдующіе годы службы, что о школьныхъ занятіяхъ некогда и подумать. Въ виду этого запасъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ рядовымъ въ два-три первые мѣсяца, остается для него основнымъ фондомъ, которымъ онъ, по необходимости, долженъ ограничиться. Но даже и въ этотъ короткій періодъ времени рядовой получаетъ менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать съ перваго разу. Изъ 30 часовыхъ уроковъ съ грамотными ново-

бранцами по крайней мѣрѣ 20 пришлось посвятить солдатской книжкѣ Черткова, и только 10 письму, чтенію и ариметикѣ. Положеніе неграмотныхъ было еще невыгоднѣе; на ихъ долю выпало всего 8 уроковъ. Все остальное время пошло на фронтовое ученіе да на сборку и разборку ружья, понять устройство котораго новобранцы довольно долго затруднялись, а, конечно, всякій согласится, что даже по извѣстному звуковому методу не далеко уйдешь въ восемь уроковъ.

Впрочемъ, нужно сознаться, что недостатокъ классныхъ занятій возмѣщается, по крайней мѣрѣ первое время, замѣчательнымъ усердіемъ учащихся. Почти всѣ поляки кончили тѣмъ, что стали сравнительно свободно читать по-русски, а нѣсколько моихъ учениковъ, при незначительной помощи съ моей стороны, прошли четыре правила ариметики и проводили цѣлые вечера въ придумываніи и разрѣшеніи головоломныхъ задачъ. Глядя на нихъ, меня невольно поражалъ практическій взглядъ простаго русскаго человѣка, избѣгающаго по какому-то инстинкту всего, бесполезно запутывающаго умъ. Однако, какъ ни было въ началѣ сильно желаніе чему-нибудь научиться, условія, про которыя я уже говорилъ, слишкомъ мѣшали осуществленію подобныхъ стремленій, и мѣсяца черезъ два въ новобранцахъ не нашлось бы и десятой доли прежней горячности. Время и служба сдѣлаютъ остальное. Черезъ годъ, среди своей обстановки, лишеныя развлеченій и не имѣя правильной подготовки, а слѣдовательно и серьезныхъ интересовъ внѣ обычнаго дѣла, молодые солдаты, мало-помалу, начнутъ забывать даже и тѣ убогія свѣдѣнія, съ которыми явились на службу. Въ борьбѣ съ такой неизбежной умственной апатіей чрезвычайно плодотворную роль могли бы играть бібліотеки, тѣмъ болѣе, что въ казармахъ любятъ читать, а иные читаютъ даже запоемъ. Конечно, необходимо при этомъ обратить вниманіе на выборъ чтенія, а то и книги едва ли принесутъ какую-нибудь пользу своимъ читателямъ. — Кромѣ разрозненныхъ томиковъ Поль-де-Кова, Сулье, Дюма, давно забытой г-жи Паальцовъ, да «Смѣси», повабранной изъ періодическихъ изданій тридцатыхъ годовъ, я ничего не нашелъ въ той ротной «бібліотекѣ», какую мнѣ случилось знать. Погосскій съ своею «Солдатскою Бесѣдою» печально терялся среди этого разнообразія, да и журналъ, утратившій прелесть современности — лучшее украшеніе каждаго журнала — читается въ казармахъ далеко не съ прежнимъ удовольствіемъ.

Соображая всѣ эти условія умственной жизни, нельзя не счи-

татъ преждевременными мнѣнія людей, желающихъ видѣть въ солдатахъ какихъ-то пионеровъ европейской цивилизаціи. «Возвратятся они на родныя пепелища, — думаютъ эти люди, — обновленные, съ опредѣлившимися взглядами и понятіями; тамъ, на родинѣ, среди крестьянской безформенности и распущенности, при своемъ развитіи и при привычкѣ къ дисциплинѣ они будутъ наиболѣе твердою опорой постепеннаго народнаго прогресса».

Если бы мы даже не обращали вниманія на тотъ фактъ, что только меньшинство отправляется домой по окончаніи службы, остальные же устроиваются въ городахъ, то и при такомъ упрощеніи вопроса трудно уразумѣть мотивы, на которыхъ указанное мнѣніе основывается. Дѣйствительно, солдаты приучаются къ порядку, дѣйствительно, они получаютъ нѣкоторую склонность къ роскоши, которая несвойственна деревнѣ; но отъ умѣнья появляться или обычая пить чай до «цивилизаціи» довольно далеко.

V.

Такимъ-то образомъ, медленно и однообразно, среди школьныхъ занятій и ружейныхъ приемовъ, проходило наше существованіе. Даже лагери не внесли въ него, въ сущности, ничего новаго, только прибавилось ходьбы и усталости, да казармы смѣнились рядомъ бѣлыхъ палатокъ. Тѣ же ученья: ротныя, батальонныя, полковыя и т. д. до безконечности.

Я не буду останавливаться на этихъ чисто военныхъ подробностяхъ. Поставивши себѣ задачей прослѣдить вліяніе новой реформы на наше войско въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ, въ которыхъ мнѣ удалось быть очевидцемъ, я считаю совершенно излишнимъ говорить о техникѣ военнаго дѣла. Гораздо любопытнѣе съ моей точки зрѣнія и, вѣроятно, съ точки зрѣнія всякаго не-специалиста, разсмотрѣніе того взаимодействія, которое существуетъ между солдатами прежнихъ наборовъ съ одной — и новымъ элементомъ, внесеннымъ въ войско — кучкой полуобразованной и образованной молодежи, — съ другой стороны. Но для этого, мнѣ кажется, прежде всего необходимо коснуться нѣкоторыхъ особенно выдающихся сторонъ солдатскаго міросозерцанія.

Все человѣчество въ глазахъ солдата дѣлится на двѣ рѣзко отличныя половины: свои люди и «вольные». Къ первымъ принадлежатъ всѣ члены «христолюбиваго русскаго воинства», к

вторымъ остальные россияне. Кромѣ этихъ міровъ, существуютъ въ нашей арміи еще особые спеціальныя мірки, отдѣленные другъ отъ друга или привилегированностью положенія, или родомъ оружія. Кавалеристъ, напр., сидя на лошади, непремѣнно поджѣется надъ мимондущимъ пѣхотинцемъ; гвардеецъ не пропуститъ случая пустить пыль въ глаза армейскому солдату, конечно, при свидѣтеляхъ. Наединѣ, между собою, слѣпившійся всадникъ и пѣхотинецъ, скинувшій ранецъ, гвардеецъ и армеецъ — все это земляки, товарищи, несущіе одну и ту же службу, связанные одинаковыми воспоминаніями и одинаковыми надеждами. Другого рода граница, отдѣляющая войско отъ прочаго мирнаго человечества, — ее переступить уже гораздо труднѣе, — неприязненное, отчасти презрительное, отчасти завистливое отношеніе ко всѣмъ, не носящимъ военнаго мундира, — наслѣдство, доставшееся отъ прежнихъ солдатскихъ поволеній, еще живетъ въ казармахъ. Теперь, правда, порядки измѣнились, срокъ службы съ двадцати пяти лѣтъ сократился на шесть, но «дѣло вѣковъ поправлять мудрено» — прежній сословный духъ еще не исчезъ, традиціи добраго стараго времени, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ такой замкнутой и строго-дисциплинированной корпораціи, какъ армія, еще управляютъ поступками и мыслями современниковъ. Я уже говорилъ раньше про ту скорость, съ которою совершается превращеніе въ солдатъ разнохарактерной массы новобранцевъ и про ту поспѣшность, съ которою эти послѣдніе поступаются своими прежними идеалами и симпатіями въ пользу новыхъ, болѣе опредѣленныхъ солдатскихъ идеаловъ. Этимъ однимъ уже объясняется очень многое. Разъ органически создавшись, извѣстное понятіе наслѣдственно передается отъ поколѣнія въ поколѣнію и, можетъ быть, нѣтъ мѣста, гдѣ реформы духа, реформы убѣжденій и взглядовъ происходили бы такъ медленно, какъ въ казармахъ; а между тѣмъ, можно сказать съ полною увѣренностью, что пока войско будетъ представлять особое сословіе, пока понятія о солдатѣ, крестьянинѣ, купцѣ и т. д. не сольются въ болѣе обширній идеѣ о гражданинѣ одной земли — идеѣ, развитія которой можно ждать только при новой реформѣ, вставившей воинскую повинность какъ всеобщую обязанность, — то гѣхъ поръ граница, отдѣляющая армію отъ остальнаго общества, будетъ существовать по прежнему, хотя бы срокъ службы еще болѣе сократился.

Результаты такого разединенія, созданнаго всѣмъ долгимъ старымъ порядкомъ арміи, бросаются въ глаза съ перваго же

взгляда. Если солдатъ хочетъ оскорбить своего товарища, онъ называетъ его «мушкетомъ». Сколько дракъ происходитъ изъ за этого невиннаго слова: все можно простить товарищу, но не такую обиду. Впрочемъ, что же я говорю про солдатъ: кому не извѣстны распространенныя между офицерами прозвища, которыми они стараются задѣть самолюбіе штатскихъ, въ родѣ «рабочья» и другихъ столь же трудно объяснимыхъ названій. Развѣ это плодъ не отъ того же дерева?

Въ прежнія времена этотъ разладъ шелъ, конечно, даже словъ. Въ ту эпоху личность и собственность всякаго чело- вѣка, необлеченнаго въ мундиръ, мало значили въ глазахъ мирнаго солдата. То были люди другого міра, жившіе на свободѣ, веселившіеся, не знавшіе ни тяжелой службы, ни еще болѣе тяжелой отвѣтственности. Простившись съ семьей и не считывая болѣе въ нее возвратиться, сроднившись съ службой чувствуя свою непригодность на всякомъ другомъ поприщѣ, солдатъ отчасти завидовалъ, отчасти презиралъ этихъ людей. Считая позоромъ для себя воспользоваться имуществомъ товарища онъ глядѣлъ въ то же время на ловкую кражу изъ дома мирнаго обывателя, какъ на простибельную выходку; въ его глазахъ это было удалство, и ничего болѣе. Даже и теперь еще встрѣчаются солдаты таковаго закала. Это—своего рода «последніе могикане». Мнѣ лично пришлось знать одного изъ нихъ, «отчаяннаго малага», какъ выражались его товарищи. Сильный, быстрый, способный выпить четверть ведра водки и пойти потомъ на работу, мастеръ на разныя штуки и выдумки, онъ презиралъ всякое плохо положенное добро, если оно только не принадлежало солдату, за свою полную собственность. Какіе только онъ не выдѣлывалъ фокусы! Ему случалось, напр., уносить кабака подъ полою четвертную бутылъ водки и безпрепятственно возвращаться въ казармы, гдѣ онъ щедро угощалъ товарищей восторгавшихся его молодечествомъ.

За то и въ обществѣ, относительно солдатства, сложилось въ времена особое мнѣніе, которое сохранилось въ значительной степени и дониндѣ. Я уже упоминалъ объ этомъ мимоходомъ но тутъ умѣстно связать по этому поводу еще нѣсколько словъ. Въ глазахъ мирнаго обывателя всѣ солдаты—люди особой породы отъ которыхъ чѣмъ дальше, тѣмъ покойнѣе. Я долго не забуду упрямаго ворчанья и гнѣвныхъ окриковъ швейцара, мимо котораго мнѣ приходилось проходить въ квартиру брата: «куда вы зешь-то, ишь, снѣга на сапожищахъ; тутъ, братъ, не казарма»

туть, братъ, господа живутъ». Впослѣдствіи, онъ смягчился, но я всегда проходилъ мимо него съ нѣкоторою робостью. Очевидно, что это былъ человѣкъ съ убѣжденіями. Другой случай еще характернѣе: одного изъ моихъ товарищей сторожъ на станціи Балтійской желѣзной дороги наградилъ полновѣснымъ ударомъ по затыку за то, что онъ осмѣлился стоять на лѣстницѣ, ведущей въ комнату II класса. Сторожъ былъ наказанъ и, вѣроятно, до сихъ поръ недоумѣваетъ за что. Онъ только «сократилъ дерева» кавалера.

Безъ сомнѣнія, уменьшеніе сроковъ службы, и въ особенности новая воинская повинность, должны со временемъ измѣнить этотъ неестественный порядокъ вещей. Уже и теперь замѣтны признаки улучшенія. Всякій боится «нарваться», и въ общей сложности обращеніе сдѣлалось вѣжливѣе. Приведенные мною примѣры—остатки, обломки прежнихъ нравовъ, и по нимъ съ нѣкоторою ясностью можно возстановить картину прошедшаго, когда солдатъ находился въ положеніи какаго-то безправнаго варя, лишеннаго семьи, собственности и общественнаго уваженія. Простившись съ родными, онъ рѣдко возвращался домой, а если и возвращался, то его не узнавали. Товарищи его давно перемерли, молодые уже готовили своихъ сыновей въ солдаты, старыя связи безвозвратно исчезли; жена, которую онъ оставилъ еще молодою, встрѣчала его старухой, окруженная чужими для него дѣтьми, да и самъ онъ былъ уже не тотъ; прежнія занятія потеряли въ его глазахъ всю свою прелесть; онъ даже считалъ ихъ унижительными для солдата, хотя, можетъ быть, отчасти потому, что онъ отвыкъ отъ нихъ, а подъ старость куда какъ тяжело учиться. Богатства на службѣ не нажито; двадцать-пять лѣтъ изнашивалъ онъ казенныя вещи и такъ мало за это время приобрѣлъ своего, что свободно могъ примѣнить къ себѣ выраженіе: *omnia mea mesum porto*. И вотъ, поневолѣ приходилось идти въ надсмотрщики или сторожа къ какому-нибудь помѣщику, требовавшему административной распорядительности, и проводить остатокъ жизни въ поерикиваньи на рабочихъ; другіе поселялись въ городахъ, тачали плохіе сапоги и жестоко пьянствовали при деньгахъ. Конечно, были исключенія, но дѣло не въ нихъ. Итакъ, ни семьи, ни собственности, ни общественнаго уваженія. Понятно, что среди подобныхъ условій въ солдатѣ развивалось озлобленіе, и онъ мстилъ обществу, которое его отвергало. Это-то чувство по наслѣдству передается и до сихъ поръ.

Не менѣе своеобразны бывали и нѣкоторыя другія солдатскія

возрѣнія. Женщина, напр., въ глазахъ солдата, существо несомнѣнно низшее и по преимуществу безправное. Относительно ея все дозволено, да и кому пойдеть жаловаться, въ случаѣ обмана или оскорбленія, грязная, оборванная, вѣчно полупьяная «мадама» — посѣтительница казармъ. Надворъ и нагазанія въ этомъ случаѣ не помогаютъ, да и какъ усмотрѣть за сотней лукавыхъ и осторожныхъ людей. Кромѣ этихъ несчастныхъ, давно уже потерявшихъ человѣческой образъ, казармы охотно посѣщаются престарѣлыми кухарками и горничными, отношеніе къ которымъ сводится у солдатъ къ самой безцеремонной эксплуатаціи. Они занимають у нихъ деньги, отбирають вещи и, съ ихъ согласія, дѣлають опустошительныя набѣги на припасы неосторожныхъ хозяекъ. Взавши все, что можно, и подъ конецъ разругавшись, солдатъ не прочь оказать протекцію какому-нибудь земляку и познакомить его съ своею жертвою, которая обыкновенно неисправима въ любви къ военнымъ людямъ. Пользуясь такими невинными доходами, солдатъ чрезвычайно доволенъ. «Вотъ, я у своей мадамы фуфайку выработалъ», наивно хвастается онъ своимъ товарищамъ, и товарищи только облизываются. Такъ изстари складывалась интимная сторона казарменной жизни; прочныхъ привязанностей не существовало; на ихъ мѣстѣ господствовали развратъ и эксплуатація — результаты невольнаго безбрачія цѣлой массы здоровыхъ и молодыхъ мужчинъ; не даромъ же проституція являлась во всѣхъ странахъ необходимою спутницей постоянныхъ армій. Въ зависимости отъ крайне презрительнаго взгляда на женщину, выработаннаго отчасти вслѣдствіе ежедневныхъ столкновеній съ особами, въ родѣ тѣхъ, про которыхъ я сейчасъ говорилъ, отчасти, какъ результатъ «добраго стараго времени», когда безбрачіе насильно и навсегда навязывалось солдату, находится и его отношеніе къ семейной жизни вообще: о взаимной вѣрности толковать нечего, — это было бы слишкомъ стѣснительно для солдата; «измѣняя» на каждомъ шагѣ, онъ предполагаетъ встрѣтить то же самое и со стороны жены, ожидающей его гдѣ-нибудь въ далекой деревнѣ.

Да и что для него семья? ея мѣсто занимаетъ ротное товарищество, — такъ тѣсно сплочены между собою эти люди силою военной дисциплины и совмѣстной жизни; около роты вертятся всѣ интересы и симпатіи солдата; внѣ ея онъ еще знаетъ пользу, но о семьѣ, въ общепринятомъ значеніи этого слова, не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Въ такую-то среду пришлось окунуться людямъ перваго все-

общаго набора; ихъ встрѣтила масса сложившихся, вполне опредѣленныхъ людей, которые бодро шли по проторенной дорожкѣ, не заглядываясь по сторонамъ, и не сомнѣваясь въ своемъ назначеніи, ибо, должно сознаться, солдатское міросозерцаніе, каковъ бы ни былъ въ нашей арміи уровень умственнаго и нравственнаго развитія, представляетъ замѣчательное единство и цѣльность. Солдаты «откровенно и чистосердечно» напиваются до безчувствія въ свободное время, презираютъ и эксплуатируютъ женщину, развратничаютъ и ведутъ партизанскую войну съ мирными обывателями. Все это органическіе продукты старыхъ обычаевъ. Вліять на такихъ людей почти невозможно. Что отвѣчать человѣку, никогда не задающему вопросовъ? Понятно, что горсть образованной и полу-образованной молодежи, разсыпанной среди нашей арміи, оказалась на первое время реформы ничтожною передъ этою силой. Она терялась въ общей массѣ и скорѣе отстаивала свое собственное существованіе, чѣмъ заботилась объ измѣненіи окружающей среды, а при такихъ условіяхъ о вліяніи разсуждать невозможно. Конечно, счастливы тѣ, которымъ пришлось поступить на службу по первому разряду: отбылъ шесть мѣсяцевъ — и въ сторону; но не таково положеніе лицъ второго и преимущественно третьяго и четвертаго разрядовъ, взятыхъ на полтора, на три и на четыре года. Не получивши прочнаго образованія, далеко не сложившись ни умственно, ни нравственно, они невольно, съ теченіемъ времени, должны подчиниться дѣйствию окружающей обстановки, и если въ этомъ случаѣ и будетъ уравнианіе, то не въ смыслѣ развитія массы, а въ смыслѣ культурнаго приниженія отдѣльныхъ индивидуумовъ. Скорость такого поглощенія массой зависитъ, конечно, отъ обстоятельствъ; у иныхъ есть родные и деньги, у иныхъ ни того, ни другого; судьба этихъ послѣднихъ понятна сама собою, но и первымъ подчасъ приходится очень жутко. Исторически-сложившійся взглядъ нашего общества на солдатъ, какъ на людей безправныхъ и безгласныхъ, отражается и на нихъ наравнѣ со всѣми прочими. Каждый лапочникъ, прежде чѣмъ оказать вамъ обыкновенную вѣжливость, непременно спроситъ васъ: «какого вы набора?» Каждый лакей или сторожъ считаетъ себя вправѣ обругать или толенуть солдата. Огъ, дескать, не выщеть, ко всему приученъ. И вотъ, приходится или заводить на каждомъ шагѣ «исторіи», или махнуть на все рукой и повернуться. Какъ видите, выборъ небогатый! Невольно познавидуешь вольноопредѣляющимся, которые, независимо отъ всякихъ льготъ по закону, избавлены и отъ этихъ мелочныхъ, раз-

дражающихъ столеновѣй. Безъ сомнѣнiя, со временемъ, при болшемъ наплывѣ въ войско образованныхъ людей, такой порядокъ вещей долженъ измѣниться, но вѣдь это журавль въ небѣ, а пока намъ пришлось создавать новыя отношенiя, претерпѣвая цѣлый рядъ самыхъ обидныхъ недоумѣнiй. Постоянно отталкиваемые обществомъ, отъ котораго естественно было бы ожидать поддержки, и живя вдали отъ родныхъ, большинство разрядныхъ окончательно уединяется въ казармы, и такимъ образомъ процессъ поглощенiя ихъ солдатскою массою еще болѣе облегчается. Помочь въ этой борьбѣ съ затягивающей средой, конечно, могли бы офицеры, но они поставлены военною дисциплиною въ такое положенiе, что поневолѣ должны сторониться отъ нашего брата—рядового.

Тѣмъ не менѣе нужно сознаться, что новая воинская повинность, по крайней мѣрѣ въ гвардiи, не встрѣтила офицерство врасплохъ. Въ большинствѣ случаевъ, насколько простирался кругъ моихъ наблюденiй, ихъ обращенiе съ солдатами было исполнено гуманности и такта; не давая никому льготъ во фронтѣ и при исполненiи служебныхъ обязанностей, въ частной жизни они являлись милыми и простыми людьми, готовыми помочь и совѣтомъ и дѣломъ каждому изъ своихъ подчиненныхъ. Простившись съ солдатскимъ мундиромъ, я признаюсь, унесъ самое теплое воспоминанiе о лицахъ, подъ начальствомъ которыхъ мнѣ пришлось отслужить свои шесть мѣсяцевъ. Но, однако, каковы бы ни были ихъ личныя достоинства, они почти бессильны помочь въ этой культурной борьбѣ людямъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляетъ желѣзная стѣна дисциплинарной обрядности. Хорошо еще, что отношенiя солдатъ къ новымъ товарищамъ изъ *ci-devant* привилегированныхъ сословiй исполнены доброты и мягкости. Странная вещь: встрѣчая довольно часто, въ особенности первое время, со стороны мирныхъ гражданъ, злорадную шутку, по поводу своей солдатской шинели, въ солдатахъ, за самыми рѣдкими исключенiями, я нашелъ только вниманiе и участiе. Конечно, это отчасти объясняется тою громадною дозою незлобивости и добродушия, которая лежитъ въ основѣ всякаго русскаго характера, но, мнѣ кажется, что тутъ дѣйствуетъ и другая, побочная причина. Солдатъ прежде всего человекъ беспочвенный, отставшiй, по пословицѣ, отъ одного берега, съ тѣмъ, чтобы перебраться на другой, да такъ и застрявшiй на половинѣ дороги. Приучившись въ казармахъ къ городу и городской жизни, прибрѣта цѣлую массу новыхъ свѣдѣнiй, хоть, положимъ, и бесполезныхъ для

его будущей жизни, но надъ приобрѣтеніемъ которыхъ онъ трудился въ потѣ лица своего, познакомившись, наконецъ, съ нѣкоторою относительною роскошью, онъ невольно считаетъ себя выше простаго крестьянина, и связь его съ прежнимъ міромъ мало-по-малу разрывается. Не смѣйтесь надъ этимъ словомъ «роскошь», которое мнѣ приходится повторять вотъ уже второй разъ въ примѣненіи къ солдатамъ. Вотъ вамъ случай, происходившій на моихъ глазахъ: какого-то новобранца, уроженца, если я не ошибаюсь, калужской губерніи, приводятъ въ казармы; въ дверяхъ первой же комнаты онъ останавливается, глядитъ съ недоумѣніемъ кругомъ и наконецъ наивно восклицаетъ: «вотъ, мнѣ брехали, солдатамъ нехорошо, а они лучше баръ живутъ!» Оказалось, что предметами его восторга и удивленія были соломенные матрасы и пунцовыя, байковые одѣяла, покрывавшія койки. А чаепитіе, безъ котораго не обходятся солдаты, развѣ это не роскошь для большинства нашихъ крестьянъ? Какъ бы тамъ ни было, но несомнѣнно, что по окончаніи шестилѣтней службы солдатъ не особенно охотно возвращается на родное пепелище, и что всякое мѣсто въ городѣ для него предпочтительнѣе полевой работы. Гдѣ же этимъ людямъ, потерявшимъ живую связь съ міромъ, въ которомъ органически развились извѣстныя симпатіи и антипатіи, сохранить въ душѣ прежнюю антипатію и радоваться, если разразится гроза надъ человѣкомъ высшаго сословія? Совсѣмъ другое дѣло — «вольные» люди: тѣхъ солдатъ дѣйствительно не долюбливаютъ, но вѣдь это понятіе очень широкое; подъ него онъ подводитъ и своего брата-крестьянина.

Такъ или иначе, но въ казармахъ я и мои знакомые встрѣтили столько доброты и простодушнаго вниманія, что между нами и солдатами установились довольно скоро самыя милыя и пріятельскія отношенія. Сосредоточивши свои симпатіи на ротномъ товариществѣ, они съ минуты включенія насъ въ эту среду и до конца нашего служебнаго поприща помогали и поддерживали насъ, чѣмъ могли. Мы отвѣчали имъ тѣмъ же. Немудрено поэтому, если я съ моимъ товарищемъ по первому разряду были искренно тронуты, когда въ моментъ разставанія нашего съ ротомъ около насъ собрались всѣ эти добродушные люди, съ которыми пришлось цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ прожить такую тѣсно-замкнutoю жизнью. Тутъ былъ и милѣйшій Родіоновъ, забывшій для искреннихъ слезъ всѣхъ турокъ на свѣтѣ, и Александровъ, бросившій на время политику, и множество другихъ нашихъ пріятелей, до того похожихъ другъ на друга, что ихъ

можно было отличить только по фамиліямъ. Всѣ они отъ чистаго сердца радовались нашему благополучію и желали намъ всякихъ успѣховъ въ будущемъ. Это была пріятная минута въ нашей жизни, и она надолго останется намъ памятной. Прощаясь съ ротой, мы не уносили въ душѣ ни одного горькаго чувства, ни одного тяжелаго воспоминанія объ этихъ людяхъ, и, если намъ удалось хоть нѣсколько расчистить дорогу для слѣдующихъ солдатскихъ поколѣній — примѣромъ прочныхъ и нормальныхъ отношеній къ начальству и товарищамъ, то наша задача исполнена. Задача, правда, муравьиная и скромная, но при существующихъ порядкахъ единственно возможная.

В. П.

ВЪ НЕПАЛѢ

ИЗЪ ПУТЕВНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Непаль мало кого интересуесть въ Индіи, и еще менѣе интересуются имъ и знаютъ эту страну въ Европѣ. Въ Индіи о Непалѣ помышляютъ и часто говорятъ одни охотники. Терраи, т.-е. непальскія равнины, прилегающія къ британскимъ владѣніямъ—обѣтованная страна для завятаго спортсмена. Лихорадка свирѣпствуетъ здѣсь круглый годъ, особенно же съ наступленіемъ жаркихъ мѣсяцевъ; но это неудобство вполнѣ вознаграждается обиліемъ лютыхъ звѣрей въ терраяхъ; доступъ сюда очень легокъ; въ терраяхъ иногда охотятся, не испросивъ на то разрѣшенія непальскаго правительства. Небольшое независимое царство Непаль лежитъ къ сѣверу отъ британскихъ владѣній въ Индіи, между Сиваномъ на востокъ, Камаономъ на западъ и Тибетомъ на сѣверъ, и простирается на пятьсотъ миль съ востока на западъ и на сто-тридцать съ сѣвера, отъ Тибета на югъ, до британскихъ владѣній; это—страна до сихъ поръ мало, даже почти совсѣмъ неизслѣдованная. Въ силу трактатовъ съ Англіею, непальское правительство вынуждено было открыть европейцамъ часть своихъ владѣній, т.-е. большую непальскую долину, около двадцати миль съ востока на западъ и пятнадцать съ сѣвера на югъ; и сюда можно явиться по одному только пути, испросивъ предварительно разрѣшеніе правительства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Индіи задумали издать карту Непала, и былъ посланъ для этой цѣли въ Непаль съѣмщикъ; онъ былъ индеецъ, кажется родомъ изъ Бенгаліи, а потому могъ бродить безвозвратно по странѣ, и такимъ образомъ высмотрѣть все, что ему нужно было; съѣмщикъ

однакоже не успѣлъ высмотрѣть многого; по прїѣздѣ въ Катманду онъ явился въ домъ англійскаго резидента и тѣмъ испортилъ все дѣло. Непальское правительство узнало, конечно, что новопрїѣзжій индусъ былъ у резидента, заподозрило, что онъ не простой индусъ, явился не ради богомольства, а состоитъ въ какихъ-то отношеніяхъ къ британскому правительству, стало за нимъ присматривать и въ скоромъ времени выпроводило его обратно въ Индію. Съѣмщикъ прїѣхалъ къ пославшему его, не исполнивъ своего порученія. Карту Непала англичане послѣ того все-таки издали, и даже не одну, а двѣ; сомнительно однакоже, чтобы то были вѣрныя карты. Присылался сюда и другой еще индусъ, поискать рѣдкихъ рукописей; и онъ уѣхалъ, не достигнувъ своей цѣли, а между тѣмъ непальское правительство не запрещаетъ индусамъ, англійскимъ подданнымъ, бродить по всей странѣ; даже сипай, почетная стража резидента, имѣютъ право ходить на богомолье, за предѣлы большой долины. Непальское правительство подозрительно только въ европейцамъ, и въ Непалѣ сложился мнѣ о какомъ-то европейскомъ путешественникѣ. Рассказываютъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ Тибета въ долину явился какой-то европеецъ, переодѣтый факиромъ. Непальцы, конечно, не дались въ обманъ, европеецъ былъ узнавъ и слѣдъ его исчезъ. И народъ, и правительство въ Непалѣ одинаково подозрительны; въ Калькуттѣ существуетъ убѣжденіе, что въ Непалѣ нельзя ничего увидать, ничего узнать и ничего рѣдкаго вывезти оттуда. Къ сожалѣнію, это мнѣніе отчасти только преувеличиваетъ подозрительность непальскаго правительства и оказывается справедливымъ во многихъ отношеніяхъ. Получить разрѣшеніе на проѣздъ въ большую непальскую долину не представляетъ никакихъ затрудненій. Разрѣшеніе непальское правительство даетъ какъ будто и охотно, но въ то же время постарается обставить его разными формальностями. Если европеецъ ѣдетъ туда самъ по себѣ, не гостемъ англійскаго резидента, — кромѣ разрѣшенія, ему нужно имѣть паспортъ. Прїѣхавъ такимъ образомъ въ Непалъ, не легко ему найти себѣ жилище въ долинѣ. Гдѣ жить? Нанять домъ или часть дома у туземца? Невозможно; непальское правительство не разрѣшитъ этого. Остается привести съ собою палатку и жить въ ней? Но и въ такомъ случаѣ могутъ встрѣтиться непредвидѣнныя затрудненія относительно выбора мѣста, гдѣ поставить палатку. Легко можетъ случиться, что правительство не позволитъ раскинуть палатку, а потому всѣ бывавшіе въ Непалѣ прїѣзжали гостями или резидента, или его помощника.

Хотя номинально въ Непалѣ царствуетъ Сурендра Викрама-соръ, на самомъ же дѣлѣ неограниченная власть сосредоточена въ рукахъ перваго министра, извѣстнаго сэра Жанга-Баходура. Въ то время, когда я собирался въ Непалъ и хлопоталъ о дозволѣніи проѣхать туда, непальскій баронетъ вмѣстѣ съ англійскимъ резидентомъ былъ на пути въ Европу. Въ половинѣ февраля я двинулся въ Непалъ. Между тѣмъ сэръ Жангъ, прогуливаясь по Бомбею, упалъ съ лошади и долженъ былъ отложить свою поѣзду въ Европу. Когда, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Бирорѣ, я доѣхалъ до Дайнапура, въ нѣсколькихъ миляхъ оттуда въ Банеспурѣ временно пребывали непальскій первый министръ и англійскій резидентъ. Я считъ не лишнимъ побывать у послѣдняго, хотя имѣлъ и разрѣшеніе на проѣздъ, и ѣхалъ въ Непалъ гостемъ официальнаго лица, временно исправлявшаго должность резидента. Въ настоящемъ резидентѣ я нашелъ очень любезнаго человѣка и, въ первое же свиданіе съ нимъ, узналъ много любопытныхъ подробностей о Непалѣ. Резидентъ не поспешилъ также дать мнѣ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и поспѣшилъ спросить, не намѣреваюсь ли я пробраться переряженнымъ въ Тибетъ. — Вы конечно даете слово, что не будете пытаться проникнуть въ Тибетъ, или Доржелингъ или куда бы то ни было, за предѣлы той части Непала, которая открыта европейцамъ? — спросилъ онъ меня. Успокоенный на этотъ счетъ, резидентъ сталъ описывать непальцевъ народомъ дикимъ, грубымъ, независимымъ. Мнѣ припомнилось при этомъ китайское описаніе Непала, такъ же мало похожее на правду, какъ и слова резидента. Всякаго рода столкновенія съ ними слѣдуетъ избѣгать, говорилъ онъ; и тутъ же прибавилъ впрочемъ, что эти совѣты совершенно бесполезны для не-англичанина; онъ былъ какъ будто подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшествія, случившагося незадолго до нашей встрѣчи: какой-то храбрый англичанинъ, на границѣ одного независимаго царства въ Индіи, погрозилъ разбить голову начальнику пограничной стражи за то, что тотъ не могъ достать ему молока въ чай.

Въ тотъ же вечеръ я двинулся къ сѣверу, въ Непалъ. Дорога въ Непалъ, отъ Дайнапура по британскимъ владѣніямъ и далѣе по непальскимъ равнинамъ, скучна и однообразна. Двигаясь медленно, потому что не ѣдешь, а странствуешь на шечахъ лкдей, т.-е. въ паланкинѣ; кругомъ стелется песчаная, въ февралѣ и мартѣ совершенно голая, равнина, кое-гдѣ торчатъ худощавыя пальмы и даже Гангъ, черезъ который переправляешься у Дайнапура, не поражаетъ величіемъ; его мутныя,

грязныя воды текутъ среди плоскихъ, совершенно лишенныхъ растительности береговъ. Постоялыхъ дворовъ нѣтъ по этой дорогѣ; британское правительство не выстроило ихъ, такъ какъ число путешествующихъ по этому направленію ничтожно. Странствуя отъ Дайнапура въ сѣверу, путешественникъ принужденъ искать убѣжища въ домахъ плантаторовъ; гостепріимство въ этихъ глухихъ мѣстахъ развито на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Не спрашивая его привазанія, носильщики несутъ путешественника въ домъ европейца, гдѣ онъ находитъ радушный приемъ, кровъ, обѣдъ и всѣ удобства, неоцѣнимыя при путешествіи въ жаркой странѣ, среди пыльныхъ равнинъ. Миновавъ факторію Хардія, вступаешь чрезъ полторы или двѣ мили въ границы Непала; характеръ мѣстности остается прежнимъ, предъ глазами все та же пыльная равнина и та же сухая и тѣдусная растительность, и такъ съ малыми видоизмѣненіями вплоть до Бичакау. Отсюда до Хетаура считается двѣнадцать миль. Около половины дороги пролегаетъ по каменистому руслу рѣки, среди совершенно отвѣсныхъ скалъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ. Эта часть пути очень затруднительна для носильщиковъ, даже въ сухое время, когда русло совершенно безводно. Чрезъ миль шесть дорога покидаетъ русло рѣки и вступаетъ въ густой лѣсъ громадныхъ деревьевъ (sal). Лѣсъ тянется до рѣки Курру, чрезъ которую перекинутъ прекрасный мостъ. На восточномъ берегу рѣки лежитъ деревенька Хетаура, гдѣ есть непальскій казенный постоянный дворъ. Это громадное зданіе, съ внутреннимъ дворомъ и портиками кругомъ всего двора, было выстроено непальскимъ правительствомъ для путешественниковъ. Внутри дома полное отсутствіе всякой мебели, но въ каждой комнатѣ есть каминъ и окна, хотя безъ стеколъ, плотно закрывающіяся ставнями; такъ какъ по ночамъ здѣсь бываетъ холодно, то иногда затопить каминъ необходимо даже въ мартѣ. Съ наступленіемъ жары, начиная съ апрѣля, деревенька совершенно пустѣетъ; жители убѣгаютъ въ горы отъ лихорадокъ, которыя начинаютъ свирѣпствовать здѣсь въ апрѣлѣ; говорятъ, въ это время провести даже часть ночи небезопасно въ Хетаурѣ. Въ февралѣ и мартѣ терранъ относительно здоровое мѣсто; и я не схватилъ здѣсь лихорадки, хотя провелъ всю ночь въ Хетаурѣ, и только на другой день, рано утромъ, отправился въ Бимфеди. Паланкинъ оставляется у Хетаура; отсюда далѣе, до Бимфеди, можно или ѣхать верхомъ, если имѣешь свою лошадь, или же въ люлькѣ, на носильщикахъ. Къ двумъ огромнымъ, твердымъ палкамъ при-

вѣшивается люлька, въ которую ложится путешественникъ, и четыре приземистыхъ неварца, два впереди и два сзади, вскинувъ палки на плечи, несутъ его; они двигаются мѣрно и съ постоянною скоростью, хотя и не такъ быстро, какъ носильщики паланки: послѣдніе иногда въ часъ проходятъ до четырехъ миль. Лежать въ люлкѣ очень спойно и путешествовать такимъ образомъ было бы даже пріятно, еслибы вмѣсто носильщиковъ можно было запрягать воловъ или лошадей. Неварцы очень выносливы; утверждаютъ, что ноша одного человѣка нисколько не отяготительна для четырехъ неварцевъ; гораздо болѣе вѣсъ не превышаетъ ихъ силъ. Но ихъ вздохи, охи, безпрестанное перекидываніе палки съ одного плеча на другое, все это въ началѣ производитъ томительное впечатлѣніе и заставляетъ подумывать, что протащить въ продолженіи нѣсколькихъ миль на своихъ плечахъ, хотя бы даже одного человѣка, не такъ-то легко. Отъ Хетаура до Бимфеди дорога вѣтся по долинѣ рѣки Рапути, среди горной, а по тому самому уже красивой мѣстности; дорога прекрасная и устроена въ послѣдніе годы теперешнимъ непальскимъ первымъ министромъ. Черезъ Рапути, теченіе которой очень извилисто, перекинуто нѣсколько мостовъ; мы двигались по направленію къ сѣверо-западу, безпрестанно переходя съ одного берега на другой. Рапути съ шумомъ и быстро вѣтся среди горъ, покрытыхъ роскошною растительностью; особенно выдаются яркіе рододендроны, въ полномъ цвѣту; они покрываютъ всѣ склоны горы до самой подошвы. Когда на утро выступишь изъ Хетаура и, пройдя длинный мостъ на Рапути, вступишь въ долину, переходъ отъ равнинъ къ горной странѣ такъ неожиданъ и такъ разительна переменна въ окружающей обстановкѣ: и люди, и природа совершенно не похожи на то, что еще видѣлъ вчера, по ту сторону непальской границы. Даже архитектура другая: на домахъ, часовняхъ крыши въ китайскомъ стилѣ; дома болѣею частью двухъ-этажные; нижній этажъ состоитъ изъ портика, въ верхнемъ жильѣ. Такъ какъ это единственный путь, открытый въ Непалѣ, то по всей дорогѣ отъ Хетаура до Катманду сильное движеніе; болѣе всего видно неварцевъ, носильщиковъ; перевозъ товаровъ, весь ввозъ и вывозъ здѣсь производится болѣею частью чрезъ посредство человѣческой спины; рѣдко, и только въ послѣднее время стали употреблять въ большой долинѣ воловъ для этой цѣли. Неварецъ тащить въ гору бревно; онъ же переноситъ товары изъ Индіи въ Непалъ, приноситъ почту въ резиденцію и бѣлый хлѣбъ резиденту; ношу, и довольно значитель-

ную, онъ укрѣпляетъ на спинѣ, придерживая ее, кромѣ того, — веревкою, обвивающею лобъ. Этимъ промысломъ занимаются и мужчины и женщины. Плата носильщику ничтожная; въ Катманду плата носильщику въ день не превышаетъ девяти копеекъ. Кромѣ неварцевъ, часто встрѣчаются по дорогѣ факиры. Въ Непалѣ много святыхъ мѣстъ, привлекающихъ толпы тунеядцевъ изъ Тибета и всѣхъ мѣстъ Индіи, даже съ юга, изъ Мадраса. Голые, безобразные, покрытые пепломъ, съ взъерошенными волосами, эти божьи люди быстро двигаются по дорогѣ, не озираясь по сторонамъ и шепча молитву: Хари! Рамъ! Хари! Рамъ! Иврѣдья проѣдетъ на слонѣ, овруженный толпою грязной прислуги, какой-нибудь непальскій магнатъ. Путешественниковъ, т. е. не носильщиковъ и не богомольцевъ очень немного на этомъ пути; всякій европеецъ здѣсь, конечно, какъ рѣдкая птица, возбуждаетъ сильное любопытство; и факиръ и носильщикъ глазѣютъ на него, какъ будто недоумѣвая о томъ, откуда онъ могъ явиться и зачѣмъ его принесло сюда? — Пятнадцать миль отъ Хетаура до Бимфеди, среди мѣняющихся картинъ природы и мелькающихъ разнообразныхъ типовъ непальцевъ, проходятся легко и почти-что не замѣтно. Въ Бимфеди есть также казенный постоялый дворъ, и отсюда нужно подниматься на Сисагари; передъ началомъ путешествія въ гору носильщики обыкновенно требуютъ отдыха и завтрака. Неварцы, какъ и всѣ почти индійцы, не знаютъ и не понимаютъ прелести ѣды вмѣстѣ съ ближними. Въ Непалѣ, какъ и въ Индіи, каждый туземецъ обѣдаетъ, завтракаетъ самъ по себѣ, гдѣ-нибудь въ углу, въ сторонѣ отъ людей. Въ Калькуттѣ мнѣ рассказывали про одного ученаго брахмана, что въ продолженіи сорока лѣтъ онъ ни разу не обѣдалъ даже вмѣстѣ съ своею женою, и въ продолженіи всего этого времени, каждый день самъ готовилъ свой обѣдъ, конечно далеко не изысканный, хотя брахманъ этотъ человекъ очень состоятельный. Неварецъ-носильщикъ носитъ съ собою свой рисъ, привязывая мѣшечекъ къ поясу; у нѣкоторыхъ, кромѣ того, есть свои ложки, деревянные или желѣзные; но чаще всего они обходятся безъ ложекъ, забывая въ ротъ рисъ пригоршнями. Ыдятъ они хотя въ одиночку и не разговаривая другъ съ другомъ, но очень долго, затѣмъ садутъ къ ближайшему колодцу пить и мыть ротъ; при совершеніи послѣдняго не замѣтно особенной тщательности. Сисагари возвышается надъ уровнемъ долины на тысячу шестьсотъ футовъ, и дорога вьется въ гору на протяженіи двухъ миль: во все время идешь въ тѣни, среди гу-

стой растительности. Подъѣмъ очень труденъ, хотя далеко не продолжителенъ; мы взбирались не болѣе полутора часа. На вершинѣ горы крѣпость и таможня. Крѣпость очень незначительная и полуразрушенная; рядомъ съ таможеню стоитъ домъ для привѣжихъ, низенькое зданіе съ тремя просторными комнатами; въ оконъ открывается широкой видъ на горы и долину; но снѣжныя горы отсюда не видно. Отъ Сисагари до Катманду одинъ день пути, и дорога отъ крѣпости вьется далѣе въ гору. Мы поднимались съ полчаса и затѣмъ стали спускаться къ долини рѣки Панауни. Рѣка не видна съ вершины, но, какъ только начинаешь спускаться, шумъ быстро текущей рѣчки явственно слышнеть. Спускъ очень крутъ и продолжается болѣе двухъ часовъ. Панауни протекаетъ у самой подошвы горы; рядъ набросанныхъ глыбъ, ничѣмъ не скрѣпленныхъ и легко размываемыхъ, образуетъ нѣчто подобное мостику, чрезъ который слѣдуетъ переправиться на другой берегъ; теченіе этой рѣки, также какъ Рапуги, очень извилисто и приходится переходить ее нѣсколько разъ; затѣмъ, переваливъ чрезъ горы, въ долины рѣкъ Тамравана, Марку, изъ долины Читлонгъ поднимаешься на гору Чандоргири. Подниматься на эту гору такъ же затруднительно, какъ и спускаться; дорога изъ долины Читлонгъ вверхъ такъ же крута, какъ и внизъ, въ большую долину, которая отсюда съ вершины видна вполне; въ ясный день отсюда видны также сѣжныя вершины Гималая. У подошвы Чандоргири, въ большой долини расположенъ городокъ Танеотъ, отъ котораго вплоть до Багана (на ю.-в. долины) чрезъ Катманду идетъ шоссеиная дорога; другая шоссеиная дорога проходитъ также чрезъ непальскую столицу и, начинаясь у города Патна, оканчивается у агороднаго дворца, Балажи. Обѣ дороги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сажены деревьями и на рѣвахъ воздвигнуты прочныя мосты. Въ долини двѣ главныя рѣки: Вишнумати и Вагмати; обѣ вытекаютъ въ сѣверной части долины, у горы Шеопухи; первая вытекаетъ съ юга горы и течетъ на югъ, вторая съ сѣвера, и течетъ сперва на югъ, затѣмъ на ю.-в. При слияніи двухъ рѣкъ контъ столица Непала, Катманду или Кантпуръ ($27^{\circ}42'$ с. ш. $85^{\circ}36'$ в. д.). Туземцы увѣряютъ, что въ ихъ столицѣ пятьдесятъ тысячъ жителей; эта цифра, конечно, только приблизительно точная, хотя нѣтъ основанія предполагать, что число жителей преувеличено. Напротивъ, при первомъ вѣздѣ долина поражаетъ своимъ многолюдствомъ и разнообразіемъ встрѣчающихся типовъ. Кроме Катманду, здѣсь есть и другіе болѣе или менѣе значи-

тельные города; такъ, по дорогѣ изъ Танкота въ Катманду проходишь мимо города Киргипура; въ трехъ миляхъ къ ю.-в. отъ столицы стоитъ древній неварскій городъ Лалитанатагъ; нѣсколько далѣе къ востоку, въ десяти миляхъ, Батгаонъ; другіе города, поменьше, деревни, деревеньки, одиночныя постоялыя двори разсыпаны во множествѣ и въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга, по всей долинѣ; словомъ, вся долина кажется однимъ большимъ городомъ, пересѣченнымъ во многихъ мѣстахъ въ неодинаковой степени значительными огородами и пустырями. Множество построекъ воздвигается въ мѣстахъ пустынныхъ, и кругомъ по горамъ количество обрабатываемой почвы растетъ съ каждымъ годомъ; на большей части окружающихъ горъ виднѣются обработанныя поля, расположенныя по склону горъ, террасами. Климатъ здѣсь необыкновенно пріятный и здоровый, и здѣсь, рядомъ съ тропическою растительностью, видишь произведенія умереннаго климата. Кое-гдѣ въ сторонѣ отъ дороги попадаются полуразвалившіеся и оставленные дома; но число ихъ ничтожно въ сравненіи съ ново-строющимися домами, храмами и другими зданіями. По дорогамъ и тропинкамъ сильное движеніе: оно замѣчается и невольно останавливаетъ вниманіе при первомъ вступленіи въ долину, послѣ оживленной дороги отъ Хетаура до Танкота. Число и разнообразіе встрѣчающихся здѣсь типовъ по истинѣ поразительно: неварецъ, исконный владѣтель Непала, пришельцы ботія, тибетецъ, индусъ, завоеватель горкинецъ и другіе народцы Непала отличаются другъ отъ друга типомъ лица, покроемъ костюмовъ и украшеніями. На тибетцахъ и тѣхъ изъ неварцевъ, которые побывали въ Тибетѣ, совершенно русскія полярковыя шапки; на тибетскихъ ламахъ верхнее платье сильно напоминаетъ русскій зипунъ. Неварецъ одѣтъ, по большей части, въ нѣчто подобное бѣлой рубахѣ, съ косымъ воротомъ и разрѣзомъ у ляжекъ; панталонъ неварецъ не носитъ и ходитъ босикомъ; и даже утромъ, когда бываетъ иногда очень холодно (35° по Ф.) неварецъ кутаетъ голову, оставляя ноги обнаженными. Типъ неварца монгольскій и некрасивый, хотя у большей части очень добродушное выраженіе лица и всѣ они кажутся какъ будто неумытыми. А между тѣмъ воды здѣсь вдоволь; кромѣ двухъ главныхъ рѣкъ, въ долинѣ есть нѣсколько меньшихъ рѣчекъ. Въ Катманду и окрестностяхъ насчитываютъ 2733 храма и часовень, и почти у каждаго храма и каждой часовни есть или прудъ, или источникъ, или колодезь. Словомъ была бы только охота, а умыться есть гдѣ; а между тѣмъ нечистота—самая харак-

терная черта непальцевъ и непальскихъ городовъ. Бѣдный классъ рѣдко моется у себя, въ домѣ; по утрамъ и мужчины и женщины идутъ къ часовнямъ или храмамъ,—совершать туалетъ. Тибетцы еще грязнѣе неварцевъ: и въ жаръ и холодъ тибетецъ не снимаетъ теплыхъ сапогъ и теплаго зипуна; моется рѣдко: непальцы утѣряютъ, что тибетецъ мыть разъ въ жизни, при рожденіи. По поводу тибетской нечистоты между неварцами, ихъ единовѣрцами и родственными имъ по языку и происхожденію, сложилась легенда: они рассказываютъ, что во дни бны въ Индіи явился великій противникъ буддистовъ, Санкара; разбивъ индійскихъ буддистовъ во всѣхъ спорахъ, онъ явился въ Непаль и здѣсь его встрѣтилъ тотъ же успѣхъ: буддисты частью перешли на его сторону, частью уступили и присмирѣли. Воодушевленный такою удачею, Санкара перебрался чрезъ горы, въ Тибетъ; здѣсь однакоже злой врагъ буддизма неожиданно потерпѣлъ сильное пораженіе. Ламы, съ которыми онъ вступилъ въ состязаніе, были такъ грязны и такъ сильно заражали своими испареніями воздухъ кругомъ, что опрятный индусъ вынужденъ былъ отказаться отъ спора. «Почему вы не моетесь?» спросилъ онъ своихъ оппонентовъ. Святые отцы отвѣчали: «мы чисты внутри, и не заботимся о наружности; ты же грязенъ въ сердцѣ, хотя наружно и чистъ!» На это Санкара не нашелся что отвѣчать и ушелъ изъ Тибета. Два-три тибетца въ комнатѣ окончателно невыносимы; воздухъ остается зараженнымъ нѣкоторое время послѣ ихъ ухода. Они являются во множествѣ въ Непаль, частью по торговымъ дѣламъ или ради богомолья. Тибетцы охотники лечиться, не чуждаются европейскаго медива и великіе охотники также прививать себѣ оспу; есть между ними любители, готовые подвергаться этой операціи ежедневно, или по крайней мѣрѣ чрезъ день. На грязное тѣло и грязный нарядъ тибетецъ, посостоятельнѣе, любить вывѣшивать ожерелья, четки изъ драгоценныхъ камней. Особенно много видно на нихъ бирюзы. Горкинецъ, ариецъ по языку и происхожденію, часто имѣетъ монгольскій типъ лица; онъ завоеватель здѣсь, и главнымъ образомъ солдатъ; въ рукахъ горкинецъ все управленіе страны; ими занимаются высшіе посты; между солдатами нѣтъ неварцевъ, хотя и есть другіе народы, напр., гуруны и магьяры. Чистокровный горкинецъ красивъ и мужественъ на видъ; онъ имѣетъ свѣтлый, почти европейскій цвѣтъ лица, невысокъ ростомъ, но строенъ и ловокъ. Всѣ они брахманисты, но не особенно религіозны и не особенно учены, по-своему. Неварцы, владѣвшіе Непаломъ до послѣдняго горкинскаго завоеванія, въ настоящее время не у дѣлъ; нева-

рець не бываетъ ни солдатомъ, ни чиновникомъ; горкинцы презирають ихъ частью какъ слабѣйшую расу, частью потому, что большинство неварцевъ буддисты, хотя буддизмъ здѣсь совершенно отличенъ отъ буддизма другихъ странъ и очень многое заимствовалъ отъ брахманизма. Въ Непалѣ нѣтъ безбрачнаго духовенства, нѣтъ монастырей и нищенствующихъ монаховъ; есть наслѣдственное званіе банра; этимъ именемъ обозначается буддійское духовенство; банра хотя и лицо духовное, но въ то же время занимается какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ; банра бываетъ плотникомъ, столяромъ, золотыхъ дѣлъ мастеромъ; рѣдко между ними встрѣчаются люди свѣдующіе, и горкинцы увѣряютъ, что всѣ банра великіе мошенники.

Катманду виднѣется издали; какъ минуешь Киртипуръ, такъ въ глаза бросится громадная бѣлая колонна. Этотъ столбъ (250 ф.) былъ воздвигнутъ однимъ изъ прежнихъ первыхъ министровъ Непала, Бимсеномъ. Бимсенъ воздвигъ его самъ себѣ, желая увѣковѣчить память о себѣ. Столбъ стоитъ на площади, гдѣ ежедневно бываетъ разводъ и ученье непальскихъ войскъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ столба стоитъ довольно просторный павильонъ, съ плоскою крышею; у павильона, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стояла мѣдная статуя теперешняго перваго министра Жанга-Баходура. Побывавъ въ Европѣ и насмотрѣвшись тамъ на монументы великимъ монархамъ и полководцамъ, Жангъ-Баходуръ вздумалъ оказать себѣ такой же почетъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ статую убрали съ виднаго мѣста; говорятъ, Жангъ-Баходуръ приказалъ убрать свое слабое подобіе, опасаясь, что, по его смерти, будущій правитель Непала обойдется непочтительно со статуей. Чѣмъ ближе подвигаешься къ городу, тѣмъ болѣе и болѣе выступаетъ золотыхъ мавушекъ храмовъ. Ихъ въ городѣ множество: буддійскихъ, брахманическихъ и смѣшаннаго характера, одинаково священныхъ для буддиста и брахманиста, куда и тотъ, и другой ходятъ молиться и совершать приношенія. Передъ каждымъ храмомъ или бассейномъ, или колодезь. Большихъ домовъ въ городѣ немного, и всѣ таковыя новой постройки, не оригинальны и некрасивы. Вообще, Катманду болѣе оригинальный, нежели красивый городъ. Улицы узки, плохо вымощены кирпичами и грязны. Дома въ два и три этажа, но не велики; нѣкоторые, болѣе старой постройки, очень красивы. Китайская крыша и обиліе рѣзьбы по дереву на окнахъ, нижнихъ столбахъ портика и верхнихъ столбикахъ, поддерживающихъ крышу, придаютъ непальскимъ постройкамъ очень оригинальный

характеръ. Въ окнахъ стекло нѣтъ; ихъ видишь только въ немногихъ домахъ мѣстныхъ тузовъ; въ большей же части домовъ стекла замѣняются ставнями съ сквозною рѣзбой. Эта рѣзба, также какъ украшенія на столбахъ, очень красива. Фигуры звѣрей, птицъ, людей вырѣзаны необыкновенно отчетливо; въ нѣкоторыхъ домахъ въ каждомъ окнѣ стоитъ рѣзной павлинъ съ распущеннымъ хвостомъ. Не всегда однакоже сюжетъ изображений отличается достаточною скромностію: часто видишь такія группы, выставлятъ которыя на столбахъ или окнахъ, во всякомъ другомъ городѣ, считалось бы оскорбленіемъ общественной нравственности; но здѣсь артистъ свободно и безнаказанно вырѣзываетъ такого рода изображенія и лѣпитъ ихъ крутомъ домовъ и храмовъ. Наружныя стѣны домовъ покрываются, кромѣ того, картинами, изображеніями боговъ, текстами изъ священныхъ книгъ, или разными символическими знаками; между послѣдними есть одинъ знакъ (viçvaçajga), совершенно подобный византійскому кресту; этотъ же знакъ вырѣзывается на извѣстныхъ молитвенныхъ машинкахъ, употребляемыхъ буддистами въ Тибетѣ. Храмы выстроены также въ томъ же стилѣ китайской архитектуры; нѣкоторые, изъ болѣе старыхъ, совершенно подобны индусскимъ; передъ болѣе значительными храмами находятся базарныя площади. Базарная площадь—самая любопытная часть города; ихъ нѣсколько въ Катманду; наиболѣе значительныя находятся передъ царскимъ дворцомъ и передъ храмомъ Матевендранатъ. Во всякое время дня на этихъ площадяхъ фланируетъ, торгуется густая разноплеменная толпа. Но особенно любопытны площади утромъ. Городская жизнь начинается здѣсь рано; въ пять часовъ городъ проснулся; чучки мужчинъ и женщинъ видны у бассейновъ, колодцевъ, на площадяхъ; кто моется, переговариваясь съ сосѣдомъ или сосѣдкой, кто наскоро ополоснуть руки, идетъ въ храмъ молиться. Площадь въ этотъ часъ переполнена корзинами цвѣтовъ; всякій богомолецъ передъ тѣмъ, какъ идти въ храмъ, покупаетъ себѣ букетъ. Масса разнородныхъ цвѣтовъ придаетъ площади очень красивый видъ и благоуханіе отъ нихъ бываетъ такъ сильно, что запахъ тутъ же продающагося лука совершенно заглушается. До лука всѣ непальцы большіе охотники. Рѣдко гдѣ можно видѣть такъ много луку въ продажѣ, и врядъ ли гдѣ еще такъ часто попадаются прохожіе, лакомящіеся сырымъ лукомъ. Тутъ же, на площади, выставляется сырое мясо. Конечно, говядина здѣсь не продается, въ Непалѣ ея нельзя достать ни за какія деньги: воровъ, какъ священныхъ существъ, непальцы не

бьютъ. Убить корову считается здѣсь важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Коровъ здѣсь множество; обыкновенно, въ тотъ годъ, когда ихъ наплодится слишкомъ много, даже для таковой благочестивой страны, какъ Непаль, Жангъ-Баходуръ приказываетъ выгнать часть коровъ за предѣлы Непала, въ британскія владѣнія, гдѣ ихъ, конечно, англичане перебьютъ и поѣдятъ: Жангъ-Баходуръ прекрасно знаетъ это, но для него важно уже то, что скандалъ произошелъ, хотя по его винѣ, да не въ Непалѣ. Туземцы, даже буддисты, бьютъ и ѣдятъ буйволовъ, свиней, овецъ, козь, куръ. Мясо разрубается съ вожею и шерстью, и въ такомъ видѣ продается. Постоянныхъ лавокъ немного на площади, гораздо болѣе подвижныхъ; обыкновенно, купецъ приноситъ свой товаръ на площадь и не стѣсняется выборомъ мѣста. Часто видишь мясную лавочку у входа часовни или храма. Тутъ же, рядомъ съ торгашемъ, какой-нибудь благочестивый человѣкъ, расположившись на землѣ, совершаетъ утреннія моленія. Богомолецъ является въ храму, омывъ руки у ближайшаго колодца, съ приношеніями, молитвенникомъ и другими снарядами. На немъ четки, оканчивающіяся четырьмя бусами, расположенными крестообразно. Обойдя трижды вокругъ храма, онъ садится на землю и привадываетъ пять пальцевъ правой руки ко лбу, груди, лѣвому и правому плечу; затѣмъ, позвонивъ въ колоколь, какъ-бы призывая вниманіе божества, онъ разставляетъ вокругъ себя приношенія, назначаемыя божеству: цвѣты, яйца, какія-то печенья, чапечку съ водою, и начинаетъ читать какой-нибудь гимнь. Такихъ гимновъ множество въ обращеніи между буддистами. Всѣ они на санскритскомъ языкѣ, и хотя усердно читаются, но рѣдко понимаются народомъ. Обыкновенно богомолецъ бормочетъ гимнь, слѣпо вѣря въ какую-то таинственную силу произносимыхъ словъ. Вотъ начало одного изъ гимновъ къ покровителю страны, богу Авалокитесвора. Гимнь этотъ особенно любимъ богомольцами и всего чаще читается ими:

1. И небо, и люди у ногъ твоихъ. О ты, не рождающійся, не старѣющійся и не умирающій. Владыка міра; меня, беззащитнаго, охраня. Ты, любвеобильный, будь ко мнѣ сострадательнъ.

2. Поддержи меня, въ житейское море потонувшаго, океаномъ скорби разбитаго.

Спаси меня, плачущаго, ты, многострадающій. Молюсь тебѣ, о Господи!

3. Ослѣпи мои глаза отъ тьмы желаній и трясется тѣло отъ великаго страха смерти.

4. Жену ближняго я соблазнялъ и въ невѣдѣніи вредилъ тысячѣ существъ.

Нынѣ, о Господи, убей во мнѣ тѣлесный грѣхъ.

5. Владыка міра, уничтожь во мнѣ ту ложь, мірскую, невѣчную, что говорила ради жизни и почета.

Долго терзался я муками ада!

6. Я плачу, о Господи! вырви изъ моего ума грѣховные помыслы, мнѣ ли пріятные, другому ли полезные, но ближнему вредные.

7. Не ты ли мнѣ вѣщаль: все сущее, вѣчно мучащееся, и въ небѣ, и человѣка, и звѣря, и адъ, я охраняю!

8. Взгляни же на мое дряхлое тѣло и будь ко мнѣ сострадательнъ.

Внемли, о Господи! къ тебѣ взываю: да не буду я въ аду.

9. За малость ты творишь добро. Спаси же меня, Господи! Не видимо ли ты рождать безгрѣшность, въ твоей сострадательности, постоянно ожидая чистоту.

10. Однимъ памятованіемъ ты бываешь доволенъ, и отвергаешь ли ты видимо грѣшнаго?

О Господи, податель благъ, не отвергни меня, и нынѣ охрани меня и т. д.

Около читающаго молитвы или совершающаго приношенія обыкновенно собирается кучка праздныхъ зрителей. Они не молятся, а только смотрять, громко разговаривая другъ съ другомъ о предметахъ житейскихъ.

Катманду, увѣряютъ, существуетъ болѣе тысячи лѣтъ; другіе города долины, напр., Лалита-патана, Батгаонъ, еще древнѣе, по преданію. Но ни древнихъ зданій, ни древнихъ храмовъ, ни древнихъ надписей я не видалъ въ долинѣ. Надписей здѣсь много, у храмовъ, по дорогамъ, у постоялыхъ дворовъ; надписи бываютъ на разныхъ языкахъ: по-санскритски, на неварскомъ и даже на тибетскомъ языкѣ, — такъ какъ многія свята мѣста усердно, почти исключительно, посѣщаются тибетцами. Города долины наружно похожи одинъ на другой; кто видѣлъ Катманду, видѣлъ и другіе: тотъ же китайскій стиль архитектуры, тѣ же узенькія, грязныя улицы, широкія площади передъ двумя-тремя храмами. Батгаонъ какъ будто древнѣе прочихъ городовъ долины; въ немъ такіе же дома, съ китайскими крышами, какъ и въ прочихъ городахъ, но они на видъ кажутся болѣе древними и рѣзныхъ украшеній кругомъ оконъ и по столбамъ какъ-будто больше здѣсь. Въ каждомъ городѣ есть, кромѣ того, своя мѣстная свя-

тыня, храмъ или часовня, привлекающая паломниковъ изъ разныхъ странъ.

Въ половинѣ марта, въ Катманду, какъ и во всей Индіи, празднуется новый годъ; здѣсь празднество продолжается нѣсколько дней. Всѣ классы населенія принимаютъ участіе въ однородныхъ потѣхахъ. По-утрамъ, прохожіе бросаютъ другъ на друга какой-то красный порошокъ. Въ продолженіи недѣли послѣ праздника, на улицахъ встрѣчаются люди въ бѣлыхъ костюмахъ съ красными пятнами: то слѣды прошлой праздничной забавы. По вечерамъ, люди состоятельные устраиваютъ въ своихъ домахъ тамашы, т.-е. національные балеты и драматическія представленія. Балетъ въ Непалѣ не процвѣтаетъ; мѣстные танцовщицы не искусны и некрасивы; привозныя изъ Кашмира обходятся слишкомъ дорого. Самая плохая кашмирская плясунья требуетъ за недѣлю представленія около тысячи рупи, или пятьсотъ рублей на наши деньги. Правда, трудовъ ей предстоитъ много въ недѣлю. Балетъ начинается рано и продолжается до поздней ночи; и все это время плясать, пѣть—и такъ ежедневно, въ продолженіи недѣли,—не легко. Драматическія представленія обыкновенно отличаются самымъ грубымъ цинизмомъ, и чѣмъ циничнѣе актеръ въ своихъ выходкахъ, тѣмъ вѣроятнѣе и полнѣе бываетъ его успѣхъ. Во дворцѣ, обыкновенно, въ одинъ изъ дней праздника, счастливый по опредѣленію дворцоваго астролога, устраивается большой выходъ или дурбаръ. О дурбарѣ дается знать англійскому резиденту за нѣсколько дней, и въ назначенный день въ резиденцію присылается дворцовая коляска съ однимъ изъ военныхъ чиновъ, какимъ-нибудь генераломъ или полковникомъ. Резиденція (т.-е. домъ резидента, домъ врача, лечебница и нѣсколько другихъ построекъ) находится внѣ города, въ сѣверу, въ разстояніи одной мили, и дорога во дворецъ пролегаетъ чрезъ весь почти городъ. На всѣхъ улицахъ въ такой торжественный день массы зрителей; народъ и солдаты переполняютъ улицы; изъ всѣхъ оконъ торчатъ по нѣскольку головъ, и на всѣхъ стѣнахъ, портивахъ, крышахъ есть зрители. На дворцовомъ дворѣ выстраиваются шпалерами солдаты. Какъ только коляска вѣдетъ во дворъ, тотчасъ раздаются оглушительные звуки плохого европейскаго оркестра вмѣстѣ съ безобразнымъ національнымъ пѣніемъ. У подъѣзда резидента встрѣчаютъ высшіе чины: главнокомандующій со свитою. По узенькой, темной, крутой лѣстницѣ чины ведутъ резидента и его свиту въ залу дурбара. Зала дурбара—длинная, просторная комната, убранная по-

европейски; въ противоположномъ отъ выхода концѣ стоитъ тронъ, отъ котораго идутъ два ряда кресель, занимаемыхъ исключительно военными; непальцы, несостоящіе на военной службѣ, не допускаются въ дурбаръ. Его непальское величество Сурендра Викрама-соръ встрѣтилъ резидента стоя. Сдѣлавъ селамъ, его величество пожалъ руку резиденту и свитѣ послѣдняго. Несчастнѣйшій непальскій монархъ имѣетъ совершенно европейскій типъ лица; его продолговатое блѣдное лицо было бы даже красиво, еслибъ не имѣло такого полоумнаго выраженія; въ день дурбара царь былъ въ сильномъ волненіи; онъ говорилъ быстро, заикаясь, припрыгивалъ на тронѣ. Его величество жаловался, что его не пустили въ Калькутту, хотя онъ и желалъ побывать тамъ. «G.-сахибъ (т.-е. г-нъ G.) уѣхалъ съ махаражей (т.-е. первымъ министромъ), не простившись со мною!» говорилъ немощное величіе. Аудіенція продолжалась очень недолго, къ великой, вѣроятно, радости окружающихъ его величество, ибо неизвѣстно до чего могъ договориться непальскій царь, находясь въ такомъ волненіи и почти что въ состояніи невмѣняемости. При прощаніи его величество, покротивъ какихъ-то духовъ въ платки резидента и его свиты, одѣлалъ всѣхъ бетелемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого дурбара, громъ пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстилъ намъ отъѣздъ въ Катманду настоящаго владыки, махаражи, сэра Жанга - Баходура. Вскорѣ по пріѣздѣ, сэръ Жангъ назначилъ дурбаръ у себя, во дворцѣ Топпоталѣ. Первый министръ Непала и полномочный владыка страны, лицо замѣчательно умное и въ то же время историческое. Ему теперь около шестидесяти лѣтъ; политическая карьера министра началась въ сороковыхъ годахъ. Сынъ незначительнаго офицера онъ началъ военную службу подъ покровительствомъ дяди Мартабана-Синха, бывшаго въ то время первымъ министромъ; но весьма скоро дядя сталъ завидовать и побаиваться ловкаго племянника. Умный, ловкій, любящеецъ солдатъ, Жангъ могъ дѣйствительно внушать опасенія непопулярному дядѣ. Племянникъ, свѣдущій въ военномъ дѣлѣ и еще болѣе искусный въ придворныхъ интригахъ, легко могъ попытаться свергнуть дядю и занять мѣсто благодѣтеля. Къ тому же, одна изъ царицъ, наиболѣе умная и вліятельная при дворѣ, благоволила къ Жангъ-Баходуру; не любя Мартабана и въ тайнѣ питая властолюбивые замыслы, царица задумала отдѣлаться отъ перваго министра. Нелюбимый при дворѣ, непопулярный между народомъ, Мартабанъ-Синхъ ясно сознавалъ невыгоды своего положенія и, имѣя смутныя извѣстія о какихъ-то ковахъ, видѣлъ,

что всѣ шансы на сторонѣ его молодого противника; остается неизвѣстнымъ, подозрѣвалъ ли онъ, что развязка потаенной борьбы наступитъ скоро. 18-го мая, въ 1845 году, Мартабанъ-Синхъ получилъ приглашеніе явиться во дворецъ. Приглашеніе было на аудіенцію къ царю, и Мартабанъ явился во дворецъ; едва онъ переступилъ за порогъ залы совѣта, какъ откуда-то сверху, съ хоръ, раздался выстрѣлъ, и несчастный палъ замертво. Его враги были милостивы къ нему по смерти; мертвое тѣло было брошено въ священную рѣку Вагматы, протекающую не вдали отъ теперешняго дворца Жангъ-Баходура. Нѣкоторое время и британское правительство и народъ подозрѣвали царя въ совершеніи гнуснаго убійства; но вскорѣ обнаружилось, кто именно повиненъ въ этомъ дѣлѣ. Молва указывала на Жангъ-Баходура и на царицу. Начиная съ этихъ поръ, Жангъ принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи, хотя двери государственнаго совѣта были для него еще закрыты и званіе перваго министра получилъ не онъ, а другъ царицы Гупанъ-Синхъ. Положеніе дѣлъ было переходное, и такимъ оно сознавалось всѣми заинтересованными. Царица, царь, первый министръ подозрѣвали Жангъ-Баходура въ новыхъ интригахъ и дальнѣйшихъ замыслахъ, и съ своей стороны ничего не предпринимали; а онъ, какъ человѣкъ рѣшительный и твердый, между тѣмъ дѣйствовалъ и готовилъ себѣ путь если и не къ престолу, то къ фактическому полновлостию. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ катастрофы, однажды ночью, въ домъ англійскаго резидента явился самъ непальскій царь; въ страхѣ, онъ объявилъ изумленному резиденту, что не ручается ни за спокойствіе страны, ни за свою жизнь; готовится переворотъ. Резидентъ принялъ это къ свѣдѣнію; связанный трактатами и не имѣя въ своемъ распоряженіи военной силы, онъ не могъ ничѣмъ помочь царю, совершенно упавшему духомъ. Опасенія царя оправдались очень скоро. Черезъ нѣсколько дней произошелъ *coup d'état*, или, говоря проще, въ залу совѣта явился съ вооруженною силою Жангъ-Баходуръ, убилъ перваго министра и перерѣзалъ до тридцати членовъ совѣта. Ставъ фактически послѣ того полновластнымъ господиномъ Непала, онъ беспощадно уничтожалъ все ненавистное и подозрительное ему. Рѣзня продолжала производиться съ изумительнымъ и варварскимъ хладнокровіемъ. Царь, царица бѣжали въ Бенаресъ. Ихъ малолѣтній сынъ (познѣе царствующій) былъ объявленъ царемъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ того продолжались попытки свергнуть или отравить Жангъ-Баходура; но онъ оставался цѣлъ и невредимъ и, конечно, не былъ мягко-

сердеченъ къ своимъ врагамъ. Жангъ-Баходуръ, милостью ея британскаго величества возведенный въ баронеты, никогда не задумывался совершить убійство. Болѣе счастливые изъ его враговъ спаслись бѣгствомъ. Говорятъ, понынѣ бродить по святымъ мѣстамъ Индіи царскій братъ. Онъ пытался когда-то отравить Жангъ-Баходура; попытка не удалась — и царскій братъ бѣжалъ изъ Непала и сдѣлался факиромъ. Шепотомъ передають другъ другу непальцы, побывавшіе у святыхъ мѣстъ въ Индіи, о томъ, что видѣли принца-факира тамъ-то или тамъ-то. И онъ долженъ былъ смириться передъ силою непальскаго правителя; нагъ и нищъ, питаясь подаяніями, онъ бродить отъ одного святаго мѣста къ другому, проводя ночи на голомъ каменномъ полу какаго-нибудь храма. Неопасныхъ членовъ противной партіи Жангъ-Баходуръ оставилъ въ покоѣ; многіе изъ нихъ живутъ въ самой столицѣ; они при-смирѣли и противъ правителя никто не смѣетъ поднять голоса. Конечно, по смерти Жанга остатки противной ему партіи не упустятъ случая попытаться снова свое счастье; въ настоящее время все управленіе страны въ рукахъ многочисленныхъ членовъ его семьи: его братьевъ, сыновей, племянниковъ. Они самыя богатые люди здѣсь; лучшіе дома, лошади, экипажи принадлежать имъ. Англичане увѣряютъ, что непальцы довольны своимъ правителемъ. Но англичане въ настоящее время оставили въ Индіи политику присоединенія и о Непалѣ не думаютъ. Народъ въ Непалѣ поетъ, пьетъ водку, богомольствуетъ и дѣйствительно кажется довольнымъ. Жангъ построилъ мосты, провелъ кое-гдѣ дороги, не отягощая народъ налогами, усилилъ армию, ладитъ съ англичанами, а потому, можетъ быть, непальцы и довольны своимъ настоящимъ положеніемъ. Къ тому же неварцы такой добродушный и невѣжественный народъ.

Дворецъ правителя находится къ ю.-в. отъ города, на берегу рѣки Вагмати, напротивъ храма Пасупати; онъ окруженъ садомъ и занимаетъ громадное пространство; кромѣ главнаго зданія, въ оградѣ много другихъ домовъ поменьше. Здѣсь живетъ Жангъ-Баходуръ и нѣкоторые изъ его сыновей. Живетъ онъ по-азиатски; сидитъ запросто на коврѣ, поджавъ ноги; изъ комнаты въ комнату переносится на спинѣ слуги и никто не знаетъ, въ какой комнатѣ онъ спитъ, гдѣ и что ѣсть. Когда, въ день дурбара, коляска съ резидентомъ и его свитой подъѣхала при звукахъ оркестра ко дворцу, Жангъ-Баходуръ, окруженный многочисленными сыновьями и родственниками, стоялъ на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ съ восточною роскошью; все блестяло и сіяло на немъ: газетовый

кафтавъ, головной уборъ, усыпанный различными драгоценными камнями. Его свита, т.-е. братья и сыновья, были въ европейских костюмахъ; кругомъ него были моряки, и гусары, и многіе другіе полки видѣлись на заднемъ планѣ. Флота нѣтъ въ Непалѣ, и нѣтъ такъ же гусаровъ; но сыновья Жангъ-Баходура очень любятъ военные наряды; шьютъ и покупаютъ мундиры всевозможныхъ полковъ, и носить ихъ не воспрещается въ Непалѣ; такъ, въ день большого выхода начальникъ артиллеріи щеголялъ въ гусарскомъ мундирѣ. На видъ Жангу-Баходуру, при его крапчатыхъ волосахъ, нельзя дать и пятидесяти лѣтъ. Онъ очень бодръ, хотя недавно былъ серьезно боленъ, послѣ паденія съ лошади; типъ лица его монгольскій; ничего звѣрскаго не замѣтно ни въ глазахъ, ни въ выраженіи лица; онъ кажется добродушнымъ человѣкомъ, говорить тихо и мягко, очень любезенъ. Смотря на его вкрадчивое обращеніе съ европейцами, никому въ голову не придетъ, что у этого старика такое кровавое прошлое. Для своихъ многочисленныхъ сыновей сэръ Жангъ-Баходуръ нанимаетъ гувернера, англичанина. Многіе изъ нихъ говорятъ по-англійски, и очень любятъ щеголять знаніемъ англійскаго языка; всѣ они безъ всякаго образованія, хотя и не безъ нѣкотораго европейскаго лоска. У каждаго изъ сыновей есть свое довольно значительное состояніе; но отецъ держитъ ихъ въ ежовыхъ рукахъ и не даетъ воли тратить; такъ-какъ каждый изъ нихъ занимаетъ высокій постъ въ арміи, то, кромѣ того, сынки получаютъ значительное содержаніе изъ казны. Мальчики лѣтъ пятнадцати, сыновья Жанга-Баходура или его племянники, часто имѣютъ чинъ полковника. Одинъ изъ его сыновей, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, уже генералъ и начальникъ артиллеріи. Молодой генералъ очень добродушный человѣкъ, хотя и съ нѣкоторою придурью; говорить по-англійски, бывалъ въ Калькуттѣ и Бомбеѣ и считаетъ себя европейски образованнымъ. Калькутта для jeunesse dorée Непала то же, что Парижъ для разгульной молодежи у насъ, въ Европѣ. Въ Калькутту они вырываются на полную свободу; не страшась бдительнаго надзора отцовъ, здѣсь они упиваются шампанскимъ, вкушаютъ бифштексы; въ Калькуттѣ, вдали отъ женъ, отъ отцовъ, не опасаясь потерять касту, они безъ разбора и безъ мѣры предаются тѣмъ удовольствіямъ, коими изобилуютъ всѣ большіе города вообще, и восточные въ особенности. Женятся въ Непалѣ очень рано; въ шестнадцать лѣтъ юноша бываетъ главою семьи и отцомъ. Рѣдкій состоятельный человѣкъ удовлетворяется двумя-тремя женами; число женъ, ра-

бынь и случайныхъ наложницъ иногда, какъ напр. у сэра Жанга-Баходура, достигаетъ чудовищной цифры. А сэру Баходуру около шестидесяти лѣтъ. Женъ и дочерей непальцы не прячутъ; на дурбарѣ онѣ не бывають, но часто показываются на улицахъ. Самъ Жангъ-Баходуръ выѣзжаетъ иногда въ публичныя мѣста съ двумя-тремя женами. Конечно, непальскія дамы далеко не пользуются тою свободою, какую имѣють европейскія. Эту свободу непальцы, побывавшіе въ британской Индіи и видѣвшіе тамъ англійскихъ дамъ, совершенно не понимаютъ. Объ европейскихъ женщинахъ, публично танцующихъ на балахъ, разговаривающихъ съ посторонними имъ мужчинами, непальскіе принцы вывели самыя безобразныя представленія. Поумнѣе изъ нихъ подозрѣваютъ какую-то разницу между европейскою дамою, танцующею на балѣ, и кашмирской плясуньею, нанимаемою въ праздничные дни для мѣстнаго балета. Но рассказываютъ, что даже Жангъ-Баходуръ въ первую бытность въ Парижѣ, при всемъ его умѣ, сдѣлалъ разъ грубѣйшій, совершенно не позволительный и неизвинительный промахъ. Восточный властелинъ воображалъ, что его золото всемогуще.

Зала дурбара во дворцѣ перваго министра очень красива и гораздо лучше и великолѣпнѣе убрана, нежели большая зала въ царскомъ дворцѣ; но лѣстница такъ же темна, узка и крута, какъ и тамъ. Дурбаръ продолжался довольно долго. Жангъ-Баходуръ былъ разговорчивъ и любезенъ; въ заключеніи дурбара онъ показалъ присутствующимъ отрядъ стрѣлковъ. Солдаты въ Непалѣ носятъ мундиры, подобные англійскимъ, и всѣ слова команды англійскія. Говорятъ, армія Непала немногочисленна, не болѣе двадцати тысячъ человекъ, но во всякое время дня по улицамъ встрѣчается очень много войска, а потому весьма вѣроятно, что на самомъ дѣлѣ непальская армія гораздо многочисленнѣе. На видъ солдаты не воинственны: они малы ростомъ, грязноваты и врядъ ли хорошо дисциплинированы. Конечно, въ случаѣ нападенія изъ равнинъ, въ горахъ и эта разнокалиберная армія трудно побѣдима. Баходуръ сильно заботится о вооруженіи своей арміи. Англичане, живущіе у непальскихъ границъ, увѣряють, что подъ видомъ разныхъ машинъ цѣлые транспорты усовершенствованныхъ ружей провозятся въ Непаль.

Непаль, какъ государство независимое и въ то же время полузакрытое для европейцевъ, очень мало подвергся вліянію западной цивилизаціи. Путешественниковъ здѣсь бывало очень мало; англійская колонія въ Катманду и теперь, и прежде, съ начала

настоящаго столѣтія всегда бывала малочисленна, никогда здѣсь не бывало болѣе трехъ европейцевъ, постоянныхъ жителей: резидентъ, его помощникъ и врачъ, и эти три человѣка живутъ въ городѣ, не имѣютъ непосредственныхъ сношеній съ туземцами и даже гулять выходятъ подъ прикрытіемъ непальскаго полицейскаго. Къ резиденту приставленъ непалецъ адъютантъ, чрезъ посредство котораго происходятъ всѣ сношенія съ правительствомъ и туземцами; каждый туземецъ, желающій видѣть резидента или кого бы то ни было въ резиденціи, долженъ предварительно испросить у правительства разрѣшеніе на то. Каждый шагъ европейца, находящагося подъ постояннымъ присмотромъ полиціи, замѣчается; каждый вопросъ европейца возбуждаетъ какъ-будто подозрительность, и почти на каждый вопросъ онъ получаетъ одинъ отвѣтъ: «не знаю». Въ Катманду есть даже живая иллюстрація правительственной подозрительности. Главный конюхъ правителя безъ руки; лѣтъ двадцать тому назадъ его заподозрили, какъ англійскаго шпіона, и, не разобравъ хорошенько дѣла, бѣдняку отрубили руки; впоследствии подозрѣніе оказалось вполне неосновательнымъ; Жангъ-Баходуръ взялъ его въ себѣ въ наѣзники и положилъ ему хорошее жалованье. Однажды мнѣ представилась необходимость побывать у одного мѣстнаго ученаго; Баходура не было въ городѣ, и его братъ, исправлявшій должность правителя на то время, не разрѣшилъ мнѣ посѣтить моего знакомаго; онъ прислалъ мнѣ сказать чрезъ адъютанта резидента, что мой знакомый будетъ бывать у меня каждый день, а потому мнѣ незачѣмъ беспокоиться и ходить къ нему. Но справедливость заставляетъ меня тутъ же прибавить, что если я вывезъ кое-что любопытное отсюда, то это благодаря содѣйствію непальскихъ властей; англичане при всемъ желаніи не могутъ оказать здѣсь существенной помощи. Едва ли есть еще другая страна, гдѣ ихъ такъ мало любятъ и такъ сильно боятся. А между тѣмъ немного странъ въ Индіи, представляющихъ такое богатое поле для этнографическихъ изслѣдованій, начиная съ языковъ различныхъ народовъ Непала и кончая народными суевѣріями, сохранившимися здѣсь въ первоначальной неприкосновенности; въ этой горной странѣ, между арійскою Индіею и тибетскими племенами, къ сѣверу, все оригинально и любопытно. Здѣсь и вдовы еще имѣютъ полное право сожигаться, хотя Баходуръ и не поощряетъ такое самоотверженіе. Въ Катманду и богатый, и бѣдный вѣрятъ, что если искупаешься въ такомъ-то мѣстѣ, у таковаго храма, то получишь то-то, а купанье въ другомъ мѣстѣ, у

другого храма, доставляетъ другое житейское благо. Здѣсь еще гвозди въ стѣнахъ и столбахъ извѣстныхъ храмовъ цѣлятъ отъ зубной боли, и старый и малый ходять тереть больные зубы объ эти гвозди; въ Катманду и духи, обитающіе на перекресткахъ, до сихъ поръ врачуютъ. Заболѣеть ли кто въ домѣ, на перекрестокъ выносятся тарелочка съ рисомъ, цвѣтами, зажженною свѣчкою и бумажными флагами. И съ этого начинается врачеваніе и въ домѣ столяра, и въ семьѣ генерала, съ тою разницею однако же, что генераль въ случаѣ, если эта попытка вылечиться не удалась, на другой день посылаетъ за англійскимъ врачомъ, въ резиденцію:

Непальцы народъ добродушный и веселый; они подозрительны по внушенію свыше, охотники повеселиться и всѣ, съ малымъ исключеніемъ, непрочь выпить; высшіе классы, сынки генераловъ, особенно падки на шампанское и коньякъ. Случается, что гувернеръ непальскаго баронета занимается не столько обученіемъ своихъ питомцевъ, сколько доставленіемъ имъ запретнаго плода, т.-е. коньяку. Въ Катманду называютъ одного изъ бывшихъ гувернеровъ, который обогатился корчемствомъ. На улицахъ Катманду и въ праздникъ, и въ будни попадаются пьяные и люди на-веселѣ. Всякое паломничество къ святымъ мѣстамъ оканчивается обыкновенно шумною пирушкою тутъ же, у святыни. На одной изъ такихъ пирушекъ мнѣ пришлось присутствовать, наканунѣ отъѣзда изъ Катманду. Къ западу отъ города, въ разстояніи двухъ миль, возвышается холмъ Самбунатъ (250 ф. надъ уровнемъ долины). На вершинѣ стоитъ знаменитый и древнѣйшій храмъ долины. Около четырехъ-сотъ ступеней, по вкрутому склону холма, ведутъ къ нему; по сторонамъ, во всю дорогу видѣются часовни, храмы, ступы. Не доходя до вершины, на половинѣ дороги у одной изъ часовень, на довольно просторномъ уступѣ холма, я нашель десятка два мужчинъ и столько же женщинъ; расположившись на травкѣ рядомъ, и мужчины, и женщины попивали мѣстную водку; всѣ они были въ праздничныхъ одѣяніяхъ, съ цвѣтами на головахъ, и необыкновенно чисты для непальцевъ. Пивнигъ былъ въ полномъ разгарѣ; они смѣялись, кричали и всѣ были видимо сильно на-веселѣ. Какой-то старикъ, почтенный на видъ и не совсѣмъ твердый на ногахъ, съ бутылкою въ рукахъ, угощая, обходилъ пирующихъ. Вдругъ они запѣли всѣ разомъ, крикливо и несогласно, при оглушительныхъ звукахъ барабановъ и мѣстныхъ тарелочекъ. Они пѣли пѣсню, не совсѣмъ приличную для мѣста, гдѣ находились; пѣли нехорошо, кто въ лѣсъ, кто по-дрова; но слова

пѣсни не лишены были смысла и поэтической прелести. Они пѣли:

1. Не вичись, красавица! Вѣдь люди знаютъ, какъ мы жили съ тобою. Безъ меня тебѣ не наслаждаться.

2. Молодость — свѣжій ростокъ; молодость — мгновение для наслажденія! Теперь ли намъ съ тобою разставаться?

3. Дни уходятъ, дни исчезаютъ. И затѣмъ, на что же молодость?

4. То слово было сказано въ минуту гнѣва. Забудь мою страсть!

5. Станемъ жить, станемъ вмѣстѣ наслаждаться. Безъ тебя не дышать мнѣ.

Непальцы очень пѣвучій народъ, хотя пѣніе ихъ и не мелодично и множество пѣсенъ занесено сюда изъ Индіи, Факираи. Попадаютъ, впрочемъ, оригинальныя, съ мѣстнымъ отгѣнкомъ, и даже переводныя съ тибетскаго.

И. МИНАЕВЪ.

Бенаресъ, 10-го мая.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

Г Е Р М А Н И И

JÜRGEN BONA MEYER: Deutsche Universitäts-Entwicklung. 1875.

LOTHAR MEYER: Die Zukunft der deutschen Hochschulen und ihrer Vorbildungs-Anstalten. 1873.

—————: Akademie oder Universität? 1874.

SYBEL: Die Universitäten und die Gymnasien. 1874.

Можетъ быть, кому-нибудь покажется страннымъ самое заглавіе нашей статьи: возможно ли, чтобы въ Германіи ея университеты, занимающіе столь высокое положеніе въ ряду всѣхъ подобныхъ учреждений западной Европы, представляли въ настоящую минуту какой-нибудь вопросъ? Но приведенныя нами подъ заглавіемъ новѣйшія изслѣдованія лицъ, вполне компетентныхъ, дѣлаютъ несомнѣннымъ существованіе „университетскаго вопроса“ въ Германіи. Въ послѣднее десятилѣтіе этотъ вопросъ служитъ предметомъ самыхъ оживленныхъ преній и раздѣляетъ спорящихъ на два лагеря: обѣ стороны согласны въ необходимости реформы для нѣмецкихъ университетовъ, но отличаются рѣзко другъ отъ друга предлагаемыми мнѣніями съ той и съ другой стороны. Представителями двухъ противоположныхъ мнѣній въ настоящій моментъ можно считать двухъ авторовъ одной и той же фамиліи. Лотаръ Мейеръ, бывшій профессоръ въ одномъ изъ университетовъ, и также въ Лѣсной Академіи и въ Политехникумѣ, приходитъ къ самому крайнему заключе-

нiю, и на поставленный имъ же вопросъ: „Академія или Университетъ?“—т.-е. разбить ли университетъ на различныя академіи, или, наоборотъ, университетъ долженъ поглотить въ себя всѣ спеціальныя высшія заведенія, академіи и т. д.?—рѣшаетъ этотъ вопросъ почти въ пользу перваго положенія — разложенія университетовъ. Юргенъ Бона Мейеръ, профессоръ философіи въ Боннскомъ университетѣ, читающій въ нынѣшнемъ году, сверхъ того, курсъ педагогіи, возстаетъ противъ такого крайняго рѣшенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ соглашается, что университетскій вопросъ въ Германіи имѣетъ для себя, въ наше время, весьма достаточныя основанія.

Сущность самаго вопроса и критическія отношенія къ нему различныхъ сторонъ въ самой Германіи не могутъ не интересовать насъ, особенно въ виду того, что вотъ уже года два, какъ въ нашей литературѣ трактуютъ объ университетскомъ вопросѣ для насъ самихъ¹⁾, и при этомъ постоянно ссылаются на нѣмецкіе университеты, какъ на образцовые, тщательно умалчивая, или по невѣдѣнію, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, о томъ, что въ самой Германіи существуетъ университетскій вопросъ, и многое изъ того, что намъ рекомендуется для подражанія, въ Германіи осуждается не только крайнею стороною, но и такими умѣренными критиками, какъ Бона Мейеръ. Тотъ, кто интересовался разработкою этой тѣмы у насъ, вѣрно помнитъ, что намъ особенно рекомендуютъ, на примѣръ, весьма существенную реформу, на манеръ нѣмецкихъ порядковъ, а именно, введеніе уплаты гонорара профессорамъ. Мѣра—чрезвычайно важная и могущая имѣть свои послѣдствія для будущности университетовъ. Ссылки на нѣмецкіе порядки очень основательны; но напрасно при этомъ наши публицисты не обращаютъ вниманія на современное положеніе вопроса о гонорарѣ въ самой Германіи. Вотъ что говоритъ Бона Мейеръ, и на что слѣдовало бы обратить вниманіе всякому, кто взялся говорить спеціально о нѣмецкихъ университетахъ: „Для осуществленія въ дѣйствительности свободы слушанія лекцій, безъ всякаго ея ограниченія со стороны какихъ-нибудь внѣшнихъ побочныхъ соображеній, было бы еще цѣлесообразнѣе, какъ мнѣ кажется, *отменить уплату гонорара за лекции*. Вмѣсто того, каждый достаточный студентъ долженъ платить за семестръ отъ 20 до 30 талеровъ, т.-е. вносить въ университетскую кассу гонораръ за 4 или 5 обыкновенныхъ частныхъ лекцій, и за это онъ получаетъ право слушать столько лекцій, сколько хочетъ или можетъ. Столь высока

¹⁾ Обзоръ того, что говорилось за это время въ нашей литературѣ по поводу университетскаго вопроса въ Россіи, см. въ статьѣ: „Нашъ аргонавтъ“, помѣщенной въ августовской книжкѣ.—Ред.

цѣнная академическая свобода слушанія лекцій могла бы тогда быть осуществлена по истинѣ и значительно легче, нежели теперь, когда она стѣснена и перспективою экзамена, и скудостью кошелъка¹⁾.

Мы позволили себѣ этотъ эпизодъ въ самомъ началѣ статьи съ цѣлью наглядно показать, какъ слѣдуетъ осторожно обращаться со ссылками на порядки въ нѣмецкихъ университетахъ, и какъ легко при этомъ можно ввести въ заблужденіе нашу общественную мысль и эксплуатировать ее для различныхъ, чисто личныхъ цѣлей, если при этомъ скрыть, какииъ образомъ лучшие умы въ самой Германіи относятся къ тому, что намъ предлагается за образецъ. Въ настоящемъ примѣрѣ оказывается, что въ Германіи стремятся къ тому, что у насъ давно уже осуществлено, а намъ предлагаютъ теперь то, отъ чего въ Германіи желали бы поскорѣе отдѣлаться.

I.

Университетскій вопросъ въ Германіи не новъ; начатки его восходятъ до 1727 г., когда былъ изданъ въ Пруссіи королевскій указъ о введеніи въ университетское преподаваніе сельскаго хозяйства, нарушившій впервые вѣковую программу университетскихъ факультетовъ—богословія, философіи и юриспруденціи. Вторженіе „новыхъ“ наукъ въ университеты не ограничилось, какъ извѣстно, одною агрономіей; требованія новой жизни были такъ настоятельны, что въ нынѣшнемъ столѣтіи могъ образоваться изъ „пришлыхъ“ наукъ, чуждыхъ древнимъ университетскимъ цикламъ, особый камеральный факультетъ, и, кромѣ того, естественный факультетъ болѣе рѣзко выдѣлился изъ философіи. Само собою понятно, въ какой формѣ долженъ былъ возникнуть весьма серьезный университетскій вопросъ подъ вліяніемъ такого хода событій, и какія должны были образоваться партіи относительно способовъ рѣшенія этого вопроса. Вопросъ этотъ вовсе не былъ дѣломъ какого-нибудь мелкаго личнаго честолюбія или страсти передѣлывать все по-своему. Въ Германіи ставила университетскій вопросъ сама жизнь: въ виду умственныхъ

¹⁾ Стр. 91.—Aber zweckmässiger noch zur Herbeiführung einer wirklichen durch keine äusseren Nebenrücksichten gehinderten Hörfreiheit würde mir die Abschaffung der Honorarszahlung für alle Vorträge erscheinen. Statt dessen sollte ein jeder überhaupt zahlungsfähige Student pro Semester eine Summe von etwa 20 bis 30 Thalern, also ein Honorar für etwa 4 bis 5 gewöhnliche Privatvorlesungen in eine Universitätskasse einzahlen müssen, wofür er dann das Recht erhalte, so viel Vorlesungen zu hören, wie er mögte und vermögte. Die viel gepriesene akademische Hörfreiheit wäre dann in Wahrheit wesentlich leichter zu verwirklichen als jetzt, wo Examensrücksicht und Geldbeutelenge zusammen sie behindern.

успѣховъ, которые дѣлало общество помимо университетовъ, нужно было рѣшить, должны ли университеты замкнуться въ своихъ прежнихъ цѣляхъ, или уступить требованіямъ новой жизни, съ тѣмъ чтобы снова стать путеводною звѣздой прогресса, какою были университеты въ древнюю эпоху своего существованія? Мнѣнія по этому вопросу разошлись радикально, и борьба разгорѣлась съ особенною живостью въ 50-хъ годахъ нашего вѣка. Блестящимъ вождемъ партіи, которая стремилась сдѣлать университетъ по прежнему главнымъ центромъ всей умственной жизни, въ ея новыхъ условіяхъ, и положить конецъ его изолированному положенію, былъ Либихъ. Его „Naturwissenschaftliche Briefe“ (1858) вызвали цѣлую бурю со стороны консервативной партіи. Въ юбилейной рѣчи, читанной имъ въ Мюнхенской академіи наукъ, онъ рѣшительно возсталъ противъ отдѣльнаго существованія высшихъ специальныхъ заведеній и требовалъ полнаго сліянія ихъ съ университетомъ. Спѣшимъ при этомъ сдѣлать оговорку, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что споръ шелъ о подчиненіи всѣхъ заведеній одному вѣдомству, и что Либихъ заботился о томъ, чтобы, напр., какую-нибудь Лѣсную или Агрономическую академію перевести изъ министерства государственныхъ имуществъ въ министерство народнаго просвѣщенія. Совѣмъ нѣтъ. Дѣло шло о такомъ видоизмѣненіи коренныхъ университетскихъ программъ, при которомъ университеты сдѣлались бы по прежнему центромъ высшаго развитія всѣхъ современныхъ наукъ, какими они были по-своему въ средніе вѣка; чтобы современный университетъ сдѣлался научнымъ „универсумомъ“, научной вселенной, и съ этою цѣлью расширилъ бы свои горизонты до предѣловъ современнаго человѣческаго знанія ¹⁾. Было время, когда университетъ былъ дѣйствительно „универсумомъ“ человѣческихъ знаній въ горизонтахъ своего времени. Почему онъ не могъ бы быть тѣмъ же при научныхъ горизонтахъ нашего времени?—вотъ вопросъ, самый естественный и потому столь же легкій въ теоріи, сколько затруднительный на практикѣ: дѣло идетъ, какъ мы уже сказали, не о механическомъ сосредоточеніи всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній въ одномъ вѣдомствѣ, но о полной перестройкѣ всѣхъ университетскихъ порядковъ, съ сохраненіемъ однако того, что въ Германіи называютъ

¹⁾ Эта любопытная борьба старыхъ и новыхъ университетскихъ горизонтовъ изложена со всѣми подробностями у д-ра К. Birnbaum: „Die Universitäten und die isolirten landwirthschaftlichen Lehranstalten, historisch-kritische Zusammenstellung aller Urtheile älterer und neuerer kompetenter Fachmänner über landwirthschaftliche Lehranstalten und Bildung des Landwirths, mit Bezug auf die Urtheile J. v. Liebig's. 1862.—Самъ авторъ, при всемъ своемъ безпристрастіи въ историческомъ изложеніи вопроса, видимо склоняется въ пользу идеи Либиха.

„Lehrfreiheit“ и „Hörfreiheit“ (свобода чтенія и свобода слушанія), и совокупность чего составляетъ такъ-называемую „akademische Freiheit“, академическую свободу. Но и этого мало: при такой внутренней реформѣ университетовъ возникло бы еще одно вѣдшее затрудненіе, въ формѣ вопроса, какъ устроить норму среднего учебнаго заведенія, которая соответствовала бы новымъ горизонтамъ университета? Классическая гимназія была въ полной гармоніи съ горизонтомъ старыхъ университетовъ; вышеупомянутое расширение университетской программы, еще въ началѣ прошедшаго вѣка, произвело расколъ въ идеяхъ о среднемъ обученіи и затѣмъ соответственную борьбу реализма и классицизма. Очевидно, классическая гимназія должна была принять въ соображеніе новый ходъ университета, и отсюда произошли колебанія, уступки въ видѣ обученія новымъ языкамъ, исторіи и географіи, естественнымъ наукамъ, споры о раздѣлахъ обученія новымъ предметамъ и т. д. Окончательное разрѣшеніе университетскаго вопроса потребовало бы окончательнаго разрѣшенія гимназическаго вопроса,—вотъ новое осложненіе ¹⁾.

Итакъ, въ Германіи университетскій вопросъ явился уже давно, какъ требованіе времени, какъ необходимость согласовать устройство университета съ научными успѣхами новаго времени. Откуда можно ожидать удовлетворенія такому требованію времени, и какъ выполнить самую реформу? Для Германіи тутъ есть еще одинъ вопросъ. Въ Германіи на нашихъ глазахъ совершился глубокой политической переворотъ — объединеніе націи: какъ можно утилизировать такое объединеніе для достиженія вышеупомянутой цѣли, или оно должно быть признано обстоятельствомъ неблагоприятнымъ? Для нашихъ читателей послѣдній вопросъ представляетъ наименьшую важность, и потому мы ограничимся по поводу его небольшимъ замѣчаніемъ.

¹⁾ Замѣчательно мнѣніе Бона Мейера по этому послѣднему вопросу о новыхъ отношеніяхъ среднего образованія къ университетскому, возникшихъ вслѣдствіе тѣхъ реформъ, которыя уже испытали классическіе университеты эпохи возрожденія, допустивъ катедры агрономіи, политической экономіи и т. п. Отдавая всю справедливость нѣмецкимъ классическимъ гимназіямъ, какъ прямой опорѣ университетовъ, бонскій профессоръ философіи замѣчаетъ однако: „Freilich darf man gewiss nicht behaupten, das nur Gymnasiasten im Stande sind, den Universitätsvorträgen zu folgen; manche Realschüler werden vielleicht gar besser im Stande sein, die mathematischen und physikalischen Erörterungen der Universitätslehrer zu verstehen und sind gewiss ebenso befähigt, die Vorträge über neuere Geschichte richtig aufzufassen“—т.-е.: „Конечно, никакъ нельзя утверждать, что только гимназисты (классическіе) въ состояніи слушать университетскія лекціи; нѣкоторые изъ учащихся реальнаго школь могутъ даже лучше понимать подробности изложенія математическихъ и физическихъ лекцій университетскихъ профессоровъ, и, конечно, они не способны правильно понимать лекціи по новой исторіи“.

Клерикалы въ Германіи какъ нельзя болѣе враждебны всякимъ реформамъ университетовъ, точно также какъ они оказались весьма расположенными къ классическимъ гимназіямъ, что побудило прусское правительство въ нынѣшнемъ году дать сильную поддержку реальнымъ училищамъ въ Вестфалии и на Рейнѣ, такъ какъ классическія гимназіи сдѣлались удобнымъ орудіемъ для клерикаловъ. Вотъ почему объединеніе Германіи въ этомъ смыслѣ нельзя не признать благопріятнымъ моментомъ для университетскаго вопроса, если не во всемъ его объемѣ, то во многихъ частностяхъ.

Такъ смотритъ на это дѣло и Бона Мейеръ, опасаясь, впрочемъ, весьма справедливо, что оно можетъ пострадать при своемъ осуществленіи какъ отъ клерикальныхъ тормазовъ, такъ и отъ излишней поспѣшности друзей университетскаго вопроса. „Нѣтъ ничего труднѣе, — говоритъ онъ, — какъ исправлять въ области духовной жизни даже явное зло и недостатки. Нигдѣ не бываетъ такъ справедлива поговорка: „сколько головъ, столько умовъ“, какъ въ примѣненіи къ этой области, и нигдѣ такъ не трудно отыскать простой и всѣмъ разумительный языкъ для выраженія ясныхъ потребностей жизни. Нигдѣ путь отъ признанія справедливаго до осуществленія его не бываетъ столь длиненъ и исполненъ препятствій, какъ въ той же области. Но потому-то тѣмъ важнѣе, именно въ этой области, заблаговременно позаботиться о постепенномъ ослабленіи предрасудка и направить все вниманіе на существенные пункты справедливыхъ требованій реформы. Фальшивыя нападенія, съ цѣлью излеченія мнимыхъ недуговъ, могутъ разрушить въ нѣжномъ организмѣ и послѣдніе остатки его благосостоянія; а къ такимъ чувствительнымъ организмамъ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ университеты, и притомъ въ высшей степени. Здоровье ихъ жизни до такой степени зависитъ отъ равновѣсія различныхъ факторовъ, что безцѣльное усиленіе или ослабленіе одного изъ нихъ можетъ, вмѣсто желаемаго улучшенія, привести за собою полное замѣшательство. Чтобы содѣйствовать надлежащимъ образомъ процвѣтанію высшихъ учебныхъ заведеній, необходимо принять въ соображеніе ихъ историческое развитіе, а равно современное отношеніе къ наукѣ и къ практической жизни; и тогда еще все-таки будетъ трудно, при всей осторожности, отличить самую правильную точку зрѣнія въ массѣ разнообразныхъ мнѣній“.

Вотъ почему Бона Мейеръ, отлагая всякую полемику въ сторону, предпосылаетъ своему проекту университетской реформы весьма обстоятельный и вполнѣ безпристрастный историческій очеркъ пути, пройденнаго нѣмецкими университетами, въ теченіи трехъ послѣднихъ столѣтій, по двумъ главнымъ функціямъ университетской жизни, а именно: 1) какъ *разрабатывалась* наука въ университетахъ прежде

и теперь; и 2) какъ прежде и теперь преподавалась наука въ университетахъ. Только такое историческое изложеніе дѣлаетъ вполне яснымъ сущность современнаго университетскаго вопроса, совершенно независимо отъ требованій и идеаловъ различныхъ партій, и вмѣстѣ даетъ непосредственное понятіе о характерѣ борьбы послѣднихъ въ настоящую минуту.

Постараемся вкратцѣ познакомить читателя съ содержаніемъ этой части изслѣдованія Бона Мейера. Она не лишена интереса и для насъ, такъ какъ нѣмецкіе университеты были первообразами нашихъ университетовъ, а потому, волею-неволею, и у насъ многое, положенное въ основаніе и заимствованное прямо изъ Германіи, должно было приводить къ тѣмъ же результатамъ и приносить тѣ же плоды.

II.

Обращая вниманіе на отношеніе нѣмецкихъ университетовъ къ наукѣ (die Pflege der Wissenschaft) въ наше время и въ предыдущія три столѣтія, Бона Мейеръ останавливается прежде всего на современныхъ жалобахъ: обвиняютъ нѣмецкіе университеты въ научномъ паденіи и въ пониженіи научнаго уровня. Особенно падки на эти жалобы клерикалы, указывающіе на то золотое время, когда университеты были единственными свѣтильниками міра. Весьма справедливо замѣчаетъ авторъ, что дѣйствительно во мракѣ среднихъ вѣковъ значеніе университетовъ было болѣе блестящее, чѣмъ и вполне естественно: „знаніе и образованіе въ наше время текутъ въ общество такими разнообразными и многочисленными каналами, которые прежде были мало доступны или вовсе не существовали, что университеты въ наше время не могутъ претендовать на исключительное вліяніе на ходъ образованности... Кто въ нашей общей борьбѣ духовныхъ стремленій болѣе всѣхъ руководитъ или руководится, — трудно опредѣлить теперь съ такою точностью, какъ то было возможно въ тѣ времена, когда образованнаго отъ необразованнаго, учившагося отъ неучившагося отдѣляла цѣлая пропасть... Если нынѣ такія отношенія измѣнились, то въ этомъ нужно усматривать не паденіе научнаго уровня университетовъ, но повышеніе образованія въ массахъ, распространеніе свѣдѣній при помощи тѣхъ же университетовъ“.

Но и независимо отъ такого разсужденія, имѣютъ ли въ дѣйствительности хотя какое-нибудь историческое основаніе для себя тѣ сѣтованія на упадокъ современныхъ университетовъ, подтверждается ли исторією то положеніе о „золотомъ“ времени университетовъ въ прежнія эпохи? „Къ сожалѣнію, — говоритъ Бона Мейеръ, —

университеты того времени вовсе не всегда стояли во главѣ успѣховъ образованности“¹⁾, и всѣ факты въ его историческомъ очеркѣ неопровержимо доказываютъ это положеніе. Оказывается, наоборотъ, что нѣмецкіе университеты никогда не стремились такъ овладѣть успѣхами наукъ въ обществѣ, какъ именно въ наше время: въ предшествующихъ вѣкахъ исторія нѣмецкихъ университетовъ свидѣтельствуеетъ чаще о борьбѣ ихъ противъ научныхъ успѣховъ въ обществѣ, и нужны были большія усилія со стороны прусскаго правительства и другихъ, чтобы вынудить у университетовъ какія-нибудь уступки въ пользу духа времени.

Первобытные университеты, до эпохи такъ-называемаго „возрожденія“ наукъ и искусствъ въ XIV и XV в., были, какъ извѣстно, послѣдними результатами и главными представителями схоластической образованности. Въ ту темную эпоху обращеніе къ классическому міру, къ произведеніямъ языческихъ грековъ и римлянъ, было дѣйствительно лучомъ свѣта — такъ низко стояла схоластика сравнительно съ образцовыми произведеніями древнихъ. Но не въ университетахъ нашло себѣ убѣжище изученіе, напримѣръ, греческой литературы; почти двѣсти лѣтъ древніе греки встрѣчали себѣ чаще отпоръ со стороны университетовъ. Даже въ старѣйшемъ изъ университетовъ, въ Прагѣ, несмотря на вліяніе Гуса, схоластики смотрѣли на введеніе языческой литературы, какъ на ересь и униженіе ихъ научнаго достоинства; въ началѣ XVI вѣка, одинъ изъ гражданъ Праги пожертвовалъ значительную сумму на содержаніе профессора, который могъ бы читать Илиаду Гомера; но университетскіе магистры находили такое преподаваніе слишкомъ реальнымъ, недостойнымъ ученой школы, и потому отклонили отъ себя это предложеніе. Все XV столѣтіе прошло и въ вѣнскомъ университетѣ среди упорной борьбы схоластиковъ съ гуманистами, какъ назывались тогда приверженцы возрожденія наукъ; и только въ 1499 г. университетъ уступилъ давленію со стороны императора Максимилиана I, что однако не помѣшало въ 1511 г. изгнать изъ Вѣны знаменитаго Гуттена, какъ гуманиста. Въ гейдельбергскомъ университетѣ та же самая исторія: курфюрстъ Филиппъ, въ концѣ XV в., принудилъ университетскихъ магистровъ допустить къ чтенію лекцій первоклассныхъ гуманистовъ: Агриколу, Эколампадія и Рейхлина; но все же не могъ заставить принять ихъ въ число профессоровъ и допустить катедру греческаго языка. Кончилось тѣмъ, что курфюрстъ долженъ былъ содержать гуманистовъ на счетъ двора и занять ихъ воспита-

¹⁾ Стр. 9. — Und wir sehen dabei leider die Universitäten vorzeiten keineswegs stets in der Vorderlinie des Culturfortschritts stehen.

нѣмъ своего сына. Въ этомъ же университетѣ отказали въ началѣ XVI в. Меланхтону въ званіи магистра, а на предложеніе каведры Эразму университетская коллегія не дала даже и отвѣта. Въ одномъ эрфуртскомъ университетѣ гуманизмъ нашель себѣ рано убѣжище, но и то благодаря умѣренности своихъ гуманистовъ и удаленію ихъ отъ всякой полемики съ схоластическими магистрами. Когда же, въ 1504 г., гуманистъ, Германъ фонъ-демъ-Буше предложилъ своимъ приверженцамъ торжественно сжечь всѣ старые учебники, — положеніе дѣлъ измѣнилось; въ отвѣтъ на усилія Рейхлина ввести изученіе еврейскаго языка, эрфуртскіе магистры осудили всѣ еврейскія книги на сожженіе. Достаточно, впрочемъ, указать на знаменитыя „Epistolae obscurorum virorum“ — самую ѣдкую сатиру на схоластическіе университеты, — чтобы убѣдиться осязательно, что въ XV вѣкѣ успѣхи наукъ, въ формѣ „возрожденія“ древней образованности, находили себѣ мѣсто среди общества, а университеты съ трудомъ допускали какую-нибудь реформу въ пріемахъ и даже въ матеріалахъ научнаго изслѣдованія: только послѣ вѣковой борьбы, въ XVI стол., университеты, вынуждаемые отчасти свѣтскими правительствами, начали уступать совершившемуся въ обществѣ „возрожденію“ наукъ.

Эпоха реформаціи представляетъ, въ другой, конечно, формѣ, но то же самое явленіе: „реформація, — говоритъ Бона Мейеръ, — вступивъ сначала въ союзъ съ гуманизмомъ, скоро отодвинула научные интересы на задній планъ“; этимъ путемъ впослѣдствіи протестантская ортодоксія заняла мѣсто изгнанной ею католической ортодоксіи. Хотя виттенбергскій университетъ и считается колыбелью реформаціи, но тѣмъ не менѣе Лютеръ, въ эпоху лейпцигскаго диспута, писалъ одному изъ своихъ друзей: „университеты и папа, въ этомъ я увѣренъ, или ничего не скажутъ, или объявятъ себя противъ насъ“. Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что если одни университеты оказали значительное содѣйствіе протестантскому дѣлу, то и католичество находило въ другихъ университетахъ дѣятельную поддержку; послѣ же Вестфальскаго мира, католичество овладѣло почти всѣми университетами, такъ что въ самомъ Виттенбергѣ только одна каведра осталась въ рукахъ протестанта — и то для протестантскаго богословія. Въ самомъ концѣ XVII-го вѣка іезуиты захватили въ свои руки и гейдельбергскій университетъ, и только въ 1803 г. этотъ университетъ совсѣмъ освободился отъ вліянія католическаго духовенства и сталъ на ту дорогу, на которой пріобрѣлъ себѣ громкую репутацію. Въ тюрингенскомъ университетѣ, въ 1535 г., когда герцогъ перешель на сторону реформы, министры, тѣмъ не менѣе, постановили не допускать на каведру лицъ новой школы, а магистръ Лелашпъ, прославившійся умѣньемъ объяснять пресуществленіе при помощи чер-

тежей на доскѣ, запретилъ своимъ слушателямъ чтеніе даже посланій св. Павла, навлекшихъ на себя подозрѣніе тѣмъ, что на нихъ очень часто ссылался Лютеръ. „Такимъ образомъ,—заключаетъ Бона Мейеръ,—мы видимъ, что реформація съ трудомъ проникла бы, если бы ея принятіе было обусловлено единственно доброю волею университетскихъ профессоровъ. Усилія принявшихъ реформацію князей и городовъ, отъ которыхъ зависѣли университеты, свергли нго старыхъ традицій, при помощи привлеченія новыхъ учебныхъ силъ или основанія новыхъ центровъ въ духѣ реформаціи“.

Но и въ „новыхъ центрахъ“ скоро обнаружилась невыгодная въ научномъ отношеніи односторонность: богословіе въ протестантскихъ университетахъ сохранило и послѣ торжества реформаціи полемическій характеръ, и потому библія и исторія церкви оставались въ полномъ пренебреженіи; протестантскіе богословы въ университетахъ почти возвратились къ схоластическимъ тонкостямъ и контроверсамъ, и пришли къ своего рода піэтизму и нетерпимости; строго научныя изслѣдованія производились людьми, стоявшими опять внѣ факультетовъ. То же и по той же причинѣ повторилось и въ области философіи: Бэконъ, Дж. Бруно, Вѣме, Декартъ, Малбраншъ, Спиноза, Локкъ, Юмъ, Лейбницъ, работали и производили переворотъ въ наукѣ, оставаясь *вне* университетовъ. Мало того: въ 1653 году статуть марбургскаго университета постановилъ—, философію, носящую имя Картезія (Декарта) и располагающую въ сомнѣнію, профессора не должны ни одобрять, ни обучать по ней юношество. Молодые умы могутъ до такой степени приучиться къ сомнѣнію, что со временемъ начнутъ сомнѣваться и въ богословіи. Эта философія также ведетъ къ пренебреженію Аристотелемъ и другими принятыми философскими системами“. Въ Гессенѣ, Тюбингенѣ, Лейпцигѣ и Іенѣ ученіе Декарта вызывало еще болѣе строгія преслѣдованія. Если Декартъ, ходившій пилигримомъ въ Лоретто, заслуживалъ такую оппозицію въ университетахъ, то легко себѣ представить, какъ была ими принята философія Спинозы. Курфюрстъ пфальцскій очень желалъ пригласить Спинозу въ гейдельбергскій университетъ, но коллегія профессоровъ обставила приглашеніе такими условіями, что Спиноза самъ отказался переѣхать въ Гейдельбергъ. По положенію философіи можно судить о томъ, какую свободу изслѣдованія пользовались другія науки въ университетахъ нѣмецкихъ до начала нынѣшняго столѣтія, и въ какой степени они могли служить центрами научнаго прогресса: какъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, такъ и въ XVIII вѣкѣ научный прогрессъ долженъ былъ искать себѣ иныхъ путей, а по временамъ испытывать даже вражду со стороны факультетовъ. Въ самомъ концѣ прошедшаго столѣтія, Кантъ не могъ до-

бится ни въ Галле, ни въ Гёттингенѣ разрѣшенія напечатать свое изслѣдованіе о религіи въ предѣлахъ чистаго разума; кѣнигсбергскій факультетъ далъ разрѣшеніе, но въ то же время всѣ профессора обязались подпискою не читать о философіи религіи Канта.

Вотъ тѣ болѣе крупныя и характеристическія факты, которые можно справедливо привести въ отвѣтъ, если кто вздумалъ бы указывать на предыдущіе вѣка, какъ на золотое время главенства университетовъ въ исторіи умственнаго движенія и руководенія въ области наукъ. Какъ бы ни было мало удовлетворительно научное значеніе современныхъ нѣмецкихъ университетовъ, но все же, по справедливому замѣчанію Бона Мейера, они никогда такъ близко не стояли къ духу своего времени, какъ именно теперь: „Германія,— говоритъ онъ,— въ настоящее время тѣмъ отличается весьма выгодно отъ всѣхъ другихъ странъ, что вожди наукъ, самыя передовыя изслѣдователи, въ то же время занимаютъ преподаваніемъ въ университетахъ“. Дѣйствительно, нѣмецкія университеты въ данную минуту поглощаютъ въ себѣ всѣ высшія умственныя силы страны и, слѣдовательно, служатъ гораздо болѣе центромъ просвѣщенія, нежели въ предыдущіе вѣка, когда схоластическій университетъ съ трудомъ допускалъ въ свою среду научный прогрессъ въ лицѣ гуманистовъ и отвергалъ всякую реформу соотвѣтственно духу времени, или когда протестантскій піетизмъ стѣснялъ въ университетахъ свободу критическаго изслѣдованія, такъ что всѣ лучшіе представители наукъ трудились внѣ университетовъ или, допущенныя къ преподаванію, находили себѣ въ университетской средѣ всякія стѣсненія и ограниченія.

Такое историческое развитіе нѣмецкихъ университетовъ и сравненіе современнаго ихъ отношенія къ научному прогрессу съ прежними отношеніями совершенно достаточно опровергаютъ то мнѣніе, будто бы прежде университеты служили высшими центрами просвѣщенія, а теперь утратили свое значеніе. Изъ такой несправедливой посылки клерикалы выводятъ необходимость университетской реформы съ цѣлью возвращенія „золотого времени“ университетовъ; а крайніе противники изъ той же посылки заключаютъ, что время университетовъ прошло, что теперь они не въ состояніи служить умственными центрами, какъ то было въ прежнія времена, когда научные горизонты были крайне тѣсны, и слѣдовательно, университеты должны уступить мѣсто спеціальнымъ академіямъ, разложиться на небольшія научныя группы, и отказаться отъ своихъ притязаній быть „универсумомъ“ наукъ, — или имъ угрожаетъ превращеніе въ схоластическія школы съ ихъ „trivium“ и „quadrivium“.

Изъ историческаго развитія нѣмецкихъ университетовъ и современнаго отношенія ихъ къ общему ходу умственнаго прогресса въ

обществѣ нужно вывести совершенно другое заключеніе: время не требуетъ ни возвращенія къ старымъ порядкамъ, ни замѣны университета различными академіями, лицеями и другими высшими школами; оно требуетъ только дальнѣйшаго развитія университетовъ по тому пути, которому они начали сами собою слѣдовать съ нынѣшняго вѣка, и устраненія всего, что служитъ къ тому препятствіемъ. Вотъ единственно правильная точка отправленія во всякомъ университетскомъ вопросѣ: съ этой точки зрѣнія должны быть опредѣляемы права университетской корпораціи профессоровъ, степень вѣщательства администраціи и т. д. Всякое ограниченіе или чрезмѣрное усиленіе одного изъ этихъ факторовъ, по побужденіямъ, постороннимъ той вышеуказанной точкѣ зрѣнія, можетъ содѣйствовать только пониженію научнаго значенія университета.

Какъ осуществить самую реформу нѣмецкаго университета на дѣлѣ, въ какія отношенія поставить его къ различнымъ академіямъ, лѣсной, коммерческой, военной и т. д.—все это открытые вопросы, рѣшеніемъ которыхъ заняты въ настоящую минуту и теоретики и практики; въ разныхъ мѣстахъ сдѣланы даже попытки и отдѣльные шаги въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для университетовъ, и процессъ, такъ-сказать, ассимиляціи начался вездѣ: еще недавно, въ ганноверской арміи, лучшіе офицеры военной академіи должны были посѣщать опредѣленное время гёттингенскій университетъ; лѣсныя и агрономическія заведенія давно уже во многихъ мѣстахъ слиты съ университетами. Но все это отдѣльные шаги, а не результатъ принципа, а потому и „соединенія“ имѣютъ болѣе механическое, нежели органическое значеніе; положимъ, что, наконецъ, удастся ввести въ корпорацію университетскихъ профессоровъ всѣхъ лучшихъ представителей современной науки во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ; вопросъ о поднятій университета до главенства въ умственномъ мірѣ современнаго общества будетъ разрѣшенъ тогда окончательно; но университетъ, кромѣ научнаго значенія, какъ центра разработки научныхъ вопросовъ (Pflege der Wissenschaft), имѣетъ еще и другое, не менѣе важное значеніе, какъ мѣсто передачи научныхъ свѣдѣній (Lehrgart), и это обстоятельство вызываетъ новый рядъ вопросовъ для университетской реформы—вопросовъ, несравненно болѣе сложныхъ.

III.

Вопросъ о внутренней дѣятельности современныхъ нѣмецкихъ университетовъ, объ *университетскомъ учении*, вызываетъ такія же столкновения, какъ и вопросъ о разработкѣ наукъ въ университетахъ. Бона Мейеръ соглашается, что „въ отношеніи ученія (Lehrgang) наши университеты (т.-е. нѣмецкіе) не вполне удовлетворительны и нуждаются въ улучшенияхъ; но все же унижать современное положеніе этого дѣла сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, можетъ только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ исторіею университетовъ“. Бона Мейеръ рисуетъ затѣмъ картину университетскаго преподаванія до нашего вѣка; пассивныя отношенія учащихся составляютъ преобладающую черту, а крайнимъ выраженіемъ того служитъ извѣстіе о томъ, какъ въ одномъ изъ старинныхъ университетовъ дѣло дошло до того, что богатые студенты отправляли своихъ слугъ записывать лекціи; старый университетскій историкъ, сообщая такой фактъ, восклицаетъ: „недоставало только того, чтобы и профессора посылали своихъ слугъ диктовать лекціи!“ Но это, конечно, древняя исторія! Мы можемъ дополнить картину университетскаго ученія, какъ она изображена у Бона Мейера, болѣе свѣжими красками изъ начала нынѣшняго вѣка, по показаніямъ Мейнерса, извѣстнаго у насъ ¹⁾ университетскаго историка и автора книги: „Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten“ (1802). Мейнерсъ былъ тогда профессоромъ гёттингенскаго университета. Въ своемъ сочиненіи, между прочимъ, онъ даетъ совѣты, какими средствами можно отклонить недостаточныхъ людей отъ слушанія лекцій въ университетѣ; по его мнѣнію, „даже небольшое число прилежныхъ и безупречныхъ юношей, но недостаточныхъ, составляетъ великое зло“ (selbst eine mässige Zahl der fleissigen und untadeligen jungen Leuten, die nicht ausreichen können, ist ein grosses Uebel). Этотъ же Мейнерсъ возстаетъ противъ строгости экзаменовъ достаточныхъ молодыхъ людей, такъ какъ это можетъ заставитьъ ихъ переходить въ другіе университеты и ослабить профессорскій гонораръ; въ то же время онъ укоряетъ судъ въ излишней строгости къ такимъ молодымъ людямъ, которые проводятъ всю ночь въ вутежахъ и карточной игрѣ, на томъ основаніи, что, будучи изъ богатыхъ семействъ, они могли уже дома привыкнуть къ жизни болѣе веселой и къ кар-

¹⁾ На Мейнерса очень часто ссылаются г. Любимовъ въ своихъ статьяхъ объ университетскомъ вопросѣ.

тамъ. Итакъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, университетскій профессоръ публично заявляетъ, что прилежаніе и добрая нравственность ¹⁾ не составляютъ какихъ-нибудь преимуществъ въ дѣлѣ университетскаго обученія; при извѣстныхъ условіяхъ, гораздо предпочтительнѣе совершенно другія качества въ университетскомъ слушателѣ. Послѣ этого нѣтъ надобности говорить еще что-нибудь о „Lehrgart“ въ нѣмецкихъ университетахъ въ весьма даже недавнее время, и также было бы излишне прибавлять, что подобныя идеи въ современныхъ нѣмецкихъ университетахъ совершенно невозможны, что бы намъ ни говорили объ упадкѣ въ нихъ университетскаго обученія.

Идеи, подобныя идеямъ Мейнерса, не вызывали, однако, поощренія со стороны правительствъ, и они находили всегда болѣе выгоднымъ прилежаніе и добрыя нравы; „но,—говоритъ Бона Мейеръ,—правительства никогда не могли имѣть къ тому средствъ, или употребляли не тѣ средства. Они старались усиленнымъ надзоромъ и внѣшнимъ принужденіемъ достигать того, что можетъ быть достигнуто внутренними реформами обученія и повышеніемъ научнаго значенія лекцій. Торжество гуманизма тотчасъ вызвало и профессоръ, любящихъ учить, и слушателей, любящихъ учиться; долгое время реформація поддерживала ревность и въ профессорахъ, и въ слушателяхъ; наконецъ, введеніе новаго метода обученія и разнообразія, съ разносторонностью самыхъ предметовъ обученія, со времени Томазія, оживили университетскую жизнь въ Германіи. Только при помощи успѣховъ искусства обученія, въ соединеніи съ умѣньемъ завлечь въ университеты лучшихъ представителей наукъ, современные университеты достигли того, что жалобы на лѣность и апатію слушателей сдѣлались теперь невозможны. Снисхожденіе и поблажка въ наше время не такъ мыслимы, какъ то было прежде. Лѣность студентовъ, на которую и теперь жалуются по временамъ, не можетъ быть и сравниваема съ лѣностью прежнихъ временъ. Основанія же такого улучшенія находятся въ успѣхѣ преподаванія, а не въ принудительныхъ мѣрахъ. Мы (въ Пруссіи) знаемъ достаточно изъ опыта, что большая часть законовъ, въ смыслѣ принужденія, оказалась непримѣнима, и потому безсилна. Если и въ наше время стараются прибѣгать къ нимъ, то съ такою же безуспѣшностью, какъ и въ прежнія времена. Когда Шлейермахеръ получилъ разъ выговоръ за то, что кончилъ лекціи раньше срока, опредѣленнаго закономъ, то онъ послалъ въ министерство тетради своихъ лекцій, съ почтительной просьбой чиновникамъ министерства дополнить его лекціи, если онъ что-нибудь пропустилъ,—онъ же съ своей стороны ничего не

¹⁾ Качества этихъ „fleissige und untadelige junge Leute“.

можетъ прибавить и считаетъ свой курсъ оконченнымъ. Въ 1825 г., въ Берлинѣ, опредѣлено было дѣлать на лекціи переключку студентамъ; присутствующіе отвѣчали за отсутствующихъ друзей, и мѣра, какъ напрасная и унижительная для профессоровъ, скоро перестала практиковаться. Тогда министерство, циркуляромъ въ 1827 г., избрало новый путь: каждый профессоръ, время отъ времени, долженъ былъ пускать по аудиторіи листъ, на которомъ присутствующіе должны были записывать свои имена. Естественно, что присутствующіе были настолько благосклонны къ отсутствующимъ друзьямъ, что заносили ихъ имена, и въ то же время, столь остроумны, что профессоръ послѣ лекціи узнавалъ изъ возвращаемаго ему листа, что въ числѣ его слушателей находились и такія почтенныя лица, какъ Аристотель, Платонъ, Плиній и др. Оказалось, что и эта мѣра плохая. Даже позднѣйшая мѣра—принудительные экзамены—привела не къ слушанію лекцій, чего желали, а къ болѣе усердному переписыванію обязательныхъ лекцій⁴.

Но любовь профессоровъ къ чтенію, а студентовъ къ слушанію приходила всегда независимо отъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, и потому самое зло всегда являлось, какъ преходящій моментъ. Современныя нѣмецкіе университеты упрекаютъ въ другомъ недостаткѣ, тѣмъ болѣе важномъ, что источникъ его лежитъ не въ одномъ духѣ времени, а также и въ самой учебной организаціи. Недавно, въ только-что открытомъ ежемѣсячномъ журналѣ въ Германіи ¹⁾, Ласкеръ весьма краснорѣчиво обрисовалъ этотъ недостатокъ университетскаго штудировапія въ наше время: „Университетъ“, — говоритъ онъ, — распадается нынѣ на спеціальныя школы; спеціальность опять распадается на подспеціальности. Студентъ сдѣлался школяромъ, и, выждавъ узаконенный срокъ, назначенный для лекцій, онъ условливается съ наставникомъ относительно узкой программы лекцій, которая неизбѣжна для предстоящаго испытанія. Онъ не ищетъ разносторонности, а держится крѣпко лекцій, полезныхъ для экзамена. Кто не естественникъ, тотъ оставляетъ университетъ безъ малѣйшаго понятія о прогрессѣ естественныхъ наукъ; кому нужна медицина, тотъ не заботится хотя бы объ общемъ взглядѣ на разнообразныя отрасли его призванія, и всякая другая научная дисциплина остается ему чуждою. Юристъ не имѣетъ понятія о строеніи чело-вѣческаго тѣла; медикъ — о правѣ; основанія народнаго хозяйства, литературы, этнографіи, исторіи стоятъ въ ужасающемъ отдаленіи отъ огромнаго большинства, которому эти науки не служатъ спеціальностью. Аудиторіи лежатъ рядомъ одна подлѣ другой; разнообразій-

¹⁾ „Deutsche Rundschau“.

шіе учебныя институты слиты въ одномъ понятіи; профессора составляютъ одно въ факультетѣ и въ сенатѣ (совѣтѣ), и весь личный составъ тѣсно связанъ внутреннею организаціею; а духовной связью, личные расчеты на первомъ планѣ, и самое преподаваніе такъ раздѣльно, какъ будто университетъ уже распался совсѣмъ на спеціальныя школы“.

Бона Мейеръ не могъ не признать основательными всѣхъ такихъ жалобъ Ласкера на современное положеніе нѣмецкихъ университетовъ, и въ облегченіе ихъ вины указываетъ только на то, что такія жалобы вовсе не новы, а слѣдовательно и самый недостатокъ не составляетъ отличительной черты одного нашего времени. Еще въ прошедшемъ столѣтіи существовало выраженіе „Brod- und Butterstudenten“ — студенты „ради хлѣба съ масломъ“ — изобрѣтеніе котораго приписывается философу Вольфу. Другое смягчающее обстоятельство, приводимое Бона Мейеромъ въ пользу нѣмецкихъ университетовъ, состоитъ въ томъ, что въ университетахъ другихъ странъ этотъ порокъ развитъ еще больше. „Если мы,—говоритъ Бона Мейеръ,—сравнимъ въ этомъ отношеніи наши университеты съ иностранными, то нельзя будетъ не признать нашихъ преимуществъ. Нигдѣ, какъ у насъ, не представляются всѣ науки съ такою равномѣрностью въ университетахъ. Конечно, не всѣ факультеты имѣютъ вездѣ одинаковое достоинство, но все же они состоятъ въ полезномъ взаимоотношеніи, а въ иностранныхъ университетахъ бываетъ не такъ. Отличительная черта нашего университетскаго устройства теперь состоитъ въ томъ, что мы подъ именемъ университета разумѣемъ не средневѣковую корпорацію профессоровъ и студентовъ—откуда въ дѣйствительности произошло это имя—а *общеніе знаній*, составляющее сущность университета... Конечно, очень возможно, — такъ заключаетъ Бона Мейеръ,—что нынѣ дѣйствующія университетскія учрежденія сами усиливаютъ ко вреду тѣ утилитарныя и одностороннія стремленія, между тѣмъ какъ эти учрежденія могли бы доставлять торжество идеальному стремленію къ знанію надъ узкими требованіями практической жизни, и извлечь его изъ тѣснаго круга ограниченной рутины“.

Существенная сторона въ объясненіи Бона Мейера причинъ главнѣйшаго недостатка, которымъ страдаютъ въ эту минуту нѣмецкіе университеты, состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что самыя статуты этихъ университетовъ не только не парализуютъ вредъ утилитарнаго и изолированнаго преподаванія наукъ, вслѣдствіе чего факультеты превратились въ спеціальныя школы и внутренне распались еще на классы или отдѣленія, — но даже содѣйствуютъ такому пе-

чальному ходу дѣль. Для насъ такое признаніе лица, во всякомъ случаѣ весьма компетентнаго, имѣеть чрезвычайную важность, при господствующей у насъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ кругахъ наклонности jurare in verba magistri, и ссылаться на каждую букву нѣмецкаго устава, какъ на какую-то библію.

Въ заключеніе изслѣдованія Бона Мейера, приводится проектъ реформы нѣмецкихъ университетовъ, какъ она должна быть осуществлена съ той точки зрѣнія, которую добылъ себѣ авторъ изъ разсмотрѣнія исторической судьбы университетовъ въ Германіи. Мѣры, предлагаемыя боннскимъ профессоромъ, конечно, имѣють ближайшее практическое значеніе для своей страны, но и для насъ онѣ не лишены интереса, какъ непосредственная критика нынѣ дѣйствующихъ нѣмецкихъ университетскихъ статутовъ.

IV.

Какъ ни преувеличенно мнѣніе, выраженное Лотаромъ Мейеромъ, а именно, что „нынѣшній университетъ уже болѣе не Universitas litterarum“ (sie ist keine Universitas litterarum mehr), и что всего хуже, онъ не обнимаетъ въ себѣ болѣе всѣхъ преобладающихъ наукъ (tonangebenden Wissenschaften);—но въ этомъ мнѣніи есть значительная доля правды. Не менѣе однако справедливо и то, что въ нынѣшнемъ столѣтіи нѣмецкіе университеты, а по ихъ стопамъ и другіе, сдѣлали много для своего сближенія съ общественными потребностями. Затѣмъ, справедливо можно указывать только на то, что вопросъ о полномъ сближеніи и теперь еще не разрѣшенъ окончательно. Противники Бона Мейера видятъ единственный способъ къ такому разрѣшенію вопроса въ полномъ разложеніи университета на академіи, или въ механическомъ соединеніи всѣхъ академій въ университетъ. Бона Мейеръ полагаетъ, что было бы рациональнѣе предоставить рѣшеніе этого вопроса дальнѣйшимъ успѣхамъ времени, а въ ожиданіи того образовать изъ политехникумовъ новые центры для всѣхъ академій. Относительно недостаточности программъ преподаванія въ университетахъ и равномерности распредѣленія предметовъ, Бона Мейеръ дѣлаеть весьма разнообразныя предложенія, съ слѣдующею однако весьма важною оговоркою: „Всѣ подобныя министерскія распоряженія, вторгающіяся во внутреннюю область университетскаго преподаванія, могутъ дать только одинъ толчокъ къ полезнымъ переиѣнамъ; но положительное измѣненіе могутъ произвести одинъ духъ и добрая воля университетскихъ преподавателей. Министръ можетъ, пожалуй

дѣлать какія ему угодно строгія распоряженія о необходимости слушать общіе, теоретическіе курсы, но на дѣлѣ его рескрипты будутъ имѣть только тотъ результатъ, что они будутъ опубликованы; привести же ихъ въ исполненіе,—на это у него нѣтъ никакой силы... Вообще, было бы лучше предоставить нѣмецкіе университеты самимъ себѣ. Если они по временамъ будутъ заблуждаться, то въ себѣ же найдутъ средство къ своему исправленію, потому что научное изслѣдованіе не можетъ переносить долговременныхъ ошибокъ и всегда найдетъ коррективъ въ своемъ стремленіи къ истинѣ“.

Болѣе всего нападаетъ Бона Мейеръ на порядокъ экзаменовъ въ нѣмецкихъ университетахъ, поддерживающій стремленіе въ студентахъ къ „Brodstudien“. Къ числу самыхъ вредныхъ послѣдствій такихъ экзаменовъ Бона Мейеръ относитъ то, что „большинство студентовъ, озабоченное многочисленными требованіями экзаменовъ, гоняется то за тѣмъ, то за другимъ, и до конца экзаменовъ не находитъ нисколько свободнаго времени для чисто-факультетскихъ занятій. Эти люди ничкаютъ свою голову всяческими свѣдѣніями и кончаютъ тѣмъ, что знаютъ изъ всего кое-что, но знаютъ все поверхностно“.

Другимъ зломъ, еще болѣе серьезнымъ, считаетъ Бона Мейеръ учрежденіе гонорара для нѣмецкихъ профессоровъ. Мы привели уже выше, въ самомъ началѣ статьи, его мнѣніе по этому вопросу. Бона Мейеръ требуетъ совершенной отміны профессорскаго гонорара, съ опредѣленіемъ жалованья ординарнымъ отъ университетской казны въ размѣрахъ около 3,000 талеровъ въ годъ. Мнѣніе Дюбуа-Реймона, будто гонораръ сообщаетъ профессорамъ независимость отъ правительства, онъ считаетъ, и весьма справедливо, неосновательнымъ, такъ какъ отъ правительства зависитъ не назначить профессора членомъ экзаменаціонной коммиссіи, и тѣмъ самымъ сильно ослабить гонораръ. Особенно настаиваетъ Бона Мейеръ на назначеніи опредѣленнаго жалованья доцентамъ: если гонораръ считали стимуломъ для доцентовъ, то нельзя не сознаться, что подобный стимулъ не дѣлаетъ чести тѣмъ, на кого оказываетъ свое вліяніе въ дѣлѣ науки ¹⁾. Бона Мейеръ замѣчаетъ, что подобный порядокъ введенъ уже въ Сѣверной Америкѣ; очевидно, ему неизвѣстны порядки въ нашихъ университетахъ, гдѣ, къ нашему счастью, не прав-

¹⁾ Zur Beseitigung aller dieser Uebelstände und zur Hebung des wahren Gelehrtenidealismus würde iches daher für ein grosses Glück halten, wenn für alle Docenten je nach Rang und Dienstalter ein wahrhaft anständiges und gleichmässiges Gehalt ausgesetzt würde, das ihnen zu wissenschaftlicher Arbeit volle äussere Lebensruhe sicherte, sie über die Noth der Geldjagd und das Uebel neidischer Vergleichung unter sich erhöhe.

титуется профессорскій гонораръ, а съ 1864 года и доценты получаютъ опредѣленное вознагражденіе за лекціи.

Другія замѣчанія Бона Мейера относятся къ болѣе мелкимъ, сравнительно, вопросамъ. Такъ, онъ предполагаетъ замѣнить трехлѣтній курсъ нѣмецкихъ университетовъ четырехлѣтнимъ; уничтожить чтеніе лекцій въ іюлѣ и назначить вакаціи отъ $1\frac{1}{2}$ іюля по $1\frac{1}{2}$ сентября; замѣнить полугодовые курсы годовыми и т. п. Такъ какъ увеличеніе продолжительности курса сдѣлаетъ просвѣщеніе болѣе дорогимъ, то Бона Мейеръ считаетъ справедливымъ усилить стипендіи и заботы министерства о доставленіи хорошихъ помѣщеній и здоровой пищи недостаточнымъ молодымъ людямъ, по способу, предложенному Дѣллингеромъ въ 1872 году, по случаю 400-лѣтняго юбилея мюнхенскаго университета, и по образцу выстроеннаго въ Берлинѣ въ 1873 г. Collegienhaus для 30 недостаточныхъ студентовъ богословія и философіи. Бона Мейеръ указываетъ своему министерству просвѣщенія на хорошій примѣръ со стороны военнаго министерства, которое озабочивается устройствомъ Militaircasino для удешевленія жизни молодымъ офицерамъ: подобное же можно было бы сдѣлать и для удешевленія жизни студироващаго юношества.

Наконецъ, Бона Мейеръ предлагаетъ возложить заботы о матеріальномъ улучшеніи университетовъ на Provincialstände, на земство. Земство заинтересовалось бы, — говоритъ онъ, — своимъ собственнымъ университетомъ больше, чѣмъ регирунгс-раты въ Берлинѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ началось бы весьма выгодное соперничество между различными провинціями“.

Если, какъ оказывается, современное положеніе нѣмецкихъ университетовъ обнаруживаетъ потребность реформы для себя, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы можемъ думать, конечно, о потребности реформы для нашихъ университетовъ. Знакомство съ разработкою нѣмецкаго университетскаго вопроса, въ теоріи и въ практикѣ, представляетъ для насъ въ этомъ случаѣ всю выгоду чужого опыта. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій нѣмецкихъ профессоровъ мы видимъ, въ чемъ состоитъ сущность этого вопроса, и какими путями можно, если не разрѣшить мгновенно, то постепенно приближаться къ его разрѣшенію. Первый примѣръ, который подаетъ намъ Германія, состоитъ въ томъ, что всякой университетской реформѣ должно предшествовать долговременное, всестороннее и тщательное изученіе

какъ исторіи своихъ университетовъ, такъ и современныхъ потребностей общества, а равно и особенныхъ условий страны, которой они служатъ. Если въ умственно-богатой Германіи всѣ заботы направлены на то, чтобы въ университетѣ сосредоточить всѣ лучшія умственныя силы страны и сдѣлать высшее образованіе какъ можно болѣе доступнымъ, то для насъ такія усилія еще болѣе обязательны. Намъ приходится при этомъ исправлять чуть не вѣковыя ошибки, которыя въ насъ, такъ сказать, вросли; это обстоятельство требуетъ, конечно, осторожности въ проведеніи реформъ, но потребность реформы остается тѣмъ не менѣе настоятельною. При самомъ основаніи перваго русскаго университета была какъ бы забыта самая основная его часть — богословскій факультетъ, остающійся и до сихъ поръ спеціальною школою, подъ именемъ духовной академіи. Екатерина Великая сдѣлала попытку заглазить этотъ пропускъ, но дѣло не кончилось ничѣмъ. Такая реформа принесла бы и ту выгоду, что одновременно съ основаніемъ богословскаго факультета всѣ семинаріи съ ихъ средствами могли бы быть превращены въ гимназіи, и число среднихъ учебныхъ заведеній у насъ удвоилось бы, безъ обремененія государственнаго бюджета. Могло бы къ тому служить препятствіемъ, какъ это часто бываетъ, различіе въ администраціи духовнаго вѣдомства и народнаго просвѣщенія, но у насъ и такого препятствія нѣтъ. Кромѣ духовныхъ академій, мы имѣемъ еще другія спеціальныя учебныя заведенія, которыя собственно не представляютъ никакой спеціальности. Такъ, наприм., школа правовѣдѣнія стоитъ особо отъ университета не вслѣдствіе того, что у насъ явились какіе-нибудь новые юристы, новая юридическая школа или ученіе, протестовавшее противъ устарѣлой университетской системы, какъ то бываетъ въ эпохи рожденія новыхъ идей. То же можно сказать о лицеяхъ, которые не представляютъ даже и внѣшняго облика какой-нибудь спеціальности. Если тѣмъ не менѣе въ спискахъ воспитанниковъ такихъ заведеній мы находимъ нѣсколько именъ, которыми Россія справедливо гордится, то исключенія, представляемыя даровитыми людьми, которые пополнили свое образованіе собственными усиліями, сами по себѣ еще не доказываютъ, что уровень преподаванія въ этихъ училищахъ былъ высокъ. Но въ пользу этихъ заведеній можно сказать по крайней мѣрѣ то, что они родились въ эпохи, когда назначеніе университетовъ еще не вошло у насъ въ общественное сознаніе, а время требовало людей, снабженныхъ хотя бы внѣшними признаками высшей научной образованности. Нельзя того же сказать объ усиліяхъ, болѣе позднихъ, основывать, въ формѣ лицевъ, особые юридическіе факультеты, которымъ всегда будетъ недоставать того, что въ Гер-

нами называютъ „общеніемъ наукъ“, и что достигается только въ Universitas litterarum, т.-е. въ университетѣ. Мы достигли посредствомъ такихъ „спеціальныхъ“ заведеній только того, что немислимо въ Германіи, гдѣ университетское трехлѣтіе есть общая и единственная дорога для всѣхъ отправленій государственной службы, требующихъ высшаго уровня образованія. Наши университеты стоятъ далеко ниже въ этомъ отношеніи нѣмецкихъ университетовъ, хотя, съ другой стороны, они имѣютъ, безъ пользы для своего научнаго достоинства, такое преимущество, какими не пользуются и нѣмецкіе университеты: они даютъ прямое право на государственную службу, или то, что у насъ называется чиномъ. Конечно, отнятіе права на чинъ у университетовъ могло бы имѣть выгодное значеніе только подъ условіемъ полного сравненія нашихъ университетовъ съ нѣмецкими, т.-е. подъ условіемъ необходимости университетскаго четырехлѣтія для всѣхъ болѣе высокихъ мѣстъ государственной службы, и безъ всякаго исключенія въ пользу какихъ бы то ни было „спеціальныхъ“ заведеній.

Вотъ вопросы, которые дѣйствительно достойны называться „университетскими вопросами“, и для разрѣшенія которыхъ мы также согласны на необходимость подражать нѣмецкимъ университетамъ. Намъ предстоитъ сначала поставить наши университеты въ одинаковое положеніе съ нѣмецкими, и тогда будетъ рационально подражать имъ и въ частностяхъ; частности, заимствованныя инымъ путемъ, могутъ только произвести новое замѣшательство и привести къ результатамъ, которыхъ никто не ожидалъ и не желалъ.

М. С.

ДНЕВНИКЪ ФРАНЦУЗСКАГО ОДНОГОДИЧНАГО ВОЛОНТЕРА

Journal d'un Volontaire d'un an au 10-e de ligne, par R. Vallery-Radot, 1875.

La vie en casque, carnet intime d'un officier, par E. Billaudel, 1875.

Вступленіе образованнаго человѣка въ ряды со званіемъ простаго солдата, то-есть съ тѣмъ же званіемъ, которое составляетъ удѣлъ людей массы необразованной, даетъ матерьялъ для наблюденій интересныхъ въ разныхъ отношеніяхъ. Интересно впечатлѣніе, какое производитъ обстановка солдатской жизни на человѣка мыслящаго и привыкшаго къ инымъ бытовымъ условіямъ; интересно отношеніе къ нему массы его товарищей; сверхъ того, подобныя наблюденія представляютъ еще тотъ интересъ, который связанъ съ открытіями въ малоизвѣстныхъ земляхъ. Труды, житіе и духъ солдата — это область въ дѣйствительности извѣстная мало тому обществу, которое не читаетъ брошюръ и „чтеній“, издаваемыхъ спеціально для солдатскаго быта и духа; спрашивается, таковы ли въ дѣйствительности этотъ бытъ и этотъ духъ, какъ они могутъ представляться изъ сочиненій, имѣющихъ цѣль никакъ не критическую, но скорѣе апологетическую. Повѣсти о томъ, какъ Суворовъ бивалъ басурмановъ и какъ нашъ простой русскій солдатикъ, перекрестясь, спасъ своего ротнаго командира въ битвѣ съ чеченцами, могутъ быть очень полезны для „поднятія духа“ въ солдатахъ, но изъ нихъ не видно, каково жить въ казармѣ, какъ относится народъ въ солдату въ деревнѣ, каково въ дѣйствительности обращеніе начальниковъ съ подчиненными, каковы нравы, обычаи и воззрѣнія солдатъ.

Въ настоящей книгѣ журнала помѣщенъ разсказъ русскаго вольноопредѣляющагося о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ краткосрочной службы. Интересъ этого разсказа можетъ только выиграть отъ сопоставленія съ нимъ параллельнаго разсказа изъ другой страны, также дѣлающей еще первые опыты надъ учрежденіемъ вольноопредѣляющихся — изъ Франціи. Правда, во Франціи поступленіе образованныхъ людей въ армію солдатами не такъ ново, какъ у насъ. При системѣ конскрипціи, солдатами опредѣлялось во французскую армію

ежегодно нѣкоторое число образованныхъ молодыхъ людей, по собственной охотѣ или по неизбѣннѣю средствъ къ найму охотника. Но число ихъ было такъ мало, что они совершенно терялись въ массѣ солдатъ, не составляли группы, къ которой могло бы опредѣленно проявляться такое или иное отношеніе въ рядахъ; люди эти были рѣдкими исключеніями и, отказавшись отъ изытія, они, естественно, подчинялись уже безъ всякаго удивленія всѣмъ условіямъ избранной ими среды, подобно тому, какъ образованные люди бывали и фабричными, и извозчиками, и конечно не могли ожидать, что условія этихъ профессій сколько-нибудь измѣнятся для такихъ личныхъ исключеній, какія представлялись въ ихъ особѣ.

Чтобы закончить эти предварительныя замѣчанія, укажемъ, что замѣтки русскаго и французскаго волонтеровъ и по самому способу своего изложенія, и по своему основному взгляду представляютъ большое различіе; но самое это различіе не лишено нѣкоторой характеристичности. Положимъ, различіе это должно быть въ значительной долѣ индивидуальное, но едвали оно носить исключительно этотъ характеръ. Авторы — ровесники, оба люди образованные и оба временно занимались тѣмъ же самымъ, одинаково чуждымъ для нихъ обихъ ремесломъ. При такомъ сходствѣ главныхъ условій, нельзя объяснить одной разностью индивидуальностей то различіе, какое представляютъ ихъ записки. Русскій авторъ менѣе наивно относился къ службѣ, чѣмъ французъ; изъ записокъ перваго вовсе не видно, чтобы онъ хотя на первыхъ порахъ увлекался дѣломъ, за которое брался; онъ даже не счелъ подробностей своихъ военныхъ занятій достаточно интересными, чтобы говорить о нихъ. Онъ сводитъ все болѣе на общую характеристику нравственнаго быта солдатъ; видно, что самъ онъ оставался только зрителемъ въ той области, чрезъ которую прошелъ, зрителемъ, котораго съ этой сферой не связывало ни какое либо родство духа, ни какая либо особая идея. Французъ, наоборотъ, отнесся къ самой службѣ съ болѣе крупнымъ участіемъ, причемъ наблюденія надъ средою занимали его нисколько не болѣе, чѣмъ наблюденія надъ тѣмъ воспитаніемъ, котораго онъ ожидалъ отъ этой среды для самого себя. Сверхъ того видно, что масса, среди которой онъ былъ поставленъ, была гораздо ближе ему, роднѣе ему вообще по духу, и что его связывала съ нею еще одна особая, общая ему съ нею, національная идея. Этимъ сравненіемъ мы ограничимся и затѣмъ перейдемъ къ характеристикѣ военной службы и службы волонтера во Франціи уже исключительно съ французской точки зрѣнія.

До нашихъ поражений, — говоритъ авторъ второй изъ книгъ, которыхъ названія мы выписали выше, — офицеры стояли среди націй въ нѣсколько изолированномъ положеніи. Въ увлекавшей всѣхъ

горячѣ дѣятельности на этихъ людей, обреченныхъ обязанности и бѣдности, смотрѣли нѣсколько свысока; они выжидали, когда услуги ихъ потребуются обществу, а общество въ нихъ не нуждалось. Люди эти пребывали въ убѣжденіи, что если когда-нибудь настанетъ минута потребности, то они пробудятся къ дѣлу со всеѣмъ своимъ природнымъ мужествомъ. А потому — стоило ли заниматься ежечаснымъ трудомъ, труднымъ и требующимъ такой терпѣливости исполненіемъ работъ военнаго поля? Голова арміи приучилась считать несравненными наши войска, воинственные по природѣ, и сверху до низу іерархической лѣстницы акцептировали безъ учета, безъ справокъ и труда, тотъ вѣчно-возобновляемый вексель на будущія наши побѣды, который былъ выставленъ французскимъ хвастовствомъ. И вотъ, въ тотъ часъ, когда безпощадная опасность раскрыла намъ глаза, что могли мы противопоставить громаднымъ средствамъ неприятеля, его научной точности, его холодному мужеству? Только самопожертвованіе безъ мѣры и отчаяніе безъ исхода". Такъ говоритъ авторъ записокъ кирасира, павшаго въ одномъ изъ первыхъ сраженій съ нѣмцами. *La vie en casque* — болѣе романъ, чѣмъ описательный этюдъ. Но рассказъ этотъ стоитъ именно на рубежѣ великаго кризиса, который потрясъ французское общество; въ немъ проявляются черты изъ военной жизни за самыя послѣдніе годы второй имперіи. Вотъ почему мы сперва обратились къ нему для сопоставленія съ рассказомъ современнаго волонтера и поручика старшему товарищу, такъ-сказать, представить намъ товарища младшаго, волонтера, который служилъ уже послѣ погрома, находясь подъ вліяніемъ идей, вызванныхъ погромомъ.

Иное время, иная служба, иныя мысли. Робертъ Мирвилль, какъ называлъ своего героя Билльодель, очевидно самъ служившій въ арміи, былъ воспитанникъ сень-сирской школы; въ армію поступилъ онъ офицеромъ. Безусаго офицера въ штатскомъ платьѣ старыя кирасиры привади за рекрута, съ соответственной фамильярностью, за что украшенный шеврономъ служака Ламурѣ и удостоился эпитета „старый осель“ и четырехдневнаго ареста, при разъясненіи дѣла старшимъ офицеромъ. Весело и легко проходилъ свою службу молодой кирасирскій офицеръ. Въ ней мы встрѣчаемся съ разными чертами французскаго военнаго бита, какъ онъ былъ до 1870 года, освѣщенный второй наполеоновской легендой: беззаботная веселость, смѣсь дисциплины съ фамильярностью; появленіе неузнаннаго императора въ лагерь, сѣтованія ему солдатъ на лишеніе ихъ винной порціи за пьянство и императорское прощеніе вины съ императорскою улыбкой и криками „vive l'empereur“; деньщикъ, альзасецъ Фрицъ, который говоритъ *tu lieutenant*, легкія отличія въ Алжирѣ и приобрѣтеніе тамъ званія героя. Дѣйствительно,

въ короткое время Робертъ Мирвилль уже поручикъ; онъ переходитъ въ алжирскую армію, дѣлается адъютантомъ генерала, получаетъ рану въ схваткѣ съ арабами, а за нею и крестъ Почетнаго Легіона, съ которымъ приходитъ къ нему на квартиру самъ маршалъ Рандонъ; при столь торжественной обстановкѣ Фрицъ плачетъ. Поручикъ возвратился во Францію героемъ, имѣлъ краткій романъ, потерялъ любимую женщину и рѣшилъ жить впередъ „настоящимъ солдатомъ“. „Мой удѣлъ теперь — безопасность, вѣрнѣе сказать — равнодушіе. Но если жизнь посвящаешь странѣ, то не все ли равно, полинявшая ли это жизнь или нѣтъ? Если страсть къ своей родинѣ, къ ея величію, ея гордости господствуетъ въ насъ надъ всѣми другими страстями — то чего же еще можно требовать отъ солдата?“ Таковы заключительныя слова Мирвилля. Въ августѣ 1870 года онъ былъ убитъ, и товарищъ уже читалъ его записки. И тѣ безопасныя въ жизни, равнодушныя болѣе всего именно къ службѣ, люди любили Францію; этого у нихъ отнять нельзя. Но „требовать отъ солдата“ можно было еще многого. Это скоро выяснилось обстоятельствами. Спрашивается только, достаточно ли понять новыми людьми урокъ событій, и есть ли въ новыхъ людяхъ достаточно жизненной силы, чтобы они могли быть надеждой для возрожденія страны?

Скромность, готовность къ труду и вмѣстѣ бойкое имъ увлеченіе, собственное французскому темпераменту — вотъ качества, которыя мы замѣчаемъ въ г. Валлері-Радѣ, авторѣ дневника волонтера въ 10 линейномъ полку. Они могутъ служить ручательствомъ за будущее. Г. Валлері былъ секретаремъ редакціи журнала „Revue des deux Mondes“ и въ то же время слушалъ юридическій курсъ. Въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ годовичныхъ волонтеровъ онъ прибылъ вечеромъ въ аворскій лагерь, гдѣ было собрано до семи тысячъ солдатъ. Онъ не зналъ ни одной души. Капралъ повелъ волонтеровъ по грязной дорогѣ, вдоль барачковъ, покрытыхъ черепицей; изъ барачковъ показывались солдаты — Venez voir les quinze cents francs. Таково было собирательное прозвище, данное сперва годовичнымъ волонтерамъ, потому что они обязаны вносить по 1500 фр. при поступленіи въ ряды, на обзаведеніе и содержаніе. Волонтеры сдали свои „паспорты“, то-есть самыя различныя бумаги, служившія имъ для удостовѣренія личности: свидѣтельства въ выдержаніи бакалаврскаго экзамена, студентскіе билеты и т. п., и получили каждый свой номеръ въ полку. Дѣло было позднее, и надо было ложиться спать. На наклонно положенныхъ доскахъ, мѣшки, набитые соломой, двѣ простыни изъ парусины и одѣяло — вотъ устройство постелей. Надъ каждой постелью гвозди, служащіе вѣшалкой; надъ ними — доска для размѣщенія вещей. Потолокъ барака выбѣленъ известью, его пересѣ-

каютъ балки, между которыми повѣшена особая доска для хлѣба, по стѣнѣ на стойкѣ разставлены ружья. Раздается сигналъ, и всѣ огни гаснутъ. Нашъ волонтеръ лежитъ рядомъ съ хранящимъ карауломъ, и въ темнотѣ барака, среди незнакомыхъ людей, имъ овладѣваетъ тоскливое чувство; онъ силится поддержать себя мыслью о долгѣ, о патриотизмѣ, но засыпаетъ подъ думу о семьѣ, о вечерахъ вокругъ камина. Утромъ, въ пять часовъ, пьетъ кофе съ молокомъ, не вставая съ постели. Кофе приготовленъ солдатомъ, который, вставъ въ три часа, наколотъ дровъ, затопилъ печку, смололъ зерна простымъ способомъ: взявъ ружье за стволъ прошелся по нимъ прикладомъ; завернулъ кофе въ тряпку и сварилъ его. Вслѣдъ за сигналомъ къ вставанью, онъ разлилъ кофе въ жестяныя чашки. Въ бараке входитъ старуха и продаетъ молоко; хлѣбъ солдатскій, полубѣлый; иногда можно достать масла, и тогда завтракъ не менѣе аппетитенъ, чѣмъ тотъ, какой можно получить на Итальянскомъ бульварѣ. Умывшись, волонтеры окружаютъ сержантовъ, которые, не долго ждавши, начинаютъ разсказывать о разныхъ видѣнныхъ ими видахъ и баталіяхъ. Но вотъ раздается команда одного изъ сержантовъ—*fixe* (смирно)! Это—вошелъ офицеръ, поручикъ роты. Поручикъ 38-и лѣтъ, видъ у него „настоящій“, бравый, усы на манеръ Виктора-Эммануила. Онъ собралъ волонтеровъ вокругъ себя и объяснилъ имъ въ краткихъ словахъ, что служба ихъ будетъ нелегкая, что ранецъ, который онъ самъ носилъ, когда былъ солдатомъ, покажется имъ тяжелъ. „Вы однако не спотыкайтесь о первую трудность,—говорилъ поручикъ,—беритесь за дѣло веселѣй, исполняйте обязанность какъ слѣдуетъ, такъ еще можете и добромъ помянете эту палату, когда будемъ прощаться“.

Послѣ обмундированія, первое знакомство съ военнымъ ученьемъ, то-есть съ ружейными приѣмами. Оно не представило ничего пріятнаго: стоять около двухъ часовъ на холодѣ, на одномъ мѣстѣ, видѣливая все тѣ же немногосложные приѣмы. Тутъ же, на виду у волонтеровъ, стоялъ взводъ солдатъ, наказанныхъ карцеромъ (*prison*), который отличается отъ простаго ареста (*salle de police*). На сплнѣ у нихъ ранецъ, надъ ранцемъ свернуты мундиръ и холстъ отъ разобранной палатки, въ рукахъ — ружье. Выстроенные въ шеренгу, вдоль барака, они проводятъ по шести часовъ въ день въ упражненіяхъ: „на караулъ“ и „на плечо“. „Выше голову, ружье отвѣсно, не шевелиться!“ командуетъ имъ сержантъ, а самъ дуетъ себѣ на пальцы и показиваетъ ускоренными шагами позади ихъ, грѣясь. Сплны ихъ гнутса, зубы стучать, ноги подгибаются. Одинъ изъ этихъ несчастныхъ упалъ; его подобрали, повели въ карцеръ и положили на доску. Товарищи его, опустивъ ружья къ ногѣ, переступали съ ноги

на ногу, пользуясь промежуткомъ, чтобы согрѣться. „Дѣлай! — прокричалъ сержантъ, — упадете, подберутъ и васъ“, — утѣшалъ онъ. Вечеромъ, волонтеры опять занялись ученьемъ часа два, а штрафной взводъ въ это время разбивалъ камни и возилъ ихъ въ тачкахъ. Вдругъ перевалилась одна тачка, и одинъ изъ несчастныхъ пустился бѣжать во всю силу. Заигралъ рожокъ, и два всадника погнались за нимъ; черезъ десять минутъ они вернулись. „Гдѣ онъ?“ спросилъ сержантъ. — За рѣкой, тамъ поджидала его жена. — „Бѣдная баба, — сказала намъ солдатъ, самъ наганунѣ вышедшій изъ тюрьмы, — она изъ далекихъ мѣстъ, изъ Савои, пустилась сюда, какъ только узнала, что мужъ попалъ въ штрафной взводъ; три недѣли она ждала его за рѣкой во время ученья, теперь заживутъ опять счастливо, въ далекихъ мѣстахъ, если жандармы не перехватятъ ихъ по дорогѣ еще сегодня ночью“.

Дисциплина не мягкая, да и служба, хотя бы при исправности, не легкая. Вставать въ 6 часовъ, и отъ 7-ми до 9-ти ученье; въ 9 часовъ супъ, въ 11 часовъ перекуличка, а до тѣхъ поръ надо вычитать башмаки, поясъ и пуговицы, платье и вымести палаты. Отъ полудня до часу — урокъ развинчиванія и сбора ружья. Въ часъ — рехтованье. Въ два часа опять ученье до четырехъ. Въ пять — обѣдъ или ужинъ, т.-е. опять супъ, а послѣ обѣда до вечерней зари — надо изучать „теорію“, то-есть слушать и заучивать курсъ военныхъ наукъ, преподаваемый волонтерамъ. Черезъ каждые три мѣсяца волонтеры подвергаются экзамену, въ концѣ года они сдаютъ общій экзаменъ изъ всего курса: ученья взводнаго, ученья стрѣльбоваго, оенной администраціи, топографіи и полевой фортификаціи. Волонтеръ, не выдержавшій удовлетворительно этого послѣдняго экзамена ли подвергшійся въ теченіи года двухнедѣльному заключенію въ ардерѣ, или же тридцатидневному аресту, долженъ прослужить еще одинъ годъ на прежнихъ условіяхъ, съ той только разницею, что в этотъ разъ уже не вносить 1500 франковъ. Если по истеченіи и второго года онъ не выдержитъ экзамена, или снова подвергнется приведеннымъ наказаніямъ, тогда онъ лишается всѣхъ своихъ преимуществъ и записывается уже не одногодичнымъ волонтеромъ, но бѣжковеннымъ солдатомъ, и долженъ прослужить еще три года.

Волонтеры живутъ одинаковымъ образомъ и вмѣстѣ съ солдатами, спать въ тѣхъ же баракахъ, по нумерамъ, а нумера даются въ строевому порядку, то-есть по росту. Ближайшими сосѣдями нашего волонтера по кроватамъ были: скульпторъ, студентъ-фармацевтъ, крестьянинъ-бретонецъ, съ разными, бронзовыми и серебряными медалями (образками) на груди, и городской рабочій, у котораго рука выше локтя татуирована „львомъ, потрясающимъ свои

цѣпи“ съ надписью крупными цвѣтными буквами: „пробужденіе народа“. Еще сосѣди — два брата, сыновья полковника, спали между ламповщикомъ съ одной стороны и поварскимъ помощникомъ съ другой; сынъ нотариуса, и рядомъ съ нимъ питомецъ воспитательнаго дома; далѣе — солдатъ женатый, жена его жила въ селеніи Авортъ, въ избѣ и занималась стиркою бѣлья волонтеровъ. Волонтерамъ дозволено было сохранить фуфайки и позволено было носить, вмѣсто онучей—носки.

Между волонтерами и солдатами, разумѣется, большое разстояние въ образованіи; но и среди самихъ волонтеровъ уровень образованія различенъ. Не всѣ они сдавали бакалаврскій (гимназическій) экзамень, даже большинство сдавали въ думѣ экзамень „земледѣльческаго“, „коммерческаго“ или „техническаго“ курса. Но всѣ и волонтеры, и солдаты живутъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и спать, исполняютъ однѣ и тѣ же работы, какъ-то: выметаніе палатъ, носка дровъ, води и хлѣба, чистка кастрюль и т. д. Волонтеры имѣютъ только то преимущество относительно прочихъ солдатъ, что избавлены отъ чистки отхожихъ мѣстъ. Ученье для волонтеровъ разумѣется сложнѣе и труднѣе, но собственно военныя экзерциціи, разумѣется, для всѣхъ одинаковы. Намъ лично случилось, впрочемъ, слышать отъ одного волонтера, служившаго во французской кавалеріи, что служба крайне тяжела не только потому, что волонтерамъ преподается теорія, но еще потому, что иные начальники не жалуютъ всего учрежденія волонтеріата и относятся къ волонтерамъ крайне требовательно. Генераль, подъ начальствомъ котораго состоялъ тотъ волонтеръ, на котораго мы ссылаемся въ эту минуту, говорилъ, что въ годъ нельзя выучиться верховой ѣздѣ обыкновеннымъ порядкомъ, а потому, кромѣ теоріи, морилъ своихъ волонтеровъ ѣздой по два и даже по три раза въ день; манежъ, конный строй и волтижировка. Нѣчто въ родѣ этого испыталъ впоследствии и пѣхотный волонтеръ, котораго книгу мы разбираемъ. Но и при равенствѣ экзерцицій въ самомъ началѣ онѣ должны были казаться имъ тяжелѣ. Волонтеры и въ свободное время, у своихъ косякъ, сказывали другъ другу и изображали „солдата во фронтѣ, безъ оружія“: „пятки на одной линіи, одна подлѣ другой, насколько возможно по строенію челоуѣка; носки ровно отстоятъ въ обѣ стороны, колѣни натянуты безъ напряжения, корпусъ отвѣсно надъ бедрами и слегка склоненъ впередъ, плечи сваты и спущены, руки висятъ натурально, локти близе къ тѣлу, ладони рукъ слегка отворочены назадъ, мизинець позади шва брюкъ, голова поднята, но безъ натяжки, глаза обращены неподвижно впередъ“.

„Таково наше „положеніе“ теперь,—замѣтилъ одинъ волонтеръ,—

это наше положеніе—на годъ. Но въ какомъ же находился каждый изъ насъ прежде?—„Я учился немножко праву, а много—искусству дѣлать долги“.—„Я былъ въ школѣ изящныхъ искусствъ“,—„я въ школѣ фармацевтовъ“,—„я сынъ часовщика“,—„я ученикъ ювелира“,—„я сапожникъ“, слышались отвѣты. И каждый вызывался со временемъ прислужиться по своей части товарищамъ. „Хорошо,—скажи сержантъ,—а покажѣсть сядемъ за лото“. И вотъ, начиналась игра въ лото, съ присказками и прибаутками на выходившіе номера: 17!—землячки старше не бываютъ; 21!—рекрутчикъ; 10!—полковое знамя (№ 10); 31!—голодный день въ Пруссіи.—„Это что значить?“ спросилъ одинъ.—„А значить, что въ Пруссіи намъ полагалось по 30 раціоновъ въ мѣсяцъ, а когда въ мѣсяцѣ былъ 31 день, такъ въ этотъ день солдатъ водили себѣ щеткой по животу“. 77!—пика и лопата, инженерное оружіе; 89!—наши 89 департаментовъ. „Да у насъ ихъ теперь только 86“.—„Возьмемъ обратно всѣ восемьдесятъ девять!“

Нота, только-что прозвучавшая, проходитъ черезъ весь рассказъ. Она часто слышится, всегда подразумевается. Такъ, на стѣнѣ палаты офицеръ начертилъ карту всей Франціи и на ней провелъ черную черту, которая отрѣзала новую границу. Волонтеры шополомъ показываютъ солдатамъ ихъ департаменты, уѣзды, округи; каждому показываютъ его родное мѣсто; но *всѣмъ* показываютъ Лотарингію и Альзасъ. Въ ротѣ, къ которой принадлежалъ нашъ волонтеръ, было два лотарингца и одинъ альзасецъ. Когда послѣдній поступилъ, ему въ привѣтствіе спѣли пѣсню *le Maître d'école alsacien*:

C'est l'heure où l'on apprend à lire,
Tous les enfants baissent la voix,
Car le vieux maître vient de dire:
„Parlons la langue d'autrefois.

La patrouille allemande passe,
Baissez la voix, mes chers petits;
Parler français n'est plus permis
Aux petits enfants de l'Alsace“.

Enfants, vous qu'a frappés la guerre,
Souvenez-vous de nos malheurs,
Et que la nouvelle frontière
N'existe jamais pour vos coeurs.

Les yeux tournés vers la patrie,
Grandissez, l'heure sonnera,
Où la France, aujourd'hui meurtrie,
Dans son sein vous rappellera!

Въ это время кто моетъ окна, кто чиститъ аммуницію, кто мѣтаетъ—но всѣ хоромъ подхватываютъ припѣвъ.

Исполненіе волонтерами грубыхъ работъ сперва вызывало нѣсколько ироническое отношеніе солдатъ изъ крестьянскаго и рабочаго классовъ. „Пришла и ваша очередь“. Но скоро это сгладилось, и солдаты стали добрыми товарищами волонтерамъ. Волонтеръ мететь калату. „Полно, отдайте мнѣ,—говорить, подходя къ нему уроженецъ Бретани,—дѣло вамъ незнакомое“.— „Что-жъ, будетъ знакомо“.— „Ну, отдайте; лучше напишите мнѣ письмо къ землячкѣ“.

Весьма характеристично для Франціи замѣчаніе автора: „не смотря на примѣръ начальства, армія остается довольно равнодушна къ богослуженію; но меня поразилъ одинъ фактъ: никогда не смѣются надъ солдатомъ, идущимъ къ обѣднѣ, съ молитвенникомъ въ рукахъ“. Того, кто мало знакомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ во Франціи, поразить, конечно, не этотъ фактъ, но это замѣчаніе. Едва ли есть, кромѣ Франціи, страна, въ которой возможно было бы подобное замѣчаніе. И эту-то страну выставляютъ намъ иногда клерикальною!

Живости разсказа французскаго волонтера не мало способствуетъ то обстоятельство, что онъ могъ открыто назвать всѣхъ по именамъ, какъ товарищей своихъ, такъ и начальниковъ. Онъ описываетъ наружность и иногда приводитъ личныя черты своего поручика Ледѣ, своего капитана Рѳка, своего полковника Мерсье и своего бригаднаго начальника, генерала де-Фонтанжа. Когда волонтеры были представлены генералу, онъ произнесъ имъ небольшую рѣчь, въ которой, сдѣлавъ сравненіе между удобствами прежней ихъ жизни и неудобствами новой, сказалъ: „на васъ возложено пожертвованіе свободой и всѣми удобствами жизни, и, сверхъ того, отъ васъ требуется послушаніе капралу, пренебреженіе самолюбіемъ, разными отвращеніями; вы, такъ-сказать, посажены на нравственную похлебку! Примите за нее съ бодростью, друзья мои; согнитесь подъ эту дисциплину и примите эти испытанія. Среди васъ представлены всѣ ступени буржуазіи и вы смѣшаны со всѣми сословіями народа; соединитесь всѣ: будьте арміей, будьте Франціей!“

Нижшіе командиры еще всѣ прошли катастрофу 1870 года; о каждомъ изъ нихъ есть разсказъ, и этими разсказами воспитывается новая французская армія. Такъ, капитанъ Рокъ былъ „вольнымъ стрѣлкомъ“, генералъ де-Фонтанжъ былъ назначенъ полковникомъ въ сентябрѣ 1870 г., сержанты и многіе солдаты были въ плѣну и испытали все его униженіе. О томъ, какъ капитанъ Рокъ дѣлалъ пруссакамъ удачныя сюрпризы; какъ въ пронизанномъ кафтанѣ его разъ не осталось и такого цѣльнаго кусса, „чтобы годился на новый задъ къ старымъ штанамъ“; какъ на сѣдніе усы полковника Фонтанжа капали слезы, когда подъ Мецомъ онъ прощался

съ плѣнными солдатами; какъ сержантъ Трошонъ съ товарищами шель въ плѣнъ, подгоняемый шомполами—обо всемъ этомъ течеть вѣчная бесѣда въ казармѣ и въ лагерѣ: это любимая тема.

Содержаніе солдата обходится правительству 43 сантима въ день; за эту цѣну солдатъ накормленъ, жилье его отоплено и освѣщено и бѣлье его выстирано. Содержимый съ такимъ расходомъ, солдатъ ложится спать, имѣя на доскѣ готовый хлѣбъ и еще одинъ су (около $1\frac{1}{4}$ коп.) въ карманѣ „на удовольствіа“. Въ прежнее время палату снабжалъ припасами, кромѣ хлѣба, одинъ изъ унтеръ-офицеровъ. Онъ шель на рынокъ, выбираль провизію и дѣлаль себѣ нѣкоторыя сбереженія. Теперь въ полку хозяйствомъ завѣдуетъ комитетъ, состоящій изъ штабъ-офицера, четырехъ ротныхъ командировъ и одного поручика. Комитетъ опредѣляетъ потребность и отдаетъ поставку тому торговцу, который беретъ дешевле. По отзыву автора, этотъ порядокъ отчасти лучше, отчасти хуже прежняго. Капраль, выбирая припасы самъ, отвѣчалъ за ихъ качество; теперь случается, что „вмѣсто баранины, ставятъ козлятину“. Съ новымъ порядкомъ снабженія измѣнился и порядокъ обѣда. Прежде нѣсколько человекъ, принадлежащихъ къ одному капральству, садились обѣдать всѣ вмѣстѣ, вокругъ большой палатной миски (gamelle), и каждый лобаль въ очередь, а кто опустилъ ложку раньше знака, того ободвли одной очередью. Теперь у каждаго своя чашка, съ крышкой, и на крышкѣ своя порція соли; утромъ и вечеромъ каждый получаетъ по 150 граммовъ мяса или костей, такъ какъ въ число 300 граммовъ, отпускаемыхъ ежедневно каждому человѣку, бытъ долженъ войти въ цѣломъ своемъ составѣ, начиная съ роговъ и кончая хвостомъ.

Что касается вещевого довольствія, то на каждаго солдата отпускается при его поступленіи 40 франковъ, назначенныхъ собственно на мелкія вещи: бѣлье, обувь и щетки. На ремонтъ вещей солдата полагается по 10 сантимовъ въ день. Три раза въ годъ сводится счетъ для каждаго солдата, а по прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, если изъ ремонта сбережено болѣе 35-ти франковъ, то весь излишекъ выдается солдату на руки. Вслѣдствіе того, солдатъ бережливъ съ своими вещами, а казна отъ этого выигрываетъ. Для крупныхъ вещей (такъ-называемыхъ вещей первой категоріи): плаща, мундира, поддевки и брюкъ назначены сроки, которые должны бытъ ими выслужены во всякомъ случаѣ. По истеченіи двухъ лѣтъ, вещи обращаются въ собственность солдата, который уноситъ ихъ съ собою, уходя въ отпускъ или отставку.

Дѣло въ мартѣ. Тонкій, пронизывающій дождичекъ на перемежку со снѣгомъ. На аворскомъ плацу разбросано нѣсколько взводовъ, по

12 человекъ въ каждомъ; они въ поддевахъ (курткахъ) и въ беш. Это учатся волонтеры 10-го, 27-го и 29-го полковъ. Шаговъ въ 10—12 впереди каждого взвода командуетъ сержантъ: *garde à vous!* грудь его подсказываетъ отъ усилія, усы оцетиниваются, глаза его грозно бѣгаютъ по фронту. „При командѣ *garde à vous!* — кричитъ онъ: руку—плоско къ ремню ружья, пятки вмѣстѣ, лѣвую руку раскрыть. Номеръ третій, — не качать головой; номеръ пятый, — пятку приклада рядомъ съ правымъ носкомъ; номеръ девятый, — мизинецъ за шовъ шароваръ!“

Руки раскрываются, шеи вытягиваются, глаза выпучиваются, рты разжимаются.

— „Вотъ это—хорошо; вотъ это—осанка военная“. И снова онъ начинаетъ съ начала: „*Garde à vous... ton!* (*peloton* — взводъ). При командѣ *ton!*—поясняетъ онъ далѣе, — руку внизъ, стволъ между двумя первыми пальцами, вытянутыми вдоль локтя, три остальные пальца протянуты и сложены, конецъ ствола—около пяти сантиметровъ отъ верхней части правой руки... Да *отверните же* вы лѣвую руку, номеръ восьмой! Вѣчно у васъ лѣвая рука прижата глухимъ образомъ къ ляжкѣ. Вотъ уже почти двѣ недѣли учитесь, а все упорно не принимаете этого положенія, человекъ столь естественнаго! Если вамъ случится говорить съ генераломъ, надѣюсь, вы не будете выставлять ногу, дѣлать жесты и качать головой. Знаете, какъ должно держаться, говоря съ генераломъ?—ну, смотрите!“

И сержантъ, сдвинувъ пятки, натянувъ икры, утвердивъ голову какъ будто въ обручъ фотографа, опустивъ руки, отвернувъ ладони, точно воробей и выпучивъ глаза, какъ будто созерцая сорокъ вѣзвовъ, сидящихъ надъ пирамидами, сказалъ: „вотъ! И въ такомъ положеніи васъ не примутъ за *godillots* (дурачки, рекруты)“.

— *Portez... haïmm!* 1) Разъ!.. Два!.. живѣй откидывать лѣвую руку! *L'haïmm... brrra!* 2) Разъ!.. Два!.. Три!.. Номеръ одиннадцатый, вы точно пожарный, который вернулся изъ отпуска“. Номеръ одиннадцатый, это—нашъ волонтеръ. „Смирно, равняйся! Да откройте глаза, уши и руки, *tonnerre de Brest!*“ Вызываетъ двухъ человекъ съ праваго фланга на три шага впередъ, потомъ другихъ поодиночно, изъ взвода на эту линію. „номеръ третій, на линію! Съ лѣвой ноги, смѣлѣй! Номеръ четвертый, на линію!“ Номеръ четвертый пошелъ съ правой ноги. — „Это чтó!“ закричалъ сержантъ, съ разными *zaccé*—то, *zaccé*—другое, — „какъ, вы—бакалавръ, а выступаете съ правой ноги!“ Всѣ собраны на линію. Тогда ихъ заставляютъ вдругъ одного выходить,

1) *Portez vos armes!*

2) *L'arme au bras!*

другого входить опять. „Нумеръ одиннадцатый! (нашъ волонтеръ) подобрать животъ! Это у васъ штатскій животъ! Когда вы находите двѣ недѣли въ военной службѣ, живота не должно быть!“

Наконецъ—отдыхъ. Ряды смѣшиваются; всѣ обступаютъ сержанта; вынимается табакъ, происходитъ куреніе, сержанту набиваютъ трубку, и слушаютъ его съ почтеніемъ. „Я васъ поведу скорымъ шагомъ,—ободряетъ онъ;—вы сдѣлаете у меня въ три мѣсяца то, на что другимъ требуется девять мѣсяцевъ. Капитанъ объявилъ мнѣ о васъ, что вы молодые люди образованные. Старайтесь, чтобъ я это замѣтилъ“.

Мы нарочно приводимъ сцены; въ нихъ легче уловить дѣйствительность, подмѣтить тонъ, чѣмъ въ общихъ описаніяхъ. Ученій и смотровъ въ книгѣ волонтера не мало; какъ изъ вводнаго ученья, такъ и изъ бригаднаго и дивизионнаго смотра явствуется, что такъ-называемой „шагистики“, со всѣми ея принадлежностями, во французской арміи не мало. О наружности заботятся очень много. Французскій солдатъ, на смотре или на гулянѣ, весь блеститъ отъ чистоты. „Въ козырькѣ его, бляхѣ его пояса, головкѣ башмака, какъ въ зеркалѣ, отражаются мундиры начальниковъ и чепчики нянекъ. Когда онъ идетъ гулять, то чтобы сдѣлать свои красные шаровары ярче, онъ натираетъ ихъ слегка чеснокомъ, такъ что всѣ оборачиваются, когда онъ проходитъ“. На первомъ же бригадномъ смотрѣ генералъ нѣсколько разъ похвалилъ волонтеровъ. „Très-bien, les volontaires, très-bien! Ils ont défilé comme de vieux soldats“. Послѣ смотра, другіе солдаты поздравляли волонтеровъ и ободряли ихъ, стараясь доказать, что годъ не будетъ такъ труденъ, какъ могло показаться сначала.

Волонтеры, въ самомъ дѣлѣ, нуждались въ ободреніи. Сгоряча, многіе изъ нихъ принялись за дѣло съ увлеченіемъ, но скоро лагерная скука и дѣйствительно трудныя работы, особенно носка хлѣба и воды, сдѣлали свое. Но были и такіе, которые съ самаго начала относились къ дѣлу какъ къ скучнымъ пустякамъ, смотрѣли на свою службу, какъ на потерю времени и денегъ. Они зачеркивали дни въ календарѣ, и при вечернемъ сигналѣ отъ кого-нибудь изъ нихъ всегда слышалось: „день прибавился, днемъ убавилось“. Такихъ равнодушныхъ называли *souci-souci*. Они, въ свою очередь горячившихся дразнили „шовенами“. Нашъ волонтеръ, повидимому, принадлежалъ къ этимъ послѣднимъ, но, вмѣсто себя, выводитъ типомъ ихъ друга своего Плиссона, а представителемъ „равнодушныхъ“ волонтера, прозваннаго „виконтомъ“. Само собою разумѣется, что соответственно различію этихъ двухъ возрѣній, различалось и отношеніе тѣхъ и другихъ волонтеровъ къ прочимъ, „простымъ“ солдатамъ. Былъ еще одинъ волонтеръ, которому военная служба была противна

и по привычкамъ его, и по убѣжденіямъ. Какъ только позовутъ его на какую-нибудь работу или ученье, онъ всегда приговаривалъ: „ну, профессія!“ Онъ вступилъ однажды въ споръ съ Плиссономъ, доказывая нелѣпность, въ общемъ смыслѣ, огромныхъ расходовъ всѣхъ государствъ на вооруженія и на содержаніе этихъ массъ *traineurs de sabre*. „Границы между государствами должны бы обозначаться яблонями,—говорилъ онъ,—еслибы всѣ занимались дѣломъ“.

— Хорошо другъ, — возражалъ Плиссонъ: — собирайте мирные конгрессы и называйте всѣ народы братьями. Вдругъ одинъ изъ братьевъ пришлетъ къ вамъ въ гости своихъ улановъ.

— Значить, вы одобряете войну; но вѣдь это ужаснѣйшее бѣдствіе; оно хуже мора и голода, потому что оно—намѣренное. По мнѣ, такъ изъ-за войны я готовъ бы ненавидѣть и патриотизмъ.

Послѣдовали протесты „шовеновъ“. — „Дѣлайте фразы,—виѣшался виконтъ:—вотъ я закурю папироску, такъ отвѣчу вамъ... Война,—продолжалъ онъ,—есть драма въ нѣсколькихъ картинахъ, которую ставить король. Главные актеры получаютъ хорошее вознагражденіе и подвергаются себя опасности; актеры второстепенные подвергаются себя ббльшей опасности, при меньшемъ вознагражденіи. Что до короля, то, если онъ побѣдилъ, кричать „вивать!“ въ противномъ случаѣ—„долой“. Наконецъ—волонтерство, это—натуральная повинность и больше ничего. Но такъ-какъ мы, къ счастью, смѣшаны со всѣми солдатами, то можемъ пользоваться ими. И, подозвавъ солдата изъ другой палаты, виконтъ указалъ ему на свои башмаки:

— „Почистите; вотъ вамъ три су“.—Солдатъ взялъ три су и немедленно принялъ положеніе декроттѣра. Пока виконтъ посматривалъ—блестить ли каблукъ, другой волонтеръ училъ другого солдата азбукѣ.

Въ одномъ только волонтеры отдѣляли себя отъ солдатъ: они завели себѣ особый столъ у маркитантки: *m-me Вотъѣ*, раненая подъ Мецомъ, кормила ихъ за 15—20 су (20—25 коп.) въ день очень хорошо; у ней полагались супъ, жаркое и стаканъ вина. Отъ нѣкоторыхъ повинностей они, разумѣется, могли бы откупаться, принимая за себя на работу солдатъ. Но этого они не дѣлали, за исключеніемъ „виконта“ и еще одного или двоихъ. Солдаты впоследствии, когда уже установились товарищескія отношенія ихъ съ волонтерами, признавались автору дневника, что въ этомъ отношеніи составленъ былъ сперва нѣкоторый заговоръ или стачка противъ волонтеровъ. Солдаты были увѣрены, что „*les quinze cents francs*“ не въ состояніи таскать дрова, воду и т. д., и условились брать съ нихъ ни въ какомъ случаѣ не менѣе франка за одну очередь, какъ бы легка была работа. Но видя, что „нѣженки“ весело принялись за работу,

иногда дѣйствительно превосходящія ихъ силы, солдаты, польщенныя этимъ полнымъ равенствомъ, стали относиться къ волонтерамъ съ участіемъ и уваженіемъ.

Извѣстно, что во французской арміи дуэли, даже между солдатами, довольно часты. Но менѣе извѣстно, что дуэль не только терпится, но прямо предписывается во всѣхъ случаяхъ явной ссоры между солдатами, а тѣмъ болѣе драки. Каждый разъ, когда капралъ помѣтитъ двухъ солдатъ къ двухдневному аресту за драку или брань въ палатѣ, полковникъ неизмѣнно отмѣчаетъ на дневномъ рапортѣ „выйдутъ въ поле (irott sur le terrain)“. Нашъ волонтеръ однажды поссорился съ другимъ волонтеромъ, изъ-за сплетни; какъ люди получившіе образованіе, они, разумѣется, не подрались, да притомъ ссора не имѣла такого характера, чтобы даже по французскимъ „гражданскимъ“ воззрѣніямъ слѣдовало „возстановлять честь“ поединкомъ. Но капралъ все-таки отмѣтилъ ихъ подъ арестъ за ссору въ палатѣ. Зная, что на дневномъ рапортѣ непременно состоялась бы революція полкового командира irott sur le terrain, они сами выразили желаніе драться съ оружіемъ въ рукахъ. Поединокъ произошелъ въ рощѣ за лагерьмъ, въ присутствіи поручика, каптенармуса съ помощникомъ и секундантавъ. Нашъ волонтеръ получилъ легкую рану въ руку. Оружіемъ избираются всегда рапиры. Рана эта причиняла однако большую боль, а между тѣмъ лечить ее припечками нельзя было до слѣдующаго дня, потому что противники все-таки отправлены были подъ арестъ, такъ что раненый, лежа на голой доскѣ, въ холодной комнатѣ, отъ боли не могъ спать всю ночь и пролежалъ въ лихорадкѣ, повѣсивъ руку за перевязку на гвоздь, вбитый надъ спальною доской. Въ каждомъ полку, говорить авторъ, бываетъ болѣе 50 поединковъ въ годъ, и не всѣ имѣютъ счастливыи исходъ. Солдаты изъ крестьянъ иногда божатся, что ничего не имѣютъ другъ противъ друга, что они любятъ другъ друга, какъ родные братья. Но громкая брань или ударъ, нанесенный товарищу хотя бы въ шутку (если капралъ не захочетъ понять, что это — шутка), рѣшаютъ вопросъ безъ всякой справки съ желаніемъ ссорившихся. Послѣдуетъ революція, а если солдаты не исполнятъ ее, то ихъ отправляютъ уже въ карцеръ и держать тамъ недѣлю, двѣ недѣли, мѣсяць, угрожая лишить всякой надежды на сличіа или повышеніе — пока они не изъявятъ желанія выдти на поединокъ. Конечно, въ такихъ случаяхъ принужденія солдаты стараются сдѣлать себѣ какъ можно менѣе вреда, но такъ какъ дуэль происходитъ въ присутствіи офицера и позади каждаго изъ противниковъ проводится черта, далѣе которой онъ отступать не смѣетъ, то послѣдствія иногда и противъ воли бывають серьезныя. Авторъ

рассказываетъ случай, бывший съ двумя альзасцами-односельчанами, которые подрались изъ-за разбитой трубки и, несмотря на всякіе протесты въ дружбѣ, были принуждены драться. Они кинули жребій, кому быть уеолотымъ въ руку сквозь ажурную чашку рапиры, и стали въ позицію; но въ тотъ моментъ, когда одинъ выпалъ, внося ударъ прямо по условію, другой хотѣлъ отпарировать его и отвернулъ руку—рапира прошла въ грудь, и парировавшій былъ убитъ.

Взглядъ французскаго военнаго начальства на дуэль выражается въ словахъ капитана, разсуждавшаго объ этомъ съ нашимъ волонтеромъ.—Что же дѣлать? Очень жаль, но тѣмъ не менѣе безъ дуэли невозможно было бы поддержать въ арміи и совнаніе личнаго достоинства, и дисциплину. Солдаты стали бы вступать въ драки другъ съ другомъ; они заколачивали бы другъ друга до смерти кулакомъ или ногой, еслибы у нихъ не видѣлась постоянно въ перспективѣ заостренная рапира.—Капитану однако не удалось убѣдить автора. Даже допустивъ, что дуэль въ арміи есть зло неизбежное, авторъ все-таки находитъ неблагоприятнымъ оставлять поединкомъ на произволъ капрала, и высказываетъ мысль, что слѣдовало бы для солдатъ устроить суды чести, изъ поручика, подпоручика и одного солдата той же роты. Нельзя, во всякомъ случаѣ, не признать въ высшей степени ненормальнымъ такое явленіе, что законъ воспрещаетъ дуэль, а военное начальство предписываетъ ее подъ страхомъ наказать.

Наказанія во французской арміи, какъ извѣстно, существуютъ только въ двухъ видахъ: смертная казнь и заключеніе въ разныхъ степеняхъ: *consigne* — простое лишеніе свободы, *salle de police* — арестъ въ особой камерѣ, *prison* — карцеръ и *cellule* — одиночное заключеніе. Младшій унтеръ-офицеръ (капралъ) уже имѣетъ право назначать двухдневный арестъ. Нашъ волонтеръ подвергся однажды аресту за то, что былъ застегнуть „не на ту сторону“. Мушкетеры — двубортные; для того, чтобы перѣдъ не слишкомъ обтирался, въ французская армія застегивается съ 1-го по 16-е числа каждаго мѣсяца — направо, съ 16-го по 1-е — налѣво. Однажды, на переключкѣ, нашъ волонтеръ, вытянувшись какъ слѣдуетъ, только-что отнесъ мизинцы за швы панталонъ и отвернулъ руку („собрался плавать“), какъ вдругъ сержантъ Трошонъ закричалъ на него:

— Это чтѣ такое? Вы, рядовой моего отдѣленія, вы — застегнуты направо? Развѣ вамъ не извѣстно, что нынче — 16-е число? Неужели вамъ въ голову не пришло, когда вы вставали, прежде всего: — сегодня застегиваютъ налѣво? Хотѣлъ бы я знать, о чемъ же вы думаете,

если не думаете о такихъ вещахъ? И этакой народъ считаетъ себя солдатами!

У сержанта съ досады выпала трубка.

— Арестъ на 24 часа; капраль, отведите этого рядового въ ящикъ.

Другая сцена въ томъ же родѣ.

„Надняхъ капраль Камаръ (capard — утка), 5-й роты 2-го батальона, сказалъ одному изъ своихъ рядовыхъ: встаньте! — Ква, отвѣчалъ солдатъ. — Вы слышали, что вамъ приказано? — Ква. — Ослушаніе? — Ква. — Немедленно капраль Камаръ написалъ рапортнику, которой вотъ текстъ: Томá, солдатъ второго разряда, наказанъ двухдневнымъ арестомъ (по распоряженію капрала Камара) за то, что на приказаніе встать означеннаго капрала, ослушался, троекратно подражая крику означеннаго животнаго“.

Послѣдняя война показала, какъ извѣстно, что во французской арміи довольно развито было пьянство. Прежде на пьянаго смотрѣли съ участіемъ, заботливо проводили его въ казарму, поручали капралу. Теперь, особенно послѣ изданія закона о наказаніяхъ за пьянство, въ арміи къ этому пороку стали относиться очень строго, и пьянство значительно уменьшилось. Если точно приводимое авторомъ отношеніе, по которому въ праздникъ вечеромъ едва ли на 100 солдатъ 1 возвращается пьянымъ, то мы могли бы даже сказать, что пьянства во французской арміи совсѣмъ нѣтъ. Кантильберкамъ совершенно запрещено держать абсентъ ¹⁾. Солдатъ, замѣченный даже слегка пьянымъ, присуждается ротнымъ командиромъ въ карцеру на недѣлю. Заговоривъ о наказаніяхъ заключеніемъ, упомянемъ, что волонтеры подлежатъ имъ наравнѣ съ солдатами. Всѣ, находящіеся подъ арестомъ и въ заключеніи, исполняютъ въ это время самыя грубыя хозяйственныя работы. Нашъ волонтеръ за то, что застегнулся лишній день направо, долженъ былъ вывезти соръ изъ кухни въ тачкѣ, и поварь, подваливъ ему въ тачку сору, не удержался, чтобы не сказать со смѣхомъ: „а вѣдь ты за это 1500 франковъ далъ!“

Надо, впрочемъ, замѣтить, что рассказъ автора не изображаетъ быта волонтеровъ во всѣхъ французскихъ полкахъ. Тамъ какъ учрежденіе — новое, то на первое время было предоставлено на усмотрѣніе полковыхъ командировъ смѣшивать волонтеровъ съ солдатами, или распределять ихъ по группамъ, помѣщая въ отдѣльныхъ палатахъ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ полкахъ не было того полнаго равенства и постоянного сожителства, о которыхъ рассказываетъ волонтеръ. Онъ лично того мнѣнія, что гораздо полезнѣе полное смѣшеніе и равенство: оно

¹⁾ Палинная водка, наиболѣе употребительная во Франціи; ее пьютъ съ водою.

въ духѣ закона и, соотвѣтствуя національному характеру, устраняетъ зависть. Учрежденіе волонтеріата, по отзыву автора, должно во Франціи имѣть иное значеніе, чѣмъ въ Пруссіи. Въ Пруссіи цѣль этого учрежденія—исключительно военная; волонтеры вступаютъ въ ряды для приготовленія въ офицеры ландвера. Какъ только кончилось дневное ученіе, они изъ рядовъ выходятъ; живутъ особо, держатся совершенно въ сторонѣ отъ солдатъ. Во Франціи же и по закону, и по національнымъ особенностямъ, такихъ сословныхъ преградъ быть не должно, и волонтеріатъ долженъ получить значеніе не только военное, но и социальное. Онъ долженъ съ одной стороны еще болѣе сблизить классы, съ другой стороны—дать мужественное воспитаніе классамъ недостаточнымъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, авторъ ожидаетъ отъ волонтеріата весьма многого, и такое упованіе возлагается на учрежденіе это, — замѣтимъ мы, — людьми и болѣе компетентными, чѣмъ авторъ, напр., Ж. Симономъ (L'Éducation du pays par l'armée). Нельзя не допустить, что изнѣженность, „баловство“, въ значительной степени ослабили бодрость и силу дѣйствія въ богатыхъ классахъ Франціи, ослабили въ нихъ и серьезную мысль о солидарности съ массою народа. „Волонтеріатъ, — говоритъ авторъ, — будетъ имѣть самое хорошее вліяніе на воззрѣнія и нравы. Идеи долга, самопожертвованія и патриотизма укрѣплятся въ насъ и нравы выстрадають отъ суровой школы послушанія и лишеній. Я думаю, что учрежденіе это сдѣлаетъ насъ не только хорошими солдатами и добрыми гражданами, но и лучшими сыновьями. Въ самомъ дѣлѣ, для большинства молодыхъ людей жизнь въ семьѣ значитъ немного болѣе, чѣмъ даровая гостинница. Отцу говорятъ „здравствуй“ за завтракомъ, „прощай“ — послѣ обѣда. Какъ только сложена салфетка, молодого человѣка уже нѣтъ дома. Только часовъ въ 11—12 ночи онъ вспоминаетъ, что у него есть постель въ домѣ родителей. Родительское иго казалось намъ слишкомъ тяжело; пройдемъ подъ игомъ капральскимъ“.

Само собой разумѣется—да мы уже и приводили изъ разсказа волонтера примѣръ тому, — что не всѣ волонтеры смотрятъ на дѣло съ такой точки зрѣнія. Для иныхъ это—просто неизбежная неприятность; нѣкоторые стараются уменьшить ее, нанная солдатъ для исполненія за себя работъ; другіе смягчаютъ неприятность блестящимъ мундиромъ; такіе идутъ въ кавалерію. Одинъ молоденькій и богатенькій баронъ спрашивалъ съ ужимками у товарищѣй, куда ему приличнѣе поступить: въ пѣхоту или въ кавалерію. „Разумѣется, въ пѣхоту; по крайней мѣрѣ объ одномъ животномъ заботиться“.

Авторъ „Дневника“ подробно знакомитъ читателя съ родомъ тѣхъ учебныхъ занятій, которыя назначены во Франціи для волонтеровъ.

Излишне было бы передавать здѣсь его описанія первыхъ пріемовъ топографической стѣмки, упражненій въ полевой фортификаціи, тактикѣ и инструкціи о снабженіяхъ. Описанія эти въ самой книгѣ однако представляются вовсе не излишними; они придаютъ разсказу о жизни волонтеровъ реальность, и самое помѣщеніе ихъ въ этомъ разсказѣ показываетъ, что нашъ волонтеръ дѣйствительно интересовался этими знаніями, серьезно относился ко всѣмъ своимъ занятіямъ.

Камень преткновенія, лежащій на пути образованныхъ людей, поступающихъ въ армію солдатами, это—умѣнье поставить себя по отношенію къ низшимъ начальникамъ; умѣнье избѣгнуть всего, что могло бы лично озлобить людей неразвитыхъ или малоразвитыхъ, побѣдить въ себѣ самолюбіе мелочное и сохранить скромное, но неуклоняющееся отъ строгаго достоинства положеніе. Авторъ дневника разсказываетъ о себѣ, какъ ему трудно было перенести придирчивость одного сержанта. Напр., когда нашъ волонтеръ мелъ палату, сержантъ приказывалъ ему становиться на колѣни и подбирать руками отстававшія отъ щетки соломенки. Кровь бросилась волонтеру въ голову, не отъ одного наклоннаго положенія, конечно. Но онъ сумѣлъ молча исполнить приказаніе, потому что отъ него, въ сущности, все-таки не требовалось ничего сверхъ обязанности, и, стало быть, дѣйствительно оскорбительнаго тутъ ничего не было, хотя приказаніе очевидно и давалось съ цѣлью оскорбленія. Обижаться такимъ приказаніемъ значило, въ сущности, обижаться званіемъ солдата. Но сколько молодыхъ людей могутъ сдѣлаться жертвами минутной всыпшки, не говоря уже о насмѣшливости, къ которой такъ склонны французы. Авторъ разсказываетъ объ одномъ волонтерѣ, который шутками насчетъ своего капрала приобрѣлъ особое злобное его вниманіе. Капралъ однажды даже проговорился, что заставитъ этого человѣка прослужить лишній годъ. Сдѣлать это капралу не трудно, такъ какъ онъ имѣетъ право налагать двухдневный арестъ, а тридцати дней ареста въ году достаточно для того, чтобы волонтеръ остался на службѣ еще на годъ. Капралъ придирался къ нему на каждомъ шагѣ, дѣлалъ ему замѣчанія безпрестанно, стараясь вывести его изъ терпѣнья; когда волонтеръ отпрашивался въ городъ, капралъ останавливалъ его какимъ-нибудь приказаніемъ, вслѣдствіе котораго тотъ опаздывалъ на поѣздъ; за малѣйшую несправность въ чисткѣ какого-нибудь ремня или пуговицы, капралъ сажалъ его въ арестъ. Волонтеръ, по природѣ веселый и болтливый малый, сдѣлался задумчивъ, угрюмъ, почти пересталъ говорить, и наконецъ—бѣжалъ. Онъ прислалъ потомъ письмо къ товарищу въ лагерь и объяснялъ, что хотя послѣдствіемъ дезертирства для него должно быть тридцатилѣтнее изгнаніе изъ страны, но онъ все-таки

не раскаивается въ томъ, что сдѣлалъ; онъ готовъ былъ бы перенести всякія лишения и опасности, но не чувствовалъ себя въ силахъ перенести оскорбленія злого невѣжды, который былъ его начальникомъ.

Подобные примѣры—ихъ будетъ во Франціи не мало—могли бы вѣсть къ предпочтенію прусской и нашей системы отдѣльнаго отъ солдатъ помѣщенія одногодичныхъ волонтеровъ, хотя наружные отличительные знаки, установленные у насъ для солдатъ изъ образованныхъ людей вообще, во Франціи, разумѣется, немислимы. Загѣтнѣ, что авторъ дневника, при всей своей исправности, не дослужился и до капральства; пока онъ былъ на службѣ, онъ оставался рядовымъ. Но хотя у насъ, можетъ быть, вольноопредѣляющимся предстоитъ меньшая опасность отъ произвола унтеръ-офицеровъ, которые все-таки будутъ видѣть въ вольноопредѣляющихся „госнодь“, за то едва ли можно поручиться, что въ средѣ низшихъ офицерскихъ чиновъ у насъ не встрѣтятся, въ видѣ исключеній, такіе начальники, которые встрѣчаются во Франціи среди унтеръ-офицеровъ. Не надо забывать, что такъ въ отношеніяхъ къ людямъ на Западѣ есть состояніе классовъ, стоящихъ сравнительно ниже и по положенію въ обществѣ, и даже по образованію. Школа военной службы можетъ быть очень хороша для прошедшихъ ее удачно; но отрицать, что она не лишена и нѣкоторыхъ опасностей—нельзя.

Годъ службы автора дневника не весь протекъ въ аверскомъ лагерѣ; полкъ его былъ отправленъ въ Лионъ, такъ что ему пришлось испытать и тягости похода черезъ три департамента, то-есть тѣ тягости, которыя соотвѣтствуютъ одному передвиженію войскъ: усталость подъ ношею въ 20 вѣлегр., пузыри подъ ступнями, никогда-тѣснаота или неудобство ночлега. Волонтеръ удостовѣряетъ, что нашелъ вездѣ пріемъ радушный. Иные принимали его хорошо изъ „жадности“ къ его положенію, другіе не сочувствію къ самому учрежденію, третьи потому, что у нихъ былъ сынъ или братъ въ арміи. Но суда по нѣкоторымъ чертамъ, проявляющимся въ разсказѣ, нельзя сказать, чтобъ и во Франціи относились къ солдату съ уваженіемъ. Крестьянинъ и ремесленникъ смотрятъ на солдатъ съ-той исходной точки зрѣнія, что онъ получаетъ всего по одному су въ день. На югѣ Франціи, при первомъ видѣ солдатъ, приближающихся къ фермѣ съ квартирнымъ билетомъ въ рукавъ, говорится: „Марі, возьми вилы и перебрось солому — вонъ солдаты идутъ“. Въ началѣ разговора о томъ, что такое волонтерство, одинъ ткачъ сказалъ автору: „А вѣдь вы годились бы и на что-нибудь другое“; но, разузнавъ о цѣли учрежденія, онъ же заявилъ сочувствію къ ней.

Не всѣ извѣстные доселѣ отзывы объ этомъ учрежденіи согласны

съ мнѣніемъ автора. Такъ, еще въ прошломъ мѣсяцѣ, въ дѣльной статьѣ о нынѣшнемъ положеніи французской арміи, напечатанной въ англійскомъ журналѣ „Blackwood Magazine“, высказано было, что волонтерство доселѣ произвело во Франціи наиболѣе замѣтный результатъ въ той зависти, которую оно возбудило среди солдатъ, служащихъ пятилѣтній срокъ. Но такая зависть довольно естественна и при французскихъ общественныхъ условіяхъ неизбежна. Французскій солдатъ не столько будетъ польщенъ равенствомъ въ положеніи съ волонтеромъ, сколько чувствителенъ ко всякому неравенству; а неравенство въ срокѣ службы—неравенство весьма яркое. Но это не мѣшаетъ ожиданію хорошихъ социальныхъ послѣдствій отъ волонтерата, каковы бы ни были послѣдствія его собственно для военнаго дѣла. Тотъ волонтеръ, чью книгу мы разсматривали, высказываетъ, правда, взгляды оптимистскіе, но на рассказъ его, въ общемъ, можно все-таки полагаться, такъ какъ онъ ничего не скрываетъ, ни причинъ къ недовольству, ни случаевъ недовольства, ни утомительности упражненій и работъ, ни существующей въ полкахъ манеры показывать „товаръ лицомъ“ при смотрахъ, ни нѣсколько-излишней заботливости о прямомъ положеніи „помпоновъ“, украшающихъ кивера. Сверхъ того, онъ всѣ лица своего рассказа называетъ по именамъ, начиная отъ капрала Франсуа и кончая корпуснымъ командиромъ, генераломъ Дюеро и даже президентомъ республики.

Обозначимъ нашъ обзоръ этого рассказа тою нотой, которая не разъ въ немъ слышится изъ-за толковъ о будничныхъ, мелкихъ случаяхъ солдатской жизни. На прощанье съ своимъ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Робомъ, который получилъ повышение, волонтеры поднесли ему аллегорическій бюстъ, изображавшій Альзасъ, въ видѣ плачущей, но гордо смотрящей впередъ женщины. Робъ не былъ альзасецъ, но командовалъ отрядомъ „вольныхъ стрѣлковъ“ во время войны 1870 г. — „Что за подарки, — сказалъ капитанъ, когда депутаты отъ волонтеровъ торжественно принесли ему завернутый бюстъ: — позать руку, вотъ и довольно. Что это вы мнѣ принесли? Горшокъ цвѣтовъ?“ Но когда капитанъ увидѣлъ въ чемъ дѣло, то нѣсколько лихорадочно пожалъ волонтерамъ руки: „благодарю васъ, друзья; я васъ понялъ, — сказалъ онъ: — благодарите отъ меня вашихъ товарищей“... Затѣмъ онъ понесъ бюстъ къ себѣ въ комнату, быстро обернулся и прибавилъ: „и оставьте меня, я занятъ“.

Л. П.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1875.

Вопросъ о желѣзно-дорожномъ строительствѣ.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Новыя правила о выдачѣ концессій.—Проектъ образованія таганрогской губерніи.—Вопросъ о міусскомъ округѣ.—Разрѣшеніе вольной продажи пороха.—Вопросъ о введеніи Городового Положенія въ остзейскомъ краѣ.—Юбилей въ петербургской думѣ.

Вопросъ о способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ или, точнѣе, вопросъ—кто долженъ строить желѣзныя дороги — можетъ быть въ теоріи рѣшаемъ различно тамъ, гдѣ частная промышленность такъ развита, столь самостоятельна отъ государственной помощи и располагаетъ такимъ собственнымъ кредитомъ, что казна, принимаясь сама за постройку желѣзныхъ дорогъ, является только въ видѣ конкурента частной промышленности, притомъ конкурента неравноправнаго, конкурента, устраняющаго своихъ соперниковъ посредствомъ закона. Тамъ, гдѣ правительство находится лицомъ къ лицу съ могущественной частной инициативой, гдѣ ему стоить только разрѣшить устройство дорогъ, а построены онѣ уже будутъ не на его средства и безъ помощи его кредита, въ такихъ странахъ, говоримъ мы, теорія имѣетъ право, оставаясь на реальной почвѣ, рѣшить такъ или иначе вопросъ о томъ, въ чьихъ рукахъ должно быть желѣзно-дорожное дѣло, постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ, рѣшеніе этого вопроса послѣдуетъ въ пользу частной инициативы или въ пользу государственной функціи, смотря по тому, которому изъ двухъ началъ экономическихъ будетъ отдано предпочтеніе: началу свободной конкуренціи, или принципу обезпеченія государствомъ общихъ интересовъ гражданъ. Возьмемъ въ примѣръ дѣло почтовое. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Англіи, Франціи и Германіи нашлось бы достаточно частныхъ капиталовъ и солидныхъ распорядителей, чтобы все устройство и содержаніе почтъ въ этихъ странахъ можно было передать въ руки частной конкуренціи, которая, разумѣется, пони-

вила бы плату за корреспонденцію. Но вопросъ могъ быть рѣшенъ по другимъ соображеніямъ—и дѣйствительно рѣшенъ иначе: почты остаются въ рукахъ государства, именно въ видахъ болѣе надежнаго обезпеченія общихъ интересовъ.

Подобное же двойное рѣшеніе въ теоріи возможно въ тѣхъ странахъ и для желѣзныхъ дорогъ, и мы дѣйствительно видимъ въ тѣхъ странахъ дѣйствіе той и другой системы, видимъ и стремленіе къ замѣнѣ одной другою. Въ Англіи желѣзныя дороги построены частною инициативой, но идея о выкупѣ ихъ государствомъ съ каждымъ годомъ приобретаетъ болѣе сторонниковъ; въ Бельгіи дороги построены и эксплуатируются государствомъ; въ Германіи осуществились рядомъ обѣ системы, но въ послѣднее время системѣ государственной постройки и эксплуатаціи оказывается предпочтеніе. Какъ бы ни были различны условія дѣла въ этихъ странахъ, но по отношенію ко всѣмъ имъ можно сказать, что теорія, оставаясь на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ и реальныхъ силъ, можетъ съ одинаковымъ правомъ давать выводы въ пользу обоихъ рѣшеній, то-есть въ пользу постройки частной и въ пользу постройки государственной.

Совсѣмъ иначе представляется дѣло тамъ, гдѣ при малой развитости частной промышленности, недостатку частныхъ капиталовъ и слабости частнаго кредита, наконецъ и сравнительной малодоходности дорогъ, единственнымъ двигателемъ при постройкѣ значительныхъ линій все равно представляется правительство, какую бы форму оно ни придало своему почину: форму ли непосредственно-государственной постройки или же форму субсидій, ссудъ и обезпеченій, даваемыхъ откупщикамъ, устраивающимъ мнимыя компаніи. Трактовать вопросъ у насъ въ тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ на Западѣ, нельзя, просто потому, что у насъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ—какъ и во всѣхъ главныхъ дѣлахъ—существуетъ пока только одна реальная сила, а не двѣ—самостоятельныя. Русскій концессионеръ, которому три-четверти капитала на постройку реализуются правительствомъ, который большую часть остальной четверти можетъ найти только за границей и то единственно при помощи правительственной гарантіи облигаціоннаго капитала, очевидно не представляетъ собою ни въ какой мѣрѣ силу частнаго русскаго капитала, частной русской промышленности. Если же, вдобавокъ, концессионеръ этотъ былъ даже въ извѣстной степени охраненъ правительствомъ отъ безусловной частной конкуренціи, если онъ прямо былъ избранъ самимъ правительствомъ, то затѣмъ спрашивается, что же онъ такое, если не простой откупщикъ, котораго все предпріятіе создано правительствомъ и который самъ правительствомъ назначенъ? Теорія не имѣетъ права до таковой степени удаляться отъ жизни, отъ реаль-

ныхъ фактовъ, чтобы допускать двѣ самостоятельныя силы, тамъ, гдѣ въ дѣйствительности есть только одна, и рѣшать вопросъ въ пользу той или другой стороны, допуская ихъ взаимную самостоятельность и равноправность тамъ, гдѣ на дѣлѣ одна сторона не приноситъ сама ничего, а только принимаетъ изъ рукъ другой и деньги на предпріятіе, и привилегію на барыши съ этихъ денегъ.

Что постройка большихъ линій у насъ совершалась и будетъ совершаться на средства, предоставляемыя посредничествомъ казна,— въ этомъ нѣтъ сомнѣній, а стало быть не можетъ быть и вопроса о предпочтеніи государственной или частной инициативы въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ видѣть „частную инициативу“ въ желаніи или согласіи избираемаго правительствомъ лица собирать барыши отъ постройки на деньги, данныя правительствомъ. Итакъ, вопросъ у насъ представляется въ условіяхъ радикально-отличныхъ отъ тѣхъ, какія мы видимъ на Западѣ. У насъ вопросъ состоитъ только въ томъ, какимъ способомъ казна исполнитъ постройку: прямо посредствомъ своихъ инженеровъ и вѣроуверенныхъ подрядчиковъ, или посредствомъ одного оптоваго подрядчика, называемаго концессионеромъ, или же посредствомъ устрояемыхъ правительствомъ же дѣйствительныхъ (не призрачныхъ) компаній акціонеровъ.

Извѣстныя правила 30-го марта 1873 года были направлены къ осуществленію этого послѣдняго способа постройки желѣзныхъ дорогъ. Правила эти, какъ всѣмъ памятно, потерпѣли полное фіаско. Четыре дороги, сданныя въ прошломъ году „на основаніи этихъ правилъ“, попали въ руки тѣхъ же концессионеровъ, причемъ борьба между концессионерами выразилась въ представленіи возможно-большихъ залоговъ, для захвата большаго числа акцій, а съ ними и голосовъ въ собраніяхъ минимыхъ акціонеровъ. Громадная спекуляція, обнаружившаяся при этомъ, показала скорѣе недостатокъ, чѣмъ избытокъ сбереженій въ странѣ. Да иначе и быть не могло. Сбереженія у насъ всѣ помѣщены въ государственныхъ бумагахъ, и если они могли явиться на подписку, то только при посредствѣ ссуды государственнаго банка. Но они и явились къ ней единственно съ цѣлью спекуляціи: перепродажи акцій, связанныхъ съ голосами. На стоящая борьба была не изъ-за будущихъ доходовъ съ акцій, то есть съ эксплуатаціи дорогъ, но изъ-за барышей отъ ихъ постройки. Это была борьба даже не между капиталистами, но между концессионерами-строителями. Правда, капиталы явились на ихъ зовъ, и явились не для помѣщенія въ дѣло, а для пріобрѣтенія двухкратной наживы на двухнедѣльную ссуду концессионерамъ, исчислимыхъ залоговъ. Полный неуспѣхъ видовъ вреднаго управленія ну

той сообщенія въ этомъ случаѣ въ послѣдствіи былъ приписанъ нерациональности правилъ 1873 года. Самая цѣль, къ которой то управленіе стремилось, цѣль весьма почетная—устранить концессіонеровъ и на мѣстѣ ихъ поставить дѣйствительныя компаніи акціонеровъ, козлевыя дороги—была признана недостижимой. Въ какой мѣрѣ мнѣніе это справедливо, сказать съ достовѣрностью нельзя, потому что въ дѣйствительности того опыта, какой хотѣло сдѣлать строительное вѣдомство, сдѣлано вовсе не было. Не правила 30-го марта 1873 года потерпѣли неудачу, но передѣлка этихъ правилъ; не уставы четырехъ дорогъ, составленные въ ноябрѣ 1873 г. на основаніи правилъ, но уставы тѣхъ же дорогъ 22-го февраля 1874 года, составленные съ такими отступленіями отъ правилъ 30-го марта, которыя прямо противорѣчили цѣли послѣднихъ и дѣлали ее недостижимой. Не будемъ повторять теперь того, что сказано было въ свое время съ достаточной доказательностью. Но не надо давать укореняться недоразумѣніямъ и заблужденіямъ, которыя ловко эксплуатируются людьми, заинтересованными въ дѣлѣ; а потому необходимо и теперь констатировать тотъ фактъ, что правила 1873 года примѣнены не были, что опыта учреждений, при прямомъ посредствѣ правительства, дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ сдѣлано не было и, наконецъ, что цѣль эта,—достижима она или нѣтъ,—заслуживала во всякомъ случаѣ полного сочувствія и искренней попытки къ ея достиженію. Изъ этихъ словъ уже ясно, что мы не беремся утверждать, возможно ли у насъ созданіе дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ для постройки желѣзныхъ дорогъ при помощи казны. Можетъ быть нѣтъ, можетъ быть и да, и если бы когда-нибудь сдѣлана была серьезная попытка для достиженія этой цѣли, тогда и можно было бы сказать—достижима она или нѣтъ.

Какъ бы то ни было, но правила 1873 года были устранены еще прежде, чѣмъ объявлена была подписка на оренбургскую, фатовскую, привислянскую и уральскую дороги. Съ тѣхъ поръ никакой общей программы для осуществленія дальнѣйшихъ построекъ желѣзныхъ дорогъ не было, а между тѣмъ имѣлось уже въ виду строить линіи, разрѣшенныя еще въ 1873 же году, какъ-то: донецкую каменноугольную съ двумя вѣтвями и соединенія ея съ дово-севастопольскою дорогой у Мелитополя, сумскую, баскунчавскую, солевозную и старорусскую. Спрашивалось, какимъ способомъ будетъ производиться ихъ постройка? Прежнее министерство путей сообщенія весьма рѣшительно стояло за постройку новыхъ дорогъ непосредственно распоряженіемъ государства. Въ пользу этого способа приводились аргументы довольно убѣдительныя. Не особенно убѣдительны были тѣ изъ нихъ, которые были въ то же время направлены противъ спо-

соба концессионерскаго. Сдавать постройку лицу, избранному богѣ или менѣе произвольно, единственно для того, чтобы воспользоваться барышнемъ на постройкѣ, которая производится на деньги, доставляемыя казною, до такой степени нераціонально, что никому не было возможности защищать этотъ порядокъ по принципу, какъ нѣчто окончательное. Что касается созданія дѣйствительныхъ обществъ акціонеровъ, то, за устраненіемъ правилъ 1873 г., о немъ уже не было рѣчи. Оставался, значить, только одинъ способъ — постройка непосредственнымъ распоряженіемъ государства.

Измѣненіе, послѣдовавшее годъ тому назадъ въ управленіи строительнымъ вѣдомствомъ, застало вопросъ въ такомъ нерѣшенномъ, но довольно ясномъ положеніи. Затѣмъ, этотъ общій вопросъ такъ и оставался, и остается безъ рѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Но между тѣмъ онъ возникалъ на практикѣ въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ; надо было рѣшиться на что-нибудь для исполненія разрѣшенныхъ уже линій. При обсужденіи, въ комитетѣ министровъ, вопроса о способѣ постройки донецкой и мелитопольской дорогъ, по слухамъ, вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ въ пользу постройки государственной, потому что министерство финансовъ не признало возможнымъ найти ту дополнительную часть капитала, всего 10 милл. р., которая замѣняла бы капиталъ, собираемый посредствомъ акцій, въ дополненіе къ капиталу облигаціонному. Но, если справедливы были слухи, большинство собранія все-таки высказалось противъ концессионнаго способа, а именно предоставило рѣшеніе вопроса о способѣ постройки утвержденныхъ уже линій—соглашенію министра путей сообщенія и министра финансовъ, съ тѣмъ однако, чтобы избранный способъ ни въ какомъ случаѣ не былъ концессионнымъ.

Между тѣмъ, къ прежней сѣти разрѣшенныхъ линій присоединилась въ теченіи года новая сѣть, проектированная новымъ управленіемъ путями сообщенія. Въ составъ этой сѣти входятъ дороги, уже названныя выше, и, сверхъ нихъ, еще слѣдующія (въ порядкѣ постепенности, предположенномъ для ихъ постройки): два продолженія донецкой дороги къ западу, и три дальнѣйшія вѣтви той же дороги; сибирская дорога, вопросъ о направленіи которой былъ затѣмъ рѣшенъ особо; брянско-гомельская дорога, бакинская, и вѣнопольская (отъ Ивангорода до Домброва) дороги. Такимъ образомъ, разрѣшена или предположена къ разрѣшенію была сѣть изъ 8-и главныхъ линій, съ общимъ протяженіемъ до 3,575 верстъ. Дороги эти предполагалось строить или постепенно одну за другою, или нѣкоторыя одновременно, смотря по возможности. При скорости, съ какою нынѣ строятся желѣзныя дороги, можно предполагать, что эта сѣть могла бы осуществиться въ теченіи всего нѣсколькихъ лѣтъ. А

такъ какъ, по весну нынѣшняго года (вѣдомость за мартъ 1875 г.), итогъ эксплуатируемой уже сѣти желѣзныхъ дорогъ составлялъ 17 т. верстъ и строилось до 4 т. верстъ, то можно ожидать, что чрезъ нѣсколько лѣтъ Россія будетъ имѣть до 25 тысячъ верстъ желѣзныхъ путей и займетъ, по безотносительному числу верстъ своей желѣзно-дорожной сѣти, первое мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ.

Предоставленный соглашенію двухъ министерствъ вопросъ о способѣ постройки, наконецъ, рѣшился по отношенію къ первой изъ нихъ, а именно—донецкой дорогѣ. Уставъ ея утвержденъ въ комитетѣ министровъ. Извѣстіе объ этомъ появилось въ печати вмѣстѣ съ извѣстіемъ и о тѣхъ новыхъ „правилахъ“, которыя установлены для отдачи донецкой дороги въ постройку. Правила эти въ сущности—не новы; установленный ими способъ, есть способъ чисто-концессионный; избраніе концессионнаго способа, съ ограниченою конкуренціей, на которомъ остановились нынѣ, повидимому не вполне соответствуетъ всему ходу развитія общаго вопроса и даже той постановкѣ, которая первоначально дана была въ комитетѣ частному вопросу о способѣ постройки донецкой и мелитопольской линій. Но еще при самомъ назначеніи нынѣшняго главнаго начальника строительнаго вѣдомства многими высказывалась мысль, что это назначеніе должно было значительно облегчить соглашеніе воззрѣній министерства путей сообщенія съ видами министерства финансовъ. А такъ какъ было извѣстно, что министерство финансовъ отдавало предпочтеніе способу концессионному, то и можно было, съ нѣкоторой вѣроятностью, заключить, что избранъ будетъ послѣдній способъ. Иные зашли еще дальше въ своей предусмотрительности, которая на самомъ дѣлѣ и оправдалась; они предсказывали при самомъ назначеніи новаго начальника строительнаго вѣдомства, которому именно виду концессионнаго способа будетъ отдано предпочтеніе, и нынѣ „Московскія Вѣдомости“ не безъ основанія замѣчаютъ, что восторжествовавшая нынѣ система именно та, которая дѣйствовала при непосредственномъ управленіи желѣзными дорогами барона Дельвига.

Изложимъ кратко, въ чемъ состоятъ „новыя“ правила. Министры путей сообщенія и финансовъ, по соглашенію, избираютъ тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть допущены къ конкуренціи на полученіе дороги или, какъ это называется—„изъявившихъ желаніе принять на себя образованіе общества для сооруженія и эксплуатаціи дороги“. Избранныя лица объявляютъ въ назначенный срокъ, въ запечатанныхъ конвертахъ, цѣну, по которой они принимаютъ на себя постройку, причемъ не дозволяется ходатайствовать объ измѣненіяхъ въ уставѣ или условіяхъ. Затѣмъ, опять по соглашенію министра

финансовъ и министра путей сообщенія, постройки и эксплуатаціи донецкой линіи отдаются тому изъ соискателей, который объявитъ низшую цѣну. Но при этомъ допускается еще, что предложеніе съ низшею цѣной можетъ быть признано къ утвержденію неудобнымъ, въ каковомъ случаѣ министры входятъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о „дальнѣйшихъ мѣрахъ“ къ осуществленію дороги. Только когда концессионеръ уже окончательно избранъ, отъ него требуется представленіе залога.

Такой порядокъ, какъ уже сказано выше, не новъ. Но въ новыхъ правилахъ есть все-таки нѣсколько новыхъ условий, которыя измѣняютъ существовавшую одно время отдачу желѣзныхъ дорогъ концессионерамъ съ торговъ. Главное изъ этихъ условий то, что залогъ будетъ требоваться уже только по утвержденіи концессионера, и это правило очевидно только предоставляетъ еще большій просторъ для администраціи. По новымъ правиламъ, къ соисканію и объявленію цѣны не можетъ явиться каждый желающій, явиться могутъ только тѣ, которые будутъ приглашены, будутъ признаны благонадежными. Но приглашено можетъ быть и такое лицо, которое не имѣетъ своего капитала, такъ какъ залогомъ требуется уже послѣ избранія концессионера, которому затѣмъ всегда удастся достать залогомъ. А такъ какъ, съ другой стороны, какая бы цѣна на торгахъ ни состоялась, они все-таки могутъ не быть утверждены, то, при совокупности такихъ условий, самые торги теряютъ то значеніе, какое они у насъ вообще имѣютъ. О томъ, что результаты торговъ, произведенныхъ хотя бы посредствомъ запечатанныхъ объявленій, будутъ публикуемы, въ правилахъ повидимому не упомянуто. Такимъ образомъ, новый порядокъ сводится въ сущности на справки у разныхъ лицъ о цѣнѣ, съ тѣмъ, что рѣшеніе вопроса будетъ вполне зависѣть отъ соглашенія двухъ министерствъ.

Правила эти, по самому своему существу, могутъ быть разсматриваемы только какъ временныя. Попытка образованія дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ, повидимому, оставлена; а общій вопросъ о томъ, кто долженъ строить желѣзныя дороги — концессионеры или государство — остается нерѣшеннымъ. Если бы считать извѣстныя правила за окончательное его рѣшеніе, то нельзя было бы не пожалѣть о такомъ рѣшеніи. Если допускать принципъ концессионерства, то порядокъ избранія концессионеровъ желательно было бы точно опредѣлить законными условіями; всякій шагъ къ увеличенію простора дѣйствій въ этомъ отношеніи есть шагъ назадъ, шагъ къ положенію дѣла, неудобному во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ бы точно ни были опредѣлены закономъ условія выбора лицъ, для полученія барыша съ постройки дорогъ на средства, доставляе-

ныя государствомъ, все-таки самымъ рациональнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы устраненіе такого посредничества и прямое сооруженіе дорогъ государствомъ, на средства и подъ контролемъ котораго онѣ строятся во всякомъ случаѣ.

О проведеніи донецкой дороги ходатайствовало, съ своей стороны, екатеринославское земство. Тѣ же депутаты, которымъ предоставлено было это ходатайство, имѣли еще порученіе отъ земства—ходатайствовать о нераздѣленіи екатеринославской губерніи. Вопросъ о раздѣленіи екатеринославской и образованіи таганрогской губерніи представляетъ интересъ и самъ по себѣ, такъ какъ онъ касается существенныхъ мѣстныхъ интересовъ: но исторія его представляетъ еще и интересъ общій. Въ ней отражается тотъ законъ, что вопросъ объ увеличеніи штатовъ, однажды поднятый, будетъ двигаться впередъ по силѣ инерціи, пока не достигнетъ цѣли. Таганрогъ, безъ сомнѣнія, важный городъ и вполне способенъ занимать положеніе центра администраціи губерніи, быть губернскимъ городомъ, пожалуй, съ большимъ правомъ, чѣмъ нѣкоторые другіе губернскіе города. Но для того, чтобы сдѣлаться губернскимъ городомъ, Таганрогу недоставало одного весьма существеннаго условія: ему недоставало губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, къ Таганрогу легко было отдѣлить маріупольскій, бердянскій и ростовскій уѣзды. Но, во-первыхъ, это было бы всего три уѣзда, а во-вторыхъ, въ окружность этихъ уѣздовъ врѣзывается миусскій округъ войска донского, который отдѣляетъ на большое разстояніе маріупольскій и бердянскій уѣзды отъ ростовскаго и отъ губернскаго города, т. е. Таганрога. Такимъ образомъ, хотя предположенный губернскій городъ и былъ на лицо, по губерніи никакъ не выходило. Для устраненія такого затрудненія и предположено было образовать для Таганрога губернію такимъ образомъ, чтобы въ составъ ея вошли уѣзды ростовскій, маріупольскій, бахмутскій и славяносербскій. Но такъ какъ и этого еще было бы недостаточно, и миусскій округъ донской области все-таки представлялъ бы черезполосицу въ этой губерніи, то предположено было и этотъ округъ отдѣлить отъ области войска донского и присоединить къ Таганрогской губерніи, которая такимъ образомъ и могла осуществиться.

Проектъ объ учрежденіи таганрогской или—какъ ее предполагалось назвать сперва—петровской губерніи возникъ еще въ 1838 году. Отъ одного учрежденія новой губерніи ожидали въ то время весьма многого: и устраненія безконечныхъ пререканій между разными вѣдомствами, возникающихъ вслѣдствіе черезполосности, и лучшаго огражденія безопасности жителей и прекращенія бродяжничества и

укрывательства бѣглыхъ, которыя, повидимому, нельзя было искоренить, не учредивъ новой губерніи. Но при этомъ въ самомъ же началѣ помѣшало образованію ея въ томъ видѣ какъ она была снова предположена въ послѣдствіи, то-есть со включеніемъ въ нее миусскаго округа, разногласіе между вѣдомствами. Военное министерство находило неудобнымъ въ то время, и въ послѣдствіи держалось того же мнѣнія—отдѣлять какую-либо часть области войска донскаго, что нарушило бы принципъ неприкосновенности его земель. Итакъ, въ 1846 году, былъ выработанъ проектъ объ учрежденіи таганрогской губерніи безъ миусскаго округа, но не былъ осуществленъ, потому что предполагалось образоватъ еще нѣсколько новыхъ губерній. А когда, въ 1850 году, готовъ былъ проектъ образованія нѣсколькихъ (9) новыхъ губерній, въ томъ числѣ и петровской, т.-е. таганрогской, то вопросъ этотъ получилъ такое рѣшеніе, чтобы начать исполненіе проекта открытіемъ одной только самарской губерніи.

Такимъ образомъ предположеніе о таганрогской губерніи осталось безъ движенія до шестидесятихъ годовъ. Но, вслѣдствіе нѣсколькихъ ходатайствъ новороссійскихъ генераль-губернаторовъ, вопросъ этотъ возникалъ снова и снова не былъ рѣшенъ, на этотъ разъ уже потому только, что министерство финансовъ не имѣло въ виду средствъ для покрытія ежегодныхъ расходовъ по содержанію администраціи новой губерніи. Наконецъ, уже въ началѣ семидесятихъ годовъ, министерство финансовъ нашло возможнымъ согласиться на ходатайство генераль-губернатора, но имѣлось все-таки въ виду возраженіе военнаго министерства противъ включенія миусскаго округа въ таганрогскую губернію. Вслѣдствіе того, въ проектъ, который въ началѣ прошлаго года, по слухамъ, былъ уже внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, предполагалось образоватъ таганрогскую губернію всего изъ трехъ уѣздовъ, съ упраздненіемъ таганрогскаго градоначальства и присоединеніемъ г. Таганрога съ нахичеванскимъ округомъ къ уѣзду ростовскому. Этотъ проектъ не осуществился, потому что не разрѣшалъ задачи объ административномъ соединеніи съ приазовскимъ краемъ уѣздовъ бахмутскаго и славяно-сербскаго, которые между-тѣмъ своими торговыми интересами связаны съ азовскими портами; сверхъ того, невключеніе миусскаго округа сохраняло въ силѣ чрезполосность, устраненіе которой было вначалѣ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ возбужденію всего вопроса объ образованіи таганрогской губерніи.

Наконецъ, чтобы устранить это послѣднее затрудненіе, предположена была такая комбинація, что миусскій округъ присоединяется къ таганрогской губерніи, и сверхъ его еще приморскій участокъ на устьѣ Дона, но съ тѣмъ, чтобы въ управленіи этими частями дон-

ской области сохранены были всё тѣ особенности, которыя зависятъ отъ принадлежности части населенія этихъ мѣстностей въ казачьему сословію, и права донского войска на земли въ миусскомъ округѣ и упомянутомъ приморскомъ участкѣ. Предположеніе это, сколько извѣстно, вызвало возраженія только со стороны екатеринославскаго земства, которое въ раздѣленіи своей губерніи естественно усматривало уменьшеніе платежныхъ силъ для губернскихъ земскихъ потребностей, и со стороны военнаго вѣдомства, которое по прежнему считало неудобнымъ отдѣленіе частей донской территоріи. Препятствій съ другихъ сторонъ проектъ, сколько извѣстно, не встрѣтилъ. Государственный контроль вполне согласился съ пользою учрежденія новой губерніи, съ тѣмъ, чтобы въ Таганрогѣ была учреждена новая губернская контрольная палата, что составило бы 15 т. р. въ годъ новаго расхода; духовное вѣдомство не встрѣтило препятствій къ учрежденію таганрогской губерніи, съ тѣмъ, чтобы для нея были учреждены и особое епархіальное управленіе, и духовная семинарія; министерство народнаго просвѣщенія признало необходимымъ, чтобы устройство управленія учебной частью въ новой губерніи было образовано во всемъ согласно съ положеніемъ 1874 г. о начальныхъ училищахъ, то-есть, чтобы учрежденъ былъ въ этой губерніи училищный совѣтъ, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, съ новымъ расходомъ въ 7 т. р. въ годъ; министерство юстиціи согласилось съ проектомъ, и предупредило, что вслѣдъ за образованіемъ новой губерніи, оно испроситъ средства на усиленіе состава таганрогскаго суда и отнесеніе на счетъ казны расходовъ по содержанію судебныхъ слѣдователей и товарищей прокурора въ миусскомъ округѣ, падающихъ нынѣ на войсковыя суммы.

Въ результатѣ всего этого оказывается, что вмѣсто 7½ т. руб., которые отпускались доселѣ казною на содержаніе администраціи таганрогскаго градоначальства, казна производила бы 118 т. рублей въ годъ на содержаніе администраціи таганрогской губерніи, такъ что преобразование это вызвало бы около 105 т. р. въ годъ совершенно новаго расхода. Что же было бы приобретено на такое пожертвованіе государственнаго казначейства? Сколько мы понимаемъ зло, этой цѣной была бы устранена чрезполосность въ управленіи и удовлетворена такая потребность, что такъ-какъ ближайшіе уѣзды „естественно тяготеютъ своими торговыми интересами къ азовскимъ портамъ“, то они и получили бы центръ управленія въ Таганрогѣ. Другого приобретенія предположить мы не можемъ, такъ-какъ нынѣ, возмозимо, нѣтъ въ виду даже особенныхъ жалобъ на развитіе въ при-азовскомъ краѣ бродяжничества и укрывательства бѣглыхъ. Но допустимъ, что это зло и теперь тамъ особенно замѣтно. Спраши-

вается, слѣдовало ли бы логически отсюда, что необходимо учредить въ Таганрогѣ особую контрольную палату, особый училищный совѣтъ, назначить отдѣльнаго архіерея и т. д., не говоря уже о губернаторѣ и губернской правленіи? Если расхода въ 7½ т. р., отпускавшихся доселѣ на содержаніе таганрогскаго градоначальства, оказывалось недостаточнымъ для дѣйствительно-реальнаго интереса, интереса безопасности жителей, то эту сумму можно было увеличить вдвое, втрое, и все-таки расходъ для казны составилъ бы только пятую часть той суммы, которая потребуется вновь на учрежденіе таганрогской губерніи. Если необходимо пожертвованіе для охраненія безопасности населенія, то естественно предположить, что пожертвованіе это должно бы быть назначено собственно на усиленіе полиціи. Весьма понятно, что если бы удвоить въ Россіи полицію, то безопасность населенія существенно бы выиграла; но можно ли было бы ожидать, что безопасность населенія выиграетъ въ болѣе или хотя бы въ равной мѣрѣ, если бы въ Россіи удвоить число губернаторовъ, контрольных палатъ и архіереевъ?

Быть можетъ, наше мнѣніе покажется кому-либо оригинальнымъ. Между тѣмъ оно вовсе не оригинально; оно заимствовано нами отъ взгляда, который былъ высказанъ по этому вопросу, какъ намъ передавали, министерствомъ государственныхъ имуществъ. Это министерство хотя и не видѣло препятствій къ осуществленію проекта съ своей стороны, но полагало болѣе полезнымъ отложить исполненіе задуманной мѣры до болѣе благоприятнаго времени и улучшенія экономическаго и сельско-хозяйственнаго положенія края, выразивъ притомъ свое убѣжденіе, что преобразование полиціи желательно было бы предпослать всякому другому преобразованію нынѣшнихъ губерній.

Противъ этого, конечно, могутъ возражать. Могутъ сказать, что новый расходъ упадетъ на казну, а не на край, стало быть, нѣтъ повода ожидать улучшенія въ экономическомъ его положеніи до осуществленія проекта; что еслибы администраціею было признано употребить расходъ въ 105 т. р. хотя бы просто на объединеніе приазовскаго края и на устраненіе пререканій между разными губернскими органами, то и это было бы вопросомъ административнаго интереса и не вызывало бы никакихъ экономическихъ неудобствъ для края, а напротивъ, обѣщало бы ему только выгоды. Можетъ быть, выгоды и окажутся; противъ этого нельзя спорить, и само собою разумѣется, что всѣ вновь назначенные губернскіе чины будутъ же работать, будутъ приносить какою-нибудь пользу. Но что учрежденіе новой губерніи не повлечетъ за собой никакихъ экономическихъ неудобствъ для края, этого утверждать нельзя. Учрежденіе новой губерніи отзовется увеличеніемъ обязательныхъ расхо-

довъ земства; между тѣмъ, составъ земства екатеринославской губерніи и донской области уменьшился бы отдѣленіемъ отъ нихъ частей, предназначенныхъ въ составъ новой губерніи, а сверхъ того, въ этой губерніи земству пришлось бы нести новый расходъ—по содержанию губернской управы. Такое раздѣленіе, нѣсколько ослабивъ платежныя силы земства екатеринославскаго и донскаго, возложило бы лишніе губернскіе расходы на земство таганрогское, которое и безъ того не могло бы относиться къ числу богатыхъ земствъ.

Относительно этого вопроса лучше всего справиться у одной изъ прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ, а именно у екатеринославскаго земства. Земство это, какъ уже выше сказано, ходатайствовало противъ раздѣленія екатеринославской губерніи, находя его крайне-невыгоднымъ для себя въ экономическомъ отношеніи. Екатеринославское земство ожидало отъ такого раздѣленія не только значительнаго увеличенія всевозможныхъ расходовъ, но и разстройства всего заведеннаго имъ съ большими трудами и пожертвованіями губернскаго земскаго хозяйства. Земство и города екатеринославской губерніи издерживаютъ въ годъ болѣе милліона рублей на обязательныя и необязательныя потребности; посредствомъ собственнаго обложенія, они образовали нѣкоторые капиталы для самопомощи въ случаяхъ неурожаевъ, пожаровъ и т. д. и опасались, что эти запасные ресурсы отъ раздвоенія губерніи разстроятся, а между тѣмъ образованіе новой губерніи увеличитъ участіе земства въ расходъ на государственныя потребности на 50% противъ прежняго.

Притомъ, представители земства старались доказать, что раздвоеніе ихъ губерніи не вызывается ни относительной чрезмѣрностью ея пространства, ни цифрою ея населенія; они указывали, что 14 губерній превосходятъ екатеринославскую пространствомъ, а 23— цифрою населенія, наконецъ, 8—и пространствомъ, и населеніемъ вмѣстѣ, и говорили, что, стало быть, „очередь раздробленія не за ней“. Нельзя, во всякомъ случаѣ, не признать вѣскимъ то возраженіе представителей екатеринославскаго земства, что сложность дѣлъ губернской администраціи значительно уменьшилась самымъ образованіемъ земскихъ учреждений, соображеніе, изъ котораго можно было вывести мысль, что такое увеличеніе губернской администраціи, безъ котораго обходились прежде, тѣмъ менѣе необходимо въ настоящее время.

Сверхъ этихъ неудобствъ, представляется еще неудобство особаго рода въ отдѣленіи миусскаго округа отъ донской области. Вопросъ въ послѣднее время былъ поставленъ такъ, что включеніе этого округа въ составъ таганрогской губерніи представлялось необходимымъ условіемъ ея образованія, котораго главная цѣль есть адми-

нистративное объединеніе азовскаго края и уничтоженіе череполо-
сицы,—цѣль, которая, безъ слитія миусскаго округа и еще примор-
скаго донскаго участка съ новою губерніею, положительно бы не до-
стигалась. Военное вѣдомство, сколько извѣстно, и въ послѣднее
время находило это неудобнымъ, видя въ такомъ отдѣленіи проти-
ворѣчіе принципу неприкосновенности владѣній войска донскаго,
особенно неудобное именно при имѣненіи въ самомъ порядкѣ от-
быванія воинской повинности казаками. При этомъ со стороны воен-
наго вѣдомства была даже придумана слѣдующая комбинація, ко-
торой предложеніе само составляло фактъ довольно характеристичный.
Находя, что миусскій округъ, на основаніи данныхъ донскому войску
привилегій, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдѣленъ отъ
земель войска, военное министерство предложило объединеніе такого
рода, чтобы, вмѣсто учрежденія таганрогской губерніи, образовать
изъ таганрогскаго градоначальства и ростовскаго уѣзда екатерино-
славской губерніи (который именно и отдѣляется отъ нея миусскимъ
округомъ) особый округъ, съ подчиненіемъ его наказному войско-
вому атаману на правахъ генераль-губернатора. Мысль эта имѣла,
разумѣется, мало шансовъ быть принятою; весьма вѣроятно, что яв-
тели Таганрога, Ростова и другихъ присоединяемыхъ такимъ прое-
ктомъ къ войску городовъ и селеній не были бы довольны этимъ,
опасаясь, что войсковое начальство заботилось бы менѣе объ ихъ инте-
ресахъ, чѣмъ объ интересахъ казачьяго сословія. Мы упоминаемъ
объ этомъ предложеніи только потому, что оборотъ, данный воен-
нымъ вѣдомствомъ вопросу объ изыятіи одной мѣстности изъ его
вѣдѣнія, былъ весьма характеристиченъ.

Включеніе миусскаго округа въ составъ новой губерніи вслѣдствіе
этихъ затрудненій такъ и не было предположено въ предпоследнемъ
проектѣ ея образованія, именно въ томъ, который былъ внесенъ въ
началѣ прошлаго года. Но съ тѣхъ поръ затрудненія эти, повиди-
мому, устранились, хотя военное вѣдомство своего мнѣнія не измѣ-
нило. Дѣло въ томъ, что при обсужденіи прошлогоднаго проекта
найденно было, что присоединеніе миусскаго округа къ таганрогской
губерніи можетъ быть обставлено такими условіями, чтобы оно из-
мѣняло только однѣ административныя границы области войска, не
касаясь сущности его привилегій и преимуществъ. Предположено
было сохранить за войскомъ права собственности на принадлежащіе
ему въ границахъ миусскаго округа и приморскаго участка хутора
и земельные участки, а также сохранить и владѣльческія права до-
скихъ чиновъ на отведенные имъ участки; совмѣстное же существо-
ваніе въ округѣ властей, военной и гражданской,—которое прихо-
дилось допустить,—не было признано неудобнымъ, такъ какъ пре-

дѣлы вѣдѣнія этихъ властей могли быть точно опредѣлены инструкціями. Но нельзя не замѣтить при этомъ, что самое слово „земля“ имѣетъ двоякое значеніе. Земля въ смыслѣ гражданскаго права, конечно, осталась бы собственностью войска и его чиновъ, однимъ словомъ, прежнихъ владѣльцевъ, хотя бы она и отошла въ другое административное дѣленіе. Но выраженіе „земля войска донскаго“ можетъ имѣть еще и другое, также юридическое значеніе, именно то значеніе, которое ближе опредѣлялось возраженіемъ военнаго вѣдомства о неприкосновенности владѣній войска донскаго. Мы вообще не думаемъ, чтобы областныя привилегіи въ одномъ государствѣ представляли нѣчто невыблемое и вѣчное. Но одно дѣло сознательно отмѣнить или измѣнить такую привилегію, если по сознанію власти, ее давшей, пришла тому пора, другое дѣло сдѣлать что-либо противорѣчащее привилегіи по недоразумѣнію, вслѣдствіе двоякаго значенія одного слова. Спрашивается именно, касалось ли бы или не касалось бы привилегій и преимуществъ войска измѣненіе самыхъ его административныхъ границъ, и если касалось бы, то призывается ли своевременнымъ допустить это измѣненіе? Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что хотя съ присоединеніемъ миусскаго округа и приморскаго участка къ таганрогской губерніи устранялась бы межевая черезполосица и осуществлялось бы объединеніе въ одномъ смыслѣ, за то въ самомъ миусскомъ округѣ и приморскомъ участкѣ создавалась бы административная черезполосица и раздвоеніе, при совмѣстномъ дѣйствіи двухъ разнородныхъ властей и различныхъ условий, даже по устройству земства, такъ какъ для миусскаго земства пришлось бы допустить тѣ отступленія отъ общаго порядка, которыя вошли въ правила о примѣненіи земскихъ учрежденій въ донской области.

Намъ пока неизвѣстно, остался ли нынѣшній проектъ объ учрежденіи таганрогской губерніи неразсмотрѣннымъ, или осуществленіе его отложено; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ, по всей вѣроятности, возобновится.

Изъ обнародованныхъ въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ новыхъ постановленій заслуживаетъ, между прочимъ, замѣчанія законъ о вольной продажѣ охотничьяго пороха. До сихъ поръ не только изготовленіе, но и храненіе и торговля пороха оставались исключительно въ рукахъ военной администраціи. Лица, желавшія получить охотничій порохъ, обращались съ просьбами въ артиллерійскіе склады и лабораторіи, прилагая свидѣтельство полиціи о личности. Выдача пороха производилась и при этомъ условіи не свыше опредѣленныхъ количествъ, установленныхъ въ старое время соотвѣтственно чинамъ просителей. Поло-

женіе это состоялось въ то время, когда изъ двухъ сельскихъ сословій, для которыхъ законъ допускалъ потребность охоты, одно было поголовно снабжено чинами, такъ какъ понятія о дворянствѣ и о чинѣ сливались, а другое находилось въ крѣпостной зависимости отъ перваго, то - есть могло пользоваться общими гражданскими правами не иначе, какъ подъ контролемъ помѣщиковъ. Крестьянинъ—лѣсникъ или охотникъ—долженъ былъ получать порохъ отъ своего помѣщика, который позволялъ ему охоту. На практикѣ, разумѣется, это положеніе не соблюдалось. Торговля порохомъ производилась и безъ свидѣтельствъ и не по чинамъ, но только тайно. Этому способствовало, съ одной стороны, то обстоятельство, что нормы отпуска его изъ складовъ даже по чинамъ установлены были весьма малыя. Во избѣжаніе безпрестанныхъ требованій, тѣ охотники, которые имѣли знакомыхъ съ чинами, собирали ихъ подписи подъ общей довѣренностью на имя одного лица и получали такимъ образомъ достаточное для себя количество пороха прямо изъ складовъ, не нарушая, но обходя законъ. Что касается охотниковъ по ремеслу, которые не могли имѣть такихъ связей, то они обращались за порохомъ частью въ лабораторнымъ солдатамъ, частью же къ тѣмъ торговцамъ-барышникамъ, которые, скупая у нихъ дичь, снабжали ихъ впередъ порохомъ.

Въ результатѣ, законъ стѣснялъ только тѣхъ, кто хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ ему подчиняться. Оставался же онъ въ силѣ по тому соображенію, весьма для насъ привычному, что хотя законъ и не соблюдается, но все-таки самое существованіе его будто бы устраняетъ какую-то предполагаемую распущенность, которая будто была бы неминуемымъ послѣдствіемъ его отміны. Но это соображеніе лишилось наконецъ всякой тѣни практичности съ тѣхъ поръ, какъ въ общее употребленіе вошли готовые металлическіе патроны. Въ теченіи уже десяти лѣтъ на дѣлѣ оказывался слѣдующій странный контрастъ: каждый могъ—не имѣя никакого свидѣтельства и никакого чина—купить въ оружейной лавкѣ за какихъ-нибудь 15 рублей револьверъ и патроны въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы перестрѣлять множество народа, и себя въ томъ числѣ, если таково было его намереніе; беспрепятственно застрѣливались изъ револьверовъ дѣвушки и гимназисты. А охотникъ, промышляющій охотою въ лѣсу, не могъ купить пороха иначе, какъ обходя или нарушая законъ.

Наконецъ его отмінили. Сущность правилъ, утвержденныхъ еще въ маѣ 1874 года, состоитъ въ слѣдующемъ: торговля охотничьимъ порохомъ разрѣшается изъ частныхъ пороховыхъ складовъ и изъ лавокъ; желающіе производить эту торговлю, должны брать на производство ея, кромѣ свидѣтельства на право торговли, еще особое

свидѣтельство отъ губернатора, градоначальника, или начальника уѣздной полиціи, смотря по тому, идетъ ли рѣчь объ открытіи склада или лавки; въ частные склады можетъ быть отпускаемо за одинъ разъ и въ одѣи руки не болѣе 100 пудовъ въ европейской Россіи, и 150 пуд. въ Сибири; вообще, въ складѣ не можетъ находиться болѣе 150 пуд. въ европейской Россіи и 225 пудовъ въ Сибири; въ лавкахъ же не болѣе 30-ти фунтовъ. Торговцы могутъ продавать порохъ всѣмъ, кромѣ малолѣтнихъ, въ одинъ разъ и въ одѣи руки не болѣе 12-ти фунтовъ въ Сибири и на сѣверѣ Россіи, не болѣе 6-ти фунтовъ въ остальной Россіи; никакихъ свидѣтельствъ отъ покупателей не требуется; продажа пороха въ гостинныхъ дворахъ и торговыхъ рядахъ запрещается, а частные пороховые склады должны быть за чертою города; затѣмъ слѣдуютъ статьи о наказаніяхъ, налагаемыхъ за несоблюденіе правилъ общимъ судебнымъ порядкомъ.

Что торговля порохомъ должна быть подчинена предохранительнымъ условіямъ, это несомнѣнно. Хотя въ правилахъ разрѣшеніе или неразрѣшеніе извѣстному лицу открывать складъ или лавку предоставляется усмотрѣнію административныхъ властей безъ всякой оговорки, что, очевидно, противорѣчитъ общему духу законодательства о промыслахъ, но очевидно, что безъ этого условія нельзя было бы и ожидать, что допущена будетъ вообще вольная продажа пороха, а потому противъ этого пункта излишне и возражать. Съ опредѣленіемъ максимума для количества пороха въ складахъ и лавкахъ нельзя не согласиться; но норма въ 30 фунтовъ для лавокъ, казалось бы, мала. Относительно наказаній за нарушеніе правилъ можно замѣтить развѣ только, что наказаніе, заключеніемъ на 2—8 мѣсяцевъ, за проступки противъ правилъ, имѣвшіе послѣдствіемъ пожаръ или причиненіе кому-либо смерти или увѣчья, скорѣе слишкомъ мягко, чѣмъ слишкомъ строго.

Изъ числа законодательныхъ проектовъ, имѣющихъ поступить на обсужденіе государственнаго совѣта по возобновленіи его сессіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія проектъ о примѣненіи Городового Положенія къ городамъ прибалтійскаго края. По слухамъ, проектъ этотъ, выработанный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, предполагаетъ примѣненіе къ остзейскимъ городамъ всѣхъ основныхъ началъ общаго положенія, что будетъ радикальнымъ преобразованиемъ для этихъ городовъ, такъ какъ существующее въ нихъ устройство управленія не только не имѣетъ ничего общаго съ устройствомъ нынѣ введеннымъ въ Россіи, но представляетъ еще значительныя различія и въ отдѣльности для городовъ остзейской окраины. Само собой разумѣется, что въ этомъ проектѣ отступленія отъ общаго городского

положенія обусловливается совсѣмъ иными соображеніями и имѣютъ иной характеръ, чѣмъ тѣ отступленія, которыя узаконены недавно въ примѣненіи того же положенія къ городамъ западнаго края. По отношенію къ остзейскому краю выборное начало не будетъ обставлено ограниченіями. Но самое примѣненіе къ остзейскимъ городамъ того избирательнаго закона, который существуетъ въ городахъ русскихъ, произведетъ коренное измѣненіе въ порядкахъ, доселѣ существовавшихъ. Муниципальное устройство въ остзейскомъ краѣ, какъ извѣстно, основано не на рациональномъ принципѣ, но на историческомъ фактѣ, на фактѣ, унаслѣдованномъ частью еще отъ среднихъ вѣковъ. Нашъ земскій и городской избирательный законъ исходитъ изъ рациональнаго воззрѣнія о равноправности гражданъ и привлеченіи всѣхъ жителей, имѣющихъ прочную связь съ мѣстностью, къ участію въ мѣстныхъ дѣлахъ. При этомъ установленный цензъ является только какъ гарантія, съ одной стороны, именно солидарности лицъ съ городскими интересами, а съ другой—нѣкоторой образованности избирателей. Нашъ цензъ, какъ всякій чисто-имущественный цензъ, имѣетъ свои недостатки, но самый законъ исходитъ изъ начала чисто-рациональнаго, и установленныя условія ценза составляютъ въ немъ нѣчто второстепенное.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ городахъ остзейскаго края. Тамъ иное муниципальное право, при всѣхъ различіяхъ его по городамъ, имѣетъ основнымъ принципомъ право корпорацій, привилегію, соответствующую государственному средневѣковому понятію о franchise. Изъ этого истекаетъ то, что въ остзейскихъ городахъ самоуправленіе находится въ рукахъ немногочисленныхъ сплоченныхъ сословій, проникнуть въ которыя новымъ членамъ не легко. При такомъ устройствѣ, неизбежно являются всѣ атрибуты „кружковаго“ господства: фактическая несмѣняемость и безконтрольность городскихъ властей и устраненіе массы гражданъ, хотя бы и коренныхъ, достаточныхъ и образованныхъ жителей отъ всякаго участія въ дѣлахъ города. О случаяхъ личныхъ злоупотребленій мы не говоримъ, такъ какъ подобныя злоупотребленія могутъ бывать при всякомъ устройствѣ; измѣняются только ихъ виды.

Увеличеніе числа избирателей и расширеніе того круга, изъ котораго избирались доселѣ городскія власти, сами по себѣ могутъ оказать только благотворное вліяніе. Но не трудно догадаться, что такое преобразование въ остзейскомъ краѣ должно вызвать гораздо болѣе возраженій, чѣмъ оно вызвало въ Россіи. Въ Россіи оно не встрѣчало на своемъ пути и не отиѣняло вѣковой привилегіи дѣльныхъ классовъ; это во-первыхъ. Во-вторыхъ, нельзя не признать, что въ остзейскомъ краѣ за всякимъ старымъ порядкомъ стоитъ, кромѣ

матеріальнаго интереса, представляемаго привилегіей, еще и нравственное, консервативное побужденіе. Если бы остзейскій край входилъ въ составъ одного изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ господствуетъ нѣмецкая національность, то, быть можетъ, мѣстное общественное мнѣніе заставило бы обладателей сословныхъ привилегій принести въ жертву тѣ изъ нихъ, которыя давно уже отмѣнены въ германскихъ государствахъ. Но въ положеніи остзейскаго края отъбна каждаго изъ старыхъ порядковъ, естественно, раскрываетъ двери русскому элементу, хотя бы только мѣстному. Вотъ почему многіе остзейцы, которые сознаютъ устарѣлость и неудобство старыхъ порядковъ, все-таки готовы предпочитать ихъ реформамъ. Съ увеличеніемъ числа избирателей и расширеніемъ круга избираемыхъ, въ составъ избирательныхъ сословій, а иногда — хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, конечно — и въ составъ городскихъ властей могутъ проникнуть представители мѣстнаго русскаго населенія, что по необходимости лишитъ управленіе городовъ его исключительно-германскаго характера. Тогда естественно возникнетъ вопросъ объ употребленіи русскаго языка въ городскомъ дѣлопроизводствѣ.

Впрочемъ, вопросъ этотъ возникаетъ уже и теперь. Законъ о примѣненіи городского положенія къ остзейскому краю, очевидно, не можетъ увѣковѣчить исключительное веденіе городского дѣлопроизводства на одномъ нѣмецкомъ языкѣ. Положимъ, въ законѣ не будетъ прямо установлено, что со времени вступленія его въ дѣйствіе все это дѣлопроизводство должно вестись исключительно на языкѣ русскомъ; но немислимо, чтобы законодательство, однажды коснувшись этого предмета, устранило навсегда, хотя бы только умолчаніемъ, употребленіе русскаго языка. Законъ не можетъ не опредѣлить теперь же, въ какихъ случаяхъ русскій языкъ можетъ и въ какихъ долженъ быть употребляемъ въ городскомъ дѣлопроизводствѣ. Нѣтъ, напр., рѣшительно никакого основанія, чтобы въ большихъ городахъ, каковы Рига, Ревель, Митава, прошенія и заявленія отъ русскихъ жителей не принимались городскими управами хотя бы написанныя по-русски, безъ приложенія перевода. Мыслимое ли дѣло, чтобы отъ нѣмца, проживающаго въ Эльзасѣ, не приняли въ страсбургскомъ муниципалитетѣ прошеніе на нѣмецкомъ языкѣ или потребовали бы приложенія къ нему французскаго перевода? Постояннымъ читателямъ нашего журнала хорошо извѣстно, что мы нисколько не ультра-націоналы, что ни въ какихъ насильственныхъ мѣрахъ къ обрушенію мы не вѣримъ. Но именно потому мы не можемъ отстаивать и искусственныхъ мѣръ къ поддержанію исключительнаго господства какаго бы то ни было національнаго элемента въ ущербъ очевидной справедливости и здравому смыслу. Одно дѣло — обязывать нѣмца въ

Ригѣ непременно говорить и писать не иначе, какъ по-русски; другое дѣло требовать, чтобы русскому въ Ригѣ дозволено было говорить и писать по-русски; отрицать это право—значило бы уже насильственно подчинять русскаго другому элементу. Практическихъ неудобствъ отъ принятія русскихъ заявленій остзейскими управами оказаться не можетъ. Обучение русскому языку введено во всѣхъ среднихъ училищахъ края, и если затѣмъ въ какой-нибудь управѣ оказались бы члены, дѣйствительно по-русски непонимающіе, то озаботиться переводомъ уже дѣло ихъ самихъ и ихъ товарищей. Если принять во вниманіе, что нани высшія административныя мѣста принимаютъ отъ иностранцевъ заявленія на иностранныхъ языкахъ и даже даютъ имъ отвѣты на языкахъ, имъ понятныхъ, то весь этотъ шумъ изъ-за остзейской привилегіи—не понимать никакого языка, кромѣ нѣмецкаго, едва ли можетъ показаться заслуживающимъ серьезнаго рассмотрѣнія. Надо сдѣлать такъ, какъ удобнѣе для всѣхъ сторонъ, устранивъ какъ мысль о передѣлѣ нѣмцевъ въ русскихъ посредствомъ журналовъ городскихъ думъ, такъ тѣмъ болѣе о передѣлкѣ русскихъ въ нѣмцевъ вслѣдствіе мѣстныхъ національных капризовъ.

Мы допустили выше а priori, что преобразование устройства городского управленія въ остзейскомъ краѣ не можетъ не вызвать возраженій. Возраженія эти уже и оказались въ дѣйствительности. Вопросъ о преобразованіи сперва былъ поведенъ путемъ запроса на мѣстѣ, запроса прибалтійскимъ магистратамъ, сдѣланнаго вслѣдъ за изданіемъ общаго городского положенія, пять лѣтъ тому назадъ. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ, магистраты прислали нѣсколько проектовъ, предназначенныхъ для отдѣльныхъ городовъ и оставлявшихъ совершенно въ сторонѣ основныя положенія новаго русскаго городского управленія. Тогда дѣло поведено было иначе: въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ назначена была особая коммиссія для составленія проекта правилъ о примѣненіи къ прибалтійскимъ городамъ общаго городского положенія, съ сохраненіемъ всѣхъ его основъ и съ допущеніемъ отступленій, только въ самомъ дѣлѣ оправдывающихся мѣстными особенностями. Этотъ проектъ былъ затѣмъ рассмотрѣнъ въ прибалтійскомъ краѣ особыми собраніями изъ губернскихъ должностныхъ лицъ и представителей городскихъ обществъ, призванныхъ для объясненій. Въ этихъ-то засѣданіяхъ возраженія высказались въ болѣе или менѣе рельефной формѣ. Надо надѣяться, что, при полномъ вниманіи къ возраженіямъ относительно подробностей проекта, будутъ съ другой стороны оставлены безъ всякаго вниманія такія возраженія, которыя направлены противъ основъ общаго городского положенія, съ цѣлями національными, а тѣмъ болѣе тѣ, которыя на-

правлены къ безусловному удержанію старыхъ порядковъ во имя одного германизма.

Противъ основъ городского положенія можно, конечно, приводить и возраженія нисколько не національнаго свойства; можно, напримѣръ, пожелать болѣе самостоятельности городовъ отъ администраціи. Городовое положеніе для русскихъ городовъ было реформой либеральною во всѣхъ отношеніяхъ. Но города остзейскіе издавна привыкли къ гораздо болѣе самостоятельности своихъ городскихъ управленій, чѣмъ та, какою пользовались города русскіе. Возраженія съ этой точки зрѣнія, если бы они были заявлены, были бы естественны и могли бы получить удовлетвореніе въ такомъ смыслѣ, чтобы примѣненіе городского положенія не убавило прежней самостоятельности остзейскихъ городовъ. О зависти со стороны русскаго общества не должно быть рѣчи; неравенство должно быть сглаживаемо не убавленіемъ правъ однихъ городовъ для сравненія съ другими, но перспективою уравненія менѣе самостоятельныхъ съ болѣе самостоятельными по мѣрѣ признанной возможности. Что касается возраженій противъ принятаго въ остальной Россіи ценза, то эти возраженія, какъ направленные прямо къ поддержанію прежней исключительности, замкнутости, шли бы прямо противъ главной цѣли реформы. По всей вѣроятности для дѣлопроизводства въ присутствіяхъ по городскимъ дѣламъ будетъ избранъ языкъ русскій, такъ какъ эти присутствія служатъ органомъ сношеній государственной администраціи съ городскими властями и обществами. Такъ какъ нужно избрать тотъ или другой языкъ, то естественнѣе, чтобы предпочтеніе было оказано въ этихъ учрежденіяхъ языку государственному.

Какъ только пойдетъ рѣчь о какихъ-либо порядкахъ въ остзейскомъ краѣ, неизбежно представляется вопросъ о мѣстныхъ привилегіяхъ, то-есть уже не о сословныхъ правахъ, но о привилегіяхъ каждой изъ трехъ балтійскихъ губерній, подтвержденныхъ русской законодательной властью. Привилегіи эти неосновательно выставлены мѣстными нѣмецкими органами, какъ нѣчто „навѣки нерушимое“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разбирая извѣстное сочиненіе профессора Ширрена, мы имѣли случай высказать наше убѣжденіе въ юридической несостоятельности такъ-называемаго остзейскаго политическаго права. Сепаратныя права каждой изъ трехъ губерній основаны на документахъ, весьма различныхъ по своему значенію и сходныхъ только въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не представляетъ настоящаго двухсторонняго договора, такого договора, какой служитъ основаніемъ, напримѣръ, отношеніямъ между Габсбургами и Венгрією. Единственное реально-юридическое основаніе остзейскихъ сепаратныхъ правъ есть подтвержденіе ихъ русской верховной властью, притомъ подтвержденіе не безусловное. Но такое одностороннее право всегда

зависитъ отъ того источника, изъ котораго оно произошло. Стало бытъ, возражать противъ всякой реформы, предпринимаемой законодательной властью, ссылкою на ненарушимость привилегій, ео же данныхъ, вполне неосновательно и въ юридическомъ смыслѣ. Невозможно ссылаться, какъ на нѣчто непреоборимое, на право, данное русской властью, если эта власть предпринимаетъ измѣнить его въ чемъ-либо; невозможно ссылаться на международные трактаты Россіи, такъ какъ, во-первыхъ, мѣстные остзейскіе чины не были участвующею стороною при заключеніи этихъ трактатовъ, а во-вторыхъ, нѣтъ такого трактата во всемъ международномъ правѣ, который не лишился бы силы въ теченіи столѣтій.

Въ смыслѣ же практическомъ, притязаніе на вѣчное сохраненіе всѣхъ особенностей мѣстныхъ учрежденій вело бы къ неподвижности, немислимою въ дѣлахъ управления и общественного устройства. Нѣтъ зданій, которыя могли бы вѣчно обходиться безъ починки. Впрочемъ, остзейскимъ ультра-автономистамъ стоить только справиться съ примѣрами другихъ сосѣднихъ государствъ. Большая часть областей, вошедшихъ въ составъ Пруссіи и Австріи, получали при включеніи ихъ въ эти государства подтвержденіе мѣстныхъ правъ. Но гдѣ же эти права уцѣлѣли доселѣ, какъ нѣчто безусловно-неприкосновенное, и гдѣ само мѣстное населеніе еще видитъ въ нихъ несокрушимый палладіумъ своего быта?

Примѣненіе общаго городского положенія въ столицахъ не могло вызвать никакихъ сомнѣній и затрудненій по принципу. Но на практикѣ, на первыхъ порахъ новой дѣятельности, затрудненія могли представиться и устраненіе ихъ зависѣло отъ такта лицъ, избранныхъ главными представителями интересовъ столичнаго общества. Въ истекшемъ мѣсяцѣ, въ средѣ здѣшняго общественного представительства, происходило скромное празднованіе пятнадцатилѣтняго управленія должности петербургскаго городского головы Н. И. Погребовымъ. Долговременное довѣріе избирателей само по себѣ есть лучшая оцѣнка дѣятельности юбиляра. Что касается умѣренной обстановки самого юбилея, то она зависѣла исключительно отъ чувства скромности самого лица, котораго заслугамъ отдавалась честь. Подобныя празднества у насъ не рѣдко вызываються подъ рукою самими ихъ „виновниками“. Въ настоящемъ случаѣ не было ничего подобнаго. Полное достоинство положеніе, въ какое издавна поставилъ себя нынѣшній городской голова, не вызывало, а скорѣе сдерживало всякія наружныя заявленія сочувствія. Но чего не доставало въ пышности обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ похвальныхъ рѣчей и юбилейныхъ статей, то съ избыткомъ возмѣщалось дѣйствительною искренностью скромнаго общественного заявленія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1875.

Возстаніе въ Герцеговинѣ и восточный вопросъ.—Измѣненіе въ условіяхъ этого вопроса.—Положеніе дѣлъ въ 1862 году.—Султанъ Абдуль-Азизъ и администрація.—Турецкіе финансы.—Положеніе райевъ.—Сербія и Черногорія.—Отношенія между державами.

Возстаніе христіанъ противъ турокъ на сѣверѣ Балканскаго полуострова есть фактъ исторически-необходимый; когда-нибудь оно сдѣлается общимъ и положитъ конецъ оттоманской имперіи въ Европѣ. Въ этомъ сомнѣваться нельзя. Когда среди 10-милліоннаго населенія, два милліона постоянно притѣсняютъ и эксплуатируютъ остальные восемь, то почва для возстанія всегда готова. Правда, иго меньшинства не вездѣ и не всегда непремѣнно обречено на паденіе; не вездѣ и не всегда на сторонѣ большинства можетъ оказаться та сосредоточенная сила, которая рѣшаетъ политическіе вопросы. Негры не могли бы, вѣроятно, никогда свергнуть иго сѣверо-американскихъ плантаторовъ, а 200 милліоновъ индусовъ не въ состояніи низвергнуть господство 32-милліоннаго населенія далекаго острова. Превосходство въ образованности и дѣятельности — такая сила, съ которою несоизмѣрима грубая сила числа. Но въ Турціи отношеніе совершенно обратное: господствующее меньшинство менѣе образовано и менѣе способно къ дѣятельности, чѣмъ поработенное большинство; здѣсь силы числа, образованія и дѣятельности всѣ находятся на одной сторонѣ, и равнодѣйствующая ихъ должна по закону политической механики клонить все зданіе къ упадку. Если равновѣсіе держалось доселѣ, то только благодаря искусственнымъ, внѣшнимъ подпоркамъ. Все это ни для кого не ново и именно потому никто не вѣритъ въ близость измѣненія въ условіяхъ равновѣсія. Восточный вопросъ бывалъ пугаломъ не разъ и наконецъ общество, даже въ Англіи, наиболѣе чуткой въ дѣлахъ Востока, привыкло относиться съ недовѣріемъ къ мысли о ниспроверженіи христіанами турецкаго

ига. Попытокъ возстаній было не мало, неуспѣшныхъ и успѣшныхъ; но общаго возстанія никогда не оказывалось и восточный вопросъ давно надоѣлъ публикѣ, читающей газеты. Восточнаго вопроса стали менѣ бояться, чѣмъ того волка въ баснѣ, который никогда не приходилъ, хотя о немъ кричали; здѣсь волка видѣли не разъ, но убѣдились, что онъ на-привязи, и это успокоило всѣхъ.

Наскучилъ восточный вопросъ, наскучило и разсужденіе объ его общезвѣстныхъ условіяхъ. Политическое равновѣсіе Европы, недопускающее захвата кѣмъ-либо господства на Балканскомъ полуостровѣ, соперничество державъ, разъединеніе христіанъ, неисполненіе султанскихъ „гатовъ“, вызывающее ихъ жалобы, и военная сила Турціи, какъ ручательство, что изъ общихъ жалобъ не можетъ произойти общаго движенія—все это сдѣлалось избитымъ общимъ мѣстомъ, и тѣхъ, все болѣе рѣдкихъ, газетныхъ статей, въ которыхъ въ сотый разъ взвѣшивались всѣ эти перетертые долгими опытами элементы, не читалъ никто, за исключеніемъ нѣсколькихъ подписчиковъ, особенно ревностно отбывающихъ свою натуральную повинность.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ, повидимому, столь ясное для любого читателя, въ дѣйствительности оставалось неяснымъ даже и для людей, специально изучающихъ политическіе вопросы. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, Турція оставалась страной, весьма мало извѣстною, число обстоятельныхъ этнографическихъ изслѣдованій о Балканскомъ полуостровѣ весьма ограничено, и почти каждое изъ тѣхъ, которыя мы имѣемъ, представляло новое открытіе, какъ-будто предметомъ изслѣдованія былъ одинъ изъ острововъ Тихаго океана. Даже важнѣйшія статистическія данныя относительно Турціи весьма шатки; цифры населенія ея, принимаемыя разными изслѣдователями, различествуютъ между собою на цѣлую четверть и даже треть, одна противъ другой.

Дѣйствительныя цифры турецкихъ финансовъ совершенно неизвѣстны, неизвѣстны и внутренніе долги Турціи. Правда, имѣется оффиціальныи бюджетъ; по недавно-обнародованному бюджету, доходы опредѣлены въ $21\frac{3}{4}$ милл. фунтовъ, расходы въ $26\frac{1}{4}$ милл. фунтовъ, такъ что дефицитъ выходитъ всего въ около $4\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ. Но что же могутъ значить эти цифры, когда извѣстно, что Порты можетъ производить платежи по купонамъ внѣшнихъ займовъ не иначе, какъ посредствомъ заключенія новыхъ займовъ, что таможенные доходы предположено возвысить съ 6 до $12\frac{0}{10}$, то-есть удвоить, и что, наконецъ, предположено жалованье высшихъ чиновниковъ свыше опредѣленной нормы сократить на половину? Въ виду такихъ фактовъ, можно предполагать, что дѣйствительные ежегодные дефициты превосходятъ суммы почти ежегодно заключаемыхъ внѣшнихъ

займовъ, такъ какъ, сверхъ займовъ вѣшнихъ, дѣлаются еще и внутренніе.

Истинное настроеніе христіанскихъ населеній оставалось не лучше извѣстнымъ, чѣмъ самая численность этихъ населеній. Знать, что христіане недовольны, что всѣ они жалуется на неисполненіе гатти-гуманна, собственно говоря, не значитъ еще знать что-либо. Вопросъ въ томъ, насколько жалующіеся считаютъ свое положеніе безвыходнымъ или поправимымъ посредствомъ рѣшительнаго усилія, и насколько они въ дѣйствительности расположены и способны къ такому усилію.

Такимъ образомъ, истинное положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ оставалось и остается весьма мало извѣстнымъ. А между тѣмъ, въ тѣхъ элементахъ восточнаго вопроса, которые установились въ общемъ сознаніи европейскаго общества и обратились въ общее мѣсто, постепенно происходили весьма существенныя перемены, такъ что въ настоящее время условія, въ какихъ восточный вопросъ дѣйствительно можетъ выдвинуться впередъ, на сцену дѣйствія, далеко уже не тѣ, въ которыхъ доселѣ привыкли видѣть гарантіи для сохраненія или восстановленія равновѣсія, то-есть устойчивости турецкой имперіи.

Перемены произошли и въ силѣ турецкаго правительства, и въ силѣ подчиненныхъ ему номинально христіанскихъ вассаловъ, и въ отношеніяхъ между великими державами—насколько позволительно догадываться—и въ положеніи христіанъ, непосредственно подвластныхъ туркамъ, и въ настроеніи райевъ. Однимъ словомъ, почти всѣ элементы восточнаго вопроса существенно измѣнились со времени послѣдняго значительнаго возстанія въ Герцеговинѣ и войны съ черногорцами, а именно съ 1862 года. Перемены, происшедшія во всемъ положеніи дѣлъ, таковы, что *status quo* въ турецкой имперіи не только долго, но непродолжительное время продержаться не можетъ. Нельзя предугадать размѣровъ той перемены, кака въ этомъ *status quo* должна произойти уже теперь, соотвѣтственно съ измѣнившимися обстоятельствами, потому что толчокъ данъ народнымъ движеніемъ, а его размѣровъ предугадать нельзя. Ограничится ли возстаніе одной Герцеговиной, или охватитъ Боснію и часть Албаніи, а быть можетъ, перейдетъ и въ Болгарію; въ состояніи ли будутъ правительства Сербіи и Черногоріи удержать свои населенія отъ порыва на помощь одноплеменникамъ—предсказать нельзя, а между тѣмъ очевидно, что чѣмъ болшую территорію охватитъ возстаніе, тѣмъ болшая потребуетъ перемены въ нынѣшнихъ условіяхъ мусульманскаго господства надъ райями. Съ другой стороны, отношенія между державами нынѣ таковы, что Порта уже не можетъ считать непри-

вѣдственной не только цѣлостъ территоріи, непосредственно ей подвластной, но даже и самое удержаніе султаномъ всѣхъ владѣній его въ Европѣ. Исходъ можно предположить троякій: или все дѣло ограничилось бы новыми обѣщаніями Порты, вслѣдствіе начатаго уже великими державами посредничества; или посредничество, имѣя въ виду силу народнаго движенія, повело бы къ признанію Герцеговины съ Босніею самостоятельной областью, вассальною султану, на тѣхъ же правахъ, какъ Сербія и Румынія; или, наконецъ, за неуспѣхомъ посредничества, движеніе, постепенно охвативъ все христіанское населеніе европейской Турціи, произвело бы ея разложеніе, регулируемое позднѣйшимъ вмѣшательствомъ державъ. Четвертаго исхода, а именно—простого подавленія турками герцеговинскаго восстанія, безъ всякихъ уступокъ, хотя бы на словахъ, теперь уже ожидать нельзя, такъ какъ Порты не успѣла сдѣлать этого вначалѣ и европейское посредничество уже началось. Третьему исходу, т.е. полному разложенію европейской Турціи, державы будутъ противиться по мѣрѣ возможности, такъ какъ разложеніе подало бы поводъ къ европейской войнѣ. Стало-быть, представляется въ настоящее время одинъ изъ двухъ результатовъ, названныхъ сперва: или обѣщаніе Портою соблюденія старыхъ уступокъ и дарованія новыхъ, или установленіе автономіи Герцеговины и Босніи при посредничествѣ державъ.

Повторяемъ, излишне было бы теперь разсуждать о томъ, которое изъ этихъ двухъ, да и вообще изъ всѣхъ рѣшеній вопроса вѣроятнѣе: это будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго хода восстанія. Но не лишнее замѣтить, что одні обѣщанія Порты не имѣли бы никакой цѣны, какъ въ томъ убѣдилась нынѣ уже и главная часть самой англійской печати. Сверхъ того, разсматривать въ отдѣльности каждое изъ тѣхъ рѣшеній, которыя служили бы средними терминами между status quo и паденіемъ оттоманскаго господства на полуостровѣ, есть скорѣе дѣло дипломатовъ, чѣмъ дѣло постороннихъ изслѣдователей. Для насъ, то-есть для печати, не только въ Россіи, но и во всѣхъ странахъ, гораздо важнѣе выяснять ту истину, что всѣ эти средіе термины, какъ бы удовлетворительны они ни казались въ данный моментъ, въ сущности вовсе не составили бы рѣшенія вопроса. Это были бы только этапы на пути къ рѣшенію окончательному, неизбежному—къ созданію на территоріи, подвластной нынѣ султану въ Европѣ, новой комбинаціи, въ видѣ группы совершенно самостоятельныхъ областей, составляющихъ союзное государство. Внутреннее положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ допускаетъ только одно это естественное рѣшеніе. Интересы же державъ, правильно понимаемые, должны бы сходиться въ томъ, чтобы осуществить именно

это рѣшеніе, оставивъ всякіе расчеты на упроченіе оттоманской имперіи какиѣмъ-либо среднимъ терминомъ. Нѣтъ спора, державы достаточно сильны, чтобы навязать населеніямъ полуострова и самимъ себѣ нѣчто искусственное, то-есть порядокъ переходный, придавъ ему значеніе окончательнаго (ибо иначе онъ бы не могъ осуществиться). Въ пользу такой „переходной“ политики, то-есть постепенной „децентрализаціи“ Турціи въ самостоятельныя области, въ настоящее время приводится наиболѣе аргументовъ и эта политика выставляется какъ наиболѣе благоразумная для охраненія интересовъ населеній съ одной стороны и европейскаго мира—съ другой. Но самая осуществимость такой системы строгой постепенности въ разложеніи Турціи весьма сомнительна. Она предполагала бы, что шесть великихъ державъ способны въ теченіи какого-нибудь полувѣка согласно проводить въ дѣйствіе съ должной постепенностью однажды придуманную систему; что Порта, предвидя окончательный результатъ, согласилась бы содѣйствовать его осуществленію, лишь бы оно совершилось постепенно; наконецъ, что христіанскія населенія имѣли бы достаточно убѣжденія въ благоразуміи коллективнаго провидѣнія о нихъ дипломатіи и достаточно терпѣнія, чтобы исполнять всѣ его предначертанія. Если бы такая долговременная комбинація могла осуществиться, то это былъ бы первый въ своемъ родѣ примѣръ во всей исторіи.

Позволительно думать, что исполненіе такой системы нарушилось бы разными неожиданными. Система эта предполагала бы принятіе Турціи въ еще болѣе тѣсную опеку европейской дипломатіи, чѣмъ та, кака я существовала доселѣ. А между тѣмъ, на дѣлѣ протекторатъ Европы надъ Турціею никогда не можетъ быть устроенъ такъ, какъ въ механикѣ рѣшаются задачи о раздѣленіи силы равнодѣйствующей на равныя составляющія силы. Дѣйствіе одной изъ силъ, составляющихъ протекторатъ, на дѣлѣ всегда будетъ болѣе дѣйствія другой. Чѣмъ тѣснѣе будетъ зависимость Турціи отъ протектората и чѣмъ больше онъ будетъ продолжаться, тѣмъ сильнѣе должно обозначиться неравенство вліянія державъ и тѣмъ вѣрнѣе, неизбѣжнѣе представится тотъ фактъ, что въ данный моментъ вопросъ о замѣнѣ Турціи самостоятельными народными единицами превратится въ вопросъ о дѣлѣжѣ Турціи между покровительствующими державами. Тѣ державы, которыхъ вліяніе будетъ слабѣе, проявятъ зависть и подозрительность, нарушающія согласіе; тѣ державы, которыхъ вліяніе будетъ сильнѣе, предпочтутъ свои прямыя выгоды осуществленію комбинаціи, нѣкогда придуманной сообща. Такимъ образомъ, въ результатѣ „благоразумной, переходной системы постепеннаго подготовленія самостоятельныхъ областей“ явилась бы

именно необходимость европейской войны, которую думали бы устранить такимъ постепеннымъ переходомъ. Война была бы устранена вѣрнѣе, еслибы державы въ настоящее время предоставили полную свободу дѣйствія Портѣ съ одной стороны и славянамъ—съ другой, соблюдая строгій нейтралитетъ.

Итакъ, важнѣе всего, чтобы отказаться теперь же отъ мысли о поддержаніи турецкой власти въ Европѣ на неопредѣленное время, отказаться отъ тѣхъ воззрѣній, которыя въ западной Европѣ обладали во время восточной войны и еще въ 1862 году, при подавленіи турками возстанія Луки Вукаловича въ Герцеговинѣ и пораженіи ими черногорцевъ. Въ этомъ убѣжденіи мы и начали свод бесѣду съ положенія, что условія, въ какихъ такъ-называемый восточный вопросъ представляется нынѣ, совершенно иныя, чѣмъ тѣ, въ какихъ онъ представлялся еще недалѣе, какъ въ 1862 году. Начать съ того, что въ то время въ самой Портѣ ощущалась усиленная правительственная энергія и соотвѣтственно ей въ западной Европѣ не только поддерживались убѣжденія въ устойчивости турецкой имперіи, но возникала даже надежда на „возрожденіе“ мусульманской Турціи. Турція вышла изъ восточной войны укрѣпленною, полною вѣры въ свою будущность. У ней были опытные и умные государственные люди: Решидъ, Фуадъ, Омеръ, Али. Гаттигумаюнъ 1856 года, обѣщавшій полную свободу богослуженія и равенство въ правахъ гражданамъ всѣхъ исповѣданій, казалось, долженъ былъ послужить основой возрожденія. Финансы хотя не были въ порядкѣ, но привести ихъ въ порядокъ считалось дѣломъ весьма легкимъ. Внѣшнихъ займовъ до 1862 года было сдѣлано всего на 15 милл. фунтовъ стерл., и успѣхъ этихъ первыхъ шаговъ на пути государственнаго кредита самъ по себѣ открывалъ Портѣ новое могущественное средство для развитія страны. Естественныя богатства Турціи считались неизмѣримыми; недоставало только наличнаго капитала, чтобы поставить ихъ въ разработку, и вотъ открывался для этого источникъ—заключеніе внѣшнихъ займовъ, неизвѣстныхъ Турціи до 1854 года. Правда, первые займы сдѣлались подъ ручательствомъ державъ, были употреблены на войну; но война прошла счастливо, а открытое однажды поле кредита обѣщало впереди еще богатые средства для экономическаго возрожденія страны. На престолъ вступилъ въ 1861 г. султанъ Абдуль-Азисъ, человекъ молодой, исполненный энергіи и (въ то время) довѣрія въ свои силы. Онъ предпринялъ покорить своей доброй волей Порту, то-есть высшее чиновничество, этотъ кошель мусульманскаго застоя, рутинны и эксплуатаціи страны посредствомъ всякихъ злоупотребленій, и возвѣстилъ

всѣмъ преобразованія, на первыхъ порахъ даже сократилъ и гаремъ, и придворные расходы.

Въ такомъ положеніи застало Турцію герцеговинское возстаніе 1862 года. Изъ-за чего оно произошло? Истинная его причина была все та же—притѣсненія турецкаго начальства и сборщиковъ податей, вефовольство райевъ, такъ какъ гатти-гумаювъ съ самаго начала оставался мертвой буквой. Но ближайшимъ поводомъ къ возстанію въ то время несомнѣнно было пробужденіе національныхъ стремленій въ Европѣ вообще успѣхомъ освобожденія сѣверной Италіи и объединенія всей Италіи. Послѣдствіемъ возстанія была война съ Черногоріею. Все это движеніе не могло имѣть шансовъ на успѣхъ потому именно, что Турція въ это время была сильна, правительство ея было энергично, войсками его командовалъ Омеръ-паша, а положеніе дѣлъ въ Европѣ было весьма благоприятно Турціи. Россія, всего шесть лѣтъ передъ тѣмъ заключила трактатъ, которымъ сдѣлала ей даже небольшую территоріальную уступку, Россія въ то время „сбиралась съ силами“; рѣшительное дѣйствіе ея именно въ восточномъ вопросѣ было немислимо. Въ Австріи центральная власть не была ни раздвоена, такъ какъ Венгрія временно не существовала, ни ограничена парламентами. Вся южная половина имперіи была на военномъ положеніи и правительству ничего не стоило устроить строгій кордонъ на границѣ съ Турціею, чтобы предохранить свои славянскія области отъ зараженія сербскимъ движеніемъ. Англія и Франція, хотя уже не жили въ „сердечномъ согласіи“, поколебленнымъ присоединеніемъ Ниццы и Савойи, но были совершенно согласны на счетъ неудобства допускать какія-либо измѣненія на Востокѣ. Наполеонъ III былъ гегемономъ въ Европѣ и, занявшись мексиканскою экспедиціею, не хотѣлъ никакихъ измѣненій въ Европѣ. Пруссія играла второстепенную роль, со времени своего ольмюцкаго униженія. Государственные люди Англіи и англійское общество вѣровали въ возрожденіе Турціи, и это вѣрованіе только укрѣпляло Пальмерстона въ твердомъ поддержаніи принципа о „необходимости существованія турецкой имперіи для политическаго равновѣсія Европы“, поддержаніи, которое въ Константинополѣ выражалось полнымъ преобладаніемъ англійскаго вліянія надъ Портою.

Что же мы видимъ теперь, всего тринадцать лѣтъ спустя, что сдѣлала Турція изъ представлявшейся ей счастливой комбинаціи обстоятельствъ, изъ пробудившейся было въ ней самой внутренней энергіи и изъ довѣрія, какое питала къ ея будущности западная Европа? Неподвижность мусульманскихъ воззрѣній, азиатскій деспотизмъ султана, живущаго въ совершенномъ отчужденіи отъ обще-

ства, непобѣдимая сила, построенная на старовѣрствѣ и личной живѣ—порта, господство въ странѣ меньшинства лѣниваго и невѣжественнаго устранили все, что предвидѣлось хорошаго, одержали полную побѣду надъ личными желаніями Абдуль-Азиса, исказили самый его характеръ, разрушили и ту долю порядка и системы, какая была заведена дотолѣ Решидомъ, Фуадомъ и Али, разсыпали въ Европѣ, даже въ самой Англій, покровительницѣ Турціи и обладательницѣ значительной части турецкихъ фондовъ, всякое довѣріе къ будущности оттоманской имперіи, даже къ возможности искусственно поддерживать ея существованіе неопредѣленное время. Итакъ, коренныя условія турецкой имперіи произвели полное пораженіе силъ самого султана и ожиданій западно-европейскаго общества. Опытъ возрожденія былъ сдѣланъ при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ и привелъ къ полному неуспѣху, и между тѣмъ благоприятныя обстоятельства уступили мѣсто неблагоприятнымъ. Чего же ожидать болѣе?

Султанъ Абдуль-Азисъ и теперь не старъ; ему 45 лѣтъ. Но если старымъ называть человѣка, который испыталъ полное разочарованіе, потерялъ вѣру въ задачу своей жизни и въ свои силы, то султанъ Абдуль-Азисъ — старъ. Въ борьбѣ его молодыхъ силъ съ вѣковымъ наростомъ старовѣрства и корысти, онъ понесъ полное пораженіе; порта, побѣдила султана. У Абдула не было силъ нашего Петра, или турецкое старовѣрство крѣпче нашего, или власть султана, отчужденнаго отъ внѣшняго міра, меньше власти Московскаго царя, который самъ сколачивалъ себѣ боты и служилъ бомбардиромъ,—но въ результатѣ турецкія условія подчинили себѣ энергическую волю турецкаго султана. Все, что онъ придумывалъ для дѣйствительныхъ улучшеній, оказывалось на дѣлѣ невозможнымъ. Петръ благополучно отмѣнилъ патріарха, а Абдуль не справился даже съ „вакуфами“, то-есть церковными имуществами, сданными въ аренду. Петръ установилъ законъ, что преемникомъ себѣ государь можетъ назначить любое лицо; а Абдуль не смогъ установить и такого закона, что преемникомъ султана долженъ быть его сынъ. Петръ того, кто завѣдомо ему сталъ нечестъ на руку, колочивалъ дубинкой и на мѣсто его сажалъ кого-либо изъ „добрыхъ людей“, съ которыми онъ постоянно жилъ, работалъ, ѣлъ, пилъ и путешествовалъ. Абдуль-Азисъ смѣнялъ одного пашу за неумѣреннымъ грабежъ, но избиралъ другого не иначе, какъ по рекомендаціи, потому что ни съ кѣмъ не жилъ и не работалъ; новый оказывался хуже прежняго. Султанъ самъ не могъ даже и узнать о томъ изъ хода дѣлъ; ему доносили враги или завистники избраннаго, и, получивъ его мѣсто, спѣшили обогатиться въ короткое время, зная изъ собственнаго опыта, какъ

низвергаются възысканные милостью. Султанъ потерялъ, наконецъ, всякое довѣріе къ людямъ и къ своимъ силамъ. Онъ окончательно замкнулся въ гаремную жизнь и предался дорого-стоящимъ забавамъ, а природная его энергія стала выражаться въ колоссальной расточительности на строительство и другія причуды и въ самой безцеремонной смѣнѣ однихъ правителей другими. Казалось, какъ будто онъ сказалъ себѣ, что такъ какъ деньги все равно нейдутъ въ прокъ государству, то пусть идутъ хоть на потѣху повелителя правотѣрнытъ, и такъ какъ съ тѣми и съ другими правителями все равно ничего не сдѣлаешь, всѣ они все-таки поведутъ дѣла по-своему, на старій манеръ, то пусть же хоть въ постоянной грозѣ, висащей надъ ихъ головами, они сознаютъ присутствіе личной воли своего повелителя. Люди школы Решиды, люди, которыхъ онъ болѣе или менѣе уважалъ (хотя нѣкоторые изъ нихъ его же поработили Портѣ), вымерли, а новыми, неудачными, онъ сталъ играть какъ въ шахматъ. Такъ въ теченіи прошлаго года онъ пять разъ смѣнялъ великаго визиря. Разочаровавшись въ своихъ добрыхъ стремленіяхъ, Абдуль сталъ цѣнить только деньги, лесть и забавы. Отсюда — постоянно возрастающее благоволеніе его къ ловкому Измаилу, хедиву Египта, ровеснику Абдуль-Азиса. Измаилу удалось сдѣлать въ Египтѣ многое, что не удалось Абдулу въ Турціи; такъ, онъ успѣлъ примѣнить порядокъ престонаслѣдія въ пользу своего сына и произвелъ въ Египтѣ нѣкоторыя серьезныя реформы. Но Измаиль нашель у себя опору въ подвижномъ и интеллигентномъ арабскомъ элементѣ, которому онъ далъ преобладаніе надъ турецкимъ, и который менѣе противится и новизнѣ и иностранному вліянію на нравы и учрежденія. Абдуль-Азисъ сдѣлалъ для хедива то, чего, казалось бы, не допускала самая естественная наклонность султана — уступку изъ своей власти. За деньги, за увеличеніе дани, онъ предоставилъ своему вассалу большую самостоятельность, такую самостоятельность, что хедивъ (король) Египта въ настоящее время *de facto* независимъ. Но Измаилу, повидимому, еще мало одной независимости у себя дома, онъ хочетъ вліянія въ Константинополѣ, и имѣеть его. Деньги, лесть и забавы — вотъ его средства, вотъ чему подчиняется нынѣ повелитель, выступавшій нѣкогда реформаторомъ. Измаиль дѣлаетъ подарки, строитъ кіоски, привозитъ изъ Египта необыкновенные фейерверки, которыми нагружаются цѣлыя суда.

Между тѣмъ, административная неурядица и эксплуатація народа пашаами, валіями, ихъ подчиненными, правителями санджаковъ и т. д. не только продолжалась прежняя, но еще значительно возросла именно вслѣдствіе полного отсутствія всякой системы и безпрестанной смѣны высшихъ, а съ ними и низшихъ администраторовъ. Кто

прежде рассчитывалъ свое обогащеніе на десять, двадцать лѣтъ, тотъ теперь примѣняетъ другую мѣрку эксплуатаціи, рассчитанную на два года, на годъ управленія. Финансовое положеніе сдѣлалось „невозможнымъ“. вмѣсто 15 милл. фунтовъ внѣшняго долга, бывшаго до 1862 года, у Турціи теперь внѣшняго долга 185 милліоновъ фунтовъ. Притомъ, послѣдніе займы сдѣланы на чисто-разорительныхъ условіяхъ. Такъ, въ 1872 году былъ сдѣланъ заемъ въ 11 слишкомъ милліоновъ фунтовъ по высокому выпуску 98½ за 100, но за то по 9% въ годъ и съ обязательствомъ, въ случаѣ заимъ облигацій этого займа пяти-процентными, выдать послѣднихъ въ 1000 фунтовъ взамѣнъ 550 фунтовъ первыхъ. Въ 1873 году заемъ въ 28 милл. ф. былъ сдѣланъ по 6% въ годъ, но за то съ полученіемъ всего 58½ фунтовъ взамѣнъ обязательства въ 100 фунтовъ, а большой заемъ въ 40 милл. фунтовъ, о которомъ такъ долго хлопотали въ прошломъ году, былъ наконецъ заключенъ по 5% годовыхъ, но съ выпускомъ по 43½ за 100, такъ что, давъ пятипроцентныхъ обязательствъ на 40 милл. фунтовъ, то-есть обязавшись платить по 2 милл. фунтовъ въ годъ процентовъ, Порта получила за это въ дѣйствительности всего около 17½ милл. фунтовъ.

Само собою разумѣется, что возрастаніе доходовъ, какъ бы произвительно ни употреблялись займы, не могло идти въ равнѣй прогрессіи съ возрастаніемъ суммы ежегодныхъ платежей на каки-нибудь 170 милл. фунтовъ, занятыхъ въ теченіи 13-ти послѣднихъ лѣтъ. Но такъ какъ займы эти вовсе и не получили никакого производительнаго назначенія, но шли на постройки, на созданіе броненоснаго флота, на другія вооруженія, на придворныя издержки и на уплату процентовъ по прежнимъ займамъ,—то отсюда и произошло въ Турціи нынѣ еще нигдѣ невиданный фактъ, что *половина* всѣхъ доходовъ государства поглощается уплатою процентовъ по займамъ. Да что и говорить о возрастаніи доходовъ! Еслибы оно даже и оказалось, то было бы далеко недостаточно для уравновѣженія дальнѣйшаго возрастанія ежегодныхъ платежей по системѣ кредита. Всѣ отрасли государственнаго дохода заложены, отданы въ видѣ обезпеченій подъ займы, уже заключенные: и дань съ Египта, и таможенные пошлины, и акцизы табачный, соляной, гербовый, и земледѣльческая десятина, и подати съ овецъ, принадлежащихъ райямъ въ Румелии, и заставные сборы въ самомъ Константинополѣ. Вотъ это-то безнадежное финансовое положеніе Турціи, близкое къ банкротству, и подѣйствовало на общественное мнѣніе въ Англіи сильнѣе всякихъ нарушеній гатти-гумаюна. Турокъ защитили, можно сказать спасли, поставили на ноги, ободрили полнымъ довѣріемъ дали имъ въ руки денегъ 185 милл. фунтовъ (которыхъ не ма-

часть, впрочемъ, осталась въ рукахъ лондонскихъ и парижскихъ капиталистовъ), то-есть болѣе 1200 милл. рублей въ какія-нибудь двадцать лѣтъ, и что же сдѣлали изъ этого всего турки? Ничего, кромѣ потребности просить еще денегъ; значить, они и не способны ничего сдѣлать, и „возрожденіе“ Турціи есть вздоръ. Вотъ настоящее англійское ходячее разсужденіе о Турціи, и оно безъ сомнѣнія правильно, хотя и односторонне. Возрожденіе Турціи вздоръ не только потому что она близка къ банкротству финансовому, но и потому, что уже началось ея политическое банкротство.

Соотвѣтственно ухудшенію финансовъ возрастала податная тягость для населенія, а вслѣдствіе частой смѣны мѣстныхъ администраторовъ возрастали ихъ поборы. Увеличеніе податей и пошлинъ отозвалось, разумѣется, не на однихъ райяхъ, но и на туркахъ. Существовавшія прежде въ Турціи мануфактурныя производства совершенно упали подъ тягостью налоговъ, и Турція обратилась въ настоящее время въ чисто-земледѣльческую страну. Но такъ какъ христіане несутъ разныя подати, которымъ мусульмане не подвергнуты, то возрастаніе податей было гораздо чувствительнѣе для райевъ, чѣмъ для турокъ. Такъ, въ настоящее время райя въ Герцеговинѣ уплачиваетъ податей въ 12 процентовъ своего валового дохода. О незаконныхъ поборахъ уже нечего и говорить; они конечно всей своей тяжестью ложатся на безотвѣтныхъ райевъ, которымъ нельзя жаловаться на администраторовъ, да и на мусульманъ вообще жаловаться трудно, такъ какъ свидѣтельство христіанина не принимается въ турецкомъ судѣ. Независимо отъ податей, герцеговинцамъ и боснякамъ приходится платить турецкимъ бекамъ или помѣщикамъ за наемъ земли, такъ какъ болъшая часть земель находится во владѣніи мусульманъ. На притѣсненія этихъ бековъ также въ дѣйствительности нѣтъ исхода жалобѣ. Понятно, что при такихъ условіяхъ, когда привилегированная, мусульманская часть населенія по природѣ не способна къ труду, а христіанское, трудящееся большинство находится подъ тягостью тройныхъ поборовъ — казны, чиновниковъ и бековъ, въ Турціи должно падать и земледѣліе. Иногда еще говорятъ объ „огромныхъ естественныхъ богатствахъ“ Турціи. Но богатства, которыхъ нельзя разрабатывать и нельзя доставлять къ мѣстамъ сбыта, все равно какъ-бы не существуютъ. Можно ли говорить серьезно объ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ Турціи и ожидать отъ нея средствъ къ улучшенію экономическаго положенія населенія, когда въ Турціи существуетъ менѣе 500 верстъ желѣзно-дорожнаго сообщенія и когда промыслы горнозаводскій, соляной и табачный обложены пошлиною въ треть дохода.

Естественно, что ухудшившееся положеніе райевъ, недовольство

нихъ росло. А такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, во всей Европѣ болѣе и болѣе выдвигались на первый планъ стремленія національныя, то это не могло остаться безъ вліянія и на районы, которые, несмотря на вѣковую свою привычку къ уничиженію передъ турками, не могли не сознавать, въ теченіи послѣднихъ десятокъ лѣтъ, если не стародавнихъ своихъ преданій о независимости, то хоть живого примѣра, имѣвшагося у нихъ передъ глазами, примѣра благосостоянія и значительныхъ успѣховъ въ самостоятельности, осуществленныхъ родичами ихъ въ княжествѣ сербскомъ. Какъ ни удалены герцеговинскіе, боснійскіе и болгарскіе пастухи и земледѣльцы отъ политической жизни остальной Европы, но что вліяніе національныхъ движеній Европы на нихъ сказывается, этому служатъ примѣрами какъ событія 1862 года, т. е. тогдашнее возстаніе въ Герцеговинѣ, черногорская война и столеновіе съ турецкимъ гарнизономъ въ самомъ Бѣградѣ, бывшія отраженіемъ національнаго движенія въ Италіи, но и нынѣшнія событія. Правда, возстаніе нынѣ началось непосредственно вслѣдствіе тягости налоговъ и притѣсненій бековъ, въ отсутствіи какого-либо особаго сильнаго политическаго толчка. Неприязненные движенію австрійскія газеты передавали начало его такимъ образомъ: близъ Невезинья разграбленъ былъ караванъ и виновники бѣжали въ Черногорію; вслѣдствіи, наскучивъ жизнью на чужой сторонѣ и полагая, что дѣло забыто, они возвратились въ Герцеговину, а когда противъ нихъ были приняты полицейскія мѣры, то они обратили свое сопротивленіе въ отказъ платить подати и возстали, поднявъ австрійское знамя. Въ этомъ объясненіи одно не согласовалось съ другимъ: грабежъ съ отказомъ въ платежѣ податей и съ австрійскимъ знаменемъ. Но дѣло объяснялось гораздо правдоподобнѣе изъ славянскихъ источниковъ. Герцеговинцамъ, бѣжавшимъ отъ притѣсненій бековъ, обѣщано было прощеніе, если они возвратятся на родину; они возвратились и подверглись притѣсненіямъ пуще прежняго; это бывало не разъ и вполне согласно съ мѣстной практикой. Тогда все населеніе невезинскаго округа, — которое не могло же состоять изъ грабителей, — возстало, отказываясь платить непомѣрныя подати; въ невезинскимъ повстанцамъ применило католическое населеніе столацкаго округа; и вотъ, столацкіе герцеговинцы-католики развернули австрійское знамя. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ, какъ ни маловаженъ онъ самъ по себѣ, нельзя не видѣть отраженія національнаго энтузіазма, возбужденнаго въ славянскомъ населеніи пограничной съ Герцеговиною австрійской области, Далмаціи, побѣзковъ туда императора Франца-Іосифа, послѣ свиданія его съ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ въ Венеціи. Итакъ, нельзя отрицать, что усиленіе національныхъ движеній въ Европѣ оказываетъ вліяніе и

на униженное въѣзовымъ рабствомъ славянское населеніе въ развѣтвленіяхъ Балкановъ. Даже болгары, наименѣе воинственные и наиболѣе имѣвшіе времени привыкнуть къ игу, еслибы къ его тягости можно было привыкнуть, — болгары, считавшіеся самыми смиренными изъ райевъ и наименѣе способными къ политическимъ стремленіямъ, и тѣ въ настоящее время уже не совсѣмъ похожи на своихъ предковъ, о которыхъ такое мнѣніе составилось. Это они доказали крѣпкой и дружной поддержкой стремленія своей церкви къ независимости. Въ новѣйшемъ сочиненіи о Болгаріи, недавно вышедшемъ трудъ австрійскаго ученаго Каница, который путешествовалъ въ Балканахъ въ послѣдніе годы, этотъ изслѣдователь, вполнѣ безпристрастный, выставляетъ возрастающее значеніе болгаръ: „въ ихъ рукахъ находится почти вся торговля дунайскаго низовья, и, сверхъ того, они отличные земледѣльцы, ремесленники и строители; народъ трудолюбивый, бережливый, понятливый и въ высшей степени склонный къ образованію, народъ, который все болѣе и болѣе вспоминаетъ свою прежнюю государственную самостоятельность“. (Выписку эту мы дѣлаемъ изъ одного иностраннаго обзора, книги Каница, не имѣя ея еще подъ рукою).

Сами по себѣ историческія воспоминанія, при всѣхъ усиліяхъ патриотической школы „юной Болгаріи“ или образованныхъ людей въ Герцеговинѣ и Босніи, не сдѣлали бы, конечно, ничего, чтобы увѣрить турецкихъ славянъ въ возможности достигнуть національной самостоятельности и посредствомъ ея обезпечить себѣ благосостояніе. Но когда, съ одной стороны, Турція, вынужденная своимъ возрастающимъ разстройствомъ и анархіею своихъ дѣлъ, болѣе и болѣе дѣлаетъ положеніе своихъ славянъ положительно нестерпимымъ, а съ другой — тутъ же на границѣ Босніи имѣется самостоятельное сербское княжество, а на границѣ Герцеговины независимое княжество Черногорское; когда притѣсняемые райи видятъ, что родичи ихъ, живущіе подъ собственнымъ управленіемъ, годъ отъ году улучшаютъ свое матеріальное положеніе, и оба христіанскіе вассала Порты, Сербія и Румынія, уже въ теченіи послѣднихъ 13-ти лѣтъ стали гораздо самостоятельнѣе отъ Порты, чѣмъ были прежде, — то и въ Болгаріи и въ Герцеговинѣ съ Босніею естественно все чаще вспоминать о древнихъ временахъ народной независимости и славы.

Дѣйствительно, Сербія и Румынія укрѣпляются по мѣрѣ того, какъ оттоманская имперія дряхлѣетъ, и оба эти параллельныя теченія нынѣшняго столѣтія, въ послѣднее тридцатилѣтіе, нашли себѣ быстрый склонъ и скоро могутъ превратиться въ настоящіе потоки, которые измѣнятъ все положеніе дѣлъ на низовьѣ Дуная и у подножья Балканскихъ краевъ. Событія здѣсь идутъ впередъ съ не-

удержимой силой исторической логики. Въ Румыніи, разъединенной на Молдавію и Валахію, Александръ Куза избирается въ 1859 году господаремъ обѣихъ областей, а въ 1861 соединяетъ ихъ въ одно цѣлое и создаетъ Румынію. Заговоръ ниспровергаетъ его, но Порты отъ этого ничего не выигрываетъ, такъ какъ избранный господаремъ въ 1866 году принцъ Карлъ Гогенцоллернскій, пользуясь событіями того года въ Европѣ, рѣшается занять свой престолъ, и Порты, въ силу тѣхъ же обстоятельствъ, принуждена признать своимъ вассаломъ родственника Вильгельма I. Благодаря своимъ связямъ, князь Румыніи рѣшился заключать, даже мимо формальнаго согласія Порты, торговые трактаты съ иностранными государствами и, несмотря на протесты Порты, право это на дѣлѣ осуществилось. Не будемъ говорить о значительно возросшей военной силѣ Румыніи, которая нынѣ имѣетъ 18 т. чел. регулярнаго войска, а съ милиціею можетъ имѣть 60 т. чел. Объ этомъ можно только упомянуть мимоходомъ, такъ какъ Румыніа не окажетъ помощи славянскому движенію въ Турціи. Другое дѣло—Сербія и Черногорія.

Сербія не увеличила своей самостоятельности въ такой степени, въ какой это удалось сдѣлать Румыніи въ послѣднія 13—14 лѣтъ. Но объединяться ей не требовалось; въ нынѣшнихъ границахъ, сербское княжество существуетъ уже 60 лѣтъ. Дальнѣйшее объединеніе сербскаго народа не можетъ быть достигнуто мирнымъ путемъ голосованій и юридическихъ актовъ, какъ то было въ Румыніи. Дипломатическихъ успѣховъ Сербія можетъ ожидать менѣе, чѣмъ Румыніа, такъ какъ князь Миланъ не имѣетъ связей князя Карла. Но Сербія тѣмъ не менѣе сдѣлала за послѣднія 13 лѣтъ нѣкоторыя политическія пріобрѣтенія. Дядѣ нынѣшняго князя, Михаилу Обреновичу, удалось очистить отъ турецкихъ гарнизоновъ укрѣпленные замки, въ томъ числѣ бѣлградскую цитадель. Съ другой стороны, уменьшилась опасность, на которую Порты постоянно рассчитывала, чтобы держать сербскихъ князей въ своемъ подчиненіи: ослабло вліяніе и уменьшились шансы на успѣхъ династии наслѣдниковъ Георгія Чернаго, соперниковъ династіи Милоша Обреновича. Это соперничество двухъ сербскихъ династій и существованіе въ странѣ двухъ династическихъ партій постоянно эксплуатировалось Портою, и нельзя не предполагать, что въ 1862 году князь Михаилъ дѣйствовалъ бы рѣшительнѣе, еслибы у него не было въ виду этой опасности. Обстоятельства, сопровождавшія смерть Михаила и обвиненіе, павшее на Карагеоргіевичей, нанесли этой партіи страшный ударъ, а единодушіе, проявленное странюю въ признаніи княземъ тринадцатилѣтняго Милана, племянника Михаила, въ 1868 году, заставляло сомнѣваться, чтобы у Карагеоргіевичей осталась сколько-нибудь значитель-

ная партія. Поэтому хотя, въ числѣ прочихъ устарѣлыхъ общихъ мѣсть восточнаго вопроса, въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ доселѣ иногда повторяется мнѣніе, что Порта всегда можетъ держать въ своихъ рукахъ Обреновича посредствомъ страха передъ Карагеоргиевичемъ, но мнѣніе это въ настоящее время гораздо менѣе имѣть за собой основанія, чѣмъ оно имѣло до нынѣшняго княженія. Князю Михаилу, которому теперь 20 лѣтъ отъ роду, не удалась доселѣ попытка осуществить новый успѣхъ въ смыслѣ самостоятельности, а именно—добиться выведенія турецкаго гарнизона изъ Малаго Зворнича посредствомъ дружескихъ заявленій по отношенію къ Портѣ. Напрасно съ этой цѣлью уволено было, въ концѣ 1873 года, національное министерство Ристича и княземъ совершена была весною 1874 года поѣздка въ Константинополь, то-есть заявленіе вассальства. Былъ ли онъ обмануть Портою, или обманулся его министр Мариновичъ, но въ результатѣ онъ уступки не получилъ, а между тѣмъ произвелъ этой демонстраціей подчиненности неблагопріятное впечатлѣніе въ странѣ. Извѣстно, что въ прошломъ мѣсяцѣ, при самомъ открытіи скупщины, министерство измѣнилось и Ристичъ снова вступилъ въ кабинетъ. Во всякомъ случаѣ, при цѣльности и энергичности сербскаго народа, и при его привычкѣ къ самодѣйствию, расположеніе князя и его правительства значить гораздо менѣе, чѣмъ настроеніе народа. Сколько извѣстно, князь Миланъ лично расположенъ къ національной политикѣ, а еслибы онъ и колебался, то въ народѣ произошелъ бы сильный порывъ къ вмѣшательству въ возстаніе райевъ и князь очевидно былъ бы не въ состояніи ни удержать его, ни воспротивиться его послѣдствіямъ. Онъ очутился бы между двумя опасностями: съ одной стороны, Порта и державы могли бы возложить на него отвѣтственность за вмѣшательство сербовъ княжества, а съ другой—народъ, въ случаѣ его сопротивленія, увидѣлъ бы въ немъ измѣнника. Въ такомъ положеніи князю было бы все-таки выгоднѣе рѣшиться на войну; при неудачѣ Порта могла бы встать на смѣнѣ его и державы могли бы поддерживать такое требованіе, но за то династія Обреновичей, принесенная въ жертву національной идеѣ, сдѣлалась бы еще солидарнѣе съ нею въ умѣхъ сербовъ и рано или поздно возвратилась бы на престолъ. Совсѣмъ иное случилось бы, еслибы народъ увидѣлъ въ князѣ противника этой идеи; не только онъ самъ не могъ бы долго удержаться въ Сербіи, но и вся будущность его династіи была бы уничтожена. Итакъ, едва ли можно сомнѣваться, что если только возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи приняло бы въ самомъ дѣлѣ обширные размѣры, а тѣмъ болѣе, еслибы оно перешло въ общее возстаніе райевъ-сла-

ванъ, Сербія вмѣшалась бы въ дѣло, и никакія дипломатическія состоянія не могли бы помѣшать этому.

Вмѣшательство же Сербіи, при общемъ возстаніи балканскихъ славянъ, во всякомъ случаѣ увлекло бы за собой Черногорію, еслибы эта и не вступала въ борьбу съ турками еще прежде Сербіи, что вѣроятно, такъ какъ уже теперь, по слухамъ, князь Николай уже объявилъ русскому консулу, что не можетъ болѣе ручаться за сохраненіе нейтралитета его народомъ. Тогда возстаніе цѣлой половины всего населенія европейской Турціи, опираясь на сербское ополченіе, противостало бы не безъ вѣроятностей на усгѣхъ всѣмъ силамъ, какими могла бы располагать Порта въ Европѣ. О созннѣ турецкихъ резервовъ и территоріальной арміи едва ли можно говорить серьезно. Нынѣшнее возстаніе продолжается уже два мѣсяца, и до сихъ поръ Портѣ не удалось сосредоточить въ Герцеговинѣ и ближайшей части Босніи болѣе 18 т. чел. войска. По этому факту можно судить о дѣйствиіи всего механизма той пышной военной организаціи Турціи, которая на бумагѣ должна будто бы произвести при крайнемъ напряженіи армію въ 700 т. чел. Возьмемъ одну регулярную армію Турціи и предположимъ, что она приведена въ свой военный составъ; численность ея будетъ 210 т. чел. Изъ этой арміи не болѣе половины можетъ быть сосредоточено на Балканахъ, такъ какъ влѣднія въ Азію и внутреннія области, а также пограничныя съ Греціею и острова не могли бы остаться безъ войска. Между тѣмъ, одна Сербія въ состояніи выставить 156 т. чел. противъ этихъ 105 т. турокъ; Черногорія дастъ еще 20 т. чел. Здѣсь уже мы можемъ цифры, стоящія на бумагѣ, принять за дѣйствительныя, безъ всякаго учета, такъ какъ народный порывъ неминуемо вызвалъ бы въ оружію всѣхъ сербовъ, способныхъ носить оружіе, и раздѣлять войско или переводить его изъ дальнихъ странъ не требовалось бы; оно—все на лицо, все на мѣстѣ. Не говоря уже о томъ ополченіи, которое было бы создано возстаніемъ слишемъ 4-хъ милліоновъ славянъ-райевъ, мы получаемъ до 176 т. чел. однихъ сербскихъ и черногорскихъ войскъ, которыя, во всякомъ случаѣ, стобятъ войскъ турецкихъ, и видимъ, что Порта едва ли могла бы противопоставить имъ болѣе 105 т. чел., предполагая, что она успѣла бы комплектовать свою армію по военному положенію.

Значительное войско, какое можетъ выставить Сербія, представляется огромнымъ, если сравнить его съ числомъ населенія княжества: 1 м. 306 т. душъ. Если отдѣлить половину этого числа и сравнить съ нимъ итогъ ополченія, то окажется, что на пять душъ мужского населенія въ Сербіи приходится одинъ человѣкъ, обязаный быть солдатомъ. Но это зависитъ отъ устройства военной по-

инности: въ Сербіи каждый гражданинъ обязанъ военной службой съ 20-ти до 50-ти-лѣтняго возраста (въ Черногоріи съ 17-ти лѣтъ). Внутренняя сила Сербіи, это и есть то главное приобретение, которое сдѣлала эта страна съ 1862 года и которое prepares ее къ первенствующей роли, имѣющей когда-либо выпасть ей въ общей борьбѣ славянъ съ турками. Сербія имѣетъ порядочно-устроенные финансы, не знаетъ дефицитовъ; у нея нѣтъ ни копейки государственнаго долга. Постоянная армія ея всего 8 т. чел., такъ какъ при цѣльности народа ей армія вовсе не нужна въ мирное время. Но ополченіе должно составить 148 т. чел. и приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы оно оказалось въ дѣйствительности годнымъ. О томъ, что въ минуту призыва оно соберется въ нѣсколько дней, не можетъ быть сомнѣнія. И въ 1862 году въ нѣсколько дней въ Бѣлградѣ собралось народу до 100 тысячъ. Но вотъ гдѣ разница: тотъ народъ былъ съ дубинами, кремневыми ружьями, косами и рогатинами; а нынѣ въ сербскихъ складахъ имѣется болѣе 110 тысячъ ружей новыхъ системъ Пибоди и Грина, до 120 тысячъ наръзныхъ пистонныхъ ружей. Первый призывъ ополченія дастъ до 91 т. чел., второй—57 т. чел. Вся военная организація построена на живомъ основаніи, на началахъ общины и товарищества: каждая земельная община образуетъ роту или двѣ роты, каждый округъ батальонъ; бригады также соотвѣтствуютъ территоріальному дѣленію. Военная организація рассчитана на то, чтобы прямо и безъ перемѣнъ вмѣстить въ себя вооруженное земство. Законъ объ ополченіи существуетъ уже съ 1860 года. Но во время событій 1862 г., онъ еще не успѣлъ войти въ дѣйствіе; не было достаточнаго числа ружей, не было артиллеріи и ополченіе еще не было обучено. Въ истекшія 13 лѣтъ образованъ такой запасъ ружей, что Сербія можетъ вооружить ими не только все свое народное ополченіе, но еще и десятки тысячи райевъ. Артиллерійскихъ орудій считается 168. Центральная военная школа приготовила офицеровъ, окружныя школы — унтеръ-офицеровъ, окружныя стрѣльбища обучили ополченцевъ обращенію съ новымъ оружіемъ и стрѣльбѣ. Въ теченіи уже 13-ти лѣтъ, ополченцы ежегодно собирались на военные упражненія, весной и осенью, по 25-ти дней въ году, такъ что турецкимъ солдатамъ они навѣрное не уступятъ. Черногорія имѣетъ военное устройство сходное съ сербскимъ. Военные округа — нахи, раздѣляются на роды („племена“, по мѣстному названію). Запасъ ружей опредѣляется въ 16 т. ружей системъ Крынка и Миньё и 6 т. игольчатыхъ.

Относительно готовности сербовъ княжества и Черногоріи выступить на помощь возставшимъ одноплеменникамъ также не можетъ быть сомнѣнія. Всѣ сербскія газеты, въ томъ числѣ и консерватив-

ныя, стоять за движеніе, подписки и сборы въ пользу герцеговскихъ инсургентовъ происходятъ по всей странѣ; многіе сербы княжества уже ушли волонтерами. Рассказываютъ, что въ одной мѣстности начальство не дозволило волонтерамъ уносить съ собою оружія изъ склада, складъ былъ взломанъ и оружіе унесено—фактъ, который показываетъ, какъ бессильно было бы правительство противъ рѣшительнаго порыва такого народа, который вмѣстѣ есть и готовая армія и избиратель державной скупщины.

Остается бросить взглядъ на положеніе державъ. И оно, съ 1862 года, совершенно измѣнилось не въ пользу неприкосновенности турецкой власти въ Европѣ. Приведенной выше картинѣ положенія главныхъ державъ, отношеній между ними и стремленій ихъ въ 1862 году, нынѣ соотвѣтствуетъ совершенно иная картина. Англія, Франція и Австрія, тогдашніе друзья Порты лишились большой доли своего прежняго значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно возрасли значеніе Пруссіи, которая наименѣе непосредственно заинтересована въ восточномъ вопросѣ въ поддержаніи Турціи, и значеніе Россіи, которая въ восточномъ вопросѣ заинтересована болѣе всѣхъ державъ и притомъ заинтересована въ поддержаніи славянъ, а не турецкой власти. Совершенно ясно, что главному интересу соотвѣтствуетъ и главный голосъ въ рѣшеніи вопроса. Германія, то-есть Пруссія, готова будетъ въ восточномъ вопросѣ сдѣлать Россіи и Англіи уступки, потому что это будутъ уступки на чужой счетъ; въ опасенія потерять дружбу Россіи, она, быть можетъ, согласилась бы даже на всякія уступки въ восточномъ вопросѣ. Она отлично понимаетъ, что Франція нынѣ не есть союзникъ, связанный съ Англіей, что Франція нынѣ ищетъ себѣ союзника и что интересы Франціи въ восточномъ вопросѣ дозволить ей сдѣлать Россіи всѣ тѣ уступки на которыя не захотѣла бы согласиться Германія. Но предполагая равныя уступки со стороны Германіи, намъ выгоднѣе дѣйствовать въ этомъ случаѣ за-одно съ нею потому, что тогда Австрія пойдетъ слѣдомъ за обѣими имперіями. Сама Англія въ настоящее время и только не располагаетъ союзною силою, достаточной для практическаго дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ, но и не имѣетъ въ отношеніи къ его дѣламъ того яснаго принципа и твердаго убѣжденія, какими отличалась Англія пальмерстоновская. Недавнія статьи газеты „Times“ не оставляютъ сомнѣнія, что и въ общественномъ мнѣніи Англіи и въ руководящихъ ея сферахъ произошелъ если не переворотъ, то весьма чувствительный поворотъ въ мнѣніи о турецкихъ дѣлахъ, поворотъ въ смыслѣ неблагопріятномъ для Турціи. Англичане разочаровались въ Турціи, положительно не вѣрятъ болѣе въ возможность ея „возрожденія“. „Times“ поддерживаетъ уже прак-

предоставленіе Герцеговинѣ и Босніи той самостоятельности, какою пользуется Сербія и высказываетъ, не безъ основанія, мысль, что при такой комбинаціи области эти должны подпасть на дѣль вліянію Австріи (а не Россіи). Вотъ какою выгодой приходится уже нынѣ довольствоваться британской политикѣ! Есть основаніе думать, что и правительство Великобританіи, хотя бы оно и не поддерживало проекта, указаннаго въ „Times“, не оказываетъ нынѣ даже и дипломатической безусловной поддержки полномасштабной султана надъ славянами. Было извѣстіе, что сентъ-джемскій кабинетъ рѣшительно отказался быть какимъ-либо посредникомъ при новомъ займѣ для Турціи, безъ котораго она не можетъ мобилизовать значительныхъ военныхъ силъ. Съ своей стороны, газета „Times“, въ другой статьѣ, высказывая „разочарованіе“ англійскаго общества насчетъ Турціи и даже „отвращеніе“ (disgust) въ виду продолжающихся въ Турціи неурядицъ и злоупотребленій, объясняла, что англійскій посоль въ Константинополѣ на аудіенціи у султана указывалъ ему на финансовую бездну, въ которую увлекается Турція, и прибавляла, что въ сущности мнѣнія, высказанныя сэромъ Генри Эллиотомъ султану, не расходились съ тѣми мнѣніями, какія вообще выражаются по этому предмету въ настоящее время въ Англіи. Итакъ, вѣрнѣйшая зачетница status quo на Балканскомъ полуостровѣ, Англія, сама поколебалась въ своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ на восточный вопросъ.

Если намъ удалось достаточно ясно высказать вездѣ логическую нить настоящей бесѣды, то читатель не можетъ не быть наведеннымъ всѣми указанными въ ней фактами на выводъ, что восточный вопросъ въ 1875 году представляется въ условіяхъ, совершенно иныхъ, чѣмъ онъ представлялся въ эпоху предшествовавшаго возстанія въ Герцеговинѣ; что всѣ элементы этого вопроса представляются нынѣ въ иномъ видѣ, а стало быть, что за прежнюю неразрѣшимость его въ настоящее время уже никто не можетъ ручаться. Какой-нибудь шагъ впередъ долженъ быть сдѣланъ въ ближайшемъ времени. Спрашивается только, будетъ ли сдѣлано нѣчто временное, переходное, или будетъ принято рѣшеніе окончательное. По нашему убѣжденію, никогда еще Россія не была такъ выгодно поставлена для того, чтобы желать рѣшенія окончательнаго, какъ нынѣ. Выборъ рѣшенія—въ рукахъ Россіи и ея союзниковъ. Весьма вѣроятно, что союзники предпочтутъ рѣшеніе меньшаго объема, рѣшеніе временное, палліативное. Но у Россіи есть выборъ союзниковъ, а стало быть, выборъ рѣшенія въ рукахъ ея одной. Дѣйствовать посредствомъ соглашеній консуловъ шести державъ съ Серверомъ-пашей въ Мостарѣ, съ согласія визиря Махмуда въ Константинополѣ, было бы достаточно, если бы дѣло состояло въ драгѣ между

нѣсколькими герцеговинцами и баши-бузуками. Но если дѣло приняло характеръ народнаго возстанія, то роль Россіи не можетъ быть менѣе значительна, чѣмъ она бывала въ прежнія времена. Не англійскимъ предложеніемъ и не въ пользу австрійскаго вліянія создана была самостоятельность Сербіи, Молдавіи и Валахіи, и дарованы были права дунайскимъ болгарамъ, права, растоптанныя впоследствии подъ покровомъ тѣхъ самыхъ державъ, которыя нынѣ, повидимому, являются благожелателями герцеговинцевъ и босняковъ. Изъ нынѣшняго, безпримѣрно выгоднаго положенія, Россія могла бы извлечь для своихъ одноплеменниковъ нѣчто болѣе новаго „гати“, или хотя бы учрежденія новаго турецкаго вассальства. Правда нынѣ возстали только герцеговинцы и босняки. Но кто же поручится, что завтра не возстанутъ болгары—и что тотъ же вопросъ не обновился бы по отношенію къ Болгаріи? Необходимо что-нибудь существенное полумѣръ, диктованныхъ полупріятелями, для того чтобы Россія оправдала свои преданія въ защитѣ балканскихъ славянъ. Мы убѣждены во всякомъ случаѣ, что наше правительство съумѣетъ охранить интересы Россіи и сохранить эти преданія, о сочувствіяхъ русскаго народа всему, что можетъ быть сдѣлано на пользу турецкихъ славянъ, нѣтъ надобности и говорить.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

VI *).

Романы и. Гонкуръ: SOEUR PHILOMÈNE. CHARLES DEMAILLY. RENÉE MAUREL. GERMINIE LACERTEUX. MANETTE SALOMON. MADAME GERVAISAIS.

Литературная судьба братьевъ Эдмонда и Жюль Гонкуръ представляетъ, безспорно, интереснѣйшій предметъ для изученія. Изъяснюсь случаемъ появленія новаго изданія ихъ сочиненій, чтобы сообщить имъ настоящее письмо. Прежде всего необходимо заглянуть въ несправедливость, съ которой относились къ нимъ, но главнымъ образомъ меня побуждаетъ къ этому то, что они послужатъ мнѣ къ точному опредѣленію формы современнаго романа во Франціи, и

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441 стр.; май, 482; іюнь, 874; іюль, 381; авг., 825 с

ширенія его задачъ и образованія новаго языка. Нужно громко высказывать нѣкоторыя истины; особенно удобно это за границей, гдѣ критикъ можетъ стоять внѣ крикливыхъ брызжаній кружковъ и самозванныхъ репутаций, и облечься въ полное безпристрастіе чистой справедливости.

I.

На первомъ планѣ полезно будетъ разсмотрѣть, чѣмъ былъ у насъ романъ десять лѣтъ тому назадъ. Эта литературная форма, по преимуществу современная, такая гибкая и широкая, такъ легко принимающая всѣ отбѣнки самыхъ разнородныхъ дарованій, достигла въ то время небывалаго блеска, благодаря произведеніямъ цѣлой фаланги великихъ писателей. Мы имѣли Виктора Гюго, эпического поэта, подъ могучими руками котораго проза принимала формы художественныхъ изваяній. Онъ вносилъ въ свои романы задачи археолога, историка, политика, и изъ грандіозной смѣси всѣхъ этихъ стремленій умѣлъ создавать дивныя страницы. Его романъ былъ колоссальнѣе, въ одно и то же время совмѣщая въ себѣ поэму, экономическій трактатъ, исторію и фантазію. Мы имѣли Жоржъ-Зандъ, —этотъ необыкновенный умъ, отличающійся удивительной ясностью, —писавшую безъ малѣйшаго напряженія, правильнымъ и мѣткимъ языкомъ, развивавшую свои тезисы въ области идеала и воображенія. Эта писательница очаровывала три пологія женщины, и отжила только ложными своими сторонами. У насъ былъ Александръ Дюма, нестоимый рассказчикъ, вдохновеніе котораго никогда не ослабѣвало. Онъ былъ настоящимъ мастеромъ живыхъ и смѣлыхъ рассказовъ, какимъ-то гигантомъ-добримъ малышомъ, задавшимъ цѣлю просто забавлять миллионы своихъ читателей. Онъ жертвовалъ всѣмъ количествомъ, не заботился о чисто-литературной качественности, говорилъ то, что хотѣлъ сказать, такъ, какъ онъ сталъ бы рассказывать это своему пріятелю, сидя у камина, со всей небрежностью разговорной болтовни; но при всемъ томъ онъ сохранялъ такую силу, такой избытокъ жизни, что оставался великимъ, несмотря на всѣ свои недостатки. У насъ былъ Меримэ, этотъ ювелиръ слога, писавшій мало, скептикъ до мозга костей, довольствовавшійся дюжиной строчекъ, написанныхъ отъ времени до времени, но въ которыхъ каждое слово походило на стальное, тщательно отточенное остріе. Мы имѣли Стендаля, щеголявшего пренебреженіемъ къ слогу и говорившаго: „я ежедневно прочитываю утромъ по страницѣ кодекса,

чтобы набраться тона^а; Стендала, при чтеніи произведеній котораго пробирала дрожь отъ темныхъ и страшныхъ вещей, которыя мерещились изъ-за нихъ. Это былъ наблюдатель, психологъ, чуждѣй всякихъ писательскихъ притязаній, ненавистникъ искусства изъ желанія создать себѣ оригинальность. Теперь уже онъ не наводитъ болѣе страха, на него смотрятъ просто какъ на родоначальника Бальзака. Мы имѣли также Бальзака, владыку современнаго романа; я называю его послѣднимъ, чтобы его именемъ завершить мой перечень; онъ завладѣлъ по истинѣ пространствомъ и временемъ и заключилъ собою все солнце, такъ что его преемникамъ, шедшимъ по его гигантскимъ стопамъ, пришлось долго озираться кругомъ, прежде чѣмъ имъ удалось отыскать нѣсколько оставленныхъ на полѣ колосьевъ. Бальзакъ своей громадною личностью загородилъ всѣ пути, романъ былъ положительно заполоненъ имъ. То, чего онъ не успѣлъ сдѣлать самъ, то указано имъ, такъ что куда ни обратишься, а становившись его подражателемъ, даже и тогда, когда воображаешь, что ушелъ изъ-подъ его вліянія. Въ настоящій моментъ во Франціи нѣтъ ни одного романиста, у котораго не было бы въ жилахъ хотя нѣсколькихъ капель крови Бальзака.

Вотъ каковы были наши корифеи. Они были такъ многочисленны, они до такой степени подѣлили между собою всѣ принципы, эпическій духъ, идеалъ, воображеніе, наблюденіе и дѣйствительность, что казалось невозможнымъ проложить новую тропинку посреди ихъ владѣній. Романъ казался уже истощившимъ всю почву. И въ самомъ дѣлѣ, подражаній было множество, но ни одинъ писатель не имѣлъ силы даже на разрыхленномъ и воздѣланномъ Бальзакомъ полѣ присвоить себѣ уголокъ земли и разработать его на свой ладъ. Въ это-то время, когда уже всякая надежда на возрожденіе угасала, появилась группа романистовъ, отличавшихся самой неожиданной оригинальностью, творенія которыхъ были цвѣтомъ послѣдняго тридцатилѣтія нашей литературы. Конечно, эти писатели были непосредственными сынами авторовъ, названныхъ мною выше. Они прямо происходили отъ Бальзака, отъ котораго наследовали готовые орудія къ анализу, заимствуя, съ другой стороны, у Виктора Гюго революціонный духъ и даръ колорита. Вѣтъ можетъ, имъ не пришлось бы родиться на свѣтъ, еслибы предшественники ихъ не существовали, и они необходимо являются только ихъ продолженіемъ; но тѣмъ не менѣе они были цвѣтомъ; дерево, считавшееся засохшимъ, сохранило на верхушкѣ побѣги и почки, пышно распустившіяся съ новой весной. Они не были хлибми и худосочными плодами, не въ пору созрѣвшими, напротивъ, въ нихъ какъ-бы удвоился колоритъ, вкусъ и

ароматъ. Въ виду такого явленія, позволительно ожидать еще многого въ будущемъ.

Романисты, о которыхъ я говорю, составляютъ очень сплоченную, хотя небольшую группу. Не стану вдаваться теперь ни въ какія сравненія между ними, ограничусь указаніемъ на то, что имъ удалось, среди условій особеннаго об'единенія, сохранить роману его непосредственную жизнь. Ихъ называли реалистами, натуралистами, анализаторами, фізіологами,—хотя всѣми этими именами и не исчерпывалось точное значеніе ихъ литературнаго метода, тѣмъ болѣе, что каждый изъ нихъ имѣетъ свою собственную, совершенно опредѣленную фізіономію. На этотъ разъ я задался исключительно намѣреніемъ выдѣлить изъ этой группы гг. Гонкуръ, изучить ихъ отдѣльно и обрисовать настоящее положеніе литературы ихъ личнымъ при-мѣромъ.

Гг. Гонкуръ внесли совершенно своеобразное пониманіе природы,—въ этомъ состоитъ ихъ характеристическая черта. Они чувствуютъ иначе, чѣмъ чувствовали до нихъ. Ихъ нервы отличаются необычайно тонкою воспримчивостью, которая удваиваетъ магнѣйшія впечатлѣнія. Все видѣнное ими передается красками и звуками яркими, блестящими, полными личной жизни. Пейзажъ перестаетъ быть описаніемъ, подъ словами возникаютъ и вырастаютъ предметы. Между строками постоянно носится творческая сила, вызывая передъ глазами читателя миражъ живыхъ образовъ дѣйствительности. Сама дѣйствительность подчасъ превзойдена, страсть братьевъ писателей вдыхаетъ въ нее трепетъ лихорадочнаго пульса искусства. Они сообщаютъ истиннѣ часть своихъ нервныхъ ощущеній. Ничтожнѣйшія подробности проникаются какимъ-то внутреннимъ трепетаніемъ. Страницы становятся живыми существами, задыхающимися отъ жажды проявить свою жизнь. Искусство писателя совершенно преображено, въ рукахъ романистовъ очутились кисть, рѣзецъ и музыкальный инструментъ съ звучащими струнами. Цѣлью стало не умнѣе рассказывать, не нанизыванье идей или фактовъ въ одну послѣдовательную нить, но передача каждаго предмета, выдвигаемаго на глаза читателя, со всѣми его очертаніями, окраскою и запахомъ, словомъ, со всей совокупностью его жизненныхъ атрибутовъ. Отсюда происходитъ то волшебное дѣйствіе, та небывалая доселѣ живость представленій и методъ, съ помощью которыхъ матеріальная сторона разсказа производитъ совершенно осязательныя, почти спеническія впечатлѣнія. Природа, объясняемая этими ясновидцами-писателями, является живымъ существомъ, волнуемымъ страстями, гдѣ камни испытываютъ людскія чувства и сообщаютъ свои радости и печали

горизонтамъ, и все превращается въ одно безпредѣльное нервное сотрясеніе. Все это непреложная истина, но испытанная и вѣрно описанная художниками, страдающими недугомъ своего ремесла.

Для объясненія моей мысли я прибавлю, что гг. Гонкуръ вовсе не полагаются на воображеніе читателя. Престарѣвшій писатель, напримеръ, говорилъ, что его герой прогуливается вечеромъ въ саду, и предоставлялъ уже читателю самому вообразить садъ и сумракъ, сгущающійся надъ верхушками деревьевъ. Гг. Гонкуръ показываютъ этотъ садъ, наслаждаются имъ, ощущаютъ вечернюю прохладу. И для нихъ это вовсе не дѣло удовольствія, съ которымъ старые описательные поэты предавались писательству красивыхъ кудреватыхъ фразъ. Риторика не играетъ тутъ ни малѣйшей роли. Эти романисты повинуются просто стихійной необходимости, не позволяющей имъ выдѣлять личность изъ окружающихъ ее предметовъ: они видятъ ее въ ея средѣ, въ воздухѣ, которымъ она дышетъ, со всѣмъ ея платьемъ, со смѣхомъ на ея лицѣ, съ лучомъ солнца, освѣщающимъ ее, съ фономъ зелени, на которомъ она вырисовывается, со всѣмъ, что обуславливаетъ ее и служитъ ей рамкою.

Въ этомъ-то и состоитъ новое слово искусства: людей не изучаютъ болѣе, какъ какихъ-то отдѣльныхъ, интеллектуальныхъ диковиныхъ, изъятыхъ изъ окружающей ихъ природы; напротивъ того, думаютъ, что люди не существуютъ независимо и непосредственно, что они связаны крѣпко съ мѣстностью, что пейзажъ, въ которомъ они движутся, пополняетъ и объясняетъ ихъ. Возвращаясь къ моему сравненію я скажу, что, конечно, если бы гг. Гонкуръ ограничились сухимъ сообщеніемъ факта, что ихъ герой прогуливается по саду, онъ казался бы имъ недостаточно обрисованнымъ. Ихъ собственныя ощущенія слишкомъ разносторонни для того, чтобы они могли удовольствоваться такой бѣдностью передачи; они бы не были удовлетворены, не досказавши всего того, что они испытываютъ, сами прохаживаясь вечеромъ въ теплыя сумерки по саду. Они прежде всего повинуются потребности удовлетворить собственному артистическому чутью, живущему въ нихъ. И вотъ, нѣсколькими словами они обозначаютъ время, удлиненныя тѣни деревьевъ, запахъ травы, и ихъ герой становится дѣйствительно человѣкомъ, идущимъ по землѣ, и мы слышимъ слышь его шаги по песку аллеи. Память воскрешаетъ передъ читателемъ прожитое имъ лично, и вся сцена встаетъ передъ нимъ, ему уже не предстоитъ труда создавать декораций для дѣйствующаго лица. Кстати, выскажу здѣсь одно мое любопытное наблюденіе. Читатели, наиболѣе жалующіеся на длинноту описаній, принадлежатъ къ разряду людей, одаренныхъ самой тупой впечатлительностью и вялымъ воображеніемъ: они никогда ничего не

испытывали сами, неспособны воспроизвести мысленно ни одну из картинок, прошедших передъ ихъ глазами, и потому они считаютъ поэтовъ лжецами. Развѣ ночь обладаетъ задумчивой нѣжностью? Развѣ берега рѣки могутъ укрывать въ своихъ извилинахъ такіе чарующіе тѣнистые уголки? Это просто слѣпые, отрицающіе цвѣта. Чѣмъ больше у писателя развита нервная воспримчивость и своеобразная манера чувствовать и выражаться, тѣмъ болѣе онъ рискуетъ быть плохо понятымъ. Для того, чтобы съ нимъ этого не случилось, ему надобно встрѣтиться съ темпераментами одного съ нимъ закала. Толпа, привышая къ гораздо менѣе сложнымъ впечатлѣніямъ, вопіетъ противъ эксцентричности и вычурности. А между тѣмъ писатель, въ большей части случаевъ, съ полной наивностью повинуется внушеніямъ своей нервной системы, составляющей его особенность. Братья Гонкуръ изъ числа писателей, не оцѣненныхъ публикой, по той причинѣ, что въ публикѣ мало людей, чувствующихъ одинаково съ ними. Меня же болѣе всего поражаетъ въ ихъ произведеніяхъ именно эта манера чувствовать. Она открываетъ новый міръ. Но это оригинальное воспріятіе жизни потребовало, конечно, оригинальнаго способа выраженія. Это приводитъ меня къ разбору слога, созданнаго ими. Слогу своему они обязаны преимущественно почетнымъ мѣстомъ, которое они занимаютъ въ современной литературѣ. Совершенство фразы вовсе не составляетъ ихъ идеала. Во Франціи, въ настоящій моментъ,—я хочу сказать, между писателями высшей школы,—господствуетъ необычайная тенденція къ нуризму языка: „que“ и „qui“ подвергаются жесточайшему гоненію; писать прозою стало труднѣе, чѣмъ стихами; добиваются музыкальности фразы, каждое слово отдѣляется рѣзцомъ, и все это доводится въ кружкѣ нѣкоторыхъ молодыхъ писателей, послѣдователей великихъ художниковъ, до размѣровъ мономаніи. Гг. Гонкуръ издѣваются надъ запрещеніемъ повторять слова: я отыскалъ, на примѣръ, слово „petit“, повторенное до шести разъ на одной изъ ихъ страницъ. Они мало хлопочутъ о звучности, они нагромождаютъ цѣлыми вереницы словъ въ родительномъ падежѣ, употребляютъ длинные перечни, что производитъ однообразный ритмъ, но они обладаютъ жизнью слога. Всѣ ихъ усилія направлены къ тому, чтобы фраза была точнымъ и непосредственнымъ выраженіемъ ихъ ощущеній: передать это чувство, и передать его со всей животрепещущей рельефностью дѣйствительности, вотъ ихъ цѣль. И они удивительно достигаютъ ее. Ни на какомъ языкѣ я не знаю болѣе индивидуальнаго слога, болѣе счастливаго воссозданія личностей и предметовъ. Конечно, ихъ можно упрекнуть иногда въ вычурности, въ постоянной погонѣ за новизной и точностью выраженія; немудрено,

что отъ времени до времени фраза запутывается и утрачиваетъ часть своихъ здоровыхъ силъ. За то какая вѣрность отгѣнговъ и какъ, почти вездѣ, фраза носитъ окраску неба, которое она описываетъ, и благоуханіе цвѣтка, упоминаемаго въ ней. Гг. Гонкуръ доходятъ до непонятнаго искусства, посредствомъ перестановки оборотовъ и замѣны существительныхъ прилагательными, исключительно принадлежащими имъ приѣмами, прилагать къ своимъ произведеніямъ свою неизгладимую печать. Они одни въ настоящую минуту знаютъ секретъ подвладывать подъ фразу устойчивый обликъ предмета. Они улавливаютъ все, до мимолетныхъ струй тепла, скользящихъ по поверхности тѣла; они окончательно умѣютъ обрисовать какими-нибудь тремя штрихами самые сложные пейзажи, проливной дождь, улицу, переполненную пѣшеходами, мастерскую живописца, заваленную до потолка разными бездѣлушками. Все, отразившееся въ ихъ зрачкѣ, получаетъ жизнь и участвуетъ въ ихъ впечатлѣніяхъ. Вотъ причина этого осмысленнаго слога, занимательнаго, какъ перелистываемый альбомъ, насквозь согрѣтаго огнемъ, бѣгающимъ въ его жилахъ и о которомъ можно сказать, что онъ изобрѣтенъ, чтобы служить миру переводчикомъ вновь открытыхъ ощущенийъ.

Что касается меня, то я нахожу, что въ этомъ и состоитъ вся заслуга гг. Гонкуръ. Безъ сомнѣнія, за ними можно признать также качества драматическихъ романистовъ, въ ихъ произведеніяхъ отмѣчены многія документальныя черты человѣчества, взятая живьемъ изъ современной жизни, и многія изъ нихъ разъяты руками искусныхъ анатомовъ; но въ этой области у нихъ много равныхъ соперниковъ. Но въ чемъ никто не превзошелъ ихъ, въ чемъ безспорно они неподражаемые мастера, это, повторяю еще разъ, въ нерякости своихъ ощущенийъ и въ языкѣ, какимъ имъ удается передавать самыя тончайшія впечатлѣнія, которыя никто до нихъ никогда не укладывалъ подъ перо. Хотя они и наслѣдовали своимъ предшественникамъ, но не похожи ни на одного изъ нихъ. Они обязаны имъ только расширеніемъ области искусства, совершившимся около 1830 года и благодаря которому всякія попытки стали возможны. Это артисты-живописцы настоящей природы, изящные стилисты, скупающіеся до подонковъ жизни только изъ любви къ искусству, и самые замѣчательные техники въ группѣ современныхъ романистовъ реальной школы.

II.

Необходимо познакомиться съ исторіей ихъ литературной дѣятельности, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ ихъ произведеніяхъ и ихъ значеніи.

Ихъ было два брата, Эдмондъ, старшій, и Жюль, младшій, съ десятью годами разницы между ними. Въ настоящее время Жюль умеръ, Эдмонду перешло за пятьдесятъ. Они никогда не разставались вплоть до несчастнаго дня, въ который скончался младшій, унесъ съ собою половину старшаго брата. Въ теченіи двадцати лѣтъ они проработали за однимъ письменнымъ столомъ. Это было какъ-бы естественное сотрудничество, ни слѣдовъ, ни усилій котораго невозможно отыскать въ ихъ книгахъ. Не существовало ни одной строки, подписанной однимъ Эдмондомъ или Жюлемъ; они всегда являлись вмѣстѣ, всегда были необходимы другъ другу, сливъ оба свои таланта въ одинъ талантъ. И этотъ союзъ былъ до такой степени крѣпокъ, что издай любой изъ нихъ книгу отдѣльно, онъ былъ бы встрѣченъ какъ новичокъ и неизвѣстный. Критика съ уваженіемъ останавливалась передъ тайною этого сотрудничества, никогда не старалась разбирать, чтó должно было быть отнесено на долю каждаго изъ двухъ братьевъ; впрочемъ, ихъ сотрудничество не имѣло тѣхъ неудобствъ, которыя часто порождаются имъ въ другихъ случаяхъ: качества писателя въ двухъ лицахъ развивались такимъ естественнымъ путемъ, они были до того проникнуты однимъ духомъ и однимъ направленіемъ, какъ будто работою руководила одна воля. Съ первой до послѣдней строки, написанной ими, все написано однимъ темпераментомъ, однимъ сердцемъ и дышетъ одной страстью; много произведеній, вылившихся изъ одной головы, не представляютъ такого поразительнаго единства, такой оригинальности, запечатлѣвающей каждую страницу неизгладимой чертой. Въ тотъ день, когда у ихъ порога постучалась смерть, она свосила болѣе чѣмъ одного человека: она нарализовала талантъ и славу другого.

Это страшная вещь. Братья, удалившись изъ модныхъ кварталовъ Парижа, гдѣ имъ надобно было уличный шумъ, только-что поселились въ Отѣйлѣ, въ небольшомъ домѣ, прелестномъ и уединенномъ, въ которомъ они съ любовью свили себѣ теплое гнѣздо счастья и труда. Судьба улыбнулась имъ; они не были особенно богаты, но пользовались тѣмъ широкимъ достаткомъ, который позволяетъ артисту свободно слѣдовать своему влеченію, работать въ мѣру и не зависѣть отъ денежнаго успѣха своей книги. Ихъ домъ былъ

ихъ прихотью. Они въ него положили ббльшую часть своего состоянія. Они украшали его, превращая въ давно желанное убъ-жнще, развели при немъ садъ съ большой куртеной высокихъ деревьевъ, съ цвѣтниками изъ розъ, желтыхъ розъ, одинъ прелестный кустъ которыхъ обвивалъ входную дверь въ гостиную. Они помѣ-стались просторно, въ двухъ шагахъ отъ Булонскаго лѣса, въ свѣт-лыхъ комнатахъ, переполненныхъ художественными предметами, и устроились такъ у самаго порога Парижа на отдыхъ, послѣ первыхъ тревогъ ремесла, какъ-бы для обдумыванія новыхъ мастерскихъ про-изведеній. И тутъ-то, едва они успѣли перебраться и осуществить свою мечту—окружить тишиною свой рабочей столъ, какъ смерть съ своимъ саваномъ пришла разлучить ихъ. Ударъ былъ жестокъ. Вотъ уже шесть лѣтъ какъ Эдмондъ не можетъ залечить своей раны. Перо, служившее имъ обоимъ, точно треснуло или стало слишкомъ тяжело для одного. Всѣмъ друзьямъ, совѣтовавшимъ ему приняться за ра-боту, онъ отвѣчаетъ: „вы правы, примусь слѣдующею зимою“. Одна-коже, если забвеніе невозможно, мужество возвратилось. Онъ въ ско-ромъ времени долженъ приняться за романъ, планъ котораго былъ задуманъ имъ еще сообща съ братомъ, такъ что и здѣсь будетъ продолжаться въ нѣкоторой степени старое сотрудничество. Трудно вообразить себѣ что-нибудь трогательнѣе присутствія тѣни усоп-шаго у письменнаго стола, нашептывающей пережившему половину общаго труда.

Теперь я укажу на нѣкоторыя особенности, объясняющія, по моему мнѣнію, условія таланта гг. Гонкуръ. Первоначально они были такъ воспримчивы къ впечатлѣніямъ вѣшнаго міра, что чуть не сдѣлались живописцами. Жюль гравировалъ и дѣлалъ о-форты. Оба рисовали акварелью. Они сохранили отъ этихъ первоначальныхъ ра-ботъ привычку къ вѣрному абрису, къ тонкости и красотѣ кисти, къ технической гармоніи тоновъ и правильной ихъ оцѣнкѣ. Позд-нѣе, когда имъ приходилось браться за капитальное описаніе, они сначала снимали видъ съ мѣстности и возвращались въ свой каби-нетъ съ акварельнымъ эскизомъ, какъ другіе, принимаясь за работу, заглядываютъ въ замѣтки своей записной книжки. Понятно, сколько подобный приѣмъ придавалъ точности ихъ описаніямъ. На каждой страницѣ у нихъ находишь живой и прочувствованный штрихъ арти-стическаго карандаша. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они вовсе не живописцы въ полномъ и нѣсколько тяжеловатомъ смыслѣ этого слова: это ско-рѣе граверы, вооруженные свободнымъ рѣзцомъ, и акварелисты, спра-ведливо довольствующіеся смѣлымъ наброскомъ двухъ-трехъ тоновъ, чтобы сообщить жизнь пейзажу или фигурѣ.

Еще замѣчательная черта. Братья Гонкуръ, прежде чѣмъ остано-

вѣтъ на романѣ, изучили со всѣхъ сторонъ восемнадцатый вѣкъ. Они чувствовали влеченіе къ этой эпохѣ изящества, свободной граціи, необычайной плодовитости, вслѣдствіе аналогіи темперамента и бессознательнаго сожалѣнія, что имъ пришлось жить ста годами поздиѣе. Они издали историческіе этюды, отмѣченные самымъ оригинальнымъ изложеніемъ и чрезвычайно интересные по содержанію; вотъ списокъ ихъ заглавій: „La femme au dix-huitième siècle“; „Portraits intimes du dix-huitième siècle“; „Les maîtresses de Louis XV“; „Histoire de Marie-Antoinette“; „Histoire de la société française pendant la Revolution“; „Histoire de la société française pendant le Directoire“. Я говорю теперь о бр. Гонкуръ исключительно въ ихъ роли романистовъ, и потому только констатирую вскользь эти серьезныя сочиненія и годы, посвященные ими на изученіе прошлаго столѣтія. Въ то же время они изучали художниковъ этой эпохи: Ватто, Прудона, Грѣза, Шардена, Фрагонара. Это долгое сожительство съ исчезнувшимъ міромъ оставило свой слѣдъ и на ихъ писательскомъ искусствѣ; оно придало какой-то особый букетъ, нѣкоторую вольность и вмѣстѣ съ тѣмъ запутанность ихъ манеръ выражаться, нѣчто изящное, не испаряющееся даже въ ихъ смѣлыхъ картинахъ парижскихъ вертеповъ. Источника всего того слѣдуетъ искать въ восемнадцатомъ вѣкѣ, столь любимомъ ими; они сдѣлались его послѣдователями и сынами. Потому-то въ нихъ и нѣтъ ничего классическаго, они крѣпки чисто французской традиціи. Они выучились читать по Дидро. Ихъ талантъ одного стиля съ физмами, съ атласными юбками, отсвѣчивающими шелковистыми переливами по крутымъ своимъ складкамъ, надушенными ирисомъ и колымажками прелестнымъ покачиваніемъ талии. Прибавьте, что полемъ наблюденія у нихъ очутился современный вѣкъ, они и поступаютъ какъ любопытные изслѣдователи, узнаютъ улицу вдоль и поперекъ, до дна ея грязныхъ сточковъ; здѣсь причина музыки ихъ произведеній, этой изысканной музыки на такія грубыя тѣмы. Они создали свой слогъ изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ восемнадцатаго вѣка; для выраженія нивегрета современныхъ идей, неряшливости нашего общества, возбужденной и суетливой парижской жизни, сотканной изъ легкомыслія и шума, они не нашли ничего лучшаго, какъ обратиться къ чисто національному источнику и къ вѣку, когда французскій гевій былъ въ полномъ цвѣтѣ своихъ творческихъ силъ.

Затѣмъ, еще послѣдняя черта братьевъ Гонкуръ: они были страстными собирателями рѣдкостей. Во время изученія восемнадцатаго столѣтія они отыскивали всевозможные документы; но они не долго довольствовались однимъ осмотромъ: имъ захотѣлось быть обладателями видѣнныхъ сокровищъ, ихъ охватила страсть къ рѣдкостямъ,

которыя составляютъ какъ-бы отрасль искусства. Они привыкли покупать ткани, фарфоръ, но въ особенности картины. Ихъ коллекція эстамповъ одна изъ самыхъ лучшихъ. Въ это время они пристрастились къ шатанью, свойственному собирателямъ рѣдкостей. Они ходили по цѣлымъ днямъ, роаясь въ лавкахъ перепродавцевъ и влюбляясь въ какую-нибудь гравюру, которая переходила впоследствии въ ихъ картины. Такія занятія не проходятъ даромъ. Въ мозгу въѣдается любопытство коллекціониста и любовь къ рѣдкостямъ. Это и отразилось на концепціи авторовъ и на слогѣ ихъ. Гг. Гонкуръ изрѣдка обнаруживаютъ свои пристрастія. У нихъ встрѣчаются описанія, дышущія самой теплою любовью къ кучамъ ветоши, и даже это идетъ дальше: пристрастіе къ старью проглядываетъ часто въ изображеніи современныхъ вещей и фактовъ, оно выражается нѣкоторой кудреватостью фразы и особеннымъ оборотомъ, изобличающимъ погоню за мелочной подробностью. Я вовсе не намеренъ критиковать, я просто объясняю, считая полезнымъ высказать вполне образованіе того удивительнаго слога, который выдвинулъ братьевъ Гонкуръ въ первые ряды современныхъ беллетристовъ.

Первый романъ этихъ писателей появился въ 1860 году. Въ періодъ послѣдующаго десятилѣтія они написали еще шесть романовъ. Поведеніе публики относительно ихъ книгъ было пошло горькихъ уроковъ. Я не знаю болѣе убійственнаго примѣра полнѣйшаго игнорированія толпою художественнаго произведенія. Забудьте, что гг. Гонкуръ не были вовсе неизвѣстны. Ихъ личностямъ оказано было много симпатій. Критика занималась ими усердно и нѣкоторые изъ ихъ романовъ произвели даже настоящую бурю. Но затѣмъ они падали подъ равнодушіемъ публики. Въ десять лѣтъ разошлось всего два изданія ихъ „Жермини Ласертъ“ (Germinie Lacerteux), книги, надѣлавшей болѣе всѣхъ остальныхъ шума при своемъ появленіи. Читатели не понимали; они скучали надъ этими, оживленными такой неподдѣльной жизнью и такъ глубоко захватывающими, страницами. Это нарушало нить ихъ привычекъ. Кромѣ того, существовала другая важная причина: „эти книги были такъ безнравственны, что слѣдовало бы запретить читать ихъ честнымъ людямъ“. По правдѣ говоря, братья не дѣлали ничего, чтобы привлечь на свою сторону публику: они не льстили ей вкусамъ, предлагали ей горькіе напитки, весьма невкусные послѣ сладкаго кушанья модныхъ книгъ. Взвѣся все, перестаешь удивляться, что толпа отъ нихъ сторонилась. Но у артистовъ женскіе нервы; даже въ то самое время, когда они не предпринимаютъ ничего, чтобы понравиться, они мечтаютъ быть любимыми; если же ихъ не любятъ, они очень несчастливы. Гг. Гонкуръ должны были сильно страдать, наравнѣ со многими

другими своими современниками, которыхъ я не хочу называть. Младшій, Жюль, умеръ отъ равнодушія толпы. Неуспѣхъ послѣдняго ихъ романа „Госпожи Жервезе“ (Madame Gervaisais) нанесъ ему неизлечимый ударъ. Боже, что за горе! сознавать свое превосходство и умирать отъ презрѣнія низшихъ! Отворачиваться отъ глупости и не имѣть силъ жить безъ рукоплесканій глупцовъ!

Въ литературной карьерѣ гг. Гонкуръ случился одинъ чрезвычайно поучительный эпизодъ. Они написали пьесу въ три акта, „Генриетту Марешаль“ (Henriette Maréchal), очень оригинальную и совсѣмъ новую вещь. Они изображали въ ней любовь сорокалѣтней женщины, запоздалую страсть матроны къ очень юному любовнику, несчастіе, которое иногда постигаетъ матерей семействъ, добродѣтельныхъ женщинъ, у которыхъ въ сердцѣ остался одинъ, никогда не удовлетворенный уголокъ. У госпожи Марешаль взрослая дочь, Генриетта, которая молча и строго присутствуетъ зрительницей страсти своей матери. При развязкѣ, мужъ все узнаетъ, онъ входитъ въ гостиную, гдѣ думаетъ найти спрятаннаго мужчину; Генриетта бросается передъ нимъ на колѣни и прямо въ грудь получаетъ зарядъ револьвера, направленнаго въ упоръ. Главной оригинальностью этой пьесы былъ въ особенности первый актъ, декорация котораго представляла корридоръ вдоль наемныхъ ложъ оперы, во время маскарада. Гг. Гонкуръ соединили въ этомъ мѣстѣ, въ діалогъ, въ эпизодахъ, все тонкое пониманіе свое современной жизни, весь запасъ парижскаго ума и юмора, приправленный еще ихъ артистическимъ темпераментомъ. Пьеса была предложена двумъ или тремъ театрамъ, странствовала изъ рукъ въ руки; она нѣсколько пугала директоровъ. Наконецъ, ей посчастливилось быть принятой въ „Comédie française“. Въ публикѣ пронесся слухъ, что высокое покровительство, именно принцессы Матильды, открыло передъ ней двери театра. Этого было достаточно для того, чтобы въ день перваго представленія самый злокозненный заговоръ, подобнаго которому никто не запомнитъ, разразился надъ бѣдной пьесой при первыхъ словахъ актеровъ,—свистки начались даже раньше поднятія занавѣса. Учащаяся молодежь, желая заявить свои революціонныя убѣжденія, свистала мнимыхъ протезе императорской кухни. Вдобавокъ, первый актъ скандализировалъ старыхъ театраловъ „Comédie française“. Маски и арго въ святилищѣ Расина и Корнеля казались святотатствомъ. „Генриетта Марешаль“, приостановленная по высшему распоряженію, выдержала немного представлений, бывшихъ настоящими сраженіями, которыми занимался весь Парижъ. Но посмотрите, какое вышло странное обстоятельство: только тогда имя гг. Гонкуръ, извѣстное до тѣхъ поръ только въ очень ограниченномъ кругѣ ихъ

почитателей, привлекло на себя вниманіе большой публики. Громкая неудача прославила ихъ. Оттиски пьесы разошлись въ количествѣ, превышавшемъ далеко число распроданныхъ экземпляровъ любого изъ ихъ романовъ. Они сдѣлались и остались извѣстными для значительнаго большинства, какъ авторы „Генриетты Марешаль“. Это ли еще не иронія? Почти даже жестокая иронія, показывающая, какъ создается популярность! Надобно, чтобы вамъ переломали ребра для того, чтобы народъ оглянулся и заинтересовался вами.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу романовъ гг. Гонкуръ, мнѣ хочется сказать нѣсколько весьма скромныхъ словъ о способѣ ихъ сотрудничества. Рѣчь вовсе не о томъ, чтобы заняться одѣнкой участія того или другого; это я счелъ бы за непростительный поступокъ. Но очень интересно, съ точки зрѣнія ремесла, указать на приемъ ихъ работы сообща. Они уединялись и медленно обдумывали планъ. Они въ особенности заготавливали большое количество предварительныхъ замѣтокъ, осматривали все на мѣстѣ и проникались средой, въ которой готовились развернуть дѣйствіе. Затѣмъ, они обсуждали его, вмѣстѣ рѣшали главныя сцены, и такимъ образомъ распланировывали все задуманное сочиненіе. Наконецъ, дойдя къ редакціи, до исполненія, въ которомъ уже словесный обмѣнъ мыслей не могъ имѣть мѣста, они сажались оба за рабочій столъ, обсудивъ еще въ послѣдній разъ ту часть труда, которую предстояло разрабатывать въ теченіе дня, и тутъ каждый изъ нихъ редактировалъ по своему очередную часть, излагая ее каждый на свой личный ладъ. Обѣ редакціи затѣмъ считывались и сливались въ одну; изъ той и другой сохранялось все мѣткое и удачное. То были вклады двухъ вполне самостоятельныхъ умовъ, такъ сказать, лучшая часть ихъ обоихъ, съ которой они снимали сливки для составленія изъ нихъ прочнаго цѣлага. Этимъ объясняется постоянное единство созданныхъ ими произведеній, въ нихъ текла кровь обоихъ, но кровь, смѣшавшаяся у самаго источника жизни. Ни одинъ изъ нихъ не написалъ той или другой страницы, каждая страница равно принадлежала обоимъ. Къ этому нужно еще присовокупить дѣйствіе неизбежнаго естественнаго закона; со временемъ, при постоянномъ совѣстномъ творествѣ, оба мозга стали производить умственную и техническую работу тождественно, почти всегда та же мысль и тот же образъ приходили одновременно на умъ обоимъ братьямъ. Оставался только выборъ оттѣнковъ. Это братство въ творествѣ дошло до того, что даже почерки ихъ стали похожи. Трогательный союзъ двухъ людей, глубокое сочетаніе двухъ интеллигенцій и необыкновенный примѣръ таланта-двойника, который останется, конечно, исключительнымъ явленіемъ въ исторіи литературы. Они со-

ставляют одно нераздѣльное цѣлое, и о нихъ нельзя иначе говорить, какъ объ одномъ великомъ писателѣ.

III.

Два первые романа, напечатанные братьями Гонкуръ были: „Сестра Филомена“ (Sœur Philomène) и „Шарль Демальи“ (Charles Demailly). Я только мимоходомъ коснусь этихъ двухъ произведеній, гдѣ всѣ качества авторовъ уже обнаруживаются, но въ видѣ первой пробы пера и съ меньшей силой, чѣмъ въ послѣдующихъ ихъ сочиненіяхъ.

Сестра Филомена—этюдь госпиталя и клиники. Вся же драма, заключающаяся въ немъ, можетъ быть умѣщена въ десяти строкахъ. Студентъ Барнье влюбляется въ монахиню, сестру Филомену; въ грубомъ порывѣ страсти, онъ однажды хватаетъ ее въ объятія и цѣлуетъ; но, разбитый безмолвнымъ презрѣніемъ и гордымъ негодованіемъ сестры, онъ сначала напивается пьянъ абсентомъ и кончаетъ тѣмъ, что нарочно дѣлаетъ себѣ въ клиникѣ порѣзъ при анатомированіи, и умираетъ. На послѣдней страницѣ мы встрѣчаемъ сестру Филомену, пробирающуюся тайкомъ въ комнату Барнье, чтобы украсть тамъ пучокъ волосъ, срѣзанныхъ съ головы покойника, для отсылки къ его матери. Главное достоинство этой книги составляетъ уже ея необычайная декоративность; госпитальные палаты изображены со всѣмъ трепетомъ ужаса, которымъ отъ нихъ вѣетъ въ дѣйствительности. Не лучшія страницы принадлежатъ, однако, длинной главѣ, посвященной дѣтству сестры Филомены; въ особенности есть тамъ одна пансіонская дружба, религіозная восторженность двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которая написана съ поразительной тонкостью наблюденія и энергіей колорита. Вся эта глава проникнута пониманіемъ дѣтства. Если сестра Филомена какъ дѣвушка, и послѣ произнесенія обѣта фаталистически ускользаетъ отъ анализа авторовъ, за то они всецѣло повалили ее въ моментъ пробужденія ея чувствъ, когда религія поглотила ее какъ необъятная любовь.

„Шарль Демальи“—сатира, карательный этюдъ, направленный противъ маленькой прессы во Франціи, періода 50-хъ годовъ. Гг. Гонкуръ задались цѣлью изобразить закулисную жизнь мелкаго журналиста, съ его грязью, цинизмомъ, низостями и всѣмъ его духомъ. Они написали шесть или семь портретовъ сотрудниковъ „Скандала“ (вымышленное имя газеты, подъ которымъ легко было бы узнать другое, принадлежащее листку, составившему себѣ съ тѣхъ поръ большое состояніе). Въ портретахъ этихъ, быть можетъ, уже слишкомъ злоупотреблено черной краскою, что же касается до драмы, то и

здѣсь она состоитъ изъ простѣйшихъ элементовъ. Лучшій изъ шайки, Шарль Демальи, одинъ изъ тѣхъ, который способенъ разрѣшиться когда-нибудь книгой, совершаетъ глупость—влюбляется въ актрису и женится на ней. Марта, типъ холодной злости, глупости и эгоизма, на который братья излили весь свой запасъ желчи старыхъ холостяковъ противъ женщины, она заставляетъ мужа выносить нестерпимую пытку, обманываетъ его, отупляетъ, кончаетъ тѣмъ, что интригуетъ противъ его пьесы, которую освящаютъ, и доводитъ его, съ помощью мозговой болѣзни, до идиотизма, въ которомъ онъ разучивается даже говорить. Впрочемъ, и здѣсь, какъ и вездѣ, проявляются тѣ же качества слога. Въ этой книгѣ даже разговорный языкъ начинаетъ принимать ту гибкость, неожиданность и тотъ жизненный оборотъ, который впоследствии выработался у гг. Гонкуръ до такого совершенства, что превращалъ діалоги романа въ настоящіе разговоры, выхваченные цѣликомъ изъ дѣйствительности. Никто до сихъ поръ не овладѣлъ, какъ они, складомъ разговорной формы. Я позволю себѣ нѣкоторыя возраженія противъ содержанія этого романа. Журналисты далеко не одарены тѣмъ остроуміемъ, которымъ надѣлили ихъ авторы. Кромѣ того, какъ кажется, они видѣли лишь издали средѹ, о которой взялись говорить. По моему мнѣнію, не достаетъ солидности и добродушія въ этомъ очеркѣ нравовъ міра, который однимъ буржуазнымъ читательницамъ позволительно еще представлять себѣ въ такомъ растрепанномъ и сатанинскомъ видѣ.

Перехожу къ третьему роману, къ „Ренэ Моперенъ“ (Renée Maupérin). Этотъ романъ наиболее заслуживаетъ имя романа; я хотѣю сказать, что здѣсь является довольно сложная исторія и характеры, разработанные съ большимъ знаніемъ среды и эпохи. Для многихъ, для тѣхъ, которые не особенно любятъ субъективныя артистическія изліянія и предпочитаютъ имъ голый анализъ, „Ренэ Моперенъ“—лучшее произведеніе гг. Гонкуръ. Намѣреніе авторовъ состояло въ изображеніи нѣкоторыхъ чертъ современной буржуазіи. Героиня, Ренэ, самое выдающееся лицо, одна изъ странныхъ дѣвшекъ съ мальчишескими вкусами школьника; воспитанная въ полномъ невѣдѣніи, она разгадала жизнь; любимица отца, съ артистической душой, съ нервнымъ и утонченнымъ темпераментомъ, выросшимъ на навозѣ перевѣрѣлой цивилизаціи, она является типомъ самой очаровательной школьницы, болтаетъ на арго, рисуетъ, играетъ на театрѣ, интересуется всѣмъ съ стремительнымъ любопытствомъ, при этомъ горда, честна и правдива чисто по-мужски. Рядомъ съ ней выведенъ ея братъ, также необычайно живой образъ: серьезный молодой человѣкъ,—типъ безукоризненнаго честолюбца, созданный правами парламентаризма; солидный юноша, который наложничаетъ съ матерями,

чтобы добиться брака съ дочерью. Затѣмъ слѣдуетъ вся галерея буржуа съ ихъ супругами, очерченная тонкою и прелестною кистью, безъ малѣйшей каррикатурности, набросанная вся однимъ почеркомъ. Это исчадія 1830 года, разбогатѣвшіе революціонеры, сытые, прератившіеся въ консерваторовъ и сохранившіе отъ прежнихъ убѣжденій только ненависть къ попамъ и іезуитамъ. Нѣкоторыя главы полны неподдѣльнаго комизма и мѣткой, но не жестокой сатиры. Во второй части романъ переходитъ въ драму. Братъ Ренэ присвоилъ себѣ аристократическій титулъ, чтобы уладить свою женитьбу. Но законный представитель этого имени оказывается въ живыхъ. Узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ отъ Ренэ, братъ ея вызываетъ молодого человѣка на дуэль и убиваетъ. Ренэ въ отчаяніи отъ этого поступка; она медленно угасаетъ, снѣдаемая болѣзнію сердца. Раздирательная агонія занимаетъ цѣлую треть книги. Никогда приближеніе смерти не было изучено съ болѣе терпѣливой настойчивостью, все стилистическое искусство романистовъ и вѣрность ихъ выраженій употреблены ими на описаніе малѣйшихъ приступовъ болѣзни. Я знаю мало вещей болѣе трогательныхъ и болѣе ужасныхъ.

Лично, признаюсь откровенно, я предпочитаю „Жермини Ласертѣ“ всѣмъ романамъ гг. Гонкуръ; въ немъ они взяли высшую и самую индивидуальную свою ноту. Я нахожу, что когда требуется указать лучшее произведеніе автора, то нужно выбирать изъ всего его достоянія ту вещь, которая написана съ наибольшей силой, оставляя въ сторонѣ всѣ вопросы совершенства и равновѣсія формы. Такое произведеніе одно вполне выражаетъ автора и получаетъ право переживать его. Въ „Жермини Ласертѣ“ гг. Гонкуръ произвели свой капитальный chef-d'oeuvre. Это исторія служанки, служащей у старой дѣвы. Къ сожалѣнію, я не могу вдаваться въ разборъ этой драмы, совершающейся между плотью и духомъ. Факты здѣсь чисто-физиологическаго характера; интересъ заключается не во внѣшнихъ событіяхъ, а въ анализѣ темперамента этой дѣвушки, ея паденія, борьбы и агоніи. Пришлось бы перечислять одинъ за другимъ всѣ фазисы, черезъ которые прошло ея физическое состояніе. Жермини любитъ одного молодого работника, Жюпильона, еще сове шеннаго мальчишку, одного изъ тѣхъ парижскихъ мастеровыхъ, которые рождаются среди порока. Ради его, чтобы сохранить и купить его, она доходитъ до обкрадыванія своей госпожи. Это—медленное нравственное растлѣніе, путемъ котораго она падаетъ до уличнаго распутства, когда любовникъ покидаетъ ее. Ей любовь необходима, какъ необходимъ насущный глѣбъ. Тутъ есть страницы, смѣлыя до жестокости. Однажды Жермини цѣлый вечеръ стоитъ подъ холоднымъ зимнимъ дождемъ, поджидая выхода Жюпильона изъ кабака, чтобы взглянуть на него.

Она умираетъ отъ послѣдствій этой послѣдней стоянки на своей Голгофѣ. Романъ этотъ при появленіи произвелъ настоящій скандалъ. Критики объявили его сальнымъ, — мы скажемъ сейчасъ, справедливо ли. Никому не удалось произнести надъ нимъ настоящаго сужденія. „Жермини Ласертѣ“—эпоха въ современной французской литературѣ. Книга эта ввела въ романъ народъ. Въ первой разѣ герой въ картузѣ и героиня въ каленкоровомъ чепѣ изгладованы серьезно писателями со слогомъ и наблюденіемъ. Кромѣ того, скажу еще разъ, это не просто болѣе или менѣе интересная повѣсть, а настоящая лекція анатоміи духа и тѣла. Романистъ владетъ женщиною на столѣ анатомическаго театра, первую встрѣтившуюся ему женщину, служанку въ передникѣ, переходившую улицу; онъ внимательно рѣжетъ ее, показываетъ каждый мускулъ, демонстрируетъ игру каждаго нерва, отыскиваетъ причины, указываетъ на дѣйствія, и этого достаточно, чтобы раскрыть цѣлый отдѣлъ человѣческихъ страданій. Читатель чувствуетъ, какъ слезы подступаютъ ему къ горлу. Это трупоразытіе представляетъ страшное зрѣлище, полное высокой нравственности. Выходить, что честные люди, забросавшіе Жермини грязью, ничего не поняли изъ этого поученія. Дайте Жермини добраго мужа, который бы любилъ ее, дайте ей дѣтей, выведите ее изъ скользкой среды порока, въ которой всѣ чувства ея оскорблены, пусть будутъ удовлетворены всѣ ея законныя потребности—и она будетъ честной женщиною, не пойдетъ бродить по улицамъ, какъ волчица, и выдаться на шею прохожимъ мужчинамъ.

IV.

Однимъ изъ стремленій писателей реальной школы является потребность разбить и раздвинуть рамки романа. Они силятся выдти изъ сказки, изъ вѣчной исторіи и вѣчной интриги, ведущей дѣствующихъ лицъ по извѣстному лабиринту все однихъ и тѣхъ же путей, чтобы уморить или повѣнчать ихъ въ концѣ. Изъ потребности оригинальнаго, они отказываются отъ пошлости разсказа для разсказа, которая истрепана окончательно. Они смотрятъ на эту формулу, какъ на игрушку, годную для женщинъ и ребятъ. Они хотятъ просто изучать, вести протоколъ человѣка; они ищутъ задачъ шире и выше, интересъ которыхъ заключался бы въ точности изображеній и въ новизнѣ документовъ.

Ни одинъ писатель не работалъ болѣе гг. Гонзуръ надъ освобожденіемъ романа отъ путей общихъ мѣстъ и глупаго интереса. Въ особенности въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ своихъ, „Манетта Са-

ломонъ“ и „Госпожа Жоржез“, они откинули всякую заботу щадить условныя формы, какія предписывались для веденія романтическихъ исторій. Они слушались только голоса собственного поэтического чувства, проникаясь все болѣе и болѣе равнодушіемъ къ мнѣнію читателя, не обнаруживая ни малѣйшаго поползновенія обернуться и взглянуть, идетъ ли за ними публика.

„Манетта Саломонъ“—свободный этюдъ современнаго искусства и художниковъ. Авторы задались просто дѣлю сгруппировать всѣ встрѣченные ими типы живописцевъ. Коріолисъ, ихъ любимый художникъ, трагичный юноша, богатый, привлекательный, поклонникъ Востока, прозрачная и колоритная живопись котораго имѣетъ всѣ качества ихъ собственного слога; Анатолий, скиталець, ихъ баловень; личность эта, конечно, останется тѣномъ весельчака и гуляки, преломляющаго свою голову гдѣ попало, пригрѣвающаго всякаго прохожаго, испробовавшаго всевозможныя приключенія, знакомаго со всѣми мечтами и всѣми скептицизмами и успокоивающагося наконецъ въ пристани ничтожной должности, въ Jardin des Plantes, гдѣ любовь къ животнымъ доставляетъ ему счастливую старость. Гарнотель, получившій римскую премію, посредственный и аккуратный, добывающійся успѣха безъ таланта, посредствомъ хитрой пронырливости торгаша. И множество другихъ типовъ: Шассаньоль, ярый проповѣдникъ эстетики, неистощимый ораторъ нивныхъ и молочныхъ лавокъ, индивидуумъ, привязывающійся къ встрѣчнымъ и провожающій ихъ до дому, чтобы объяснять имъ Рафаэля и Рембрандта и доводящій свое рвеніе до замочевки у своихъ жертвъ, продолжая рѣчь даже послѣ того, когда свѣча погашена. Чета Крессентъ: жена, поглощенная всецѣло своими утками и гусями, мужъ, знаменитый живописецъ, удалившійся въ деревню, нѣчто въ родѣ отшельника и патриарха искусства,—и десятки другихъ, которыхъ было бы слишкомъ долго перечислять. Всѣ вмѣстѣ они превращаютъ этотъ очеркъ въ галерею портретовъ, писанныхъ съ натуры. Авторы и не пытаются завязать ни малѣйшей интриги между всѣми выведенными лицами; они предприняли просто, въ коротенькихъ главахъ, составляющихъ какъ-бы отдѣльныя картины, описать жизнь артистовъ въ сценахъ, которыя, слѣдуя одинъ за другими, едва связаны между собою слабою нитью: мастерская, съ ея дурачествами, лепетомъ таланта, міркомъ учениковъ; конкурсъ на большую римскую премію и прибытіе Гарнотеля въ виллу Медичи; путешествіе Коріолиса на Востокъ, шатанья Анатоля, дни его телачьихъ восторговъ, всѣ ремесла, за которыя онъ беретса, вся эта изумительная жизнь начинающаго живописца, брошеннаго безъ гроша на парижскую мостовую; описаніе мастерскихъ, блестящее богатствомъ красокъ и точностью; годичная выставка, успѣхи

Кориолиса, затѣмъ отместка критикъ; сезонъ, проведенный въ Фонтенблоскомъ лѣсу, въ Барбиссонѣ, этой Оливандѣ нарижскихъ художниковъ, и затѣмъ опять ряды сценъ: продажа картинъ; пласты женщины; живописные уголки Парижа и предместья; скватеръ артистическихъ теорій; фантастическая дружба обезьяны и свиньи; карнавальные пирушки, балы и обѣды; существованіе людей, спущенныхъ въ реальную жизнь, ведущую къ фактамъ на-авось. Вотъ резюме этого произведенія; это дневникъ, веденный въ продолженіи жизни нѣсколькихъ артистовъ. Только редація этого дневника попала въ руки первоклассныхъ живописцевъ, которые одушевляють все, до чего воснутя. Этотъ романъ безъ дѣйствія—интереснѣйшій изъ романовъ.

Однакоже, братья Гонкуръ не дерзнули освободиться совершенно отъ романтическихъ правилъ. Они сохранили героиню, Манетту Саломонъ, еврейку, натурщицу, въ которую Кориолисъ влюбляется перною и ревнивою страстью. Мало-по-малу Манетта прибраваетъ юному къ рукамъ, имѣетъ отъ него дѣтей, навязываетъ ему своихъ родителей, ссоритъ его съ друзьями, порабощаетъ его до того, что жегитъ на себѣ и влачитъ его тогда за собою, покореннаго, опустившагося, утратившаго свой талантъ. Та же мысль, что и въ „Шарль Демалль“, — женщина убиваетъ артиста. Не стану ее оспаривать, она кажется мнѣ совершенно ложною, какъ только захотятъ ее обобщить. Впрочемъ, романисты изучили Манетту съ необычайной проникательностью. Она останется однимъ изъ лучшихъ ихъ созданий.

Не могу устоять противъ искушенія привести здѣсь страницу, въ которой гг. Гонкуръ описываютъ тѣло Манетты, позирующей въ первый разъ передъ Кориолисомъ. Она свела руки надъ головой, приподняла бедра и слегка скрестила ноги.

„Артистъ медленно изучалъ эти круглыя руки, съ алѣющими локтями, которыя, приподнятыя кверху, бѣлѣли на ея темныхъ волосахъ, эти руки, подъ которыми свѣтъ проникалъ въ углубленія подмышецъ, обличая золотыя ниточки курчавыхъ пушинокъ; затѣмъ твердое очертаніе бѣлыхъ плечъ и шеи съ чуть-чуть сквозящими голубыми жилками, груди съ розовымъ оттѣнкомъ, не встрѣчающимися блондинокъ и переходящимъ на румянецъ въ тоны распускающейся гортензіи. Онъ слѣдилъ за слегка выгибавшимся контуромъ реберъ едва обозначающей линіею дѣвческаго торса, не вполне развитого во всей своей граціи, еще сдвѣннаго и сжатаго молодости какъ чешуйками цвѣточной почки. Полусложившійся станъ, свободный, круглый, свѣжій какъ у женщины, никогда не носившей корсета, знамиль его съ красивой, гладкой, ничѣмъ не обезображенной складкою этимъ естественнымъ поясомъ, обозначеннымъ на всѣхъ бронзовыхъ мраморныхъ статуяхъ древности неподражаемой выемкою. Отъ таи

онъ переходилъ къ изящному абрису, стѣбамъ и неровностямъ чуть округленнаго дѣвственнаго живота, вѣнннаго, почти дѣтскаго, мягко измяннаго и точно обрисованнаго нѣжными волокнами молодого тѣла; крошечный блескъ свѣта, скользившій по краю пупочнаго кольца, имѣя росинкой, спускающейся вглубь сердцевинны лепестковой чашечки. Онъ глядѣлъ на нижнюю часть живота, представлявшую выпуклости раковины и вогнутыя линіи волны; засматривался на кругую дугу бедръ, на пышные ладки, широко облитыя свѣтовыми лучами, ласково ложившимися на спокойную и невозмутимую бѣлизну кожи; на нѣжныя и пухлыя колѣни, такъ кокетливо прятаннія подъ сѣкии полу-якнами прикрѣпленію мускуловъ и узлы костей; на гладкія глянецвитыя ноги, которыя у Манетты, какъ у многихъ женщинъ, имѣли свойство лосниться какъ-бы обтянутыя шелковыми чулками; затѣмъ, онъ любовался узкимъ веретенкомъ, спускавшимся къ лодыжкѣ; дѣтской шиколодкой, къ которой прикрѣплялась маленькая, длинная, сухая ножка, съ выдающимися впередъ большимъ пальцемъ и ровными кончиками“.

Вѣдь это чисто и цѣломудренно, какъ прекрасная картина.

Какъ я уже говорилъ раньше, здѣсь слова берутся на кисть, фразы рисуютъ и пишутъ красками. Это новое искусство, доведенное до крайнихъ предѣловъ совершенства. Мало найдется у насъ писателей, способныхъ на такой *tonq de force*.

Вотъ еще двѣ странички. Я не знаю ничего равнаго имъ по правдивости и артистичности тона.

Общество молодыхъ живописцевъ и женщинъ отправляется обѣдать въ кабачокъ, въ Аньеръ. Они возвращаются домой на лодкѣ вечеромъ, когда уже темнѣеть.

И лодка отчалила, сумасшествуя и шума веселіемъ трактира и шумочекъ глоріи, при тра-ла-ла пригѣва, терзавшаго народный слухъ.

„Было девять часовъ; вечеръ наступалъ. Небо блѣднѣло съ одной стороны, освѣщаясь съ другой пурпуромъ закатившагося солнца. По берегамъ, казалось, уже ничего не оставалось, кромѣ голосовъ. Подъ ервьями журчалъ шопотъ разговоровъ людей, говорившихъ о любви, вторыхъ не было видно. Все затухивалось и выростало въ неизвестности и сомнѣньи темноты. Большія лодки, причаленныя къ берегу, принимали странныя, угрожающія очертанія; маслянистыя круги бли распливались по дремлющей водѣ; тополи сгущались въ темныя массы и принимали плотность кипарисовъ, когда вдругъ надъ шумящею одною изъ нихъ показалась луна, круглая, точно желтый фонарь, прицѣпленный къ вершинѣ дерева. Спокойствіе ночи внезапно спускалось, присоединяясь къ сну ландшафта, въ которомъ

мало-по-малу звуки затихали. Дыханіе ключущихъ производствъ замолкало на фабрикахъ. Шаги прохожаго замирали по дорогѣ къ перевозу. Ничего уже не было слышно, кромѣ трепета теченія и протяжнаго звука колокола: это часы били на колокольнѣ предмѣстья, потомъ повеселась одна раздражительная трескотня лягушки, затѣмъ далекій громовой раскатъ желѣзно-дорожнаго поѣзда, прошедшаго по мосту. Луна всплывала, двигаясь вмѣстѣ съ лодкой, будто догоняя ее; она играла въ прятки, уходя за деревья; то выглядывала изъ-за краевъ ихъ, вырѣзывая ихъ листья, то снова пряталась въ чащу и свѣтилась сквозь черную массу золотыми искрами. На ходу она обрызгивала каплями серебра и сверканіемъ колѣн камышъ, стебель водной стрѣлы, притокъ рѣки, таинственную маленькую бухту, какой-нибудь корешокъ, или срубленный стволъ дерева; часто весла, опускаясь въ воду, ударали объ ея упавшій лучъ и разрѣзали надвое ея дискъ. Небо продолжало снѣтъ синевою голубого жала, покрытаго чернымъ кружевомъ, и лѣтнія звѣзды казались гирляндами огненныхъ цвѣтовъ. Земля съ ея шумомъ исчезала съ послѣднимъ отголоскомъ, несшимся изъ строеній Курбува. Лодка скользила, качаемая и убавливаемая равномерными толчками воды и ритмическимъ всплескомъ ударовъ веселъ, какъ задумчивымъ напѣвомъ, въ которомъ слышны были жалобы и слезы, медленно капавшія одна за другой. Въ вечернемъ воздухѣ носились струи прохлады, какъ дыханіе какого-то невидимаго міра, ласкавнн разгоряченныя, не успѣвшія еще остыть отъ жаркаго припека лица. Висячія вѣтви плавающихъ изъ по временамъ касались щекъ и цвѣтотали ихъ, какъ волосы, проведенные по кожѣ.

„Постепенно это беззвучное и пустынное величіе, въ которомъ двигались пловцы, спокойная торжественность козднаго часа, грандіозная дремота этого внушительнаго безмолвія останавливала и гасила болтовню, смѣхъ и пѣсни. Опускаясь на палубу забубенной лодки, ночь своими лобзаніями отрезывала головы, отуманенныя хмѣлемъ дешеваго вина. Глаза невольню поднимались къ чарующему спокойствію выси и не могли оторваться отъ нея... Сама глупость женщинъ задумывалась“.

Въ „Госпожѣ Жервезе“ задача романа еще болѣе упрощена. Въ немъ художники не имѣли дѣла съ цѣлою галлереею портретовъ, съ вереницею разнородныхъ и многочисленныхъ типовъ, дополняющихъ другъ друга, приходящихъ въ взаимное столкновеніе и преводящихъ впечатлѣніе живой толпы со всѣми ея докучливыми суетами. На этотъ разъ они рисуютъ одну одинокую фигуру, стоящую во весь ростъ, даютъ одну страницу человѣческой жизни, не болѣе. Вокругъ нея нѣтъ никакихъ другихъ лицъ, ни на первомъ планѣ, ни на

фонъ, на немъ чуть-чуть набросанъ профиль ребенка, да и тотъ скорѣе тѣнь самой матери, чѣмъ что-либо иное; ребенокъ этотъ почти животное, это несчастное существо съ туго-развивающимся мозгомъ, языкъ котораго не идетъ далѣе лепета грудного младенца, Романа, въ собственномъ смыслѣ, тутъ нѣтъ и слѣда. Это уже просто этюдъ одной женщины, особеннаго темперамента, поставленной въ особенную среду. Этюдъ этотъ имѣетъ характеръ свободного и опредѣленнаго научнаго изслѣдованія. Послѣднія нити съ условными правилами здѣсь порваны; романисты берутъ первый попавшійся эпизодъ изъ человѣческой жизни, рассказываютъ его, извлекаютъ изъ него дѣйствительность и художественный смыслъ, и не считаютъ себя обязанными, въ отношеніи читателя, ни къ чему большому. Необходимость завязокъ, развязокъ, усложненій, согласованія сюжета съ установленной нравственностью окончательно опровергнута, и признается вполне достаточнымъ выбрать фактъ или субъектъ и анатомировать его, какъ представителя одной изъ обще-человѣческихъ чертъ, правильный анализъ которой будетъ новымъ вкладомъ въ дѣло изученія истины. Герония или, вѣрнѣе говоря, субъектъ гг. Гонкуръ, г-жа Жервезе, женщина съ большими достоинствами, несчастливая въ замужествѣ и ищущая утѣшенія въ работѣ. У нея чисто мужское образованіе, она владѣетъ древними языками, имѣетъ очень обширныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія, при этомъ въ ней есть и артистическое чувство, словомъ, она создана для всего прекраснаго. Она настолько развита, что читала Локка и Кондильяка и, наконецъ, успокоилась на трезвой философіи Рейда и Дюгальда-Стюарта. Она давно отбросила католицизмъ, какъ перезрѣвшій плодъ. Въ такомъ настроеніи она попадаетъ въ Римъ для поправленія здоровья; она беретъ съ собою сына своего, Пьера-Шарля, дорогое для нея существо, необычайной красоты и чисто животной интеллигенціи. Тутъ она первое время занимается древностями, Римомъ, его исторіею, всѣмъ тѣмъ, что окружающій горизонтъ навѣваетъ ея уму ученаго и сердцу поэта. Она отдыхаетъ, любитъ ребенка, никого не видитъ, исключая нѣсколькихъ мимолетныхъ встрѣчъ. Затѣмъ наступаетъ драма. Госпожа Жервезе, окунутая въ католическій элементъ, въ воздухъ Рима, носящій въ себѣ миазмы религіозной эпидеміи, мало-по-малу промакается ими. Въ ней была женщина, которую она не знала сама, нервная женщина, неудовлетворенная супружествомъ. И она-то впадаетъ въ мистицизмъ и экзальтацію. Сначала совершается только внѣшнее увлеченіе, торжественность церемоніала привлекаетъ ее. Затѣмъ затрогивается интеллигенція, разумокъ меркнетъ подъ обрядностью и налагаемыми цѣпами. Госпожа Жервезе возвращается въ лоно религіи, она переходитъ отъ снисходи-

тельного руководителя къ строгому духовнику, забываетъ свѣтъ, съ каждымъ днемъ опускается все ниже, до того, что убиваетъ въ себѣ женщину, затѣмъ мать. Она вся отдается религiи, живетъ въ грязи и отталкиваетъ ребенка, она—бывшая прежде само изящество и се страстью любившая Пьера-Шарля. Совершается окончательное разрушенiе, слѣдуетъ боязнь свѣта, физическiй и уметвенный кризисъ, послѣ котораго въ г-жѣ Жервезе не остается ничего отъ прежней женщины.

Вотъ и все содержанiе книги. Гг. Гонкуръ изслѣдовали съ чрезвычайнымъ умѣньемъ всѣ постепенныя градацiи религiознаго недуга. Римъ доставилъ имъ великолѣпнѣйшiя декорацiи. Ученая героиня дала имъ случай изобразить Римъ древняго мiра, а героиня-богемка вручала имъ ключъ отъ Рима папѣ. Въ заключенiе своего романа они сдѣлали уступку. Имъ захотѣлось просто—кончить. Они прибѣгли къ драматической сценѣ, которая ослабляетъ общiй характеръ этюда, освободившагося отъ всѣхъ условныхъ рамокъ. Г-жа Жервезе сильно страдаетъ грудной болѣзью. Она томится въ свирѣномъ эгоизмѣ своей вѣры. Прiѣзжаетъ ея братъ, служащiй въ алжирской армiи, онъ умоляетъ ее покинуть Римъ; она соглашается только на условiи, что онъ позволитъ ей передъ отъѣздомъ получить благословенiе папы; и вотъ, въ самомъ Ватиканѣ, въ моментъ, когда святѣйшiй отецъ пожимается ея глазамъ, госпожа Жервезе умираетъ, какъ пораженнымъ громомъ, а сынъ ея, Пьеръ-Шарль, наконецъ получаетъ даръ слова въ отчаянномъ воплѣ: *моя мать!* Это великолѣпно; но эта насильственная смерть, не противорѣча логикѣ разсказа, звучитъ однако же нѣсколько фальшиво со стороны реальности. Госпожа Жервезе, умирая спокойной смертью на своей постели, во всемъ своемъ ханжествѣ, узкости и зачерствѣлости, придавала бы гораздо болѣе законченности оригинальной фiзиономiи книги. Если со стороны эффектности и было бы что-нибудь потеряно, то со стороны правдивости, напротивъ, былъ бы выигрышъ. Сдѣлаю изъ книги два извлеченiя, чтобы дать нѣкоторое понятiе объ этомъ этюдѣ, широко выполненномъ и состоящемъ частью изъ картинъ, частью изъ анализа. Во-первыхъ, приведу видъ Рима, когда дуетъ сирокко.

„Однажды послѣ полудня, въ концѣ апрѣля, проѣзжая мимо фонтана Паулина и трехъ потоковъ, изливающихъ свои воды съ шумомъ водопада, на площадкѣ дороги, спускающейся винтомъ вокругъ древняго Яннула, по которой медленно вѣбиралось нѣсколько капудиновъ съ ослиами, навьюченными травой, госпожа Жервезе приказала остановить экипажъ передъ картиной великаго Рима, разостланнаго и разметаннаго у подножiя горы подъ страннымъ освѣщенiемъ.

„При хмуромъ свѣтѣ пяти часовъ дня, подъ тяжелымъ лиловатымъ облакомъ съ бѣлой верхушкою, она видѣла налѣво, за крѣпостью Святого ангела, линіи зеленыхъ полей, посреди которыхъ высились два холма, какъ курганы, воздвигнутые надъ похороненными народами; направо, надъ Палатиномъ, синѣли очертанія возвышенности, въ нѣдрахъ которой прячется Альбано; передъ ней, прямо, вся застроенная равнина, необъятный Римъ; хаосъ и міръ камней; нагроможденные, напутанные, наставленные во всѣхъ направленіяхъ дома, церкви, дворцы, цѣлый архитектурный лѣсъ, изъ котораго поднимались вершины, колокольни, купола, колонны, статуи, развалины, точно съ отчаяніемъ тянувшіяся въ воздухъ, шпицы обелисковъ, бронзовые Цезари, концы ангельскихъ копій, чернѣвшіеся на небѣ.

„Что за обширную панораму амфитеатромъ представляетъ эта столица Бога, лежащая ступенями на своихъ семи холмахъ и поднимающаяся уступами монументовъ и храмовъ до своихъ великолѣпныхъ линій акрополя, увѣнчивающихъ ее и владѣющихъ надъ горизонтомъ!

„Неподвижная и нѣмая торжественность, мертвенное величіе, окаменѣлое отдохновеніе, сонъ заколдованнаго города или опустошеніе чумы висѣли надъ метрополіей, стоявшей безъ жизни, съ опустѣлыми окнами, съ трубами безъ дыма, безъ шума дѣятельности и промышленности, съ безмолвіемъ ничѣмъ ненарушаемымъ, кромѣ звука колокола, мѣрно раздававшегося черезъ ровные промежутки. Но преимущественно всему придавало безжизненный видъ небо, своимъ тусклымъ и сѣрымъ свѣтомъ, какъ въ затмѣніе, подергивая пепельными отблесками министры крыши и стершія стѣны, окутывая желтый и блѣдный Римъ атмосферой, напоминавшей г-жѣ Жервезе виды Африки, пейзажи, задыхающіеся подъ ураганомъ пустыни“.

Вторую выдержку я заимствую изъ удивительнаго описанія религиозныхъ церемоній въ Римѣ, во время святой недѣли. Гг. Гонзуръ превзошли въ немъ самихъ себя.

„Госножа Жервезе достигала того неопредѣленнаго и разслабленнаго состоянія, которое порождается въ этихъ церемоніяхъ долгою усталостью и утомленнымъ напряженіемъ всѣхъ чувствъ. Созерцаніе ея блуждало и расплывалось, когда внезапно ее потрясло и разбудило гнѣвіе, какого ей еще не приходилось никогда слышать, стонъ, въ которомъ выливался вопль кончающагося міра, неизвѣстная и оригинальная музыка, гдѣ яростные крики неистовствующей толпы сдѣшивались съ медленнымъ и торжественнымъ речитативомъ, потерявшимъ историческое, далекое слово, которое потрясло до основанія всю душу и глубоко входило въ нее.

„То было драматизированное церковное пѣніе страстей Христовыхъ по евангелію отъ Маттея, исполненное тремя діаволами.

„Въ первомъ унесеніи, съ мурашками, пробравшимися по тѣлу, госпожа Жервезэ застыла, томно изнывая подъ звукомъ этого захватывающаго баса, который колебалъ гамму мелодій и кидалъ меты, казавшіяся ропотомъ глубокой скорби, то прерывавшіяся, то по цѣлымъ минутамъ останавливавшіяся въ долгихъ тремоло на горестныхъ слогахъ, звучныя волны которыхъ еще долго удерживались въ воздухѣ, какъ-бы не желая умирать. И басъ снова подхватывалъ, забиралъ выше, понижалъ и повышалъ своимъ груднымъ и глубокимъ голосомъ жалобу жертвоприношенія и агоніи Бога-человѣка, модулированную и вослѣтую стопами человѣческаго тембра...

„Госпожа Жервезэ вся ушла въ слухъ: басъ становился все раздражительнѣе и болѣзненнѣе, онъ казался голосомъ самого Христа, говорившимъ: „Душа моя прискорбна даже до смерти!“—голосомъ, который, проходя черезъ уста пѣвца, въ одно мгновеніе пробѣгалъ по толпѣ тяжкимъ вздохомъ отчаянія Бога.

„Речитативъ возобновлялся, перемежаемый ликующими репликами хора; вся буря возгласовъ, карикатурнаго, комическаго и яростнаго шума народа-богоубійцы, безобразная и богохульная радость толпы, требующей крови праведника, звуки пронзительныхъ возгласовъ: *Crucifige!* и *Barrabas!*—все подавлялось скорбнымъ голосомъ баса и его великимъ презрѣніемъ покорности“.

„Госпожа Жервезэ“ не имѣла успѣха. Нагота книги, ея картины, искусный анализъ души ошеломили публику, привыкшую къ инымъ повѣстямъ. Въ книгѣ не было ничего забавнаго, ни обыкновенныхъ завязокъ, ни театральныхъ неожиданностей; вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ былъ страненъ, испещренъ неологизмами, своеобразными оборотами, сложными фразами, излагающими ощущенія, доступныя лишь артистамъ. Братья Гонкуръ остались въ одиночествѣ на вершинѣ своей индивидуальности и таланта, понятые очень немногими.

V.

Я долженъ резюмировать все сказанное. Сужденіе можетъ быть произнесено сполна и окончательно, потому что теперь о нихъ уже можно говорить какъ объ умершемъ писателѣ. Въ тотъ день, когда Эдмондъ Гонкуръ издастъ произведеніе за своей одиночной подиисью, его придется изучать и оцѣнивать отдѣльно. Шесть романовъ, только что упомянутыхъ мною, составляютъ слѣдовательно явленіе, о кото-

ромъ критика въ правѣ высказаться съ компетентностью и безпристрастіемъ потомства.

Въ нашей литературѣ братья Гонкуръ остаются для меня прекраснымъ артистическимъ явленіемъ, однимъ изъ тѣхъ мозговыхъ феноменовъ, которые, въ патологическомъ отношеніи, привлекаютъ на себя вниманіе ученыхъ медиковъ. Посреди общей и бесплодной погони за оригинальностью, послѣ знаменитыхъ романистовъ 1830 года, оставившихъ своимъ младшимъ братьямъ, какъ казалось, пустое поле, они съумѣли безъ усилий, по собственной природѣ и отдаваясь просто своимъ впечатлѣніямъ, видѣть вещи иначе, чѣмъ остальные, и говорить своимъ языкомъ. Рядомъ съ Бальзакомъ, Стендалемъ и Гюго они выросли и распустились изящными и странными цвѣтами зрѣлой цивилизаціи. Это исключительныя личности, писатели, заслужившіе отдѣльное мѣсто, и которымъ предстоитъ быть отмѣченными исторіею литературы, какъ самымъ яркимъ представителямъ крайнихъ сторонъ искусства эпохи. Если толпа никогда не преклонится передъ ними, имъ все-таки будетъ воздвигнута цѣнная часовня, византійской роскоши, изъ чистаго золота, изукрашенная любопытными картинами, въ которую люди утонченнаго вкуса будутъ ходить на поклоненіе.

Я далъ нѣсколько образцовъ, чтобы показать, до какой нервности они довели языкъ. Они превратили его въ музыкальный инструментъ, въ живого человѣка, двигающагося во-очію и дыханіе котораго видно. Языку сообщилось ихъ собственное свойство, — крайней впечатлительности ко всѣмъ явленіямъ; смѣхъ, звукъ, малѣйшее дуновеніе вѣтерка, на все въ немъ находятся свои оттѣнки. Они пустили въ оборотъ множество новыхъ формъ, бывшихъ неизвѣстными до нихъ, прочувствованныхъ и прожитыхъ фразъ, но которыя еще не вдругъ будутъ признаны и усвоены. Говоря это, я высказываю высшую похвалу, которой можетъ ожидать писатель: только первостепеннымъ изъ нихъ дано обогащать лексиконы.

Но я не думаю, чтобы они создали школу. Нѣкоторые романисты, — я говорю объ ихъ младшихъ братьяхъ, о тѣхъ, которымъ теперь тридцать лѣтъ, — восхищаясь ихъ индивидуальнымъ слогомъ, переливающимся какъ ноты симфоніи, заимствовали у нихъ нѣкоторыя слова и приемы. Создалась группа послѣдователей. Но подражанію слѣдуетъ остановиться на томъ, что я назову новою риторикою. Гг. Гонкуръ, которыхъ я, въ особенности, считаю художниками, не одарены творческой силой, создающей учениковъ. Послѣдователи, если бы они оставили таковыхъ по себѣ, не преминутъ умалить ихъ. Я предпочелъ бы видѣть ихъ въ золотой расписной часовнѣ одино-

ками, безъ потомства, въ роли идоловъ, упавшихъ къ намъ съ неба въ одно прекрасное утро. Доведенная до крайности новичками, которымъ вдобавокъ неминуемо придется преувеличивать, ихъ манера перейдетъ въ аффектацію, въ поглощеніе идеи и факта артистическими подробностями. Они сами въ „Госпожѣ Жервезе“ мѣстами уже грѣшатъ въ этомъ смыслѣ противъ человѣческаго матеріала, добытаго ихъ тонкой наблюдательностью. Хочу кончить на утѣшительной мысли. Публика, оказавшая такое равнодушіе къ красотамъ формы, иногда странно измѣняется во вкусахъ; въ ней бывають повороты, похожіе на справедливость. Быть можетъ, будущіе читатели сдѣлаютъ меня лже-пророкомъ и единодушно превознесутъ гг. Гонкуръ. Въ настоящее время происходитъ слѣдующее. Въ теченіе десяти лѣтъ, сочиненія братьевъ не расходились, и были извѣстны небольшому кружку сочувствующихъ людей. Пресса въ отношеніи ихъ оказывала возмутительную грубость. И вдругъ, безъ видимыхъ причинъ, журналы заговорили съ восторгомъ о тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ, по поводу новаго изданія ихъ, которое должно скоро состояться. Публика покупаетъ ихъ книги,—полнѣйшій переворотъ. Точно всходи запоздалой славы поднимаются надъ могилой умершаго брата и надъ уныніемъ его одинокаго и осиротѣвшаго сотрудника.

Е. Z-1-

М. Стасюлевичъ.

ЖЕРМИНИ ЛАСЕРТЁ

РОМАНЪ

Эдмонда и Жюля дь-Гонкуръ *).

Никто не оспариваетъ больше въ наше время права художника на изображеніе болѣзненныхъ уклоненій человѣческой природы, на полное и правдивое описаніе физическихъ и психическихъ недуговъ человѣческаго организма и нравственнаго паденія, какое они часто влекутъ за собой, хотя бы это описаніе по неволѣ приводило иногда къ картинамъ нѣсколько циническимъ. Но этотъ невольный цинизмъ обусловливается здѣсь самымъ предметомъ, и скандализироваться имъ было бы также странно, какъ возмущаться наготой труповъ, разсѣваемыхъ въ препаровочныхъ медицинскихъ академій. Физиологическая сторона явленій человѣческой жизни, физиологическая подкладка, если можно такъ выразиться, психическихъ движеній человѣческой души давно уже сдѣлалась достояніемъ современной реалистической художественной школы, и нельзя не встрѣчать съ интересомъ всякую попытку этого рода, въ какой бы отрасли искусства она ни появлялась, если она дѣлается сильнымъ и искреннимъ талантомъ, — потому что такія попытки содѣйствуютъ уразумѣнію современной жизни, ея темныхъ сторонъ и даютъ ключъ

*) Въ сентябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ парижскій корреспондентъ сообщаетъ интересныя подробности о литературной дѣятельности и произведеніяхъ этихъ замѣчательныхъ двухъ братьевъ.

въ ихъ разгадкѣ. Давно уже сказано, что «понять—значить простить». Но этого мало: понять—значить быть на пути въ устраненію того зла, которое мѣшаетъ людямъ осуществить идеалъ добра и счастья, существующій въ данномъ обществѣ, т.-е. въ лучшей, передовой его части. Изученіе человѣческаго организма со стороны физиологическихъ законовъ, управляющихъ имъ, необходимо для правильнаго установленія общественныхъ отношеній. Если всѣ общественныя устройства съ незапамятныхъ временъ и по сіе время страдали ненормальностью этихъ послѣднихъ,—ненормальностью, которая влекла за собой невыгодные и часто гибельные результаты для самаго общества, то это главнымъ образомъ зависѣло отъ того, что законодателями всѣхъ временъ и обществъ являлись люди, мало знакомые съ законами природы и устройствомъ человѣческаго организма. То общество, гдѣ законодателемъ явится не одинъ только юристъ, а и натуралистъ, физиологъ, врачъ, сдѣлаетъ большой шагъ впередъ на пути въ достиженію общественнаго благоустройства и благосостоянія.

Вотъ почему романъ, подробную выдержку изъ котораго мы предлагаемъ читателямъ, имѣть право на ихъ вниманіе. Кто занимается вопросомъ о современномъ устройствѣ общества и его неправильностяхъ, тяжелымъ бременемъ лежащихъ какъ разъ на избраннѣйшихъ натурахъ этого самаго общества, тотъ съ любопытствомъ прочтаетъ исторію нравственнаго паденія и гибели женщины, богато одаренной природою, самоотверженной, любящей, преданной, изъ которой при благопріятныхъ обстоятельствахъ вышла бы примѣрная семьянинка, жена и мать. Паденіе такой личности обуславливается чисто рововыми, стихійными причинами, являющимися результатомъ ненормальныхъ условій общественнаго быта.

Романъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть не что иное, какъ физиологическій этюдъ въ художественной формѣ, и драма, правдиво изображенная въ немъ, захватываетъ духъ и щемитъ сердце.

I.

— Спасены! Вы спасены, сударыня! — радостно вскрикнула служанка, заперев за докторомъ дверь и бросаясь въ кровати, на которой лежала ея госпожа. Она прижалась съ жаромъ цѣловать сквозь одѣяло маленькое, худенькое тѣло старушки.

Старушка, молча, охватила обѣими руками ея голову, прижала къ сердцу, вдохнула и промолвила:

— Нечего дѣлать! приходится жить!

Это происходило въ маленькой комнатѣ; въ раскрытое окно видѣлся небольшой уголокъ неба, пересѣченного черными трубами и крышами; вдаль, между двухъ домовъ, торчала обнаженная вѣтка дерева, котораго не было видно.

Въ комнатѣ, на каминѣ, красовались часы въ футлярѣ изъ краснаго дерева съ громаднымъ циферблатомъ, крупными цифрами, тяжелыми стрѣлками. Возлѣ камина стояло вольтеровское кресло, обитое одной изъ тѣхъ канвовыхъ вышивокъ, которыя производятся обыкновенно маленькими дѣвочками и старыми женщинами. Два небольшихъ итальянскихъ пейзажа, во вкусѣ Бертона, букетъ цвѣтовъ, нарисованный акварелью и помѣченный числомъ, написаннымъ красными чернилами, нѣсколько миниатюр висѣли на стѣнахъ. На комодѣ изъ краснаго дерева, во вкусѣ имперіи, Время изъ черной бронзы, бѣгущее съ косой въ рукахъ, служило подставкой для маленькихъ часиковъ, съ бриллиантовымъ вензелемъ на голубой эмали, окруженнымъ жемчугомъ. Паркетъ былъ устланъ ковромъ, чернымъ съ зеленымъ. На окнахъ и у кровати занавѣсы были изъ стариннаго ситца, съ краснымъ узоромъ по шоволадному полю. Въ головахъ, надъ больнои, склонялся портретъ и, казалось, не спускалъ съ нея глазъ. На немъ былъ изображенъ мужчина, съ рѣзкими чертами. Лицо его было обрамлено высокимъ воротникомъ зеленого атласнаго фрака и мягкими и широкими складками висеянаго шарфа, какіе носили въ первые годы революціи. Старушка, лежавшая въ постели, была похожа на этотъ портретъ. У ней были тѣ же густыя, черныя, повелительныя брови, тотъ же орлиный носъ, тѣ же рѣзкія черты, выразившія силу воли, рѣшимость и энергію. Портретъ какъ-бы отражался въ ней, подобно тому, какъ лицо отца отражается въ лицѣ дочери. Но у ней рѣзкость чертъ смягчалась лучомъ суровой доброты, согрѣвалась какимъ-то огнемъ мужественной преданности и мужественнаго милосердія.

Весенній день, проникая въ комнату, оварялъ ее холоднымъ, цѣломудреннымъ и вроткимъ свѣтомъ. Небо было залито этимъ свѣтомъ обновленной жизни, плѣнительнымъ и печальнымъ, какъ и земля, еще обнаженная, и такимъ нѣжнымъ, что на глазахъ невольно навертывались слезы счастья.

— Ну, такъ и есть! моя дурочка Жермини хнычетъ?—проговорила старушка, спустя минуту, отнимая свои руки, омоченныя слезами и покрываемыя поцалузами ея служанки.

— Ахъ! я бы желала всегда такъ плавать! Это такъ сладко. Мнѣ вспоминается моя бѣдная матушка... и все... еслибы только вы знали!

— Ну, ну...,—отвѣчала госпожа, закрывая глаза и собираясь слушать,—расскажи мнѣ это...

— Ахъ! моя бѣдная матушка!..

Служанка помолчала съ минуту. Потомъ заговорила съ той словоохотливостью, какую вызываютъ счастливыя слезы; волненіе и радость оживили въ ея памяти дѣтство и оно какъ-будто встало передъ ея глазами.

— Бѣдная женщина! Я вижу ее, какъ она вышла изъ дома въ послѣдній разъ... чтобы свести меня въ церковь... Это было, какъ теперь помню, 21-го января... Тогда еще читали завѣщаніе короля... Ахъ! и помучилась же она со мной, моя маменька! Ей было сорокъ-два года, когда я родилась... Папенька заставилъ ее таи-поплавать! Насъ было уже трое, и на столько ртовъ у насъ не хватало хлѣба... При этомъ папенька былъ гордъ, какъ царь... Хоть бы въ домѣ не было ни крошки хлѣба, а ужъ онъ не поидеть, бывало, просить помощи у кюрэ... Да, у насъ не каждый день ѣдали сало... Нужды нѣтъ: за то маменька сильнѣе любила меня и всегда, бывало, насеребеть по стѣнкамъ немножко жира или сыра, чтобы смазать для меня черствый хлѣбъ... Мнѣ не было и пяти лѣтъ, когда она умерла... Это было для насъ большимъ несчастіемъ. У меня былъ старшій братъ, бѣлый, какъ полотно, съ желтой бородой... да ужъ и добрый же какой! вы представить себѣ не можете... Всѣ его любили. Сколько прозвищъ ему надавали... Одни называли его Бода, не знаю почему... Другіе Эристомъ... Ахъ! вотъ былъ работникъ! Даромъ, что здоровье его было очень плохое, а онъ до разсвѣта, бывало, засядетъ за станокъ... мы вѣдь были ткачи, знаете... и до самой ночи не выпускаетъ челнока изъ рукъ... И какой онъ былъ честный, еслибы вы знали. Ему со всѣхъ сторонъ приносили пряжу и никогда не взвѣшивали... Мой отецъ былъ со всѣмъ не такой: бывало, поработаетъ немного, такъ-себѣ, часомъ-

другой... да и уйдетъ бродить, куда глаза глядятъ... а потомъ вернется, да и примется насъ колотить, и сильно... Онъ былъ точно помѣшанный... говорили, что это потому, что онъ чахоточный. Къ счастью, у насъ былъ братъ: онъ не позволялъ моей второй сестрѣ дергать меня за волосы и щипать... потому что она завидовала мнѣ. Онъ бралъ меня за руку и водилъ смотреть, какъ играютъ въ кегли... Онъ одинъ поддерживалъ весь домъ... Ужъ и потрудился же онъ для перваго моего причащенія! Да, не мало гнулъ онъ спину, чтобы и я была, какъ другія, въ бѣленькомъ платицѣ, съ рюшемъ и ридикюлемъ на рукавѣ: тогда вѣдь ихъ носили... У меня не было чепчика: я сдѣлала себѣ, помнится, хорошенькій вѣночекъ изъ ленточки и изъ гвоздики... Это былъ одинъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни... Да еще любила я ходить помогать привязывать къ тычинкамъ виноградную лозу... это бываетъ въ июнѣ мѣсяцѣ, знаете... У насъ былъ маленький виноградникъ... Въ тѣ годы, одинъ выдался очень тяжелый... Вы помните, сударыня?.. Градь въ 1828 г. побилъ все... Онъ доходилъ до Дижона и дальше... пришлось печь хлѣбъ изъ мякины... Тогда мой братъ убивался на работѣ... Отецъ въ то время вѣчно бродилъ по полямъ и приносилъ намъ грибовъ... Мы жестоко бѣдствовали... Почти всегда бывали голодны... Я, бывало, когда иду полевъ, то погляжу кругомъ: не видятъ ли меня кто, да тихонько и подрадусь въ коровѣ, подлѣву подъ нее, сниму деревянный башмакъ, да и примусь ее донять... Ну ужъ и досталось бы мнѣ, еслибъ я только попалась!.. Старшая сестра моя была въ услуженіи у мэра въ Ланкло, и прислала домой свои восемьдесятъ франковъ жалованья... все же поддержка. Вторая ходила шить въ буржуа на домъ. Но вѣдь тогда цѣны были не теперешнія: за восемь су работали съ шести часовъ утра и до поздней ночи. А она еще и копить, бывало, чтобы приодѣться къ празднику, въ день Сень-Реми... Да, такъ у насъ водится: инья питаются двумя картофелинами въ день, въ теченіи полугода, чтобы купить себѣ новое платье къ этому дню... Бѣды валились на насъ со всѣхъ сторонъ... Отецъ умеръ... Пришлось продать небольшое поле и виноградникъ, который ежегодно давалъ намъ бочку вина... Нотариусы стѣбать денегъ... Когда мой братъ заболѣлъ, ему давали пить испорченное вино, которое больше году уже разбавляли водой... У насъ не было бѣлья перемѣнить на немъ: всѣ наши простыни ушли изъ швафа, гдѣ спрятанъ былъ и золотой крестъ, при жизни маменьки, — все это ушло... и крестъ также... Тутъ вотъ, прежде еще, чѣмъ заболѣть, братъ пошелъ на праздникъ въ Клемонъ. Тамъ онъ услы-

шаль толки про то, что сестру мою будто бы соблазнилъ мэръ, у котораго она жила. Онъ бросился съ кулаками на тѣхъ, кто это говорилъ... Сила-то у него была не Богъ вѣсть какая... а ихъ-то было много. Они повалили его на землю и, когда онъ лежалъ на землѣ, стали бить деревянными башмаками въ животъ... Его принесли къ намъ замертво... Однако, докторъ поставилъ его на ноги и сказалъ, что онъ выздоровѣлъ. Но ужъ съ тѣхъ поръ онъ все хирѣлъ... Я видѣла, что онъ умираетъ, когда онъ меня цѣловалъ... Когда онъ умеръ, бѣдный, милый горемыка, то Кадэ Балларъ долженъ былъ силой оторвать меня отъ его гроба. Все село, мэръ и всѣ шли за его гробомъ. Сестра не могла долѣе оставаться у мэра, потому что онъ все приставалъ къ ней, и уѣхала искать мѣста въ Парижъ; моя другая сестра поѣхала вслѣдъ за ней... Я осталась одна-одишеенька... Двоюродная сестра матери взяла меня къ себѣ, въ Данбленъ; но мнѣ тамъ было совсѣмъ диво; я плакала всѣ ночи напролѣтъ и при первой возможности убѣгала взглянуть на нашъ домъ. Бывало, только увижу на концѣ улицы старшій виноградникъ у нашихъ дверей, такъ все у меня и перевернется внутри! Ноги не стояли на мѣстѣ... Добрые люди, купившіе домъ, держали меня у себя, пока за мной не приходили. Наконецъ, написали моей сестрѣ въ Парижъ, что если она не возьметъ меня къ себѣ, то мнѣ не сдобровать... Правда, что я была, какъ воскъ... Меня поручили кондуктору маленькой кареты, ходившей каждый мѣсяцъ изъ Лангра въ Парижъ, и вотъ какъ я прибыла въ Парижъ. Мнѣ было тогда четырнадцать лѣтъ... Помню, что всю дорогу я спала, не раздвѣаясь, потому что меня укладывали на ночь въ общей комнатѣ. Когда я пріѣхала въ Парижъ, то была вся покрыта вшами...

II.

Старушка молчала: она сравнивала свою жизнь съ жизнью своей служанки.

М-ле де-Варандейль родилась въ 1782 г. Она узрѣла свѣтъ Божій въ одномъ отелѣ улицы Ройаль и надъ купелью ее держали принцессы королевскаго дома. Отецъ ея былъ изъ приближенныхъ графа д'Артуа, при дворѣ котораго занималъ какую-то должность. Онъ сопровождалъ его на охоту и былъ въ числѣ тѣхъ пріятелей, при которыхъ за обѣдней, предшествовавшей охотѣ, тотъ, кому предстояло стать Карломъ X, коро-

цель священника, говоря ему вполголоса:— «Ну же, ну, кюре, глотай скорѣй своего Господа Бога!» М-г де-Варандейль женился по модѣ своего времени: на актрисѣ, ибвицѣ, которая, не обладая большимъ талантомъ, произвела фуроръ въ духовномъ концертѣ на раду съ м-ше Тоди, м-ше Понтейль и м-ше Сель-Гюберти. Дѣвочка, родившаяся отъ этого брака въ 1782 г., была слабаго здоровья, неврасива, съ большимъ носомъ, дѣлавшимъ ее смѣшной, носомъ ея отца на лицѣ, величиной съ кулакъ. Въ ней не было ничего, что могло бы льстить тщеславію ея родителей. Послѣ фіаско, претерпѣннаго ею за фортепьяно пѣли лѣтъ отъ роду, въ концертѣ, который давала ея мать въ своемъ салонѣ, ее предоставили обществу слугъ. Только на одну минуту приводили ее по утрамъ въ матери, которая призывала ей цѣловать себя въ подбородокъ, чтобы она не стерла румянъ.

Когда наступила революція, м-г де-Варандейль занималъ государственную должность, благодаря протекціи графа д'Артуа. М-ше де-Варандейль путешествовала по Италіи, куда она убѣдила докторовъ послать себя подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, предоставивъ мужу всѣ хлопоты и попеченія о дочери и младенцѣ-сынѣ. Суровыя условія того времени, угрозы, раздававшіяся противъ денегъ и противъ семей, владѣвшихъ деньгами— у м-г де-Варандейль былъ братъ откупщикъ, — не поощряли этого, и безъ того крайне эгоистичнаго и чрезвычайно черстватаго отца, заниматься своими дѣтьми. Къ довершенію всего, бѣдность начала закрадываться въ его домъ. Онъ покинулъ улицу Ройаль и переселился въ отель Пти-Шароле, принадлежавшій его матери, находившейся еще въ живыхъ, которая дозволила ему это. Событія чередовались съ быстротой молніи. Въ первые годы царства гильотины, однажды вечеромъ, въ улицѣ Сентъ-Антуанъ, шелъ онъ посади разнощика газетъ, продававшаго листокъ: *Aux voleurs!* Продавецъ, по обычаю того времени, перечисляетъ статьи газеты, и м-г де-Варандейль услышалъ свое имя съ примѣсью ругательства и площадныхъ словъ. Онъ купилъ газету и прочиталъ революціонный доносъ.

Нѣсколько времени спустя, брата его арестовали и заключили въ отель Таларю, вмѣстѣ съ другими откупщиками. Мать его, обезумѣвшая отъ ужаса, продала за безцѣнокъ отель въ Пти-Шароле, гдѣ онъ жилъ: ей заняли ассигнаціями, и она умерла съ отчаянія отъ постоянного пониженія бумагъ; къ счастью, м-г де-Варандейль получилъ отъ покупщиковъ, которые не находили жильцовъ, позволеніе жить въ комнатахъ, служившихъ въ былое время конюшнямъ. Онъ укрѣлся въ нихъ, въ задней

части отеля, отревся отъ своей фамиліи, принявъ свое родовое имя Руло и скоронилъ подъ нимъ «де-Варандейля» и бывшаго придворнаго графа д'Артуа. Онъ жилъ уединенно, забытый въ своей мурѣ, спасая голову, не выходя изъ дому, забившись въ уголъ, безъ прислуги, предоставивъ дочери ходить за собою. Терроръ прошелъ для нихъ въ ожиданіи смерти, въ постоянномъ, непрерывномъ страхѣ. Каждый вечеръ дѣвочка ходила слушать черезъ рѣшетчатое слуховое окно списокъ именъ людей, присужденныхъ въ смертной казни: *La Liste des gagnants à la loterie de sainte Guillotine*. Всякій разъ, какъ стучались въ ихъ дверь, она шла отпирать ее, съ увѣренностью, что пришли взять ея отца и отвести его на площадь Революціи, черезъ которую уже прошелъ ея дядя. Наступилъ моментъ, когда деньги, столь рѣдкія въ то время, перестали доставлять хлѣбъ: пришлось брать его почти съ боя у булочниковъ, пришлось завоевывать его часами, проведенными на ночномъ холодѣ и вѣтрѣ, въ давѣ, становиться въ хвостъ съ трехъ часовъ утра. Отецъ не рисковалъ показываться въ этой толпѣ народа. Онъ боялся быть узнаваемымъ, боялся скомпрометтировать себя какою-нибудь бѣшеной выходкой, которую не могъ бы сдержать ни при какихъ обстоятельствахъ. Къ тому же, ему противна была скука и тягость такого ожиданія. Мальчикъ, ея братишка, былъ еще слишкомъ малъ, его бы раздавили; на дочь палъ трудъ добывать ежедневно хлѣбъ для трехъ ротъ. И она его добывала. Спрятавъ свое маленькое худое тѣло въ большомъ вязанномъ жилетѣ отца, съ бумажнымъ колпакомъ на головѣ, надвинутымъ до самыхъ глазъ, вся съѣжившись, чтобы удержать остатки теплоты въ тѣлѣ, она ждала, трясаясь отъ холода, съ покраснѣвшими отъ стужи глазами, среди толчеювъ и пинковъ, той минуты, когда булочница въ улицѣ *Francs-Bourgeois* вкладывала ей въ руки хлѣбъ, который съ трудомъ ухватывали ея маленькіе пальчики, окоченѣвшіе отъ холода. Въ концѣ-концовъ эта бѣдная маленькая дѣвочка, появлявшаяся ежедневно у дверей булочной, тронула сердце булочницы своимъ страдальческимъ видомъ и худымъ дрожащимъ тѣльцемъ. Какъ только дѣвочка появлялась, она высылала ей съ сыномъ хлѣбъ, за которымъ та приходила. Но однажды, когда дѣвочка брала хлѣбъ, одна женщина, позавидовавъ предпочтенію, оказанному ребенку, ударила ее деревяннымъ башмакомъ. Отъ этого удара m-lle де-Варандейль пролежала съ мѣсяць въ постелѣ и у ней на всю жизнь остался отъ него знакъ.

Въ этотъ мѣсяць семья умерла бы съ голоду, не будь запаса риса, который вздумалось сдѣлать одной ихъ хорошей знакомой,

графинѣ д'Отейль, и которымъ она согласилась подѣлиться съ отцомъ и дѣтьми.

Такимъ образомъ, м-г де-Варандейль спасался отъ революціоннаго трибунала, скрываясь въ уединеніи и безвѣстности. Онъ спасался также этимъ путемъ отъ отчета по должности; ему повезло выхлопотать отсрочку, откладываясь съ мѣсяца на мѣсяць. Къ тому же, онъ удалялъ отъ себя подозрѣнія своей личной ненавистью ко многимъ знатымъ придворнымъ и къ самой королевѣ, ненавистью, которую были проникнуты многіе приближенные братьевъ короля. Всякій разъ, какъ ему приходилось говорить объ этой несчастной женщинѣ, онъ осыпалъ ее такими гадкими, такими горькими и оскорбительными уверивками, высказанными такимъ страстнымъ и искреннимъ тономъ, что это придавало ему почти характеръ ненавистника королевской власти, такъ что тѣ, для которыхъ онъ былъ просто гражданиномъ Руло, смотрѣли на него какъ на патріота, а тѣ, которые знавали его подъ прежнимъ именемъ, почти извиняли ему его прошлое—то, что онъ былъ дворянинъ, другъ принца крови и должностной человекъ.

Республика вступила въ періодъ патріотическихъ ужиновъ, тѣхъ уличныхъ банкетовъ, въ которыхъ участвовала вся улица. Въ смутныхъ воспоминаніяхъ м-ле де-Варандейль стоили представлялись накрытыми въ улицѣ *Pavée* надъ кровью, текшей изъ тюрьмы *Force*, въ эпоху сентябрьскихъ убійствъ! На одномъ изъ такихъ ужиновъ м-г де-Варандейль пришла мысль, окончательно обезопасившая его голову. Онъ рассказалъ двумъ изъ своихъ застольныхъ сосѣдей, изъ которыхъ одинъ былъ друженъ съ Шометтомъ, что находится въ большомъ затрудненіи, что дочь его была только крещена, но что ей не достаеетъ гражданскаго узаконенія; что онъ былъ бы очень счастливъ, еслибы Шометтъ захотѣлъ внести ее въ муниципальные списки и почтить ее именемъ, избраннымъ имъ въ республиканскаго календаря Греціи или Рима. Шометтъ вскорѣ назначилъ свиданіе этому отцу, который «стоялъ въ уровень съ вѣкомъ», какъ тогда говорили. Не теряя времени, м-ле де-Варандейль пригласили въ комнату, гдѣ ее ожидали двѣ матроны, которымъ поручено было удостовѣриться въ ея полѣ. Послѣ того ее привели въ большую залу Деклараций и тамъ, послѣ метафорической рѣчи, Шометтъ нарекъ ее Семпроніей. Привычка сохранила это имя за м-ле де-Варандейль, и она съ нимъ больше не разставалась.

Успокоенная и обеспеченная нѣсколько этимъ обстоятельствомъ, семья пережила страшные дни, предшествовавшіе паденію Робес-

пьера. Наконецъ, наступило 9-е термидора и освобожденіе. Но бѣдность продолжала гнестн семью. Во все суровое время революціи и во все жалкое время директоріи ее поддерживалъ со-всѣмъ неожиданный ресурсъ. И дѣти, и отецъ жили на доходи отъ четырехъ акцій, которыя вздумалось м-гу де-Варандейлю купить въ 1791 г. Это оказалось самой выгодной аферой въ тѣ годы смерти, когда всѣ стремились позабыть о ней, въ тѣ страшные дни, когда каждый хотѣлъ посмѣяться послѣднимъ смѣхомъ надъ послѣдней гнѣсней. Вскорѣ эти акціи, въ соединеніи съ нѣсколькими суммами, данными нѣкогда въ долгъ и неожиданно возвращенными, обезпечили безбѣдное существованіе семьи. Она тогда оставила чердакъ отеля *Petit-Charolais* и поселилась на квартирѣ въ Мара, въ улицѣ Шомъ.

Впрочемъ, ничто не измѣнилось въ обстановкѣ семейства. Дочь продолжала услуживать отцу и брату. М-г де-Варандейль привыкъ мало-по-малу видѣть въ ней только служанку. Глаза отца перестали признавать дочь въ дѣвушкѣ, носившей костюмъ и исполнявшей грубую работу служанки. Онъ пересталъ видѣть въ ней свою плоть и кровь; онъ видѣлъ служанку, и эгоизмъ его такъ уживался съ такимъ представленіемъ, ему такъ удобны были дочернія, любовныя, почтительныя услуги, не стоившія ему ни копейки, что ему показалось страшно труднымъ отказаться отъ нихъ впоследствии, когда нѣкоторый недостатокъ воцарился въ домѣ: большихъ усилій стоило убѣдить его нанять служанку, которая бы замѣнила его ребенка и освободила молодую дѣвушку отъ самыхъ черныхъ домашнихъ работъ.

О м-ше де-Варандейль не было ни слуху, ни духу. Она отказалась вернуться къ мужу, въ Парижъ, въ первые годы революціи. Вскорѣ узнали, что она вторично вышла замужъ въ Германіи, объявивъ себя вдовой и показавъ въ подтвержденіе свидѣтельство о смерти своего девера, погибшаго на эшафотѣ. Молодая дѣвушка росла сиротой, не зная ни ласки, ни привѣта. Дѣтство ея прошло въ ежеминутной тревогѣ, въ лишеніяхъ, подтачивающихъ жизнь, въ трудѣ, истощавшемъ силы малосильнаго ребенка, въ ожиданіи смерти, которую подъ конецъ она ждала съ нетерпѣніемъ; бывали минуты, когда этой тринадцатилѣтней дѣвочкѣ страстно хотѣлось сдѣлать такъ, какъ дѣлали многія женщины той эпохи: открыть дверь отеля и закричать на всю улицу: да здравствуетъ король! чтобы покончить съ собою. Молодость ея протекала въ скукѣ не менѣе трагической. Ей приходилось выносить раздражительность, гнѣвныя вспоминанія, требовательность, бури, поднимаемыя отцомъ, котораго до того времени нѣсколько сдер-

живала общественная буря. На ней тяготѣли трудъ и униженіе служанки. Она жила униженная и оскорбленная, одинокая волею своего отца, не видя отъ него ни ласки, ни привѣта, съ печальнымъ удрученнымъ сердцемъ, требовавшимъ любви и не находящимъ для нея нищѣ. Она начинала страдать отъ пустоты и холода, создаваемого вокругъ женщины молодостью не привлекательной, молодостью, обездоленной и лишенной красоты и симпатической граціи. Она видѣла, что внушаетъ только состраданіе своимъ большимъ носомъ, желтымъ лицомъ, своей худобой и костлявостью. Она чувствовала себя безобразной въ жалкихъ платьяхъ, которыя сама шила и которыя отецъ неохотно покупалъ ей; только доживя до тридцати-пяти лѣтъ, она могла добиться, чтобы онъ назначилъ ей небольшую сумму на туалетъ.

Когда французы, послѣ побѣдоносныхъ войнъ, принялись опустошать итальянскіе музеи и перевозить въ Парижъ художественныя произведенія Рима, Флоренціи и Венеціи, м-г де-Варандейлю, подобно многимъ другимъ въ то время, показалось, что представляется удобный случай нажить состояніе. Онъ вздумалъ собрать галерею картинъ итальянскихъ художниковъ и съ выгодой продать ее. Маленькая квартира въ непродолжительномъ времени загромоздилась черными картинами, болѣею частью такихъ большихъ размѣровъ, что онѣ не могли размѣститься на стѣнахъ. Все это велчалось Рафаэлемъ, Винчи, Андреа дель-Сарто. Но когда наступилъ моментъ продажи, то пришлось жестоко разочароваться. Картины оказались поддѣльными. Вѣбшенный этой неудачей, которая не только нанесла значительный ущербъ его варману, но и глубоко уязвила его тщеславіе, какъ знакъ въ искусствахъ, м-г де-Варандейль объявилъ дочери, что не можетъ жить въ Парижѣ, за недостаткомъ средствъ, и долженъ переѣхать въ провинцію.

Онъ нанялъ небольшой домикъ въ Иль-Аданъ. Тамъ у него были знакомые въ ближайшихъ двухъ-трехъ замкахъ, начинавшихъ снова заселяться. Кромѣ того, тамъ образовался, послѣ революціи, небольшой мірокъ разбогатѣвшихъ буржуа, торговцевъ, удалившихся отъ дѣлъ. Имя де-Варандейль громко звучало въ ихъ ухахъ. Они нивко кланялись ему, оспаривали честь его посвященія, почтительно выслушивали всторіи, какія онъ имъ повѣствовалъ о прежнемъ дворѣ, и ему жилось пріятно. Тамъ же онъ заглядывалъ перевести съ итальянскаго книгу Вазари, «Биографіи живописцевъ», съ помощью дочери, вонечно. Весь трудъ палъ на нее; онъ отиѣчалъ ей двѣнной урокъ, а самъ уходилъ гулять, отправлялся въ гости по сосѣдству, въ какой-нибудь замокъ, или

тъ знакомымъ буржуа, которымъ патетически жаловался на утомительность предпринятаго имъ труда. Возвращаясь домой, онъ выслушивалъ готовый переводъ, дѣлалъ замѣчанія, критиковалъ, перодѣлывалъ фразы, замѣняя ихъ какой-нибудь нелѣпницей, которую дочь выкидывала, какъ только онъ уходилъ, и снова отправлялся гулять, довольный собой, какъ человекъ, съ толкомъ прожившій день, высоко поднимая голову, съ шляпой подъ мышкой, въ тонкихъ башмакахъ, наслаждаясь самимъ собой, небомъ, деревьями, любовно настроенный къ природѣ и милосердый къ растеніямъ.

Два года провела Семпронія надъ этой книгой, погруженная въ грамматики, лексиконы, комментаріи, въ схоластику итальянскаго искусства, согбенная подъ неблагоприятнымъ трудомъ — переводить слова ощупью. На этомъ она потеряла свои глаза.

Въ Иль-Аданѣ m-г де-Варандейль взялъ служанку, которая тотчасъ же сдѣлалась его любовницей и принялась командовать отцомъ и дочерью. M-г де-Варандейль потребовалъ, чтобы дочь покорилась и прислуживала ей. Это переполнило мѣру терпѣнія. M-ше де-Варандейль возмутилась съ негодованіемъ. Глухо, незамѣтно, въ несчастіи и уединеніи, подъ суровымъ гнетомъ обстоятельствъ и людей въ молодой дѣвушкѣ развилась сильная и гордая душа; слезы закаляли ее, а не изнѣжили. Подъ дочернимъ смиреніемъ и послушаніемъ, скрывались у ней желѣзный нравъ, мужская воля, одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которыхъ ничто не въ силахъ погнуть и переломить. При этомъ новомъ униженіи она объявила отцу, чтобы онъ выбиралъ между ней и этой женщиной; что если къ вечеру эта женщина не оставитъ ихъ дома, она сама уйдетъ изъ него; что—слава Богу!—благодаря тому воспитанію, какое онъ ей далъ и ей простымъ привычкамъ, она не затруднится заработать себѣ кусокъ хлѣба. Отецъ, пораженный этимъ неожиданнымъ сопротивленіемъ, отослалъ служанку, но не простилъ этой жертвы дочери, которую ожидало новое испытаніе. Старика вскорѣ затѣмъ разбилъ параличъ. Тогда все, что было въ его натурѣ дурного и злобнаго, вылилось наружу безъ всякаго удержу. Эгоизмъ сдѣлалъ его свирѣпымъ. Отъ боли и отъ слабости онъ превратился въ какого-то злого идиота.

M-ше де-Варандейль дни и ночи неуспынно ходила за больнымъ, который не щадилъ ее и пилилъ на всѣ лады. Что это была за жизнь! Надо было постоянно развлекать вѣчно скучающаго страдальца, водить его гулять днемъ, играть съ нимъ въ карты по вечерамъ, причемъ надо было и не очень выигрывать и не очень проигрывать. Надо было бороться съ его жад-

ностью, его обжорствомъ, отнимать у него блюда изъ рукъ, и за все это выносить градъ упрековъ, жалобъ, бранныхъ словъ, слезъ, рычковъ бессильной ярости. И это длилось десять лѣтъ! Онъ умеръ въ 1818 г. и, умирая, не нашелъ болѣе ласковыхъ словъ для той, которая въ теченіе сорока лѣтъ была ему преданной дочерью, какъ: «будь покойна, я очень хорошо знаю, что ты меня никогда не любила».

За два года до смерти отца, братъ Семпроніи, служившій въ американскомъ флотѣ, вернулся изъ Америки. Онъ привезъ съ собою жену-негритянку, ухаживавшую за нимъ, когда онъ былъ боленъ желтой лихорадкой и спасшую его отъ смерти, и двухъ дочерей, уже большихъ, которыя родились до его брака съ этой женщиной. Хотя m-lle де-Варандейль и раздѣляла старинныя понятія о неграхъ и хотя она смотрѣла на свою невѣстку, на эту женщину безъ всякаго образованія, съ дикимъ говоромъ, глупымъ смѣхомъ, жирной кожей, пачкавшей бѣлье, какъ на обезьяну, однако убѣждала отца признать жену сына и уговорила его въ послѣдніе дни жизни допустить представить себѣ невѣстку. По смерти отца, она подумала, что семья брата все, что осталось у ней родного. М-г де-Варандейль, которому графъ д'Артуа по возвращеніи Бурбоновъ выплатилъ жалованье по должности за всѣ протекшіе годы, оставилъ дѣтямъ около десяти тысячъ франковъ дохода. М-lle де-Варандейль подумала, что пяти тысячъ франковъ будетъ мало для семьи брата, гдѣ было двое дѣтей, и предложила соединить оба хозяйства вмѣстѣ. Братъ согласился, и она поселилась въ его домѣ. Тамъ она продолжала свою скромную жизнь, довольствовалась незатѣливыми туалетами, самой плохой комнатою во всей квартирѣ и тратила на себя не болѣе полутора-двухъ тысячъ франковъ въ годъ. Но вскорѣ глухая зависть и ревность заговорили въ негритянкѣ. Ей непріятна была дружба между братомъ и сестрой. Она возстановила дѣтей противъ тѣтки. Результатомъ явились семейныя сцены, и m-lle де-Варандейль, не желая вносить раздора въ семью брата, скрѣпя сердце, переѣхала отъ него. Эта разлука была одной изъ тягостнѣйшихъ минутъ въ ея жизни. Она, гордая и сосредоточенная, чуть не лишилась мужества, когда ей пришлось оставить комнату, въ которой она мечтала найти уголокъ счастья: послѣднія слезы навернулись у ней на глазахъ.

Послѣ этого жизнь ея опредѣлилась съ правильностью заведенныхъ часовъ. Никогда m-lle де-Варандейль не ѣздила въ свѣтъ, на вечера, въ театръ. Только фуроръ, производимый Рашелью, сманилъ ее переступить за порогъ театра, да и то она

была въ немъ всего два раза. Никогда не ѣдила она на большіе обѣды; но въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ она была коротко знакома, она изрѣдка приходила запросто отобѣдать. Въ восемь часовъ она аккуратно уходила, и если глава дома собирался провожать ее, она внимала у него шайпу изъ рукъ, со словами: «полноте, мой милый! вотъ выдумали! провожать такую старую коргу! да я пугаю мужчинъ на улицѣ».

Но стоило заболѣть кому-нибудь въ домѣ, и m-me де-Варандейль немедленно узнавала объ этомъ, неизвѣстно какимъ способомъ, и тотчасъ являлась въ какой бы то ни было часъ, звонила особымъ, ей одной свойственнымъ, образомъ, который такъ и назывался «звонокъ вузины», и тотчасъ же принималась хозяйничать, ставила пѣявки, прикладывала горчичники, утѣшала, журила, развлекала и ободряла.

Чужака, старая дѣва! Испытанія, перенесенныя ею въ жизни, вѣчныя физическія страданія, долгая нравственная пытка словно выдѣлили ее изъ жизни и поставили выше ее. Ея воспитаніе, все то, на что она наглядѣлась, картина переворотовъ въ жизни людской, революція—воспитали въ ней нѣкоторое пренебреженіе къ людскимъ горестямъ. И эта старуха, въ которой жизнь чуть теплилась, возвысилась до яснаго міросозерцанія, до мужественнаго, высокоумнаго, почти ироническаго стоицизма. Пороку, когда ее раздражала особенно мучительная боль, она, вдругъ, среди жалобъ, останавливала самое себя какой-нибудь насмѣлкой, передъ которой стихало ее раздраженіе. Она была весела той глубокой и неподдѣльной веселостью, какою отличается предавнихъ людей, насмотрѣвшихся на все въ жизни, веселостью стараго ветерана или старой госпитальной сидѣлки. Она была очень добра, но добротѣ ей не доставало одной черты: умѣнья прощать! Никогда не могла она настолько побѣдить себя! Какой-нибудь пустякъ, невниманіе, самая незначительная мелочь, задѣвавшая ее за живое, оскорбляла ее навѣки. Она не забывала. Ни время, ни самая смерть не обезоруживали ее памяти.

Религій у ней не было. Родившись въ эпоху, когда женщина обходилась безъ религіи, она выросла въ эпоху, когда не было больше церкви. Обѣдня не существовала, когда она была молоденькой дѣвушкой. Ничто не развило въ ней привычекъ или потребности въ Богѣ, и у ней на всю жизнь сохранилось тайное недружелюбіе къ попомъ, связанное, по всей вѣроятности, съ какой-нибудь фамиліею тайной, о которой она никогда не говорила. Вмѣсто вѣры и благочестія, ей служила ее гордая совесть: она считала, что достаточно уважать себя, чтобы хорошо

поступать и никогда не сдѣлать ни одной низости. Ее образовали два вѣка, въ которыхъ она жила; она заимствовала воззрѣнія того и другого, прониклась вліяніями стараго порядка и революціи. Послѣ того, какъ Людовикъ XVI не съѣлъ на воя 10-го августа, она перестала уважать королей, но ненавидѣла и чернь. Она желала равенства и чувствовала отвращеніе къ выскочкамъ. Она была республиканкой и аристократкой, соединяла скептицизмъ съ предрассудками, отверженіе въ 93 году, котораго была свидѣтельницей, съ смутными и великодушными идеями гуманности, которыя ее ублаживали въ дѣтствѣ.

Внѣшность у ней была чисто мужская. У нея былъ рѣзкій голосъ, откровенная манера говорить, живые старухъ восемнадцатаго столѣтія, отгѣненные народными выраженіями, особая рѣчь, свойственная ей одной, смѣлая и картинная, не пугающаяся называть вещи по ихъ имени.

Между тѣмъ годы шли, унеся съ собой реставрацію и монархію Луи-Филлеппа. Она видѣла, какъ одинъ за другимъ сложились въ могилу всѣ тѣ, кого она любила, — всѣ ея родные и знакомые. Пустыня воцарялась вокругъ нея, и она дивилась и грустила, что смерть забываетъ о ней. Когда ма-де-Варандейль проводила на кладбище послѣднюю кузку, за которой ухаживала въ теченіи четырехъ лѣтъ, — она умерла отъ чахотки, — и поцѣловала въ послѣдній разъ ея гробъ, ей показалось, что міръ опустѣлъ и она осталась одна-одинѣхонька на землѣ.

Съ этого дня, уступая недугамъ, бороться съ которыми у нея не было больше поводовъ, она стала жить узкой и сосредоточенной жизнью стариковъ, которые протираютъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ коверъ своей комнаты. Она перестала выходить изъ дому, ничего не читала, по слабости зрѣнія, и чаще всего сидѣла въ креслѣ, перебирая въ умѣ прошлое.

Разъ въ недѣлю, однако, она выходила изъ дому и отправлялась на кладбище, гдѣ схоронены были ея отецъ, братъ, кузины, которыхъ она любила, всѣ тѣ, кто прежде ея пересталъ страдать. Смерть и могилу она окружала почти античнымъ культомъ. Могилка была для нея священна, мила и близка. Она любила землю избавленія и отдыха, которая ждала ее и въ которой спали всѣ ей близкіе. Осматривъ ея цѣвтами, она молча и медленно возвращалась домой.

III.

Слушая свою служанку, m-lle де-Варандейль закрыва глаза. Служанка умоляла и конецъ ея повѣсти остался недосказаннымъ.

А конецъ этотъ былъ слѣдующій.

Когда Жермини Ласертё, четырнадцать лѣтъ отъ роду, была въ Парижъ, сестры помѣстили ее въ небольшой ресторанъ, гдѣ ей приходилось постоянно вращаться въ обществѣ испорченныхъ и развращенныхъ гарсоновъ. Общество это до того пугало ее и было такъ противно, что она въ дни отпуска со слезами молила сестеръ взять ее оттуда, и всякій разъ имъ приходилось насильно отправлять ее назадъ. Кончилась эта печальная исторія тѣмъ, что она стала жертвой обмана и насилия одного стараго гарсона, того даже, который сначала оказывалъ ей какъ-будто отеческое покровительство, защищалъ отъ другихъ. Жермини чуть не сошла съ ума. Сестры, которымъ она рассказывала о случившемся, взяли ее изъ ресторана, били, мучили и всячески обязали. Она молча и безъ жалобъ переносила удары, брань, истязанія и, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, родила мертвого ребенка. Когда она выдоровѣла, сестры нашли ей какое-то мѣсто, на которое она и поступила.

Раза два-три на улицѣ она встрѣчала Жозефа, стараго гарсона, который преслѣдовалъ ее и предлагалъ жениться на ней, но она тряслась при видѣ его и убѣгала, какъ испуганный звѣрь, съ выраженіемъ непобѣдимаго отвращенія и безумнаго страха на лицѣ. Старикъ такъ и не узналъ, что чуть было не сдѣлался отцомъ.

Между тѣмъ, на своемъ новомъ мѣстѣ Жермини чахла не по днямъ, а по часамъ. Мѣсто было дрянное, попала она къ безтолковой хозяйкѣ, которая была вѣчно безъ денегъ, вѣчно ожидала описи, весь вѣкъ бѣгала по городу, прискривая средства вывернуться изъ бѣды и почти совсѣмъ не кормила свою прислугу. Жермини стала страшна. Блѣдность ея лица отливала синевою. Опухшіе глаза окаймлены были широкими синими кругами. Безцвѣтныя губы напоминали мертвеца. Она запыхивалась всякій разъ, какъ поднималась на лѣстницу и падала въ обморокъ отъ малѣйшей усталости.

Она тихо таяла, когда сестра приискривала ей другое мѣсто, у бывшаго актера, комика, удалившагося на покой и жившаго на доходы съ капитала, доставленнаго ему смѣломъ цѣлаго Па-

рижа. Добрякъ былъ старъ и никогда не имѣлъ дѣтей. Онъ сложился надъ несчастной дѣвочкой, занялся ею, лечилъ ее, баловалъ. Онъ возилъ ее за городъ, гулялъ съ нею по бульварамъ, на солнышкѣ, и радовался, когда она была весела. Не разъ, чтобы развлечь ее, онъ вытаскивалъ какой-нибудь старшій костюмъ, полуизвѣденный молью и старался припомнить обрывокъ роли, давно уже измѣнившей его памяти. Дѣвочка начала поправляться у него въ услуженіи, но старикъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и ей пришлось идти на новое мѣсто. Много ихъ перемѣнила она; служила содержанкамъ, содержательницамъ пансіоновъ, торговкамъ, торговля которыхъ кончалась банкротствомъ, когда, наконецъ, внезапная смерть, застигшая кухарку m-lle де-Варандейль, очистила ей мѣсто у этой послѣдней, жившей въ улицѣ Тебу, въ домѣ, гдѣ сестра Жермини была привратницей.

IV.

Поступивъ въ услуженіе къ m-lle де-Варандейль, Жермини ударилась въ набожность и ходила только въ церковь. Ее привлекала сладость исповѣди, тихій, спокойный, ровный голосъ священника, раздававшійся въ полу-мракѣ. Только тамъ могла она изливать свою душу. Въ госпожѣ ея была нѣкоторая мужская суровость, не поощрявшая жалобъ. Рѣзкость ея тона и рѣчей сдерживали то, что Жермини хотѣла бы ей довѣрить. Она сурово относилась ко всякимъ жалобамъ, которыя не вызывались болѣзною или определеннымъ горемъ. Ея мужественная доброта не была снисходительна къ тревогамъ воображенія, къ отвлеченнымъ мукамъ, къ нервному разстройству. Нерѣдко Жермини находила ее безчувственною; но старуха была только закалена эпохой, въ какую ей пришлось жить, и своей жизнью. Оболочка ея сердца была такъ же жестка, какъ и ея тѣло. Никогда не жалась сама, она не любила и чужихъ жалобъ. И во имя всѣхъ слезъ, которыхъ она не проливала, ненавидѣла дѣтскій плачь у взрослыхъ людей.

Вскорѣ исповѣдальня стала завѣтнымъ мѣстомъ, куда стремились всѣ помыслы Жермини. Священникъ, исповѣдывавшій ее, поощрялъ эти частыя исповѣди. Онъ не жалѣлъ для нея ни времени, ни вниманія, ни состраданія. Онъ позволялъ ей долго говорить, пересказывать о своихъ дѣлахъ и снисходительно выслушивалъ про ея тревоги, желанія, безпокойство. Священникъ былъ молодъ. Онъ былъ добръ. Жилъ въ свѣтѣ. Большое горе за-

гнало его, разбитого сердцемъ, въ монахи, и подѣ черной расой тайно онъ трауръ своего сердца. Въ немъ еще жилъ человѣкъ, и онъ съ грустной жалостью внималъ удрученному сердцу служанки. Онъ понималъ, что Жермини нуждается въ немъ, что онъ поддерживаетъ ее, спасаетъ отъ нея самой и отъ соблазновъ ея природы: Онъ проникался меланхолической симпатіей къ этой душѣ, созданной изъ любви, къ этой молодой дѣвушкѣ пылкой и вмѣстѣ съ тѣмъ слабой, къ этому бѣдному созданію, не понимавшему своей собственной природы, къ этой неизбежной жертвѣ страсти, которая должна была рано или поздно овладѣть всѣмъ ея существомъ. Религіозная горячка Жермини длилась нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ она жила сосредоточенная, молчаливая, сіяющая, вся преданная Богу, — по крайней мѣрѣ она такъ думала. Но мало-по-малу исповѣдникъ замѣтилъ, что Жермини переноситъ свое обожаніе съ Бога на него. Она поджидала его у выхода, ловила въ ризницѣ, бѣгала за нимъ. Священникъ попытался предостеречь ее. Онъ сталъ холоднѣе и сдержаннѣе, и наконецъ отослалъ ее къ другому исповѣднику. Жермини исповѣдалась у того раза два, потомъ бросила, перестала ходить въ церковь, точно оборвала.

Тѣмъ временемъ госпожа ея заболѣла. Во время ея болѣзни, не желая оставлять ее ни на минуту, Жермини ни разу не ходила къ обѣднѣ. И въ первое воскресенье, какъ m-lle де-Варандейль совершенно поправилась и могла обойтись безъ ея услугъ, она очень удивилась, видя, что ея «богомолка» сидитъ дома и не бѣжитъ въ церковь.

— Эге! ты, значить, больше не знаешься съ попами? Чѣмъ же это они тебя прогнѣвали?

— Ничѣмъ, — отвѣчала Жермини.

V.

— Вотъ, сударыня!.. Поглядите на меня, — произнесла Жермини.

Дѣло происходило спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вышеизложеннаго. Она отпросилась на балъ по случаю свадьбы сестры бакалейщика, у котораго она забирала товаръ; невѣста пригласила ея къ себѣ въ подружки, и Жермини пришла показаться въ нарядѣ, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами.

M-lle де-Варандейль отвела глаза отъ старой, крупно на-

печатанной книги, которую читала, сняла очки, положила ихъ на книгу и сказала:

— Эге!—моя богомолка ѣдетъ на балъ! Вотъ чудеса... Право, недостаетъ только, чтобы ты затѣяла сама выдти замужъ! Глупая затѣя!.. Но если ты выйдешь замужъ, то предупреждаю: я тебя у себя не оставлю... какъ бы да не такъ! Я вовсе не желаю внянчиться съ твоими ребятишками... Ну-ка, подойди-ка поближе... О-го-го!.. чортъ возьми! какъ мы нарядны. То-то я замѣчаю, что мы очень стали франтить съ нѣкоторыхъ поръ...

— Право, нѣтъ, сударыня,—попыталась оправдаться Жермини.

— Чортъ возьми!..,—продолжала m-lle де-Варандейль, послѣ внимательнаго осмотра своей служанки,—какъ! неужели это ты... Я, значить, тебя никогда не видала до сихъ поръ... Скажите на милость... Ишь ты, какая она...

И продолжала невнятно бормотать что-то съвозъ зубы.

— Гдѣ ты это подцѣпила себѣ мордашку влюбленной кошки? —промолвила она наконецъ.

Жермини была дурна собой, но очень привлекательна. Все въ ней,—ротъ, глаза, самая некрасивость чертъ,—было пикантно.

Въ ней чувствовалось одно изъ тѣхъ безпокойныхъ и страстныхъ созданій, горящихъ желаніемъ любви и заражающихъ этимъ желаніемъ другихъ...

Говоря о бракѣ съ Жермини, m-lle де-Варандейль коснулась самаго больнаго ея мѣста. Она называла причину ея томленія. Неровность характера ея служанки, ея тоска, уныніе, слезы, разстройство нервовъ—все происходило отъ той болѣзни, которую врачи называютъ дѣвичьей немочью. Жермини страстно хотѣлось замужъ, но она отступала передъ признаніемъ о постигшемъ ея несчастіи, утаить которое не позволила бы ей честность. Семейныя несчастія и утраты отвлекли ее на время отъ этихъ мыслей.

Зять ея, привратникъ, завелъ-было торговлю gris-à-gris, но только потерялъ на ней всѣ свои деньжонки. Сестра ея схватила жестокую простуду, которая въ шесть недѣль унесла ее въ могилу. Она оставила маленькую, трехлѣтнюю дочку, лежавшую въ жестокой кори. Похоронивъ сестру, Жермини отыскала знакомую старуху, съ трудомъ перебывавшую различными ремеслами, наняла ей комнату на чердакѣ того дома, гдѣ жила m-lle де-Варандейль, и помѣстила ее тамъ съ больной дѣвочкой. Она все это сдѣлала, не размышляя, повинувшись первому движенію. Жестокосердіе къ ней сестры въ эпоху ея собственной беремен-

ности, ея брань и побой были забыты: ей не приходилось даже дѣлать усиліе надъ собой, чтобы простить.

Отнынѣ Жермини вся отдалась заботамъ о своей племянницѣ. Она, во что бы то ни стало, захотѣла спасти дѣвочку, по минутно вбѣгала на всѣ шесть лѣстницъ, ведшія на чердакъ, чтобы провѣдать ее. Ребенокъ былъ спасенъ. Но черезъ нѣсколько времени другая сестра, переселявшаяся съ мужемъ въ Алжирь, предложила взять у Жермини эту дѣвочку къ себѣ на воспитаніе. Сестра и—главное—ея мужъ, видѣли въ этомъ только средство разжалобить Жермини и выманить у ней деньги. Жермини посоветовалась съ своей госпожей, которой до тѣхъ поръ ничего не говорила о дѣвочкѣ и которая дѣлала видъ, что не знаетъ объ ея существованіи. M-lle де-Варандейль посоветовала ей уступить ребенка сестрѣ, указывала на невозможность для Жермини самой воспитывать дѣвочку, и дала денегъ на ея переездъ.

Эта разлука разбила сердце Жермини. Она ощутила страшную пустоту и скуку. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ зять извѣстилъ ее о кончинѣ ея сестры и звалъ къ себѣ. Жермини долгое время колебалась между желаніемъ ѣхать къ нему и ходить за своей племянницей, и горестью оставить свою госпожу. Пока въ ней совершалась эта борьба, она случайно узнала, что племянница ея умерла нѣсколько недѣль спустя послѣ смерти ея сестры: зять скрылъ отъ нея это обстоятельство, чтобы заманить ее къ себѣ въ Африку. При этомъ открытіи, Жермини, утративъ свою иллюзію, сразу вылечилась отъ желанія уѣхать.

VI.

Въ это самое время небольшая молочная, помѣщавшаяся въ концѣ ихъ улицы, и дѣла которой шли очень плохо, перемѣнила владѣльца, вслѣдствіе аукціонной продажи. Лавку заново отдѣляли. Особа, принявшая ее въ свое владѣніе, была женщина лѣтъ пятидесяти, очень толстая, но сохранившая еще кое-какіе остатки красоты, залитые жиромъ. Въ кварталѣ толковали, что она завела торговлю на деньги стараго господина, у котораго находилась въ услуженіи до самой его смерти, на своей родинѣ, близъ Лангра: оказалось, что она землячка Жермини, хотя и не изъ одной съ нею деревни, но изъ одной мѣстности. Это обстоятельство ихъ сблизило. Толстуха была привѣтливая, ласковая, вкрадчивая женщина. Она говорила всѣмъ: «моя красавица», пи-

щала и разыгрывала ребенка съ лѣнливой вѣлостью толстыхъ людей. Она ненавидѣла грубыя выраженія, краснѣла и конфузилась отъ всякихъ пустяковъ. Она обожала секреты, изъ-всего дѣлала тайну, вѣчно сообщала какия-то таинственныя исторіи и весь вѣкъ шепталась. Жизнь ея проходила въ болтовнѣ и сѣтованіяхъ на судьбу. Она соболѣновала о другихъ, соболѣновала о самой себѣ; жаловалась на свои несчастія и на свой желудокъ. Когда ей случалось объѣсться, она трагически произносила: я умираю. И трудно было представить себѣ что-нибудь патетичнѣе ея разстройства желудка. Она вѣчно хныдала и приходила въ умиленіе: она безъ разбора плакала и отъ того, что побили лошадь, и отъ того, что кто-то умеръ, и отъ того, что молоко сжилось. Она плакала надъ faits divers въ газетахъ, она плакала, глядя на прохожихъ.

Жермини вскорѣ была очарована и растрогана этой верадчивой, болтливой молочницей. Она забирала у ней товаръ и по цѣннымъ часамъ просиживала въ ея лавкѣ. М-ше Жюпильонъ, — такъ звали молочницу, — выдававшая себя за замужнюю женщину и подписывавшаяся: «вдова Жюпильонъ», — имѣла сына. Онъ былъ еще ребенокъ и находился въ училищѣ, завѣдуемомъ духовными. Жермини взяла привычку сопровождать м-ше Жюпильонъ по четвергамъ, когда та навѣщала сына, и мало-помалу, по своей привязчивой натурѣ, полюбила мальчика, баловала его, исполняла всѣ его желанія, давала ему денегъ на его прихоти. Такъ длилось нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ мальчикъ подросталъ. Жермини этого не замѣчала: для нея онъ все еще оставался ребенкомъ. По привычкѣ она нагибалась, чтобы поцѣловать его. Однажды ее приввали въ аббату, руководившему заведеніемъ. Аббатъ объявилъ, что хочетъ исключить Жюпильона. У него были найдены дурныя книги. Жермини, трепеща при мысли о колотункахъ, ожидавшихъ ребенка у матери, стала умолять аббата и наконецъ вымолвила прощеніе виновному. Сойдя въ пріемную залу, она вздумала побранить Жюпильона: но при первомъ нравоучительномъ словѣ, онъ бросилъ ей такой взглядъ и такую улыбку, что она не узнала вчерашняго ребенка. Она опустила глаза и покраснѣла. Послѣ того она не приходила къ нему цѣлыхъ двѣ недѣли.

Въ эпоху, когда молодой Жюпильонъ вышелъ изъ училища, служанка одной содержанки, жившей этажемъ ниже м-ше де-Варандейль, приходила иногда провести вечеръ къ м-ше Жюпильонъ, вмѣстѣ съ Жермини. То была разбитная особа, и вскорѣ повадилась ходить каждый вечеръ. Она заигрывала съ молодымъ Жю-

пильономъ, дразнила его, говорила ему, что онъ хорошенькій, и мальчику льстили комплименты первой женщины, обратившей на него вниманіе. Жермини была страстно ревнива. Ревность лежала въ основѣ ея характера и отравляла всё ея привязанности. Она стала мучительно ревновать Адель,—такъ звали служанку, —къ молодому Жюпильону и старалась разъединить ихъ, мѣшать имъ быть вмѣстѣ, отвлекать ихъ другъ отъ друга; она не спускала съ нихъ глазъ и ни на шагъ не отпускала вдвоємъ. Во всѣхъ прогулкахъ, во всѣхъ parties de plaisir она всегда была третьимъ лицомъ. Ей удалось отвлечь Жюпильона отъ Адели, но любовь, которой она не дала развиться въ немъ къ другой женщинѣ, незамѣтно и всецѣло овладѣла ея собственнымъ сердцемъ. Однако она отвергала ухаживанья молодого человѣка. Она не хотѣла отдаваться ему вполне. Она жила мыслью, что любить, и думала, что этого съ нея достаточно...

Эта счастливая и неудовлетворенная любовь произвела въ физической природѣ Жермини удивительное физиологическое явленіе. Можно было подумать, что страсть, кипѣвшая въ ея жилахъ, обновила и преобразила ея лимфатическій темпераментъ. Удивительное оживленіе овладѣло ею. Нервное возбужденіе, кое-какъ поддерживавшее ее въ былое время, уступило мѣсто здоровой дѣятельности, шумной, подвижной веселости. Бывало, утромъ, ей трудно подняться съ постели, теперь она бодро вскакивала, быстро одѣвалась и весь день бодрость и оживленіе не покидали ее. Ей нужно было бѣгать, двигаться, хлопотать, дѣйствовать, тратить свою энергію. Изъ-за всякаго пустяка она бѣжала внизъ, сломя голову. По первому слову своей госпожи взлетала вихремъ на всё пять этажей. Ей не сидѣлось на мѣстѣ. Она чистила, подметала, мыла, убирала, стирала пыль безъ отдыха и остановки.

— Боже мой!—говорила госпожа, оглушенная ея шумными хлопотами, — какъ ты развозилась, Жермини, вотъ ужъ развозилась!

Однажды, войдя въ кухню, m-lle де-Варандейль увидѣла землю, наложенную въ ящикъ изъ-подъ сигарь.

— Что это такое?—спросила она.

— Это травка... я её посѣяла... такъ, для виду, — отвѣчала Жермини.

— Ты, значить, полюбила теперь траву?.. Недостаетъ, чтобы ты завела себѣ канарейку!

VII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вся жизнь Жермини сосредоточилась на молочной. Услуги m-me де-Варандейль брали у ней немного времени, и все остальное она отдавала молочницѣ. Она записалась въ ея служанки. Убирала лавку, готовила купанье матери, чистила платье и сапоги сыну, счастливая, что дотрогивается до его вещей, готовая цѣловать слѣды его ногъ. Она дѣлала всю работу въ домѣ, и m-me Жюпильонъ милостиво позволяла ей это и величественно отдыхала въ креслахъ, передъ дверью своей лавки. М-me Жюпильонъ всегда встрѣчала Жермини съ радостнымъ лицомъ, съ нѣжностью глядѣла на нее, оказывала ей какъ-бы материнскія ласки и довѣріе. Она какъ будто видѣла въ ней близкаго, родного человѣка, котораго посвящаютъ въ семейные интересы. Когда она говорила о будущемъ, то всегда упоминала имя Жермини, какъ особы, съ которой она не должна больше разставаться, которая была членомъ семьи. Не произнеся ни единого слова, которое могло бы считаться обязательствомъ, она поощряла надежды и иллюзіи Жермини всѣмъ своимъ видомъ и образомъ дѣйствія, и относилась къ ней, какъ къ будущей невѣсткѣ. Лживой и хитрой женщиной удалось побѣдить этимъ молчаливымъ общаніемъ брака послѣднее сопротивленіе Жермини, которая повѣрила, что Жюпильонъ будетъ ея мужемъ...

Вся эта игра велась молочной лишь потому, что ей хотѣлось привязать и сохранить служанку, которая ей ни копейки не стоила...

Любовь для молодого Жюпильона была ничѣмъ инымъ, какъ удовлетвореніемъ порочнаго любопытства, ищущаго въ обладаніи женщиной права и удовольствія ее презирать. Этотъ юноша, едва вышедшій изъ дѣтства, вносилъ въ первую свою связь, вмѣсто всякаго пыла и жара, холодные инстинкты разврата, пробуждаемаго въ дѣтяхъ чтеніемъ дурныхъ книгъ и болтовней товарищей. Все то, чѣмъ молодой человѣкъ окружаетъ любящую женщину, все то, чѣмъ онъ ее освящаетъ: ласки, нѣжныя слова, сердечная теплота — все это не существовало для Жюпильона. Женщина была для него только непристойной забавой, а женская страсть чѣмъ-то запрещеннымъ, незаконнымъ, грубымъ, циничнымъ и забавнымъ, — отличнымъ сюжетомъ для плоской ироніи.

Иронія, — низкая, подлая, злая иронія черни, — вотъ въ чемъ заключалась вся сущность характера Жюпильона. Онъ воплощалъ

собою типъ парижанина, пропитаннаго зубоскальствомъ и скептицизмомъ своего родного города. Улыбка, типичная для парижской фizioномiи и выражающая умъ и лукавство, была у него насмѣшлива и дерзка. Ротъ у Жюпильона былъ злой, почти жестокій, съ приподнятыми углами губъ, нервно передергивавшихся. На его блѣдномъ лицѣ, въ его мелкихъ, опредѣленныхъ, нахальныхъ чертахъ, высказывалась смѣсь удалства, энергiи, беззаботности, ума, безстыдства, смягчавшіяся по временамъ какою-то конячьей ласковостью. Ремесло перчаточника, привычка работать за стеклами, быть на виду у прохожихъ, придавали всей его особѣ апломбъ и развязность человѣка, привычнаго рисоваться. Въ мастерской, выходящей на улицу, въ бѣлой рубашкѣ съ маленькимъ чернымъ галстукомъ à la Colin, панталонами въ обтяжку, онъ щеголялъ заливчатскими манерами, претензіями и ухарскимъ шикомъ рабочаго, на котораго заглядываются женщины. Прорѣзь посреди головы, отложные воротнички рубашки, отрывавшіе всю шею, кокетливыя ужимки, безбородое лицо, черты безъ пыла и безъ страсти, придавали его фizioномiи сходство съ злымъ неприятнымъ женскимъ лицомъ. Но для Жермини всѣ мины и ужимки Жюпильона казались верхомъ невъщества.

Такимъ образомъ, неспособный любить, неспособный даже чувственно привязаться къ женщинѣ, Жюпильонъ вскорѣ началъ тяготиться обожаніемъ Жермини. Она надоѣла ему хуже горькой рѣдьки. Онъ находилъ ея униженную любовь смѣшной, а преданность—комической. Ему прискучила и ея особа, и ея любовь, и онъ не замедлилъ бросить ее безъ жалости, безъ состраданія. Онъ началъ бѣгать отъ нея. Не приходилъ на свиданія; отговаривался недосугомъ, спѣшной работой. Вечеромъ она ждала его, онъ не являлся; она думала, что онъ занятъ: онъ игралъ на билліардѣ въ какой-нибудь дрянной харчевнѣ или плясалъ на балу, за заставой...

VIII.

Былъ балъ въ *Boule-Noire*, въ одинъ изъ четверговъ. Танцевали.

Зала носила современный характеръ мѣста для увеселенія народа. Она сіяла поддѣльнымъ блескомъ и нищенской роскошью. Въ ней танцевали разныя женщины, одѣтыя въ темныя шерстяныя, смятыя, полинялыя платья, женщины въ черныхъ толсовыхъ чепцахъ, въ черныхъ пальто, женщины въ дофточкахъ, протертыхъ на швахъ. Ни бѣлаго воротничка, ни уголка свѣтлой юбки

не мелькало среди этихъ женщинъ, мрачныхъ съ головы до пятъ и одѣтыхъ въ цвѣта нищеты. Это отсутствіе бѣлыя придавало какой-то траурный характеръ балу; оно сообщало что-то печальное и гравное, стертое, землистое всѣмъ этимъ лицамъ; напоминало о госпиталѣ и Mont de Piété.

Старуха съ непокрытой головой, съ проборомъ на боку, проходила мимо столиковъ съ корзинкой, наполненной пряниками и красными яблоками.

Мужчины были въ пальто, въ фуражкахъ, сдвинутыхъ на затылокъ, въ развязанныхъ кашне, концы которыхъ болтались за спиной. Они приглашали женщинъ, дергая ихъ за ленты чепцовъ, развѣвавшихся по воздуху. Все прыгало и болтало ногами.

Сюда вошла Жермини и окинула взглядомъ залу, гдѣ мужчины провожали своихъ дамъ на мѣста, отбѣвенныя фуражками: ее обманули; ея здѣсь не было. Однако она стала дожидаться. Она усѣлась на скамейкѣ, стараясь подавить свое смущеніе. По бѣлымъ чепцамъ сосѣдокъ, она заключила, что онѣ такія же служанки, какъ и она сама. Но вскорѣ она возбудила недружелюбное вниманіе. Ея шляпка,—всего съ десятокъ женщинъ на балѣ были въ шляпкахъ,—ея вышитая бѣлая юбка, кончикъ которой видѣлся изъ-подъ платья, золотая брошка, которою была заколота ея шаль, сдѣлали ее предметомъ злораднаго любопытства. На нее косились и поглядывали съ насмѣшкой. Всѣ эти женщины какъ-будто спрашивали: откуда взялась эта женщина, и рѣшались, что она пришла отбивать чужихъ любовниковъ.

Она перемѣнила мѣсто, но тѣ же улыбки, тѣ же перешептыванія и злобные взгляды встрѣтили ее и тутъ. Она дошла до конца залы: глаза всѣхъ женщинъ сопровождали ее; она чувствовала, что ее злобно и завистливо осматриваютъ съ головы до ногъ. Она вся раскраснѣлась. Минутами она боялась, что расплывется. Она хотѣла уйти, но у нея не доставало духу перейти одной черезъ всю залу.

Она машинально уставилась на одну старуху, медленно обходящую залу нешумными шагами, напоминая ночную птицу, ищущую добычи. Черная шляпа, цвѣта жженой бумаги, обрамляла ея сѣдые волосы. На ея мужскихъ, широкихъ, здоровенныхъ плечахъ болталась клѣтчатая шаль. Дойдя до двери, она въ послѣдній разъ оглянулась на залу и обвела ее взглядомъ вершума, нищущаго мяса и не находящаго его.

Вдругъ раздался крикъ: полицейскій вышвырнулъ за дверь маленькаго человѣчка, силывшагося укусить его за руку и цѣплявшагося за столы...

Жермини, повернувъ голову, увидѣла Жюпильона: онъ сидѣлъ въ амбразурѣ окна за зеленымъ столикомъ, въ обществѣ двухъ женщинъ, и курилъ. Одна изъ нихъ была высокая блондинка, съ волосами цвѣта пакли, рѣдкими и завитыми, съ плоской и глупой рожей и круглыми глазами. Красная фланелевая рубашка морщилась у ней на спинѣ и она подкидывала обѣими руками карманы своего чернаго передника, надѣтаго на коричневую юбку. Другая — маленькая, черненькая, съ лицомъ, краснымъ отъ усерднаго мытья мыломъ, укуталась съ кокетливостью рыночной торговки въ бѣлый вязаный капоръ съ голубой оторочкой.

Жюпильонъ узналъ Жермини. Когда онъ увидѣлъ, что она встаетъ и подходитъ къ нему, не спуская съ него глазъ, онъ наклонился къ женщинѣ въ капорѣ и, принявъ наглуую пову, опершись локтями на столъ, дожидался.

— Вотъ и ты! — проговорилъ онъ, когда Жермини остановилась передъ нимъ, безмолвная и неподвижная. — Скажите, сюрпризъ какой!.. Гарсонъ, еще вина!

Онъ долилъ виномъ стаканы обѣихъ женщинъ.

— Ну же, ну, — продолжалъ онъ: — не кобенься... Подсаживайся къ намъ.

Но Жермини не шевелилась.

— Не церемонься! Эти дамы пріятельницы моихъ друзей... Спроси у нихъ!

— Мелія, — сказала блондинкѣ женщина въ капорѣ своимъ сквернымъ голосомъ: — развѣ ты не видишь? Это мать ш-г Жюпильона! Посторонись, дай ей мѣсто, такъ какъ она хочетъ выпить съ нами...

Жермини бросила на женщину убійственный взглядъ.

— Эге! — начала опять женщина, — вамъ это не по вкусу, сударыня? Извините, надо было предупредить... Сколько глѣзъ она себѣ насчитываетъ, Мелія, какъ ты думаешь? Чортъ побери! нечего сказать, ты не гонишься за молодостью, Жюпильонъ...

Жюпильонъ ухмылялся про себя. Вся его особа выражала подлую радость, какую находятъ злые люди въ страданіи лицъ, вмѣющихъ несчастіе ихъ любить.

— Мнѣ надо переговорить съ тобой... съ тобой однимъ... не здѣсь... въ другомъ мѣстѣ, — проговорила Жермини.

— Очень пріятно! Идемъ, Мелія, что ли? — замѣтила женщина въ капорѣ, зажигая окурокъ сигары, забытой Жюпильономъ на столѣ.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ Жюпильонъ, невольно тронутый тономъ Жермини.

— Пойдемъ.

И она пошла впереди его. Вокругъ нея толпились, толкались, смѣялись. Она слышала голоса, фразы, шиканье.

Жюпильонъ общалъ Жермини не посѣщать баловъ. Но за молодымъ человѣкомъ уже установилась слава танцора. Чтобы поглядѣть на него, публика вставала съ мѣстъ, на него устремлены были глаза цѣлой залы, когда онъ забрасывалъ ноги выше головы, его угощали танцовщицы на свой счетъ, лишь бы онъ согласился протанцовать съ ними кадрилъ. Балъ былъ для него не только баломъ, но ареной, театромъ, публикой, популярностью, громомъ рукоплесканій, лестными оваціями, славой ванканы.

Жермини убѣдилась, что не можетъ удержать его, и сама рѣшилась слѣдовать за нимъ. Сидя на скамейкѣ въ глубинѣ залы, она не спускала съ него глазъ все время, какъ онъ танцевалъ. Скоро всѣ узнали ее и показывали на нее пальцами; но ни насмѣшки, ни оскорбленія, ни прозвище: «старуха», которое безпрестанно бросали ей въ лицо молодыя негодяйки, не останавливали ее и она просиживала у позорнаго столба часа три-четыре къ ряду. Она пробовала даже сама учиться танцевать, но первый дебютъ ея былъ такъ неудаченъ, возбудилъ такія жестокія насмѣшки, что у ней не хватило духа продолжать.

Вскорѣ вся улица, гдѣ она жила, узнала, что Жермини посѣщаетъ балы за заставой. Тогда всѣ въ кварталѣ перестали сомнѣваться въ ея отношеніяхъ къ Жюпильону, — отношеніяхъ, которыя до тѣхъ поръ еще отрицались нѣкоторыми добрыми душами. Скандаль былъ полный, и въ одну недѣлю бѣдная дѣвушка, имя которой стало добычей самыхъ черныхъ сплетенъ, упала съ высоты пьедестала, куда ее возвело всеобщее уваженіе, въ грязь, гдѣ ее ждало нескрываемое презрѣніе.

До той поры ея гордость, — а она была велика, — утѣшалась всеобщимъ уваженіемъ, — тѣмъ почтеніемъ, какимъ окружаютъ въ кварталѣ лоретовъ служанку, честно служащую честной женщиной. Ее приучили къ вѣжливости, вниманію. Она стояла выше своихъ товарокъ. Ея неподкупная честность, безуворизненное поведеніе, довѣріе, какимъ она пользовалась у своей госпожи — все это дѣлало то, что торговцы иначе обращались съ ней, чѣмъ съ ея товарками. Съ ней говорили, снявъ фуражку; ее всегда величали: mademoiselle Жермини, спѣшили отпустить ее прежде другихъ, пододвигали ей стулъ, когда ей приходилось ждать. Даже когда она торговалась, съ ней оставались вѣжливы, не обзывали

ее «жилой». Скромныя шуточки умолкали въ ея присутствіи. Ее приглашали на семейные праздники, совѣтовались съ ней о домашнихъ дѣлахъ.

Все перемѣнилось, когда отношенія ея къ Жюльиону и сообщенія баловъ *Boule-Noire* стали извѣстны. Кварталь выменялъ на ней свое прошлое уваженіе. Самыя бесстыдныя женщины стали третировать ее, какъ равную.

Одна, у которой любовникъ содержался въ Мазасѣ, сказалъ ей: «*ma chère*». Мужчины начали фамиллярно разговаривать съ ней. Взглядъ, тонъ, жесты ихъ были нестерпимо дерзки. Сами дѣти, прежде вѣжливо раскланивавшіеся съ ней, стали убѣгать отъ нея, какъ отъ прокаженной. Она не могла ступить шагу, чтобы ей не бросили ея позора прямо въ лицо.

Такое паденіе было тяжко. Она страдала такъ, какъ еслибы у ней вырвали куски мяса, одинъ за другимъ. Но тѣмъ больше она страдала, тѣмъ сильнѣе цѣплялась за свою любовь. Она не укоряла Жюльиона и не жаловалась. Она обливала свою любовь слезами поруганной гордости, и смущенная и забытая, съ поникшей головой, урядвой шмыгала по той самой улицѣ, по которой, бывало, расхаживала, гордо закинувъ голову.

IX.

Жюльионъ безпрестанно жаловался на то, что долженъ работать на другихъ, что у него нѣтъ «своего заведенія», что мать не можетъ дать полутора-двухъ тысячъ франковъ, необходимыхъ для этого. И мечталъ о томъ, какъ бы выгодно было вести свой перчаточный магазинъ, какъ бы онъ сталъ продавать съ немъ благовонные товары и галстуки, и затѣмъ, когда дѣла пойдутъ шибко, переселился бы въ улицу Ришелье.

Въ одно прекрасное утро, Жермини, гуляя съ нимъ, привела его въ улицу Фонтенъ-Сенъ-Жоржъ и остановила передъ двумя окнами нижняго этажа, говоря:

— Погляди!

Она дрожала отъ радости.

Жюльионъ поглядѣлъ: онъ увидѣлъ между двумя окнами доску съ мѣдными буквами, гласившими:

Перчаточный магазинъ Жюльиона.

— Ключъ твой у привратника, — сказала Жермини.

Они вошли въ магазинъ и она стала показывать ему все

обзаведеніе. Отъ радости у ней кружилась голова и она опустилась на стулъ. Жюпильонъ нагнулся, чтобы ее поцѣловать.

— Ахъ! да!—ихъ нѣтъ больше,—проговорила она, вида, что онъ ищетъ взглядомъ ея серегъ.—И кольца туда же ушли, — продолжала она, показывая свои руки...

И когда Жюпильонъ стоялъ передъ ней съ смущеннымъ видомъ челоуѣка, прибирающаго слова для выраженія своей благодарности, она заговорила:

— Какой ты смѣшной... Что это съ тобой сдѣлалось?.. Съ какой стати ты меня благодаришь... Вѣдь я люблю тебя... Ну, значить и толковать нечего.

Жермини произнесла это такъ просто, какъ говорятъ люди, когда сердце подсказываетъ имъ великія вещи.

Она почувствовала себя беременной. Сначала она сомнѣвалась, не смѣла вѣрить. Затѣмъ, когда убѣдилась въ этомъ, то невыразимая радость овладѣла всѣмъ ея существомъ. Счастіе ея было такъ велико, что сразу заглушило тревогу, опасенія, мучительныя мысли, преслѣдующія беременныхъ женщинъ, когда онѣ не обвиняемы, и отравляющихъ имъ радости ожидаемаго материнства. Мысль о скандалѣ, мысль объ обнаруженіи ея вины передъ лицомъ цѣлаго міра, эта ужасная мысль, которая всегда влечетъ за собой мысль о самоубійствѣ; позоръ, стыдъ быть изобличенной передъ своей госпожей, быть прогнанной ею,—ничто не могло поколебать ея благополучія. Ей казалось, что она уже держитъ своего ребенка на рукахъ, и она почти не скрывалась, чуть ли не съ гордостью выставяла на показъ цѣлой улицы свой женскій позоръ, окруженная гордымъ сіяніемъ своего будущаго материнства.

Она горевала только о томъ, что истратила на обзаведеніе Жюпильона всѣ свои сбереженія и ей не на что припасти своему ребенку таковаго приданаго, каковаго ей хотѣлось бы. Другая тревожная мысль мучила ее также порою. Какъ приметъ отецъ своего ребенка? Нѣсколько разъ хотѣла она ему сказать объ этомъ и все не рѣшалась. Наконецъ, однажды, замѣтя у него такое выраженіе лица, каковаго она давно дожидалась, выраженіе, въ которомъ какъ будто свѣтилось что-то въ родѣ нѣжности, она, краснѣя и какъ-бы прося прощенія, призналась ему въ томъ, что дѣлало ее таковой счастливой.

— Вотъ фантазія!—сказалъ Жюпильонъ.

Затѣмъ, когда она увѣрила его, что это не фантазія и что она беременна уже пять мѣсяцевъ:

— Вотъ одолжила!—проговорилъ молодой челоуѣкъ. — Спа-

собо! — и онъ выругался. — Скажи-ка ты мнѣ на милость, кто будетъ припасать кормъ для этого воробья?

— О! будь спокоенъ!.. ребенокъ не будетъ терпѣть ни въ чемъ недостатка. Это мое дѣло... Не бойся, никто ничего не узнаетъ... Ужъ я устрою... Вотъ, погляди!—въ послѣднее время я буду ходить вотъ этакъ, откинувъ голову назадъ... Я не буду надѣвать юбокъ... буду стягиваться, ты увидишь!.. Никто ничего не замѣтитъ,—говорю тебѣ... Подумай только, у насъ будетъ маленькій ребенокъ, нашъ собственный!

— Ну, да, ужъ дѣло сдѣлано, такъ его не передѣлаешь, — замѣтилъ молодой человекъ.

— Послушай,—робко проговорила Жермини,—еслибы ты сказала объ этомъ своей матери?..

— Мамашъ?.. Ну, нѣтъ, спасибо!.. Сначала роди, а ужъ потомъ мы принесемъ пискуна въ ней... Это ее поразитъ и, быть можетъ, она намъ дастъ свое согласіе...

...M-lle де-Варандейль давала обѣдъ дѣтямъ своихъ знакомыхъ, какъ она это дѣлала ежегодно въ Крещеніе, когда Жермини почувствовала приближеніе родовыхъ болей. Она прислуживала за столомъ, но едва держалась на ногахъ. M-lle де-Варандейль, замѣтя это, отослала ее спать. Жермини бросилась къ Адели.

— Пришло время,—сказала она ей,—скорѣ найми фіакръ... Ты говорила вѣдь, что твоя бабка живетъ въ улицѣ Гюшеть,—неправда ли? У тебя есть перья, бумага?

И написала записку своей госпожѣ. Она сообщала ей, что чувствуетъ себя очень нездоровой и отправляется въ больницу, но не называетъ ее, потому что не желаетъ, чтобы мадамъ уазель трудилась ее навѣщать; что черезъ недѣлю она вернется.

Спускаясь съ лѣстницы, она встрѣтила Жюпильона, который попросилъ у ней въ займы сорокъ франковъ.

— Сорокъ франковъ!—да у меня какъ разъ столько денегъ, чтобы заплатить акушерѣ...

— Какая досада... Ну, что-жъ дѣлать?

Онъ помогъ ей сойти съ лѣстницы.

— Экая, право, досада! гдѣ бы мнѣ достать денегъ?

Онъ отворилъ дверцу фіакра:

— Куда велѣтъ отвезти тебя?

— Въ пріемный покой для бѣдныхъ...,—отвѣчала Жермини.

И сунула ему въ руку сорокъ франковъ.

— Не надо,—проговорилъ Жюпильонъ.

— И, полно... тамъ или въ другомъ мѣстѣ—не все ли равно...
Фіаэръ уѣхалъ. Жюпильонъ простоялъ съ минутою на тротуарѣ неподвижно, затѣмъ пустился догонять фіаэръ и, остановивъ его, сказалъ Жермини:

— По крайней мѣрѣ, дай я провожу тебя.

— Нѣтъ, я слишкомъ страдаю... мнѣ лучше быть одной, — отвѣчала Жермини, корчась на подушкахъ фіаэра...

Жермини родила дѣвочку. Радость и гордость, что она произвела на свѣтъ маленькое созданіе, плоть отъ плоти любимаго чловѣка, блаженство быть матерью, спасли ея отъ послѣдствій плохого ухода послѣ родовъ. Она поправилась, и ея госпожа дивилась ея счастливому виду. Каждое воскресенье, какая бы ни была погода, она уходила изъ дому въ одиннадцать часовъ. М-ле де-Варандейль думала, что она ѣздитъ въ пріятельницѣ за городъ и была довольна тѣмъ благопріятнымъ результатомъ, какой оказывали эти поѣздки на здоровье и расположеніе духа Жермини. А Жермини, въ сопровожденіи Жюпильона, который не особенно упирался, отправлялась въ ту деревню, куда былъ отданъ на воспитаніе ребенокъ, и гдѣ ихъ ждалъ хорошій завтракъ, заказанный матерью...

Но ребенокъ вскорѣ умеръ и горе, овладѣвшее Жермини, было невыразимо. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ она оставалась нечувствительна ко всему окружающему. Въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ ея всецѣло поглощала мысль о маленькомъ существѣ, котораго не стало. Каждый вечеръ, приходя въ свою комнату, она вынимала изъ чемодана, стоявшаго у ея кровати, чепчикъ и кофточку своей бѣдной крошки. Она глядѣла на нихъ, переворачивала, расправляла, цѣлыми часами цѣловала ихъ, обливала горькими слезами.

Оплакивая дочь, несчастная оплакивала самой себя. Внутренній голосъ говорилъ ей, что еслибы ребенокъ былъ живъ, она была бы спасена, что любовь къ этому ребенку была ея Providѣніемъ; что все, что пугало ее въ ней самой: ея потребность любви, пылкость темперамента, то пламя, которое пожирало ее, найдутъ себѣ исходъ въ материнской любви. Ей заранѣе казалось, что сердце матери угомонитъ и очиститъ въ ней сердце женщины. Въ своей дочери она видѣла маленькаго ангела, который долженъ отвлечь и спасти ее отъ дурныхъ вліяній, преслѣдовавшихъ ее и которымъ она боялась подпасть.

Когда она стала выходить изъ перваго оцѣпенѣнія горести, ее ждало новое и болѣе жгучее страданіе. М-ше Жюпильонъ выписала себѣ изъ своей деревни въ помощь племянницу, молодень-

кую пятнадцатилѣтнюю дѣвочку; та сразу влюбилась въ своего кузена, которому очень нравилось наивное обожаніе кузины. Съ появленіемъ этой дѣвочки Жермини утратила остальной покой. Ревность мучила и терзала ее ежесекундно. Всякій разъ, какъ она оставалась наединѣ съ Жюпильономъ, она осыпала его упреками, жалобами. Она напоминала ему какое-нибудь обстоятельство, слово, мелочь, что-нибудь сказанное или сдѣланное имъ, мелочь, позабытую имъ, но отъ которой изнывало ее сердце.

— Ты съ ума сошла, — говорилъ Жюпильонъ, — вѣдь она дѣвочка!..

— Хороша дѣвочка, полно?.. у ней такіе глаза, что всѣ мужчины заглядываются на нее на улицѣ!.. Намедни я шла съ нею... просто не знала куда мнѣ дѣваться... Ужъ Богъ ее знаетъ, какъ она это сдѣлала, но только отъ насъ все время не отставалъ одинъ господинъ...

— Ну, вотъ удивительное дѣло! она хорошенькая!

— Хорошенькая! хорошенькая! — и при этомъ словѣ Жермини набрасывалась на лицо молодой дѣвушки и раздирала его бѣшенными словами.

Часто она говорила Жюпильону:

— Слушай! ты ее любишь!

— Ну такъ чтожь? — спрашивалъ Жюпильонъ, которому были пріятны эти ссоры, это раздраженіе женщины, которую онъ дразнилъ своими насмѣшками и которая, — онъ это видѣлъ, — отъ его хладнокровія и сарказмовъ начинала терять голову и находилась на одномъ волоскѣ отъ безумія.

Вслѣдствіе этихъ сценъ, повторявшихся почти ежедневно, переворотъ совершался въ крайне подвижномъ и не знавшемъ ни въ чемъ мѣры характерѣ Жермини. Медленная отравка разлагала любовь и превращала ее въ ненависть. Жермини начинала ненавидѣть своего любовника и перебирала всѣ мотивы къ ненависти. Она возвращалась мыслью къ своей дочери, къ потерѣ своего ребенка, къ причинѣ его смерти, и убѣждала себя, что онъ убилъ его. Онъ начиналъ казаться ей убійцей. Она прониклась къ нему ужасомъ и отвращеніемъ, бѣгала отъ него, какъ отъ чумы, заразившей всю ее жизнь; онъ внушалъ ей ужасъ, какъ существо, въ которомъ воплощалось ее несчастье!

X.

Однажды утромъ, послѣ безсонной ночи, въ которой она перебирала въ умѣ мучившія ее идеи о несчастіи и ненависти, Жермини, войдя въ молочную за молокомъ, увидѣла въ задней комнатѣ двухъ или трехъ кухарокъ, сидѣвшихъ за столомъ и «морившихъ червячка». Онѣ наслаждались сплетнями и водкой.

— Вотъ и ты, m-lle де-Варандейль, — произнесла Адель, стуча рюмкой по столу.

— Что ты пьешь?—спросила Жермини, беря рюмку Адели.
— И я выпью...

— Вотъ какъ? У тебя сегодня такая жажда?.. Это вѣдь водка и абсентъ!.. какъ ее пить мой пріятель... тотъ, военный, знаешь... онъ ничего другого не пьетъ... Вкусно вѣдь, правда?

— Ахъ! да,—отвѣчала Жермини, обливая губы и моргая глазами, точно ребенокъ, которому дали рюмку ливера за десертомъ.

— Да, вкусно!..—Вино бросилось ей въ голову.—М-me Жюпильонъ... пожалуйста-ка сюда бутылочку... я угощаю...

Въ это утро m-lle де-Варандейль ѣздила получать проценты съ своего небольшого капитала. Вернувшись въ одиннадцать часовъ, она позвонила разъ, два: никто не шелъ.

— Ахъ! — сказала она самой себѣ, — они вѣрно внизу. И, отворивъ дверь своимъ ключомъ, прошла въ свою комнату: тюфяки и простыни съ ея постели были брошены на два стула, какъ будто постель ея только-что начали прибирать, а Жермини лежала поперекъ соломеннаго матраца и спала, какъ убитая.

Заслышавъ шаги, Жермини вскочила и провела рукой по глазамъ.

— Что? — произнесла она, точно ее кто звалъ; взглядъ ея блуждалъ.

— Что съ тобой?—спросила m-lle де-Варандейль, испуганная.—Ты упала? Ты нездорова?

— Я... нѣтъ,—отвѣчала Жермини, — я заснула... Который часъ? Со мной ничего... Ахъ! какъ это глупо!..

И она принялась взбивать тюфяки, повернувшись спиной къ поспожью, чтобы скрыть слѣды опьянѣнія на своемъ лицѣ.

Нѣсколько времени спустя m-me Жюпильонъ нашла, что она вытянула достаточно соку изъ Жермини, что водиться съ ней не было больше никакого расчета, и посоветовала сыну окончательно порвать съ нею. Вызвавъ Жермини притворной нѣжностью

на объясненія, она пришла въ притворный ужасъ отъ ея признаній, привинулась оскорбленной невинностью и упрекала Жермини въ томъ, что она развратила ея сына. Оскорбленная Жермини ушла отъ нея съ мыслью, что нога ея не переступитъ больше ея порога...

...Въ эту зиму м-лле де-Варандейль заслужила мѣсто въ рай. На ней вымещала ея служанка всѣ свои огорченія, разстройство нервовъ, болѣзненную раздражительность. У Жермини были вѣчно заплаканные глаза. Она вѣчно отвѣчала: — «со мной ничего не случилось, сударыня», глухимъ голосомъ, говорившимъ, что она серживаетъ что-то. Она принимала безмолвныя и безутѣшныя позы, ходила съ похороннымъ лицомъ. При жалѣйшемъ словѣ огрызалась. М-лле де-Варандейль не могла ей сдѣлать замѣчанія, ни о чемъ спросить, не могла выражать никакого желанія: она все принимала за упрекъ...

Старше люди терпѣливы съ старой прислугой. Привычка, ослабѣвающая воля, отвращеніе къ перемѣнѣ, боязнь новизны лицъ — все располагаетъ къ снисходительности, къ уступкамъ. Несмотря на свою живость, на способность вспылить и говорить рѣзкости, м-лле де-Варандейль ничего не говорила. Она глядѣла на все сквозь пальцы. Дѣлала видъ, что читаетъ, когда Жермини входила въ комнату. Она ждала, съѣжившись въ креслѣ, чтобы прошло дурное расположеніе духа ея служанки. Она гнула спину подъ грозою и ни одно горькое слово, ни одна горькая мысль не зараждалась въ ней противъ служанки. Она только жалѣла ее, видя, какъ та страдаетъ...

Наступила весна. Въ одинъ мартовскій вечеръ мать и сынъ Жюпильоны бесѣдовали у камина.

Жюпильону выпалъ жребій идти въ солдаты. Деньги, которыя его мать отложила на наемъ охотника, были растратены благодаря неудачнымъ спекуляціямъ, розданы въ заемъ лореткамъ, которыя обанкрутились и не заплатили ни копейки... Мать ломала голову, гдѣ бы добыть денегъ. Сынъ напомнилъ о Жермини.

— Ахъ, Боже мой... что ты это говоришь! Послѣ той сцены, какою я ее угостила... о, нѣтъ! она не вернется.

— Ну вотъ! я тебѣ ее приведу... и не позже какъ сегодня вечеромъ, — сказалъ Жюпильонъ, вставая и свертывая папиросу въ рунахъ: — и знаешь, — продолжалъ онъ, — не извиняйся... это бесполезно... Будь даже холодна съ ней... Сдѣлай видъ, что принимаешь ее по слабости, ради меня... Невзвѣстно, что можетъ случиться. Надо держать ухо востро.

XI.

Жюпильонъ расхаживалъ взадъ и впередъ по тротуару передъ домою Жермини, когда та вышла изъ него.

— Здравствуй, Жермини, — произнесъ онъ за ея спиной.

Она повернулась, точно ее это ударилъ, и инстинктивно побѣжала отъ него прочь.

— Жермини!

Жюпильонъ сказалъ только это слово, не трогаясь съ мѣста, не идя за ней. Она вернулась къ нему точно звѣрь, котораго тапчуть на арканѣ.

— Чтѣ еще? — спросила она. — Тебѣ вѣрно опять нужны деньги, или матери твоей захотѣлось наговорить мнѣ новыхъ дерзостей?

— Нѣтъ, но я уйду, — отвѣчалъ Жюпильонъ съ серьезнымъ лицомъ. — Мнѣ выпалъ жребій идти въ солдаты... и я уйду.

— Ты уходишь? — повторила она, какъ будто не понимая того, чтѣ онъ говорить.

— Слушай, Жермини, — продолжалъ Жюпильонъ... — Я тебя огорчалъ... Я виноватъ передъ тобой... Я это знаю... Тутъ вишневата и моя кухня... Ну, что-жъ дѣлать?

— Ты уходишь? — повторила Жермини, беря его подъ руку. — Не лги... ты уходишь?

— Ну, да же, да, говорятъ тебѣ... Я жду только маршрута... Этотъ годъ охотники просятъ больше двухъ тысячъ франковъ... Говорятъ, будетъ война: ну, что-жъ, это шансъ на повышение...

И, говоря это, онъ уводилъ ее съ собою.

— Куда ты ведешь меня? — спросила она.

— Къ мамашѣ; хочу, чтобы вы помирились.

— Послѣ того, чтѣ она мнѣ наговорила? Никогда!

И Жермини оттолкнула руку Жюпильона.

— Если такъ, то прощай...

И Жюпильонъ приподнял фуражку.

— Прикажешь написать тебѣ изъ полка?

Жермини молчала и колебалась съ минуту. Потомъ рѣзко проговорила:

— Пойдемъ, — и сдѣлала знакъ Жюпильону идти рядомъ...

Примиреніе совершилось, но Жермини дѣлаю недѣлю послѣ того не показывалась въ молочной.

Жюпильоны, не вида ея, уже начали отчаяваться.

Наконецъ, однажды вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ, она

отворила дверь, вошла не поздоровавшись, подошла къ маленькому столику, за которымъ сидѣли, полудремя, мать и сынъ, и положила на столъ какой-то узелокъ.

— Вотъ,—проговорила она.

И, выпустивъ уголки узелка, высыпала то, что въ немъ находилось: на столъ посыпались засаленныя ассигнаціи, подклеенныя на оборотѣ, сколотыя булавами, старыя позеленѣвшіе гундоры, монеты въ сорокъ су, монеты въ десять су, деньги бѣдняковъ, трудовыя деньги, деньги, засаленныя немытыми руками, деньги, слежавшіяся въ копилкахъ, деньги, отъ которыхъ пахло потомъ. Съ минуту она глядѣла на нихъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы убѣдиться, что онѣ всё тутъ,—потомъ сказала печальнымъ и кроткимъ голосомъ м-ше Жюпильонъ:

— Вотъ вамъ... тутъ двѣ тысячи триста франковъ... на наемъ ему охотника...

— Ахъ! моя добрая Жермини!—проговорила толстуха, задыхаясь отъ волненія. И бросившись на шею Жермини, принялась ее цѣловать.—Охъ! напейтесь съ нами хоть кофе...

— Нѣтъ, очень благодарна,—отвѣчала Жермини,—я съ ногъ сбилась. Вѣрите, я не мало за ними набѣгалась... Пойду лягу спать.... въ другой разъ...

И вышла.

Она «набѣгалась», какъ говорила, прежде чѣмъ собрала эту сумму, осуществила эту невозможную вещь — найти двѣ тысячи триста франковъ! Она вымолила, выпросила, выклянчила ихъ, чуть не по копейкамъ. Она сбила, сколотила ихъ, занимая, гдѣ двѣсти, гдѣ сто франковъ, гдѣ пятьдесятъ, гдѣ двадцать. Она заняла у привратника, у бакалейщика, у овощной торговли, у птичника, у прачки. Униженія, отказы, нищенскія просьбы — она все вытерпѣла, и добилась своего. Да! она сколотила эти деньги, но за то деньги эти держали ее въ кабалѣ отнынѣ и на всю жизнь. Она стала рабой своихъ обязательствъ къ этимъ людямъ, рабой услуги, оказанной ей поставщиками м-ле де-Варандейль, которые знали, что дѣлали. Она стала рабой своего долга. И она это знала, знала, что жалованья ея хватить лишь на уплату процентовъ. Она знала, что останется въ вѣчномъ, неотплатномъ долгу, что отнынѣ ее ожидаютъ лишенія, нужда, что ей придется отказывать себѣ во всемъ, въ туалетѣ, во всякой бездѣлицѣ. На Жюпильонъ она такъ же мало надѣялась, какъ и на свое будущее. Она предчувствовала, что деньги ея пропадутъ за ними. Она даже не рассчитывала, что жертва ея тронетъ молодого человѣка. Она повиновалась первому движенію. Слажи ей, что она

должна умереть, чтобы онъ не ушелъ въ солдаты, и она умерла бы. Мысль, что онъ будетъ военнымъ, мысль о полѣ битвы, о пушкахъ, раненыхъ, заставила ее принести въ жертву этому человѣку больше, чѣмъ жизнь: она запрдала себя въ вѣчное рабство и нищету!

ХІІ.

Обыкновеннымъ слѣдствіемъ перваго разстройства въ организмѣ бываетъ неурядица въ людскихъ радостяхъ и горестяхъ. Душевное равновѣсіе нарушается, и радость, равно какъ и горе, доходятъ до крайнихъ предѣловъ. Кажется, что подъ влияніемъ этой болѣзненной впечатлительности, ощущенія удесатеренныя, извращенныя, переходятъ всякія естественныя границы и вносятъ что-то безконечное какъ въ наслажденія, такъ и въ страданія живого существа. Рѣдкія радости Жермини бывали теперь безумными радостями, радостями, отъ которыхъ она какъ-бы пьянѣла, со всѣми внѣшними признаками опьянѣнія.

— Ну, душа моя,—не могла удержаться порою m-lle де-Варандейль отъ замѣчанія,—подумаешь, что ты пьяна.

— Въ кои-то вѣки развеселишься, а вы сейчасъ обольете холодной водой,—отвѣчала Жермини.

И когда она впадала въ уныніе, когда она поддавалась тревогѣ и отчаянію, то эти послѣднія бывали еще ужаснѣе, еще безумнѣе, чѣмъ ея веселость.

Наступилъ моментъ, когда страшная истина, предугадываемая, но заглушаемая послѣдними иллюзіями, предстала Жермини во всей своей наготѣ. Она видѣла, что не могла привязать Жюпильона, несмотря на всю преданность, на все самоотверженіе, на всѣ жертвы. Она чувствовала, что онъ обманываетъ ее...

Терзаніе такой жизни, при которой она испытывала всѣ муки ада, заставили Жермини искать забвенія въ винѣ, которое она разъ выпила изъ рукъ Адели и которое ей дало цѣлый день забвенія. Съ этого дня она начала пить. Сначала, для того, чтобы напиться, ей необходимо было общество, оживленіе, веселые разговоры, чоканье рюмокъ; но вскорѣ она дошла до того, что стала пить въ одиночку. Она искала въ винѣ не веселья: не оживленія пьянаго состоянія ей надо было, она добивалась мрачнаго блаженства усыпленія, сна безъ памяти и безъ грѣзъ, мертваго сна, ниспадавшаго на нее, какъ ударъ обуха на голову быка, и находила его въ смѣшанныхъ напиткахъ, которые

оглушали ее и опрокидывали лицомъ на клеенку ея кухоннаго стола.

Спать этимъ мертвымъ сномъ, переноситься далеко въ эту ночь, стало для нея какъ-бы приостановкой сознанія и освобожденіемъ отъ жизни, которой у нея не было силъ ни превратить, ни продолжать. Непреодолимое желаніе уничтоженія—вотъ все, что она испытывала при пробужденіи.

Въ послѣднее время она имѣла полную возможность предаваться пьянству. М-ле де-Варандейль, обыкновенно не трогавшаяся съ мѣста, уѣхала на шесть недѣль гостить къ старой пріятельницѣ въ провинцію, и не взяла съ собой Жермини.

....Жермини не была изъ числа тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя поступаютъ дурно съ спокойной совѣстью и никогда не терзаются мыслию о своемъ недостоинствѣ. У нея не было, какъ у Адели, грубой, матеріальной организаціи, неспособной воспринимать что бы то ни было, кромѣ животныхъ ощущеній. Въ ней жила не та совѣсть, что спасается отъ страданія въ отупленіи, и у нея не было той непроходимой глупости, въ которой пресмыкается женщина, наивно виновная. Болѣзненная чувствительность, склонность къ анализу, къ тревогѣ, къ недовольству самой собою, нравственное чувство, просыпавшееся въ ней особенно громко послѣ каждаго проступка—все соединялось, чтобы терзать ее и возбуждать въ ней угрызения совѣсти, совершенно незнакомыя другимъ ея товаркамъ.

Жермини поддавалась страсти, но вслѣдъ за тѣмъ презирала самоѣ себя. Само наслажденіе не могло заставить ее вполне забытья. Передъ ней непрестанно вставалъ образъ m-ле де-Варандейль въ ея строго-нравственномъ и материнскомъ величіи. Вмѣстѣ съ падежіемъ, у Жермини не являлось безстыдства. Униженіе, въ которомъ она купалась, не закаляло ее отъ отвращенія къ самой себѣ. Привычка не приносила съ собою ожесточенія...

Чудомъ въ этой безпорядочной и разбитой жизни, въ этомъ позорномъ и жалкомъ существованіи было то, что оно не выходило наружу. Жермини не выдавала того, что въ ней происходило, не проронила ни словечка, бровью не моргнула, и ея отверженная жизнь оставалась постоянно скрытой отъ ея госпожи.

Случалось порою m-ле де-Варандейль смутно сознавать, что въ жизни ея служанки есть какая-то тайна, что-то загадочное и непонятное. На нее находили минуты сомнѣнія и недовѣрія, инстинктивное безпокойство, смутная тревога, какъ-бы предчувствіе чего-то рокового, которое появлялось и снова пропадало. Минутами ей казалось, что глаза ея служанки говорятъ не то,

что уста. Невольно она запомнила одну фразу, которую Жермини часто повторяла: «не пойманъ—не воръ». Но что особенно взумляло ее, такъ это то, что, несмотря на увеличеніе жалованья, несмотря на безпрестанные подарки, Жермини ничего больше не покупала себѣ по части туалета, что у нея не было больше ни платьевъ, ни бѣлья. Куда дѣвала она свои деньги? Она почти призналась, что вынула изъ сберегательной кассы свои тысячу восемьсотъ франковъ. M-lle де-Варандейль раздумывала обо всемъ этомъ, затѣмъ говорила себѣ, что въ этомъ-то и заключается, должно быть, вся тайна ея служанки, что причиной всему денежныя затрудненія, семейныя обязательства, принятыя ею на себя, быть можетъ новые подарки «ея канальѣ зятю». Она была такъ добра и такъ безпечна! Она не знала цѣны денегамъ! Вотъ и все: m-lle де-Варандейль успокоивалась на этомъ. Да и какимъ образомъ могла она угадать паденіе Жермини и весь ужасъ ея положенія? Среди самыхъ мучительныхъ горестей, среди самаго безумнаго опьянѣнія, несчастная сохраняла силу все скрыть и все утаить въ себѣ. Ея страстная, необузданная натура, съ такою легкостью переходившая въ вяліяніямъ, никогда не обмолвилась фразой или словомъ, которое могло бы навести на слѣдъ. Горе, презрѣніе, огорченія, жертвы, смерть ребенка, измѣна любовника, агонія ея любви — она все таила про себя, глушила въ своемъ сердцѣ. Нервные припадки исторгали у ней только крикъ, одинъ крикъ. Въ молодости она говорила во снѣ: она заставила сны свои быть безмолвными. Такъ какъ по ея дыханію госпожа могла замѣтить, что она пьетъ, она стала ѣсть чеснокъ, чтобы заглушить винный запахъ. Самое опьянѣніе свое она умѣла скрывать и подавлять въ присутствіи своей госпожи.

Такимъ образомъ, она вела двойную жизнь. Въ ней жило какъ-бы двѣ женщины, и благодаря энергіи, ловкости, женской изворотливости, неизмѣнному хладнокровію, никогда не покидавшему ее даже среди виннаго угара, она сумѣла отдѣлать эти два существованія одно отъ другого и не смѣшивать двухъ женщинъ, жившихъ въ ней: оставаться въ обществѣ m-lle де-Варандейль честной и степенной дѣвушкой, какою она была во время брака; покидать оргію, не унося съ собой никакихъ слѣдовъ ея, и, только-что разставшись съ любовникомъ, щеголять даже нѣкоторой чужеродностью старой дѣвы, возмущавшейся скандальнымъ поведениемъ другихъ служанокъ. У ней никогда не вырывалось ни одно слово, ни одного жеста, который могъ бы выдать тайну ея фантулической жизни. Днемъ въ ней ничто не напоминало объ ея жизни.

И со всѣмъ тѣмъ вся эта внѣшняя ложь не была лицемѣріемъ въ Жермини. Она происходила не отъ развращеннаго лукавства, не отъ порочнаго расчета: любовь къ госпожѣ заставляла ее носить эту маску. Она хотѣла во что бы то ни стало спасти ее отъ горя разглядѣть изнанку ея жизни. Она обманывала ее единственно лишь затѣмъ, чтобы сохранить ея нѣжность, обманывала съ какимъ-то благоговѣніемъ, и въ ужасной комедіи, разыгрываемой ею, примѣшивалось набожное, почти религіозное чувство, сходное съ чувствомъ дочери, лгущей въ глаза своей матери, чтобы не разбить ея сердца.

Лгать! да отнынѣ ей не оставалось ничего больше. Она знавала всю невозможность выбраться изъ того положенія, въ какомъ находилась. Она даже не пыталась выдти изъ него, до того всякая подобная попытка казалась ей бесполезной, до того чувствовала она себя слабой, разбитой и побѣжденной, до того еще власть этого человѣка надъ нею была сильна и такъ крѣпко была она къ нему привязана всякаго рода низкими узами и позорными цѣпями, самымъ презрѣніемъ его къ ней, котораго онъ уже больше не скрывалъ.

Порою, размышляя о самой себѣ, она пугалась. Въ ней просыпались деревенскія понятія, суевѣріе. И это суевѣріе внушало ей, что этотъ человѣкъ приворожилъ ее къ себѣ, что онъ опоилъ ее приворотнымъ зельемъ. Самой себѣ она представлялась особымъ существомъ, изъ породы животныхъ, которыхъ привязываютъ толчки и побои. Бывали дни, когда она не узнавала самоѣ себя и спрашивала себя: неужели она все еще женщина? Перебирая въ умѣ всѣ низости, на которыя ее подвинулъ Жюльонъ, она едва вѣрила, что могла допустить все это. Она, отъ природы необузданная и вспыльчивая, пылкая и страстная, она терпѣла такое униженіе!! Она подавляла гнѣвъ, душившій ее, она прогоняла мысль о кровавомъ мщеніи, неоднократно западавшую ей въ голову! Она постоянно покорялась, терпѣливо ждала, послушно склоняла голову! У ногъ этого человѣка она растоптала и свой характеръ, и свои инстинкты, и свою гордость, свое тщеславіе и, болѣе того, свою ревность, бѣшеные порывы своего сердца! Чтобы сохранить его, она дошла до того, что согласилась дѣлиться имъ съ другими женщинами, дозволяла ему имѣть другихъ любовницъ. И теперь, послѣ всѣхъ этихъ жертвъ, которыя ему надѣли, она удерживала его самой отвратительной жертвой, она привлекала его подарками, она покупала его любезность удовлетвореніемъ его прихотей и капризовъ, она платила этому человѣку, продававшему свои поцалуи и требовавшему денегъ за любовь! Такъ она жила со

дня на день, съ ужасомъ помышляя о томъ, чего вздумаетъ еще потребовать отъ нея на-завтра этотъ негодай.

ХІІІ.

«Ему нужно двадцать франковъ»... Жермини нѣсколько разъ повторила это себѣ, но смыслъ этихъ словъ какъ-то ускользалъ отъ нея. Взбѣжавъ на пять этажей, и запыхавшись, она упала на табуретъ въ своей кухнѣ, опустила голову на руки, сложенные на столѣ. Голова у ней кружилась. Мысли толпились безпорядочно въ головѣ, приносились и уносились вихремъ, и изъ нихъ выдѣлялась всего рѣзче и назойливѣе одна: «ему нужно двадцать франковъ!.. двадцать франковъ!.. двадцать франковъ!..» И она оглядѣлась вокругъ себя, какъ будто надѣялась найти ихъ гдѣ-нибудь тутъ, въ комнатѣ, въ сорной корзинѣ, подъ очагомъ. Потомъ подумала о тѣхъ, кто былъ ей долженъ, вспомнила про одну служанку нѣмку, которая обѣщала ей возвратить долгъ уже годъ тому назадъ. И встала, надѣла шляпку. Она не говорила больше: «ему нужно двадцать франковъ»; она говорила: «я достану ихъ».

Она сошла къ Адели:

— Нѣтъ ли у тебя двадцати франковъ? Нужно уплатить по счету, а барыни нѣтъ дома.

— Ни гроша, милая,—отвѣчала Адель;—я отдала вчера послѣдніе двадцать франковъ хозяйкѣ, чтобы ей было съ тѣмъ ѣхать ужинать. Эта кобыла еще не вернулась...

Она побѣжала къ бакалейщику. День былъ воскресный; было уже три часа; лавка оказалась заперта.

Въ овощной толпился народъ; она спросила зелени на четыре су.

— У меня нѣтъ денегъ, — замѣтила она. И надѣялась, что лавочница скажетъ:—хотите займы? Но та отвѣчала:—вотъ важность! развѣ мы боимся отпустить вамъ въ долгъ.

Въ лавкѣ были другія служанки: она вышла, не сказавъ ни слова.

— Намъ нѣтъ писемъ?—спросила она у портъе.—Ахъ, встати, не будетъ ли у васъ двадцати франковъ, мнѣ не нужно было бы идти наверхъ.

— Сорокъ, если хотите...

Она перевела духъ. Портъе пошелъ къ шкафу.—Ахъ! чортъ возьми! жена унесла ключъ... Создатель! какъ же вы блѣдны!..

— Ничего...—И она побѣжала наверхъ. На лѣстницѣ, она

думала: есть люди, которые всегда могут достать двадцать франковъ... Ему они нужны сегодня, онъ говорилъ... Барыня отдала мнѣ мое жалованье пять дней тому назадъ, я не могу у ней попросить денегъ. А въ сущности что значить для нея двадцать франковъ? Бакалейщикъ навѣрное далъ бы мнѣ ихъ взаймы... Я ходила къ другому въ улицѣ Тебу; тотъ записалъ по воскресеньямъ, только вечеромъ...

Она стояла у своей двери. И перегнувшись черезъ перила лѣстницы, поглядѣла, не идетъ ли кто, вошла, прошла прямо въ комнату своей госпожи, отворила окно, глубоко перевела духъ и оперлась обѣими руками на подоконникъ. Воробьи слетѣлись, воображая, что она станетъ выдать имъ хлѣбъ. Она закрыла окно и поглядѣла на комодъ: на немъ стояла небольшая шкатулка изъ чернаго дерева и въ ней торчалъ маленькій, стальной ключикъ, забытый въ замкѣ. Вдругъ у ней зазвенѣло въ ушахъ; но ей показалось, что звонятъ у двери. Она пошла отворить: никого не было. Она вернулась съ сознаниемъ, что находится одна-одинѣшенька въ квартирѣ и, захвативъ въ кухнѣ тряпку, принялась вытирать кресло, повернувшись спиной къ комоду; но ей все мерещилась шкатулка; ей казалось, что она отперта и она видитъ уголокъ направо, куда барыня складывала золото, завертывая въ клочки бумаги, по сто франковъ въ каждый свертокъ; тамъ лежали ея двадцать франковъ... Она закрывала глаза, потому что у ней кружилась голова. Минутами, совѣсть ея какъ будто замирала; но тутъ же все въ ней возмущалось и ей казалось, что негодующее сердце готово разорваться въ ея груди. На одно мгновеніе честь цѣлой жизни встала между нею и этимъ ключомъ. Ея честное прошлое, ея преданность и безкористіе, двадцать лѣтъ сопротивленія худымъ совѣтамъ и испорченности этого гнилого квартала; двадцать лѣтъ презрѣнія въ кражѣ; двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ карманъ ея не попадало ни одной хозяйской полушки; двадцать лѣтъ равнодушія къ наживѣ; двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ соблазнъ даже не касался ея; долгая и врожденная честность, довѣріе m-lle де-Варандейль — все это сразу предстало передъ ней. Молодость воскресла и охватила ее. Ей чудился укоризненный ропоть ея семьи, ея родителей, мертвецовъ, которыхъ она схоронила, и непорочная слава ея незнатнаго имени на минуту какъ-бы окружила ее спасительной преградой... На одну секунду она была спасена.

Затѣмъ, мало-по-малу дурныя мысли, одна за другой, проскользнули въ ея голову. Она стала прискивать мотивы къ не-удовольствію на свою госпожу. Она сравнивала свое жалованье

съ цифрой того, какимъ хвастались другія служанки въ домѣ. Она подумала, что госпожа ея катается, какъ сыръ въ маслѣ, что она должна была бы прибавить ей жалованья. Къ тому же, вдругъ спросила она себя, зачѣмъ она оставляетъ ключъ въ шкапулкѣ? Тутъ она подумала, что деньги эти предназначались не на ежедневные расходы, не на необходимое, но что это сбереженія ея госпожи, на которыя она купить бархатное платье какой-нибудь крестницѣ... «мертвый капиталъ»... договорила она. Она старалась заглушить упреки совѣсти и придумывала самые дикіе резоны въ оправданіе себя. Наконецъ, это будетъ въ первый и въ послѣдній разъ... Она дала бы мнѣ ихъ взаймы, еслибы я у ней попросила... И вѣдь я отдамъ ихъ ей...

Жермини протянула руку и повернула ключъ... и замерла: ей показалось, что глубокое безмолвіе, царившее вокругъ нея, глядитъ на нее и слушаетъ.. Она подняла глаза: въ зеркалѣ отразилось ея лицо. Она испугалась своего собственнаго лица, и со страхомъ, и со стыдомъ отступила передъ нимъ, какъ передъ изображеніемъ своего преступленія: на плечахъ у нея сидѣла голова воровки!

Она убѣжала въ корридоръ. Но вдругъ повернулась на каблукахъ, прошла прямо въ шкапулкѣ, отперла ее, засунула руку, порылась подъ медальонами изъ волосъ и различными сувенирами, взяла ощупью изъ свертка въ пять лундоровъ одну золотую монету и убѣжала въ кухню... Она зажала монету въ кулакъ и не рѣшалась поглядѣть на нее.

XIV.

И вотъ когда униженіе, паденіе Жермини начало сказываться и въ ея внѣшности, въ растрепанномъ и грязномъ костюмѣ, въ опухломъ взглядѣ. Голова ея какъ-бы отяжелѣла. Она утратила живость мысли. Все, чтó она читала, чему она научилась, точно ускользнуло изъ ея памяти. Память начала измѣнять ей. Остроуміе парижской служанки мало-по-малу исчезало изъ ея разговора, ея отвѣтовъ и смѣха. Лицо ея, такое оживленное бывало, стало бессмысленно и неподвижно. Въ ней какъ будто ожила безтолковая крестьянка, какою она была, когда пріѣхала въ Парижъ и искала пранниковъ въ бумажной лавкѣ. Она точно перестала понимать то, чтó ей говорили. М-ле де-Варандейль дивилась глупому лицу, съ какимъ она ее выслушивала. Ей приходилось по два, по три раза повторять одно и то же, прежде чѣмъ

вразумить Жермини, чего от нея требуютъ. Видя ее такой неповоротливой и заспанной, она спрашивала себя, не подмѣнили ли ее служанку.— «Да ты совсѣмъ поглупѣла!» говорила она ей иногда съ нетерпѣніемъ. И вспоминала то время, когда Жермини бывала такъ ей полезна, если нужно было припомнить какое-нибудь число, адресъ, разныя мелочи, забываемыя ею по старости. Теперь Жермини ничего не помнила. Вечеромъ, подводя счеты съ барыней, она не могла припомнить что она покупала утромъ; она говорила: «постойте!» но затѣмъ махала рукой и ничего не могла припомнить. М-ле де-Варандейль, чтобы побережъ свои старческія глаза, имѣла обыкновеніе заставлять Жермини читать себѣ газету; но теперь Жермини стала читать въ носъ и такъ бессмысленно, что госпожѣ пришлось отказаться отъ ее услугъ.

Такимъ образомъ, и умъ измѣнялъ ей, и тѣло ослабѣвало. Она перестала заниматься туалетомъ и стала даже неопрятна. Въ былое время она щеголяла чистотою бѣлья. Ни у кого въ домѣ не бывало такихъ свѣженькихъ чепчиковъ. Ея воротнички— всегда простые и гладкіе—отличались всегда той бѣлизной, которая такъ мило отгвѣняетъ кожу и придаетъ опрятный видъ всей особѣ. Теперь чепцы у ней были смятые, свомканные, точно она въ нихъ спала. Она не надѣвала манжетовъ, шея у ней была грязная и вся она отличалась неопрятностью. Отъ нея разило нищетою. Пороку м-ле де-Варандейль не выдерживала и говорила ей: «поди, пожалуйста, переодѣнься, отъ тебя пахнетъ нищимъ...»

Вмѣстѣ съ этимъ Жермини бросила работать: она почти перестала служить своей госпожѣ. Къ обѣду и завтраку подавала самыя простыя блюда, которыя почти не требовали приготовления. Постель убирала, не переворачивая тюфяковъ, *à l'anglaise*. Не забывая о самой себѣ, она перестала убирать и квартиру. Она больше не мела комнату, не стирала пыли, не мыла оконъ. Грязь вторглась въ маленькія владѣнія м-ле де-Варандейль, чистотой которыхъ она такъ гордилась въ былое время. Пыли накопились цѣлыя груды, пауки заткали паутиной всѣ углы, зеркала стали тусклы, мраморъ камина и дерево мебели покрылись пятнами...

Жюпильонъ продолжалъ требовать денегъ, но Жермини объявила ему наотрѣвъ, что больше воровать не станетъ. Когда въ назначенный имъ для свиданія день она постучалась въ его дверь, ей показалось, что она слышитъ за дверью поспѣшно удалявшіеся мужскіе шаги. Дверь отворилась: передъ ней стояла

кузина въ сѣтѣхъ, красной кофточкѣхъ, въ туфляхъ, словомъ, въ такомъ туалетѣ и съ такимъ лицомъ, какіе говорили, что она въ гостяхъ у мужчины, но чувствуетъ себя какъ дома. Тамъ-и-сямъ видѣлись ея вещи: Жермини видѣла, какъ онѣ валялись на мебели, купленной ею на свои кровныя денежки.

— Кого вамъ нужно?—спросила кузина нахально.

— Г-на Жюпильона.

— Его нѣтъ дома.

— Я подожду,—сказала Жермини, и хотѣла войти въ комнату.

— Потрудитесь, если такъ, дожидаться его у портѣе.

И кузина преградила ей дорогу.

— Когда онъ вернется?

— Когда у куръ прорѣжутся зубы,—отвѣчала дѣвчонка со-всѣмъ серьезно, и заперла дверь передъ самымъ носомъ Жермини.

— Я всегда ожидала этого отъ него,—проговорила Жермини, идя по улицѣ. Ей казалось, что мостовая ходуномъ ходить подъ ея ногами...

Вдругъ m-ле де-Варандейль пришлось дивиться новой разительной переменѣ, которая произошла въ ея служанкѣ. Жермини перестала дуться, капризничать. Она вдругъ сбросила съ себя лѣнь и усердно принялась за работу. Не пропадала больше по дѣльнымъ часамъ, когда ходила на рынокъ, и точно избѣгала улицы. Вечеромъ она больше не выходила, почти не разставалась съ m-ле де-Варандейль, окружала ее самыми нѣжными заботами съ утра и до ночи, не давала ей самой протянуть руки за чѣмъ-нибудь, пошевелиться, ухаживала за ней, какъ за ребенкомъ. Иногда, утомясь этимъ неусыпнымъ надзоромъ, m-ле де-Варандейль раскрывала ротъ, собираясь сказать: «скажи-ка, на милость, скоро ли ты уберешься къ себѣ въ кухню?» Но Жермини поднимала на нее такіе печальные и такіе кроткіе глаза, что нетерпѣливое восклицаніе замирало на губахъ у старой дѣвы. Дѣло въ томъ, что въ эту эпоху вся любовь бѣдной дѣвушки обратилась на госпожу. Она любила ее со всѣмъ пыломъ своей страстной натуры. Она любила ее со всѣмъ разочарованіемъ страсти. Она хотѣла вернуть ей все, чего она ей не дала, все, чего ее лишали другіе. Съ каждымъ днемъ она сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ своей госпожѣ, которую согрѣвала эта тихая привязанность, свалившаяся ей на старости лѣтъ.

Но прошлое и долги неотступно преслѣдовали Жермини и счастливо твердили ей: «еслибы m-ле де-Варандейль знала!»

Она жила въ вѣчной тревогѣ, въ ежеминутныхъ опасеніяхъ. Каждый звонокъ заставлялъ ее вздрагивать. Письмо съ незнако-

мишъ почеркомъ бросало ее въ жаръ и холодъ. Она сознавала, что тайна ея—достояніе цѣлой улицы. Домъ зналъ ее и могъ видѣть. Весь кварталъ зналъ ее. Она могла обманывать только свою госпожу!

Поднимаясь по лѣстницѣ, спускаясь по ней, она встрѣчала взглядъ портье, улыбающійся взглядъ, говорившій ей: «я знаю, что знаю». Когда она возвращалась съ рынка, онъ заглядывалъ въ ея корзину: «ахъ! Боже мой, я такъ это люблю!» говорила его жена при видѣ какого-нибудь лакомого кусочка. Вечеромъ она приносила имъ остатки отъ обѣда. Сама она почти ничего не ѣла и вончила тѣмъ, что стала ихъ кормить.

Улица страшила ее столько же, сколько лѣстница и привратничка. Въ каждой лавкѣ она видѣла лицо, напоминавшее ей объ ея поворѣ и спекулировавшее на счетъ ея проступка. На каждомъ шагу ей приходилось покупать молчаніе цѣной какой-нибудь низости.

Поставщики, которымъ она не могла уплатить долга, держали ее въ своихъ когтяхъ. Если она находила что-нибудь слишкомъ дорогимъ, дерзкая насмѣшка напоминала ей, что она въ ихъ рукахъ и должна платить, если не хочетъ, чтобы они ее изобличили. Малѣйшая шутка, всякій намѣкъ заставляли ее блѣднѣть. Она была связана по рукамъ и по ногамъ, вынуждена брать у нихъ всю провизію и позволять имъ себя грабить. Молочница, замѣнившая m-me Жюпильонъ, которая открыла бакалейную лавку въ Баръ-сюръ-Объ, продавала ей худое молоко и когда она ей говорила, что ея госпожа недовольна молокомъ, что она ежедневно выслушиваетъ упреки, замѣчала: — ваша госпожа? Очень вы церемонитесь съ своей госпожей! — Когда въ зеленой лавкѣ она обнюхивала рыбу и говорила: «она сонная, эта рыба». — Еще что, отвѣчала зеленщица... Вы сегодня, должно быть, встали съ лѣвой ноги, моя красавица.

M-me де-Варандейль хотѣла разъ, чтобы она сходила на рынокъ за рыбой; она заговорила объ этомъ при зеленщицѣ: — Ага! вотъ какъ! на рынокъ! Погляжу я, какъ это вы пойдете на рынокъ! И бросила на нее взглядъ, въ которомъ Жермини увидѣла угрозу донести на нее ея госпожѣ. — Бакалейщикъ продавалъ ей кофе съ запахомъ нюхательнаго табаку, подмокшіе сухари, испортившіеся рисъ, черствые бисквиты. Если она осмѣливалась сдѣлать замѣчаніе, онъ говорилъ: «ну, вотъ еще! вы такая старая покупательница, что не захотите досаждать мнѣ... Говорю же вамъ, что товаръ хорошій...» И нахально обѣщивалъ и обмѣривалъ ее...

...Дни шли за днями, не принося никакой переменѣ для Жермины. Мрачные, тоскливые дни! Она больше ничего не ждала и ни на что не надѣялась! Ея жизнь представляла одно сплошное отчаяніе: ей предстояло быть вѣчной игрушкой роза, шествовать неизмѣнно по тернистому пути, прямому и ровному, безъ просвѣта и радости, пока ее не свалитъ въ могилу. Будущее не сулило ей ничего отраднаго.

...И вотъ, любовь, отъ которой она имѣла силы отказаться и которой ей не доставало, сдѣлалась пыткой ея жизни, непрерывнымъ и жестокимъ страданіемъ. Ей приходилось бороться и съ своимъ сердцемъ, и съ своимъ темпераментомъ. Недѣли, мѣсяцы, годы, страшный соблазнъ терзала ее, но она ему не поддавалась и не брала другого любовника. Страхась самой себя, страхась людей, она бѣгала отъ всѣхъ. Она сидѣла, угрюмая и мрачная, въ четырехъ стѣнахъ, и даже по воскресеньямъ не уходила со двора. Она перестала водиться съ другими служанками въ домѣ, и, чтобы развлечься и позабыться, съ утра до ночи шла или спала. Когда музыканты приходили на дворъ, она запирала окна, чтобы ихъ не слышать: музыка слишкомъ волновала ее... Но пробилъ наконецъ часъ въ ея страдальческой жизни, когда она отказалась отъ борьбы. Совѣсть замерла, воля разбилась, она пригнулась подъ ударами судьбы. Сознаніе, отчаянное убѣжденіе въ невозможности спасенія лишили ее послѣдней энергіи, послѣдняго мужества. Она чувствовала, что ее увлекаетъ потокъ, противъ котораго бесполезно бороться; та могучая сила міра, которая заставляетъ страдать, злая сила, которая носитъ имя бога на мраморѣ античныхъ трагедій и которою отмѣчены заклепанные лбы каторжановъ, — Рокъ раздавилъ ее подъ своей пятой, и она покорно склонила голову.

Когда въ минуты унынія она перебирала въ умѣ горькія воспоминанія своего прошлаго, когда она слѣдила съ самаго дѣтства за нитью своего жалкаго существованія, за той цѣпью бѣдствій, которая неотступно волочилась за ней по пятамъ, то говорила себѣ, что видно она одна изъ тѣхъ несчастныхъ созданій, которыя при самомъ рожденіи обречены на несчастіе и для которыхъ нѣтъ и не можетъ быть счастья. Поэтому у ней съ языка не сходила одна фраза, фраза, которая была отголоскомъ ея мыслей: «что вы хотите? Я несчастная... мнѣ во всемъ неудача... мнѣ нивогда ничто не удастся». Она говорила это тономъ человѣка, отказавшагося отъ надежды. Вмѣстѣ съ мыслию, ежесчасно укрѣплявшейся, что она родилась подъ несчастной звѣздой, что она игрушка судьбы, Жермина стала бояться жизни.

Она жила въ безпрестанной тревогѣ; она находилась въ томъ состояніи духа, когда всякая неожиданность грозитъ бѣдою, когда звонокъ заставляетъ вздрагивать, когда всякое письмо принимается дрожащими руками, когда холодный потъ выступаетъ на лбу, когда кто-нибудь обращается къ вамъ съ вопросомъ. Она переживала тѣ ощущенія недовѣрія, тревоги, страха передъ судьбой, когда хотѣлось бы остановить жизнь, помѣшать ей идти впередъ, не пускать на встрѣчу тому, что призываетъ усилія и желанія другихъ людей.

Въ концѣ-концовъ она дошла до апогея презрѣнія къ жизни и къ самой себѣ, которое является верхомъ страданія, когда избытокъ страданія встрѣчается уже съ ироніей, когда горе такъ сильно придавить человѣка, что онъ теряетъ способность его ощущать и когда сердце, подъ непрестанными ударами, перестаетъ ихъ чувствовать и говорить небу съ вызовомъ: бей еще!

XVI.

— Куда ты это снарядилась? спросила въ одно воскресенье Жермини у Адели, которая проходила, разряженная въ пухъ и прахъ, по корридору шестого этажа, мимо ея комнаты.

— Ахъ, вотъ! я ѣду веселиться. У насъ будетъ пиръ гурой. Насъ цѣлая толпа... Толстая Марья, ты ее знаешь... Элиза изъ 41 нумера, большая и маленькая Бадинье... и еще нѣсколько кавалеровъ! Я, во-первыхъ, ѣду съ моимъ *продавцомъ внезапной смерти*... Ну, да... Ахъ! да ты и не знаешь!... мой новый-то, вѣдь онъ *maître d'armes*... и еще одинъ его пріятель, живописецъ, такой весельчакъ, что чудо... Мы ѣдемъ въ Венсенъ... Каждый беретъ съ собой что-нибудь... Мы отобѣдаемъ на травѣ... мужчины угощаютъ виномъ... ну, и ужъ заданимъ мы звону, боюсь тебѣ!

— И я ѣду съ вами,—проговорила Жермини.

— Ты? Ну, вотъ еще!.. ты вѣдь нынче бѣгаешь отъ веселья.

— Говорю тебѣ, что ѣду,—отвѣчала Жермини, рѣзко и рѣшительно.—Дай только предупредить барыню, да переодѣться... Подожди меня, я забѣгу за омаромъ въ колбасную.

Вскорѣ вся компанія прибыла въ Венсенскій лѣсъ. Узкія тропинки съ прибитой, твердой какъ камень, землей, перекрещивались во всѣхъ направленіяхъ. Мѣстами, въ промежуткахъ между этими тропинками, видѣлись лужайки, но съ потоптанной, по-

желтой, мертвой травой, напоминавшей больше подстилку въ хлѣву; высохшія травинки, цвѣта соломы, переплетались съ рейниномъ и печальной зеленью крапивы. Сейчасъ можно было узнать одно изъ тѣхъ загородныхъ мѣстъ, куда по воскресеньямъ сходятся для гульбища предмѣстья и которыя напоминаютъ собою лугъ, вытоптанный толпой послѣ какого-нибудь фейерверка. Коегдѣ росли деревья, жидкія, низкорослыя, искривленные и тощія. Лѣтва на нихъ была совсѣмъ чахлая, а пыль большой дороги окутывала ихъ густымъ покровомъ. Все отзывалось нищетою и скудостью растительности, которой нѣтъ ни простора, ни воздуха, печально зелени, растущей за заставой: природа какъ-будто пробивается тамъ изъ мостовой. Не слышно было пѣнія птицъ въ кустахъ, не видно насѣкомыхъ на утоптанной землѣ; людской говоръ отпугивалъ птицъ; шарманки заглушали безмолвіе и трепеть лѣса, улица проходила и пѣла на фонѣ пейзажа. На деревьяхъ висѣли женскія шляпки, заволотыя четырьмя булавами въ носовой платокъ; каждую минуту севозъ листву мелькали красныя нашивки артиллеристовъ; продавцы вафель показывались изъ-за деревьевъ; на лужайкахъ дѣти въ блузахъ стругали палочки, семьи работниковъ гуляли и угощались бисквитами.

Въ этотъ день жара стояла смертная: солнце куталось въ облакахъ и распространяло багровый, грововый свѣтъ, почти ослѣплявшій глаза. Воздухъ былъ удушающій; ни одинъ листокъ не шевелился; вѣтки съ ихъ чахлой тѣнью не колебались, лѣсъ какъ-бы утомился и замеръ подъ этимъ тяжелымъ небомъ. Только по временамъ поднимался вѣтеръ, проносившійся низко надъ землей, южный, удушливый вѣтеръ, нисколько не освѣжающій.

Наша компанія весело гуляла, словно опьянѣвъ отъ воздуха. Мужчины бѣгали, женщины ихъ ловили... Наконецъ всѣ успѣли на одной прогалинѣ, подъ группою дубовъ, верхушки которыхъ заходящее солнце золотило своими лучами. Мужчины закурили папирсы, женщины болтали, хохотали, безпрестанно катились въ припадахъ глупаго смѣха и съ крикливыми взвизгами. Одна Жермини сидѣла молча и не смѣялась. Она никого не слушала и ни на что не глядѣла. Глаза ея, подъ опущенными рѣсницами, упорно были уставлены на кончики ея ботинокъ. Погруженная въ свою думу, она, казалось, не замѣчала ни мѣста, гдѣ находилась, ни окружающихъ ее людей... Вдругъ большой булыжникъ, брошенный въ воздухъ, упалъ возлѣ Жермини, и въ то же самое время она услышала крикливый голосъ жившца, возвѣстившій ей:

— Не бойтесь, это вамъ стулъ...

Каждой постлалъ свой носовой платокъ передъ собой, вмѣсто скатерти. Развернули съѣстные припасы. Раскупоренныя бутылки обходили всѣхъ присутствующихъ. Мало-по-малу общество оживлялось. Воздухъ, вино, ѣда подстревали веселье пирующихъ. Руки встрѣчались съ руками, уста съ устами, нѣжныя словечки шептались на ухо, мужскія руки охватывали женскія талии, порою слышался звукъ поцѣлуя.

Жермини ничего не говорила и пила. Живописецъ, помѣстившійся возлѣ нея, почувствовалъ себя неловко возлѣ этой странной сосѣдки, которая веселилась «про себя». Вдругъ онъ постучалъ ножомъ о-свою рюмку и, приподнявшись на когѣняхъ, проговорилъ:

— Сударыня! за здоровье человѣка, обрѣтающагося въ несчастіи: за мое здоровье! Это, можетъ быть, принесетъ мнѣ счастье!... Я съ носомъ, сударыня, да-съ, вашъ покорнѣйшій слуга остался съ носомъ и отставленъ въ чистую! Я вдовецъ, да-съ, огорченный вдовецъ! Я совсѣмъ еще ошеломленъ своей утратой... Не то, чтобы я ужъ очень былъ привязчивъ, но привычка, эта поганая привычка! Словомъ, я скучаю какъ волкъ въ западнѣ... Въ послѣдніе двѣ недѣли жизнь для меня—это... ну, словомъ, кофе безъ рому! Я вѣдь люблю любовь такъ, какъ еслибы она меня создала! Жить безъ женщины! Вотъ отчаянное положеніе для человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, то-есть: съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что это такое, то низко кланяюсь патерамъ; мнѣ ихъ жаль, честное слово! Жить безъ женщины! Когда ихъ такъ много на свѣтѣ! Но не могу же я однако прогуливаться съ надписью: «un homme vacant à louer. Présentement s'adresser»... Во-первыхъ, надо разрѣшеніе отъ г-на префекта, а во-вторыхъ, вѣдь люди глупы, вокругъ меня начнетъ собираться толпа. Все это, сударыня, я говорю затѣмъ, чтобы довести до вашего свѣдѣнія, что еслибы въ числѣ вашихъ знакомыхъ была такая, которая бы пожелала свести пріятное знакомство... Какъ между честными людьми... вступить въ счастливый морганатическій бракъ... то пусть не стѣняется... я къ ея услугамъ... зовутъ меня Викторъ-Медерикъ Готрюшъ, я человѣкъ привязчивый, настоящій плющъ по чувствамъ: Готрюшъ, по прозванью *забубенная голова!* И вмѣстѣ съ этимъ не ревнивецъ, не драчунъ, настоящій душка - мужчина, который въ жизнь свою не поставилъ фонаря ни единой женщины!.. Что касается наружности, то вотъ!..

Онъ выпрямился во весь ростъ и, переминаясь съ ноги на ногу въ своемъ старомъ синемъ сюртукѣ съ золотыми пуговицами, выставилъ на показъ изъ-подъ сѣрой шляпы, которую при-

поднялъ, свой голый и глянцовитый черепъ, и, поднявъ вверхъ свою морду стараго ощипаннаго гамена, заключилъ:

— Вы видите, каковъ я!.. Конечно, не красавецъ, этимъ не похвалюсь... но здоровъ и крѣпокъ!.. Сорокъ-девять лѣтъ отъ роду... волосъ на головѣ столько же, сколько на бильярдномъ шарѣ, бородѣнка мизерная, ноги длинныя... вмѣстѣ съ этимъ худъ, какъ щепка... Вотъ вамъ мои примѣты. Сообщите о нихъ, кому знаете! Если какая-нибудь женщина пожелаетъ приобрести все это *en bloc*... особа степенная... не очень молодая... и которая не станетъ очень помпывать мною... Вы понимаете, я не гонюсь за принцессами... Ну, такъ милости просимъ!

Жермини схватила стаканъ Готрюша, отпила изъ него и подала ему той стороной, съ которой отхлебнула...

XVII.

Медерикъ Готрюшъ былъ разбитной гуляка-работникъ, работникъ, прожигавшій жизнь и обращавшій ее въ вѣчный понедѣльникъ. Весь свой вѣкъ на-веселѣ, онъ видѣлъ жизнь сквозь солнечный лучъ, бродившій у него въ головѣ. Онъ отличался веселой философией пьяницы. Не зналъ ни желаній, ни зависти. Его мечты вертѣлись вокругъ одной бутылки. Онъ могъ навѣрное рассчитывать, что на три су приобрететъ рюмку счастья, на двѣнадцать цѣлый литръ идеала. Всѣмъ довольный, онъ все любилъ и находилъ все смѣшнымъ и забавнымъ. Ему ничто въ мѣрѣ не казалось печальнымъ, кромѣ... стакана воды. Онъ былъ искусный маляръ и зарабатывалъ въ день отъ пятнадцати до двадцати франковъ, но такъ какъ все пропивалъ, то и былъ голъ, какъ соколъ, да еще всегда въ долгу, какъ въ шелку, у винныхъ продавцовъ.

Этого человѣка воспитала улица. Улица была ему матерью, кормилицей и школой. Онъ обязанъ былъ ей своей увѣренностью, своей рѣчью и своимъ умомъ. Все, что смышленость простонародья подбираетъ на мостовой Парижа, онъ подобралъ. Все то, что падаетъ сверху въ большомъ городѣ, крошки идей и знаній, то, что носится въ воздухѣ столицы, равно какъ и знакомство съ наборщиками, обрывки фельетона, прочитанныя между двухъ кружекъ пива, отрывки драмы, прослушанные на бульварѣ, развили въ немъ тотъ бойкій умъ, который безъ образования хватается вершки всего. Онъ обладалъ неисчерпаемой фантазией. Рѣчь его изобиловала удачными сравненіями, яркими обра-

зами, метафорами, создаваемыми комическимъ гениемъ толпы. У него былъ неисчерпаемый запасъ забавныхъ исторій и анекдотовъ, онъ зналъ всѣ арии, всѣ пѣсни и пѣлъ безъ умолку. Словомъ, онъ былъ забавенъ съ головы до ногъ. Стоило только поглядѣть на него, и смѣхъ уже начиналъ разбирать человека, какъ при взглядѣ на актера, на обязанности котораго лежитъ смѣшить толпу.

Человѣкъ такого склада, такого характера «подходилъ» къ Жермини.

Жермини не была рабочимъ воломъ, у котораго только и мысли, что о работѣ. Она не была безтолковой служанкой, бессмысленно хлопающей глазами, выслушивая рѣчи господъ. Она тоже развернулась, образовалась въ Парижѣ; m-lle де-Варандейль, праздная и любопытная, какъ и всѣ старыя дѣвы, заставляла ее рассказывать себѣ новости, передавать все, что она знала о жильцахъ дома, всю хронику улицы и квартала; и эта привычка рассказывать, бесѣдовать съ своей госпожей, описывать людей, очерчивать характеры приучила ее мало-помалу легко выражать свои мысли, находить удачные обороты рѣчи. Ёдкость и тонкость ея наблюдений были замѣчательны для служанки. Она порою давила m-lle де-Варандейль живостью пониманія, быстротой, съ какою схватывала все на-лету, удачными сравненіями и остротами. Она умѣла шутить. Она понимала игру словъ. У ней былъ также тотъ запасъ литературныхъ свѣдѣній, какія бываютъ у женщинъ ея класса, когда онѣ читаютъ. У двухъ или трехъ содержанокъ, у которыхъ она служила, она проводила ночи въ чтеніи романовъ; съ тѣхъ поръ она продолжала почитать и усвоила себѣ идею о многихъ вещахъ и о нѣкоторыхъ короляхъ Франціи. Изъ этого чтенія у ней удержалось въ головѣ ровно столько, сколько нужно, чтобы желать говорить о томъ съ другими. Черезъ одну женщину, находившуюся въ услуженіи у актера, она получала даровые билеты, и часто бывала въ театрѣ; она возвращалась оттуда, запомнивъ всю пьесу съ начала до конца и имена всѣхъ актеровъ, прочитанныхъ ею въ афишѣ. Она любила покупать копеечныя пѣсни, романсы, и читать ихъ.

Воздухъ квартала Бредъ, пропитанный артистической живостью, кипѣвшею лихорадочной жизнью мастерской, искусства и порока, пробудилъ въ Жермини потребность въ умственнымъ наслажденіямъ. Раньше своей безпорядочной жизни она отстала отъ «порядочныхъ» людей своего класса, отъ честныхъ, но ограниченныхъ слугъ. Она бѣгала среды чинной и мѣщанской чопорности,

усыпительныхъ бесѣдъ за чашкой чая, какія велись старыми слугами старыхъ людей, съ которыми водилась m-lle де-Варандейль. Она бѣжала общества скучныхъ людей, которыхъ интересовала лишь сберегательная касса. Она искала въ людяхъ извѣстнаго развитія, которое отвѣчало бы ея собственному и дѣлало ихъ способными ее понимать. И теперь, когда она выходила изъ состоянія оупѣнія, когда она пробуждалась и воскресала, ей нужны были люди, подходящіе по уму и развитію, чтобы она могла веселиться. Она желала общества остроумныхъ мужчинъ, веселость которыхъ могла бы опьянить ее такъ же, какъ и вино, которымъ ее угощали. И вотъ какимъ образомъ она попала въ среду простонародной «богема», шумной, увлекательной, какъ и всякая «богема», и вотъ какимъ образомъ она сошлась съ Готрюшемъ.

XVIII.

Однажды на зарѣ, когда Жермини возвращалась домой, она услышала подъ воротами голосъ, прокричавшій: кто идетъ? Она бросилась на черную лѣстницу, но услышала, что за ней гонятся и на одномъ изъ поворотовъ лѣстницы ее схватила рука привратника. Какъ скоро онъ ее узналъ:—Ахъ!—сказалъ онъ,—извините, это вы! не стѣсняйтесь!.. Вотъ гуляка!.. Вы удивлены, что я такъ рано на ногахъ сегодня?.. Это по случаю воровства, совершеннаго на-дняхъ у кухарки второго этажа... Ну-съ, покойной ночи! счастье ваше, что я не болтунъ.

Нѣсколько дней спустя Жермини узнала отъ Адели, что мужъ обворованной кухарки говорилъ, что вора незачѣмъ далеко искать; что воровка въ самомъ домѣ, что онъ знаетъ, что знаетъ. Адели прибавила, что объ этомъ много толкуютъ въ кварталѣ, что есть такіе, что и вѣрятъ. Негодующая Жермини пересказала все своей госпожѣ. М-lle де-Варандейль, вознегодовавшая еще сильнѣе, лично оскорбленная нанесеннымъ ей оскорбленіемъ, пожаловалась немедленно хозяевамъ слуги, распространявшаго клеветы на счетъ Жермини. Слугѣ сдѣлали выговоръ. Разсердившись, онъ заговорилъ еще громче. Нѣсколько дней онъ оралъ на весь домъ, что пойдетъ къ полицейскому комиссару и заставить его спросить, на какія деньги Жермини наняла и обмоблировала квартиру для сына молочницы, на какія деньги она наняла за него охотника, какими деньгами она платитъ издержки своихъ любовниковъ. Цѣлую недѣлю страшная фраза висѣла надъ

головой Жермини. Наконецъ воръ былъ найденъ и угроза смолкла. Но она произвела свое дѣйствіе на бѣдную дѣвушку. Она вбу-доражила ея большую голову, столь легко поддававшуюся впечатлѣніямъ страха или досады, столь легко терявшую способность здраво разсуждать и вѣрно оцѣнивать явленія и событія, столь легко преувеличивавшую все, увлекаемую безумной тревогой, дурными предчувствіями, отчаяніемъ и каждую минуту впадавшую въ безнадежный бредъ, выходомъ изъ котораго ей служила только одна фраза: «ну, да я убью себя!»

Всю недѣлю она лихорадочно переживала всѣ перипетія того, что ее ждало, какъ она полагала, въ будущемъ. Днемъ и ночью она видѣла, какъ ея позоръ обнаруженъ передъ цѣлымъ свѣтомъ; какъ ея тайна, ея малодушіе, проступки, все, что она прятала на днѣ души, изобличено передъ ея госпожой! Долги, которые она сдѣлала изъ-за Жюпильона, новые долги, которые она дѣлала изъ-за Готрюша, — все это выходитъ наружу и губить ее. Морозъ подиралъ ее по кожѣ при этой мысли: она чувствовала, что госпожа ее прогонитъ! Всю недѣлю она ежеминутно воображала себя призванной въ полицію. Цѣлыхъ восемь дней она не разставалась съ этой мыслью и со словомъ: «правосудіе!» Правосудіе, какимъ его представляетъ себѣ просто-народье, т.-е. нѣчто страшное, неопредѣленное, неизбѣжное, которое стережетъ на каждомъ шагѣ, и отъ котораго нѣтъ спасенія, какая-то всемогущая бѣда, смутно рисующаяся въ тонѣ судьбы, между городскимъ сержантомъ и палачомъ, между полиціей и гильотиной! Она, зараженная всѣми инстинктами и предразсудками простонародья, она, часто повторявшая, что скорѣе умереть, чѣмъ пойдеть въ судъ, она видѣла себя на скамьѣ подсудимыхъ, между жандармами, въ судѣ, окруженною всѣми невѣдомыми ужасами закона... Всю недѣлю въ ухахъ ея раздавались шаги людей, идущихъ ее арестовать!

Потрясеніе было слишкомъ сильно для ея больныхъ нервовъ. Нравственная пытка этихъ мучительныхъ дней всецѣло предала ее мысли, которая до сихъ поръ только смутно бродила въ ея головѣ: мысли о самоубійствѣ. Она прислушивалась, охвативъ руками голову, къ мысли, говорившей ей объ избавленіи. Она внимала сладкому шуму смерти, который слышится позади жизни, точно паденіе большого водопада, шуму, который замираетъ мало-по-малу въ пустотѣ. Соблазнъ, напештывающій отчаянію о всемъ, что такъ скоро и легко убиваетъ, о всемъ, что прекращаетъ страданіе, преслѣдовалъ ее день и ночь. Взглядъ ея приковывался ко всему, что можетъ вылечить отъ жизни. Она

приучала къ нему свои пальцы, свои губы. Она испытывала свое мужество, стараясь какъ-бы предвкусить смерть. Въ теченіе долгихъ часовъ она сидѣла у окна своей кухни, устремивъ глаза съ высоты пяти этажей на мостовую двора, мостовую, на которой она изучила каждый камень! По мѣрѣ того какъ сгущались сумерки, она сильнѣе нагибалась, ложилась всею тяжестью своего тѣла на шаткую оконную перекладину, втайнѣ надеясь, что эта перекладина подломится и увлечетъ ее за собою, молясь о смерти, призывая ее, но такъ, чтобы ей не нужно было сдѣлать того отчаяннаго усилія, чтобы выйти изъ жизни, на которое она не чувствовала себя способной...

— Да ты этакъ упадешь! — сказала ей однажды m-lle де-Варандейль, схвативъ ее за юбку, въ порывѣ страха:—на что ты это такъ заглядываешься на дворъ?

— Я, ни на что... на мостовую.

— Да ты съ ума сошла?—ты меня чортъ знаетъ какъ напугала!

— О! этакъ не упадешь, — отвѣчала Жермини страннымъ тономъ. — Будьте спокойны, сударыня, чтобы упасть, нужно очень сильно этого захотѣть.

XIX.

Жермини не могла добиться, чтобы Готрюшъ, преслѣдуемый прежнею любовницей, далъ ей ключъ отъ своей комнаты. Когда его не было дома, ей приходилось ждать внизу, у лѣстницы, ночью, зимою, въ метель и непогоду. Наконецъ, послѣ долгихъ часовъ, послѣ часовъ, которымъ она теряла счетъ, до нея долеталъ съ улицы звукъ невѣрныхъ шаговъ; потомъ пьяный голосъ доносился до лѣстницы, бормоча:—ка-на-ля!.. каналья погребщикъ... ты про-далъ-мнѣ-ви-но, отъ котораго пья-нѣ-ють!

То былъ онъ.

И почти ежедневно возобновлялась та же сцена.

— Ахъ! ты здѣсь, моя Жермини?—говорилъ онъ, узнавая ее.—Вотъ что случилось... Я тебѣ сейчасъ скажу... я немножко выпилъ...

Онъ вкладывалъ ключъ въ замокъ.

— Я сейчасъ тебѣ это объясню... это не моя вина...

И входя въ комнату, отгалкивалъ ногой горлицу, съ обрѣзанными крыльями, которая, хромя, прыгала по полу.

— Душва!—произносилъ Готрюшъ, видя, что Жермини ставитъ на столъ холоднаго дышенка и три бутылки вина.—Надо

тебѣ сказать, что я ничего почти не ѣлъ... почти ничего... просто отощалъ.

Онъ принимался ѣсть. Жермини пила, обловотившись локтями на столъ и глядя на него, и взглядъ ея былъ полонъ черной думы...

Тѣмъ временемъ Готрюшъ вдругъ почувствовалъ отвращеніе къ вину. Онъ испытывалъ первые приступы болѣзни печени, которая давно уже готовилась. Ужасныя страданія, не дававшая ему покоя въ теченіе недѣли, навели его на душеспасительныя размышленія. Въствѣ съ душеспасительными размышленіями въ него вселились почти сантиментальныя идеи о будущей его жизни. Онъ говорилъ себѣ, что слѣдуетъ разбавить жизнь водою, если онъ хочетъ дожить до старости. И ему захотѣлось устроить себѣ гнѣздо. Ему мерещилась уютная квартира, гдѣ бы съ нимъ жила женщина—женщина, которая бы страпала ему обѣды, ухаживала за нимъ во время болѣзни, чинила его бѣлье и платье, не давала ему шататься по кабакамъ, словомъ, такая женщина, съ которою онъ узналъ бы прелести семейной жизни и которая бы при этомъ была не глупа, которая бы понимала его, развлекала и забавляла. Эту женщину не далеко было искать: онъ думалъ о Жермини. У ней, конечно, есть капиталецъ, который она должна была сколотить въ услуженіи у своей старухи и, если присоединить его заработокъ, то они будутъ жить припѣваючи. Онъ не сомнѣвался въ ея согласіи; онъ былъ заранѣе увѣренъ, что она приметъ его предложеніе. Къ тому же, еслибы у ней явилось колебаніе, то, конечно, она сдаться, если показать ей въ перспективѣ брата, который онъ намѣревался послать ей.

И въ одинъ прекрасный день заговорилъ съ ней на эту тему.

Жермини, слушавшая его, подперевъ рукою голову, вдругъ залилась пронзительнымъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха! Ты вообразилъ!.. И ты такъ спокойно говоришь мнѣ это!.. Ты вообразилъ, что я ее оставляю, ее, барышню!.. Ты это себѣ вообразилъ!.. Ты глупъ, знаешь ли! Да еслибы у тебя водились миллионы, да еслибы ты купался въ золотѣ, слышишь, купался въ золотѣ... Нѣтъ, это потѣха! Я брошу барышню... Да ты не знаешь, значить, я тебѣ, значить, не говорила... Вотъ прекрасно! она можетъ умереть, а я не буду воалъ нея, а я не закрою ей глаза! Хотѣла бы я это видѣть!.. Нѣтъ, право, неужели ты это вообразилъ?

— Гмъ! я думалъ... Судя по тому, какъ ты ко мнѣ относилась... Я полагалъ, что ты дорожишь мною... ну, словомъ, я

думалъ... что ты меня любишь... — проговорилъ живописецъ, сбившій съ толку страшной и язвительной ироніей, звучавшей въ словахъ Жермини.

— Ахъ! ты еще и это думалъ; ты думалъ, что я тебя люблю!

И точно ей пріятно было бередить раны, нанесенныя ей любовью, она заговорила поспѣшно:

— Ну, да, конечно, я люблю тебя... я люблю тебя столько же, сколько ты меня любишь! именно: ни больше, ни меньше! Я люблю тебя, какъ любишь то, что имѣешь подъ руками, чѣмъ пользуешься, потому что оно тутъ, близко!.. Я привыкла къ тебѣ, какъ къ старому платью, которое носишь изо-дня въ день... Вотъ какъ я люблю тебя!.. Съ какой стати я буду привязана къ тебѣ? Ты или другой... спрашивается, не все ли это равно?.. Чѣмъ же ты для меня отличаешься отъ перваго встрѣчнаго? Ну-ка, скажи на милость? Что ты сошелся со мной?.. Ну, такъ что-жъ такое? развѣ этого достаточно, чтобы полюбить тебя?.. Но что же ты сдѣлалъ, чтобы привязать меня къ себѣ, скажи на милость? Развѣ ты хоть одинъ разъ пожертвовалъ для меня рюмкою вина? Развѣ ты пожалѣлъ меня, хоть разъ, когда я шлепала по грязи, по снѣгу, пропадаая отъ холода? Держи карманъ! А что я должна была выслушивать въ то время, когда мнѣ плевали въ лицо, какія оскорбленія глотала я, пова, бывало, дожидаясь тебя! Такъ-то... Я давно уже собиралась высказать тебѣ все это... потому что у меня навищѣло на сердцѣ! Ну-ка, скажи, пожалуйста, — продолжала она съ свирѣпой улыбкой, — ужъ не думаешь ли ты, что обольстилъ меня своей наружностью, своими волосами, которыхъ у тебя нѣтъ, вотъ этой своей образиной? Держи карманъ! Я взяла тебя... какъ бы взяла перваго встрѣчнаго! Я была въ такомъ состояніи, когда сама себя не помню... Тогда я сама не своя... Я тебя взяла, потому что было жарко, вотъ тебѣ и все.

Она умолкла на минуту.

— Говори, говори, — замѣтилъ Готрюшъ, — валяй меня на всѣ корки... Не стѣняйся, милая...

— Гмъ! — начала снова Жермини: — ты вообразилъ, что я съ радостью перейду жить къ тебѣ? Ты говорилъ себѣ: а моя-то дура! вотъ-то обрадуется! Къ тому же, мнѣ стбитъ только пообщаться жениться на ней... Она броситъ свое мѣсто. Она броситъ свою госпожу... Скажите на милость! Я брошу барышню, у которой я одна на свѣтѣ! Ахъ! да ты не знаешь... да и не поймешь... Барышня! да вѣдь она все для меня! Да вѣдь послѣ моей матери только она одна и была добра ко мнѣ! Кто, если

не она, когда-либо спросила у меня, когда я бывала печальна: «отчего ты печальна?» А когда я бывала больна: «ты больна?» Никто! Она, она одна ухаживала за мной, заботилась обо мнѣ... Вотъ, ты назвалъ любовью то, что было между нами... Нѣтъ! если кто любилъ меня, такъ это она! Да! она любила меня! и я умираю отъ того, что стала негодная, что обманула ея довѣрие, увела ея любовь! Ахъ! если когда-нибудь она узнаетъ что-нибудь... ну, ужъ не жилища я тогда на бѣломъ свѣтѣ! Ну, да подумай только... что такое ты для меня: вѣдь ты не жизнь моя, не сердце мое, я съ тобой гуляю, вотъ и все... Но былъ человѣкъ... ужъ не знаю, право, любила ли я его, а только дала бы себя на куски разрывать для него... Ну, и вотъ, въ самый разгаръ моей страсти, когда я имъ дышала, когда я была какъ помѣшанная, когда онъ могъ вертѣть мною, какъ пѣшкою, ну, вотъ въ это самое время, если бы барышня заболѣла, если бы она кивнула мнѣ только пальцемъ, я бы бросила его... Да! для нея я бы бросила его! Говорю тебѣ: я бы бросила его!

— Когда такъ... когда ты такъ сильно любишь свою старуху, ма снѣге, то я могу посоветовать тебѣ только одно: не разставайся съ ней ни на минуту.

— Это моя отставка?—спросила Жермини, вставая.

— Похоже на то.

— Ладно, прощай... Это мнѣ съ руки.

И, направясь въ двери, она вышла, не говоря болѣе ни слова.

XX.

Послѣ этого разрыва, Жермини пала такъ, какъ она должна была пасть, ниже стыда, ниже самой природы. Катясь по наклонной плоскости, несчастное и страстное созданіе скатилось на улицу. Она видѣла въ мужчинахъ только мужчину; личность для нея больше не существовала. Послѣдній проблескъ стыдливости, послѣднее человѣческое чувство, переселивающее развратъ: предпочтеніе, выборъ и даже то, что замѣняетъ проституткамъ совѣсть и индивидуальность:—отвращеніе, само отвращеніе—она его утратила.

Ночные прохожіе видали при свѣтѣ фонарей, какъ она катилась вдоль стѣнъ, мрачная и страшная, согнувшись, опустивъ голову, съ тѣмъ безумнымъ и больнымъ выраженіемъ въ лицѣ, которое возбуждаетъ безконечную грусть въ сердцѣ мыслителя и врача...

Однажды вечеромъ, когда она бродила въ улицѣ Рошѣ, она увидѣла, проходя мимо виннаго погребка, на углу улицы Лабурдъ, спину человѣка, пившаго водку у прилавка: то былъ Жюпильонъ.

Она остановилась, обогнула улицу и, прислонившись къ рѣшеткѣ окна, стала ждать. Погода была отвратительная: слякоть, и не то туманъ, не то дождь. Грязь подступала къ ея ногамъ. Она просидѣла такимъ образомъ съ полчаса, угрюмая, неподвижная, грозная и отчаянная, спиной къ свѣту, мрачная, точно статуя Безнадежности.

Наконецъ, Жюпильонъ вышелъ. Она выросла передъ нимъ, со скрещенными на груди руками:

— Мои деньги?—проговорила она. Лицо ея показывало, что она не боится въ настоящую минуту ни Бога, ни жандармовъ, ни суда, ни эшафота—ничего!

Жюпильонъ почувствовалъ, какъ насмѣшка замерла у него на губахъ.

— Твои деньги? — повторилъ онъ, — твои деньги, они не пропадутъ. Только надо повременить... Въ настоящую минуту, скажу тебѣ, работа идетъ туго... А магазинъ мой, знаешь, давно уже кончился... Но мѣсяца черезъ три, общаю тебѣ... А ты, какъ поживаешь?

— Ахъ! каналья, ахъ, попался ты мнѣ наконецъ. Ты соби-
рался улизнуть... Но вѣдь ты мое несчастіе! ты сдѣлалъ меня тавою, какою я стала, разбойникъ! воръ! мошенникъ! Ахъ! это ты...

Жермини бросала ему это въ лицо, толкая его въ бокъ, въ грудь, наступая на него всѣмъ тѣломъ. Она, казалось, ждала и желала, чтобы онъ ее прибилъ: «да бей же меня,—повторяла она: что нужно тебѣ сказать, чтобы ты меня прибилъ?»

Она ни о чемъ не думала. Она сама не знала, чего хотѣла; у ней было смутное желаніе, чтобы ее прибили, чтобы боль отъ ударовъ заглушила то, что билось и трепетало въ ея головѣ.

— Ну, ну, старая хрычовка, не приставай къ господину, — произнесъ городской сержантъ, беря Жермини за руку и грубо отгаскивая ее отъ Жюпильона. При грубомъ оскорбленіи, нанесенномъ полицейской рукой, колѣни Жермини подогнулись: она чуть не упала въ обморокъ. Она испугалась и побѣжала по улицѣ.

У страсти бываютъ безумные, необъяснимые возвраты. Проглятая любовь, которую Жермини считала погибшей отъ ранъ и ударовъ, нанесенныхъ Жюпильономъ, снова ожила въ ней.

Она ужаснулась, найдя ее въ своемъ сердцѣ, при возвращеніи домой. Одинъ видъ этого человѣка, звукъ его голоса, минутная близость были достаточны, чтобы перевернуть въ ней сердце и оживить въ немъ все прошлое.

Видѣть его стало для нея потребностью. Она гонялась за нимъ, по цѣлымъ часамъ сторожила улицы, по которымъ онъ долженъ былъ проходить; прослѣдила его до новой его квартиры, въ Батиньоль, счастливая уже тѣмъ, что ступаетъ по тому мѣсту, по которому онъ только-что прошелъ, что видитъ его, ловить его жесты и взгляды. Она не смѣла заговорить съ нимъ, держалась поодаль, какъ заблудшая собака, довольная тѣмъ, что ее не прогоняютъ ударами каблука...

XXI.

Наступилъ ноябрь мѣсяць. Уже два или три дня Жермини не встрѣчала Жюпильона. Она прошла сторожить его воулѣ его квартиры. Войдя въ ту улицу, гдѣ онъ жилъ, она издали увидѣла полоску свѣта, пробивавшуюся сквозь запертыя ставни. Она подошла и услышала взрывы смѣха, чоканье рюмокъ, женскіе голоса, затѣмъ пѣсню и одинъ голосъ, голосъ женщины, которую она ненавидѣла. всею ненавистью души, смерти которой она желала больше всего на свѣтѣ—словомъ, голосъ его кузины!

Она прислонилась къ ставнямъ, прислушиваясь къ говору, терзаемая злой пыткой и алчущая новой пытки. Шелъ ледяной, зимній дождь. Она его не чувствовала. Всѣ ея чувства перешли въ одинъ слухъ. Проходили часы, Жермини не покидала своего поста. Ей и въ голову не приходило уйти. Она ждала, сама не зная чего. Ей казалось, что она должна оставаться тутъ до конца. Дождь лилъ все сильнѣе и сильнѣе. Вода изъ водосточнаго жолоба, пробитаго посрединѣ, капала ей на плечи. Она забиралась за лифъ платья. Ледяная струя пробѣгала у ней по спинѣ. Платье ея насквозь промокло. Она ничего не замѣчала. Душевное страданіе поглощало ее всецѣло...

Два или три дня спустя послѣ этой ночи, проведенной подъ дождемъ, наружность Жермини носила слѣды жестокаго страданія. Глаза ея горѣли, лицо было все въ пятнахъ. Она ничего не говорила, не жаловалась и служила по обыкновенію.

— Постой, постой, погляди-ка на меня, — сказала ей маде-Варандѣиль, и, пританувъ ее къ окну, закричала:

— Отчего это у тебя такое постное лицо? Ты вѣрно больна? Боже мой, какія у тебя горячія руки!

Она взяла ее за пульсъ, потомъ, откинувъ ея руку, закричала:

— Ахъ! ты глупая женщина! да у тебя ужасный жаръ! и ты ни слова не говоришь!

— Ничего, сударыня, право ничего,—пробормотала Жермини, —у меня, кажется, только сильный насморкъ... Я заснула наемднн съ открытымъ окномъ...

— Ну, да ужъ я тебя знаю,—перебила м-лле де-Варандейль:— ты окогбешъ и слова не промолвишь.

Докторъ, призванный м-лле де-Варандейль, вслѣдовалъ Жермини и приказалъ ей вымазаться кротоновымъ масломъ. Разстройство въ груди было такъ значительно, что онъ еще ничего не могъ сказать. Слѣдовало подождать дѣйствія лекарствъ. Черезъ нѣсколько дней онъ вернулся, уложилъ Жермини въ постель и долго выстукивалъ и выслушивалъ ея грудь.

— Это поразительно,—сказалъ онъ м-лле де-Варандейль:—у ней плевроитъ и она не слегла въ постель... Да она желѣзная, что-ли?.. Охъ! женщины, женщины! какая у нихъ энергія!.. Сколько ей лѣтъ?

— Сорокъ-одинъ годъ.

— Сорокъ-одинъ годъ? Не можетъ быть!.. Вы увѣрены въ этомъ? Ей можно дать пятьдесятъ...

...Сколько м-лле де-Варандейль ни говорила, ни убѣждала, ни просила, она не могла добиться, чтобы Жермини согласилась отдохнуть нѣсколько дней. Жермини не хотѣла даже слышать о помощницѣ, которая бы дѣлала за нее всю черную работу. Жермини руководилась при этомъ не однимъ только отвращеніемъ престо народа вообще отъ лежанья въ кровати и бездѣлья: ею руководила ревнивая и непреклонная воля удалить отъ своей госпожи всякія постороннія услуги, она боялась доноса, который могла сдѣлать новая служанка. Ей приходилось стеречь свою госпожу и не допускать до нея никого изъ постороннихъ. Она должна была также показываться на улицѣ, чтобы кварталъ ее видѣлъ на ногахъ, чтобы кредиторы не сочли ее умирающей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и денежки свои погибшими... Эту жестокою и необходимую комедію она разыгрывала въ совершенствѣ. Она геройски заставляла молчать свое больное тѣло, выпрямляла свою согбенную спину, проходя мимо лавомъ, зорко сторожившихъ ее, ускорила шаги, терла себѣ щеки жесткой салфеткой, прежде чѣмъ сойти внизъ, чтобы вызвать подобіе ру-

мянца на полумертвыхъ щекахъ, чтобы прикрасить маску смерти. Несмотря на жестокий кашель, всю ночь раздиравшій ей грудь, несмотря на бессонницу, на отвращеніе къ пищѣ, она всю зиму провела въ борьбѣ съ своимъ тѣломъ, съ болѣзнью, со смертью...

XXII.

Въ августѣ мѣсяцѣ докторъ могъ посоветовать одно только: деревенскій воздухъ. Несмотря на отвращеніе старыхъ людей къ передвиженію, *m-lle de-Варандейль* рѣшилась увезти свою служанку въ деревню. Жермини была вполнѣ счастлива. Въ деревнѣ ей стало какъ будто лучше. Но лѣто въ этотъ годъ было дождливое, холодное. Жермини простудилась, и *m-lle de-Варандейль* снова пришлось слушать тотъ раздираемый кашель, который былъ ей такъ тяжелъ и нестерпимъ въ Парижѣ... Когда онѣ вернулись изъ деревни, докторъ, изслѣдовавъ Жермини, сказалъ:—болѣзнь идетъ быстрыми шагами, быстрыми... Все лѣвое легкое поражено... Правое тоже не въ лучшемъ состояніи... Это погибшая женщина... Она можетъ прожить еще недѣль шесть, много два мѣсяца...

— Ахъ! Боже мой,—проговорила *m-lle de-Варандейль*:—значить, рѣшено, что я переживу всѣхъ, кого любила! Я, значить, умру послѣ всѣхъ? это просто ни на что не похоже!..

...Среди отчаянныхъ безпокойствъ, которыя причиняла *m-lle de-Варандейль* болѣзнь ея служанки, въ ней просыпалось по временамъ какое-то странное ощущеніе, какая-то смутная тревога и боязнь того новаго, неизвѣстнаго, загадочнаго существа, какое болѣзнь создавала изъ Жермини. *M-lle de-Варандейль* было просто не по себѣ въ присутствіи этой молчаливой, сосредоточенной фигуры, словно застывшей въ безмолвномъ и жесткомъ страданіи и изрѣдка лишь блѣдной улыбкой напоминавшей былую Жермини. Старуха видала много умирающихъ на своемъ вѣку; память рисовала ей много лицъ дорогихъ и осужденныхъ на смерть, лицъ, на которыхъ смерть наложила свою печать, лицъ печальныхъ, изможденныхъ, но ни одно изъ нихъ, сколько ей помнилось, не носило, отходя изъ жизни, такого мрачнаго характера убитости и сосредоточенности. Замкнутая въ своемъ страданіи, Жермини оставалась суровой, сдержанной, непроницаемой. Она напоминала мѣдное изваяніе. *M-lle de-Варандейль*, глядя на нее, спрашивала себя, что такъ она въ себѣ такъ упорно: страхъ ли смерти, нежеланіе умирать, или роковую тайну,

угрызения совѣсти, раскаяніе. Ничто изъ внѣшняго міра, казалось, не трогало больную. Она, повидимому, ничего не замѣчала. Она становилась равнодушной во всему, не требовала помощи, не выражала желанія выздоровѣть. Она ни на что не жаловалась; ничто не радовало и не развлекало ее. Самая потребность въ ласкѣ, казалось, покинула ее. Она больше не выражала нѣжныхъ чувствъ и съ каждымъ днемъ частица человѣчности какъ-бы отлетала отъ этой женской души и она какъ-бы превращалась въ камень; часто она погружалась въ безмолвіе, которое, такъ и казалось, должно было бы разрѣшаться воплемъ или какимъ-нибудь признаніемъ; но, обведя глазами вокругъ себя, она ничего не говорила и принималась снова глядѣть въ одну и ту же точку, куда-то въ пустое пространство, пристально, долго.

Когда *m-lle de-Варандейль* возвращалась отъ какой-нибудь знакомой, у которой обѣдала, то находила Жермини въ потѣмкахъ, забившуюся въ кресло, съ вытянутыми ногами, съ головой, опущенной на грудь, въ такой глубокой задумчивости, что иногда она не слыхала, какъ отворялась дверь. *M-lle de-Варандейль*, входя въ комнату, казалось, что она разстроиваетъ ужасный *tête-à-tête* болѣзни и мрака, въ которомъ Жермини уже предвкушала беспросвѣтную тьму могилы и беспросвѣтную ночь смерти...

Наконецъ, Жермини свалилась съ ногъ и ее пришлось отвести въ больницу... Въ четвергъ, день, назначенный для посѣщенія больныхъ родными и знакомыми, *m-lle de-Варандейль* въ половинѣ перваго отправилась повидаться съ Жермини. Она хотѣла быть у ея постели въ самый моментъ пропуска, ровно въ ась. Какую-то она найдетъ ее? И застанетъ ли въ живыхъ?.. Или кровать ее окажется пустою!..

Фиакръ остановился у рѣшетки двора. Былъ часъ безъ пяти минутъ. У дверей толпились женщины въ будничныхъ платьяхъ, рачныя, печальныя, молчаливыя. *M-lle de-Варандейль* смѣшалась съ ними и вошла вмѣстѣ съ толпой; ее обыскали. Она прола указать ей палату св. Жозефины; ей указали второй палатонъ во второмъ этажѣ. Она нашла палату, затѣмъ кровать одъ № 14-мъ, какъ ей сказали, одну изъ послѣднихъ, направо. Тому же ее привлекла туда улыбка Жермини, та улыбка мльныхъ, лежащихъ въ больницѣ, которая такъ кротко говоритъ ожидающему гостю:—я здѣсь...

Она наклонилась надъ постелью. Жермини хотѣла оттолкнуть ее съ смиреннымъ жестомъ.

M-lle de-Варандейль поцѣловала ее.

— Ахъ!—проговорила Жермини,—время очень протянулось для меня вчера... Я вообразила, что уже четвергъ... и соскучилась по васъ.

— Моя бѣдная!.. А какъ ты себя теперь чувствуешь?

— О, теперь мнѣ гораздо лучше... Мнѣ придется тут пробыть недѣли три... Они говорятъ, что я пролежу и цѣлѣй мѣсяцъ, и даже всѣ шесть недѣль..: но я себя знаю... И къ тому же, мнѣ здѣсь очень хорошо, я не скучаю... я теперь сплю по ночамъ... Ну, а у насъ каково? Я думаю, все въ безпорядкѣ?

— Не думай объ этомъ.

Наступило молчаніе. Безцвѣтная улыбка заиграла на губахъ Жермини:

— Я схитрила,—проговорила она вполголоса,—я исповѣдалась для успокоенія совѣсти...

Потомъ, вытянувъ голову на подушкѣ, чтобы быть поближе къ уху m-lle де-Варандейль, шопотомъ сказала:

— Здѣсь такія исторіи... У меня диковинная сосѣдка, знаете ли...

Она указала глазами и плечомъ на больную, къ которой лежала спиной.

— Ее назѣщаетъ любовникъ... Вчера онъ съ ней разговаривалъ больше часу... Я услышала, что у нихъ есть ребенокъ... Она бросила своего мужа... Онъ былъ какъ помѣшанный, потомъ разговаривалъ съ нею...

И, говоря это, Жермини вся взволновалась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вчерашней сцены, вся закипая въ ревнивомъ огнѣ жару отъ того, что наканунѣ смерти почувала такъ близко къ себѣ любовь!

Вдругъ она измѣнилась въ лицѣ. Къ ея кровати подошла женщина. Та какъ будто смѣшалась, увидя m-lle де-Варандейль, черезъ нѣсколько минутъ поцѣловала Жермини и видя, что подходитъ другая женщина, поспѣшила уйти. Вновь приближаясь, сдѣлала то же самое, поцѣловала Жермини и затѣмъ распоролась съ нею. Послѣ женщины пришелъ мужчина; потомъ еще женщина. Всѣ, побывъ съ минуту, наклонялись надъ больною, чтобы поцѣловать ее, и при этомъ m-lle де-Варандейль смутно слышалась какой-то шопотъ, обмѣнъ словъ, глухой вопросъ съ стороны цѣловавшихъ и глухой отвѣтъ со стороны той, которую цѣловали.

— Ну,—сказала она Жермини,—надѣюсь, что тебя не забываютъ.

— Да, да!—повторила Жермини страннымъ голосомъ,—меня не забываютъ.

Все оживленіе ея пропало. Лицо какъ будто застыло; оно было холодно и безучастно, точно камень. Сжатый ротъ какъ-бы скованъ. Черты лица подернулись облакомъ безмолвнаго и жестокаго страданія. Не было больше ничего ласкающаго и говорящаго въ ея неподвижныхъ глазахъ, какъ будто сосредоточенныхъ на одной какой-то мысли...

Дѣло въ томъ, что гости, только-что навѣстившіе ея, были овищица, бакалейщикъ, торговецъ масломъ, прачка—всѣ ея живые долги! Поцалуи, полученные ею, были поцалуями кредиторовъ, приходившихъ развѣдать: обезпечены ли ихъ векселя!

XXIII.

Въ субботу утромъ, m-lle де-Варандейль только-что встала съ постели и увязывала въ корзину четыре банки варенья, которыя собиралась снести на другой день Жермини, когда услышала какіе-то переговоры въ передней между ея новой служанкой и привратникомъ. Почти немедленно дверь отворилась и вошелъ привратникъ.

— Печальная новость, сударыня, — сказалъ онъ.

И протянулъ письмо, которое держалъ въ рукѣ: оно было изъ больницы; Жермини умерла утромъ, въ семь часовъ. M-lle де-Варандейль взяла бумагу и увидѣла только слова, говорившія ей: умерла! умерла! И сколько письмо ни повторяло ей: умерла! умерла! она не могла этому повѣрить. Какъ и всѣ лица, о смерти которыхъ узнаешь внезапно, Жермини представлялась ей живою, и она не могла вообразить себѣ ея умершей. Умерла! она не увидитъ ее больше! Жермини не существуетъ больше на свѣтѣ! Умерла! она умерла! И не она больше будетъ хлопотать въ кухнѣ, не она будетъ отпирать дверь; не она убирать ея комнату по-утру, а какая-то другая!

— Жермини!—вскрикнула она вдругъ тѣмъ голосомъ, какимъ ее обыкновенно кликала; потомъ опомнилась: — машина, вещь!.. Ну же, какъ тамъ тебя зовутъ, — прокричала она рѣзко смущенной служанкѣ. — Давай одѣваться... мнѣ надо ѣхать.

Эта быстрая развязка болѣзни Жермини захватила ее врасплохъ, и ей трудно было освоиться съ ней. Ей трудно было привыкнуть къ мысли объ этой внезапной смерти, таинственной и смутной, о которой ей говорилъ только ключокъ бумаги, который былъ у ней передъ глазами. Дѣйствительно ли Жермини умерла? M-lle де-Варандейль спрашивала себя объ этомъ съ тѣмъ сомнѣ-

ніемъ, какое всегда является у людей, потерявшихъ вдали любимого человѣка и не могущихъ представить себѣ, что онъ умеръ, такъ какъ не видали его умирающимъ. Вѣдь такъ еще недавно она видѣла ее живую? Какимъ образомъ это случилось? Какимъ образомъ она вдругъ стала тѣмъ, что только годно быть зарытымъ въ сырую землю? М-ле де-Варандейль страшно было объ этомъ думать, но она все думала. Тайна этой агоніи, о которой она ничего не знала, привлекала и пугала ее. Ею овладѣвало непреодолимое желаніе все узнать. Ей надо было узнать: не высказала ли Жермини, умирая, какой-нибудь воли, какого-нибудь желанія.

Прибывъ въ больницу, м-ле де-Варандейль спросила монахиню, завѣдывавшую палатой св. Жозефины. Пришла сестра милосердія, маленькая, горбатая, съ некрасивымъ и добрымъ лицомъ. Жермини умерла у нея на рукахъ.

— Она почти не страдала, — сказала сестра милосердія м-ле де-Варандейль: — она чувствовала себя хорошо; ей стало полегче и она надѣялась на выздоровленіе. Утромъ, около семи часовъ, въ ту минуту, какъ оправляли ее постель, съ ней вдругъ сдѣлалась кровавая рвота — и она скончалась.

Сестра прибавила, что она ничего не говорила, ничего не просила.

М-ле де-Варандейль встала, облегченная отъ страшныхъ мыслей, преслѣдовавшихъ ее. Жермини была спасена отъ страданій агоніи, которыя ей мерещились.

Когда она выходила изъ палаты, прислужникъ подошелъ къ ней и спросилъ: — не желаете ли видѣть тѣло?

Тѣло! это слово показалось ей ужаснымъ. Не дожидаясь ея отвѣта, прислужникъ пошелъ впередъ и остановился передъ большою желтоватою дверью, на которой было написано: *амфитеатръ*. Онъ постучался; человѣкъ безъ сюртука, съ трубкой во рту, пріотворилъ дверь и попросилъ немного подождать.

М-ле де-Варандейль дождалась. Собственные мысли пугали ее. Воображеніе ея переносилось по-ту сторону этой запертой двери и она старалась представить себѣ то, что она тамъ увидитъ.

Навонецъ, человѣкъ съ трубкой отворилъ дверь: м-ле де-Варандейль увидѣла гробъ; крышка его была полуприподнята и пропускала голову Жермини съ раскрытыми глазами и волосами, стоявшими дыбомъ на головѣ.

XXIV.

Измученная всѣми этими волненіями, а въ особенности этимъ послѣднимъ зрѣлищемъ, м-лле де-Варандейль, вернувшись къ себѣ, слегла въ постель и дала денегъ привратнику на похороны, поручивъ ему заняться ими и принять на себя всѣ хлопоты, связанные съ ними. И, когда она лежала въ постели, повойница неотступно стояла передъ ней. Ей все мерещилось это страшное мертвое тѣло, это ужасное лицо, обрамленное гробомъ. Взглядъ ея унесъ съ собой навѣки неизгладимое впечатлѣніе: даже закрывъ глаза, она видѣла эту страшную голову, и дрожь охватывала ее. Жермини рисовалась ей съ измученнымъ лицомъ человѣка, павшаго подъ ножомъ убійцы, съ провалившимися глазами, съ искривленнымъ лицомъ, съ волосами, торчащими дыбомъ на ея головѣ!

Ея волосы! вотъ что особенно преслѣдовало м-лле де-Варандейль. Старой дѣвѣ невольно припоминались суевѣрные рассказы, о которыхъ она слыхала въ дѣтствѣ и которые, казалось, давно уже позабыла: она спрашивала себя, не говорили ли ей, что мертвецы, у которыхъ стоятъ волосы дыбомъ на головѣ, были преступниками... И ей все мерещились эти волосы, эти преступные волосы, ставшіе дыбомъ отъ ужаса и страха передъ небеснымъ правосудіемъ, подобно тому, какъ волосы осужденныхъ на смерть становятся дыбомъ передъ эшафотомъ Гревской площади!

Въ воскресенье м-лле де-Варандейль чувствовала себя слишкомъ больной, чтобы встать съ постели. Въ понедѣльникъ она поднялась-было, чтобы ѣхать на похороны, но почувствовала себя такъ дурно, что снова легла въ постель.

— Ну что-жь! кончено?—спросила изъ кровати м-лле де-Варандейль входящаго къ ней портье, возвращавшагося съ кладбища въ черномъ сюртукѣ и съ постной миной, приличной человѣку, вернувшемуся съ похоронъ.

— Да, сударыня... Слава Богу! бѣдная дѣвушка больше не страдаетъ.

— Знаете, я сегодня такъ разстроена... Положите квитанціи и сдачу на мой ночной столикъ... Мы сосчитаемся въ другой разъ.

Привратникъ не уходилъ и мялъ въ рукахъ шапку. Черезъ минуту онъ рѣшился заговорить:

— Похороны дорого стѣять, сударыня... Во-первыхъ...

— Кто васъ просить считать?—перебила м-ле де-Варандейль съ высокогѣриемъ.

Привратникъ продолжалъ:

— И сверхъ того, какъ вы сказали, сударыня, что желаете приобрести мѣсто въ вѣчное владѣнiе, то я и подумалъ: вѣдь это кусается... А вы, сударыня, хоть и очень добры, а все же не такъ, чтобы ужъ очень богаты. Ну, вотъ я и сказалъ себѣ: барышня и безъ того придется переплатить чортову пропасть... Мы вѣдь васъ знаемъ, сударыня... Знаемъ, что вы заплатите... Ну, такъ вотъ, еслибы сдѣлать маленькую экономию на похоронахъ..., такъ оно было бы и встати... Вѣдь ей все одно лежать въ землѣ... Да и на томъ свѣтѣ, чему порадуется она всего болѣе? Конечно, тому, что она никого не обидѣла, бѣдняжка.....

— Платить... За что платить? спросила м-ле де-Варандейль, которой наскучили предисловія привратника.

— Будьте спокойны! она все-таки очень была къ вамъ привязана... И къ тому же, когда она заболѣла, то было не время... О! Боже мой! Вы не стѣсняйтесь, мы подождемъ... Она сто лѣтъ уже должна эти деньги... Вотъ посмотрите...

И онъ вынулъ изъ кармана сюртука гербовую бумагу.

— Я не хотѣлъ брать векселя... Это она сама...

М-ле де-Варандейль схватила гербовую бумагу и увидела внизу:

Признаю вышесказанное

Жермини Ласертѣ.

То была росписка въ трехстахъ франкахъ, съ обязательствомъ уплаты помѣслчно.

— Видите! чисто! ничего не уплачено,—сказалъ привратникъ, переворачивая бумагу.

М-ле де-Варандейль сняла свои очки:—Я заплачу,—сказала она.

Привратникъ поклонился. Она глядѣла на него: онъ не уходилъ.

— Это все, надѣюсь?.. спросила она рѣзко.

Привратникъ пристально глядѣлъ на паркетъ.

— Все, если хотите...

М-ле де-Варандейль испугалась какъ въ ту минуту, когда она собиралась войти въ покой, гдѣ увидить тѣло своей служанки.

— Но какимъ образомъ у нея столько долговъ?—вскричала

она... Я платила ей хорошее жалованье... Я почти на свой счет дѣлала ее... Куда она дѣлала свои деньги?

— Въ этомъ-то вся и штука, судариня... Мнѣ не хотѣлось бы вамъ говорить... Но рано или поздно, а вы узнаете... Тамъ ужъ лучше предупредить васъ,... чтобы васъ не застали врасплохъ... У торговли живностью есть вексель... Бѣдняга была должна всѣмъ направо и налево... Въ послѣднее время она была не особенно аккуратна въ дѣлахъ... Прачка въ прошлый разъ показывала свой счетъ... Довольно великъ... Кажется бакалейщику тоже давно не платили... Онъ принесетъ вамъ свой счетъ.

— Какъ великъ счетъ бакалейщика?

— Около двухсотъ-пятидесяти франковъ.

Всѣ эти открытія, надавшія какъ снѣгъ на голову м-ше де-Варандейль, вырывали у нея глухія восклицанія. Приподнявшись на кровати, она молча созерцала жизнь, покровъ съ которой приподнимался мало-по-малу и позоръ которой освѣщался постепенно.

— Да, около двухсотъ-пятидесяти... Много вина забрано, — говоритъ онъ.

— У меня всегда его достаточно было въ погребѣ.

— Долгъ молочницѣ..., — продолжалъ привратникъ, не отвѣчая: — ну, долгъ молочницѣ не очень великъ... семьдесятъ-пять франковъ... на счетъ стоитъ абсентъ и водка...

— Она пила! — вскричала м-ше де-Варандейль, которая при этихъ словахъ все угадала.

Привратникъ какъ-будто не слыкалъ ее.

— Видите ли, судариня, она на свое несчастіе познакоми-лась съ Жюппильонами... молодой человекъ... она вѣдь не для себя надѣлала всѣ эти долги... Къ тому же горе... Она начала пить... Она надѣялась выдти за него замужъ, надо вамъ сказать... Она отдѣлала ему комнату... Стбить только разъ войти въ долги... Она просто убивала себя, представьте... Ужъ сколько я ей твердилъ, чтобы она бросила пить... Ну, я... вы понимаете, не могъ же я доносить вамъ, что она всѣ ночи напролетъ проводитъ не дома... Опять тоже ее ребенокъ... О! — проговорилъ онъ, видя жестъ, который сдѣлала м-ше де-Варандейль, — большее счастье, что дѣвочка померла... Нужды нѣтъ, она, можно сказать, погуляла на своемъ вѣку... Вотъ почему покупать отдѣльное мѣсто для погребенія... еслибы я былъ на вашемъ мѣстѣ... Она стояла вамъ достаточно дорого при жизни... оставьте ее тамъ, гдѣ она теперь лежитъ... на общемъ кладбищѣ.

— Ахъ, вотъ какъ! вотъ какъ! Она обкрадывала меня для

своихъ любовниковъ! Она дѣлала долги! Ахъ! хорошо она сдѣлала, что убралась по добру по здорову! И мнѣ приходится платить!.. Ребенокъ!.. Скажите, какая негодница! да, пусть ее гнѣтъ въ общей ямѣ. Вы хорошо сдѣлали, м-г Анри... Воровать! Она меня обворовывала! въ общую яму, къ чорту ее! къ чорту! И подумать, что я довѣряла ей всё мои ключи! Подумать, что я никогда не считала денегъ... Боже мой!.. Да! вотъ тебѣ и довѣрие!.. Ну, да я заплачу... не для нея, конечно, а для себя... А я-то дала своихъ двѣ лучшихъ простыни ей на похороны! Ахъ! еслибы я знала! отпустила бы я тебѣ кухонную тряпку, плутовка ты этакая!

И м-ле Варандейль бранилась такимъ образомъ нѣсколько минутъ сряду, пока слова не остановились у ней въ горлѣ и она не поперхнулась.

XXV.

Вслѣдствіе этой сцены, м-ле де-Варандейль пролежала восемь дней въ постели, больная и взбѣшенная, исполненная негодованія, отъ котораго трепетало ея сердце, которое душило ее и изливалось въ какомъ-нибудь крикѣ, бранномъ словѣ, какимъ она поминала усопшую свою служанку. День и ночь она проминала ее, и даже во снѣ гнѣвъ потрясалъ ея худые члены.

Возможно ли: Жермини! ея Жермини! Она не могла придти въ себя отъ изумленія. Надѣлать долговъ!.. прижить ребенка!.. покрыть себя позоромъ! Негодяйка! Она презирала, ненавидѣла ее. Еслибы она была жива, она донесла бы на нее полицейскому комиссару. Она желала бы вѣрнуть въ адъ, чтобы съ наслажденіемъ думать о тѣхъ мувахъ, которыя ее тамъ ожидаютъ. Вотъ какова была ея служанка! дѣвушка, служившая ей цѣлыхъ двадцать лѣтъ, которую она осыпала своими благодѣяніями! Пяница! она дошла до этого! Какъ она ее обманула! какъ она ловко приблудывалась, что любить ее! И чтобы рельефнѣе представить себѣ ея негодяйство и неблагодарность, м-ле де-Варандейль припоминала ея ласки, заботы, ея ревность, которая говорила какъ будто, что она ее обожаетъ. Она представляла себѣ, какъ она склонялась надъ нею во время ея болѣзни. Она вспоминала ея подалуи... И все это была ложь! Преданность ея была ложь! Ея подалуи, ея любовь — все это была ложь! М-ле де-Варандейль говорила, повторяла себѣ все это, а между тѣмъ мало-по-малу, незамѣтно, эти воспоминанія, эти представленія о минувшихъ

дняхъ, въ которыхъ она искала одной горечи, пробуждали въ ней первый порывъ состраданія.

Ей припоминались вещи, на которыя она не обращала вниманія при жизни Жермини, разныя мелочи, на которыя наводить могла и которыя освѣщаетъ смерть. Ей припоминались печальныя взгляды Жермини, ея жесты, позы, лицо, съ печатью отчаянія. И она угадывала теперь, сколько боли, страданія, сколько мукъ, отчаянія и раскаянія, сколько слезъ таилось подъ этой маской.

Потомъ она бранила себя за эти мысли, называла себя старой душой. Ея строгіе и честныя инстинкты, неумолимая совѣсть и безупречная жизнь, все то, что заставляетъ честную женщину чураться погибшей женщины,—все это отвращало ее отъ прощенія. Внутри нея правосудіе, заглушая доброту, восклицало: никогда! никогда! И она отгоняла суровымъ жестомъ опозоренную тѣнь Жермини.

Даже минутами, чтобы еще болѣе укрѣпить свое негодованіе, она клеветала на нее. Она упрекала Жермини въ томъ, въ чемъ та не была грѣшна: она приписывала ей убійственныя помыслы, обвиняла ее въ томъ, что она желала и ждала ея смерти.

Но въ эти самыя минуты, какъ разъ тогда, когда мысли и предположенія ея были самаго мрачнаго свойства, передъ нею вставало одно видѣніе. Къ ней приближался образъ, отъ котораго она не могла отвернуться: m-lle де-Варандейль видѣла свою мертвую служанку. Она видѣла ея лицо такимъ, какимъ оно представлялось ей въ амфитеатрѣ, измученнымъ, отчаяннымъ, страдальческимъ, съ застывшимъ выраженіемъ скорби и мольбы... И m-lle де-Варандейль начинала мало-по-малу сдаваться на эту мольбу. Мало-по-малу состраданіе, которому она сама дивилась, присоединялось къ ея размышленіямъ. Она спрашивала себя: такъ ли бѣдная виновата, какъ это кажется? сама ли она избрала жребій свой? не была ли она игрушкой обстоятельствъ?

....Но тутъ она спохватывалась: вѣдь она готова была простить?

Въ одно прекрасное утро, она соскочила съ постели:

— Эй, вы!... какъ васъ тамъ зовутъ...,—закричала она своей служанкѣ:—чортъ бы побралъ ваше имя, я его все забываю... скорѣе одѣваться.... я должна выдти...

— Помилуйте, сударыня.... посмотрите на крыши, онѣ всѣ бѣлыя.

— Ну, вотъ велика важность; снѣгъ идетъ, вотъ и все.

Десять минутъ спустя m-lle де-Варандейль говорила вучеру фіакра, за которымъ послала:

— На Монмартрское кладбище.

Прибывъ на кладбище, она велѣла пронести себя къ общей могилѣ, ямѣ, прикрытой старыми гнилыми досками и цинковымъ листомъ, на который одинъ изъ могильщиковъ бросилъ свою синюю блузу. M-lle де Варандейль стала переходить отъ креста къ кресту, наклоняясь надъ каждымъ, еле разбирая числа своими плохими глазами. Наконецъ она дошла до креста, на которомъ стояло 8 ноября: то было наканунѣ смерти Жермини. Жермини должна была лежать здѣсь рядомъ. Отъ 9 ноября было пять крестовъ, всѣ одинъ возлѣ другого: но имени Жермини не стояло ни на одномъ изъ нихъ. M-lle де-Варандейль прошла нѣсколько дальше, къ крестамъ отъ 10 ноября, потомъ отъ 11 и отъ 12. Вернулась въ 8, еще оглядѣлась кругомъ; ничего, рѣшительно ничего... Жермини похоронили безъ всякаго креста! никакого знака не стояло, по которому можно было бы признать, гдѣ лежитъ ея бѣдное тѣло!

Старая дѣвица упала на колѣни между двумя крестами, изъ которыхъ одинъ былъ помѣченъ 9 ноября, а другой 10. Остатки Жермини должны повойтись гдѣ-нибудь тутъ. Ея глухая могила находилась на этомъ глухомъ мѣстѣ. Чтобы помолиться надъ нею, надо было молиться наудачу, между двумя числами—какъ будто сама судьба рѣшила, чтобы на землѣ было такъ же мало мѣста для тѣла бѣдной дѣвушки, какъ и для ея сердца!

А. Э.

ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ

II *).

Что касается санитарныхъ условій уѣзда, то, напримѣръ, эпидемическихъ болѣзней до холеры 1872 года въ кураминскомъ уѣздѣ не было. Только лѣтомъ 1870 года казаки въ сел. Той-Тюбе страдали дизентеріей повального характера. Отчасти скудость самихъ казаковъ, отчасти неоприятность ихъ, отчасти недосмотръ и нерадѣніе сотеннаго командира въ связи съ зноемъ, тогда свирѣпствовавшимъ, — были причинами этой болѣзни.

Въ сотняхъ введено было тогда артельное начало даже и въ содержаніи лошадей. Остатки отъ фуражнаго довольствія уже не поступали въ карманъ сотеннаго командира или завѣдывающаго кавалеріей, а дѣлились между казаками по спускѣ на льготу. Изъ этихъ же денегъ заводилось все, нужное въ сотенномъ хозяйствѣ. Такой порядокъ казался тѣмъ справедливымъ, что лошади у казаковъ не казенныя, а собственныя. На дѣлѣ же это имѣло много неудобствъ. Сотенный командиръ обратился въ какого-то первобытнаго атамана, который для рѣшенія вопроса о томъ: купить ли телѣгу для сотенной кляжи, купить ли чіевъ ¹⁾ и плетеное для шалашей, — долженъ былъ собирать «громаду» и предлагать свой проектъ всей сотнѣ. Громада же учитывала своего командира въ расходахъ, ея разрѣшенныхъ. Все это вмѣстѣ съ патріархальностью отношеній казалось намъ, регулярнымъ, весьма необычнымъ, и влекло за собою, напримѣръ, отказъ сотни

*) См. выше: сент., 65 стр.

¹⁾ Чіевъ — такъ сказать, заборъ, ограда, рѣшетка изъ каминитъ, прилазанникъ въ рядъ одна къ другой.

запасать въ походъ указанное количество фуража на томъ основаніи, что въ степи будетъ подножный кормъ, несогласіе устроить навѣсы и шалаши на лагерной стоянкѣ и т. п. Такъ случилось и съ сибирской сотней въ Той-Тюбе: она была выведена за село, къ рѣчкѣ, на все лѣто, а строить себѣ навѣсы отказалась. Казаки размѣстились подъ телѣгами, развѣшивая на оглобли и пики всякую рухлядь. Лагерь скорѣе походилъ на цыганскій таборъ, чѣмъ на военную стоянку; жены и дѣти довершали сходство. Зной, спанье на голой землѣ, нечистота и міазмы произвели то, что дизентерія сдѣлалась эндемической (мѣстной) въ лагерь. Туземцы ею не страдали. Сотню пришлось перевести въ другое мѣсто, и болѣзнь въ ней прекратилась, но за то перешла по наслѣдству къ оренбургской сотнѣ, смѣнившей въ Той-Тюбе сибирскую. Смертность была довольно чувствительна: въ сибирской сотнѣ умерло два, а въ оренбургской пять человѣкъ. Дизентерія стала ослабѣвать только съ наступленіемъ осени, то-есть съ уменьшеніемъ жаровъ.

Изъ эндемическихъ болѣзней въ уѣздѣ свирѣпствуютъ лихорадки и разнообразныя навозныя болѣзни.

Лихорадки обуславливаются прямо искусственнымъ орошеніемъ, родомъ воздѣлываемаго хлѣба, обширными болотами и степенью превышенія даннаго мѣста надъ уровнемъ воды. Рисъ, напримѣръ, требуетъ столько воды, что поля стоятъ четыре мѣсяца болотами: оттого, гдѣ сѣять больше рису — тамъ и больше лихорадокъ. Извѣстно, что въ сѣверной Италіи, гдѣ рисовыя плантаціи также изобилуютъ, запрещено разводить рисъ ближе 15-ти верстъ отъ городовъ — то же по опыту вводится и нами: тапкентскій госпиталь выстроенъ на берегу рѣчки Салара и въ садахъ, — казалось бы чего лучше? Но за рѣчкой (она шириною будетъ съ городскую улицу) начинались рисовыя поля, и въ госпиталѣ поселилась лихорадка. Поступить больной съ какимъ-нибудь ушибомъ, а черезъ три-четыре дня, смотришь, заболѣваетъ лихорадкой!.. Ужъ и таеъ-то госпиталей у насъ боятся, а тутъ еще лихорадка, да тонкія крыши, назначенныя какъ-будто лишь для фильтрованія дождевой воды, да еще стѣнныя отдушны, замѣнявшія вентиляторы съ такимъ успѣхомъ, что черезъ всю комнату задували свѣчу!

Туземцы также недовѣрчиво относятся къ этому госпиталю: въ 1869 году, одинъ кураmineцъ, едва ставъ на ноги, бѣжалъ тайкомъ въ свой кишлакъ, гдѣ тщательно скрывался при дружномъ содѣйствіи односельчанъ. Теперь крыши и отдушны, столь

неудачно придуманныя начальникомъ инженеровъ, передѣланы ¹⁾. Рисовыя поля отодвинуты, и госпиталь по немногу поправляетъ свою репутацію.

Бураминскій уѣздъ такъ богатъ водою и такъ плохо ею распоряжается, что лихорадки составляютъ его законную собственность. Не зная, куда дѣвать отработанную воду, народъ спускаетъ ее въ болота. Той-Тюбе и Чивазъ, гдѣ эти болота группируются наиболѣе, — наиболѣе и страдаютъ отъ лихорадокъ. Что касается командованія мѣстности надъ уровнемъ стоячей воды, а здѣсь еще и надъ уровнемъ орошаемыхъ полей, то уже извѣстенъ фактъ, что туманы, а съ ними и миазмы стоятъ надъ своими источниками, *не поднимаясь выше известной черты* и затѣмъ падаютъ въ видѣ росы. Если нѣтъ вѣтра, который бы отнесъ туманъ къ другому мѣсту, то понятно, что дышать миазмами будутъ только тѣ, кого захватываетъ туманная толща. Чуть мѣсто возвышается болѣе, чѣмъ на 200 футовъ надъ уровнемъ болотъ и затопляемыхъ полей — лихорадка дѣлается въ немъ случайностію: развѣ кто-нибудь захватилъ ее внизу.

Положеніе это подтверждается и наблюденіями въ самомъ уѣздѣ: укрѣпленіе Теляу устроено на возвышенности, а сартовское селеніе лежитъ внизу — процентъ лихорадочныхъ здѣсь и больше. Проѣзжая днемъ мимо полей, залитыхъ водою, слышишь какой-то особенный, затхлый теплый паръ—бѣгите отсюда! При развѣздахъ своихъ я каждый разъ схватывалъ лихорадку, когда случалось надышаться «рисомъ». Лечился я по-кавказски—большимъ приемомъ хины за два часа до пароксизма; но, чтобы опредѣлить время приема, надобно было вынести два пароксизма: тогда узнаешь въ какіе дни и въ которомъ часу является приступъ. Лихорадка превращалась обыкновенно съ перваго же приема.

Несмотря на то, что такъ-называемыя «болотныя» лихорадки всегда и вездѣ имѣютъ одинаковое теченіе и, значитъ, въ Ташкентѣ должны уступать тѣмъ же средствамъ, какъ и на Кавказѣ—тѣмъ не менѣе многіе изъ врачей не раздѣляютъ мнѣнія о необходимости прибѣгать къ большимъ дозамъ. Чтѣ же сказать послѣ этого о самихъ паціентахъ? Они просто боятся «лошадиныхъ приемовъ», какъ яда!

¹⁾ Еще въ 1870 году я ввелъ въ той-тюбинской больницѣ (которую доканчивалъ) вентиляторы-респираторы съ дневными листами, пробитыми мелкими дырочками. Ящикъ вентилятора имѣлъ двѣ неполныя перегородки, задерживавшія напоръ вѣтра. Я предлагалъ ихъ и начальнику инженеровъ. Теперь въ госпиталѣ введено нѣчто подобае, но уже по настоянію одного молодого врача.

Казалось бы, послѣ блестящихъ результатовъ гиподермическаго способа, ограничивающагося 10 гранами тамъ, гдѣ прежде употреблялось 200, — вопросъ долженъ бы считаться рѣшеннымъ, но недоуверіе въ *новости* и отвращеніе «вольныхъ» пациентовъ отъ всего, что напоминаетъ операцию—препятствуютъ повсемѣстному введенію этого способа. Но если ужъ не подкожное впрыскиваніе, то во всякомъ случаѣ лучше принять 18—20 гранъ сразу, чѣмъ 120 или 200 гранъ понемногу въ теченіи цѣлаго мѣсяца: и дешевле, и лихорадка скорѣе броситъ. Количество хины, отпускаемое въ госпитали туркестанскаго округа, такъ не соответствуетъ потребности, что врачи по неволѣ прибѣгаютъ къ мышьяку, какъ это было, напримѣръ, въ 1868 и 1869 годахъ въ лазаретѣ укр. Ключевого, близъ Джизака. Ключевое вообще отличалось болѣзненностію и смертностію гарнизона. Выбралъ мѣсто самъ генераль-губернаторъ, руководясь одними стратегическими соображеніями. Въ тактическомъ отношеніи укрѣпленіе было весьма неудовлетворительно: стоявшая передъ фронтомъ гора командовала внутренностію Ключевого въ такой степени, что укрыться можно было развѣ за постройками лазарета, да и то въ полость, шириною шаговъ въ десять—остальное все было открыто, но генераль зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и Ключевое стояло бы за себя противъ бухарцевъ.

Средства казенной аптеки очень скудны; понятно, какъ дорожили хиной врачи и какими гомеопатическими дозами старались они обходиться. Я помню, какъ былъ обрадованъ ключевской врачъ, когда я отдалъ ему весь свой запасъ хины (не болѣе унцъ). Самъ онъ развѣшивалъ дозы, сдѣлалъ растворы и торжественно понесъ стѣлочки къ больнымъ, уже три мѣсяца сидѣвшимъ на мышьякѣ. — «Сегодня у насъ балъ!» сказалъ онъ на прощаніе.

Въ такомъ же почти положеніи, относительно хины, находился и ташкентскій госпиталь, гдѣ больныхъ было чуть не въпятиро больше. Военно-медицинскій инспекторъ, старшій казначей, осматривая госпиталь, спросилъ молодого врача:

— Какъ велика доза?

— Полтора грана, три раза въ день.

— Да вы разорить казну хотите, — какъ можно давать столько хины?

— Помилуйте, — усмѣхается ординаторъ: — ужъ меньше и невозможно...

— Кто вамъ говоритъ *меньше*: давайте вчетверо, но сразу — больной тотчасъ и поправится, а съ вашими полтора гранами вы

будете напрасно пичкать его цѣлый годъ, изведете полфунта хины и все-таки ничего не добьетесь, — а хина вѣдь дорога!

Совершенно вѣрная мысль: если хочешь сберечь и время, и деньги, и силы больного — давай большіе приемы.

Подозрѣніе въспрыскиваніе — новость для многихъ врачей и требуетъ все-таки нѣкоторой сноровки, а потому весьма рѣдко употребляется. Туземцы еще не подвергались опытамъ и потому невѣстно, какъ они отнесутся къ этому средству. Скорѣе, впрочемъ, можно ожидать недовѣрія. Я убѣдился на дѣлѣ, что такому непосредственному человѣку, какъ киргизъ, кураминецъ и даже сартъ, больше всего внушаютъ довѣрія «чувствительныя» средства: горькая хина, выжимающій слезы напатырный спиртъ, обжигающій паршу растворъ ѣдкаго кали, несмываемый ничѣмъ адскій камень, моментально дѣйствующія рвотныя, слабительныя и проч. Когда дѣйствіе лекарства скоро и замѣтно — дикому человѣку лучше ничего и не надо. Онъ доволенъ будетъ даже и однимъ впечатлѣніемъ вкуса, обонянія, осязанія: горько, воняетъ, щиплетъ — вотъ это и лекарство! Къ хинѣ сразу получили довѣріе ужъ за одно то, что она горька, «какъ желчь», хуже!

По всему этому я полагаю, что туземцевъ еще долго придется лечить одними внутренними приемами, а въ этомъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть кавказскій способъ: за два часа до пароксизма дать 15—20 гранъ (это взрослому).

Лихорадки, *бизекз*, переходятъ часто въ горячки, *сузенз*. Туземные лекаря «таубы», «хакимы» (первое по-киргизски, второе по-сартовски) — лечатъ горячку отваромъ *сана* — какой-то желтоватой травы, запрещаютъ мясо и даютъ пить *сары-су* (желтая вода), т.-е. смворотку отъ коровьяго молока. Возвратная горячка, *кыталаманз*, рѣдко излечивается. Больного пользуют животными ваннами: убьютъ лошадь, снимутъ съ нея кожу и завертываютъ въ нее больного. Каждый разъ надобно свѣжую шкуру. Если узяъ ничто не помогаетъ, то, по древнему обычаю, въ обмѣнъ за человѣка предлагаютъ Богу бѣлаго барана: обведутъ его три раза вокругъ больного и затѣмъ прирѣжутъ, причитывая такое обращеніе: «вотъ тебѣ душа за душу — оставь больному жизнь!»

Болезни припадочнаго характера обыкновенно сваливаются у киргизовъ на «нечистую силу». Но противъ *шайтана*, чорта, и противъ *албасты*, домового, всегда найдется средство: *бакса*, захаръ, сейчасъ научить что дѣлать. Можетъ понадобится лошадь съ большими бѣлыми глазами, филинъ, беркутъ, сойка, наконецъ колючка (кустарникъ чингиль) или сабля. Всего этого

нечистая сила не переносить! Крикъ филина распугиваетъ цѣлыя стаи чертей, перышко его на шапкѣ или гдѣ-нибудь на платкѣ, а не то и въ гривѣ лошади—прекрасное средство отогнать дьявола... Набросивъ на голое тѣло больного пучокъ колючки, можно исколотъ и чертей... Воткнутая въ землю, остріемъ вверхъ, обнаженная сабля служить грознымъ сторожемъ...

Можно и предотвратить болѣзни: для этого стѣбать только носить на шеѣ какой-нибудь *тумаръ*, талисманъ. Его обыкновенно зашиваютъ въ шелковую или же бумажную матерію. На шеѣ лошади также вѣшается тумаръ, какая-нибудь нашептанный бусы или раковина. Для путника лучшій талисманъ: *яда-танъ* или безоаръ—камень синяго, зеленаго желтаго, бѣлаго, тѣлеснаго или и чернаго цвѣтовъ. Его находятъ въ желудкѣ коровъ и лошадей. Если надобенъ дождь, стѣбать только привязать яда-танъ къ прутику и поставить его въ чистую воду; для вѣдра—привязать къ хвосту лошади; для прохлады—заткнуть его за поясъ, — тогда явятся облака...

Въ большомъ ходу также разныя заклинанія и молитвы. Разрѣзавъ бумагу на узкія полосы и склеивъ ихъ въ длинную хартію, мулла тщательно исписываетъ ее красными и черными строками. Тутъ не забыта ни сабля, ни пика, ни ружье, ни пушка, ни *чокмаръ* (палица съ мѣднымъ или чугуннымъ граненымъ шаромъ), ни штыкъ, ни стрѣла, ни *айбалта* (топоръ на длинной рукояті), словомъ, ни одинъ инструментъ, сокращающій дни человѣка. Владѣлецъ такого талисмана не можетъ никогда погибнуть насильственной смертію, потому онъ не скупится съ мулою и затѣмъ, скатавъ хартію въ трубочку, зашиваетъ ее въ каннаусъ и вѣшаетъ себѣ на шею. Такіе талисманы, конечно, весьма дѣйствительны: въ моей коллекціи есть одинъ экземпляръ, снятый съ убитаго!

Бываютъ и спеціальныя заговоры противъ одной какой-нибудь болѣзни; они служатъ не только какъ «наружное» средство для ношенія на шеѣ, но и какъ «внутреннее»: туземцы вѣрятъ, что если разжевать бумагу и проглотить, то святыя слова или, вѣрнѣе, чернила, которыми эти слова написаны, исцѣлятъ недугъ не хуже заправскаго лекарства ¹⁾. Туземные лекаря любятъ въ особенности одно специфическое средство, *сынемаз*, гуть.

¹⁾ Чернила, *сими*, приготовляются слѣдующимъ образомъ: зажигаютъ въ небольшой чашкѣ льняное масло и держатъ надъ пламенемъ другую чашку, на которую и садится копоть. Сажу эту смѣшиваютъ съ рисомъ, прибавляютъ воды и развариваютъ въ клейстеръ—получается тушь, которую кусочками завертываютъ въ бумагу и для употребленія разводятъ водою.

Правда, что венерическая болѣзнь не рѣдкость, но сынеть дается при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не стѣсняясь разгадывать болѣзнь!

До какой степени шарлатанятъ туземные «таубы», можно судить изъ того, что они, пощупавъ только пульсъ и не разспрашивая ни о чемъ больного, прямо назначаютъ уже лекарство. Не трудно угадать, что это будетъ чаще всего любимое сынеть. Народъ до такой степени привыкъ къ подобному способу распознаванія болѣзней, что подробные разспросы нашихъ врачей кажутся ему явнымъ признакомъ незнанія. Во время моей рекогносцировки къ Буканъ-тау, въ 1869 году, съ нашимъ докторомъ, Исихановымъ, разыгралась слѣдующая сцена:

— Зачѣмъ я тебѣ буду рассказывать, вотъ тебѣ моя рука— узнавай самъ!—говорить, иронически поглядывая на нашего доктора, скептикъ киргизъ.

— Голова болитъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Эхъ, тюря,—смѣется киргизъ:—голова болитъ, сердце боитъ, брюхо болитъ; если все тебѣ скажу, не трудно будетъ узнать, а ты самъ узнай!

Только узнавъ, что докторъ ничего не беретъ ни за совѣты, ни за лекарства—киргизы перестали потѣшаться и съ недоумѣниемъ посматривали другъ на друга. На возвратномъ пути, когда же лекарства на нѣкоторыхъ подѣйствовали,—доктору не было тѣло отъ больныхъ. Многіе пріѣхали изъ сосѣднихъ ауловъ, а нѣсколько больныхъ, нуждавшихся въ продолжительномъ леченіи, обирались двинуться за отрядомъ, въ Джизакъ—это за 400 ерствъ! Дѣло въ томъ, что туземные знахари за свои картіи-заливанія, а лекаря за разныя таинственныя пилюли берутъ иногда о золотому за штуку! Правда, что и пилюли золочены,—съ горостію замѣчаетъ паціентъ.

— Да помогало ли хоть немного?—спрашиваемъ.

— Я мало съѣлъ, денегъ не хватило, а то бы совсѣмъ былъ цуровъ, слюна такъ и бѣжала, такъ и бѣжала!

Туземные лекаря передаютъ свои знанія въ наслѣдство дѣшмъ. Впрочемъ, въ Бухарѣ существуетъ медицинская школа, *аръ-шишфа* на 50—60 студентовъ. При школѣ есть и лазаретъ на 80 больныхъ. Таубы хорошо лечатъ только раны—это къ у всѣхъ азіатовъ, такъ-сказать, врожденное искусство: практика большая!

Потертую спину лошади лечатъ, между прочимъ, сочнымъ вѣлемъ «волючки», изъ рода асса-фетидъ (*fegulaeae*). Это однодѣтнее растеніе, высотой иногда въ ростъ человѣка, имѣетъ тол-

стый прямой стебель и зонтичную верхушку. Иадали, въ особен-ности при миражахъ или рѣяннн нижнихъ слоевъ нагрѣтаго во-духа, кустъ вонючки кажется цѣлымъ деревомъ и чрезвычайно оживляетъ голую, голодную степь, гдѣ это растеніе изобилуетъ. Солдаты прозвали ее «бухарскою капустой»; молодые побѣги ея кочевники употребляютъ въ пищу. Старые стебли такъ отвратительно пахнутъ, что на бивуакахъ не привыкшіе люди не знаютъ куда дѣваться отъ запаха. Я даже просыпался ночью, когда вдругъ вѣтромъ потянетъ со стороны, гдѣ еще остались на корню кусты этой капусты; я обыкновенно вырубаю ее пашкой, подъ самый корень, по крайней мѣрѣ, шаговъ на тридцать во всѣ стороны отъ своей бурки и сѣдла, служившихъ мнѣ постелью.

Изъ другихъ растений туземцы знакомы съ золототысячникомъ (*erythraea centaureum*), который употребляютъ въ лихорадкахъ, какъ равно и гранатную корку *наръ-пустъ* («пустъ» — значитъ жожа). *Кизилъ-юуриука* — мелкія бурныя сѣмена, привозимыя изъ горъ, употребляютъ противъ поноса и рвоты; *сафистанъ*, сушеные плоды въ родѣ вишень, привозятся изъ Индіи, употреб-ляются въ грудныхъ болѣзняхъ. Тамарандовыя яблоки также упо-требительны. *Седана* (*semina nigellae*), *суфа* — какія-то маленькія сѣмена, разбухающія въ водѣ и покрывающіяся слизью, такъ что глотаются легко; *стунука* — тоже сѣмена — все это отъ головной боли и расстройства желудка.

Весьма развиты также всевозможныя навозныя болѣзни: чесотка, короста, лишай, такъ-называемая «сартовская язва» и проч. Все это, несмотря на кажущуюся чистоплотность народа, об-язаннаго религіей совершать ежедневныя омовенія, — всѣ эти бо-лѣзни развиты въ неутѣшительныхъ размѣрахъ. Рѣдкій туземецъ уйдетъ отъ парши и сартовской болѣзни. Первая, какъ раститель-ный паразитъ, распространяется, конечно, путемъ прикосновенія, путемъ переноса *споръ* (зародышей грибовъ). Выражаясь проща-болѣзнь эта «прилипчива» — грибки прилипаютъ ко всему, что до нихъ коснется. Переносъ этихъ споръ совершается чаще всего кистью цирюльника, брѣющаго головы и больныхъ, и здоровыхъ, затѣмъ тюбетейкой (ермолва), попадающей буквально «съ больной головы на здоровую». Почва для произрастанія растений во всякомъ случаѣ готовая и восприимчивая, такъ какъ во-правовѣрнаго чаще знакомятся съ водою, чѣмъ голова. Тюбетейка, неснимаемый головной уборъ, задерживаетъ испарину и, благода-ря развитію при этомъ теплоты и влажности — какъ нельзя болѣе способствуетъ разнымъ произрастаніямъ, если бритва не весьма часто ихъ соскабливаетъ.

За отсутствіемъ или болѣзнью врача мѣ, какъ любителю, приходилось часто возиться съ больными, конечно, «невинными», каковы, напримѣръ, лихорадочные и пораженные разными наружными изъязвами. Чесотка скоро уступала простому керосину, а парша—раствору йодаго кали. Что касается «сартовской болѣзни», то она для самихъ туземцевъ составляетъ загадку и, повидимому, не поддается мѣрамъ предупредительнымъ. Названіе «сартовской» дано русскими, сами сарты называютъ ее «авганъ-яра», афганская язва, или еще *паша-хурда*, злая муха, но это свидѣтельствуетъ только о попыткѣ объяснить какъ-нибудь происхожденіе болѣзни. Афганцы называютъ ее «индійской язвой»; не знаю, какъ называютъ индійцы. Ясно только, что кто отъ кого позаимствовалъ болѣзнь, тотъ такъ и зоветъ. Что касается до названія «паша-хурда», то здѣсь скрывается предположеніе, будто язва является слѣдствіемъ переноса «трупнаго яда» — мухой, сидѣвшей прежде на падали. Въ особенности опасно, когда муха лизала мертвую змѣю...

Отвергать участіе насѣкомыхъ въ распространеніи разныхъ заразительныхъ болѣзней нельзя—по крайней мѣрѣ фактъ переноса мухами сибирской язвы съ животныхъ на людей считается доказаннымъ. Тѣмъ не менѣе, я не могу согласиться безусловно съ такимъ предположеніемъ и относительно сартовской язвы. Я допускаю только одно: муха дѣйствительно можетъ перенести на запахъ заразительную матерію съ больного человѣка на здороваго, но трупный ядъ тутъ не причемъ, потому что на здоровую, непорѣзанную кожу онъ не дѣйствуетъ, а мухи кусающіяся садятся только на живыхъ кормильцевъ, ибо изъ трупа крови ей не насосать. Нѣкоторые врачи считаютъ сартовскую язву тождественной съ гвинейскимъ прыщомъ, алепскую язвой и т. п.; но во всякомъ случаѣ это, кажется, одинъ изъ видовъ зепры (проказы). Извѣстенъ фактъ, что «сартовская» посѣщаетъ преимущественно лицо и руки, т.-е. именно тѣ части тѣла, которыя чаще всего знакомятся съ водою.

Въ Ташкентѣ, между русскими, населяющими *удру* ¹⁾, язва имѣла нѣсколько жертвъ, тогда какъ въ другихъ частяхъ города она почти не встрѣчалась. Это наводитъ на мысль, что больные были обьяваны болѣзнью водѣ. Приписывать болѣзнь неопратности нельзя уже потому, что она часто поражала людей, наиболѣе опратныхъ: нѣсколько весьма изящныхъ дамъ имѣли эту болѣзнь на лбу, щекахъ, переносѣ—а ужъ какъ онѣ заботятся о лицѣ!

¹⁾ Часть города, построенная на мѣстѣ бывшей кожанской цитадели.

Замѣчено также, что болѣзнь распространяется по арыкамъ: если перебрать всѣхъ больныхъ—окажется, что они берутъ воду изъ одного арыка. Вода, проходя черезъ весь городъ и омывая въ каждомъ дворѣ всякую дрянь, несетъ ее далѣе и, чистая на видъ, все-таки заражаетъ употребляющихъ ее для умыванія. Какъ небрежно и безсовѣстно обращаются съ водой сами русскіе—трудно себѣ вообразить. Однажды у меня во дворѣ перестала течь вода; хозяинъ, замѣтивъ, что подъ стѣной отъ сосѣдняго двора, гдѣ проходилъ арыкъ, что-то завязло, протолкнувъ это что-то. Въ его бассейнѣ ¹⁾ торжественно приплыла женская рубашка и затѣмъ дѣтскія пеленки—не скажу, въ какомъ видѣ! Каждый заботится только о себѣ, точно онъ сидитъ на краю свѣта и за нимъ никто уже не живетъ. Наблюдать за честностію отношеній къ сосѣдямъ въ дѣлѣ пользованія водою—невозможно. Единственное средство дать всѣмъ хорошую воду—провести *закрытые* водопроводы.

Краснота, припухлость кожи, затвердѣніе, затѣмъ, изъязвленія поверхности и бурая корка—вотъ теченіе язвы. Она медленно уступаетъ леченію. Туземцы лечатъ ее разными ѣдкими мазями изъ мѣднаго купороса, укуса и меда. Русскіе врачи пробовали и прижиганія яписомъ, и іодистые препараты—все невѣрно, все медленно и все оставляетъ по заживленіи безобразный шрамъ, напоминающій оспенную рябинку, только въ увеличенномъ масштабѣ (величиною иногда въ двугривенный, а то и больше). Одинъ изъ старшихъ врачей туркестанскаго края болѣе года ходилъ съ перевязанными руками—такъ онъ былъ пораженъ «сартовскою». Несмотря ни на знанія, ни на обиліе средствъ, язва не поддавалась. Кажется, единственное предохранительное средство противъ «сартовской» заключается въ томъ, чтобы не употреблять для умыванія воды не кипяченой или, по крайней мѣрѣ, не колодезной. Въ колодезь все-таки вода фильтруется черезъ значительную толщу земли.

Изъ прочихъ видовъ проказы, достойна вниманія еще *маза*, но пораженные ею тщательно скрываются отъ глазъ постороннихъ и ничѣмъ не лечатся. Въ трехъ верстахъ отъ Ташкента есть кишлакъ *Мазао*, куда сорокъ лѣтъ тому назадъ были поселены всѣ прокаженные, изолированные такимъ образомъ отъ остальнаго общества и лишенные почти всѣхъ гражданскихъ правъ. Кишлакъ этотъ напоминаетъ скитъ: изъ высокихъ глиняныхъ

¹⁾ Здѣсь почти въ каждомъ дворѣ вырыта яма для запаса воды. Въ ней купаются, полощутъ бѣлье, а нѣкоторые послѣ этого еще и берутъ воду для самоваровъ.

стѣнъ, окружающихъ четверугольное пространство, ничего не видно. Внутри въ стѣнамъ прислонены грязныя и темныя кельи. Я посѣщала этотъ кишлакъ нѣсколько разъ, посылала оттуда больныхъ въ ташкентскій госпиталь (собственно съ цѣлью доставленія врачамъ случая ознакомиться съ болѣзнію), раздавалъ поскорѣе милостыню и торопился уѣхать.

Видъ ужасный. Ни одинъ туземецъ добромъ сюда не заглядеть, и мой проводникъ и старшина сосѣднаго кишлака старались оставаться внѣ приближенія махаоновъ въ окружающемъ его саду. Все населеніе кишлака Махао состоитъ изъ 31 души; они влчатъ свое горькое существованіе, питааясь милостынею, производя на свѣтъ такихъ же горемыкъ, пораженныхъ проказою иногда со дня рожденія.

Въ 1869 году между махаонами было 29 взрослыхъ, пораженныхъ въ разной степени: почти всѣ они были покрыты злокачественною сыпью, у 12-ти человѣкъ уничтожены носовые хрящи, причѣмъ у 5-ти человѣкъ уничтожены также мягкое нѣбо и язычокъ... У *двоихъ* поражены и глаза... Затѣмъ одинъ съ трудомъ раскрывалъ ротъ, вслѣдствіе рубцовъ на лицѣ, у другого была большая язва на ногѣ, у третьяго—пальцы сведены на рукахъ и ногахъ. Кромѣ того, у 4-хъ чел. отпали пальцы на конечностяхъ и, наконецъ, у одной женщины отвалилась вся стопа... Общіе признаки махао таковы: кромѣ изуродованій на лицѣ (рубцы, язвы, шишки, отсутствіе носовыхъ хрящей, поврежденіе глазъ и проч.) и поврежденій нѣба, гортани и языка—все тѣло больного, и въ особенности конечности, покрыты сыпью (progniasis) съ атрофіей мускуловъ, худосочными язвами, сведеніями и искривленіями пальцевъ, а иногда и совершеннымъ отпаденіемъ ихъ.

Уѣздный врачъ опредѣлялъ болѣзнь сифилисомъ, осложненнымъ цынгою. Такъ смотрять и нѣкоторые другіе. На мой взглядъ эта болѣзнь кажется тождественною съ *чанли* у астраханскихъ киргизовъ, съ *урусъ-котуръ* у ногайцевъ, съ *крымскою болѣзнію*, обнаружившейся у донцевъ еще въ половинѣ прошлаго вѣка, съ *черною немочію*, свирѣпствовавшей въ остальной Россіи, со шведскою *spedalshed* и т. д., словомъ, съ *elephantiasis* грежовъ. Докторъ Козловскій, изслѣдовавшій эту болѣзнь въ Терской области на Кавказѣ, помѣстилъ замѣчательную монографію ея на страницахъ «Военно-Медицинскаго Журнала» за 1869 г.

Проявленія этой болѣзни совершенно тождественны съ туркестанскою махао: сначала на кожѣ появляются пятна, пузырьки,

узы, бугры — въ особенности на лицѣ и конечностяхъ. При этомъ названныя части тѣла до того обезображиваются отѣкомъ и буграми, что посторонній глазъ невольно ищетъ сравненій: лицо кажется львинымъ, ноги — слоновыми. Отсюда и названіе «слоновая болѣзнь», элевантіазисъ. Затѣмъ, вторая стадія: начинаютъ крошиться ногти; потомъ бугры изъязвляются — впрочемъ, это не всегда; слизистыя оболочки носа, рта и глазъ поражаются также утолщеніями, буграми и, наконецъ, изъязвленіями; затѣмъ кости носа, твердаго нѣба, суставовъ пальцевъ поражаются каріознымъ процессомъ (костюдою) и въ послѣднемъ случаѣ, то есть при костоудѣ пальцевъ, когда послѣдній суставъ выкрошится, ноготь переходитъ нерѣдко на второй суставъ, а затѣмъ и на первый, — оговаривается тогда, что у больного всѣ пальцы въ два и даже въ одинъ суставъ. Далѣе, мускулы атрофируются, т. е. худѣютъ, чахнутъ; лимфатическія железы припухаютъ; нервная система разстраивается, а чувство осязанія притупляется до того, что, на примѣръ, больной, грѣясь у огня, не чувствуетъ боли отъ обжоговъ, не замѣчаетъ, что руки или ноги у него поджариваются, отдѣленія кожи прекращаются — больной не потѣетъ; являются расстройства органовъ дыханія, что выражается *жвонкою воздухомъ* и вонючимъ выдыханіемъ; разстраивается и пищевареніе. Затѣмъ роза, цынга, лишай, лихорадки — суть только осложненія этой мучительной болѣзни.

Въ ходжентскомъ уѣздѣ, въ трехъ верстахъ отъ Ура-Тюбе есть свой кишлакъ Махао, состоящій изъ 7-ми дворовъ, въ которыхъ помѣщалось въ 1870 году: 15 мужчинъ, 5 женщинъ и двое дѣтей — всего 22 человѣка. Прежде этотъ кишлакъ былъ подъ самыми стѣнами Ура-Тюбе, но въ двадцатыхъ годахъ перенесенъ тогдашнимъ бекомъ на новое мѣсто, подальше отъ города.

Въ извѣстномъ сочиненіи доктора Шимановскаго: «Операция на поверхности человѣческаго тѣла», помѣщено описаніе одного субъекта, до чрезвычайности схожаго съ однимъ ура-тюбинскимъ. Субъектъ этотъ былъ латышь, изъ окрестностей Вендена, въ Курляндіи. Шимановскій приводитъ его какъ курьезъ, подъ характернымъ названіемъ *тыквенной головы*. Но тамъ это уродство было слѣдствіемъ разѣдающаго лишая (*lupus*). Весьма возможно, что и здѣсь, въ Средней Азій, нерѣдко за махао принимаютъ *lupus*, такъ что можетъ быть нѣкоторые больные попадаютъ въ отшельники, въ махаоны, не совсѣмъ справедливо.

Комплектованіе лепрозныхъ кишлаковъ и, слѣдовательно, наблюденіе за выдѣленіемъ больныхъ изъ среды здоровыхъ, лежитъ

на самихъ махаонахъ: какъ только слухи о вновь заболѣвшемъ достигли до лепрознаго кишлака, тотчасъ же снаряжается депутация, которая и требуетъ больного въ свою общину. Богатые откупаются ежегоднымъ взносомъ отъ 50 до 100 рублей, а бѣдные—покоряются, если не убѣжденіямъ, то силѣ, и волей-неволей водворяются въ средѣ махаоновъ.

Трудно сказать положительно: заразительна ли эта болѣзнь въ настоящее время? Прежде она дѣйствовала эпидемически и передавалась привосновеніемъ; поэтому удаленіе больныхъ изъ среды общества было совершенно основательно и справедливо. Теперь многіе примѣры доказываютъ, что лепра переходитъ только въ наслѣдство; а, напримѣръ, здоровый, супругъ не заражается отъ больного. Спросить пожалуй: какъ же рискуетъ женщина выдти замужъ за прокаженного или, наоборотъ—здоровый мужчина жениться на больной? Дѣло весьма простое и потому неотвратимое: болѣзнь проявляется большею частью въ зрѣломъ возрастѣ, а молодежь часто навзгладъ совершенно здорова и потому храбро женится.

Проказа, можетъ быть, гнѣздится въ крови многихъ изъ тѣхъ, у кого мы видимъ изуродованные ногти, исковерканное буграми и прыщами лицо и прочее. Но это уже можетъ быть ослабѣвшій отъ времени типъ, пугающій гораздо менѣе, чѣмъ, напримѣръ, золотуха.

Изъ другихъ не эпидемическихъ, а занесенныхъ со стороны, болѣзаней, можно упомянуть о *сифилисѣ* и *риштѣ* ¹⁾. Множество туземныхъ хакимовъ, правящихъ въ тиши и неизвѣстности, не позволяютъ статистикѣ добыть цифры заболѣвающихъ сифилисомъ. Но значительная пропорція такихъ больныхъ въ населеніи очевидна... Смыслъ, ртуть, какъ уже сказано, есть любимое средство туземныхъ лекарей.

Что касается ришты, то зародыши этого червя водятся преимущественно въ стоячей водѣ *аузовъ*, бассейновъ, а въ текучей водѣ рѣчекъ и арызовъ чувствуютъ природное отвращеніе. По наблюденіямъ покойнаго Федченки ²⁾ зародыши эти попадаютъ въ воду бассейновъ при омовеніяхъ. Ришта есть круглый тонкій червь (*filaria medinensis*) бѣловатаго цвѣта, длиною въ 1½ аршина. Если ее перервать или даже проколоть, то вытекаетъ густая бѣловатая жидкость, въ которой уже подъ лупой можно видѣть множество весьма мелкихъ зародышей, двигающихся весьма

¹⁾ Ришта, по-персидски значитъ нитка.

²⁾ Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естественн. Т. VIII и Русскій Туркестанъ, выпускъ 2-й.

быстро. Зародышъ имѣетъ видъ микроскопическаго червя, длиною въ 0,65 миллим., а толщиною въ 0,02 миллим. Если рипта какъ-нибудь перервана, то зародыши (а ихъ миллионы), при омываніи раны, попадаютъ въ арыкъ, а затѣмъ и въ бассейнъ, куда арыкъ входитъ. Здѣсь въ стоячей водѣ обыкновенно множество *циклоповъ*—водяныхъ вшей, какъ называютъ русскіе. Зародыши обвиваются около мохнатыхъ ножекъ циклоповъ и пробуравливаются черезъ брюшные покровы ихъ внутрь, гдѣ и развиваются, теряя при этомъ свой хвостъ и становясь короче на двѣ-десятыхъ миллиметра. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ вода въ бассейнахъ рѣдко освѣжается—тамъ и циклоповъ больше, а слѣдовательно и рипта чаще встрѣчается. Знамениты въ этомъ отношеніи Джизакъ, Бухара и Карши. Циклопъ едва замѣтенъ для глазъ и человѣкъ, не употребляющій фильтры или доувѣряющійся сырой некипяченой водѣ, проглатываетъ тысячи этихъ животныхъ. При кипяченіи все водяное населеніе умираетъ и тонетъ на дно сосуда—вода безвредна. Хорошая фильтра не пропуститъ этого населенія въ вапъ стаканъ, и это пока *единственныя* средства, предохраняющія отъ зараженія риптой. Для очищенія самихъ прудовъ Федченко рекомендуетъ развести въ нихъ рыбъ, которыя будутъ поѣдать циклоповъ миллионами.

Попавъ въ желудокъ, оттуда въ кишки, млечный протокъ и наконецъ въ артерію, зародыши разносятся кровью по всему тѣлу и остаются въ подкожной кѣлѣчаткѣ, а иногда и въ кѣлѣчаткѣ между мускулами. Здѣсь червь начинаетъ расти, питаясь сосніемъ. Порошица у него зарастаетъ, вѣроятно, какъ не нужна. Чаще всего рипта встрѣчается въ нижнихъ конечностяхъ, но бываетъ и въ другихъ частяхъ тѣла—даже подъ кожей головы. Лежитъ она обыкновенно вытянувшись во всю длину, иногда же, особенно, когда ихъ нѣсколько экземпляровъ, то и клубкомъ, величиною съ дѣтскій кулакъ. Въ Ташкентѣ у одного, чуть ли не самаго богатаго въ краѣ туземца, извлечено было однажды двѣнадцать штукъ изъ разныхъ частей тѣла.

Окончательнаго развитія рипта достигаетъ въ теченіе жаркихъ мѣсяцевъ, съ мая по августъ. Въ это время, на томъ мѣстѣ кожи, гдѣ приходится головка рипты, образуется краснота и маленький зудящій пупырынь. Большой часно расчесываетъ это мѣсто и тогда въ отверстіи, при давленіи на окружающую кожу, видна бываетъ головка рипты.

Раздраженіе и красноту Федченко приписываетъ прекращенію росту и смерти рипты, но тогда отчего же эти явленія не обнаруживаются на противоположномъ концѣ, т.-е. у хвоста,

который къ тому же заворачивается крючкомъ? Кажется, вѣрнѣе предположить, что при остановкѣ роста ришты сосеть все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а это, вѣроятно, и раздражаетъ на концѣ кожи до степени маленькаго нарыва.

Туземцы извлекаютъ ришты двумя способами: въ разстояніи дюйма отъ ранки приподнимаютъ иглой кожу и срѣзаютъ ее бритвой, круглая ранка углубляется послѣдовательными срѣзами, пока не обнаружится тѣло ришты. Тогда подъ нее запускаютъ иглу и вытаскиваютъ передній конецъ паразита. Конецъ этотъ, длиною въ дюймъ, легко захватывается пальцами и червя тянутъ, нажимая другою рукою на задній его конецъ. На все это требуется минута времени, но при этомъ иногда случаются разрывы, и тогда-то начинается самый болѣзненный процессъ: во всемъ кавалѣ, занятомъ риштой, начинается нагноеніе, и если она прошла черезъ сочлененія, то больной не можетъ двигать конечностью за сильною болью. Сведеніе конечностей, постоянная хромота, а иногда и смерть бывають исходомъ неудачной операціи. Говорять, впрочемъ, что такой исходъ случается только тогда, когда операторъ, вмѣсто ришты, вытянетъ и оборветъ кусокъ нерва. Сходство между нервомъ и риштой дѣйствительно существуетъ: не даромъ ее называли *vena medinensis*, *nervus medinensis*.

Другой способъ состоитъ въ томъ, что выставившюся изъ ранки головку ущемляютъ въ расщепъ палочки и осторожно наворачиваютъ ришты, какъ веревку на воротъ. Когда почувствуется нѣкоторое затрудненіе, операцію прекращають и палочку приклеивають пластыремъ у самой ранки, а сверху обвязываютъ тряпочкой. Такой процессъ повторяется ежедневно, и потому на всю операцію извлечения ришты понадобится нѣсколько дней. Это хотя и медленно, за то вѣрно. Русскіе врачи предпочли послѣдній способъ, какъ безопасный... Ришты встрѣчаются еще въ Индіи, Аравіи и Африкѣ; изъ этой послѣдней она завезена съ неграми на острова Южной Америки. Африканская ришты достигаетъ иногда до пяти съ половиною *аршинъ*. Наша туркестанская сходна съ индійскою.

Изъ остальныхъ болѣзней заслуживають упоминанія еще *сухтане*, иначе *кулча*, *куйдура*. Состоить она въ томъ, что на кожѣ появляется бѣлый пупырышекъ; воспаленная вокругъ кожа темнѣетъ, пятно растетъ и также темнѣетъ, окружность припухаетъ; наконецъ, пятно дѣлается чернымъ, величиною съ четвертакъ; больной впадаетъ въ горячку и умираетъ. Туземцы излечиваються прижиганіемъ валенымъ желѣзомъ; операцію повторяють пять

или шесть разъ. Кора, образовавшаяся на мѣстѣ прижиганія, лупится и сходитъ сама собой—тѣмъ дѣло и оканчивается.

Мнѣ не приходилось наблюдать этой болѣзни, но, кажется, она имѣетъ сходство съ сибирской язвой. Уральцы, видавшіе всякіе виды, справляются съ этою язвой весьма рѣшительно: какъ только пупырышекъ зудитъ—сейчасъ ему дѣлается проба: втыкаютъ въ него иглу, и если больно, то значить не «сибирская», а если не больно, то ее выковыриваютъ ножомъ и заграютъ напатыремъ. Въ Ташкентѣ, въ 1871 году, три обойщика изъ рядовыхъ стрѣлковаго батальона заразились отъ непромытой ими шерсти, которою набивали мебель, и двое поплатились жизнью. Владѣлецъ мебели рѣшился—было предать ее огню, но ветеринарный врачъ З—чъ предложилъ окурить вынутую изъ-подъ обивки шерсть хлоромъ и затѣмъ, въ доказательство ея безвредности, вытеръ себѣ этою шерстью руки и шею.

О числѣ больныхъ, выздоровѣвшихъ и умершихъ, нельзя дать и гадательной цифры. Да и число заболѣвавшихъ, можно сказать, совершенно неизвѣстно. Къ русскому врачу, живущему въ центрѣ уѣзда, обращаются развѣ только изъ ближайшихъ кышлаковъ, да и то еще при условіи, что врачъ счумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе.—За 1868—1869 годы къ кураминскому врачу обращалось едва-едва 200 человекъ—явный знакъ, что врачъ не пользовался довѣріемъ туземцевъ. То же явленіе повторилось и въ ходжентскомъ уѣздѣ, гдѣ врачомъ былъ также старый, все позабывшій лекаръ.

Какъ шло дѣло въ остальныхъ уѣздахъ—видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1868 году къ уѣзднымъ врачамъ явилось 2562 больныхъ; въ 1869 — 7040.

Правда, что врачи не имѣли почти никакихъ средствъ въ поданію *дѣйствительной* помощи: назначенная для этого отъ казны сумма въ 200 р. была удерживаема въ медицинскомъ управленіи округа для выписки оптомъ лекарствъ изъ Петербурга. Врачамъ оставалось только 40 р. на спиртъ, уксусъ, перевязочные матеріалы и прочее. Съ этимъ, конечно, много не сдѣлаешь. Что касается до удержанной суммы, то ее довѣрили отвезти по назначенію (почтъ для денежной корреспонденціи устроено еще не было) какому-то чиновнику. Сумма пропала, никѣмъ пополнена не была, и врачи лечили два года одними *совѣтами!*

Оспопрививаніе въ народѣ извѣстно издавна и кажется заимствовано изъ Индіи, судя по мѣсту, гдѣ производится операція на тыльной поверхности кисти у большого пальца.

Наши врачи получаютъ оспу изъ воспитательнаго дома въ

герметически запаиваемыхъ стеклянныхъ трубочкахъ. Матерія, впрочемъ, не всегда дѣйствительна, да, кромѣ того, нашъ кураминскій врачъ долго не зналъ какъ съ ней быть: размачивать ли ее, если она въ трубочкѣ подсохла, или нѣтъ?

За два года онъ не привилъ оспу ни разу, да туземцы и не давали ему дѣтей. — Принуждать же мы не рѣшались, и кажется хорошо сдѣлано; въ ходжентскомъ уѣздѣ принужденіе вызвало въ 1871 году открытое возстаніе, имѣвшее, правда, кромѣ того, еще одну причину—постоянное возрастаніе налоговъ. Пущены были, ханжами, конечно, фразы о наложеніи русскаго клейма, о привитіи мусульманскимъ дѣтямъ крови кяфировъ и проч. Въ Сырь-Дарьинской области оспа привита была въ 1869 году только 1163 дѣтямъ; изъ этого числа на долю Ташкента приходится 700 пациентовъ и затѣмъ на долю Перовска 376, остальныхъ 87 пациентовъ приходится раздѣлить на *шесть уѣздовъ!*

Въ Семирѣченской области это дѣло шло гораздо успѣшнѣе: въ 1868 г. привито 2158 лицамъ, а въ 1869 году—23,754 ¹⁾. Цифра увеличилась въ 11 разъ. Изъ этого числа Вѣрное беретъ 64,4⁰/₀, затѣмъ токмакскій уѣздъ 25,4⁰/₀. Въ Сырь-Дарьинской области, такъ сказать подъ глазами медицинской власти округа, дѣло это даже и въ 1870 году двигалось весьма тихо: въ Ташкентѣ привита оспа 849 дѣтямъ (тутъ 49 русскихъ), въ казалинскомъ уѣздѣ 516, а въ остальныхъ по одному!

Неспособность нашего врача къ дальнимъ переѣздамъ верхомъ подала туземцамъ мысль *нанять себѣ другаго врача изъ русскихъ*. Съ просьбами въ этомъ смыслѣ они неоднократно обращались къ уѣздному начальнику, но онъ могъ добиться только того, что въ помощь къ доктору былъ присланъ фельдшеръ. Впослѣдствіи, когда старый штабъ-лекаръ выслужилъ срокъ къ пенсіи, на его мѣсто поступилъ молодой докторъ медицины, который, конечно, поведетъ дѣло какъ слѣдуетъ.

Въ концѣ 1868 года выборы отъ населенія кураминскаго уѣзда, сознавая всю пользу новаго устройства, только-что введеннаго при ихъ содѣйствіи организаціонною комиссіею, просили разрѣшенія открыть подписку на сооруженіе въ Той-Тюбе какаго-нибудь памятника. Тогдашній уѣздный начальникъ, подполковникъ Колзавовъ, отклонилъ это предложеніе, указавъ другое, болѣе сообразное употребленію пожертвованію: онъ предлагалъ устроить вмѣсто памятника больницу. Мысль эта была сочувственно принята выборными. Военный губернаторъ разрѣшилъ подписку,

¹⁾ Въ томъ числѣ 22,61 киргизовъ.

и въ 25 августа 1869 г. собрано было около 1740 р. На первыя же деньги была выписана изъ Петербурга довольно полная аптека и затѣмъ, съ мая 1869 г., начата постройка больницы. Сверхъ единовременнаго взноса, волостные управители и члены хозяйственныхъ управленій обязались вносить три процента изъ жалованья, что составляло въ годъ 2400 р.

Къ зимѣ 1870 г. больница была окончена. Вся постройка вмѣстѣ съ мебелью обошлась около 6500 р. Больница одноэтажная, состоитъ изъ 8 комнатъ, кухни и сѣней. Отдѣльно во дворѣ еще необходимыя пристройки.

На этомъ дѣло и стало. Медицинская власть области потребовала составленія штата больницы, и вотъ пошла переписка. Зданіе стоитъ пустымъ вотъ уже пятый годъ: ни особаго врача, ни повивальной бабки до сихъ поръ не назначаютъ, приходившихъ больныхъ пользуется все тотъ же фельдшеръ, произведенный уже въ чиновники; одна изъ палатъ занята подъ аптеку, другая назначена на случай проѣзда чиновныхъ особъ, а комната врача занята фельдшеромъ-чиновникомъ.

Уѣздная администрація, наконецъ, и сама сложила руки, такъ какъ противъ необходимости вести дѣло «законодательнымъ порядкомъ» — ничего подѣлать невозможно, а торопить всѣ вышестоящія инстанціи кто имѣетъ силу? — Ко всему это присоединилось еще то обстоятельство, что сел. Той-Тюбе перестало быть административнымъ центромъ уѣзда и теперь рѣдко посѣщается властями.

Что касается до аптеки, то медикаменты, выписанные изъ С.-Петербурга, прибыли въ нѣсколькихъ большихъ ящикахъ въ декабрѣ 1869 г. Приѣхавъ въ Той-Тюбе въ апрѣлѣ 1870 года, я нашелъ эти ящики не раскупоренными и сваленными въ пустой квартирѣ прежняго помощника. Врачъ заявилъ, что въ фармацевтикѣ онъ не силенъ и потому не рѣшается приступить къ разбору медикаментовъ. — Я когда-то занимался этимъ дѣломъ въ аптекѣ одного моего пріятели, и приобретенныя тогда свѣдѣнія припились теперь весьма встать. Всякое, самое скромное знаніе, при отсутствіи специалистовъ, всегда пригодится и принесетъ свою пользу. Это испытывается здѣсь на каждомъ шагѣ.

Много медикаментовъ оказалось попорченными; нѣсколько банокъ разбилось, и такъ какъ въ одной изъ нихъ была сурьма, то я вынужденъ былъ выкинуть и зарыть въ землю нѣкоторую часть тѣхъ пакетовъ, которые пострадали. Слѣдуетъ обратить вниманіе петербургскихъ дрогистовъ и на поташъ: сколькими листами бумаги его ни завертывай — все-таки онъ

срѣсть, пробѣдаетъ бумагу и портитъ сосѣдніе пакеты. Кислоты прибыли благополучно, въ особенности тѣ, у которыхъ пробки были залиты гипсомъ.

Когда все было устроено, я пригласилъ, собравшихся по какому-то случаю, членовъ всѣхъ хозяйственныхъ управленій и повелѣлъ имъ нашу русскую *дару-хана* (лекарственный домъ). Туземцы обращали особенное вниманіе только на цвѣтныя вещества: сѣрный цвѣтъ, плауновое сѣмя, синій и зеленый купоросъ, испанскія мушки, разнохарактерный рядъ тинктуръ и проч. Я знакомилъ ихъ со свойствами нѣкоторыхъ веществъ, сыпалъ на пламя зажженной бумаги плауновое сѣмя, давалъ нюхать дымящуюся ерѣпкую водку (азотная кислота), соляную кислоту и нашатырный спиртъ. Превращалъ имъ холодную воду въ горячую прибавленіемъ сѣрной кислоты, дѣлалъ шипучую содовую воду и наконецъ роздалъ по нѣсколько щелчювъ электро-магнитнымъ аппаратомъ Румкорта.

Надобно было рекомендовать наши врачебныя средства съ съ перваго разу—и это мнѣ удалось какъ нельзя болѣе. Туземцы были сильно заинтересованы и не скрывали своего удовольствія. Тѣ же, которые старались-было сохранить равнодушный видъ, теряли всякое самообладаніе, когда имъ давали въ руки цилиндры Румкорта. Гости потѣшались надъ безплодными усліями своего товарища разжать руку и выпустить «шайтана», а когда всѣ переиспытали на себѣ эту невиданную штуку, то высказывали на улицу и тащили всякаго встрѣчнаго, надъ которымъ и потѣшались. Впослѣдствіи мнѣ еще не разъ приходилось показывать «шайтана въ сундукѣ»—людямъ, прѣбывавшимъ нарочно Богъ знаетъ откуда.

Съ этихъ поръ больные стали прибывать все болѣе и болѣе. Тогда-то и явилась настойчивая необходимость имѣть фельдшера, на котораго бы можно было возложить завѣдываніе аптекой. Присланный къ намъ фельдшеръ, изъ сибирскихъ казаковъ, оказался личностію весьма почтенною и достаточно знакомою съ дѣломъ. Своро онъ пріобрѣлъ большую практику.

Запасомъ своимъ кураминская аптека не разъ выручала изъ нужды ташкентскую казенную, и многіе ташкентскіе врачи зачастую обращаются къ этому запасу, такъ какъ въ немъ имѣются и средства, не полагающіяся по казенному каталогу. Нѣтъ надобности и говорить, что запасъ этотъ ежегодно пополняется новыми выписками. Это обиліе средствъ заставляеть еще болѣе жалѣть о невольномъ бездѣйствіи больницы.

Въ 1868 году, до свѣдѣнія администраціи дошелъ только

одинъ случай насильственной смерти: во время затѣванной киргизами игры *козъ-бури* (сѣрый волкъ¹⁾), одинъ изъ участвующихъ заскакалъ въ Чирчикъ, да тамъ и утонулъ.

Въ 1869 году случаевъ насильственной смерти было 6,— всѣ отъ несчастныхъ случаевъ.

Въ 1870 году въ уѣздѣ насильственныхъ смертей, вслѣдствіе убійства, произошло 5. Самоубійствъ 1, случайныхъ 16 (утоную 4, задавлено при земляныхъ работахъ 3). Всего 22 случая. Въ сосѣднемъ ходжентскомъ уѣздѣ такихъ случаевъ было 130; изъ этого числа жертвами убійства были: 18 мужчинъ и 2 женщины. Такая значительная цифра происходитъ, конечно, вслѣдствіе сосѣдства съ независимымъ ханствомъ Кованскимъ, куда легко могъ укрываться каждый разбойникъ. Всего въ Сыръ-Дарьинской области произошло 210 случайныхъ смертей. Изъ этой цифры 48 случаевъ приходится на убійства.

Санитарный очеркъ уѣзда заключимъ данными по эпизоотіи. До сихъ поръ была только одна, въ 1870 году, отъ голода, по случаю занесенныхъ буранами тебеневокъ. Пало 225,000 овецъ, 16,200 лошадей, 6,400 верблюдовъ, 6,000 рогатаго скота и 800 ословъ. Всего 254,600 штукъ на 1.575,000 р. Въ другихъ уѣздахъ случалась и чума рогатаго скота. Въ 1868 г. въ томъ-макскомъ уѣздѣ палъ *весь* скотъ—до 70,000; затѣмъ чума перешла въ вѣрненскій уѣздъ и т. д., а всего пало до 260,000 головъ на 3 милліона рублей. Весною 1869 года трупы были зарыты, а частію и сожжены—чума и прекратилась.

Казенныхъ учебныхъ заведеній въ уѣздѣ не имѣется, а частныхъ школъ, содержащихся на вакуфы (завѣщанныя для этой цѣли и вообще на благотворительныя учрежденія имущества), или при мечетяхъ, или наконецъ частными лицами, считается 215. Изъ нихъ 209 низшихъ, или *мактубъ-хана*, и 6 *медресе*, или высшихъ. Учениковъ считалось въ 1869 году 1795 человекъ, что даетъ по 8,3⁰/₀, на каждую школу. Отношеніе же числа учащихся въ общей массѣ населенія составляетъ только 1,6⁰/₀.

Мечетей въ уѣздѣ считается 365, а муллъ до 813 человекъ. Муллы болѣею частію занимаются и учительствомъ.

¹⁾ Игра состоитъ въ томъ, что кто-нибудь изъ участвующихъ беретъ на сѣдо затѣваннаго козла и скачетъ въ полѣ, за нимъ гонятся остальные, отнимаютъ козла, рвутъ его изъ рукъ другъ друга и дѣйствительно иногда разрываютъ на части, какъ волки.

Учители-муллы мало чѣмъ отличаются отъ своихъ учениковъ; многіе изъ нихъ даже не рѣшились записаться въ списокъ муллъ, когда организаціонная коммиссія собирала свѣдѣнія. Въ нѣкоторыхъ школахъ даже не учатъ ни читать, ни писать; ограничиваясь заучиваніемъ съ голоса двухъ-трехъ молитвъ.

Почти всѣ мечети бѣдны, а которыя и были когда-то великолѣпны — тѣ нынѣ въ развалинахъ и запустѣніи. Киргизская мечеть чаще всего состоитъ изъ ветхаго камышеваго шалаша, устроеннаго по образу и подобию кибитки. Муллы при нихъ обыкновенно изъ сартовъ и, конечно, изъ такихъ, которые въ своемъ кишлакѣ, между сартами же, врядъ ли удостоились бы даже званія простаго азанчи, замѣняющаго колоколъ въ призывѣ на молитву. Понятное дѣло, что такіе муллы, какъ незнакомые съ ученіемъ своей религіи, не могутъ и сами быть слишкомъ требовательными отъ другихъ. Это ведетъ къ полному равнодушію киргизовъ къ дѣлу религіи: они почти всѣ безъ исключенія довольствуются только однимъ наружнымъ благочестіемъ и соблюденіемъ обрядовъ. Между сартами иногда встрѣчаются и такіе лицемѣры, что разстилаютъ свои халаты и творятъ намазъ даже на какихъ-нибудь пирушкахъ во время пляски бачей, на вечерахъ у русскихъ начальникововъ, и т. д. Въ простодушныхъ людяхъ это, конечно, возбуждаетъ нѣкоторое къ нимъ уваженіе, а ханжа изъ всего сдумаетъ извлечь выгоду.

Въ низшихъ школахъ довольствуются обученіемъ чтенію и письму. Ученики ведутся параллельно и никому не дозволяется забѣгать впередъ. Разсадивъ на полу свою академію, мулла заставляеть всѣхъ выкрикивать за собою названія буквъ: алифъ, бей, пей, тей и т. д., точь-въ-точь наше старинное: азъ, буви, вѣди, глаголь... Азбуку заучиваютъ серіями по нѣскольку буквъ въ урокъ, затѣмъ переходятъ къ складамъ и т. д. До тѣхъ поръ, пока *остъ* не будутъ знать твердо заданнаго, мулла не пойдетъ дальше. Ему легко слѣдить за успѣхами, потому что при выкрикиваніи складовъ сейчасъ слышно, если кто вреть. За то одинъ плохой, невнимательный или тупой ученикъ задерживаетъ весь классъ. Такимъ образомъ лучшіе ученики вынуждены идти не болѣе успѣшно, какъ и худшіе: въ школѣ равняются не по переднимъ, а по отсталымъ. Въ этомъ надобно искать объясненія тому факту, что многіе никакъ не могутъ научиться читать и писать даже въ теченіи 8—9 лѣтъ! Правда, что азбука арабская, со своими 114 знаками, нѣсколько сбивчива: отдѣльно буква пишется иначе, чѣмъ въ началѣ слова, иначе пишется въ срединѣ, иначе въ концѣ. Такимъ образомъ 32 буквы персидскаго

алфавита пишутся на 114 манеръ, и то еще потому, что 7 изъ нихъ не соединяются съ послѣдующими. Кромѣ того, много буквъ отличаются другъ отъ друга только лишней точкой *надъ* или *подъ* строной. Точки не всегда ставятся на мѣстѣ и для красноты относятся въ сторону, группируются съ сосѣдними, а не то и вовсе пропускаются. Это затрудняетъ даже и опытнаго чтеца.

Въ высшихъ школахъ обученіе ведется такъ же самымъ несложнымъ, убивающимъ всякое развитіе, способомъ. Учениковъ сажаютъ за коранъ, чаще всего казанскаго изданія, и начинается громогласное выкрикиваніе.

Заучивъ въ-долбязку нѣсколько суръ корана, необходимыми въ домашнемъ обиходѣ при совершеніи намазовъ, да подъ конецъ подерасивъ свой запасъ свѣдѣній нѣсколькими стихотвореніями Фердусси и Гафиза, туземецъ выходитъ изъ школы съ тѣмъ воззрѣніемъ на міръ, какое существовало 1200 лѣтъ назадъ, при Магометѣ!

Никакой прогрессъ въ мусульманской школѣ невозможенъ, пока она держится на одномъ коранѣ, ибо никто не смѣетъ отступать отъ буквы корана, никто не смѣетъ толковать его непоказаннымъ способомъ! Степень успѣшности занятій въ медресе выразится развѣ только въ меньшемъ или большемъ числѣ лѣтъ употребленныхъ на зубреніе корана: студенты медресе учатся не всегда табуномъ, но иногда и врознь. Во всей Сыръ-Дарьинской области въ 1870 году было только 4 русскихъ школы со 150 учениками. Въ Казалинскѣ и Перовскѣ существовали еще двѣ смѣшанныя школы для русскихъ и киргизскихъ дѣтей; тамъ считалось 133 ученика. Народныхъ мусульманскихъ школъ считается 545 съ 10,300 учениковъ. Изъ этого числа на одинъ Ташкентъ приходилось 130 школъ съ 3,390 учениками, да въ Курамѣ 215 школъ съ 1795 учениками, такъ что на долю остальныхъ городовъ и *шести* уѣздовъ остается только 200 школъ съ 5,118 учениками. Когда-то наука процвѣтала въ Средней Азій: тутъ были и геометры, и астрономы; въ Самаркандѣ до сихъ поръ еще можно различить мѣсто, гдѣ была обсерваторія. Теперь математическія науки передаются развѣ только отъ одного *мастера* къ другому, и то въ извращенномъ видѣ. Площади треугольниковъ и трапецій вычисляются не по основанію и высотѣ, а по двумъ сторонамъ, отчего цифра выходитъ всегда значительно больше. Цифирная мудрость здѣсь облечается мантией кабалистичеки, и я самъ видѣлъ въ Той-Тюбе такъ-называемаго *ученаго*, оклеившаго свою комнату равными кабалистическими рисунками и чванливагося тѣмъ, что онъ умѣетъ писать до *милліона*.

Мы сказали уже, что основа всему обученію, краеугольный камень знанія мусульманина— есть коранъ. Эта священная книга заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію правовѣрныхъ, мудрость всѣхъ вѣковъ, всѣхъ народовъ. Вѣтъ корана— все вздоръ, все суемудріе. Если анекдотъ объ Омарѣ, приказавшемъ сжечь Александрійскую бібліотеку, можетъ быть и вымышленъ, то онъ все-таки весьма характеристиченъ и какъ нельзя лучше рисуетъ взглядъ истаго мусульманина на все ему чуждое. Всѣ басни и чудеса, разсказанныя пророкомъ, принимаются до сихъ поръ какъ непреложная истина. Самый ученый человекъ будетъ вести съ вами бесѣду о семи-этажныхъ небесахъ и подерѣплять свои доводы нитями иныхъ, какъ вораномъ. Что луну можно разсѣчь саблей— это не подлежитъ сомнѣнію, ибо сдѣлано было пророкомъ.

Самый сильный и естественный врагъ всѣхъ допотопныхъ теорій и легендъ о первыхъ дняхъ земного шара— это геологія. Земной шаръ есть раскрытая книга, по которой читается исторія производанія. Глубокія трещины, разсѣлины горныхъ массъ, обнаруживая тайны напластованій, даютъ ключъ къ разгадкѣ таинственныхъ писемъ природы. Отсюда разладъ, двойственность цѣльнаго преподаванія: геологія насчитываетъ цѣлыя милліоны лѣтъ существованія земли, а хранители преданій, записанныхъ въ тысячи лѣтъ назадъ, отстаиваютъ свой счетъ. Казалось бы, согласить всѣ противорѣчія не трудно: стоить только вспомнить, что для Предвѣчнаго нѣтъ времени и пространства, а потому хоть мелкій счетъ на дни и годы совершенно не пригоденъ по пошению къ нему: то, что мы называемъ *днемъ*, въ эпоху міроданія занимало милліоны лѣтъ!

Закосячѣлость послѣдователей Магомета, усвоившаго, какъ известно, и еврейскія преданія, дѣлаетъ невозможнымъ никакое овершенствование въ дѣлѣ образованія. Мѣстная администрація, желая, изъ понятной осторожности, касаться этого вопроса и одитъ что-либо новое въ туземныхъ школахъ, рѣшилась предать ихъ на волю судьбы, какъ-бы не замѣчая ихъ существованія. Должность *раиса*, обязаннаго наблюдать за неуклонемъ посѣщеніемъ дѣтми школы, была упразднена. Народъ увидѣвъ въ этомъ облегченіе, такъ какъ раисы были строги, и такъ, что отнынѣ обученіе грамотѣ перестало быть *обязательнымъ*, какъ прежде. Отсюда объясненіе того факта, что на олу приходилось, въ 1869 году, только по восьми учениковъ. Теперь же многія школы стоятъ и вовсе пустыми. Безсодержательность и рутинная закосячѣлость туземной школы, не давая ничему ничего живого, ничего пригоднаго въ житейскомъ быту,

притупляла только способности дѣтей. Народная масса давно знавала это и ходила въ школу только изъ-подъ палки. Довольно было убрать эту палку, и совершенно обезпеченны вакуфами школы запусъвли.

Съ другой стороны, генераль фонъ-Бауфманъ надѣялся по дѣйствовать примѣромъ русскихъ школъ.

Туземцы въ сущности не фанатики (я говорю о массѣ): они, напримѣръ, находятъ, что Богъ, очевидно, полюбилъ русскихъ и потому во всемъ имъ помогаетъ, значить, сопротивляться имъ все равно, что сопротивляться волѣ Божіей. Изъ этого уже само собой вытекаетъ, что надобно присматриваться къ русскимъ порядкамъ, учиться у нихъ. Въ массу стало проникать сознание о необходимости для своихъ дѣтей, какъ русскихъ гражданъ, такой подготовки, которая бы давала имъ возможность идти въ уровень съ новыми требованіями и быть полезными какъ себѣ, такъ и обществу.

Въ 1871 году, по инициативѣ одного ташкентскаго купца, нѣсколько богатыхъ туземцевъ подали заявленіе о желаніи своемъ дать дѣтямъ воспитаніе, болѣе соотвѣтствующее современному быту и нуждамъ края. Просители указывали на запусълье ишангульское медресе, которое напрасно пользуется только вакуфомъ и которое легко можно бы было приспособить къ новымъ требованіямъ. Упомянутой купецъ пожертвовалъ на случай вѣнхъ-нибудь передѣлокъ 2,500 р. сер.

Генераль-губернаторъ весьма сочувственно отнесся къ этому дѣлу и немедленно сформировалъ комиссію изъ нѣсколькихъ переводчиковъ и почетныхъ туземцевъ для составленія правилъ примѣненія русскаго алфавита къ письменной передачѣ туземныхъ нарѣчій, а также для составленія краткой христоматіи въ русской транскрипціи. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ пишущій эти строки.

Къ сожалѣнію, между переводчиками нашей комиссіи не было ни одного, знающаго основательно таджинское нарѣчіе, а всѣ знали татарскій языкъ, навязываемый туземцамъ нашими толмачами-чиновниками. Кромѣ того, всѣ толмачи были очень заняты по службѣ; почетные туземцы посѣщали комиссію только два раза. Такое отношеніе туземцевъ къ дѣлу можно было объяснить, пожалуй, охлажденіемъ, а не то и полнымъ отступленіемъ: вѣчатое сгорача, подѣ влияніемъ разговоровъ съ нѣкоторыми русскими знакомцами, дѣло это успѣло вызвать въ средѣ туземнаго духовенства нѣкоторое неудовольствіе. Спихватившіеся муллы посворѣе подновили обреченное на реформу медресе, набрали

узелковъ и давно молчаливые своды снова огласились мусульманскимъ ученьемъ.

Требовать отъ членовъ комиссiи какихъ-нибудь работъ я не могъ, потому что единственное свободное ихъ время была ночь. Поэтому, мнѣ оставалось только заняться самому. Я составилъ руководство для учителей и азбуку по методу Столянского, для одновременнаго обученiя письму и чтенiю. Оба эти руководства уже изданы въ началѣ нынѣшняго года.

Руководства эти составлены собственно для остѣдлыхъ узбековъ, а не для киргизовъ. Я имѣлъ въ виду, что европейскiе алфавиты, требующiе письма отъ лѣвой руки къ правой, — не годятся для кочевника, у котораго нѣтъ никакой мебели. Когда не на что положить бумагу, то лучше всего держать ее на ладони лѣвой руки, а при этомъ писать слѣва направо далеко не такъ удобно, какъ наоборотъ, справа налево или сверху внизъ. Всѣ первобытныя восточныя письмена такъ и принаровлены: или столбцами сверху внизъ, или справа налево. При этомъ большой палецъ лѣвой руки удобно подвигаетъ бумагу по мѣру движенiя *калма* (тростниковое перо) и писать можно во всѣхъ положенiяхъ: сидя, лежа или стоя. Я полагалъ, поэтому, что нашъ алфавитъ привьется скорѣе между *остѣдлыми*, а тогда ему уже легче будетъ проникнуть и къ кочевымъ. Въ столь важномъ дѣлѣ я не хотѣлъ пренебречь и самымъ незначительнымъ условiемъ, которое бы могло влiять на успѣхъ при самомъ началѣ.

Въ февралѣ 1872 года учреждено было нѣсколько комиссiй, для разработки новаго проекта положенiя, въ томъ числѣ явился и комиссiя по устройству учебной части: но такъ какъ члены этой комиссiи были вообще отвлекаемы другими занятiями ¹⁾, то я одинъ и доканчивалъ работу. Въ представленномъ мною проектѣ предполагалось учредить *начальныя школы по уламъ и кышлакамъ, уѣздныя* — для образованiя учителей въ *начальныя школы и, наконецъ, учительскую семинарiю* — для риготовленiя учителей въ уѣздныя школы. На первый разъ, очевидно, приходилось бы отерывать прямо учительскую семинарiю, такъ какъ готовыхъ учителей ни для начальныхъ, ни для уѣздныхъ школъ пока не имѣлось. Въ программу преподаванiя введенъ былъ и русскiй языкъ. Проектъ этотъ былъ переданъ

¹⁾ По недостатку людей, годныхъ для работы, многие были въ одно и то же время членами двухъ и болѣе комиссiй. Я самъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ въ четырехъ комиссiяхъ: 1) по устройству казачьихъ полковъ; 2) по устройству полевой части; 3) по устройству учебной части, и 4) по введенiю городского положенiя, да еще предсѣдательствовалъ у переводчиковъ.

одному старому кавказскому полковнику, назначенному дѣлопроизводителемъ *центральной* комиссіи и, говорятъ, потерпѣлъ значительныя измѣненія. Затѣмъ, подвергся окончательной чисткѣ, и въ концѣ 1873 года, наконецъ, представленъ въ особый комитетъ, учрежденный въ С.-Петербургѣ для обсужденія всѣхъ туркестанскихъ проектовъ. Что изъ всего этого выйдетъ—вопросъ будущаго.

Однимъ изъ главныхъ основаній проекта народныхъ школъ было принято обученіе русскому языку; для *киргизскихъ* школъ русскій алфавитъ долженъ былъ замѣнить арабскую азбуку. Вотъ соображенія, которыми комиссія наша руководилась: 1) трудн Ильяминскаго, Григорьева и другихъ ясно доказали, что нашъ алфавитъ не только *можетъ* замѣнить арабскій для писанія словъ тюркскаго корня, но онъ еще и лучше его, потому что проще; 2) киргизы поголовно народъ неграмотный, а для неграмотнаго конечно все равно, какой значокъ называть какимъ звукомъ или наоборотъ, все равно, какой звукъ изображать какимъ значкомъ, и потому вопросъ объ алфавитѣ въ этомъ случаѣ не существуетъ; 3) если сказать, что коранъ печатается арабскими буквами и что поэтому слѣдовало бы, въ видахъ доказательства своей вѣротерпимости, обучать въ школахъ и этому алфавиту, то необходимо принять въ соображеніе, что киргизы вообще плохіе мусульмане, что коранъ у нихъ большая рѣдкость, что, наконецъ, коранъ печатается у насъ въ Казани и потому нѣкто не мѣшаетъ печатать его русскими буквами. Въ половинѣ настоящаго столѣтія были приняты оренбургскими властями нѣкоторыя мѣры для охраненія киргизовъ отъ нашествій бухарскихъ проповѣдниковъ, какъ-бы въ противовѣсъ нашей крайней вѣротерпимости, устраивавшей прежде мечети и школы для пропаганды исламизма, печатавшей на казенный счетъ коранъ, ставившей экзаменованныхъ *указныхъ* муллъ и даже преслѣдовавшей расколы въ мусульманствѣ, вмѣсто того, чтобы по крайней мѣрѣ *терпѣть* ихъ, хотя бы ради послѣдовательности: при этомъ, между прочимъ, коменданту форта № 1, или Казалинска, предписано было ловить муллъ въ аулахъ и задавать имъ острастку. Комендантъ объявилъ киргизамъ, что за каждаго представленнаго къ нему муллу онъ будетъ платить по три рубля. — Киргизы сразу оказали величайшее усердіе въ доставкѣ муллъ! Мулламъ задана «острастка» (у вояковъ есть для этого годный инструментъ) и объявлено, что если попадутся въ другой разъ, то порція острастки будетъ увеличена... Усердіе киргизовъ нисколько не охладѣло

даже и тогда, когда комендантъ понизилъ цѣну до полтинника за штуку.

Мѣра эта была принята для охраненія чистоты мусульманскою ученія: проповѣдывать разрѣшалось только указнымъ мулламъ, а не всякому побродягѣ. Желаящій получить дипломъ на званіе муллы долженъ былъ выдержать установленный экзаменъ въ оренбургскомъ магометанскомъ духовномъ собраніи, и затѣмъ утверждался указомъ областного правленія. Комендантъ форта № 1 такъ усердно охранялъ интересы «указныхъ» муллъ, что киргизы, которымъ бухарскіе ханжи порядкомъ таки-надоѣли, считали себя уже свободными отъ стѣснительныхъ намазовъ, длинныхъ нравоученій и — дани названнымъ проповѣдникамъ. Теперь ловля муллъ хотя и не практикуется, но официально еще не отмѣнена и потому все дѣло зависитъ отъ взгляда уѣзднаго начальника: явится какой-нибудь Діоклетіанъ — и киргизамъ снова отперется источникъ дохода!

Другое основное правило нашего проекта было: отнюдь не допускать къ дѣлу воспитанія нашихъ татаръ, выходцевъ изъ Казани и Оренбурга. Учителемъ долженъ быть только киргизъ, калмыкъ, башкиръ, таджикъ, но никакъ не татаринъ. Наблюденія показали, что наши указные муллы учатъ народъ вовсе не въ духъ вѣротерпимости; и притомъ они нерѣдко подавали поводъ къ беспорядкамъ своими лживыми толкованіями, въ особенности во время какихъ-либо реформъ. Участіе уфимскихъ муллъ въ беспорядкахъ и волненіяхъ киргизовъ Малой Орды въ 1869 году, по поводу введенія новаго положенія — дѣло также доказанное. Муллы не довольствуются своей паствой, они весьма дѣятельно ведутъ пропаганду и между крещеными татарами, чувашами и черемисами. По однѣмъ только *официальнымъ* свѣдѣніямъ такихъ «крещеныхъ» отпало въ мусульманство въ 1862 г. въ одномъ чистопольскомъ уѣздѣ (казанской губерніи) болѣе 3,000 чел. Въ 1866 г. во всей губерніи отпало до 10,000; отпадаютъ цѣлыя деревни.

При наборѣ 1855 года множество рекрутъ-татаръ бѣжало изъ партій въ Бухару и Ташкентъ, такъ-какъ сражаться съ единовѣрцами имъ нельзя... Послѣ войны, вслѣдъ за крымскими татарами потянулись и казанцы...

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; это, напротивъ, совершенно законное явленіе — иначе и быть не можетъ въ виду усердія, съ какимъ мы старались распространять между мусульманами вѣнги религіознаго содержанія. Первый разъ казна

напечатала только 3.600 экземпля. *корана* въ 1797 году, но у мусульманъ печать считалась «грѣхомъ» и книги обыкновенно переписывались. Мы побѣждали предубѣжденіе своихъ татаръ — сначала тѣмъ, что такова «царская воля», а затѣмъ дешевой казенныхъ изданій. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія мусульманская типографія была перенесена изъ Петербурга въ Казань. Какое идутъ дѣла типографіи, можно судить изъ того, что въ течение 7-ми лѣтъ (съ 1853 по 1859) разошлось до 326.000 экземпляровъ книгъ, въ томъ числѣ *корана* 82,300 экз., *сабтижа* (извлеченіе изъ *корана*) 165,900, *шератъ-эль-имана* или катехизиса—77,500. Эта послѣдняя продается по 2 к. за книжку. Есть и такія брошюрки, которыя продаются по $\frac{1}{4}$ коп.—Дешевизна изумительная!..

Государство, конечно, можетъ смотрѣть на вещи иначе, чѣмъ онѣ могутъ казаться частному человѣку, но все-таки какъ-то странно непривычному человѣку, когда въ книгѣ, напечатанной на казенный счетъ онъ вычитаетъ: «О вѣрующіе! убивайте невѣрныхъ всюду, гдѣ бы ихъ ни встрѣтили, если они откажутся принять мусульманство. Сражайтесь за исламъ — религію Бога. Онъ осыплетъ васъ за то милостями, и пошлетъ вамъ счастье. Не ты убиваешь невѣрнаго, а Богъ: когда пускаешь стрѣлу — не ты пускаешь, а Богъ».

Мы не только распространяли мусульманскія книги, но и строили мечети, — которыя приходилось иногда охранять русскими часовыми отъ нападений самихъ мусульманъ. Таковъ былъ случай разрушенія построенной русскими мечети (на Кавказѣ) изъ-за того, что русскіе мастера бѣлили стѣны вѣстами, а вѣсти были изъ свиной щетины! Кто-то шепнулъ, что мечеть съ умысломъ осквернена — каша и заварилась. Въ Иркутскѣ у мусульманской мечети тоже весьма долго стояли русскіе часовые...

Отъ простыхъ російскихъ мусульманъ мы ничего и не ждемъ особеннаго, но отъ мусульманъ *чиновныхъ*, конечно, можно бы было требовать болѣе дружелюбнаго и просвѣщеннаго отношенія въ русскимъ дѣламъ. Между тѣмъ мы знаемъ случаи, гдѣ этого отношенія не было.

Татаринъ, сколько-нибудь знающій свои книги, не упуститъ ни одного случая потолковать съ киргизомъ о вѣрѣ, уличить его въ равнодушія, въ невѣжество, посмѣяться надъ его немусульманскимъ именемъ и прочее.

— Что такое *Итъ-аякъ*? — пристаётъ поборникъ ислама къ свонфуженному киргизу.

— Итъ-аякъ — собачья нога! — развѣ прилично называться

такъ вѣрному мусульманину?—Отчего же называли тебя Магометомъ въ честь пророка, а не то Омаромъ, Гаруномъ, Сулейманомъ? Твоего сына зовутъ *Кара-кутакъ*—зачѣмъ ты далъ такое позорное имя? вѣдь при женщинѣ и сказать-то стыдно?

— Это не я далъ, а жена—тутъ не моя вина... мать дастъ имя, а не отецъ,—оправдывается киргизъ.

— Не баба должна давать имя, а мулла; баба дура—что ей въ мальчишкѣ понравится, она такъ и бухнетъ: будь моля ты *Кара-кутакъ*, а ты *Куте-баръ*! Тѣфу! мерзость какая!

Дѣйствительно, киргизскія имена весьма часто заимствуются изъ окружающей природы, каковы *Тюльки-бай*—богатая лиса, *Джукъ-барсъ*—тигръ и т. п., или же служатъ точно ярлыкомъ, указывающимъ на скрытыя тѣлесныя достоинства или недостатки... ¹⁾ Но что-жъ дѣлать, когда таковъ обычай, и когда дѣти природы понимаютъ приличія по-своему, а чувства стыдливости не знаютъ!—Киргизская дѣвушка, какъ начнетъ прибирать риемы для своихъ загадокъ, импровизаций и тому подобнаго, можетъ нерѣдко удивить балованное ухо!—Живя цѣлою семьей въ одной тѣсной кибиткѣ и ничѣмъ не стѣсняясь другъ передъ другомъ, киргизы съ дѣтства привыкаютъ къ большой житейской простотѣ не только на словахъ, но и на дѣлѣ... Въ сущности, они не только не мусульмане, но даже и вовсе не держатся никакой религiи, а это во всякомъ случаѣ удобнѣе и для нихъ и для насъ: дикiй кочевникъ сохранился въ первобытной простотѣ, и представляетъ дѣвственную почву, годную для всякихъ угодно насаждений.

Эту-то первобытную простоту и желательно было бы сохранить подалѣе отъ растлѣвающаго прикосновенiя мусульманства. Средство тутъ одно: беречь киргизовъ отъ татаръ, какъ отъ волкъ отъ овецъ.

Я уже говорилъ выше, какъ относимся мы въ религiи туземцевъ: мы до сихъ поръ не только не проповѣдывали христіанства, но были случаи, когда даже *отвернулись* просьбы туземцевъ, которые хлопотали о принятiи ихъ въ православiе.

— Ваша вѣра лучше, — говорить туземецъ: — все вамъ удастся; Аллаху вы очень понравились, любить онъ васъ.

— Это все такъ,—отвѣчаетъ нашъ священникъ: — но вѣдь

¹⁾ Не напоминаетъ ли это американскiе: соколиный глазъ, вѣрная рука, красный юзь и проч. Цѣлѣе под-отдѣленiя киргизскихъ родовъ носить иногда заимствованныя названiя. Таково, напр., *Кюйкансызъ*, безъ пахвей, у кунградцевъ. У загорожцевъ: пещось, керейшъ носъ, полтора-кожука и т. п.

наша вѣра трудная, законъ строгій, ты по-русски ничего не знаешь—значить и законъ не поймешь, — научись прежде нашему языку и тогда приходи.

Попытка одного изъ членовъ алтайской миссiи, въ 1870 году, завязать сношенiя съ Туркестаномъ и положить здѣсь начало миссiонерской дѣятельности, не увѣнчалась успѣхомъ. Всѣ доводи идеалиста были разбиты практическою мудростiю опыта. Вѣдь англичане приобрѣли за свои проповѣди всеобщую ненависть, развили въ народѣ религиозный фанатизмъ, какъ реакцію своей затѣвѣ, и создали, такимъ образомъ, для себя неисчислимыя затрудненiя въ будущемъ. Честный мусульманинъ, не преступающій ни въ чемъ нашихъ *гражданскихъ* законовъ, на мой взглядъ лучше тѣхъ плохихъ полу-христанъ, полуязычниковъ, которые не извлекаютъ изъ новой религiи лучшихъ нравовъ, и какихъ часто производятъ неудачное миссiонерство.

Зачѣмъ же держались у насъ таковой политики воздержанiя отъ проповѣди? Зачѣмъ отталкиваемъ всякаго мусульманина, и если дѣлаемъ исключенiе, то развѣ для китайцевъ и калмыковъ?

Не потому ли, что здравая политика требуетъ крайней осторожности въ дѣлѣ распространенiя христанства въ средѣ завоеванныхъ народовъ; не потому ли, что христанству неприлично воздвигать свое зданiе на успѣхахъ *оружiя*, и что «слово» должно покорять сердца независимо отъ оружiя? Не потому ли, наконецъ, что у насъ нѣтъ миссiонеровъ, что наша собственная вѣра осудѣла, что въ проповѣданiи «слова» нуждается еще болѣе какая-нибудь своя великорусская губернiя?

Китайцы и калмыки, спасшiеся къ намъ изъ Кульджи отъ ножа разнузданныхъ фанатиковъ-мусульманъ, сотнями переходили въ православiе, но вѣдь это идолопоклонники, которыхъ сурѣты (портреты, образы) не запрещались религiей, а даже употреблялись въ храмахъ вмѣстѣ съ ладаномъ и восковыми свѣчами. Наши обряды не были для нихъ чѣмъ-нибудь необычайнымъ, неожиданнымъ ¹⁾. Радужный приѣмъ у насъ еще ярче выставилъ предъ несчастными китайцами весь ужасъ грозной участи, ожидавшей ихъ въ лицѣ изувѣровъ-таранчей, подстерегавшихъ ихъ на границѣ. Какъ бы ни было, что бы ни руководило кульджинскими переселенцами, но они толпами шли въ православiе. Что же касается мусульманъ, то они давно уже

¹⁾ Лассенъ, Ремюза и Лоранъ считаютъ буддизмъ—христанствомъ Востока ил, но крайней мѣрѣ, весьма схожимъ съ нимъ. Полная вѣротерпимость и равноправiе (отмѣна касты)—вотъ единственныя начала, общiя обѣимъ религiямъ. Всѣ остальные, носятъ чисто случайный характеръ.

успокоились относительно свободы своей совѣсти, своего религиознаго міровоззрѣнія.

Но дѣйствительно ли мы бездѣйствуемъ, не проводимъ христіанскихъ началъ въ бытъ средне-азіатцевъ? Нѣтъ. Въмѣстѣ съ завоеваніемъ, вносимъ мы сюда наши *гражданскіе* законы, а это уже шагъ къ христіанству. Запрещая и карая воровство, убійство, лжесвидѣтельство, самоуправство, месть и прочее — законы наши караютъ то, что запрещено и христіанствомъ. Искореняя рабство, мы приготавливаемъ нашему закону и нашей религіи незыблемый памятникъ. Но самое сильное наше средство — это *равноправность*; передъ такимъ, искони усвоеннымъ нами христіанскимъ космополитизмомъ не существуютъ: «ни рабъ, ни свободъ, ни грекъ, ни варваръ». Наша политика относительно покоренныхъ народовъ есть политика гражданскаго равноправія, второе дѣлаетъ жителя Кульджи, Ташкента, Самарканда сразу такимъ же русскимъ гражданиномъ, каковъ, на примѣръ, житель Москвы, да еще, пожалуй, и съ разными льготами.

Политика наша есть политика самопожертвованія, болѣе трагичная на покоренныхъ, чѣмъ приобретающая отъ нихъ. Нашъ великорусскій крестьянинъ платитъ чуть не втрое болѣе, чѣмъ, на примѣръ, полякъ, а получаетъ назадъ, въ видѣ школъ, дорогъ, мостовъ, больницъ — чуть не вдесятеро менѣе. Объ азіатскихъ подданныхъ нашихъ, платящихъ всего до 1 р. 10 коп. съ души и не несущихъ ни постоянной, ни рекрутской повинностей, и говорить нечего. Эта политика проведена по всей нашей исторіи и составляетъ одно изъ ея блистательныхъ отличій. Если этотъ путь ведетъ къ тому, что теперь истый мусульманинъ начинаетъ держаться относительно своего ближняго, какъ подобаетъ доброму христіанину, то я готовъ простить ему его мусульманство!

Нашъ христіанскій космополитизмъ есть наша сила, наша слава и наша будущность! ¹⁾.

М. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

¹⁾ Авторъ касается вопроса чрезвычайнаго важнаго и любопытнаго; въ сущности то — вопросъ о самой нашей исторіи и цивилизаціи. Понятно, что онъ предполагаетъ много различныхъ рѣшеній, и въ особенности допускаетъ и весьма различную постановку фактовъ. Не дѣла всѣхъ взглядовъ автора, мы думаемъ, что читатель найдетъ любопытными его мнѣнія. — *Ред.*

ШЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ

Correspondance de P.-J. Proudhon, précédée d'une Notice sur P.-J. Proudhon par J.-A. Langlois. Paris. A. Lacroix et C-ie. 1875. Tomes I-XIV.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ *).

VII.

Соображенія Прудона, вызванныя «государственнымъ переворотомъ» 2-го декабря, и надежды, какія онъ возлагалъ на «бонапартовскій режимъ», выразились съ особенною ясностью въ его письмѣ къ другому другу, Марку Дюффрессу, отъ 28 февраля 1852 года:

«Для меня, любезный другъ, — разсуждаетъ онъ, — надежда плохая на людей; на мой взглядъ они слишкомъ подлы и невѣжественны, чтобы ожидать отъ нихъ какого-нибудь мужественнаго усилія. Но я ожидаю всего отъ того *возстанія вещей* (insurrection des choses), о которомъ вы говорите, и оно придетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше будетъ развиваться система (т.-е. бонапартовскій режимъ). Нѣтъ такого промышленнаго интереса, который бы, болѣе или менѣе прямо, не зависѣлъ отъ общественныхъ дѣлъ, т.-е. отъ налоговъ, политической свободы, большихъ государственныхъ учреждений. А когда всякій почи-

*) См. выше: мартъ, 154; май, 78; июль, 33; августъ, 528; сент. 118 стр.

въ общественныхъ дѣлахъ отнять у гражданъ, когда нѣтъ никакого контроля и нѣтъ никакой гласности, это все равно какъ еслибы у этихъ гражданъ отняли завѣдываніе ихъ собственными дѣлами, такъ что большинство не знаетъ ни почему, ни какимъ образомъ они пострадали и въ собственности, и въ гарантіяхъ, и въ ихъ кредитѣ, и въ ихъ расчетахъ. Работаютъ въ мутной водѣ, т.-е. перестаютъ мало-по-малу работать, такъ какъ работать значитъ — черезчуръ рисковать».

Развивая эту мысль, Прудонъ старается доказать, что Елисейскому двору слѣдуетъ, такъ или иначе, удовлетворить здоровымъ стремленіямъ страны, начиная съ тѣхъ изъ его партизановъ, которымъ государственный переворотъ не могъ сейчасъ же доставить лакомого куска.

Въ слѣдующемъ, по порядку, письмѣ, отъ 1-го марта, къ тому же Марку Дюфрессу, находимъ мы подробности по проекту изданія «Всемирной Біографіи». Прудонъ проситъ его убѣдить своихъ знакомыхъ въ полезности и важности такого труда. Тѣмъ временемъ продолжается дружественная полемика съ Шарлемъ Эдмономъ. Прудонъ прямо начинаетъ свое письмо къ нему, отъ 6-го марта, говоря, что изгнаніе, все равно что тюрьма, «сбиваетъ съ толку разсудокъ». Онъ снова отказывается отъ всякой эмиграціи, и находитъ, что ему слѣдуетъ оставаться въ Парижѣ, «подъ саблей бонапартовъ, ферулой іезуитовъ и полицейскимъ лорнетомъ». Онъ не боится того, что друзья примутъ это за парадоксъ, и рѣшается пережить во Франціи періодъ деспотизма, который, по его тогдашнимъ расчетамъ, не могъ продолжаться больше двухъ лѣтъ. Постоянное противорѣчіе, въ какое неминуемо впадетъ бонапартовъ режимъ, должно, по мнѣнію Прудона, возмутить, въ очень скоромъ времени, всѣ умы. Онъ знаетъ, что тогдашнюю Францію легко сравнить съ самыми ретроградными европейскими государствами; но онъ указываетъ и на существенную разницу: «Франція, — говоритъ онъ, — сбитая съ пути своими ужасами, заговорами, потребностями, стремленіями, воспоминаніями, хотѣла, конечно, въ декабрѣ, сильной власти деспотизма, но этотъ деспотизмъ несогласимъ съ ея нравами, ея законами, ея учрежденіями; несогласимъ даже съ плохо выясненными записками тѣхъ, кто того желалъ; и бонапартовскому деспотизму нужно, чтобы удержаться, — лгать, жить электизмомъ и противорѣчіями»...

Поэтому-то Прудонъ и продолжалъ надѣяться и считалъ безміемъ сбѣгство изъ Парижа, когда тамъ приближался уже кризисъ, и, по его выраженію: «рѣшались судьбы міра».

Совершенно въ другомъ тонѣ и на иную тѣму написалъ письмо, отъ 13-го марта, адресованное какому-то г. М***. Видно, что этотъ г. М*** проявилъ способности дѣльца въ набиваніи своего кармана, и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывалъ себя разными псевдо-прогрессивными идеями. Прудонъ напрямикъ говоритъ ему, что въ первый его визитъ уже разглядѣлъ, какого онъ печальнаго направленія, почему между ними и не можетъ быть ничего общаго.

«Занимайтесь, на здоровье, обмѣномъ, кладите въ сундукъ биржевыя разницы, устраивайте хорошенько вашу лавочку, дѣлаетесь богачемъ, или чѣмъ вамъ угодно — вы совсѣмъ не мой человѣкъ! Правда, вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ я фетишь свободы. И я вамъ объявляю, что надобно кое-что иное, а не фаланстеріанскій жаргонъ и не мистическія паскнады, чтобы измѣнить мои убѣжденія».

Далѣе идетъ тирада, точно нарочно направленная на современныхъ дѣльцовъ.

«Чтобы поудобнѣе добиваться богатства, вы плюете на личную и общественную свободу; я же — изъ тѣхъ, которые видятъ въ богатствѣ одну лишь матеріальную сторону свободы, ея первое выраженіе, самую низшую ея ступень, и я это объявляю все съ той же настойчивостью. Не считаю васъ настолько невѣжественнымъ, чтобы отрицать (*in petto*) соотносительность и неразлучность этихъ двухъ терминовъ: *богатство* и *свобода*, но на людяхъ вы притворяетесь, что такъ думаете и говорите это; подобное поведеніе я считаю и не особенно храбрымъ, и не особенно благороднымъ».

Гражданину Женикѣ, являющемуся въ первый разъ въ перепискѣ Прудона, онъ даетъ, въ письмѣ отъ 17-го марта, такое опредѣленіе научнаго достоинства политико-эконома Сэя: «Вы не найдете въ Сэй ни метода, ни діалектики, ни опредѣленія, даже никакой аксіомы; словомъ сказать, ничего, что составляетъ *доказательство, очевидность, достоверность, науку*. Но вамъ останется впечатлѣніе, что во всемъ этомъ сбродѣ (*fatras*) есть наука, и если вы пристраститесь, вы будете дѣлать то же, что и я: начнете создавать ее». На тѣму политической экономіи написано и слѣдующее письмо доктору Кретену, отъ 18-го марта. Прудонъ даетъ ему совѣты по задуманному имъ экономическому этюду, и высказываетъ нѣсколько основныхъ своихъ положеній:

«Въ вашемъ трудѣ вы должны будете крѣпко установить тотъ принципъ, что какъ протекціонное начало, такъ и свобода

международной торговли, существенно связаны съ процентомъ съ капиталовъ, а поэтому прямо отражаются на самомъ трудѣ.

«Потому-то теперь всякое уменьшеніе таксы процента, всякое улучшение по закладнымъ порядкамъ должно имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе таможенной пошлины и *vice versa*.

«Если внезапно установить, во Франціи, режимъ свободы, то этимъ не уничтожится, конечно, весь трудъ *въ странѣ*, но онъ, несомнѣнно, подпадетъ подъ владычество иностранныхъ капиталовъ, а слѣдовательно *потеряетъ національность*.

«Вотъ въ общихъ чертахъ этотъ принципъ: *свободный обменъ и даровой кредитъ*—синонимы. Верхъ глупости — поддерживать одно вопреки другому. Еще разъ повторяю, если вы, декретируя свободный обменъ, въ то же время не декретируете пониженія процента до таксы болѣе дешевой, чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ, иностранный капиталъ, такъ какъ его больше, а стало-быть онъ и дешевле, вытѣснитъ вашъ собственный, и вы, французы, обратитесь въ наемныхъ рабочихъ Англій».

Свое освобожденіе изъ тюрьмы Прудонъ уже возвѣщаетъ Морису въ письмѣ отъ 19-го марта: оно должно было состояться, отъ этого числа, чрезъ два съ половиной мѣсяца. Работы у него вдоволь, и онъ надѣется прожить безбѣдно. Правительство 2-го декабря, хотъ и декламируетъ противъ социалистовъ, но волей-неволей должно раздѣлять ихъ идеи, что и возбуждаетъ въ Прудонѣ надежду крѣпче, чѣмъ когда-либо, утвердиться на почвѣ, и устроить свое политическое, научное и даже промышленное положеніе. Тотъ же оптимизмъ относительно самого себя видѣнъ и въ письмѣ къ Марку Дюфрессу, отъ 19-го марта, несмотря на новыя преслѣдованія республиканцевъ со стороны правительства.

«Я не думаю, чтобы меня изгнали; напротивъ, я собираюсь, и очень серьезно, работать по ежемѣсячному *журналу*, который оснуетъ Божажъ. Такъ какъ у меня есть основаніе предполагать, что я на довольно хорошемъ счету въ Елисейскомъ дворцѣ, то я намѣреваюсь сдѣлать диверсію, напавши, какъ слѣдуетъ, на миллійонныхъ орлеанистовъ, легитимистовъ и іезуитовъ, растущихъ, точно грибы, около Бонапарта. Знаю, что на это довольно хорошо посмотреть наверху, да мнѣ и самому хочется погромче сказать то, что уже я говорилъ Безюшѣ: послѣ Бонапарта, да здравствуетъ республика! И я хочу также, во имя демократіи, явиться *наседникомъ*: что вы на это скажете? У меня по этой части еще не мало, въ моемъ мѣшкѣ, хорошихъ подходовъ; ожидаю лишь выхода на свободу».

Ниже онъ приводитъ еще новыя доказательства того, что его не подвергнуть ссылке; даже такой журналъ, какъ «Constitutionnel», и тотъ заговорилъ въ мягкомъ тонѣ, по поводу его письма, захваченныхъ послѣ 2-го декабря, у одного изъ друзей его. Кромѣ того, онъ попадетъ подъ покровительство обыкновенныхъ судебныхъ порядковъ, какъ человѣкъ, отсидѣвшій свой срокъ, съ которымъ нельзя уже будетъ, не вызывая слиткомъ большого скандала, поступить по-диктаторски.

«Вотъ на этихъ-то данныхъ, любезный другъ (заключаетъ Прудонъ), я и рассчитываю, черезъ два-три мѣсяца, водрузить, ни больше, ни меньше, какъ знамя социальной республики. Случай представляется великолѣпный, успѣхъ — почти вѣрный. Какъ только Бонапартъ сдѣлается императоромъ, я примусь разсуждать о совершившемся фактѣ (ни *за*, ни *противъ*); я буду осуждать миссію Бонапарта и рационально подталкивать его во всѣхъ революціонныхъ предпріятіяхъ, которыя, въ данномъ случаѣ, должны, конечно, усилить его популярность, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвигать впередъ и демократію, ссорить его со старыми партіями и компрометтировать. Я знаю, что будутъ судачить (*qu'on gloussera*); но народъ ничего не читаетъ, а я привыкъ во всему, по части клеветы, когда дѣло касается достиженія цѣли. По одному изъ *слуховъ* президентъ нѣсколько разъ хотѣлъ послать за мной, и Безюшѣ почти подтвердилъ мнѣ этотъ слухъ. Какъ бы мало во всемъ этомъ ни было правды; клянусь вамъ, я хорошо этимъ воспользуюсь, и если только человѣкъ этотъ немножко поддастся, ужъ мы изъ него сдѣлаемъ, по крайней мѣрѣ, св. Іоанна Крестителя новой Мессіады».

Вопросы текущей политики принимаютъ въ перепискѣ Прудона характеръ философско-соціальныхъ соображеній. Такъ и въ письмѣ къ профессору Лорану, отъ 21-го марта, онъ излагаетъ цѣлый рядъ соображеній, настолько замѣчательныхъ, что мы не хотимъ ослаблять ихъ краткимъ извлеченіемъ, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ письма:

«Увы! мой милый другъ, всѣ противорѣчія, поднимаемыя принципомъ всеобщей подачи голосовъ, могутъ быть разрѣшаемы лишь временемъ и опытомъ!.. Время, это — переходное торжество преступленія, убійства, ложной присяги, фанатизма; опытъ, это — горечь, нищета, отчаяніе, отвращеніе къ жизни и къ человечеству: и только тогда, когда огромное большинство, въ силу угнетенія и униженія, соединится въ одномъ чувствѣ, въ одномъ интересѣ, когда это большинство доведено до крайности, и всякая надежда на смягченіе отнята у него — происходитъ взрывъ

всѣмировой совѣсти, и можетъ быть сдѣланъ шагъ впередъ по всеобщей справедливости. Но скоро потомъ эта масса впадаетъ въ бездѣйствіе, или происходитъ въ ней раздоръ по вопросу послѣдствій революціи, послѣ чего требуются цѣлыя вѣка новыхъ опытовъ, для того, чтобы придти къ высшей формулѣ, которая, въ свою очередь, не истощится иначе, какъ на протяженіи вѣковъ. Иногда счастливый случай (un heurteux hasard) отдастъ тираннію въ руки человѣка съ честной натурой, въ руки полезной и святой мысли каковаго-нибудь Тюрго или Мальзербъ; тогда совершается безъ сотрясенія легкой прогрессъ, который старые интересы вскорѣ опять отталкиваютъ назадъ.

«Демократическое мнѣніе создала надежда на случайности въ нормальномъ положеніи правительства, надежда на то, что во власти будетъ поддерживаться привычка къ умственной работѣ и къ самоотверженности. Стали говорить, если весь народъ будетъ призванъ къ голосованію, то главы государства непремѣнно будутъ всегда самыя честныя, самыя развитыя, самыя лучшія. На основаніи этой-то обманчивой теоріи бросились въ бездну народнаго почина. Тогда пришлось убѣдиться въ томъ, что большинство, *самый многочисленный и самый бѣдный классъ*, потому именно, что онъ бѣдный, есть и самый ретроградный; а такъ какъ онъ самый многочисленный, то и придаетъ движенію непобѣдимый натискъ. Въ декабрѣ 1848 и въ декабрѣ 1851 мы видѣли, какъ классъ этотъ вернулся къ своимъ естественнымъ инстинктамъ. Эти массы, ничего не понимающія въ экономіи и въ политикѣ, вѣкъ милярда Барбеса, который нужно отнять у богатыхъ, и по части лицъ точно также не знаютъ никого, кромѣ Господа Бога да Наполеона; вотъ почему въ настоящее время патеры управляютъ нами во имя перваго, а Луи-Бонапартъ во имя втораго.

«Поэтому, любезный другъ, не требуйте, чтобы я признавалъ политическую способность за тѣми, у кого ея нѣтъ, и разрѣшалъ всѣ антиноміи, какія вы нагромождаете въ вашемъ письмѣ. И тогда, когда я писалъ мой первый трудъ, и тогда, какъ составлялъ любую статью для «Peuple», я рассуждалъ, какъ рассуждаютъ математики о какой-нибудь гипотезѣ и съ помощью ораторскихъ предосторожностей.

«Когда я говорилъ: «просвѣщенный народъ сдѣлаетъ, повелитъ, потребуетъ того-то», это значить, что я приглашаю народъ отъ моего частнаго имени, въ силу приобретеннаго мною званія — сдѣлать то-то, а всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ на него вліяніе, посоветовать ему это. По моему мнѣнію, социальная наука не имѣетъ

другого способа вульгаризаціи, другой манеры заявлять себя, кромѣ тѣхъ, какими обладаютъ прочія науки, и меня удивляетъ, что вы, прочтя мою критику *прямого правительства* (gouvernement direct), упрекаете меня въ томъ, что я впадаю въ тотъ же заволованный кругъ. Въ сущности, хоть я и готовъ воспользоваться всѣми политическими случайностями (hasards politiques), я жду хорошаго только отъ одного прогрессивнаго воспитанія массъ, воспитанія, до сихъ поръ шедшаго весьма томительно, но было бы невозможно ускорять его и сдѣлать плодотворнымъ. Будемъ учить народъ тому, что такое законъ труда, послѣдствія обмѣна, кредитъ, злоупотребленія власти; научимъ его, какъ составлять коммерческіе договоры, какъ создавать общества на основахъ товарищества и гарантіи и проч.; вотъ настоящая революція: все остальное, повторяю, случайность, мистификація, униженіе».

Во второй половинѣ письма Прудонъ опять возвращается къ той мысли, что 2-е декабря есть прямое слѣдствіе того направленія, какое преобладало во Франціи съ февраля по декабрь 1851 года. Только Луи-Бонапартъ, продѣлавъ свой переворотъ, по «чистымъ принципамъ партіи, именуемой себя *революціонною*», заблуждается, по мнѣнію Прудона, насчетъ своихъ настоящихъ интересовъ, потому что не понимаетъ смысла своей побѣды; а тѣмъ временемъ революціонная идея, какъ ее разумѣетъ Прудонъ, идетъ все дальше; онъ же лично, на основаніи этихъ соображеній, собирается «за-ново прочитъ своихъ почтенныхъ современниковъ».

Въ концѣ высказывается новая надежда, что его, по выходѣ изъ тюрьмы, оставятъ въ покое. Выходъ этотъ долженъ состояться 4-го іюня.

Безъ означенія числа, но въ мартѣ же мѣсяцѣ было написано, и вѣроятно, отправлено, характеристическое письмо къ Маццини:

«Гражданинъ Маццини, должно быть, вы помutilись на томъ, чтобы хлестать социализмъ учительской фериулой! Мало видно того гвалта, который вотъ уже четыре мѣсяца и во Франціи, и во всей Европѣ поднять во имя истребленія революціонеровъ нашего вѣка; надо еще и вамъ подбавить къ нему вашихъ пасторскихъ наставленій и увѣщаній. Вы—человѣкъ порядка, человѣкъ правительства, въ особенности человѣкъ благочестія, экс-диктаторъ, мѣтающій въ первосвященники, вы хотите въ главахъ всего свѣта хорошенько подтвердить все ваше отвращеніе къ тѣмъ жалкимъ людямъ, которые осмѣлились сдѣлать послѣдній вы-

водъ изъ философскаго и социальнаго движенія, начатаго со времени крестовыхъ походовъ. Вы на развалинахъ социализма полагаете первый камень вашей реставраціи. И вы выбираете тотъ моментъ, когда, по всеобщей молвѣ, социализмъ сдѣлался послѣднимъ словомъ революціи, когда самый неистовый органъ (ретрограднаго) сопротивленія ставитъ вмѣстѣ съ вами дилемму: *теократія* или *амарксія*; когда тысячи гражданъ извѣстныхъ, и попусту и основательно, за социалистовъ арестованы, изгнаны, сосланы въ провинцію, въ Кайенну и въ Ламбессу.

«Все это, гражданинъ Мадцини, достойно глубокаго политика и въ особенности человѣка съ великодушнымъ сердцемъ; я удивляюсь вамъ, я васъ благодарю. Недавно, въ клубѣ честнаго и умѣреннаго отгѣнка, вы называли меня публично *Мефистофельмъ* демократіи, присоединяя вашу анаемому къ анаемѣ конкурента вашего, Пія IX. Право, я не былъ бы достоинъ этого почтеннаго прозвища, еслибъ я не съумѣлъ хоть разъ, въ видѣ благодарности, сказать вамъ, что вы и вамъ подобные — ея паяцы (*piégrots*).

«Но кто уважаетъ теперь ваши горделивыя разглагольствованія? Вы нападаете на меня, маленькаго человѣчка, затѣмъ только, чтобы обезчестить въ лицѣ моемъ теченіе идей, охватившихъ вотъ уже четыре года нашъ вѣкъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Францію. Да, къ Франціи больше всего и обращены ваши презрительныя выходки и сарказмы, ее-то вы и обвиняете вездѣ въ низости, кричите объ ея безчестіи, хотите привязать ея къ позорному столбу всего рода человѣческаго. Мнѣ отгадно, отгѣчая на ваши задираательства, чувствовать, что мнѣ слѣдуетъ защитить нѣчто болѣе высокое, чѣмъ моя личность, что мнѣ надо отплатить, во имя моей несчастной родины, за оскорбленія ея вырожденъ и за брань иностранца.

«О! я знаю, что тѣ, которые судятъ о насъ въ настоящую минуту, не зная насъ совсѣмъ и толкуя о нашихъ дѣлахъ по своимъ учрежденіямъ и предразсудкамъ, видятъ насъ въ странномъ свѣтѣ. Стыдливый англичанинъ, съ дурно-скрываемымъ удовольствіемъ, краснѣетъ за наше униженіе; американецъ, дерзкій, какъ всякій выскочка, плюетъ намъ прямо въ лицо; абстрактный нѣмецъ, феодальный венгерецъ объявляетъ, что мы умерли и пали; папа благословляетъ насъ; абсолютныя короли рукоплещутъ и говорятъ: *теперь-то они попались намъ!* И вотъ, гражданинъ Мадцини, нежда-педагогъ (*alibogon*, что значитъ также дуракъ, болванъ), бьетъ связаннаго льва своимъ италійскимъ копытомъ!

«И ни одного слова негодованія, ни одного отпора не вски-

нѣло въ сердцахъ нашихъ изгнанниковъ! Горечь собственнаго пораженія заглушаетъ въ этихъ людяхъ партіи ревъ патриотизма. Неужели они сдѣлались такими космополитами, такими равнодушными въ чести своей страны? О! если намъ слѣдуетъ чего стыдиться, то именно этого: дѣти Франціи, краснѣющіе передъ тѣми, кто, вѣки вѣчные, съ завистью желаютъ сдѣлаться французами.

«Но во имя чего и кого, гражданинъ Маццини, заговорили вы въ настоящую минуту? Можете ли вы сослаться хоть на одинъ изъ вашихъ старыхъ принциповъ, который не обвинялъ бы васъ, не могъ бы быть обращенъ противъ васъ? Какому государю, какой церкви, какому Богу вы, демократъ старой школы, вы, христіанинъ, думаете вы апеллировать на побѣду паны и пораженіе націй? Вы приглашаете социализмъ къ молчанію, просите его не компрометтировать дѣла свободы своими неблагоприятными теоріями? Видно, вамъ именно, человѣку *дѣйствию* по преимуществу, слѣдуетъ вести дѣло всемірной эмансипаціи? На это вы требуете у народа сущей бездѣлицы: денегъ, повинновѣмъ, вѣры!.. ровно столько, сколько требуетъ съ своей стороны нашъ святой отецъ! Право, подумаешь, что вамъ заплатила коалиція старыхъ интересовъ, чтобы вы прикончили революцію и вашими нечѣстными манифестаціями подавали все новые поводы для декабрьскихъ преслѣдованій. Отвяжитесь, наконецъ, отъ насъ, гражданинъ Маццини: ваша задача, такъ жалко вами понятая, кончена, вы въ тягость революціи.

«Меня вы лучше бы оставили въ покоѣ, и мое положеніе таково, что никогда писатель, желая говорить съ своими современниками, не могъ мечтать о лучшемъ. Ненависть, возбужденная мною во всѣхъ партіяхъ, заставляя меня говорить и дѣлать только то лишь, въ чемъ заключается чистое выраженіе моей совѣсти, придаетъ словамъ моимъ такой авторитетъ, до котораго далеко вашимъ словамъ, хотя бы вы были въ тысячу разъ болѣе великій человѣкъ. Я былъ, почти въ одно время, помѣщенъ пайпой въ *index*, выданъ демократіи г-номъ Маццини, Академіи — господиномъ Монталамберомъ, консерваторіи — г. Шарлемъ Дупеномъ. Учредительное собраніе отреклось отъ меня, присяжные меня приговорили, судейское сословіе покварало меня, буржуазія на меня злобствуетъ; я слишкомъ провинился предъ Луи-Наполеономъ Бонапартомъ, чтобы быть въ милости у его правительства, а въ прошломъ году, въ Парижѣ и въ Лионѣ, жгли мою послѣднюю книгу, какъ еретическую, представители пролетаріата!

«И меня-то, гражданинъ Маццини, вы призываете къ дис-

цилинѣ! Или я сильно ошибаюсь, или это всеобщее противорѣчье, какое мнѣ посчастливилось возбудить, если оно только не показываетъ, что я сумасшедшій, составляетъ важную улику, указывающую на то, что я всегда держался близко къ истинѣ. Надеюсь быть ей все болѣе и болѣе вѣрнымъ, и такъ какъ ваши энциклики, гражданинъ Маццини, такъ удачно доставляютъ мнѣ случай отвѣчать за разъ: и въ собственную защиту, и во спасеніе революціи, и въ защиту чести моей родины, я буду считать трусостью молчать дольше.

«Привѣтствую васъ братски, гражданинъ Маццини».

Вмѣсто всякихъ комментаріевъ, достаточно сказать лишь то, что протестъ, заключающійся въ этомъ письмѣ, подготовлялся тою глубокою разницей, какая жила въ натурахъ и мировоззрѣніяхъ Прудона и Маццини. Такому уму, какъ Прудонъ, не могъ не быть антипатиченъ мистическій революціонализмъ Маццини, оставшагося, до конца своей жизни, проповѣдникомъ мистицизма, изъ-за котораго даже его послѣдователь—Гарибальди долженъ былъ разойтись съ нимъ.

VIII.

Время выхода изъ тюрьмы все приближалось. Прудонъ пишетъ Гиллемену, отъ 26-го апрѣля: «Отъ сегодня черезъ тридцать восемь дней меня выпустятъ на свободу. Вы думаете, что это меня очень трогаетъ? При теперешнемъ режимѣ, имѣя работы вдоволь, и съ тѣмъ довольствомъ, какое я себѣ устроилъ въ тюрьмѣ, влянусь вамъ, я едва почувствую радость при таковой переимѣнѣ моего положенія. Во всякомъ случаѣ, я на него смотрю серьезно, и крѣпко рѣшился не *звѣвать на воронъ*».

Онъ продолжаетъ возмущаться ходячими формулами яеобинской партіи и, пользуясь текущей политикой, высказываетъ это съ новой силой:

«Мнѣ надоѣли: — *подлое большинство* (vile multitude) и демагоги. Для меня это—экономическій афоризмъ 6-й моей главы, что *самый бѣдный классъ* (въ настоящее время еще самый многочисленный), *потому именно, что онъ самый бѣдный, есть и самый нечужественный, и самый завистливый, и самый малодушный...* (Мы уже видѣли выше перифразу той же самой идеи). Уже давно я такъ думаю, и мнѣ сдается, что настала минута высказать это. Въ такомъ умственномъ настроеніи я не могъ бы, не впадая въ нелѣпость, кричать: *Да здравствуетъ республика!* среди народа, который блѣдетъ: *Да здравствуетъ Наполеонъ!* т.-е.

играть на свой страхъ, въ руку лондонскимъ друзьямъ. Отнынѣ надо держаться другой тактики, и вы увидите потомъ, есть ли во мнѣ находчивость!.. Что же до настоящаго, я буду держаться въ сторонѣ, и даже на нѣкоторое время займусь совсѣмъ другими вещами».

Политическій и социальный интересъ минуты возбуждаетъ въ немъ, вмѣстѣ съ общими соображеніями, все новое и новое сознаніе своихъ мыслительныхъ силъ:

«Мы,—говорить онъ дальше,—находимся временно въ каталепси. Это будетъ продолжаться, болѣе или менѣе, нѣсколько лѣтъ, если не случится чего-нибудь непредвидѣннаго, и кончится, какъ всякая вещь, тоже чѣмъ-нибудь непредвидѣннымъ. Тогда переворотъ 2-го декабря, послѣ того, какъ онъ казался величайшимъ изъ преступленій, будетъ казаться, въ виду громадныхъ опасностей, ужасныхъ нуждъ и неотлагательной необходимости въ извѣстныхъ фактахъ, простымъ шпеольничествомъ. Извольте, передъ такой перспективой, продѣлывать такъ-называемую политику вчерашняго дня, политику классическую: гизотизмъ и робеспьеризмъ!...

«А я лично тѣмъ вольнѣе и свободнѣе себя чувствую, чѣмъ большую безтолочь вижу вокругъ себя. Да, свободнѣе, ибо я не нахожусь въ рабствѣ ни у чего на свѣтѣ, кромѣ естественной необходимости; я не подчиненъ рабски ни патеру, ни судейскому, ни военному; я не связанъ ни съ какою партіей; я не повинуюсь никакому предрасудку; я стою выше людского уваженія и даже самой популярности. Я хотѣлъ сдѣлать другихъ такими же свободными, какъ и я самъ; а они вывели изъ этого заключеніе, что мнѣ некуда дѣвать свободу, и запытали меня въ тюрьму.

«Что они выиграли этимъ? Ничего. Что я потерялъ? Сдѣлай я вѣрный расчетъ, я долженъ буду сказать, что тоже ничего. Я знаю въ десять разъ больше, чѣмъ три года тому назадъ, и въ десять разъ лучше, чѣмъ я зналъ: мнѣ положительно извѣстно, что я приобрѣлъ, и право я не знаю, что я потерялъ. Мнѣ нечего больше желать, какъ здоровья и работы: я думаю даже, что мнѣ нечего бояться черезъ-чуръ большого развитія какого-либо изъ моихъ недостатковъ. Я знаю причины теперешняго положенія и предвижу его конецъ; оно нисколько меня не расстроиваетъ, а входитъ въ описанный мною революціонный кругъ; оно—одинъ изъ тысячи возможныхъ случаевъ, черезъ которые міръ могъ пройти, подвигаясь къ своей цѣли. Что же мнѣ еще вамъ сказать? Революція 2-го декабря, кажется мнѣ,

съ исторической точки зрѣнія, такой же нормальной, какъ и революціи 1848, 1830, 1815, 1814, 1799, 1794, 1792, 1789 и проч. Конечно, движеніе неправильно и непрямо, но за то тенденція — постоянна. То, что каждое правительство, въ свою очередь, дѣлаетъ въ пользу революціи, становится неизмѣннымъ; то, что пытаются устроить противъ нея, проходитъ какъ облако; я наслаждаюсь этимъ зрѣлищемъ, понимая каждую картину, я присутствую при этихъ эволюціяхъ всемірной жизни съ такимъ чувствомъ, точно будто свыше получилъ ихъ толкованіе; то, что подавляетъ другихъ, меня поднимаетъ, воодушевляетъ и укрѣпляетъ: какъ же вы хотите, чтобы я обвинялъ судьбу, жаловался на людей и проваливалъ ихъ? Я смѣюсь надъ судьбою; а люди слишкомъ невѣжественны, слишкомъ рабски подчинены, чтобы сердиться на нихъ. И я такъ мало склоненъ къ меланхоліи и къ самоубійству, что я дѣлаю дѣтей... какъ истый философъ!»

Выходитъ, что, на протяженіи цѣлаго почти полугода, Прудонъ не измѣнилъ своего взгляда на значеніе переворота 2-го декабря. Въ этомъ взглядѣ онъ себѣ нисколько не противорѣчилъ: для него революціонное движеніе Франціи вовсе не прерывалось временнымъ торжествомъ бонапартовѣхъ порядковъ; его социальныя симпатіи остались тѣ же, его идеалы ни мало не измѣли. Но высказанный имъ, въ послѣдней цитатѣ, *объективизмъ* увлекаетъ его за тотъ предѣлъ, который долженъ быть обязательнымъ для всякаго живого человѣка. Восхваляемая имъ «историческая точка зрѣнія» потеряла, въ нашу эпоху, свое всемогущество: она достаточно разоблачена не только въ мірѣ простыхъ либераловъ, но и въ сферѣ позитивныхъ мыслителей, въ лицѣ, напримѣръ, Герберта Спенсера. Безстрастное резонированіе на тему историческихъ причинъ и слѣдствій не удовлетворяетъ социальную совѣсть новыхъ поколѣній. Такая теорія ведетъ только, въ практическомъ своемъ примѣненіи: или къ равнодушію фатализма, или ко всевозможнымъ сдѣлкамъ. Анализъ растлѣвающего вліянія слишкомъ растяжимой «исторической точки зрѣнія» привелъ позитивнаго, но живого, а не сухого мыслителя, Джона Морля (въ его недавнемъ сочиненіи «On compromise») къ безпощадному приговору, подъ который, въ значительной степени, подходит и тонъ объективизма, только-что видѣнный нами у Прудона. Доживи онъ до выхода въ свѣтъ книги Морля, онъ нашелъ бы въ ней обсужденіе 2-го декабря, сдѣланное не якобинцемъ, не абсолютистомъ-республиканцемъ, противъ какихъ ратовалъ онъ съ 1848 г., а человѣкомъ научнаго мышленія и самыхъ живыхъ социальныхъ симпатій, *англійскимъ* радикаломъ въ

лучшемъ и широкоемъ смыслѣ слова. Прудонъ слишкомъ выдѣлилъ нравственный элементъ бонапартова переворота, и хотя перечувствовалъ въ себѣ всю его кровь, но не придалъ этому преступленію противъ *нравственнаго закона* его настоящій социологическій смыслъ, тотъ, который, съ такою научностью и простотою, указанъ англійскимъ радикаломъ.

Возвращаясь къ письму Прудона, мы находимъ, въ концѣ его, яркую выходку противъ тогдашняго поколѣнія французовъ или, лучше сказать, парижанъ, къ которымъ Прудонъ никогда не могъ имѣть влеченія, усматривая въ нихъ органическую и всякую другую испорченность:

«Наше поколѣніе — поколѣніе фальшивыхъ артистовъ, драмныхъ актеровъ. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы съ когнибудь не обезьянилъ, не переодѣвался, для оригинальности, въ древнюю личность. Одинъ корчитъ Робеспьера пѣшкомъ, другой — Робеспьера верхомъ; этотъ — Бабефъ, тотъ — Маратъ; наши патеры, читавшіе Шатобріана и де-Местра, играютъ въ Григорія VII, и охотно бы затѣяли маленькій крестовый походъ, — они и устроили римскій походъ, — вплоть до Луи-Бонапарта: и онъ, вмѣсто того, чтобы продолжать своего дядю, взявши традицію, какъ разъ наканунѣ Ватерлоо (что доказало бы нѣкоторую даровитость), хочетъ заново все начинать и откинуть насъ въ 1804 г.! И какъ только они продекламируютъ свою роль, когда пьеса кончена, занавѣсъ опустили, они требуютъ тотчасъ же второго представленія!.. Право, все это революціонное мясо (*chair à révolution*), по-моему, ниже того, что доставляетъ намъ котлеты и бифштексы».

Мысль предаться практическимъ дѣламъ, въ широкихъ размѣрахъ, сквозитъ въ письмѣ къ Белэ, отъ 13-го мая; онъ готовъ вступить въ какое-нибудь крупное предпріятіе и выказать въ немъ свою дѣльность. Это — одна изъ перспективъ его жизни на свободѣ; конецъ же своего заключенія онъ посвящаетъ чтенію источниковъ по исторіи первой революціи, что мы видимъ по письму къ Даримону, отъ 19-го мая. Даже и не-специалистамъ интересно будетъ знать мнѣнія Прудона о различныхъ очевидцахъ революціи, оставившихъ послѣ себя книги и мемуары:

«Я уже прочелъ или просмотрѣлъ Вилата, Сенара, Левасера, Гарá.

«Всѣ они кажутся мнѣ довольно правдивыми, въ смыслѣ вѣдѣнныхъ ими *фактовъ* и показаній; но вообще они весьма неудачны въ своихъ объясненіяхъ, жалобахъ и полемикахъ.

«Вилъятъ декламируетъ, что твой Робеспьеръ; Сенаръ самый лобопытный изъ всѣхъ: онъ *видѣлъ, читалъ и слышалъ*; но все это не идетъ дальше комитета общественной безопасности. Но у него-то и находится самое важное показаніе противъ Робеспьера, именно поддержка, постоянно оказываемая Герону: надо видѣть это мѣсто.

«У Сенара есть также подробности о различныхъ планахъ деспотизма, какимъ предавалась Гора: *диктатура, триумvirатъ, орлеанистская монархія*; эта глава — чрезвычайной важности. Въ ней-то всего лучше видно нарожденіе тиранніи изъ нѣдръ демократіи. Тутъ весь 93 г. и терроръ. Пересмотрите это.

«Что же до Катерины Теб, я думаю, что дѣло было серьезнѣе, чѣмъ выставляетъ его Вилъятъ, но менѣе серьезно, чѣмъ выходитъ по показаніямъ Сенара, очевидца и доносчика. Робеспьеръ, давая Жерлю свидѣтельство въ цивизмѣ, чего онъ не дѣлалъ ни для кого, достаточно показываетъ, что онъ хотѣлъ вербовать на свою службу... Суевѣріе. Народъ дальше вѣдь и не шель! То *рака св. Женевьевы*; то *богиня Моморо*; то *Высшее Существо*, то *Божья Матерь*, и нѣтъ этому конца. Надо порѣзче выставить все это *народничанье* (démocrataillerie).

«Мнѣ хотѣлось бы имѣть статью о комитетѣ *общественнаго спасенія* и о комитетѣ *общественной безопасности*, съ указаніемъ на несомнѣнное и всеобщее стремленіе къ абсолютному правительству и полное отсутствіе истиннаго республиканства.

«Левассеръ — просто слѣпой и упрямый монтаньяръ. Какъ честный и добросовѣстный человекъ, онъ самымъ наивнымъ образомъ составилъ мемуары, скрѣпляющіе приговоръ якобинцамъ и террору. У него-то и находятся всѣ эти мнимыя оправданія Горы на счетъ загубленной Жиронды и того, какъ мастерили и откладывали конституцію 93 г., подробности о революціонномъ правительствѣ и Франціи, яко бы спасенной силою *энергіи* и т. д. Все это, очищенное отъ ораторскихъ и софистическихъ украшеній, просто нелѣпо и глупо.

«Монтаньяры, въ своей лучшей и болѣе почтенной части, были просто шовинисты, остальное — нештовые честолюбцы.

«Гаря — презрѣнный болтуны. Онъ становится еще подозрительнѣе, когда хвалитъ Дантона. Какъ! Дантонъ оплакивалъ въ 93 г. свои заблужденія? Онъ хотѣлъ вернуться къ истинѣ, къ закону, къ добродѣтели, къ умѣренности? Онъ былъ заговорщикомъ затѣмъ только, чтобы остановить пролитіе крови (гильотинируя эбертистовъ и проч.), и за эту-то благородную идею онъ погибъ отъ тирана Робеспьера? Все это плоскость.

«Я менѣе доволенъ послѣдними частями Барьера, чѣмъ первыми; я продолжаю думать, что онъ былъ *добрымъ мальчикомъ*; но что, въ то же время, въ немъ сидѣлъ и пройдоха, съ чѣмъ-то скверненькимъ въ глубинѣ души.

«Вообще же демократія, благодаря опыту, черезъ какой мы проходимъ, остается въ моихъ глазахъ тѣмъ же, чѣмъ я считалъ ее—чистѣйшимъ противорѣчіемъ. Не нужно ни демократіи, ни демагогіи, надо говорить: *демофилия*, и брать ее точкой отправления.

«По мѣрѣ того, какъ устанавливается прямое правительство, вы видите, какъ прибываютъ популярныя личности и типы, а также, какъ развиваются, въ людяхъ повыше народной массы, самыя скверныя инстинкты. Демократія 93—94 гг. подняла и возвеличила нѣкоторыя личности, какъ, напримѣръ, Бабефа, Левассера, Рюля и другихъ. Она же понизила такія личности, какъ Эрб-де-Сешель и Робеспьеръ.

«Санъ-вюлотство было *подавленіемъ* общества; поэтому—обратная противоположность того, что онъ обѣщаль. Чѣмъ больше въ это всматриваешься, тѣмъ сильнѣе становится такое убѣжденіе; а отчего оно такъ вышло? Отъ презрѣннаго софизма *народоправства* (*souveraineté du peuple*), буквально примѣннаго Руссо и Робеспьеромъ.

«Смѣю заявлять, что французская революція теперь понята и приговоръ надъ ней сдѣланъ. Постараемся о томъ, чтобы нашъ докладъ о ней сдѣлался авторитетнымъ и окончательнымъ».

Между тѣмъ, расчеты на практическую, дѣловую дѣятельность не оставляютъ Прудона и въ письмѣ къ Матэю, отъ 26-го мая, а въ ожиданіи ея вотъ какъ онъ рассчитываетъ ознаменовать свой выходъ изъ тюрьмы:

«Выхожу я черезъ недѣлю, отъ послѣ-завтра—пятницы. Думаю, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, по выходѣ на свободу, вступить снова въ философскій, политическій и литературный міръ, къ удовольствію публики и самихъ социальныхъ демократовъ. Приготавливаю къ публикаціи, одну за другой, въ промежутокъ двухъ мѣсяцевъ, три брошюры, надъ которыми долго думалъ и работалъ, въ ожиданіи «*Исторіи Новѣйшей Демократіи*».

«Если эти брошюры будутъ имѣть успѣхъ, какого я ожидаю, а надежды г. Пене (по устройству компаніи каналовъ) или англійскаго общества (по концессіи желѣзной дороги) осуществлятся, я за-разъ поднимусь и какъ писатель, и какъ дѣловой человѣкъ: положеніе мое будетъ несравненно лучше, чѣмъ въ январѣ 1849 г., въ эпоху самаго большаго процвѣтанія газеты «*Peuple*».

Предъ самымъ своимъ выходомъ изъ тюрьмы, Прудонъ пожелалъ печатно выразить свой взглядъ на значеніе переворота 2-го декабря, о чемъ и сообщаетъ Марку Дюфрессу въ письмѣ, отъ 30-го мая:

«Этотъ взглядъ (т.-е. возможность воспользоваться бонапартизмомъ въ интересахъ соціальной республики) вполне оправдался теперь, и совершившіеся факты таковы, общественное мнѣніе такъ благопріятно настроено, что я, наконецъ, рѣшился напечатать брошюру, болѣе чѣмъ въ десять листовъ, о текущемъ положеніи дѣлъ. Такая попытка представляетъ страшнѣйшія трудности, быть можетъ, непобѣдимыя для всякаго другого; но я надѣюсь выйти изъ всего этого съ честью и удовлетворить самыхъ строгихъ пуританъ. Поэтому, рассчитываю я выпустить въ теченіе іюня и іюля три изданія въ-ряду, занять положеніе на совершенно новой почвѣ и заставить Елисейскій дворецъ посмотреть на союзъ съ республиканцами, какъ на вещь до такой степени желательную, логическую, настоятельно необходимую, что имъ останется только ожидать ее съ достоинствомъ. Я хорошо знаю, что есть личности, которымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какомъ предлогомъ вступать въ переговоры; но масса не можетъ считать себя до такой степени связанной, а ею-то я прежде всего и занимаюсь. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ искуснымъ маневромъ, высшими философскими соображеніями поставить партію, находящуюся нынче въ изгнаніи, такъ высоко, не взирая на ея ошибки, чтобы всякая монархическая реставрація показалась чудовищной, и чтобы правительство 2-го декабря, слѣдуя логикѣ своего происхожденія, своего предназначенія, своего положенія, было въ постоянной необходимости искать соглашеній. Словомъ сказать, надо сдѣлать изъ революціи единственную программу, возможную для Луи-Наполеона; надо, чтобы онъ устремился къ ней для своего счастья и спасенія; надо широко растворить ему эту дверь будущности, популярности, безсмертія; надо закрыть ему всѣ другіе исходы, обрѣзать малѣйшую вѣтвь спасенія, отнять всякій предлогъ, лишить всякой надежды. Надо, говорю я, доказать ему, доказать всѣмъ интеллигенціямъ, что внѣ революціи онъ пропасть, и, доказывая это, добиться того, чтобы оно такъ случилось. Демократическая партія будетъ такимъ путемъ, безъ всякихъ апологій и обвиненій, восстановлена нравственно и догматически; а воль скоро идея существуетъ, фактъ, рано или поздно, слѣдуетъ за нею. *Dictum factum.*

«Черезъ три недѣли или черезъ мѣсяць, я отдаю себя на вашъ судъ».

Прудонъ говоритъ далѣе о политическихъ изгнанникахъ: онъ не ждетъ отъ ихъ брошюръ ничего серьезнаго. Про Шельера онъ выражается, какъ про человѣка, способнаго на одни общія мѣста, а въ Викторѣ Гюго не признаетъ ни малѣйшаго философскаго значенія: «его идеи, — поясняетъ онъ, — тѣ же общія мѣста, облеченныя въ антитезы». Все это, по его мнѣнью, безцѣльно и бесплодно, не можетъ никоимъ образомъ отвратить монархической реставраціи; и если дѣла пойдутъ также, конституціонная монархія неминуема; а онъ этого не хочетъ, и хотя не оправдываетъ государственнаго переворота, желаетъ однакожь, чтобы Франція, разъ пойдя по этому пути, не пятилась назадъ къ старымъ политическимъ формамъ.

«Такъ-то вотъ, любезный другъ! — восклицаетъ онъ, — для меня и настала минута сказать опять свое слово. Сдѣлаю я это со всѣмъ благоразуміемъ, со всей сдержанностью, на какія только способенъ, но, въ то же время, съ глубиной идеи и съ откровенностью выраженій, какихъ можно ждать отъ меня. Беру на себя эти три вещи: показать общественному разуму, что правительство 2-го декабря можетъ найти свое *спасеніе* и смыслъ въ одной лишь революціонной политикѣ; представить, этимъ путемъ, тому же общественному разуму необходимость возврата демократіи, а возвратъ конституціонной монархіи невозможнымъ.

«Вотъ тотъ родъ давленія, каковой я хочу провозвести на общественное мнѣніе, а черезъ него на правительство. Остальное пойдетъ само собой.

«Есть также одно преткновеніе, на которое я вамъ долженъ сразу же указать; огромное большинство умовъ сбиваетъ оно съ толку: обвинять нашу націю въ недостатокъ нравственности и мужества. Берегитесь въ особенности этого: мой трудъ столько же будетъ подкрѣплять революціонную идею, сколько имѣтъ предметомъ отплатить, во имя страны, за упреки иностранцевъ и пошля оскорбленія нашихъ Сенѣвъ. *То, что случилось, произошло въ силу историческихъ и логическихъ законовъ, стоящихъ выше національной воли:* вотъ моя теза. Нація вовсе не задѣта, достоинство ея цѣло, и — что въ особенности удивительно, — *французская инициатива* ярче проявляется, чѣмъ когда-либо».

Хотя Прудонъ и писалъ, что свобода мало его обрадуетъ, но день выхода изъ тюрьмы появляется все чаще въ его корреспонденціи. Добраго знакомаго своего, Галло, онъ извѣщаетъ въ письмѣ, отъ 31-го мая, что выходъ долженъ состояться въ пятницу, 4-го іюня, въ 6 часовъ утра. Но вслѣдъ за этимъ извѣщеніемъ идутъ

опытъ идеи и взгляды, мотивирующіе его ближайшую дѣятельность:

«Гора умерла, какъ говоритъ Маркъ (т.-е. Маркъ Дюфрессъ), и сама демократія можетъ вернуться только *преобразованная*. Вотъ это-то движеніе я и постараюсь заявить, и даже приготовить. Ни въ Брюсселѣ, ни въ Лондонѣ, не сдѣлають ничего путнаго; старый *соціализмъ* совсѣмъ разбитъ; надобно даже бросить отнынѣ самое имя это, все равно, что слово *санкилотъ*. Не менѣе смѣшно и нелѣпо возстановлять партію на основѣ принципа *всеобщей подачи голосовъ*; а внѣ этихъ избитыхъ терминовъ вы ни за что не найдете почвы для демократіи въ виду настоящей власти.

«Однако я попытаюсь; только прошу еще разъ: пригласите всѣхъ друзей помочь мнѣ. Надо побѣдить сильныхъ, живучихъ, торжествующихъ враговъ: *цезаризмъ, фюзіонизмъ, иезуитизмъ, катталанизмъ* — а чѣмъ? Соціализмомъ? *Hélas!* Всеобщей подачей голосовъ? *Hold!*»

О своихъ работахъ говоритъ Прудонъ и въ письмѣ къ Шарлю Эдмону, отъ 2-го іюня, т.-е. за два дня до выхода изъ тюрьмы. Его продолжаетъ занимать брошюра о бонапартовомъ режимѣ: онъ смотритъ на нее отчасти какъ на средство помочь своимъ друзьямъ-изгнанникамъ. Онъ обнадеживаетъ, въ этомъ смыслѣ, Шарля Эдмона и зоветъ его въ Парижъ, гдѣ нужно продолжать дѣло республики.

«Вотъ, — сообщаетъ онъ, — какіе у меня виды въ настоящую минуту: какъ только я кончу и издамъ текуція мои работы, одинъ изъ моихъ книгопродавцевъ предлагаетъ мнѣ ежемѣсячный журналъ, гарантируя солидное содержаніе. Съ другой стороны, друзья хотятъ непременно, чтобы я вошелъ въ крупныя дѣла, что — признаюсь вамъ — весьма меня соблазняетъ по множеству причинъ даже высшей политики и соціальной реформы».

Онъ увѣряетъ Эдмона, что изгнанники не могутъ составить себѣ настоящаго понятія о положеніи дѣлъ во Франціи. Только себя, да еще двухъ-трехъ человекъ считаетъ онъ способными на такое ясное пониманіе, которое и должно сказаться въ его брошюрѣ. Ея идею и содержаніе онъ резюмируетъ такъ:

«Старая демократія безвозвратно побѣждена; легитимная и конституціонная монархія навсегда устранены, вопреки всевозможнымъ сліяніямъ; католицизмъ погибъ; имперія вѣроятна; но также вѣроятно и то, что она не переживетъ Луи-Бонапарта, и, во всякомъ случаѣ, *революція съ потомъ ходу*».

И, какъ заключительный выводъ, мы читаемъ въ концѣ письма:

«взявши все въ соображеніе, я нахожу, что теперешній порядокъ очень благопріятенъ прогрессу; онъ гораздо лучше того, что было съ 25-го февраля 1848 г.; говорю вамъ это серьезно, что не мѣшаетъ мнѣ не одобрять государственнй переворотъ, бороться съ правительствомъ и держаться совершенно въ сторонѣ отъ его происковъ и вліянія».

Отъ того дня, когда Прудонъ вышелъ изъ тюрьмы, не сохранилось никакого письма. Только, отъ 11-го іюня, пишетъ онъ Матю и сообщаетъ ему такія подробности:

«Мы отпраздновали мой выходъ въ прошлую пятницу, 4-го іюня, прогулкой, продолжавшейся двѣнадцать часовъ, въ Мёдонскомъ лѣсу, съ двумя большими трапезами. Эта громадная оргія стоила намъ по *сто су* съ головы. Теперь я устроился въ запасной комнатѣ, на той же площадѣ, съ видомъ на *Pitié*, какъ и комната Марселя, и уже сижу за работой. Разсчитываю въ концѣ мѣсяца начать печатаніе двухъ небольшихъ вещей, послѣ чего пойдутъ мои экономическіе «*prolégomènes*», а повдѣе, послѣ *Истории Демократіи*, явятся *теоремы*. Молите Бога обо мнѣ!

«Считаю теперешнюю минуту благопріятною для того, чтобы пустить въ публику наши идеи, въ новой формѣ. *Красная* провалилась и погребена; республиканцы, и тѣ говорятъ о ней съ раздраженіемъ. Соціализмъ притворяется мертвымъ. Насколько онъ отзывается коммунизмомъ, фаланстерой или триадой, я думаю, что онъ не только притворяется, но и въ самомъ дѣлѣ умеръ. А пока соціализмъ молчитъ, ни о чемъ больше не говорятъ въ республикѣ, да никто и не знаетъ о чемъ говорить. Не правда ли, что это прекрасный случай для того, кто думаетъ, что у него кое-что припасено».

Какъ это, такъ и слѣдующее письмо къ доктору Магэ, отъ 8-го іюля писаны изъ Парижа. Но уже, отъ 29-го іюля, значится письмо къ Шарлю Белэ, пущенное изъ Бюржилль-ле-Мариа, въ Дубскомъ департаментѣ. Предсказанія Прудона сбылись: полиція позволила ему благополучно выбраться изъ Парижа. Съ новой энергіей и вѣрою въ свои силы говорить онъ о своемъ соціальномъ призваніи и о жизненности тѣхъ идей, за каки стоялъ его вужоуъ. Обсуждаетъ онъ тутъ же и вопросъ политической присяги по поводу предстоящихъ выборовъ. Онъ лично готовъ былъ бы сейчасъ принять присягу; но ни за что не пойдетъ въ депутаты, потому лишь, что у депутатовъ отнято вознагражденіе; а онъ не можетъ работать даромъ:

«Если крестьяне, рабочіе, большинство средняго и буржуазнаго класса рукоплескали уничтоженію депутатской платы, то

надо имъ быть послѣдовательными до конца. Пускай ихъ берутъ своими защитниками аристократовъ (*des aristos*); пускай стараются выбирать людей побогаче, какъ: Карно, Кавеньякъ, Жирарденъ и т. д.; безъ этого они никогда не будутъ увѣрены въ томъ, что ихъ нуждающійся представитель *не продастъ себя*, какъ это дѣлалось при Карлѣ X.

«Вы у меня спрашиваете моего *конфиденціального* мнѣнія, какъ о присягѣ, такъ и о кандидатурѣ? Я вамъ даю его, избавляя васъ отъ всякой сдержанности. Отказываться отъ присяги — хорошо одинъ разъ, хорошо для какого-нибудь Кавеньяка, соперника Луи-Наполеона. Но коль скоро подразумевается, что политическая присяга предполагаетъ обоюдность, я смотрю, какъ на глупость — съ упорствомъ воздерживаться отъ нея, и съ недоувѣріемъ на всякаго, кого затрудняетъ эта формальность. Но разъ этотъ вопросъ рѣшенъ, я не стану взваливать на себя разорительное порученіе, которое съѣсть четверть, а можетъ быть и половину годового труда, и оставить меня въ нуждѣ; а клевета въ это время будетъ распространяться о моей *продажности*. Мнѣ нечего дѣлать съ депутатскимъ званіемъ: ни для выраженія моихъ идей, ни для устройства моего состоянія, и я не намѣренъ впасть въ непростительную ошибку — бросаться въ эту помойную яму. Прежніе двадцать-пять франковъ возбуждали зависть; пусть же они идутъ къ чорту съ ихъ 25-ю франками. Я обѣденъ, и остаюсь свободнымъ».

Дальше онъ защищаетъ цѣну своей книги, которую рабочіе находять дорогой: онъ не надѣется на популярность, не можетъ, стало быть, и дешеветься.

Брошюра, которую Прудонъ выпустилъ на тѣму государственнаго переворота ¹⁾, была тотчасъ же конфискована. Это побудило его обратиться къ президенту республики съ большимъ письмомъ, отъ 29-го іюля. Въ немъ онъ откровенно говоритъ Луи-Наполеону, что никогда не боялся выступать противъ его политики, за что и просидѣлъ три года въ тюрьмѣ, и что 2-е декабря навесло ему лично ужаснѣйшій ударъ, послѣ чего онъ старался прійти къ болѣе утѣшительному взгляду на это событіе. Взглядъ этотъ онъ и выразилъ въ своей брошюрѣ:

«Луи-Наполеонъ, — сказалъ я себѣ, — повѣренный революціи, иначе онъ будетъ свергнутъ!

«Тотчасъ же я превращаю мою мысль въ книжку и печатаю ее; но полиція запрещаетъ ея продажу, угрожая разомъ и

¹⁾ La Révolution démontrée par le coup d'Etat. Paris. 1852.

типографу, и издателю. На какомъ основаніи? Вотъ это-то я и спрашиваю, господинъ президентъ. Извините вопросъ этотъ республиканцу.

«Вы — революція въ XIX вѣкѣ, ибо вамъ нельзя быть ничѣмъ инымъ. Внѣ ея 2-е декабря было бы простымъ историческимъ приключеніемъ, безъ принципа, безъ всякаго серьезнаго смысла: вотъ мое первое положеніе. Теперь знаете ли вы объ этомъ, господинъ президентъ? Желаете ли вы этого? Посмѣете ли вы высказать это? Таковы — щекотливые вопросы, которые я лично не смѣю разрѣшить: вотъ мое второе положеніе. Тутъ сидитъ вся моя книга: утѣшеніе самому себѣ, надежда на моихъ единомышленниковъ, вызовъ, брошенный контръ-революціи! Книгѣ этой я придалъ мой тонъ, мой стиль, мои идеи, мои мнѣнія, мои страхи; вообщемъ же, и вопреки моей чрезвычайной откровенности, ни малѣйшихъ нападокъ ни на президента, ни на правительство.

«Я очень хорошо знаю, что моя книга, указывая на причину 2-го декабря, создавала ему извѣстнаго рода матеріальную законность; что, получая, такимъ образомъ, свое историческое толкованіе, правительство приобрѣтало новую силу, и что, какъ только перо мое написало эти слова: «Луи-Наполеонъ — повѣренный революціи», популярность человека, бывшая столько разъ фатальной республиканцамъ, поднялась бы еще своими семью милліонами голосовъ.

«Какъ человекъ партіи, я все это сказалъ самому себѣ; но какъ человекъ революціи, ничѣмъ этимъ не смутился. Позвольте же мнѣ высказать вамъ, господинъ президентъ, по какому мотиву и съ какою надеждой я все это сдѣлалъ.

«По моему мнѣнію, вы не могли, въ качествѣ повѣреннаго революціи, имѣть никакого успѣха, безъ того, чтобы революція не участвовала въ немъ значительной долей.

«Поэтому, въ интересѣ самой революціи, я надѣялся, что Франція, вразумленная по вопросу своего настоящаго положенія, успокоенная вами на счетъ какой бы то ни было неожиданности, осмѣлится наконецъ взглянуть прямо на ту задачу, какаѣ была поставлена передъ нею въ февралѣ. Я надѣялся, что тогда страна наша, бывшая всегда во главѣ умственнаго движенія, — въ эпоху трубадуровъ, въ эпоху Возрожденія, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, — могла бы, безъ всякой опасности, продолжать философскую и социальную революцію, начатую въ XIX-мъ вѣкѣ, въ которой и вы, господинъ президентъ, приняли участіе; я надѣялся наконецъ, что демократія, въ глубинахъ изгнанія и тюрьмъ, почувствуетъ отъ словъ моихъ нѣкоторое облегченіе, и что, быть

можетъ, позволено будетъ тѣмъ, кто раздѣляетъ мою резигнацію во взглядѣ на настоящее и мою вѣру въ будущее — снова увидать, оставаясь тихими и почтенными людьми, свой домъ и своихъ друзей.

«Сообразивъ все это, я не захотѣлъ, по чувству долга, подчинять раздраженному духу партіи общихъ интересовъ революціи, и радовать зрѣлищемъ нашей бѣды тѣ старыя партіи, которыя своей постоянной измѣной рѣшили успѣхъ государственнаго переворота, и выказали себя всѣ, не исключая и духовенства, безпощадными».

Въ концѣ онъ проситъ президента сложить запрещеніе съ его книжки; но прибавляетъ, что извиняться ему не въ чемъ. Обращаясь къ президенту, онъ смотритъ на него, какъ на единственнаго, быть можетъ, человѣка въ правительствѣ 2-го декабря, способнаго понять его; а въ припискѣ говорить, что не можетъ даже доставить ему ни одного экземпляра, такъ какъ полиція конфисковала все изданіе.

Изъ письма къ доктору Магэ, отъ 30 іюля, мы узнаемъ, что Прудонъ все еще ожидаетъ отвѣта изъ Елисейскаго дворца. Онъ знаетъ, что президентъ не прочь, чтобы на него смотрѣли, какъ на революціонера; но онъ хочетъ этого по-своему. Издатели сочиненій Прудона получили уже весьма солидныя угрозы; въ дѣловомъ мірѣ его имя также непопулярно: онъ уже начинаетъ побаиваться, что останется безъ всякаго заработка. Черезъ три дня, въ письмѣ къ Матэю, отъ 2 августа, онъ извѣщаетъ о снятіи запрещенія съ своей книжки, по приказу президента. Это его очень ободрило: онъ собирается воевать съ клерикалами и консерваторами, надѣется сразу заработать 30,000 франковъ своими изданіями и стать во главѣ настоящей *революціонной* партіи. Съ легковѣріемъ, не совсѣмъ похожимъ на него, восклицаетъ онъ въ заключеніе письма: «если я встану на ноги черезъ шесть мѣсяцевъ, вопреки всѣмъ, Вѣлю, Священнымъ Союзамъ и проч..., знайте, что революція не умерла и что реакція пропѣла свою пѣсенку. Я не удивлюсь, если изданіе моей книги подастъ сигналъ къ рѣзкому повороту движенія. Аминь!»

На другой же день посылаетъ онъ экземпляръ Марку Дюфрессу и повторяетъ подробности, уже извѣстныя намъ.

«Объявлено, — также пишетъ онъ дальше, — о книгѣ В. Гюго, подъ заглавіемъ: *Наполеонъ Маленькій* (Napoléon le Petit). Маленькая идея, если это правда. Это — опять душисть огромный фактъ въ формѣ личности! Мы, французы, не можемъ выкарабкаться изъ этого. Въ настоящую минуту, демократы, или выдаю-

щѣ себя за демократовъ, а также изгнанники всѣхъ странъ имѣють претензію—представлять собою европейскую мысль; моя книжка покажетъ вамъ, что эта претензія потому уже неосновательна, что теперь нельзя браться за вопросъ обыкновенными средствами Тимолеоновъ, Гармодіевъ и Спеволь; но онъ долженъ быть разрѣшенъ единственно путемъ освобожденія идей и интересовъ, антагонизмъ которыхъ одинъ и сдѣлалъ возможнымъ государственный переворотъ. Такъ какъ въ этомъ смыслѣ трудъ мой могъ бы отнять инициативу и руководство демократическаго дѣла у лондонскаго конгресса и другихъ державъ, то вы оказали бы мнѣ существенную услугу, сообщивъ мнѣ обо всемъ, что было бы полезно знать, по тактикѣ ли изгнанниковъ, по тѣмъ ли толкамъ, какіе вызвало за границей мое новое поведеніе».

Можно пожалѣть о томъ, что Прудонъ не развилъ своей мысли о непризнанности многихъ политическихъ эмигрантовъ въ роли руководителей общественнаго мнѣнія. Но его «новое поведеніе», т. е. взглядъ, выработанный на государственный переворотъ, конечно, не могъ понравиться въ Лондонѣ, и врядъ ли вызвалъ что-либо, кромѣ недоразумѣній...

IX.

Мы уже замѣтили, что, несмотря на пріятельскія отношенія Прудона къ одному изъ русскихъ эмигрантовъ, первое письмо къ нему попадаетъ лишь въ перепискѣ 1852 года. Оно въ немъ—единственное; помѣчено 7-мъ августа.

Вотъ его полный переводъ:

«Дорогой Г.,—вы прочтете мою послѣднюю вещь, и скажете мнѣ: одобряете ли вы то положеніе, какое я занялъ. Мы поднимаемся къ имперіи; нація такъ опустилась, что дозволить это. Хаосъ идей—первая причина такого поворота; а орудіемъ служить народный культъ императора, подогрѣваемый всѣми тѣми средствами, какія всегда возьмутъ свое у престонародной массы. Я, однакоже, смѣю повторить вамъ, что революція идетъ все впередъ, пользуясь всѣми маневрами и достигая своей цѣли какъ смѣшнымъ, такъ и высокимъ. Европа, разъ обязавшись, уже не можетъ выпутаться. Все пройдетъ черезъ это, и подъ конецъ останется только то, о чемъ я вамъ говорилъ: волюнтаризмъ націй, уничтоженіе государствъ, экономическая гарантія или взаимность, абсолютная свобода личностей. Невидимый организмъ,

связующій и одушевляющій человѣческой муравейникъ, — вотъ для меня будущее....

«Судя по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ появленіе въ свѣтъ моей вещи, у меня есть основаніе думать, что правительство выказало бы себя терпимѣе къ тѣмъ изъ заключенныхъ и изгнанныхъ, кто, обсуждая съ той же точки зрѣнія, какъ и я, историческій случай 2-го декабря, отказываясь за себя отъ всякаго фактическаго противодѣйствія правительству и оставляя инициативу гражданамъ, оставшихся на свободѣ, рѣшеніе вновь поставленной задачи, обязались бы удалиться въ частную жизнь и замѣтно воздерживаться отъ всякаго участія въ политикѣ.

«Вотъ, на этихъ-то основаніяхъ я и хлопочу теперь о выпускѣ на свободу друзей моихъ Пильса и Дюшэна, отнынѣ безполезныхъ мучениковъ дѣла, проиграннаго въ первой инстанціи нибудя негодными средствами своихъ адвокатовъ. Нелѣпо, по моему, сидѣть въ тюрьмѣ за всеобщую подачу голосовъ послѣ всего того, что мы видѣли въ послѣдніе четыре года, послѣ того, какъ всеобщая подача дала свой естественный плодъ: деспотизмъ. Надо намъ потихоньку высвободиться изъ ложныхъ теорій 93 и 48-го гг. и начать все сызнова, на основаніи новыхъ фактовъ; въ чего я и заключаю, что для гражданъ, осужденныхъ на безсиліе тюрьмой и ссылкой, для солдатъ, павшихъ на полѣ сраженія и военно-плѣнныхъ, обмѣнъ ихъ подневольнаго удаленія отъ дѣла на добровольное воздержаніе можетъ быть равно и уважителенъ, и полезенъ.

«Я присоединю къ моему ходатайству и ваше имя, а также имя Шарля Эдмона; разсчитывайте на мою скромность; все это будетъ сдѣлано прилично, и вы останетесь довольны. Запрещеніе жить во Франціи — бесполезно для вашей славы и для нашего дѣла; продолжайте ваши путешествія; но надо, чтобы вы могли все-таки вернуться въ Парижъ, ибо, въ концѣ-концовъ, здѣсь только мыслишь и чувствуешь себя свободнымъ.

«Сердечно жму вашу руку.»

Какъ бы горько ни пришлось впоследствии Прудону признавать поспѣшность своего взгляда, онъ пока стойко держится все тѣхъ же обобщеній по вопросу бонапартова режима, что мы находимъ и въ письмѣ къ Альфреду Даримону, отъ 19 августа, изъ Бюржиля. Онъ говоритъ въ немъ опять и объ ежемѣсячномъ журналѣ, куда могла войти, въ видѣ цѣлага ряда статей, задуманная имъ *Исторія Новѣйшей Демократіи*. Даримона проситъ онъ задержать въ Парижѣ Г., когда тотъ будетъ возвращаться въ Англію, и убѣдить его въ томъ, что правительство позволяетъ ему

жить во Франціи. «Надо, — доказываетъ Прудонъ, — чтобы изгнанные иностранцы, вмѣстѣ съ нашими изгнанниками, боролись съ реакціонной проскрипціей личными хлопотами и всякими средствами. Мы живемъ въ вѣкъ интригъ: слишкомъ простоваты были бы мы, еслибъ, потерявъ нашу львиную кожу, мы не сохранили и лисей. Худо ли, хорошо ли, но намъ слѣдуетъ биться на равной ногѣ съ нашими противниками».

Свою тихую жизнь въ Бюржилѣ Прудонъ проводилъ въ чтеніи журналовъ, напавшихъ на него съ разныхъ сторонъ. Онъ проситъ доктора Кретэна, въ письмѣ отъ 26 августа, сообщить журналисту Нефтцеру, что собирается сдѣлать, въ сотрудничествѣ съ нимъ, «кое-что для свободы и революціи.»

Даримону же пишетъ онъ, отъ 27-го августа: «вы говорите мнѣ, что имперія создается; я всегда такъ думалъ, не говоря ни *тѣмъ лучше*, ни *тѣмъ хуже*. Обществу надо идти, двигаться, а стало и слѣдовать своему направленію: — законъ этотъ фаталенъ. Теперь оно начинается, послѣ стоянки 2-го декабря, готовится къ стоянкѣ имперіи; пускай его. Всѣ на этомъ поймаются: сначала самъ императоръ — онъ останется съ пустыми руками; потомъ буржуазія — она нисколько не упрочится отъ этого; народъ, все болѣе и болѣе нищающій, и старыя партіи — орлеанистская, легитимистская и республиканская, — онѣ вскорѣ увидятъ, что это движеніе не только не приведетъ ихъ къ власти, а напротивъ еще сильнѣе отдалитъ. Поэтому *laissez-faire* и *laissez-passer*, — вотъ все, что слѣдуетъ намъ дѣлать».

Наблюденія надъ той мѣстностью, гдѣ онъ живетъ, показали ему, что буржуазія полна революціонныхъ чувствъ, крестьяне возмущены закономъ, отнявшимъ у нихъ назначеніе мѣровъ, духовенство всѣ ненавидятъ за его вліяніе; социальныя идеи распространяются, благодаря развитію въ томъ краѣ часового ремесла. Онъ думаетъ, что общее разстройство дѣлъ возьметъ свое и уничтожитъ всѣ политическіе предрасудки.

«То, что я вижу и узнаю каждый день, — продолжаетъ Прудонъ, — возвышаетъ мою мысль надъ всѣми надеждами газеты «*Siècle*», вспышками монтаньярскаго гнѣва и анаемами газеты «*Univers*». Право, эти господа не туда мѣтять, и даже я самъ, когда писалъ мою брошюру, не былъ еще на высотѣ событій. Въ виду распадений и погрома, какіе готовятся намъ, 2-е декабря, июньскіе дни 48 г. и 24-го февраля кажутся просто анекдотическими числами, едва достойными особаго упоминанія въ исторіи. Когда тѣ, что происходитъ теперь, начнутъ разоблачаться, увѣряю васъ, что не будетъ больше мѣста, въ глазахъ

публики, ни для репрессивныхъ мѣръ власти, ни для мелкихъ клеветъ якобинцевъ, ни для проклятій іезуитовъ. На такую-то точку зрѣнія станемъ мы въ нашей «Revue», и дай Богъ, чтобы мы, начавъ, какъ Даниилъ, не кончили, какъ Іеремія.

«Я буду отвѣчать «Siècle'ю» и «Univers'у»; но полегоньку. Я уже писалъ Кретену, что приписываю переѣзду въ тѣ «Siècle'я» со мною тайному его союзу съ орлеанизмомъ; подождемъ, пока накопятся доказательства. Здѣсь только и толкуютъ о скоромъ паденіи Луи - Наполеона и возвращеніи Орлеанской фамилии; также и въ Бельгii, республиканцы, по ненависти къ Елисейскому дворцу, сближаются съ этой партией, и, обвиняя меня въ томъ, что я присталъ къ Бонапарту, сами предаются отступничеству. Еще разъ подождемъ фактовъ, уяснимъ себѣ положеніе дѣлъ, соберемъ свѣдѣнія; повѣрьте, у меня и черезъ шесть недѣль и черезъ шесть мѣсяцевъ останется довольно чувства возмездія, чтобы напасть на якобинцевъ «Siècle'я» съ тою же беспощадною яростью, съ какою я нападаю на іезуитовъ «Univers'a».

«Любезный другъ, насъ считали мертвыми; поэтому-то мнѣ нужно беречь силы и давать одни лишь рассчитанные и размѣренные удары, если я не хочу погибнуть истощеннымъ въ битвѣ.

«Тѣ, кто сидитъ въ Бельгii и въ Лондонѣ, просто-на-просто—глупы. Если только наша «Revue» будетъ существовать, я собираюсь открыть у насъ, въ ихъ пользу, подписку, усиленно прося ихъ проѣдать свое денежное пособіе и держать языкъ за зубами (taire leur gueule). Вотъ единственная манера отвѣчать имъ въ настоящую минуту.

Въ самомъ концѣ письма онъ говоритъ Даримону, что его приглашаютъ въ Лозанну, гдѣ ему готовится овація; но онъ не можетъ истратить 50-ти франковъ на дилижансъ, а собирается ѣхать по дѣламъ въ Лионъ черезъ Дижонъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ пишетъ еще два письма изъ Бюржиля. Первое, отъ 28-го августа, адресовано г. и г-жѣ Николль, гдѣ мы находимъ подтвержденіе того факта, что онъ дѣйствительно хлопоталъ не только о свободѣ своихъ друзей-французовъ, Пильса и Дюшена; но и о дозволеніи жить во Франціи Г. и Шарлю Эдмону. Ему замѣтили, что это ходатайство несвоевременно, хотя обѣщали обратить на него вниманіе. Второе письмо—Буттвилю, отъ 29-го августа, весьма интересно по критическимъ замѣткамъ Прудона, касающимся новыхъ философскихъ книгъ. Въ началѣ письма онъ говоритъ о вѣроятности основанія двухнедѣльнаго *Обозрѣнія*, съ его главной редакціей. По тогдашнимъ слухамъ, правительство

готово было терпимо относиться къ философскому журнализму. Прудонъ надѣется на известную свободу въ этомъ смыслѣ, но находитъ, что правительство слишкомъ заигрываетъ со всѣми старыми партіями. Онъ ожидаетъ отъ Буттвила и Даримона ихъ работъ по *Исторіи Новѣйшей Демократіи*. Хотя онъ смотритъ на эту книгу, какъ на заказную, но желаетъ все-таки придать ей строгій философскій характеръ и даже отдѣлать, какъ можно больше, ея слогъ.

«Я прочелъ, — сообщаетъ онъ дальше, — съ моего пріѣзда сюда брошюру, озаглавленную: *Всемирное Бытіе* или *Послѣдній Потопъ*, Пиндэла-Домремі; я познакомился съ очень рѣдкой книгой, разосланной, но не пущенной въ продажу: *Философія Откровенія*, г. Грандэ (анонимно), бывшаго депутата. Наконецъ, у меня въ рукахъ два послѣднихъ тома Огюста Конта, т. е. его социальная система и его новая религія.

«Для меня, изъ всѣхъ этихъ сочиненій вытекаетъ то, что новый догматъ очень близокъ къ своему выраженію, и что, подъ прикрытіемъ различнаго слога, революціонная идея по крайней мѣрѣ настолько выработалась въ наши дни, насколько идея христіанская была выяснена въ 325 г., во время Никейскаго Собора.

Выразивъ свое мнѣніе о двухъ первыхъ книгахъ, какъ о продуктахъ болѣе или менѣе мистической діалектики, Прудонъ произноситъ приговоръ и надъ томами Конта. Это мѣсто тѣмъ болѣе важно, что впервые появляется въ перепискѣ Прудона самое имя Огюста Конта. Замѣтимъ, что дѣло идетъ не о «Системѣ положительной философіи», а о позднѣйшемъ трудѣ Конта, о такъ-называемой «Позитивной политикѣ», куда вошла и его религіозная система.

«Что же до книги Огюста Конта, я не понимаю, читая ее, какимъ образомъ авторъ можетъ приписывать себѣ иную оригинальность, кромѣ оригинальности невыносимаго слога. Это *уманизмъ* (основа и формула Контовой религіи), въ чистомъ видѣ, безъ метафизической грандіозности нѣмцевъ и сведенный къ материалистической сухости Даламберовъ, Амперовъ и проч. Тутъ я не вижу почти ничего, что намъ давно не было известно также хорошо, часто даже лучше, чѣмъ г. Конту, и чего мы не могли бы, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо лучше выразить».

Если это мнѣніе и справедливо, въ известной лишь степени, то не слѣдуетъ забывать, что оно нисколько не относится къ капиталному труду Конта, давшему и почву, и толчокъ научно-философскимъ стремленіямъ и трудамъ современной эпохи. Можно

прибавить даже, что самая религія Конта, какъ она ни произвольна, нисколько не стоитъ ниже тѣхъ теософическихъ измышлений, которымъ предавался Прудонъ, будучи уже болѣе чѣмъ взрослымъ человѣкомъ.

«Однимъ только изложеніемъ этихъ сочиненій и многихъ сходныхъ съ нимъ,—говоритъ онъ дальше,—мы можемъ все высказать въ нашей «Revue», а что еще лучше: построить цѣлую социальную науку, освобождая, такимъ путемъ, идеи наши отъ того несчастнаго личнаго характера, какой онѣ получили съ 1845 г. отъ автора *противорѣчій* (т.-е. Прудоновыхъ Contradictions), а позднѣе отъ главнаго редактора газетъ «Représentant du Peuple» и «Peuple». Не правда ли, что это будетъ такъ же хорошо для насъ, какъ и для самыхъ идей нашихъ? Въ тотъ день, когда идея обезличивается, она дѣлается *истиной*.

«Сектаторы, до-нельзя ревнивые къ своему догмату и къ своимъ формуламъ, признають, подобно теологамъ, только ту истину и въ такія времена, какія они сами дѣлають и выбираютъ; мы же ищемъ наши идеи въ свободномъ выраженіи учреждений, школъ и мыслителей: я думаю, что въ этомъ лежитъ, для революціонной «Revue», громаднй залогъ успѣха.

«Въ настоящую минуту, *умпренная* республиканская партія понемногу обращается къ орлеанизму; красные должны послѣдовать за нею или погибнуть; такова судьба: если они насъ ненавидятъ, то ихъ ненавидятъ еще больше. Легитимизмъ уже больше ничего не значить на политическомъ горизонтѣ, а патеры, увѣряю васъ, настолько же близки къ своему концу, насколько правительство позволяетъ имъ набираться важности. Стало-быть, въ концѣ-концовъ, капитализмъ, болѣе или менѣе связанный съ императорскими и королевскими фантазіями, нашъ настоящій противникъ. Не думаете ли вы, что намъ можно отлично воспользоваться такимъ положеніемъ? Я хочу сказать этимъ политическимъ антагонизмомъ, повсюду возбужденнымъ противъ власти мальтузианцевъ:

«Наблюдайте, размышляйте, совѣтуйтесь и пишите мнѣ. Я рѣшился наносить крѣпкіе удары; но мнѣ еще болѣе хочется дѣлать это со всею той ловкостью, снаровкой, со всею, если вы мнѣ позволите такъ выразиться, *плутватостью*, на какія я способенъ, такъ, чтобы публика была больше даже удивлена маневрами писателя, чѣмъ его силой и смѣлостью. А для этого я знаю одно лишь средство: сначала долго обдумывать, и пускаться вслѣдъ вмѣстѣ разомъ, какъ одинъ человѣкъ, имѣя одно всего

лицо, видитъ всегда съ одной только стороны. Подумайте объ этомъ, и подумайте хорошенько...

12-е сентября застало Прудона въ мѣстечкѣ Бюржилѣ, откуда онъ пишетъ доктору Крѣтену, 3-го сентября, на тѣму своего кандидатства и повторяетъ нежеланіе служить даромъ, или, какъ онъ выражается: «дарить республикѣ каждый годъ по *три мѣсяца нищеты*». Еслибъ онъ пошелъ въ депутаты, то посмотрѣлъ бы на свое полномочіе серьезно и принялъ бы присягу. Люди же, предлагающіе ему кандидатуру, ищутъ не кандидата, а случая къ манифестаціи; онъ же «не желаетъ служить орудіемъ политикѣ подпольнаго комитета, а думаетъ, напротивъ, заставить его принять свою политику». И тутъ онъ дѣлаетъ выводъ, который онъ врядъ ли бы сталъ поддерживать съ демократической точки зрѣнія. «Чѣмъ труднѣе времена, тѣмъ менѣе умѣстно, по моему, для народнаго представителя соглашаться на повелительное порученіе (*mandat impératif*). Если *кто-то* болѣе способенъ дать добрый совѣтъ республикѣ, чѣмъ кандидатъ, то что же мѣшаетъ выбрать этого *кого-то*?»

Кончая письмо, Прудонъ проситъ сообщить Жирардену о своемъ рѣшеніи; сказать ему, что не желаетъ быть «ни Дециемъ, ни Катономъ».

Въ тотъ же день онъ пишетъ Даримону о предстоящей ему поѣздкѣ въ Ліонъ. Его лѣтняя жизнь проходитъ въ ѣдѣ, снѣ и отдыхѣ, и отчасти въ чтеніи. По поводу этого чтенія стоитъ въ письмѣ такая тирада объ Огюстѣ Контѣ, что ее можно привести только въ оригиналѣ:

«*La lecture de cet animal d'Auguste Comte, le plus pédant des savants, le plus maigre des philosophes, le plus plat des socialistes, le plus insupportable des écrivains, me soulève; il faut dégager aussi la Révolution de celui-là. Il me suggère un nouveau plan pour la «Revue» projetée: c'est d'y publier mon traité économique. Qu'en pensez vous?..*

Между тѣмъ, на досугѣ, собираетъ Прудонъ газетныя статьи, вызванныя его брошюрой и готовится полемизировать въ томъ *двухнедѣльномъ журналѣ*, о какомъ онъ продолжаетъ мечтать. Пребываніе его въ безансонскомъ краѣ произвело нѣкоторое волненіе; но полиція относилась къ нему спокойно, а онъ самъ избѣгалъ всякой публичности.

«Какъ бы тамъ ни было, — восклицаетъ онъ вдругъ въ концѣ письма, — но прежде всего надобно напасть на поповскую партію. *Delenda Carthago! Ecr. l'inf!* (т.-е. écrasez l'infâme! — обычное восклицаніе Вольтера).

Изъ Ліона, отъ 8-го сентабря, Прудонъ пишетъ нѣкому Морису Ла-Шатръ, повидимому стороннику принца Наполеона, благодарить его за присланные выпуски «Всемирнаго Словаря» и разсуждаетъ о трудности основать политическую газету. По его мнѣнію, возможенъ только журналъ научно-философскаго характера, развивающій истины съ достоинствомъ и спокойствіемъ. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ письмѣ послѣдняя его треть, гдѣ Прудонъ, совершенно серьезно, выражаетъ свое мнѣніе объ Эмиль Жиранденѣ. Любопытно при этомъ вспомнить все то, что мы приводили о Жиранденѣ изъ переписки Прудона.

«Вы не ошибаетесь, — говоритъ онъ Ла-Шатру, — на счетъ моихъ чувствъ къ г. де-Жирандену: это самый удивительный умъ, какой я знаю. Скудость его философскаго образованія могла иногда измѣнять ему и ставить насъ другъ противъ друга въ оппозицію; но я всегда изумляюсь той быстротѣ, съ которой этотъ человѣкъ отрицаетъ самого себя, попадаетъ на хорошую дорогу и отдѣлываетъ картечью своихъ противниковъ. Все это такія качества, какихъ во мнѣ нѣтъ, и я имъ неудержимо удивляюсь. Что же до честности этого человѣка, никто не сознаетъ ее и не объявляетъ о ней больше меня. Я часто думалъ, какимъ бы способомъ соединить наши силы, не подчиняясь одинъ другому, ибо надо, чтобъ г. де-Жиранденъ оставался самимъ собою, чтобъ ему было поручено управленіе, чтобъ онъ командовалъ своей эскадрой, совершенно такъ, какъ и мнѣ необходимо сохранить свое я».

Сужденіе Прудона о Жиранденѣ на первый взглядъ противорѣчитъ тому, что мы видѣли выше; но въ сущности оно не включаетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго, если ограничить его характеристикой умственныхъ силъ Жирандена, какъ журналиста. Кто сколько-нибудь занимался сравнительнымъ изученіемъ газетныхъ публицистовъ новѣйшей эпохи, долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что Жиранденъ, въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, обладалъ необычайной умственной даровитостью, способностью схватывать и проводить идеи, и, по своему пониманію, становиться выше остальной журнальной братіи. Другое дѣло — нравственное достоинство его поведенія, какъ гражданина и публициста. Хотя и по этой части онъ совсѣмъ уже не такъ черенъ, сравнительно со многими изъ своихъ собратьевъ, съумѣвшими остаться въ тѣни, но подписать заявленіе Прудона — довольно затруднительно. Мы не думаемъ однакожъ, чтобы Прудонъ намѣренно льстилъ. Мы и выше видѣли, въ его отзывѣхъ о Жиранденѣ, что онъ не считаетъ редактора «Прессы» — совершенно темною личностью. Вдо-

бавокъ, Прудонъ имѣлъ всегда въ виду дѣло, а не тонкости нравственнаго развитія. Вѣроятно онъ смотрѣлъ на Жирардена, какъ на человѣка, который, въ кожѣ журналиста, былъ всегда добросовѣстенъ и вѣренъ себѣ *въ данную минуту*. Онъ признавалъ вѣроятно за нимъ и ту долю смѣлости и великодушія, на какія Жирарденъ былъ способенъ, *по-своему*.

Х.

Изъ Ліона начинаетъ Прудонъ переписываться по поводу своей кандидатуры. Письмо, отъ 10-го сентября, къ Фюрэ показываетъ, что онъ уже не абсолютно отказывается отъ нея. Онъ пишетъ даже, что принялъ бы ее съ тремя главными условіями: во-первыхъ, онъ не желаетъ входить въ соперничество съ другимъ кандидатомъ — Гудшб, извѣстнымъ дѣятелемъ 1848 г.; во-вторыхъ, онъ хочетъ, чтобы его кандидатура значила признаніе той идеи, какую онъ вложилъ въ брошюру свою о государственномъ переворотѣ; въ-третьихъ, онъ требуетъ полнѣйшей свободы въ дѣлѣ присяги. О томъ же самомъ пишетъ онъ Даримону, отъ 13-го сентября. Его занимаетъ идея *Обозрѣнія*, но онъ войдетъ въ это изданіе только тогда, когда оно будетъ солидно обезпечено капиталомъ. Надежды его на дѣловыя предпріятія рушились, хотя и не совсѣмъ. Онъ желалъ бы пустить въ ходъ, вмѣстѣ съ братьями Готье, проектъ судоходства отъ Марсели до Ріо-Жанейро. Пикантно при этомъ то, что Прудонъ, въ ожиданіи социальныхъ переворотовъ, каждый разъ собирается дѣйствовать обычными буржуазными средствами: ловкостью, секретомъ, и т. д. Письмо, отъ 15-го сентября, къ Шарлю Белэ, начинается выходкой противъ соперника его по кандидатурѣ, Гудшб. Поводомъ къ этому послужила, конечно, сплетня, какъ мы это увидимъ ниже. Прудонъ, считая Гудшб новымъ противникомъ социализма (въ прудоновскомъ смыслѣ), пишетъ Белэ, что теперь онъ уже больше не избѣгаетъ соперничества съ Гудшб, если выборъ Гудшб долженъ имѣть, по письму Белэ, анти-социалистское значеніе. А насчетъ присяги онъ рѣшилъ такъ: свой взглядъ онъ выразитъ избирателямъ; если они его убѣдятъ, онъ откажется отъ присяги; если нѣтъ, онъ откажется отъ кандидатуры. Друзья волнуютъ его своими письмами на ту же тему, и 20-го сентября Прудонъ отправляетъ, по возвращеніи въ Бюржиль, цѣлыхъ три письма: Даримону и Белэ — одно официальное, а другое пріятельское. Даримону онъ говоритъ, что совершенно

отказывается отъ кандидатуры и просить его настоять на этомъ. Противъ враговъ своихъ онъ сильно возбужденъ, называя ихъ «ехидными». Рѣдко можно встрѣтить въ перепискѣ Прудона такое выраженіе его гнѣва. Чувствуется, что онъ не шутить, восклицая: «и я могу имъ простить, лишь истребляя ихъ; нужно не мало времени, чтобъ довести меня до ненависти; но если я разъ доведенъ до нея, то уже держусь ея». Въ официальномъ письмѣ въ Белѣ онъ отказывается отъ кандидатуры въ язвительной формѣ; а въ пріятельскомъ письмѣ въ нему же даетъ болѣе искреннее объясненіе своему поведенію:

«Вы знаете, — пишетъ онъ, — что я принялъ кандидатуру *совмѣстно* съ г. Гудшб потому, что мнѣ хотѣлось выразить этимъ актомъ мою постоянную идею сближенія средняго класса съ пролетаріатомъ.

«Нѣсколько позднѣе я уже хлопоталъ объ этой кандидатурѣ, *соперничая* съ г. Гудшб потому, что я считалъ социализмъ въ опасности, думалъ, что друзья этого кандидата отрываются отъ социализма и угрожаютъ ему, и что я ни подъ какимъ видомъ не могъ и не долженъ былъ терпѣть униженія нашей партіи и нашихъ идей.

«Теперь въ моихъ рукахъ письмо, гдѣ г. Гудшб, выражая мнѣ *свою дружбу и почтеніе*, свидѣтельствуетъ о своихъ *демократическихъ и социальныхъ мнѣніяхъ*, я думаю, что этого достаточно, чтобы прекратить всякаго рода недоувѣріе. Нужды нѣтъ, что человекъ думаетъ, по нѣкоторымъ пунктамъ, иначе, чѣмъ мы. Дѣло — въ тенденціи, въ общемъ духѣ; а главное въ заявленіи, данномъ отъ лица избирателей, за неимѣніемъ заявленія самого кандидата.

«Сдѣлайте же, прошу васъ, для г. Гудшб то, что вы для меня бы сдѣлали, не будемъ больше раздражать умы изъ-за такого вздора; сохранимъ для борьбы съ врагами свободы тотъ пылъ, который мы тратимъ на взаимныя передраги; и то уже хорошо, что намъ удалось вволновать общественное мнѣніе по поводу пустяшной кандидатуры, такъ какъ она не удастся. Республика не умерла, если ея друзья спорять о томъ, кто будетъ лучшимъ ея выразителемъ».

Надежды на дѣловую карьеру все еще не оставляютъ Прудона. Онъ собирается въ Парижъ въ началѣ октября, и восклицаетъ: «почему мнѣ не двадцать-пять лѣтъ, вмѣсто сорока-четырехъ! Десяти лѣтъ довольно мнѣ было бы, что составить состояніе, безъ котораго человекъ съ идеями будетъ всегда лишень солид-

ности и кредита. Тогда мы могли бы попытаться кое-что и вступить въ равныя сношенія съ властью имѣющими...

«Теперь же, я все-таки — презрѣнный писака, недостойный вниманія ни со стороны республиканской буржуазіи, ни со стороны буржуазіи бонапартистской».

И на слѣдующій день, 21-го сентября, приходится цѣлыхъ три письма, къ Даримону, Гудшю и доктору Кретёну. Даримону онъ толкуетъ опять насчетъ кандидатуры, и разъясняетъ послѣдовательность своихъ различныхъ дѣйствій: «я продолжаю говорить и думать, что моя кандидатура, поставленная въ духѣ моего перваго письма, была полезнымъ дѣломъ; основанная на мотивахъ второго, была дѣломъ необходимости, совершенно такъ, какъ мое настоящее отреченіе въ пользу Гудшю — выгодный и почтенный исходъ».

Кромѣ того, онъ проситъ Даримона и другихъ друзей хорошенько готовиться къ работѣ въ *Обзорникѣ* и смотрѣть на это дѣло по-серьёзнѣе.

Письмо къ Гудшю продиктовано великодушнымъ чувствомъ. Прудонъ вѣрить его дружбѣ и почтенію и нисколько не возмущается тѣмъ, что его конкурентъ по кандидатству можетъ выступить противъ нѣкоторыхъ изъ его идей. Онъ отказывается отъ рѣзкостей, какія у него вырвались въ послѣднихъ письмахъ насчетъ Гудшю, и проситъ забыть ихъ; послѣ чего онъ опять объясняетъ свое поведеніе. Конкуренціи съ Гудшю онъ совсѣмъ не желаетъ, такъ-какъ всегда хотѣлъ «добиться социальной реформы посредствомъ примиренія средняго класса съ пролетариатомъ». Только подъ влияніемъ того, что ему сообщили ложнаго о враждебности Гудшю социальному движенію, могъ онъ, «измѣняя свою первоначальную мысль, позволить друзьямъ своимъ поддерживать его кандидатуру» противъ кандидатуры Гудшю: онъ не соглашался на униженіе партіи, которую «одинъ изъ всѣхъ ея основателей представляетъ собою въ эту минуту во Франціи».

«Я борюсь теперь, — продолжаетъ онъ, — не за одни мои мнѣнія, а за общее дѣло гг. Луи-Блана, Пьера Леру, Кабе, Консидерана, которые всѣ въ изгнаніи и не могутъ подать голоса. Конечно, я не имѣю отъ этихъ господъ порученія, и быть можетъ они не одобрили бы моего поведенія — такъ велико недовѣріе, внушаемое соперничествомъ! Но, по совѣсти, я не могъ попустить того, чтобы и мое и ихъ право погибло; вотъ почему, государь мой, я, послѣ долгаго колебанія, давши условное и почти двусмысленное согласіе, горячо и даже усиленно запросилъ кандидатура».

Но такъ какъ Гудшбъ завѣряетъ его, что, несмотря на различіе нѣкоторыхъ идей, они стремятся къ *одной и той же цѣли*, то кандидатство теряетъ въ его глазахъ всякій мотивъ, и онъ съ истинной радостью отказывается отъ него.

Остальная часть письма тоже замѣчательна по искренности, съ какою Прудонъ относился къ каждому факту своей общественной жизни.

«Вы боитесь, — говоритъ онъ Гудшбъ, — чтобы моя послѣдняя брошюра (о государственномъ переворотѣ) не отдалила отъ меня еще болѣе средняго класса, безъ котораго мы безсильны. Я же думалъ напротивъ, что эта брошюра привлечетъ во мнѣ его симпатіи.

«Вы не одобряете моей теоріи *ишической присяги*, которую я противопоставляю присягѣ *феодалной*. Я же убѣжденъ, что эта теорія заключаетъ въ себѣ всю революцію.

«Вы поражены опасностями, какія могутъ исходить въ этомъ двойномъ смыслѣ изъ труда моего, почему и желали бы лучше, чтобы онъ продавался по 50 франковъ. Другіе же желали бы, чтобы его продавали по 50-ти сантимовъ, и эти личности, конечно, не принадлежатъ къ людямъ реакціи.

«Но довольно и того, что вы стоите за *демократическій и социальный прогрессъ*, что вы завѣряете въ вашей симпатіи во мнѣ; вы дѣйствуете лишь по чрезвычайной осторожности. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего способнаго возмутить меня. На основаніи того только, что я хлопоталъ и получилъ отъ нынѣшняго главы государства удовлетвореніе, по личному дѣлу, на основаніи того только, что я ему нѣкоторымъ образомъ обязанъ, вы вовсе не считаете меня ни его креатурой, ни его сообщникомъ и не станете вовсе, вмѣстѣ со столькими другими, обвинять социализмъ въ томъ, что онъ загубилъ республику. Довольно этого. Вы можете сказать всѣмъ, что я отклоняю предложенную мнѣ кандидатуру, что я поддерживаю вашу всѣми силами и что я умоляю моихъ друзей и всѣхъ демократовъ, какого бы они ни были отѣнка, послѣдовать моему примѣру».

Мы нарочно привели, съ должными подробностями, всю эту исторію, чтобы фактически показать, какъ въ ней вѣрно и ярко отразились нравственная натура и социальный типъ Прудона. Въ ней, на первый взглядъ, замѣтна непослѣдовательность. Предложенную ему кандидатуру Прудонъ сначала рѣзко отвергъ, не желая служить *даромъ* дѣлу социальной партіи. Эта выходка, со всей ея рѣзкостью, заключаетъ въ себѣ грунтъ крестьянской дѣльности и честности, всегда жившей въ Прудонѣ. По-своему онъ

совершенно правъ: существуетъ онъ трудомъ, и трудъ его долженъ быть оплаченъ; а такъ какъ онъ каждому дѣлу отдавался страстно, то и депутатство брало бы у него все почти время. Но какъ только онъ узналъ, что ему противопоставляютъ чело-вѣка, заподозрѣннаго во враждебности социальному движенію, онъ не только поддается на кандидатуру, обставленную строгими условіями, но и добивается ея. А потомъ, когда узнаетъ изъ письма своего противника, что тотъ обѣщаетъ стремиться къ той же цѣли, отказывается къ пользу его. Поведеніе—разумное, прямое и честное, хотя и съ рѣзкостями, въ которыхъ онъ виноватъ только на половину: онѣ были вызваны сплетнями пріятелей.

Третье письмо, отъ 21-го сентября, къ доктору Кретёну, резюмируетъ собою тѣ же подробности. Видно, что Прудонъ очень доволенъ случаемъ отказаться отъ кандидатуры, приписывая отчасти такой исходъ дѣла ловкости Кретёна.

Объясненія на тѣму своего кандидатства долженъ Прудонъ давать и въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 22-го сентября, гдѣ однако сказывается нѣкоторая шутивая нота, направленная противъ Гудшó. Продолжаетъ онъ изъ Бюржія и переписку съ г. Ла-Шатромъ, имѣющую гораздо болѣе общій характеръ. Онъ удивляется, какъ его корреспондентъ можетъ вдаваться въ уныніе по поводу тогдашняго положенія Франціи. Онъ согласенъ съ тѣмъ, что нація запачкана грязью и осмѣяна; но разумъ и совѣсть не должны все-таки возмущаться случаемъ такого банальнаго злодѣйства, подъ которымъ онъ, вѣроятно, разумѣетъ государственный переворотъ. «Не забывайте же, умоляю васъ,—говоритъ онъ Ла-Шатру,—что для нашей несчастной родины, для страны въ массѣ и для каждого гражданина въ отдѣльности, вопросъ *хмѣба насущнаго* до такой степени преобладаетъ, до такой степени жгучъ, что едва-едва остается въ душѣ немного чувствительности для обиды, нанесенной націи и свободѣ».

Онъ предоставляетъ старымъ партіямъ закрывать глаза на эконоическую дѣйствительность вѣка: онѣ только и существуютъ затѣмъ, чтобы задерживать прогрессъ и служить оправданіемъ 2-му декабря. Въ своемъ же новомъ корреспондентѣ Прудонъ предполагаетъ больше серьезности, почему и силится всячески воздержать его отъ унынія.

«Я думаю,—говоритъ онъ ему,—какъ и вы, что когда классъ собственниковъ признаетъ то, что взаимный и даровой кредитъ одинъ можетъ спасти его изъ ада гипотекъ, у насъ будетъ вскорѣ *образчикъ* народнаго банка; я думаю, кромѣ того, что для успѣха этого банка надо дѣйствовать вначалѣ не такъ,

какъ я пытался—путемъ демократическаго участія; а просто путемъ дѣловаго предпріятія, посредствомъ товарищества на вѣрѣ (en commandite) или, при случаѣ, анонимнаго. Съ нѣсколькими милліонами капитала можно было бы, примѣняя принципъ взаимности, добиться учета, обращенія и т. д. равныхъ 15, 20, 25, 30 и т. д. милліонамъ, можно, стало быть, давая за 1⁰/₀, осуществить прибыль въ 3, 4, 5 и т. д., ⁰/₀ съ капитала.

«Это не только *a*, *b*, *c*, народнаго банка, но и азбука всякаго банка; я это говорилъ достаточно ясно и громко, и удивляюсь всегда, что въ виду бѣдности въ обществахъ земельного кредита, простая финансовая конкуренція не вызвала еще никакого заведенія съ такими условіями».

Отъ предложенія Ла-Шатра по какому-то обширному литературному предпріятію Прудонъ не отказывается въ принципѣ; но говорить, что въ эту минуту заваленъ работой. «Признаюсь вамъ даже,—кончаетъ онъ письмо,—что если я мечтаю о какой-либо благодатной судьбѣ, то о скромной жизни, безъ обязательства что-либо писать»...

Въ тотъ же день онъ опять пишетъ Белэ на нескончаемую тему кандидатства, по поводу разныхъ пріятельскихъ толковъ. Спрашиваетъ онъ его, читалъ ли тотъ манифестъ, выпущенный лондонскими эмигрантами, съ Ледрю-Ролленомъ во главѣ, и удивляется глупости этихъ людей: «и нужды нѣтъ,—поучаетъ онъ,—поддержимся еще на нѣкоторое время въ сторонѣ и будемъ обтачивать наши идеи и наше оружіе!» Кончаетъ онъ выговоромъ за личный духъ, которымъ пропитаны въ дѣлѣ политики и его пріатели, но самъ онъ машетъ на все это рукой и говоритъ: «я такой человекъ, который всего охотнѣе стираетъ губкой эти пріятельскія гадости».

Въ Парижъ онъ не попалъ, и въ началѣ октября о своихъ планахъ и домашнихъ дѣлахъ пишетъ онъ Даримону отъ 4-го числа, прибавляя, что ему незачѣмъ больше ѣхать въ Безансонъ, гдѣ буржуазія возмущаетъ его своей пошлостью и бездушіемъ. Онъ продолжаетъ сильно мечтать объ основаніи двухдѣльнаго обозрѣнія, но не думаетъ, чтобъ его разрѣшили. Вѣроятно, онъ уже пересталъ вѣрить въ социальныя наклонности Луи-Наполеона, потому что отъ 8-го октября пишетъ Буттвилю: «въ исторіи постоянно повторяется тотъ фактъ, который я рекомендую вашему вниманію, что всякая новая монархія, всякая узурпація, всякая тираниія, всякій цезаризмъ начинается съ поддержкой народа, и какъ только онъ утвердился, ищетъ союза съ сильными міра, становясь на-сторожѣ противъ народа». Горькія ноты чувствуются

въ дальнѣйшихъ его соображеніяхъ. Съ полною искренностью возмущается онъ: «если вы находите, что моя мысль и сердце слабоваты, дорогой другъ, поддержите меня добрымъ словомъ. Буду ждать его съ нетерпѣніемъ и не уйду отсюда, не получивши отъ васъ извѣстія». А пока онъ поручаетъ заботы Буттвиллю и ихъ общій трудъ, «новѣйшую демократію», и высказываетъ по этому поводу нѣсколько мыслей, достаточно характеризующихъ его взгляды на общее движеніе демократіи:

Руководясь всегда, — совѣтуетъ онъ Буттвиллю, — тѣмъ, что слишкомъ вѣрнымъ, общимъ принципомъ, что демократическая утопія, идеально выраженная Руссо, діаметрально противоположна понятію, закону *прогресса*; что нелѣпо заставлять общество идти по путямъ свободы, оборачивая плугъ и ставя воловъ позади; другими словами, выбирая рабовъ въ свои вожжи и беря высшій, *воспитанный* (éduqué) классъ своимъ орудіемъ. Хорошенько уважите на заблужденіе Монтескье и *tutti quanti* на счетъ народной мудрости, на счетъ добрыхъ инстинктовъ народа, его удачныхъ выборовъ; докажите фактами, что массы, въ томъ, что онѣ сдѣлали порядочнаго, бывали всегда подталкиваемы, убѣждаемы, явно или тайно, избранными умами, зародившимися въ ихъ средѣ, и что каждый разъ, когда народъ предоставленъ быть самому себѣ, онъ умѣлъ только, какъ школьники, перерывающіе своихъ учителей, переписывать заново примѣры, бывшіе у него на глазахъ и отодвигать общество назадъ. Развѣ массы дали *реформации* ея ученый и раціональный характеръ? Нѣтъ. Это были Лютеръ, Меланхтонъ и проч. Массы произвели только мюнстерскій *шарнавалъ*. Развѣ народъ сумѣлъ ввести раціонализмъ, гласность и контроль въ правленіе? Нѣтъ, — буржуа. Массы создали Робеспьера и Наполеона.

«Противорѣчіе, опредѣляющее всѣ демократическія движенія, заключается въ томъ, что демократія предполагаетъ равенство, а управляющіе классы, заключая отъ прошедшаго къ будущему, и возводя свои навыки на степень естественнаго права, отрицаютъ равенство и, подобно Аристотелю и Мальтусу, требуютъ вѣчнаго рабства массъ. Мы же, напротивъ, утверждаемъ, что есть возможность воспитать ихъ, т. е. возможность общей свободы и равенства какъ предъ трудомъ и капиталомъ, такъ и предъ закономъ; мы останавливаемся лишь предъ раздѣломъ продуктовъ, что составляетъ уже коммунизмъ. Чтобы дойти до этой общей свободы и равенства — какъ и ихъ опредѣляю въ эту минуту — мы вовсе не признаемъ, вмѣстѣ съ Руссо и конституціей 93 г., *прямой* инициативы народа; мы думаемъ, что достаточно, послѣ того, какъ идея будетъ

ясно выражена, образовать партію, которая бы ее представляла; эта партія, размножаясь путемъ преній и приобрѣтая власть, завершитъ наконецъ серію деспотизма и демагогіи и организуетъ трудъ и обмѣнъ».

Прудонъ рекомендуетъ своему сотруднику собрать какъ можно больше убѣдительныхъ фактовъ въ этомъ смыслѣ, а самъ хочетъ заняться представителями правительственнаго произвола, каковы: Карль V, Францискъ I, Людовикъ XIV и т. д.

Мы находимъ также, въ самомъ концѣ письма, подробности о двухъ маленькихъ дочеряхъ Прудона: про меньшую, Марсель, онъ пишетъ, что она счастливо отдѣлалась отъ оспы, а старшую — Катерину — онъ выставляетъ нервнымъ, раздражительнымъ, страстнымъ ребенкомъ, съ задатками хорошихъ способностей, «если ее строго держать». Тяжесть литературной поденщины начинаетъ сильнее давить его, что особенно рѣзко высказывается въ письмѣ къ Морису, отъ 17-го октября. «Писать, еще писать и всегда писать! вотъ моя бѣда: кто выведетъ меня изъ этого ада?» Тѣмъ удивительнѣе бодрость его ума, позволявшая ему, среди постоянныхъ заботъ, даже въ пріятельскихъ письмахъ, являться горячимъ мыслителемъ и сыномъ своей страны. Такъ, на другой же день, 18-го октября, онъ отправляетъ Шарлю Эдмону цѣлое посланіе, начинающееся съ того, что онъ признаетъ вмѣстѣ съ Эдмономъ естественность тоски по Парижѣ, «гдѣ только и можно жить, думать и работать». Это мнѣніе рѣзко отличается отъ прежнихъ выходовъ Прудона противъ Парижа, писанныхъ до эпохи его журнальной дѣятельности. Но текущая политика начинаетъ вызывать въ немъ все болѣе и болѣе горькія соображенія.

«Какой историческій комментарий продѣлываемъ мы, вотъ уже пять лѣтъ, въ особенности же со 2-го декабря! Какой глубокой смыслъ получили въ моихъ глазахъ старыя событія, и какія поправки слѣдуетъ сдѣлать въ историкахъ, начиная съ Геродота и вплоть до г. Тьера! А главное, какое опроверженіе дано всей конституціонной, демократической, революціонной и прочей болтовнѣ, которою кормили Францію съ паденія старшей инніи, въ 1830 г.! Какое мѣсиво изъ всѣхъ видовъ свободы! Какая реди насъ распушенность! Какая грязная пошлость въ буржуа! Какая жестокая и трусливая глупость въ массахъ! Посмотрите, когда князь оставляетъ животное, образующіе его элементы распадаются и приходятъ къ своему первоначальному химическому состоянію; точно также и у насъ: когда гражданская вѣрность, общественный договоръ были сначала презрѣны красными, потомъ нарушены бѣлыми, наконецъ разодраны Людовикомъ-Наполеономъ, —

всѣ социальныя способности обращаются въ чистую животность; нѣтъ больше мнѣнія, нѣтъ больше общей совѣсти, нѣтъ публичнаго разума, нѣтъ у страны чести, а у гражданъ солидарности.

«Каждый думаетъ только о себѣ, каждый занимается тѣмъ, что разстраиваетъ умы и сердца, совокупность которыхъ представляла наше коллективное тѣло; французское тѣло переворочено, и Людовикъ-Наполеонъ, владыка его, царствующій надъ трупами!...

«Революція совершается, такимъ образомъ, мало-по-малу, слѣдуя по самому долговому. пути. Она совершается, говорю я вамъ, на основаніи данныхъ, которыя мы всегда оспаривали противъ Луи-Блана и другихъ; въ настоящую минуту, вмѣсто того, чтобы создавать общее благосостояніе посредствомъ *свободы*, она производитъ его, по необходимости, путемъ власти и государственной выгоды. Собственность, еле-дышащая отъ нападеній съ разныхъ сторонъ, вскорѣ будетъ существовать лишь по одному имени; промышленность и торговля, стиснутыя большими горно-заводскими компаніями, желѣзными дорогами, средиземнымъ и атлантическимъ мореплаваніемъ, которому покровительствуетъ государство, вскорѣ будутъ лишь регаліями, въ родѣ табачныхъ бюро. Соціализмъ Люксембурга преобладаетъ въ настоящую минуту, находя поддержку въ правительственномъ предрасудкѣ, въ католическомъ суевѣріи, въ *субъективности* (subjectivité) президента. Въ Франціи вы увидите, что у Священнаго союза не достанетъ ни мужества, ни кредита, ни силы, чтобы поддержать свой основной пунктъ, касающійся его законности! Какъ въ 92—93 гг., государи Европы окажутся немощными, Бонапартъ будетъ признанъ *наслѣдственнымъ императоромъ*; будь это Каргушъ или Мандрень, вышло бы совершенно также. Англію ублажатъ торговымъ трактатомъ, который выдастъ насъ ей; также обойдется и съ Бельгіей; остаются Пруссія, Россія и Австрія — онѣ будутъ вынуждены терпѣть то, чему не могутъ помѣшать. Людовикъ-Наполеонъ желаетъ лишь пользоваться своимъ бюджетомъ и играть своими побрякушками; я все еще сомнѣваюсь, чтобы ему пришла фантазія загнать кампанію. Тѣмъ временемъ дефицитъ все растетъ, средній классъ исчезаетъ, всюду падая въ простонародье, котораго не удовлетворишь, при самыхъ большихъ усиліяхъ, иначе какъ на короткій срокъ. Государство, привлекая все къ себѣ, принуждено будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ все взять на себя, такъ что наши принципы приобѣтаютъ съ каждымъ днемъ такую вѣроятность осуществленія,

какой у нихъ не было бы при успѣхѣ утопіи (т.-е. теоріи государственныхъ соціалистовъ)!

•Вы ищите свѣта въ теперешнихъ потемкахъ (продолжаетъ Прудонъ, обращаясь къ Эдмону), вотъ что могу я вамъ сказать *отрнаго* про Францію, послѣ четырехъ-мѣсячнаго внимательнаго наблюденія въ Парижѣ и нашихъ департаментахъ. *Экономія общества преобразовывается съ верха до низу*: это—фактъ. Теперь, каково же политическое движеніе само по-себѣ и независимо отъ экономіи? Движеніе это равно нулю, и если ваши надежды повоятся на какихъ-нибудь соображеніяхъ въ этомъ родѣ, мнѣ васъ жалко. Конечно, новая *имперія* будетъ нѣчто чудовищное, и она не можетъ столько просуществовать, сколько Людовикъ-Филиппъ. Все умерло, идеи и партіи, остается одинъ пепелъ. Гнѣвъ еще теплится въ нѣкоторыхъ душахъ, любящихъ питаться химерой великаго искупленія, мечтающихъ о немъ усиленно; онѣ вѣрятъ въ то, что такое искупленіе неизбежно и близко. Мнѣ же разумъ говоритъ, что это однѣ мечты, и не смотря на раны моего сердца, я стараюсь какъ можно больше воздерживаться отъ этихъ бесплодныхъ негодованій. Исторія доставляетъ намъ мало примѣровъ такого великаго возмездія, какое бы необходимо было послѣ этихъ четырехъ лѣтъ измѣны и гнусности. Узурпація 18-го брюмера была такъ же преступна, какъ и узурпація 2-го декабря; судите же сами: Наполеонъ былъ 14 лѣтъ императоромъ, идоломъ арміи, народной толпы и сильныхъ міра. Когда онъ палъ, вернулась не республика, а королевская власть!..

...«Эта безнаказанность исторіи происходитъ оттого, что всемірная жизнь не можетъ ни на минуту остановиться; оттого, что она дѣйствуетъ при всѣхъ режимахъ и всѣми средствами, преобразовывая старые элементы, создавая новые интересы и, такимъ образомъ, разрушая мало-по-малу всякій намекъ на мщеніе, дѣлая это мщеніе невозможнымъ, вреднымъ тѣмъ даже, кто всего сильнѣе жаждетъ его. Нѣтъ болѣе мѣста мщенію тогда, когда люди и вещи, интересы и идеи, все, что было спорно, исчезнетъ, и нѣтъ больше страстей, которыя ими питались и представляли ихъ.

«*Экономія*, т.-е., я хочу сказать, экономическіе интересы, владѣетъ теперь надъ всѣмъ. А съ ними государство и его выгода должны роковымъ образомъ играть подчиненную роль; католическая церковь дѣлается тогда старой и ворчливой сестрой милосердія; а вся политика à la Руссо и à la Робеспьеръ превращается въ смѣшную утопію. Самъ Монтескье ничего бы тутъ

не понялъ, а его положенія уже устарѣли. Государствами руководить не монархическая честь и не республиканская добродѣтель (извѣстные взгляды Монтескье), а необходимость *насуточно хлѣба*. Въ ней сидитъ тайная причина всѣхъ нашихъ паденій и торжествующаго злодѣйства; но въ этомъ же заключается и непобѣдимое могущество, дѣлающее все...»

Далѣе идутъ личныя подробности, опять-таки настолько характерныя, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ:

«Раздѣляя эти идеи, друзья наши рассчитываютъ получить разрѣшеніе издавать «*Revue*» и побуждаютъ меня редактировать и поторопиться появленіемъ въ свѣтъ. Я соглашаюсь, хотя и очень усталъ и всячески огорченъ. Надо идти впередъ: я категоричный на вѣчныя времена!

«Надѣялся я одно время помѣститься на повои въ какой-нибудь почтенной коммерческой должности; эта надежда теперь разрушена. Всюду меня отвергаютъ, точно я какой-нибудь зачумленный; всѣ стали бы считать себя проклятыми, еслибы вошли со мною въ какое-нибудь дѣло. Я почти убѣжденъ, я могу почти доказать, что не нашель бы мѣста въ 1200 франковъ въ торговомъ домѣ, въ Парижѣ, Лионѣ или другомъ городѣ. Стало-быть, я насильственно отброшенъ опять къ ремеслу писателя; вмѣсто того, чтобы отдаваться крупнымъ трудамъ въ тиши честнаго занятія, какъ бы мнѣ этого хотѣлось, мнѣ приходится жить ежедневнымъ заработкомъ пера!..»

Въ самомъ концѣ письма спрашиваетъ онъ Эдмона, знаетъ ли тотъ, что французскіе эмигранты въ Лондонѣ и Брюсселѣ снова напали на него по поводу брошюры о 2-мъ декабря. «Ничтожество этихъ людей,—восклицаетъ онъ,— было и долго будетъ величайшимъ бѣдствіемъ эпохи и причиной всѣхъ другихъ бѣдъ».

Отъ 19-го октября онъ пишетъ къ Сюше, что все-таки собирается въ Парижъ, не надѣясь на лучшіе дни. Хочется ему, по крайней мѣрѣ, сколотить нѣсколько денегъ, чтобы въ случаѣ надобности было съ чѣмъ перебраться въ Америку. Переходитъ онъ потомъ къ полемикамъ, направленнымъ на него изъ эмигрантскаго лагеря и изъ газеты «*Siècle*», которая начала дѣлать предательскія инсинуаціи на его счетъ, выставявъ его тайнымъ бонапартистомъ, на томъ только основаніи, что его брошюра была разрѣшена Луи-Наполеономъ. А между тѣмъ Прудонъ рассказываетъ, что когда онъ былъ въ редакціи этой газеты, главный редакторъ, Гавэнъ, прекрасно его принялъ и увѣрялъ, что «*Siècle*» воспользуется брошюрой, чтобы рассуждать въ томъ же направленіи. «А

недѣлю спустя меня срамятъ, проклинають, доносятъ на меня, какъ на сообщника Елисейскаго дворца! Чтѣ за политики эти господа «Siècle'я», чтѣ за честные люди! Какъ они хорошо пользуются временемъ, чтобы водворять порядоки и анти-соціализмъ!..

«То, чтѣ они сказали обо мнѣ, — продолжаетъ Прудонъ: — то самое центральный лондонскій комитетъ говорить объ нихъ; ихъ отвергаютъ какъ трусовъ и сообщниковъ, и кандидатура Гудшѣ,—того самого Гудшѣ, который ходилъ собирать на эмигрантовъ, — на-дняхъ провалилась по приказанію, присланному изъ Лондона. Нечего сказать, прекрасное единство въ республиканской партіи! Какія доказательства благородства и патриотизма выказываетъ весь этотъ міръ!»

На другой день онъ пишетъ Белѣ, хвалить поведеніе Белѣ съ какимъ-то правительственнымъ агентомъ и затѣмъ спрашиваетъ: «но много ли такихъ, какъ вы?» и отвѣчаетъ: «Нѣтъ и одного на сто. Наша генерация труслива, глупа и безнравственна. Мы собираемъ плоды испорченности луи-филипповскаго времени, ханжества старшей линіи, эклективно-доктринарной философіи и дерзости имперіализма. Чтобы насъ совсѣмъ погубить, водятся у насъ романтическая литература, ложное революціонерство 1793 г., сенъ-симонистскія, фурьеристскія и коммунистическія нечистоты; и подите, создавайте изъ этого гражданъ, способныхъ возстать противъ тиранніи!»

Повторяетъ онъ и ему исторію кандидатства Гудшѣ, получившаго незаслуженную пощечину отъ своихъ собратій по демократизму. «Говорю вамъ, любезный другъ, что эти демократы мнѣ опротивѣли, и позволь они себѣ еще одно слово на мой счетъ, а ихъ раздавлю безъ всякой жалости». Такъ кончается онъ письмо къ Белѣ.

Въ послѣднихъ числахъ октября перебрался онъ въ Парижъ съ семействомъ и пишетъ оттуда, отъ 30-го октября, своему пріятелю, доктору Магѣ. Прудонъ всегда сообщаетъ ему семейныя подробности о здоровьѣ жены и дочерей. И на этотъ разъ говорить онъ на ту же тѣму. Мы узнаемъ, что онъ дѣлаетъ еще только мечту нанять въ помощницы женѣ — бонну, а квартира у нихъ остается старая, т.-е. та, гдѣ его жена кое-какъ ютилась, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Какъ только распространился слухъ о томъ, что вмѣстѣ съ имперіей будетъ объявлена широкая политическая амнистія, онъ тотчасъ же пишетъ объ этомъ Шарлю Эдмону, отъ 7-го ноября. Личное его настроеніе — тяжело. Еслибъ какой-нибудь издатель далъ ему 4000 франковъ въ годъ за постоянную работу, онъ сейчасъ бы покинулъ Парижъ и отпра-

видяся жить за границей. Въ дѣлѣ предполагаемаго наданія критическаго журнала, о которомъ столько упоминалось въ предыдущихъ письмахъ, онъ видитъ на каждомъ шагѣ и по каждому вопросу враждебность республиканцевъ, демократовъ, университетской братіи и т. д... «Не знаю,—спрашиваетъ онъ,—находится ли контръ-революція въ настоящую минуту больше на сторонѣ бѣлыхъ, чѣмъ на сторонѣ красныхъ?»

XI.

Письмо къ Мадье-Монжб, отъ 10-го ноября, замѣчательно тѣмъ, что Прудонъ даетъ своему корреспонденту списокъ всѣхъ напечатанныхъ имъ и неизданныхъ трудовъ въ хронологическомъ порядкѣ. Считаемо не лишнимъ указать его здѣсь, такъ какъ полное собраніе сочиненій Прудона расположено нѣсколько иначе ¹⁾.

Повторивъ и этому корреспонденту, какъ ему трудно было бы заработать у буржуа и сто экю въ годъ, и какъ онъ этимъ самымъ отброшенъ въ социалистической и литературной карьерѣ, Прудонъ говоритъ, что постарается не выказывать враждебности правительству. Онъ опять возвращается къ тому взгляду, что революція, какъ онъ ее понималъ, продолжаетъ дѣлать свое дѣло, несмотря ни на какія политическія безобразія:

«Общество,—доказываетъ онъ,—все равно что земля, обрабатывается каждый день, не смотря на то, какое правительство управ-

¹⁾ Въ подлинникѣ:

1) *Recherches sur les catégories grammaticales*, mentionnées, très-honorablement dans le concours de Volney, mai, 1839 (inédit); 2) *De la célébration du dimanche*, août, 1839; 3) *Qu'est-ce que la propriété?* premier mémoire, juillet 1841; 4) *Lettre à M. Blanqui*, deuxième mémoire, mai, 1841; 5) *Avertissement aux propriétaires*, troisième mémoire, janvier, 1842; 6) *Ma défense devant le jury*, février 1842; 7) *Création de l'ordre*, juin 1843; 8) *Appel au conseil d'état, sur les actions de jouissance des canaux* (opuscule), août, 1843; 9) *Système des contradictions économiques*, 2 vol., juillet, 1845; 10) *De la concurrence entre les chemins de fer et les voies navigables*, 1846; 11) *De la solution du problème social*, 2 livraisons, mars 1848; 12) *Organisation du crédit*, avril, 1848; 13) *Rapport du citoyen Thiers*, Discours du 31 juillet, 1848; 14 — 15) *Résumé de la question social, ou banque d'échange et banque du peuple*, suivi du rapport des délégués, septembre — novembre, 1848; 16) *Le droit au travail*, septembre—novembre, 1848; 17) *Idées révolutionnaires*. (choix d'articles, publiés dans le *Représentant du Peuple*), 1848; 18) *Les Confessions*. 1849; 19) *Intérêt et Principal*, controverse avec Bastiat, décembre, 1849; 20) *Idée générale de la Révolution*, juin, 1851; 21) *La Révolution démontre par le coup d'Etat*, juillet, 1852.

имѣть имѣ; оно измѣняетъ, преобразовываетъ свои условія и свои элементы, и всегда, во всѣ времена, какъ въ періоды злодѣяній, такъ и послѣ годовъ добродѣтели, вопросъ для государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы, отправившись отъ законныхъ или незаконныхъ, но совершившихся фактовъ,—поднять движеніе выше, къ социальному идеалу. Поэтому-то я и рѣшаюсь казаться, если нужно, *совѣтникомъ* Елисейскаго дворца, постоянно поддерживая мое знамя; поэтому-то я и не одобряю никакого оппозиціоннаго акта, ведущаго лишь къ замѣнѣ одного человѣка другими людьми, и смотрю на республиканское движеніе 48 г., вмѣстѣ со всей партіей, какъ на нѣчто, совсѣмъ погребенное. Люди могутъ еще вернуться, но вещи уже не поднимутся больше. И когда вы возвратитесь, если только это случится, надо будетъ идти совсѣмъ другимъ путемъ, чѣмъ тотъ. какой бы мы взяли 3-го декабря, еслибы побѣдили,—другимъ, чѣмъ путь завтрашняго дня, еслибы будущій императоръ напелъ подъ своей короной ядъ или винжалъ ненавидящихъ его' республиканцевъ.

«Однимъ словомъ, какъ только республиканскій режимъ будетъ официально уничтоженъ, я становлюсь снова на почву *революціи*, освященной сенатскимъ постановленіемъ 5-го числа текущаго мѣсяца и теоретической *демократіи*, которую Людовикъ-Наполеонъ яво бы представляетъ; наконецъ, на почву *прогресса*, провозглашаемаго всѣми этими глупцами, ни мало его не понимающими. Я попытаюсь, стоя на этихъ высотахъ, поддерживать истинный революціонный духъ и бороться съ реакціей, оставаясь всегда правдивымъ, всегда самимъ собою, и гарантируя себя, сколько возможно, отъ буржуазныхъ, іезуитскихъ и императорскихъ преслѣдованій и республиканскихъ клеветъ».

Недовольство по вопросу о хлѣбѣ насущномъ не оставляетъ Прудона и въ письмѣ къ Гильемени, отъ 10-го ноября. Тутъ раздаются уже совсѣмъ другія ноты о текущей внутренней политикѣ. Бонапартовъ режимъ не позволяетъ ему думать и писать (такъ, какъ онъ хочетъ) ни о чемъ, касающемся клерикальной реакціи. Съ рѣзкимъ негодованіемъ указываетъ онъ на союзъ имперіи съ іезуитами, на преслѣдованія всего, что отзывается мыслию и независимостью характера. Подъ конецъ письма онъ раздражается такой іереміадой: «всѣ того хотѣли, всѣ виновны: республиканецъ, социалистъ, рабочій, буржуа, писаришка и попишка (*robin et calotin*), человѣкъ сабли и человѣкъ пера! Нація малодушная, тщеславная, чувственная, безъ морали, безъ

вѣры, достойная быть брошенной на съѣденіе лошадямъ казаковъ и татарь!..»

Антуану Готье Прудонъ говорить, въ письмѣ отъ 15-го ноября, что онъ вовсе не желаетъ хлопотать о чемъ-либо у правительства, а согласенъ лучше прожить весь свой вѣкъ на работу пера, хотя бы она не приносила ему въ годъ болѣе трехъ-четырехъ тысячъ франковъ. Сообщаетъ онъ ему также курьезный фактъ: какъ правительство, на послѣднихъ выборахъ, косвенно приглашало его поддерживать свою кандидатуру, затѣмъ, конечно, чтобы скомпрометтировать его въ глазахъ однихъ, а другимъ сказать: *«революція поднимаетъ голову, бросайтесь же въ мои объятія!»* Морису, съ которымъ онъ все еще въ долговыхъ отношеніяхъ, Прудонъ пишетъ большое письмо, отъ 28-го ноября, гдѣ оправдываетъ свою житейскую дорогу, отвѣчая на совѣты и сѣтованія кредитора-пріятеля: будто онъ не умѣетъ устраивать своихъ дѣлъ. Прудонъ перебираетъ разныя дороги, и приходитъ къ тому выводу, что ему, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, нельзя искать нивакого государственнаго мѣста; буржуа его на частную службу не принимаютъ, въ результатъ и остается одно писательское перо. Впрочемъ, онъ на этотъ разъ уже не считаетъ своего положенія такимъ ужаснымъ; у него еще есть деньги отъ проданныхъ сочиненій; разсчитываетъ онъ заплатить къ концу года тысячи полторы франковъ долгу, и, кромѣ надежды на редакторское жалованье по *Revue*, у него готовится къ печати не мало другой работы, такъ что онъ не принялъ бы отъ правительства и мѣста въ десять тысячъ франковъ. Хотя онъ и медленно выплываетъ, но все-таки устраиваетъ, понемножку, свое положеніе.

Нѣкій г. Х*** выразилъ Прудону, на письмѣ, свое сочувствіе по поводу послѣднихъ его сочиненій. Отвѣчая ему, отъ 5-го декабря, Прудонъ входитъ въ общія соображенія о той экономической революціи, какая совершается незамѣтно на глазахъ всего свѣта. Онъ указываетъ на то, что идеи, за которыя его преслѣдовали въ 1840 г., теперь осуществляются самимъ государствомъ: то, что казалось чудовищнымъ десять лѣтъ назадъ, превращается въ общее мѣсто. Онъ проситъ только своего корреспондента не клеветать на нашъ вѣкъ и (забывая то, что онъ самъ писалъ Гильемону, отъ 10-го ноября) не согласенъ обвинять, вмѣстѣ со столькими риторамъ, всю французскую расу въ испорченности и трусости. По его мнѣнію, масса потеряла только настоящее сознаніе социальнаго движенія, почему и нужно воспользоваться такой минутой, чтобы повести человѣческій умъ къ познанію этой высшей и окончательной науки—социальной эво-

номіи, которой всѣ остальные служатъ лишь орудіями и средствами. Оправдывается Прудонъ и въ томъ, будто бы онъ слишкомъ фрондируетъ по философскимъ вопросамъ, но оставляетъ подробный отвѣтъ на это до другого раза. Заканчивая письмо, онъ проситъ г. Х*** приобрести ему друзей среди якобинцевъ. Хотя онъ и много страдалъ отъ ихъ подозрѣній и клеветъ, но все-таки не чувствуетъ къ нимъ никакой личной ненависти; даже къ Луи-Блану, обвиняющему его въ томъ, что онъ *продалъ* социализмъ. «Они такъ мало знаютъ, — восклицаетъ онъ. — Они такъ легковѣрны! Насыщенные своей идеологіей, они такъ мало смыслятъ въ политикѣ!» Но въ самомъ концѣ письма стоитъ фраза, рѣзко противорѣчащая тону предыдущихъ писемъ: «право, — увѣряетъ Прудонъ, — я такъ въ эту минуту увѣренъ въ своей побѣдѣ, что чувствую припадки лѣнности».

Заключительный аккордъ, по теоретическимъ соображеніямъ Прудона, за послѣдній періодъ его мыслительной работы, представляетъ собою письмо, отъ 11-го декабря, къ Мадье-Монжо. Начинаетъ Прудонъ съ того, что благодаритъ его за пониманіе идеи, вложенной въ брошюру о государственномъ переворотѣ, и особенно за то, что его корреспондентъ не отказываетъ ему въ прежнемъ уваженіи, хотя не совсѣмъ раздѣляетъ его взгляды.

«Да, — продолжаетъ Прудонъ, — со дня 2-го декабря я стараюсь сдѣлать себѣ каменное сердце». И онъ повторяетъ въ другихъ выраженіяхъ то, что стоитъ выше. «Конечно, — оговаривается онъ, — я вовсе не намѣренъ проповѣдывать равнодушіе и постараюсь, чтобы читатель понялъ это. Но, исполнивъ требуемое приличіями, поддерживая права человѣческой морали, что же можетъ больше дѣлать писатель въ виду деспотизма, нависшаго надъ его головой, и общества — сообщника этого деспотизма? Врядъ ли вы знаете болѣе энергическую манеру бичевать народъ и буржуа, чѣмъ то, когда вы имъ говорите: я трактую о вашихъ интересахъ не по идеямъ *добра* и *зла*, *правды* и *неправды*; такія идеи — не для васъ, потому что вы хуже скотовъ, вы точно бѣсы. Тамъ, гдѣ погибла мораль, нечего говорить о нравственности и справедливости; надо говорить о роковой судьбѣ!

«Вотъ, судьба и ведетъ васъ; она создала въ послѣднія пять лѣтъ всѣ событія; она же совершитъ и много другихъ. Во имя свободы, мы васъ призывали къ республикѣ, и вы отвернулись отъ нея съ презрѣніемъ; во имя закона мы васъ призывали къ конституціи, и вы растоптали ее ногами; во имя морали мы васъ призывали къ равенству, къ братству, къ безкорыстію, къ стыдливости, и вы освистали всѣ эти принципы! Въ силу вашей

свободной воли вы разрушили всё основные элементы собственной свободы. Теперь—когда вы пали по своей охотѣ—знаете ли вы, кто вами управляетъ? Судьба. Посмотритесь въ зеркало!

«Да, какъ говорить г. де-Брольи, *народъ имѣетъ правительство, какое онъ предпочитаетъ, а буржуазія—правительство, какого она заслуживаетъ.* Все, что печатаютъ ваши изгнанники, чтобы ослабить эту истину, любезный Мадьё, ложно, архиложно. Наполеонъ III есть законное, достовѣрное выражение буржуазныхъ и пролетарныхъ массъ. Если онъ и не прямой продувъ національной воли, то онъ, навѣрно, продувъ національнаго позволенія, что сводится рѣшительно къ тому же самому, въ смыслѣ фактовъ и результатовъ. А такъ какъ мы имѣемъ въ видѣ данныхъ народъ и буржуазію, которые три раза провозгласили и не только пропустили, но и закрѣпили своею кровью человекъ 10 и 2-го декабря, то и нечего, подобно Виктору Гюго, Шельперу и tutti quanti приводить доводы свободы, справедливости, морали: общество болѣе уже не руководится принципами, оно отдалось инстинктамъ. Инстинктъ же въ націи есть ея роковая судьба. Поэтому-то я и объясняю соображеніями роковой логики то, что происходитъ на моихъ глазахъ, и все мое дѣло будетъ заключаться въ томъ, чтобы объяснить это все больше и больше. Въ такія-то именно времена человекъ и можетъ быть пророкомъ: ничего нѣтъ легче, какъ предвидѣть событія, управляемая роковой судьбой, все равно, что путь зайца, руководимаго инстинктомъ. Вотъ въ чемъ заключается моя книга, вотъ оправданіе мѣсть, огорчившихъ васъ; быть можетъ, у меня не хватило ясности; я не объяснилъ моей системы, какъ дѣлаю это здѣсь; по дружбѣ ко мнѣ, любезный Мадьё, прошу васъ дополнить недостающее. Я воспользуюсь вашимъ замѣчаніемъ на будущее время, а вы взвѣсьте мой отвѣтъ, такъ какъ вамъ предстоитъ еще не разъ защищать меня.

«Вы еще предаетесь культу народа, дорогой Мадьё; вамъ слѣдуетъ окончательно раздѣлаться съ этой ложной религіей. Надо служить свободѣ и нравственности для нихъ самихъ, какъ вашему первому сокровищу; оставьте же субъективные вопросы; не презирая народъ за то, что онъ дивъ, и хлопоча объ его цивилизаціи, не создавайте изъ него себѣ владыку. Я видѣлъ, 7-го декабря 1851 г., когда мостовая бульвара обогрена была кровью, какъ этотъ милый народъ толкался около маленькихъ театровъ, довольный, веселый, безъ жалости и угрызения. Сколько разъ, въ эти пять лѣтъ, я заставлялъ его врасплохъ и уличалъ въ равнодушія, въ безнравственности, въ сообщничествѣ

империализму, въ неблагодарности къ своимъ радѣтелямъ! Меня то онъ, конечно, не обмануль, но подлость, хотя бы и предвидѣнная — все же отвратительна. Предваряю васъ, что буду наносить удары этому народу до тѣхъ поръ, пока не увижу, что разлетѣлся въ дребезги мнимый догматъ его верховности; намъ мало того, что бездарности 48 г. не вернутся больше: намъ надо, чтобы и ихъ идолъ больше не появлялся»...

Прудонъ возмущенъ, видя, какъ герои предмѣстій, не хуже буржуа, удовлетворяются Бонапартомъ. Онъ еще рѣзче нападаетъ на возгласы во имя добродѣтели и закона: «народъ и собаки вылизали вашу кровь на бульварѣ, кровь буржуа!..» Вслѣдъ затѣмъ онъ предупреждаетъ Мадѣ на счетъ эмигрантской публицистики. Возмущаясь нравственной летаргіей Франціи, Прудонъ еще разъ проситъ оставить сѣтованія о паденіи всей французской расы. Только указаніемъ на страшное будущее можно поднять ее; но поднять все-таки можно. Онъ надѣется, въ своей «*Revue*», съ 15-го января слѣдующаго года, начать эту тактику въ цѣломъ рядѣ статей. Въ концѣ письма Прудонъ снова указываетъ на упадокъ всякаго гражданскаго чувства въ парижскихъ массахъ: «Наполеонъ I, Бурбоны, Луи-Филиппъ — посяjali; Луи-Наполеонъ — пожинаетъ; каждый день прогуливается онъ, одинъ, пѣшкомъ, безъ эскорта, по всему Парижу, опеломленному его смѣлостью. И не находится ни одного человѣка, даже въ республиканской партіи, который бы настолько нравственно поднялся, чтобы воспротивиться этому; а вы мнѣ толкуете о добродѣтели!..»

«Прощайте, братски жму вашу руку, и когда весь свѣтъ будетъ вамъ говорить, что я *предаю* республику, отвѣчайте просто, что я исполняю мой долгъ.

XII.

Правительство только-что провозглашенной имперіи, черезъ годъ послѣ государственнаго переворота, 2 декабря 1852 г., обнародовало декретъ объ *амнистіи* и вслѣдъ затѣмъ напечатало, 16 декабря, въ *Монитёръ* поправку, по которой этой амнистіей не только не могли воспользоваться *вожаки* республиканской партіи, находившіеся въ изгнаніи, но и разные другіе политическіе преступники, которые были приговорены къ различнымъ наказаніямъ съ 1848 г. по 2 декабря 1851 г. Прудонъ тотчасъ же пишетъ очень большое письмо, отъ 18 декабря, къ главному редактору *Монитёра*: «я протестую, со всею энер-

гією моего разума и совѣсти, противъ скандала такой постыдной отмѣны императорской воли, которой добились, заднимъ числомъ, съ помощью, не знаю уже какихъ, слѣпыхъ и безпопадныхъ вліаній».

Онъ требуетъ амнистіи для *всѣхъ* государственныхъ преступниковъ и эмигрантовъ, и, не довольствуясь однимъ нравственнымъ протестомъ, развиваетъ свою мысль теоретически:

«Законы общества, — говоритъ онъ, — возвѣщаются исторіей; эти законы, роковымъ образомъ подчиняющіе себѣ совокупность человечества, становятся повелительными для отдѣльныхъ личностей, а что же открываетъ намъ исторія въ занимающемъ насъ вопросѣ? Она показываетъ намъ, на каждой страницѣ своихъ кровавыхъ лѣтописей, что если правительство и необходимо, то нельзя утверждать ни про какую правительственную форму, что она именно, въ противоположность всѣмъ другимъ, — единственно-законная, а стало быть — споръ о происхожденіи, существѣ и формѣ власти въ обществѣ остается вѣчнымъ. Пока среди людей будутъ существовать правительства, всегда будутъ: споры, борьба политическихъ страстей, раздоры и войны; будутъ всегда: побѣждающія партіи, которыя станутъ провозглашать себя спасителями общества, правящими Божіей милостью и волею народной, — и партіи побѣжденныхъ, выданныхъ головой военнымъ совѣтамъ, смѣшаннымъ комиссіямъ и превотальнымъ судамъ, какъ бунтовщики и разбойники. Кто виноватъ передъ исторіей, кто правъ? Всѣ и никто».

И онъ развиваетъ дальше мысль свою, доказывая, что жертвы борьбы представляютъ собою залогъ мира, которымъ общество временно пользуется; но для полнаго, хотя бы и временнаго успокоенія необходима полная же амнистія: она и является въ тотъ моментъ, когда нѣтъ явной оппозиціи правительству, побѣжденные и побѣдители соединяются въ одномъ чувствѣ забвенія. Поэтому-то Прудонъ возстаетъ противъ опредѣленій «Монитера» на счетъ различныхъ категорій политической преступности; для Прудона человекъ, прикрытый амнистіей, тогда только дѣлается уголовнымъ преступникомъ, когда онъ, попавъ на свободу, нарушитъ свое обѣщаніе: не враждовать больше съ правительствомъ. Императоръ, давая такой широкій смыслъ амнистіи, подвинулъ бы впередъ политическое развитіе своей страны и совершилъ бы благородное дѣяніе. Тогда люди, какъ Прудонъ, первые стали бы уговаривать своихъ друзей-изгнанниковъ вернуться во Францію, вида, что такой возвратъ не былъ бы для нихъ униженіемъ. Тогда и вожди партіи, исключенные изъ амнистіи, не были бы вовсе опасны: еслибъ они вернулись, они показали бы этимъ только свое примиреніе. Кончаетъ Прудонъ горячей просьбой во имя общественнаго мира и прогресса, и всѣхъ несчастныхъ се-

мѣствѣ, находящихся въ нравственной агоніи; онъ предлагаетъ, «чтобы принципъ таковой амнистіи, обобщенный новымъ императорскимъ декретомъ, вошелъ, на будущее время, во французское право и былъ признанъ государственнымъ закономъ».

Мы находимъ опять, въ письмѣ къ Гильемѣну, отъ 24-го декабря, что Прудонъ видитъ въ современныхъ экономическихъ явленіяхъ торжество своей теоріи о капиталѣ и процентѣ: то, изъ-за чего онъ такъ боролся въ 1848, сдѣлалось теперь почти общимъ мѣстомъ. Вообще, онъ гораздо довольнѣе своимъ положеніемъ, какъ авторитета въ экономическихъ вопросахъ, и сообщаетъ Гильемѣну о томъ, что книгопродавецъ Ла-Шатръ все ходитъ вокругъ него и не прочь предложить ему сто тысячъ франковъ для основанія *Мѣншого Банка*. Послѣднее письмо 1852 г. было написано 29-го декабря — Матѣю. Въ немъ стоитъ печальное извѣстіе, что министръ полиціи Мона не разрѣшилъ двухнедѣльнаго *Обозрѣнія*, къ которому Прудонъ такъ долго готовился. Новый наплывъ раздраженія овладѣваетъ имъ: онъ не знаетъ даже, что больше презирать и ненавидѣть: — подлую ли массу, буржуазію, или духовенство? «Какое проклятое сердце, какая дьявольская душа были бы достаточны для подобнаго презрѣнія и ненависти? Я совсѣмъ истощенъ».

Конецъ переписки 1852 г. заходитъ въ V-й томъ, занимая болѣе одной трети его. Въ концѣ IV-го тома напечатано довольно большое «Прибавленіе», состоящее изъ писемъ различныхъ эпохъ. Удобнѣе указать на эти письма здѣсь же, на рубежѣ 52—53 гг.

Первое письмо «Прибавленія» — отъ 22-го іюня 1839 г. къ какому-то аббату ***. Этотъ духовный послалъ Прудону свое богословское сочиненіе: «О Тайнствѣ Пресвятой Дѣвы», и Прудонъ дѣлаетъ ему довольно пространныя замѣчанія, вообще хвалитъ духъ и форму его сочиненія и выставляетъ себя тѣмъ полукатолическимъ метафизикомъ, какимъ мы видѣли его въ перепискѣ той же эпохи. Не преминулъ онъ и тутъ выразить свой неодобрительный взглядъ не только на идеи, но и на талантъ Жоржъ-Зандъ, изъ романовъ которой аббатъ цитировалъ кое-что въ симпатичномъ смыслѣ. Другое письмо, отъ 1840 г., адресовано академику Дрôзу, у котораго Прудонъ состоялъ подъ надворомъ, будучи пансіонеромъ Сюдара. Чувство своего достоинства выражается въ этомъ письмѣ такъ же сильно, какъ и въ посланіяхъ къ пріятелямъ: «такой трудъ, — говоритъ онъ Дрôзу, — долженъ, если я не ошибаюсь, составить эпоху въ исторіи философіи и содѣйствовать нашей политической реформѣ». Въ письмѣ отъ 27-го декабря 1848 г. — Эмилю Жирардену, Прудонъ благодаритъ за приглашеніе въ го-

ствѣ, и въ мягкихъ формахъ не одобряетъ Жирардена за то, что, по милости его журнальной пропаганды, Луи-Бонапартъ попалъ въ президенты. Изъ тюрьмы Консьержери отправлено, 11-го апрѣля 1851 г., большое письмо къ историку Мишлѣ. Прудонъ получилъ отъ Мишлѣ томы его «Исторіи Революціи», благодарить его за это вниманіе, а еще болѣе за то, что Мишлѣ далъ, наконецъ, впервые, даровитое и болѣе правдивое изслѣдованіе духа и людей революціи. Мы узнаемъ изъ этого письма, что Прудонъ занятъ былъ въ то время идеей сочиненія, подъ названіемъ «Pratique des Révolutions». Въ немъ онъ желалъ доказать, что нація должна быть разсматриваема не какъ сборъ личностей, а какъ цѣльное существо своего рода. Ту же идею онъ находитъ во многихъ мѣстахъ и у Мишлѣ, и вполне раздѣляетъ его взглядъ на ограниченность якобинства и на антипатичную для него фигуру Робеспьера. Въ концѣ, онъ успокоиваетъ Мишлѣ насчетъ социальныхъ тенденцій новѣйшей эпохи, доказывая, что настоящій социализмъ, какъ онъ его понималъ, нисколько не опасенъ ни для свободы, ни для личности человѣка. Наконецъ письмо въ Робену отъ 12-го октября 1851 г., изъ С.-Пелажи, является, какъ нельзя болѣе кстати, такъ-какъ въ немъ Прудонъ даетъ свое *исповѣданіе вѣры* по пунктамъ, избавляя насъ отъ отвѣтственности въ резюмированіи его міровоззрѣнія за разобраннѣй нами періодъ.

По *религии*, онъ — свободный мыслитель во всемъ, что касается формы; что же до сущности представленія о Богѣ, онъ сводитъ его къ *гуманизму* и называетъ свой взглядъ *антитеизмомъ*. Приговоръ надъ *якобинствомъ* подтверждаетъ онъ съ новою силой, называя его: *доктринаризмомъ для народа и санкюлотовъ*. Независимость личности ставитъ онъ основой въ разрѣшеніи социальной задачи, т.-е. признаетъ себя *индивидуалистомъ*. Формулу: «Собственность—кража» — объясняетъ онъ по прежнему, т.-е. какъ указаніе на крайности существующихъ экономическихъ установленій, и говоритъ, что только изъ синтеза или равновѣсія вытечетъ идея *взаимности*. Нисколько не измѣнился онъ и въ своемъ одностороннемъ, старо-римскомъ взглядѣ на *семью* и *женщину*. Онъ такъ и говоритъ, что держится началъ римскаго права, на отца семейства смотритъ какъ на самодержца, роль женщины сводитъ къ дѣтской и кухнѣ, признаетъ *превосходство* мужского пола надъ женскимъ — и *нерасторимость брака*. Въ этомъ Прудонъ остался французскимъ селяниномъ, въ смыслѣ первобытной грубости и мужского себялюбія.

Д — Евъ.

ДРАКОНЪ

РАЗСКАЗЪ XII-го ВѢКА.

Съ итальянскаго.

Посвящается Я. П. Половскому.

1.

Въ тѣ дни, когда на насъ созвѣяде Пса
Глядитъ враждебно съ высоты зенита,
И сводъ небесъ какъ тяжесть оперся

2.

На грудь земли, и солнце, мглой обвито,
Жжетъ безъ лучей, и бѣгаютъ стада
Съ мычаніемъ, ища отъ мухъ защиты,

3.

Въ тѣ дни любилъ съ друзьями я всегда
Собора тѣнь и вѣчную прохладу,
Гдѣ въ самый зной дышалось безъ труда,

4.

И гдѣ намъ былъ, средь отдыха, отрадой
Разнообразной живописи видъ
И полусвѣтъ, не утомлявшій взгляда.

5.

Одна купель близь входа тамъ стоитъ,
Старинная, изъ камня изсѣчена:
Крылатымъ столбъ чудовищемъ обвить.

6.

Разъ, отдыхомъ и тѣнью освѣжены,
Друзья купель разсматривали ту
И чудный столбъ съ изгибами дракона.

7.

Хвалили всѣ размѣровъ красоту
И мастера затѣйную работу;
Но я сказалъ:—Я вымысловъ не чту;

8.

Меня смѣшить ваятеля забота
Такую ложь передавать рѣзцомъ,—
И потрунить взяла меня охота.

9.

Тутъ нѣкій мужъ, отмѣченный рубцомъ,
Дотоль стоявшій, молча, возлѣ двери,
Ко мнѣ со строгимъ подошолъ лицомъ:

10.

— Смѣешься ты, художнику не вѣря,—
Такъ онъ сказалъ:—но если бы, какъ я,
Подобнаго ты въ жизни встрѣтилъ звѣря,

11.

Клянусь, прошла веселость бы твоя!
Я-жь отвѣчалъ:—Тебѣ я не въ досаду
Сказалъ что думалъ, мысли не тая;

12.

Но если впрямъ такого въ жизни гада
Ты повстрѣчалъ, то (коль тебѣ не въ трудъ),
Пожалуй, намъ все расскажи по ряду!

13.

И началъ онъ:—Въ Ломбардіи зовутъ
Меня Арнольфо. Я изъ Монцы родомъ,
И оружейникъ былъ до нашихъ смуть;

14.

Когда-жъ совѣтъ въ союзъ вошелъ съ народомъ,
Изъ первыхъ я на Гибеллиновъ всталъ,
И не однимъ горжусь на нихъ походомъ.

15.

Гиберто Канъ стая вольности держалъ;
То кондотьеръ былъ въ битвахъ знаменитый,
Но близъ Лугано, раненый, онъ палъ.

16.

Враги, нашъ полкъ преслѣдуя разбитый,
Промчались мимо; и съ вождемъ лишь я
Для помощи остался и защиты.

17.

— Арнольфо, — мнѣ сказалъ онъ, — смерть моя
Сейчасъ придетъ, — тебя-жъ надеждой рая
Молю: спѣши въ Къявенну; пусть друзья

18.

Ведутъ войсва, минуты не теряя;
Они врасплохъ застанутъ вражью рать, —
И перстень свой въ залогъ онъ, умирая,

19.

Мнѣ передалъ. Я времени терять
Не много могъ, чтобы исполнить дѣло,
И, въ помощь взявъ Господню благодать,

20.

А мертвое плащомъ покрывши тѣло,
Провѣдать шелъ, гдѣ отдохнуть враги
И много ли изъ нашихъ уцѣлѣло?

21.

Шумъ сѣчи смолеъ, и вѣроны круги
Надъ трупами уже чертили съ врикомъ—
Какъ за собой слышала я шаги.

22.

То Гвидо былъ. Ко мнѣ съ безпечнымъ ликомъ
За поводъ велъ онъ сильнаго коня,
Имъ взятаго въ смѣтеньи томъ великомъ.

23.

Ученикомъ жилъ прежде у меня
Онъ въ мастерской, и нынѣ, послѣ боя,
Меня нашолъ, любовь ко мнѣ храня.

24.

Когда-жъ узналъ, посланіе какое
Вождемъ убитымъ мнѣ поручено,
Идти къ друзьямъ онъ вызвался со мною.

25.

Я, преданность цѣня его давно.
Тому былъ радъ, и думалъ: вмѣстѣ оба
Вѣрнѣе мы достигнемъ цѣли,—но,

26.

Когда бы зналъ, какъ близко насъ ко гробу
Онъ подведетъ отвагой молодой,
Его любви я предпочелъ бы злобу.

27.

Я былъ верхомъ; онъ слѣдовалъ пѣшой;
Не радостенъ былъ путь, и не веселье
Моей владело сумрачной душой.

28.

Въ странѣ вьзвеннсовой не бывалъ досель я,
Но Гвидо былъ. И вѣдомыхъ путей
Съ нимъ избѣгалъ, въ тѣсное ущелье

29.

Свернули мы, гдѣ солнечныхъ лучей
 Не пропускали тѣни вѣговья,
 На встрѣчу-жъ намъ, шума, бѣжалъ ручей.

30.

Лишь тутъ снялъ шлемъ съ усталой головы я,
 И въ отдаленнѣ ясно услыхалъ,
 Какъ колоколь звонилъ къ Ave Maria:

31.

И тяжело средь этихъ мрачныхъ скалъ,
 И душно такъ, какъ-бы въ свинцовомъ серняѣ,
 Мнѣ сдѣлалось.—О, Гвидо,—я сказалъ,—

32.

Недоброе предчувствіе мнѣ нынѣ
 Сжимаетъ грудь: боюся, что съ пути
 Собьемся мы тутъ, въ каменной пустынѣ!

33.

— Маэстро,—мнѣ отвѣтилъ онъ,—прости:
 Сюда свернувъ, ошибся я немного,
 Инымъ ущельемъ было намъ идти!

34.

И прежнюю отыскивать дорогу
 Пустились мы; но, видно, взять у насъ
 Разсудокъ нашъ угодно было Богу:

35.

Куда ни направлялись, каждый разъ
 Ущелье мы, казалось, видимъ то же,
 Ихъ различать отъазывался глазъ,

36.

Такъ межъ собой они всѣ были схожи:
 Такая-жъ темь; такой же въ ней ручей
 Навстрѣчу намъ шумѣлъ въ гранитномъ ложѣ;

37.

И тѣмъ мы путь искали горячѣй,
Тѣмъ болѣ мы терали направленье;
Безъ отдыха, и не сомкнувъ очей,

38.

Бродили мы всю ночь въ недоумѣннѣ;
Когда-жъ, для насъ незримая, заря
На высотахъ явила отраженъе,

39.

— Довольно намъ,—сказалъ я,—рыскать зря!
Войдемъ сперва на ближнюю вершину,
Чтобъ мѣстность обозрѣть. Такъ говоря,

40.

Сошелъ съ коня я. Къ дикому ямину
Его за поводъ Гвидо привязалъ,
И брони снявъ, мы темную долину

41.

Покинули. Держась за ребра скалъ,
Мы лѣзли вверхъ, и лишь на полъ-дорогѣ,
Среди уступа, сдѣлали привалъ.

42.

Отъ усталости мои дрожали ноги;
Межъ тѣмъ густой, поднявшися, туманъ
Долину скрылъ и горные отроги.

43.

И сталъ я думать, грустью обуянъ:
— Нѣтъ, не поспѣтъ мнѣ въ-время въ Кьявенну
И не повесть друзей на вражій станъ!

44.

Въ туманѣ тутъ, мнѣ показалось, стѣну
Зубчатую увидѣлъ я. Она,
Согнутая во многія колѣна,

45.

Съ крутой скалы спускалася до дна
Ущелия, наполненнаго мглою,
И имъ была отъ насъ отдѣлена.

46.

— Другъ,—я сказалъ,—ты съ этою страну
Давно знавомъ; взглядишь и распознай:
Какой я замокъ вижу предо мною?

47.

А онъ въ отвѣтъ:—Мнѣ вѣдомъ этотъ край,
Но замка нѣтъ отсюда до Къявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

48.

Игрою тумана. Часто перемѣны
Онъ странныя являетъ между горъ,
И создаетъ то башни въ нихъ, то стѣны.

49.

Такъ онъ ко мнѣ. Но устремивъ мой взоръ
Передъ собой, я напрягалъ вниманье,
Туманъ же все рѣдѣлъ съ недавнихъ поръ;

50.

И только онъ разсѣялся—не зданье
Намъ показалъ свободный солнца свѣтъ,
Но чудное въ утесѣ изваянье:

51.

Что я стѣной считалъ, то былъ хребетъ
Чудовища, какому и примѣра,
Я полагалъ, среди живущихъ нѣтъ.

52.

И я, глазамъ едва давая вѣру,
Ко Гвидо обратился:—Долженъ быть
Сей памятникъ, столь дивнаго размѣра,

53.

Тебѣ извѣстенъ; онъ, вонечно, нить
 Намъ въ руки дастъ, чтобъ выбраться отсюда,
 Спѣшишь-жъ по немъ нашъ путь сообразить!

54.

Но онъ въ отвѣтъ:—Клянусь, сего я чуда
 Не зналъ досель, и никогда о немъ
 Не слыхивалъ отъ здѣшняго я люда.

55.

Не христіанскимъ, думаю, рѣзцомъ
 Звѣрь вытесанъ. Мы древняго народа
 Узнаемъ трудъ, боль ближе подойдемъ.

56.

— А не могла-ль, — замѣтилъ я, — природа
 Подобіе чудовища создать,
 Какъ создаетъ она иного рода.

57.

Дивовины? Но только лишь сказать
 Я то успѣлъ, самъ понялъ, сколь напрасна
 Такая мысль. Не случая печать

58.

Являли члены гадины ужасной,
 Но каждая отчетливо въ ней часть
 Изваяна рукой, казалась, властной:

59.

Сомнутая, поднявшись, щучья пасть
 Ждала какъ-будто жертвы терпѣливо,
 Чтобъ на нее, отверзшиися, напасть;

60.

Глаза глядѣли тускло и сонливо;
 На вытянутой шеѣ поднята,
 Костлявая въ зубцахъ торчала грива;

61.

Скращенныя вдоль длиннаго хребта,
 Лежали, въ складкахъ, кожаныя крылья;
 Подъ брюхомъ лапъ видѣлася чета.

62.

Спинныхъ чешуй казалось изобиле
 Нескладной кучей раковинъ морскихъ,
 Иль старой черепицей, мхомъ и пылью

63.

Покрытою. А хвостъ, въ углахъ кривыхъ,
 Терялся въ темной безднѣ. И когда бы
 Я долженъ былъ рѣшить: къ числу какихъ

64.

Тотъ звѣрь породъ принадлежитъ,—то я бы
 Его крылатой шуюю назвалъ,
 Иль помѣсю отъ ящера и жабы.

65.

И самъ себя еще я вопрошалъ:
 Къ чему могъ быть тотъ памятникъ воздвигнуть?
 Какъ вдругъ отъ страшной мысли задрожалъ:

66.

Внезапнымъ опасеніемъ постигнуть,
 — А что, —сказалъ я,—если этотъ звѣрь
 Не каменный, но адомъ былъ изрыгнуть,

67.

Чтобъ за грѣхи насъ наказать? Повѣрь,
 Коль Гвельфовъ онъ, имперцамъ на потѣху,
 Присланъ терзать—онъ съ насъ начнетъ теперь!

68.

Но вѣтрено предавшись Гвидо смѣху,
 — Не много же, —сказалъ,—получить адъ
 Отъ своего созданія успѣху!

69.

Смотри, какъ смирно ласточки сидятъ
На головѣ недвижимой, а на гривѣ
Чирикаютъ веселыхъ пташекъ радъ —

70.

Ужели ихъ мы будемъ боязливей?
Смотри еще: со цвѣтомъ этихъ скалъ
Цвѣтъ идола одинъ; не схожѣй въ нивѣ

71.

Двѣ полосы! И громко продолжалъ
Смѣяться онъ, какъ вдругъ, внизу, тревожно
Нашъ конь, къ кусту привязанный, заржалъ;

72.

И видѣть намъ съ уступа было можно,
Какъ бился онъ на привязи своей,
Подковами взметая прахъ подножный.

73.

Я не сводилъ съ чудовища очей,
Но жизни въ немъ не замѣчалъ ни мало —
Когда внезапно, молніи быстрѣй,

74.

Изъ сжатыхъ устъ, крутятся, явилось жало,
Подобное мечу о двухъ концахъ,
На воздухѣ мелькая, задрожало —

75.

И спряталось. Невыразимый страхъ
Мной овладѣлъ. — Бѣжимъ, — сказала я, — Гвидо,
Бѣжимъ, пока мы не въ его когтяхъ!

76.

Но робости не показавъ и вида,
— Ты знаешь самъ, маэстро, — молвилъ онъ,
Какая то для ратника обида

77.

Была бы, еслибъ, кузлой уstraшенъ,
Онъ убъжалъ. Я-жъ объ закладъ побьюся,
Что на яву тебѣ приснился сонъ;

78.

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный то звѣрь, а не живой,
И доказать я то тебѣ беруся!

79.

Тутъ камень взявъ, онъ сильною рукой
Съ размаха имъ пустилъ повыше уха
Въ чудовище. Раздался звукъ такой,

80.

Такъ рѣзко брякнулъ камень и такъ сухо,
Какъ еслибы о-кожаный ты щитъ
Хватилъ мечомъ. Тутъ втягиваться брюхо

81.

Его какъ будто стало. Новый видъ
Глаза пріяли, тусклые дотолъ:
Казалось, огонь зеленый въ нихъ горитъ.

82.

Межъ тѣмъ, сжимаясь медленно все болѣ,
Сталъ подбираться къ туловищу хвостъ,
Тащась изъ бездны словно по неволѣ.

83.

Крутой хребетъ, какъ черезъ рѣбу мостъ,
Такъ выгнулся, и мерзостнаго гада
Еще страшнѣй явился страшный ростъ.

84.

И вотъ, глаза зардѣли какъ лампы, —
Подъ тяжестью ожившею утѣсь
Затрепеталъ, — и сдвинулась громада

85.

И поползла... Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, что срослись съ корой успѣло змѣя,
Все выдернувъ, съ собою онъ понёсъ.

86.

Сырой землей запахло; мы-жь, не смѣя
Дохнуть, лежали ницъ, покуда онъ
Сползаль съ высотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣе;

87.

И слышался подъ нимъ такой же стонъ,
Какъ если съ горъ, на тормазѣ желѣзномъ,
Съѣзжалъ бы возъ, каменьемъ нагружёнъ.

88.

Отвѣтный гулъ по всѣмъ пронесся безднамъ,
И не могло намъ въ мысль уже придти
Искать спасенья въ бѣгствѣ бесполезномъ.

89.

Равно-жь какъ тормазъ, на своемъ пути,
Все болѣе накаляется отъ тренья,
Такъ, гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти,

90.

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ,
И сыпался гранитъ отъ сотрясенья.

91.

— О Гвидо, Гвидо, сколько новыхъ бѣдъ
Навлекъ на край невѣрьемъ ты упорнымъ!
Такъ я къ нему; а Гвидо мнѣ въ отвѣтъ:

92.

Винюся я въ моемъ поступкѣ вздорномъ,
Но вонъ, смотри: тамъ конь внизу бѣжить,
За нимъ же змѣй уцѣлемъ вьется горнымъ!

93.

Плачевный тутъ представился намъ видъ:
Сорвавшійся съ поводьевъ, устрашённй,
Предсмертной гвной бѣлою покрытъ,

94.

Нашъ конь скакаль, спасаясь отъ дракона,
Скакаль во всю отчаянную прыть,
И бились о-бока его стремёна.

95.

Но чудище, растянутое въ нить,
Разинутою пастью норовило
Какъ бы ловчѣй бѣгущаго схватить;

96.

И вотъ оно, нагнавъ его, схватило
За самую за холку поперекъ,
И со сѣломъ и сбруей проглотило,

97.

Какъ жаба муху. Судороги ногъ
Лишь видѣли мы въ пасти на мгновенье—
И конь исчезъ. Едва дышать я могъ,

98.

Столь сильное на сердце впечатлѣнье
То зрѣлище мнѣ сдѣлало. А тамъ,
Въ ущельѣ, виться продолжали звеня

99.

Змѣйнаго хребта, и долго намъ
Онъ видѣнъ былъ, съ своею гривой странной,
Влекущійся по камнямъ и кустамъ,

100.

Свое мѣняя мѣсто безпрестанно,
То исчеза въ темной глубинѣ,
То вновь являясь гдѣ-нибудь неожиданно.

101.

И Гвидо, обращаясь ко мнѣ,
Сказалъ:—Когда-бъ я, столько виноватый,
Но столь въ своей раскаянный винѣ,

102.

Смѣлъ дать совѣтъ: мы, времени безъ траты,
Должны уйти туда, на выси горь,
Гдѣ дружелюбно будемъ мы пріяты

103.

Отъ камнетесовъ, что съ недавнихъ поръ
Выламываютъ мраморъ, изъ него же
Въ Къявеннѣ новый строится соборъ;

104.

А змѣй, по мнѣ, не на вершинахъ ложе,
Но близъ долинъ скорѣе избереть,
Гдѣ можетъ жить, вседневно жертвы множа.

105.

Я юношѣ довѣрился, и вотъ
Карабкаться мы кверху стали снова,
И въ полдень лишь достигли до высотъ.

106.

Нигдѣ кругомъ жилища никакого
Не видно было. Нѣсколько озёръ
Свѣтилося, одно возлѣ другого;

107.

Ближайшее на полускатѣ горъ
Раскинулось, предъ нами недалеко;
Когда же внизъ отвѣсно палъ нашъ взоръ,

108.

У нашихъ ногъ, какъ въ ендовѣ глубокой,
Узнали мы поляну, гдѣ вчера
Нашъ жеребій войны постигъ жестокой;

109.

И поняли мы тутъ, что до утра
 Всю ночь мы вокругъ побоища плутали,
 Пока насъ тьмы морочила пора.

110.

Разбросаны, внизу еще лежали
 Тѣла друзей, и кони между нихъ
 Убитые. Мѣстами отблескъ стали

111.

Отсвѣчивалъ межъ злаковъ полевыхъ,
 И сытыя сидѣли птицы праздно
 На кучахъ тѣлъ и броней боевыхъ.

112.

Вдругъ крикъ межъ нихъ поднялся несуразный,
 И началось маханье черныхъ крылъ,
 И перелетъ тревожный. Безобразный

113.

То змѣй отъ горъ извины къ нимъ влечилъ
 И къ полю ползъ, кровь издали почуя.
 Тутъ жалости мнѣ передать нѣтъ силъ,

114.

Объявшей насъ, и словъ не нахожу я
 Сказать, какой намъ холодъ сердце съжалъ,
 Когда пришлось, бессильно негодуя,

115.

Смотрѣть, какъ онъ немилосердно жралъ
 Товарищей, и съ ними, безъ разбора,
 Тѣла коней издохшихъ поглощаль.

116.

Иль, вскинувъ пасть, стремительно и скоро
 Хваталъ воронъ крикливыхъ на лету,
 За группы съ нимъ не прерывавшихъ спора.

117.

Картину я когда припомню ту,
 Набросить на нее хотѣлъ бы тѣнь я,
 Но въ прежнемъ все стоять она свѣту!

118.

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзенье,
 Когда надъ кровью скорчившійся змѣй,
 Жуя тѣла, вривился въ наслажденьи;

119.

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
 Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
 Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей.

120.

Между людьми на свѣтѣ есть едва ли,
 Кто бы такое горе ощутилъ,
 Какъ въ этотъ часъ мы съ Гвидо ощущали.

121.

И долго-ль звѣрь безчестье наносилъ
 Тѣламъ, много ждавшимъ погребенья—
 Не вѣдаю. Съ утра лишенный силъ,

122.

На землю я упалъ въ изнеможеньи,
 И осѣнилъ меня глубокий сонъ,
 И низопло мнѣ на душу забвенье.

123.

Когда рукою Гвидо разбужёнъ,
 Я поднялся, въ долинахъ ужъ стемнѣло,
 На западѣ-жъ багровый небосклонъ

124.

Пылалъ пожаромъ. Озеро горѣло
 Въ полу-горѣ, какъ въ золотомъ огнѣ,
 И обратился къ другу я несмѣло:

125.

— Въ какой, скажи, о Гвидо, мы странѣ?
Какое съ нами горе, иль обида,
Случилися? Скажи мнѣ все, зане

126.

Въ моей душѣ звучить какъ панихида,
Но въ памяти нѣтъ мысли ни одной!
И прежде, чѣмъ успѣлъ отвѣтить Гвидо,

127.

Я вспомнилъ все: съ имперцами нашъ бой,
И смерть вождя, и бѣгство отъ дракона.
— Гдѣ онъ? — вскричалъ я, — гдѣ нашъ недругъ злой?

128.

Намъ отъ него возможна-ль оборона?
Иль намъ бѣжать въ ущелій тѣсноту,
И спрятаться во глубь земного лона?

129.

Но Гвидо, палець приложя ко рту,
— Смотри, — шепнулъ мнѣ съ видомъ опасенья, —
Смотри сюда, на эту высоту!

130.

И, слѣдуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидаль,
Какъ, медленно свои вращая звеня,

131.

Оно всползало, межъ померкшихъ скалъ,
На верхъ одной, отъ прочихъ отдѣлённой,
Чтѣ солнца лучъ послѣдній освѣщаль.

132.

Свой гордо зѣвъ поднявъ окровавлѣнный,
На острый верхъ взобравшійся драконъ,
Какъ нѣкій царь съ зубчатою короной

133.

Явился тамъ. Закатомъ озарёнъ,
 Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
 На небѣ такъ вырѣзывался онъ.

134.

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди,
 Столь не страшны! Никто-бъ не изобрѣлъ
 Таковую тварь, хотя-бъ въ горячѣхъ бредя!

135.

Когда-жъ совсѣмъ исчезъ во мракѣ доль,
 А ночь вверху лишь только наступала,
 Свои онъ крылья по вѣтру развѣлъ,

136.

И кожа ихъ, треща, затрепетала,
 Подобно какъ въ рукахъ у нашихъ жёнъ,
 Раскрывшись, трепещугъ опахала.

137.

Его хребетъ казался напряжёнъ,
 И, на когтахъ все подымаясь выше,
 Пуститься въ лѣтъ готовился драконъ.

138.

Межъ тѣмъ кругомъ все становилось тише,
 И все темнѣй. И вотъ, онъ взвизгнулъ вдругъ,
 Легучія какъ взвизгиваютъ мыши,

139.

И сорвался. Насъ охватилъ испугъ,
 Когда, носясь у насъ надъ головами,
 Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ,

140.

И воздухъ билъ угластыми крылами,
 Не, какъ орелъ, въ поднебесьи паря,
 Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,

141.

Неровный лётъ являлъ нетопыря,
И видѣнь былъ отчетисто для ова
На полосѣ, гдѣ скрылася заря.

142.

Нась поражалъ, то близко, то далеко,
То возлѣ насъ, то гдѣ-нибудь съ высоты,
Зловѣщій визгъ, пронзительно-жестокій.

143.

Такъ не одинъ свершалъ онъ поворотъ,
Иль крылья вдругъ поджавъ, какъ камень вѣскій
Бросался внизъ, и возмущенныхъ водъ

144.

Средь озера намъ слышались всплески,
И онъ опять взлеталъ, и каждый разъ
Пускалъ опять свой визгъ зловѣще-рѣвскій.

145.

Проклятый звѣрь чутьемъ искалъ ли насъ,
Или леталъ по воздуху безъ цѣли —
Не знали мы; но, не смыкая глазъ,

146.

На сторожѣ всю ночь мы просидѣли,
Усталостью совсѣмъ изнурены,
(Вторая сутки мы уже не ѣли).

147.

Съ разсвѣтомъ дня спуститься съ вышины.
Рѣшились мы, лишь голоду послушны;
А зудище исчезло-ль изъ страны,

148.

Иль нѣтъ — къ тому мы стали равнодушны,
Завидуя ужъ нищимъ и слѣпцамъ,
Что по міру собираютъ хлѣбъ насущный...

149.

И долго такъ влачилися мы тамъ,
Молясь:—Спаси, пречистая Марія!
Она же, внявъ, послала пищу намъ:

150.

Мы ягоды увидѣли лѣсныя,
Алѣвшія по берегу ручья,
Что воды мчалъ въ долину снѣговья.

151.

И рѣчь того не выразить ни чья,
Какъ укрѣпиль насъ этотъ даръ нежданный,
А съ нимъ воды холодная струя!

152.

Сбиваяся съ дороги безпрестанно,
По солнцу нашъ отыскивая путь,
Достигли поздно цѣли мы желанной;

153.

Но что за видъ стѣснилъ тогда намъ груди!
Въ Къявеннскія воткнуты были стѣны
Знамена Гибеллиновъ! Проклять будь

154.

Раздора духъ, рождающій измѣны!
Не въ приступѣ отчаянномъ взята
Врагомъ упорнымъ крѣпкая Къявенна —

155.

Безъ боя Гибеллинамъ ворота
Отверзли ихъ сторонники! Безъ боя
Италія Германцу отперта!

156.

И зрѣлище увидя мы такое,
Заплакали, и показалось намъ
Предъ нимъ ничтожно все страданье злое,

157.

- Чтѣ мы доселѣ испытали. — Срамъ
И жажда мести овладѣли нами.
Такъ въ городъ мы пробрались къ друзьямъ;

158.

Но ужъ друзья теперь во страхѣ сами
Спасались отъ мщенія враговъ,
И вольности поднять не смѣли знамя.

159.

Они родной собирались бросить кровъ,
И гдѣ-нибудь сокрыться въ подземельи,
Чтобы уйти отъ казни, иль оковъ.

160.

Узнавъ отъ насъ, что горныя ущелья
Чудовищемъ ужаснымъ заняты,
Подумали они, что мы съ похмѣлья

161.

То говоримъ, и наши тѣсноты
И все, чтѣ мы недавно испытали,
За выдумки сочли, иль за мечты.

162.

Въ неслыханной рѣшились мы печали,
Направиться обратно на Миланъ,
Но не прямой мы путь къ нему держали:

163.

Захваченныхъ врагомъ минуя странъ,
На Кѣлие мы шли, на Ленъончино,
На Лекко и на Бѣргамо, гдѣ станъ

164.

Немногихъ отъ разбѣянной дружины
Оставшихся товарищей нашли;
(Убито было болѣ половины,

165.

Другіе же, вблизи, или вдали,
Невѣдомо скитались). Бергамаски,
Чьи консулы совѣтъ еще вѣли:

166.

Къ кому пристать? не оказали ласки
Разбитымъ Гвельфамъ, ихъ же въ городъ свой
Не приняли; однако, безъ огласки,

167.

Отправили отъ думы городской
Имъ хлѣба и вина, изъ состраданья,
Не требуя съ нихъ платы никакой.

168.

И тяжело, и радостно свиданье
Межъ нами было; а когда слезамъ,
Разспросамъ и отвѣтамъ отдавъ дань я,

169.

— Товарищи, — сказала я, — стыдно намъ
Врозь дѣйствовать, или ждать, сложивши руки,
Чтобъ врагъ прошолъ по нашимъ головамъ!

170.

Ломбардіи невзгоды всѣ и муки
Лишь отъ раздоровъ нашихъ рождены
И отъ измѣны круговой порукѣ!

171.

Хоть мало насъ, покаясь мы должны,
Что гвельфскому мы не измѣнимъ стагу,
И не примкнемъ къ тѣснителямъ страны!

172.

Такъ прежнюю въ нихъ возбудивъ отвагу,
Я ихъ въ Миланъ съ собой и съ Гвидо звалъ,
Они-жъ клялись не отставать ни шагу.

173.

Тутъ случай мнѣ ихъ испытать предсталъ:
Гдѣ черезъ Ольо вбродъ есть переправа,
На супротивномъ берегу стоялъ

174.

Маркесе Монферрато, намъ кровавый
Пріемъ готова: Бога въ помощь взявъ,
И вынувъ мечъ, я бросился на славу

175.

Въ средину волнъ. За мной, кто вбродъ, кто вплавь,
Пустились всѣ, пересѣкая воду,
И берега достигли. Но стремглавъ

176.

На насъ враги, вплоть подступя ко броду,
Ударили, и прежде, чѣмъ я могъ
На сушу стать, ихъ возждь, не давъ мнѣ ходу,

177.

Лобъ топоромъ разсѣвъ мнѣ поперѣкъ,
И навзничъ я ударомъ опрокинуть,
Безъ памяти обратно палъ въ потокъ.

178.

Пятнадцать лѣтъ весною ровно мінуть,
Что свѣтъ дневной я снова увидалъ.
Но, Боже мой! доселѣ жила стынуть,

179.

Какъ вспомню, что, очнувшись, я узналъ
Отъ благодушныхъ иноковъ аббатства,
Меня которымъ Гвидо передалъ,

180.

Самъ раненый, когда онъ отъ злорадства
Имперцовъ жизнь мою чудесно спасъ,
И самъ искалъ убѣжища у братства!

181.

Италіи настала послѣдній часъ!
Миланъ былъ взятъ! Сдалась безъ обороны
Германцамъ Брешья! Брема имъ сдалась!

182.

Съ привѣтствіемъ къ нимъ консулы Кремоны
Пошли на встрѣчу, лишь къ ея стѣнамъ
Германскіе приблизились бароны!

183.

Павія ликовала. Горе намъ!
Не чуждыми—ломбардскими руками
Миланъ разрушенъ! Вѣчный стыдъ и срамъ!

184.

Мы поняли теперь, зачѣмъ предъ нами
Явился тотъ прозорливый драконъ,
Когда мы шли Къявенскими горами:

185.

Ужасное былъ знаменіе ояъ,
Рядъ страшныхъ бѣдъ съ нимъ предвѣщала встрѣча.
Начало долгихъ, горестныхъ временъ!

186.

Тотъ змѣй, чтó, все глотая, иль увѣча,
Отъ нашей крови самъ жирѣлъ и росъ,
Былъ Кесаря свирѣпаго предтеча!

187.

Миланъ палъ въ прахъ—надъ нимъ же вознеслось
Все низкое, чтó пресмыкалось въ прахъ,
Все доброе низвержено. Пришлось,

188.

Въ комъ честь была, тому скрываться въ страхъ,
Иль дни влечь въ изгнаніи, какъ я,
Иль погибать, какъ многіе, на плахъ.

189.

Проклятыя-жъ вамъ, поддѣльные друзья,
 Чтѣ языкомъ клялись служить свободѣ,
 Внутри сердце измѣну ей тая!

190.

Изъ вѣка въ вѣкъ васъ да клянуть въ народѣ,
 И да звучать позоромъ вѣковымъ
 Наванья ваши: Асти, Реджо, Лоди!

191.

Вы, чрезъ кого во прахъ мы лежимъ,
 Пьяченца, Комо, Мантуа, Кремона!
 Вы, чьи уста, изъ злобы ко своимъ,

192.

Призвали въ край германскаго дракона!
 Ломбардецъ такъ разсказъ окончилъ свой,
 И отошелъ. Имъ сильно потрясены,

193.

Молчали мы. Межъ тѣмъ палящій зной
 Успѣлъ свалить, и, вышедъ изъ собора,
 На площади смѣшались мы съ толпой,
 Обычныя тамъ ведшей разговоры.

Гр. А. Е. Толстой.

НАСЕЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

II

ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВЪ

по переписи 1869 года.

«Je ne suppose rien, je ne suppose même rien, j'expose».

I.

Нѣсколько словъ о значеніи монографическихъ изслѣдованій по русскимъ статистическимъ матеріаламъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ была произведена (10 декабря 1869 г.) однодневная перепись населенія. Въ этотъ промежутокъ времени центральный статистическій комитетъ успѣлъ обнародовать (въ 1872) два выпуска матеріаловъ, доставленныхъ упомянутою переписью—одинъ, заключающій населеніе по возрастамъ, семейному состоянію и пр., другой — дома и квартиры и размѣщеніе въ нихъ жителей. Теперь появился третій выпускъ, въ которомъ представлено распредѣленіе жителей по промысламъ и занятіямъ. Этотъ третій выпускъ, вмѣстѣ со вторымъ, представляютъ наиболѣе, конечно, интереса для изученія социальныхъ отношеній петербургскаго населенія. Интересъ еще болѣе долженъ возрасти, если заняться изученіемъ, съ этой стороны, Петербурга въ связи съ изученіемъ матеріаловъ, доставленныхъ переписью другихъ государствъ, для ихъ столицъ. Какъ ни малъ Петербургъ, не говоримъ уже, сравнительно съ Лондономъ, Парижемъ,

даже Вѣною и Берлиномъ, какъ ни ничтожна цифра петербургскаго населенія, сравнительно съ населеніемъ имперіи,—но въ Петербургѣ пока все-таки центръ интеллектуальнаго и общественнаго движенія. Можетъ быть даже, Петербургъ въ этомъ отношеніи имѣетъ болѣе значенія для Россіи, хотя въ немъ живетъ приблизительно $\frac{1}{130}$ часть русскаго народа, нежели Лондонъ для Соединеннаго королевства, хотя въ Лондонѣ живетъ $\frac{1}{10}$ часть всего населенія, или Берлинъ для Германіи, хотя въ Берлинѣ живетъ $\frac{1}{47}$ часть населенія Германіи. Кромѣ того большіе города несомнѣнно имѣютъ свою фیزیологію: это организмы, сложившіеся значительно иначе, чѣмъ организмъ провинціальныхъ обществъ. Жители большого города, взятые какъ одно цѣлое, слагаются изъ другихъ напластованій, живутъ иначе, въ другой обстановкѣ, мыслятъ и чувствуютъ иначе, чѣмъ жители малыхъ городовъ или сельскихъ поселеній. Въ складѣ жизни большихъ городовъ мы должны подмѣтить много общихъ чертъ, много сходнаго должно быть въ исторіи ихъ внутренней жизни, въ постепенномъ образованіи ихъ бытовыхъ и хозяйственныхъ особенностей.

Какъ ни своеобразно однако слагается строй жизни въ большихъ городахъ, столицахъ въ особенности, этотъ строй носитъ во всякомъ случаѣ отпечатокъ національныхъ особенностей страны, ея быта и нравовъ, ея хозяйственныхъ отношеній. Вся трудность при этомъ—выдѣлить тѣ черты, которыя суть продуктъ такъ-сказать обще-человѣческой исторіи, и тѣ, которыя происходятъ отъ національныхъ особенностей данной страны. Въ наукѣ такъ мало сдѣлано по предмету, о которомъ мы говоримъ, а о Россіи и русскомъ народѣ мы такъ мало знаемъ (въ смыслѣ отсутствія статистическихъ данныхъ), что было бы величайшей смѣлостью задаваться цѣлью представить хотя бы только очеркъ фیزیологіи большихъ скопленій населенія. Но совершенно въ предѣлахъ средствъ статистики въ настоящее время предпринять сравнительную работу по нѣкоторымъ частямъ этой задачи. Вопросы такого рода: изъ какихъ элементовъ слагается населеніе большихъ городовъ? какую роль въ образованіи ихъ играетъ вся страна? чѣмъ занимается ихъ населеніе? каково социальное положеніе его? какъ оно живетъ? что оно потребляетъ, какъ и откуда черпаетъ средства для удовлетворенія своихъ потребностей? что оно производитъ въ области матеріальнаго и не-матеріальнаго богатства? какія нравственные свойства отличаютъ здѣсь населеніе? и т. д.—такого рода вопросы, говоримъ мы, всѣ или отчасти могутъ найти разрѣшеніе въ массѣ довольно значительнаго статистическаго матеріала. Но всякій, знакомый съ серьезными статистическими

ислѣдованіями, пойметъ, что для полученія такого разрѣшенія требуется громадное количество труда и энергіи. Матеріалы, которыми мы располагаемъ, лишены однородности. Ни одна цифра не можетъ быть сопоставлена съ другою въ полномъ убѣжденіи въ томъ, что мы сравниваемъ удобосравнимое. Каждую величину, каждый фактъ приходится выводить вновь, строить по одному общему плану новыя зданія, разобравъ по отдѣльнымъ кирпичамъ существующія, надъ сооруженіемъ которыхъ трудились совмѣстно многіе десятки людей. Часто бываетъ совершенно невозможно разложить общіе факты, въ томъ видѣ, какъ они даны, на конечныя ихъ составныя части, чтобы эти самыя части сложить вновь по иной системѣ, болѣе подходящей въ цѣли ислѣдованія. Затѣмъ слѣдуетъ не менѣе медленная работа вычисленій, вывода отношеній, рядовъ, приведенныхъ къ одному знаменателю, ибо въ рѣдкихъ случаяхъ вы найдете эту механическую работу исполненною въ статистическихъ изданіяхъ. И, наконецъ, во всему этому въ результатъ всегда останутся многіе вопросы безъ отвѣта, многіе факты не связанными цѣпью промежуточныхъ явленій, слѣдовательно, необъясненными, потому отчасти, что эти явленія не поддаются количественному наблюденію, отчасти потому, что ихъ не наблюдали, ибо статистическое наблюденіе ради одной науки долго еще будетъ роскошью.

Въ такомъ положеніи, конечно, остается по возможности ограничивать предѣлы ислѣдованія удобоисполнимымъ. Чѣмъ тѣснѣе предѣлы эти, тѣмъ скорѣе можно ожидать какихъ-нибудь положительныхъ заключеній въ результатъ. Эти частичныя ислѣдованія имѣютъ, по нашему мнѣнію, огромное научное значеніе. Если хотите, это—черная работа, но безъ нея положительная наука не можетъ двигаться. Каждая такая добросовѣстная работа въ социологіи обогащаетъ знаніе новымъ научнымъ фактомъ, и чѣмъ болѣе накопляется ихъ, тѣмъ въ послѣдствіи легче сразу постигнуть духъ, объединяющій эти факты, смыслъ, въ нихъ скрытый. Безъ неисчислимаго количества наблюденій и частныхъ ислѣдованій въ области внѣшней природы естествознаніе не могло бы стать на ту высоту научную, на которой оно стоитъ, и стоитъ прочно. То же самое въ науку объ обществѣ. Обобщенія, какъ ни легки они, могутъ быть плодотворны для умственного прогресса въ значительной мѣрѣ только тогда, когда для нихъ есть достаточно пригоднаго матеріала. Матеріаль же этотъ добыть, очистить, поставить готовымъ къ мѣсту,—дѣло труда многихъ и многихъ труженниковъ, имена которыхъ останутся для человѣчества совершенно неинтересными.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что мы имѣемъ такъ мало наблюдений (мы разумѣемъ статистическихъ наблюдений) надъ жизнью русскаго народа и еще менѣе научныхъ изслѣдованій, на этихъ наблюденияхъ основанныхъ. Наука имѣетъ дѣло съ фактами западно-европейскихъ государствъ; то, что мы знаемъ объ общественной физиологіи, мы знаемъ по наблюдениямъ надъ англичанами, французами, нѣмцами. Но вѣдь это не человѣчество, даже не Европа. До 80 милл. русскаго населенія въ ней живущаго остается почти безъ наблюденія, почти безъ изслѣдованія. Анатомическій складъ этого громаднаго населенія, процессы, происходящіе въ его организмѣ, не составляютъ еще достоянія науки, и между тѣмъ трудно найти болѣе плодотворное поле для изслѣдованія. Населеніе это раскинулось на обширномъ пространствѣ, на территоріи, не имѣющей ничего похожаго на поверхность западной Европы; сложилось и выросло оно подъ другими историческими условіями, выработало своеобразную культуру. Намъ кажется, что каждый фактъ изъ жизни этого населенія, добытый правильнымъ наблюдениемъ, долженъ имѣть огромное значеніе и для антропологіи, и для социологіи. Быть можетъ, когда это сознаніе глубже проникнетъ въ умы лицъ, завѣдующихъ нашими статистическими наблюдениями, и ученыхъ, гоняющихся пока за чужеземными данными, литература наша обогатится и ббльшимъ числомъ статистическихъ изслѣдованій, сдѣланныхъ по русскимъ даннымъ. Но покуда это непочатый уголь. Только небольшія окраины кое-какъ воздѣланы и не даютъ еще далеко той жатвы наукѣ, которую могли бы давать.

Пробужденіе вниманія къ русскимъ изслѣдованіямъ въ статистикѣ должно будетъ, въ свою очередь, подѣйствовать на ббольшую тщательность въ производствѣ статистическихъ наблюдений, и въ особенности на ббольшую тщательность въ сводѣ этихъ наблюдений. Если недостатки въ наблюденияхъ могутъ быть оправдываемы отчасти непримѣнимостью тѣхъ или другихъ приемовъ, выработанныхъ чужою практикою, къ русской средѣ, то недостатки въ сводѣ, при удовлетворительныхъ по возможности наблюденияхъ, могутъ быть приписаны только небрежному отношенію къ дѣлу и незнакомству съ тѣми научными вопросами, которые существуютъ относительно данной области социальныхъ явленій и которые могутъ быть въ известной степени разрѣшаемы сводимыми матеріалами.

Такое сужденіе о достоинствѣ русскихъ статистическихъ изданій находитъ себѣ оправданіе въ той обработкѣ, какую получили между прочимъ и матеріалы, собранные послѣднею петербургскою переписью. Мы не считаемъ удобнымъ въ этомъ мѣстѣ дѣлать

критику свода этихъ матеріаловъ; но если читатель не усташитъ приводимыхъ въ нашей статьѣ цифръ, безъ которыхъ, конечно, не можетъ обойтись ни одно статистическое изслѣдованіе, и прочтеть ее, то онъ увидитъ, что, при болѣе научномъ отношеніи къ изданію, потребовалось бы незначительной прибавки труда, чтобы сдѣлать его болѣе пригоднымъ для пользованія имъ со стороны науки и болѣе интереснымъ, чѣмъ оно вышло. Въ статьѣ нашей мы постарались извлечь изъ него все, что можетъ представлять общій интересъ. Но статистическія изслѣдованія въ отношеніи интереса, ими возбуждаемаго, имѣютъ много сходнаго съ микроскопическимъ анализомъ. Они питаютъ умъ или тогда, когда собственнымъ глазомъ смотришь въ микроскопъ, или тогда, когда есть возможность связать вновь наблюдаемые факты, даже постороннимъ лицамъ, съ массою другихъ прежде извѣстныхъ фактовъ въ одно стройное, связанное цѣлое. Разница та, что именно эта послѣдняя масса еще такъ незначительна, что форма, строеніе цѣлага весьма мало опредѣлено.

II.

Экономическій составъ петербургскаго населенія. Населеніе по занятіямъ.

Перепись 1869 г. дала слѣдующую цифру населенія: 377,380 мужчинъ, 289,827 женщинъ, всего 667,207 душъ.

Кромѣ того, въ воспитательномъ домѣ дѣтей моложе 1 мѣсяца 756.

Часть этого населенія была исчислена поименно, съ обозначеніемъ ббльшаго числа признаковъ, часть по перечневымъ вѣдомостямъ. Этимъ послѣднимъ способомъ исчислены воспитанники закрытыхъ учебныхъ заведеній, военные нижніе чины, больные, находившіеся въ больницахъ и, кромѣ того, 183 м. п. и 60 ж.— въ зданіяхъ дворцовыхъ (1 уч. адмир. ч.), 756 кормилицъ въ воспитательномъ домѣ, 145 чел. пожарной команды въ петербургской части и 61 м. п. арестантъ въ Выборгской части. Всего перечневымъ порядкомъ исчислено 39,329 чел. м. п. и 8182 чел. ж. п., всего 47,511 чел. Остается затѣмъ 338,056 м. и 181,645 ж., исчисленныхъ поименно, для которыхъ собраны свѣдѣнія объ ихъ профессіи и социальномъ положеніи. Для раскладки общей цифры населенія по составнымъ его хозяйственнымъ элементамъ не представляется, однако, затрудненія приобщить сюда почти цѣлкомъ и цифры перечневыхъ вѣдомостей.

Въ общей массѣ населенія, съ хозяйственной и социальной точки зрѣнія, необходимо прежде всего выдѣлить слѣдующія крупныя группы: 1) населеніе, зарабатывающее или вообще имѣющее свои средства, доходы на покрытие всѣхъ или части своихъ потребностей; 2) населеніе, естественно стоящее въ положеніи живущаго на средства другихъ лицъ—дѣти, старики, призрѣваемые, арестанты и проч.; 3) населеніе, не имѣющее опредѣленныхъ средствъ къ жизни, болѣею частью никакихъ—это такъ-называемыя *classes dangereuses*, куда обыкновенно относятъ и проститутокъ.

Начнемъ анализъ петербургскаго населенія съ послѣдней группы. Но прежде всего приходится исключить изъ общей цифры жителей Петербурга тѣхъ, которые выдѣлены особо въ качествѣ заѣзжихъ: 3132 м. и 1819 ж., всего 4951 ч., о которыхъ никакихъ профессиональныхъ данныхъ не имѣется. Большинство ихъ, вѣроятно, лица, ищущія занятій или скрывающія родъ ихъ; часть же состоитъ изъ людей, дѣйствительно на время пріѣхавшихъ въ столицу по дѣламъ или для собственнаго удовольствія. Затѣмъ нашъ *classe dangereuse* слагается изъ 788 м. и 1557 ж., живущихъ неопредѣленными средствами, 1815 проститутокъ въ домахъ терпимости и одиночекъ, и 162 хозяекъ домовъ терпимости. Всего м. 788, ж. 3534, или 4322 чел. (0,6% насел.), въ дѣйствительности несомнѣнно больше, особенно женщинъ, ибо 1815 проститутокъ зарегистрированныхъ несомнѣнно есть развѣ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ всѣхъ, занимающихся проституціею, какъ побочнымъ ремесломъ, и даже какъ главнымъ, присоединяя къ нему ремесла швей, горничныхъ, фабричныхъ работницъ и проч.

Вторая группа. Сюда входятъ:

	муж.	жен.
1. Воспитанники закрытыхъ учебныхъ заведеній	6748	5098
2. Воспитанники учебныхъ заведеній, живущіе не при родителяхъ	4846	218
3. Призрѣваемые въ богадѣльняхъ	1094	5348
4. Живущіе пособіемъ благотворительныхъ учрежденій и частныхъ лицъ	817	4318
5. Больные въ больницахъ	3700	2268
6. Арестанты	1893	201
7. Лица, получающія средства отъ главъ семействъ, самостоятельно трудящихся	59783	145693
Всего	78881	163144
	242,025 чел.	

Наконецъ, третья группа будетъ состоять изъ 294,579 мужъ и 121,330 женщинъ, всего 415,909 чел., живущихъ или ходами съ имущества, или пенсіями, или собственно трудящихся въ обширномъ значеніи слова.

Абсолютныя цифры, вышеприведенныя, взятыя по отношенію къ общей цифрѣ жителей, представляются въ такомъ видѣ:

	На 100 жителей (кроме забавныхъ)		
	муж.	жен.	оба пола.
Самостоятельно живущій классъ	77,8	42,1	62,8
Живущіе на чужія средства	21,0	56,8	6,6
Не имѣющіе опред. средствъ къ жизни	0,2	1,1	0,6

Сами по себѣ эти отношенія могли бы вести ко многимъ весьма важнымъ заключеніямъ о социальномъ складѣ населенія нашей столицы, еслибы мы знали, какъ слагаются они въ русскомъ населеніи вообще и въ городской его части въ особенности. За неимѣніемъ подобныхъ данныхъ, мы можемъ руководствоваться для осмысленія ихъ только сравненіемъ съ данными для большихъ столичныхъ городовъ западной Европы. Новѣйшіе матеріалы мы имѣемъ подъ руками для Парижа, Берлина и Лондона. Берлинскіе матеріалы, прекрасно разработанные, мы находимъ въ изданіи Швабе: «Die königliche Haupt-und Residenzstadt Berlin, Resultate der Völkzählung und Volksbeschreibung vom 1 Dec. 1871». Послѣднія данныя переписи французской 1872 г., имѣются у насъ въ видѣ весьма мало разработанномъ, въ литографированной брошюрѣ Луа (Loua): «Atlas statistique de la population de Paris», гдѣ нѣтъ даже распредѣленія жителей по занятіямъ и по полу отдѣльно. Англійскій цензъ 1871 года, изданный по тому же плану, какъ и предшествующіе, содержитъ занимающій насъ матеріалъ въ III томѣ. Наконецъ, вѣнскій матеріалъ послѣдней переписи извѣстенъ только въ общихъ суммахъ ¹⁾. Изъ сказаннаго видно, какъ мало обширенъ сравнительно-статистическій матеріалъ нашъ по занимающему насъ предмету.

Въ населеніи обоого пола Парижа насчитываютъ:

Нищихъ, бродягъ, публичныхъ женщинъ и лицъ безъ всякихъ занятій	15,258 чел.
Лицъ безъ опредѣленныхъ занятій	12,733 "
Воспитанниковъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, больныхъ, прирѣваемыхъ, арестантовъ и пр.	27,749 "
Лицъ, живущихъ на счетъ самостоятельныхъ работниковъ (или главъ семействъ)	687,194 "
	<hr/>
	742,954 чел.
Остается лицъ, зарабатывающихъ или живущихъ доходами	1,108,908 чел.

Очевидно, классификація, даваемая Луа, не подходитъ въ частности ни подъ нашу, петербургскую, ни подъ берлинскую.

¹⁾ Подлинный матеріалъ полученъ нами уже послѣ того, какъ статья была набрана.

А именно, наши 2 и 3 группы не могут быть раздѣлены соотвѣтствующимъ образомъ въ парижскомъ населеніи; могутъ быть противопоставлены другъ другу 1 и 2 съ 3-й, и притомъ безъ раздѣленія по полу. Итакъ:

	Парижъ.	Петербургъ.
Самостоятельно живущее населеніе	59,9	62,8
Остальное	40,1	37,2

Для бѣльшей близости при сравненіи составныхъ элементовъ населенія обѣихъ столицъ, можно однако петербургскія данныя сгруппировать подъ парижскую классификацію.

	Парижъ.	Петербургъ.
1. Воспитанники закрытыхъ заведеній, больныхъ, призрѣваемыхъ, арестантовъ	27,749	26,350
2. Живущихъ милостынею, безъ опредѣленныхъ занятій и пр.	27,991	9,457
3. Живущихъ насчетъ самостоятельно трудящихся	687,194	205,476
4. Остальное населеніе	1,108,908	420,973

Или въ процентахъ общей суммы:

	Парижъ.	Петербургъ.
1.	1,5	3,8
2.	1,5	1,4
3.	37,1	31,2
4.	59,9	63,6

Проведемъ затѣмъ параллель Петербурга съ Берлиномъ, по возможности придерживаясь берлинской классификаціи, неразложимой вслѣдствіе общности ея итоговъ.

Въ Берлинѣ числилось обоего пола:

Лицъ безъ опредѣленныхъ занятій	3,545	съ ихъ семействами или	} 0,8
Живущихъ подаемъ :	2,166	> > >	
Въ богадѣльняхъ, больницахъ и тюрьмахъ	7,842	> > >	0,9
Лицъ, живущихъ насчетъ самостоятельно трудящихся	383,418	> > >	46,5
Самостоятельно трудящихся	425,516	> > >	51,8

Въ Берлинѣ остается невыдѣленнымъ одинъ элементъ — воспитанники въ закрытыхъ заведеніяхъ. Число ихъ во всякомъ случаѣ настолько не велико, что вліять на относительныя цифры оно можетъ только въ дробяхъ. Остальныя группы состоятъ изъ слабаемыхъ почти однокачественныхъ. Что касается Лондона, то по сводамъ англійскихъ цензовъ, гдѣ весьма многія данныя вовсе не могутъ быть выведены, не могутъ быть получены и приведенны выше группы населенія. Въ общихъ итогахъ можно сказать, что не-самостоятельное населеніе Лондона, состоящее изъ женщинъ, живущихъ насчетъ трудящагося населенія (сl. II, ord. 4

subord. 1), дѣтей, не помѣщенныхъ въ промысловыхъ занятіяхъ (cl. VI, ord. 18, sub. 1), равняется 1,628, 442 ч. обоюго пола или 50% всего населенія, сравнительно съ 36% въ Петербургѣ. Характеристическія особенности и Петербурга, и склада его населенія выступаютъ затѣмъ весьма рельефно.

Въ Берлинѣ, худо, хорошо ли, но живутъ люди съ семьей, съ тѣми, которыхъ они кормятъ, о которыхъ заботятся. Въ Петербургѣ очень много занятыхъ въ производствахъ или живущихъ доходами—живетъ безъ семьи: это бездомное населеніе составляетъ безъ малаго $\frac{1}{3}$ часть жителей столицы. Въ этомъ отношеніи даже Парижъ стоитъ въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ: тамъ на 60% самостоятельныхъ 37% лицъ, лежащихъ на ихъ попеченіи, и излишекъ первыхъ передъ вторыми составляетъ 23% населенія. Большинство упомянутой трети — народъ проходной, не осѣдлый въ Петербургѣ. Далѣе, Петербургъ поражаетъ цифрою воспитанниковъ въ закрытыхъ заведеніяхъ: 1,8% населенія. Весьма вѣроятно, болѣе половины числа ихъ — тоже пришлые, за недостаткомъ достаточныхъ средствъ воспитанія и образованія въ провинціи. Наконецъ, въ параллель съ малымъ числомъ лицъ, о которыхъ есть кому заботиться въ семьѣ, въ Петербургѣ огромное число лицъ живетъ на счетъ общественной и частной благотворительности: 1,911 мужчинъ и болѣе 9,500 женщинъ — почти 10 $\frac{1}{2}$ тысячъ человекъ, т.-е. 1 $\frac{1}{2}$ % населенія. Въ Берлинѣ эти лица составляютъ такой же процентъ, но вмѣстѣ съ больными въ больницахъ и арестантами въ тюрьмахъ. Если двѣ послѣднія цифры присоединить къ призрѣваемымъ, то получается для Петербурга 2,8% населенія или почти вдвое относительно болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, и болѣе во всякомъ случаѣ, чѣмъ въ Парижѣ! Но не должно забывать, что въ Парижѣ до 2 мил., въ Берлинѣ до 900 т. населенія, что то — «гнилой западъ», страна пролетаріата.

Отъ этихъ общихъ соображеній перейдемъ къ строенію массы самостоятельнаго населенія.

Она слагается изъ четырехъ группъ: 1) живущихъ доходами безъ всякаго промысловаго занятія, 2) живущихъ не матеріальнымъ трудомъ, 3) живущихъ промышленнымъ трудомъ и 4) прислуги, которую мы выдѣляемъ изъ второй группы въ виду того, что она принадлежитъ не къ давальцамъ (Arbeitgeber), какъ всѣ остальные производители услугъ, а къ рабочимъ (Arbeitnehmer). Притомъ численность этой четвертой группы характеристична для обрисовки быта населенія.

Къ лицамъ, живущимъ доходами безъ опредѣленной профессіи, въ Петербургѣ относятся:

	муж.	жен.
Владѣльцы недвижимаго имущества	2,111	2,901
Лица, получающія пенсію	3,525	6,108
Лица, живущихъ капиталомъ	2,122	4,083

Всего 7758 муж. и 13,092 жен. или 20,850 чел., что составитъ по отношенію къ (осѣдлому) населенію 2,0% м., 4,5% ж. и 3,1% обоюго пола, а по отношенію къ самостоятельно трудящемуся 2,6% м., 10,8% ж. и 4,9% обоюго пола. Въ то же время парижскіе *propriétaires, rentiers* (безъ *consierges*, которыхъ французская статистика сюда причисляетъ) и *pensionnés* составляли (74,424 лица обоюго пола) 4% всего населенія и 7% населенія самостоятельнаго; берлинскіе *von Renten und Pension Lebende* (7436 м. и 7904 ж., всего 15,340 обоюго пола) 1,8% всего населенія и 3,8% самостоятельнаго; лондонскіе *Land and House Proprietors, Independants* и *Annuitan* (90,856 обоюго пола) — 1,2% всего населенія и 2,5% самостоятельнаго. Различія въ отношеніяхъ довольно значительныя, хотя абсолютныя цифры этого класса населенія и не велики. Меньше всего по отношенію къ общей массѣ населенія рентьеровъ въ Лондонѣ и въ Берлинѣ, больше всего въ Парижѣ; Петербургъ занимаетъ средину. Не зная общаго числа рентьеровъ въ населеніи, трудно сказать, насколько жизнь въ той или другой столицѣ можетъ притягивать людей съ обезпеченными средствами къ жизни. Во всякомъ случаѣ жизнь въ Петербургѣ, особенно зимой, мало улыбаться можетъ достаточному челоуку, меньше чѣмъ французу жизнь въ Парижѣ; рентьеръ нѣмецъ имѣетъ на мѣстѣ, быть можетъ, болѣе интересовъ, привязывающихъ его къ провинціальной жизни, чѣмъ русскій. Тутъ положительныхъ указаній на причины различія, открываемаго цифрами, нѣтъ, и особенно доискиваться причинъ нѣтъ особаго интереса, тѣмъ болѣе, что петербургскіе матеріалы не даютъ никакихъ свѣдѣній о побочныхъ занятіяхъ (*Nebenbeschäftigungen*). Весьма вѣроятно, что часть значущихся между лицами военнаго званія и придворными чинами есть собственно рентьеры, облеченные въ эполеты и придворные мундиры.

Далѣе идетъ классъ «не-матеріальныхъ» производителей. Онъ состоитъ изъ элементовъ весьма разнообразныхъ.

Сюда слѣдуетъ причислить служащихъ, занимающихся адвокатурой, наукой, искусствомъ, литературой, воспитаніемъ, медиковъ, духовныхъ лицъ и пр. По переписи 1869 г. въ Петербургѣ считалось лицъ, принадлежащихъ къ

	мужч.	женщ.
военной службѣ, кромѣ нижнихъ чиновъ	5314	
морской службѣ, кромѣ нижнихъ чиновъ	1070	
нижнихъ чиновъ	31,626	всего 38,010
гражданской администраціи и общественной службѣ .	13,673	26
придворной службѣ	2770	108
судебному вѣдомству и адвокатурѣ	2326	—
врачебному персоналу	2350	2090
воспитат. и образоват. должности	1449	2657
наукѣ, литературѣ, искусству.	2663	845
духовенству и церковнослуженію	1920	323
Итого	65,163	6049
	71,212	

Приведенныя цифры разнятся отъ итоговъ подлиннаго матеріала, потому что мы должны были многія статьи перенести изъ одной рубрики въ другую, примѣнительно къ прусской сводкѣ. Считаемо нужнымъ однако оговориться, что мы отнюдь не придаемъ этой послѣдней рѣшительнаго преимущества передъ русской, хотя она относительно все же лучше. Во многихъ случаяхъ приходилось однако нарушать буквальный смыслъ классификаціи, въ пользу отнесенія того или другого занятія «по существу» въ ту рубрику, куда оно должно идти. Мы не могли оставить, напримѣръ, въ петербургской сводкѣ на своемъ мѣстѣ, въ отдѣлѣ занимающихся наукой, *читальщиковъ* по усопшимъ или *могильщиковъ* — въ числѣ личной прислуги; но нѣкоторые виды занятій, относящихся въ Берлинѣ въ области общественной службы, должны были оставить въ Петербургѣ въ рубрикѣ гражданской администраціи. Проверка сводовъ сдѣлана нами графа за графомъ: мы не считаемъ однако возможнымъ утомлять читателя приведеніемъ полнаго перечня перемѣщеній, нами сдѣланныхъ.

Переводя абсолютныя цифры въ процентныя отношенія по общей численности населенія, получаемъ слѣдующую таблицу:

	по отнош. къ муж. нас.	къ женск. населенію.	къ насел. об. волл.
Военные	10,1%	—	5,7%
Гражданская адм. и обществ. службы .	3,7%	—	2,0%
Придворная служба	0,7%	—	0,4%
Судебная и адвокатура	0,6%	—	0,3%
Врачебная часть	0,6%	0,9%	0,7%
Воспитаніе и образованіе	0,3%	1,1%	0,6%
Наука, литература, искусство	0,7%	0,4%	0,5%
Духовныя лица и церк. прислужники .	0,5%	0,1%	0,3%
Итого ¹⁾	17,4%	2,6%	10,7%

¹⁾ Въ выводахъ процентовъ допущена ошибка въ десятичныхъ для сокращенія числа знаковъ.

По отношенію къ самостоятельному населенію это составитъ въ мужскомъ населеніи 22,1⁰/₀, въ женскомъ 5,0⁰/₀, въ населеніи обоого пола 17,1⁰/₀.

Такимъ образомъ цифра лицъ, принадлежащихъ въ либеральнымъ профессіямъ, оказывается въ Петербургѣ весьма значительно: къ нимъ принадлежитъ болѣе $\frac{1}{10}$ части всего населенія, болѣе $\frac{1}{5}$ мужского и $\frac{1}{20}$ женскаго самостоятельнаго населенія. Преимущество въ этомъ отношеніи Петербурга, на примѣръ, передъ Берлиномъ видно изъ того, что тѣ же отношенія изобразятся въ этомъ послѣднемъ $\frac{1}{20}$ общаго населенія, $\frac{1}{8}$ мужск. и $\frac{1}{36}$ женскаго самостоятельно-трудящагося. Еще выгоднѣе для Петербурга сравненіе съ Парижемъ. Хотя мы имѣемъ для Парижа только валовую цифру лицъ, сюда относящихся, безъ различія пола, возраста и хозяйственнаго положенія, но есть основаніе полагать, что либеральныя профессіи занимаютъ не болѣе $\frac{1}{25}$ части населенія. Еще выгоднѣе сравненіе съ Лондономъ, гдѣ занимающіеся либеральными профессіями составляютъ $\frac{1}{31}$ часть населенія. При дальнѣйшемъ, однако, анализѣ дѣло представляется въ нѣсколько иномъ свѣтѣ. Половину всего числа, занимающихся не-матеріальнымъ производствомъ, составляютъ въ Петербургѣ военные: на 17-ть жителей приходится одинъ военный; въ Берлинѣ—1 на 45, въ Парижѣ—1 на 50, въ Лондонѣ—1 на 122, т.-е. въ Петербургѣ ихъ втрое относительно болѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и въ 2,7 раза болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ и въ восемь разъ болѣе, чѣмъ въ Лондонѣ. Петербургъ, такимъ образомъ, самый военный между четырьмя названными столицами, по всему вѣроятію и между всѣми столицами Европы. Другая характеристическая черта Петербурга—это большое число чиновниковъ разныхъ административныхъ вѣдомствъ и разныхъ чиновъ: 1 представитель администраціи на 59 человекъ населенія, въ Лондонѣ—1 на 100, въ Берлинѣ—1 на 117, т.-е. относительно вдвое менѣе. Въ отношеніи массы чиновниковъ съ Петербургомъ можетъ конкурировать, вѣроятно, только Парижъ; говоримъ вѣроятно, потому что не имѣемъ для него точной цифры служащихъ по администраціи и полиціи. Мы знаемъ, что всѣхъ принадлежащихъ къ группѣ *administration et force publique* считается 101,000 чел.; изъ нихъ около $\frac{1}{3}$ холостыхъ, остальные женатые или вдовцы, такъ что должно быть собственно работниковъ тысячъ около 30, или 1 на 60 чел. населенія. Не менѣе характерна цифра лицъ придворной службы: ихъ, за исключеніемъ живущихъ въ зданіяхъ дворцовыхъ (1-й уч. адмир. ч.) 2,878 чел. или 1 на 226 чел. нас., тогда какъ въ Берлинѣ всего 1 на 2623 чел. (326 чел. обоого пола, считая членовъ императорскаго семейства).

Великъ и персоналъ судебный, взятый вмѣстѣ съ занимающимися адвокатурой: 1 на 287 человекъ, противъ 1 на 468 въ Берлинѣ, 1 на 424 въ Парижѣ, хотя онъ и меньше, чѣмъ въ Лондонѣ (1 на 233). Что касается до педагогической дѣятельности, то при большомъ спросѣ на нее, выражающемся въ наплывѣ учащихся извнѣ Петербурга, должно ожидать, что ей посвящаетъ себя достаточное число лицъ; и дѣйствительно, Петербургъ въ этомъ отношеніи, уступая Лондону (1 на 157 чел. нас.), не уступаетъ Берлину (1 на 100 самост. въ Петербургѣ и 1 на 95 въ Берлинѣ), даже стоитъ нѣсколько впереди его, если брать отношеніе къ общей численности населенія (у насъ 1 на 162 чел. общаго нас., тамъ 1 на 177), и далеко выше Парижа, гдѣ 1 занимающійся преподаваніемъ приходится только на 330 чел., хотя, быть можетъ, въ это число вошли элементы не вполне тождественные съ тѣми, въ коихъ составлена эта рубрика для Петербурга и Берлина. Въ такомъ же выгодномъ свѣтѣ относительно числа, по крайней мѣрѣ, лицъ, посвятившихъ себя разнымъ сферамъ педагогической дѣятельности, представляется Петербургъ, если взять его педагогическій персоналъ по отношенію къ потребителямъ его дѣятельности—къ дѣтскому населенію 7—17-лѣтн. возраста. Дѣтей этого возраста считается обою пола въ Петербургѣ 85 т. съ лишнимъ (85,300), слѣдовательно, 1 занимающійся воспитаніемъ и образованіемъ считается на 20 дѣтей. Въ Берлинѣ, гдѣ дѣтей этого возраста 147,081, получается отношеніе 1 на 32 и, даже съ прибавкою занимающихся *Unterrichtsertheilung* въ видѣ побочных занятій—1 на 29. Извѣстно же, что обязанности учителей исполняютъ у насъ масса молодыхъ людей обою пола, которые переписью помѣщены не въ числѣ учащихся, а въ числѣ учащихся или живущихъ посторонними средствами (компаньонки, рентьеры безъ опредѣленныхъ даже занятій). Въ Лондонѣ, гдѣ масса дѣтскаго населенія весьма значительна, педагогическій персоналъ стоитъ по отношенію къ нему въ пропорціи весьма слабой—20,556 об. пола на болѣе чѣмъ 1 милл. дѣтей 5—15 лѣтн. возраста, т.-е. 1 на 50.

При этомъ нельзя не отмѣтить того замѣчательнаго факта, что на педагогическомъ поприщѣ въ Петербургѣ женщина, въ численности, занимаетъ несравненно болѣе видное мѣсто, чѣмъ въ Берлинѣ. На 1449 м. у насъ приходится 2657 женщинъ посвятившихъ себя дѣлу воспитанія и образованія или 1 мужч. на 203 самостоят.-трудящихся и 1 ж. на 45; тогда какъ въ Берлинѣ мы находимъ болѣе мужчинъ на этомъ поприщѣ—2535 м. и 2100 ж. или 1 м. на 117 чел. и 1 ж. на 67 ж. самостоятельно-трудящихся.

За то печать, наука и искусство даютъ у насъ одного дѣятеля на 120 чел. живущаго своимъ заработкомъ населенія; въ Берлинѣ 1 на 74, т.е. въ $1\frac{1}{2}$ раза относительно болѣе. И здѣсь замѣчаемъ мы то же, что и по отношенію къ педагогической карьерѣ: русская женщина, если судить по петербургской, болѣе нѣмки идетъ на то прекрасное поприще, которое открывается ей въ искусствѣ, литературѣ и образованіи. Въ то время, какъ 1 изъ 58 берлинцевъ, живущихъ заработками своими, принадлежатъ къ разсматриваемому классу, 1 петербуржець на 110 (въ 1,7 раза менѣе), между женщинами мы находимъ тамъ 1 на 190, у насъ 1 на 140 (въ 1,4 раза болѣе).

Врачебная дѣятельность, уходъ за больными и другіе, относящіяся сюда, роды дѣятельности имѣютъ въ Петербургѣ своими представителями 2350 м. и 2090 ж. — всего 4440 чел., что даетъ 1 на 150 чел. населенія (т. е., почти вдвое относительно болѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, гдѣ 1 на 279 чел.) Оно и понятное дѣло: что бы дѣлало петербургское населеніе безъ тавого большого медицинскаго персонала при своихъ неутѣшительныхъ санитарныхъ условіяхъ и порядкахъ, при той огромной массѣ больныхъ ¹⁾, какую едва-ли имѣеть; по отношенію къ своему населенію, другой большой европейскій городъ. Отношенія числа лицъ врачебной профессіи къ общей цифрѣ живущаго самостоятельнымъ трудомъ мужского и женскаго населенія Петербурга представляетъ и здѣсь женскій трудъ съ самой выгодной стороны. У насъ 1 женщ. приходится на 58 зарабатывающихъ, въ Берлинѣ 1 на 140, тогда какъ для мужчинъ эти отношенія будутъ 1 на 125 и 1 на 152.

Последняя рубрика — духовенство и занятія, сопряженныя съ церковною службою — представляетъ тоже въ Петербургѣ свои особенности, легко объяснимыя. Одно лицо этой категоріи приходится на 297 жителей вообще, и 1 на 183 самостоятельно трудящихся, тогда какъ въ Берлинѣ 1 на 589 или 1 на 312 *Selbstthätigen*, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія монашествующихъ. По той же причинѣ и число женщинъ, принадлежащихъ къ духовной профессіи у насъ выражается отношеніемъ 1 къ 376 самостоят. трудящихся. Католическій Парижъ имѣеть, впрочемъ, еще болѣе большой процентъ *clergé* въ своемъ составѣ, а именно 1 на 206 всего населенія и 1 на 103 *exercants directement leur emploi*. Что касается до Лондона, то въ немъ при огромномъ

¹⁾ Перепись застала въ однихъ больницахъ около 6000 чел., т.е. почти 1% населенія.

преобладаніи промышленнаго населенія почти всѣ цифры либеральныхъ профессій тонуть въ общей массѣ населенія. Приходится:

Лицъ врачебнаго персонала	1 на 314
Занимающихся наукой, искусствомъ и литературой . .	1 > 228
Духовныхъ лицъ и церковнослужителей	1 > 558

Замѣчательно, что при небольшомъ числѣ медиковъ, аптекарей и т. п. лицъ смертность въ Лондонѣ слабѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ большомъ городѣ континента: 23 на 1000. Что значитъ хорошій санитарный строй! Онъ обуславливаетъ слабую смертность, слабую болѣзненность и то отношеніе медицинскаго персонала къ населенію, какового мы не находимъ въ другихъ большихъ скопленіяхъ континентальнаго населенія Европы.

Послѣ сдѣланныхъ фактическихъ сопоставленій характеръ петербургскихъ professions libérales очерчивается довольно ясно, и объясненія его основныхъ чертъ, конечно, искать недалеко. Петербургъ не городъ, возникшій самобытно и развивающійся гармонически во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ; въ немъ все создано внѣшнею силою, а не внутренними физиологическими процессами народной жизни. Петербургъ—центръ правительственный, а не хозяйственный, и въ извѣстной мѣрѣ центръ университетный и образовательный.

Разсматривая свободныя профессіи безотносительно къ населенію, мы можемъ охарактеризовать ихъ слѣдующими цифрами: болѣе $\frac{3}{4}$ лицъ, къ нимъ принадлежащихъ, суть военные и чиновники, $\frac{1}{10}$ занимается науками, искусствами, литературой и педагогическимъ дѣломъ; въ Берлинѣ немного болѣе половины—военные и чиновники, $\frac{1}{4}$ часть—ученые, художники, литераторы и педагоги.

Перейдемъ къ послѣдней группѣ, личной прислугѣ, чтобы затѣмъ болѣе подробно остановиться на третьей, заключающей промышленное населеніе.

Общее число прислуги, за исключеніемъ трактирной, клубной и т. д., отнесенной въ качествѣ работниковъ въ соответствующія группы занятій, въ Петербургѣ получено въ 39,601 мужч. и 59,063 женск. пола, всего 98,664, т. е. почти $\frac{1}{4}$ часть самостоятельнаго населенія, а по поламъ почти $\frac{1}{7}$ мужского и $\frac{1}{3}$ женскаго. Въ Берлинѣ въ качествѣ прислуги считается 18,654 мужч. и 48,919 женщ., всего 67,579 чел., или всего $\frac{1}{6}$ самостоятельнаго населенія, $\frac{1}{17}$ мужского и почти $\frac{1}{3}$ женскаго. Въ Парижѣ число domestiques, включая сюда, для однородности съ берлинскими и нашими цифрами, portiers, относимыхъ тамъ къ gentiers, доходить до 147,500 обоюга пола, что даетъ только безъ малаго $\frac{1}{8}$ часть самостоятельнаго населенія. Въ Лондонѣ

жизнь устроена такъ, что домашней прислуги еще меньше, особенно мужской. Мужская прислуга составляет $\frac{1}{34}$ часть самостоятельнаго мужск. населенія, женская $\frac{1}{3}$, а обоихъ половъ $\frac{1}{9}$ часть самостоятельнаго населенія. Итакъ, у насъ прислуги очень много, и особенно мужской: ея относительно болѣе чѣмъ вдвое больше, чѣмъ въ Берлинѣ. Эту категорію для Петербурга и Берлина можно еще съюзить, выдѣливши прислугу въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. такъ-называемую личную прислугу. Личной прислуги считается: въ Петербургѣ 18,241 мужч. и 55,903 женщ., всего 74,144 чел., или $\frac{1}{5}$ часть самостоятельнаго населенія; въ Берлинѣ 6132 мужч. и 46,934 женщ., всего 53,066 или $\frac{1}{8}$ того же населенія, а по отношенію соотвѣствующихъ половъ различіе станетъ еще рѣзче—для женскаго немного менѣе $\frac{1}{2}$ въ Петербургѣ и $\frac{1}{3}$ въ Берлинѣ, для мужского пола $\frac{1}{16}$ въ Петербургѣ и $\frac{1}{48}$ въ Берлинѣ. Очевидно, мужчина слишкомъ высоко цѣнитъ свой трудъ, для того, чтобы тратить его на личныя услуги, или общество слишкомъ дорожитъ его трудомъ, потому что едва-ли нашлось бы въ Берлинѣ менѣе людей, могущихъ оплатить его услуги, чѣмъ въ Петербургѣ. Уже сами по себѣ эти цифры характерны для склада петербургской жизни, требующей такого большого количества прислуги. Еще интереснѣе будутъ сравненія, если мы войдемъ въ дальнѣйшія подробности.

Войти, однако, въ эти подробности далеко не легко. Дѣло въ томъ, что петербургскій и берлинскій матеріалы сведены не по одной системѣ и изданы не въ такомъ видѣ, чтобы всегда можно было переверстать цифры въ иномъ какомъ-либо порядкѣ. Для изученія распредѣленія личной прислуги между разными классами населенія берлинская сводка гораздо пригоднѣе петербургской, которая вовсе не даетъ намъ указаній на то, сколько прислуги м. и ж. состоитъ при самостоятельно-трудящемся населеніи въ каждомъ изъ принятыхъ классовъ и подклассовъ классификаціи занятій. Мы находимъ въ петербургскомъ изданіи только общую цифру личной прислуги по полу, которую и привели выше. Въ другомъ мѣстѣ (во 2-мъ выпускѣ переписи 1869) мы находимъ число хозяйствъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на классы по числу прислуги, въ нихъ имѣющейся; хозяйства тутъ же раздѣлены на 40 группъ по занятію квартиро-хозяевъ (35 для квартиро-хозяекъ), но эти группы не тѣ, на которыя раздѣлено (въ 3-мъ вып.) населеніе по занятіямъ, и подвести одну группировку подъ другую нѣтъ возможности. Берлинская перепись, какъ она сведена, не даетъ, наоборотъ, распредѣленія семействъ по занятію

хозяйствъ, и для раздѣленія хозяйствъ на классы по числу прислуги имѣть другіе признаки. Самыя хозяйства, по сложности ихъ составныхъ элементовъ, распредѣлены сводчиками совершенно иначе въ обоихъ изданіяхъ.

Такимъ образомъ, пригоднаго матеріала для обстоятельнаго изученія въ данномъ случаѣ объ переписи представляютъ мало. Приходится сравнивать величины не совсѣмъ соизмѣримыя. Постараемся сдѣлать чтó возможно.

Перепись петербургская даетъ намъ 66,742 хозяйства, въ которыхъ живетъ 615,406 чел. об. пола. Изъ этихъ цифръ мы, для сравненія съ Берлиномъ, должны исключить нѣкоторое число хозяйствъ и живущихъ въ нихъ; но число это не велико и мы можемъ безъ значительной погрѣшности сравнивать эти 61,619 хоз. съ 178,159 берлинскими, въ которыхъ живетъ 795,251 об. п. Средняя величина хозяйства, такимъ образомъ, будетъ для Петербурга 9,2 чел., для Берлина 4,9 чел. Въ Парижѣ считается 682,110 хозяйствъ съ 1.799,250 чел. или 2,6 на 1 хозяйство. Слѣдовательно, въ Петербургѣ люди живутъ ббльшими общественными группами, чѣмъ въ Берлинѣ, въ Берлинѣ ббльшими, чѣмъ въ Парижѣ, пропорціональность будетъ такая: 35,17,10.

Общее число хозяйствъ дробится затѣмъ по разнымъ признакамъ на слѣдующія группы:

а) хозяйства одиночныя и семейныя (вѣрнѣе, общежительныя).

	Петербургъ.	Берлинъ.	Парижъ.
Хозяйствъ одиночекъ . . .	20,2%	7%	45%
Хозяйствъ общежительныхъ .	79,8%	93%	55%

На одно общежительное хозяйство приходится:

Въ Петербургѣ	11,3 чел.
> Берлинѣ	4,7 >
> Парижѣ	4,0 >

б) хозяйства съ жильцами и безъ жильцовъ.

Тутъ для сравненія парижскихъ матеріаловъ нѣтъ.

	Петербургъ.	Берлинъ.
Хозяйства безъ жильцовъ . .	65%	73%
> съ жильцами	35%	27%

Всѣхъ жильцовъ, размѣщающихся по этимъ хозяйствамъ, въ Петербургѣ 133,926 чел., въ Берлинѣ 90,310 чел. или на 1 хоз. въ Петербургѣ 5,6 чел., въ Берлинѣ 1,9 чел. Итакъ, въ Петербургѣ не только больше хозяйствъ, принимающихъ жильцовъ, но и среднее число жильцовъ на 1 хоз. больше почти въ 3 раза. Этотъ общій фактъ еще яснѣе проявляется, если взять хозяйства съ жильцами, по числу этихъ послѣднихъ.

	въ Петербургѣ.	въ Берлинѣ.
Хозяйствъ, гдѣ 1 и 2 жильца	36%	81%
Хозяйствъ, гдѣ 3 и болѣе жильцовъ	64%	19%

всего числа хозяйствъ съ жильцами. Въ Петербургѣ есть 25^{1/2}% общего числа хозяйствъ съ жильцами, гдѣ болѣе 7 жильцовъ.

в) хозяйства съ рабочими.

Такихъ хозяйствъ, которыя, кромѣ хозяевъ, заключаютъ въ себѣ и рабочихъ ихъ же промышленныхъ заведеній, считается въ Петербургѣ 11,484 или 17%, въ Берлинѣ 3,160 или 4%. Среднее число рабочихъ на 1 такое хозяйство въ Петербургѣ 8,4 чел., въ Берлинѣ 2,1 чел.

Приведенныя сопоставленія довольно ясно характеризуютъ бытовую сторону жизни населенія обѣихъ столицъ.

Въ Берлинѣ, какъ и вообще въ складѣ жизни европейскихъ большихъ городовъ, есть стремленіе и возможность значительно обособиться, жить или одиноко, или въ семьѣ, своемъ домашнемъ кружкѣ, допуская постороннихъ въ сферу своего домашнего очага насколько возможно меньше. Отсюда и большое число хозяйствъ изъ одиночекъ и хозяйствъ, состоящихъ исключительно изъ однихъ членовъ семьи. Въ Берлинѣ, напр., хозяйствъ изъ однихъ семейныхъ даже безъ прислуги 54,6%; и если тамъ только 7% одиночныхъ хозяйствъ, то это можетъ быть объяснено болѣе семейственностью нѣмцевъ сравнительно съ Парижемъ, и болѣе осыдлымъ характеромъ берлинскаго населенія, сравнительно съ петербургскимъ. Наши цифры придаютъ, впрочемъ, только болѣе точное выраженіе факту, болѣе или менѣе извѣстному.

Приведенныя же сопоставленія нѣсколько иллюстрируютъ и распредѣленіе хозяйствъ, по числу въ нихъ прислуги. Въ Петербургѣ только половина хозяйствъ обходится безъ прислуги—49%, въ Берлинѣ 81%, т.-е. только ¹/₅ часть хозяйствъ считаетъ нужнымъ или имѣетъ средства держать прислугу, скорѣе, впрочемъ, въ силу перваго обстоятельства, чѣмъ втораго. Хозяйства немногочисленны, условія жизни таковы, что легко безъ прислуги обойтись. Изъ хозяйствъ съ прислугою большинство, болѣе ²/₃ (67%) пользуется одной прислугою, ¹/₅ (21%) двумя, и только ¹/₅ (12%) имѣетъ 3 и болѣе. Въ Петербургѣ 53% хозяйствъ съ прислугою довольствуется одною, 23% двумя прислугами и 24% держать три и болѣе прислуги—распредѣленіе, какъ видно, далеко не пропорціональное распредѣленію хозяйствъ по величинѣ ихъ состава. Послѣдній классъ, превосходящій относительно вдвое берлинскій, указываетъ, быть можетъ, на совершенно другое обстоятельство, нежели невозможность обойтись безъ большого числа прислуги, на остатки роскоши въ этомъ отношеніи. Въ этомъ

легко убѣдиться изъ того, что большое число прислуги встрѣчается не въ тѣхъ хозяйствахъ, которыя состоятъ изъ большого числа членовъ, напр. жильцовъ и др. постороннихъ семей элементовъ. Мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ, но весьма вѣроятно, что въ Берлинѣ, напр., невозможно фактъ, чтобы 1% всѣхъ хозяйствъ имѣлъ болѣе 11 человѣкъ прислуги. Въ Петербургѣ же большинство такихъ хозяйствъ (126) суть семейства владельцевъ недвижимаго имущества, 98 хозяйствъ чиновниковъ гражданской службы, 62 хозяйства «офицеровъ» (какъ сказано въ текстѣ матеріаловъ) и есть 3 хозяйства вдовъ, получающихъ пенсію.

Въ какой мѣрѣ, наконецъ, парижская жизнь экономизируетъ употребленіе прислуги, можно заключать, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ данныхъ, изъ того, что въ Парижѣ на 100 хозяйствъ общежительныхъ (считая, что одиночки обходятся вообще безъ прислуги) приходится 32 чел. прислуги, въ Петербургѣ 200.

Остается анализировать экономическій составъ третьей группы населенія — населенія промышленнаго.

Сравнительная статистика встрѣчается здѣсь съ трудностями весьма значительными, происходящими какъ отъ неодинаковой степени раздѣленія труда и неодинаковаго склада промышленности въ странахъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, склада, носящаго всегда, вромѣ того, болѣе или менѣе національныя особенности, такъ и отъ большой разнохарактерности сводовъ, отъ различной классификаціи занятій въ разныхъ изданіяхъ. Петербургскій сводъ пришлось совершенно переработать, чтобы привести по возможности данныя въ одинаковымъ по существу группамъ. Изъ лондонскихъ данныхъ совершенно невозможнымъ оказалось образовать группы тождественныя съ нашими и берлинскими. Поэтому и сопоставленіе нашихъ данныхъ съ лондонскими можетъ быть правильно только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Вообще лондонская статистика, входя какъ часть въ общую статистику королевства, не даетъ вовсе тѣхъ детальныхъ данныхъ, какія мы имѣемъ по Петербургу и Берлину. Ни число хозяевъ и рабочихъ, ни число несамостоятельнаго населенія, по занятіямъ трудящагося, ни жилищныхъ отношеній по занятіямъ и социальному положенію она не даетъ, и поэтому не можетъ идти въ сравнительное изслѣдованіе на ряду съ берлинскою и парижскою.

Мы не приводимъ здѣсь абсолютныхъ цифръ и подробнаго перечня занятій, вошедшихъ въ каждую группу: для этого потребовалось бы слишкомъ много мѣста и было бы мало интересно для не-спеціалиста. Но безъ нижеслѣдующей таблицы обойтись невозможно. Въ ней сведены: 1) отношенія каждой группы

лицъ, самостоятельно трудящихся (selbstthätige), по полу къ общему числу этихъ лицъ; 2) отношенія обоого пола лицъ каждой группы къ общей цифрѣ населенія. Первыя отношенія показываютъ, какое значеніе имѣетъ данный родъ занятій въ ряду другихъ; вторыя соотношеніе между числомъ производителей и мѣстныхъ потребителей.

Названіе промысловъ.	Петербургъ.			Берлинъ.			Лондонъ.		
	М.	Ж.	Отношеніе об. п. къ населенію.	М.	Ж.	Отношеніе об. п. къ населенію.	М.	Ж.	Отношеніе об. п. къ населенію.
Сельское хозяйство: огородничество, скотоводство, садоводство и пр.	0,5	0,4	1:315	0,8	0,1	1:328	2,4	0,2	1:124
Производство питательныхъ веществъ	2,9	1,8	1:62	4,0	0,8	1:63	8,0	1,4	1:40
Производство предметовъ одежды	7,4	12,8	1:17	8,8	27,6	1:13	6,8	19,1	1:18
Содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды	0,7	9,8	1:48	0,6	5,2	1:95	0,1	7,2	1:72
Механическая обработка волокъ веществъ	2,2	3,3	1:62	2,6	2,3	1:77	2,3	2,5	1:81
Постройка жилищъ и средствъ передвиженія	3,8	0,02	1:59	5,9	0,007	1:46	11,6	0,5	1:27
Устройство жилищъ и очистка ихъ	5,8	0,2	1:38	7,2	0,1	1:38	2,6	0,6	1:108
Издѣлія изъ камня и глины.	0,8	0,02	1:259	0,9	0,02	1:299	2,9	0,8	1:93 ¹⁾
Обработка металловъ	6,8	0,08	1:82	8,6	0,4	1:31	5,9	0,4	1:52
Типограф., литографія и пр.	1,3	0,02	1:174	1,7	0,1	1:162	3,5	1,0	1:80
Художники для техническихъ цѣлей	0,5	0,2	1:423	1,6	0,1	1:162	0,5	0,1	1:650
Приготовленіе инструментовъ	0,4	0,007	1:532	1,5	0,01	1:241	1,3	0,009	1:232
Обработка кожъ и издѣлія изъ кожи	1,4	0,3	1:150	2,3	0,3	1:110	1,1	0,3	1:250
Химическія производства.	0,5	0,04	1:443	0,5	0,2	1:470	2,0	1,0	1:121
Издѣлія изъ дерева, волоса и пр.	0,4	0,1	1:569	0,7	0,1	1:366	3,2	1,1	1:81
Рабочіе безъ опредѣленія промысла	0,7	0,7	1:225	10,6	5,5	1:21	10,7	2,2	1:27
Торговля товарами	11,1	1,6	1:19	10,7	3,8	1:23	4,8	0,4	1:64
Торговля художественными произвед.	0,1	0,01	1:1932	0,3	0,02	1:1004			
Посредничество въ торговлѣ и разносная торговля	2,8	0,1	1:93	1,3	0,2	1:198	3,0	0,5	1:98
Перевозка по сухому пути	7,1	0,1	1:29	3,4	0,05	1:81	10,0	0,2	1:31
Перевозка по водѣ	0,1	0,003	1:1668	0,06	0,002	1:4159	1,8	0,0	1:105
Трактирный промыселъ	3,7	3,0	1:45	5,0	1,1	1:102	1,6	2,1	1:78

1) Въ группу издѣлій изъ камня вошли занятія, имѣющія прямое отношеніе къ остроумкамъ, потому что не могли быть выдѣлены изъ нея.

Для облегченія общаго взгляда на эти цифры сведемъ ихъ въ четыре большія группы:

Лондонъ.				Петербургъ.			Берлинъ.		
Отношеніе къ самостоятельному населенію.		Отношеніе къ населенію.		Отношеніе къ самостоятельному населенію.		Отношеніе къ населенію.	Отношеніе къ самостоятельному населенію.		Отношеніе къ населенію.
М.	Ж.			М.	Ж.		М.	Ж.	
2,4	0,2	1:124	Сельскохоз. промышл. . .	0,5	0,4	1:315	0,8	0,1	1:328
60,1	41,5	1:3,9	Обработывающая пр. . .	36,5	29,7	1:5,5	58,3	42,8	1:3,5
7,8	0,9	1:39	Торговая промышл. . . .	14,0	1,8	1:15	12,3	4,2	1:22
13,4	2,3	1:21	Перевозочная промышл. .	10,9	4,9	1:16	8,4	1,1	1:45

Промышленная фizioномія Петербурга, переведенная съ цифрнаго языка на обыкновенный, можетъ быть представлена такимъ образомъ: Петербургъ менѣе промышленный городъ, чѣмъ Берлинъ и Лондонъ, ибо въ Петербургѣ промышленное населеніе составляетъ 61%, въ Берлинѣ 79%, въ Лондонѣ 83,8% мужского самостоятельнаго населенія, и 36% противъ 48% и 44,2% женскаго; въ Петербургѣ торговая и перевозочная промышленность распространены относительно болѣе, чѣмъ обрабатывающая.

То и другое объясняется, во-первыхъ, приведенными уже данными относительно численности въ Петербургѣ лицъ, не занимающихся матеріальнымъ трудомъ, и смысломъ этихъ данныхъ; во-вторыхъ, географическимъ положеніемъ нашей столицы, на границѣ, въ устьѣ Невы, слѣдовательно, тѣмъ значеніемъ, какое Петербургъ имѣетъ въ отпускной нашей торговлѣ, и которое было еще больше въ недавнемъ прошломъ.

Дальнѣйшія, болѣе детальныя, черты обозначатся при анализѣ каждой изъ выше названныхъ отраслей производства, исключая сельской промышленности, которая, существуя для удовлетворенія исключительно городскихъ потребностей, имѣетъ незначительные размѣры вообще (подгородное овощное и молочное хозяйства) и, по отношенію къ населенію, имѣетъ почти одина-

ковыя размѣры какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Берлинѣ и Парижѣ (1:308 чел. насел.).

Начнемъ съ обрабатывающей промышленности.

Въ промышленности важдаго большого города слѣдуетъ различать производства двоякаго рода. Одни имѣютъ въ виду покрытіе потребностей мѣстнаго населенія и рѣдко рассчитываютъ, по свойству своихъ продуктовъ, на вѣдшій спросъ; другія — работаютъ не для одного мѣстнаго потребленія, даже часто исключительно для сбыта на болѣе или менѣе отдаленные рынки. Первыя находятся въ зависимости отъ величины мѣстнаго спроса, слѣдовательно, прежде всего отъ численности потребителей, разнообразія ихъ потребностей, зажиточности ихъ. Таковы: производства большей части предметовъ пищи, одежды, производства, имѣющія цѣлью постройку жилищъ, ихъ устройство, содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды и др. Производства второй категоріи, рассчитывающія на болѣе широкій рынокъ, располагаются подъ вліяніемъ общихъ условій этого обширнаго рынка и удобствъ или выгодъ, находимыхъ или въ той, или другой его мѣстности. Но когда рѣчь идетъ о томъ, работаетъ ли производство для мѣстнаго рынка или рассчитываетъ на вѣдшій сбытъ, мало знать отношеніе числа производителей къ числу потребителей, не говоря уже о другихъ факторахъ, неподдающихся пока статистическому измѣренію: надобно знать продуктивную силу промышленности. Определить же ее можно, или зная общую сумму цѣнностей, ею производимыхъ, или по крайней мѣрѣ имѣя данныя для приближительнаго ея опредѣленія. Извѣстно, что чѣмъ крупнѣе предпріятія, тѣмъ они производительнѣе, всегда, когда производство поддается раздѣленію труда и введенію механическихъ двигателей.

Данныхъ о количествѣ производимыхъ продуктовъ перепись населенія, конечно, намъ не доставляетъ; но она даетъ не только число хозяевъ и рабочихъ по каждой отрасли производства, но и число лицъ, составляющихъ наемную администрацію предпріятій. Если численность этой администраціи велика, мы вправѣ заключать, что или организація предпріятій сложнѣе, слѣдовательно, они крупнѣе и производительнѣе, или, что количество производимыхъ продуктовъ таково, что для сбыта ихъ хозяинъ не можетъ обходиться соединеніемъ въ своемъ лицѣ всѣхъ элементовъ предпринимательской дѣятельности.

Руководствуясь этими соображеніями, прослѣдимъ послѣдовательно всѣ отрасли обрабатывающей промышленности Петербурга, со стороны распредѣленія между ними самостоятельного трудящаго населенія, со стороны ихъ значенія по отношенію къ

мѣстному спросу и, наконецъ, со стороны склада самыхъ предприятий, насколько это послѣднее возможно на основаніи фактовъ, даваемыхъ переписью населенія.

Производство питательныхъ веществъ занимаетъ въ Петербургѣ 618 хозяевъ, 203 лица административнаго персонала и 9698 рабочихъ, всего 10,687 чел. об. пола. Какъ видно изъ вышеупомянутой таблицы, это составляетъ 1 производителя на 62 потребителя и 4,7⁰/₀ самодѣтельнаго населенія. Сюда относятся мукомольное производство, булочное, кондитерское, водочное, табачное и др. Отношенія эти совершенно такія, какія мы находимъ и въ Берлинѣ: тамъ тоже 1 произв. приходится на 63 потреб. и производствомъ занято 4,8⁰/₀ самодѣтельнаго населенія. Но и Петербургъ и Берлинъ, по отношенію къ производству питательныхъ веществъ, обеспечены менѣе, чѣмъ Лондонъ, гдѣ этимъ производствомъ занимается 5,5⁰/₀ самодѣтельнаго населенія и приходится 1 производитель на 40 потребителей. Однако въ составныхъ элементахъ этой отрасли производства замѣчается большое различіе между обоими городами, которые мы, къ сожалѣнію, только и можемъ сравнивать. Кромѣ мукомольнаго производства, всѣ прочія въ Петербургѣ имѣютъ, пропорціонально къ населенію, несравненно большее число производителей, чѣмъ въ Берлинѣ, и отдѣльными предприятиями крупнѣе. На первомъ планѣ стоятъ тѣ производства, произведенія коихъ могутъ имѣть сбытъ внѣ мѣстнаго рынка. Таково пивоваренное, въ которомъ у насъ 1 производитель приходится на 524 потребителю (въ Берлинѣ 1 на 933, въ Лондонѣ 1 на 845); на 1 хозяина приходится 122 рабочихъ (въ Берлинѣ 14) и на 100 хозяевъ приходится 900 служащихъ (въ Берлинѣ 112); водочное и рѣфинадное (мы не могли ихъ раздѣлить для Берлина)—1 произв. на 460 потреб. (въ Берлинѣ 1 на 1136), на 1 хозяина 33 раб. (въ Берлинѣ 1) и на 100 хозяевъ 145 служащихъ (въ Берлинѣ 21); табачное и сигарное: 1 произв. на 176 потреб. (въ Берлинѣ на 244, въ Лондонѣ на 510), на 1 хозяина 138 раб. (въ Берлинѣ только 8) и на 100 хоз. 200 служ. (въ Берлинѣ 16). Очевидно, форма производства въ нихъ имѣетъ болѣе фабричный характеръ и самое производство рассчитываетъ не на одинъ мѣстный спросъ. Затѣмъ идетъ кондитерское производство, которое считаетъ у насъ на 1 хоз. 8 раб., противъ 2 въ Берлинѣ, и, наконецъ, булочное, которое хотя работаетъ для мѣстнаго спроса, но имѣетъ въ Берлинѣ болѣе крупный характеръ, чѣмъ въ Петербургѣ (въ Берлинѣ на 100 хоз. 17 служащихъ, въ Петербургѣ ни одного, за то 6 рабочихъ противъ четырехъ).

Такимъ образомъ, сахаръ, водка, табачныя издѣлія, пиво и кандитерскіе товары должны представлять, какъ это и дѣйствительно есть, предметъ вывоза изъ Петербурга, тогда какъ Берлинъ многими изъ этихъ продуктовъ снабжается извнѣ.

Дальнѣйшее сравненіе петербургскихъ данныхъ съ берлинскими затрудняется новымъ несоотвѣтствіемъ матеріаловъ другъ съ другомъ. Дѣло въ томъ, что по берлинской переписи обазывается цѣлая масса работниковъ обоого пола (до 38 т. чел.), занятіе коихъ вовсе не обозначено; по петербургской, множество такъ-называемыхъ *одиночекъ* (до 27 т. об. п.), хотя распределенныхъ по промысламъ, но не соотвѣтствующихъ, собственно говоря, ни понятію самостоятельныхъ хозяевъ промышленныхъ заведеній, ни понятію рабочихъ. Это мастеровые, которые могутъ и работать на дому для хозяевъ, и работать прямо на потребителей. Очевидно, что, причисляя одиночекъ въ работникамъ соотвѣтствующихъ промысловъ, т.-е. считая ихъ только рабочими, мы получаемъ по отношенію къ числу въ нихъ хозяевъ гораздо большую цифру работниковъ, чѣмъ не причисляя одиночекъ, и меньшее число жителей на одного производителя. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ берлинскія отношенія должны быть возвышены противъ тѣхъ, которыя получаютъ изъ сопоставленія цифры населенія съ цифрою рабочихъ, коихъ занятіе опредѣлено и изъ сопоставленія числа хозяевъ съ числомъ рабочихъ. Но всякая величина, на которую отношеніе будетъ измѣнено, необходимо будетъ произвольна въ извѣстной степени. Остается имѣть это обстоятельство въ виду и сообразовать величину поправки при выводахъ, съ возможностью въ данномъ производствѣ имѣть рабочихъ одиночекъ. Производство одежды принадлежитъ именно къ производствомъ, гдѣ большое число одиночекъ возможно, какъ показываютъ петербургскія данныя—на 21 т. рабочихъ въ мастерскихъ приходится 13 т. одиночекъ, при 3 т. безъ малаго хозяевъ. Затѣмъ, въ производствѣ, имѣющемъ цѣлью содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды, на 5 т. рабочихъ находимъ 8 т. одиночекъ и 485 хозяевъ. Въ другихъ производствахъ число одиночекъ меньше, сохраняя все же значительный процентъ въ промыслахъ по устройству жилищъ и обработкѣ металловъ; въ прочихъ производствахъ оно совершенно ничтожно.

Къ производству одежды относятся: портные, сапожники, шляпочники, сюрняки, басонщики, зонтичники, перчаточники, дѣлатели нежувственныхъ цвѣтовъ и проч.

Петербургъ имѣетъ производителей въ названныхъ производствахъ почти столько же, сколько Лондонъ (1:18), но гораздо

менѣе, чѣмъ Берлинъ, по отношенію къ числу потребителей: на 17, сравнительно съ 1 на 13. Мало допуская приложеніе машиннаго производства, эти промыслы естественно требуютъ большаго числа рукъ. Еслибы мы присоединили къ берлинскимъ цифрамъ еще ту часть рабочихъ, которая вошла подъ рубрику «рабочіе, занятіе коихъ не показано», то получили бы для Берлина то же отношеніе, которое ясно показываетъ, что производство предметовъ одежды не ограничивается однимъ мѣстнымъ рынкомъ. Петербургъ находится въ положеніи противоположномъ. Значительная часть его населенія употребляетъ такую одежду, обувь, которыя не производятся на мѣстѣ, выдѣлываются кустарно въ промышленной полосѣ Россіи и наполняютъ собою сапожныя лавки, лавки съ готовымъ платьемъ и разносятся разными ходябщиками. Только немногіе предметы, напр., руководля (части дамскаго туалета), шляпы, перчатки, и могутъ быть предметомъ вывоза, да и тѣми самъ Петербургъ снабжается отчасти изъ-за границы.

Всѣ, безъ исключенія, отрасли производства одежды имѣютъ въ Петербургѣ характеръ ремесленныхъ заведеній, даже если не брать въ расчетъ одиночекъ. Въ Берлинѣ, очевидно, они имѣютъ характеръ скорѣе магазиновъ, изготовляющихъ свои издѣлія на сторонѣ, а не въ своихъ мастерскихъ. Это явствуетъ изъ того, что каждый «средній» хозяинъ имѣетъ у насъ большое число работниковъ и не нуждается въ помощникахъ; въ Берлинѣ число рабочихъ, приходящихся на 1 хозяина, гораздо менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ (безъ одиночекъ), но за то административный персоналъ въ нѣкоторыхъ производствахъ значителенъ. Приходится:

	На 1 хозяина рабочихъ (безъ одиночекъ):		На 100 хоз. служащихъ:	
	Петербургъ.	Берлинъ.	Петербургъ.	Берлинъ.
Портные	8	7	—	1
Сапожники	6	2	—	0,4
Шляпочники	5	3	—	4
Скорняки	7	2	—	1
Басонщики	10	2	—	9
Моды и цѣвты	6	11	—	75
Зонтичники	9	2	—	9
Перчаточники	4	2	—	4

Производство дамскихъ уборовъ, искусственныхъ цвѣтовъ и перьевъ имѣетъ въ Берлинѣ особенное развитіе, какъ видно изъ отношенія къ населенію: 1 произв. на 260 жит.—въ Петербургѣ на 600 чел.; затѣмъ идутъ зонтичное (1:3092 и 1:5212), шляпочное и затѣмъ портняжное. Петербургъ переполненъ, можно

сказавъ, принимая въ расчетъ его снабженіе извнѣ, сапожниками (1 на 55 чел. противъ 1 на 76 въ Б.) и шляпниками (1 на 480 противъ 1 на 704 въ Б.).

Перехода отъ производства одежды къ производству, удовлетворяющему въ другой формѣ потребности крова—въ постройкѣ жилищъ, мы вынуждены присоединить къ нему и постройку средствъ, или, вѣрнѣе, орудій передвиженія, такъ какъ по прусской классификаціи двѣ эти группы соединяются въ одну, хотя это въ извѣстной степени совершенно несообразно съ характеромъ самой промышленности. Но и послѣ такого насильственного соединенія, произведеннаго нами надъ петербургскимъ матеріаломъ, мы должны остановиться передъ новыми затрудненіями, дѣлающими невозможными какіе-либо сравнительно-статистическіе выводы.

Общая цифра производителей, по отношенію къ населенію (1:59 въ Петербургѣ, 1:46 въ Берлинѣ, 1:27 въ Лондонѣ) и по отношенію къ суммѣ всѣхъ производителей (3,6⁰/о въ Петербургѣ, 6⁰/о въ Берлинѣ, 7⁰/о въ Лондонѣ) здѣсь не указываетъ ни на степень обезпеченія, ни на превышеніе потребности производствомъ. Въ Петербургѣ главная масса рабочихъ, занятыхъ постройкою нашихъ жилищъ, состоитъ изъ народа приплага; работы идутъ лѣтомъ, слѣдовательно, зимняя цифра выражаетъ очень мало. Въ Берлинѣ, хотя постройки и останавливаются зимой, но припльхъ рабочихъ тамъ меньше, и зимнее мертвое время образуетъ изъ мѣстныхъ рабочихъ значительную, неизвѣстно какую однако, долю рабочихъ «безъ означенія занятія». За то изъ зимующихъ у насъ рабочихъ слѣдуетъ исключить большую цифру такихъ рабочихъ, которыхъ нѣтъ въ Берлинѣ и которые не имѣютъ никакого отношенія къ мѣстной потребности—это рабочіе на адмиралтейскихъ верфяхъ. Во всякомъ случаѣ о какой-нибудь точности при сравненіяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что въ 1869 году строительная дѣятельность въ Петербургѣ не имѣла далеко тѣхъ размѣровъ, какіе имѣла въ Берлинѣ, и что спросъ на производителей въ строительной промышленности можетъ временами значительно измѣняться и быть легко удовлетворяемъ припльмъ населеніемъ, не образующимъ прочныхъ составныхъ элементовъ въ промышленномъ населеніи даннаго большого города.

Другое дѣло тотъ складъ, который строительная промышленность имѣетъ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ, очевидно, отсталъ отъ Берлина, какъ ни трудно это съ убѣдительностью вывести изъ данныхъ, теперь нами разрабатываемыхъ. Нѣкоторые факты однако это доказываютъ.

Во-первыхъ, въ Берлинѣ мы находимъ цѣлый отдѣлъ *Baubeamten*, классъ, состоящій изъ 10 хоз. и 1717 *Angestellte*, котораго у насъ почти нѣтъ или который можетъ быть составленъ изъ архитекторовъ и десятниковъ и все-таки не соответствовать тому, что изображаютъ собою *Baubeamten* и ихъ служащiе, и въ который входитъ *Bauunternehmer*, *Bauführer*, *Bauwächter* и пр. Эти отрасли промышленности, надобно полагать, у насъ не выдѣлились еще настолько (въ 1869 г.), чтобы при сводѣхъ переписи могли явиться подъ особою рубрикою занятiй. Часть же ихъ — подрядчики, безъ указанiя какiе именно — нашла себѣ мѣсто въ отдѣлѣ торговли и выдѣлена оттуда быть не можетъ. Во-вторыхъ, въ отдѣлѣ приготовленiя материаловъ для постройки жилищъ мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ значительное лѣсопильное производство (чего въ Берлинѣ нѣтъ), продукты котораго не только предназначены для покрытiя мѣстной потребности, но и для отпуска за границу. Оттого отношенiе производителей этого класса строительнаго производства къ населенiю выражается у насъ 1 на 477, тогда какъ въ Берлинѣ 1 на 1754. Такъ какъ, наоборотъ, другiе строительные материалы получаютъ въ Петербургѣ извнѣ (камень, кирпичъ, известь), то число производителей мѣстныхъ, алебаstra, бетона, кирпича и пр. оказывается менѣе значительнымъ, чѣмъ въ Берлинѣ, и безъ лѣсопиленъ выше приведенныя отношенiя будутъ для Петербурга 1 на 3240, для Берлина 1 на 1754. Въ-третьихъ, собственно самая постройка жилищъ и средствъ передвиженiя находятъ въ своемъ распоряженiи въ Петербургѣ и Берлинѣ производителей тоже различнаго характера. Въ Петербургѣ больше плотниковъ, телѣжниковъ, въ Берлинѣ каменщиковъ и кровельщиковъ: прямое слѣдствiе незначительности деревянныхъ построекъ и работъ.

Относительно склада промышленности мы и здѣсь замѣчаемъ въ Берлинѣ преобладанiе болѣе сложной организаци, чѣмъ у насъ, выражающейсѣ въ большой численности административныхъ лицъ, разнаго *Directions - Aufsichts - Rechnungspersonal*, который у насъ представляется для всей группы этихъ производствъ 1 на 100 хоз., тамъ 30 (не считая *Baubeamten*).

Въ промышленности по устройству жилищъ сходства между Берлиномъ и Петербургомъ уже гораздо болѣе, такъ какъ, за исключенiемъ производства обоевъ, всѣ другiя отрасли ея направлены только на удовлетворенiе мѣстныхъ нуждъ. Но тѣмъ не менѣе Берлинъ болѣе обеспеченъ въ удовлетворенiи потребностей по устройству жилищъ, чѣмъ Петербургъ: у насъ 5,8 всѣхъ производителей, въ Берлинѣ болѣе 7,5% принадлежатъ

съ относящимся сюда промысламъ, и отношеніе числа производителей въ числу потребителей въ Берлинѣ въратно больше, чѣмъ въ 38, такое существуетъ въ Петербургѣ.

Въ частности, въ Петербургѣ преобладаютъ обойщики и стекольщики, въ Берлинѣ столяры и тошари, хотя, по совокупности некоторыхъ занятій, мелкія категоріи нельзя подвести съ точностью одну подъ другую. Такъ, въ Берлинѣ стекольщики позаны отдѣльно, обойщики соединены съ фабрикантами обоевъ; у насъ маляры и стекольщики поставлены вмѣстѣ, по частому соединенію этихъ двухъ профессій, и обойщики отдѣлены отъ производителей обоевъ и т. д. Отдѣльныя хозяйственныя единицы, предприятия, въ Петербургѣ нѣсколько крупнѣе, среднее число рабочихъ на 1 хозяина больше; но отношеніе административнаго персонала къ хозяевамъ и тутъ въ Берлинѣ больше, чѣмъ въ Петербургѣ, за исключеніемъ производства обоевъ, работающаго въ Петербургѣ не только для мѣстнаго, но и для внѣшняго быта.

Содержаніе въ чистотѣ тѣла и одежды встрѣчаетъ въ Петербургѣ гораздо большее предложеніе услугъ, чѣмъ въ Берлинѣ. Содержателей бань и купалень въ Берлинѣ всего 7, у насъ 27, рабочихъ при нихъ только 82, у насъ 819: очевидно, способы содержанія тѣла въ чистотѣ въ Берлинѣ иные, чѣмъ въ Петербургѣ, и самыя заведенія общественныя для этой цѣли имѣютъ характеръ большихъ заведеній съ малымъ числомъ рабочихъ и съ большимъ управляющимъ штатомъ, четверо превосходящемъ число хозяевъ. Отношеніе производителей къ населенію въ Петербургѣ 1 на 788, въ Берлинѣ 1 на 6687. Такіе же выводы можно сдѣлать и относительно чистки бѣлья и одежды. Въ то время, какъ въ Берлинѣ приходится 1 на 137 жгг., въ Лондонѣ на 72, въ Петербургѣ 1 на 55. Главную составную часть этой группы производства составляетъ мытье бѣлья. Для этой задачи петербургское населеніе имѣетъ въ своемъ распоряженіи 168 хозяевъ прачешныхъ и портомойныхъ плотовъ съ 71 стникомъ и 11,193 прачками, не считая дворниковъ домовъ, которые возятъ бѣлье полоскать на рѣки и каналы. Для выводки бѣлья и окраски матерій Петербургъ имѣетъ 89 хоз. красильныхъ заведеній съ 140 рабочими, слѣдовательно, всего для чистки одежды персонала больше чѣмъ въ 12 тыс. человекъ. Берлинѣ обходится для этой же цѣлей 70 хозяевами съ 4917 раб., въ коихъ 4800 человекъ по ремеслу, экономизируя половину труда сравнимо съ Петербургомъ. Въ особенности значительна въ Петербургѣ цифра прачекъ-одиночекъ — 8,136 чел., работающихъ, какъ

вѣдѣно, или на дому, или въ качествѣ поденщицъ у потреби-
лей ихъ услугъ, — цифра, характеризующая какъ нельзя болѣе ясно
ту обособленность, тотъ домашній и нераціональный способъ
пользованія трудомъ въ этой отрасли, которыхъ въ большихъ
городахъ на Западѣ уже не существуетъ. Бѣлье моется съ при-
способленіемъ разныхъ орудій и въ большихъ специальныхъ за-
веденіяхъ. Лондонъ съ трехмилліоннымъ населеніемъ считаетъ
только до 44 тыс. прачекъ или 1 на 74 чел. населенія, Петер-
бургъ 1 на 59 человекъ при большемъ, въ тому же, числѣ до-
машней прислуги.

Царюльничковъ и парикмахеровъ, занимающихся пригото-
вленіемъ косметическихъ товаровъ, въ Берлинѣ за то несравненно
больше, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ масса населенія бороды не
брѣетъ, волоса стрижетъ съ помощью товарищей и пользуются
косметиками, производимыми въ Москвѣ или за границею. Одинъ
производитель приходится у насъ на 670 чел., въ Берлинѣ—
на 327.

За небольшими исключеніями, мы исчерпали всѣ тѣ прои-
водства, которыя главнымъ образомъ могутъ рассчитывать на мѣст-
ный спросъ; остаются промыслы перенлетчиковъ, фотографовъ,
монументчиковъ и немногихъ другихъ, но которыхъ выдѣлитъ
нѣтъ группъ, въ которыя они вошли, не позволяють материалы, въ
одномъ случаѣ петербургскіе, въ другомъ берлинскіе.

Какъ ни сухъ представленный нами анализъ, но онъ указы-
ваетъ на одинъ общій фактъ, что большинство рассмотрѣнныхъ
отраслей труда имѣетъ у насъ болѣе простую, ремесленную орга-
низацию и не вполне еще обособилось въ послѣднихъ своихъ
составныхъ элементахъ. Исключеніе составляютъ тѣ производства,
которыя могутъ рассчитывать на внѣшній спросъ и которыя яв-
лись въ Петербургѣ не вслѣдствіе одной мѣстной потребности,
а вслѣдствіе другихъ, постороннихъ мѣстному спросу, условій,
какъ, напримѣръ, лѣсопильное, сахаро-рафинадное, обоевъ и т. д.

Перейдемъ къ отдѣлу производствъ, существующихъ болѣе
для внѣшняго сбыта, чѣмъ для покрытія потребностей городского
населенія.

Въ расположеніи, по нисходящему порядку, этихъ произ-
водствъ Петербургъ и Берлинъ представляютъ много сходства. Въ
обоихъ первыми въ ряду стоятъ: обработка волокнистыхъ веществъ
(пряденіе, тканье, апретура), металловъ, выдѣлка кожевенныхъ
издѣлій, химическія производства (мыло, свѣчи, писчая бумага),
затѣмъ инструментовъ (музыкальныхъ и научныхъ), книгопеча-
таніе, производство мелкихъ вещей изъ дерева, волоса, вещей изъ

гуттаперчи и пр. Въ Лондонѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ обработка металловъ, издѣлій изъ дерева, волоса, кости, гуттаперчи, химическія производства и затѣмъ уже обработка волокнистыхъ веществъ. Изъ цифръ, представляющихъ для крупныхъ отдѣловъ родовыхъ группъ отношеніе производителей въ потребителямъ и другимъ производителямъ, можно видѣть, что отношенія эти въ Петербургѣ и Берлинѣ мало разнятся. Такъ, обработка волокна занимаетъ въ Петербургѣ 5,5⁰/₀ производительнаго населенія, въ Берлинѣ 4,9⁰/₀; отношеніе къ потребителямъ выражаетъ 1 на 62 и 1 на 77; обработка металловъ занимаетъ 6,8⁰/₀ производ. населенія, и даетъ 1 производителя на 32 чел. населенія въ Петербургѣ и 9,0⁰/₀ и 1 на 31 въ Берлинѣ; производство химическихъ продуктовъ даетъ цифры 0,5⁰/₀ и 1 на 443 для Петербурга, 0,7⁰/₀ и 1 на 470 для Берлина. Только производство инструментовъ, деревянныхъ издѣлій, корзинное, щеточное производство выражаются въ Петербургѣ меньшими величинами, чѣмъ въ Берлинѣ. Но это внѣшнее сходство утрачивается почти совершенно, если вникнуть въ составные элементы каждой группы. Является различіе весьма существенное: въ Петербургѣ преобладаютъ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ бумагопрядильни, бумаготвацкія фабрики, въ обработкѣ металловъ большіе желѣзодѣлательные заводы, обеспечивающіе потребности морского министерства и отчасти желѣзныхъ дорогъ, въ кожевенномъ производствѣ выдѣлка кожъ, въ химическомъ—свѣчей, мыла; въ Берлинѣ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ выдаются: производство шелковыхъ тканей, ковровъ, бархата, шалей и др. болѣе дорогихъ продуктовъ, идущихъ въ заграничную даже торговлю; въ обработкѣ металловъ важное мѣсто занимаютъ тоже предметы роскоши—издѣлія изъ бронзы и др. композицій, bijouteries для отправки въ Южную Америку, Испанію, Россію,—на ряду съ машиннымъ производствомъ; въ кожевенномъ—приготовленіе галантерейныхъ издѣлій, которыми Берлинъ конкурируетъ съ Вѣною и которыя назначаются для заграничнаго сбыта; въ химическомъ—красокъ.

Сравненіе съ Лондономъ въ деталяхъ почти невозможно по неоднородности классификаціи занятій и разнообразія занятій въ этомъ городѣ. Но въ общемъ нельзя не видѣть, что лондонская промышленность, даже металлическая, направлена преимущественно на производство мелкихъ издѣлій, предметовъ домашнего комфорта и роскоши, инструментовъ музыкальныхъ и научныхъ и пр. Изъ другихъ производствъ выдается писчебумажное и книгопечатаніе съ литографіями. Въ первомъ занято до 11,700

чел. (1% самостоят. населенія, 1 на 250 населенія, въ Петербургѣ 0,4% и 1 на 400), во второмъ до 42,000 чел. (до 4% и 1 на 78 чел., въ Петербургѣ около 0,8% и 1 на 174); при изготовленіи научныхъ инструментовъ занято болѣе 2,000 чел., тогда какъ у насъ только 400.

Вслѣдствіе указаннаго различія въ характерѣ получаемыхъ продуктовъ мы находимъ въ Берлинѣ: 1) болѣе многочисленный классъ такъ-назв. «художниковъ для техническихъ цѣлей» — около 2% производительнаго населенія, противъ 0,5 въ Петербургѣ; 2) самые размѣры промышленныхъ предпріятій меньше, независимо отъ того обстоятельства, что численность рабочихъ въ нихъ должна быть нѣсколько увеличена вслѣдствіе указанной уже нами причины.

Въ *обработкѣ волокнистыхъ веществъ* на 1 хоз. приходится въ Петербургѣ 88 рабочихъ и 1 служащій, въ Берлинѣ 4 рабочихъ и на 100 хоз. 3 служащихъ; въ *обработкѣ металловъ* на 1 хозяина въ Петербургѣ 15 раб. и на 100 хоз. 15 администраторовъ (всѣ въ желѣзодѣлательномъ производствѣ); въ Берлинѣ 6 раб. на 1 хозяина и на 100 хозяевъ 8 служащихъ; въ *кожевенномъ производствѣ*: въ Петербургѣ 1 хозяинъ на 10 раб. и на 100 хоз. 4 служащихъ, въ Берлинѣ 5 рабочихъ и 2 служащихъ; въ *химическихъ*: въ Петербургѣ на 1 хозяина 19 рабочихъ и на 100 хозяевъ 70 служащихъ, въ Берлинѣ 3 рабочихъ, на 100 хозяевъ 18 служащихъ, — однимъ словомъ, въ общихъ чертахъ, противоположное тому, что мы видѣли въ производствахъ перваго отдѣла, удовлетворяющихъ мѣстному потребленію. Тамъ ремесленный и домашній характеръ петербургской промышленности не перешелъ еще въ болѣе сложныя формы, дѣлающія потребленіе болѣе экономическимъ и производство совершеннымъ, такъ какъ подобный переходъ зависитъ въ извѣстной степени отъ измѣненія бытовыхъ условий, мало сходныхъ съ западно-европейскими; здѣсь производство, будучи направлено на менѣе цѣнные предметы, сохраняетъ видъ *grande industrie* и не переходитъ еще въ *petite industrie*, которою славятся Парижъ, Вѣна и которая начинаетъ преобладать въ Берлинѣ. Эти факты указываютъ на ту ступень, на которой находится Петербургъ на пути къ значенію «большаго города». Мы полагаемъ даже, что, вслѣдствіе совершенно другихъ условий, Петербургъ никогда не усвоитъ себѣ экономической фizioноміи названныхъ западно-европейскихъ городовъ. Географическое его положеніе, отдаленность отъ густо-населенныхъ мѣстностей Россіи, близость этихъ послѣднихъ въ Москвѣ и

заграничнымъ центрамъ производствъ предметовъ роскоши, по нашему мнѣнію, суть именно важнѣйшія въ ряду этихъ условий. Самое возрастаніе петербургскаго населенія до цифръ, даваемыхъ населеніемъ западныхъ городовъ, кажется равнымъ образомъ мало вѣроятнымъ: съ уменьшеніемъ тяготѣнія хозяйственнаго, умственнаго и административнаго въ столицѣ, съ образованіемъ мѣстныхъ такихъ центровъ, механической приростъ долженъ будетъ пойти на убыль, а Петербургъ, какъ извѣстно, только этимъ приростомъ и живетъ.

Относительно другихъ производствъ, сюда же относящихся — книгопечатанія и выдѣлѣ музыкальныхъ инструментовъ, часовъ и инструментовъ научныхъ — Петербургъ остается позади Берлина, особенно если принять въ расчетъ, что онъ есть почти единственный городъ въ Россіи, гдѣ производства эти имѣютъ какое-нибудь развитіе. На 111-ть хозяевъ типографій и литографій, числящихся въ Петербургѣ, Берлинъ имѣетъ 389; на 39 хозяевъ, занимающихся у насъ приготовленіемъ научныхъ инструментовъ, въ Берлинѣ насчитывается 299 и т. д.

Торговая промышленность въ изданіи петербургской переписи раздѣляется на пять отдѣловъ: 1) торговля деньгами, посредники при торговлѣ и торговля оптовая; 2) торговля въ лавкахъ; 3) торговля съ ларей; 4) торговля разносная, и 5) торговля безъ означенія. Нельзя сказать, чтобы это раздѣленіе было совершенно правильно построено. Торговля оптовая есть тоже торговля товарами и нѣтъ причины соединять ее въ одно съ посредничествомъ въ торговыхъ оборотахъ; торговля съ ларей есть тоже видъ торговли товарами: ларь и лавка имѣютъ чисто внѣшнее различіе. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣленіе это пригоднѣе прусскаго на три части: 1) торговлю товарами, 2) книгами и художественными произведеніями и 3) посредничество, гдѣ разносная торговля совершенно исчезаетъ, и вообще нельзя прослѣдить степени развитія торгова въ различныхъ его степеняхъ.

Торговля товарами, оптовая, раздробительная и разносная, занимаетъ въ Петербургѣ 6488 хозяевъ съ 21,617 раб., 482 чел., торгующихъ съ ларей, и 6178 разнощиками, всего 34,765 чел., т.-е. 1-го продавца на 19 потребителей, въ то время, какъ въ Берлинѣ ею занята 85,750 чел. или 1 на 23 потребителя, въ Лондонѣ 1 на 39. Въ Петербургѣ на каждаго 3 человека, занимающихся производствомъ разныхъ продуктовъ, приходится 1 торгующій; въ Берлинѣ и Лондонѣ 1 на семерыхъ. Такое большое число лицъ, занимающихся торговлею, можетъ быть объ-

яснено и раздробленностью торговли и тѣмъ, что множество предметовъ необходимаго потребленія составляетъ предметъ мелкой и не городской мѣстной, а иногородной производительности. Степени сравнительной раздробленности нельзя однако опредѣлить за неизмѣнимъ для Берлина данныхъ отдѣльно для оптовой торговли отъ розничной, а для Петербурга для управляющаго персонала отдѣльно отъ рабочаго. Если считать разносчиковъ и торгующихъ съ ларей, за малыми исключеніями, за самостоятельныхъ хозяевъ, то мы получимъ такое же отношеніе къ числу рабочихъ, какъ и въ Берлинѣ: 10 къ 13—и 10 къ 16 у насъ. Нѣсколько большее отношеніе у насъ зависитъ скорѣе не отъ большей величины оборотовъ отдѣльныхъ предпріятій, сколько, быть можетъ, отъ торговыхъ обычаевъ.

Что касается до посредничества въ торговлѣ, то оно, благодаря обилію кредитныхъ учрежденій и портовому характеру Петербурга, должно быть и есть дѣйствительно велико, какъ показываютъ цифры приведенной выше таблицы: всѣ отношенія вдвое превосходятъ берлинскія. Къ сожалѣнію, отдѣльные виды посредничества не могутъ быть подвергнуты сравненію, за неизмѣнимъ данныхъ для Берлина.

За то торговля книгами и художественными произведеніями представлена у насъ весьма скудно: 106 хозяевъ съ 234 рабочими (противъ 457 хоз. съ 352 рабочими въ Берлинѣ)—слишкомъ вдвое слабѣе, чѣмъ въ Берлинѣ.

Послѣдняя отрасль промышленныхъ занятій, которую намъ осталось охарактеризовать въ общихъ чертахъ, это — перевозочная промышленность въ ея трехъ главнѣйшихъ отрасляхъ: перевозкѣ по сухому пути, по водному и трактирномъ промыслѣ.

Общая особенность всѣхъ трехъ отраслей въ Петербургѣ заключается въ несравненно большемъ количественномъ развитіи ихъ, сравнительно съ Берлиномъ и даже Лондономъ: одинъ производитель приходится у насъ на 16, въ Лондонѣ 1 на 21, въ Берлинѣ на 45 потребителей. Въ Берлинѣ, сообразно его положенію географическому, особенно мало лицъ, занятыхъ въ перевозочной водной промышленности. Тамъ всего 20 хозяевъ, при 30 служащихъ и 132 рабочихъ. Это, главнымъ образомъ — служащіе въ разныхъ перевозочныхъ учрежденіяхъ. Въ Петербургѣ однихъ служащихъ въ пароходныхъ обществахъ 84, судовладельцевъ 52 съ 88 служащими и 92 рабочими, и 78 лодочниковъ, кромѣ того люда, который нанимается на лѣто въ перевозчики на нашихъ рѣкахъ и каналахъ. Въ Лондонѣ, напротивъ, какъ

слѣдуетъ ожидать, число занятыхъ въ перевозкѣ по воднымъ путямъ достигаетъ въ 16 разъ большей относительной величины, чѣмъ въ Петербургѣ.

Перевозка по сухому пути представляетъ въ Петербургѣ весьма крупныя цифры, почти столь же крупныя, какъ и въ Лондонѣ. Главную массу относящихся сюда производителей составляютъ служащіе и работники при желѣзныхъ дорогахъ, которыхъ насчитывается до 5435 лицъ; затѣмъ извозчики легковые въ числѣ 660 хозяевъ, 7579 одиночекъ и 4931 работника, извозчики ломовые — 199 хозяевъ и 2684 рабочихъ. Затѣмъ слѣдуютъ по численности курьеры, почтальоны, телеграфисты, рабочіе при общественныхъ экипажахъ, перевозчики мебели и пр. Вся масса народа, не считая желѣзно-дорожныхъ и другихъ служащихъ и рабочихъ, собственно предназначенная для производства услугъ передвиженія въ самомъ городѣ, простирается до 16,581 или 1 на 40 чел. населенія. Уже одно сравненіе числа извозчиковъ легковыхъ и рабочихъ при общественныхъ экипажахъ можетъ дать понятіе о размѣрахъ этого промысла и отчасти о характерѣ его. Въ Берлинѣ было, по даннымъ для конца же 1871 года, заимствованнымъ изъ «Берлинскаго Ежегодника», легковыхъ извозчиковъ только 7429, правда, собственно кучеровъ, или одинъ кучерь-извозчикъ на 110 жителей; въ Петербургѣ 12,510 легковыхъ извозчиковъ-рабочихъ, или 1 на 53 чел. населенія, въ лѣтнюю пору, конечно, значительно меньше. Омнибусы, общественныя кареты имѣли, напротивъ, въ Петербургѣ только 296 рабочихъ, въ Берлинѣ 1871 (въ 1872 — 2123), хотя въ Берлинѣ пользованіе общественными средствами передвиженія гораздо болѣе ограничено, чѣмъ въ другихъ столицахъ, напр. Вѣнѣ, не говоря уже о Парижѣ ¹⁾ и Лондонѣ. Въ лѣтнее время движеніе

¹⁾ Въ Парижѣ десять лѣтъ тому назадъ считалось болѣе 9,000 фіакровъ и voitures de remise, и болѣе 1,000 омнибусовъ. Въ Берлинѣ теперь считается 438 омнибусовъ и 7429 дрожекъ. Одно число общественныхъ экипажей не указываетъ еще на степень удовлетворенія ими потребности передвиженія; много значить — правильная организація движенія общественныхъ экипажей, приравненная къ направленію и времени передвиженія публики, которая всегда подчинена извѣстной правильности, законосообразности. Исторія передвиженія въ городахъ имѣетъ три періода: передвиженіе въ собственныхъ экипажахъ, передвиженіе съ помощью извозчиковъ, въ небольшихъ экипажахъ, и передвиженіе въ большихъ общественныхъ экипажахъ. Съ каждымъ періодомъ передвиженіе удешевляется и масса передвигаемыхъ возрастаетъ. Въ 1866 г., въ парижскихъ омнибусахъ проѣхало 112 милл. пассажировъ, сдѣлавшихъ 28 милл. верстъ. Въ 1871 г. въ Лондонѣ считалось 16,912 легковыхъ извозчиковъ (кучеровъ), т.-е. только 1 на 150 чел. жителей; 20¼ тысячь ломовыхъ, но за то 2179 владельцевъ омнибусовъ, voitures de remise и проч.

общественныхъ экипажей возрастаетъ, и восполняетъ отчасти уменьшеніе извозчиковъ.

Трактирный промыселъ, куда входитъ содержаніе ресторановъ, трактировъ, меблированныхъ комнатъ, портерныхъ, кабаковъ и т. п., представляетъ равнымъ образомъ въ Петербургѣ чрезвычайное развитіе, если судить по числу лицъ, въ немъ заинтересованныхъ. Вѣроятная причина этого явленія лежитъ опять-таки въ той особенности петербургскаго населенія, которую отмѣтили мы въ началѣ нашего этюда—въ большомъ числѣ бедомнаго, безсемейнаго населенія, живущаго въ несравненно ббльшемъ числѣ не своимъ хозяйствомъ, но примыкающаго, въ качествѣ жильца, къ чужому хозяйству. Трактиры и кабаки составляютъ въ Петербургѣ преобладающую форму трактирнаго промысла: въ содержаніи ихъ участвуетъ 20⁰/о хозяевъ и 82⁰/о рабочихъ изъ принадлежащихъ къ этой группѣ промысловъ. Затѣмъ идутъ хозяева меблированныхъ комнатъ и квартиръ—35⁰/о хозяевъ.

Ю. Янсонъ.

О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ

ИЗУЧЕНИИ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Историческое изслѣдованіе литературы въ послѣднія десятилѣтія чрезвычайно расширилось, и самое изслѣдованіе принимаетъ новое направленіе и приемы. Изданіе и изученіе рукописнаго матеріала изъ старыхъ періодовъ никогда еще не достигало такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ именно теперь; наша литература въ этомъ отношеніи слѣдуетъ только примѣру европейскихъ, или идетъ параллельно съ ними. Вновь открываемый матеріалъ доставлялъ историческому любопытству множество новыхъ интересныхъ явленій, и чтобы объяснить ихъ, потребовались новые приемы изученія. Прежняя, почти исключительно эстетическая точка зрѣнія становилась недостаточна: литература изслѣдуется не только какъ органъ поэтическаго творчества, но и какъ выраженіе другихъ многообразныхъ движеній національности, которыя не всегда входятъ прямо въ область собственнаго искусства, но тѣмъ не менѣе глубоко захватываютъ мотивы народной мысли, фантазій и дѣйствительности. Изученіе литературы среднихъ вѣковъ, всего менѣе извѣстной въ прежнее время, уже теперь представило множество новыхъ данныхъ для исторіи внутренней жизни народовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше приводитъ къ новой постановкѣ цѣлаго историческаго вопроса. Рядомъ съ распространеніемъ сравнительныхъ изслѣдованій языка, мнѣо-

логи, религій, наконецъ бытовыхъ учрежденій, возникаетъ уже сравнительно-историческое изученіе самой литературы.

Новая точка зрѣнія является совершенно естественно. Современная наука, оставивъ прежнія апіорныя построенія, стала искать объясненія человѣческаго развитія въ аналитическомъ изученіи, которое должно привести къ иному рода обобщеніямъ, болѣе точнымъ и доказательнымъ, потому что въ основаніи ихъ полагаются строго опредѣленные факты. Результатомъ этого приѣма было уже вскорѣ основаніе новыхъ наукъ, открывшихъ невѣстныя прежде перспективы въ историческое и до-историческое прошлое. Археологія, доходя до геологической древности и наблюдая бытъ современныхъ дикарей, старается, и не безъ успѣха, разъяснить первые начатки человѣческой цивилизаціи, первый выходъ изъ безпомощнаго диваго состоянія. Сравнительное языковѣдѣніе впервые открыло въ языкахъ историческій процессъ, и въ его наблюденіи нашло обильные факты внутренней жизни народовъ, неизвѣстные и недоступные письменной исторіи. Оно указало тѣсную родственную связь племенъ, которымъ принадлежитъ созданіе и веденіе европейской цивилизаціи, и, пока въ общихъ чертахъ, успѣло разъяснить ихъ послѣдовательное выдѣленіе изъ общаго корня и постепенное развитіе въ отдѣльных историческихъ націи. Образование языковъ, почти бессознательное, похожее на естественно-историческій процессъ, мимо воли и намѣренія, обозначало дѣленіе самихъ племенъ и народностей: — въ языкѣ народъ чувствовалъ свое единство. Съ развитіемъ языка тѣсно связывалось развитіе бытовыхъ и мѣологическихъ представленій; и сравнительное изученіе мѣологіи, непосредственно примкнувшее къ языковѣданію, показывало, что родственная связь индо-европейскихъ племенъ продолжается и въ этой области, хотя съ дѣленіемъ племенъ начиналось уже самостоятельное дѣйствіе народностей. Племена, выдѣлившіяся изъ общаго корня, сохраняя свой общій антропологическій типъ и способность къ развитію, приобрѣтали свой особенный обликъ и характеръ въ обстановкѣ своей природы, бытовыхъ условій и историческихъ отношеній. Сравнительное изученіе бытовыхъ учреждений, хотя еще сдѣланное пока въ небольшихъ размѣрахъ, указывало и здѣсь — въ главныхъ европейскихъ племенахъ — на параллельность развитія, достигающую до тѣхъ временъ, гдѣ исторія уже начинаетъ свою лѣтопись. Наконецъ, расы подѣлились окончательно; инны уже совершили свой историческій циклъ; изъ смѣшенія и историческаго взаимодѣйствія старыхъ типовъ образовались новые, — какъ племена западной Европы, возникшія на кельто-римской почвѣ;

но сравнительное изученіе продолжаетъ отрывать и въ эти историческія эпохи культурное единство, до тѣхъ поръ мало замѣченное...

Въ примѣненіи въ литературѣ, подобное сравнительное изученіе еще ново, и безъ сомнѣнія еще далеко не обняло своего предмета, — даже въ европейской наукѣ (у насъ оно только-что начинается). До сихъ поръ, оно останавливалось по преимуществу на древнихъ и средневѣковыхъ періодахъ народныхъ языковъ, преданій, быта. Понятно, что оно такимъ же образомъ можетъ быть проведено и далѣе, въ ближайшія къ намъ времена, — ставя себѣ цѣлью то же наблюденіе національныхъ развитій, уже не въ одной сферѣ непосредственно народныхъ представленій, которыя въ средніе вѣка еще такъ сильны и въ цѣломъ обществѣ, — но и въ области высшаго научнаго міровоззрѣнія, которому предстоитъ замѣнить собою старое популярное преданіе. Въ исторіи новѣйшихъ временъ, народная жизнь утрачиваетъ болѣе и болѣе старыя преданія, въ которыхъ крылась исконная связь племенъ, но вмѣстѣ съ ихъ упадкомъ возникали новыя связи иного рода, — связи одной общей образованности. Эта образованность новой Европы, унаслѣдовавши все лучшее, что только сдѣлано было (и сохранилось) древностью на Востоцѣ и въ классическомъ мірѣ, въ области нравственныхъ идей и въ области знанія, стала теперь отличительной чертой европейскихъ народовъ: въ ней заключается ихъ сила и ихъ взаимная моральная связь.

Для исторіи западной Европы эта связь одной образованности идетъ почти, какъ готовое наслѣдіе, со временъ единства Римской имперіи, продолженнаго единствомъ католицизма въ средніе вѣка. Въ новой Европѣ религіозная связь была порвана реформацией, религіозный интересъ вообще отдаленъ болѣе и болѣе въ область личнаго свободнаго чувства, но рядомъ съ этимъ расширяется новое образованіе, политическая и общественная солидарность. Интересъ науки и образованности становится всеобщимъ интересомъ; и та общность развитія, о которой мы говорили, для новыхъ временъ уже изображается отчасти исторіей новѣйшей науки, въ которую всѣ европейскіе народы внесли свои богатые вклады. Но эти связи европейскихъ народовъ не исчерпывались ни политическими ихъ отношеніями, ни единствомъ отвлеченной науки; онѣ простирались и на литературу, и взаимодѣйствіе ихъ въ этомъ отношеніи съ эпохи возрожденія, все болѣе и болѣе возрастающее, уже вызвало опыты «международной» исторіи европейской литературы.

Къ этой «международной» исторіи должна примыкать и исто-

рія русской литературы, — различнымъ образомъ связанная съ литературами европейскими: въ средніе вѣка — единствомъ типа, языка и быта, единствомъ мифическихъ преданій индо-европейскаго корня, родственностью преданій христіанскаго легендарнаго эпоса и космогоніи; съ конца XVII-го вѣка — стремленіемъ усвоить приобрѣтенія опередившей европейской образованности.

Немногія сличенія, какія были сдѣланы до сихъ поръ въ языкѣ, мифологии и литературѣ славянства съ европейскими, показали, вмѣстѣ съ тѣснѣйшей связью по языку, близкое перво-бытное родство славянства съ другими европейскими народами по древнему народному міровоззрѣнію и по литературѣ средневѣковыхъ сказаній. Въ этомъ родствѣ открывались несомнѣнно черты одного культурнаго типа, — такъ что историческое отдаленіе русскаго народа отъ европейскаго міра въ XIII—XVII ст. можетъ быть понимаемо только какъ временное отклоненіе, вызванное особенными внѣшними обстоятельствами, а новыя связи, утвержденныя всего болѣе Петромъ Великимъ, были необходимыми обращеніемъ къ естественному пути развитія, который подобаеъ намъ и по происхожденію племенному, и по начаткамъ старой культуры, и по условіямъ существующей образованности, и — по здравому смыслу.

Сравнительно-историческое изученіе одно можетъ правильно выяснить общія отношенія русской литературы и образованности, т. е. ея отношенія племенные и международныя, степень успѣховъ, приобрѣтенныхъ ею до настоящаго времени, и ея desiderata. Въ настоящихъ условіяхъ нашей литературы такое изученіе важно было бы въ особенности и потому, что въ ходячихъ понятіяхъ еще сильно распространены странныя заблужденія о нашемъ отношеніи къ европейской образованности, заблужденія не новыя, даже очень старыя, которыя въ особенности распространяются въ моменты общественнаго и литературнаго застоя, каковъ и настоящій моментъ. Русская литература, какъ вообще русская исторія, изображается обыкновенно какъ нѣчто совсѣмъ особое, не имѣющее связи съ европейскимъ: мало замѣчая то, что было культурно-родственнаго и параллельнаго между ними, и обращая особенное вниманіе на то отдаленіе, какое было между ними почти до самого Петра, — наши историки, даже не тенденціозно-консервативные, мало винкали въ эти отношенія, а консервативные прямо указывали противоположность русскаго міра съ европейскимъ, и отдаленіе отъ Европы изображали какъ вещь нормальную и желательную, какъ національную особенность, — не подозревая, какъ это послѣднее было бы для насъ

мало лестно и выгодно, еслибъ было правда. Старая школа, квасного и пѣвистическаго консерватизма, которую съ успѣхомъ представлялъ Шевыревъ, дѣлала изъ древней и московской Руси— «избранный родъ», который противопоставался Западу чисто на византійскій ладъ, ни болѣе ни менѣе какъ высшій и исключительный представитель христіанской цивилизаціи. Другая, болѣе утонченная школа національной исключительности противопоставала двѣ цивилизаціи— міръ западный, романо-германскій, и міръ восточный, греко-славянскій, и по этому дѣленію находила отклоненіе русскаго міра (служащаго теперь главнымъ представителемъ греко-славянства) отъ Запада не только естественнымъ, но и необходимымъ. Сравненіе ихъ было бесполезно, — оно указало бы только, что они исключаютъ другъ друга.

Что подобная точка зрѣнія можетъ вести къ самымъ превратнымъ понятіямъ о положеніи русской образованности и о томъ, что для нея нужно—объ этомъ нечего говорить. Намъ, которымъ еще такъ много надо приобрѣтать, которымъ еще нужно привыкать къ образованію, говорятъ, что намъ слѣдуетъ убѣгать отъ той Европы, которая въ сущности до сихъ поръ остается для насъ главнѣйшей опорой всякій разъ, когда намъ бываетъ нужно знаніе и искусство. Со словъ людей, еще понимавшихъ — хотя софистически — свою мысль, цѣлая толпа мало развитыхъ людей повторяетъ мнимо-національныя претензіи и дѣлаетъ изъ «Запада» предметъ своего благочестиваго ужаса. Остановимся на этомъ все еще повторяемомъ мнѣніи.

Противоположеніе греко-славянскаго и романо-германскаго міра предполагаетъ двѣ цивилизаціи, различныя по исходнымъ точкамъ, несходныя по фізіологическимъ свойствамъ, — такъ что уклоненіе отъ востока къ западу и подчиненіе вліяніямъ послѣдняго представляется прискорбной и вредной ошибкой, нарушеніемъ естественнаго закона.

Но существуетъ ли эта другая цивилизація, фізіологически отличная отъ западной,—и если даже признать ея существованіе, обладаетъ ли она такими свойствами, ради которыхъ слѣдуетъ отречься отъ того, что уже доставила и еще доставитъ по всѣмъ вѣроятіямъ западная цивилизація?—Но такой другой цивилизаціи, конечно, не существуетъ. Принимая, какъ и слѣдуетъ, это слово какъ сумму умственнаго развитія и научнаго знанія, собраннаго человѣчествомъ въ теченіе исторіи, — цивилизація есть только одна, и больше не можетъ быть, какъ не можетъ быть различ-

наго хода логической мысли и науки, не можетъ быть различной математики или физики. Это—цивилизация единственная существующая, и единственная возможная. Если говорится объ историческихъ «цивилизацияхъ», какія создавались разными народами, то говорится только въ частномъ смыслѣ: это — различныя формы культурнаго быта, ступени, черезъ которыя прошло человѣчество и которыя относятся къ цѣлому развитію какъ отдѣльные случаи явленій. Каждый народъ въ этомъ смыслѣ имѣетъ свою цивилизацію, и въ ихъ числѣ были и есть такія, которыя дѣйствительно очень несходны съ европейскими формами: таковы были американскія цивилизаціи въ Мексикѣ и Перу, развившіяся внѣ связи со Старымъ Свѣтомъ; такова китайская, знаменитая своею неизмѣнностью,—мусульманская и т. д. Онѣ возникали и развивались въ своихъ разнообразныхъ условіяхъ, и служили какъ формы культурнаго быта. Точно также существовали различныя формы быта и образованности и у тѣхъ народовъ, которымъ принадлежитъ созданіе европейской цивилизаціи. Въ такомъ частномъ смыслѣ можно говорить и о греко-славянской цивилизаціи, которая дѣйствительно существовала какъ историческое явленіе и въ свое время выполняла извѣстныя задачи, послужившія и для успѣховъ общечеловѣческой цивилизаціи ¹⁾. Но, конечно, странно было бы думать (какъ хотѣтъ люди упомянутой школы), что «греко-славянская» образованность уже доставила высшую цивилизацію, что она сама была уже вершъ доступной человѣчеству истины... Какъ мы сказали, это былъ только историческій моментъ, далеко не лишенный значенія, но для насъ уже исполнившій свое дѣло; моментъ, параллельный тому, каковой и западное общество переживало въ средніе вѣка.

Очевидно, что ни сравнивать, ни противопоставлять «греко-славянскую» цивилизацію европейской образованности невозможно: отношеніе ихъ есть отношеніе части къ цѣлому, или, точнѣе, отношеніе переходной ступени развитія къ послѣдующему результату. Византизмъ (въ которомъ полагается центръ тяжести стараго «греко-славянства») представляло собой принципъ теологическій, какъ и средніе вѣка западной Европы, — новая европейская образованность представляетъ принципъ научный. Между ними лежитъ вѣка умственнаго развитія.

¹⁾ У насъ вообще очень часто смѣшиваютъ общее понятіе цивилизаціи (о которой мы собственно и говоримъ), какъ умственнаго развитія, съ бытовыми формами. Такъ смѣшаны они и въ любопытной статьѣ: „Наша національная особенность“ („Недѣля“, № 31). Внеся въ свои разсужденія и общее понятіе цивилизаціи, авторъ конечно поставилъ бы свои выводы значительно полнѣе, и иначе.

Византія внесла въ свое время цѣнныя вклады въ европейское просвѣщеніе, но съ тѣхъ поръ это просвѣщеніе пережило дѣльный историческій періодъ, принесшій великіе и многозначительные результаты. Выросла новая образованность, о какой не помышляла ни Византія, ни сама Европа въ началѣ этого періода. Путемъ долгой борьбы и всякихъ превратностей, европейская образованность освободилась, наконецъ, отъ гнета средне-вѣкового догматизма и преданія; и возникновеніе свободной мысли повело къ утвержденію истинной, независимой науки, которая создаетъ совершенно новое міровоззрѣніе, впервые освѣщая жизнь природы и исторію человѣчества съ такихъ сторонъ и съ такою убѣждающею силой, какъ этого еще никогда не было сдѣлано, и какъ это было невозможно ни для какой иной образованности, которая бы исходила изъ обязательнаго, неподвижнаго преданія. Изъ этого видно, насколько «греко-славянская» цивилизація могла бы имѣть притязаніе на то верховное значеніе, какое хотя ей приписать: въ ея основѣ именно и лежитъ догматическое преданіе.

Когда приверженцы «греко-славянства» отстаивали его особенность и отдѣльность отъ западнаго міра, ими, очевидно, руководило между прочимъ желаніе обезпечить независимость и охранить достоинство національности, которое по ихъ мнѣнію могло понести ущербъ отъ чуждыхъ вліяній и примѣсей; западная цивилизація являлась имъ только въ національной формѣ—или латинскаго Рима, или безпокойной Франціи, или враждебной славянству Германіи и т. д. Но когда говорится въ общемъ смыслѣ о европейской цивилизаціи, то вовсе нѣтъ рѣчи о національных: только напуганное воображеніе или неумѣренное самолюбіе связываетъ съ ней непремѣнно чье-нибудь чужое притязаніе; потому что и самая цивилизація принадлежитъ вовсе не какому-нибудь народу въ частности, а всѣмъ, у кого наука сходитъ себѣ пріемъ: у всѣхъ цивилизація существуетъ подъ изличной окраской національнаго быта, — но для всѣхъ ея принципы служатъ высшимъ критеріемъ умственной жизни, а тѣмъ нравственныхъ понятій, и наконецъ и самаго общественнаго быта и устройства. Национальность, конечно, ни мало не включается ею и не страдаетъ отъ нея, какъ опасаются наши ранители. Европейскія національности нисколько не утратились въ ея вліянія; онѣ только развиваются и совершенствуются подъ дѣйствіемъ, потому что она удаляетъ только тѣ черты національнаго быта, въ которыхъ остаются слѣды грубыхъ и варварскихъ временъ, и, напротивъ, усиливаетъ энергію всѣхъ лучшихъ

свойствъ и наклонностей національнаго характера, и вводитъ въ жизнь народовъ элементы, которые безъ нея остаются обыкновенно только въ пассивномъ бездѣйствіи. Развитие цивилизаціи и есть та сила, которая ставитъ европейскія общества на первомъ планѣ въ современной жизни человѣчества, наконецъ дѣлаетъ европейскіе народы и матеріальными властителями земного шара. Въ послѣднія десятилѣтія мы въ особенности могли быть свидѣтелями могущественнаго распространенія европейской власти въ странахъ, жившихъ не только въ формахъ дикаго быта, но и съ тѣми низшими «цивилизациями», которыя, какъ китайская, мусульманская, исходятъ изъ чисто національныхъ преданій.

Власть европейской цивилизаціи заключалась, конечно, не только въ томъ страшномъ вооруженіи, съ которымъ приходилъ европеецъ занимать новыя страны и противъ котораго бессильны были ихъ туземцы,—а всего болѣе въ высокомъ личномъ развитіи, умственной и дѣятельной энергіи, сообщаемой сознаниемъ. Тѣ знаменитыя цивилизаціи, какъ китайская, которая въ прошломъ столѣтіи возбуждала даже изумленіе европейцевъ, уже оказываются бессильными предъ европейскими вліяніями; то странное и фальшивое положеніе, какое занимаетъ въ Европѣ мусульманское государство, давно выражается пословицей о «больномъ человѣкѣ».

Мы замѣтили, что европейская цивилизація не была особенной заслугой ни одного изъ европейскихъ народовъ въ частности,—что всѣ болѣе или менѣе ей содѣйствовали, у всѣхъ она существуетъ въ разныхъ оттѣнкахъ и въ разной степени. Но въ ней всегда было стремленіе обобщаться, которое было не что иное, какъ естественная обязательность, принудительность логической мысли для человѣка, къ ней способнаго. Въ тѣ времена, когда націи были еще сильно разобщаемы остатками грубости и древней вражды, національной ревностью и простымъ неудобствомъ сношеній, пріобрѣтенія образованности передавались уже отъ одной націи къ другой, получали свое признаніе, усваивались какъ общее достояніе и служили опорой для новыхъ пріобрѣтеній, которыя вновь распространялись такимъ же образомъ. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ такого общенія было, на примѣръ, классическое «возрожденіе» XIV—XV вѣка; такое было развитіе физическихъ наукъ въ началѣ новѣйшей исторіи, и т. д. и т. д. Въ настоящее время это общеніе, соединяющее усилія всѣхъ образованныхъ народовъ для цѣлей цивилизаціи, становится сознательнымъ стремленіемъ передовыхъ людей и друзей образованности,—національная вражда и мѣстные антипатіи

уступаютъ передъ общимъ умственнымъ и нравственнымъ интересомъ, которому въ будущемъ предстоитъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе широкое вліяніе.

Результаты этой цивилизаціи, въ которой собрались и увѣнчались всѣ открытія человѣческаго ума, сохранившіяся съ древнѣйшихъ, едва памятныхъ временъ, до новѣйшей науки ¹⁾,—составляютъ, словомъ, высшее пріобрѣтеніе, сдѣланное человѣчествомъ, и мимо ихъ невозможенъ никакой успѣхъ въ умственномъ развитіи, а затѣмъ невозможна и истинная національная сила,—потому что только помощь истинной, свободной образованности даетъ возможность полнаго развитія способностей и энергіи, которыми одаренъ народъ и которыя обеспечиваютъ его прочное существованіе.

Мнѣніе о раздѣльности нашей образованности отъ европейской произошло изъ различныхъ источниковъ. Въ старинныя времена оно было больше инстинктомъ грубой національной исключительности; теперь ищетъ оправдать себя теоретическими основаніями.

Еще въ старину, въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкѣ, ничего пока не зная о западной Европѣ, не имѣя понятія о возникавшихъ тогда могущественныхъ движеніяхъ научной мысли, русскіе отстранивались отъ Запада вслѣдствіе его латинства. Религіозный аргументъ и съ того уже времени пріобрѣтавшаяся наклонность къ восточной неподвижности обычая и преданія, были основнымъ мотивомъ этого отчужденія: западное считалось поганымъ, почти вычужденнымъ. Раскольники, въ которыхъ и теперь еще можно наблюдать характеръ религіозности московской Руси, отнеслись такимъ образомъ сначала и къ «никоніанству», нарушившему древнія преданія, потомъ къ Петровской реформѣ, еще укрѣпившей никоніанство. Въ обществѣ послѣ-Петровскомъ, когда произошло за дѣлѣ слишкомъ много сближеній съ иноземцами и иноземными нравами и понятіями, старый религіозный мотивъ вражды «отранился», но вражда продолжалась по старому предубѣжденію, о вкоренившейся умственной лѣни. Такова была философія героев Салтемира, фонъ-Визина, какъ потомъ московскихъ баръ Грибоѣдова и т. д. По новымъ отношеніямъ нашей образованности, слабое стремленіе къ новому содержанію, любовь къ наукѣ, же-

¹⁾ Не ссылаясь на старія отвлеченно-философскія построенія исторіи цивилизаціи (напр. въ замѣчательной статьѣ Канта), укажемъ новѣйшее воззрѣніе, изложенное Тиндаллемъ. См. его рѣчь, переведенную въ „Вѣстн. Евр.“ 1874, декабрь,—гдѣ читатель найдетъ взглядъ европейской цивилизаціи на свое прошедшее.

ланіе общественныхъ улучшеній неизбежно совпадали съ европейскими симпатіями, и эти симпатіи необходимо вызывали обвиненія и проклятія у всѣхъ приверженцевъ старины и обскурантовъ (наивныхъ и злостныхъ).

Наконецъ, кромѣ умственной лѣни, въ нерасположеніи къ западной Европѣ стало участвовать и національное самолюбіе. Оно не одинъ разъ было задѣто со временъ реформы; не разъ имѣло и справедливые поводы къ неудовольствію и къ негодованію,—отчасти и при Петрѣ, а въ особенности при политическомъ хозяйничаньи нѣмецкихъ партій, Бирона и проч. Но было много и другихъ случаевъ, когда національное самолюбіе, дурно понимаемое, вело только къ безплодному и вредному самомнѣнію и самохвалству, и къ обскурантной враждѣ противъ европейскаго. Для патріотическаго чувства, совершенно непосредственнаго, казалось невозможнымъ признать какое-либо превосходство чужеземцевъ. Политическое могущество Россіи, доставившее ей большое вліяніе на дѣла Европы, внушало мысль, что мы ни въ чемъ не уступимъ Европѣ и во внутреннемъ содержаніи нашей жизни. Фактическія сравненія, которыя были бы несогласны съ этой вѣрой, трудно было бы даже и высказать; оцѣ отвергались впередъ, какъ нелѣпость, даже преступленіе. Самовосхваленіе, слишкомъ обыкновенное у непосредственныхъ патріотовъ всякихъ націй, у насъ, быть можетъ, было вреднѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что не могло встрѣтить себѣ опроверженія (которое было бы не безопасно), и притомъ въ униженіе и отрицаніе иностраннаго слишкомъ часто включались самыя существенныя интересы образованія.

Въ недавнее время, недружелюбное отношеніе къ Западу, выкопавшееся въ умахъ съ различныхъ сторонъ (между прочимъ, и отъ своихъ домашнихъ неустройствъ), стало искать себѣ теоретическаго основанія, и нашло его въ славянофильскомъ ученіи о противоположности западнаго и восточнаго міра. Странно, хотя естественно, что главнымъ фундаментомъ этого противоположенія у славянофиловъ явился тотъ же древне-русскій и раскольничій религіозный мотивъ: различіе догматическое и церковное раздѣленіе поставлены были источникомъ дѣленія западной и восточной цивилизаціи, такъ какъ полагалось, что изъ различнаго пониманія догмата истекли и основныя черты образованности, общественной жизни и политическаго идеала¹⁾. Новѣйшее славянофильское

¹⁾ См. сочиненія Кирѣевскаго, богословскія статьи Хомякова, и апологію послѣдняго, г. Самарина.

вянофильство дополняло эту точку зрѣнія, больше настаивая еще на разности племенныхъ характеровъ.

Нѣтъ надобности повторять того, что уже не разъ говорилось по поводу славянофильскихъ теорій; довольно указать здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, ту историческую связь, казая, напротивъ, соединяетъ мнимо-раздѣленные романо-германскій и греко-славянскій міръ, — и, въ частности, соединяетъ интересы и движеніе русской литературы и образованности съ западно-европейскими.

Нѣтъ сомнѣнія, что было много отличій въ западномъ и восточномъ мірѣ въ теченіе среднихъ вѣковъ, когда началась и развивалась исторія новыхъ европейскихъ племенъ, — но они принадлежатъ къ числу обычныхъ національныхъ особенностей, и никакъ не имѣли такого значенія, чтобы изъ нихъ слѣдовало полное культурное различіе, несоединимое противорѣчіе. На основаніи указаннаго догматическаго дѣленія, различіе «романо-германскаго» и «греко-славянскаго» міра слѣдовало бы считать собственно только съ IX—X вѣка, съ раздѣленія церкви, — но въ такомъ случаѣ было бы слишкомъ произвольно распространить его на самыя національности, которыя образовались за много вѣковъ раньше и во всякомъ случаѣ уже тогда владѣли многими изъ тѣхъ особенностей, которыя ставятся однако же на счетъ при догматическомъ противоположеніи греко-славянства и романо-германства. Самое значеніе, придаваемое славянофильскою теоріей догматическому спору Византіи и Рима, есть конечно дѣло мистической вѣры, а не историческое доказательство ¹⁾. Въ самомъ спорѣ дѣйствовали не одни суперъ-натуральные, но и весьма матеріальные интересы и личныя соображенія. Любовь византійцевъ къ теологическимъ тонкостямъ, слишкомъ часто замѣнявшая истинную христіанскую религіозность, придавала вопросу исключительное значеніе, — смыслъ котораго едва ли былъ доступенъ народному простодушію новообращеннаго славянства. Во время первыхъ обращеній, церкви еще не были раздѣлены, такъ что проповѣдники христіанства у славянъ причисляются и къ греческой и къ латинской церкви.

Но и прежде и послѣ раздѣленія, Римъ западный и Римъ восточный представляютъ столько общаго, столько точекъ сопри-

¹⁾ Тѣмъ болѣе, что исторія догмата, съ нашей стороны, далеко не опредѣлена съ надлежащей полнотой и свободой изслѣдованія; только послѣ такого свободнаго изслѣдованія школа, о которой идетъ рѣчь, имѣла бы право вставать на этомъ основательствѣ.

восновенія, что дѣлать ихъ на два направленія цивилизаціи было бы только натяжкой. Прежде всего, соединеніе Запада и Востока подъ господствомъ римской республики и имперіи оставило культурные слѣды, на долго сохранившіеся и въ византійскомъ бытѣ. Когда затѣмъ административное и династическое дѣленіе Рима и Византіи кончилось основаніемъ отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, на долю каждаго выпали свои историческія обстоятельства, и они отдалились вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, вслѣдствіе возникновенія новыхъ національныхъ отношеній, а не вслѣдствіе догмата. Но въ судьбѣ ихъ было много и сходства, происходившаго изъ ихъ прежняго культурнаго единства. Тому и другому пришлось бороться съ варварствомъ; Римъ западный, какъ государство, былъ низвергнутъ варварами, но опять подчинилъ ихъ какъ папство; Византія уцѣлѣла до XV-го вѣка, но такимъ же образомъ подчинила славянскія племена христіанствомъ. Варвары, въ свою очередь, наложили свое вліяніе на судьбу Рима и Византіи, когда новые національные элементы приходили съ ними въ столкновеніе или прямо вступали въ ихъ составъ; было сходство и во внутреннемъ движеніи образованности. Первые вѣка утвержденія христіанства были временемъ гоненія на классическія преданія, считавшіяся язычествомъ. Но Римъ помнилъ свое языческое величіе; византійцы не даромъ желали слыть римлянами. Съ теченіемъ времени классическія воспоминанія возродились въ Византіи; ея писатели желали быть продолжателями стараго классическаго стиля; любители образованія собирали и дѣлали извлеченія изъ древнихъ писателей; Византія дала первую опору «возрожденію», уже искавшему въ Италіи этой опоры, и этимъ участвовала сама въ томъ умственномъ движеніи, которое вскорѣ произвело переворотъ въ образованности Европы и послужило началомъ новой ея исторіи.

Въ самой Византіи однако классическія преданія не дали такого роста и блестящаго процвѣтанія, какое имѣли они въ западномъ возрожденіи. Нація, истомленная борьбой съ восточными нашествіями, испорченная политически, отживавшая свое время, уже давно лишилась всякаго творчества; съ XV-го вѣка, съ паденія Константинополя, она должна была потратить всю энергію на религіозное и національное самосохраненіе. Движеніе, прогрессъ окончательно перешли на западъ, къ свѣжымъ націямъ, которыя съ христіанствомъ унаслѣдовали и остатки римской культуры и дѣятельно работали теперь надъ новой образованностью.

Русское славянство, принявъ христіанство изъ Византіи, на первое время вовсе не становилось къ западному міру въ то

исключительное положеніе, въ какое оно стало впоследствии. Въ кievской и новгородской Руси не было той нетерпимости и вражды къ латинскому Западу, которая до такой крайней степени отличала московскій періодъ, и были вмѣстѣ съ тѣмъ живыя проявленія образовательной дѣятельности. Правда, Византия уже съ первыхъ поръ внушала враждебное чувство къ латинству, но оно прививалось не такъ сильно, отчасти вѣроятно потому, что въ самой Византии эта вражда не дошла до своего крайняго пункта, отчасти потому, что жизнь древней Руси еще была свѣжѣе, свободнѣе, воспримчивѣе къ простымъ естественнымъ отношеніямъ. Впоследствии, обстоятельства измѣнились: татарское нашествіе обрвало жизнь южной Руси, истребило съ населеніемъ и много преданій прежняго быта, уничтожило старыя связи; новый центръ государства основался въ странѣ, только-что отнятой у низшаго племени, лишенной всякихъ преданій; татарское иго и необходимость, подъ глазами врага, основывать политическую силу, притупили культурную воспримчивость; отдаленность новаго центра затруднила или прекратила прежнія международныя отношенія, и московскій періодъ, принявши между прочимъ и несомнѣнныя вліянія отъ своихъ ордынскихъ властителей, начинаетъ ту систему національной исключительности, которая господствуетъ до временъ Петра. Паденіе Византии еще усилило ее и довело до послѣдняго предѣла. Москва съ тѣхъ поръ полагала себя «трегънимъ Римомъ» и сочла обязанностью строго хранить церковное преданіе, прежніе представители котораго были теперь подъ игомъ невѣрныхъ. Это время было верхомъ господства у насъ византийской традиціи.

Въ концѣ древней Руси, гдѣ нужно предполагать, по ученію упомянутой школы, высшее развитіе нашей особенной цивилизаціи по греко-славянскому образцу, — мы находимъ, напротивъ, крайнюю односторонность и безпомощность. Образование было исключительно церковное, въ самомъ ограниченномъ смыслѣ—буквальное повтореніе преданій, развитіе внѣшняго благочестія, крайняя бѣдность, или даже полное отсутствіе научныхъ стремленій. Во всѣхъ предметахъ научнаго знанія, въ которомъ уже чувствовали нужду по его практическимъ примѣненіямъ, надо было прибѣгать къ помощи иностранцевъ. Никоновская реформа, — самое крупное образовательное дѣло въ древней Россіи,—обнаружило, неожиданно для самихъ властей, странное состояніе умовъ, достигнутое вѣками «греко-славянской» цивилизаціи. Расколъ подвергся ожесточенному преслѣдованію, — когда его приверженцы съ глубочайшимъ убѣжденіемъ считали себя истинными храните-

лями преданія, и съ ихъ точки зрѣнія—конечно узкой, но раздѣляемой огромными массами народа—были совершенно правы, потому что старое преданіе было именно таково.

Не будетъ, кажется, никакого преувеличенія, если мы сочтемъ это состояніе народной вѣры результатомъ вліянія византійскихъ началъ, составляющихъ «греко-славянскую» цивилизацію, а недостатки развитія умственного также до значительной степени результатомъ недостатковъ самой византійской науки. Въ самомъ дѣлѣ, русская жизнь, приблизительно съ XIII-го вѣка по конецъ XVII-го, была удалена отъ міра романо-германскаго, отрицалась самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ всякаго латинства, разрабатывала свое собственное содержаніе, и—пришла только къ Никоновой реформѣ и расколу. Научныя знанія и дѣятельность не существовали. Замѣтимъ, что Кіевъ, — вѣрный православію, но набравшійся съ XVI-го вѣка латинской учености, — не пользовался довѣріемъ Москвы, — и наоборотъ, духовныя лица кіевской учености являются приверженцами и сотрудниками реформы Петра.

Такимъ образомъ, византійскія преданія, — мимо ихъ догматической стороны, которая остается и донинѣ обязательна, — представили въ древней Руси слишкомъ скудный результатъ относительно цивилизаціи. И дѣйствительно византійская наука, высшій пунктъ которой славянофильская школа указываетъ въ «византійскихъ философахъ X-го вѣка» ¹⁾, была та же средневѣковая схоластика, которая при всемъ мастерствѣ своихъ логическихъ построеній, какое въ ней могло быть, слишкомъ витала въ мистическихъ и метафизическихъ сферахъ и оставалась бесплодна для пробужденія научной мысли. Въ своей исключительной области, она могла свидѣтельствовать о талантахъ своихъ представителей, о тонкой обработкѣ своего содержанія, — но не въ состояніи была стать источникомъ цивилизаціи, какъ ее хотятъ представить, — тѣмъ больше, что даже въ тѣхъ ея произведеніяхъ, какія были у насъ переведены, она оставалась мало вразумительна для читателей древней Руси. Эта философія осталась памятникомъ своего вѣка, памятникомъ мистической схоластики и изысканнаго догматизма. Движеніе европейской мысли давно обошло ее, пока она еще оставалась авторитетомъ въ «греко-славянскомъ» мірѣ; — оно обошло ее самымъ характеромъ стремленій, обратившихся отъ области религіозной мистики къ воспоминаніямъ античной

¹⁾ См. у Кирѣвскаго.

цивилизациі и къ изученію природы. И то, и другое освѣжило западную мысль отъ средневѣкового тумана.

Къ концу XVII-го вѣка, когда являются у насъ первыя предвѣстія Петровской реформы, русская жизнь уже очевидно силилась выдти изъ круга идей, завѣщанныхъ византійской цивилизаціей. Съ этого времени начинается сближеніе съ европейскимъ движеніемъ, и результатъ не могъ быть иной, какъ принятіе этого движенія, какъ совсѣмъ иной ходъ умственныхъ интересовъ, затѣмъ быта, нравовъ и проч.

Славянофильская школа, и мнимые патріоты, которые любятъ утверждать совершенную особенность русскаго народа, непригодность у насъ западныхъ идей и порядковъ, — постоянно поэтому нападаютъ на реформу Петра, считая ее или совершенной ошибкой, измѣной національному духу, или, по крайней мѣрѣ, обвиняя ее въ крайностяхъ и преувеличеніи. На нее сваливаютъ обыкновенно всѣ тѣ нескладныя явленія, какія представлялъ съ тѣхъ поръ и донинѣ русскій европеизмъ (и которыя, очень естественно, происходили отъ необходимыхъ колебаній самаго процесса преобразованія, а въ особенности, когда онъ велся неполно и неискренно), и въ этихъ явленіяхъ, которымъ противопоставляется обыкновенная непосредственная простота народнаго характера, находятъ осужденіе реформы. Прискорбнымъ слѣдствіемъ ея представляютъ «разрывъ» съ народомъ, а въ немъ видятъ доказательство крайней несостоятельности реформы и ея приверженцевъ, въ національномъ смыслѣ.

Было бы въ самомъ дѣлѣ печально, еслибы образованность, принимаемая съ Петра В. высшими классами, такъ противорѣчила народному характеру и шла наперекоръ свойственной ему (т.-е. старой) цивилизаціи, что въ результатъ непремѣнно получался этотъ разрывъ. На дѣлѣ однако этого прискорбнаго обстоятельства нѣтъ, и если «разрывъ» дѣйствительно бывалъ и бываетъ, онъ имѣетъ совсѣмъ иное происхожденіе. Въ немъ виноваты были не образованность, а недостатокъ ея, виноваты были общественныя отношенія высшаго класса и народа — отношенія помѣщика къ крѣпостному, чиновника къ мужику, и, какъ мы упомянули, неискренность въ принятіи самой образованности. При безправности громаднаго населенія «разрывъ» опредѣлялся прежде всего этой безправностью, которая, между прочимъ, закрывала для народныхъ массъ и самую возможность участія въ образованіи; а внѣшность образованія, отличавшая мало въ сущности образованную толпу чиновничества и барства разнаго рода, помыкавшихъ народомъ, — заставляла винить въ «разрывѣ» за-

падное образованіе и Европу, ни мало въ томъ неповинныхъ. Люди, говорившіе о «разрывѣ», не видали весьма существеннаго. Они не видѣли потому, что самое образованіе допускалось только въ половину, обставлялось боязливими предосторожностями, обрывалось на полъ-пути къ чему-либо болѣе широкому и свободному, и что однако, несмотря на все это, горячія стремленія уничтожить отдаленіе отъ народа были дѣломъ самаго этого образованія, дѣломъ людей, проникнутыхъ «западными» идеями.

Но былъ и есть разрывъ неизбѣжный, составляющій необходимое явленіе цивилизаціи, испытанный и испытываемый каждымъ народомъ, какой только хочетъ успѣха и совершенствованія: это есть постоянный разрывъ съ предыдущей ступеню развитія, съ тѣми понятіями, которыя остались отъ этой ступени настоящему, сдѣлавшись привычкой, и съ которыми поэтому всегда болѣе или менѣе тяжело расставаться. А въ народной массѣ, по несчастію невѣжественной и бѣдной, эта предыдущая ступень (не только у насъ, но нѣрѣдко и въ западной Европѣ) есть ступень средневѣкового мрака и суевѣрія... Каждый успѣхъ, каждый новый шагъ впередъ есть необходимо разрывъ съ прошедшимъ. Въ жизни всякаго развивающагося народа онъ совершается постоянно, съ каждымъ поколѣніемъ, съ каждымъ успѣхомъ. У насъ этотъ разрывъ начался съ первыхъ вліяній европейской цивилизаціи и идетъ постоянно до нашихъ временъ; это — разрывъ съ непосредственнымъ бытомъ, съ общественными формами, порожденными въ эпоху несложныхъ отношеній патріархальной государственности, съ массой первобытныхъ предрасудковъ, жившихъ до первой встрѣчи съ критическимъ сужденіемъ. Объ этомъ разрывѣ странно было бы сожалѣть: когда онъ оказался въ первый разъ, это былъ именно первый актъ сознанія. Для его устраненія нужно не пожертвованіе цивилизаціей, а народное обученіе.

Люди, озабоченные мнимымъ нарушеніемъ и забвеніемъ народности вслѣдствіе образованія, называемаго западнымъ, не думаютъ о томъ, какъ странны и малодушны эти заботы, и о томъ, какое невысокое мнѣніе о самой народности предполагаютъ онѣ въ этихъ людяхъ. Жалка и ничтожна была бы та народность, за которую надо было бы опасаться при каждомъ успѣхѣ образованности, которую нужно было бы охранять отъ культурныхъ вліяній иныхъ націй, чтобы она не испарилась или не испортилась. Люди эти забываютъ, что только въ высшихъ культурныхъ ступеняхъ народность и можетъ выказать свою настоящую силу, что чѣмъ больше ея умственные средства и опытъ, тѣмъ шире становится ея жизнь и развитіе. Если она не пере-

носить высшаго развитія, это — ея историческое осужденіе. Въ наше время думаютъ, что къ высшей культурѣ способна даже негритянская народность. Объ этомъ надо напомнить, потому что теперь опять безпрестанно приходится встрѣчать подобныя опасенія за цѣлость русской народности отъ западнаго образованія...

Изъ сказаннаго можно видѣть, что весь вопросъ о «греко-славянствѣ», т.-е. о старомъ періодѣ нашей литературы и образованности, и его отношеніи къ новому періоду всего естественнѣе долженъ рѣшаться сравнительно-историческимъ объясненіемъ.

Въ послѣднее время возникаетъ новый вопросъ, который опять можетъ рѣшаться только тѣмъ же путемъ, — отношеніе русской литературы, или вообще русской образованности къ славянскому міру.

Давнишнія соображенія о томъ, какъ «славянскіе ручьи сольются въ русское море», пришли у славянофиловъ новаго поколѣнія къ весьма положительно высказываемому заключенію, что, какъ бы ни слѣгалась политическая судьба славянства, ея судьба культурная возможна въ будущемъ, даже, пожалуй, и въ настоящемъ, только на одномъ условіи — принятіи русскаго языка за обще-славянскій литературный языкъ. Славянофилы, нѣкогда благосклонные къ многоязычію западнаго славянства, раздѣлявшіе удовольствіе Коллара, что оно напоминаетъ классическіе діалекты греческаго языка, стали относиться къ нему съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, указывали на неизбежную слабость литературъ на языкахъ нѣсколькихъ небольшихъ племенъ, на бесплодную растрату силъ на нѣсколько литературъ вмѣсто одной, и т. д. Многое изъ высказаннаго на эту тѣму было справедливо. Въ самомъ дѣлѣ, особая литература, существующая для полутора миліоновъ какаго-нибудь племени, даже для одной сотни тысячъ (какъ у лужичанъ), не можетъ разсчитывать на богатое развитіе; и разъединеніе племенъ въ этомъ отношеніи можетъ, пожалуй, повести только къ скорѣйшему поглощенію ихъ — не другимъ, болѣе крупнымъ, славянскимъ племенемъ, а просто нѣмцами. Еслибы даже предположить, что сохранятся и разовьются только четыре-пять литературъ на главнѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ ¹⁾,

1) Меньше невозможно: предположивъ, что мелкія народности откажутся отъ отдѣльныхъ литературъ и примкнуть къ наиболѣе родственнымъ крупнымъ (напр. мораване, словаки, лужичане верхніе и нижніе, словянцы) и предположивъ полное сліянне всѣхъ сербскихъ племенъ, все-таки окажется, что, кромѣ русскихъ, несомнѣнно будутъ стремиться сохранить свою литературу — поляки, чехи, сербы и, по всей вѣроятности, болгары, присоединеніе которыхъ къ сербамъ сомнительно.

то все-таки будетъ, относительно цѣлаго славянства, происходить такая же трата силъ, которая, при богатомъ развитіи европейскихъ литературъ, будетъ неизбежно кончатся отсталостью. Конкуренція, которая проявляется и въ ходѣ образованія, будетъ не въ пользу славянства. Одна и та же работа будетъ дѣлаться (и уже дѣлается) на нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и силы, употребленныя на совершеніе ея, будутъ отняты отъ другихъ предприятий. При той громадной по количеству и высовой по достоинству производительности, какою отличаются главнѣйшія европейскія литературы, литературамъ славянскимъ предстояло бы оставаться на второмъ планѣ, повторять сдѣланное другими, — отличаться, пожалуй, иногда и самобытными произведеніями, — но вообще, отставать, — результатъ во всякомъ случаѣ для цѣлаго славянства былъ бы неблагополучный.

Исходъ, повидимому, одинъ — согласиться взять для всего славянства одинъ литературный языкъ; конечно, всего скорѣе языкъ, принадлежащій племени наиболѣе сильному, многолюдному, независимому политически и, слѣдовательно, свободному отъ давленія чуждыхъ народностей, — наконецъ, языкъ, уже имѣющій значительную литературу. Очевидно, этотъ языкъ не можетъ быть иной, кромѣ русскаго.

Но скоро сказка сказывается. Переимѣна языка, хотя бы литературнаго, есть своего рода лишеніе національности, смягченное, облегченное, но тѣмъ не менѣе тяжелое для общества и не легко исполнимое. Здѣсь едва ли можетъ помочь какое-нибудь соглашеніе; извѣстный кругъ писателей, хотя бы и рѣшилъ принятіе новаго языка, былъ бы не въ состояніи заставить народную массу принимать книги, писанныя на этомъ языкѣ. Вопросъ долженъ рѣшаться не такими личными желаніями и рѣшеніями, а естественнымъ ходомъ вещей. Новый языкъ долженъ представлять собой силу, которая бы сама собой налагала свой авторитетъ, безъ личнаго произвола и не нуждаясь въ принужденіи; нужно, чтобы новый языкъ являлся съ произведеніями, которыя бы сами по себѣ привлекали вниманіе своими внутренними достоинствами, — широтой содержанія, силой умовъ и талантовъ. Словомъ, нужно, чтобы литература, предлагающая свой языкъ, въ состояніи была уравновѣситься не только то, что давали прежде домашнія литературы, но и то, что получалось изъ ближайшихъ иноземныхъ литературъ. Говоря, напримѣръ, о чехахъ и полякахъ, нужно, чтобы русская литература уравнивалась, по духу и содержанію, не только польскую и чешскую литературу, но, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени,

и нѣмецкую: иначе, ни для тѣхъ, ни для другихъ не было бы основанія принимать русскій языкъ; еслибы уже предстоялъ выборъ, они предпочли бы (т.-е. въ особенности чехи) — нѣмецкій языкъ: во-первыхъ, это уже привычный, второй родной языкъ; во-вторыхъ, они вступили бы въ богатую обширную литературу, которая доставляла бы имъ и опору въ своемъ прежнемъ матеріалѣ, и ббльшую массу читателей.

Между тѣмъ, въ новомъ славянофильствѣ, въ «славянскихъ комитетахъ» ¹⁾ очень распространены эти маниловскія фантазіи. Новому славянофильству не приходитъ въ голову, что пріобрѣтеніе славянства для русскаго языка и литературы есть цѣлый громадный вопросъ цивилизаціи, что оно означало бы—дать перевѣсъ русскому умственному вліянію и политическому характеру надъ умственнымъ и политическимъ характеромъ западной Европы, въ которой главнѣйшія западныя племена славянства принадлежать уже по своей давней исторіи. Но этого можно достигнуть, конечно, не клерикально-археологическими тенденціями «комитетовъ», а только перевѣсомъ умственной самобытности и политическаго совершеннѣтїа общества. Мы вовсе не думаемъ, чтобы это не было возможно со временемъ; ни мало также не уменьшаемъ значенія русскаго языка, — которая даже теперь, при всей тѣснотѣ своихъ обстоятельствъ, обнаруживаетъ, въ лучшихъ представителяхъ, оригинальность и силу мысли, богатство таланта, какихъ мы напрасно искали бы въ современныхъ литературахъ славянскихъ народовъ;—но при всемъ томъ, было бы слишкомъ самонадѣянно разсчитывать теперь же на ея господство. Наши таланты обращены исключительно на разработку нашего содержанія; вслѣдствіе условій литературы, они не въ силахъ овладѣть вполнѣ и имъ. Во всѣхъ высшихъ вопросахъ научнаго знанія и общественнаго интереса русская литература связана своими условіями до невозможности серьезной разработки. Западно-славянскія литературы, хотя сами по себѣ и слабѣе руссой, въ этомъ отношеніи далеко превосходятъ ее, потому что могутъ пользоваться и произведеніями европейской науки и свободой ея изслѣдованія. Далѣе, положеніе массы нашего общества, его культурныя силы опять не таковы, чтобы мы могли сравняться съ западнымъ славянствомъ. Статистическія цифры нашей литературы очень скромны въ сравненіи, напримѣръ, съ чешскою литературой, которая, — говоря *относительно*, конечно, — превзойдетъ насъ и количествомъ своего литературнаго труда, и чис-

¹⁾ См. различные отчеты ихъ.

ломъ читателей. Далѣе, какъ ни велика разница внѣшняго государственно-политическаго состоянія двухъ племенъ, громадной имперіи и подчиненной области въ чуже-народномъ государствѣ,—внутренній политическій характеръ ихъ общества далеко не соответствуетъ этой разницѣ,—и русскому обществу нужно было бы имѣть иное положеніе, чтобы его литература могла съ полнымъ правомъ заявлять свой голосъ въ славянскомъ мірѣ...

Однимъ словомъ, принятіе русскаго литературнаго языка было бы только послѣднимъ дѣломъ, результатомъ или спутникомъ могущественнаго культурнаго вліянія или союзничества Россіи съ западнымъ и южнымъ славянствомъ,—вліянія, которое въ литературномъ отношеніи превѣшивало бы и мѣстныя привязанности, и пристрастія, и иноземныя связи. Такое событіе едва ли близко, и первое условіе его—наше собственное, внутреннее развитіе, и образовательное и общественно-политическое.

Сравнительно-историческія сличенія, которыя въ этомъ вопросѣ были бы очень полезны, могли бы многое разъяснить и въ другомъ, смежномъ, вопросѣ,—именно устранить господствующія недоумѣнія и заблужденія относительно развитія и литературнаго притязанія мѣстныхъ нарѣчій.

Наше время есть по преимуществу время національных возрожденій. Въ различныхъ формахъ, національныя движенія совершались и въ крупныхъ историческихъ народахъ,—потому что сюда же относится исторія нѣмецкаго и итальянскаго единства,—и въ менѣе значительныхъ племенахъ, какъ славянскія (чехи, сербы, болгары), и даже въ самыхъ легкихъ отгѣнкахъ народностей, какъ словаки и мораване относительно чеховъ, словинцы относительно сербовъ, галичане и южноруссы относительно русскихъ, или какъ провансалы и другіе мѣстные отгѣнки относительно французской національности.

У насъ самымъ замѣтнымъ явленіемъ этого рода было то, что называютъ обыкновенно украинофильствомъ. Русскій языкъ имѣетъ свои областныя нарѣчія (кромѣ великорусскаго — малорусское и бѣлорусское; болѣе мелкія неважны и имѣютъ только филологическій интересъ); изъ нихъ одно легло въ основаніе господствующаго литературнаго языка, западное русское имѣло свою литературную роль въ XIV—XVII стол.; наконецъ малорусское въ послѣднія десятилѣтія заявляетъ себя въ литературѣ съ особою настойчивостью. Это движеніе, исторію котораго можно возводить—смотря по взгляду—ближе и дальше въ старину, во всякомъ случаѣ очень старо, и въ своей новѣйшей формѣ идетъ съ конца XVIII-го вѣка. До пятидесятихъ годовъ оно существо-

вало болѣе или менѣе мирно, малорусская литература мало обращала на себя вниманія внѣ малорусскихъ кружковъ и не возбуждала опасеній; въ шестидесятихъ годахъ она вдругъ была заподозрѣна; на московской фабрикѣ ее превратили въ опасный политическій сепаратизмъ, требующій зоркаго вниманія и искорененія. Людямъ, которые понимали всю нелѣпость этихъ инкриминацій, трудно было даже заявить свое мнѣніе. Если не ошибаемся, то эти инкриминаціи, появившіяся въ литературѣ, и были одной изъ причинъ, если не главной причиной, которая вызвала и администрацію къ запрещеніямъ малорусскихъ книгъ.

Какой нравственной цѣны была дѣятельность литературныхъ доносчиковъ, вызывавшихъ подобныя мѣры, — это можно оставить въ сторонѣ. Довольно сказать, что по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ сама администрація нашла возможнымъ отложить запретительныя мѣры, и этому измѣненію ея взгляда нельзя не радоваться. Въ самомъ дѣлѣ, въ попыткахъ малорусской народной литературы не только не представлялось повода для опасеній, но, напротивъ, были поводы къ полному сочувствію.

Въ громадной массѣ нашего общества и народа все, похожее на умственный запросъ, есть такая рѣдкость, къ которой люди, искренно желающіе просвѣщенія, не должны бы относиться иначе какъ съ доброжелательнымъ участіемъ. Размѣры подобныхъ интересовъ къ просвѣщенію (какіе выразились и въ этихъ попыткахъ) бываютъ у насъ вообще такъ скромны, что приписывать имъ опасный и «политическій» смыслъ (какъ это дѣлали литературные доносчики) было или наглою интригой, или невѣжествомъ.

Источникъ мѣстнаго движенія въ малорусской литературѣ, какъ вообще бываетъ въ подобныхъ условіяхъ, былъ двоякій, и въ обоихъ случаяхъ весьма естественный и невинный: во-первыхъ, потребность слышать звуки и поэтическіе мотивы родного языка, и во-вторыхъ, желаніе содѣйствовать нѣкоторому просвѣщенію массъ посредствомъ книгъ на вразумительномъ для нихъ языкѣ. Дѣйствительно, такъ складываются вообще литературы и мелкіе народности съ особымъ языкомъ, и тѣхъ (даже болѣе крупныхъ), которыя представляютъ только вѣтвь обширной націи и уже могутъ пользоваться литературой господствующаго языка. Такъ и о малорусской литературѣ высказывались сами ея приверженцы, и таковы самые факты.

Весь объемъ мѣстнаго развитія малорусскаго нарѣчія ограничивается популярно-поэтическими и педагогическими произведеніями. Если отдѣльнымъ лицамъ украинофильскаго направле-

нiя и казалось, что мѣстная литература можетъ быть ведена дальше, можетъ распространиться на болѣе обширныя литературныя задачи, — то и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей бѣды. Производимыя сверхъ мѣры, такія притязанiя падаютъ отъ собственного излишества; для нихъ просто не найдется средствъ существованiя и дѣло должно будетъ войти въ возможные для мѣстнаго развитiя предѣлы. Онѣ имѣли бы даже свою пользу — положительную въ томъ, что усилiя, употребленныя съ такою цѣлью, могли бы содѣйствовать формальному раскрытiю мѣстнаго языка; — и отрицательную въ томъ, что неудача такихъ стремленiй, едва ли сомнительная, заставила бы еще больше примкнуть къ литературѣ господствующаго языка. Но, въ опредѣлившихся границахъ, развитiе мѣстной литературы можетъ давать самыя благопрiятныя результаты: среди однообразнаго теченiя общаго быта, эта литература, при основной образовательной цѣли, сохраняла бы въ народѣ освѣщенную сознаниемъ любовь къ родинѣ, сообщала бы извѣстную степень просвѣщенiя на родномъ языкѣ, — который именно своей тѣсной близостью ко всѣмъ интимнымъ сторонамъ жизни съ особенной силой содѣйствовалъ бы образованности (къ которой вообще народъ съ перваго раза относится недовѣрчиво), не дѣлая изъ нея непремѣннаго повода къ ломкѣ роднаго языка и не заставляя народъ видѣть въ ней что-то чужое и даже неблагоприятное. Эта связь съ родиной и средой, не обрываема (какъ обыкновенно) на первой же порѣ ученья, могла бы быть столь сильнымъ воспитательнымъ средствомъ, о которомъ, быть можетъ, въ настоящее время трудно и составить себѣ понятiе.

Противъ нашей единственной мѣстной литературы, т. е. малорусской, высказано было между прочимъ возраженiе, вѣроятно кажущееся очень сильнымъ для его авторовъ. Говорятъ, что малорусская литература ненужна просто потому, что малорусское нарѣчiе вовсе не далеко отъ русскаго, что русскiй языкъ совершенно понятенъ малороссу, и въ школѣ немногiя дополнительные объясненiя сдѣлаютъ лишними всѣ особыя малорусскiя книжки. Не станемъ спорить противъ послѣдняго замѣчанiя, но и не согласимся съ нимъ, потому именно, что до сихъ поръ это еще не могло быть достаточно доказано сличенiемъ свободно веденнаго преподаванiя по тому или другому приему. Но вопросъ не рѣшается только этимъ: даже при возможности школьнаго обученiя на русскомъ языкѣ, остается множество проявленiй чисто мѣстнаго характера, которыя выдѣляютъ малороссовъ въ особый народный типъ, очень несхожiй съ великоруссами: кромѣ особаго склада личности, который отличаетъ «хохла», — свое-

образная народная поэзія, преданія, обычаи, которыя могутъ дать содержаніе для мѣстной литературы. Наконецъ, довольно того факта, что эта литература существуетъ и размножается: это одно указываетъ на существующую потребность, и если воспроизведеніе бытовой жизни и поэзіи, изученіе ихъ, какъ родной старины и настоящаго, доставляетъ нравственное удовлетвореніе, то въ этомъ уже достаточное право мѣстной литературы на существованіе... Страхъ нашихъ консерваторовъ передъ этими явленіями отзывается старой канцеляріей, потерявшей понятіе о простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ, о живыхъ потребностяхъ народнаго чувства и т. д.,—привычкой гнуть все подъ одну данную форму, безъ всякаго уваженія къ индивидуальнымъ отличіямъ, и безъ всякой пользы. Эти опасенія сепаратизма (о которомъ становится смѣшно говорить, какъ только мы захотимъ примѣнять это слово къ какому-нибудь опредѣленному факту—чего и кто могутъ сепарировать?) были наконецъ нѣсколько странны еще съ одной стороны (на которую, кажется, еще не обратили вниманія): онѣ бросали нѣкоторую тѣнь на самыя тѣ вещи, которыя хотѣли защищать: отчего этимъ ревностнымъ людямъ казалось, что привязанность къ своей мѣстной родинѣ, желаніе служить своимъ ближайшимъ землякамъ, развивать живые элементы народнаго быта—невозможны въ данномъ порядкѣ вещей и непременно обозначаютъ сепаратизмъ?

Нѣкоторое знакомство съ однородными явленіями, какія представляются во всѣхъ главныхъ литературахъ Европы, могло бы разъяснить и нашъ украинофильскій вопросъ тѣмъ, кого онъ искренно приводитъ въ недоумѣніе (тѣхъ, кто только притворяется,—чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ,—нечего, конечно, и стараться убѣждать). Сличая наше мѣстное движеніе съ параллельными ему примѣрами въ романской и германской Европѣ, быть можетъ, поняли бы, что развитіе южно-русской литературы есть органическое явленіе,—подавленіе котораго было бы только безсмысленнымъ насилуваніемъ очень естественной, политически-безвредной и нравственно-благотворной потребности. Примѣръ западно-европейскихъ обществъ могъ бы научить насъ смотрѣть на весь этотъ вопросъ съ большимъ спокойствіемъ и здравымъ смысломъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни нѣмцамъ, ни французамъ, ни итальянцамъ не приходится даже въ голову пугаться того, что на ихъ мѣстныхъ нарѣчійхъ выходятъ книги, являются спеціальныя писатели только для одного края, для одного извѣстнаго нарѣчія. Имъ не приходится въ голову, чтобы здѣсь крылась госу-

дарственная опасность, чтобы сепаратизмъ сидѣлъ на днѣ книжки для народнаго чтенія на мѣстномъ языкѣ.

Но не можетъ ли это развитіе мѣстныхъ языковъ ограничить, умалить значеніе господствующаго языка и его литературы? Мы уже замѣчали, что мѣстныя нарѣчія по необходимости ограничатся вѣроятно только извѣстными отдѣлами, популярной литературой, что во всѣхъ предметахъ высшаго научнаго знанія и общенациональнаго общественнаго интереса господствующій языкъ сохранить все свое значеніе. Но, въ концѣ-концовъ, развитіе мѣстной литературы и языка произведетъ свое воздѣйствіе, и господствующій литературный языкъ, созданный до сихъ поръ далеко не изъ всѣхъ національныхъ элементовъ и при историческихъ условіяхъ, болѣе или менѣе исключительныхъ, восприметъ въ себя изъ мѣстныхъ источниковъ новые элементы, которыхъ въ немъ еще недоставало, и сдѣлавши новое обобщеніе изъ матеріаловъ національнаго и его нарѣчій, явится въ формѣ новой литературной рѣчи, которая вѣроятно опять произведетъ свое объединительное дѣйствіе ¹⁾. Мы находимся теперь въ началѣ этой переработки литературнаго языка.

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли случай говорить о томъ, каково источникъ и смыслъ имѣли вообще стремленія къ народному, національному, которыя отличаютъ въ цѣлой Европѣ новѣйшую литературу, науку, искусства, наконецъ общественную и политическую жизнь; которыя вызвали массу всевозможныхъ изслѣдованій народной жизни, создали новыя науки, наполнили литературу сначала средневѣковымъ романтизмомъ, потомъ реалистическими (иногда слегка сентиментальными) картинами народнаго быта, наконецъ создали политическія партіи и т. д. Крупныя національныя возрожденія въ Европѣ имѣли свой политическій смыслъ — протеста противъ старыхъ феодальныхъ разединеній одного національнаго цѣлаго. Но доводимый до крайности, національный принципъ имѣетъ свою обратную, вредную сторону: во-первыхъ, онъ становится самъ орудіемъ притѣсненія въ странахъ съ черезполосными народностями; во-вторыхъ, онъ слишкомъ легко приводитъ къ національной исключительности. Мѣстныя движенія народностей также не лишены своихъ неудобныхъ и вредныхъ сторонъ: въ нихъ сохраняется неясное чувство ихъ прежняго забытаго положенія; онѣ охотно или удаляются въ вос-

¹⁾ См. объ этомъ очень остроумныя соображенія г. Драгоманова, „В. Евр.“, сентябрь, стр. 188—191, гдѣ читатель вообще найдетъ много вѣрныхъ замѣчаній о развитіи мѣстныхъ народныхъ движеній, и объ общемъ смыслѣ „національнаго принципа“ съ его благотворными и зловредными вліяніями.

поминаніе своей старины, когда имъ случалось имѣть свои болѣе видныя роли, или привязываются къ особенностямъ своего провинціализма, противопоставляя деревню городу и наивный народный бытъ — образованности; но эта исключительность объясняется только прежней безправностью мѣстныхъ элементовъ и, безъ сомнѣнія, уступить со временемъ другимъ побужденіямъ, болѣе живымъ и свободнымъ отъ предрасудка. Въ цѣломъ же, и мѣстныя, и крупныя національныя возрожденія имѣютъ одну общую черту, которая уже теперь имѣетъ обширное общественное значеніе, а впослѣдствіи безъ сомнѣнія разовьетъ его еще болѣе: именно, онѣ означаютъ оживленіе народныхъ массъ, вступленіе ихъ въ ту общественную жизнь и интересы образованности, которые были до сихъ поръ только привилегіей высшихъ сословій. Развитіе мѣстныхъ народностей есть только одинъ случай изъ цѣлага обширнаго явленія, отличающаго наше время и одинаково совершающагося въ Европѣ при самой различной политической обстановкѣ.

Въ сравнительномъ изученіи мы найдемъ и въ литературахъ европейскихъ параллели тому развитію «народности», какое мы видимъ въ новѣйшемъ періодѣ нашей литературы и въ которомъ также заключается большой общественный смыслъ.

Оживленіе народной массы стало теперь неизбѣжной государственной потребностью, которую начинаютъ сознавать даже люди и правительства, наименѣе расположенные къ какому-нибудь демократизму. Феодалыныя и крѣпостныя государства не были расположены входить въ народные интересы: считая народную массу только рабочей силой, которой они управляли по своему усмотрѣнію, они извлекали изъ нея все, что было можно, до того, что становилось очевиднымъ близкое окончательное истощеніе этой силы. Теперь и экономическія причины, и политическіе резоны, и сознаніе самихъ массъ вводятъ мало-по-малу иной порядокъ вещей: сами феодалыныя государства начинали разложеніе податной тягости по всѣмъ классамъ населенія, уравненіе въ гражданскихъ правахъ, устраненіе феодалныхъ привилегій и т. п.

При громадномъ усиленіи матеріальнаго прогресса, политическія столкновенія государствъ требуютъ совсѣмъ иного вооруженія, чѣмъ было еще въ недавнемъ прошломъ, и даже военный задоръ, отличающій по старой привычкѣ донинѣ европейскія государства, заставляетъ стремиться къ поднятію народныхъ массъ уже для того, чтобы онѣ могли поставлять болѣе надежную, выдержанную и осмысленную военную силу. Феодалный прин-

цпль чувствуетъ непригодность и старыхъ формъ внутренняго правленія, которое становится все болѣе сложнымъ и невозможнымъ для одного центра; и мѣстное самоуправленіе возникаетъ даже тамъ, гдѣ правительства всего менѣе расположены упустать изъ своихъ рукъ малѣйшую долю авторитета. Вообще, становится болѣе и болѣе ясно, что для государственнаго существованія необходимо наибольшее развитіе народныхъ силъ, и эта потребность вызываетъ поднятіе общественныхъ правъ массы, лучшаго устройства ея экономическихъ отношеній, лучшаго воспитанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ русской жизни совершается и долженъ совершаться тотъ же процессъ оживленія народной жизни и обновленія государства новыми элементами. Литература была въ этомъ случаѣ барометромъ (хотя и не совсѣмъ вѣрнымъ), и уже съ начала нынѣшняго столѣтія указывала наступленіе новой эпохи; новѣйшій періодъ реформъ шелъ въ этомъ направленіи; интересъ государства и народа состоитъ именно въ дальнѣйшемъ развитіи народныхъ силъ экономическихъ, образовательныхъ и общественныхъ.

Въ обществѣ и въ народѣ есть много задатковъ и стремленія къ такому развитію, которое въ концѣ-концовъ становится условіемъ существованія. Понятно, насколько служатъ ему тѣ «охранители», которые изъ всѣхъ силъ стараются, чтобы въ народную жизнь не проникло никакого новаго, освѣжающаго содержанія, которые стараются заподозрить всякій интересъ и участіе къ народной жизни, и представить опаснымъ «излишнее» просвѣщеніе народа...

Изученіе новѣйшаго періода нашей литературы могло бы быть въ особенности освѣщено сличеніемъ хода нашей образованности съ ея европейскими источниками. Многія стороны ея историческаго хода до сихъ поръ еще остаются нерѣшеннымъ вопросомъ. Такъ, напр., еще остается вопросомъ значеніе Петровской реформы: ясное для многихъ лучшихъ умовъ нашей литературы и общественной жизни, оно опять затемняется отчасти толками мнимо-патріотическихъ приверженцевъ «народнаго духа», отчасти неясной постановкой дѣла и у людей другого круга.

Со временъ Петра и донинѣ, — за исключеніемъ его современныхъ враговъ, а теперь людей греко-славянскій шьолы, — у насъ привыкли восхвалять преобразование Петра, которое «внесло къ намъ европейскую образованность»; но тѣмъ не менѣе еще не совсѣмъ опредѣлены ни размѣры внесеннаго, ни то, все ли было внесено что нужно, и хорошо ли воспринято. Когда на

дѣлѣ далеко не все внесено и воспринято, у насъ давно готовы были думать, что дѣло окончено, что мы «догнали» Европу, идемъ съ ней рядомъ и даже можемъ смотрѣть на нее свысока. Политическое значеніе государства стали смѣшивать съ успѣхами образованности, и хотя это двѣ вещи весьма различныя, и хотя мы мало участвовали въ первомъ, какъ самостоятельная общественная сила, большинство стало думать, что уже національное достоинство повелѣваетъ намъ держаться особнякомъ и не заимствоваться отъ Европы. Понятно, что это самообольщеніе легко превращалось во враждебное отношеніе къ европейской образованности. Значительная часть общества готова была успокоиться на лаврахъ, и хотя сомнительность ихъ была указана тяжелыми опытами, самообольщеніе снова готовится стать господствующимъ тономъ большинства.

Въ Петровскомъ періодѣ съ чрезвычайной яркостью обнаружилось отношеніе русской жизни къ европейской образованности, и сличеніе историческихъ фактовъ показало бы, что реформа явилась не *ex-abrupto*, какъ многіе думаютъ и теперь, а какъ необходимый выводъ изъ прошедшаго. Это былъ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ фактовъ всей нашей исторіи, и дальнѣйшій ходъ нашей образованности показывалъ, что реформа была именно органической необходимостью. Тѣсныя отношенія къ Европѣ наполняютъ все XVIII и XIX столѣтія нашей литературы и образованности; на каждомъ шагѣ они привязаны къ европейскому содержанію; въ литературѣ повѣстической заимствованныя формы и содержаніе идутъ вплоть до Пушкина; школы послѣ-пушкинскія, достигшія національной самобытности, тѣмъ не менѣе тѣсно примыкаютъ къ тону европейской мысли, къ европейскому идеализму или скептицизму... Русская наука еще болѣе примыкаетъ къ европейскимъ источникамъ и основаніямъ. Такимъ образомъ, параллель съ европейскимъ содержаніемъ очень ясно могла бы опредѣлить степень достигнутыхъ пріобрѣтеній и остающихся пробѣловъ.

Исключительные приверженцы національности не любятъ и боятся этихъ сличеній; самыя европейскія вліянія, когда они не могутъ ихъ отвергнуть, кажутся имъ необходимымъ зломъ; они видятъ въ нихъ опасность для самобытнаго и своеобразнаго развитія народности. Вліяніе европейской образованности, по ихъ мнѣнію, предполагаетъ непременно какое-либо частное національное вліяніе, и воспринять его значить именно подчиниться или прямо какой-нибудь западной національности, или чему-нибудь специально западному, чужому—а это кажется имъ унижительно-

нымъ для національнаго самолюбія. Были историческіе примѣры, на которые любятъ ссылаться защитники народной неприкосновенности въ доказательство своего мнѣнія; припоминаютъ, какъ Петръ хотѣлъ сдѣлать насъ голландцами или шведами, какъ потомъ господствовали у насъ нѣмецкіе вкусы, потомъ французскіе и т. д. Но относительно этихъ примѣровъ забываютъ, что, во-первыхъ, крайности въ этомъ родѣ были всегда только личнымъ дѣломъ, вкусомъ одного человѣка или круга людей, которые не могли однако никогда быть дѣйствительными и обязательными для массы. Петръ любилъ голландскіе или шведскіе порядки, но не изготовилъ однако ни одного голландца или шведа изъ русскихъ; во-вторыхъ, что въ основѣ даже такихъ пристрастій лежало какое-нибудь культурное приобрѣтеніе, которое было въ самомъ дѣлѣ очень желательно для русскихъ. Напримѣръ, съ національной точки зрѣнія сожалѣють о пристрастіяхъ Петра, который хотѣлъ сдѣлать русскихъ голландцами или шведами, и однако гордятся, что онъ положилъ начало русскому флоту и русскому военному могуществу; жалѣють, что въ вѣкъ Екатерины была такъ сильна подражательность французамъ, и однако восхваляютъ, какъ великое произведеніе— «Наказъ», написанный именно подъ вліяніемъ и часто собственными словами тогдашней французской философіи, и т. п. Словами, національная точка зрѣнія впадаетъ въ грубое недоразумѣніе, принимая и гордясь результатами, и отвергая школу, благодаря которой они были получены.

Дѣло въ томъ, что фактовъ европейскаго вліянія, длинный рядъ которыхъ идетъ въ нашей исторіи съ конца XVII вѣка, нельзя разсматривать какъ примѣры личнаго выбора, произвола и увлеченій. Это были только отдѣльные случаи общаго, обширнаго факта, господствовавшаго надъ цѣлою русской исторіей того времени, т.-е. дѣйствія европейской цивилизаціи. По существу своего содержанія, эта цивилизація, конечно, не принадлежала исключительно ни одному изъ европейскихъ народовъ, но каждыи образованный народъ владѣлъ ея знаніями въ бѣльшей или меньшей степени, съ тѣми или другими практическими приложеніями. Русскіе нуждались въ этихъ знаніяхъ — для своей собственной пользы, и если имъ приходилось учиться ариметикѣ, которой они не знали, у нѣмца, который ее зналъ, то странно было бы жаловаться на подчиненіе нѣмцамъ и нѣмецкому образованію, или жаловаться на подчиненіе голландцамъ, когда надо было учиться строить корабли. Необходимы были общія свѣдѣнія, общая цивилизація. Но въ дѣйствительности не было, конечно, отвлеченной цивилизаціи—надо было брать ее, какъ она была у

живыхъ людей, у нѣмцевъ, голландцевъ, французовъ, въ извѣстныхъ формахъ ихъ понятій, приемовъ, обычаевъ; понятно, что въ практическомъ усвоеніи знаній нерѣдко усваивались и эти вѣшнія формы. Онѣ, конечно, были намъ чужды, часто были непривлекательны, для сущности дѣла не нужны; съ другой стороны грубость пониманія у самихъ принимавшихъ дѣлала то, что онѣ усваивались превратно, или безъ надобности, — но вообще этотъ путь былъ практически неизбѣжный, и дѣломъ самого русскаго образованія было выдѣлать общее содержаніе изъ тѣхъ частныхъ формъ, въ какихъ оно къ намъ являлось. Русская жизнь сама должна была переработывать вносимыя понятія, употребляя собственный трудъ на ихъ разложеніе и оцѣнку. Въ концѣ-концовъ, она это и дѣлала.

Но должно сказать, что приобрѣталось не все, что нужно, и вина этого лежитъ, конечно, на самомъ русскомъ образованіи, или на его домашнихъ условіяхъ.

Славянофильская школа, а въ особенности тѣ новѣйшіе ея преемники, которые выдаютъ себя за хранителей истинной національности, а на дѣлѣ — просто обскуранты, — желали бы, чтобы цивилизація была у насъ (самолюбіе не позволяетъ остаться позади другихъ), но чтобы въ то же время сохранились тѣ преданія, какія имъ кажутся непремѣннымъ свойствомъ русской народности и которыя не уживаются съ этой цивилизаціей. Желаніе ихъ не совсѣмъ исполняется, потому что нерѣдко требуетъ вещей несомвѣстныхъ, и отсюда негодованіе на тѣ факты образованности, гдѣ сказывается это противорѣчіе, и обвиненія, даже отчасти политическія, противъ тѣхъ, кто въ этихъ случаяхъ не хочетъ лицемѣрить.

Мы говорили выше о томъ «разрывѣ съ народомъ», который считаютъ слѣдствіемъ введенія европейской цивилизаціи. Собственно говоря, такой «разрывъ» вездѣ можетъ дѣлать людей образованныхъ отъ необразованныхъ самой разницей ихъ понятій; онъ и явился дѣйствительно въ русской жизни вслѣдствіе новой образованности, — но не слѣдуетъ думать, чтобы въ самомъ дѣлѣ онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы общество слишкомъ легко принимало новыя понятія; совсѣмъ напротивъ: движеніе шло съ такой постепенностью, какой только могли желать самые умѣренныя прогрессисты, и старыя понятія давали и еще даютъ такой отпоръ новымъ понятіямъ, что онъ не одинъ разъ очень серьезно грозилъ всякой образованности. Сама реформа вводила только практически полезныя знанія; наука, вошедшая съ учрежденіемъ нѣскольکو правильныхъ школъ, не получила никакого особаго

покровительства своему принципу, и каждый разъ, когда рѣшалась имъ воспользоваться, и «свободное изслѣдованіе» сталкивалось съ какимъ-нибудь привычнымъ авторитетомъ, эта наука всегда была открыта для самыхъ злостныхъ нападеній и не одинъ разъ должна была молчать и скрываться передъ ними. Словомъ, новому образованію приходилось выдерживать борьбу, тѣмъ болѣе трудную, что оно было еще ново, его средства и личныя силы были не велики.

Недоразумѣнія стали происходить съ самаго начала. Когда, въ XVII столѣтіи, въ Москвѣ въ первый разъ познакомились съ кіевскими учеными, которые успѣли усвоить схоластическую науку и способъ выраженія, это показалось подозрительно, — хотя кіевляне были самые православные люди: въ Москвѣ не понимали ихъ языка, на ихъ классическія цитаты и воспоминанія смотрѣли какъ на неприличіе и даже грѣхъ, потому что въ нихъ было язычество. Далѣе, когда явились при Петрѣ начатки свѣтской образованности, эти недоразумѣнія доходили до вражды: здѣсь уже болѣе рѣзко встрѣтились два противоположныя міровоззрѣнія, и старина, по самымъ приѣмамъ реформы, предчувствовала подрывъ для своихъ преданій. Въ московскія времена, мѣсто людей образованныхъ занимали начетчики въ церковныхъ книгахъ, отчасти лѣтописяхъ и т. п.; свѣтская наука была вещь неизвѣстная; основой добрыхъ нравовъ было внѣшнее обрядовое благочестіе. Теперь свѣтская наука говорила вещи неслыханныя—въ первый разъ она давала понятіе о порядкѣ природы, совсѣмъ иное, чѣмъ какое вычитывалось прежде изъ церковныхъ книгъ или бралось изъ простонароднаго суевѣрія. Человѣкъ, составившій календарь, самымъ серьезнымъ образомъ прослылъ за колдуна; въ школахъ преподавались мудренныя науки — ариметика, которая въ прежнія времена понималась какъ цифровая «мудрость»; «грамматикія», которую прежде рѣдко кто и знавалъ, и которая считалась чуть не высшей философіей. Словомъ, отношеніе къ наукамъ даже людей, по мѣркамъ старой Руси образованныхъ, было совершенно такое же, какое теперь можно находить у грамотныхъ людей въ простомъ народѣ.

Новый порядокъ жизни, введенный Петромъ, у многихъ еще усиленный знакомствомъ съ иноземнымъ бытомъ, съ перваго раза ослаблялъ и отгѣснялъ ту исключительную церковность, которая господствовала въ прежнемъ быту; свѣтская наука не совсѣмъ была согласна съ этой церковностью, и приверженцы послѣдней относились къ новому ученью весьма недружелюбно. Впрочемъ, не наука сама по себѣ произвела упомянутое ослабленіе цер-

ковности, а въ особенности авторитетъ Петра, не допускавшій противорѣчій. Уже вскорѣ являются люди съ серьезной европейской образованностью, которые начинаютъ дѣйствовать въ литературѣ совершенно въ смыслѣ реформы. Таковъ былъ Теофанъ Прокоповичъ, Кантемиръ, сатиры котораго, впрочемъ, по старому обычаю, ходили по рукамъ въ рукописи. Съ Ломоносовымъ европейская наука заявляетъ себя уже не въ случайныхъ и только практическихъ примѣненіяхъ, но какъ цѣлое міровоззрѣніе, какъ идея и методъ. Ломоносовъ есть всѣми одинаково признанный герой русской науки, и можно поэтому сослаться на то впечатлѣніе, какое производила на него еще вполне сохранявшаяся традиція «истинной національности». Это было то же впечатлѣніе, какое было у Кантемира, и оно можетъ служить нагляднымъ образчикомъ отношенія двухъ видовъ быта и образованія.

Но примѣръ Ломоносова, который не очень стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній, примѣръ цѣлой ученой академіи, основанной въ Петербургѣ, вовсе еще не означали, чтобы наука получала въ самомъ дѣлѣ какія-нибудь прочныя обезпеченія. Введенная разъ, она все больше и больше завоевывала себѣ мѣсто въ умахъ, но далеко не имѣла прочнаго внѣшняго положенія. Старые порядки были еще живы, и ихъ приверженцы не одинъ разъ пытались протестовать противъ новой образованности во имя преданій, ссылаясь между прочимъ и на церковныя авторитеты. Люди, которымъ приходилось рѣшать подобные вопросы, — озадаченные авторитетами, высказывали не разъ свои приговоры противъ науки; уже вскорѣ устроенъ былъ цензурный надзоръ, который — почти всегда въ рукахъ людей, мало приготовленныхъ въ научномъ смыслѣ и всего больше готовыхъ уничтожать все, противорѣчившее популярнымъ понятіямъ, — стѣснилъ притокъ и обращеніе научныхъ знаній, которыя слишкомъ часто стали получать видъ запрещеннаго товара. Движеніе науки шло съ тѣхъ поръ въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ привычными понятіями большинства, и стоявшею за нимъ цензурной властью: а большинство (и до сихъ поръ) не имѣло, конечно, никакого яснаго представленія о смыслѣ и стремленіяхъ науки, и считало вольнодумствомъ иногда самыя азбучныя ея истины. Въ XVIII-мъ вѣкѣ приверженцы старины еще открыто нападали на допущеніе въ русскую книгу Боперниковой системы, — и послѣдняя не нашла защиты. Еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ такую же судьбу испытала геологическая исторія земли. Собственно говоря, и до сихъ поръ трудно излагать

философскія послѣдствія Коперниковой системы или геологической исторіи земли... Мало-по-малу, научныя знанія, — своей необходимостью для самой практической жизни, гдѣ польза ихъ была осязательна, — приобрѣтали извѣстное право гражданства; въ ближайшее къ намъ время положенія науки допускались молча даже тамъ, гдѣ они противорѣчили тѣмъ или другимъ преданіямъ, — но разрѣшеніе этихъ противорѣчій все еще остается невозможнымъ для русской науки.

Такимъ неяснымъ, половинчатымъ, удаленнымъ отъ дѣйствія на жизнь, образомъ шло вообще у насъ развитіе науки. Понятно, что эта не-свобода крайне затрудняетъ и усвоеніе науки обществомъ, и невыгодно дѣйствуетъ на самую плодovitость и значительность ея русской разработки. Обязанная о многомъ умалчивать, говорить полу-словами, можетъ ли она создавать великія самобытныя произведенія, для которыхъ нужна вся энергія мысли и весь просторъ для ея развитія? Если, несмотря на всѣ стѣснительныя условія своего положенія, русская наука жила и приносила свои плоды; если она, въ своихъ лучшихъ представителяхъ, умѣла однако оставаться на уровнѣ содержанія науки западной, — это свидѣтельствуетъ конечно, что она имѣетъ внутреннія данныя для своего существованія, ту умственную энергію, которая необходима для разработки научной истины, — и что ей недостаетъ только внѣшнихъ благопріятныхъ условій для гораздо болѣе широкаго развитія и распространенія въ обществѣ...

Но если оказывалось столкновеніе съ преданіями, съ авторитетомъ, — который притомъ сохранялъ все свое значеніе для массы народа (т.-е., прибавляла греко-славянская школа: для самой національности), — то не было ли ошибки въ развитіи русской науки и образованности, не должна ли она была ограничивать и видоизмѣнять того, что находила въ наукѣ Запада, урѣзывать ея выводы и требованій?

Желаніе невозможное и невыполнимое. Это означало бы всѣмъ остановить науку, т.-е. остановить логическій процессъ. Конечно, внѣшними стѣсненіями ученые вынуждаются къ молчанію, причемъ можно даже сохранять внѣшніе атрибуты и приличія науки; — но остановить внутреннее содержаніе науки ни въ чьихъ силахъ: она космополитична, и будетъ продолжаться и дѣлать свои выводы безъ нашего участія и противъ нашей воли. Если признается за ней право существованія, если хотятъ пользоваться ея плодами, ей должна быть предоставлена вся внѣшняя свобода (внутренней у нея и отнять невозможно); не давая ей этой свободы, мы только лишимся добровольно

тѣхъ результатовъ, какіе она доставила бы намъ для нашей собственной пользы изученіемъ нашей природы, исторіи, быта и отношеній. Въ наукѣ общество имѣетъ дѣло не съ произволомъ и доброй волей ученыхъ и образованныхъ людей, а съ логической необходимостью. Наука есть организмъ, части котораго соединены неизбѣжной связью, какъ соединены явленія самой природы и жизни. Принимая однѣ ея истины, мы тѣмъ самымъ обязываемся принимать другія, логически съ ними связанныя. Ей невозможно, поэтому, ни поставить какихъ-нибудь національныхъ границъ, ни избѣжать ея вліянія на умы и общественный бытъ: медленно и мало замѣтно, она все-таки будетъ дѣйствовать по своимъ требованіямъ,—если только не отказать отъ нея совсѣмъ.

Такимъ образомъ, для русской образованности, въ ея историческомъ ходѣ, не было иного выбора, какъ та единственная наука, съ какою она познакомилась отъ западной Европы. Для нея не могло и не можетъ быть иной математики, физики, астрономіи, геологіи, исторіи и т. д.; выводы этихъ наукъ для нея также обязательны, какъ вездѣ. Если эти выводы окажутся иногда несогласны съ привычными понятіями, то ихъ не опровергнуть никакія ссылки на преданія и національные авторитеты—спорить противъ нихъ возможно только на почвѣ той же науки, т.-е. на почвѣ свободнаго изслѣдованія.

Защитники національныхъ преданій не убѣждались однако этими извѣстными истинами, и еще не такъ давно шелъ въ нашей литературѣ споръ о національности науки. Они утверждали, что должна быть русская національная наука, потому что и наука европейская нигдѣ не была отвлеченной идеей, и, напротивъ, обрашывалась національными цвѣтами, не только въ приѣмахъ изслѣдованія, но въ выборѣ содержанія и самыхъ выводахъ. Но именно теперь всего труднѣе говорить о національныхъ наукахъ, когда всѣ отдѣльныя научныя движенія разныхъ націй стремятся къ обобщенію въ одно цѣлое. Въ извѣстномъ ограниченномъ смыслѣ можно было говорить о національныхъ наукахъ за прежнее время, когда раздѣленная жизнь націй западной Европы раздѣляла и научные труды разныхъ народовъ; когда (только вслѣдствіе этого) у однихъ могли существовать научные приемы и интересы, неизвѣстные другимъ; когда замѣчательный ученый, создававшій новую школу, прежде всего или исключительно находилъ себѣ учениковъ и послѣдователей только между соотечественниками; когда извѣстныя мѣстныя условія создавали различные приемы въ разработкѣ науки, и т. п.,—но и въ то время всѣ крупныя научныя труды дѣлались общимъ до-

стояніемъ ученой Европы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, при ббльшей раздѣльности литературъ, свойства національнаго ума могли и больше отражаться на постановкѣ и изложеніи вопросовъ науки, но это вовсе не дѣлало особыхъ національныхъ наукъ, и все мнимо «національное» направленіе науки заключалось только въ *изложеніи*, и ни въ чемъ иномъ: смѣшно говорить, чтобы у французовъ астрономія, физика и т. д. имѣла другія *основанія* и приходила къ другимъ *выводамъ*, чѣмъ у нѣмцевъ, англичанъ, итальянцевъ и т. д. Въ настоящее время, объединеніе науки достигло таковой степени, что для ученыхъ специалистовъ уже немислимо ограничиваться одной своей литературой, и наука съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе становится общимъ международнымъ дѣломъ.

Къ этому дѣлу должна примкнуть и всякая возникающая наука: внѣ его она теряла бы смыслъ.

Дѣйствительно, въ этомъ стремленіи примкнуть къ европейскому развитію и состояла исторія новой русской образованности, съ первыхъ ея опытовъ въ концѣ XVII-го вѣка. Задача состояла въ томъ, чтобы, во-первыхъ, такъ сказать догнать Европу, усвоить себѣ то, что было раньше ею сдѣлано, во-вторыхъ, приучиться работать самостоятельно по методамъ европейской науки, и затѣмъ приложить знанія къ изученію своей страны и народа. Усвоеніе начиналось самымъ простымъ способомъ—вызовомъ готовыхъ ученыхъ, сначала кіевскихъ и западно-русскихъ, потомъ нѣмецкихъ во вновь основанную академію, и посылкой русскихъ для ученья за-границу: вызовъ ученыхъ со временъ Петра продолжался до нашего времени; послыки за границу начались еще при Годуновѣ, и до настоящаго времени оставались (при непрочности домашняго положенія науки) однимъ изъ благотворныхъ средствъ ученаго воспитанія. Что, съ другой стороны, русская наука возвысилась и до самостоятельной работы, объ этомъ свидѣтельствуетъ ея исторія, уже имѣющая свои блестящія имена. Исторія русскихъ научныхъ трудовъ находится въ тѣснѣйшей связи съ исторіей науки европейской.

Наука есть высшая мѣрка умственной солидарности съ европейскимъ развитіемъ. Но подобная солидарность обнаруживалась и въ самой поэтической, художественной литературѣ новаго времени. Съ началомъ нашей новой исторіи почти совпадаетъ начало искусственнаго періода нашей литературы, гдѣ она окончательно покидаетъ почву непосредственнаго народнаго творчества, и поэтическое воспроизведеніе жизни подчиняется уже пріобрѣтенному сознанію, художественному намѣренію. Являются во-

вля формы, и новый характеръ содержанія. Поэтическая литература идетъ параллельно съ возрастающими успѣхами науки. Какъ и наука, она переживаетъ длинный рядъ заимствованій и подражанія, въ формѣ и въ содержаніи, до тѣхъ поръ, пока мало-по-малу, съ постепеннымъ возмужаніемъ общества, съ развитіемъ языка, приспособленнаго къ новой образованности, съ расширеніемъ понятій, литература не достигла своей самобытной точки зрѣнія и самобытнаго исполненія. Такъ, начавъ съ школьной схоластической поэзіи XVII-го вѣка, русская литература восприняла французскія и нѣмецкія вліянія (Кантемиръ, Ломоносовъ); псевдо-классицизмъ, мистицизмъ и сентиментальную мечтательность; романтизмъ, нѣмецкій и французскій; байронизмъ, и наконецъ въ новѣйшемъ реализмѣ и сатирѣ встрѣтилась съ европейскими литературами болѣе или менѣе самостоятельно. Съ XVIII-го вѣка русская литература наполнялась массою переводовъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ книгъ, и также классическихъ писателей, — которые, съ другой стороны, пополняли старые пробѣлы русской образованности...

Въ противоположность отвлеченной и космополитической наукѣ, поэтическая литература по преимуществу національна: по своему содержанію, представляющему изображеніе національной жизни; идеаламъ, исходящимъ изъ стремленій національной общественности; формѣ выраженія и языку она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ національнымъ бытомъ. Повидимому, ея исторія могла бы быть удивленной исторіей особаго исключительнаго явленія; но какъ развитіе самой національности окружено было различными международными отношеніями, такъ и ходъ литературы можетъ быть опредѣленъ съ исторической точностью только въ связи съ тѣми внѣшними фактами, которые оказывали на него вліяніе. Дѣйствительно, какъ было сейчасъ указано, весь новѣйшій періодъ русской литературы наполненъ фактами европейскаго вліянія, проникнуть стремленіемъ воспринять европейскія идеи, желаніемъ расширить и очистить національное содержаніе. Послѣдняя цѣль, къ которой шла литература сознательно или инстинктивно, была та же, къ которой направляются всѣ указанія науки и образованія — возвышеніе національнаго содержанія обще-человѣческими идеалами. Постепенное возрастаніе этихъ идеаловъ въ сознаніи общества и есть тотъ высшій интересъ, который даетъ привлекательность изученію литературы, гдѣ всего живѣе отрываются внутренніе процессы и душевныя мысли общества (потому что даже и тамъ, гдѣ литература еще не достигла свободы своего слова, внимательный взглядъ угадаетъ недосказанную мысль и подавлен-

ное чувство)... Этотъ обще-человѣческій, космополитическій интересъ мы находимъ и въ поэмѣ Гомера, Данта, и въ драмѣ Шекспира, и въ поэзіи Шиллера; произведенія, раздѣленные отъ насъ вѣками и десятками вѣковъ, остаются намъ близки и родственны — по изображеніямъ человѣческой личности, и переходятъ въ космополитическое достояніе образованнаго міра. Въ наше время, обще-человѣческій идеалъ или обще-человѣческіе интересы литературы возрастаютъ особеннымъ образомъ: по мѣрѣ того, какъ усиливалась политическая и экономическая связь націй, увеличились до небывалой прежде степени ихъ непосредственныя сношенія, возрасло общеніе и единство науки, — основныя европейскія литературы все больше и больше расширяютъ свое дѣйствіе, ихъ главные писатели становятся писателями для всей Европы. Произведенія Гёте, Шиллера, Гейне; Виктора Гюго, Жоржъ-Зандъ; Вальтеръ-Скотта, Диккенса и т. д., считаясь въ ряду величайшихъ созданій національнаго гения, въ то же время воспринимаются другими литературами, какъ космополитическая собственность, и иногда, какъ это положительно было съ Байрономъ, оставляютъ болѣе сильное впечатлѣніе у другихъ націй, чѣмъ на своей родинѣ. То обширное вліяніе, какое имѣли почти всѣ изъ названныхъ писателей и внѣ своей литературы, можетъ служить примѣромъ того, какъ сильно уже теперь взаимодѣйствіе европейскихъ литературъ, какъ обобщается поэтическая идеалъ и общественный смыслъ литературы. Какъ работы европейской науки сливаются въ общемъ выводѣ, который принадлежитъ равно всѣмъ, — даже тѣмъ, кто не участвовалъ въ его добываніи и только въ состояніи воспринять его, — такъ европейская литература отдаетъ на общую пользу свои поэтическія созданія.

Чтобы опредѣлить эти общіе вопросы нашей литературной исторіи, отношенія ея къ обще-человѣческому содержанію, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединяются частныя національныя развитія и изъ котораго опять заимствуютъ свою опору; чтобы указать, въ частности, дѣйствительное и возможное положеніе русской литературы и образованности въ славянскомъ мірѣ, гдѣ хотятъ дать ей господствующую роль, — необходимо сравнительное изученіе ея исторической судьбы. Но, кромѣ этихъ общихъ, такъ сказать международныхъ отношеній, сравнительное изученіе можетъ очень выяснитъ и безотносительное значеніе литературы для своего общества. Мы не имѣемъ обыкновенно точной мѣрки, когда беремъ оцѣнивать достоинства и мѣру вліянія главнѣйшихъ явленій нашей литературы. Разсуждая о нихъ въ своемъ стѣсненномъ горизонтѣ, мы слишкомъ склонны думать, что мы

богаче, чѣмъ въ дѣйствительности богаты; что мы уже стали на европейскомъ уровнѣ и что для насъ должна начаться пора господства въ славянскомъ мірѣ, — которое, на самомъ дѣлѣ, означало бы соперничество съ вліяніями западно-европейскими. Сличенія могли бы привести къ любопытнымъ и поучительнымъ выводамъ: онѣ могли бы объяснить, не предстоитъ ли нашей литературѣ—прежде чѣмъ дѣлать завоеванія—еще много серьезнаго и упорнаго труда дома, чтобы выработать себѣ достойное, независимое положеніе; объяснить, такъ ли сильна «народность» нашей литературы, которою мы хвалимся; такъ ли обширно и независимо наше «художественное» изображеніе жизни, о которомъ ведутся глубокомысленные толки; такъ ли сильна и дѣйствительна наша сатира и т. д.

Мы нисколько не думаемъ уменьшать того, что въ самомъ дѣлѣ приобрѣтено литературой. Эти приобрѣтенія очень значительны и цѣнны тѣмъ больше, что дѣлались вообще наперекоръ самымъ неблагоприятнымъ условіямъ; въ нашей литературѣ бывали блистательныя отдѣльныя силы, у нея есть большіе задатки для будущихъ возможностей, —но достигла ли она, въ цѣломъ, прочнаго упомянутаго положенія, совершаютъ ли ея силы все, къ чему были бы способны и что было бы необходимо, —это вопросъ. Во всякомъ случаѣ, ей очень рано успокаиваться на лаврахъ.

Впослѣдствіи, мы, быть можетъ, возвратимся къ нѣкоторымъ вопросамъ сравнительно-историческаго изученія, о которомъ теперь говорили.

А. Пыпинъ.

ПОЪЗДКА НА ОБНОВЛЕННЫЯ КАВКАЗСКІЯ ВОДЫ

Всѣ чающіе движенія воды съ нетерпѣніемъ ожидали открытія желѣзной дороги на Кавказъ, чтобы полечиться своими собственными отечественными водами, о цѣлебной силѣ которыхъ такъ много было говорено и писано. Въ послѣднее время это нетерпѣніе сдѣлалось тѣмъ сильнѣе, что администрація водъ еще прошлой осенью оповѣстила публику, черезъ газеты, о прибытіи на Кавказъ знаменитаго французскаго инженера Жюля-Франсуа, отъ котораго всѣ ожидали совершеннаго обновленія устарѣлаго устройства водъ. Извѣстно, что этому инженеру обязаны своимъ современнымъ устройствомъ весьма многія воды въ западной Европѣ. Послѣ отъѣзда его съ Кавказа администрація водъ не скупилась на рекламы о послѣдовавшемъ улучшеніи водъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій въ началѣ нынѣшняго лѣта открылся вождедѣнный путь, сначала неофициально, только для ѣдущихъ лечиться на воды, а въ началѣ іюля уже и официально образомъ для всѣхъ. Больные двинулись на кавказскія воды со всѣхъ сторонъ. Туда же двинулся въ концѣ іюня и пишущій эти строки, который своими настоящими замѣтками желаетъ принести посильную дань нашимъ драгоцѣннымъ цѣлебнымъ источникамъ.

Новый желѣзный путь начинается отъ Ростова-на-Дону. Отсюда мы начнемъ и свои замѣтки. Приѣхавши на Ростовскую станцію, мы увидѣли нѣчто похожее на восточный караванъ-сарай. Станція временная, деревянная, тѣсная и грязная. Без-

два народу копошится въ ней, какъ въ муравейникѣ. Тутъ нужно глядѣть въ оба глаза, чтобы не остаться безъ вещей. Прислуги мало, а народу тьма. Извѣстно, что Ростовъ городъ портовый, ведущій значительную заграничную торговлю. Въ лѣтніе мѣсяцы въ немъ одного пришлага рабочаго народу бываетъ около 50,000 чел. Имъ кипитъ цѣлый городъ, имъ же наполнены и станціонныя грязныя и тѣсныя залы. Кое-какъ пробравшись черезъ толпы народа и выручивши свои вещи, мы усѣлись на извозчичью колесницу, имѣющую весьма невзрачный видъ, но все-таки гораздо болѣе удобную, чѣмъ на какихъ мы ѣздимъ въ Петербургъ, и отправились въ указанную намъ гостинницу. Проѣзжая по улицамъ, мы успѣли осмотрѣть вблизи почти весь городъ, который издали представлялъ видъ нѣсколько похожій на кочующую орду, расположившуюся со своими кибитками среди опаленной степи. И внутренность города немного лучше его наружнаго вида: улицы хотя прямыя и довольно широкія, но въ огромномъ большинствѣ неощенныя и неровныя; въ сухую погоду черной тучей стоитъ надъ ними постоянно ѣдкая известковая пыль; въ дождливую нѣтъ прохода отъ грязи; дома болѣею частью жалкія лачуги, безъ надворныхъ построекъ и почти безъ всякой зелени вокругъ. Есть нѣсколько и каменныхъ, довольно большихъ и красивыхъ зданій, но они не измѣняютъ общаго впечатлѣнія отъ города. Зловоніе отравляетъ ваше дыханіе почти на каждомъ шагѣ: на улицахъ валяются дохлыя кошки и другія мелкія животныя; на берегу Дона, который кипитъ судами и чернорабочимъ людомъ, нужно закрывать носъ отъ разныхъ міазмовъ. Даже вода въ рѣкѣ имѣетъ грязный цвѣтъ. Особенно отвратителенъ воздухъ на плувучемъ мосту черезъ Донъ и на базарѣ, идущемъ отъ него въ гору. Тутъ не знаешь какъ бы поскорѣе выбраться. Невыносимая жара заставляла насъ ходить нѣсколько разъ купаться въ купальни, расположенныя близъ моста, и, можно сказать, мы насытились вдоволь и здѣшнимъ воздухомъ, и здѣшной водой, да встать имѣли случай видѣть, какія простыни подають здѣсь для обтиранія купающимся...

Гостинница, намъ рекомендованная, оказалась довольно чистой и удобной, но за то по цѣнамъ не уступающей хорошимъ столичнымъ гостинницамъ: дешевле 2 руб. въ сутки здѣсь нѣтъ ни одного номера. Все остальное держится въ соразмѣрности съ этими цѣнами. Можно судить о размѣрахъ расходовъ людей семейныхъ, останавливающихся въ такихъ гостинницахъ. Въ вагонахъ семейные люди еще могутъ удешевить свое содержаніе: они обыкновенно запасаются изъ мѣстъ своего отправленія всякой

провизіей, которою наполняютъ цѣлыя корзины и которая всегда несравненно лучше и дешевле всѣхъ угощеній, предлагаемыхъ на станціяхъ подъ разными громкими искаженными иностранными названіями. Но въ гостинницѣ семейный путешественникъ совершенно въ рукахъ хозяина, который и высасываетъ изъ него, сколько хочетъ. Страсть содержателей гостинницъ къ скорой и легкой наживѣ распространилась у насъ чрезвычайно скоро, по всѣмъ даже захолустнымъ городишкамъ, но чрезвычайно туго распространяются въ этихъ гостинницахъ необходимыя удобства для прїѣзжихъ.

Задыхаясь отъ жару въ комнатахъ, даже вечеромъ, мы отправились посмотрѣть городской садъ. Дѣло было въ воскресенье. Народу набралось довольно много. Садъ довольно хорошъ; только пыль столбами несется за проходящими по дорожкамъ, особенно же за дамскими хвостами. Какія-то нѣмки подъ управленіемъ нѣмца составляютъ довольно хорошій оркестръ, который по вечерамъ играетъ въ этомъ саду. Здѣсь можно бы найти прїятное убѣжище отъ городской пыли и духоты, еслибы среди сада не протекалъ какой-то мутный ручей, издающій невыносимый ароматъ. Что это за страна наша святая Русь? Куда ни сунься, вездѣ такъ и затыкай носъ. И не чувствуютъ этого добрые люди и даже удивляются, какъ другихъ могутъ занимать подобныя пустяки.

Жара стояла такая, что въ девять часовъ вечера тяжело было дышать. Прошелъ слухъ, что нѣсколько человѣкъ умерло на улицахъ не то отъ холеры, не то отъ солнечнаго жара. И не удивительно и то и другое среди подобной обстановки.

Жалкій наружный видъ города указываетъ на такое же и внутреннее его состояніе. И дѣйствительно, мы слышали отъ людей, заслуживающихъ довѣрія, что доходы такого бойкаго промышленнаго города были совершенно ничтожны до того времени, когда городскимъ головою сдѣлался г. Байковъ, который возвысилъ ихъ едва ли не втрое и сдѣлалъ довольно начинаній для благоустройства города, какъ-то: для устройства мостовыхъ, освѣщенія улицъ и проч. Мы своимъ ушамъ не вѣрили, слушая эти рассказы, помня по газетамъ какое-то дѣло о неправильномъ употребленіи ростовскимъ городскимъ головою г. Байковымъ, купцо съ членами думы, городскихъ суммъ. Но рассказчикъ завѣрялъ насъ, что какъ г. Байковъ, такъ и члены думы оправдались и что улучшеніе города началось съ управленія г. Байкова; что онъ былъ все-таки первымъ дѣятельнымъ головою, а до того времени на этомъ мѣстѣ больше спали, чѣмъ работали, и что до

сего времени почти всѣ лучшіе граждане уклоняются отъ выборовъ въ городскіе головы, не желая жертвовать своими личными торговыми интересами нуждамъ и пользамъ общественнымъ. Теперь доходы города возвысились до 300,000 рублей, но городское благоустройство остается почти въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ оно было до г. Байкова, когда городскіе доходы были не больше 60,000 руб.

Мы передаемъ почти буквально слова ростовскаго жителя, значительнаго торговца, съ которымъ мы разговаривали. Все насъ окружающее городское неряшество подтверждало, что у города нѣтъ хорошаго хозяина. Одно то, что городъ печется на солнцѣ по недостатку деревьевъ въ такомъ климатѣ, гдѣ растетъ виноградъ, можетъ служить самымъ вѣскимъ доказательствомъ безхозяйности города, а задыханіе отъ пыли и вони на берегу большой рѣки можетъ служить подрѣпленіемъ этого доказательства. Народъ мѣстный отличается любовью къ вольности и праздности. За этимъ естественно слѣдуютъ пьянство и нищета, видная въ тысячахъ жалкихъ хижинъ, наполняющихъ этотъ бойкій торговый городъ. Работаетъ здѣсь всюду народъ пришлый, великорусскій. Не подалеку отъ Ростова начинается разработка знаменитаго грушевскаго антрацита, и даже недавно устроены ярославскимъ купцомъ Пастуховымъ заводъ для выдѣлки желѣза на открытыхъ и взятыхъ имъ въ аренду желѣзныхъ присахъ. И въ томъ и въ другомъ мѣстѣ начинаютъ образовываться маленькія колоніи. Кто же въ нихъ селится и работаетъ? Все тотъ же великорусскій крестьянинъ, обдѣленный природой у себя на родинѣ, житель владимірской, вятской и другихъ губерній, идущій сюда за добрую тысячу верстъ на заработки. Мѣстные же жители только лѣниво разглядываютъ, что это у нихъ заводится, и развѣ только подвозятъ на своихъ волахъ сырые матеріалы или исправляютъ самыя простыя черныя работы. Между тѣмъ тутъ есть не только воинственные сыны Допа, привыкшіе уже къ другой дѣятельности, но и хохлы, бывшіе крѣпостные казацкихъ помѣщиковъ.

О грушевскихъ копяхъ намъ говорили, что быстрому развитію этого выгоднаго промысла, между прочимъ, мѣшаетъ то обстоятельство, что войсковое управленіе отводитъ въ однѣ руки слишкомъ малые участки, около $\frac{1}{4}$ версты, на которыхъ не выгодно ставить машины, а скупать участки у другихъ иногда бываетъ просто невозможно по несообразности требованій владельцевъ. Оттого большая часть мелкихъ участковъ очутилась въ рукахъ у евреевъ, умѣющихъ обдѣлывать самыя трудныя и тем-

ныя дѣла. О заводѣ Пастухова мы слышали, что онъ выработываетъ уже около 40,000 пуд. желѣза, но производство его доселѣ обходится довольно дорого, а потому оно и продается дорого. Энергическій хозяинъ завода затратилъ уже значительный капиталъ, самъ лично вынесъ всѣ лишеныя, въ продолженіе почти трехъ лѣтъ живя одною жизнью съ своими рабочими, и неуклонно идетъ въ своей цѣли, несмотря на всѣ затрудненія въ новомъ дѣлѣ и въ мѣстности, удаленной отъ промышленныхъ центровъ и работающаго народа. Теперь его заводъ представляетъ видъ зарождающагося каменнаго городка. Жаль, что не обращено вниманіе на разсадку или посѣвъ вокругъ него деревъ. Это пригодило бы въ будущемъ, и для здоровья было бы полезно, и далѣ бы болѣе живой видъ каменному городку, въ которомъ живетъ уже около 600 чел. рабочаго народа. Но зелени также мало видно и вокругъ каменныхъ зданій Общества пароходства и торговли на грушевскихъ вояхъ. Вообще, мы, кажется, любимъ болѣе вырубать деревья, чѣмъ ихъ сажать. А между тѣмъ послѣднее необходимо, какъ примѣръ для лѣнливыхъ жителей, которые нуждаются въ строевомъ матеріалѣ и давно могли бы имѣть цѣлыя лѣса на своей плодородной почвѣ.

До чего вялы мѣстные жители, это лучше всего видно изъ того, что какой-то пришлый рязанскій торговецъ, начавшій на Дону свою торговлю ленточками и пуговками, въ настоящее время арендуетъ у войска, какъ намъ говорилъ одинъ казацкій полковникъ, около 500,000 десятинъ земли, по 50 коп. за десятину; да своей собственной земли, скупленной по дешевой цѣнѣ у разныхъ мелкихъ чиновниковъ, имѣетъ около 20,000 десятинъ. Десятина же земли здѣсь, по десятилѣтней сложности, приноситъ не менѣе 10 р. въ годъ. Подите и толкуйте объ американскихъ пионерахъ цивилизаціи, распаивающихъ цѣлину въ тамошнихъ степяхъ подъ носомъ у дикарей. У насъ своего такого добра за глаза довольно и нѣтъ нужды ѣздить въ Америку учиться наживать деньги отъ земли, но не всѣ только умѣютъ наживать. Какой-нибудь офеня въ двадцать лѣтъ дѣлается громаднымъ капиталистомъ, а какой-нибудь баринъ, купивши двѣ тысячи десятинъ подобной же земли на Кавказѣ и имѣя около 200,000 р. запаснаго капитала, устраиваетъ заводъ, въ которомъ онъ самъ не знаетъ толку, убиваетъ весь свой капиталъ, не умѣя привести его въ движеніе, и наконецъ обращается въ нищаго. Такого барина куда ни пошли, нигдѣ отъ него толку не будетъ, даже и въ Америкѣ.

Уѣзжая изъ Ростова, мы уносили самое грустное впечатлѣ-

ніе зрѣлища города, поставленнаго природой въ хорошемъ климатѣ, на плодородной почвѣ, близъ большой рѣки и даже близъ цѣлаго моря, а между тѣмъ города и голодающаго, и холодающаго, и пекущагоса на солнцѣ, и задыхающагоса отъ пыли и зловонія, и тонущаго въ грязи. Одно насъ лично утѣшало, что мы этого не встрѣтимъ по крайней мѣрѣ на водахъ, куда мы ѣхали, потому что ими управляетъ тотъ самый г. Байковъ, который былъ первымъ дѣятельнымъ головой въ Ростовѣ.

Ростовская станція кавказской желѣзной дороги находится верстахъ въ двухъ отъ центра города. Она красива, просторна и содержится пока еще довольно чисто, но воду для питья подаютъ отвратительную на вкусъ: такъ и отдаетъ известкой. И неудивительно: почва города известковая. Въ самомъ городѣ вода откуда-то проведена и довольно хороша. Сюда же вѣрно еще не догадались провести воду, а можетъ быть считаютъ это дѣло прихотью. У насъ вѣдь еще не додумались до очищенія городовъ отъ миазмовъ; такъ до воды ли тутъ, особенно на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Добровольные мученики вагоновъ пьютъ и ѣдятъ, что дадутъ, особенно на желѣзныхъ дорогахъ нашихъ окраинъ. Именно все это мы и испытывали болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ удалялись отъ столицъ и приближались къ Кавказу. День нашего отъѣзда изъ Ростова былъ палящій, жажда смертельная, а пить воды нельзя; поневолѣ пьешь или чай, который еще прибавляетъ жару, или зельтерскую воду, платя за стаканъ по 20 к. Содержателямъ буфетовъ это не въ убытокъ, ибо въ Ростовѣ въ городскомъ саду бутылка зельтерской воды стобитъ только 5 к.; но за эту самую бутылку въ Пятигорскѣ съ насъ брали уже по 30 к., значить, надобно еще благодарить ростовскихъ буфетчиковъ.

Тронулись мы изъ Ростова 3-го іюля, когда дорога была уже официально открыта, и потому заплатили за мѣсто 2-го класса только 10 р., вмѣсто 28 р., которые брали до этого дня. Вагоны очень удобные и покойные: скамьи выдвигаются и можно очень хорошо спать, если не много народу. Но духота была такъ велика, что невозможно было заснуть въ накаленномъ вагонѣ. Неужели нельзя сдѣлать крыши и стѣнки вагоновъ менѣе подверженными накаливанію и устроить болѣе сильную вентиляцію внутри вагоновъ? На сѣверныхъ и срединныхъ нашихъ дорогахъ эти вопросы не могли и возникать, потому что тамъ это короткое и не жаркое. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представится это дѣло на вновь открытой кавказской дорогѣ. Здѣсь это продолжительное и жаркое. Надобно же чѣмъ-нибудь за-

щитить бѣдныхъ пассажировъ отъ адскаго мученія въ вагонахъ. Особенно же заслуживаютъ участія люди больные, которые ѣдутъ на воды лечиться. Многимъ изъ нихъ и безъ того жить тяжело, а тутъ еще подвергаютъ адскимъ мукамъ въ вагонахъ. Не удивительно, что многіе пріѣдутъ на воды въ худшемъ положеніи, чѣмъ выѣхали изъ дому. Неужели мы сами не можемъ ничего придумать для уменьшенія жары и духоты въ вагонахъ и должны отправляться въ Индію или Америку посмотрѣть, — какъ тамъ англійское изобрѣтательное племя ухитрилось перевозить своихъ пассажировъ подъ тропическими лучами солнца? Тамъ, сколько помнится, не жалѣютъ издержекъ, и кровли и стѣнки вагоновъ обводятся самыми дурными проводниками тепла. Пора подумать и у насъ о томъ же, по крайней мѣрѣ на южныхъ линіяхъ.

Отъ Ростова лишенія пассажировъ увеличиваются. Большіе часть станцій еще не вполнѣ окончена, потому мѣсть, гдѣ можно бы удовлетворить жажду и голодь, несравненно меньше, чѣмъ до Ростова. Да и на тѣхъ станціяхъ, гдѣ уже пристроились кое-какіе буфетчики, нельзя найти провизіи въ достаточномъ количествѣ и сносной для желудка по качеству. Все это объясняется и оправдывается новостью дѣла. Но за все это берутся очень хорошія цѣны. Пассажиръ, привыкшій къ порядочному столу и не захватившій съ собою провизіи изъ Ростова по своему вкусу и желудку, рискуетъ буквально голодать во всю дорогу, потому что, кромѣ чаю и плохо приготовленной говядины въ разныхъ видахъ съ прогорклымъ масломъ, да молока, онъ ничего не найдетъ на всей линіи. Забыть не можемъ, какъ на одной станціи проголодавшаяся толпа пассажировъ съ ужасомъ узнала, что на всю братью есть только три говяжьи котлеты, и какъ при этомъ одинъ крупный петербургскій чиновникъ, забывъ свою сановитость, кричалъ во все горло: «мнѣ, мнѣ, мнѣ»! Правду говоритъ пословица: голодь не тѣтка, — если онъ заставилъ застывшаго въ холодной величавости сановника сбросить свою ледяную маску и обратиться въ дюжиннаго голодающаго смертнаго.

Общее впечатлѣніе дороги отъ Ростова до станціи минеральныхъ водъ довольно тяжелое: однообразіе степи, которая тянется на сотни верстъ въ длину и ширину, начиная почти отъ самаго Воронежа вплоть до подножія Кавказскаго хребта, т.-е. до самаго Пятигорска, наводитъ тоску, особенно на чело-вѣка больного, желающаго забыть свою болѣзнь хоть въ разнообразіи природы. Проѣзжая по внутренней Россіи глазъ видишь хоть тоже не балуется разнообразіемъ видовъ, но все-таки вы

ѣдете по странѣ населенной, гдѣ видны хоть не красота природы, но по крайней мѣрѣ присутствіе человѣческой мысли и труда. Лѣса и обработанныя поля съ человѣческими жилищами, хоть некрасивыми, но за то довольно частыми, даютъ пищу и зрѣнію, и размысленію. Проѣзжая же по безконечнымъ, хотя и плодоноснымъ, но не воздѣланнымъ и пустымъ степямъ, вы утомляетесь до того, что наконецъ начинаете смотрѣть на все совершенно тупыми глазами и не видите конца этой пытки. Перѣѣзжая нашу границу даже въ Эйдуненѣ, вы наслаждаетесь если не видами прусской природы, то по крайней мѣрѣ нѣмецкой порядочностью и смышленностью сельскаго населенія, не говоря уже о городахъ, съ произведеніями наукъ и искусствъ или историческими памятниками, и утѣшаетесь хоть за другихъ мыслию, какъ здѣсь, должно быть, хорошо живется людямъ, и увѣренностью, что вы можете каждый часъ раздѣлить эту жизнь, остановившись на любой станціи. Ничего подобнаго вы не испытываете на дорогѣ отъ Воронежа до Пятигорска. Всюду васъ давитъ отсутствіе культуры и мысль, что вы здѣсь внѣ цивилизованнаго человѣческаго общества, живущаго съ извѣстными удобствами. Попробуйте выйти на любой станціи и остаться, хоть на одинъ день, для знакомства съ мѣстностью, и вы рискуете чуть не умереть съ голоду. Кромѣ чернаго хлѣба и молока, ничего не получите, а на нѣкоторыхъ станціяхъ не найдете и молока, потому что близъ станцій нѣтъ никакихъ населенныхъ мѣстъ. Простой же народъ, живущій на станціяхъ для работъ, довольствуется, извѣстно, скудною и грубою пищею. Служащіе чиновники все выписываютъ по желѣзной дорогѣ изъ Ростова, начиная съ бѣлаго хлѣба и кончая своимъ туалетомъ. Вообще, на всемъ протяженіи отъ Ростова до Пятигорска, можно сказать, вовсе не видать человѣческихъ жилищъ, и когда они появляются, трудно и предвидѣть. Если желѣзная дорога, существующая между Воронежемъ и Ростовомъ и сильно оживившая мѣстное земледѣіе и промышленность, еще весьма мало успѣла въ нѣсколько лѣтъ населить обѣ свои стороны; то тѣмъ труднѣе должно произойти заселеніе окраинъ дороги въ Кубанской области, еще болѣе удаленной отъ центровъ нашей общественной жизни, несмотря на все плодородіе этой обширной степи, въ настоящее время питающей населеніе около 1.000,000 чел., но могущей пропитать вдесятеро болѣе населеніе. Недостатокъ лѣса и воды будетъ служить главнымъ препятствіемъ къ ея быстрому заселенію.

На серединѣ дороги между Ростовомъ и станціей минераль-

ныхъ водъ съ нами случился одинъ изъ курьёзовъ, которыми кипитъ наша жизнь. Вдругъ поѣздъ остановился среди дороги между двумя станціями. Все населеніе вагоновъ высыпало на дорогу. Оказалось, что у одного изъ колесъ локомотива сломалась рессора, огромная глыба которой валялась среди дороги. Что дѣлать? Служащіе вытащили какіе-то громадныя снаряды, чтобы приподнять локомотивъ. Долго дѣло это не ладилось: бились около двухъ часовъ. Наконецъ подняли и въ образовавшуюся пустоту забили какую-то щепу, отъ большого полѣна, которое гдѣ-то удалось найти. Поѣздъ тронулся дальше; мнительные пассажиры ежеминутно ожидали, что вотъ поѣздъ скоро остановится опять, а робкіе боялись даже чего-нибудь въ родѣ катастрофы. Не тутъ-то было: поѣздъ помчался на всѣхъ парахъ и благополучно добрался до ближайшей станціи. Здѣсь мы ожидали, что машину переимѣнятъ. Опять-таки, не тутъ-то было. Со щепой, вмѣсто рессоры, мы просекали еще 100 верстъ и ничего не случилось. Подите и толкуйте съ русскимъ *авось*, да *какъ-нибудь*. Убѣдите эти два двигателя нашей жизни, что на нихъ полагаться нельзя, когда они могутъ васъ возить съ быстротою птичьяго полета по сотнѣ верстъ и болѣе на щепѣ, вмѣсто стальной рессоры. Вотъ вамъ и на лицо сказка о разныхъ нашихъ народныхъ герояхъ, скакавшихъ на коврахъ-самолетахъ, вмѣсто всякихъ паровыхъ и электрическихъ двигателей.

Но чтобы не очень зарывались наши современные дорожные богатыри, на новой дорогѣ кавказской не велѣно ѣздить очень скоро: поѣздъ отъ Ростова до станціи минеральныхъ водъ идетъ 22 часа 460 верстъ, значить не много болѣе 20 верстъ въ часъ. И за то спасибо! Какъ еще дорожная администрація ухитряется находить массу служащихъ на новооткрываемыхъ линіяхъ! Вѣдь на это дѣло нужны люди вполне подготовленные, ибо имъ ввѣряются не только имущественныя миллионныя интересы, но и сотни тысячъ человѣческихъ жизней ежегодно. Говорятъ, что увлекаютъ ихъ съ старыхъ линій увеличеннымъ жалованьемъ. На Кавказѣ вообще всѣ служащіе получаютъ больше жалованья, чѣмъ внутри Россіи, начиная отъ коронныхъ чиновниковъ и кончая вольнослужащими. Послѣдніе, при недостаткѣ мѣстныхъ элементовъ, конечно, получаютъ несравненно болѣе увеличенное содержаніе, чѣмъ коронныя чиновники. Это своего рода обѣтованная земля для вольнаго труда, начиная съ труда земледѣльца и восходя до самыхъ высшихъ проявленій труда въ области мысли. Изъ коронныхъ чиновниковъ лучше всего обезпечены служащіе по новымъ судебнымъ учрежденіямъ, которые

получаютъ не только увеличенное жалованье, но еще прибавки за каждое пятилѣтіе и, сверхъ всего, земельные надѣлы, смотря по должности, простирающіеся иногда до тысячи и болѣе десятинъ великолѣпнаго нетронутаго степного чернозему. И неудивительно, что молодежь, знакомая съ юриспруденціей, стремится сюда со всѣхъ сторонъ Россіи. Извѣстно, что здѣсь всѣ судебныя должности, начиная отъ мирового судьи, замѣщаются по назначенію отъ мѣстнаго управленія. Чѣмъ же оно гарантируется въ этихъ назначеніяхъ? Рекомендаціями тѣхъ мѣстъ, гдѣ прежде служили желающіе служить на Кавказѣ. Говорятъ, что болѣшая часть опредѣленныхъ такимъ способомъ лицъ вполне оправдываетъ свои рекомендаціи и дѣло правосудія идетъ весьма удовлетворительно, такъ что становится весьма любопытнымъ, на примѣръ, слѣдующій вопросъ: какой типъ мирового судьи вырабатывается лучшій — судьи ли, избираемаго мѣстнымъ обществомъ, или судьи, назначаемаго отъ короны. Этотъ вопросъ постановленъ былъ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, служащимъ на Кавказѣ по судебному вѣдомству. Одни изъ собесѣдниковъ рѣшали его, на основаніи великорусскихъ опытовъ, въ пользу избирательной системы, другіе въ пользу правительственнаго назначенія. Что-то скажетъ кавказскій опытъ? Опытъ сѣверо-западнаго края сказалъ свое слово не въ пользу судей-чиновниковъ. Но, можетъ быть, тутъ вошли какія-нибудь привходящія примѣси, испортившія цѣлостность задуманной системы.

Наконецъ, начали показываться горы, которыхъ мы такъ жаждали, сначала въ видѣ холмовъ, холмы эти начали растягиваться и сливаться, и вскорѣ за тѣмъ начали обрисовываться на отдаленномъ горизонтѣ вершины Бештау, Машука и Змѣиной-горы съ подругами. Значить, близко Пятигорскъ, наша возделѣнная Мекка. Какъ-то она насъ приметъ въ свои объятія? Наши спутники и спутницы изъ мѣстныхъ жителей заѣдугали насъ дороговизной квартиръ и даже совершеннымъ ихъ недостаткомъ. Мы съ трепетомъ подъѣзжали къ станціи минеральныхъ водъ, на которой, однако-жь, не узнали ничего положительнаго о такомъ животрепещущемъ для насъ вопросѣ; пріѣхали мы на станцію около 10 час. утра. Видимъ, стоитъ длинный фургоны минеральныхъ водъ, очень похожій на тѣ, на которыхъ возятъ чухонцы петербургскихъ путешественниковъ, отправляющихся погулять на финляндскій водопадъ Иматру. Только въ тѣхъ фургонахъ скамейки расположены поперекъ, а здѣсь въ длину экипажа. Наружный видъ этихъ экипажей крайне непривлекательный; лошади нодъ стать экипажу. Все это изношенное и изъѣзженное до край-

ности. Кромѣ фургона, стоитъ еще похожая на него коляска, крайне грязная и истасканная, и нѣсколько извозничьихъ экипажей подобнаго же рода. Но бѣдные путники рады и этимъ ковчегамъ: лишь бы они донесли до покойнаго пристанища. Вещи наши уложили на особую подводу и мы тронулись въ путь въ минеральномъ фургонѣ. Отъ станціи желѣзной дороги до Пятигорска около 20 верстъ, дорога грунтовая, довольно ровная; но сдѣлана уже шоссе, хотя по ней еще не ѣздили. Говорятъ, что это шоссе, протянутое узкой полосой на всѣ группы водъ около 60 верстъ, стоило по сметамъ около 260,000, но, перешедши отъ главнаго подрядчика чуть ли не въ четвертыя руки, въ дѣйствительности обошлось не болѣе, какъ въ 100,000 р. Насколько правды въ этомъ разсказѣ, мы не знаемъ; но слышали это отъ людей нелегкомысленныхъ. Говорятъ также, что бывшій въ нынѣшнемъ году на минеральныхъ водахъ французскій инженеръ Жюль-Франсуа удивлялся, что сдѣлали шоссе, а не желѣзную дорогу, ужъ если не паровую, то по крайней мѣрѣ желѣзно-конную. По его расчетамъ, пассажирское движеніе между группами водъ вполнѣ окупало бы устройство желѣзно-конной дороги, которую во Франціи непременно и сдѣлали бы. Съ этимъ и мы должны были согласиться, поживя на группахъ и испытавъ всю дороговизну и всѣ затрудненія сообщенія между ними. Экипажи минеральныхъ водъ не могутъ забирать и десятой доли всѣхъ желающихъ двигаться съ одной группы на другую, частью для развлечения, отъ скуки, а частью и для леченія. Вольные экипажи, содержимые мѣстными жителями, крайне неудобны и непомерно дороги; такъ, напр., отъ станціи минеральныхъ водъ до Пятигорска берутъ не менѣе 5 р. с. Правда, можно ѣхать двоимъ, но некуда дѣвать вещей: приходится ихъ ставить себѣ на колѣни, или брать еще экипажъ.

Казенный рыдванъ, — надо отдать ему честь, — несмотря на всю его неблаговидную внѣшность, лихо домчалъ насъ до Пятигорска. Кондукторъ, извѣстный всѣмъ лечащимся тамъ, Адамъ, оказался прелюбезнымъ человѣкомъ. Но при всемъ желаніи и онъ не могъ намъ указать ни одной квартиры въ Пятигорскѣ. Бросились въ гостинницу минеральныхъ водъ: всѣ номера заняты. Да ихъ и всѣхъ-то, кажется, 8. А между тѣмъ эта гостинница въ своихъ рекламахъ обѣщаетъ пріютъ всѣмъ пріѣзжимъ, хотя на первое время. Попли таскаться по пыльному, знойному, душному городу, искать вольныхъ квартиръ. Зашли въ какому-то чиновнику съ ковардой на головѣ. Показываетъ два крошечныхъ чуланчика безъ всякихъ признаковъ удобства, гдѣ-то на заднемъ

двору и полные пыли и грязи. «Что стобить?» — «6 руб. въ сутки». Вотъ тебѣ и покойное пристанище! Чиновникъ озлобился и выранился, когда мы, сдѣлавъ недовольный видъ, пошли вонъ изъ его собачьихъ конуръ. А между тѣмъ разбитая спина просила о покоѣ. Что дѣлать? Хоть ложись на бульварѣ, которымъ такъ гордится Пятигорскъ, подъ тѣнью его жидкихъ деревъ, и слушай рассказы бродящихъ по немъ пациентовъ объ успѣхахъ ихъ леченія или карточной игры, которая составляетъ, кажется, лучшее развлеченіе здѣшной жизни. Опять пошли умолять гостинницу минеральныхъ водъ пустить хоть переночевать; при этомъ, грѣшные люди, высказали наше неудовольствіе, что управленіе водъ, предвидя наплывъ публики по желѣзной дорогѣ, не позаботилось объ ихъ приютѣ, хотя въ газетахъ заранѣе много объ этомъ разглаговольствовало. Въ отвѣтъ мы получили такую страстную рѣчь о заботливости водяного управленія и о нашей назойливости, какой вовсе не ожидали услышать. Смыслъ ея былъ слѣдующій. «Какой нелегкій гналъ васъ сюда? Ъхали бы вы изъ Петербурга за границу: тамъ и дешевле, и лучше. Мы ожидали сюда только болѣе простыхъ и немногимъ довольствующихся жителей подмосковныхъ губерній. А сюда наѣхала бедна народу изъ Петербурга. Виноваты ли мы въ этомъ сумасбродствѣ публики? Да притомъ воды наши такъ хороши, что если мы не будемъ доставлять пріѣзжающимъ на нихъ лечиться и никакихъ удобствъ, то все-таки пріѣзжать на нихъ будетъ множество народа». Таковъ былъ смыслъ явный, который мы не исказили ни на одну іоту: мы только передали рѣчь своими словами. Тайный же ея смыслъ, какъ мы догадались впоследствии, былъ слѣдующій. Управленію водъ не нужно много лечащихся: съ массой такого сложнаго дѣла ему трудно справиться, а потому не стобить и трудиться; но оно вовсе не прочь отъ не слишкомъ большого числа больныхъ, при существованіи которыхъ оно могло бы получать ежегодную субсидію отъ казны около 40,000, да отъ леченія самихъ больныхъ побольше 100,000 р. Безъ большого труда получать порядочный доходъ кто же не желаетъ? Дѣло житейское и самое естественное! Поэтому-то, намъ кажется, и не слѣдовало бы смотрѣть на минеральныя воды, какъ на доходную статью какого-нибудь антрепренѣра, а нужно бы ихъ оставить въ казенномъ управленіи, устроивши его на хорошихъ основаніяхъ, о чемъ, какъ мы слышали, мѣстное кавказское управленіе, ничего не жалѣющее для благоустройства водъ, въ настоящее время, послѣ всѣхъ неудачныхъ опытовъ перехода водъ изъ однихъ наемныхъ рувъ въ другія, уже серьезно подумываетъ. Говорятъ,

есть предположеніе отдѣлить управленіе хозяйственной частью водъ, отъ управленія ихъ научною частью, которою должна завѣдывать коллегія, состоящая изъ специалистовъ: химиковъ и врачей, и чтобы та и другая часть были подчинены контролю особаго правительственнаго инспектора водъ, точно такъ, какъ аптеки и врачи подчинены контролю медицинскаго инспектора. Конечно, если въ составъ этихъ коллегій войдутъ люди дѣятельные вообще и потомъ хорошіе специалисты дѣла, какъ, напр., кто-нибудь изъ замѣчательнѣйшихъ профессоровъ нашихъ университетовъ и медиц. академія, то, нѣтъ сомнѣнія, кавказскія воды въ нѣсколько лѣтъ сравняются по своему устройству съ лучшими европейскими и будутъ привлекать въ себѣ массу публики, теперь ѣдущей лечиться на заграничныя воды. При стеченіи публики легко окупятся всѣ расходы на содержаніе такого дорогаго персонала, какой мы только что указали. Что этотъ персоналъ легко можетъ совмѣстить другія свои занятія съ занятіями на водахъ, мы думаемъ, это всякому понятно, потому, что въ то время, когда начинается водяной курсъ, обыкновенно оканчиваются лекціи во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и профессеры удаляются на отдыхъ, и, слѣд., легко могутъ теперь по желѣзной дорогѣ пріѣзжать на кавказскія воды. Въ случаѣ затрудненій они могутъ чередоваться. Слава Богу, у насъ не мало ученыхъ врачей и химиковъ. Первые найдутъ себѣ здѣсь очень выгодную практику и, пожалуй, даже не захотятъ чередоваться. По нашему мнѣнію, единственно при такой организаціи управленія водами онѣ выйдутъ изъ того застоя, въ которомъ находятся чуть ли не съ самаго своего открытія.

Такъ-ли, слякъ-ли, а наконецъ надъ нами умиловались и дали сносный № въ гостинницѣ минеральныхъ водъ, взявши за него 6 р. въ сутки. Этотъ № состоялъ изъ двухъ маленькиихъ комнатъ, снабженныхъ приличнымъ образомъ. Мы ввалились въ него четверо: не бродить же по городу цѣлый день, отыскивая какой-нибудь конуры, ибо всѣ квартиры были биткомъ набиты пріѣзжими. И какія квартиры? Безъ мебели, безъ постелей, полныя грязи и пыли, съ клопами, тараканами и прочими прелестями. Цѣлый Пятигорскъ обратился въ огромнаго паразита, питающагося кровью пріѣзжихъ: за все здѣсь брали съ пріѣзжихъ цѣны невѣроятныя. Не пришло въ голову ни управленію водъ, ни частному человѣку, вмѣсто клоповниковъ въ домахъ, устроить для пріѣзжихъ бараки на чистомъ воздухѣ! Впрочемъ, въ Пятигорскѣ лѣтомъ нѣтъ чистаго воздуха: весь онъ наполненъ ѣдой известковой пылью и отчасти зловоніемъ. Бараки можно бы весьма легко и удобно устроить на группахъ, гдѣ есть и просторъ и дѣйстви-

тельно чистый воздух; за недостаткомъ дерева ихъ можно бы устроить изъ саману (смѣсь глины, песку и соломы), изъ котораго строятся здѣшніе дома: было бы и выгодно и удобно для всѣхъ, еслибы только снабдили бараки необходимой мебелью и порядочной прислугой. Прихотей не заявилъ бы ни одинъ здраво-мыслящій человекъ, и всякій сказалъ бы искреннее спасибо.

Переночевавши ночь и немножко отдохнувши, мы осмотрѣли нѣкоторыя замѣчательности города. Осматривать все въ подробности мѣшали жара и пыль, отравляющія жизнь и дыханіе. Чѣмъ больше мы ѣздили по городу, тѣмъ скорѣе хотѣлось изъ него вырваться, такъ онъ показался намъ непріятенъ за его непривѣтливость и духоту съ пылью. Прежде всего, конечно, отправились въ рекомендованному намъ доктору за совѣтомъ, какими водами и какъ лечиться. Докторъ—пожилой человекъ, склотившій себѣ здѣсь порядочное состояніе. Каждое лѣто, говорятъ, приноситъ ему жатву тысячъ въ двадцать слишкомъ. Мы порадовались за здѣшнихъ врачей и пожелали въ душѣ имъ вдвое больше, лишь бы они только внимательно занялись нашими недугами. Докторъ посмотрѣлъ насъ, поразспросилъ и отправилъ насъ въ Эссенцуи пить № 17, брать ванны № 23. Другіе ходятъ въ консультацію, состоящую изъ нѣсколькихъ врачей, и находятъ внимательныхъ и дѣятельныхъ врачей, хотя на водахъ, при настоящемъ ихъ устройствѣ и управленіи, эти качества врачей не могутъ принести всей той пользы, которой можно бы отъ нихъ ожидать. Правда, пріятно для больного, по крайней мѣрѣ, ясно увидѣть своего тайнаго врага — болѣзнь, чтобы знать, чѣмъ съ нею бороться, хоть по мѣрѣ возможности, въ настоящемъ и въ будущемъ. Вѣрная діагноза и тщательное наблюденіе за ходомъ болѣзни и леченія суть лучшіе залого ея облегченія, если ужъ не выздоровленія.

Изъ достопримѣчательностей Пятигорска всего замѣчательнѣе, конечно, самыя минеральныя воды, которыми ежегодно лечится и вылечивается не одна сотня, преимущественно сифилитиковъ и ревматиковъ. Такъ какъ мы сами этими водами не лечились, то и говорить о нихъ намъ почти вовсе нечего, кромѣ развѣ общихъ мѣстъ, что воды, повидимому, устроены хорошо и держатся въ порядкѣ; только, говорятъ, онѣ почти вовсе недоступны для нижнихъ воинскихъ чиновъ. Такъ какъ бѣольшая часть сѣрныхъ ваннъ находится на горѣ, то больныхъ отвозятъ туда въ особыхъ экипажахъ, за весьма небольшую плату. Пятигорскія воды по своему цѣлебному дѣйствию издавна восхваляются едва ли не выше однородныхъ имъ заграничныхъ. Такъ какъ мы

сами не испытали на себѣ ихъ дѣйствія, то и не можемъ быть судьями въ этомъ дѣлѣ. Но что жить въ Пятигорскѣ лѣтомъ невыносимо, даже и при дешевизнѣ квартиръ, это мы очень хорошо понимаемъ. Почти совершенное отсутствіе зелени, каменная почва и отраженіе солнечныхъ лучей отъ всѣхъ окружающихъ высотъ, среди которыхъ, какъ въ котлѣ, лежитъ Пятигорскъ, дѣлаютъ его совершеннымъ пекломъ. Дожди здѣсь рѣдки. Лучшее время въ году здѣсь начинается съ сентября и продолжается до конца ноября: ясно и тепло. Но въ это время здѣсь уже никто не лечится, а лечатся только съ мая до августа. И выходитъ, что жителю сѣвера Россіи, не привывшему къ южнымъ жарамъ, лучше отправляться на заграничныя сѣрныя воды, чѣмъ на кавказскія. Дѣло другое—жители Кавказа и его сосѣднихъ областей. Смѣшно было бы имъ ѣхать лечиться на западъ Европы, когда у себя подлѣ есть хорошія минеральныя воды.

Послѣ водъ, замѣчательнѣйшее мѣсто въ Пятигорскѣ есть знаменитый *провалъ*, въ который совѣтуемъ съѣздить всякому прїѣзжему. Идти пѣшкомъ далеко и тяжело, поднимаясь въ гору. Отъ города до провала будетъ около двухъ верстъ. Дорога очень утомительная для пѣшехода, особенно лѣтомъ, въ жару. Но, сплывъ сидя въ экипажѣ, можно полюбоваться съ возвышенности, по которой вы ѣдете, разстилающейся далью, впрочемъ, довольно однообразной. Лучше всего видъ на такъ-называемый старый городъ, который находится сзади новаго, и по своимъ бѣднымъ постройкамъ болѣе похожъ на большое село, чѣмъ на городъ. И въ немъ почти вовсе нѣтъ зелени.

Что такое провалъ и отчего онъ образовался? Проваломъ называется огромная продушина, имѣющая воронкообразную форму и образовавшаяся въ горѣ давнымъ-давно, вслѣдствіе какого-то подземнаго переворота. На днѣ этой горной фонтанели—минеральная вода, имѣющая сходство со всѣми пятигорскими водами и составными частями, и температурой. Ея тутъ цѣлое небольшое озеро съ неизмѣримой глубиной. Въ этомъ природномъ бассейнѣ прежде купались больные и получали исцѣленіе. Ихъ спускали на веревкахъ въ эту природную теплую ванну, и одинъ изъ лавившихъ въ нее, получивши облегченіе или даже совершенно выздоровѣвши, въ знакъ признательности, пробилъ въ горѣ входъ въ эту каменную ванну, въ которую прежде можно было только спускаться сверху. Туннель этотъ тянется около 40 сажень и стоить болѣе 20,000 руб. Внутренній видъ провала трудно забыть: такъ онъ оригиналенъ.

Всѣ зданія минеральныхъ водъ въ Пятигорскѣ очень кра-

сны и, должно быть, удобны. Въ одномъ изъ нихъ помѣщается библіотека, это единственное развлеченіе людей серьезныхъ. Выписывается довольно много журналовъ и газетъ, которые рассылаются для чтенія даже и по группамъ. Рядомъ съ библіотекой большая зала для танцевъ, концертовъ и прочихъ общественныхъ увеселеній. Но какія могутъ быть сборища публики лѣтомъ, когда человекъ и въ одиночку таетъ отъ жару и истощается отъ испарины до послѣдней степени? Въ этомъ же зданіи находится контора минеральныхъ водъ, завѣдующая отправленіемъ экипажей и прочими своими дѣлами; тутъ же и конната для консультаціи. Мы справились въ конторѣ, можно ли доѣхать до Эссентуковъ въ казенномъ экипажѣ за объявленную плату—въ 75 коп., и узнали, что надобно записаться на эти мѣста за день или за два, потому что на нихъ слишкомъ много охотниковъ. Но возможно ли тутъ ожидать день или два очереди, когда каждый день одна квартира стобитъ 6 р.? Выгоднѣ нанять извозчика за 5 р. и немедленно уѣзжать изъ этого негостепримнаго города.

Общій видъ города съ горъ, его окружающихъ, довольно живописенъ: онъ отсюда похожъ на заграничные водяные города. Но разница громадная въ томъ, что тамъ все тонетъ въ зелени, а здѣсь и городъ, и его окрестности представляютъ опаленную пустыню. Тощая и жидкая зелень видна только на большихъ горахъ, какъ Мапукъ, Бештау, Змѣиная и Желѣзная. Все остальное обнажено и опалено. Правда, есть въ Пятигорскѣ бульваръ, но деревья имѣютъ самый жалкій видъ: листья заѣдены известковой пылью, а корнямъ нѣтъ ходу въ землѣ, которой не разрыхляютъ. Разбросано и еще кое-гдѣ нѣсколько зелени. Но все это крайне мизерно при величій здѣшнихъ горъ и при зноѣ здѣшняго солнца. Для защиты отъ жару здѣсь должны быть цѣлые лѣса, какъ въ Карлсбадѣ, а не жидкія рощицы, въ которыхъ развѣ заяцъ только можетъ укрыться отъ солнца.

Слава Богу, мы, наконецъ, вырвались изъ этого пекла, но оказалось, что попали въ другое его отдѣленіе: дорога въ Эссентуки грунтовая, и пыль невообразимая. Мы думали, что задохнемся, не доѣхавши до Эссентуковъ. По обѣ стороны дороги какъ будто кѣмъ-нибудь нарочно засѣяны широкія полосы чертополоху и другихъ сорныхъ колючихъ травъ, отвратительныхъ на взглядъ, но дающихъ понять, что здѣсь черноземъ. И эта благодатная почва лежитъ въ видѣ пустой, опаленной степи, вплоть до самыхъ Эссентуковъ: только около самой этой станицы видны воздѣланные поля.

Мы ѣхали въ Эссентуки совершенно на авось. Насъ такъ

напугали, что нѣтъ квартиры, что мы рассчитывали уже помѣститься въ какой-нибудь казацкой хатѣнкѣ, хоть на краю селенія, или хоть въ какомъ-нибудь сараѣ. Подъѣхавши къ параднымъ воротамъ парка, мы, къ счастью, нашли въ двухъ сажняхъ отъ нихъ крошечную комнату, съ кроватью, но безъ бѣлья, въ гостинницѣ, или, правильнѣе сказать, на постояломъ дворѣ. Говорятъ, что это низенькое и дрянненькое строеніице въ нѣѣшнее лѣто принесло своему хозяину такой доходъ, что онъ на будущій годъ собирается уже выстроить настоящую гостиницу. И есть изъ-за чего похлопотать. Мы платили за конурку въ 6 шаговъ длины и въ 5 ширины 1 р. 50 к. въ сутки, и благодарили Бога, что нашли хоть это помѣщеніе. Иначе пришлось бы помѣститься гдѣ-нибудь на краю селенія, въ сырой хатѣ, безъ всякихъ удобствъ, необходимыхъ для жизни человѣка недикаго, и въ ненастную погоду тонуть въ грязи, пробираясь по немощенымъ улицамъ къ источникамъ, а въ сухую погоду задыхаясь отъ жару и известковой пыли. Въ Эссентукахъ двѣ частныя гостиницы, болѣе похожія на постоянные дворы. Въ одной 15, въ другой, кажется, 30 №№. Но что это значитъ въ сравненіи съ пятью или шестьюстами человѣкъ, одновременно нуждающихся въ квартирахъ?

Вотъ тутъ-то администрація водъ, по нашему мнѣнію, вполне обнаружила свою безпечность и нерасчетливость. Расчетливый хозяинъ какого-нибудь сложнаго предпріятія не тотчасъ же ждетъ и требуетъ выгоды, а иногда только въ отдаленномъ будущемъ, но за то выгоды вѣрныхъ, значительныхъ и годъ отъ году увеличивающихся. На первое время онъ нѣсколько лѣтъ готовъ понести даже убытки, но за то впослѣдствіи онъ надѣется вознаграждать ихъ сторицею. Совершенно не таковъ характеръ дѣятельности настоящей администраціи водъ; у ней нѣтъ органической связи съ водами, ибо она не затратила на нихъ изъ своего кармана ни одного гроша. Все, что устроено для водъ, все это сдѣлано на казенныя деньги. Казна еще даетъ ежегодную субсидію администраціи. Поэтому очевидно, воды для администраціи не суть родное дѣтище, а пріемышъ, данный на время, на воспитаніе, и потому не болитъ о нихъ сердце администраціи и не кручинится голова въ заботахъ о лучшемъ ихъ устройствѣ и помѣщеніи тѣхъ, кто пріѣзжаетъ ими лечиться. Заботливая администрація или выстроила бы временныя помѣщенія, — о какихъ мы говорили выше, — для пріѣзжихъ своихъ гостей, или законотреговала бы заблаговременно нѣсколько сотъ казацкихъ хатъ для ихъ помѣщенія. Кто изъ пріѣзжихъ имѣлъ здѣсь знакомыхъ

и нанялъ себѣ квартиру заблаговременно, тотъ имѣлъ ее втрое и вчетверо дешевле послѣ-пріѣхавшихъ, съ которыхъ мѣстные жители брали, или, лучше сказать, драли, что хотѣли. Дрянная квартиришка въ казацкой хатѣ стояла отъ 1-го до 3-хъ р. въ сутки, смотря по наплыву народа и по отливу его на другія группы, или во-свосяси. Дороговизна квартиръ и неудобства ихъ были причиной того, что съ нѣкоторыхъ группъ больные по-нѣскольку десятковъ человѣкъ сразу обращались въ бѣгство только-что начавши леченье, или даже вовсе его не начиная. Такъ, мы слышали, между прочимъ, изъ Желѣзноводска цѣлая масса народу, только-что пріѣхавши, принуждена была вернуться назадъ, или не имѣя возможности платить безобразныя цѣны за безобразныя квартиры, или даже не имѣя возможности найти и этихъ безобразныхъ квартиръ. Въ Ессентукахъ и Кисловодскѣ есть цѣлыя станицы, въ которыхъ числится по нѣскольку сотъ хатъ. Въ крайности, можно найти въ нихъ хоть дрянной пріютъ. А въ Желѣзноводскѣ, кромѣ казенныхъ зданій, да нѣсколькихъ десятковъ домовъ частныхъ лицъ, промышляющихъ квартирами, нѣтъ другихъ строеній. Поэтому можно вообразить цѣны квартиръ и ихъ удобства, а поэтому легко повѣрить разсказанному нами случаю бѣгства бѣдныхъ больныхъ.

Управленіе водъ можетъ намъ возразить, что оно въ настоящее время строитъ для пріѣзжихъ большую и удобную гостиницу въ концѣ парка, чѣмъ оно и считаетъ обязанность свою въ отношеніи къ публикѣ выполненной: болѣе оно ни въ какія операціи входить не считало для себя обязательнымъ или выгоднымъ. На это мы отвѣтимъ вотъ что. Кавказъ завоеванъ уже давно и воды кавказскія устрояются уже не первый годъ, а нѣсколько десятковъ лѣтъ. Наконецъ, казна сдаетъ ихъ въ управленіе лицу ей извѣстному. Это лицо объявляетъ въ газетахъ, что воды противъ прежняго времени улучшены и больные могутъ найти для себя разныя удобства жизни. «Ну, — думаетъ больной, — конечно, сдѣлано будетъ все хотъ для удовлетворенія первыхъ потребностей». А между тѣмъ удовлетворены ли были даже первыя потребности пріѣзжихъ? Это видно изъ всего предыдущаго и еще виднѣе будетъ изъ послѣдующаго. Была ли выгода позаботиться объ удовлетвореніи этихъ потребностей? По нашему понятію, была, и выгода большая, но только, можетъ быть, не въ настоящемъ году, а въ будущемъ году или даже далѣе. Заботливость администраціи объ удобствахъ публики несомнѣнно вознаградилась бы большимъ ея приливомъ въ будущіе годы. Теперь же ропотъ, брань и разныя нелегкія пожеланія администраціи за ея безпечность, разнеслись

по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, могутъ сдѣлать то, что строющаяся въ Ессентукахъ казенная гостинница можетъ остаться на половину пустою, хотя устроенная въ ней помѣщенія представляютъ не Богъ знаетъ какую громадную цифру. При наплывѣ больныхъ даже въ 500 чел. какое могутъ имѣть значеніе 50 и даже, положимъ, 100 №№ гостинницы? А при недостаткѣ ихъ и эти №№ могутъ остаться незанятыми. Въ Карлсбадѣ наличное состояніе больныхъ въ разгаръ сезона доходитъ до 5000 чел. въ день, и всѣмъ находится и помѣщеніе и все нужное для жизни съ европейскими удобствами. Въ Виши также бываетъ по 2000, по 3000 пріѣзжихъ въ день, и однако не встрѣчается ни въ чемъ затрудненія. Возвращаясь назадъ, мы по всей линіи дороги, отъ всѣхъ спутниковъ, слышали одни только порицанія администраціи водъ, доходящія до самой злой брани: похвалы не слышали ни отъ одного человѣка. Что же послѣ этого будетъ удивительнаго, если желѣзная дорога не разовьется водолеченія на Кавказѣ, а напротивъ, его убьетъ? Пока не было желѣзной дороги, туда ѣхали лечиться люди, привыкшіе ко всевозможнымъ лишеніямъ и неудобствамъ, и которые были довольны всѣмъ, что имъ давали. Эти люди, кромѣ того, обладали драгоцѣннымъ качествомъ администраціи качествомъ: сору изъ избы не выносятъ. Теперь по желѣзной дорогѣ поѣхали люди, привыкшіе къ удобствамъ жизни, люди, видавшіе Европу и ея минеральныя воды и, слѣдовательно, могущіе дѣлать сравненія. Эти люди въ массѣ, конечно, остались недовольны всѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ на кавказскихъ водахъ, и молчатъ объ этомъ не будутъ. Печать, съ своей стороны, также поможетъ разсѣять туманъ, лежащій на этихъ водахъ. Когда все дѣло уяснится, то, вмѣсто 2000 человѣкъ, бывшихъ нынѣшнее лѣто на водахъ, можетъ очутиться втрое, вчетверо меньше, и число это можетъ остаться на долгое время, даже и тогда, когда всѣ настоящіе недостатки будутъ устранены. Разъ лишившись довѣрія, трудно его восстановить. Между тѣмъ, заграничныя воды будутъ поглощать десятки милліоновъ нашихъ рублей, изъ-за того, что свои отечественныя дѣятели хотѣли ихъ собирать, ничего не посѣявши. Заграничныя водяные дѣятели не жалѣютъ затратить и не останавливаются на улучшеніяхъ. За то и золото течетъ къ нимъ широкимъ потокомъ изъ кармановъ благодарныхъ посѣтителей. Въ Карлсбадѣ воды существуютъ около 400 лѣтъ, а между тѣмъ городское управленіе и доселѣ не можетъ выдти изъ долговъ, затрачивая массу денегъ на улучшеніе водъ. За то, благодаря этой заботливости, цѣлый городъ, почти съ двумя десятками тысячъ, да нѣсколько десятковъ тысячъ обрест-

ныхъ жителей кормится исключительно отъ этихъ водъ. У насъ дѣло это стоитъ нѣсколько иначе. Ессентуевскій казакъ надѣленъ землею такъ, что не имѣетъ нужды ни въ какихъ посѣтителяхъ водъ, поэтому онъ и не можетъ объ нихъ заботиться. Отдаетъ имъ свою хату въ наймы, какъ бы изъ милости, и за то беретъ съ нихъ что хочетъ, не доставляя имъ ни малѣйшихъ удобствъ. Управление водъ должно само позаботиться объ устройствѣ помѣщений для пріѣзжающихъ. Тогда только возникнетъ конкуренція частныхъ лицъ и тѣхъ же самыхъ мѣстныхъ жителей-казаконъ, которые, вмѣсто своихъ жалкихъ хатъ, начнутъ устраивать удобные дома, снабжать ихъ мебелью и т. д. Такимъ образомъ, съ легкой руки администраціи и только при ея содѣйствіи, со временемъ, вмѣсто жалкой и грязной станицы въ Ессентувахъ, можетъ возникнуть красивый городокъ, привлекающій къ себѣ тысячи больныхъ посѣтителей. Ессентуевскія воды вполне заслуживаютъ этой чести.

Ессентуки—казацкая станица, расположенная по небольшой рѣчкѣ въ возвышенной долинѣ, среди кавказскаго предгорья. Ближайшая высокая гора есть Бештау, верстахъ въ 8-ми. Другія горныя возвышенности, окружающія Ессентуки, скорѣе можно назвать холмами, чѣмъ горами. У подножія одного такого холма и расположено все заведеніе минеральныхъ водъ, получающее всѣ свои воды изъ этого холма. Населеніе Ессентуковъ болѣе 5000 казаконъ обоого пола. Своими правами они напоминаютъ только что покоренныхъ ими горцевъ. Во время курса минеральныхъ водъ, между Пятигорскомъ и Ессентувами, по срединѣ дороги, постоянно стоитъ казачій пиветь для охраненія путешественниковъ. Дикихъ горцевъ здѣсь уже нѣтъ: остались одни казаки, которые и исправляютъ ихъ должность по части хищничества. Такіе же пиветы стоятъ на дорогахъ и къ другимъ группамъ. Вообще, говорятъ, здѣсь не безопасно ходить гулять одному далеко отъ дому, или въ уединенныя мѣста: какъ разъ обернуть, какъ липку, мѣстные жители. Нравы эти самымъ естественнымъ образомъ перешли въ казакамъ отъ горцевъ, съ которыми они такъ долго вели ожесточенную борьбу, и нашли въ казакахъ самую благодарную почву. Какъ образовались казацкія станицы на Кавказѣ? Занявши какою-нибудь клочъ земли вблизи черкесскаго аула, военная администрація обыкновенно устраивала въ удобномъ мѣстѣ, въ отпоръ врагу, тоже своего рода аулъ, т. е. казацкую станицу и, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ наша армія двигалась впередъ, вездѣ оставляя свои поселенія. Кого же селили на этихъ опасныхъ пунктахъ? Разныхъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ и охотниковъ-голово-

рѣзовъ, которые находили такое же наслажденіе въ убійствѣ и грабежѣ горцевъ, какъ эти въ убійствѣ и грабежѣ русскихъ. Новые казаки постепенно подыскали женъ, частью изъ своихъ, а частью даже изъ плѣнныхъ женщинъ всѣхъ горскихъ племенъ. Жены и дѣти дышали точно также браннымъ духомъ, какъ и сами отцы семействъ. Случалось, что женщины и дѣти такъ же ловко владѣли и конемъ и оружіемъ, и такъ же ловко отражали неожиданное нападеніе горцевъ, какъ сдѣлали бы это сами мужчины. Вотъ такая кровь течетъ въ жилахъ здѣшнихъ казаковъ. Они выполнили свое назначеніе—удержались въ занятыхъ нашими войсками позиціяхъ, сдѣлали изъ нихъ первыя русскія поселенія и за то получили такіе земельные надѣлы съ такими угодьями, которые вполне обезпечиваютъ имъ жизнь безъ большихъ трудовъ. Внести культуру въ этотъ край, начиная съ земли и кончая человѣческой головой, могутъ только другіе элементы русскаго народа, привыкшіе въ упорному мирному, а не бранному труду: это великорусское племя, обитающее въ губерніяхъ малоземельныхъ, каковы владимірская, ярославская, тверская и проч. Казаки свою пѣсню спѣли, роль свою сыграли. Культуръ-трегерами на Кавказѣ они быть не могутъ.

Всѣ источники минеральныхъ водъ въ Эссентукахъ находятся въ нѣсколькихъ саженьяхъ другъ отъ друга и лежатъ, какъ мы уже говорили выше, у подножія одного холма. По склону его разведенъ довольно большой паркъ. Часть его насажена уже около 40 лѣтъ тому назадъ самими казаками, которые барахтались въ грязи нынѣшнихъ источниковъ и получали исцѣленія; отчасти же онъ разведенъ по приказанію бывшаго намѣстника князя Воронцова. Видъ на окружающую мѣстность съ холма, на которомъ расположенъ молодой паркъ, довольно красивъ. Въ ясное утро видны даже двѣ снѣжныя вершины Эльбруса, находящіяся отсюда около 80 верстъ. Онѣ имѣютъ видъ двухъ громадныхъ сахарныхъ головъ. Въ молодомъ паркѣ въ жаркій день еще трудно укрыться отъ солнца; но въ старомъ паркѣ оно уже не можетъ свободно проникать черезъ густую зелень. Жаль только, что близь стараго парка находится болотистое мѣсто, которому приписываются господствующія здѣсь съ начала августа лихорадки. Осушить его не рѣшаются, опасаясь уменьшенія воды въ источникахъ.

Всѣхъ источниковъ, нынѣ дѣйствующихъ въ Эссентукахъ, шесть. Прежде ихъ было гораздо больше, но мало-по-малу однородныя соединили и такимъ образомъ осталось немного. Но эти немногіе источники обладаютъ самыми разнообразными и драгоцѣнными свой-

ствами, приносящими пользу во множествѣ различныхъ болѣзней. Мы не имѣемъ намѣренія подробно разсматривать эти источники. Для людей непосвященныхъ въ таинства науки всякое объясненіе, даже самое популярное, будетъ мало понятно, для людей же свѣдущихъ, или лечившихся этими водами, оно излишне. Мы будемъ говорить только, въ какомъ положеніи находятся эти источники и могутъ ли приносить ту пользу, которой отъ нихъ ожидаютъ.

Самый знаменитый изъ источниковъ Ессентуевскихъ есть солено-щелочный № 17, по составнымъ своимъ частямъ схожій съ юдами *Вини*, но только несравненно сильнѣе. Слава его прибрѣтена особенно въ леченіи хроническихъ катарровъ всѣхъ лизивстыхъ оболочекъ, и во всасываніи разныхъ болѣзненныхъ тложеній, въ частности же въ катаррахъ желудочно-випечнаго анала, въ страданіяхъ печени и мочевыхъ органовъ, въ ожирѣніи и т. д. Вода этого источника развозится не только по Россіи, но идетъ даже и за границу. Она имѣетъ мягкій, слегка моноватый, но болѣе щелочной вкусъ, такъ что самыя капризная барыни пьютъ ее не морщась, а пить ее съ молокомъ еще пріятно. Пьютъ обыкновенно 2 стакана утромъ и столько же часа чрезъ три послѣ обѣда. Какъ и при всѣхъ водахъ, обыкновенно совѣтуется движеніе на чистомъ воздухѣ. Въ какомъ мѣстоженіи находится этотъ драгоценный источникъ, составляющій аву Ессентуевовъ? Люди, лечившіеся имъ въ прежнія времена, ва его узнаютъ: такъ онъ измѣнился даже по вкусу! Легко можно рить этимъ разсказамъ, когда мы сами не узнавали его въ нѣоторые дни не только по вкусу, но и по цвѣту. Послѣ дождей мъ подавали какую-то грязную бурду, не имѣющую ничего цаго съ свѣтлой влагой № 17. Это измѣненіе происходило сколько разъ на нашихъ глазахъ. Какъ же не вѣрить разска- гь о другихъ измѣненіяхъ? Отчего происходило замѣченное ни измѣненіе, мы легко можемъ объяснить, какъ очевидцы ружнаго и невѣжественнаго обращенія съ цѣлительной вла- . По тщательнымъ изслѣдованіямъ оказывалось, что бассейнъ, которомъ собирается вода № 17 для питья, не сумѣли хо- ю замазать цементомъ сверху, и дождевая вода съ уличной зью свободно проникала сквозь щели по крышѣ бассейна въ внутренность. И эта грязная вода разливалась при насъ же бутылки для разсылки по всему міру, чающему отъ нея исцѣ- ія. Что же удивительнаго, что съ нею продѣлывались и другія ипуляции, могшія измѣнить ея качества въ худшему? Одна этихъ манипуляцій совершилась очень недавно. Французскій

инженеръ Жюль-Франсуа, осматривавшій воды и разрывавшій для этого всѣ источники, говорятъ, припустилъ къ водѣ № 17 простой прѣсной водицы, находящейся въ сосѣдствѣ съ своею знаменитой подругой, для того, чтобы увеличить количество послѣдней. № 17 до сего времени, по рассказамъ всѣхъ кавказскихъ *указателей*, давалъ не менѣе 150 ведеръ въ сутки; по измѣренію французскаго инженера 9 сент. 1874 г. этотъ источникъ давалъ только 110 ведеръ въ сутки; по возобновленіи же его, сдѣланномъ тѣмъ же инженеромъ, онъ началъ давать больше, именно: 23 ноября онъ далъ 165 в., чрезъ недѣлю 211 в., еще чрезъ недѣлю 254 в., а позднѣе, по заявленію управленія водъ, источникъ давалъ уже 384 ведра въ сутки, но за то уже не такой воды, какую давалъ прежде, а разбавленной. Говорятъ, въ наше утѣшеніе, что это зло можно поправить, отведши прѣсную воду отъ тонкаго русла минеральной воды. Но будетъ ли и когда будетъ это сдѣлано, неизвѣстно. А между тѣмъ мы пили не ту воду, которую пріѣхали пить по слухамъ объ ея чудодѣйственной силѣ. Намъ скажутъ: да развѣ здѣсь не дѣлаютъ химическаго анализа водъ, чтобы самимъ не впасть и другихъ не вводить въ заблужденіе? Во всѣхъ книжкахъ о кавказскихъ водахъ есть анализъ водъ, но всѣ они дѣланы не въ нынѣшній сезонъ. Въ началѣ нынѣшняго сезона, по возобновленіи водъ, анализъ былъ положительно необходимъ, но его сдѣлано не было, хотя сама медицинская коммиссія по переустройству водъ еще въ 1874 г. обвѣщала его сдѣлать по окончаніи работъ. За границей передъ началомъ каждаго лечебнаго сезона дѣлаютъ анализъ водъ, чтобы узнать, не измѣнились ли онѣ. Не далѣе, какъ въ началѣ нынѣшняго года, мы читали, что маріенбадскія воды, знаменитыя болѣе кавказскихъ, закрыты и запечатаны, ибо въ нихъ при анализѣ оказалось присутствіе мышьяку. На Кавказѣ же, говорятъ, химикъ некогда производилъ подробныхъ ученыхъ анализовъ, ибо онъ занятъ выпариваніемъ солей и приготовленіемъ эссенцевскихъ лепешекъ, дающихъ администраціи значительный доходъ. Но химикъ, говорятъ, на водахъ очень хорошій.

Былъ ли какой-нибудь смыслъ просить французскаго инженера прибавить воды № 17? Конечно, былъ, если надѣялись найти струю болѣе обильную, чѣмъ настоящая. Но присутствіе ея гдѣ-нибудь по сосѣдству должно бы было чѣмъ-нибудь обнаружиться. Мы видѣли сами, что гдѣ, въ горѣ, есть какая-нибудь водяная жила, тамъ она просачивается наружу, несмотря на всѣ препятствія. По этимъ признакамъ и французскій инже-

неръ сталь-было въ одномъ мѣстѣ раскапывать гору, но напелъ очень скудную струю, которую и бросилъ. Не надѣясь найти обильной струи, нечего было и тратить деньги и время на раскопку. 110 ведеръ въ сутки для питья больнымъ за глаза достаточно, хотъ бы ихъ было вчетверо больше настоящаго. Для ваннъ же нужны не десятки, а тысячи ведеръ прибавки къ настоящему количеству воды № 17. Вѣрно въ лабораторіи природы нѣтъ матеріаловъ, изъ которыхъ бы можно было сдѣлать такое количество цѣлительной воды, если она даетъ только 110 ведеръ въ сутки. Послѣдняя неудачная попытка вырвать у природы насильно то, чего у ней нѣтъ, вѣроятно, оставить въ покоѣ этотъ источникъ на долгое время. Хорошо бы только, еслибы возстановили прежнія его качества. Но при этомъ нельзя не опасаться, какъ бы еще болѣе не испортили.

Что касается до ваннъ изъ воды № 17, то и смѣшно, и грустно рассказывать ту комедію, которую съ ними продѣлываютъ. Надпись на одномъ строеніи гласитъ, что это солено-щелочныя ванны бывшаго № 17. На дѣлѣ же оказывается слѣдующее. Какъ уже сказано выше, № 17 даетъ воды не болѣе 400 ведеръ въ сутки. Предположите 200 человекъ, употребляющихъ ее внутрь, каждый въ наибольшемъ количествѣ—шести стакановъ или трехъ бутылокъ. Въ ведрѣ около 16 бутылокъ, слѣдовательно, каждый водопійца употребляетъ около $\frac{1}{5}$ ведра, а всѣ 200 человекъ употребляютъ около 40 ведеръ въ сутки. Во время сезона не прекращается наливаніе этой воды въ бутылки для отравленія на другія группы и во всѣ мѣста, куда только она требуется. Положимъ, что еще такимъ образомъ ея употребляется около 40 ведеръ въ сутки. Допустимъ, что 20 ведеръ тратится на выполаскиваніе стакановъ, которыми ее пьютъ лежащіяся. Затѣмъ остается на ванны около 300 ведеръ. А такъ какъ на каждую ванну нужно не менѣе 20 ведеръ, то ваннами изъ этой воды могутъ пользоваться не болѣе 15 человекъ. Между тѣмъ ими пользуются ежедневно нѣсколько десятковъ человекъ. Какимъ же образомъ это дѣлается? Очень простымъ: въ сотнѣ ведеръ воды № 17 прибавляется нѣсколько тысячъ ведеръ простой прѣсной воды, да сюда же стекаетъ вся вода № 17, которую выполаскиваютъ стаканы около самаго источника № 17. Въ эти-то гомеопатически-минеральныя ванны публика лѣзетъ чуть не въ драку. Записываются за недѣлю, за двѣ, за три, чтобы только дожидаться очереди попасть въ эти чудныя ванны.

Источникъ № 18 находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ № 17. По составу своему онъ желѣзисто-щелочной; вода чистая, на

вкусъ пріятная, слегка вязущая, температура, какъ и у № 17, 12 град. тепла. Лѣтомъ чрезвычайно пріятно пить такую освѣжающую воду. Жюль-Франсуа указалъ на этотъ источникъ, какъ на прототипъ всѣхъ другихъ эссенциальныхъ источниковъ. Вода этого источника, какъ и № 17, весьма легко переносится желудкомъ, несмотря на обильное содержаніе желѣза. Этому помогаетъ, по словамъ знающихъ людей, значительное содержаніе двууглекислой соды и поваренной соли. Такого содержанія, по ихъ словамъ, не встрѣчается ни въ однѣхъ извѣстныхъ европейскихъ водахъ. Вообще, по ихъ замѣчанію, здѣшнія воды несравненно легче переносятся, чѣмъ однородныя имъ воды другихъ странъ, ибо здѣсь преобладаютъ болѣе мягкія соединенія углекислыя, а въ другихъ водахъ болѣе грубыя — сѣрновислыя. На другихъ водахъ весьма легко, при самомъ осторожномъ употребленіи, разстроивается желудокъ; здѣсь же надобно ухитриться его разстроить намѣреннымъ отступленіемъ отъ общезавѣстныхъ правилъ при леченіи всѣми водами. Лучшимъ доказательствомъ удобоваримости здѣшнихъ водъ можетъ служить то, что женщины, наливающія воду въ стаканы большимъ, сами пьютъ ту же воду, вмѣсто прѣсной, ѣдятъ обыкновенную грубую пищу и пользуются прѣвѣвающимъ здоровьемъ. Попробуйте-ка въ Карлсбадѣ или Мариенбадѣ пошутить съ водами такимъ образомъ, такъ заплатите весьма недешево. Источникъ № 18 есть, драгоценность, которою дорожили бы вездѣ. Въ какомъ же положеніи онъ находится? А вотъ въ какомъ. Такъ какъ и онъ очень скуденъ и для ваннъ недостаточенъ, то раскопали гору, чтобы увеличить притокъ воды. Въ сожалѣнію, большого притока не нашли, а гора такъ и осталась раскопанной, и деревянная труба, по которой течетъ благодатная влага, обсаженная и совершенно открытой для доступа воздуха. А такъ какъ желѣзо имѣетъ чрезвычайную склонность соединяться съ кислородомъ воздуха, то оно легко и достигаетъ этой цѣли чрезъ щели деревянной трубы и осѣдаетъ на ея дно въ видѣ желѣзной окиси, нерастворимой въ водѣ, и только малѣйшая часть его доходитъ до вѣтки большого, которую наполняетъ ему женщина прямо изъ деревянной трубы. Но тутъ еще не конецъ порчи этой чудной воды. Изъ трубы она стекаетъ въ открытый резервуаръ, изъ котораго поднимается насосомъ и идетъ по другой деревянной трубѣ, чтобы наполнять бутылки для отправки ихъ въ разныя мѣста, гдѣ въ нихъ нуждаются. Въ этихъ бутылкахъ, очевидно, должно оказаться желѣза еще меньше, чѣмъ въ стаканахъ, поставленномъ подъ первую трубу. Но за то можетъ оказаться то, чего не ожидали и чѣмъ не входитъ въ составъ

воды, какъ, напримѣръ, грязь съ выполаскиваемыхъ стазановъ больныхъ. Вы спросите: да откуда же она можетъ тамъ взяться? Очень естественнымъ и прямымъ путемъ. Мы уже говорили, что первая деревянная труба оканчивается открытымъ концомъ надъ бассейномъ. Женщина наполняетъ изъ этой трубы вашъ стаканъ прямо надъ открытымъ бассейномъ, въ который безъ церемоніи и сливаетъ опивки изъ стазановъ и выполаскиваетъ ихъ надъ нимъ же. Одинъ господинъ убѣждалъ насъ, что онъ видѣлъ въ бассейнѣ даже какія-то тряпки. Какія тряпки? При нашихъ патріархальныхъ нравахъ и при нашемъ сонливомъ контролѣ все возможно. Но вѣроятно не всегда же останется № 18 въ такомъ печальномъ положеніи. Вѣроятно скоро положатъ желѣзныя трубы, вмѣсто деревянныхъ, и наглухо закроютъ бассейнъ, чтобы баба не могла сливать въ него опивки или полоскать свое бѣлье. Мы слышали и даже читали заявленіе, сдѣланное въ засѣданіи пятигорскаго бальнеологическаго общества врачей профес. харьковскаго университета, г. Кремянскимъ, что почти въ такомъ же положеніи находятся и славныя желѣзноводскія воды, находящіяся отъ Ессентуковъ верстахъ въ двадцати, куда устремляется масса нашихъ безкровныхъ и малокровныхъ барынь. Считаемо не лишнимъ познакомить читателей нѣсколько подробнѣе съ этимъ дѣломъ, основываясь только на бумажныхъ источникахъ, ибо у дѣйствительныхъ источниковъ мы сами не были и ими не лечились.

Еще въ концѣ сезона 1872 г. проф. Кремянскій обращалъ вниманіе администраціи водъ на то, что углекислая закъсь желѣза желѣзноводскихъ источниковъ, идя по деревяннымъ трубамъ и открытымъ бассейнамъ, быстро окисляется отъ соприкосновенія съ воздухомъ и осаждается въ видѣ окиси. По произведеннымъ опытамъ оказывалось, что 0,4 и даже 0,2 кубич. сантиметра тетрированного хамелеона (реактивъ для открытія желѣза) окрашиваетъ, напр., воду муравьевскихъ ваннъ, что соотвѣтствуетъ почти 0,0002⁰/₀ или 0,0001⁰/₀ желѣза, тогда какъ на самомъ дѣлѣ желѣза въ соотвѣтствующихъ источникахъ въ 10 и въ 20 разъ больше.

11-го мая 1875, слѣдовательно при самомъ началѣ сезона, проф. Кремянскій повторилъ свои изслѣдованія вмѣстѣ съ химикомъ Нарбутомъ, и результатъ получился тотъ же. Вода съ темп. 15° Р., взятая изъ деревяннаго бассейна муравьевскаго источника, послѣ подкисленія сѣрной кислотой, потребовала 1,6 куб. центим. тетрированного хамелеона до окончанія реакціи обезцвѣченія. Вода съ температурой + 15° Р. изъ сборнаго холоднаго мур-

вьевскаго бассейна, получающаго воду изъ перваго бассейна тоже чрезъ деревянныя трубы, потребовала для той же реакціи того же хамелеона только 0,4 кубич. цент. Также холодная вода, взятая изъ-подъ крана въ муравьевской ваннѣ, потребовала для той же реакціи 0,6 куб. цент. Вода изъ горячаго бассейна въ $+31^{\circ}$ P., получающаго воду также изъ незакрытаго отъ воздуха источника, примѣшивается въ муравьевскихъ ваннахъ къ холодной водѣ вышеупомянутаго холоднаго бассейна для получения теплыхъ ваннъ. Эта горячая вода, взятая изъ бассейна и изъ-подъ крана, требуетъ для той же реакціи того же реактива 0,3 куб. цент. Наконецъ вода, взятая изъ ванны въ $+26^{\circ}$ P., приготовленной изъ смѣси упомянутой холодной и горячей воды муравьевскихъ бассейновъ, требуетъ того же реактива для той же реакціи 0,4 куб. цент. Хамелеонъ окисляетъ однимъ кубич. сантиметромъ 0,003107 гр. закиси желѣза. Слѣдовательно, вычитая процентное содержаніе желѣза въ различной водѣ муравьевскихъ ваннъ, получаемъ слѣдующія цифры: въ водѣ бассейна ближайшаго къ муравьевскому источнику 0,000994⁰/о закиси желѣза; изъ ближайшаго къ ваннамъ Муравьевскаго холоднаго бассейна 0,000248⁰/о; изъ-подъ крана въ ваннѣ 0,000372⁰/о, въ водѣ горячаго муравьевскаго бассейна и изъ-подъ горячаго крана, 0,000186⁰/о; въ муравьевской ваннѣ при температурѣ $+20^{\circ}$ P. 0,000248⁰/о.

Другими словами: въ желѣзноводскихъ ваннахъ желѣза столько же, сколько въ простой и даже дистиллированной водѣ, ибо при такомъ же количествѣ хамелеона та же реакція появляется и въ этой водѣ. Вода муравьевскаго источника на пути отъ перваго бассейна до втораго теряетъ по крайней мѣрѣ $\frac{3}{4}$ своего желѣза, которое осаждается въ видѣ охры въ этихъ бассейнахъ и трубахъ, а на пути до ваннъ теряетъ еще больше.

Вода муравьевскаго источника, на глубинѣ 4-хъ арш., требуетъ для реакціи 6,6, что равняется 0,004102⁰/о или 0,4 граммамъ закиси желѣза въ 1,000 куб. сантиметрахъ. Вода упомянутаго перваго бассейна послѣ двукратнаго возмущенія ея въ буровой трубѣ потребовала 3 куб. цент. того же реактива. Водъ упомянутаго втораго сборнаго бассейна, потребовала, по прежнему, незначительнаго количества реактива, т.-е. 0,4 куб. цент.

Затѣмъ, пробы на желѣзо въ бассейнахъ горячихъ муравьевскихъ и барятинскихъ ваннъ, также въ бассейнахъ №№ 5 и 6 и изъ бассейновъ, дающихъ воду для ваннъ № 1 и 2 и калмыцкихъ, потребовали по прежнему незначительнаго количества того же реактива, напр. отъ 0,2 до 0,4 куб. цент.

Изъ этихъ изслѣдованій видно, что вода изъ бассейновъ муравьевскаго источника на пути до ваннъ теряетъ $\frac{15}{16}$ частей своего желѣза.

Конечно, изслѣдованіе тетрированнымъ хамелеономъ не можетъ точно опредѣлить все количество желѣза въ минеральныхъ водахъ; необходимо изслѣдованіе другимъ химическимъ анализомъ, но оно даетъ хоть приблизительныя понятія о количествѣ желѣза во всѣхъ источникахъ, бассейнахъ и ваннахъ желѣзноводскихъ, доступныхъ для вліянія воздуха, такъ что ни одна ванна не содержитъ ни такого количества желѣза, какое находится въ соответствующихъ источникахъ, ни такого, какое требуется отъ желѣзной ванны для терапевтическихъ цѣлей.

Проф. Кремьянскій, съ своей стороны, предложилъ и средства, какъ бы помочь этому недостатку, и радикальныя и палліативныя. Радикальнымъ нужно считать такое устройство водопроводной системы, при которой бы вода изъ источниковъ доходила безъ доступа воздуха и другихъ вредныхъ вліяній, и по возможности въ неизмѣненномъ видѣ до самыхъ ваннъ. Это потребуетъ новой обдѣлки многихъ источниковъ и переустройства бассейновъ и трубъ всей водопроводной системы Желѣзноводска. Необходимо не только герметическое проведеніе воды отъ источниковъ до ваннъ, но и герметическое охлажденіе и особенное согрѣваніе желѣзистой воды, что, конечно, потребуетъ не мало времени и денегъ. Въ муравьевскихъ ваннахъ это устроить довольно легко, въ другихъ труднѣе. Палліативы: можно прибавлять къ натуральнымъ ваннамъ желѣза и солей, способствующихъ его усвоенію организмомъ, особенно поваренной соли; лучше всего совѣтуютъ прибавлять въ ванны сѣрнокислую закись желѣза въ кристаллахъ (т.-е. купоросъ, употребляемый для чернилъ и для истребленія зловонія въ помойныхъ ямахъ и т. д.). Но такъ какъ эта закись желѣза, подобно всѣмъ другимъ солямъ закиси желѣза, быстро окисляется при соприкосновеніи своего водяного раствора съ воздухомъ и осаждается въ видѣ нерастворимой соли окиси желѣза, то необходимо класть ее въ значительномъ количествѣ, растворять въ горячей водѣ, немедленно вливать въ ванну и тотчасъ же въ нее садиться, не болѣе какъ на 15-ть минутъ. Конечно, такія ванны можно дѣлать и дома, но здѣсь помогаютъ имъ такіе естественные соленые растворы, которые въ природѣ поддерживали желѣзо въ растворѣ и которые могутъ способствовать лучшему его усвоенію организмомъ.

Это, повидимому, самое простое и благоразумное заявленіе въ большинствѣ мѣстныхъ врачей произвело цѣлую бурю. «Какъ?

Такъ мы обманывали публику, леча желѣзными ваннами, въ которыхъ столько же желѣза, сколько и въ простой водѣ? Или всѣ мы глупѣе одного, что не могли узнать, есть ли въ этихъ водахъ желѣзо или нѣтъ? Да, наконецъ, если его и нѣтъ, то мы никогда и не приписывали его присутствію большой важности, ибо при употребленіи ваннъ дѣйствуетъ не одно желѣзо, но электричество и магнетизмъ; да еще вопросъ, еслибы желѣза было въ ваннахъ и много, велика ли была бы отъ него польза, когда, по мнѣнію многихъ авторитетовъ медицины, оно не можетъ всасываться организмомъ. Наконецъ, зачѣмъ проф. Кремянскій поступилъ такъ безтактно: сезонъ только-что открылся, а онъ и бракъ въ бальнеологическое общество свое пресловутое заявленіе объ отсутствіи желѣза въ желѣзноводскихъ водахъ, на которыя больше всего ѣдутъ лечиться дамы, которыхъ легко испугать этимъ извѣстіемъ и тѣмъ произвести ухудшеніе ихъ болѣзней? Но и вообще безтактно дискредитировать въ глазахъ наѣхавшей публики и самыя воды и врачей, на нихъ дѣйствующихъ? Ужъ не хочетъ ли проф. Кремянскій подставить ногу нынѣшнему управленію водъ и самъ сѣсть на его мѣсто?— Таки пестрыя мнѣнія и сужденія врачей все время, пока мы жили въ водахъ, носились среди лечащейся публики, которая и сама въ свою очередь разбилась на разныя партіи, державшіяся того или другого мнѣнія. Разными путями дѣло, говорить, дошло и до высшаго начальства, будто бы въ ненадлежащемъ свѣтѣ дня истины, между тѣмъ какъ освѣтить все дѣло надлежащимъ образомъ было бы очень не трудно. Въмѣсто тѣхъ увертливыхъ и двусмысленныхъ объясненій, печатаемыхъ въ мѣстныхъ *миссионахъ*, которыми хотѣли въ свою очередь дискредитировать прямое и открытое заявленіе проф. Кремянскаго, слѣдовало бы не только въ Желѣзноводскѣ, но и на всѣхъ группахъ произвести въ началѣ сезона, или по крайней мѣрѣ вслѣдъ за заявленіемъ г. Кремянскаго, подробный химическій анализъ всѣхъ водъ, какъ въ самыхъ источникахъ, такъ и въ бассейнахъ и ваннахъ; тогда и врачи знали бы, чѣмъ они лечатъ, и больные, чѣмъ они лечатся. Теперь же все это бродить ощупью, на вѣру къ старымъ анализамъ или просто къ словеснымъ преданіямъ. Но — увы! — анализъ водъ (который долженъ былъ быть сдѣланъ немедленно по обновленіи водъ французскимъ инженеромъ) главнымъ врачомъ въ его дипломатическихъ нотахъ къ публикѣ все еще только общается, а остальные врачи, повидимому, не понуждаютъ его ускорить это дѣло. Опять надобно думать о такой организаціи

управленія водами, при которой бы невозможны были подобныя безотрадныя явленія.

Но, спросить насъ, что же сдѣлалъ французскій инженеръ полезнаго для водъ, если онъ не обратилъ вниманія даже на такіе существенные ихъ недостатки? Касательно недостатковъ желѣзноводскихъ водъ мы можемъ сказать, на основаніи печатныхъ документовъ, именно протоколовъ особой комиссіи врачей, нарочно избранной по случаю устройства кавказскихъ водъ, что Жюль-Франсуа тутъ не причемъ. Его просили сохранить *существующіе нынѣ оттыки* желѣзноводскихъ ваннъ (проток. засѣд. 26-го и 31-го авг. 1874). Онъ ихъ и сохранилъ.

Но по поводу желѣзисто-щелочнаго источника № 18 въ Ессентукахъ мы ушли въ Желѣзноводскъ. Намъ необходимо возвратиться назадъ въ Ессентуки, чтобы сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ тамошнихъ источникахъ.

Источникъ № 23, сѣрно-щелочной, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженьяхъ отъ № 17, также по отзыву свѣдущихъ людей, составляетъ драгоценность, которою мы должны дорожить. По содержанію сѣрводорода онъ превосходить нѣкоторыя даже извѣстныя своею силою пятигорскія воды. Этотъ источникъ употребляется исключительно для ваннъ, которыя устроены довольно хорошо, хотя и не въ достаточномъ количествѣ, такъ что и тутъ приходится ждать, пока попадешь въ очередь. Источникъ № 23 весьма обильный, но намъ говорили, что и здѣсь иногда случается недостатокъ воды. № 23 употребляется для ваннъ съ особенною пользою въ ревматизмахъ и вмѣсто № 17 во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовало бы употреблять эту воду.

Два остальные источника, №№ 6 и 4, довольно обильны, хорошо устроены, но немногими употребляются, а главное—мы сами ими не лечились, а потому и говорить не хотимъ о томъ, чего не испытали. Одинъ изъ этихъ источниковъ отличается содержаніемъ іода, другой—сѣрновислыхъ солей. Но въ послѣднемъ въ наше время ходило не болѣе двадцати человекъ. Онъ же и дальше всѣхъ отъ № 17. Но довольно и трехъ такихъ, какъ и № 17, 18 и 23, чтобы Ессентуки сдѣлались цвѣтущимъ городкомъ въ рукахъ нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Сдѣлаются ли они когда-нибудь цвѣтущимъ городкомъ въ нашихъ неумѣлыхъ рукахъ, предсказать это можетъ только вдохновенный пророкъ, но не простой смертный, заключающій о будущемъ по прошедшему и настоящему.

Леченіе, назначенное намъ, оказалось крайне расслабляющимъ; мы обратились къ другому врачу. Другой врачъ назначилъ другое

леченіе, которое впоследствии оказалось полезнѣе: вмѣсто сѣрно-щелочныхъ ваннъ, пришлось брать желѣзныя и жить въ болѣе прохладномъ мѣстѣ съ болѣе чистымъ воздухомъ, чѣмъ Эссен-туки. Для этой цѣли нѣтъ лучшаго мѣста, какъ Бисловодскъ. Туда отправляютъ всѣхъ истощенныхъ больныхъ на поправку. Туда же отправились и мы.

Для болѣе полной полноты понятія о леченіи въ Эссентукахъ намъ нужно сказать кое-что о здѣшнемъ образѣ жизни, о пицѣ, при-слугѣ и прочихъ принадлежностяхъ жизни.

Образъ жизни здѣсь довольно монотонный. Утромъ съ 5 часовъ отправляются въ источники. Съ 6-ти начинается играть музыка мѣстнаго Терскаго войска, очень хорошая. Въ 8 часовъ кончается питье воды и хожденіе взадъ и впередъ по парку. Всѣ идутъ пить чай или кофе; потомъ въ ванны; дальше обѣдъ. Самое скучное время и притомъ самое жаркое—отъ обѣда и до 5 часовъ вечера. Всѣ ходятъ, какъ тѣни, едва передвигая ноги. Съ 5 часовъ опять начинается наполняться паркъ, опять начинается питье воды и блужданіе по парку; съ 6 и до 8 музыка, а дальше покойная ночь. Дальше 8 ч. вечера оставаться въ паркѣ не безопасно: отъ начинающихся болотныхъ испареній легко получить лихорадку, и вотъ съ 8 часовъ все разсыпается по домамъ, а съ 9 наступаетъ темная ночь. И такая жизнь идетъ изо дня въ день и надобѣдетъ до того, что всѣ лица, ежедневно попадающія на глаза по нѣскольку разъ, становятся противными. Разнообразить жизнь рѣшительно нечѣмъ, кромѣ развѣ игры въ карты. Но это разнообразіе тоже скучное и притомъ не безвредное. Биліарда нѣтъ. Есть бегли, но для нихъ нужна сила, и притомъ крыша бегельной бесѣды грозитъ задавить играющихъ. Чтеніе въ лѣтнюю жару еще тяжелѣе картъ для головы, да, къ тому же, и читать здѣсь нечего. Казенная гостинница минеральныхъ водъ, устроенная въ паркѣ, выписываетъ нѣсколько газетъ, но никогда ни одного № достать нельзя, ибо за отпускомъ ихъ никто не наблюдаетъ: кто первый вошелъ, какъ принесли газеты съ почты и взялъ ихъ себѣ въ карманъ, тотъ и счастливъ, и съ чтеніемъ на цѣлый день. Онъ преспокойно идетъ домой какъ съ своей собственностью, нисколько не думая, что онъ совершаетъ кражу общаго достоянія, и притомъ кражу съ отягчающими обстоятельствами, ибо здѣсь негдѣ достать и нечѣмъ замѣнить украденныхъ имъ газетъ. Подите, объясняйте такіа азбучныя истины нашимъ любезнымъ соотечественникамъ! Но виноваты ли одни они? Виновата и администрація, которая не позаботится о наблюдении за ихъ употребленіемъ. Даже на заграничныхъ водахъ, гдѣ люди имѣютъ

болѣе внутренней дисциплины, чѣмъ у насъ, овазывается нужной еще и внѣшняя дисциплина: въ каждомъ кабинетѣ для чтенія есть особый господинъ, который приводитъ газеты въ порядокъ и не позволяетъ никому брать съ собой. А у насъ это дѣло на полудивилизованномъ Кавказѣ остается безъ всякаго надзору. Возможенъ ли же тутъ какой-нибудь порядокъ? И надзоръ-то требуется не Богъ знаетъ какой. Газетъ выписывается весьма не много, такъ что любой изъ лакеевъ гостинницы могъ бы исполнять должность библиотекаря. Но вѣдь ему надо платить — вотъ въ чемъ секретъ неурядицы. Мы уже говорили выше о способѣ дѣйствія карлсбадской администраціи. Но вѣдь тамъ управляетъ водами не арендаторъ и даже не одно какое-либо лицо довѣренное, положимъ, отъ правительства, но цѣлая городская дума. При нашемъ младенчествѣ въ науѣ и въ искусствѣ самоуправленія, у насъ и цѣлыя коллегіи, въ родѣ думъ, были бы неспособны управлять такимъ сложнымъ и деликатнымъ дѣломъ, какъ леченіе минеральными водами. Ими у насъ съ пользою для больныхъ и даже не безъ выгодъ для себя можетъ управлять только одно правительство, чуждое корыстныхъ и при томъ близорукихъ расчетовъ частныхъ антрепренеровъ. Правительство можетъ употребить своими органами для отправленія этого дѣла тѣхъ специалистовъ, о которыхъ мы уже говорили выше.

Что же еще доставляетъ больнымъ эта гостинница минеральныхъ водъ? Какія удобства? Здѣсь можно обѣдать за 80 коп. весьма плохо и скучно. Здѣсь можно получать весьма плохой чай и такой же кофе, но болѣею частію ожиданіе этихъ напитковъ и яствъ продолжается столько времени, что пропадаетъ желаніе ихъ употреблять, или они совершенно остываютъ, пока вы дождетесь въ немъ какого-нибудь прибавленія въ родѣ хлѣба, сахарей и т. д. Кстати о хлѣбѣ и сухаряхъ: отложите попеченіе имѣть здѣсь тотъ французскій хлѣбъ, который вы имѣли у себя дома, даже гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городишкѣ: здѣсь вовсе не умѣютъ печь французскихъ хлѣбовъ, а пекутъ только такъ-называемый ситный, пожалуй, въ формѣ французскаго, совершенно кислый, который тотчасъ же производитъ отрыжку, особенно у страдающихъ катарромъ желудка (имъ же имя легіонъ). О сухаряхъ, въ какимы мы привыкли, приходится забыть во все время леченія здѣсь: если и случаются иногда сухари, то также совершенно кислые. Это произведенія мѣстной культуры; но, кромѣ того, такой же дрянной товаръ ежедневно привозятъ изъ Пятигорска и онъ находитъ громадный сбытъ: голодъ не тѣтка, при-

учить ѣсть и кислый хлѣбъ. Точно также мало соответствуетъ леченію способъ приготовленія и всей остальной пищи. Все жирное воспрещается, а между тѣмъ здѣсь все подается плавающимъ въ маслѣ, болѣею частію не совершенно свѣжемъ. Повара здѣсь или самоучки, или непризнанные въ Россіи гени. А между тѣмъ столъ въ леченіи водами играетъ весьма важную роль, и никто не обращаетъ на это никакого вниманія: ни врачи, ни администрація. Больному нуженъ вѣрпкій, но нежирный бульонъ и кусокъ жаренаго въ своемъ соку мяса, а ему подають или совершенно водянистый, или прежирный супъ и вываренную говядину въ видѣ разныхъ соусовъ: хорошій бифштекъ трудно достать. Въ гостинницѣ Смирнова, столъ дешевле, но еще болѣе непригоденъ для леченія: всюду напичвано масло и жиръ, и кислый хлѣбъ вдобавокъ во всему. Большинство обѣдаетъ въ этихъ двухъ мѣстахъ. Но нѣкоторые, особенно семейные люди, готовятъ кушанье у себя на квартирахъ. Кто пріѣхалъ съ своей кухаркой или поваромъ, тому и выгоднѣе, и здоровѣе и пріятнѣе готовить свой собственный столъ; пусть это имѣють въ виду отправляющіеся на кавказскія воды. Прованія здѣсь очень дешева, но здѣшніе промышленники не умѣють ничего изъ нея сдѣлать.

Вообще, внутри Россіи нужно запастись ѣдущимъ сюда всѣми вещами, необходимыми въ ежедневной жизни, да кстатѣ везти съ собой и повара и прачку, или готовую пищу на все время леченія и готовое чистое бѣлье. Здѣшнія прачки суть карикатуры на прачекъ; точно такъ же, какъ и повара. Прислуга въ здѣшнихъ гостинницахъ, особенно же въ гостинницѣ минер. водъ, заставляетъ желать очень многого. Кстатѣ же здѣсь въ числу удобствъ, которыя доставляютъ пріѣзжимъ, принадлежитъ и то, что мелкихъ разнѣнныхъ денегъ почти вовсе нѣтъ: такъ ихъ мало. Для замѣны ихъ гостинницы выдаютъ свои марки въ 10, 20, 30, 50 в., и это является при существованіи желѣзной дороги и городского банка въ Пятигорскѣ!

Мы рѣшились добраться до Кисловодска въ колесницѣ минеральныхъ водъ. Къ счастью, нашлось мѣсто и расторопный Адамъ помчалъ свои допотопные ковчеги съ быстротою вѣтра. За Эссентуками мѣстность начинается изъ ровной постепенно дѣлаться болѣе и болѣе холмистою, а наконецъ начинаютъ показываться и дѣльныя гряды горъ сначала не очень высокихъ, а потомъ постепенно возвышающихся. Чѣмъ ближе мы подвигались къ Кисловодску, тѣмъ чувствовали болѣе и болѣе прохладу въ воздухѣ, чему мы послѣ Эссентужской духоты были очень рады. Кисловодскъ находится на высотѣ слишкомъ 2000

фут. надъ уровнемъ моря. Къ сожалѣнью, прїятное впечатлѣнїе прохлады много пострадало отъ проливного дождя, который насъ встрѣтилъ вблизи самаго Кисловодска. Подъ этимъ дождемъ мы подѣхали въ великолѣпной галереѣ минеральныхъ водъ, или правильнѣе сказать, въ галереѣ Нардзана, ибо въ Кисловодскѣ одна только минеральная вода Нардзанъ. Подъ этимъ же дождемъ мы пошли искать себѣ квартиры. Гдѣ искать, сами не знали. Кисловодскъ раздѣляется на двѣ части: на Кисловодскъ казенный и Кисловодскъ вольный. Первый заключается въ себѣ всю землю вблизи минеральныхъ водъ, второй тянется въ гору и содержитъ въ себѣ цѣлую слободу отставныхъ солдатъ, получившихъ здѣсь земельный надѣлъ и сдѣлавшихся осѣдлыми жителями. Въ казенномъ Кисловодскѣ жилыхъ зданій еще очень мало, они только еще начинаютъ строиться; поэтому и квартиръ здѣсь очень мало, но за то эти квартиры съ нѣкоторыми европейскими удобствами. Въ вольномъ Кисловодскѣ зданій множество, но это почти все турлуковыя или саманныя хаты ¹⁾, въ которыхъ и сыро, и пыльно, и душно, и грязно и нѣтъ приличной мебели и никакихъ удобствъ. Цѣны же въ обоихъ Кисловодскахъ невѣроятныя. Небольшой домикъ въ 3—4 комнаты за сезонъ, т. е. съ послѣднихъ чиселъ іюня до половины августа, отъ 400 рублей и все выше и выше, глядя по убранству дома и по наплыву посѣтителей. Самая маленькая комнатка для одного человѣка не менѣе 2 рублей въ сутки, если только публика сильно прибываетъ. Думали, думали, гдѣ остановиться, и рѣшились лучше платить дороже, да жить въ казенномъ Кисловодскѣ, гдѣ все-таки болѣе удобствъ, чѣмъ у его сосѣда. Осмотрѣли нѣсколько конурокъ, которыя намъ уваживали, какъ жилыя и удобныя комнаты въ частныхъ домахъ, вблизи самыхъ водъ, и рѣшились добиваться квартиры въ гостинницѣ, гдѣ хоть дорого, да есть какая-нибудь прислуга; въ частныхъ же домахъ и дорого, да и сапоги некому вычистить. Къ нашему благополучію только-что очистился номеръ въ единственной гостинницѣ, принадлежащей частному лицу, купцу Смирнову, и мы изъ-подъ дождя и изъ грязи съ радостью вошли въ него какъ въ какое-нибудь райское жилище, хотя онъ не содержалъ въ себѣ ничего особенно плѣнительнаго. Желѣзная кровать съ тощимъ мочальнымъ матрацомъ, безъ всѣхъ постельныхъ принадлежностей, три дранныхъ плетеныхъ стула, ломберный столъ около кровати, да просгой столъ въ передней, — вотъ и вся мебель жилища, которому мы были рады

1) Сдѣланныя изъ хворосту, соломы и глины.

отъ всей души. Ни комода, ни даже вѣшалки для платья; полъ грязный, единственное окно выходитъ на дворъ. Цѣна 3 р. въ сутки, крохѣ самоваровъ, но мы все-таки благодарили судьбу, что не искали квартиры въ самой слободѣ у частныхъ лицъ. Пошли проливные дожди, продолжавшіеся цѣлую недѣлю: дрянныя хатенки завоняли глиной и сыростью, такъ что ихъ приходилось топить, улицы покрылись липкой грязью, такъ что бѣднымъ больнымъ, живущимъ вдали отъ парва, приходилось слишкомъ плохо: сиди дома и нюхай сырость и вонь, или пачкайся въ грязи, и въ томъ и другомъ случаѣ рискуй простудиться. Мы жили хоть непросторно и неудобно, но по крайней мѣрѣ въ сухости, и могли каждую минуту, какъ только переставалъ дождь, выходить дышать чистымъ воздухомъ въ паркѣ.

Паркъ здѣсь превосходный: самыя сильныя лучи солнца не могутъ проникнуть сквозь его густую тѣнь. Два горныя ручья, бѣгущіе посреди парва, даютъ свою влагу въ раскаленный воздухъ и дѣлаютъ его пріятнымъ для дыханія и зной не слишкомъ чувствительнымъ. Аллея парва держатся весьма чисто: жалъ только, что мало разставлено скамеекъ со спинками, на которыя можно было бы опираться спиной и давать себѣ больше отдыху; пыли въ паркѣ почти вовсе нѣтъ: такъ хорошо утрамбованы аллея и такъ много влаги въ воздухѣ. Паркъ начинается отъ самаго источника, знаменитаго Нардзана, и тянется в длину по живописной мѣстности версты на полторы. Лучшаго гулянья при употребленіи водъ и желать нельзя. Воздухъ превосходный, хотя, въ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заражаемый зловоніемъ извѣстныхъ кабинетовъ, разбросанныхъ въ паркѣ и содержимыхъ съ азіатской неопрятностью и небрежностью. Хоть бы деньги брали, какъ берутъ нѣмцы за границей, да содержали бы эти мѣста въ надлежащей чистотѣ и исправности. Но никто не обращаетъ на это вниманія. Предъ пріѣздомъ вѣшаго начальства какой-то аптекарскій служака бѣгалъ съ бутылкой карболовой кислоты и поливалъ вездѣ, гдѣ нужно но, въ сожалѣнію, не полилъ тамъ гдѣ всего было нужнѣе, именно противъ самой гостинницы минеральныхъ водъ, гдѣ было наибольшее стеченіе народа въ очень жаркій день.

Казенная гостинница здѣсь очень маленькая и имѣетъ только нѣсколько комнатъ для отдачи пріѣзжимъ. Теперь пристроивается къ ней еще нѣсколько комнатъ, но все это валя въ морѣ съ массой пріѣзжихъ *курсовыкъ*, какъ называютъ насъ мѣстные жители, отъ того, что мы пріѣзжаемъ на извѣстный курсъ леченія. Частное лицо, о которомъ мы говорили, купецъ Смирновъ,

сдѣлать съ своей стороны гораздо больше для удобствъ прїѣзжихъ, чѣмъ администрація. Онъ выстроилъ прекрасную гостиницу съ 40 комнатами, въ которыхъ въ крайности могутъ найти прїютъ до 100 человекъ. Комнаты содержатся довольно грязно и скудно снабжены мебелью, но, съ другой стороны, надо подумать, имѣлъ ли онъ столько денежныхъ средствъ, чтобы сразу сдѣлать гостиницу съ европейскими удобствами? Но спасибо ему и за эту. Говорятъ, что онъ выстроилъ ее на половину въ долгъ и что нынѣшнее лѣто окупить ему чуть ли не половину всей постройки. Пусть окупить всѣ издержки; предприимчивость надо поощрять; а что онъ съ насъ очень дорого бралъ за №№, то виноватъ не онъ, а администрація водъ, которая не позаботилась сама приготовить для прїѣзжихъ хоть не дешевыя, но удобныя квартиры. Какимъ образомъ могла она это сдѣлать, мы уже говорили выше.

Пища въ здѣшнихъ гостиницахъ приготовлялась нѣсколько лучше, чѣмъ въ Ессентукахъ; впрочемъ не всегда и не во всѣхъ. Лучше приготовленную пищу давали въ гостиницѣ минеральныхъ водъ, но вездѣ пичкаютъ въ кушанья пропасть масла и жиру, какъ будто нарочно, чтобы вредить леченію. Цѣны за столъ вездѣ несообразныя съ достоинствомъ приготовления и съ цѣнностію припасовъ на базарѣ. Здѣсь всѣ жизненные припасы дешевы; съ насъ за все брали несообразно дорого. Объ этомъ нечего и распространяться: мы уже этимъ и не волновались, а досадно было, когда берутъ дорого и даютъ страшную дрянь, или когда прислуга своею лѣнью, небрежностью и грубостью выводитъ васъ изъ терпѣнія. Откуда здѣсь набираются служащіе? Мы узнали, что болѣею частью изъ внутренней Россіи и весьма мало изъ мѣстныхъ жителей. Послѣдніе стоятъ на такой низкой ступени развитія, на какой стояли полудикіе горцы, не хотѣвшіе повориться цивилизаціи ни за какія ея блага. Здѣшній народъ служить не любить, а потому служить прескверно, какъ мы видѣли на нѣсколькихъ экземплярахъ грузинъ, служившихъ въ гостиницахъ. Но отчего здѣсь портятся великорусскіе слуги, которые у себя на родинѣ отличаются услужливостью и расторопностію и только этими качествами пріобрѣтаютъ себѣ хорошія мѣста и хорошіе подарки на чай? Здѣсь они неузнаваемы. Не отражается ли и на нихъ характеръ беспорядочнаго водяного хозяйства и взглядъ на прїѣзжихъ, какъ на жертвы ихъ эксплуатаціи? И эксплуатируютъ насъ всѣ на всевозможные лады.

Но, съ другой стороны, можетъ быть и самое мѣсто вліяетъ на перемену людей. Почти отъ Воронежа и до Кисловодска

всюду мы слышали жалобы на лѣдность и неспособность мѣстных жителей къ работамъ, мало-мальски усиленнымъ или регулярнымъ, какъ, напримѣръ, на заводахъ, фабрикахъ, на рѣчныхъ пристаняхъ, въ гостинницахъ и т. д. Во всей этой громадной и плодороднѣйшей полосѣ Россіи вы находите самое рѣдкое населеніе, занимающееся больше скотоводствомъ, чѣмъ земледѣліемъ и незнакомое почти ни съ какими отраслями промышленности. Громадныя, плодородныя пространства, вмѣсто дорогихъ хлѣбовъ и растений, даютъ только одну степную траву. Земля до открытія желѣзной дороги, напримѣръ, въ кубанской области, продавалась по 8 р. за десятину, и такая земля, на которой растутъ кукуруза и табакъ. Теперь она сразу возвысилась вдвое, но отъ этого для развитія земледѣлія пока толку будетъ мало. Чѣмъ дороже будетъ земля, тѣмъ меньше охотниковъ въ внутренней Россіи явится ее покупать и владѣть, а мѣстные жители еще долго не сдѣлаютъ изъ нея болѣе полезнаго употребленія, чѣмъ сниманіе степного сѣна. И того они не могутъ снять своими руками. Ежегодно массы народа приходятъ къ нимъ на помощь изъ сосѣднихъ губерній, а иногда даже изъ отдаленныхъ, болѣе обиженныхъ скудостью своей матери-земли, какъ, напримѣръ жители олонцевой губерніи, которые весной ѣдутъ сюда съ цѣлыми домами, а осенью возвращаются назадъ. При лѣдности мѣстныхъ жителей, при непостоянствѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ долго еще не оживятся эти благодатныя степи, съ плодородной почвой и съ голубымъ небомъ большую часть года. Пріѣзжать сюда изнутри Россіи предпримчивые люди побоятся и потому, что въ здѣшнихъ степяхъ мало воды, и та нехорошая и вовсе нѣтъ лѣсу. Его въ кубанскую область или на Кавказъ надобно вести изъ Ростова. Но лѣса легко могли бы появиться на этой плодородной почвѣ и подъ этимъ жгучимъ солнцемъ, лишь бы ихъ посѣяли; нѣкоторыя породы деревьевъ, какъ дубъ, вязъ, кленъ, ясень, чинаръ, орѣхъ, пирамидальный тополь, бѣлую и желтую акацію уже и пробовали садить и сѣять въ степяхъ и опыты оказались чрезвычайно удачными. Но мѣстныхъ жителей еще не кусаетъ нужда; они сыты безъ большого труда, владѣя большими надѣлами и пространствами земель. Поэтому и думать нечего, чтобы здѣсь, несмотря на желѣзную дорогу, скоро началась европейская жизнь. Долго еще въ этихъ благодатныхъ странахъ будутъ жить русскіе номады.

Все нами сказанное относится и къ Ессентукамъ, и къ Кисловодску. Развитія ихъ своими средствами придется ожидать еще долго. Мѣстные здѣшніе жители слишкомъ еще мало развиты,

чтобы понимать выгоды не въ настоящемъ только, но и въ будущемъ, отъ доставленія прїѣзжимъ удобныхъ и недорогихъ помѣщеній и хорошаго качества пищи. Они понимаютъ выгоду только осмываемую въ настоящемъ и объ ней только и заботятся, чтобы она была какъ можно больше. Пройдетъ лѣто, уѣдутъ курсовые; мѣстные жители всю полученную выгоду пропьютъ на праздникахъ и свадьбахъ и опять будутъ ждать курсовыхъ, не подумавши доставить имъ ни малѣйшихъ улучшеній противъ прошлаго года. Это мы слышали отъ самихъ мѣстныхъ жителей, болѣе образованныхъ и благоразумныхъ. А въ Кисловодскѣ въ настоящее лѣто осталось не мало денегъ, ибо въ немъ перебывала едва ли не вся публика, бывшая на водахъ. А ея было болѣе 2.000 человекъ.

Но надобно сказать о томъ, что здѣсь привлекаетъ посѣтителей. Здѣсь бьетъ ключемъ знаменитый Нарзанъ, которому приписывается не мало цѣлительныхъ свойствъ. Надъ нимъ построена великолѣпная галлерея для прогулокъ въ ненастную погоду.

Нарзанъ приобрѣлъ себѣ главную извѣстность какъ источникъ укрѣпляющей нервную систему. Разказы объ его дѣйствіи на организмъ имѣютъ даже нѣсколько легендарный характеръ и приписываютъ ему драгоценную способность возвращать плодородіе бесплоднымъ мужчинамъ и женщинамъ. Вотъ почему, главнымъ образомъ, сюда устремляется масса народа! Не по этому ли такъ сильно насъ здѣсь и эксплуатируютъ, разсуждая, что всѣ бесплодны и всѣ желаютъ имѣть дѣтей. А извѣстно, что это желаніе весьма сильно у всѣхъ земнородныхъ и, слѣдовательно, никому не жаль никакихъ денегъ для его удовлетворенія. Кромѣ того, врачи находятъ Нарзанъ полезнымъ въ нѣкоторыхъ страданіяхъ слизистыхъ оболочекъ. Полными присяжными судьями мы въ этомъ дѣлѣ быть не можемъ; для этого не имѣемъ достаточныхъ наблюденій и опытовъ. Но изъ своихъ наблюденій все-таки считаемъ возможнымъ сдѣлать кое-какіе выводы. Мы пили Нарзанъ на тощій желудокъ утромъ, и тотчасъ же чувствовали легкую тошноту и головокруженіе; пили послѣ принятія пищи, и ничего не чувствовали; умывались Нарзаномъ и чувствовали, что онъ щиплетъ глаза, какъ мыло; брали ванны, начиная съ 26° Р., и чувствовали стѣсненіе дыханія и головокруженіе, тѣмъ болѣе, чѣмъ ванна была теплѣе и чѣмъ мы дольше въ ней оставались, такъ что изъ одной ванны, въ + 24° Р., мы едва вышли, просидѣвши въ ней всего 12 минутъ, и должны были долго ходить по улицѣ, чтобы набраться чистаго воздуха и выдохнуть изъ себя

набранную угольную кислоту. Одинъ изъ посѣтителей Бисловодска пострадалъ больше насъ, получивши въ ваннѣ параличъ одной стороны лица. И это не единственное явленіе. Мы слышали и о другихъ подобныхъ же проявленіяхъ силы Нарзана, т.-е. его небезвредности для здоровья. Кромѣ того, въ ваннахъ, чѣмъ онѣ становились холоднѣе, тѣмъ больше мы чувствовали щипанія всего тѣла, особенно слизистыхъ оболочекъ. Доходили мы до купанья въ цѣльномъ Нарзанѣ, имѣющемъ температуру всего въ $+12^{\circ}$ Р. И тамъ чувствовали это щипаніе еще сильнѣе. Кромѣ того, чувствовалось сильное стѣсненіе въ груди, а по выходѣ головная боль, какъ-бы отъ легкаго угара, которая, впрочемъ, скоро проходила на воздухѣ и замѣнялась чувствомъ освѣженія силъ и бодрости во всемъ организмѣ. Но мы остались въ бассейнѣ Нарзана не болѣе 2—3 минутъ и дѣлали непрерывныя движенія, чтобы не озябнуть. Нѣкоторые же остались по 10 и болѣе минутъ и потомъ ходятъ синіе отъ холоду и долго не могутъ согрѣться. Бывали случаи, что такіе чудачи платили своимъ здоровьемъ за это излишнее поклоненіе Нарзану, а одинъ помѣщикъ, загѣвши въ бассейнъ и усѣвшись неподвижно въ угольѣ, такъ и скончался тутъ отъ удара. Безпрерывное движеніе и кратковременное пребываніе не должны никогда выйдти изъ памяти купающихся въ Нарзанѣ. Гуляли мы въ галереѣ, построенной надъ пѣнящимся ключемъ Нарзана, и всета уходили отсюда съ головной болью, что и естественно при такъ массѣ угольной кислоты, которую отдѣляетъ ключоудій его источникъ и при сосредоточеніи ея подъ кровлей галлерей, какъ подъ колпакомъ. Вотъ наши наблюденія. Разспрашивали другихъ, и больныхъ и здоровыхъ, и нервныхъ и вялыхъ, употреблявшихъ Нарзанъ въ разныхъ болѣзняхъ и въ разныхъ видахъ, начиная отъ ваннъ и питья воды и кончая мѣстными ваннами изъ угольной кислоты на больныя мѣста съ цѣлью анестезирования (облегченія боли) и даже вдыханіемъ угольной кислоты въ болѣзняхъ легкихъ, во всему мы приглядывались и прислушивались и, признаемся, многія обаянія Нарзана исчезли въ нашихъ глазахъ и многимъ рассказамъ объ его чудесахъ мы не вѣрили, но не удивляемся нисколько людскому легковѣрью.

Послѣ всего нами сказаннаго о Нарзанѣ, намъ кажется сильно преувеличеннымъ его врачебное значеніе. Говорятъ, и одинъ источникъ въ мірѣ такъ не изобилуетъ угольной кислотой, какъ Нарзанъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Есть цѣлыя пещеры, наполненныя угольной кислотой, и однакожь никто не ходитъ туда лечиться отъ тѣхъ болѣзней, которыя хотять лечитъ

здѣсь. А много бы нашлось охотниковъ, еслибы въ этихъ пещерахъ могли только поправлять свои ослабѣвшія силы по упомянутой части. Но, вѣрно, угольная кислота не заслуживаетъ ничего довѣрія, какъ врачебное средство, и продолжаетъ у всѣхъ пользоваться нехорошей репутаціей газа, вреднаго для дыханія, и для насъ остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ рѣшаются давать вдыхать этотъ газъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ легкихъ. Что дадутъ вдыхать кислородъ, это понятно: онъ окисляетъ кровь и такимъ образомъ доставляетъ хоть временное облегченіе больному, замѣняя ему дѣятельность его больныхъ легкихъ. Но какую пользу можетъ приносить вдыханіе угольной кислоты, которая портитъ кровь, обугливая ее и, вслѣдствіе того, производитъ рядъ болѣзненныхъ явленій во всемъ организмѣ? Сильно хотѣлось намъ самимъ испытать это нововобрѣтенное леченіе угольной кислотой въ видѣ газовыхъ ваннъ и вдыханій, но мы побоялись дѣлать эти опыты, слишкомъ рискованные для лѣтъ и нервнаго темперамента, тѣмъ болѣе, что при ваннахъ, кажется, не присутствуетъ врачъ, а одинъ только фельдшеръ.

Изъ всѣхъ дѣйствій, приписываемыхъ Нарзану, мы сами убѣдились въ одномъ, что онъ, въ видѣ водяныхъ ваннъ, возбуждаетъ всю нервную систему своей температурой. Угольная же кислота, съ своей стороны, помогаетъ этому дѣйствию, если только ванну употребляютъ недолго. Чѣмъ температура больше понижается, тѣмъ дѣйствіе Нарзана на организмъ усиливается, и тѣмъ меньше въ такой водѣ слѣдуетъ оставаться. Теплыя же ванны изъ Нарзана, по нашему мнѣнію, кромѣ головной боли и стѣсненія въ рудѣ, ничего принести не могутъ. Внутреннее употребленіе Нарзана, слегка раздражая слизистую оболочку пищеваго канала, можетъ приносить нѣкоторую пользу, но за то избытокъ угольной кислоты въ крови никогда не можетъ быть полезенъ. Идѣ это не то, что питье каковой-нибудь содовой или зельтерской воды. Тамъ свободной угольной кислоты въ сравненіи съ Нарзаномъ ничтожное количество и достаточное количество щелочей. Здѣсь же масса свободной угольной кислоты, не связанной ни чѣмъ. По нашему мнѣнію, леченіе Нарзаномъ требуетъ еще многихъ наблюденій и опытовъ, чтобы вести его съ увѣренностію. Теперь же оно ведется ощупью, а люди, темныя въ наукѣ, же хвастаются своими подвигами, кто больше кого выпилъ арзана или просидѣлъ въ его холодномъ бассейнѣ.

Кстати, объ этомъ купальномъ бассейнѣ. Устроенъ онъ очень плохо, но только мелко для взрослыхъ людей и, кромѣ того, падающія невѣжды позволяютъ себѣ въ него плевать и даже

сморкаться. Такихъ дикарей администрація должна бы штрафовать или выводить вонъ и впредь не пускать. Извѣщеніе объ этомъ должно быть написано крупными буквами на стѣнахъ куральнаго отдѣленія.

Ваннъ въ Кисловодскѣ до сихъ поръ было достаточно и устроены онѣ хорошо; но въ нынѣшнее лѣто ихъ оказалось мало; вездѣ приходится ждать очереди, иногда очень долго; особенно же чувствителенъ недостатокъ простынь. Между тѣмъ, ванны и бѣлыя стобать дороже, чѣмъ за границей, гдѣ въ нихъ никогда не бываетъ недостатка. Ванна 50 коп., простыня 10 коп.

Почта на всѣ воды приходитъ крайне медленно, именно на 10-й день изъ Петербурга, между тѣмъ, какъ по желѣзной дорогѣ можно доѣхать до самаго Кисловодска въ четверо сутокъ. Чтѣ же за причина этого страннаго явленія? Причина, которая никому въ голову не могла придти, пока не разъяснило ее глубокомысленное мѣстное почтовое управленіе. Дѣло, видите, въ томъ, что дорога была проведена только до станціи минеральныхъ водъ, но не до окончательнаго своего пункта, т.-е. до Владикавказа, отстоящаго отсюда на 160 верстъ. Поэтому почтовая администрація и заблагоразсудила до тѣхъ поръ отправлять почту до Ростова по прежнему, на лошадахъ, пока не откроется дорога до самаго Владикавказа. Кромѣ медленности, весьма многие жаловались на неисправность доставки писемъ, уже пришедшихъ въ Пятигорскъ, на задержки, несмотря на своевременныя заявленія адресатовъ о перемѣнѣ ими мѣста жительства. Нѣкоторые же жаловались на совершенную утрату писемъ: пишутъ послѣ, что было послано нѣсколько писемъ, а между тѣмъ получено только одно, или даже ни одного не получено. Когда разѣзжается публика, въ концѣ августа, то кипящій жизнью и Нарзаномъ Кисловодскъ обращается въ простую слободу, куда почта приходитъ съ озаіей. Пора бы подумать о самостоятельномъ сообщеніи такихъ населенныхъ мѣстъ, какъ Эссентуки и Кисловодскъ съ Пятигорскомъ, особенно теперь, когда всѣ эти мѣста связаны уже шоссеіной дорогой.

Какъ курьезъ о Кисловодскѣ, мы считаемъ не лишнимъ разсказать, какъ лечились здѣсь Нарзаномъ дикари-горцы, во время ихъ владычества, и какъ смотрять на наше леченіе даже настоящіе мѣстные жители. Горцы, по преданіямъ, бросались въ Нарзанъ во всемъ своемъ несложномъ облаченіи и потомъ, вышедши, старались бѣгать до тѣхъ поръ, пока согрѣются; потомъ опять бросались, и продѣлывали этотъ фокусъ до трехъ и четырехъ разъ, и говорятъ, что очень скоро получали исцѣленіе въ

своихъ болѣзняхъ. Съ насмѣшкой смотрѣли они потомъ на наше леченіе и говорили: «вишь, русскіе какіе глупцы: помочать себѣ Нарзаномъ заднюю часть тѣла, да и думаютъ, что лечатся». Съ этимъ взглядомъ на насъ имѣеть нѣкоторое сходство взглядъ и теперешнихъ жителей. Они думаютъ о своихъ гостяхъ-курсовыхъ, по меньшей мѣрѣ, какъ о малоумныхъ, которыхъ и слѣдуетъ только обирать. На Нарзанъ они смотрятъ, какъ на простую ключевую воду, и пьютъ ее какъ простую, наливая имъ даже самовары. Купаться въ Нарзанѣ имъ негдѣ, потому что по отвѣдѣ курсовыхъ всѣ открытыя его части закрываются. Не будь этого, мѣстные жители безъ церемоніи купались бы въ нихъ цѣлый годъ, какъ въ простой водѣ. Но всѣ жители Кисловодска отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ и долгоденствіемъ. Изъ мѣстныхъ болѣзней намъ указывали только на лихорадку, впрочемъ, не злокачественную. Холеры здѣсь почти вовсе никогда не было, тогда какъ вокругъ Кисловодска народъ валился подъ жосой смерти, какъ на полѣ хлѣбъ подъ серпомъ бойкой жнеи. Въ Кисловодскѣ нѣтъ даже нѣкоторыхъ докучливыхъ насѣкомыхъ, какъ, напр., комары. Но все это можетъ происходить не отъ Нарзана, которому страстные поклонники изъ мѣстныхъ кавказскихъ жителей вѣрятъ какъ нѣкоему божеству, а просто отъ возвышеннаго положенія мѣстности.

Очевидно, благотѣльное вліяніе Нарзанъ имѣеть только на своего сосѣда — роскошный паркъ, надвѣя щедрою рукою его листву угольной кислотой.

Далеко ли ушли въ своихъ понятіяхъ о лѣченіи водами уже не дикари-горцы и не мѣстные жители — отставные солдаты, но нѣкоторые даже и изъ посѣтителей водъ, это могутъ отчасти объяснить слѣдующія явленія жизни въ Кисловодскѣ. Въ гостинницахъ и на частныхъ квартирахъ вамъ зачастую не дадутъ спать своимъ громкомъ сосѣдѣ, не обращающіе ни малѣйшаго вниманія на покой ближняго. Особенно безцеремонны въ этомъ отношеніи картежные проки, между которыми есть, говорятъ, и гоголевскіе игроки, извѣжающіе сюда ловить рыбу въ мутной водѣ: они устраиваютъ тѣлыя оргіи по ночамъ, и бѣда больнымъ сосѣдямъ, которые хотять покойно уснуть. Попробовали бы эти герои такъ дебоширничать гдѣ-нибудь на заграничныхъ водахъ! Ихъ сейчасъ же выпроводили бы вонъ изъ города. Здѣсь же за спокойствіемъ больныхъ никто не наблюдаетъ.

Кромѣ картежныхъ игроковъ, здѣсь еще бѣда отъ собачничовъ. Въ паркѣ не безопасно ходить, особенно дѣтямъ, отъ множества собакъ, которыхъ водятъ за собой посѣтители водъ, а

часто и мѣстные жители. Не будемъ распространяться о разныхъ неудобствахъ этого изобилія собакъ, но не можемъ не сказать, что одинъ господинъ устроилъ въ паркѣ, на глазахъ всей почтеннѣйшей публики, травлю свиней своимъ бульдогомъ. Къ его бульдогу присоединилась цѣлая стая собакъ; поднялся страшный, раздражающій душу визгъ терзаемыхъ собаками поросятъ, и никто съ мѣста не двинулся, чтобы прекратить эту отвратительную сцену или дать знать объ этомъ мѣстной распорядительной власти. Оздобленные собаки и свиньи могли, наконецъ, броситься и на людей, которые бы имъ попались на встрѣчу. Какъ, спросить насъ, могли появиться въ паркѣ свиньи? На это отвѣтить очень легко: паркъ не со всѣхъ сторонъ плотно огороженъ, а надзора за нимъ, очевидно, мало. Вотъ и весь секретъ появленія свиней среди гуляющихъ.

Кисловодскъ лежитъ въ ущельи, укрывшись отъ всѣхъ непогодъ и вѣтровъ высокими горами. Зелени въ немъ, кромѣ роскошнаго парка, довольно мало, между тѣмъ на этомъ жгучемъ солнцѣ, и на этой благодатной почвѣ, не только все поселеніе, но и окружающія его горы могли бы быть залиты зеленью. Теперь же эти великаны стоятъ почти совершенно голые: ихъ покрываетъ одна только трава, на которой пасутся огромныя стада скота, почти круглый годъ на подножномъ корму. Здѣшній скотъ даетъ и вкусное мясо, и тонкую шерсть, и хорошую породу лошадей. Конечно, все это могло бы быть несравненно лучше при болѣе развитіи мѣстныхъ жителей, которые не умѣютъ развести даже порядочныхъ садовъ и всѣ лучшіе мѣстные плоды сами получаютъ изъ другихъ мѣстъ.

Окрестности Кисловодска можно назвать прелестными по своей дикой красотѣ. Безконечныя грады горъ, на которыхъ, что ни новый шагъ, то новый видъ. Долины между горами такъ роскошны, что невольно хочется обратиться въ ветхозавѣтнаго пастыря, чтобы только подышать этимъ чистымъ горнымъ воздухомъ подъ этимъ чудно-голубымъ небомъ. Мы нарочно ѣздили верстъ за 12, по направленію къ Рымъ-горѣ, чтобы доставить себѣ это наслажденіе. Этотъ день, проведенный въ прелестной долинѣ у подошвы огромной горы, на берегу журчащаго горнаго ручья, среди добрыхъ пріятелей—мы не забудемъ никогда. Привѣтливый ручеекъ далъ намъ за наше пилигримство такую уху изъ форелей, нами наловленныхъ въ нѣсколько минутъ, какой, вѣроятно, не удастся нигдѣ попробовать въ другой разъ.

Нѣкоторые посѣтители ѣздили дальше насъ любоваться видами, именно верстъ за 40 отъ Кисловодска, на возвышенность,

называемую Бермамутъ. Отсюда, въ ясное утро видѣнъ весь хребетъ кавказскихъ горъ, раздѣляющихъ Кавказъ на Передкавказье и Закавказье. Говорятъ, зрѣлище этого хребта съ его снѣжными вершинами вполнѣ искушаетъ всѣ трудности дальняго пути и неудобства мѣстной гостинницы, которую выстроилъ какой-то добрый человѣкъ, кажется, больше изъ состраданія къ путешественникамъ, чѣмъ изъ личныхъ выгодъ, потому что посѣтителей тамъ бываетъ все-таки очень мало. Подъемъ на эту возвышенность въ экипажѣ очень труденъ; удобнѣе ѣхать верхомъ; но во всякомъ случаѣ надо запастись теплымъ платьемъ, ибо чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе становится въ воздухѣ.

Окончимъ наши замѣтки пожеланіемъ Кисловодску, щедро-надѣленному всѣми благами природы, большаго развитія во всѣхъ отношеніяхъ. Пусть онъ обратится съ одной стороны въ цвѣтущій городокъ, съ другой — въ собраніе дачъ, какія теперь строятся въ Швейцаріи и Италіи. Здѣсь лѣто не жаркое, а осень — лучшее время въ году. Воздухъ и прѣсная вода превосходные, почва плодородная, окрестности живописныя. Чего же больше желать? Здѣсь можно наслаждаться жизнью въ своей средѣ. Нужно только получше взяться за дѣло и устроить жизнь почтительно.

ИВАНОВЪ.

1-го сент. 1875.

О Ч Е Р К И

КОКАНСКАГО ХАНСТВА

Еще очень недавно, на нашей такъ-сказать памяти, Коканское ханство считалось самымъ обширнымъ изъ всѣхъ независимыхъ владѣній въ Средней Азiи. Хотя его ханы не пользовались, въ мусульманскомъ мiрѣ и въ глазахъ своихъ подданныхъ, тѣмъ значенiемъ, которое издавна было присвоено этимъ мiромъ главѣ его—бухарскимъ эмирамъ, но тѣмъ не менѣе власть коканскихъ хановъ признавалась, въ бoльшей или меньшей степени, на всемъ пространствѣ нынѣшнихъ Русскаго Туркестана (безъ Заравшанскаго округа) коканскихъ владѣній, Баратегина, Дарваза, Кулба, Шугнана, Вахана и даже (короткое время) Капшгара.— Историческiя событiя, въ которыхъ на долю насъ, русскихъ, выпала самая значительная роль, низвели Коканское ханство до весьма ничтожныхъ, сравнительно съ прежними, размѣровъ. Въ настоящее время ханство это заключаетъ въ себѣ только одну, довольно обширную впрочемъ, долину въ среднеазиатскомъ нагорьѣ, прорѣзанную рѣкою Сыръ-Дарьей, и извѣстную, еще съ древности, подъ именемъ Ферганы, т. е., иначе говоря, обнимаетъ, съ лежащими горами, пространство градуса въ четыре по долготѣ и градуса въ два съ половиной по широтѣ (неполныхъ) и, слѣдовательно, не превосходитъ 1000 кв. геогр. миль, или пространства нѣкоторыхъ большихъ уѣздовъ (Астраханскаго, Чердынскаго) или средней величины губерний Россiи (Казанской, Смоленской, Тверской, Харьковской). Впрочемъ, равнинная и вмѣстѣ съ тѣмъ культурная часть ханства, лежащая, главнымъ образомъ,

къ югу отъ р. Сыръ-Дарьи, занимаетъ не болѣе 275 кв. геогр. миль, т. е. оволо четвертой части ханства. По свѣдѣніямъ покойнаго А. П. Федченко ¹⁾, у котораго я взялъ вышеприведенныя цифры, сказанная долина представляетъ довольно ровное степное пространство, имѣющее, впрочемъ, нѣсколько возвышеній, которыя, по сравненію съ окружающими долину горами, кажутся не болѣе, какъ холмами. На западѣ долина эта, небольшою полосою земли, верста въ десять шириною, соединяется съ общою степью, а на сѣверѣ, востокѣ и югѣ она замѣнута высокими горами, стоящими въ непосредственной связи съ тѣмъ обширнымъ среднеазиатскимъ нагорьемъ, для котораго усвоено названіе Тяньшана. Широкая горная масса отдѣляетъ эту долину, на сѣверѣ, отъ долины р. Таласа, другая, на югѣ, еще болѣе трудно доступная,—отъ бассейна Аму-Дарьи. Горы, лежащія на восточной границѣ ханства, не составляютъ отдѣльнаго хребта или кряжа, а представляютъ скорѣе окраину общаго нагорья, разстилающагося къ югу отъ оз. Иссыкъ-куля. Такимъ образомъ, описанная мѣстность носить почти исключительно горный характеръ, но тѣмъ не менѣе культурная и историческая жизнь Коканскаго ханства, какъ ниже увидимъ, сосредоточилась не въ горахъ, а у ихъ подошвы и на томъ ровномъ степномъ пространствѣ, гдѣ является возможность орошенія и воздѣлыванія продуктовъ, свойственныхъ осѣдой жизни.—Если стать на крышу коканскаго кремля или даже на крышу какого-нибудь возвышеннаго зданія въ городѣ, то общее очертаніе границъ ханства будетъ видно простому глазу. Почти кругомъ, какъ сказано выше, будутъ возвышаться, передъ глазами зрителя, предшествуемая низкими предгорьями, ромадныя, съ рѣзко очерченными формами, массы горъ, ясныхъ (длинныхъ, покрытыхъ снѣгомъ съ отдѣльными пиками, достигающими на югѣ до 15 т. футъ и болѣе высоты. Между этими рядами горъ тянутся мѣстами продолжныя, частію воздѣланныя, долины, а самыя гряды прорѣзываются поперечными, скалистыми ли покрытыми рѣдкою лѣсною растительностію, трещинами, по которымъ стекаетъ съ горъ множество обильныхъ водою рѣчекъ, гужащихъ главными источниками орошенія ханства, и потому почти никогда не достигающихъ Сыръ-Дарьи, единственной большой рѣки, входящей въ ханство изъ нашихъ предѣловъ, подъ изваніемъ Нарына, и, по соединеніи близъ г. Намангана, съ Малою Сыръ-Дарьей, получающей свое настоящее названіе. рошеніе, при посредствѣ разнообразной величины и ширины

¹⁾ Путеш. въ Туркестанъ (Изв. Им. Общ. любителей естествознанія, XI т., 7 кн.)

искусно развѣтвляющихся каналовъ (арыковъ) изъ скалистыхъ горныхъ рѣкъ и рѣчекъ, дало возможность превратить равнинную часть ханства въ богатый, хотя и не вездѣ сплошной, оазисъ, прерывчатый степными пространствами, вслѣдствіе недостатка орошенія, на правой сторонѣ Дарьи и разстилающійся непрерывною, на протяженіи около 250 верстъ, массою садовъ и полей— на лѣвой. Воздѣланныя пространства встрѣчаются также и въ горахъ — въ нижнихъ частяхъ продольныхъ долинъ и горныхъ склоновъ, но тамъ садоводства почти уже не встрѣчается, а обработка полей совершается преимущественно безъ орошенія, «подъ дождь» и «подъ яръ.» Верхнія части долинъ, съ ихъ обильною травяною растительностію, носятъ характеръ исключительно кочевой жизни: это — такъ-называемыя *яйлау* (лѣтовки), богатая пастбища, куда на лѣто уходятъ и живутъ съ своими стадами кыргызы и другіе кочевники.

Знаменитѣйшій изъ государей Средней Азій, Султанъ Баберь, оставившій намъ превосходныя собственноручныя записки о своей жизни, подробно и основательно описалъ, между прочимъ, и Фергану, въ которой, въ 1494 г., на двѣнадцати-лѣтнемъ возрастѣ своей жизни, онъ началъ свое, обильное разнообразными событіями, царствованіе. Вотъ какъ описываетъ Баберь мѣстность нынѣшняго Кованскаго ханства ¹⁾:

«Фергана—страна небольшихъ размѣровъ, но изобилующая зерномъ и фруктами. Со всѣхъ сторонъ она окружена горами, исключая запада—въ направленіи къ Самарканду и Ходженту—гдѣ горъ вовсе не встрѣчается. Съ этой только стороны и можетъ войти въ нее чужеземный врагъ. Сейхунъ (т. е. р. Сыръ-Дарья), извѣстная вообще подъ именемъ рѣки ходжентской, течетъ съ сѣверо-востока и, проходя черезъ всю страну, направляется къ западу. Протекая на сѣверѣ отъ Ходжента и на югѣ отъ Финиката (т. е. древняго Бенаventa), болѣе извѣстнаго теперь подъ именемъ Шахрохинъ, рѣка уклоняется потомъ къ сѣверу, къ Туркестану, гдѣ, непитаемая въ своемъ теченіи никакою другою рѣкою, она поглощается большою песчаною степью, лежащею ниже Туркестана, и въ ней пропадаетъ ²⁾). Въ этой странѣ находится семь округовъ, изъ которыхъ пять лежатъ на югѣ Сейхуна, а два на сѣверѣ. Изъ округовъ, расположенныхъ на южной сторонѣ, одинъ округъ, центральный, называется Ал-

¹⁾ По англійскому переводу Leydene'a и Ergakin'a: Memoirs of Zehir-ed-din Mahammed Baber. Lond. 1826 г.

²⁾ Едва ли стоить упоминать, что въ этомъ случаѣ Султанъ Баберь ошибается.

диджаномъ и служить столицею Фергана ¹⁾. Онъ изобилуетъ зерномъ и фруктами; его виноградъ и дыни превосходны и урожайны. Во время созрѣванія дынь ихъ даже не принято продавать на поляхъ: всякій можетъ пользоваться ими даромъ. Нигдѣ нѣтъ такихъ напбаты (грушъ) ²⁾, какія рождаются въ Андижанѣ. Послѣ Самарканда и Кеша (древнее названіе Шахрисабза) во всемъ Маверанагрѣ нѣтъ крѣпости, равной по величинѣ Андижану. Городъ имѣетъ трое воротъ. Крѣпость его расположена на южной сторонѣ города. Мельничныхъ канавъ, которыми входитъ вода въ городъ, девять. Замѣчательно при этомъ, что вся вода, входящая въ городъ, не выходитъ изъ него вовсе (т.-е. вся разбирается). Вокругъ крѣпости, по краю ея рва, облицованнаго камнемъ, проходитъ широкая мощеная дорога, а за ней расположены предмѣстья города, окруженные валомъ, идущимъ вдоль этой дороги. Округъ изобилуетъ звѣрями и дичью. Говорятъ, что фазаны его такъ жирны, что кушаньемъ, приготовленнымъ изъ одного фазана, могутъ насытиться четыре человѣка, и кушанья все еще останется. Жители страны — турки; ни въ городѣ, ни въ селеніяхъ нѣтъ никого, кто бы не понималъ по-турецки. Обыкновенная рѣчь народа такова, какъ и правильный книжный языкъ. Творенія Миръ-Али-Шира, прозваннаго Наваи, хотя онъ родился и процвѣталъ въ Гератѣ, написаны на этомъ нарѣчій. Жители замѣчательны своею красотою. Ходжа Юсуфъ, столь знаменитый своими познаніями въ музыкѣ, былъ уроженцемъ Андижана. Климатъ округа нездоровый; осенью господствуютъ лихорадки.

• Другой округъ есть Уль, расположенный въ юго-востоку, но болѣе на востокъ, отъ Андижана и отстоящій отъ сего послѣдняго на четыре фарсанга ³⁾ пути. При превосходномъ климатѣ, онъ обильно снабженъ текучими водами и чрезвычайно пріятенъ весною. Прелести Уша прославляются даже въ священныя преданія. На юго-восточной сторонѣ города возвышается прекрасной фигуры гора, по имени Бара-Когъ, на вершинѣ которой Султанъ Махмудъ-ханъ построилъ небольшой лѣтній домъ, а ниже его, на склонѣ холма, а выстроилъ въ 902 (1496—7) году обширный дворецъ съ волоннадомъ. Хотя первый расположенъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, однако же мною выстроен-

¹⁾ Теперь главный городъ ханства Коканъ, котораго тогда еще не было.

²⁾ Напбаты—груша, а не сортъ дыни, какъ думаютъ англійскіе переводчики.

³⁾ Фарсангъ, или, но-узбекски, тамъ (камень) бываетъ разной величины, вообще отъ 6-ти до 8-ми верстъ.

ный дворець гораздо пріятнѣе: изъ него видѣнь весь городъ, разстилающійся внизу съ своими предмѣстьями. Андижанская рѣка, окаймленная по обоимъ своимъ берегамъ смотрящимся въ воду садами, проходитъ черезъ эти предмѣстья и течетъ по направлению къ Андижану. Кромѣ нея, городъ обилень водопручьею. Весною здѣсь растутъ въ изобиліи тюльпаны и розы, и особенно красивы фіалки. У подошвы горы Бара-Когъ, между ею и городомъ, расположена мечеть, называемая мечетью Джуза, а съ верху горы стремится большой и широкій потокъ воды. Ниже внѣшняго двора мечети разстлана прелестный, зеленѣющій лугъ—мѣсто всегдашняго отдыха путешественниковъ и прохожихъ и всегдашнихъ шутовъ простого народа, спускающаго на этотъ лугъ изъ сказанной рѣчки воду на спящихъ тамъ путниковъ ¹⁾). Въ означенной горѣ, въ послѣднихъ годахъ царствованія Омера-Шейхъ-Мирзы, была найдена порода очень красиваго, тонко-струистаго краснаго съ бѣлымъ цвѣта камня, изъ котораго выдѣлывались черенки для ножей, застѣжки для поясовъ и т. п. вещи. По здоровому климату и красотѣ положенія, во всей Ферганѣ нѣтъ мѣста, подобнаго Ушу.

«Къ западу отъ Андижана, въ разстояніи семи фарсанговъ, лежитъ небольшой округъ, Маргинанъ (т.-е. Маргеланъ), замѣчательный своими гранатами и абрикосами. Одна порода гранатъ, называемая «дона-калянъ» (большое зерно), сладкаго съ кислотою вкуса, превосходить гранаты Семнана. Жители знаютъ средство вынимать зерна изъ зердалю (абрикоса) и вставлять на ихъ мѣсто миндаль, послѣ чего плодъ засыхаетъ, и, такимъ образомъ приготовленный, бываетъ очень пріятнымъ на вкусъ и называется «сейхани». Всякаго рода дичь здѣсь также очень хороша; въ окрестностяхъ водятся дикія вozy. Всѣ жители сарты, племя забіякъ, шумливое и буйное, извѣстное во всемъ Мавераннахрѣ по своему самохвалству и склонности къ дракамъ. Самые извѣстные борцы Самарканда и Бухары—маргинанцы. Авторъ «Гидая» (т.-е. Шейхъ-Бурханъ-Эддинъ-Али) былъ уроженецъ селенія Ражданъ, маргинанскаго округа.

«Другой округъ—Асфера, лежащій къ юго-западу отъ Маргинана, въ разстояніи девяти фарсанговъ, у подошвы горъ, изоби-

¹⁾ Это мѣсто кажется англійскимъ переводчикамъ не совсѣмъ яснимъ. Но въ подлинникѣ (по изданію Ильминскаго), съ которымъ я считалъ англійскій переводъ, оно совершенно понятно. Къ помянутому лужку, какъ это и теперь всегда бываетъ, изобрѣтено проведена была изъ горной рѣчки оросительная канава (арыкъ), временною загражденіемъ запора вода напускалась на лугъ.

луетъ горными потоками и красивыми садами, въ которыхъ особенно многочисленны миндальные деревья. Жители его горцы и сарты. Среди небольшихъ горъ, къ юго-востоку отъ Асферы, находится каменная плита, называемая «сангъ-айна» (зеркальный камень), шириною въ 10 газовъ ¹⁾ и высоту въ одномъ мѣстѣ— въ ростъ человѣка, а въ другомъ—въ его половину. Всѣ предметы видны въ ней, какъ въ зеркалѣ. Асфаринскій округъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, расположенныхъ у подошвы горъ. Одинъ есть собственно Асфера, другой—Варухъ, третій—Сухъ и четвертый Хушьяръ. Когда Могамедъ-Шейбани-Ханъ разбилъ Султана Махмудъ-хана и Улхи-хана ²⁾ и взялъ Ташкентъ и Шахрохию, я жилъ, около года, въ горахъ Суха и Хушьяра, въ большой крайности, и оттуда уже отправился въ Кабуль».

Затѣмъ Султанъ Баберъ даетъ столь же подробное описаніе находящагося нынѣ въ нашихъ предѣлахъ ходжентскаго округа, которое, какъ не относящееся къ дѣлу, я не перевожу, и перевожу къ слѣдующему затѣмъ округу.

«Канбадамъ, сосѣдній съ Ходжентомъ округъ, отстоящій отъ сего послѣдняго къ востоку на пять или на шесть фарсанговъ, не великъ по своимъ размѣрамъ, но очень красивъ. Его превосходнаго качества миндаль, отъ котораго этотъ округъ и получилъ свое названіе ³⁾, вывозится въ Индустанъ, Ормузь и другія страны. Между Канбадамомъ и Ходжентомъ тянется степь, называемая Хадервишь, въ которой господствуетъ чрезвычайно рѣзкій и пронзительный вѣтеръ, дующій постоянно либо на востокъ, по направленію къ Маргинану, либо на западъ, по направленію къ Ходженту. Рассказываютъ, что нѣсколько дервишей, встрѣтивъ въ степи этотъ вѣтеръ, разбились по-одиночкѣ, не могли найти другъ друга и погибли, крича: ха, дервишь, ха ервишь. Отъ этихъ словъ означенная степь и получила свое названіе.

«Изъ округовъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Сейхуна, одинъ есть Акси, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Аксиката. Отъ него востокъ Асиръ-ед-динъ прозывается Аксикати. Послѣ Андижана городъ Акси, отстоящій отъ него на девять фарсанговъ къ западу, считается самымъ значительнымъ городомъ во всей Ферганѣ. Омеръ-Шейхъ-Мирза сдѣлалъ его своею столицею. Рѣка

¹⁾ Въ подлинникѣ *кары*, т.-е. величина распростертыхъ, перпендикулярно къ туловищу, рукъ человѣка.

²⁾ Въ подлинникѣ—Алача-ханъ.

³⁾ Кентъ—городъ, бадамъ—миндаль.

Сейхунъ течеть подѣ стѣнами городскаго кремля, стоящаго на высокой стремнинѣ, крутая рывина которой служить ему ровомъ. Когда Омеръ-Шейхъ-Мирза сдѣлалъ городъ своею столицею, онъ два раза двѣсварпировалъ эту рывину съ наружной стороны кремля. Акси — самая сильная крѣпость во всей Ферганѣ. Предмѣстья города отстоятъ отъ него нѣсколько далѣе, чѣмъ на законную мѣру. Поговорка — «гдѣ вашъ городъ и гдѣ ваши сады» ¹⁾ примѣняется въ Акси въ особенности. Дыни здѣсь превосходны, особенно одинъ ихъ сортъ, называемый «таймури»: такихъ дынь не существуетъ во всемъ мѣрѣ. Хотя бухарскія дыни также знамениты, но, послѣ взятія мною Самарканды, когда я приказалъ привезти дыни изъ Бухары и Акси, и подать ихъ на одномъ пиру, то эти послѣднія оказались безъ всякаго сравненія лучшими. Акси изобилуетъ также мѣстами для охоты съ собаками и соколами. Между городомъ и Сейхуномъ находится степь, въ которой водятся дикія вомы, а въ мѣстности, лежащей въ сторону Андижана и покрытой гребеньщикомъ, встрѣчается много сайгъ, мараловъ, фазановъ и зайцевъ, чрезвычайно жирныхъ.

«Другой округъ на сѣверѣ Сейхуна, Касанъ — незначителенъ по своимъ размѣрамъ. Какъ андижанская рѣка течеть отъ Уша, такъ точно аксуйская рѣка идетъ отъ Касана. Климатъ Касана чрезвычайно хорошій, сады его очень красивы, и такъ какъ всѣ они расположены вдоль рѣки, по измѣностямъ ея береговъ, то мѣстность эта носить названіе «пуштинъ-пишъ-бурра» (т.-е. шуба изъ пяти барашковъ) и служить предметомъ спора между жителями Касана и Уша относительно красоты и климата ихъ округовъ.

«На доходы Ферганы, безъ отягощенія страны, можно содержать три или четыре тысячи челоуѣкъ войска».

Въ этому, замѣчательному по времени и личности автора, описанію Ферганы, или нынѣшняго Коканскаго ханства, можно прибавить только одно, что послѣ трехъ съ половиною вѣговъ, прошедшихъ со времени написанія означенныхъ записокъ, и послѣ десятилѣтняго, со времени занятія Ташкента, близкаго сосѣдства нашего съ Коканскимъ ханствомъ, мы знаемъ о немъ едва-ли не болѣе того, что передалъ намъ о своей родинѣ, въ живыхъ и художественныхъ очеркахъ, умный и любознательный азиатецъ. Самыя ошибки Бабера, какъ, напримѣръ, объ исчезновеніи

¹⁾ Города въ Средней Азии состоятъ обыкновенно изъ самаго города и окружающихъ его садовъ. Въ Акси, какъ видно, все это было перемѣнено.»

Сирь-Дарьи въ пескахъ за Туржестаномъ, и нѣкоторое, извинительное впрочемъ, преувеличеніе при описаніи природы и красоты своей родины, вполне окупаются подробностію и ясностію описаній, разнообразіемъ замѣченного, картинностію очерковъ. Въ этомъ отношеніи Султанъ Баберъ далеко оставляетъ за собою даже многихъ новѣйшихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ одного наблюдательнаго русскаго, который, посѣтивъ не давно Кашгаръ, сумѣлъ замѣтить въ немъ только одно: что «ванцеларскій порядокъ Якубъ-Бека находится на весьма низкой степени развитія, и потому есть большое основаніе предполагать, что отпусковъ съ исходящихъ бумагъ у него при дѣлахъ не оставляется».

Записки Султана Бабера, нашедшія себѣ прекрасныхъ переводчиковъ у англичанъ и французовъ, въ стыду нашему, на русскій языкъ до сего времени не переведены. Если бы, вмѣсто изданія для туземцевъ газетъ на сартовскомъ и киргизскомъ нарѣчіяхъ и разныхъ нигуда не годныхъ календарей, въ которыхъ мы высокоумно просвѣщаемъ туземцевъ о томъ, что перламутръ есть камень и что въ «Парансіи (т.-е. Франціи) есть «Тиръ» (т.-е. Тьеръ), а у насъ городъ «Кильсункипарса» (т.-е. Гельсингфорсъ), мы перевели и издали бы записки Бабера, то полагаю, что такое дѣло было бы несомнѣнно полезнѣе, во многихъ отношеніяхъ, водворенію киргизской прессы въ степяхъ Средней Азіи.

О населеніи Коканскаго ханства я не намѣренъ говорить здѣсь и именно потому, что общій характеръ двухъ главныхъ народностей, населяющихъ Среднюю Азію, узбековъ и таджиковъ, уже достаточно извѣстенъ изъ разныхъ сочиненій и между прочимъ изъ весьма хорошей статьи Гребенкина ¹⁾, а частныя особенности этихъ народностей, живущихъ собственно въ Коканскомъ ханствѣ, пока совершенно неизвѣстны. Могу съ своей стороны прибавить только одно, что, по своему географическому положенію на крайнемъ мусульманскомъ востокѣ, между язычниками китайцами, занимавшими нынѣшній Кашгаръ, горными племенами, плохими мусульманами, и киргизами, почти немусульманами, Коканское ханство не имѣло возможности, или еще не успѣло, сложиться по тому типу мусульманскаго общества и государства, рельефное проявленіе котораго мы видимъ въ Буарѣ. Поэтому въ коканскомъ народѣ, какъ я могъ замѣтить, гораздо меньше той фальши, скрытности, лицемерія, угодничества, напускной набожности и т. п., которая особенно рѣзко

¹⁾ „Узбеки и Таджики“, въ Туржестанскомъ сборникѣ.

проявляются въ характерѣ бухарцевъ. Въ дѣлахъ религіи воканецъ, хотя, повидимому, и менѣе набоженъ, чѣмъ бухарецъ, но за то гораздо искреннѣе и вѣротерпимѣе сего послѣдняго; въ общественныхъ сношеніяхъ онъ честнѣе, прямѣе и откровеннѣе бухарца. Въ частной жизни онъ менѣе деспотъ, болѣе семьянинъ и вообще гораздо сердечнѣе и добродушнѣе бухарца. Словомъ, въ немъ менѣе того, что сарты такъ удачно характеризуютъ словомъ «шасдакъ» (какъ лукъ), т.-е. той особенноти, что сколько разъ ни узнавай сарта, въ немъ, подобно обнажаемой луковицѣ, всегда остается нѣчто скрытое, которое нужно опять узнавать. Этими характерными особенностями населенія Коканскаго ханства объясняется, между прочимъ, и то обстоятельство, что въ ханствѣ этомъ, вообще говоря, почти не существовало рабства или, по крайней мѣрѣ, не было той открытой и беззащитной продажи людей на базарѣ, которая еще очень недавно существовала, а можетъ и теперь еще существуетъ въ Бухарѣ, и которую я самъ видѣлъ... Конечно, все мною сказанное о воканцахъ должно пониматься относительно, по сравненію съ другими среднеазиатцами, и мѣрится на мусульманскую, а не европейскую мѣрку.

Историческія свѣдѣнія о Коканскомъ ханствѣ, какъ всѣ вообще историческія свѣдѣнія азіатцевъ, весьма шатки и неопредѣленны. Никакихъ записей, лѣтописей, а тѣмъ болѣе историческихъ сочиненій, въ ханствѣ этомъ, сколько мнѣ извѣстно, не существовало и не существуетъ. Все немногое, что мы знаемъ объ его исторіи—было добыто изъ сочиненій нѣсколькихъ лицъ, посѣщавшихъ ханство, изъ разсмотрѣнія его монетъ и изъ распросовъ туземцевъ. Послѣдній источникъ—самый главный—даетъ наибольшее количество историческихъ свѣдѣній о ханствѣ, но, въ сожалѣнію, въ свѣдѣніямъ этимъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ потому, что въ Средней Азій лица, даже болѣе или менѣе образованныя (въ мусульманскомъ смыслѣ), бывшія не только очевидцами, но и участниками извѣстныхъ событій, сплошь и рядомъ не въ состояніи рассказать о нихъ, не перепутавъ время, мѣстъ, лицъ и обстоятельствъ, или не украсивъ своего разсказа какими-нибудь вымыслами и небылицами. О болѣе древнихъ временахъ и говорить нечего: тутъ одинъ отвѣтъ на всѣ вопросы: «кадымъ замандъ», т.-е. это было въ древнее время—нѣчто въ родѣ нашего «при царѣ Горохѣ». На этомъ обстоятельствѣ стбитъ нѣсколько остановиться. Наблюдая въ настоящее время населеніе Средней Азій, весьма трудно соста-

вить себя, изъ этихъ непосредственныхъ наблюдений, осязательную картину его прошлой жизни. Есть у него, правда, грандіозные архитектурные памятники и своеобразныя поэтическія сказанія, свидѣтельствующіе о бывшей у него когда-то совершенно иной, чѣмъ нынѣ, жизни, но на этомъ и кончается вся связь прошлаго съ настоящимъ. Теперешнее населеніе Средней Азіи до такой степени чуждо всѣмъ остаткамъ своего прошлаго, такъ далеко стоитъ отъ него по своему складу жизни, развитію, образованію и т. п., что непосредственному наблюдателю рѣшительно невозможно прослѣдить въ своемъ воображеніи историческую жизнь среднеазиатскихъ народовъ, связать ея начало съ концемъ. Ему не вѣрится, напримѣръ, чтобы эти, тонуція теперь среди лачугъ и грязи, величественныя и изящныя зданія, на которыя нынѣшнее населеніе смотритъ съ такимъ же безучастнымъ любопытствомъ, какъ и онъ самъ, были воздвигнуты нѣкогда не другимъ какимъ-нибудь народомъ, а предками того же самаго населенія, и чтобы это невѣжественное, трусливое, льстиво-угодливое населеніе торгашей-«халатниковъ» было потомками сильнаго и по-своему образованнаго народа. — Въ общей причинѣ равнодушія среднеазиатскаго населенія къ своему прошлому, объяснить которое можно развѣ тѣмъ, что самъ народъ никогда не жилъ историческою жизнью, что всѣ эти памятники не его, а его влстителей, и напоминаютъ ему не годы народной славы, а страданія и притѣсненія, — скрывается и частная причина: забвеніе своей исторіи. За то, среди такого круглаго историческаго невѣжества и отсутствія всякой любознательности относительно событій своего прошлаго, съ какимъ удовольствіемъ останавливаешься передъ тѣми, немногими и рѣдкими, къ сожалѣнію, личностями въ Средней Азіи, которыя, какъ напримѣръ бывший шахрисябзкій бекъ Джурабекъ, не только обстоятельно разскажутъ всякому желающему фактическую сторону того, что они видѣли и знаютъ, но и дадутъ еще, иногда воеобразное, но всегда интересное, подкрѣпленное ссылками на грошедшее, объясненіе внутренняго смысла событій.

Не желая уподобиться извѣстному путешественнику по Средней Азіи и историку Бухары, Арминію Вамбери, написавшему вое сочиненіе — какъ доказано проф. В. В. Григорьевымъ въ го превосходномъ разборѣ ¹⁾ этой исторіи—безъ знакомства съ аыми существенными источниками, я не беру на себя смѣлости злагать здѣсь древнюю исторію Ферганы, а ограничусь только

¹⁾ Жур. М. Н. II. 1873 г.

ближайшими къ намъ временами, свѣдѣнія о которыхъ разсѣяны въ разныхъ, иногда трудно доступныхъ, сочиненіяхъ, и получены мною самимъ отъ туземцевъ Средней Азіи.

Основателемъ управлявшей до сего времени Коканскимъ ханствомъ династіи считается *Нарбута-Бій*, изъ узбекскаго рода Мингъ, бывшій, какъ мнѣ передавали туземцы, старшимъ аксакаломъ г. Кована и потомкомъ какаго-то *Чумачъ-Бія*. Этого Нарбута-Бія, управлявшаго Коканомъ, по разсказу спутника англійскаго путешественника Муркрофта, Миръ-Иссеть-Уллы ¹⁾, въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, съ 1770 по 1800 г., Я. Ханьковъ ²⁾ отождествляетъ съ Ханъ-Ходжею, упоминаемымъ въ путешествіи въ Ташкентъ Поспѣлова и Бурнашева ³⁾, полагая, что имя Ханъ-Ходжа было только титуломъ Нарбуты. Чумачъ же Бій (изъ моихъ свѣдѣній) провидится въ имени Джамчи-Бія, котораго Ханьковъ ⁴⁾ называетъ отцомъ Нарбуты и потомкомъ Султана Бабера. Въ «Обозрѣніи Коканскаго Ханства въ нынѣшнемъ его состояніи» ⁵⁾ отцомъ Нарбуты названъ Абдраманъ-Батыръ, владѣтель г. Исфары, убитый владѣтелемъ г. Кована Эрдане-Беккомъ, убитымъ, въ свою очередь, Нарбутой въ отмщеніе за смерть отца. Какъ бы то ни было, но про основателя нынѣшней династіи коканскихъ хановъ, Нарбута-Бін, разсказывается, что онъ провелъ всю свою жизнь въ войнахъ съ сосѣдями и постепенно покорилъ Андижанъ, Наманганъ, Ушъ, Ходжентъ и другія, прилегавшія къ его владѣнію, мѣстности, составлявшія въ то время отдѣльныя и независимыя области. Впрочемъ, были ли покорены эти области именно Нарбутой — сказать трудно, такъ какъ исторія всѣхъ среднеазіатскихъ ханствъ и въ томъ числѣ Коканскаго (до самыхъ послѣднихъ дней) даетъ много примѣровъ тому, что область, завоеванная какимъ-нибудь однимъ ханомъ, становится независимою при его преемникѣ или отходить къ другому какому-нибудь хану и вновь завоевывается прежнимъ владѣтелемъ. Взаимныя набѣги и войны были такъ часты въ исторіи Коканскаго ханства, что, при недостаткѣ точныхъ свѣдѣній, весьма трудно опредѣлить, когда именно совершилось окончательное присоединеніе къ нему той или другой области. Несомнѣннымъ остается только одинъ фактъ, — что во всѣхъ этихъ войнахъ и набѣгахъ успѣхъ былъ, по преимуществу,

¹⁾ Travels in Central Asia. Calcutta. 1872 г.

²⁾ Вѣст. И. Р. Г. О. 1851 г. ч. 1-я, кн. 1-я.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Труды Вост. Отд. И. Арх. Об. ч. 2-я, стр. 119.

⁵⁾ Записки Рус. Геогр. Общ. 1849 г., кн. III.

на сторонѣ коканцевъ, вслѣдствіе чего Коканское ханство, въ продолженіе шестидесяти-пяти лѣтъ своего существованія (отъ Нарбуты до встрѣчи съ русскими), постоянно и весьма быстро разрасталось. Относительно послѣднихъ годовъ жизни Нарбуты свѣдѣнія разнорѣчивы: по однимъ оказывается, что въ 1799 г. онъ ходилъ войною на Ташкентъ, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и въ 1800 г. казненъ въ Ташкентѣ; по другимъ — что онъ умеръ естественною смертію вскорѣ послѣ завоеванія Ходжента, передавъ власть старшему сыну своему (а по другимъ свѣдѣніямъ — брату), Алимъ-хану. Въ «Обозрѣніи Коканскаго Ханства»¹⁾, между прочимъ, говорится, что при походѣ Нарбуты на Ходжентъ защитникомъ этого города былъ Ура-Тюбинскій владѣтель Худоаръ-Бекъ. Внуку этого послѣдняго, Абуль-Гафаръ-Бекъ, потерявшій въ послѣдній разъ свое бекство послѣ штурма Ура-Тюбе русскими войсками 2-го октября 1866 г., рассказалъ мнѣ много интереснаго объ исторіи своего бекства, бывшаго, почти ежегодно, яблокомъ раздора между Бухарой и Коканомъ. Исторія этой борьбы бросаетъ свѣтъ и на событія, происшедшія въ самомъ Коканскомъ ханствѣ. По словамъ Абуль-Гафара, во время ханствованія Нарбуты въ Коканѣ владѣтелемъ Бухары былъ Абуль-Фейзъ-ханъ, Шахрисябза — Бекъ Назаръ, Гиссара — Мухамедъ-Алимъ и Ура-Тюбе — Фазиль-Бій, умершій въ Самаркандѣ отъ ранъ шахрисябзаго похода, а послѣ него — сынъ его, вышеупомянутый Худоаръ. Во время правленія Фазила, Нарбута-Бій коканскій, и Рахимъ-ханъ бухарскій, приходили съ войскомъ подъ Ура-Тюбе, но не могли его взять и отступили. Вслѣдъ за отступившими коканцами погнался сынъ Фазила, Худоаръ, настигъ ихъ, разбилъ, вырѣзалъ 20 т. человекъ и изъ головъ ихъ сложилъ въ Ура-Тюбе пирамиду. — Преемникъ Нарбуты, старшій сынъ его Алимъ-ханъ, продолжалъ идти по стопамъ своего отца. При немъ Коканское ханство, какъ можно предполагать, увеличилось если не совершеннымъ приобрѣтеніемъ, то подчиненіемъ себѣ новыхъ областей и, кажется, въ ихъ числѣ Ташкента (въ 1803 или 1805 году). Исторія этого времени лучше всего рисуется въ судьбахъ Ура-тюбинскаго бекства, о которомъ, благодаря рассказамъ Абуль-Гафара, мы знаемъ нѣсколько больше, чѣмъ объ исторіи сосѣдняго съ нимъ Кокана. По словамъ рассказчика, по смерти его отца, Худоара, Ура-тюбинское бекство досталось брату Худоара, Баба-Беку Валями. Сынъ же Худоара, Бекъ-Мурадъ-Бекъ, братъ рассказчика, былъ пра-

¹⁾ См. выше.

вителимъ Ходжента. Желая завладѣть Ура-Тюбе, Бекъ-Мурадъ-Бекъ обратился съ просьбою о помощи къ ташкентскому беку Ювусъ-Ходжѣ ¹⁾ и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько дней осаждалъ Ура-Тюбе, но взять его не смогъ и отступилъ. Въ отмщеніе за это нападеніе, Баба-Бекъ, владѣтель Ура-Тюбе, и Омаръ-ханъ, второй сынъ Нарбуты-Бія коканскаго, прогнали Бекъ-Мурадъ-Бега изъ Ходжента. Вскорѣ потомъ онъ явился къ Баба-Беку съ повинною, но какъ только былъ прощепъ, тотчасъ же убилъ своего дядю, за что и самъ былъ убитъ дѣтьми Баба-Бега въ Самаркандѣ, куда онъ былъ вызванъ эмиромъ Саидомъ бухарскимъ. Въ заключеніе всей этой рѣзни старшій сынъ Нарбуты Бія, Алимъ, въ то время бывшій уже коканскимъ ханомъ, явился въ Ура-Тюбе съ войскомъ, присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ и поставилъ тамъ своего правителя, коканца Махмудъ-Аталыва. Но на этомъ дѣло не остановилось. Нѣкто Махмудъ-ханъ, племянникъ по матери Худояра-Бека, назначенный эмиромъ Саидомъ бухарскимъ правителемъ Санзара, пожелалъ захватить Ура-Тюбе для себя. Послѣ неудачнаго похода Алимъ-хана подъ Джизакъ, Махмудъ явился изъ Санзара и взялъ Ура-Тюбе. Случилось это въ послѣднихъ дняхъ ханствованія Аліи. Преемникъ его Омаръ поймалъ Махмудъ-хана, отправилъ его въ Коканъ, а въ Ура-Тюбе назначилъ своего правителя Раджапъ-Гальчи. Но черезъ три мѣсяца отецъ рассказчика, Маарани-Аталыкъ, правитель Пишагара, подчинивъ себѣ Зааминъ, вновь овладѣлъ Ура-Тюбе.—Я нарочно привелъ этотъ сухой рассказъ, чтобы дать понятіе, какъ жили, еще очень недавно, семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, среднеазиатскіе владѣтели и какъ сложилось Коканское ханство. Что происходило въ Ура-Тюбе, то повторилось и съ другими бекствами. Разницы почти не было.—Жилъ въ Ташкентѣ, для устройства завоеванной провинціи, Алимъ-ханъ узналъ, что противъ него составилъ заговоръ, имѣющій цѣлю лишить его жизни и передать власть родному его брату Омару, второму сыну Нарбуты. Долго медля принять рѣшительныя мѣры противъ заговорщиковъ, отправился наконецъ Алимъ-ханъ съ небольшимъ отрядомъ въ Коканъ, но въ ущельѣ Кендыръ-Тай былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья, посланнаго къ нему на встрѣчу джигита Омара, а по моимъ свѣдѣніямъ—былъ зарѣзанъ Майданъ-Юлдашемъ, приверженцемъ Омара, желавшимъ угоди́ть этимъ своему господину. Сказанное происшествіе случилось въ 1810 или 1812 году. По убіеніи Алимъ-хана власть надъ Ко-

1) При немъ въ Ташкентѣ были наши Поспѣловъ и Бурнашевъ.

вагомъ перешла къ его родному брату и виновнику его убійства Омару, ханствованіе котораго отличалось тѣмъ же характеромъ, какъ и его предшественниковъ, т.-е. постепеннымъ расширеніемъ своихъ владѣній. Во время правленія этого хана была завоевана, между прочимъ, Туркестанская область съ ея священнымъ у мусульманъ городомъ Азретомъ (Туркестаномъ) ¹⁾.— Омаръ-ханъ, умершій въ 1822 г., какъ вѣжета, былъ одинъ изъ любимыхъ народомъ хановъ. Мнѣ помнилось одно, очень распространенное въ Коканѣ, двустипіе, въ которомъ съ особенною теплотою и любовію говорится объ Омаръ-ханѣ. Преемникомъ Омара былъ старшій сынъ его Магометъ-Али (въ просторѣчій Мадали)-ханъ. Разнообразное по событіямъ правленіе этого хана намъ извѣстно гораздо болѣе, чѣмъ всѣ предшествующія. При Мадали-ханѣ, едва ли не въ первый разъ, обнаружилась въ Коканскомъ ханствѣ та борьба за господство и власть между двумя партіями—кочевниковъ-тюрьковъ и осѣдлыхъ сартовъ—которая составляетъ главную характеристическую черту въ исторіи этого ханства за послѣднее время. Слѣдствіемъ этой борьбы были гибель самого Мадали-хана, безконечныя убійства и страшная рѣзня кочевниковъ при первомъ ханствованіи Худоара, убійство Маалы-хана, смуты во время прихода русскихъ въ Среднюю Азію и, наконецъ—нынѣшнія событія въ ханствѣ и бѣгство Худоара-хана въ наши предѣлы.

Мадали-ханъ началъ свое правленіе тѣмъ, что выслалъ за границу многихъ родственниковъ своихъ, навлекшихъ на себя его подозрѣніе. Та же участь готовилась и младшему его брату, Султану Махмуду, успѣвшему однакожъ во-время скрыться изъ Кокана въ Шахрисабзъ, гдѣ онъ женился на дочери владѣтеля этого бекства и, сдѣланный впоследствии правителемъ принадлежащаго Бухарѣ Урамитана, постоянно поджигалъ бухарскаго эмира въ войнѣ съ Коканомъ. Я не стану рассказывать здѣсь о войнѣ Мадали съ китайцами въ Кашгарѣ, въ которой онъ поддерживалъ противъ сихъ послѣднихъ прежнихъ, мусульманскихъ, вла-

¹⁾ Въ мечети г. Туркестана хранятся останки популярнѣшаго святаго Средней Азіи, Ходжа-Ахметъ-Ясави. При этомъ не лишнимъ замѣтить, что въ мусульманскомъ мірѣ есть, такъ сказать, святые аристократическіе и демократическіе, святые плановъ и мулъ, и святые простого народа. Первыми полны Самаркандъ и Бухара, ко вторымъ принадлежитъ, между прочими, Ходжа-Ахметъ-Ясави. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, плохо понимаемъ это различіе. Какія-нибудь крохи на поправленіе мечети Ясави привлекли бы къ намъ гораздо больше сердца народа, чѣмъ пожертвованія, напримѣръ, на мазаръ Тимура, на половину украденное святыми благодѣтелями его праха.

дѣтелей Кашгара, а также о походахъ его въ Каратегинъ, Булябъ, Дарвазъ, Шугнанъ, окончившихся присоединеніемъ этихъ горныхъ владѣній къ территоріи Кокана; я остановлюсь только на войнѣ Мадали съ Бухарой, такъ какъ поводомъ къ этой войнѣ были внутреннія событія Коканскаго ханства, а слѣдствіемъ — паденіе и убіеніе Мадали и продолжительныя смуты, тянувшіяся, съ небольшими перерывами, до самаго прихода въ Среднюю Азію русскихъ. Рассказываютъ, что первые годы ханствованія Мадали-хана отличались дѣятельностію и благоразуміемъ, но потомъ, въ 1840 году, послѣ казни главнаго совѣтника хана мингбашія (т. е. тысяченачальника или главнаго лица ханства), Хакъъ-булы, все круто измѣнилось: ханъ пересталъ заниматься дѣлами и проводилъ все свое время въ гаремѣ. Результатомъ такого положенія дѣлъ явились страшныя злоупотребленія въ управленіи, общее недовольство и, наконецъ, заговоръ противъ хана вліятельныхъ лицъ ханства, желавшихъ избрать себѣ другаго хана и пригласившихъ для этого къ себѣ на помощь бухарскаго эмира съ вспомогательнымъ войскомъ. Эмиръ Нассрулла, давно уже искавшій предлога къ походу на Коканъ, съ которымъ онъ за это время уже не разъ воевалъ и мирился, съ радостію принялъ приглашеніе, и въ 1842 г., явился подъ стѣнами Кокана, оправдывая свой приходъ яко бы наказаніемъ Мадали за то, что онъ женился на своей родной мачихѣ. Вслѣдъ затѣмъ Коканъ былъ занятъ, Мадали и часть его семейства убиты, а все Коканское ханство присоединено къ бухарскимъ владѣніямъ, подъ управленіемъ намѣстника. Разумѣется, при этомъ переворотѣ, какъ всегда бываетъ въ Средней Азіи, дѣло не обошлось безъ грабежа и всяческихъ насилій: эмиръ отдалъ городъ на разграбленіе, и четыре дня предавались его воины всякимъ неистовствамъ и буйствамъ въ добровольно отдавшемся имъ городѣ. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла въ Коканѣ, возвратился торжествующій эмиръ домой, въ Бухару, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что все его недавнее завоеваніе потеряно. Освободителями Коканскаго ханства явились кипчаки, которые съ этого времени и приобрѣли, на долгое время, первенствующую роль въ ханствѣ. Приглашенные жителями Кокана освободить ихъ отъ бухарскаго владычества, кипчаки, во главѣ со скрывавшимся у нихъ родственникомъ Мадали-хана, Ширъ-Али, тотчасъ же двинулись къ Кокану, избили бухарцевъ и провозгласили Ширъ-Али ханомъ. Узнавъ о случившихся въ Коканѣ происшествіяхъ, эмиръ Нассрулла, осенью того же 1842 года, вновь отправился войною на Коканъ, но на этотъ разъ по

ходъ былъ безъ успѣха: одинъ изъ кипчаковъ, по имени Мусульманъ-кулъ, а по прозвищу Чулакъ, т.-е. калѣка, бывшій при Мадали-ханѣ юзбаши (сотникъ), съумѣлъ вѣраться въ довѣрiе Нассруллы и обмануть его. Получивъ отъ сего послѣдняго позволенiе поѣхать въ Коканъ и уговорить жителей сдаться, Мусульманъ-кулъ, напротивъ того, началъ убѣждать коканцевъ биться до послѣдней капли крови. Совѣтъ былъ принятъ, средства обороны усилены, вылазки начали повтораться безпрестанно, и, послѣ сорока дней осады, эмиръ Нассрулла, испуганный извѣстiемъ о составившемся противъ него заговорѣ и о нападенiи хивинцевъ на пограничныя бухарскiя селенiя, принужденъ былъ снять осаду Кокана и возвратиться въ Бухару. Съ удаленiемъ бухарцевъ миръ и тишина водворились въ Коканскомъ ханствѣ. Ширъ-Али-ханъ, въ то время довольно пожилой уже человекъ, оказался правителемъ добрымъ и кроткимъ ¹⁾. Онъ носилъ прозвище «пустыякъ» (т.-е. мѣховой коврикъ для обтирки ногъ, а въ переносномъ смыслѣ — тряпца), и всѣ влиятельные кипчаки, само собою разумѣется, заняли всѣ государственныя должности и взяли въ свои руки все управленiе ханствомъ. Такъ продолжалось дѣло до 1845 года, когда нѣкто Муратъ, сынъ поименованнаго выше Алимъ-хана (а не Ходжи-Бiя, какъ находится въ большинствѣ русскихъ извѣстiй), скитавшiйся до того времени въ Шахрисабзѣ, Хивѣ и Бухарѣ, подстрекаемый эмиромъ Нассруллою, явился съ бухарскимъ отрядомъ въ Коканъ, убилъ Ширъ-Али и провозгласилъ себя намѣстникомъ эмира. Муратъ владѣлъ Коканомъ всего нѣсколько дней — до прихода отлучавшагося въ это время въ Наманганъ Мусульманъ-кула. — Для пониманiя дальнѣйшихъ событiй ханства, необходимо знать, что послѣ Ширъ-Али-хана, отъ двухъ его женъ, осталось пять сыновей: Сарымсакъ, Суфи-Бекъ, Малля-Бекъ, Худояръ и Султанъ Муратъ. Узнавъ о случившемся въ Коканѣ переворотѣ, Мусульманъ-кулъ, захвативъ съ собою Худояра, который былъ въ то время правителемъ Намангана, немедленно двинулся въ Кокану, ворвался въ городъ, казнилъ Муратъ-хана

1) Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ и поэтомъ. Вотъ одно изъ стихотворенiй, характеризующее его музу:

Адаъ буддиръ ханларъ чикса агмуръ агаръ;

Санъ на ханъ санъ? кыга чиксанъ халкъ кузинданъ канларъ агаръ.

Т.-е., пошлiе таково: если ханы со двора выходить, дождь идетъ (т.-е. благополучiе льется); ты что за ханъ? если ты со двора выходишь, изъ глазъ народа кровь льется.

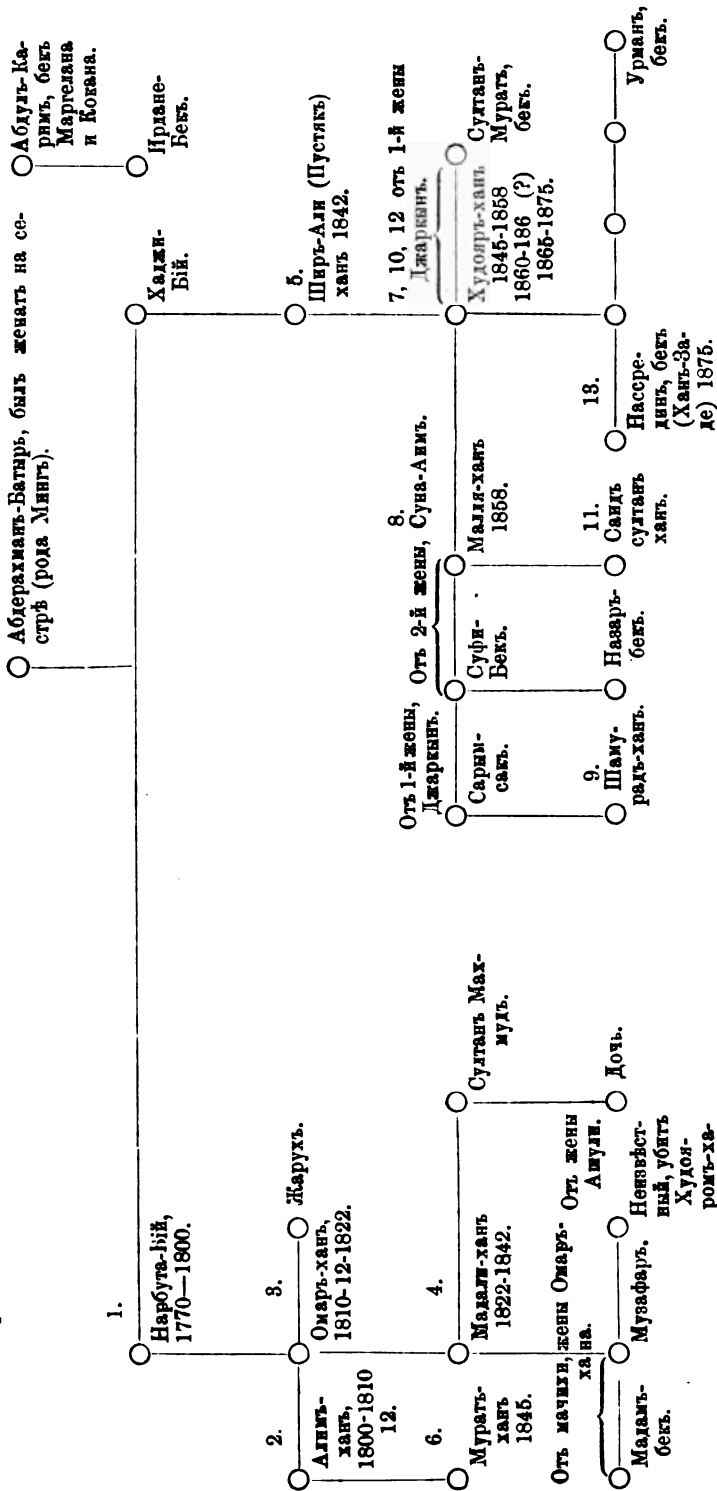
и поставилъ на ханство Худояра. Затѣмъ, зная о намѣреніи Сарымсака, управлявшаго тогда Ташкентомъ, заступитъ мѣсто своего отца, онъ измѣннически пригласилъ его въ Коканъ и на дорогѣ, между этимъ городомъ и Ташкентомъ, приказалъ убить его своимъ людямъ. Съ этого времени, т.-е. съ перваго ханствованія Худояра (1845 г.) до 1853 г., началось въ Коканѣ исключительное господство кипчакской партіи. Пользуясь молодостію хана, которому въ то время было не болѣе 16-ти лѣтъ, Мусульманъ-булъ управлялъ ханствомъ почти самоглавно. Рассказываютъ, впрочемъ, что правленіе его, называемое противно, сартовскою, партіею страданіемъ подъ игомъ кипчаковъ, вовсе не было дурнымъ для народа, ибо строгій и суровый Мусульманъ-булъ былъ, по-своему, довольно справедливымъ правителемъ и хорошимъ хозяиномъ ханства. Все несчастье его управленія заключалось не въ немъ самомъ, а въ общей, издавна существовавшей ненависти къ кипчакамъ и вообще къ кочевникамъ осѣдлой сартовской партіи, состоявшей въ большинствѣ изъ таджиковъ, болѣе образованной и развитой (въ мусульманскомъ смыслѣ) и болѣе развращенной. Видѣть себя въ рукахъ кочевниковъ чуждаго племени, грубыхъ и мало развитыхъ, плохихъ мусульманъ, — было для этой партіи верхомъ униженія. Взаимная ненависть, вызываемая обоюдными оскорбленіями и насиліями, росла ежегодно и, благодаря сартовскому характеру сего хана, о которомъ будетъ сказано ниже, окончилась казню Мусульманъ-була и страшною рѣзней кипчаковъ, варо-ломеевскою ночью Средней Азіи. Настало господство сартовъ, продолжавшееся до 1858 г., до перваго бѣгства Худояра. Время самостоятельнаго управленія Худояра съ его любимцами, сартами, отличалось тѣми же чертами, какъ его послѣднее ханствованіе — нестѣсняемыми нивагой опекой удовольствіями въ мусульманскомъ родѣ, притѣсненіями народа и полнымъ отсутствіемъ вниманія къ его нуждамъ и потребностямъ. Между тѣмъ, съ сѣвера двигалась новая, невѣдомая еще сила, русскіе, забирая, пока медленно, но прочно, нижнее теченіе Сыръ-Дарьи. Важности и значенія этого движенія Худояръ-ханъ, конечно, понять не могъ, а тѣмъ болѣе не могъ предвидѣть его послѣдствій. Тѣмъ не менѣе, не безъ основанія опасаясь русскихъ, онъ послалъ управлять Ташкентомъ и наблюдать за русскими брата своего Маля-хана, который, считая себя болѣе законнымъ, чѣмъ Худояръ, наслѣдникомъ Коканскаго ханства, сдумалъ, съ помощью кочевниковъ, устроить свое дѣло такъ, что въ одинъ прекрасный день торжественно объявилъ себя ханомъ, возмутился противъ своего младшаго

брата, на-голову разбилъ высланное противъ него войско и овладѣлъ Кобаномъ. Худояръ бѣжалъ въ Бухару къ эмиру Нассрул-лѣ, а потомъ переселился въ Джизавъ и занялся болѣе скромными занятіями—торговлею и каравешествомъ (т.-е. поставкою верблюдовъ, павозничествомъ). Малля-ханъ и вновь возродившаяся партія кочевниковъ съ новымъ ея предводителемъ, кипчакомъ Алимъ-куломъ, извѣстнымъ борцомъ съ русскими, убитымъ за нѣсколько времени передъ штурмомъ Ташкента, властвовали не долго, оволо двухъ лѣтъ. По зависти ли къ Алимъ-кулу, пользовавшемуся огромнымъ вліяніемъ на хана, или по какой-нибудь, неизвѣстной еще причинѣ, но лица это же самой партіи, кипчаки: Чотанъ пансадъ, (пятидесятникъ), Рисали пансадъ, Хыдыръ-Али ишиезъ-агаси (букв. начальникъ дверей, камергеръ), и ташкентцы: Худай-Назаръ и Шадыманъ Ходжа, составили противъ хана заговоръ, и въ одну ночь, когда ханъ (по разсказу его доктора, моего знакомаго Ассадулабека, живущаго теперь въ Ташкентѣ), выпивъ на ночь одуряющаго напитка изъ мавовыхъ головокъ (куенара), отправился спать, ворвались въ его спальню (предварительно заперевъ доктора въ его комнату) и изрубили его саблями, избравъ, на другой день, ханомъ 16-ти-лѣтнаго юношу Шамурата, сына упомянутаго выше Сарымсака, старшаго брата Малля-хана. Дальнѣйшій разсказъ я приведу со словъ очевидца, вышеуказаннаго доктора Ассадулабека и жены Малля-хана, Джанеттъ, также живущей теперь въ Ташкентѣ. Тотчасъ послѣ сказанныхъ происшествій правитель Туркестана Канаатъ-ша, а также и убійца Малля-хана, Шадыманъ Ходжа, возвратившійся въ Ташкентъ, написали письма въ Джизавъ къ Худояръ-хану и обѣщали возвратить ему ханство. Худояръ тотчасъ же явился добывать ханство, но пришелъ безъ войска и даже безъ приближенныхъ. Все предвѣщало продолжительныя смуты. Лицомъ къ лицу становились двѣ издавна враждебныя партіи, съ равною силою и равнымъ значеніемъ: съ одной стороны Худояръ, надежда партіи сартовской, съ другой—Шамуратъ или, вѣрнѣе, Алимъ-кулъ съ кипчаками. Дѣйствія начались со стороны послѣднихъ. Объявивъ поголовное ополченіе (кыль-куйрюкъ), Шамуратъ-ханъ двинулся къ Ташкенту съ огромнымъ войскомъ, въ числѣ котораго находились, между прочимъ, и убійцы Малля-хана. Однакожъ, несмотря на многочисленность войска, ярость приступовъ, отважность предводителей, Ташкентъ не сдался, и Шамуратъ-хану пришлось идти обратно. Вслѣдъ за отступившими двинулся и Худояръ и нагналъ Шамурата, переправившагося уже за Дарью близъ мѣстечка Самгара, на этой сторонѣ рѣки. Такой успѣхъ Худояръ-

хана произвелъ то, что въ войскѣ Шамурата тотчасъ же явилась измѣна: первый примѣръ ей подали тѣ самыя лица, которыя убили Малля-хана; они написали письма къ Худояру и рѣшились перейти на его сторону. Тогда Алимъ-куль, только-что пришедшій изъ Андиждана, приказалъ немедленно оцѣпить хана (Шамурата) стражей и въ его присутствіи произвелъ кровавую расправу съ измѣнниками: Хыдыръ-Али, Худай-Назаръ, Чоталъ и Рисали были немедленно зарѣзаны. Но и это не помогло: войско разбѣжалось, а Худояръ-ханъ вошелъ торжествующимъ въ Коканъ. Всѣ эти обстоятельства только разжигали взаимную ненависть партій, усиливая общее смятеніе. Шамуратъ-ханъ и Алимъ-куль бѣжали сначала въ Маргеланъ, потомъ въ Яр-Мазаръ, причѣмъ первый будто бы былъ взятъ въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Ташкентъ. Наконецъ, нѣкто мирва Ахметъ, бывшій нѣкогда правителемъ Ташкента и играющій теперь большую роль въ Кашгарѣ, провозгласилъ ханомъ какого-то Шаруха. Словомъ, смятеніе было полное. Не надѣясь съ нимъ справиться и испытать уже подъ стѣнами Кокана битву съ вновь усилившимся Алимъ-куломъ, Худояръ-ханъ обратился за помощію къ теперешнему бухарскому эмиру Музаффаръ-Эддину, который прислалъ къ нему сначала войско, а потомъ пріѣхалъ самъ. Началась мелкая, отдѣльная рѣзня почти на всѣхъ пунктахъ. Войска эмира доходили до Уша и Узгента, но восстанія не усмирили. Поэтому, или по какимъ-либо другимъ соображеніямъ, но вслѣдъ за тѣмъ эмиръ быстро измѣнилъ свою политику: помирился съ Алимъ-куломъ, прислалъ ему подарки—золотую палку, тубетейку, шапку, поясъ и прекрасный коранъ, и увелъ свои войска изъ Кокана. Освободившись отъ самаго главнаго и сильнаго врага, Алимъ-куль немедленно взялъ Коканъ и сдѣлалъ ханомъ Саидъ-Султана, сына Малля-хана. Худояръ-ханъ опять бѣжалъ въ Бухару. Повидимому, для Алимъ-кула и его партіи настало наконецъ спокойное время, которымъ онъ и началъ-было пользоваться для приведенія въ порядокъ дѣлъ ханства и уничтоженія навсегда силъ противной ему партіи; но время это было недолго: съ сѣвера надвинулись русскіе, въ борьбѣ съ которыми, 9 мая 1865 г., ему суждено было погибнуть, а съ запада пришелъ эмиръ, занялъ Ходжентъ, и вновь посадилъ въ Коканѣ Худояра.

Въ заключеніе, я прилагаю здѣсь, не лишнюю нѣкотораго интереса, редесловную табличку коканскихъ хановъ, составленную мною по мѣстнымъ распросамъ. За полную ея вѣрность поручиться не могу.

Чумаць-Бій, Джарги-Бій, попомокъ Ба-
беръ.

Примечаніе. Пифри нахъ именами хановъ показывають престолъ ханства.

Запертое отъ всего образованнаго міра физическими и духовно-нравственными преградами, мусульманское население Средней Азіи, въ продолженіе многихъ вѣковъ, вело жизнь совершенно исключительную, непохожую на жизнь прочихъ народовъ. Кореннымъ основаніемъ этой жизни служилъ и служить, какъ извѣстно, религіозный кодексъ, «шаріатъ»¹⁾—буквально «путь» для достиженія цѣли, указанной Богомъ каждому мусульманину, — опредѣляющей всѣ проявленія жизни сего послѣдняго, отъ рожденія до смерти, и излагающей права и обязанности мусульманъ по отношенію къ Богу, самому себѣ и другимъ лицамъ. Подъ вліяніемъ этого кодекса, конечно, съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнившагося противъ своего первоначальнаго типа, и при отсутствіи, внѣ шаріата, всякой умственной жизни и движенія²⁾, мусульманское население Средней Азіи сложилось въ весьма компактное и однообразное общество, съ своеобразнымъ бытомъ и особымъ міромъ понятій, идей, нравственныхъ правилъ и міровоззрѣній³⁾. При этомъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ мусульманскомъ обществѣ должны были выработаться и свои особые, ему только свойственные, идеалы человѣка вообще и правителя страны въ особенности. Такихъ идеаловъ правителя страны существуетъ въ Средней Азіи, если я не ошибаюсь, два, весьма различныхъ по своему характеру, краскамъ и обрисовкѣ. Очень можетъ быть, что въ созданіи ихъ, кромѣ указанныхъ причинъ, участвовало и племенное различіе въ характерахъ двухъ

¹⁾ Шаріатъ, по своему составу и характеру, представляетъ систематически разработанное арабскими учеными каноническое и гражданское право мусульманъ, насколько оно проявилось въ основной книгѣ мусульманства—коранѣ. Поэтому, шаріатъ не есть названіе какой-нибудь одной книги, а содержаніе многихъ книгъ, излагающихъ права и обязанности мусульманъ. Въ Средней Азіи шаріатъ практикуется по книгѣ, называемой „Мухтессеръ-уль-викаать“, въ Индіи—по сборнику „Гадал“, въ Турціи—по „Мультека“.

²⁾ Не только всякое мусульманское сочиненіе, о какомъ бы предметѣ оно ни говорило (даже объ услдѣ женщинъ, газети ниса—книга, которую я самъ видѣлъ), всегда начинается религіознымъ предисловіемъ, и даже представленіе масгарабаз (шута), дарваза (канатнаго плясуна, фокусника и т. п.) постоянно предшествуется и оканчивается молитвод.

³⁾ Читавшаяся нѣкогда ради забавы и давно уже забытая прелестная книга Моріера „Мирза-Хаджи-Баба въ Исфагани“, должна бы была получить, въ настоящее время, для насъ, русскихъ, заваявшихъ осѣдлыя мѣстности Туркестана, особое значеніе. Такого глубокаго знанія мусульманской природы и такого мастерскаго и художественнаго сопоставленія мусульманскихъ идей съ европейскими, какія находятся въ этомъ романѣ, едва ли найдется въ самыхъ ученыхъ и серьезныхъ сочиненіяхъ. Одинъ очень умный востоковѣдъ говаривалъ мнѣ, что книгу Моріера слѣдовало бы давать, прежде всякой инструкціи, всѣмъ отправляющимся изучать Востокъ.

господствующихъ народностей Средней Азии—таджиковъ и узбековъ, какъ это видно, напримѣръ, въ народной (а не книжной) легендѣ о царевнѣ Ширинѣ и ея двухъ женихахъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ характерныя черты обоихъ племенъ высказались съ особенной рельефностью. Одинъ изъ народныхъ идеаловъ рисуется власть какъ ученаго и святого, строгаго исполнителя «шаріата», суроваго святошу, скупого въ своей частной жизни, но щедраго на дѣла милосердія и духовнаго просвѣщенія, воинственнаго не ради своей собственной славы, а ради дѣлъ божіихъ. Таковымъ, если не на самомъ дѣлѣ, то въ воспоминаніи народа, былъ, напримѣръ, Шамуратъ, ханъ бухарскій, и таковымъ же старается быть теперешній Якубъ-бекъ (или Бадаулетъ и эмиръ) кашгарскій. Другой идеаль власти—батырь (богатырь) и джигитъ (молодецъ), не особенный ревнитель шаріата, но справедливый въ душѣ, защитникъ народа, воинственный, щедрый и великодушный. Странное дѣло, но этотъ идеаль воплотилъ себя въ народномъ воображеніи въ послѣднее время не мусульманинъ, а кяфиръ и русскій—«Ширъ-наибъ» (левъ-намѣстникъ), т.-е. генераль Черняевъ. Въ этомъ обстоятельствѣ, т.-е. въ нѣкоторомъ сходствѣ характера перваго покорителя Туркестана съ народнымъ идеаломъ властителя, и лежитъ, по моему мнѣнію, причина той громадной популярности, которою пользуется его имя въ Средней Азии.

Бывшій владѣтель Кованскаго ханства, Саидъ-Могаметъ-Худояръ-ханъ, не обладаетъ ни однимъ изъ качествъ двухъ вышеописанныхъ народныхъ идеаловъ мусульманскаго властителя, и потому, въ связи съ другими обстоятельствами, о которыхъ будетъ сказано ниже, никогда не пользовался ни любовью народа, ни преданностію своихъ приближенныхъ и единомышленниковъ. Кипчакъ по происхожденію, проведшій свою раннюю юность среди кочевниковъ, Худояръ-ханъ, по рассказамъ лицъ, близко его знающихъ, не имѣетъ въ своемъ характерѣ ни одной хорошей черты своего племени и вообще ничего кипчакскаго. По своимъ привычкамъ и наклонностямъ онъ приближается не къ кочевнику и узбеку, а скорѣе къ сарту и таджику, т.-е. промышленнику и торгашу по преимуществу. Независимое положеніе, или, въ мусульманскомъ смыслѣ, безнаказанность, сгладили въ немъ ту приниженность, лживость, изворотливость и ласкательство, которыя такъ рѣзко бросаются въ глаза каждому въ характерѣ сарта; но за то это же положеніе развило въ немъ неудержимую жажду къ личной наживѣ и страсть къ обогащенію всяческими средствами, даже въ ущербъ своимъ собственнымъ

интересамъ. Я видалъ въ Средней Азiи много лицъ, бывшихъ въ прежнее время независимыми владѣтелями, и не знаю ни одного изъ нихъ, который бы умѣлъ или считалъ возможнымъ для себя занятіе торговлею и промышленностью. Буржуазный же Худояръ-ханъ, Людовикъ-Филиппъ Кокана, если такъ можно выразиться, смотрѣлъ на это дѣло иначе: какъ только неблагосклонная судьба лишала его помѣстья—Коканскаго ханства, онъ всегда служилъ пристраиваться гдѣ-нибудь въ Джизакѣ, такъ, чтобы продолжать, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, свое любимое занятіе—нажму денегъ. Въ то время, когда другіе, подобные ему, несчастливцы служили при дворѣ бухарскаго эмира, подвергаясь всѣмъ случайностямъ своего положенія ¹⁾, Худояръ-ханъ спокойно торговалъ себѣ въ Джизакѣ, выжидая время возвратитъ утраченное, чтобы снова приняться за прежнее—выжиманіе денегъ у своихъ подданныхъ. Еслибы при такомъ характерѣ Худояръ-ханъ обладалъ большимъ умомъ, чего однакоже нѣтъ, то и тогда трудно бы было предположить, чтобы онъ могъ помириться съ приходомъ въ Среднюю Азiю русскихъ, отнявшихъ у Коканскаго ханства едва ли не девять-десятыхъ ея территоріи, и, какъ выражались наши мѣстные политики, искренно и величественно понять свое положеніе и свои отношенія къ Россіи. Русскихъ, которыхъ онъ никогда не понималъ и не любилъ, онъ терпѣлъ потому, что они защищали его отъ Бухары и своею дружбой съ нимъ поднимали его въ глазахъ своего народа, и тѣмъ самымъ давали ему возможность обирать этотъ народъ по своему усмотрѣнію. Объ этомъ предметѣ и нашемъ, на его счетъ, заблужденіи мы поговоримъ ниже, а теперь возвратимся къ прерванному. Не довольствуясь законными налогами, опредѣленными шаріатомъ и обычаемъ, Худояръ-ханъ ежегодно отрывалъ новыя предметы обложенія и разъ отъ разу становился изобрѣтательнѣе. Несмотря на то, что податями облагались каждый спонъ сѣва, чашка молока, десятокъ яицъ, вынесенные на базары, изобрѣтательному хану все еще было мало: онъ сдѣлалъ регалией пліски скомороховъ, вожденіе медвѣдей, игры фокусниковъ, поручивъ эти занятія своимъ людямъ или отдавъ ихъ на аренду за известную плату. «Съ насъ тянутъ за все», говорилъ мнѣ одинъ ко-

¹⁾ Известный Достъ-Магометъ, эмиръ авганскій, бывавшій отъ англичанъ въ Бухару къ эмиру Насруллі, выдержалъ большія неприятели отъ сего послѣдняго, желавшаго взять къ себѣ въ „бачи“ сына Достъ-Магомета, красиваго мальчика Ширъ-Али, теперешнаго эмира авганскаго. Притѣсненія эти принудили Доста оставить Бухару.

канецъ: «за караулъ лавокъ, которыя мы сами окарауливаемъ, за мѣсто на базарѣ, гдѣ мы временно останавливаемся съ своими воевами, за купленную пивку, за проданный хворостъ и солому. На ханскія работы выгоняются тысячи людей; рабочимъ не только не даютъ денегъ или пищи, но еще съ нихъ берутъ деньги, и, избави Боже, если кто-нибудь уклонится отъ работы: бывали примѣры, что такихъ людей, на самомъ мѣстѣ работъ, живыми зарывали въ землю».

Понятно, что подобное положеніе дѣлъ, даже въ Средней Азій, существовать долго не могло и рано или поздно должно было кончиться если не нашимъ вмѣшательствомъ, то общео народною вспышкой. Люди, благоразумные и неослѣпленные игрушечными отношеніями къ своей власти, давно видѣли исходъ коханскихъ дѣлъ и не разъ говорили, кому слѣдуетъ, что, подерживая Худояра-хана, мы безцѣльно вооружаемъ противъ себя коханское населеніе и этимъ самымъ отлаемъ его подъ влияніе Кашгара. Но, къ сожалѣнію, этихъ людей не слушали.

Выше я уже замѣтилъ, что отношенія наши къ Худояръ-хану никогда не были и не могли быть съ его стороны искренними. О фактахъ, на которыхъ я основываю мое настоящее мнѣніе, далеко, впрочемъ, не единичное, я скажу ниже, а теперь не могу обойти молчаніемъ, что въ весьма дѣльной и хорошей книгѣ М. А. Терентьева «Россія и Англія въ Средней Азій», отношенія наши къ Бохану и личность самого Худояръ-хана выставлены далеко не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они дѣйствительно существовали. Обстоятельство это можно объяснить себѣ только тѣмъ, что г. Терентьевъ, смотрящій совершенно вѣрно на нашу политику въ Средней Азій и хорошо знающій, какое значеніе имѣютъ на Востокѣ всѣ договоры и условія, отступилъ, по отношенію къ Бохану, отъ своего взгляда, принявъ писанное за дѣйствительно существовавшее и обычныя восточныя вѣжливости за неподдѣльную искренность отношеній. Выше уже было описано, что за личность Худояръ-ханъ, бывший ханъ коханскій. Достаточно знать эту личность, такъ связать саму по себѣ, «an sich», не разсматривая ея отношеній въ русскимъ, чтобы связать, что ни яснаго пониманія своего положенія, ни тѣмъ болѣе искренности отношеній отъ такого характера ожидать трудно, какъ трудно ожидать искренности въ дѣлахъ со всякимъ сартомъ, гдѣ замѣшаны его личные и, почти всегда, единственные въ его жизни интересы. Увѣрять же, что Худояръ-хану было выгодно имѣть своими сосѣдями русскихъ, отнявшихъ около девяти-десятихъ канства и державшихъ его, хотя и не въ строгой, но въ постоян-

ной опежѣ — дѣло не статочное. Факты подтверждаютъ сказанное. Кому неизвѣстно, что Худояръ-ханъ готовился къ войнѣ съ нами вскорѣ послѣ занятія нами Ташкента, и благоразумно удержался отъ нея только по совѣту нашего же туземца, обидѣвъ этимъ, какъ носились слухи, одного нашего покорителя, — что онъ готовился помогать эмиру во время самаркандскаго похода и не совершилъ этого только потому, что не получилъ желаемыхъ извѣстій отъ своего благоразумнаго посланника, бывшаго въ то время при нашихъ войскахъ. Всѣ эти начинанія не привели къ желаемой развязкѣ не по его собственному сознанию, а вслѣдствіе вышнихъ причинъ — не больше. Самъ онъ всегда былъ готовъ попытать счастья. Приготовленія къ войнѣ дѣлались въ ханствѣ и во время хивинской экспедиціи, и во все время ханствованія Худояра. Откуда же взялись эти 39-ть пушекъ, которыя были недавно взяты при Махрамѣ? Мы, жившіе въ Ташкентѣ, хорошо знали, когда лилась каждая пушка. Что касается до нашего торговаго договора, то Худояръ-ханъ всегда смотрѣлъ на него какъ на нѣкую только любовь, сдѣланную въ угоду намъ, но которую онъ всегда можетъ и взять обратно. Для доказательства я приведу одинъ документъ, вполне достаточный, чтобы видѣть, какъ понимаетъ Худояръ торговые договоры; это отвѣтъ его по поводу жалобы нашихъ купцовъ на излишніе сборы за вывозъ изъ Кокана хлопка, составлявшіе, кромѣ зякета, 1 руб. 90 коп. за cadaго верблюда (16 пуд.). Забывая статью имъ же подписаннаго торговаго договора, что со всѣхъ товаровъ, идущихъ изъ русскихъ предѣловъ въ Коканъ и обратно, должно взиматься столько же, сколько въ Туркестанскомъ краѣ, и зная, что у насъ никакихъ сборовъ, кромѣ зякета, не существовало, Худояръ-ханъ, въ помянутомъ отвѣтѣ, подтвердивъ справедливость заявленнаго въ жалобѣ факта, весьма наивно отвѣчалъ, что «четыре или пять лѣтъ тому назадъ, когда, по приказанію моего брата генераль-губернатора, приѣзжалъ въ гости посломъ полковникъ Шауфусъ, то онъ передавалъ мнѣ просьбу его высокопревосходительства (т.-е. дѣло идетъ о самомъ торговомъ договорѣ) относительно хлопка, и я, изъ уваженія и желая порадовать (!) брата моего генераль-губернатора, принялъ просьбу его (договоръ-то!) и сбавилъ взиманіе съ 60 тенегъ на $\frac{1}{2}$ тилии (1 р. 90 к.), и съ этого времени взиманіе по $\frac{1}{2}$ тилии съ cadaго верблюда съ хлопкомъ вошло въ обычай, какъ въ отношеніи русскихъ купцовъ, такъ и мусульманскихъ. Между русскими и мусульманскими купцами различія нѣтъ; относительно первыхъ, по приказанію моему, даже оказывается мектеромъ (сборщикомъ),

муллою Миръ-Касимомъ во всѣхъ случаяхъ вниманіе и великодушіе. Не знаю, что будетъ, если уничтожить существующій уже нѣсколько лѣтъ между нашими и русскими обычай, такъ какъ въ каждомъ государствѣ существуетъ много подобнаго рода уваженій. Вамъ, какъ образованнымъ, лучше должны быть извѣстны обычай и постановленія каждой страны». Гдѣ тутъ пониманіе исключеннаго обязательства, сознаніе въ необходимости его исполненія? Любезность къ «брату», не больше...

Причина нашего заблужденія относительно Худояръ-хана заключалась въ его посланникѣ, живущемъ постоянно въ Ташкентѣ. Мирза Хакимъ Парваначи, весьма почтенная личность, давно знаетъ русскихъ и ихъ порядки, вполне ихъ понимаетъ, и давно свылся съ ними. Вращаясь между русскими и бывая въ Коканѣ наѣздомъ, мирза Хакимъ совершенно загородилъ собою, большинству изъ насъ, своего хана и тотъ дѣйствительный, а не фантастическій, въ его личности выражаемый, Коканъ, который, въ сущности говоря, не имѣетъ ничего общаго съ своимъ представителемъ. Слушая его мнѣнія, высказывая ему свои взгляды, имъ понимаемые и одобряемые, мы совершенно забывали, что съ нами бесѣдуетъ совсѣмъ русскій человѣкъ, а не коканецъ, и наввно думали, что весь Коканъ долженъ быть непремѣнно точно такимъ же, какъ и его представитель, а между тѣмъ на дѣлѣ выходило совсѣмъ не такъ. Этотъ самый представитель считался въ представляемой имъ странѣ чуть ли не кяфиромъ или, по меньшей мѣрѣ, чужимъ человѣкомъ. Поэтому, уже вскорѣ послѣ переселенія посланника въ Ташкентъ, а въ послѣднее время въ особенности, совѣтовъ его не только перестали слушать въ Коканѣ, но и нерѣдко старались поступать противно его совѣтамъ, подозрѣвая въ нихъ неискренность и русское коварство. Съ другой стороны, мы, русскіе, чѣмъ болѣе жилъ среди насъ коканскій посланникъ, тѣмъ болѣе убѣждались, что Коканъ цивилизуется и воспитывается въ желаемомъ нами направленіи. Выходило пресмѣшное *qui pro quo*, котораго мы не замѣчали. Наконецъ дѣлу надлежало разъясниться, и оно разъяснилось, какъ всякій водевилъ, пятымъ дѣйствіемъ, открывшимъ взаимныя недоумѣнія.

Въ заключеніе мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ объ одномъ предметѣ, хотя прямо и не относящемся въ Коканскому ханству, но тѣмъ не менѣе имѣющемъ связь съ послѣдними событіями въ ханствѣ. Я разумѣю вторженіе коканскихъ шаекъ въ наши предѣлы съ цѣлью возмутить, противъ русскихъ, населеніе

Туркестанскаго края. Не только кто живалъ въ Средней Азiи и нѣсколько ее знаетъ, но даже и тотъ, кто хотя немного интересовался положенiемъ дѣлъ въ этой странѣ и слѣдилъ за происшедшими въ ней событiями, невольно недоумѣваетъ и становится втупикъ передъ объясненiемъ себѣ этого, неожиданно-негаданнаго, вторженiя. Какимъ образомъ могло случиться, что послѣ побѣдъ нашихъ въ Средней Азiи, послѣ страха, нагнаннаго взятiемъ Ташкента, послѣ Ирджара, самаркандскаго погрома, хивинской экспедици, маленькое ничтожное ханство Кованъ, «нашъ вассалъ», какъ называли его наши мѣстные политики, проявило такую прорывность, что не только прогнало своего хана, не спросясь насъ, но и выслало въ наши предѣлы свои мятежныя шайки въ такихъ размѣрахъ, что объяснить ихъ вторженiе простымъ стремленiемъ къ грабежу уже не приходится, такъ какъ возстанiе въ ханствѣ руководится не темными лицами изъ народа, а бывшими приближенными хана и, кажется, его старшимъ сыномъ ¹⁾, которымъ, вонечно, должно было бы лучше, чѣмъ другимъ, быть известнымъ, съ какимъ сосѣдомъ затѣваютъ они ссору? Гдѣ же это моральное значенiе русскаго имени въ Средней Азiи, сознание ея населенiемъ и владѣтелями независимыхъ ханствъ нашей силы и невозможности борьбы съ нами? Оказывается, что влiянiе наше въ Средней Азiи таково же, какимъ оно было передъ взятiемъ Ташкента, если не хуже, ибо тогда осѣдлый Туркестанъ насъ едва зналъ, а теперь, по истеченiи десяти лѣтъ, онъ могъ бы, казалось, познакомиться съ нами поближе и помириться съ своею судьбою. Однако-жъ ничего этого не случилось, и мы очутились въ томъ же положенiи, какъ будто сейчасъ только пришли въ Среднюю Азiю. Такiе вопросы заставляютъ невольно приздуматься всякаго, кому дороги и близки наши политическiе интересы въ Средней Азiи, и вникнуть поглубже въ положенiе дѣлъ на нашей среднеазиатской окраинѣ. Я объясняю себѣ связаннiя обстоятельства двумя причинами — самою отдаленною и самою

¹⁾ Относительно этого сына, Нассериди-Бека, сдѣлавагося теперь коканскимъ ханомъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ увѣренiя объ его умѣ, любви къ прогрессу, расположенiи къ русскимъ, желанiи жить съ ними въ мирѣ, также ненадежны, какъ и тѣ восхваленiя, которыя дѣлались недавно относительно его отца. Достаточно припомнить одинъ, вполне достоверный фактъ, переданный, года два тому назадъ, г. Раевскимъ въ газетѣ „Голосъ“, о томъ, какъ этотъ Нассериди-Бекъ, прiѣхавши въ Ташкентъ въ гости къ русскимъ, чествуемый и прославленный (одинъ мѣстный ораторъ сравнилъ его даже съ Петромъ Великимъ) въ то же время секретно подсылалъ съ предложенiемъ денегъ и дружбы къ живущему въ Ташкентѣ илiйному беку и раздавалъ въ азиатскомъ городѣ деньги и халаты жителямъ.

ближайшею: общимъ, объединяющаго характера, религіозно-политическимъ движеніемъ въ средѣ самаго мусульманства, и современнымъ положеніемъ дѣлъ въ нашей среднеазиатской окраинѣ.

Читателямъ «Вѣстника Европы» вѣроятно памятна статья гр. Кутайсова о магометанскомъ религіозномъ движеніи въ Индіи, помѣщенная въ двухъ книжкахъ этого журнала за 1873 г. Въ означенной статьѣ, составленной по извѣстной книгѣ Hunter'a (The indian musulmans), весьма обстоятельно разсказывается, какимъ образомъ чисто-религіозное и высоко-нравственное само по себѣ ученіе извѣстнаго арабійскаго сектатора Абдуль-Ваггаба, перейдя на индійскую почву, стало страшною политическою сектою, постепенно разрастающеюся и грозящею окончательно поколебать въ Индіи англійское владычество. Отбросивъ всѣ второстепенные религіозные вопросы, индійскіе ваггабиты занялись развитіемъ главнаго догмата ихъ секты — обязанности веденія священной войны противъ невѣрныхъ, создавъ для этого громадную литературу религіозныхъ трактатовъ, популярныхъ разсказовъ и пѣсень, и ревностныхъ, энергическихъ проповѣдниковъ, распространяющихъ, съ полнымъ самоотверженіемъ и отъ глубины души, ученіе ихъ секты. Послѣдователи ваггабизма въ Индіи доказываютъ, что ни одинъ правовѣрный не можетъ надѣяться на блаженство будущей жизни, если онъ останется въ настоящемъ угнетенномъ положеніи, что для спасенія души ему слѣдуетъ выбрать или войну противъ угнетателей-невѣрныхъ, или бѣгство изъ проклятаго края. Истинный правовѣрный не можетъ и не долженъ быть преданъ невѣрному правительству; преданность его въ этомъ случаѣ не только преступна, но и навсегда заграждаетъ ему путь въ царство небесное. Только лицемѣры могутъ препятствовать своимъ соотечественникамъ вести священную войну или бѣжать изъ осверженнаго края. Въ странѣ, гдѣ, противно волѣ Бога, допускается, вмѣстѣ съ мусульманскою, другая религія, чистота истинной вѣры не можетъ быть сохранена. А потому магометане должны соединиться и приложить всѣ средства для достиженія одной цѣли — истребленія невѣрныхъ и освобожденія родины. — Вотъ какое ученіе, охвативъ, по сознанію самихъ англичанъ, почти всю Индію, движется къ намъ въ Среднюю Азію. Этимъ, конечно, я не хочу сказать, чтобы послѣднія событія въ Коканскомъ ханствѣ и Русскомъ Туркестанѣ были произведены послѣдователями ваггабизма и имѣли свою ближайшею причиною ученіе этой секты. Я далеко отъ такого мнѣнія, но я убѣжденъ, что общее, туманное и не вполне выяснившееся еще для самихъ среднеазиатскихъ мусульманъ, политико-религіоз-

ное броженіе въ Индіи, такъ сказать, атмосфера ваггабизма уже проникла въ Среднюю Азію и начинаетъ производить свое дѣйствіе, выражающееся пока въ отдѣльныхъ, еще мало замѣтныхъ, но уже знаменательныхъ явленіяхъ. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, въ Средней Азіи слишкомъ мало знаемъ нашихъ мусульманъ и слишкомъ небрежно относимся къ тому, что дѣлается въ ихъ умственномъ мірѣ; потому подобныя явленія, въ большинствѣ случаевъ, либо остаются намъ вовсе неизвѣстными, либо останавливаютъ на себѣ наше вниманіе только какъ частные случаи. Мы запрещаемъ, напримѣръ, нашему офицеру, мусульманину, завести въ край литографію для туземцевъ, опасаясь проявленія мусульманскаго фанатизма, и либерально допускаемъ къ себѣ изъ Индіи десятками верблюдовъ литографированныя тамъ книги, не справляясь объ ихъ содержаніи. Случалось, по временамъ, что по всему краю ходила какая-то «васіятъ-нама» (увѣщательная грамота), возбуждая разные толки, и едва ли многіе изъ насъ знали объ этомъ обстоятельствѣ. Наконецъ, бывали и такіе случаи, которые прямо напрашивались, такъ - сказать, на болѣе серьезное ихъ обсужденіе. Въ 1871-мъ году на почтовую станцію Барасу, близъ Ташкента, сдѣлано было нападеніе шайкой туземцевъ, причемъ самая станція была сожжена, а ночевавшій въ ней проѣзжій офицеръ, Колесниковъ, убитъ. Я не знаю, какъ посмотрѣло на это дѣло слѣдствіе—признало ли оно мятежную шайку разбойниками или фанатиками, стремившимися къ Ташкенту на соединеніе съ ожидавшимъ ее будто бы тамъ Магометомъ, но мнѣ извѣстно, что глава этой шайки ишанъ Ишъ-Магометъ-зуль, житель селенія Юнгушвалика (Куль - кара токъ), скрывшійся отъ преслѣдованія въ коканскіе предѣлы, былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ нѣкоего Суфи-Бадала, коканскаго севтатора, приходившаго, гдѣтъ двадцать тому назадъ, въ Ташкентъ распространять тамъ свое ученіе, ничѣмъ не отличающееся отъ ваггабизма. Хотя Суфи-Бадалъ и былъ, какъ говорятъ, прогнанъ ташкентцами съ позоромъ, но несомнѣнно, что ученіе его, судя по Ишъ-Магометъ-зулу, нашло себѣ учениковъ и приверженцевъ. Къ этому я долженъ прибавить, что индіскіе ваггабиты существуютъ уже въ Балхѣ и Бухарѣ, а слѣдовательно, они должны быть и въ нашемъ Самаркандѣ, находящемся съ Бухарой въ самомъ тѣсномъ духовномъ общеніи.

Сводя все вышесказанное къ одному заключенію, я не прочь думать, что недавнее вторженіе въ наши предѣлы коканскихъ шаекъ имѣло своею отдаленною причиною именно то, вышесказанное, религіозно-политическое движеніе въ средѣ мусульман-

ства, которое, въ рѣзко опредѣленной формѣ, выразилось уже въ англо-индійскихъ владѣнiяхъ и въ неясномъ и несложившемся еще ученiи бродить уже въ Средней Азiи, а въ томъ числѣ и въ Коканскомъ ханствѣ. — Теперь нѣсколько словъ о другой причинѣ вторженiя кокандцевъ—положенiи дѣлъ въ нашей среднеазиатской окраинѣ. — Условлено говорить, что приходъ нашъ въ Среднюю Азiю принесъ этой странѣ, взаимнѣ прежняго деспотическаго произвола ея владѣтелей, порядокъ и спокойствiе, обезпеченiе личности и имущества, и вообще всѣ условiя къ спокойному и безмятежному пользованiю гражданскою жизнiю, — что успѣшное распространенiе нашего влiянiя заключается будто бы въ томъ, что мы, русскiе, не стѣсняемъ туземцевъ не только въ ихъ религiозныхъ вѣрованiяхъ, но даже и въ ихъ обычаяхъ. Мы ничего не навязываемъ имъ насильно, предоставляя имъ полную свободу въ этомъ отношенiи. Убѣжденiе же въ нашемъ превосходствѣ и въ томъ, что масса туземцевъ постепенно мирится съ нами, привыкаетъ къ русскому владычеству, составляетъ постоянную причину неудовольствiя противъ насъ духовенства и лицъ, бывшихъ влiятельными при мусульманскомъ владычествѣ.

Я не буду спорить, что это не такъ, но замѣчу, что съ занятiемъ русскаго Туркестана мы подчинили себѣ не одни только племена кочевья, находящiяся на первыхъ ступеняхъ цивилизацiи, но также и племена осѣдлыя, жившiя, какъ я сказалъ выше, въ продолженiе многихъ вѣковъ своеобразною историческою, политическою и гражданскою жизнiю, и выработавшими себѣ особый складъ идей, понятiй, отношенiй и иное, чѣмъ у насъ, мiросозерпанiе. Поэтому многое, что кажется иногда пригоднымъ, необходимымъ или нетерпимымъ и невозможнымъ въ европейскомъ смыслѣ, бываетъ другимъ или не всегда такимъ въ смыслѣ мусульманскомъ, особенно если это европейское является передъ мусульманами въ мало понятной или уродливой формѣ ¹⁾).

Начнемъ съ мусульманскаго фанатизма, противодѣйствующаго

¹⁾ Приходитъ разъ ко мнѣ одинъ изъ живущихъ въ Ташкентѣ бековъ, глуговатый и алиноватый узбекъ, и говоритъ, что вотъ уже три мѣсяца, какъ онъ ходитъ за деньгами и ихъ ему не выдаютъ. Отчего? спрашиваю. „Кагазь кирекъ“ (нужна бумага) — отвѣчаетъ. По справкѣ оказалось, что требуемая бумага есть такъ-называемое удостовѣренiе личности. А такъ какъ два этихъ отвлеченныхъ слова по тюркски никакъ не переведешь, и самому беку, непонимающему, какъ можно еще удостовѣрять личность, когда она сама присутствуетъ, значенiе этой формальности не растолкуешь, то все, въ концѣ-концовъ, обратилось въ „кагазь кирекъ“ и три мѣсяца ожиданiя.

щяго, какъ говорятъ, распространенію нашего вліянія въ Средней Азіи. Всякій фанатизмъ, всякое отвращеніе къ чужому только потому, что оно чужое, сглаживается и уничтожается просвѣщеніемъ, т.-е. распространеніемъ въ массѣ населенія точныхъ знаній и здравыхъ идей и понятій, а не тѣмъ, что ихъ не трогаютъ. Въ этомъ отношеніи мы, русскіе, для уничтоженія фанатизма ровно ничего не сдѣлали въ Средней Азіи. Я не говорю уже о школахъ, учебникахъ, изданіи популярныхъ сочиненій и т. п., что было бы, какъ я скажу ниже, очень легко сдѣлать при тѣхъ средствахъ, которыя имѣлись въ нашемъ распоряженіи и которыми обладаютъ сами мусульманскія общества. Мы даже не указали туземцамъ, путемъ собственнаго примѣра, ничего такого осизательно полезнаго, въ чемъ они могли бы подражать намъ; въ теченіи десяти лѣтъ мы не обучили ихъ, на почвѣ коммерческо-практической, имъ хорошо знакомой, ничему такому, въ чемъ бы они могли видѣть и понять выгоды нашей европейской цивилизаціи. Мы показали имъ только нашу военную силу и наши деньги, которыя мы бросали передъ ихъ изумленными и нѣсколько насмѣшливыми взорами. Я не буду приводить здѣсь примѣровъ нашей коммерческой неумѣлости въ Средней Азіи: они не разъ заявлялись въ печати и болѣе или менѣе извѣстны. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ туземцамъ Средней Азіи весьма трудно проникнуться уваженіемъ къ нашей цивилизаціи. Во имя чего будутъ умалять они свой фанатизмъ и ненависть въ непрошеннымъ гостямъ, пришедшимъ распоряжаться ихъ страной; откуда почерпнуть они здравыя понятія о нашемъ умственномъ превосходствѣ надъ ними? Конечно, уже не изъ тѣхъ календарей, о которыхъ я упомянулъ выше. А между тѣмъ въ этомъ отношеніи мы могли бы сдѣлать много хорошаго. Нигдѣ частная благотворительность такъ много не жертвовала на просвѣщеніе, какъ въ этихъ нищенскихъ, сравнительно съ нами, странахъ. Возьмемъ хоть для примѣра Ташкентъ, не говоря уже о Самаркандѣ и Бухарѣ. Въ Ташкентѣ существуетъ около 16-ти медресе (т.-е. высшихъ учебныхъ заведеній) и болѣе 200 махтарбовъ, т.-е. приходскихъ училищъ. Въ первыхъ обученіе не только бесплатное, но каждый ученикъ получаетъ еще квартиру и деньги на содержаніе, во-вторыхъ — бесплатное. Положимъ, что медресе эти не велики, что вмѣсто серьезныхъ знаній въ нихъ обучаютъ фанатизму; но кто же мѣшалъ намъ исподволь, осторожно, приступить къ этимъ школамъ и фанатизму. Опасности быть не могло. Вѣдь взяли же мы въ свое распоряженіе вауфъ (пожертвованіе на богоугодныя дѣла) Назарь-

Бія и отдали его туркестанскому благотворительному обществу; лишили же мы многих медресе ихъ доходовъ закрытіемъ въ старомъ городѣ принадлежащихъ имъ караванъ-сараявъ для того, чтобы оптовая торговля производилась въ русской части г. Ташкента, на ярмарочной площади. Между мусульманскимъ духовенствомъ встрѣчаются много людей, серьезно желающихъ изучить русскій языкъ и познакомиться съ Россіей, и не имѣющихъ никакихъ пособій и средствъ съ той, т. е. нашей, стороны, на которой должна бы лежать главная забота объ этомъ. Вотъ этихъ-то личностей, влияющихъ на мусульманскій фанатизмъ, и слѣдовало бы отиѣчать намъ, ибо черезъ нихъ, а не черезъ тѣхъ подонковъ мусульманства, о которыхъ я скажу ниже, мы можемъ проводить въ массу наши намѣренія и достигать нашей цѣли. Но говорятъ, что фанатизмъ населенія мы уничтожаемъ, такъ-сказать, пассивно, а не активно—тѣмъ, что не стѣсняемъ туземцевъ въ ихъ религіи, нравахъ и обычаяхъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Завоевавъ край, мы сдѣлали въ немъ такіа преобразования, которыя не могли не отразиться самымъ существеннымъ образомъ на религіозную и бытовую сторону туземца. Мы замѣнили въ кочевомъ населеніи родовое начало административнымъ и выборнымъ: вмѣсто киргизскихъ родовъ съ ихъ родоначальниками, стали волости и волостные управители; мы уничтожили въ осѣдломъ населеніи должность райсовъ (блюстителей религіозныхъ обрядовъ), предоставили русскимъ властямъ право разбирать семейныя дѣла и совершать разводы, завели русскій судъ для тяжбъ кочевниковъ съ осѣдлыми жителями, т. е. *съ этого случая* лишили первыхъ ихъ прежняго суда по обычаю, а вторыхъ по шаріату. Мы измѣнили всю податную систему и притомъ такъ, что не ввели русскую, а передѣлали туземную, лишивъ ее, такъ сказать, почвы и разумнаго основанія. Вмѣсто хераджа и танапа, собираемыхъ, первый—съ продукта, сообразно его урожаю, а второй—съ извѣстнаго размѣра земли, сборовъ, существовавшихъ въ прежнее время, мы установили недавно такъ-называемый поземельный сборъ, иначе говоря, мы просто назначаемъ теперь для каждаго уѣзда (по прежнимъ даннымъ) извѣстную сумму, которую онъ долженъ внести въ казну, причемъ сумма эта иногда возвышается процентовъ на пять и болѣе. Понятно, что указанные мною факты не осядутъ и не могутъ остаться безъ влияния на бытовую сторону народа. Предположимъ даже, что всѣ наши мѣропріятія по отношенію къ туземцамъ были превосходны во всѣхъ отношеніяхъ; но дѣло въ томъ, что, при сужденіи о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи, намъ необхо-

димо знать, какъ приняты означенныя мѣропріятія самимъ туземнымъ населеніемъ и насколько повліяли они на уменьшеніе фанатизма. Я, долго жившій въ Средней Азіи, долженъ признаться, что мѣры эти не были удовлетворительными. Фанатизмъ населенія нисколько не умаляется и наше вліяніе не возрастаетъ. Если же, на первый взглядъ, намъ кажется, повидимому, обратное, то это происходитъ отъ одной весьма важной въ нашихъ отношеніяхъ въ туземцамъ ошибки, которую я постараюсь разъяснить здѣсь. Въ первое время послѣ завоеванія Туркестанскаго края, намъ, понятно, были нужны люди изъ туземцевъ, посредствомъ которыхъ мы могли бы извѣстнымъ образомъ вліять и дѣйствовать на населеніе. Какъ всегда бываетъ въ подобнаго рода случаяхъ, къ намъ на помощь явились люди не чистой нравственности, люди, до нѣкоторой степени, порѣшившіе съ мусульманствомъ, ихъ, въ свою очередь презиравшемъ. На первыхъ порахъ, за невозможностью отличить въ чуждомъ намъ народѣ будущихъ полезныхъ намъ помощниковъ, мы принуждены были опереться на тѣхъ, которые пришли сами. Вотъ эти-то личности, толкающіяся среди русскихъ и позаимствовавшія отъ насъ нѣкоторый лоскъ, вводятъ насъ въ заблужденіе относительно умаленія мусульманскаго фанатизма и вредятъ нашему вліянію гораздо болѣе, чѣмъ самыя завзятые фанатики. Видя этихъ лицъ, говорящихъ по-русски, берущихъ различнаго рода подряды, занимающихъ разныя должности, восхваляющихъ русскихъ и ихъ порядки, пьющихъ у насъ вино и насъ онымъ угощающихъ, мы воображали, что это-то и есть цвѣтъ мусульманскаго общества, освободившійся подъ русскимъ вліяніемъ, въ лицѣ своихъ представителей, отъ фанатизма и нетерпимости. А между тѣмъ, сзади этихъ лицъ, застилающихъ намъ глаза, живетъ иной міръ — міръ именно того фанатизма, умаленіе котораго мы радостно привѣтствуемъ, но который, тѣмъ не менѣе, стоитъ крѣпко и будетъ жить долго, ушедши, такъ-сказать, въ себя и изрѣдка проявляя себя наружу въ такихъ явленіяхъ какъ, на примѣръ, убіеніе аксакала въ Ходжентѣ, нападеніе на почтовую станцію и т. п. Для этого міра, какъ я сказалъ выше, мы ничего не сдѣлали, даже болѣе: послѣ подробнаго ознакомленія съ краемъ и населеніемъ, оставляя сказанныхъ лицъ въ прежнихъ ихъ роляхъ, мы тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ подогрѣваемъ мусульманскій фанатизмъ, ибо многіе дѣйствительно хорошіе люди, хотя и фанатики, давно бы вошли съ нами въ общеніе, если бы не боялись, въ глазахъ мусульманъ, смѣшать себя съ лицами, нами покровительствуемыми, но потерявшими уваженіе въ мірѣ мусульманскомъ. Что касается

наконецъ до мусульманскаго произвола, уничтоженнаго русскими порядками, то едва ли можно поручиться, что порядки эти кажутся туземцамъ менѣ произвольными, чѣмъ ихъ прежнія, мусульманскія. При мусульманскомъ владычествѣ произволь дѣйствительно существовалъ, но произволь этотъ, далеко, впрочемъ, не безграничный, былъ такимъ же продуктомъ тысячелѣтней жизни этой страны, какъ и всѣ ея другія учрежденія, нравы и обычаи. Онъ былъ ей родной и былъ ей понятенъ. Мусульманскій владѣлецъ и его власти, воспитанные въ той же средѣ и въ тѣхъ же воззрѣнiяхъ, какъ и ихъ подчиненные, хотя и дѣйствовали произвольно, но тѣмъ не менѣе хорошо знали, гдѣ этотъ произволь начинается и гдѣ кончается, знали его объемъ и его границы. Въ силу своего исключительнаго религіознаго воспитанія, однороднаго со всей массой населенія, и одинаковости съ ней въ образѣ жизни, привычкахъ и нравахъ, мусульманскіе владѣтели практиковали свой произволь въ извѣстныхъ опредѣленныхъ рамкахъ, считая его даже не произволомъ, а необходимымъ атрибутомъ своей власти, безъ котораго было бы немислимо самое ея существованіе. Съ другой стороны, и самъ народъ смотрѣлъ на этотъ произволь глазами своего владѣтеля, видя въ послѣднемъ не тирана и угнетателя, а счастливаго избранника судьбы, получившаго этимъ самымъ право на произволь и самовластіе. Возросшій въ такихъ понятіяхъ, туземецъ Средней Азіи хорошо зналъ всѣ развѣтвленія этого произвола, отъ бека до послѣдняго ахсабала включительно, ибо почва, на которой и въ предѣлахъ которой практиковался произволь, была такъ же хорошо извѣстна первому, какъ и послѣднимъ. Словомъ, въ мусульманскомъ произволѣ туземецъ былъ дома и съ существованіемъ произвола сживался и мирился изстари. Съ точки зрѣнiя европейской, такой произволь, какой мы видимъ въ мусульманскихъ государствахъ, конечно, можетъ казаться ужаснымъ, но съ точки зрѣнiя мусульманской онъ вполне естественъ и, пожалуй, законенъ. Случай съ Худояръ-ханомъ не можетъ служить доказательствомъ обратнаго, а напротивъ того, является подтвержденіемъ сказаннаго. Худояръ-ханъ потому именно и потерялъ ханство, что произволь его пересталъ быть мусульманскимъ, а сталъ простымъ сумасбродствомъ нестѣсняемой никакими традиціями личности. Еслибы этотъ деспотъ, вмѣсто нескрываемаго и, такъ-сказать, откровеннаго грабежа своего народа, приерылся бы своимъ правомъ и шариатомъ и (какъ дѣлаетъ бухарскій эмиръ) продолжалъ бы свое дѣло, то можно поручиться, что ему никогда не пришлось бы

прѣхать въ Оренбургъ по независанцамъ отъ него обстоятельствомъ.

Въ 1865 году мы завоевали Туркестанскій край и начали вводить въ него наши порядки, совершенно отличные отъ мусульманскихъ и, разумѣется, мало имъ понятныя. Порядки эти весьма часто и существенно измѣнялись. Въ началѣ, до 1868 г., дѣствовало *временное* положеніе о Туркестанской области, потомъ, съ 1868 г., *проектъ* положенія о Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, который разрѣшено было измѣнять въ частностяхъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Заравшанскій округъ, присоединенный послѣ, остался совсѣмъ безъ положенія. Въ первое время Туркестанская область раздѣлена была на правый и лѣвый фланги и центръ, начальники которыхъ завѣдывали военною и гражданскою частью. Дальнѣйшее мѣстное управленіе составляли районы, подъ вѣдѣніемъ управляющихъ туземнымъ населеніемъ. Въ лицѣ этихъ управляющихъ были сосредоточены администрація, взиманіе податей и сборовъ, разборъ претензій и т. п. Кромѣ того, нѣкоторые города, принадлежащіе къ занятымъ нами укрѣпленіямъ, были изъяты изъ вѣдѣнія управляющихъ туземнымъ населеніемъ и подчинены комендантамъ. Несмотря на необходимость помянутого положенія о Туркестанской области съ потребностью края, говорить пояснительная къ нынѣ дѣствующему положенію записка, заявляема была уже неоднократно мѣстнымъ начальствомъ, которое, представляя хаотическое состояніе администраціи, доносило, что такое положеніе терпимо болѣе быть не можетъ. Степная коммиссія, личнымъ обозрѣніемъ края и собранными матеріалами, пришла къ тому же убѣжденію и заключенію. Такъ шло дѣло до 1868 г., въ началѣ котораго были составлены особыя коммиссіи для новой организаціи края и введенія въ дѣйствіе, въ видѣ проекта, новаго положенія, которое, уже на третій годъ своего существованія, начало претерпѣвать нѣкоторыя, довольно важныя, измѣненія, какъ, напр., въ устройствѣ поземельнаго сбора, о которомъ уже было замѣчено выше. Новый проектъ положенія далъ краю другую администрацію, областную и уѣздную, другое дѣленіе уѣздовъ, далъ новое устройство суда, туземнаго и русскаго, установилъ подати, сборы и повинности, опредѣлилъ способы ихъ взиманія, — словомъ, далъ краю совершенно иную, чѣмъ прежде, организацію съ значительнымъ количествомъ новыхъ учреждений, мѣстъ и должностныхъ лицъ. Въ 1871 году сазанный проектъ долженъ былъ получить утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, но такъ какъ нѣкоторыя его части были признаны, по мѣстнымъ обстоятельствамъ,

не соответствующими цѣли, то предположено было составить для края новое положеніе, которое до сего времени еще не составлено, а между тѣмъ, до разрѣшенія этимъ, будущимъ, положеніемъ вопроса о правѣ поземельной собственности, въ край было приостановлено заключеніе всякихъ актовъ на покупку и продажу недвижимыхъ имѣній, т.-е., иначе говоря, была прекращена одна изъ самыхъ важныхъ функций всякаго гражданскаго общества. При этомъ нужно замѣтить, что ни прежнее положеніе, ни проектъ новаго, введеннаго въ дѣйствіе, никогда не были переведены на туземное нарѣчіе. Туземцамъ предоставлено было самымъ понять этотъ, довольно сложный для нихъ организмъ русскаго управленія и угадать всѣ соотношенія властей и учреждений, совершенно для нихъ новыхъ и мало понятныхъ.—Отчего это прежде, спрашивалъ у меня разъ туземецъ, гораздо легче было получить изъ казны деньги: придешь бывало къ Чернаеву, дасть онъ записочку—и сейчасъ выдадутъ, а теперь ходишь, ходишь, и на силу добьешься? Конечно, на такой вопросъ приходилось отвѣчать, что тогда край былъ мало устроенъ, что не было подлежащихъ властей и т. п. Если ко всему этому прибавить, что Туркестанскій край весьма бѣденъ людьми, знающими туземныя нарѣчія и крайне нуждается въ переводчикахъ, то станетъ понятнымъ, какими глазами смотреть туземецъ на наши порядки, будь они даже самые совершеннѣйшіе изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ. Конечно, порядки эти кажутся ему гораздо произвольнѣйшими, чѣмъ его прежніе, мусульманскіе, — не потому, что они дѣйствительно произвольны, а потому, что, видя ихъ частую перемѣну, онъ не въ состояніи понять и объяснить себѣ какъ значеніе этой перемѣны, такъ и существа этихъ порядковъ. Все это—я скажу не обинуюсь—порождаетъ между туземцами общее неудовольствіе противъ русскихъ, которое нисколько не умалется, а даже возрастаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разносится по сосѣднимъ канствамъ, возбуждая въ нихъ несбыточныя надежды на возвратъ утраченнаго и подстрекая ихъ къ такимъ выходкамъ, какъ сегодшнія просьбы о возвратѣ Самарканда, а въ настоящее время — и вторженіе въ наши предѣлы.

Н. ПЕТРОВСКІЙ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ

ГДѢ ЖЕ ГНѢЗДИЛОСЬ НАШЕ ЗЛО?

Печально я гляжу на наше поколѣнье;
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣн
Въ бездѣйствіи состарится оно...

Такъ поэтъ Лермонтовъ характеризовалъ современное ему поколѣніе, «богатое ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ», поколѣніе, которое готовилось быть отцами, чтобы произвести настоящее поколѣніе. Современнаго русскаго педагога, конечно, не можетъ не интересовать ни эта характеристика, ни это новое поколѣніе, воспитанное отцами, увядавшими безъ борьбы въ началѣ поприща. Но грустно и незавидно его положеніе въ виду многихъ крупныхъ фактовъ, мимо которыхъ онъ не могъ пройти равнодушно, не задавъ себѣ сотни важныхъ вопросовъ. Эти вопросы близко касались его собственнаго дѣла, для котораго онъ считаетъ себя призваннымъ, вопросы, которые хотѣлось ему разрѣшить, чтобы освѣтить самые факты и тотъ путь, каковымъ слѣдуетъ идти въ воспитательномъ дѣлѣ. Ему хотѣлось извлекать уроки изъ жизни прошлаго и настоящаго, хотѣлось указать на ошибки отцовъ, грубо отозвавшіяся на ихъ дѣлахъ, хотѣлось устранить зло хотя отъ ихъ внуковъ; онъ видѣлъ болѣзнь и ея развитіе, предвидѣлъ и нѣкоторые факты, какъ ея слѣдствіе, хотѣлъ бы помочь горю; но кто же могъ слушать его съ сочувствіемъ? Самолюбивые отцы не хотѣли признать за собою ошибокъ, назвали его клеветникомъ и швырнули въ него комкомъ

грязи. Гдѣблоса педагога, посвятившаго свою жизнь одному дѣлу, они не захотѣли считать законнымъ въ числѣ другихъ голосовъ; они хотѣли отмежевать ему поле дѣятельности граммативой и ариметикой, хотѣли въ немъ видѣть только ремесленника, и отказывались признать за нимъ право участія въ вопросахъ нравственнаго развитія, которые собственно и должны быть главной сферой его дѣятельности. Чтѣ же оставалось дѣлать педагогу? Въ виду оскорбленій, какъ непризнанному, молчать и съ болью въ сердцѣ молча смотрѣть издали на текущій ходъ дѣла. А между тѣмъ, сколько невыясненныхъ вопросовъ оставалось въ педагогической сферѣ послѣ крѣпостного права, которое такъ много вредило нашему нравственному воспитанію и развитію во всѣхъ слояхъ общества. Съ уничтоженіемъ этого права долженъ былъ развиться новый складъ русскаго воспитанія при новыхъ условіяхъ, подѣ влияніемъ другихъ впечатлѣній: нравственно къ лучшему должна была переродиться русская семья и, конечно, вопросы воспитанія не должны были ей быть чужды. И много для себя дѣла нашелъ бы здѣсь педагогъ, и много могъ бы помочь своими выводами, совѣтами и указаніями; въ этомъ трудномъ перерожденіи онъ могъ бы составить нравственную гигиѣну, чтобы предохранить организмъ отъ болѣзней и помочь его здоровому развитію. Но для этого много нужно было наблюденій, много нужно было и силъ, много нужно было и голосовъ, которые бы, переключаясь между собою, сообщали факты, наблюденія, мнѣнія, выводы, вопросы, которые вносили бы жизнь въ семейно-воспитательное дѣло, чтобы оно было дѣломъ не бездушнымъ, машиннымъ, а живымъ и разумнымъ, провѣряемымъ опытами многихъ.

Гдѣ же были эти силы, гдѣ раздавались эти голоса? Въ началѣ выказались и силы, раздались-было и голоса, но не надолго; жоро стали они замирать, и теперь въ правѣ спросить каждый: гдѣ же ты, русскій педагогъ, неужели ты не найдешь себѣ дѣла, неужели ты напрасно ищешь его? Неужели ты уступилъ свое гѣсто расплодившимся ремесленникамъ, которые смазываютъ старую машину и по сырпу ея съ радостью заключаютъ, что она не остановилась, а идетъ благополучно? Огъликнется ли на это русскій педагогъ? не слншѣомъ ли онъ изволновался и изстрадался, глядя на болѣзни вѣва, подѣ невгодами жизни? Не потерялъ ли онъ вѣру въ излечимость болѣзни? Не сойдетъ ли онъ олча въ могилу съ тѣмъ поколѣніемъ, которое, по выраженію оѣта, было въ добру и злу постыдно равнодушно?

Я не знаю, чтѣ отвѣчать на эти вопросы. Знаю только, что

не менѣе грустно и незавидно положеніе педагога и среди отцовъ и матерей, которые понимаютъ его значеніе и довѣрчиво, какъ къ опытному медику, обращаются въ нему за совѣтами, прося наставить ихъ въ педагогической гигиенѣ: вы знаете законы психическаго развитія, насколько выяснила ихъ современная наука,—говорятъ они,—знаете, что можетъ повредить правильному развитію; знаете, что отъ этого зависитъ счастье дѣтей, слѣдовательно, и всей семьи, слѣдовательно, и благосостояніе всего общества. Да, онъ знаетъ это или, по крайней мѣрѣ, долженъ знать; но онъ долженъ знать также и то, что психическія силы развиваются и направляются внѣшними впечатлѣніями отъ всего окружающаго, что все общество участвуетъ въ развитіи и направленіи этихъ силъ, что всѣ явленія общественной жизни имѣютъ свои близкія и отдаленныя причины, что ихъ должно найти, обсудить и глубоко изслѣдовать; онъ знаетъ, что безъ яснаго указанія, какъ зло происходитъ, отъ какихъ причинъ, его совѣты могутъ показаться непрактичными, неумѣстными, лишними или даже фантастичными. А кто же дѣлалъ эти изслѣдованія? Его собственныхъ попытокъ и наблюденій для него недостаточно; они незначительны сравнительно съ тѣмъ что нужно, для обстоятельныхъ многостороннихъ выводовъ; они требуютъ провѣрки со стороны другихъ знающихъ людей. Но какъ было дѣлать эти провѣрки, если всѣ молчали? Что же оставалось отвѣчать педагогу на довѣрчивые вопросы отцовъ и матерей — указать, какія впечатлѣнія отъ окружающей жизни могутъ вредно дѣйствовать на нравственное направленіе дѣтей и юношей, и какъ устранить ихъ, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ. Отвѣчать онъ могъ чистосердечнымъ сознаніемъ, что его наука еще не запаслась обильными знаніями относительно этого предмета, что его совѣты могутъ вытекать только изъ знанія психическихъ законовъ, но не изъ основательнаго знанія явленій современной жизни, которая направляетъ психическія силы младшаго поколѣнія. До сихъ поръ, онъ могъ пользоваться только трудами западныхъ психологовъ и педагоговъ; но онъ сознаетъ, что для успѣха правильнаго русскаго воспитанія это только половина знаній, что другую половину нужно непременно добывать въ глубокомъ изученіи жизни русскаго общества, жизни не только современной, но и протекшей, нужно въ связи съ общими познаніями, приобретенными нами отъ европейскихъ ученыхъ, выработать *русскую* педагогію, иначе и всѣ тѣ познанія не принесутъ намъ желанной помощи въ практикѣ. Но эта половина осталась не добытою, и русскій педагогъ готовъ первый назвать *хромомолою* русскую педагогію.

Много дѣйствительно важныхъ вопросовъ предстоитъ разрѣшить русскому педагогу, еслибы онъ нашелся въ нашей средѣ. Но много нужно и благоприятныхъ условій для этого. И я началъ свою рѣчь не для того, чтобы приняться за ихъ разрѣшеніе. Въ виду настоящихъ обстоятельствъ я считаю необходимымъ только напомнить объ этихъ вопросахъ, только намѣтить нѣкоторые изъ нихъ. Можетъ быть, я не рѣшился бы и на это и поддался бы совѣтамъ добрыхъ людей, которые говорили мнѣ, что теперь не время для педагогическихъ вопросовъ, еслибы вдали отъ нихъ и отъ родины мнѣ не попался *циркуляръ* г. министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ отъ 24-го мая 1875 г. Этотъ циркуляръ, рисуя въ яркомъ свѣтѣ наши современные обстоятельства, поражаетъ фактами, многозначительными для каждаго педагога; а употребляя выраженіе: «истина не боится свѣта» — одобряетъ его и вызываетъ прервать молчаніе.

Живя нѣсколько мѣсяцевъ вдали отъ отечества, занятый скромными работами, я не имѣлъ возможности постоянно слѣдить даже по газетамъ за тѣмъ, что дѣлается въ Россіи. Я смѣялся надъ неслѣпными цѣлями и выходами заграничнаго русскаго изданія «Впередъ» и задавалъ себѣ вопросы: для кого оно издается и кто можетъ увлечься такими несообразными крайностями, какія тамъ проповѣдуются? Я остановился на мысли, что цѣль издателей, вѣроятно, пугать пугливыхъ русскихъ людей и тѣмъ тѣшить самихъ себя. Но вдругъ изъ сказаннаго циркуляра узнаю, что въ 37-ми губерніяхъ Россіи обнаружена преступная пропаганда, что она нашла себѣ почву для быстрыхъ успѣховъ; что главный контингентъ лицъ, занимающихся ею, составляетъ молодежь; что главнымъ орудіемъ ея избрана школа; что общество относилось ко всему этому съ равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ; что даже нѣкоторые отцы и матери подбиваютъ своихъ дѣтей къ этой пропагандѣ; что недоученые юноши не гнушаются при этомъ ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни даже убійствомъ!

Циркуляръ называетъ все это *печальнымъ* явленіемъ въ нашей общественной жизни. Но если истина не боится свѣта, то мы должны сказать, что оно болѣе тѣмъ печальное. Это явленіе ужасное. Оно обнаруживаетъ страшную болѣзнь всего общества, крайне разстроенный его организмъ, и нужно сильное напряженіе всѣхъ здоровыхъ его силъ, чтобы постепенно привести его къ нормальному состоянію.

Еслибы попались нѣсколько недоученыхъ юношей въ какомъ бы то ни было преступномъ и отвратительномъ дѣлѣ, то причины того можно бы было искать въ ихъ недоучености, въ ма-

ломъ нравственномъ развитіи, въ неблагопріятныхъ условіяхъ тѣхъ семей, въ которыхъ имъ пришлось расти и развиваться, наконецъ, даже въ злонамѣренности какаго-либо изъ наставниковъ, который давалъ имъ дурное направленіе. Но если этихъ недоученныхъ юношей достало для единодушной пропаганды на 37 губерній и притомъ, какъ сказано въ циркулярѣ, пропаганды успѣшной, то трудно убѣдить себя, что только одна недоученность могла толкнуть ихъ на такое скользкое поприще. Причины тому должны крыться значительно глубже и только медленно могли они готовить такое явленіе, которое должно назвать зловреднымъ нарывомъ въ общественномъ организмѣ. Эти причины не могутъ не занимать сильно каждаго члена общества, тѣмъ болѣе педагога, потому что онѣ связываются съ вопросомъ о воспитаніи; и отъ него было бы очень трудно оторвать ихъ, если обнаруживается, что молодежь изъ школы и семьи вступаетъ въ жизнь врагомъ общества и государства, еще не извѣдавъ настоящей жизни или, можетъ быть, черезъ-чуръ преждевременно извѣдавъ ее въ семьѣ и школѣ. Притомъ же, какъ понимать значеніе самаго слова «недоученность»? Мы привыкли фразой «недоученный юноша» характеризовать каждаго молодого человѣка, неокончившаго полного курса ученія въ гимназій или въ другомъ какомъ-либо учебномъ заведеніи. Но знаемъ также, что тѣмъ же словомъ «недоученный» безъ разбора у насъ клеймили и замѣчательно полезныхъ дѣятелей въ нашей жизни, потому только, что имъ выпало на долю несчастье не кончить курсъ въ гимназій или даже въ университетѣ. Этой несчастной привычкой клеймить тѣхъ, кто намъ не нравится, разными некрасивыми фразами и тѣмъ безсердечно укорять ихъ собственнымъ ихъ несчастіемъ, мы обыкновенно уничтожаемъ настоящее значеніе словъ и дѣлаемъ изъ нихъ безсодержательныя фразы. Гдѣ же тотъ предѣлъ, за которымъ можно назвать человѣка *недоученымъ*? Мы знаемъ, что ученье, какъ и наука, безпредѣльно, что народная пословица: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», считаетъ каждаго недоученымъ, и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно мы всѣ недоученные, и кто изъ насъ по совѣсти можетъ сказать, что даже въ сферѣ своей дѣятельности онъ не чувствуетъ своей недоученности? И сколько разъ приходилось слышать отъ людей очень неюныхъ упреки школѣ, что она выпустила ихъ недоученными т.-е. не дала тѣхъ познаній, которыя оказались для нихъ необходимы въ жизни, и обильно сообщила такіа, отъ которыхъ имъ ни тепло, ни холодно и которыя безвредно для нихъ быстро забываются. Для такихъ людей слово «недоученный» не имѣетъ рѣзко опредѣленнаго значенія. Они считаютъ сами себя недо-

учеными, и это нисколько не помѣшало имъ сдѣлаться порядочными людьми и полезными работниками въ обществѣ, а инымъ даже занять видное въ немъ мѣсто. Почему же, спрашиваютъ они, только нынѣшняя недоученость такъ вредна для общества, тогда какъ въ недавнее прошедшее большая часть изъ насъ, даже кончившихъ университетскій курсъ, должны были, хотя можетъ быть и шопотомъ, назвать себя недоучеными; однако, никому не приходило въ голову идти въ народъ и пропагандировать тѣ книжныя идеи, которыя давно не тайна во всей Европѣ и, слѣдовательно, которыя могли быть извѣстны и намъ? И отчего же полагать, настойчиво спрашиваютъ они, что послѣдній классъ гимназіи или каковой бы то ни было русской школы пріобрѣлъ нынче такую силу, что можетъ удержать юношу отъ разныхъ политическихъ увлеченій и преступныхъ дѣйствій, давая ему право называться доученымъ; тогда какъ юноша, оставившій почему-либо школу за нѣсколько мѣсяцевъ раньше своего товарища, уже лишень этой силы благоразумія и способенъ бросаться во всѣ пропаганды, не гнушаясь ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни даже убійствомъ? Неужели нѣсколько мѣсяцевъ могутъ такъ нравственно настроить молодого человѣка и такъ вооружить его противъ зла? Но вѣдь и недоученый юноша, въ смыслѣ не прошедшаго полной школьной программы, учился нѣсколько и можетъ быть даже много лѣтъ въ той же школѣ, а иной учился даже очень прилежно, и учился всему тому, чему учились и другіе. Отчего же умъ его вдругъ могъ получить другое направленіе, отчего же эта наука оказалась бессильною въ направленіи его мыслей? Отчего за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса нравственное его развитіе было еще до того шатко, что онъ легко могъ сдѣлаться орудіемъ пропаганды, широко задуманной нѣсколькими смѣлыми личностями, которымъ нечего терять? Неужели, продолжаютъ они спрашивать, наша школьная педагогія до того жалка и слаба, что до самаго послѣдняго класса не оказываетъ никакого образовательнаго вліянія на души учениковъ? Неужели вопросъ о развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ совершенно устраненъ изъ дидактики и только буквой да цифрой, да неразъясненными общими фразами 'холодились души? Но, въ такомъ случаѣ, въ чемъ же состоитъ тайна послѣднихъ мѣсяцевъ школьнаго курса, тайна быстрого умственнаго и нравственнаго усовершенствованія, тайна, которая должна назваться мудростью педагоговъ?

Мы не вымыпляемъ этихъ вопросовъ: съ ними дѣйствительно обращались къ намъ, а можетъ быть и другимъ присяжнымъ

педагогамъ. Да, впрочемъ, они и сами собою вытекаютъ изъ небольшого сопоставленія фактовъ, и если «истина не боится свѣта», то ихъ нужно громко высказать, чтобы привлечь къ нимъ вниманіе нашихъ педагоговъ. Судя по тому, что въ послѣдніе годы нѣкоторыя лица, даже съ немалымъ значеніемъ въ обществѣ, ѣдко смѣялись надъ стремленіемъ педагогівъ тѣсно соединить науку съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ въ школѣ, находя это неумѣстнымъ и ненужнымъ дѣломъ, невольно является мысль, что эти рѣзкія осужденія и насмѣшки, а можетъ быть и другія силы, подѣйствовали и на многихъ практическихъ педагоговъ. А между тѣмъ никто еще не произноситъ прекрасной фразы: «истина не боится свѣта».

А тѣмъ временемъ накопилось столько недоученыхъ юношей, что оказалось возможнымъ черезъ нихъ вести пропаганду въ 37 губерніяхъ—это фактъ, по словамъ циркуляра, относящійся къ вполне достовѣрнымъ свѣдѣніямъ. Циркуляръ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что коммунистическія ученія революціонеровъ до такой степени нелѣпы и дикі, что могутъ найти успѣхъ развѣ между дѣтьми, недоучеными юношами и неразвитыми простолыдинами. Но если эти ученія вызываютъ на воровство, грабежъ и убійства, то одной неученостью и недоученостью едва ли возможно объяснить причину такого крайняго увлеченія. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы бросить какую-либо тѣнь на наши школы, гдѣ учились эти недоученные юноши, далеки отъ того, чтобы подозрѣвать ихъ въ стремленіи къ развращенію учениковъ. Нѣтъ, въ школѣ, какъ бы ни была она недостаточно организована, не могли они знакомиться съ этими ученіями, не могли они получить толчковъ въ воровству и убійствамъ, не школа могла намѣренно подготовить такую почву для дѣятельности пропагандистовъ. Если и можно тутъ сколько-нибудь винить школу, то только въ слабомъ нравственномъ вліяніи на молодежь, въ томъ, что она, слишкомъ заботясь объ умственной гимнастикѣ, не давала уму матеріала изъ жизни для надлежащей переработки и забывала, что главный двигатель въ поступкахъ человѣка—сердце, что только тѣ идеи и ученія могутъ пройти въ жизнь, которыя пройдутъ черезъ сердце, въ немъ оживятся и отъ него получаютъ энергію, чтобы перейти въ дѣло. Сами по себѣ слова, ученія и наставленія, какія бы они ни были, могутъ пожалуй развивать и обогащать умъ, но перейдутъ они въ дѣло только тогда, когда соединятся съ чувствомъ, т. е. когда найдутъ отголосокъ въ сердцѣ. Гимнастическія упражненія въ школахъ признаны очень полезными для укрѣпленія силъ и здоровья; но попробуйте упраж-

нѣтъ ученика только на одной гимнастикѣ, и изъ него непременно выйдетъ фокусникъ, фигляръ, клоунъ; онъ будетъ искусно и хитро выгибать свое тѣло для потѣхи другихъ или даже собственной. Таковой же нравственный фокусникъ можетъ выдти и изъ мальчика, если занимать его исключительно одной умственной гимнастикой. Не возбудитъ она въ сердцѣ возвышенныхъ чувствъ, не дастъ тѣхъ высокихъ идей, которыя благородятъ сердце; конечно, чувства развиваться въ немъ будутъ, но независимо отъ школьнаго вліянія, а можетъ быть и враждебно къ школѣ, а при житейскихъ неудачахъ враждебно и къ самому обществу. Отсюда ясно, каковаго рода идеи скорѣе всего могутъ проникать въ подобное сердце.

Все это не мною вымыслено, все это можно найти въ каждой порядочной психологіи или педагогіи. Кого же винить, если бы оказалось, что наши школы только учили, а не воспитывали? Прошу замѣтить, что я говорю о прошедшемъ, а не о настоящемъ. Я выставляю только вопросъ и винить не хочу никого, тѣмъ болѣе, что съ невыразимою радостью прочиталъ въ циркулярѣ, съ какою довѣрчивостью г. министръ народнаго просвѣщенія относится къ настоящимъ наставникамъ юношества, слѣдовательно, и къ школѣ, приглашая ихъ «приготовить на самомъ дѣлѣ людей достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ, которые сознательно поддерживали бы государственный порядокъ и осмысленно противодействовали всякимъ нелѣпымъ ученіямъ, откуда бы они ни происходили».

На такія слова нельзя не отвѣчать съ особеннымъ сочувствіемъ, тѣмъ болѣе педагогу, у котораго развился высокой идеаль наставника. Правильно понятія, они должны живительно подѣйствовать на направленіе всей нашей педагогіи, слѣдовательно, должны возвысить дѣятельность нашихъ школъ. Они убиваютъ ремесленничество въ нашемъ учебномъ дѣлѣ и вызываютъ много важныхъ вопросовъ, надъ которыми необходимо подумать каждому педагогу, слѣдующему за развитіемъ воспитательнаго дѣла. Понявъ всю важность этихъ словъ, мы, съ полнымъ убѣжденіемъ, говоримъ, что если они не останутся только словами, а перейдутъ въ дѣло, то должны подѣйствовать на всю организацію нашихъ школъ и сообщить имъ такую нравственную силу, какою онѣ никогда не имѣли. Конечно, было бы преступно съ нашей стороны не употребить всѣхъ силъ, чтобы помочь этому дѣлу; преступно было бы равнодушно отнестись къ такимъ высокимъ намѣреніямъ министра и отказать отъ тѣхъ вопросовъ, которые могутъ способствовать разъясненію и осуществленію этихъ намѣ-

реній. И мы по совѣсти должны это дѣлать, опираясь на выраженіе: «истина не боится свѣта».

Особенное наше сочувствіе возбуждаютъ слова циркуляра тѣмъ, что они возвышаютъ идеаль педагога. Этотъ идеаль, принятый сердцемъ, долженъ непремѣнно возвыситься и расширить дѣйствительную дѣятельность каждаго на педагогическомъ поприщѣ. Надо сказать правду, что въ русской педагогической сферѣ уже давно этотъ идеаль слишкомъ суживался, мельчал, унижался. Онъ ограничивалъ педагогическую дѣятельность однимъ *учительствомъ*, въ самомъ узкомъ значеніи этого слова—учить по данной программѣ съ тѣмъ, чтобы ученикъ могъ удовлетворительно выдержать обычный экзаменъ. Отсюда, за небольшими исключеніями, преимущественно сфера дидактическая только и занимала *учителя*—облегчить передачу программы познаній, укрѣпить въ памяти то, что внесено въ программу, придумать практическія упражненія для памяти—вотъ лишь къ чему стремилось большинство учителей, которые хотѣли прослыть хорошими *педагогами*. Съ этой стороны они могли выказать себя на экзаменѣ, съ этой только стороны могъ оцѣниваться ихъ трудъ, съ этой стороны развивался и ихъ идеаль. Я не думаю осуждать дидактическихъ ихъ стремленій къ лучшему; напротивъ, признаю ихъ необходимыми въ хорошемъ учительскомъ дѣлѣ. Я только заявляю, что ограничиваться такимъ идеаломъ дидактика слишкомъ узко для того, кто хочетъ называться педагогомъ. Я говорю, что воспитывать въ школѣ, въ полномъ значеніи этого слова, можетъ только педагогъ, а не учитель-дидактикъ; педагогическая же сфера дѣятельности можетъ оживляться только идеаломъ, развившимся не въ узкихъ предѣлахъ той или другой каѳедры, а въ связи съ нравственными требованіями семейной и общественной жизни. Узкій дидактическій идеаль способствуетъ развитію ремесленничества въ педагогическомъ дѣлѣ. Учитель, успѣвшій усвоить себѣ нѣсколько удачныхъ приемовъ въ преподаваніи, легко можетъ обольститься ими и считать себя близкимъ къ идеалу наставника или педагога, легко можетъ забыть дорогу къ необходимому усовершенствованію и погрузиться въ свои ежедневные и вѣчные уроки, на которыхъ, наконецъ, уже машинально повторяется имъ одно и то же: они уже не требуютъ отъ него предварительныхъ приготовленій, и безъ нихъ, кажется, идетъ дѣло хорошо. Они не требуютъ и оживляющихъ кабинетныхъ занятій, или развѣ только для просмотра ученическихъ письменныхъ упражненій, которыя въ огромномъ количествѣ могутъ только отуманить голову и на нѣкоторое время лишить

способности логически мыслить. Вот что я называю ремесленничествомъ въ педагогическомъ дѣлѣ; у него уже нѣтъ никакого идеала, изъ него уже выдохлась вся педагогическая сила. Такой ремесленникъ въ педагогiи способенъ сердиться, браниться, хвалить и наказывать, но не способенъ воспитывать; онъ способенъ съ успѣхомъ готовить къ школьному экзамену, но не способенъ готовить для жизни.

Я не могу рѣшиться бросить камень и въ такихъ ремесленниковъ, которые все-таки честно исполняютъ свое ремесло, если уже допустить существованіе школьнаго ремесла; не они виноваты, что, наконецъ, такъ съузился ихъ идеаль и узаконился разными обстоятельствами. Если «истина не боится свѣта», то мы надѣемся и отъ нихъ выслушать откровенную исповѣдь. Они все-таки лучше и полезнѣе другого не-новаго типа, который считаетъ педагогическою добросовѣстностью лишь одно самое строгое механическое исполненіе разныхъ мелочныхъ формальностей для того, чтобы по наружности казалось, что *въ настоящий моментъ* все обстоитъ благополучно. Мы можемъ только пожалѣть о нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и порадоваться, что еще далеко не всѣ школьные дѣятели потеряли истинный идеаль педагога; что тѣ, которые успѣли развить его въ себѣ, не отреклись отъ него, а только, можетъ быть, нѣсколько отступили и ушли въ себя, притаились, но тѣмъ не менѣе могутъ имѣть благотѣльное вліяніе на своихъ учениковъ. Они-то теперь, конечно, и оцѣнять въ особенности благотворное стремленіе министра вызвать новый идеаль педагога, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вызвать къ дѣятельности настоящія педагогическія силы. Но, конечно, эти силы должны встрѣтить и всѣ условія, благопріятныя для ихъ развитія: указавъ цѣль стремленія, нужно дать и средства достигать ее; заявивъ требованія, необходимо дать возможность и выполнить ихъ. Это аксіома, а въ ней мудрость администратора.

Считаю нужнымъ замѣтить, что, говоря о школѣ, я разумѣю не низшую элементарную школу, которая пока еще должна называться новою, а ту, которая у насъ имѣетъ свою исторію, школу, изъ которой наше юношество вступало въ жизнь образованнаго класса. Только изъ нея, конечно, могутъ выходить люди достаточно развитые и просвѣщенные и, по мысли министра, сознательно поддерживать государственный порядокъ и осмысленно противодействовать всякимъ нелѣпымъ ученіямъ. Никогда еще нашей школѣ не высказывались такія ясныя требованія, никогда еще наши преподаватели не уполномочивались говорить съ учениками въ классѣ о своей современности, и тѣмъ болѣе о тѣхъ нелѣпыхъ

ученіяхъ, которыя волнуютъ и совращаютъ нѣкоторые умы. Напротивъ, школа была такъ отрѣзана отъ всего современнаго, что еще недавно даже отъ преподавателей старались удалять нѣкоторые журналы, которые особенно прилежно занимались современнымъ ходомъ дѣлъ. Не многіе и рвались читать ихъ. Большинство изъ нихъ, слывшисья въ своей грамматической или другой какой крошечной сферѣ, и не интересовалось знать, какія нелѣпыя ученія существуютъ на свѣтѣ, и тѣмъ болѣе не думало, какъ противодѣйствовать этимъ ученіямъ. Въ ихъ глазахъ достаточная развитость и просвѣщенность доказывалась на экзаменѣ—на трехъ или на четырехъ языкахъ—не ошибается въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, помнить всѣ исключенія, перефразируетъ одну и ту же мысль на разные лады, выводитъ нужныя формулы—вотъ и просвѣщенный молодецъ, нечего въ немъ сомнѣваться. Я не хочу сказать, что изъ школы совершенно изгонялась рѣчь о нравственномъ развитіи и направленіи; нѣтъ, оно очень дѣйствительно выражалось въ запрещеніяхъ, въ наказаніяхъ, иногда въ повальныхъ обыскахъ учениковъ, нѣтъ ли въ ихъ карманахъ какихъ-либо запрещенныхъ предметовъ, въ исключеніяхъ изъ школы; но всѣ эти просвѣтительные приемы теперь должны оказаться уже негодными въ виду новыхъ требованій, чтобы достаточная развитость и просвѣщенность сдѣлала молодого человѣка способнымъ *сознательно поддерживать государственныя порядки и осмысленно противодѣйствовать* всякимъ нелѣпымъ ученіямъ. Этими требованіями школа сближается, даже тѣсно связывается съ современною жизнію, отъ которой она была очень далека. Отъ нея теперь уже требуютъ, чтобы она выпускала молодого человѣка въ жизнь достаточно вооруженнаго для борьбы съ обнаруженными врагами общества. Ей говорятъ, что только въ этомъ случаѣ она и исполнитъ свой прямой долгъ и свое назначеніе. Понятно, что все это значительно расширяетъ сферу дѣятелей школы и требуетъ отъ нихъ самой тѣсной духовной связи съ учениками, безъ чего невозможно и то нравственное вліяніе, какое отъ нихъ требуется. Подумать о томъ, какъ все это устроить, это уже дѣло педагоговъ. Дѣло министра было указать на зло и на средства, какъ ему противодѣйствовать въ школьной сферѣ. Все остальное уже составитъ рядъ педагогическихъ вопросовъ, которые придется разрѣшать самимъ педагогамъ. Мы увѣрены, что если циркуляръ министра будетъ ими такъ же принятъ въ сердце, какъ принятъ нами, то съ него долженъ начаться новый и лучшій періодъ жизни русской школы. Она будетъ сильна не только возвышеннымъ идеаломъ педагога,

но и болѣе тѣсной связью съ русскою семьею, на что такъ же обращаетъ вниманіе тотъ же циркуляръ. И вотъ еще важный фактъ, который вызываетъ много новыхъ педагогическихъ вопросовъ, придавая тѣмъ самому циркуляру особенное значеніе въ нашихъ глазахъ. Правда, циркуляръ винить русскую семью въ бессилии удержатъ недоученныхъ юношей отъ преступныхъ увлеченій и политическихъ фантазій, винить и извѣстную часть общества въ поверхностности и невѣжественности, и въ этомъ видѣть главную причину того присворбнаго факта, которымъ вызванъ самый циркуляръ. Но на эту же нравственную слабость нашей семьи и общества указываетъ и г. министръ юстиціи, слова котораго приводятся въ циркулярѣ г. министра народнаго просвѣщенія.

«Быстрые успѣхи пропаганды,—говоритъ онъ,—должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала достаточно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое, не отдавая себѣ вполне яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ,—такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандою, не находитъ отпора пагубнымъ и разрушительнымъ ученіямъ въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается». Мы не знаемъ, относятся ли эти послѣднія слова министра юстиціи и къ русской школѣ, потому что и она составляетъ среду, гдѣ наша молодежь растетъ и развивается, но во всякомъ случаѣ они имѣютъ въ виду русскую семью и въ ней не признаютъ должныхъ воспитательныхъ элементовъ. Если два министра, имѣющіе въ рукахъ много доказательныхъ фактовъ, согласно приходятъ къ одному и тому же заключенію о русской семьѣ, то, конечно, намъ возражать и спорить не приходится, и мы вполне понимаемъ ихъ присворбныя чувства и раздѣляемъ ихъ, когда намъ говорятъ, что нѣкоторые отцы и матери даже подбивали своихъ дѣтей къ преступной пропагандѣ. За такими фактами каждый историкъ долженъ признать достаточную причинную силу, т.-е. видѣть въ нихъ настоящую причину извращенности нѣкоторой части нашей молодежи. Но, конечно, онъ же захочетъ знать и причину этихъ фактовъ, откуда могли явиться такіе отцы и матери, что могло такъ извратить русскую семью и можно ли одною невѣжественностью объяснять эти явленія. Наша исторія, напротивъ, показываетъ, что невѣжественность всегда была при-

ввязана къ застою, всегда поддерживала крайній консерватизмъ, а нивкакъ не окрылялась уже черезъ-чуръ быстрою прогрессивною.

Хотя этотъ вопросъ и чисто-соціальный, но во всякомъ случаѣ и педагогъ близокъ къ нему становится, потому что воспитаніе въ близкой связи съ каждымъ общественнымъ зломъ, отъ котораго необходимо оберегать юношество; а оберегать можно только тогда, когда хорошо знаешь причину зла. Дѣйствуя сознательно на ослабленіе или уничтоженіе причины, ослабляешь и самое зло. Такъ какъ циркуляръ по необходимости слишкомъ кратокъ и сжатъ, то, конечно, въ немъ мы не можемъ искать объясненія фактовъ, на которые онъ указываетъ, и разъясненія вопросовъ, которые онъ возбуждаетъ въ насъ. Судь вѣроятно обнаружитъ другіе факты, изъ которыхъ выяснятся намъ и причины нѣкоторыхъ явленій. Намъ нужно знать не только то, къ какой средѣ или части нашего общества принадлежатъ эти отцы и матери, подбивавшіе своихъ дѣтей къ пропагандѣ, но и обстановку, и обстоятельства ихъ жизни, такъ-сказать біографію ихъ. Ихъ крайнее озлобленіе, которое намѣренно передавалось ими и дѣтямъ, не могло вытекать изъ пустыхъ причинъ. Желая объяснить его психологически (а иначе объяснять его и невозможно), мы должны искать связи его съ какимъ-либо оскорбленнымъ самымъ дорогимъ чувствомъ, можетъ быть, даже чувствомъ родительскимъ, съ уничтоженіемъ какихъ-либо лучшихъ надеждъ жизни, что только и могло извратить всѣ другія чувства. Посылать своихъ юныхъ дѣтей на преступную и опасную пропаганду должно быть для родителей равносильно, что посылать ихъ на вѣрную гибель, и они рѣшались на это; значить, ничего сколько-нибудь отраднато не представлялось имъ въ будущей судьбѣ ихъ дѣтей, которыхъ вѣроятно же готовили они къ чему-нибудь лучшему, на которыхъ вѣроятно возлагали же какія-либо пріятныя надежды, хотя бы даже въ ихъ дѣтствѣ. Значить, уже какое-либо общее семейное горе, горе непоправимое, уничтожившее всѣ надежды, могло подавить въ нихъ родительскія чувства и смѣнить ихъ однимъ озлобленіемъ; иначе трудно объяснить себѣ это явленіе. И нужно только пожелать, чтобы немного могло насчитаться такихъ фактовъ.

Что же касается равнодушія извѣстной части общества, то оно легко можетъ объясняться невѣжествомъ, хотя отчасти могла быть и другая причина — старая привычка удаляться отъ того, для чего существуютъ сыщики и допросчики. Противъ невѣжества только и есть одно средство — быстрое распространеніе правильно устроенныхъ школъ. Авось этотъ фактъ убѣдитъ, наконецъ,

многихъ изъ нашихъ недалековидныхъ соотечественниковъ, называющихъ себя просвѣщенными, — они думаютъ, что невѣжество массы — сила неопасная, съ которою будто бы легко ладить. Авось, въ виду настоящихъ обстоятельствъ, они разубѣдятся въ своихъ мнѣніяхъ и отъ души пожелаютъ г. министру народнаго просвѣщенія полнаго успѣха въ распространеніи правильно устроенныхъ школъ.

Наша школа, уже давно имѣющая свою исторію, представляла и представляетъ одинъ очень важный недостатокъ, на который указываетъ съ сокрушеніемъ и циркуляръ министра — это слишкомъ малая связь ея съ семьей, которая поручаетъ ей своихъ младшихъ членовъ. Безъ этой связи школа дѣлается сухою, безжизненною и маловоспитательною, семья — эгоистичною, лишенною высшихъ интересовъ жизни и возможности провѣрять свои воспитательные элементы. Значить, страдаютъ и та и другая. А между тѣмъ обѣ онѣ въ тѣсной связи могли бы укрѣплять другъ друга, увеличивая взаимно воспитательныя силы. Дѣло педагоговъ рассмотреть, въ чемъ именно должна заключаться тѣсная связь русской семьи и русской школы: для этого имъ слѣдуетъ прослѣдить исторически развитіе русской школы, рассмотреть исторически же жизнь русской семьи и вывести, какіе воспитательные и не-воспитательные элементы она въ себѣ заключаетъ, какія могутъ быть у нея требованія и какъ школа можетъ удовлетворять имъ; равнымъ образомъ, какія требованія можетъ предъявлять школа, какъ требованія законныя, и какъ семья можетъ отзываться на нихъ. Я имѣю въ виду здѣсь семьи изъ общества образованнаго, слѣдовательно и школы, которыя существуютъ для его потребностей.

Педагогамъ нашимъ нужно поторопиться заняться этими вопросами, чтобы не остаться позади администраціи, которая заявила, что и у насъ нѣрѣдко не семья поддерживаетъ школу, а школа должна воспитывать семью, чего нѣтъ, прибавляется въ циркулярѣ, «ни въ одномъ европейскомъ государствѣ и что значительно усложняетъ и безъ того нелегкую задачу воспитанія».

Хотя мы и не совсѣмъ согласны съ послѣднею мыслью, убѣжденные, что правильно устроенная школа должна непременно оказывать воспитательное вліяніе на семью, и что безъ этого вліянія задачи истиннаго воспитанія невозможны, невозможно и прогрессивное развитіе воспитанія, слѣдовательно и его совершенствованіе; тѣмъ не менѣе мы считаемъ очень важнымъ высказанное желаніе администраціи, чтобы наша школа воспитывала семью. Это желаніе, мы не сомнѣваемся, будетъ переходить

дѣть въ дѣло, которое наконецъ покажетъ, что и самая школа должна быть поставлена въ инныя отношенія къ семьѣ.

Намѣреніе перевоспитать семью посредствомъ школы возбуждаетъ въ насъ много прекрасныхъ надеждъ и общаетъ нашей школѣ прекрасную будущность. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ наши педагоги поймутъ эту задачу, какъ примутся за дѣло и какаѣ регулирующая сила будетъ возбуждать ихъ. Если они найдутъ возможность свободно обсудить нѣсколько важныхъ и основныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ указанной задачи, то нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣмъ идеаломъ, который также имъ указанъ, они внесутъ въ школу и семью то, что должно составлять вѣрную связующую нравственную силу между ними. Обсуждая вопросъ о правильномъ отношеніи школы къ семьѣ, она, конечно, остановится на мысли, что не семья существуетъ для школы, а школа для семьи; что изъ этой послѣдней должны выходить полезные члены общества, дѣйствительные интересы котораго не могутъ противорѣчить истиннымъ ея интересамъ; что, наконецъ, дѣятельность этихъ молодыхъ членовъ общества можетъ быть полезна для него и благотворна для нихъ самихъ, когда она выбрана согласно и соотвѣтственно съ ихъ силами физическими и духовными, и, слѣдовательно, когда въ выборѣ этой дѣятельности помогала имъ или руководила ихъ семья. Если школа ищетъ себѣ помощи въ семьѣ, то семья еще болѣе хочетъ найти себѣ пособія въ школѣ, что, кажется, наша школа не всегда ясно сознавала, а бывали и такіе моменты, что это сознаніе совсѣмъ подавлялось: школа не рѣдко высказывала намѣренія вполне подчинить себѣ семью, ссылаясь на то, что будто она одна имѣетъ и въ силахъ приготовить полезныхъ членовъ общества и слугъ государству; семья же не хотѣла уступить все дѣло этихъ заботъ и обязанностей школѣ, считая за собою такія же, если не большія права. Отсюда и должны были вытекать эти неопредѣленные отношенія, которыя и помѣшали развиться тѣсной нравственной связи между ними.

Кто правъ, кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, мы теперь не будемъ рѣшать этого интереснаго вопроса. Чтобы обстоятельно отвѣчать на него, нужно исторически прослѣдить его, отчего пока мы отъезываемся. Наше настоящее намѣреніе, какъ мы уже сказали, только ставить вопросы, по возможности разъяснять ихъ, а не разрѣшать, что было бы даже невозможно въ предѣлахъ журнальной статьи.

Если мы признаемъ въ семьѣ главныя воспитательныя силы, если неоспоримо ея право обращаться къ школѣ за помощью,

то отсюда вытекает теоретическій вопрос: должна ли школа быть внимательна къ ея требованіямъ, и въ правѣ ли требовать, чтобы семья поддерживала ея интересы, еслибы даже семья и не замѣчала, что и школа съ своей стороны старается поддерживать ея семейные интересы?

Можетъ быть, на это нѣкоторые поспѣшатъ отвѣтить намъ: мало ли какія неразумныя или безумныя требованія можетъ предъявлять та или другая семья школъ; неужели же школа можетъ отзываться на всѣ эти требованія и стараться удовлетворять имъ; сколько бы явилось тутъ противорѣчивыхъ требованій—одна семья потребовала бы одного, другая другого—какъ бы быть той школъ, которая бы задала себѣ задачу основать свою связь съ семьею на исполненіи всѣхъ ея требованій. На это я отвѣчу, что, говоря о семьѣ, я не разумѣю частныя требованія отдѣльныхъ семей, требованія которыхъ дѣйствительно могутъ быть и нелѣпы, и противорѣчивы. Я разумѣю семью, какъ понятіе обобщенное, семью, у которой есть только общіе интересы, съ одной стороны постоянные, связанные съ понятіями семьи вообще, съ другой стороны временные, соединенные съ требованіями жизни извѣстнаго времени, съ условіями данной мѣстности или общественныхъ и общихъ семейныхъ нуждъ. Здѣсь требованія уже имѣютъ свои законныя причины; они могутъ быть неудовлетворены, но подавлены быть не могутъ, и такъ или иначе выскажутся и уже, какъ неудовлетворенныя, въ формахъ часто весьма уродливыхъ. Мнѣ кажется, что на этихъ-то требованіяхъ школа и должна основать свою связь съ семьею, признавъ за собою роль скромной, но необходимой помощницы семьи и черезъ то ея вѣчной благодѣтельницы. Изъ этого вытекаетъ, что если школа существуетъ для семьи, то для того, чтобы быть ея благодѣтельницей, а благо или добро только тогда можетъ назваться этимъ именемъ, когда связывается тѣсно съ самыми существенными потребностями жизни того, къ кому оно направляется.

Изъ всего этого видно, что школа нисколько не будетъ унижена и обезсилена, если она будетъ считать себя не важнѣе семьи, если она откажется отъ попушенія управлять семейными интересами по своему усмотрѣнію, а станетъ ея ревностною помощницею и въ этихъ предѣлахъ будетъ стремиться къ своей спеціальной цѣли.

Въ этомъ смыслѣ, вполне ли удовлетворяла до сихъ поръ русскую семью наша школа,—можетъ сказать только исторія русской школы въ связи съ семьею.

Будущій русский историкъ, рассматривая наше время, конечно, остановится на циркулярѣ, который возбудилъ въ насъ такъ много прекрасныхъ чувствъ и надеждъ, и уважаетъ на него какъ на откровенное слово или официальный голосъ, которымъ обвиняется русская семья въ недостаточной связи ея со школою. Но, конечно, для своихъ заключеній онъ не удовольствуется этимъ обвиненіемъ и захочетъ выслушать также и представителей семьи, т.-е. задастъ себѣ вопросъ: довольны ли были они школою? Мы не знаемъ, много ли матеріаловъ найдетъ онъ для рѣшенія этого вопроса и какъ оцѣнить эти матеріалы, которые, можетъ быть, послужатъ и въ обвиненію семьи и ея представителей. Но, конечно, вниманіе его остановится на брошюркѣ, напечатанной въ Берлинѣ немного ранѣе циркуляра, это—письмо князя Васильчикова къ министру народнаго просвѣщенія. Историкъ, можетъ быть, обсудитъ, насколько кн. Васильчиковъ правъ или неправъ въ своихъ предположеніяхъ; но собственно не въ этомъ для него долженъ быть главный вопросъ, а въ томъ, насколько авторъ является представителемъ современной русской семьи, вотъ этотъ-то вопросъ долженъ привлечь все его вниманіе. Онъ, конечно, будетъ знать, что князь Васильчиковъ не можетъ назваться представителемъ семьи невѣжественной, не понимающей настоящаго образованія, не знающей своихъ истинныхъ нуждъ и интересовъ. Но въ то же время онъ не найдетъ въ немъ и радикала-социалиста, который бы хотѣлъ все передрать на новый ладъ, не обращая вниманія на исторію и на законы постепеннаго развитія. Кн. Васильчиковъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что является представителемъ меньшинства, поставленнаго въ самыя благопріятныя условія для воспитанія, или, какъ онъ самъ говоритъ, принадлежащаго къ тому разряду счастливецъ, которые могутъ выдержать безъ разстройства всякія испытанія, преодолѣть всякія трудности и пожертвовать большими суммами для воспитанія своихъ дѣтей, не причиняя себѣ никакихъ стѣсненій. Но такихъ счастливыхъ семействъ онъ насчитываетъ всего тысячи полторы или двѣ въ Россіи. И несмотря на всѣ эти благопріятныя условія, имъ кажутся отношенія школы къ семьѣ неправильными, и въ нихъ видятъ они причину нѣкоторыхъ печальныхъ явленій въ жизни. Мы не станемъ разбирать доводы князя Васильчикова, ихъ разберетъ будущій русский историкъ. Мы хотѣли только сказать, что у насъ есть отцы, понимающіе по-своему связь семьи со школою, готовые помогать школѣ, но въ то же время и готовые ревностно отстаивать свои родительскія права въ дѣлѣ, касающемся

развитія физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ ихъ дѣтей.

Голоса представителей другихъ русскихъ семей теперь молчатъ, но, можетъ быть, предстоящій судъ надъ пропагандистами доставитъ будущему русскому историку матеріалы, которыми мы еще не можемъ пользоваться, и онъ будетъ имѣть возможность провзнести свое вѣрное заключеніе. Мы же оставляемъ этотъ вопросъ безъ разрѣшенія, готовые стать даже на сторону школы, если бы она представила убѣдительные доводы въ томъ, что ея отношенія къ современной семьѣ и есть настоящія педагогическія отношенія. Касаясь вопроса теоретически, мы говоримъ, что школа должна удовлетворять по крайней мѣрѣ хоть существеннымъ потребностямъ семьи. Одна изъ этихъ потребностей современной русской семьи въ извѣстномъ слѣдствіи общества—серьезное научное образованіе; съ нимъ родители соединяютъ идею счастья своихъ дѣтей; и мысль, что дѣти могутъ остаться безъ образованія, возбуждаетъ въ нихъ чувство ужаса. Главное назначеніе школы—совершать духовное развитіе юношества въ сферѣ научнаго образованія, слѣдовательно хоть въ этомъ она должна являться главною помощницею семьи, и устранять (допуская предположеніе) слезные вопросы отъ каждаго изъ отцовъ и матерей: скажите, что же намъ дѣлать съ нашими дѣтьми; они не могли поступить въ школу по недостатку вакансій? И если на долю нѣкоторыхъ семей нѣсколько лѣтъ сряду выпадаетъ недостатокъ вакансій, то какое же чувство въ родителяхъ и въ дѣтяхъ должно зарониться, а потомъ можетъ быть и развиться, при видѣ такого къ нимъ отношенія школы? Зависть бѣднаго къ богатому можетъ быть названа порокомъ и осуждена, но стремленіе бѣдныхъ семей обогатить своихъ дѣтей образованіемъ всегда восхвалялось какъ добродѣтель и поощрялось; наконецъ, оно и безъ поощренія довольно сильно, чтобы вызвать горькое чувство, если остается неудовлетвореннымъ—это уже законъ психическій, котораго не уничтожите. Вопросъ о неудавшемся счастьи легко можетъ мутить разсудокъ и вызывать невѣрные сужденія.

Представляя себѣ школу такою, какъ она рисуется въ нашемъ идеалѣ, не будемъ спорить съ тѣмъ, кто бы сказалъ, что къ этому идеалу подходит и школа современная. Въ этой идеальной школѣ исключенія недоученныхъ учениковъ бывають въ самыхъ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ. Она не допускаетъ мысли, что непроказившій ученикъ вреднѣе для школы, чѣмъ для общества, гдѣ, неисправленный, онъ будетъ жить въ праздности и увлекаться разными злобными намѣреніями противъ того же общества. Она

знаеть, что исключеніе молодого человѣка за опрометчивый или даже неблаговидный и злостный проступокъ есть настоящая нравственная его гибель и несчастье для всей семьи, которая въ этомъ случаѣ никогда не будетъ смотрѣть на исключеннаго глазами школы, даже еслибы онъ былъ дѣйствительно несправимый и заслуживающій этой кары. У такой школы долженъ быть свой педагогическій, а не уголовный судъ; онъ долженъ имѣть въ виду и будущее преступника, въ которомъ должна оставаться благодарность, а не озлобленіе, вредное для всѣхъ. Иначе, вмѣсто того, чтобы сохранять силы для общества, школа будетъ противъ него вооружать ихъ.

Въ жизни много разъ мы видѣли трогательные случаи, которые невольно наводятъ педагога на самые чувствительные вопросы. Мы видѣли, какъ нѣкоторые юноши учились до истощенія силъ, чтобы только не огорчить свою бѣдную мать какимъ-либо неудовлетворительнымъ о себѣ отзывомъ со стороны школы, чтобы хоть какою-нибудь радостью вознаградить ее за всѣ лишения и жертвы, какія она терпитъ для ихъ будущаго счастья. Они непрестанно утѣшали ее тѣмъ, что съ успѣшнымъ окончаніемъ курса они будутъ ея ревностными работниками и успокоителями, и въ этой искренней мысли они дѣйствительно находили въ себѣ новыя силы для школьныхъ трудовъ. Мать была счастлива одними обѣщаніями сына и готова была хвалиться его любовью. Такая нѣжная связь между ними вытекала изъ надежды на благодѣянія школы, и такимъ образомъ школа могла воспитывать всю семью. Но богатые сыновнимъ чувствомъ, не всѣ эти юноши были счастливо одарены природою, какъ силами физическими, такъ и умственными. Приходилось имъ или отставать, или не успѣвать въ томъ или другомъ предметѣ. Сколько трепета въ семьѣ отъ такого печальнаго случая, сколько тайныхъ ночныхъ слезъ со стороны мальчика, сколько чувствъ переживалось всѣми! И при этомъ намъ приходила мысль: что, еслибъ юноша былъ исключенъ изъ школы за малые успѣхи; какой переворотъ долженъ произойти во внутренней духовной жизни всей семьи, и куда направится энергія его въ труду, и въ чему послужитъ этотъ твердый характеръ, развивавшійся при такихъ обстоятельствахъ? Много зла могла бы надѣлать школа, еслибы отказалась входить въ семейные интересы.

Все это я говорю для того, чтобы показать, какъ сильно ошибаются тѣ мнимые педагоги, которые безсердечно провозглашаютъ, что съ малоспособными нечего много возиться, на ихъ мѣсто всегда найдется достаточно другихъ, болѣе способныхъ,

которые на экзаменѣ могутъ сдѣлать честь школѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что при ограниченномъ числѣ школъ найдется много другихъ, талантливыхъ учениковъ; но школа, понимающая, что она должна выполнить, не станетъ гоняться за другими, талантливыми, а будетъ разумно и осмотрительно работать надъ тѣми, какіе ей достались. При такой школѣ недоученныхъ въ обществѣ будетъ не много, и тѣ не будутъ вредны обществу своею недоученностью не потому, что они малочисленны, а потому, что изъ какого бы класса и по какимъ бы обстоятельствамъ ни вышли, они все же будутъ носить нравственное вліяніе школы и будутъ всегда лучше и полезнѣе неученыхъ: ученые имѣютъ много степеней, и каждый годъ его долженъ ставить юношу выше во всѣхъ отношеніяхъ и никакъ не быть причиною зла потому, что юношѣ не удалось выслушать продолженія этого ученія. Еслибы школа до этого еще не дошла, то настоятельная потребность разрѣшить ей вопросъ, какъ вести дѣло такимъ образомъ.

Не удаляясь слишеюмъ въ своихъ идеальныхъ требованіяхъ отъ настоящаго предмета, мы укажемъ еще на одинъ утѣшительный фактъ между другими такими же, которыми въ своемъ циркулярѣ г. министръ народнаго просвѣщенія вызываетъ наши школы къ лучшему будущему и поощряетъ нашихъ педагоговъ къ высокой дѣятельности.

Исторія русской школы говоритъ намъ, что въ протекшее время, за которое, конечно, отвѣчаютъ не настоящіе дѣятели, при всякомъ общественномъ смятеніи, при всякомъ столкновеніи рѣзкихъ соціальныхъ идей, обыкновенно главную вину въ томъ старались приписать школѣ; ее тогда винили въ стремленіи развращать юношество, осуждали болѣе талантливыхъ преподавателей, которые имѣли вліяніе на учениковъ живымъ словомъ, даже безъ всякой мысли о социализмѣ; перебирали и запрещали учебники, въ которыхъ что-то хотѣли читать между строками, но въ дѣйствительности ничего особеннаго не находили; стѣсняли преподавателей всевозможными мѣрами даже не педагогическими, до того, что дѣйствительно ни одно живое слово не могло перейти отъ нихъ къ ученикамъ; но за то ученики искали этого живого слова внѣ класса, особенно въ книгахъ, преждевременныхъ для ихъ возраста, и становились внѣ всякаго школьнаго контроля въ умственномъ направленіи, такъ какъ одни боялись показывать книги, другіе боялись заводить рѣчь о чемъ-нибудь живомъ, тѣмъ болѣе о томъ, что волнуетъ общество. Все обыкновенно замолвало и, казалось, все успокоивалось, а между тѣмъ юное

поколѣніе втайнѣ подготавливалось къ такому направленію, какое вовсе не было желательнымъ.

И затѣмъ опять начиналось обвиненіе школы, лишенной возможности стать съ ученикомъ въ болѣе правильныя отношенія.

Въ настоящемъ случаѣ г. министръ народнаго просвѣщенія справедливо нашелъ неудобнымъ повторить прежнія нападки на школу, ни въ чемъ неповинную. Онъ доврчиво отнесся къ ней, стараясь не подавить, а вызвать въ ней живое слово и хорошо понимая, что только въ этомъ словѣ ея сильное орудіе. Циркуляръ не только приглашаетъ наставниковъ приготовить «людей достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ, которые сознательно поддерживали бы государственный порядокъ и осмысленно противодействовали всякимъ нелѣпымъ ученіямъ», но отчасти указываетъ и средство, какъ достигать этого — живыя откровенныя бесѣды о самомъ злѣ, которое грозитъ обществу: и пусть, говорится тамъ, при случаѣ и когда, по ихъ мнѣнію, встрѣтится удобность, они расскажутъ болѣе взрослымъ и понятливымъ ученикамъ, что несчастные политическіе фанатики, недоученные юноши, затѣваютъ провести въ народъ свои несбыточные фантазы, не гнушаясь при этомъ, какъ тоже обнаружено слѣдствіемъ, ни воровствомъ, ни грабежомъ, ни даже убійствомъ, и что именно ихъ-то вознамѣрились они избрать своимъ орудіемъ.

Итакъ, школа позволяется говорить о предметахъ, не введенныхъ въ официальную учебную программу, изъ школы приглашаются люди на сознательную и осмысленную защиту государственнаго порядка противъ нелѣпыхъ ученій. Послѣ этой прямой обязанности педагоговъ подумать внимательно, какъ честно выполнить эту задачу. Прежде всего, имъ самимъ нужно хорошо приготовить себя, чтобы слова ихъ выходили изъ сердца дѣйствительнымъ живымъ словомъ. Одного позволенія со стороны начальства, одного собственнаго желанія вести разговоръ еще слишкомъ недостаточно для такого дѣла. Нельзя говорить о томъ, съ чѣмъ самъ хорошо не знакомъ, нельзя убѣждать другихъ въ томъ, чего самъ ясно не передумалъ, иначе каждый бойкій ученикъ своими пытливыми вопросами собьетъ наставника съ толку или поставитъ втупикъ: ему уже придется думать не о томъ, какъ бы убѣдить, а какъ бы удачнѣе и съ честью вывернуться изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ поставленъ неожиданными вопросами. Разбивать нелѣпыя ученія, построенныя на извѣстной логикѣ или на софизмахъ, въ каждому легко; нужно не только самому быть вооруженному строгой логикой, но и развить ее въ своихъ слушателяхъ, при-

чемъ необходимо допускать свободно всевозможныя возраженія, чтобы не оставалось никакихъ недоумѣній и сомнѣній. Насколько это исполнимо и удобно, пусть также рѣшаютъ педагоги. Они, конечно, знаютъ, что съ мыслию юноши, не дошедшаго до полной зрѣлости ума, нужно обращаться весьма осторожно, иначе не искусный защитникъ какого-либо дѣла можетъ сдѣлаться вреднѣе самого противника. Говорить же рѣчи ученикамъ и требовать отъ нихъ молчанія, не допуская ихъ до разъясненія какихъ-либо неясныхъ имъ вопросовъ, значитъ забрасывать въ ихъ души такія сѣмена, которыя, напротивъ, нужно не допускать. Циркуляръ говоритъ, что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды школу; изъ этого мы заключаемъ, что они, подъ видомъ преподавателей, стали проникать въ школы, чтобы тамъ развращать юношей. Люди, рѣшившіеся на это, хотя и съ извращенною мыслию, но жертвующіе своими головами, должны отличаться энергіею и владѣть софизмами достаточно сильными для того, чтобы смущать незрѣлые умы. Рядомъ съ ними и противъ нихъ не могутъ стать личности сухія, вялыя, только официально исполняющія приказанія начальства. А такими уже привыкли быть многіе изъ нашихъ наставниковъ, потому что быть иными они ничѣмъ не вызывались: энергія ихъ не могла развиваться въ тѣсной обстановкѣ ихъ дѣятельности. Конечно, можно надѣяться, что болѣе не войдутъ въ школу самозванные учителя съ преступными намѣреніями; но еслибъ случилось, что ето-нибудь проскользнуло бы туда, то онъ воспользуется официальнымъ позволеніемъ вести бесѣды съ учениками болѣе всѣхъ другихъ и надѣлаетъ болѣе зла, чѣмъ тѣ добра, прежде чѣмъ зло будетъ обнаружено. Изъ всего этого видно, что нелегко выполнить задачу, какъ не легко готовить запоздалое вооруженіе противъ врага на полѣ битвы.

Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли чѣмъ-нибудь ограничить эти бесѣды?

Во всѣхъ педагогическихъ соображеніяхъ основаніемъ должны служить законы психическіе, безъ знанія которыхъ педагогъ не можетъ сдѣлать ни шагу. Мы уже сказали, что союзъ ума съ сердцемъ — источникъ всѣхъ нашихъ рѣшеній въ дѣятельной жизни. Только тѣ мысли и ученія могутъ обратиться въ живое сѣмя и дать плодъ, которыя найдутъ себѣ приготовленную почву въ сердцѣ. Значитъ, не уши юношей нужно оберегать отъ тѣхъ и другихъ ученій, а сердце отъ такихъ впечатлѣній жизни, которыя легко пробуждаютъ и развѣщаютъ недостойныя чувства и злобное настроеніе. Положимъ, что при извѣстной строгости въ

школѣ, уши тамъ уберечь можно отъ всего, что угодно, но цѣль этимъ не достигнется, потому что внѣ школы никому оберегать ихъ. Но если убережено сердце отъ всѣхъ дурныхъ задатковъ, какъ, напримѣръ, отъ чувства несправедливости, насилія, униженія и всякихъ озлобленій, то и внѣ школы никакія разрушющія ученія, сколько бы они ни звучали въ ушахъ, не будутъ ими приняты. Тогда безопасно знать ихъ даже наизусть, потому что въ дѣйствіи они будутъ отвергаемы. Обставивъ школу тѣми условіями, при которыхъ дѣлается возможнымъ постоянное примѣненіе къ дѣлу этого психическаго закона, педагогъ не будетъ даже имѣть особенной необходимости распространяться передъ учениками о всѣхъ ложныхъ и нелѣпыхъ ученіяхъ: противъ нихъ въ самомъ ученикѣ окажется вѣрнѣйшій щитъ для отраженія зла. Я не рѣшаю, какъ это сдѣлать, а ставлю только вопросъ для необходимаго разрѣшенія. Судь надъ пропагандистами, конечно, сообщить намъ факты, очень важныя въ этомъ вопросѣ, и педагоги, вѣроятно, ими воспользуются: что именно могутъ столкнуть недоученыхъ юношей съ прямой дороги и что натолкнуло на преступныя дѣйствія? Тогда, конечно, обнаружится и главное зло, отъ котораго и нужно будетъ оберегать въ семейной и школьной жизни юныя сердца. Но, подъ словомъ «обереженіе» я не разумѣю карантина, гдѣ прекращаются всякія связи со всѣмъ, что живетъ за его предѣлами; семья, какъ и школа, не должны быть карантинными: въ ихъ рукахъ не зараженные, и здоровыя лица, и слѣдовательно, нужно дать имъ жить здоровую жизнь, устраняя или ослабляя только то, что губительно дѣйствуетъ на молодое сердце и что подготавливаетъ почву для пріятія недобрыхъ сѣмянъ.

При этихъ условіяхъ и наука будетъ дѣлать свое настоящее дѣло: она образуетъ достаточно развитыхъ и просвѣщенныхъ людей; она убѣдитъ, что каждый порядокъ общественный и государственный слагался исторически, развивался постепенно и можетъ развиваться въ будущемъ не иначе, какъ такимъ же образомъ; она убѣдитъ, что общества — не строенія, которыя каждый можетъ перестраивать по своему плану и вкусу, а живой, высшій и сложный организмъ, который можно разрушить, но не пересоздать; что въ этомъ организмѣ могутъ быть свои бѣдны, но онѣ лечатся не разрушительными средствами, которыя производятъ хаосъ, а улучшенными законами и стремленіемъ лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ гражданъ мирно внести въ общество свое посильное добро. Живая наука познакомитъ съ органическою жизнью и ея законами, познакомитъ и съ средствами,

какими человѣческія общества улучшались и какія напрасно употребляли для своего улучшенія, внося, вмѣсто добра, общія страданія и бѣдствія, т.-е. зло. При запасѣ такихъ познаній можно *сознательно* поддерживать общественный порядокъ противъ разрушительныхъ силъ и *осмысленно* противоудѣйствовать всякимъ нелѣпымъ ученіямъ. Послѣдними обыкновенно увлекаются незнакомые съ законами жизни органической и общественной и полагающіе, что при усилии и настойчивости можно передѣлывать природу человѣка и перестраивать людскія общества, какъ испорченныя машины. И по нашему мнѣнію, недочетность состоитъ не въ томъ, что юноша не успѣлъ дочитать нѣсколько страницъ изъ Цицерона и Овидія, Оувидида и Гомера, а въ томъ, что у него нѣтъ никакого запаса для разумной, дѣятельной жизни, и что его можетъ увлечь каждая бойко написанная книга, каждый говорунъ. Но вниманіе педагоговъ уже обращено циркуляромъ на эту слабую сторону образованія нашего юношества. Требованія циркуляра должны необходимо повести ихъ къ другой постановкѣ школы.

На основаніи того, что «истина не боится свѣта», педагогамъ придется безбоязненно, непостыдно и мирно выработать много новаго. Только эта дѣятельность можетъ дать школѣ новую жизнь и поставить ее въ надлежащія отношенія къ обществу и семьѣ, и тогда, можно надѣяться, не придется во второй разъ обвинять общество и семью, что они не помогаютъ школѣ. Тогда уже не можетъ быть и разлада между школой и семьей.

В. Стоунинъ.

Трапезе.
Іюль, 1876.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

КАКЪ ПРЕДМЕТЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ

Университетскимъ уставомъ 1863 г. въ составъ университетскаго преподаванія введена, между прочимъ, какъ отдѣльный предметъ исторія церкви. При этомъ введеніи имѣлись въ виду, конечно, цѣли собственно не богословско-религіозныя, — иначе преподаваніе этой науки было бы распространено на всѣ факультеты, — а научно-историческія, почему преподаваніе ея и отнесено къ историко-филологическому факультету, какъ науки дополнительной къ отдѣлу наукъ историческихъ.

Важное значеніе, въ этомъ отношеніи, церковно-исторической науки понятъ не трудно. Оно опредѣляется вообще значеніемъ церковно-религіознаго элемента въ жизни народовъ. Мы не будемъ пускаться въ метафизическія изслѣдованія о началѣ религіи; для насъ въ настоящую минуту, это вопросъ посторонній; стоя на исторической почвѣ, мы должны признать слѣдующіе два несомнѣнные факта: а) религія всегда составляла существенный элементъ человѣческой жизни; слова древняго путешественника (Плутарха): „не было ни одного государства безбожниковъ. Еслибы ты прошелъ чрезъ всю землю, то встрѣтилъ бы города безъ стѣнъ, безъ царей, безъ монетъ, безъ театровъ и гимназій, но никогда не встрѣтишь города безъ бога, безъ молитвы, безъ оракула и жертвенника. Скорѣе городъ можетъ существовать безъ почвы, чѣмъ государство безъ вѣры въ божество“, — эти слова имѣютъ силу и до настоящаго времени; б) такой важный элементъ человѣческой жизни, такъ глубоко вѣдренный въ нее, никогда не оставался изолированнымъ, напротивъ, всегда вліялъ на другія стороны жизни, и въ свою очередь принималъ на себя ихъ вліяніе.

Переходя отъ этихъ общихъ положеній о религіи вообще — къ

религии христианской, мы должны, прежде всего, признать, что христианство болѣе, чѣмъ всякая другая форма религии, удовлетворяетъ религиознымъ потребностямъ человѣческой природы. Древніе учителя церкви любили говорить, что душа человѣческая по природѣ—христианка. Въ этомъ изреченіи, хотя, конечно, и нельзя принимать его буквально... и во всей силѣ, есть глубокой смыслъ: принципы христианства какъ нельзя болѣе отвѣтили нуждамъ человечества: не даромъ съ такою охотою шли ко Христу всѣ труждающіеся и обремененные. Далѣе—что христианство этими принципами произвело коренной и глубокой переворотъ въ жизни, это—истина, не требующая доказательствъ. Что христианство и въ дальнѣйшемъ теченіи исторической жизни европейскихъ народовъ, такъ или иначе, связано со всѣми важнѣйшими ея эпохами, — это тоже едва-ли кто можетъ оспаривать. Есть эпохи, которыхъ рѣшительно нельзя понимать безъ широкаго знакомства съ религиознымъ движеніемъ тѣхъ временъ. Таковы средніе вѣка съ религиознымъ характеромъ ихъ искусствъ, различныхъ учрежденій, самой науки. Даже и такія явленія, какъ, на примѣръ, возвышеніе королевской власти на обломкахъ императорства, возникновеніе городского сословія — явленія, повидимому, не имѣющія никакого отношенія къ религии, въ сущности однако же не могутъ быть объяснены внѣ связи ихъ съ великимъ религиознымъ институтомъ того времени, внѣ связи съ исторіей папства. Точно то же нужно сказать о временахъ реформаціи, когда возбужденіе къ политическимъ и социальнымъ движеніямъ если и не шло прямо изъ религиозной сферы, то, по крайней-мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не было отдѣлено отъ нея. Въ какой степени само государственное начало, притомъ уже окрѣпшее, въ теченіе долгаго своего существованія, оказывалось въ ниня времена безсильнымъ предъ движеніемъ религиознымъ,—въ поясненіе этого мы уважемъ на періодъ греко-римской исторіи, въ которомъ обыкновенно считаютъ церковь подчиненною государству, подавленною имъ. Это—періодъ, когда вѣра христианская сдѣлалась господствующею въ имперіи. Не говоря уже о томъ, что самый актъ принятія Константиномъ христианской вѣры есть краснорѣчивѣйшее доказательство побѣды новаго религиознаго начала надъ государствомъ, истощившимся въ безплодной борьбѣ съ нимъ и пришедшимъ къ сознанію необходимости, для спасенія себя, покориться ему,—не говоря ужъ объ этомъ, посмотримъ, въ какой степени, и послѣ этого, религиозный элементъ являлся упругимъ въ отношеніяхъ съ государственнымъ. Императоръ Константинъ, достигнувъ, по одолѣніи своихъ враговъ, единодержавія, сильно заботился, какъ самъ онъ откровенно говорилъ въ одномъ письмѣ, упрочить свое дѣло религиознымъ объединеніемъ своихъ подданныхъ. Цѣль,

которая была предметомъ тайныхъ, пламенныхъ желаній всей его жизни, послѣ побѣды надъ Лициніемъ, повидимому, была достигнута. Но вотъ является незначительный пресвитеръ Аріи и грозитъ своимъ ученіемъ произвести волненіе въ народѣ; предупреждая эту опасность, императоръ Константинъ пишетъ къ нему, Арію, и епископу Александру, съ которымъ у Аріа прежде всего завязался споръ, письмо, въ которомъ старается имъ обоимъ выяснить ту мысль, что „вопросы, подобныя тѣмъ, которые теперь ихъ раздѣляютъ, не вынужденны какимъ-нибудь закономъ, а предлагаемыя любопытнѣе бесполезной правды, хотя и являются иногда какъ средства диалектическаго упражненія, но мы должны держать ихъ въ умѣ, а не вносить легкомысленно въ общественныя собранія и не ввѣрять необдуманно слуху черни... Подобныя споры—дѣло черни и болѣе приличны дѣтскому разуму, нежели разуму людей священныхъ и мудрыхъ“. Когда подступъ къ Арію съ этой стороны оказался неудачнымъ, императоръ рѣзко переиъняетъ тонъ своихъ отношеній къ нему; пишетъ къ нему другое письмо, въ которомъ называетъ его образомъ и подобіемъ дьявола, змѣей ядовитою, подвергаетъ грубо-язвительному осмѣянію даже постническую наружность его; предупреждаетъ, что онъ, Аріи, затѣялъ опасную для себя игру, что для него, императора, составляетъ теперь еще вопросъ, нужно ли жить или умереть еретикъ, и въ заключеніе всего приглашаетъ Аріа лично придти къ нему, человеку Божію,—за вразумленіемъ: „будь увѣренъ,—говоритъ Константинъ,—что своими вопросами я разрѣшу сокровенныя недоумѣнія твоего сердца, и надѣюсь, что кажущееся тебѣ неразумнымъ, при помощи благодати Божіей, представится наилучшимъ“. Но и угрозы императора оказались безсильными сдержать религиозный потокъ; бѣдный пресвитеръ не пошелъ къ Константину искать разрѣшенія сокровеннѣйшихъ недоумѣній своего сердца,—и своимъ ученіемъ много доставилъ хлопотъ державному императору!

Когда начались монофизитскія волненія, императоры также всѣчески старались утишить ихъ; для этого прибѣгали и къ преслѣдованіямъ, и къ разнымъ согласительнымъ формуламъ, которыя, смягчая противоположныя ученія, удовлетворяли бы и ту и другую сторону. Но желаемаго примиренія не достигалось, и споръ, возбужденный константинопольскимъ архимандритомъ, стѣбилъ имперію отторженія отъ нея значительныхъ областей, каковы: Великая Армения и Египеть.

Какихъ также мѣръ не употребляли императоры въ послѣдующее время бѣдственнаго положенія имперіи для устройства уніи съ Западомъ, съ цѣлію устранить грозившую отъ турокъ опасность, а въ нѣкоторыхъ времена даже съ болѣе смѣлыми замыслами—возвратить себѣ импера-

торскія права по отношенію къ Западу! Насилія, хитрость, обманъ,— все было пущено въ ходъ для достиженія этой цѣли. Случалось, что императоры склоняли на свою сторону знаменитѣйшихъ епископовъ и самихъ патріарховъ, оставляли дѣтей своихъ заложниками у папъ... А все-таки дѣло уніи никогда не было прочно — и политическая затѣя разлеталась въ прахъ, какъ только являлась на судъ религіознаго сознанія народа.

Наконецъ, въ доказательство вліянія религіи вообще на политическую судьбу народовъ, — укажемъ на всю послѣдующую судьбу греческаго народа, послѣ покоренія Византіи турками. Неизвѣстно, что выиграла бы Византія, еслибы устроилась унія съ Римомъ, но едва-ли можно сомнѣваться, что, среди политическихъ невзгодъ, вѣра была лучшею охраною народной самостоятельности для грековъ. „Вѣра,—говорила одна греческая газета въ 30-хъ годахъ (Ἐσαγγελικὴ σαλπ) отъ лица освобожденныхъ грековъ,—сохранила намъ наше родное слово, греческій національный характеръ, не дала погибнуть, среди нечестія нашихъ притѣснителей, нашимъ нравамъ и привела, наконецъ, насъ къ желаемой независимости. Откуда, кромѣ вѣры, взять бы намъ, оставленнымъ всѣми, силъ для такой продолжительной борьбы съ притѣснителями? Что, кромѣ вѣры, внушило бы намъ такое отважное, великое предпріятіе? Что, кромѣ нея, отважило бы насъ упорно преслѣдовать дорогую для насъ цѣль, несмотря на всѣ противодѣйствія политики“?

Мы указали примѣры вліянія религіознаго элемента на другія стороны жизни европейскихъ народовъ. Но, въ силу общаго закона взаимодѣйствія религіи со всѣми сторонами жизни, должно быть и обратное вліяніе общаго хода жизни на то или другое состояніе христіанства. Тотъ только можетъ отрицать это, кто сталъ бы утверждать, что христіанство, отъ начала своего появленія и до настоящихъ дней, передавалось отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу путемъ постояннаго и чудеснаго откровенія. Но и тутъ пусть попытается онъ, если можетъ, объяснить, какъ люди могутъ понимать и усвоить себѣ это откровеніе, помимо обыкновенныхъ способовъ человѣческаго пониманія. Нужно было бы нагромождать чудо на чудо, уничтожать естественный ходъ вещей,—и все это затѣмъ, чтобы, въ концѣ-концовъ, стать въ рѣшительное противорѣчіе съ ежедневнымъ опытомъ и фактами исторіи.

Было время, когда монашество считалось высшимъ идеаломъ нравственной жизни и въ самыхъ эксцентричностяхъ своихъ вызывало благоговѣйное сочувствіе къ себѣ. Въ концѣ IV вѣка нѣкто Палладій Елеополюскій, путешествовавшій, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по различнымъ странамъ Египта, для собранія свѣдѣній о за-

мѣчательныхъ подвижникахъ монашества, изложилъ эти свѣдѣнія въ особой книгѣ, названной имъ по имени лица, которому посвящать онъ ее: *Лавсанкъ*. Въ этой книгѣ авторъ съ сердечнымъ умиленіемъ разсказываетъ, какъ одни изъ монаховъ до самой кончины не носили льняной одежды, кромѣ покрыва на головѣ, не ходили въ баню, стыдились необходимости питаться безсловесною пищею, вмѣсто того, чтобы насыщаться пищею въ раю сладости; другіе по двадцати сутокъ не входили подъ кровлю дома, переносили палачій зной днемъ (дѣло было въ Египтѣ) и сильный холодъ ночью, чтобы побѣдить сонъ—тоже, по ихъ понятіямъ, неприличный существамъ разумнымъ,— и только тогда, когда начинали чувствовать припадки умоизступленія, — съ грустью уступали требованіямъ природы; третьи, въ бесплодной борьбѣ съ половыми влеченіями, ложились нагіе у входа въ пещеру гіенъ, чтобы звѣри, при выходѣ изъ пещеръ, пожрали ихъ, или приближали къ себѣ аспидовъ, чтобы они жалили грѣховную плоть, не покоряющуюся духу; четвертые готовы были нагіе идти во стогнамъ града, для показанія своего безстрастія и поученія смиренномудрію тѣхъ, которые считали себя тоже безстрастными, а между тѣмъ не рѣшались сдѣлать того же изъ опасенія, чтобы не назвали ихъ сумасшедшими или бѣснующимися. — Все это написано, какъ говоритъ самъ авторъ, съ цѣлью „возбужденія ревности къ подражанію въ мужахъ и женахъ, желающихъ вести жизнь небесную и украситься вѣнцомъ воздержанія и чистоты“. И конечно, не одинъ авторъ умилялся надъ такими подвигами; а между тѣмъ теперь и самые благочестивые люди едва ли затруднятся отнести подобныя явленія къ разряду неудобоподражаемыхъ. Нравственные идеалы въ сознаніи христіанъ видимо измѣнились, хотя мы все еще продолжаемъ считать святыми и преподобными лицъ, дѣламъ которыхъ и въ какомъ случаѣ не желаемъ подражать — и не потому только, что считаемъ эти подвиги трудными, а потому, что не считаемъ ихъ требуемыми духомъ христіанства.

Тотъ же самый періодъ процвѣтанія монашества отличался сильною возбужденностью религіозныхъ споровъ. Во время аріанскихъ споровъ это было дѣломъ обыкновеннымъ, что человекъ приходитъ въ булочную, спрашиваетъ о цѣнѣ хлѣба, а ему отвѣчаютъ: „Отца больше Сына и Сынъ подчиненъ Отцу“; приходитъ въ баню и спрашиваетъ: „готова ли баня“, ему отвѣчаютъ: „Сынъ Божій сотворенъ изъ ничего“. Ересь въ это время считалась самой худшей рекомендаціей человѣку; еретикъ былъ предметомъ глубокаго отвращенія для всякаго правосѣрующаго; даже въ обыкновенной жизни избѣгали всякихъ сношеній съ нимъ. Быть еретикомъ считалось болѣе безчестнымъ и болѣе опаснымъ въ отношеніи къ спасенію, чѣмъ быть

человѣкомъ порочнымъ. Одною подвижника того времени, съ цѣлю испытать его разумъ въ дѣлахъ вѣры и незлобіе сердца, стали обвинять въ разныхъ порокахъ, которымъ онъ не былъ причастенъ. По смиренію, онъ призналъ справедливымъ возведенное на него обвиненіе, а когда обвинили его въ ереси, онъ съ живостью сталъ опровергать клевету. Когда его спросили, почему онъ такъ спокойно отнесся къ первому обвиненію и такъ горячо оборонялся отъ второго, — онъ отвѣчалъ: потому, что для грѣшниковъ всякаго рода еще есть надежда спасенія, а еретики — человѣкъ окончательно погибшій. — Въ настоящее время ересь потеряла свое ужасающее значеніе: теперь, конечно, никому и въ голову не придетъ попытать другого, какъ онъ исповѣдуетъ ученіе о св. Троицѣ или о лицѣ Иисуса Христа, — и самые благочестивые люди не стѣснятся вступить въ какія-угодно отношенія съ человѣкомъ, съ которымъ расходятся въ воззрѣніяхъ метафизическихъ, если только сходятся съ нимъ въ жизненныхъ, реальныхъ интересахъ. — Теоретическая сторона христіанства въ наше время болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ предъ стороною практическою. Теперь даже православный журналъ не колеблется сказать о людяхъ, съ полнымъ отрицаніемъ относящихся къ церкви, но держащихся въ жизни принциповъ, составляющихъ сущность нравственнаго ученія христіанства: „ихъ называютъ безбожниками, они сами начинаютъ считать себя такими, а между тѣмъ, на дѣлѣ, въ жизни они, можетъ быть, ближе къ духу христіанства, чѣмъ тѣ, которые неразумно оттолкнули ихъ отъ христіанскаго общества“ (Прав. Обзор., 1861 г., январь, стр. 24).

Приведемъ еще примѣръ. Древніе христіане, въ большинствѣ случаевъ, рѣшительно отвергали войну, какъ дѣло возмутительное для христіанскаго чувства. „Герои ваши, — говоритъ Лактанцій, обращаясь къ язычникамъ, — считаютъ себя тѣмъ болѣе славными и благородными, чѣмъ болѣе они разрушали, грабили, чѣмъ болѣе убивали; они украшаютъ преступленія свои именемъ добродѣтели. Того, кто причинилъ смерть одному человѣку, клеймятъ какъ преступника, а если вы наводняете землю кровію, заражаете рѣки трупами, вамъ даютъ мѣсто на Олимпѣ“. Даже въ IV вѣкѣ, когда церковь уже вступила въ союзъ съ государствомъ, Василій Великій, хотя и называетъ воиновъ, защищающихъ вѣру и отечество, поборниками вѣры и благочестія, однако находитъ нужнымъ совѣтовать, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удерживались отъ приобщенія святыхъ таинъ (см. канонич. прав. Васил. Вел. 13). Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе въ самомъ религіозномъ сознаніи христіанъ измѣнялся взглядъ на войну и, наконецъ, сами христіане не стѣснялись уже величіе геройства измѣрять размѣрами разрушенія,

а ученіе о несовиѣстности съ христіанствомъ власти меча прямо стали считать въ числѣ ученій еретическихъ. — Такъ общее теченіе жизни, влія на сознаніе вообще, отражается въ частности и на сознаніи религиозномъ.

Если обратимся теперь къ народностямъ, воспринимавшимъ христіанство, здѣсь найдемъ новый источникъ религиозныхъ видоизмѣненій. Вѣроисповѣдныя формы — не случайное явленіе: онѣ существенно обусловливаются племенными особенностями народовъ и характеромъ ихъ исторіи. Существенныя черты греческой колѣны: равенство голосовъ въ собраніи народа, отвѣтственность общественныхъ служителей, верховный авторитетъ народнаго собранія — удержались и въ организаціи восточной церкви, издавна отличающейся соборнымъ началомъ. Съ другой стороны, и особенности римскаго духа и римской исторіи также отразились на устройствѣ латинской церкви. Римскій pontifex maximus, безконтрольно совѣщающій въ себѣ всю полноту духовной и свѣтской власти, воплотился въ такомъ же понтифексѣ христіанскаго міра — папѣ римскомъ. Аристократи римскіе, не желавшіе имѣть даже однихъ священныхъ обрядовъ съ плебейми, живутъ въ духовенствѣ римскомъ, лишившемъ мірянъ чина причащенія, отнявшемъ у нихъ право читать слово Божіе. Завоевательное начало государства римскаго сказалось въ стремленіяхъ римской церкви подчинять себѣ христіанъ другихъ вѣроисповѣданій, особенно въ той готовности, съ какою она принимаетъ къ себѣ иновѣрцевъ со всевозможными уступками ихъ вѣрованіямъ и привычкамъ, лишь бы признавали они главенство папы. Легіоны римскіе — не безъ аналогіи съ толпами монаховъ, этому воинствѣ папскому, такъ побѣдоносно, до извѣстной поры, поражавшемъ враговъ христіанскаго Рима. Любовь къ знанію, отличавшая древняго грека, выразилась и въ христіанскомъ мірѣ стремленіемъ грековъ проникнуть, насколько это возможно, въ самое существо догмата, приурочить его такъ или иначе къ понятіямъ разума. Деспотическій гнѣтъ надъ личнымъ началомъ въ языческомъ Римѣ краснорѣчиво сказана въ знаменитомъ изреченіи знаменитаго писателя латинской церкви (Тертуліана): *credo quia absurdum* (вѣрю, потому что нелѣпо). Другой знаменитый учитель той же церкви (блж. Иеронимъ), крѣпко смущавшійся тѣмъ, что нѣкогда въ часы, свободные отъ иноческихъ подвиговъ, среди ночей, проведенныхъ въ молитвѣ и слезахъ, онъ съ жадностію принимался за чтеніе греческихъ и римскихъ классиковъ, и послѣ изящнаго ихъ языка рѣчь пророческая казалась ему уже грубою, — видитъ видѣніе, обличавшее или даже бичевавшее его за это пристрастіе къ мірскому знанію. Ему именно казалось, что онъ предсталъ предъ Верховнаго Судію. На вопросъ судіи объ испо-

вѣданіи, представленій на судъ отвѣчалъ, что онъ христіанинъ. „Ты лжешь,—возразилъ ему судія,—ты Цицероніанецъ, а не христіанинъ; ибо творенія Цицерона совершенно овладѣли твоимъ сердцемъ“, и присудилъ его къ тѣлесному наказанію отъ руки ангеловъ, воспоминаніе о которомъ (по словамъ самого Іеронима) оставило въ его душѣ такое сильное впечатлѣніе, что и послѣ долго лежало въ немъ сознаніе своей вины (Epist. ad Eustach.). Самые догматы, которыми съ особенною любовію занималась церковь латинская, именно: о грѣхѣ, проникшемъ человѣка до мозга костей, такъ что самыя добродѣтели необлагодатствованныхъ язычниковъ, по выраженію блаженнаго Августина, суть только скрытые пороки, о свободѣ и благодати (то-есть объ отсутствіи всякой свободы, превращающемъ живого человѣка въ трупъ, приводимый въ движеніе какъ-бы электрической искрою божества), о предопредѣленіи, безотносительно къ свойствамъ и дѣйствіямъ людей, назначающемъ однихъ къ блаженству, другихъ къ осужденію,—самые эти догматы, говоримъ, какъ выгодные для іерархіи, служившіе для нея средствомъ держать въ зависимости отъ себя все духовное стадо, не безъ значительнаго отношенія, какъ намъ кажется, къ римскому духу,—жѣсткому, незнавшему пощады, властолюбивому. Точно также, съ другой стороны, спекулятивный характеръ греческаго духа сказался въ такомъ же характерѣ догматическихъ споровъ, занимавшихъ греческую церковь, каковы: объ отношеніи между собой лицъ пресвятой Троицы, объ отношеніи естества въ Христѣ и т. п.

Такое соприкосновеніе религіознаго элемента съ другими важнѣйшими сторонами жизни народной дѣлаетъ, бесспорно, весьма важнымъ изученіе его для историка. Въ настоящее время изучаютъ съ такимъ вниманіемъ самыя вымыслы фантазіи—пѣсни, сказки, легенды, насколько отражаются въ нихъ черты творившаго ихъ народнаго духа. Нужно ли доказывать, что осмысленное, научное изученіе развитія религіознаго сознанія, глубоко коренящагося въ самомъ существѣ народнаго духа, еще прямѣе можетъ вести къ той же цѣли—распознаванію и уясненію основъ народной жизни? Не даромъ историки, не ограничивающіеся изученіемъ одной внѣшней судьбы народовъ, но старающіеся проникнуть въ самый смыслъ жизни народной, познать самыя причины, управляющія ходомъ явленій, каковы, напримеръ, Гиббонъ и, въ особенности, спеціально обратившіе вниманіе на культурную сторону исторической жизни народовъ, каковы: Бокль, Дреперъ, Лоранъ, отводятъ въ своихъ трудахъ религіозному элементу,—какъ бы они ни смотрѣли на него, вопросъ этотъ въ данномъ случаѣ для насъ посторонній,—весьма широкое мѣсто. Не даромъ также динъ историкъ, когда его упрекали, зачѣмъ онъ въ своихъ трудахъ

во исторіи гражданской вторгается въ область исторіи церковной, отвѣчалъ, что онъ волей-неволей всюду встрѣчается съ христіанствомъ: „куда бы я ни шелъ,—говоритъ онъ,—оно повсюду предо мною, заслоняетъ мнѣ дорогу и мѣшаетъ идти“ (Michelet. Mémoires de Luther Préface). Специальное изученіе такого существеннаго элемента въ жизни народной представляется поэтому весьма важнымъ для тѣхъ, кто избираетъ своею спеціальною вообще изученіе наукъ историческихъ. Читенія по исторіи церкви должны быть для нихъ весьма важнымъ дополненіемъ, служащимъ къ болѣе широкому пониманію хода исторической жизни. Въ нашей исторической литературѣ, въ ея направленіи, вопросахъ, на которые она начинаетъ обращать вниманіе, слышится уже, повидимому, довольно ясное сознаніе всей важности знанія исторіи церкви, какъ для историческаго знанія вообще, такъ и для самой жизни,—для болѣе правильнаго отношенія къ тѣмъ или другимъ церковно-общественнымъ вопросамъ. Вопросы церковно-исторической области дѣлаются предметомъ изслѣдованія нашихъ ученыхъ, которые вовсе не имѣютъ своею спеціальною исторію церкви и которые обращаютъ вниманіе на эти вопросы собственно потому, что отъ разработки ихъ ждутъ разъясненія темныхъ сторонъ тѣхъ или другихъ отдѣловъ исторіи („Гусъ и Лютеръ“ Новикова, „Брилла и Меодій“ Лавровскаго, „Альбигойцы“ Осокина). Свѣтскіе журналы радушно открываютъ свои страницы для статей церковно-историческаго содержанія. Газеты толкуютъ о свободѣ совѣсти, соборномъ управленіи, о реформахъ монашества, церковнаго суда и томъ подобныхъ вопросахъ, настоятельно вызываемыхъ самою жизнью; а вопросы этого рода—церковно-религіознаго свойства и всего вѣрнѣе могутъ быть рѣшены на церковно-исторической почвѣ.

Нельзя не радоваться такому сближенію научно-литературныхъ областей, безспорно, весьма благотворному для нихъ самихъ и для жизни. Но нужно ли скрывать, что, вмѣстѣ съ этимъ пробуждающимся у насъ вниманіемъ къ церковно-историческому знанію, далеко еще не исчезло и слѣпое предубѣжденіе противъ него?

„Я хорошо знаю,—такъ начинается свои публичныя бесѣды по исторіи церкви одинъ иностранный профессоръ (Chastel),—сколько существуетъ предубѣжденій противъ предмета, которымъ мы хотимъ заняться; я знаю, съ какимъ нерасположеніемъ, чтобы не сказать презрѣніемъ, относятся къ нему люди, которые считаютъ себя даже умными и учеными. Исторія церкви, говорятъ они, это исторія суевѣрій, заблужденій и возмутительныхъ нечестностей (turpitudes) разнаго рода. Что, въ самомъ дѣлѣ, находимъ мы въ ней? Скипетръ въ рукахъ жрецовъ; народы, управляемые, подобно стадамъ, заблужденіемъ и невѣжествомъ; палч-узурпаторовъ; самыя низкія страсти, скрытыя

подъ маскою благочестія; жалкіе споры о словахъ, рождающіе кровопролитія безъ числа; однимъ словомъ—скопище всего, что только можно вообразить самаго постыднаго и смѣшного. Зачѣмъ же предаваться такимъ воспоминаніямъ? Не лучше ли набросить на все это покровъ забвенія, постараться, для чести человѣчества, забыть, какъ недостойно оно было унижаемо и обманываемо“.

Этихъ предубѣжденій, о которыхъ говорить иностранный профессоръ, едва ли менѣе существуетъ и въ нашемъ обществѣ, и притомъ также между людьми, которые считаютъ себя умными и учеными. Намъ нѣтъ нужды пускаться въ подробный разборъ такихъ предубѣжденій, обличающихъ, во всякомъ случаѣ, отъ кого бы они ни исходили—если не положительное невѣжество, то, по меньшей мѣрѣ, узкую ученость; но мы считаемъ не лишнимъ въ дополненіе къ тому, что уже сказано нами объ обще-образовательномъ значеніи исторіи церкви, привести слѣдующія слова того же иностраннаго профессора, сказанныя имъ по поводу указанныхъ предубѣжденій: „предположимъ, что исторія церкви дѣйствительно представляетъ такое некрасивое зрѣлище. Эта исторія, философъ, тѣмъ не менѣе должна интересовать тебя: ибо это — исторія человѣчества. Жрецы играютъ въ ней первую роль—соглашаюсь съ этимъ; но эти жрецы были люди; ихъ страсти — человѣческія страсти; когда они хотѣли господствовать надъ подобными себѣ, то достигали этого не иначе, какъ эксплуатируя чувства и склонности другихъ. Итакъ, ты, хвалящійся изученіемъ природы во всѣхъ ея формахъ, проникновеніемъ во всѣ сокровенныя ея изгибы, углубляющійся съ сею цѣлью во времена прошедшія—даже въ лѣтописи преступленій — по какому противорѣчію презираешь источники наученія, которые представляетъ тебѣ исторія церкви? Приди въ эту школу—изучить, какъ рождаются и распространяются суевѣрія, какими путями гордость и честолюбіе успѣваютъ обманывать людей, какъ приобрѣтаютъ власть и какъ теряютъ ее; поищи въ заблужденіяхъ прошлыхъ объясненія заблужденій настоящихъ; нѣтъ ни одной изъ самыхъ отталкивающихъ страницъ церковной исторіи, откуда философъ не могъ бы извлечь драгоценныхъ уроковъ. Но нужно быть слишкомъ предубѣжденнымъ,—продолжаетъ тотъ же профессоръ,—или совершенно не знать того, о чемъ берутся судить, чтобы въ лѣтописяхъ нашей религіи видѣть только однообразную картину заблужденій и пороковъ. Когда говорятъ о лицемѣрїи монаховъ и честолюбіи папъ, этимъ далеко не исчерпываютъ всего содержанія исторіи церкви. Что до меня, то я не только считаю ее не ниже всякой другой, напротивъ, не знаю никакой другой, которая представляла бы столько возвышенныхъ и привлекательныхъ чертъ. Общество, которое при своемъ возникновеніи со-

стало изъ одного Учителя и двѣнадцати учениковъ, быстро распространяется по всему лицу образованнаго міра; общество, которое безъ всякой внѣшней поддержки борется противъ другихъ культуръ, которое, въ концу трехъ вѣковъ своего существованія, было уже настолько сильно, что римскій императоръ считалъ за лучшее искать себѣ въ немъ опоры,—общество, которое, при нашествіи варваровъ на имперію, одно устояло среди развалинъ древнихъ учреждений, которое подчиняетъ своей дисциплинѣ полу-дикіе народы, и старается цивилизовать ихъ, покрывая, въ этотъ вѣкъ варварства, Западъ школами, госпиталями, домами убѣжища,—которое въ лицѣ папъ, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, держитъ скипетръ Европы, которое, вслѣдствіе религіознаго переворота, испытаннаго имъ въ XVI-мъ вѣкѣ, даетъ новое направленіе идеямъ, правамъ, политикѣ, которое наконецъ и въ наши дни уничтожаетъ рабство, содержитъ госпитали, посылаетъ миссіонеровъ въ такія страны, куда самые славные завоеватели не досылали ни одного изъ своихъ солдатъ,—такое общество не представляетъ ли зрѣлища въ высшей степени величественнаго и интереснаго? Его исторія не заслуживаетъ ли, по меньшей мѣрѣ, такого же вниманія, какъ исторія событій политическихъ революцій, войнъ, которыя гораздо менѣе вліяли на ходъ цивилизаціи?“

Наука, о которой говоримъ, на Западѣ разрабатывается съ тѣмъ усердіемъ, какого требуетъ ея значеніе. Здѣсь она имѣетъ исторію, въ которой ясно различаются характеристическіе періоды, и обширнѣйшую литературу, какъ въ отношеніи цѣльныхъ курсовъ, такъ и отдѣльныхъ изслѣдованій по тѣмъ или другимъ вопросамъ ¹⁾. Среди этого разнообразія и направленій, и безчисленнаго множества трудовъ по части исторіи церкви,—только исторія церкви восточной (со времени раздѣленія церковей) почти совсѣмъ игнорировалась, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, въ области западной церковно-исторической литературы. Перехода въ средніе вѣка, западные историки обыкновенно предпосылали замѣчанія, въ родѣ того, что со времени раздѣленія церковей „образовательныя силы греко-римскаго міра исчерпаны; степень развитія, до которой имъ суждено было дойти и до которой они способны были довести церковь, была достигнута. И вотъ, между тѣмъ, какъ византійская имперія изнемогаетъ, а съ нею слава древне-восточной церкви меркнетъ подъ гнетомъ исламизма, на Западѣ возникаетъ новая всемірная монархія и дѣлается предательницей новаго церковно-историческаго развитія“ (Kurt's Handb. der allg. Kirchengesch. B. I. § 45), и въ силу таковаго взгляда на Византію и византійскую церковь почти совсѣмъ освобождали себя отъ

¹⁾ Обзоръ этой литературы составилъ у насъ предметъ особой статьи.

труда говорить о нихъ. „Церковь греческая, — говоритъ названный выше профессоръ Шатэль въ сочиненіи „Le christianisme et l'église au moyen âge“, — не надолго остановитъ на себѣ наше вниманіе. Состояніе мазама, до котораго она доведена въ эту эпоху, незначительное вліяніе, которое она оказывала на общія судьбы христіанства, почти совершенно лишили бы насъ возможности что-нибудь сказать о ней, еслибы въ ея бѣдствіяхъ не было матеріала для разсказа“. Но въ послѣднее время и эта *terra incognita* исторіи церкви начинаетъ болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе западныхъ ученыхъ. Время видимо выдвигаетъ вопросъ византийско-славянскій. Ученые не могутъ оставаться равнодушными къ нему, хотя мотивы и характеръ ихъ вниманія къ этому вопросу далеко не у всѣхъ одинаковы. Одни, какъ Гергенрёттеръ (Photius, Patriarch von Konstantinopel), относятся къ церкви восточной съ ультрамонтанскими предразсудками и фанатизмомъ. Другіе — изъ католиковъ же, какъ Пихлеръ (Geschichte der Kirchlichen Trennung zwisch. d. O. und O.), и въ особенности въ послѣднее время — старо-католики высказываютъ въ сужденіи о ней значительную долю безпристрастія. Еще болѣе крупнымъ сочувствіемъ къ восточной церкви и вмѣстѣ усердіемъ къ разработкѣ ея исторіи отличаются богословы англиканскіе (Стэнли, Ниль).

Что касается церковно-исторической науки у насъ, въ Россіи, то не можетъ быть, конечно, и рѣчи о сравненіи ея съ состояніемъ этой науки на Западѣ. Въ сферѣ богословскихъ наукъ есть двѣ наиболѣе жизненныя и интересныя науки, это именно: исторія церкви и бібліологія (наука о священныя книгахъ), и обѣ онѣ убиты у насъ отвлеченно-догматическимъ направленіемъ, преобладавшимъ въ нашихъ духовныхъ школахъ. Только въ послѣднее время науки эти, въ особенности первая изъ нихъ, благодаря оживляющему духу времени, видимо стремятся выдти изъ того скромнаго положенія, въ какомъ находились доселѣ, и занять другое, болѣе соответствующее ихъ значенію, мѣсто. Магистерскія и докторскія диссертациі воспитанниковъ духовныхъ академій относятся, главнымъ образомъ, къ церковно-историческимъ вопросамъ. Духовные журналы также оказываютъ видимое предпочтеніе статьямъ церковно-историческаго содержания предъ статьями отвлеченно-догматическаго или назидательнаго свойства. Сфера церковно-исторической литературы, такимъ образомъ, значительно расширяется; но еще важнѣе этого, такъ сказать, количественнаго измѣненія, измѣненіе, замѣчающееся въ самомъ характерѣ и приѣмахъ церковно-историческаго изслѣдованія, стремящагося вмѣсто безплодныхъ попытокъ проникать въ непостижимыя для насъ тайны Провидѣнія, слѣдить въ церковно-исторической жизни естественную, доступную для нашего пониманія связь событій. Таково,

напримѣръ, руководство по исторіи русской церкви проф. Знаменскаго—весьма замѣчательное какъ по обилію матеріаловъ (при краткомъ объемѣ книги), такъ и по строго-научной обработкѣ его, что отражается, между прочимъ, на самомъ языкѣ книги—меткомъ и въ то же время въ высшей степени простымъ и безыскусственнымъ, чуждомъ пустыхъ разглагольствованій и ненужныхъ фразъ, обличающемъ въ авторѣ трезвое историческое воззрѣніе. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе стремленіе церковно-исторической литературы, за послѣднее время, къ разъясненію того отдѣла церковной исторіи, который, послѣ исторіи русской церкви, долженъ бы быть всего ближе и интереснѣе для насъ, и служить даже для насъ центромъ церковно-историческаго изученія, и который, между тѣмъ, составлялъ у насъ до послѣдняго времени почти нетронутую почву, это именно исторіи церкви восточной: византійской и тѣсно связанныхъ съ нею церковей славянскихъ. Въ этомъ отношеніи нужно назвать, какъ наиболѣе выдающіеся труды: „Исторія Аеона“, Порфирія, еп. Чигиринскаго; „Арсеній и Арсениты“, Троицкаго; „Отзывы о св. Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ, его современникахъ, въ связи съ исторіей политическихъ партій византійской имперіи“, Яреда; „Александрійскій патріархъ Мелетій и его участіе въ дѣлахъ русской церкви“, Малышевскаго; сюда же нужно отнести „Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской“, Голубинскаго, заботливо собравшаго въ этомъ сочиненіи свѣдѣнія по исторіи славянскихъ церквей, какія могъ онъ почерпнуть въ доступныхъ ему источникахъ и пособияхъ.

Сейчасъ указанное значеніе восточная церковь должна имѣть для насъ не потому только, что она ближе къ намъ и многое можетъ объяснять намъ въ явленіяхъ нашей исторической жизни, но и потому, что она можетъ многое объяснить намъ въ исторіи самаго Запада. Всѣмъ извѣстно вліяніе Византіи на Западъ, въ эпоху такъ называемаго „возрожденія наукъ“; но вліяніе это началось гораздо раньше и было, можетъ быть, гораздо шире, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Во второй половинѣ VII вѣка знаменитымъ архіепископомъ Англійи былъ Теодоръ Торсійскій, получившій образованіе въ антихійской школѣ. При вліяніи Теодора (и помощника его Адріана) въ наиболѣе замѣчательные монастыри, говоритъ Беда († 735) были обращаемы въ школы. Во время Беды, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, были такіе ученики у Теодора и Адріана, которые знали такъ же хорошо греческій и латинскій языки, какъ свой собственный (Hist. 4,2). Даже женскіе монастыри были обращаемы въ расадники ученія, такъ что въ слѣдующемъ за тѣмъ (послѣ Теодора) поколѣніи аббатисса Гильделида и ея монахини въ состояніи

были отличать грецизмы въ латинскомъ трактатѣ Альдгелма „De laudibus virginitatis“, написанномъ нарочно въ ихъ назиданіе. А не нужно забывать, что Англія своею цивилизаціею имѣла огромное вліяніе и на другія страны. Достаточно вспомнить здѣсь одного Алкуина, великаго цивилизатора своего времени, получившаго образованіе въ одной изъ англійскихъ школъ, столѣтіе спустя послѣ Теодора.

Шотландецъ Іоаннъ Эригена, стоявшій во главѣ умственнаго движенія при дворѣ Карла Лысаго, безспорно занималъ также видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія средневѣковой Европы, а образованіемъ своимъ онъ, главнымъ образомъ, обязанъ тоже Востоку; путешествуя здѣсь, онъ не оставилъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго храма, ни одного хранилища книжнаго не посѣщенными. Особую любовь питалъ онъ къ философіи александрійской неоплатонической и родственными съ нею сочиненіямъ Діонисія Ареопагита.

Никита Акоминатъ, греческій писатель XII-го вѣка, въ числѣ еретиковъ своего времени называетъ, между прочимъ, *икетовъ*—можно полагать, измѣненное названіе *взхитовъ* (молитвенники). Онъ описываетъ ихъ такимъ образомъ: „икеты—монахи, которые, будучи согласны съ православными во всемъ, отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что сходятся вмѣстѣ съ женщинами въ монастыряхъ и тамъ пѣніемъ и плясками прославляютъ Бога“. Аналогія очевидная съ „танцующими“ Запада, и Ульманъ (Theolog. Stud. und Krit. 1833, p. 694) находитъ не невѣроятнымъ, что это странное явленіе перешло на Западъ съ Востока—только приняло здѣсь другой (болѣе изступленный и эпидемическій) характеръ.

Вальденсы, возставая противъ главенства папы, называли римскую церковь вавилонскою блудницею, между прочимъ, потому, что она слишкомъ много заботится объ излишнихъ украшеніяхъ, *которые нѣтъ въ восточной церкви*. Осуждалъ безбрачіе духовенства, говорили, что *на Востокъ бракъ дозволенъ духовенству* (Schroekh, Kircheng. p. 547—557).

Палацкій въ брошюрѣ: „Über die Beziehungen und das Verhältniss der Waldenser zu den ehemaligen Secten in Böhmen“, обращаетъ особенное вниманіе на то обстоятельство, что буржскій соборъ 1432 года, сообщая о томъ, что жители провинціи Дофинэ, бывшей издавна центромъ вальденсовъ, не могли, по отдаленности мѣста, лично принять участіе въ войнахъ богемскихъ братьевъ, рѣшили послать, и послали, денежную помощь изъ добровольныхъ сборовъ, — смотрѣлъ при этомъ на вальденсовъ не какъ на учителей, а скорѣе, какъ на учениковъ богемцевъ: „in Delphinatu est quaedam portio inter montes inclusa, quae erroribus adhaerens praedictis Bohemorum, jam tributum

imposuit et missit eisdem Bohemis". А особенности церковно-религіознаго состоянія Чехіи сложились, какъ даютъ право съ несомнѣнностію заключать современныя изслѣдованія, подѣ влияніемъ восточно-религіознаго начала.

Особенно полезно было бы, конечно, *сравнительное* изученіе аналогическихъ явленій церковно-религіозной жизни Востока и Запада. Такихъ явленій можно указать не мало. И тамъ и здѣсь были преслѣдованія еретиковъ; и тамъ и здѣсь существовали священные убѣжища, суды божіи; и тамъ и здѣсь была борьба свѣтской власти съ духовною, была схоластика и мистика, и проч. Но эти параллельныя явленія, при ихъ сходствѣ, имѣли и существенныя особенности, обусловливаемыя особенностями самой почвы, производившей или воспринимавшей ихъ, а потому сравнительное представленіе ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, всего болѣе способствовало бы къ выясненію нравственной физіономіи Востока и Запада.

Пусть Византія, какъ говорятъ многіе изъ западныхъ историковъ, по раздѣленіи церквей омертвѣла и гнѣеть, но для насъ, во всякомъ случаѣ, интересно видѣть самый процессъ этого гнѣнія; интересъ усиливается своеобразнымъ характеромъ разложенія, завершающагося, послѣ много-лѣтней длительности, такимъ героическимъ возрожденіемъ, каково было возрожденіе Греціи. Мы позволимъ себѣ по этому поводу привести нѣсколько мыслей лейденскаго профессора Кисте, изъ его рѣчи о значеніи греческой церкви въ исторіи церкви вообще, или еще общѣе, въ исторіи человѣчества: „вслѣдствіе раздѣленія церквей, восточная церковь не испытала величайшихъ золъ, каковымъ подверглась бы въ противномъ случаѣ. Достаточно назвать одного человѣка, чтобы вполне понять и убѣдиться, отъ какой гибели она спаслась и осталась невредимою. Назову этого Григорія VII, больше и хуже котораго никто не имѣлъ вліянія на христіанство... По истинѣ счастливою должно назвать греческую церковь, что эти Урбаны, Григоріи, Адріаны, Иннокентіи и другіе, еще худшіе и безстыднѣйшіе папы, не имѣли надъ ней никакой силы и власти“. вмѣстѣ съ этимъ раздѣленіе церквей, продолжаясь Кисте, отвратило отъ греческой церкви и тѣ безчинства которыя являлись на Западѣ, какъ естественный результатъ папской тиранніи, каковы: обязательное безженство духовенства, чистилище, ученіе объ отнятіи чаши причащенія у мірянъ, о сокровищницѣ добрыхъ дѣлъ, и тому подобныя вымыслы ума человѣческаго. „Просвѣщеніе, во всякое время отличавшее епископовъ греческихъ, тогда особенно въ силѣ было между греками, когда на весь Западъ налегла темная ночь варварства. Ему же обязаны и мы тѣмъ, что въ нашихъ краяхъ, при помощи изгнанныхъ грековъ, разсѣялся на-

нець мракъ невѣжества... Особеннаго вниманія заслуживаетъ право, которое греческая церковь всегда давала всѣмъ вѣрующимъ невозбранно пользоваться книгами св. писанія. Другіе скрыли отъ людей божественный источникъ познанія вѣры, греческая церковь всегда поставляла на первомъ планѣ авторитетъ священнаго писанія, чтеніе его не только позволяла всѣмъ, но и заповѣдывала и облегчала новыми переводами“. Обращаясь далѣе къ настоящему плачевному состоянію грековъ, Кисте говоритъ, что участь и состояніе греческой церкви не зависятъ отъ турокъ. Она не заключается болѣе въ однихъ древнихъ предѣлахъ. Не напрасно открылись грекамъ эти неизмѣримыя страны, лежація ближе къ сѣверу. Ревность къ распространенію церкви, воспламенившая грековъ вскорѣ послѣ раздѣленія, произвела то, что греческая церковь стала въ этихъ странахъ источникомъ вѣры и всей гражданской жизни. Она дала апостоловъ славянскимъ народамъ, и когда основаны были между ними церкви, въ продолженіе многихъ вѣковъ давала имъ учителей и предстоятелей. Она воспитывала русскую церковь своимъ попеченіемъ и любовью... Если разсмотримъ теперь, каково царство русское, какъ далеко оно распространилось, какимъ обладаетъ могуществомъ и къ какому, наконецъ, способно возрастанію, то дѣйствительно нужно изумляться тому значенію, какое можетъ имѣть тѣсный союзъ греческой церкви съ имперією россійскою въ дѣлахъ Европы, какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ. Показать это не достанетъ силъ, но этому радоваться можно всѣмъ народамъ Европы, потому что въ Россіи господствуетъ церковь, которая не зависитъ отъ такъ называемыхъ намѣстниковъ Христа, надъ которою не имѣютъ силы и власти безчисленныя полчища іезуитовъ; она не знаетъ высокоумнаго желанія господствовать надъ всѣми христіанами; но, руководимая болѣе чистыми христіанскими побужденіями, имѣетъ въ виду святое дѣло вѣры христовой между всѣми людьми“. Сказавъ далѣе о широмъ и благотворномъ дѣйствиіи русскихъ миссій, Кисте заключаетъ: „греческая церковь послужила великому и поистинѣ божественному плану. Высочайшій даръ божественной благодати—вѣра Христова проникла ко всѣмъ народамъ на предѣлахъ и внутри Азіи. Она возгло свѣтъ, имѣющій просвѣтить нѣкогда всю эту обширную часть вселенной“ (Перев. въ „Прав. Собесѣд.“ за 1859 г.).

Вниманіе, съ какимъ ученые иностранцы начинаютъ относиться къ нашей церкви, не должно бы, конечно, ни въ какомъ случаѣ быть выше того, какое обязаны имѣть мы къ ней.

Мы сказали выше объ отвлеченно-догматическомъ интересѣ, преобладавшемъ въ нашихъ духовныхъ школахъ, какъ условіи, неблагоприятствовавшемъ до сихъ норъ развитію у насъ церковно-исторической науки. Въ университетахъ она можетъ прямо входить въ другія, болѣе благоприятныя для нея условія, вступая въ кругъ наукъ историко-филологическихъ, вліаніе которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно дать ей благотворное возбужденіе. Славянскія нарѣчія, преподаваемые здѣсь, должны быть, безспорно, весьма важны для одной изъ важнѣйшихъ по требованію времени отраслей церковной исторіи—исторіи церкви славянскихъ. Говоря объ этихъ условіяхъ, мы, впрочемъ, нисколько не думаемъ предсказывать со всею рѣшительностію процвѣтаніе этой науки въ университетахъ, но не можемъ не выразить желанія, чтобы она дѣйствительно могла воспользоваться этими условіями и чтобы они не остались для нея пустою фикціей. Въ этомъ отношеніи, конечно, въ высшей степени было бы важно для университета, чтобы онъ самъ могъ готовить себѣ преподавателей по этому предмету. Постановленіемъ совѣта министра народнаго просвѣщенія (17-го января 1873 года, № 52) право это не признано за университетомъ. Именно, исходя изъ той мысли, что „правильно излагать перемѣны въ судьбѣ церкви, возникавшія въ средѣ ея ученія, принятіе однихъ и отверженіе другихъ, возможно только при значительномъ запасѣ свѣдѣній изъ курса богословскихъ наукъ и привычѣ обращаться мыслию въ этомъ кругу“, совѣтъ министра для занятія катедры церковной исторіи призналъ прежде всего необходимымъ высшее богословское образованіе и, на этомъ основаніи, положилъ установить слѣдующія правила: а) кандидаты духовныхъ академій, окончившіе курсъ по отдѣленію церковно-историческому и удовлетворившіе требованіямъ, наложеннымъ въ § 68 и 69 общ. уст. унив., допускаются къ чтенію въ университетахъ лекцій по церковной исторіи въ званіи привать-доцентовъ на правахъ, изложенныхъ въ § 15 устава; б) магистры духовныхъ академій и доктора богословія могутъ быть опредѣляемы: первые — доцентами, а послѣдніе экстраординарными и ординарными профессорами, но въ такомъ случаѣ, если они прошли курсъ въ духовной академіи по отдѣленію церковно-историческому и для полученія означенныхъ степеней защищали сочиненія по одной изъ наукъ, входящихъ въ составъ церковно-историческаго отдѣленія духовныхъ академій; в) независимо отъ сего, доцентами и профессорами церковной исторіи могутъ быть опредѣляемы кандидаты духовныхъ академій, прошедшіе курсъ по отдѣленію церковно-историческому, и пріобрѣвшіе въ университетѣ порядкомъ, указаннымъ въ положеніи объ испытаніи на ученые степени, утвержденномъ 4-го января 1864 года, степени

магистра и доктора по разрядамъ русской или всеобщей исторіи; г) магистры духовной академіи, окончившіе курсъ по отдѣленію церковно-историческому и защищавшіе въ академіи диссертацию по одной изъ наукъ, входящихъ въ составъ сего отдѣленія,—по защищеніи затѣмъ докторской диссертаци по разряду наукъ историческихъ въ университетѣ, могутъ быть удостоиваемы степени доктора русской или всеобщей исторіи и приобрѣсть такимъ образомъ право на занятіе въ университетѣ каѳедры церковной исторіи въ званіи экстраординарнаго или ординарнаго профессора“. Изъ всѣхъ этихъ способовъ замѣщенія каѳедры, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы, въ интересахъ университетской науки, наиболѣе желателенъ означенный подъ буквою в), то-есть, когда кандидаты духовныхъ академій, прошедшіе курсъ по церковно-историческому отдѣленію, приобрѣтали бы потомъ степени магистра и доктора по русской или всеобщей исторіи въ *университетѣ*. Преимущество такого способа вполне признаеть и совѣтъ министра, замѣтивъ: „такой кандидатъ на каѳедру будетъ ближе знакомъ съ требованіями и приемами исторической науки“,—что—добавимъ отъ себя—собственно и нужно для преподаванія этой науки въ историко-филологическомъ факультетѣ университета. Но будетъ ли и на практикѣ этотъ способъ предпочитаться другимъ, болѣе удобнымъ для кандидатовъ на каѳедру, но менѣе выгоднымъ и желательнымъ для университета, это покажетъ время и о опытѣ.

А. м. ф. Лебедевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1875.

Взглядъ на русскую печать.—Судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ.—Обязательность начальнаго обученія въ Петербургѣ.—Средства города.—Положеніе дѣтей на фабрикахъ и заводахъ.

Всякіе юбилеи у насъ празднуются, и одинъ остроумный писатель имѣлъ право описывать недавно юбилей помощника казначея. Но никому и въ мысль не пришло—сознаемся, мы первые даже совершенно о томъ забыли—праздновать юбилей свободы русской печати. Мы искренно благодаримъ газету „Голосъ“, которая, съ обычной своей исправностью по части новостей, сообщила намъ, что перваго сентября нынѣшняго года „исполнилось десять лѣтъ съ того времени, какъ политическая печать въ Россіи стала пользоваться правами, дарованными ей однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ.“ Пошлемъ нашъ привѣтъ „Голосу“ за это напоминаніе. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ 31 августа 1865 года писалась въ его редакціи первая безцензурная статья, много измѣнилось и въ самомъ „Голосѣ“, и въ общемъ настроеніи и расположеніи печати. Возьмемъ въ примѣръ ту же газету, которая вспомнила о юбилей въ статьѣ, ничего праздничнаго и юбилейнаго, впрочемъ, не имѣющей. Сколько намъ помнится, въ первой безцензурной статьѣ „Голоса“, напечатанной 1-го сентября 1865 года, выражалось ожиданіе, что свободная русская печать станетъ на высоту своего призванія, сдѣлается двигательной силой, которая принесетъ всю ту пользу и правительству, и обществу, какой страна вправѣ требовать отъ своего свободного слова о собственныхъ дѣлахъ и нуждахъ. Оправдала ли русская печать такое ожиданіе? Откровенно, откладывая въ сторону скромность, скажемъ, что, по нашему убѣжденію, русская печать старалась оправдать это ожиданіе. Недостатки и уклоненія ей свойственны, хотя бы только по ея „молодости и неопытности“. Сверхъ того, въ семьѣ не безъ уroda, конечно. Но все-таки печать наша оказала посильныя

заслуги, которыхъ оцѣнка должна принадлежать будущему. Но возвратимся къ „Голосу“. Замѣчательно, что та самая статья его, напечатанная нынѣ, въ сентябрѣ 1875 года, въ которой сообщено объ истеченіи десятилѣтія, ни по тону, ни по содержанію нисколько не похожа на свою первую сентябрьскую статью 1865 года. Тонъ нынѣшней статьи весьма скромный, а содержаніе, кромѣ замѣтки о юбилеѣ свободы печати, заключается собственно въ томъ, что газету „Голосъ“ отчасти обижаютъ два провинціальныхъ полиціймейстера, одинъ—кронштадтскій, а другой—неизвѣстно какого города, даже названіе города умолчано изъ скромности. Эти полиціймейстеры пристають къ „Голосу“, одинъ—чтобы газета печатала его опроверженіе, другой—чтобы ему было сообщено имя автора какой-то статьи, требуютъ отъ него то и другое; „Голосъ“ и защищается отъ нихъ ссылкой на т. XIV ст. 61 уст. ценз. и на ст. 26 закона 6 апр. 1865 года, а вмѣстѣ сознается, что эти „свѣжіе факты и послужили поводомъ, чтобъ высказать приведенныя общія соображенія“, короче, что „Голосъ“ въ защиту отъ упомянутыхъ полиціймейстеровъ и заговорилъ о юбилеѣ свободы русской печати. Безъ нихъ и „Голосъ“, пожалуй, забылъ бы о немъ; а такъ какъ мы, благодаря Бога, не подверглись доселѣ притязаніямъ провинціальныхъ полиціймейстеровъ, то неудивительно, что мы и забыли.

Но если печать не успѣла занять положенія, соотвѣтствовавшаго ея ожиданіямъ, быть можетъ слишкомъ оптимистскимъ, не успѣла приобрести достаточнаго практическаго вліянія, то удалось ли ей по крайней мѣрѣ исполнить другое свое прямое назначеніе, именно—проснить понятія русскаго общества и выяснить его главные интересы? На этотъ вопросъ трудно отвѣчать оцѣнкой въ общихъ выраженіяхъ; лучше обратиться къ примѣрамъ и бросить бѣглый взглядъ на положеніе, занимаемое отдѣльными органами нашей печати въ настоящую минуту, въ тотъ моментъ, когда исполнилось десятилѣтіе слова, подлежащаго предварительной цензурѣ.

На тѣхъ же дняхъ, какъ въ „Голосѣ“ появилась замѣтка о юбилеѣ печати по поводу провинціальныхъ полиціймейстеровъ, въ „Русскомъ Мірѣ“ напечатана была статья подъ громкимъ заглавіемъ: „Политическіе и соціальные вопросы“. Очевидно, не можетъ быть статьи болѣе пригодной для обзора настоящаго положенія, чѣмъ именно такая статья, и вотъ почему мы обратили нашъ взглядъ сперва на „Русскій Міръ“. Газета эта свидѣтельствуетъ, что „хаотическое состояніе политическихъ и соціальныхъ понятій въ нашемъ обществѣ“ продолжается. Стало быть, оказывается, что печати не удалось, въ теченіи десяти лѣтъ, исполнить и другого своего назначенія—проснить понятія общества и выяснить его главнѣйшіе интересы. „Русскій Міръ“

идеть далѣе; онъ даже обвиняетъ самую печать въ поддержаніи „хаотическаго состоянія понятій въ обществѣ“, и причиною тому указываетъ слѣдующее: „въ основу своихъ воззрѣній наши публицисты кладутъ исключительно социальныя вопросы, въ родѣ вопроса о трудѣ и капиталѣ (мы увидимъ ниже, чѣмъ собственно занимаютъ въ настоящее время наши публицисты), забывая, что эти вопросы, какъ бы ни были они важны, по ихъ мнѣнію,—все-таки вопросы второстепенныя, подчиненныя высшимъ вопросамъ и зависящіе отъ нихъ“. Далѣе, „Русскій Міръ“, продолжая выражать мнѣніе, будто русскіе публицисты занимаютъ преимущественно „социальными пустословіями“, объясняетъ этимъ то обстоятельство, что русская печать не выясняетъ главнѣйшихъ интересовъ общества. „Вредъ отъ этихъ социальныхъ пустословій заключается въ томъ, что, сводя всѣ явленія общественной и политической жизни только къ социальнымъ вопросамъ, они отвлекаютъ общественное мнѣніе отъ политическихъ вопросовъ, связанныхъ съ будущностью Россіи“. Въ заключеніе, газета заявляетъ, что „рѣшилась сказать нѣсколько словъ о путаницѣ понятій, распространенныхъ въ нашемъ обществѣ вовсе не съ цѣлю полемизировать, а потому, что считаетъ это явленіемъ очень важнымъ и затрудняющимъ ходъ самой жизни“.

Итакъ, вотъ русская печать (либеральная, конечно, такъ какъ „Р. М.“ не можетъ же принимать вину на свой счетъ и на счетъ своихъ союзниковъ), вмѣсто того, чтобы выяснить главные вопросы и способствовать развитію русской общественной жизни, сама, напротивъ, затрудняетъ ходъ этой жизни. Мы сейчасъ обратимся къ либеральнымъ газетамъ и справимся, насколько онѣ въ самомъ дѣлѣ занимаютъ нынѣ „социальными воззрѣніями“, способными затруднить ходъ жизни; но сперва должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ органахъ, къ которымъ упрекъ „Русскаго Міра“ относится не можетъ, о газетахъ консервативныхъ и преимущественно о самомъ „Русскомъ Мірѣ“; сдѣлаемъ это также безъ всякаго намѣренія полемизировать; мы ограничиваемся теперь задачей простаго наблюдателя. „Русскій Міръ“ съ самаго своего начала положилъ себѣ быть органомъ консервативнымъ. Но консерватизмъ по самому существу своему гораздо легче ведетъ къ путаницѣ въ понятіяхъ, чѣмъ либерализмъ. „Русскій Міръ“ постоянно—между прочимъ и въ приводимой статьѣ—обвиняетъ русскихъ либеральныхъ публицистовъ въ „безформенности и безсодержательности ихъ либерализма“ и въ томъ, что они „безусловно слѣдуютъ за европейскими политическими мыслителями“. Но въ томъ-то и дѣло, что либерализмъ вообще гораздо менѣе безформенъ и безсодержателенъ по своей природѣ, чѣмъ консерватизмъ. Стремленія либерализма вездѣ въ сущности—одни и тѣ же; они въ одно время

и всеобща, и весьма опредѣленны. Вотъ почему и наши либеральные публицисты, еслибъ они могли въ самомъ дѣлѣ „безусловно слѣдовать за европейскими политическими мыслителями“, поступали бы вполне основательно, слѣдуя за ними; имъ вовсе не нужно изобрѣтать особаго русскаго либерализма и ломать себѣ голову надъ отысканіемъ особыхъ туземныхъ видовъ либерализма. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся органы консервативные. Консерватизмъ не есть рациональность, какъ либерализмъ, а стало быть въ немъ невозможна и общая теорія; онъ есть — историчность, а стало быть идеалы и стремленія его столь же различны въ разныхъ странахъ, сколько различно то положеніе дѣлъ, которое въ нихъ создано исторією и существуетъ въ данный моментъ. Тамъ, гдѣ перемѣны въ государственномъ и общественномъ бытѣ совершаются медленно, задача консерваторовъ ясна: они просто защищаютъ существующее положеніе дѣлъ. Но тамъ, гдѣ перемѣны быстры, задача консерваторовъ терять всякую опредѣленность. Она колеблется между поддержаніемъ существующаго и искаженіемъ, уничтоженіемъ существующаго, для возвращенія къ своему прошедшему. Наконецъ, тамъ, гдѣ одна важнѣйшая историческая основа столь прочна, что самый либерализмъ ищетъ въ ней для себя опоры, а всѣ прочія условія историческихъ корней не имѣютъ, но представляютъ просто эманации одной власти, безусловно подлежація исходящимъ отъ нея же видоизмѣненіямъ, тамъ задача и программа консерваторовъ окончательно путаются, приходятъ въ истинно „хаотическое состояніе“ и дѣлаются совершенно-произвольными. Ихъ приходится выдумывать, сочинять, и консерватизмъ является столько же, сколько консерваторовъ. Такъ у насъ, напримѣръ, писатель, защищающій освобожденіе крестьянъ, судебную и земскую реформы — консерваторъ, потому что защищаетъ существующія основы русской жизни. Между тѣмъ писатель, требующій возвращенія къ какимъ-то аристократическимъ началамъ, несуществующимъ, да и не существовавшимъ у насъ, но сочиненнымъ этимъ писателемъ, а также человекъ, который сталъ бы говорить въ пользу восстановленія крѣпостного права и отиѣны или искаженія судебной и земскихъ реформъ—у насъ тоже консерваторъ. Либераль повсюду добивается и свободы печати, и независимаго суда, и свободы совѣсти, и земскаго самоуправленія. Но консерваторъ, у насъ, при дѣйствительной безформенности и безсодержательности нашего консерватизма, можетъ ратовать въ одно время за свободу печати и противъ независимости суда, за самоуправленіе одного сословія и противъ самоуправленія земскаго.

Такимъ образомъ, каждый изъ нашихъ консерваторовъ, когда онъ собирается излагать свои мысли, долженъ сперва выдумать ихъ,

или выбрать, которое изъ минимоконсервативныхъ мнѣній, прежде выражавшихся, онъ будетъ защищать, и которое защищать не будетъ. Такая трудная задача представлялась и „Русскому Мiру“ при его основанiи, и вновь представлялась ему при перемѣнѣ его редакци. Въ ожиданiи такихъ новыхъ консервативныхъ задачъ, которыя бы придумалъ онъ самъ, личнымъ усиленiемъ, ему представлялся готовый выборъ между „консервативными“ традициями „Московскихъ Вѣдомостей“ и „консервативными традициями“ „Вѣсти“. Здѣсь слѣзникъ прежде всего оговориться, что мы не смѣшиваемъ „Русскiй Миръ“ съ упомянутыми газетами. Несмотря на свое пристрастiе къ аристократическому началу и своеобразный консерватизмъ, „Русскiй Миръ“ не выражалъ никакихъ крѣпостническихъ стремленiй и не былъ систематическимъ противникомъ судебныхъ началъ 1864 года; стало быть, видѣть въ немъ продолженiе „Вѣсти“ нельзя; онъ продолжаетъ ея традици собственно только поддержанiемъ аристократическому принципа или, какъ онъ выражается, „значенiя культурнаго сюж“. Своеобразный консерватизмъ не мѣшалъ ему иногда высказывать взгляды либеральные. „Гарантия спокойнаго развитiя,—говорилъ онъ въ одной изъ недавнихъ статей,—обусловливается свободной и самостоятельной дѣятельностью всѣхъ дѣйствительно общественныхъ элементовъ“. Итакъ, отъ либерализма въ обще-принятомъ смыслѣ онъ отступаетъ собственно въ томъ, что предоставляетъ себѣ опредѣлять, которые изъ элементовъ народа „дѣйствительно общественные“ и которые просто общественные. Для элементовъ русскаго народа, стало быть, предполагается табель, въ родѣ табели о рангахъ: одни свѣтнники признаются дѣйствительными, а другiе простыми; и отъ первыхъ совѣтъ въ самомъ дѣлѣ долженъ спрашиваться, а отъ вторыхъ—нѣтъ. Что касается сравненiя „Русскаго Мира“ съ „Московскими Вѣдомостями“, то оно невозможно уже потому, что „Русскiй Миръ“ есть органъ совершенно самостоятельный, „Московскiя же Вѣдомости“, какъ извѣстно, связаны съ лицемъ, который имѣетъ свое право начальство, и съ нынѣшняго года получили настоящую субсидiю въ формѣ значительнаго пониженiя арендной платы въ пользу г. Каткова. Какъ передаетъ „Голосъ“, „Московскiя Вѣдомости“ съ 1-го января 1875 года вновь отданы г. Каткову на 12-ть лѣтъ, съ платой въ годъ за право изданiя по 21 тыс. руб., вмѣсто прежде платимыхъ 35 тыс. руб., такъ что министерство народнаго просвѣщенiя пожертвовало изъ своего бюджета въ пользу г. Каткова ежегодную сумму въ 14 тыс. руб., что въ двѣнадцать лѣтъ составитъ 168 тыс. руб. Мы нисколько не хотимъ объяснять этого факта—если онъ вѣренъ—въ такомъ смыслѣ, что г. Каткову дано поощренiе за дѣятельность, признанную кѣмъ-либо полезною. Очень можетъ быть, что

средства газеты уменьшились, и редакция была вынуждена просить о сбавкѣ платы. Но тѣмъ не менѣе это первый примѣръ уменьшенія платы за арендуемую газету; а такъ какъ уменьшеніе это сдѣлано безъ всякой конкуренціи, безъ справокъ, не нашлись ли бы иные арендаторы, согласные вносить прежнюю плату, и г. Каткову отдано было безусловное предпочтеніе, даже съ большимъ пожертвованіемъ для казны, то самъ г. Катковъ первый будетъ, безъ сомнѣнія, побужденъ одной признательностью увидѣть въ этомъ прямое оказанное ему пособіе. Если только свѣдѣнія „Голоса“ вѣрны, пособія этого нѣтъ никакой возможности признать чѣмъ-либо, какъ именно пособіемъ, и „Московскія Вѣдомости“—газетою, получающею пособіе.

Между тѣмъ, „Русскій Міръ“ во всякомъ случаѣ органъ самостоятельный. Мы охотно отдадимъ ему еще справедливость въ томъ, что онъ чаще другихъ газетъ берется за обсужденіе вопросовъ политическаго свойства, хотя и должны прибавить, что это преимущество онъ раздѣляетъ съ „Гражданиномъ“, съ которымъ мы также не хотимъ его смѣшивать; преимуществомъ этимъ обѣ газеты обязаны особенностямъ своихъ направленій. Что касается газетъ либеральныхъ, то сфера, доступная для ихъ обсужденія, для нихъ, повидимому, сѣзвилась въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, съ начала шестидесятихъ годовъ. Едва ли о нихъ можно сказать, что они занимаются преимущественно „соціальными воззрѣніями“ и затрудняютъ ходъ русской жизни чѣмъ бы то ни было. Перебирая газеты за прошлый мѣсяць, мы въ передовыхъ статьяхъ находили то-и-дѣло слѣдующіе внутренніе „вопросы“: о винодѣліи, о сѣздахъ судопромышленниковъ, о пожарахъ, о казенныхъ земледѣльческихъ фермахъ, о мореходныхъ классахъ, о домѣ предварительнаго заключенія, о литературномъ фондѣ, объ освобожденіи отъ гильдейскихъ пошлинъ подрядчиковъ земскихъ дорогъ, о вознагражденіи нотаріусовъ, объ отвѣтственности докторовъ за неявку къ больнымъ, и т. п. Положимъ, каждый изъ этихъ вопросовъ имѣетъ свое значеніе и можетъ быть обсуждаемъ, хотя бы и въ передовыхъ статьяхъ, имѣющихъ назначеніе быть „руководящими“. Но дѣло въ томъ, что въ нашихъ газетахъ, по крайней мѣрѣ за прошлый мѣсяць, передовыя статьи по сюжетамъ сходнымъ съ тѣми, которые выше буквально выписаны, не попадались между прочими, между руководящими статьями болѣе общаго характера, но положительно преобладали. Можно даже сказать, что въ либеральныхъ газетахъ, за весь мѣсяць, былъ предметомъ обсужденія только одинъ вопросъ, возвышавшійся надъ этимъ уровнемъ, да и тотъ вдругъ исчезъ. Иностранцы, которые слѣдятъ по нашимъ газетамъ за общественнымъ мнѣніемъ въ Россіи—если есть столь наивные иностранцы—должны быть не

мало удивлены такими явленіями. Печать была похожа на петербургскую управу благочинія, которая, будучи предназначена къ упраздненію, не вела болѣе важныхъ дѣлъ, не начинала новыхъ, а только выдавала справки по частнымъ случаямъ, сдавала старыя дѣла въ архивъ и, наконецъ, въ прошломъ же мѣсяцѣ, благополучно упразднилась. Она была уже не нужна, вслѣдствіе произведенныхъ реформъ. Можно ли сказать то же о русской печати? Порѣшены ли уже у насъ окончательно всѣ главные вопросы и остается только разсмотрѣть еще нѣкоторыя второстепенныя дѣла? Слѣдуетъ ли полагать, что затѣмъ, то-есть, когда будетъ указано вѣрное средство поправить винодѣліе на Кавказѣ, ограничены будутъ нотаріусы и сдѣланы отвѣтственными доктора—все въ Россіи будетъ окончательно рѣшено и устроено, такъ что останется лишь распредѣлить старыя дѣла на „подлежащія храненію“ и „подлежащія уничтоженію“?

Намъ могутъ сказать, что явленіе это—отсутствие жизни въ печати—зависитъ отъ ея внутренней слабости, отъ недостатка въ ней силъ, рвенія, энергіи. Но едва ли это такъ. Отчего же въ передовыхъ статьяхъ, посвященныхъ дѣламъ иностранныхъ государствъ, наши публицисты проявляютъ и рвеніе, и энергію. Тонъ совсѣмъ другой, чѣмъ при обсужденіи русскихъ вопросовъ, гораздо болѣе живости! Возьмемъ въ примѣръ начало одной передовой статьи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“:—„Ватиканъ недоволенъ Эскуриломъ; римскій папа негодуетъ на короля испанскаго; Пій IX выразилъ свое неудовольствіе Альфонсу XII-му“... Какою энергіею дышетъ этотъ приступъ и сколько величавой смѣлости въ этой фигурѣ повторенія и усугубленія! При обсужденіи настоящаго положенія Россіи и современныхъ ея задачъ, тонъ совершенно измѣняется:—„Въ послѣдней нашей статьѣ мы выяснили отсталость въ закавказскомъ краѣ культуры винограда“, такъ тихо и скромно начинаетъ публицистъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“: *quantum mutatus ab illo!* И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Появился даже явный признакъ возвращенія къ годамъ пятидесятымъ: если нѣкоторое приближеніе къ вопросамъ, занимающимъ все общество, а затѣмъ и живость еще замѣчаются, то замѣчаются они—въ фельетонахъ. Публицистика уходитъ въ фельетонъ, надѣваетъ мантию моралистики и философіи или сатиры на нравы, и хочеть что-то сказать, но запутывается въ аллегоріи и остается тѣмъ менѣе понятна читателямъ, что они еще недавно были приучены принимать печатныя слова въ прямомъ смыслѣ и, если имъ говорить объ юбилеяхъ, то они готовы думать, что въ самомъ дѣлѣ писатель наиболѣе близко къ сердцу и принимаетъ юбилей. Однимъ изъ та-

ких моралистовъ-философовъ сталъ являться въ фельетонахъ г. Е. Марковъ и по поводу его-то, весьма темнаго, впрочемъ, морализированія объ „упразднителяхъ общества“, „Русскій Міръ“ и заговорилъ о „соціальныхъ воззрѣніяхъ“ русскихъ публицистовъ, затрудняющихъ ходъ русской жизни. Сколько мы поняли г. Маркова, онъ, наоборотъ, возстаетъ противъ социалистовъ. Въ другомъ фельетонѣ, помѣщенномъ недавно въ газетѣ „Новое Время“, дѣлается, по поводу смерти В. С. Курочкина, сравненіе положенія печати и отношеній къ ней общества въ шестидесятыхъ годахъ и нынѣ. Тамъ высказаны мысли весьма утѣшительныя. „Мы перебѣсились, успокоились, остепенились,—разсуждаетъ авторъ,— и стали тѣмъ, чѣмъ могли и должны были (?) сдѣлаться—не больше и не меньше, не лучше и не хуже... Печать въ то время (т.-е. въ шестидесятыхъ годахъ) дѣйствительно имѣла могучее вліяніе на умы. Но эта раздражаемость, эта впечатлительность была только послѣднимъ пароксизмомъ той болѣзненной нервозности, которая обязана своимъ зарожденіемъ и развитіемъ духотѣ прежнихъ порядковъ. Расширеніе правъ печати быстро привело къ такому результату, котораго никакъ не могла бы добиться строгая цензура“. Съ этими послѣдними строками нельзя не согласиться, и приведенная выше картина вполнѣ имъ соотвѣтствуетъ. Но различны могутъ быть мнѣнія относительно дальнѣйшихъ словъ того же автора: „повѣяло свѣжимъ воздухомъ, мы подышали имъ (отчего же здѣсь употреблено прошедшее время глагола?)—и теперь не имѣемъ прежней способности читать между строками и спокойно читаемъ вещи болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, которыя нѣкогда дѣйствовали на насъ такъ возбуждительно, и не чувствуемъ ни прежняго желанія толкнуть хожалаго, ни сдѣлать какую-нибудь пакость подъ носомъ у квартальнаго... Да, чтò ни говорите,—заключаетъ авторъ-оптимистъ,—а мы съ 60-хъ годовъ и подросли, и поздоровѣли“. Приятно слышать такія рѣчи и утѣшительно, что вотъ хоть въ фельетонѣ разсуждается о политическомъ вопросѣ, объ успѣхахъ общественнаго развитія, и хотя разсуждается въ слишкомъ уже оптимистскомъ духѣ, но все-таки разсуждается,—между тѣмъ какъ въ передовыхъ статьяхъ „болѣе сильныя вещи“ представляются ограниченіемъ нотаріусовъ и отвѣтственностью докторовъ. Мы вполнѣ согласны съ авторомъ, что подобныя вещи не дѣйствуютъ возбуждительно и что въ насъ утрачивается впечатлительность и нервность. Но всегда ли это признаки здоровья? Едва ли можно бы признать вполнѣ благопріятнымъ положеніе печати, когда читатели „не имѣютъ уже прежней способности читать между строками“, а между тѣмъ въ строкахъ—ничего нѣтъ.

Но оставимъ эти наблюденія и поведемъ теперь бесѣду о дѣлахъ текущихъ, стараясь посылно содѣйствовать къ ихъ разъясненію. Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ, еще не рѣшенныхъ, представляется распространеніе судебной реформы на край остзейскій. О предположеніяхъ по этому предмету сообщены въ минувшемъ мѣсяцѣ интересныя свѣдѣнія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Оказывается, что рѣшеніе этого вопроса задерживается уже 13 лѣтъ тѣми затрудненіями, какія онъ встрѣчаетъ со стороны остзейскаго общества, то есть ландтаговъ. Въ принципѣ, еще въ сентябрѣ 1862 года рѣшено было примѣнить судебную реформу, предположенную для имперіи, и къ той окраинѣ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями. Но, вслѣдствіе сношеній съ мѣстнымъ главнымъ начальствомъ, только въ 1866 году былъ представленъ министерству юстиціи составленный мѣстными юристами проектъ судебной реформы для остзейскаго края. Онъ былъ измѣненъ въ министерствѣ, съ принаровленіемъ къ общему судебному устройству, и въ 1867 году исправленный проектъ былъ переданъ на обсужденіе ландтаговъ остзейскихъ губерній. Всѣ три ландтага сослались на финансовыя причины, по которымъ проектъ этотъ, по ихъ мнѣнію, не могъ быть осуществленъ. Министерство юстиціи возвратило проектъ ландтагамъ, предлагая имъ обсудить его сущность, а не вопросъ „о возможности введенія или невведенія въ край судебной реформы“. Тогда ландтаги предположили такіе измѣненія въ проектѣ, чтобы мировой судъ и общія судебныя учрежденія, мировые сѣзды и окружныя суды были соединены въ одну смѣшанную инстанцію въ каждомъ уѣздѣ, а для всего края была учреждена одна апелляціонная инстанція, т. е. судебная палата. Министерство юстиціи, съ своей стороны, признало, что при судебной реформѣ въ прибалтійскомъ крайѣ „слѣдуетъ по возможности стремиться къ установленію однообразнаго судоустройства съ остальною Россіей, и не нашло заслуживающими уваженія этихъ измѣненій общаго порядка, проектированныхъ остзейскими ландтагами“. Министерство, „имѣя въ виду, что особенности прибалтійскаго края вовсе не таковы, чтобы требовали особаго переустройства судебной части, а ограничиваются лишь необходимостью изданія нѣкоторыхъ дополненій къ уставамъ 20-го ноября 1864 года, съ этой цѣлью отдѣльно вопросъ о преобразованіи общихъ судебныхъ учрежденій отъ мирового института и поручило ландтагамъ обсудить каждый изъ нихъ въ отдѣльности“. Но результатомъ этихъ новыхъ сужденій было такое предположеніе ландтаговъ, чтобы „сначала ввести въ край только мировыя суды; прочія же части судопроизводства оставить пока въ прежнемъ видѣ“. Но до сихъ поръ не осуществлено и это предположеніе. А между тѣмъ, сами остзейцы не могутъ не созер-

вать устарѣлости нынѣшняго ихъ судоустройства, представляющаго съ своимъ сословнымъ характеромъ нѣчто не существующее нынѣ и въ самой Германіи.

Но исключительность мѣшаетъ нашимъ согражданамъ на балтійскомъ поморьѣ признать лучшими порядки, исходящіе изъ Россіи. Не знаемъ, будетъ ли какая-нибудь польза отъ раздѣленія вопроса о примѣненіи судебной реформы на два вопроса. Во что обратились бы мировые суды при старыхъ общихъ судебныхъ установленіяхъ въ край? Необходимо избѣгнуть, чтобы они не обратились въ новое проявленіе сословной силы, опирающееся на сословный порядокъ старыхъ общихъ судовъ. Вообще нельзя не пожелать, чтобы вопросъ о распространеніи на балтійское поморье общей, неискаженной основными отступленіями, судебной реформы, рѣшился скорѣе. Мы никакъ не желали бы, чтобы остзейскій край былъ лишенъ чего-либо, что онъ имѣетъ и чего мы не имѣемъ, не предлагаемъ никакого посягательства на его культуру. Наоборотъ, чѣмъ выше мы ставимъ эту культуру, тѣмъ менѣе намъ возможно думать, что она неразрывно связана съ феодальными порядками и что отмѣна такихъ порядковъ была бы посягательствомъ на самую культуру. Здѣсь мы должны дать, по поводу предположеній о судебной реформѣ въ остзейскомъ край, одно объясненіе и сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Одна изъ нашихъ замѣтокъ въ предшествующемъ обзорѣ дала одной изъ русскихъ газетъ (а именно, „Русскому Міру“, къ которому намъ приходится возвратиться) поводъ сдѣлать возраженіе намъ и высказать свой взглядъ на отношенія остзейскаго края къ государству. „Petersburger Zeitung“ протестовала противъ этого взгляда, и между названными газетами произошла полемика по остзейскому вопросу вообще, а не по отношенію къ какой-либо сторонѣ или частности этого вопроса. Намъ кажется не лишнимъ сказать нѣсколько словъ собственно о полемикѣ вообще между русскими и нѣмецкими газетами относительно положенія остзейскаго края, съ цѣлью не увеличивать, но смягчить обоюдное раздраженіе, которое этотъ вопросъ вызываетъ. Русскія газеты, касаясь этого вопроса, вообще легко поддаются привычкѣ, не совсѣмъ согласной съ порядочностью, привычкѣ, заимствованной ими отъ спеціального московскаго органа, который сдѣлалъ все, что могъ, дабы установить въ русской печати направленіе „сыскное“. Заявлять какія-либо подоврѣнія, не „таится ли въ комъ-нибудь темная надежда“ (выраженіе „Р. М.“) на что бы то ни было, не есть дѣло печати, не есть дѣло даже и полиціи явной. Что таится въ душѣ, то не существуетъ ни для суда, ни для печати, ни для полиціи. Если мы хотимъ, чтобы права всего русскаго общества, любой общественной группы или

мѣстности и единичной личности были прочно ограждены закономъ, то мы должны отвѣзаться отъ всякаго заглядыванья въ душу и разсуждать только о дѣйствіяхъ, а не объ образѣ мыслей, дѣлить людей на соблюдающихъ и нарушающихъ законъ, а не на „благомыслящихъ и неблагомыслящихъ“. Во всякомъ случаѣ, печати, которая доселѣ добивалась того, чтобы о ней судили только по прямому смыслу ея словъ, а не по произвольнымъ догадкамъ о томъ, что можетъ „таиться“ между строками или въ умѣ писателя, и не престо, и прямо невыгодно подавать примѣры произвольнаго снса.

Предъявлять же на остзейскихъ нѣмцевъ подозрѣніе, что въ нихъ таится надежда отдѣлиться отъ Россіи, никто не имѣетъ права, потому что они никакими дѣйствіями намѣренія отдѣлиться отъ Россіи не заявляютъ въ настоящее время и никогда не заявляли. Но замѣтимъ еще, что выраженіе подобныхъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ, подозрѣній есть болѣе чѣмъ нравственное уклоненіе; оно — прямая ошибка въ полемикѣ. Нѣмецкія газеты, издаваемые въ Россіи, всегда громко жалуются на заявленіе такихъ подозрѣній со стороны русской печати, и жалуются справедливо. Но этотъ приемъ противниковъ такъ выгоденъ для опроверженій, что нѣмецкія газеты не могутъ ему не радоваться. Съ величайшей готовностью онѣ подымаютъ подобное подозрѣніе, преувеличиваютъ его въ прямое обвиненіе въ государственной измѣнѣ (Hochverrath) и затѣмъ, побѣдно и безъ всякаго труда, опроверживаютъ противника, стоя на той крѣпкой позиціи, которую онъ же имъ предоставилъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же въ балтійскомъ краѣ измѣна, кѣмъ заявлялось намѣреніе отдѣлиться отъ Россіи? Ничего подобнаго нѣтъ; а съ другой стороны, германская публицистика и государственные люди Германіи прямо отвергаютъ всякое желаніе когда-либо присоединять этотъ край къ нѣмецкой имперіи. Затѣмъ, стѣбитъ только сослаться на вѣрную службу множества остзейцевъ, которое есть фактъ, сомнѣнію не подлежащій, и все разсужденіе противника опровергается съ полнымъ успѣхомъ, хотя, быть можетъ, въ немъ были и дѣльные аргументы, на которые возражать было гораздо труднѣе, чѣмъ на легкомысленное и неприличное подозрѣніе. Такъ поступила въ настоящемъ случаѣ и „Petersburger Zeitung“. Ей стѣбило только съ нѣкоторой натяжкой вычитать въ строкахъ противника обвиненіе въ Hochverrath, показать, что русская газета могла подкрѣпить свое подозрѣніе только ссылкой на пѣсни Арндта и Гоффмана-фонъ-Фаллерслебена, и затѣмъ — пожать плечами, стоя „на высотѣ величія“. Еслибы русскіе органы въ своихъ сужденіяхъ о положеніи балтійскаго края въ государствѣ оставили дурную привычку и полемическую ошибку заподозривать балтійское loyalität, то задача русско-нѣмецкихъ газетъ въ полемикѣ

по общему вопросу стала бы гораздо труднѣе. Еслибы мы, напримеръ, просто спросили ихъ, въ которой изъ земель и областей, входящихъ въ составъ германской имперіи, нѣмецъ не имѣеть права подать заявленіе на нѣмецкомъ языкѣ безъ приложенія перевода на другой языкъ; или — есть ли такія области въ германской имперіи, въ которыхъ мѣстные нѣмцы вовсе не участвовали бы въ общественномъ управленіи?—то, полагаемъ, отвѣчать, на эти вопросы было бы затруднительнѣе, чѣмъ отклонять, съ усмѣшкой и негодованіемъ вмѣстѣ, подозрѣніе, ничѣмъ неоправдываемое.

„Русскій Міръ“, согласившись съ однимъ изъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами въ предшествующемъ обзорѣни, нанесъ непонятною намъ оговорку: „мы не ультра-націоналы и насильственныхъ мѣръ не проповѣдуемъ“. — „Для кого, — спрашиваетъ „Русскій Міръ“, — понадобилась подобная оговорка, и о какихъ насильственныхъ мѣрахъ идетъ рѣчь?“ Отвѣтимъ, что оговорка и понадобилась именно потому, что у насъ есть ультра-націоналы, которые проповѣдуютъ обрусеніе во что бы то ни стало, причемъ безъ насильственныхъ мѣръ обойтись нельзя, что, впрочемъ, ультра-націоналовъ никогда и не стѣсняло. Оговорка понадобилась и для ультра-націоналовъ нѣмцевъ, которые разумѣется насильственныхъ мѣръ проповѣдывать не могутъ, но, безусловно поддерживая всѣ грани, исключая русскій элементъ, тѣмъ самымъ поддерживаютъ то насліе, которое установлено этими гранями. Мы не знаемъ, слѣдуетъ ли „Русскій Міръ“ причислить къ русскимъ ультра-націоналамъ или нѣтъ, не знаемъ потому, что этотъ органъ въ вопросахъ о національностяхъ, населяющихъ русскую имперію, стоитъ на не совсѣмъ твердой почвѣ. Национальная „культура“ его не особенно интересуетъ, но такъ какъ въ разныхъ мѣстностяхъ есть „культурный классъ“ или „культурный элементъ“, запечатлѣнный національными особенностями, то „Русскій Міръ“ приходитъ въ виду его въ нѣкоторое затрудненіе. Проповѣдывать прямо обрусеніе всѣми средствами, значить непремѣнно требовать устраненія всего не-русско-культурнаго отъ всякаго вліянія, то-есть признавать въ краѣ только двѣ силы: массу, какъ матеріаль, подлежащій обрусенію, и бюрократію, какъ полновластное орудіе обрусенія. „Московскія Вѣдомости“ и „Голосъ“, не задумываясь, провозглашали это начало, и „Русскій Міръ“, насколько онъ слѣдуетъ традиціямъ московской газеты, согласенъ былъ бы провозглашать то же начало, если бы препятствіемъ къ тому были только такія не заслуживающія вниманія вещи, какъ національная особность, родной языкъ, право родителей передавать свою національность дѣтямъ. Но насколько „Русскій Міръ“ слѣдуетъ нѣкоторымъ преданіямъ другой газеты, нынѣ не существующей

щей и проводившей принципъ аристократизма, его смущаетъ мысль о принесеніи „культурнаго элемента“ въ жертву безусловному преобладанію бюрократическаго начала. Это обуславливаетъ для „Русскаго Міра“ неложное положеніе въ такихъ вопросахъ. По отношенію къ губерніямъ польскимъ и западно-русскимъ онъ избѣгалъ стать въ это положеніе, отказался и отъ традицій аристократической газеты, не высказывалъ заботливости о „культурномъ классѣ“ и можно думать, что въ отношеніи тѣхъ и другихъ губерній „Русскій Міръ“ отказался отъ культурнаго класса и убѣжденъ, что для нихъ нѣтъ надобности ничего другого, какъ только обрусенія массы и исключительно бюрократическаго завѣдыванія мѣстными управленіемъ и обрусеніемъ. Но по отношенію къ губерніямъ остзейскимъ, та же газета находитъ необходимымъ охраненіе „культурнаго элемента“, оговариваясь, впрочемъ, что охранить его слѣдовало бы „при нормальныхъ условіяхъ“. Если справедливо, какъ сознаетъ „Русскій Міръ“, что мѣстное остзейское общественное мнѣніе противится введенію реформы, чтобы не дать въ край развиться элементу русскому и сохранить и усилить элементъ „нѣмецкій“, котораго преобладаніе та же газета призываетъ далѣе даже прямо опаснымъ государству, то, разсуждая логически, слѣдовало бы предлагать такіа мѣры, которыя влонились бы въ лишенію „культурнаго элемента“ полного преобладанія въ край, а именно—отмѣну сельской патримоніальной полиціи и надѣлъ крестьянъ землею. Но такіа мѣры не приходятъ въ мысль „Русскому Міру“. Онъ предпочитаетъ предлагать, чтобы въ остзейскомъ край нѣмецкій языкъ былъ выведенъ изъ администраціи и изъ всѣхъ школъ, „содержимыхъ на счетъ правительства“, и такъ какъ при этомъ нѣмецкій языкъ не былъ бы „насилъно выводитимъ изъ дому, изъ семьи“, по мнѣнію „Русскаго Міра“, тутъ не было бы никакого насилія. Вотъ здѣсь мы и должны отвѣтить на вопросы, „о какихъ насильственныхъ мѣрахъ была рѣчь“, когда мы объясняли, что насильственныхъ не желаемъ. Представимъ себѣ на минуту, что для обрусенія остзейскаго края были бы употреблены такіа мѣры, какъ установленіе штрафовъ за употребленіе нѣмецкаго языка на улицѣ, недопущеніе въ высшимъ, а по возможности и въ низшимъ должностямъ лицъ нѣмецкаго происхожденія и воспрещеніе имъ приобретать въ остзейскомъ край имѣнія. Все это были бы мѣры, безспорно, направленныя къ ослабленію нѣмецкаго элемента, который „Русскій Міръ“ считаетъ опаснымъ; все это были бы мѣры, употреблявшіяся въ западно-русскихъ губерніяхъ для ослабленія элемента польскаго, и мы не помнимъ, чтобы „Русскій Міръ“ когда-либо выражалъ свое недовѣріе къ ихъ успѣху. Между тѣмъ, мы не вѣрили въ успѣхъ

этихъ мѣръ и въ западно-русскомъ краѣ, не желали бы насильственнаго обрусенія и остзейскаго края. Относительно языка, мы желали бы только, чтобы въ пользу русскаго языка были сдѣланы въ остзейскомъ краѣ уступки, диктуемыя простой справедливостью, чтобы русскимъ дозволено было относиться къ мѣстнымъ управленіямъ по-русски и чтобы опредѣлено было, въ какихъ случаяхъ русскій языкъ можетъ и въ какихъ даже долженъ быть употребляемъ въ дѣлопроизводствѣ. Такъ, въ мѣстахъ коронной администраціи, очевидно, нѣмецкій языкъ долженъ уступить мѣсто государственному. Но выведенія нѣмецкаго языка изъ всѣхъ школъ, содержимыхъ на счетъ правительства, мы не можемъ признать необходимымъ и даже отнесли бы такую мѣру къ насильственнымъ и безуспѣшнымъ. У насъ профессоровъ и учителей недостаетъ и для русскихъ университетовъ и гимназій; гдѣ же намъ замѣнить профессоровъ дерптскаго университета и учителей остзейскихъ гимназій? Положимъ, справедливо, что эти училища содержатся — хотя и не исключительно — на счетъ казны или, какъ выражается „Русскій Миръ“, — на счетъ правительства. Но вѣдь казна не имѣетъ иныхъ средствъ, какъ тѣ, которыя она собираетъ съ подданныхъ. Развѣ остзейскіе нѣмцы не платятъ налоговъ и развѣ они не вправѣ думать, что университетъ и гимназіи въ остзейскомъ краѣ содержатся на ихъ же деньги? Вообще же, изгнаніемъ мѣстнаго языка изъ школъ нельзя достигнуть ничего, кромѣ увеличенія раздраженія. Мы уже замѣчали однажды, что феніи проповѣдуютъ отдѣленіе отъ Англіи на англійскомъ языкѣ, и что многіе вожди послѣдняго польскаго возстанія говорили по-русски гораздо лучше тѣхъ остзейскихъ генераловъ, которые участвовали въ усмиреніи этого возстанія. Если хотите лишить нѣмецкое меньшинство того преобладанія въ краѣ, которое поддерживается узаконеніями, подчиняющими ему массу, то указывайте на мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ заботы объ обрусеніи — указывайте на необходимость устранить тѣ узаконенія.

Обращаясь къ другой сторонѣ — къ „Petersburger Zeitung“, и вообще къ нѣмецкой печати въ Россіи, замѣтимъ, что она напрасно сваливаетъ всю вину раздраженія на „возбужденія“ русской печати. Дѣло въ томъ, что за нѣмецкой печатью въ Россіи стоитъ печать германская, которая уже рѣшительно ничѣмъ не стѣснена въ своихъ сужденіяхъ и, дѣйствительно, въ сужденіяхъ ея бываетъ гораздо болѣе несправедливаго и оскорбительнаго о Россіи, русскомъ народѣ и русской печати, чѣмъ когда-либо могло быть въ русскихъ газетахъ. Напримѣръ, статьи о „провинціализмѣ и партикуларизмѣ“, напечатанныя въ прошломъ мѣсяцѣ въ аугсбургской „Всеобщей газетѣ“ и

присланныя изъ остзейскаго края, принадлежали еще къ самымъ умѣреннымъ, а между тѣмъ, какихъ тамъ нѣтъ диковинокъ! Оказывается, что всякій шагъ, который дѣлается или только предпринимается для сравненія остзейскаго края съ имперією, между прочимъ даже введеніе обще-обязательной воинской повинности, только ведетъ будто бы къ усиленію въ этомъ краѣ партикуляризма; будто русская либеральная печать сама поддерживаетъ въ балтійскомъ краѣ обветшалые порядки (veralteten Zustände) тѣмъ, что „употребляетъ всѣ средства, чтобы дискредитировать балтійскія провинціи и подчинить ихъ не только подозрительности правительства, но еще и истинно-невѣроятно-строгой цензурѣ“. Подозрительностью русскихъ газеты грѣшатъ, это вѣрно. Но какимъ же образомъ это ведетъ къ поддержанію обветшалыхъ порядковъ? Развѣ только такъ, что нѣмцы нарочно, чтобы сдѣлать неприятность русской печати, держатся за нихъ всѣми силами? Въ упоминаемыхъ статьяхъ „Allgemeine Zeitung“ есть даже такой курьезный пассажъ, что небо никогда не благословляло браковъ остзейцевъ съ русскими дѣвушками, но, наоборотъ, весьма благословляло браки русскихъ на дѣвушкахъ остзейскихъ. Здѣсь во всей красѣ проглядываетъ то чисто-нѣмецкое убѣжденіе въ безконечномъ превосходствѣ своей породы надъ всякою иной, которое и есть источникъ исключительности нѣмцевъ, принадлежащихъ къ Россіи. Правда, они исключительны не всегда: гдѣ идетъ рѣчь о личномъ приобрѣтеніи, они не устраниются, но, напротивъ, выставляютъ свои права на полное равенство съ уроженцами русскихъ губерній. Напримѣръ, когда въ западномъ краѣ имѣнія разрѣшено было приобрѣтать только лицамъ русскаго происхожденія, нѣмцы тотчасъ предъявили свое качество русскихъ, и дѣйствительно были приравнены къ лицамъ русскаго происхожденія. Отчего же у себя дома они такъ неохотно допускаютъ русскій элементъ къ уравненію съ элементомъ нѣмецкимъ? Надѣмся, что „Petersburger Zeitung“ не усмотритъ въ такомъ вопросѣ обвиненія остзейскаго края въ государственной измѣнѣ.

Желая только равенства для русскаго элемента съ нѣмцами въ остзейскомъ краѣ, безъ всякаго посягательства на нѣмецкую культуру, мы еще болѣе желаемъ, чтобы русскій народъ у себя дома сравнился съ нѣмцами въ культурѣ. Такъ, въ остзейскомъ краѣ, какъ и въ нѣмецко-протестантскихъ земляхъ за границею, на дѣлѣ существуетъ обязательность начальнаго обученія. Когда-то мы увидимъ возможность провозгласить ее?

Обязательность начальнаго обученія есть одинъ изъ тѣхъ при-

циповъ, которые въ наше время уже вошли въ общее сознание. Въ теоріи слишкомъ ясно, что государство съ одной стороны имѣетъ право требовать отъ всѣхъ гражданъ той гарантіи смягченія правъ и способности понимать узаконенія, какое дается грамотностью, а съ другой стороны имѣетъ право охранять малолѣтнихъ отъ небрежности и равнодушія родителей въ отношеніи обученія грамотѣ, точно также какъ и въ отношеніи матеріальнаго пропитанія. Съ тѣхъ поръ, какъ классическая страна личной свободы—Великобританія, актомъ 1870 года, вступила на путь обязательности начальнаго образованія, мало найдется гдѣ бы то ни было людей, которые рѣшились бы возражать противъ обязательности обученія въ теоріи. Но на практической почвѣ осуществленія этого принципа возраженія неизбежны, такъ какъ, по французскому выраженію, „къ невозможному никто не принуждается“. Съ практической точки зрѣнія, первымъ условіемъ обученія обязательнаго является даровое начальное обученіе для бѣдныхъ, если не для всѣхъ. Таково первое условіе, которое возникаетъ вездѣ, гдѣ только ставится вопросъ объ осуществленіи обязательности начальнаго обученія.

Вопросъ этотъ поставленъ теперь у насъ въ петербургскомъ городскомъ обществѣ. При полномъ убѣжденіи въ рациональности принциповъ, нельзя однако не замѣтить, что мысль о немедленномъ осуществленіи его въ Петербургѣ нѣсколько оригинальна. Если бы въ теченіе десятка лѣтъ министерство народнаго просвѣщенія съ одной стороны, а городъ съ другой — дѣлали, что могли для доставленія начальнаго обученія рабочимъ классамъ; если бы была основана сотня начальныхъ школъ и главное затрудненіе представлялось бы уже только въ томъ, что значительное число дѣтей все-таки не посѣщало бы эти школы, потому ли, что дѣти эти заняты работами, или просто по равнодушію, или вслѣдствіе предрасудка родителей,—въ такомъ случаѣ вполнѣ естественно было бы предложить установленіе обязательности обученія; если бы школы были, но не всѣ дѣти ихъ посѣщали, въ такомъ случаѣ требовалось бы только одно — обязать родителей, опекуновъ, хозяевъ ремесленныхъ заведеній посылать дѣтей въ училища.

Но вопросъ нынѣ представляется въ совершенно иномъ видѣ: начальныхъ школъ, кромѣ приходскихъ, которыя по своему устройству не могли бы вмѣстить и четверти всего числа малолѣтнихъ въ Петербургѣ и весьма немногихъ школъ при благотворительныхъ учрежденіяхъ—*нетъ*. Стало быть, предложеніе городу ввести въ Петербургѣ обязательность начальнаго обученія въ дѣйствительности сводится на то, чтобы городъ самъ на свои средства, которыя ба-

лансируются ежегоднымъ дефицитомъ, устроилъ множество школъ въ короткое время, нашелъ для нихъ и помѣщеніе, и учителей, снабдилъ бы ихъ всѣми принадлежностями и обязался бы содержать ихъ навсегда. Обязательность обученія въ настоящемъ случаѣ значитъ не что иное, какъ обязательность для города вдругъ устроить и содержать на свой счетъ цѣлую массу школъ.

Какъ ни оригинальна такая мысль, для осуществленія которой ничего не подготовлено и нѣтъ никакихъ наличныхъ средствъ, мы тѣмъ не менѣе далеки отъ того, чтобы просто признать ее не подлежащею серьезному обсужденію. Исторія приучила насъ къ тому, что у насъ все импровизируется, и притомъ импровизируется на заданный мотивъ, а не по собственному нашему вдохновенію. Великость задачи и внезапность ея осуществленія сами по себѣ не пугаютъ насъ. Въ подобныхъ случаяхъ первое движеніе у насъ, въ нашемъ обществѣ, обыкновенно состоитъ въ томъ, чтобы только справиться со средствами, спросить себя, не могли ли бы мы, какъ-нибудь, и въ самомъ дѣлѣ хотѣ приступитъ къ осуществленію указанія, или бы съ нимъ согласиться, и при этомъ мы даже готовы сами преувеличить себѣ тѣ наши средства, изъ которыхъ требуется пожертвованіе. За то въ послѣдствіи, правда, чѣмъ скорѣе мы согласились, тѣмъ неизбежнѣе въ насъ возникаетъ недовѣріе къ нашимъ силамъ, къ возможности въ самомъ дѣлѣ исполнить то, за что мы взяли. Предпріятіе начинается; за готовностью начать его у насъ дѣло не станеть; но потомъ, при неполнотѣ, неисверенности нашего убѣжденія въ возможности сдѣлать начатое, предпріятіе нерѣдко останавливается на половинѣ, и вотъ тогда, когда дѣло замутивается, портится, мы и обращаемся къ правительству съ просьбами о поддержаніи и помощи, съ доказательствами, что мы одни сдѣлать дѣло не въ силахъ. Вотъ какою дорогою обыкновенно идутъ наши возраженія; они сначала прячутся, а потомъ возникаютъ, когда дѣло приходитъ въ разстройство. Не лучше ли поступать откровеннѣе: не принимать на себя такихъ обязательствъ, въ возможности исполненія которыхъ нашими силами мы не убѣждены искренно и твердо.

Все это связано не для того, чтобы отклонить импровизацію обязательности начальнаго обученія въ Петербургѣ. Кто же не былъ бы радъ, еслибы импровизація его удалась? Поспѣшность сама по себѣ не порокъ, да и много ли на Руси было бы сдѣлано, еслибы не дѣлалось поспѣшно? Предыдущія слова имѣютъ только цѣлью содѣйствовать тому, чтобы вопросъ, внесенный на обсужденіе городского представительства, былъ обсужденъ и рѣшенъ съ полной откровенностью, а при такой откровенности, какъ намъ кажется, отвѣтъ

можетъ быть только одинъ: сдѣлать это одинъ, въ короткій срокъ, мы не въ состояніи; не сдѣлать это при пособіи мы готовы и рады. Достаточно бѣлаго взгляда на цифры, чтобы выяснитъ невозможность иного отвѣта. Можетъ ли Петербургъ, — мы разумѣемъ городской бюджетъ, — который теперь издерживаетъ на дѣло народнаго образованія 56 тысячъ рублей, уже въ будущемъ году издержать на тотъ же предметъ новыхъ 107 т. рублей, а въ теченіе только четырехъ лѣтъ 85½ тысячъ одновременно, съ обязательствомъ издерживать 350 тысячъ ежегодно? Пятьдесятъ-шесть тысячъ и 350 тысячъ — разница чувствительная, и виввать добрую волю гораздо легче, чѣмъ создать новые средства въ этомъ размѣрѣ. По расчету, сдѣланному въ докладѣ городской управы, для того, чтобы можно было принимать въ школы въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ только дѣтей 8-ми-лѣтняго возраста, необходимо открыть за это время 171 школу съ одновременными затратами на общую сумму 85,500 р., причѣмъ предполагалось бы ежегодно открывать по 42 — 43 новыхъ училища, съ одновременной затратой въ 21½ т. р. и съ расходомъ на содержаніе, на первый годъ 86,100 р., на второй—174,250 р., на третій—262,400 р., и на четвертый 350,550 р. Затѣмъ, по открытіи 171 школы, съ четвертаго года, по расчету управы, можно было бы ввести обязательное обученіе уже для дѣтей съ 8-ми до 12-лѣтнаго возраста. Расчетъ этотъ сдѣланъ по цифрамъ переписи 1869 года; въ 1879 году населеніе будетъ, конечно, гораздо больше и управа считаетъ, что если большія фабрики возьмутъ содержать до 15 школъ на двой счетъ, то эти школы могутъ устранить необходимость, на первое время, увеличенія приведенныхъ городскихъ расходовъ соотвѣтственно возрастанію населенія. Но откуда же взять и 85½ т. р. одновременнаго, и въ особенности 350 тысячъ р. ежегоднаго расхода? Управѣ оставалось только предложить установленіе съ этой цѣлью особаго квартирнаго сбора или увеличеніе на 10% налоговъ нынѣ существующихъ.

Замѣтимъ, что сборъ съ недвижимыхъ имуществъ и нынѣ уже составляетъ почти треть всего бюджета городскихъ доходовъ; въ какой мѣрѣ удобно, послѣ недавней переоцѣнки, значительно возвысившей налогъ съ недвижимыхъ имуществъ, вновь обращать на ту же статью обложеніе въ 350½ т. рублей—объ этомъ мы судить не будемъ. Спросимъ только, мыслимо ли дѣло, чтобы городъ, имѣющій до 60 т. р. дефициту при 4¾-милліонномъ бюджетѣ, предпринялъ одинъ нѣсть такую новую тягость. Сравненіе — не доказательство, говорится иногда. Но сравненіе лучшее доказательство тамъ, гдѣ въ двухъ совершенно однородныхъ случаяхъ произвольно упо-

требуется двойная мѣрка. Итоги бюджета государственнаго гораздо болѣе, чѣмъ во сто разъ превосходятъ итоги петербургскаго городского бюджета, такъ какъ балансъ послѣдняго сводится на цифрѣ 4³/₄ милл. р., а балансъ перваго на цифрѣ около 350 милл. р. Сверхъ того, въ государственномъ бюджетѣ нѣтъ дефицита, а въ городскомъ есть. Но тутъ слѣдуетъ, возможно ли допустить, чтобы министръ финансовъ согласился прибавить въ бюджету министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе четырехъ лѣтъ 8¹/₂ милл. на одновременныя расходы и 35 слиткомъ милліоновъ затѣмъ ежегодно? Почему же то, что признавалось бы совершенно невозможнымъ для казны, считалось бы возможнымъ для города? Министръ финансовъ, по всѣмъ вѣроятности, возражилъ бы, что еслибы онъ могъ увеличить всѣ налоги на 10 процентовъ, то онъ употребилъ бы это приращеніе прежде всего на погашеніе долговъ, на снесеніе со счета недоимокъ въ податяхъ, а быть можетъ, на развитіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, которыми министерство финансовъ, какъ извѣстно, весьма интересуется. Но развѣ городъ Петербургъ не имѣетъ долговъ, развѣ онъ не числитъ недоимокъ въ свою кассу, развѣ у него есть дороги, сколько-нибудь достойныя этого названія? Мало того: онъ почти совершенно издержалъ всѣ свои запасныя капиталы и имѣетъ ежегодный дефицитъ въ болѣе чѣмъ 10% бюджета, что по цифрамъ бюджета государственнаго составляло бы до 55 милліоновъ рублей. Возможно ли брать на себя подобныя обязательства при такомъ положеніи?

Если же добрая воля въ самомъ дѣлѣ есть, если мы искренно, а не только для удобства благопріятнаго отвѣта, желаемъ понести новыя пожертвованія съ той цѣлью, чтобы въ самомъ дѣлѣ успѣшно импровизировать обязательное обученіе въ столицѣ русскаго государства, то пусть же желаніе это раздѣляютъ всѣ стороны. Если Петербургъ, за то, что онъ—столица, издерживаетъ до милліона рублей въ годъ на одно содержаніе полиціи, съ управленіемъ градоначальства, то и государство должно же сдѣлать для него что-нибудь, за то, что онъ—столица. Большинство малолѣтнихъ, которые поступили бы въ начальныя школы въ Петербургѣ по званію ихъ родителей, вовсе не принадлежали бы къ коренному городскому населенію; большинство ихъ представлялось бы дѣтьми такихъ родителей, которые не несутъ въ пользу города иного сбора, кромѣ сбора съ личнаго труда, адреснаго сбора, т. е. налога на право заработка въ Петербургѣ. Спрашивается, почему же именно одинъ городъ былъ бы обязанъ нести всѣ расходы по обученію дѣтей такихъ родителей, которые приписаны въ сельскимъ обществамъ всѣхъ уѣздовъ Россіи. Правда,

можно сказать, что Петербургъ доселѣ слишкомъ мало издерживалъ на народное образованіе. Независимо отъ своего значенія, какъ столицы, такой городъ, какъ Петербургъ, будь онъ и провинціальный, могъ бы удѣлять на народное образованіе болѣе тѣхъ 50—60 т. р., которые онъ нынѣ издерживаетъ на этотъ предметъ. Это вѣрно, какъ вѣрно и то, что не будь Петербургъ столицей, онъ не издерживалъ бы миліонъ рублей въ годъ на полицію, болѣе 120 т. р. на казармы, отводъ квартиръ, командантское управленіе, до 80 т. р. на тюрьмы и такъ далѣе; однимъ словомъ, изъ его 4³/₄-милліоннаго бюджета не шла бы половина на расходы обязательныя.

Стало бытъ, одно изъ двухъ: или признать, что Петербургъ обязанъ давать начальное обученіе на свой счетъ всѣмъ дѣтямъ, живущимъ въ его предѣлахъ временно или постоянно; въ такомъ случаѣ нѣтъ возможности одновременно требовать, чтобы онъ насъ несеразмѣрныя съ своими средствами расходы по своему званію столицы, какъ, напр., расходъ на содержаніе полиціи и казармъ, вызываемое въ значительной мѣрѣ не городской, но государственной потребностью; или Петербургъ обязанъ удовлетворять по прежнему всѣ эти расходы изъ своихъ средствъ, какъ можетъ, но въ такомъ случаѣ государство не можетъ не принять участіе въ удовлетвореніи потребности столицы въ народномъ образованіи, какъ столица принимаетъ участіе въ удовлетвореніи государственной потребности въ содержаніи многочисленной, короно-оплачиваемой полиціи и въ содержаніи войскъ. Каково бы, рациональнѣе первое; городское хозяйство не должно бы смѣшиваться съ государственнымъ. Расходъ на полицію въ великорусскихъ городахъ обыкновенно составляетъ около 12⁰/₀, въ рѣдкихъ случаяхъ до 15⁰/₀ всего итога расходовъ; по этому расчету Петербургу слѣдовало бы издерживать отъ 567 до 709 тысячъ въ годъ; а онъ издерживаетъ до 1 миліона. Достаточно было бы снять съ Петербурга эту переплату противъ другихъ русскихъ городовъ, и вотъ уже получалась бы приблизительно та самая сумма, которая, по исключенію управы, потребуется ежегодно на содержаніе 170 начальныхъ школъ. Справедливо, что городъ долженъ содержать нужную полицію, но вѣдь при расходѣ 600—700 т. р. въ годъ, Петербургъ и содержать бы полицію въ томъ размѣрѣ, какъ она признается нужною собственно для городской безопасности по всей Россіи. Требованіе лишней противъ этихъ цифръ суммы обуславливается уже государственной потребностью, то-есть не потребностью Петербурга, какъ города, но потребностію государства для его столицы. Эту потребность болѣе справедливо было бы и удовлетворить изъ средствъ государственныхъ, а Петербургу предоставить содержать на его счетъ

и безъ всякаго пособия отъ казны то число начальникихъ училищъ, которое необходимо для того, чтобы могло быть введено обязательное обученіе.

О томъ, чтобы городъ, при своемъ дефицитѣ, обязался новыми ежегодными расходами въ 850 т. р., продолжая нести всѣ обязательные расходы въ прежнемъ размѣрѣ, серьёзно не можно быть и рѣчи. Но сдѣлаемъ еще одно предположеніе. Допустимъ, что въ вѣчномъ результатѣ былъ бы избранъ средний терминъ, а именно, что государство приняло на себя вновь не 350 т. р. на содержаніе петербургской полиціи, не только половину этой суммы, предоставивъ и тѣмъ городу самому отыскать остальную половину суммы, нужной на школы. Допустимъ еще, что городъ въ такомъ случаѣ рѣшился бы на новое значительное напряженіе своихъ платежныхъ средствъ въ виду важности этого приобрѣтенія, какъ 170 начальникихъ школъ и въ виду возможности содержать ихъ съ увеличеніемъ своего бюджета примѣрно только на 175 т. рублей. Какъ собрать эту сумму? Источники, указываемые управою, нельзя признавать удачно выбранными. Возвышеніе всѣхъ городскихъ налоговъ на 10% представлялось бы въ особенности нераціональнымъ потому именно, что самое распредѣленіе налоговъ въ Петербургѣ крайне не-раціонально. Такъ, Петербургъ занимаетъ съ рабочихъ сумму въ три съ половиной раза болѣе, чѣмъ съ торговыхъ заведеній (кромѣ рынковъ и трактировъ); съ насамъ ссудъ городъ занимаетъ 10% съ квартирной платы, все равно какъ съ лавки, торгующей кружками. При такой нераціональности обложения, нѣкоторые статьи, и преимущественно трудъ, обложены слишкомъ высоко. Увеличивъ всѣ налоги на 10%, мы увеличили бы въ томъ же размѣрѣ несоразмѣрность обложения, и, отнеся совершенно ничтожную плату на торговныя заведенія, наложили бы слишкомъ чувствительную плату на рабочихъ. Прибавимъ къ этому, что такъ какъ главный доходъ города съ рабочихъ представляется адреснымъ сборомъ, которому подлежатъ наравнѣ постоянно живущіе и временно въ Петербургѣ рабочіе, то увеличеніе сборовъ съ рабочихъ на 10%, на школы для обученія петербургскихъ дѣтей вникаетъ бы большая сумма съ рабочихъ, приходящихъ въ Петербургъ, то-есть бѣглыхъ или оставленныхъ дѣтей въ деревнѣ, чѣмъ съ рабочихъ, живущихъ постоянно въ Петербургѣ, нѣмощныхъ и болѣе работниковъ и дѣтей, которые будутъ пользоваться школами.

Относеніе расхода по содержанію школъ на дома, въ видѣ квартирной платы, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ одностороннее возвышеніе на 10% всѣхъ налоговъ. Но почему же ограничиться однимъ домами, а не прибегнуть къ налогу торговыхъ заведеній? Видѣ

дома, кромѣ прямого налога, несутъ еще весьма чувствительныя тягости по содержанію мостовыхъ и той „полиціи въ помощь полиціи“, которая представляется дворниками. Купецъ, въ гостинномъ дворѣ, котораго лавка стѣбитъ 40 т. руб., издерживаетъ ничтожныя деньги по содержанію мостовой вокругъ гостиннаго двора и содержанію въ немъ сторожей; купецъ, торгующій въ частномъ домѣ, расхода по мостовой совсѣмъ не знаетъ, а сторожа вовсе не содержитъ. Между тѣмъ, владѣлецъ дома въ 40 т. р. долженъ содержать сажень десять мостовой и лишняго дворника именно для дежурства въ помощь полиціи. Противъ поквартирной платы слѣдуетъ возразить еще, что ей не подверглись бы многочисленные въ Петербургѣ казенныя дома, а между тѣмъ дѣти низшихъ служащихъ при этихъ домахъ составляли бы немаловажный процентъ всего числа дѣтей, для которыхъ учреждены были бы школы. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, справедливѣе было бы разложить новый расходъ не по квартирамъ, но вообще на недвижимыя имущества и торговыя заведенія. Не надо однако упускать изъ виду, что недавно была переоцѣнка, вслѣдствіе которой обложеніе вдругъ возвысилось въ среднемъ размѣрѣ на цѣлыя 50% противъ прежняго. Спрашивается: почему же именно относить новый расходъ на ту статью, которая всего годъ тому назадъ подвергнута столь значительному возвышенію налога?

Намъ могутъ замѣтить, что еще слишкомъ рано толковать теперь о томъ, на какой предметъ долженъ быть отнесенъ новый расходъ, такъ какъ мы сами не допускаемъ, чтобы городъ могъ учредить и содержать 170 школъ, безъ облегченія его въ расходѣ на полицію, а такого облегченія пока не предвидится. Но дѣло въ томъ, что въ докладѣ управы прямо указываются два, по ея мнѣнію, возможныхъ вида новаго обложенія: или установленіе поквартирнаго сбора, или возвышеніе всѣхъ безъ разбора налоговъ на 10%. Возможно или невозможно окажется учрежденіе 170 школъ въ четыре года, но что Петербургу окажется нужнымъ какой-нибудь новый налогъ, это и независимо отъ школъ весьма возможно, даже вѣроятно, въ виду дефицитовъ и истощенія городскихъ капиталовъ. И вотъ, изъ нынѣшняго доклада управы усматривается, что если придется увеличить доходы города, то управа будетъ рекомендовать одинъ изъ двухъ указанныхъ способовъ; поэтому необходимо выяснить, что оба эти способа нерациональны, и напомнить, что можно указать другіе источники, съ гораздо бѣльшей основательностью. Таковы могли бы быть: торговыя заведенія въ частныхъ домахъ вообще и нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., купеческія банкирскія конторы и кассы ссудъ — въ особенности;

вѣтъ—предметы роскоши: собственные экипажи и лошади (кроме рабочих), право держать мужскую прислугу, ливреи и т. д.

Упомянувъ выше о переоцѣнѣ недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ налогу въ пользу города, замѣтимъ, что по отчету петербургскаго градоначальника за 1874 годъ, переоцѣнка эта опредѣлила ихъ стоимость въ 222 милліона рублей, т.-е. на сумму 88 милліоновъ рублей выше противъ старой оцѣнки и возвысила городской доходъ на слишкомъ 400 т. рублей въ годъ. Не лишне привести точныя цифры. По старой оцѣнѣ городъ получалъ въ годъ 1.370,538 рублей, по новой получаетъ 1.788,888 рублей. При этомъ взимается съ домовладѣльцевъ: не 10%, а 8% съ чистаго дохода, въ томъ числѣнн, что домовладѣльцы несутъ еще другихъ налоговъ на 568 тыс. руб., т.-е. около 2% чистаго дохода.

Во всякомъ случаѣ Петербургу, если школы будутъ учреждены и содержимы исключительно на его средства, должно быть предоставлено самостоятельное завѣдываніе этими школами, съ тѣмъ, чтобы министерству народнаго просвѣщенія, которое не оказало бы этимъ училищамъ никакой помощи, было предоставлено только наблюденіе за исполненіемъ ими устава начальныхъ училищъ. Совершенно естественно предложеніе управы, чтобы впередъ, до введенія обязательнаго обученія, возобновлены были неразрѣшенныя ходатайства объ учрежденіи городского училищнаго совѣта и объ открытіи еще прежде предположенныхъ 32-хъ начальныхъ училищъ.

Выше упомянуто предположеніе думы, что 15-ть школъ могли бы быть устроены главными фабриками. Что фабрики должны быть привлечены къ этому дѣлу — несомнѣнно; но полагаться на добрую волю фабрикантовъ было бы слишкомъ наивно. По слухамъ, въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ объ обязательномъ устройствѣ владѣльцами фабрикъ начальныхъ школъ для дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Но и одной этой мѣрой нельзя ограничиться. Дѣло въ томъ, что во избѣжаніе расхода и хлопотъ, сопряженныхъ съ содержаніемъ школъ, многіе фабриканты предпочтутъ отказаться отъ работы дѣтей. Мы укажемъ сейчасъ на признакъ такого расположенія нашихъ фабрикантовъ, живущихъ подъ всѣми благами покровительственной системы, но весьма мало склонныхъ къ оказанію кому-либо покровительства съ своей стороны (за нѣкоторыми ничетными исключеніями, какъ, напр., среди здѣшнихъ заводчиковъ—г. Путилова, у котораго есть школа, помѣщенная въ домѣ, имъ въстроенномъ). Комиссія по техническому образованію въ одномъ изъ своихъ докладовъ поставила вопросъ совершенно вѣрно: она сочи-

„справедливѣе распространить обязательное носеніе раскочевъ на школы—и на тѣ фабрики, заводы и ремесленные заведенія, которыя не пользуются дѣйствительно трудомъ малолѣтнихъ“; а такъ какъ отзывы, полученныя комиссією отъ фабрикантовъ, рѣшительно высказались противъ возложенія на нихъ заботъ по устройству и содержанию школъ, то большинство комиссіи оставившись на мысли „обложить хозяевъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній спеціальнымъ ежегоднымъ налогомъ (на учрежденіе начальныхъ школъ) въ размѣрѣ отъ $\frac{1}{2}$ до 2% со всей суммы заработныхъ платъ“. Эта постановка вопроса, повторяемъ, совершенно вѣрна. Но, быть можетъ, слѣдовало бы рассчитывать налогъ не по суммѣ заработныхъ платъ, что прямо указывало фабрикантамъ на вычеты съ этой цѣлью изъ тѣхъ же платъ, а по суммѣ ежегоднаго производства всѣхъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній въ Петербургѣ и его уѣздѣ, предоставивъ затѣмъ собранію фабрикантовъ и ремесленной управѣ распредѣлять ежегодно или на нѣсколько лѣтъ эту сумму между всѣми хозяевами. Если принять во вниманіе, что фабрики и заводы, начинаясь вверху по Невѣ, съ Усть-Ижоры, и идя двумя вереницами по обоимъ берегамъ рѣки и берегу Обводнаго канала до самаго взморья, значительно портятъ воду ближайшихъ рѣкъ и самой Невы, а многія ремесленные заведенія способствуютъ порчѣ воды въ каналахъ; что все это громадное число мастерскихъ, выстѣ взятыхъ, въ огромной степени усиливаютъ потребность Петербурга въ мировыхъ учрежденіяхъ и полиціи, содержимыхъ городомъ, вырабатываютъ продуктовъ на сумму, въ пять разъ (по меньшей мѣрѣ) превосходящую весь городской бюджетъ, а между тѣмъ, за немногими исключеніями, не платятъ ничего въ пользу города съ суммы своего производства,—то обложеніе ихъ спеціальнымъ налогомъ въ пользу начальныхъ школъ представляется совершенно необходимымъ.

Само собою разумѣется, что фабриканту, который докажетъ, что устроенная имъ школа требуетъ на свое содержаніе бѣльшей суммы, чѣмъ та, которая приходилась бы съ него въ налогъ, должно быть предоставлено освобожденіе отъ налога, пока онъ будетъ содержать школу.

Вопросъ объ обязательномъ обученіи дѣтей на заводахъ и въ мастерскихъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о регулированіи самой работы малолѣтнихъ. Дѣло въ томъ, что прежде всего надо предоставить малолѣтнимъ рабочимъ время для посѣщенія школы, а уже для этого одного надо опредѣлить minimumъ часовъ работы. Посѣщеніе школы при 12-ти часахъ ежедневной работы очевидно — невозможно. Вопросъ о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ

долженъ былъ рассматриваться въ началѣ нынѣшняго года въ особой комиссiи подъ предѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ. Мы не знаемъ, къ какому результату привели труды этой особой комиссiи. Но тѣ свѣдѣнiя о работѣ дѣтей на заводахъ и фабрикахъ и объ отношенiи заводчиковъ къ регулированiю работы малолѣтнихъ, какiя были собраны комиссiею по техническому образованiю, вполне достаточны, чтобы ожидать возможно большей энергiи со стороны законодательства, для скорѣйшей инициативы въ этомъ дѣлѣ. Каждый лишній годъ угрожаетъ, при нынѣшнемъ положенiи дѣла, здоровью и даже прямо жизни множества фабричныхъ дѣтей, жалкихъ жертвъ нужды и корысти родителей, и безсердечнаго равнодушия и грубости заводчиковъ и хозяевъ.

Ограниченное большинство фабрикантовъ и заводчиковъ вовсе не отвѣчали на разосланную имъ комиссiею программу свѣдѣнiй, и изъ доставленныхъ отвѣтовъ многіе не заслуживали довѣрiя уже по тѣмъ причинамъ противорѣчiямъ, которыя въ нихъ содержатся. Полученныя же отвѣты на проектъ закона о работѣ малолѣтнихъ, составленный профессоромъ Янсономъ (мы говорили о немъ въ свое время), составлены по большей части прямо съ цѣлью огражденiя фабрикантовъ, а не дѣтей. Такъ, на примѣръ, по тому параграфу закона, который предлагалъ обязать фабричныхъ дѣтей посѣщать школы, „имѣется значительное число возраженiй и всѣ они влчются къ тому, чтобы отвѣдаться отъ школы; во мнѣжаніе расходовъ на школу и отвѣтственности со стороны фабрикантовъ за нарушенiе правилъ о возрастѣ и соответствующемъ ему числѣ рабочихъ часовъ, большинствомъ (фабрикантовъ) предлагается запретить работу малолѣтнихъ на фабрикахъ совершенно“. Одно изъ отозвавшихся лицъ воспользовалось даже вопросомъ объ охраненiи здоровья малолѣтнихъ, чтобы предложить: „обязать обучившихся грамотѣ и прочему малолѣтнихъ прослужить опредѣленное время на томъ заводѣ или фабрикѣ, гдѣ они учились“, однимъ словомъ, создать новую форму обязательнаго труда.

Впрочемъ, и нельзя было ожидать, чтобы большинство отвѣтовъ имѣло другой характеръ. Едва-ли гдѣ либо промышленность столь безпощадно равнодушна къ судьбѣ личности, какъ у насъ. Какимъ же, по свѣдѣнiямъ, доставленнымъ самими фабрикантами, положеніе малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ въ Россiи? Изъ таблицъ, составленныхъ комиссiею, оказываются между прочимъ слѣдующіе выводы: всѣ фабрикаціи, въ большей или меньшей степени, пользуются услугами малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, въ которыхъ число составляетъ отъ 6 до 40% общаго числа рабочихъ; часто употребляются въ работу дѣти и *молодые 10-ти лѣтъ* (1)

плату они получаютъ отъ 10-ти коп. (даже отъ 5-ти коп., по одному свидѣнію изъ казанской губерніи) до 80 к. въ сутки. Сколько же времени дѣти работаютъ въ сутки за эту плату, среднимъ размѣромъ по 15—25 коп.? Выписываемъ далѣе буквально: „число рабочихъ часовъ для дѣтей такое же, какъ и для взрослыхъ и достигаетъ (на 1 фабрикѣ) до семнадцати, на рогожныхъ заведеніяхъ до пятнадцати часовъ въ день, вообще же составляетъ около 12-ти часовъ, унадавая ниже этой цифры преимущественно только въ казенныхъ заведеніяхъ и въ нѣкоторыхъ производствахъ, гдѣ вся работа идетъ только въ извѣстные періоды дня. Свидѣній о вліяніи работы на здоровье дѣтей почти не доставлено, изъ нѣкоторыхъ же видно, что оно весьма губительно; число грамотныхъ вообще очень незначительно“. Возьмемъ въ отдѣльности фабрики, на которыхъ число рабочихъ часовъ достигаетъ максимума. Это—хлопчатобумажныя и рогожныя. На первыхъ дѣти не работаютъ менѣе 11½ часовъ, но работаютъ и до 17-ти за вознагражденіе отъ 10 и до 50 к. въ сутки. На вторыхъ за 15-ть часовъ въ сутки работы дѣти получаютъ 18-ть копѣекъ. По отзыву врачей, на бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ фабрикахъ, дѣти страдаютъ малокровіемъ, худосочны и блѣдны, отъ чистки машины руки ихъ покрываются сыпью, вслѣдствіе раздраженія кожи минеральнымъ масломъ, а отъ работы въ трепальномъ и чесальномъ отдѣленіяхъ дѣти страдаютъ воспаленіемъ дыхательныхъ вѣтвей и горла.

Вотъ какая картина выходитъ изъ отзывовъ 120-ти заводовъ и фабрикъ, отзывовъ, въ которыхъ, конечно, уже не показаны единичные, особенные случаи уродованія дѣтей долговременною и опасною работою, не показаны и столь частые у насъ случаи жестокаго съ ними обращенія! Гдѣ тутъ говорить о школахъ, пока существуютъ такія условія работы? Можетъ ли законодательство медлить своимъ вмѣшательствомъ въ такое по истинѣ вопіющее положеніе дѣлъ? Лишній годъ промедленія—сколькими страданіями онъ отзовется! Вспомнимъ, какое впечатлѣніе произведено было въ Англій, когда Дизраэли отложилъ до слѣдующей сессіи разсмотрѣніе билля Плимсолля объ охраненіи жизни матросовъ на купеческихъ судахъ, свидѣтельствомъ судовъ и штрафованіемъ владѣльцевъ за неблагонадежность судовъ. Общественное мнѣніе буквально усвоило себѣ слова, сказанныя Плимсоллемъ вслѣдствіе того въ парламентѣ, относительно судьбы моряковъ въ то время, которое истечетъ до слѣдующей сессіи, и Дизраэли былъ вынужденъ поддерживать на-скоро внесенный другимъ депутатомъ билль о немедленномъ введеніи временныхъ съ той же цѣлью постановленій. Напомнимъ еще разъ, что

безъ учрежденія особыхъ инспекторовъ для обзора фабрикъ въ санитарномъ отношеніи и въ отношеніи закона, которымъ регулировалась бы работа малолѣтнихъ, самый этотъ законъ не принесъ бы пользы.

Одно изъ важѣйшихъ заключеній, сдѣланныхъ проф. Ясновою изъ данныхъ, собранныхъ комиссіею, состоитъ въ ошибочности общераспространеннаго мнѣнія, будто у насъ нѣтъ класса фабричныхъ рабочихъ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ петербургскими фабриками оказывается, что на нихъ есть рабочіе, живущіе тамъ десятки лѣтъ и выписавшіе съ родины свои семейства. Связь ихъ съ селеніями состоитъ только въ томъ, что они числятся въ сельскихъ обществахъ и платятъ повинности, разложенныя на нихъ обществами; кромѣ того, оказывается, что при петербургскихъ фабрикахъ выросло и пошло по дорогѣ отцовъ не одно поколѣніе фабричныхъ рабочихъ. Необходимо будетъ въ скоромъ времени подумать и объ установленіи особымъ закономъ нѣкоторыхъ предохранительныхъ условій для работы на фабрикахъ взрослыхъ, хотя законъ о работѣ дѣтей требуетъ прежде всего, составляя самую неотложную потребность. Любопытно было бы знать мнѣніе нашихъ консерваторовъ по этому предмету, причислятъ ли они и этотъ „соціальный вопросъ“ къ тѣмъ, которыхъ обсужденіе въ печати „затрудняетъ ходъ русской жизни“, и рѣшились ли бы они сказать, что нынѣшнее положеніе дѣтей на нашихъ фабрикахъ благопріятно ходу русской жизни?

СТО-ПЕРВЫЙ ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ:

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИЦІЯ?

Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. *Мис. Шпилевскаго*. Одесса. 1875 ¹⁾.

Судьба нашей (т.-е. полицейской) „науки“, говоритъ г. Шпилевскій, „жалкая“ (стр. 57); „ея состояніе печально“ (стр. 134); она не имѣетъ почетнаго (?) мѣста и положенія, какъ вообще въ кругу юридическихъ наукъ, такъ и въ частности на юридическомъ факультетѣ (стр. 153). До сихъ поръ эта наука не имѣетъ приличнаго (?) названія (стр. 1, 3, 8), несмотря на то, что полицейсты больше всего заняты словами и названіями (стр. 37). Еще никто (?) не знаетъ даже, что такое полиція; у самого Штейна, „весьма много противорѣчій и колебаній относительно понятія о полиціи“ (стр. 90). Къ началу XIX столѣтія число различныхъ опредѣленій полиціи дошло до 25; въ первыя сорокъ лѣтъ число это возрасло до 80; а въ настоящее время, т.-е. въ 1875 г., г. Шпилевскій обѣщаетъ „набрать болѣе ста разнообразныхъ опредѣленій полиціи“ (стр. 2). Но, къ счастью или къ несчастью, эта интересная коллекція, обѣщанная авторомъ (стр. 2, примѣч. 7) повидимому, осталась въ портфель, ибо самаго приложенія, въ которомъ она обѣщана, нигдѣ не оказывается, и намъ ничего не остается, какъ считать г-на Шпилевскаго авторомъ сто-перваго отвѣта все на тотъ же вопросъ.

Но далѣе: „содержаніе науки полицейскаго права представляетъ пеструю смѣсь, составленную изъ клочковъ, вырванныхъ изъ всевозможныхъ отраслей знанія“ (стр. 137). Въ ней „не различаются право отъ фактовъ“ (стр. 135); полицеистамъ даже „чуждо самое понятіе о правѣ“ (стр. 129). Она состоитъ въ череполосномъ владѣніи со всѣми юридическими науками; потому ея границы постоянно нарушаются, а „подобное нарушеніе границъ дѣлаетъ невозможною интенсивную культуру науки“ (стр. 135—136). Большинство полицеистовъ не доросли до своей задачи, не обладаютъ ни талантами, ни свѣдѣніями, какія нужны для того, „чтобы найти связь между много-

¹⁾ Авторъ—доцентъ Новороссійскаго Университета.

численными и крайне разнообразными явлениями, свести, сгруппировать ихъ въ опредѣленную систему и установить на нихъ правильную точку зрѣнія“ (стр. 6). Всѣ полицейсты, какъ чужеземные, такъ и отечественные, постоянно препираются другъ съ другомъ. Неудивительно, что „при изученіи науки полицейскаго права весьма трудно сохранить научное безпристрастіе, столь необходимое для успѣховъ науки“ (стр. 8). Въ дѣлѣ „культуры науки“ полицейсты ведутъ себя крайне неблаговидно: одинъ умалчиваетъ о заслугахъ другого, или, что еще хуже, если и говоритъ о доблестяхъ собрата, „то для того только, чтобы раскритиковать ихъ во что бы то ни стало, иногда даже, чтобы умалить значеніе трудовъ своихъ предшественниковъ и черезъ это возвысить собственныя заслуги въ области науки“ (стр. 11—12). Впрочемъ, чего и ждать другого: полицейсты исповѣдуютъ „нигилизмъ“; но дѣлятся на два толка: одни на сторонѣ „*нигилизма либеральнаго*“, другіе же предпочитаютъ „*нигилизмъ консервативный*“ (стр. 12). Понятно, что г. Шпилевскій не солидаренъ ни съ тѣми, ни съ другими: „въ нашемъ изслѣдованіи,—говоритъ онъ,—мы употребили *всѣ усилія* (до того, значить, это трудно), чтобы избѣжать той или другой крайности“, т.-е., нигилизма либеральнаго и консервативнаго (стр. 12—13). Наконецъ, авторъ прямо заявляетъ, что „наука полицейскаго права впала въ матеріализмъ“ (стр. 135). Итакъ, полицеецъ, нигилистъ и матеріалистъ — все это *popina aequipollentia*!?

Въ виду такихъ данныхъ положеніе начинающаго полицееца крайне неудобно. Вотъ почему, а также и для того, „чтобы не быть подавленнымъ массой матеріала“, г. Шпилевскій избралъ для своего изслѣдованія „форму пролегомена“, то-есть, „такой способъ работы науки, какой необходимъ для каждаго начинающаго,“ (стр. 9—10); тѣмъ болѣе, что „форма пролегомена, вступительнаго ученія, общаго введенія, совершенно соотвѣтствуетъ потребностямъ науки полицейскаго права“ (стр. 10).

Постараемся теперь передать содержаніе пролегомена, составленнаго г. Шпилевскимъ.

Упрекнувши всѣхъ своихъ предшественниковъ въ томъ, что они „мало обращали вниманія на историческую связь, філіацію идей о полиціи“ (стр. 13—14), авторъ говоритъ: „для того, чтобы понять настоящее науки и уяснить себѣ ея задачи въ будущемъ, необходимо знать прошлое науки, ея исторію. Поэтому, мы,—продолжаетъ авторъ,—въ своемъ изслѣдованіи изложенію современнаго состоянія науки предположимъ краткій историческій очеркъ ея происхожденія и развитія“ (стр. 11). Этотъ краткій историческій очеркъ, впрочемъ, не такъ кратокъ, если принять въ расчетъ, что изъ 196 страницъ

всего изслѣдованія на него израсходовано 129; такъ что остается всего лишь 67 стр. для выполненія главной задачи, или, точнѣе, двухъ задачъ: а) представить современное состоянiе науки полицейскаго права и опредѣлить тотъ путь, по которому она должна слѣдовать; б) доказать самостоятельность этой отрасли правовѣдѣнiя.

Предиславъ нѣсколько вполнѣ справедливыхъ соображенiй о томъ, что въ дѣлѣ полиции, какъ и во всемъ, опытъ жизни предшествуетъ наукѣ (стр. 14), что практика полиции предшествовала теорiи, а не наоборотъ, авторъ открываетъ свой историческiй очеркъ. Исторiю г. Шпилевскiй понимаетъ въ смыслѣ экзамена всѣмъ полицейстамъ, гдѣ каждому неизмѣнно предлагаются три вопроса: о предметѣ, или содержанiи, системѣ и методѣ (стр. 10).

Предварительно выведена компанiя въ девять человѣкъ. Эти—такъ себѣ, „мелкiе труженики“ (стр. 18); ихъ сочиненiя „не могутъ быть признаны строго научными, вполнѣ систематическими изслѣдованiями, хотя и содержатъ въ себѣ правильныя понятiя о наукѣ“ (стр. 19). Исключенiя не составляетъ и Vetter, несмотря на то, что ему, по цитатѣ г. Шпилевскаго, уже при крещенiи дано имя Hofgath, т.-е. надворный совѣтникъ (стр. 19, примѣч. 4, ср. съ примѣч. 3).

Слѣдуетъ родоначальникъ настоящихъ полицейстовъ, Юсти. „Громадное значенiе Юсти“ въ исторiи полицейской науки заставляетъ насъ нѣсколько долѣе остановиться на „разсмотрѣнiи“ его сочиненiй (стр. 21). Какъ смотрѣлъ Юсти на предметъ и цѣль полиции, это рассказано у г. Шпилевскаго съ такою же полнотою и даже почти въ тѣхъ же выраженiяхъ, какъ, напримѣръ, въ брошюрѣ г. Степанова ¹⁾. Заглавiе двухъ сочиненiй Юсти выписано совершенно вѣрно, какъ оно выписано, напр., и у Платонова или въ предисловiи къ курсу профессора Андреевскаго. „Что касается системы полицейской науки, то Юсти раздѣляетъ ее (что, систему или науку?) на двѣ части: на теоретическую или умозрительную, и практическую или исполнительную (?). Первая часть распадается на три отдѣла; „сообразно съ этимъ, первая часть распадается на три книги“. „Практическая часть“, т.-е. вторая, исполнительная, „также распадается на три отдѣла“ (стр. 23—24). Оглавленiя всѣхъ шести отдѣловъ выписаны вполнѣ и точно. „Такова (sic) система полицейской науки въ сочиненiяхъ Юсти“ (стр. 24). „Наконецъ, что касается метода (sic) изслѣдованiя полицейской науки, то сочиненiя Юсти носятъ болѣе характеръ политическiй, чѣмъ юридическiй“ (стр. 24). Послѣ этого читатель приглашается „удивляться той массѣ знанiй, тому умѣнью, которыми обладалъ Юсти“. Наконецъ, Юсти отпускается съ миромъ

¹⁾ Два первые перiода и т. д., стр. 7 и примѣч. 6 на стр. 78.

послѣ такого напутствія: „несмотря на нѣкоторые недостатки (какіе же, и въ чемъ?) сочиненій Юсти, нельзя не признать его однимъ изъ первоклассныхъ корифеевъ въ этой области знанія“ (стр. 25). Дѣйствительно, послѣ изложенія г. Шпилевскаго развѣ слѣпой не увидитъ, что „Юсти—талантъ многосторонній“ (стр. 9).

Послѣ Юсти непосредственно слѣдуетъ другой корифей, Зонненфельсъ; но экзаменъ ему дѣлается нѣсколько короче. Зонненфельсъ отличается отъ Юсти, между прочимъ, тѣмъ, что его сочиненіе состоитъ изъ трехъ томовъ (стр. 25). Въ остальномъ онъ не представляетъ ничего особеннаго. Но за то есть одна несомнѣнная заслуга Зонненфельса, — онъ *первый* опредѣлилъ, что такое безопасность. „Безопасность есть такое состояніе, находясь въ которомъ мы ничего бояться не можемъ“ (стр. 26). Нужно думать, что Юсти и другіе полицейсты держатся противоположнаго мнѣнія.

„Такою является полицейская наука въ сочиненіяхъ Юсти и Зонненфельса. За этими двумя корифеями слѣдовала цѣлая плеяда полицеевѣдъ“ (стр. 29). „Всѣ эти писатели въ своихъ воззрѣніяхъ являются ревностными послѣдователями идей, высказанныхъ Юсти и Зонненфельсомъ“ (стр. 29). Очевидно, это планеты; плеяда состоитъ изъ 16-ти экземпляровъ. У Платонова они расположены въ пять созвѣздій, а у г. Шпилевскаго вытянуты гуськомъ, какъ и слѣдуетъ на экзаменѣ. Впрочемъ, это отчасти и потому, что г. Шпилевскій наблюдалъ плеяду чрезъ подзорную трубу Функа ¹⁾. Любопытна планета № 9, обозначенная въ плеядѣ такъ: „Beckmann, Anmerkungen zu Justiz-Grundsätzen der Polizeiwissenschaft“. Слыхалъ ли кто-нибудь про такое сочиненіе? Нѣтъ, ибо такого *никогда не бывало*. Дѣло вотъ въ чемъ: Бекманъ сдѣлалъ изданіе (3-е) сочиненія Юсти: „Grundsätzen der Polizeiwissenschaft“, снабдивши это изданіе своими Anmerkungen. У Платонова, на стр. 11, приведено мнѣніе Бекмана, высказанное имъ въ одномъ изъ Anmerkungen, и процитировано такъ: Beckman, Anmerkungen zu *Justi's*-Grundsätzen der Polizeiwissenschaft. Г. Шпилевскій увидѣлъ здѣсь отдѣльное сочиненіе Бекмана, и вотъ, вмѣсто *Justi's* Grundsätzen der Polizeiwissenschaft возникло небывалое сочиненіе: *Justiz-Grundsätzen der Polizeiwissenschaft*, которое и припилено подъ № 9 на стр. 29. Странно нѣсколько, какъ можно сдѣлать такой промахъ, „изучая (?) внимательно (??) труды Юсти (???) по полицейской наукѣ“ (стр. 25), „и вообще филиацію идей о полиціи“.

За плеядой планетъ опять появляется звѣзда—„знаменитый по

¹⁾ Ср. его статья въ Tübinger Zeitschrift für die gesammten Staatswissenschaften.

лицеиствъ конца XVIII и начала XIX столѣтiя—Генрихъ Бергъ“. Не нельзя никому посовѣтовать присутствовать при экзаменѣ Берга изъ предмета, системы и метода полицейскаго права. Оба, Бергъ и г. Шпилевскiй, окончателно запутались въ замысловатыхъ узлахъ, связанныхъ изъ *полицейской науки* и *полицейскаго права*, изъ *Recht der Polizeigewalt* и *Polizeirecht*, изъ полицейскаго права въ *тѣсномъ* смыслѣ и полицейскаго права въ *обширномъ* смыслѣ этого слова. Даже со стороны глядѣть жалко; выходитъ по поговоркѣ: „хвостъ вытащилъ—голову загрузилъ, голову вытащилъ—хвостъ несвободенъ“. Кое-какъ экзаменъ кончается на томъ, что Бергъ объявленъ „однимъ изъ немногихъ полицейстовъ, которые разработывали полицейское право въ *тѣсномъ* смыслѣ этого слова“ (стр. 35).

Съ Берга непрерывно идетъ рядъ знаменитостей въ одиночку, не нарушаемый никакими плеядами; не-знаменитости попадаютъ изрѣдка, но не плеядами, и немедленно исчезаютъ какъ болотные огоньки. Но какъ ни знамениты всѣ эти: полицейсты-корифеи, они тѣмъ не менѣе отвѣчаютъ своему экзаменатору очень плохо. Г. Шпилевскому приходится не разъ предаваться сожалѣнiю то объ одномъ, то о другомъ корифейѣ. Впрочемъ, нужно отдать автору справедливость вотъ въ чемъ: онъ не спунится на сожалѣнiя одинаково для своихъ и чужеземныхъ полицейстовъ. Пожалѣлъ онъ не разъ профессора Андреевскаго (стр. 44); но вѣдь два раза на одной страницѣ пожалѣлъ и Моля (стр. 37), пожалѣлъ и Штейна (стр. 89). Нѣтъ сомнѣнiя, еслибъ не мягкосердiе г. Шпилевскаго, ни одинъ не попалъ бы въ знаменитости. Собственно говоря, за что выдавать имъ патенты на безсмертiе? Вѣдь всѣ эти ученые, даже такiе полицейсты *consommés*, какъ Моль и Штейнъ (стр. 37, 85), отвѣчаютъ съ ошибками, стараются отдѣлаться словами (стр. 86, 89), а то просто ничего не понимаютъ (стр. 37, 85) и сбиваются,— даже въ чемъ? Въ самомъ понятiи полицiи (стр. 90). „Къ изученiю полицейскаго управленiя Штейнъ съ знанiемъ дѣла прилагаетъ физиологическiй методъ“ (стр. 92); за что его и похвалилъ г. Шпилевскiй (стр. 91). Но система Штейна „ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ не можетъ заслуживать одобренiя“ (стр. 91). У каждаго, конечно, что-нибудь да заслуживаетъ одобренiя; исключенiе составляетъ одинъ профессоръ Бунге: этотъ провалился окончателно, за нимъ г. Шпилевскiй даже неохотно признаетъ титулъ полицейста (стр. 50). Но за то профессоръ Лешковъ выдѣляется въ другую сторону; онъ прошелъ удачнѣе всѣхъ, и потому имѣлъ чувствительную овацiю и торжественные проводы со стороны своего экзаменатора (стр. 125—126). Изъ всѣхъ корифеевъ—г. Лешковъ корифей-лауреатъ, пророкъ полицiи будущаго (стр. 126), тогда какъ, напримѣръ, г.

Андреевскій и Бунге—рутинеры отсталой школы: одинъ повторяетъ Моля (стр. 39 и слѣд.), другой—Рау (стр. 48—49). Одно еще, что можно замѣтить по поводу изложеннаго сейчасъ историческаго очерка филиаціи идей о полиціи: кажется, г. Шпилевскій напрасно включилъ Стивена въ свою галерею полицейстовъ. Хотя, съ другой стороны, переводъ названій 15 главъ 1 части IV книги комментаріевъ Стивена сдѣланъ довольно вѣрно, если и не совсѣмъ безупречно (напр., public houses г. Шпилевскій переводитъ: публичные дома). Разумѣется, Стивенъ неодобренъ за систему, несмотря на то, что уже при крещеніи онъ получилъ имя Serjant, т.е. титулъ высшаго ранга въ адвокатской корпораціи (стр. 126, примѣч. 1, стр. 127—128).

Общій выводъ изъ историческаго очерка, конечно, тотъ, что нужно „улучшить науку полицейскаго права“,—но какъ? Прежде всего чрезъ „превращеніе науки полицейскаго права въ обширномъ смыслѣ слова въ науку права общественнаго“; это *conditio sine qua non* требуемаго улучшенія (стр. 129). Такое превращеніе и происходитъ, и притомъ очень просто — чрезъ *переименованіе*: одну этикетку замѣняетъ другая. Сначала операція производится осторожно, подъ шумокъ размышленій о культурѣ, цивилизаціи, о чиновничествѣ, какъ духовной силѣ государственной власти (стр. 130), о психологіи народовъ, что доставило автору случай выписать заглавіе журнала Штейнтала (стр. 132), однимъ примѣчаніемъ больше. Не забыты „физиологія государства“, „наука о культурѣ“, и „демологія“ (стр. 132). Демологія значить „народовѣдѣніе въ обширномъ смыслѣ этого слова“ (стр. 132), и потому не должна быть смѣшиваема съ демонологіей, т.е. чертовѣдѣніемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Демологія еще не существуетъ, „она—наука будущаго“, но, и не существуя, „распадается на политическую демологію и социальную демологію“ (стр. 132). Всѣ эти соображенія — *rouge faire du bruit*, а между тѣмъ читатель не замѣчаетъ, какъ попытка переименованія, т.е. превращенія, повторяется все смѣлѣе (напр. стр. 134 и 137), и наконецъ, на стр. 143, маска сброшена: переименованіе окончательно совершилось, послѣ того, какъ полицейское право уже раньше сблизилось съ психологіей народовъ (стр. 133). Послѣ этого ясно, что полицейское, общественное право, не что иное, какъ гигиена и медицина (стр. 133—134).

Послѣ *такого* главнаго улучшенія, понятно, не трудно произвести улучшенія второстепенныя, и прежде всего уничтожить черезполосицу, произвести размежеваніе границъ, причемъ, *en passant*, достается узкимъ специалистамъ и въ особенности юристамъ-цивилистамъ (стр. 135—136). Понадобились далѣе размышленія о клас-

сификаціи юридическихъ наукъ: вопросъ занималъ въ давнее время и Платонова, и замѣчательно, какъ оба полицейста сходятся въ основѣ, хотя и выражаютъ одну и ту же мысль нѣсколько различно. Г. Шпилевскій говоритъ: „правильная классификація должна удовлетворять логическимъ требованіямъ“ и т. д. (стр. 138). Г. Платоновъ короче: „правильная классификація должна быть построена по идеѣ систематизирующаго разума“¹⁾. Всякій согласится, что г. Платоновъ выражается мужественнѣе. Разумѣется, классификаціи обоихъ полицейстовъ ничѣмъ существеннымъ не разнятся.

Какъ бы то ни было, но изъ классификаціи вытекло такое положеніе: „общественное (т.-е. полицейское, ибо превращеніе уже совершилось) право можетъ быть раздѣлено на гражданско-общественное право, или общественное право въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и на право церковно-общественное, или церковное право“, т.-е. церковно-полицейское (стр. 140). Но что такое общественное право? „Общественное право есть право личности или право на развитіе и охраненіе личности“ (стр. 143), разумѣется, добавляетъ авторъ, подъ надлежащимъ надзоромъ и контролемъ свыше (стр. 179). Потому, „слово полиція можетъ быть понимаемо въ смыслѣ цивилизаціи; такъ что подъ именемъ полицейской дѣятельности можно разумѣть дѣятельность, направленную на развитіе и охраненіе цивилизаціи или соціальную дѣятельность народа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова“ (стр. 144). Что это такъ, лучшее доказательство — оглавленіе XV томовъ свода законовъ, которое и прописано вполне на стр. 145—146. Въ усовершенствованномъ видѣ наука полицейскаго права вступаетъ „въ ближайшее отношеніе къ праву церковному или духовному“ (стр. 147). „Такое сближеніе,—говоритъ г. Шпилевскій,— между общественнымъ правомъ и церковнымъ можетъ имѣть самое благотворное вліяніе на разработку этихъ отраслей права какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніяхъ“ (стр. 128).

Остается теперь еще одно улучшеніе (стр. 153)—вопросъ о методѣ. Методовъ три или, правильнѣе, четыре, такъ какъ третій методъ—философскій—распадается на два: дедуктивный и индуктивный (стр. 150). Впрочемъ, для автора точка зрѣнія и методъ — одно и то же. Образчикомъ силы автора въ вопросахъ методологіи лучше всего можетъ служить характеристика второго изъ методовъ, „догматическаго, господствующаго въ области науки гражданскаго права“. „Этотъ методъ соответствуетъ такъ-называемому описательному способу изученія въ другихъ наукахъ“ (стр. 150). Изъ этого нетрудно усмотрѣть, что авторъ не имѣетъ яснаго представленія о догматикѣ

¹⁾ Платоновъ, Вступительныя понятія въ ученіе о благоустройствѣ и благочиніи. Харьковъ. 1856 г.

гражданскаго права и ея методѣ. Да и вообще, видимо, авторъ плохой цивилистъ: для него, напр., право лицъ (*jus personarum*) и право личное (*jus personale*—) одно и то же (стр. 182). Нельзя встать и замѣтить, что по отношенію къ гражданскому праву г. Шпилевскій пребываетъ въ постоянныхъ колебаніяхъ. Ресслера, напр., онъ не одобряетъ за то, что тотъ попытался изложить свой учебникъ полицейскаго права по системѣ гражданскаго права, точнѣе, по системѣ институцій (стр. 118); а Батби за то же самое хвалитъ (стр. 69). Въ одномъ мѣстѣ (стр. 118) онъ не ждетъ никакого проку отъ сближенія между гражданскимъ и полицейскимъ правомъ; въ другомъ же мѣстѣ (стр. 69, 103, 152) выходитъ какъ разъ наоборотъ. Нужно думать, что это простая забывчивость, все равно какъ забывчивостью можно объяснить, почему французскую *счетную* палату г. Шпилевскій изъ *cour des comptes* передѣлалъ въ *cour d'escomptes* (стр. 72), т.-е. въ палату *учетную*.

Послѣ разсужденій о методѣ, наука полицейскаго права улучшена въ цѣломъ и въ частяхъ.

„Но для успѣшной культуры науки необходимо начертать планъ ея изученія“ (стр. 153). Каковъ же этотъ планъ? Авторъ сразу удовлетворяетъ наше любопытство: „полная система общественнаго права, какъ и всякой другой отрасли правовѣдѣнія, должна состоять изъ двухъ частей: общей и особенной“. А дальше что? Это болѣе или менѣе извѣстно изъ элементарныхъ учебниковъ: общая часть дѣлится на три отдѣла: объ источникахъ права, о субъектахъ и объектахъ. Каждый изъ этихъ отдѣловъ дѣлится на вѣтви, вѣтви дѣлятся на отрасли и т. д. Особенная часть распадается на двѣ части или раздѣла (стр. 189); потомъ эти раздѣлы распадаютъ на отдѣлы, отдѣлы на институты, институты на вѣтви, вѣтви на отрасли. Понятно отсюда отличіе особенной части отъ общей: общая сразу распадается на отдѣлы; особенная же распадается сначала на раздѣлы, а потомъ уже на отдѣлы. Въ первомъ отдѣлѣ второго раздѣла или второй части особенной части семь институтовъ; второй же отдѣлъ второго раздѣла или второй части особенной части заключаетъ въ себѣ шесть институтовъ. Послѣдній изъ нихъ можетъ быть названъ увеселительнымъ, ибо въ число главныхъ отраслей его входятъ: право народныхъ увеселеній и право, регулирующее проституцію (стр. 195). Понятно, что и эти „соціальныя права лицъ не могутъ быть подразумѣваемы: они должны быть прямо дозволены“ (стр. 172). Всѣхъ вѣтвей въ двухъ отдѣлахъ второго раздѣла или второй части особенной части 53, если не больше. Что же касается перваго раздѣла или первой части особенной части, онъ дѣлится только на 7 отдѣловъ (стр. 189—190); но всѣ они поражены сухоткой, такъ что ни одинъ не даетъ ни вѣтвей, ни побѣговъ.

Какъ бы то ни было, но если планъ, предложенный у Платонова, хотя и съ трудомъ, все же могъ быть изображенъ въ видѣ вѣтвистаго древа полиціи, то съ планомъ г. Шпилевскаго и этого сдѣлать нельзя. Планъ послѣдняго сильно напоминаетъ тотъ, по которому сама собой расположилась вавилонская башня послѣ распадѣнія языковъ: до такой степени г. Шпилевскій ухудшилъ планъ Платонова, вмѣсто того, чтобъ его усовершенствовать. Но, несмотря на все это, авторъ называетъ свой планъ „научнымъ зданіемъ, изъ котораго ни одна часть не можетъ быть отдѣлена, также какъ ни одинъ новый элементъ не можетъ быть введенъ въ него, не нарушивши гармоническаго единства, законченности предмета“ (стр. 195—196). Смотрите, говоритъ онъ, на „эту строго очерченную, законченную систему“, — вотъ вамъ „лучшее доказательство самостоятельности полицейскаго“, — виноватъ, „общественнаго права, какъ отдѣльной отрасли правовѣдѣнія“ (стр. 196).

Таковъ торжественный финалъ, какимъ заканчивается г. Шпилевскій.

Что же сдѣлалъ г. Шпилевскій, сложившій свой пролегоментъ? Меньше всего, конечно, онъ доказалъ самостоятельность полицейскаго права. Кто не вѣритъ въ эту самостоятельность, тотъ не увѣруетъ въ нее и пересчитавши части, раздѣлы, отдѣлы и т. д. въ планѣ г. Шпилевскаго. Точно также ничего не сдѣлано и для улучшенія науки полицейскаго права: субъекты, объекты, пролегомены, классификаціи, планы, системы, — плохое средство поправлять науку, тѣмъ болѣе, что это средство давно испытанное и въ полицейской наукѣ, и если взять хотя бы древняго Боба, — развѣ онъ не зналъ того, что г. Шпилевскій выдаетъ за собственное открытіе? *Pas si bête*, смѣло можно отвѣтить за стараго Боба. Далѣе, для того, кто захотѣлъ бы ознакомиться съ исторіей литературы полицейскаго права, чтеніе книжки г. Шпилевскаго будетъ лишь помѣхой. Вѣдь лучше совсѣмъ ничего не знать о Юсти, Зонненфельсѣ, Штейнѣ, чѣмъ познакомиться съ ними подъ руководствомъ г. Шпилевскаго. Вы, напр., не узнаете даже, что на Юсти сильно вліялъ духъ законовъ Монтескьё. Въ русской литературѣ двѣ брошюры г. Степанова, предисловіе къ курсу г. Андреевскаго и даже книжка Платонова остаются неизмѣримо выше того историческаго очерка, какой предлагаетъ г. Шпилевскій, которому нельзя не сдѣлать упрека въ томъ, что онъ не въ мѣру скупъ въ ссылкахъ на гг. Андреевскаго, Степанова и Платонова. А между тѣмъ у нихъ онъ не только беретъ имена полицействовъ, заглавія сочиненій, но даже и ошибки. Вотъ примѣръ: у Степанова ¹⁾ имя Лоца искажено въ Лець, и вотъ у г. Шпилевскаго появился полицеецъ Lötz, а потому Lotz исчезъ (стр. 4 при-

¹⁾ Два первые періода, стр. 26.

мѣч. 4). Вообще, присматриваясь къ ученому аппарату въ сочиненіи г. Шпилевскаго, невольно становишься подозрительнымъ. Преобладаіе примѣчаній, въ которыхъ приводятся или *одни только* заглавія сочиненій, или только первыя страницы, само собою наводитъ на розыски. Поневоля становишься вступилъ, когда оказывается, что, напр., въ примѣчаніи 1 на стр. 9 и 10 весьма точно скопировано примѣчаніе 3 на стр. 9-й I-го тома *Polizeiwissenschaft* Моля, но ссылки на оригиналъ не сдѣлано. Или: плеяда изъ шестнадцати на стр. 29 слишкомъ вѣрно выбрана изъ Функа; примѣч. 1 на стр. 35 вѣто цѣликомъ изъ Шеффле ¹⁾, но опять та же фигура умолчанія. Или вотъ еще: на стр. 18—19, примѣч. 4, цитируется Фридрихъ (Friedrich), у г. Шпилевскаго опечатка—Friedslieb). Въ 1614 г., въ Госларѣ вышло сочиненіе Фридриха подъ заглавіемъ, которое можетъ быть по-русски переведено такъ: „Полицейская мудрость, т. е. описаніе христіанской, полезной и доброй полиціи, какъ она должна быть устроена и съ помощію Божіею можетъ быть сохраняема, чрезъ ея сравненіе съ человѣческимъ тѣломъ и съ благороднѣйшими частями и свойствами послѣдняго“. Даже такой полиціестъ, какъ Моль, ничего не знаетъ о Фридрихѣ. Но Ресслеръ вѣроятно видѣлъ эту „полицейскую мудрость“ въ библиотекѣ университета въ Ростокѣ, гдѣ онъ профессоромъ, и занесъ этотъ курьезъ въ примѣч. 1 къ § 21 своего учебника, откуда извлекъ его г. Шпилевскій, какъ нелишнее украшеніе для своего научнаго зданія, но опять объ источникѣ ни слова. Не продолжая такого рода изысканій далѣе, нельзя скрыть, что между прочимъ, цитатамъ къ §§ 13, 21, 22, 23 учебника Ресслера г. Шпилевскій не мало обязанъ за ученый аппаратъ своего труда.

Но тонъ, съ какимъ категорически и безъ мотивовъ г. Шпилевскій указываетъ на ошибки и недостатки всѣхъ полиціестовъ, начиная съ древнѣйшихъ и до самаго новѣйшаго, г. Лешкова, — такой тонъ можетъ быть лишь у человѣка, извѣдавашаго всю глубину „полицейской мудрости“. Другая черта—чувство самостоятельности; мѣстоименія: мы, наше (мнѣніе), ползаютъ на каждой страницѣ, иногда цѣлымъ роетъ, напр. на стр. 13 цѣлыхъ 18 штукъ.

Наконецъ, нельзя умолчать о строгой научности направленія въ трудѣ г. Шпилевскаго. У всѣхъ глаза обращены къ тому, что дѣлается въ земствѣ, на политику правительства въ дѣлѣ народнаго образованія, въ кредитѣ, въ землевладѣніи и т. п.; а г. Шпилевскій спокойно между науки, устраиваетъ классификаціи, возводитъ научныя зданія въ формѣ пролегомена, и самъ же любитъ и дѣло рукъ своихъ. Впрочемъ, всякій занимается, чѣмъ можетъ.

И. К.—п.

¹⁾ Тюбингенскій журналъ за 1871 г., стр. 205.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 сентября.

ПРОФЕССОРА И УНИВЕРСИТЕТЫ ВЪ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ.

Въ іюнѣ и іюлѣ нѣмецкіе политики и ученые съ интересомъ слѣдили за преніями во французскомъ національномъ собраніи о „свободѣ преподаванія“. Законъ, внесенный епископомъ Дюпанлу, предоставлялъ, какъ извѣстно, различнымъ корпораціямъ право учреждать университеты, пользующіеся правомъ наравнѣ съ государственными. Какъ извѣстно, въ этомъ усматривали стремленіе ультрамонтанъ завладѣть высшимъ образованіемъ, подобно тому, какъ они уже завладѣли низшимъ, и отдѣльныя статьи закона, а именно одна, введенная позднѣе, по которой епархіи признаются такими корпораціями, которымъ предоставляется право учреждать университеты, показываютъ, что большинство версальскаго собранія отлично понимало цѣль этого закона. Между тѣмъ извѣстно, что и либералы, какъ Лабуэ, вотировали за законъ, — хотя трудно рѣшить, была ли при этомъ у нихъ какая-нибудь задняя политическая мысль, или же что они увлеклись словомъ *свобода*, серебристый звукъ котораго обаятеленъ даже тогда, когда произносится іезуитами.

Въ Германіи лишь весьма немногіе старались оправдать дѣйствія французскихъ либераловъ въ этомъ случаѣ; большинство же полагаетъ, что Франція неизбежно станетъ жертвой ультрамонтанства, которое—этого никакъ нельзя отрицать—съ каждымъ днемъ дѣлаетъ новые успѣхи. Но при этомъ забываютъ о великой подвижности французскаго характера, который умѣетъ дѣйствовать и въ тискахъ и который непременно сокрушитъ ультрамонтанство, когда оно станетъ ему въ тягость. Что ультрамонтаны вначалѣ извлекутъ для себя величайшую выгоду изъ закона, это очевидно; однако поговариваютъ также и о томъ, что протестанты намѣрены завести свой протестантскій факультетъ, и если это будетъ разрѣшено (на чтó законъ даетъ имъ полное право разсчитывать), то будетъ служить доказательствомъ, что и либералы были не совсѣмъ не правы, поддерживая законъ.

То, чтó происходитъ въ этой области во Франціи естественнымъ образомъ привлекаетъ вниманіе на состояніе германскихъ университетовъ, хотя и нельзя провести прямой параллели между французскими и нѣмецкими университетами, но время отъ времени желательно удостовѣриться, стоитъ ли дѣло образованія на настоящей дорогѣ и замѣчается ли въ немъ прогрессивное движеніе.

Къ тому же, прямымъ поводомъ заняться этимъ вопросомъ является еще и то обстоятельство, что въ Пруссiи, со времени завоеванiй 1866 г., прибавилось три университета (Гёттингенъ, Киль, Марбургъ) и что вслѣдствiе этого число прусскихъ университетовъ равняется числу остальныхъ германскихъ университетовъ. Это отношенiе важно по двумъ причинамъ. Если половина нѣмецкихъ университетовъ, и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ самыхъ большихъ, приходится на Пруссiю, то ясно, что центръ тяжести образованiя въ Германiи приходится въ Пруссiи и что это парализуетъ разнообразiе, которое обусловливалось прежде существованiемъ въ Германiи многихъ мѣстныхъ университетовъ. Это же разнообразiе было въ глазахъ многихъ величайшимъ преимуществомъ университетскаго дѣла въ Германiи: оно вызывало и до сихъ поръ вызываетъ большую конкуренцiю между различными университетами, и нельзя отрицать того, что по временамъ, когда въ Пруссiи господствовало направленiе, неблагоприятное для свободы, эта послѣдняя находила убѣжище въ маленькихъ университетахъ, какъ это, напримѣръ, было въ эпоху преслѣдованiя демагоговъ, вскорѣ послѣ войны освобожденiя. Определенiя карлсбадскаго трактата поставили нѣмецкiе университеты, такъ сказать, въ осадное положенiе. Съ профессорами и студентами обращались какъ съ людьми подозрѣваемыми въ государственной вѣрности, и многiе молодые люди, болѣею частью повинные лишь въ самыхъ безвредныхъ мечтанiяхъ, подверглись преслѣдованiямъ, отъ которыхъ, конечно, выработались нѣкоторые сильные характеры, но за то многiя слабыя натуры погибли безвозвратно. Весьма интересны изданныя года два-три тому назадъ юношескiя воспоминанiя профессора богословiя въ Iенскомъ университетѣ, Карла Гаазе ¹⁾, игнѣшаго несчастiе навлекъ на себя преслѣдованiя по подозрѣнiю въ демагогию. Мимоходомъ замѣчу, что онъ хотя и кратко, но очень ясно и безъ всякой горечи рассказываетъ о своей судьбѣ, хотя, быть можетъ, имѣлъ бы нѣкоторое право негодовать, такъ какъ то обстоятельство, что онъ былъ осужденъ (хотя вскорѣ затѣмъ и помилованъ), помѣшало ему поступить въ берлинскiй университетъ и вынудило его отправиться въ Iену, гдѣ власти не были такъ придирчивы. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе не разставался съ этимъ университетомъ. Но худшимъ послѣдствiемъ такъ-называемаго преслѣдованiя демагоговъ было то, что всѣ либеральныя элементы наци были подавлены и въ общественной жизни воцарилось философское равнодушию къ общественнымъ интересамъ, и результатомъ этого явилось отсутствiе патриотизма, выказавшееся въ печальную эпоху, предшествовавшую 1840 г., во всеобщемъ застоѣ.

¹⁾ Carl Haase. Ideale und Irrthümer. Leipzig. 1872, F. A. Brockhaus.

Правила для университетскаго устройства заключаются во всеобщемъ законодательствѣ страны, и прусская конституція ничего не измѣнила въ нихъ, хотя и высказала ясно и опредѣленно слѣдующій принципъ: наука и ея преподаваніе свободны. Прусскіе университеты пользуются правами привилегированныхъ корпорацій; ихъ внутреннее устройство, ихъ права и обязанности, равно какъ и права и обязанности доцентовъ опредѣляются статутомъ каждаго университета, признаннымъ правительствомъ. Права и обязанности отдѣльных факультетовъ опредѣляются особыми статутами. Университеты— *учрежденія государственныя*; они могутъ быть учреждаемы лишь съ вѣдома и съ согласія государства. Они подвѣдомственны министерству просвѣщенія и вѣроисповѣданій, и органами послѣдняго являлись въ университетахъ кураторы. Этимъ послѣднимъ предоставлялось ближайшее наблюденіе за университетомъ, управленіе его экономическими дѣлами. На куратора возлагалось также наблюденіе за господствующимъ между профессорами и студентами направлениемъ. Въ силу карлсбадскихъ постановленій обязанности кураторовъ въ 1819 г. были переданы чрезвычайнымъ правительственнымъ уполномоченнымъ. Но этотъ институтъ настоящаго полицейскаго характера былъ упраздненъ въ 1848 г. Въ настоящее время должность куратора исправляется по большей части оберъ-президентами провинцій.

Университеты, которыхъ теперь въ Пруссіи насчитывается 12, состоятъ изъ четырехъ факультетовъ: богословскаго, юридическаго, медицинскаго и философскаго. Во главѣ университета стоитъ *ректоръ*, избираемый поочередно изъ среды ординарныхъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ этими послѣдними; вмѣстѣ съ прежнимъ ректоромъ (проректоромъ), университетскимъ судьей, деканами и многими избранными сенаторами онъ образуетъ академическій сенатъ (университетскій совѣтъ), съ которымъ заправляетъ тѣми дѣлами всѣхъ четырехъ факультетовъ, которыя не уполномочены рѣшать одинъ вмѣстѣ съ университетскимъ судьей. Выборъ ректора подлежитъ утвержденію короля. Во главѣ каждаго факультета стоитъ деканъ, который или избирается изъ среды ординарныхъ профессоровъ, или же вступаетъ въ эту должность поочередно. Его выборъ утверждается министерствомъ.

Преподавателями въ университетахъ бываютъ ординарные и экстраординарные профессора или привать-доценты.

Ординарные профессора получаютъ отъ короля патенты на это званіе и только одни могутъ считаться въ тѣсномъ смыслѣ этого слова членами академическаго сената, равно какъ и факультетовъ. Экстраординарные профессора назначаются министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій. Относительно права читать

лекціи они сравнены съ ординарными профессорами, но не могут считаться въ тѣсномъ смыслѣ слова членами академическаго совѣта и факультетовъ. Институтъ привать-доцентовъ получилъ свое начало тѣмъ, что ученые, получившіе ученую степень, имѣютъ право быть преподавателями въ университетахъ, на извѣстныхъ условіяхъ. Отношеніе привать-доцентовъ къ университету вполнѣ *свободное*, они могутъ въ каждое время оставить его, могутъ выказывать болѣе или меньшую дѣятельность, а преимущество ихъ заключается въ томъ, что если они выкажутся способными, то въ случаѣ открывшейся ваканціи ординарнаго или экстраординарнаго профессора изъ охотнѣе предпочтутъ всякому другому, не принадлежавшему къ университету. Но за то привать-доценты находятся въ большой зависимости отъ факультета, который рѣшаетъ безапелляціонно объ ихъ допущеніи къ чтенію лекцій.

Нельзя разсуждать о положеніи профессоровъ, не составивъ себѣ точнаго понятія о положеніи университетовъ, ибо они взаимно обуславливаютъ другъ друга. Выдающаяся ученость одного или нѣсколькихъ профессоровъ отнюдь не вліяетъ рѣшительнымъ образомъ на общій ходъ университетскихъ дѣлъ, на общій духъ какъ учащихся, такъ и учащихся. Мы видимъ, что при основаніи первыхъ европейскихъ университетовъ, управленіе ими принадлежало студентамъ. Въ Болоньѣ именно *ректоромъ* всегда избирался студентъ, между тѣмъ, какъ доктора, которые избирались въ профессора студентами и изъ представителями, а позднѣе городомъ, долго не пользовались вліаніемъ на ходъ университетскихъ дѣлъ и должны были съ бою взять его.

На университетахъ различныхъ націй, какъ на важнѣйшемъ факторѣ культурной жизни, всегда отражалась судьба народа, но въ главныхъ чертахъ своихъ они постоянно оставались сколомъ съ тѣхъ первоначальныхъ учрежденій, какими они сложились въ Парижѣ и въ Болоньѣ.

Мы не можемъ опредѣлить съ точностью момента, когда на мѣсто ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ одиночку и собранныхъ въ значительномъ числѣ въ этихъ обоихъ городахъ, и имѣвшихъ каждый самъ по себѣ кругъ учениковъ—это было несомнѣнно зародышемъ теперешнихъ университетовъ,—эти ученые и ихъ ученики соединились въ одно цѣлое. Когда это случилось, то въ отличіе отъ прежнихъ монастырскихъ школъ, и отъ прежняго обособленнаго преподаванія, преподаватели и учащіеся новаго порядка стали разсматриваться какъ *Universitas*, за которымъ обычай, а позднѣе папскія грамоты и императорскіе указы обезпечили цѣлый кругъ правъ и обязанностей. Первоначально вліаніе государства—если только можно употреблять это названіе, говоря о средневѣковыхъ временахъ—или ю-

рода, въ которомъ находилась ученая и преподавательская корпорація, было незначительно. Корпоративное самоуправство и самоуправленіе, со всѣми его преимуществами и слабыми сторонами, было основной чертой, проходившей черезъ всю общественную жизнь средних вѣковъ. Какъ и городскія общины, ремесленные цехи и гильдіи, такъ и ученые университеты стояли особнякомъ съ присвоеннымъ имъ самоуправленіемъ, съ тою только разницею, что въ Болоннѣ, какъ уже было сказано раньше, *корпорація* находилась въ рукахъ студентовъ, а въ Парижѣ въ рукахъ преподавателей, которые, въ силу того духа, что характеризуетъ французскую націю и по которому управленіе въ ней всегда идетъ выше, совѣмъ исключили студенчество изъ круга корпорационной дѣятельности. Послѣ того, какъ въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ Франція и Италия пользовались монополіей высшаго образованія, въ 1348 и 1365 гг., съ папскаго разрѣшенія основаны нѣмецкіе университеты въ Прагѣ и Вѣнѣ.

Разница между этими нѣмецкими университетами и университетами Италии и Франціи заключалась въ томъ, что эти послѣдніе были зрѣлымъ плодомъ уже развившейся духовной жизни націи, между тѣмъ, какъ первые были только зерномъ, посаженнымъ въ землю прозорливыми государями и гражданами.

Извѣстно, что организація университетскаго населенія первоначально распредѣлялась по націямъ. Въ Парижѣ масса преподавателей и студентовъ распадалась на *четыре* націи: французскую или галликанскую, пикардійскую, нормандскую и англійско-нѣмецкую, изъ которыхъ каждая имѣла свою собственную организацію, во главѣ которой стояли выбранные прокураторы.

Въ Болоннѣ корпорація учащихся распадалась на два университета: университетъ ультрамонтанъ и университетъ дисмонтанъ, причемъ тогдашними ультрамонтанами были нѣмцы. Изъ *націй* развились гораздо уже позднѣе факультеты, и основанный въ 1392 году эрфуртскій университетъ уже съ самаго начала раздѣлялся на факультеты, взаимнѣ націй. Я пропускаю дальнѣйшее развитіе университетовъ во все время ихъ процвѣтанія и вплоть до ихъ паденія, благодаря выродившейся схоластикѣ, господство которой разрушилъ гуманизмъ. Но здѣсь встаетъ будетъ опровергнуть одно очень распространенное заблужденіе, будто университеты были творцами оживленія науки въ эпоху гуманистовъ, рассадниками и колыбелью реформаціи, центромъ развитія новыхъ идей просвѣщенія и свободомыслія, питомниками естествознанія, которое освободило народъ отъ суевѣрій и господства устарѣлыхъ понятій. Въ этомъ представленіи о *быломъ* значеніи университетовъ есть много ложныхъ чертъ; въ

этомъ представленіи соединены *за-одно* разрозненные элементы, которые далеко дѣйствовали не во всѣ времена и не въ одинаковомъ направленіи. Историческій обзоръ отдѣльныхъ процессовъ развитія, говоритъ профессоръ Ю. Б. Мейеръ, въ Боннѣ, въ статьѣ о развитіи нѣмецкихъ университетовъ ¹⁾, показываетъ разнообразныя картины прогресса и регресса, борьбы новаго со старымъ. И, къ сожалѣнію, мы видимъ при этомъ, что университеты не всегда стояли на передовомъ постѣ культурнаго прогресса. Такъ, мы обязаны восстановленію просвѣщеннаго изученія классической древности въ Германіи, безспорно, людямъ, посѣщавшимъ университеты, но эти послѣдніе долгое время не заявляли ни малѣйшаго притязанія на то, что они дали истинное направленіе пытливымъ умамъ и расчистили путь для юныхъ силъ. Старѣйшій нѣмецкій университетъ, пражскій, оставался почти все XV-е столѣтіе нетронутымъ гуманистическимъ движеніемъ. Хотя въ Богеміи, внѣ университета, и существовали люди ревностно занимавшіеся изученіемъ классической древности, но самъ университетъ оставался при своихъ устарѣлыхъ схоластическихъ занятіяхъ. Въ Вѣнѣ гуманизмъ получилъ полный ходъ только въ 1499 г., но, къ сожалѣнію, лишь на короткій срокъ, такъ какъ церковныя смуты вскорѣ поставили преграду новому развитію. Папа Мартинъ V уже въ началѣ XV-го столѣтія возложилъ на богословскій факультетъ обязанность наблюдать за остальными факультетами и даже далъ ему власть преслѣдовать еретиковъ. Такими средствами наука въ вѣнскомъ университетѣ была упразднена почти на цѣлое столѣтіе. Профессоръ Маркуардзень, извѣстный депутат рейхстага, который состоитъ теперь также членомъ имперской юридической комиссіи, высказался объ этомъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ „Государственномъ Словарѣ“ Братера, и между прочимъ въ своей статьѣ „Университеты“ даетъ весьма интересное описаніе для котораго матеріалы доставлены ему его другомъ и сотоварищемъ профессоромъ Марковичемъ изъ Эрлангена, австрійскимъ уроженцемъ ²⁾. Знаменитый педагогъ Зальцманнъ написалъ въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ заглавіемъ „Krebsbüchlein“, указаніе, какъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей. Учрежденіе австрійскаго университета до марта 1848 г. было однимъ изъ такихъ „Krebsbüchlein“, а потому въ Австріи все шло черепашиимъ шагомъ и образовалась та глубокая пропасть между Австріей и Германіей, которая такъ облегчила разрывъ 1866 года, такъ какъ духовно-онъ уже подготовленъ

¹⁾ Deutschen Zeit und Streitfragen. Jahrgang III. Heft 48. Herausgegeben von Holzendorff und Oven.

²⁾ Deutsches Staatswörterbuch von Bluntschli und Brater. Band X. Artikel „Universitäten“.

давно. Австрійская имперія со времени реформаціи или, вѣрнѣе сказать, со времени насильственного подавленія ея въ Австріи и Богеміи, гдѣ она, какъ извѣстно, одно время была готова побѣдить ¹⁾, всегда оставалась чужда нѣмецкой духовной жизни. Страны, которыя могли похвалиться тѣмъ, что первыя изъ нѣмецкихъ земель завели университеты, послѣ раздѣленія церквей, подпавъ подъ вліяніе іезуитовъ, оставались вполнѣ чужды новому духу, который болѣе или менѣе былъ связанъ съ реформаціей. Подъ давленіемъ іезуитовъ университетъ все болѣе и болѣе низводился на степень простой школы, и даже отиѣна іезуитскаго ордена не измѣнила этого порядка вещей. Замѣчательно то, что въ этотъ періодъ вообще лишь немногіе университеты заслуживали это названіе, такъ какъ большинству недоставало того или другого факультета. Въ Грацѣ, Лембергѣ и въ нынѣ-закрытомъ ольмюцкомъ университетѣ недоставало медицинскаго факультета; въ Инспрукѣ не было богословскаго факультета, который былъ затѣмъ учрежденъ іезуитами. Такое положеніе дѣлъ вредно тѣмъ, что ослабляетъ соревнованіе между профессорами и студентами различныхъ факультетовъ и даетъ перевѣсъ чисто спеціальнымъ занятіямъ. Поэтому, въ Германіи отказываютъ такимъ неполнымъ учрежденіямъ въ названіи университетовъ. Дальнѣйшее различіе состояло въ томъ, что въ австрійской монархіи никогда не бывало протестантскаго факультета, хотя въ ней насчитывается до трехъ милліоновъ протестантовъ. Да и католическое духовенство учится ббльшею частью въ особыхъ заведеніяхъ (семинаріяхъ), которыхъ насчитывается до 100 и которыя находятся частію въ вѣдѣніи епископовъ, частію въ вѣдѣніи монастырей.

Эту систему католическихъ учебныхъ заведеній ультрамонтаны, какъ извѣстно, въ теченіи столѣтій стремились ввести также и въ Германію, чтобы удалить молодыхъ священниковъ отъ всякаго общенія съ свободной наукой и національнымъ направленіемъ университетской жизни, и сдѣлать ихъ послушными орудіями Рима. Этому

¹⁾ Одно время казалось, что Австрія, еслибы она послѣдовала за симпатіями народа, могла стать главнымъ протестантскимъ государствомъ Германіи. Орландини, первый историкъ іезуитовъ, совнается, что въ наслѣдственныхъ земляхъ императора Фердинанда едва тридцатая часть населенія была свободна отъ еретическихъ воззрѣній. Въ такомъ же духѣ настроенъ былъ и вѣнскій университетъ, за исключеніемъ богословскаго факультета. Уже на Констанцскомъ соборѣ павскій представитель жаловался на еретическія поползновенія вѣнскаго университета. Булла Льва X противъ Лютера въ 1520 г. пролежала цѣлый годъ въ канцеляріи университета. Только на слѣдующій годъ новый ректоръ, богословъ, обнародовалъ ее. Лишь путемъ насилія удалось императору Фердинанду подавить развитіе ереси. Декретомъ 1524 г. объявлено, что някто не можетъ быть допущенъ къ преподаванію въ университетѣ, чье римско-католическое настроеніе могло быть сомнительно. Іезуиты сдѣлали остальное.

стремленію положили предѣлъ столь хулимые прусскіе церковные законы, такъ какъ для того, чтобы быть облеченнымъ въ санъ священника, необходимо трехлѣтнее посѣщеніе университетскихъ лекцій ¹⁾, и хотя противники этихъ законовъ и смѣются надъ выраженіемъ „борьба за культуру“, но несомнѣнно, что эти законы сдѣлають больше для развитія культуры, чѣмъ это думаютъ.

Возвращаясь къ своему предмету. Если уже обособленность факультетскихъ занятій сама по себѣ представляла діаметрально противоположное тому, что мы видимъ въ нѣмецкихъ университетахъ, то система такъ-называемаго подготовительнаго курса еще глубже искажала всю систему университетскаго дѣла. Этотъ такъ-называемый философскій курсъ долженъ былъ обязательно предшествовать поступленію на избранный спеціальныи факультетъ и длился сначала три года, а съ 1824 года—два. Въ эти два года молодые люди зачастую просто еще дѣти, должны были слушать массу предметовъ, и сдавать ихъ на семестровыхъ экзаменахъ. Главную роль играли, такъ-называемая религіозная наука, алгебра, геометрія, тригонометрія, стереометрія, физиологія, логика, метафизика, латинская словесность, физика, нравственная философія. Кромѣ полугодичнаго экзамена, рѣшительнаго для перехода на слѣдующій курсъ, еженедѣльно происходили экзамены въ коллегіи. Тѣ, которые были освобождены отъ платы денегъ за слушаніе лекцій, т.-е. по крайней мѣрѣ четырехпятыхъ всѣхъ учащихся, должны были, вмѣстѣ того, выдержать еще экзамены въ естественной и всеобщей исторіи, а стипендіаты еще кромѣ того, сдавать экзаменъ педагогіи, такъ что послѣдніе, прежде чѣмъ достигъ своего спеціального факультета, должны были выдержать 22 философскихъ экзамена. Но и на факультетахъ занятія не ограничивались слушаніемъ лекцій; и здѣсь существовало строгое распредѣленіе занятій по семестрамъ съ экзаменами, которые рѣшали дѣло и переходы въ высшій курсъ. Австрійскій юристъ, напримѣръ, долженъ былъ въ теченіе своего четырехлѣтняго курса выдержать двѣнадцать экзаменовъ. Занятія главнымъ образомъ сосре-

¹⁾ Законъ 11 мая 1873 г. „§ 4. Для полученія сана священника требуется аттестатъ зрѣлости изъ гимназій и трехлѣтнее посѣщеніе университетскихъ лекцій, в одномъ изъ нѣмецкихъ государственныхъ университетовъ, равно какъ и научный государственный экзаменъ“.

„§ 6. Богословское образованіе можетъ быть получаемо въ *церковныхъ семинаріяхъ*, существовавшихъ въ Германіи *при обнародованіи этого закона* и *присвоенныхъ* для научнаго образованія богослововъ, если министръ вѣронисполданій признаетъ, что это образованіе можетъ замѣнить университетское. Но это преимущество находитъ примѣненіе лишь въ семинаріяхъ *той мѣстности*, въ которыхъ нѣтъ католическаго факультета и только для тѣхъ студентовъ, которые принадлежатъ въ той епархіи, для которой учреждена семинарія“.

доточивались на мѣстномъ правѣ; римское право, какъ извѣстно, изучалось тогда въ Австріи очень слабо. Германское право и исторія германской имперіи исключены были изъ программы еще въ 1808 г., потому что считались ненужными. Преподаваніе было принудительное не только въ томъ отношеніи, что посѣщеніе лекцій было обязательное, но и въ томъ, что студенты лишены были права избирать профессоровъ, которые назначались имъ вмѣстѣ съ предметомъ преподаванія. Каждая спеціальность имѣла одного только представителя, и никакому профессору не дозволялось читать лекцій по другой спеціальности, чѣмъ та, къ какой онъ былъ приставленъ, Привать-доценты *не допускались*. И когда, позднѣе, въ половинѣ сороковыхъ годовъ допущены были, съ спеціальнаго разрѣшенія правительства, экстраординарные профессора сперва на медицинскомъ факультетѣ, а затѣмъ на факультетахъ юридическомъ и философскомъ, то ихъ права ограничивались чтеніемъ лекцій по такимъ лишь спеціальностямъ, которыя не были заняты ординарными, назначенными отъ правительства профессорами. Посѣщеніе лекцій должно было контролироваться профессорами; происходила настоящая перекличка, и кто часто манкировалъ, тотъ терялъ одинъ учебный годъ. Для облегченія этой фельдфебельской должности на философскихъ лекціяхъ, сильно посѣщаемыхъ, заведены были списки въ алфавитномъ порядкѣ и субъ-инспекторы, какъ въ низшихъ школахъ. Тѣсной связи между преподавателями и учащимися не существовало. Такъ какъ гонораръ профессора—вообще очень ничтожный,—нисколько не увеличивался съ приливомъ слушателей, то увеличивающееся число ихъ было для него только обременительно, ибо увеличивало необходимость надзора и тягость экзаменовъ. О привязанности къ преподавателямъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ они играли роль ненавистныхъ полицейскихъ дозорщиковъ. Дисциплина надъ слушателями,—название „студентъ“ было въ презрѣніи, такъ какъ его носили гимназисты,—установлена была какъ надъ малолѣтними дѣтьми. Какое ничтожное значеніе вообще придавало само правительство университетскимъ лекціямъ, считая самымъ главнымъ дѣломъ экзамены, видно изъ того, что на философскомъ и юридическомъ факультетахъ допускались такъ-называемые частные студенты. Эти частные слушатели не были обязаны посѣщать лекціи, но учились подъ руководствомъ частныхъ учителей, подготовлявшихъ ихъ къ экзаменамъ по профессорскимъ запискамъ. Частными студентами чаще всего бывали дѣти высшихъ аристократическихъ фамилій, не желавшіе приходить въ сопрякосновеніе съ студентами изъ бургерскихъ классовъ.

Такое же стѣсненіе личной и корпоративной свободы, какое ис-

пытывали австрійскіе студенты, было удѣломъ и профессоровъ. Какъ ученіе, такъ и преподаваніе было не свободно и зачастую должно было вестись по устарѣлымъ учебникамъ. Отсутствие института приватъ-доцентовъ уничтожало лучшій разсадникъ для хорошихъ университетскихъ преподавателей. Учрежденіе ассистентовъ, адъюнтовъ и частныхъ помощниковъ, — послѣдніе, въ случаѣ болѣзни ординарнаго профессора, читали лекціи по его тетрадкамъ, — не могли служить замѣной.

Единственнымъ законнымъ путемъ добиться профессуры былъ такъ-называемый конкурсъ, причемъ необходимо было отвѣтить на нѣкоторые вопросы, предложенные учебной комиссіей и прочесть пробную лекцію. Но зачастую весь этотъ трудъ былъ напрасенъ, такъ какъ конкурсъ давалъ право на замѣну данной профессуры, а всякій профессоръ другого какого университета имѣлъ всегда преимущество на занятіе открывшейся каѳедры передъ новичкомъ. Результатомъ этихъ порядковъ было то, что старались всѣми правдами и неправдами занять каую бы то ни было каѳедру по какой бы то ни было специальности, потому что такимъ образомъ являлась возможность постепенно занять каѳедру по своей специальности. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда не существовало такого привилегированнаго конкурента, конкурсъ рѣдко бывалъ рѣшительнымъ: для занятія профессуры нужна была главнымъ образомъ *протекція въ высшихъ кругахъ*. Особенно гонялись за профессорами придворскаго и философскаго факультетовъ учителя въ высшихъ аристократическихъ фамиліяхъ. Они шли на конкурсъ *pro forma*. Затѣмъ, глава аристократической фамиліи пускалъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы вывести въ люди многолѣтняго наставника своего потомства и доставить ему профессуру, потому что это избавляло его отъ необходимости платить ему пенсію, а что выигрывалъ университетъ отъ его назначенія—до этого ему не было ровно никакого дѣла!

Въ связи съ этимъ униженіемъ университетовъ, низведенныхъ на степень низшей школы, стояло и отношеніе ихъ къ государству. Университеты лишены были всякой автономіи въ своей внутренней жизни, какъ въ дѣлѣ выполненія своихъ научныхъ задачъ, такъ и касательно управленія своимъ имуществомъ. Ихъ вліяніе на замѣщеніе преподавательскихъ мѣстъ равнялось нулю, а управленіе ихъ имуществомъ предоставлено было администраціи государственныхъ имуществъ. Полное подчиненіе учебной дѣятельности въ обобщеніи большихъ университетахъ, Праги и Вѣны, имѣло слѣдствіемъ совершенное отчужденіе между факультетами и преподавателями. Факультетъ состоялъ изъ всѣхъ назначенныхъ или имматрикулированныхъ докторовъ, которымъ исключительно принадлежало активное и

пассивное право выбора членовъ въ академическіе чины: ректора и декановъ. Преподаватели же факультета состояли изъ всѣхъ профессоровъ его, читающихъ лекціи, и они подвѣдомственны были не декану факультета, но назначенному отъ правительства учебному директору, который не былъ профессоромъ и избирался изъ среды высшихъ чиновниковъ и духовныхъ лицъ. Слѣдовательно, профессоръ вовсе не былъ и не долженъ былъ быть членомъ факультета, онъ былъ имъ лишь тогда только, когда былъ его докторомъ—что бывало далеко не всегда. Факультеты образовали академическій совѣтъ, о дѣятельности котораго однако было мало слышно, и составъ его соотвѣтствовалъ отчужденію между преподавателями и факультетами. Такимъ образомъ, академическій совѣтъ въ Прагѣ состоялъ изъ ректора, четырехъ директоровъ факультетскихъ занятій, директора гимназій Богеміи, декановъ-сеніоровъ и вице-сеніоровъ четырехъ факультетовъ. Профессора засѣдали въ немъ лишь случайно и иногда бывало такъ, что въ совѣтъ не засѣдало ни одного. Надъ совѣтомъ поставленъ былъ архіепископъ, какъ канцлеръ или *protector studiorum*, имѣвшій право воспрепятствовать назначенію кого-либо изъ кандидатовъ въ доктора.

Указавъ на плохое состояніе австрійскихъ университетовъ, не безъинтересно будетъ прослѣдить, какимъ образомъ выработалась такъ - называемая *академическая свобода* въ германскихъ университетахъ, для которыхъ австрійскіе служили образцомъ. Германскіе университеты, какъ я уже говорилъ раньше, далеко не всегда стояли во главѣ прогресса. Въ Гейдельбергѣ профессора были величайшими противниками гуманизма; только съ помощью курфюрстовъ гуманистамъ удавалось пробивать себѣ дорогу въ университетъ. Въ 1477 году, гейдельбергскій университетъ отказалъ Науку, желавшему основать катедру греческой литературы; въ 1511 году Меланхтону было отказано въ степени магистра, и хотя ему впослѣдствіи и удалось достигнуть профессуры въ Тюбингенѣ, но старые профессора, усматривавшіе въ изученіи греческаго языка опасное нововведеніе, сдѣлали дальнѣйшее его пребываніе тамъ невозможнымъ, такъ что нѣсколько лѣтъ спустя онъ перешелъ въ Виттенбергъ. Эрфуртскій университетъ былъ сравнительно либеральнѣе другихъ, но въ извѣстномъ спорѣ Рейхлина съ крещенымъ евреемъ Пфедферкорномъ, требовавшемъ сожженія всѣхъ еврейскихъ книгъ, принялъ сторону фанатика. Виттенбергскій университетъ, гдѣ съ 1508 года профессорствовалъ Лютеръ, былъ несомнѣнно колыбелью реформаціи, но самъ Лютеръ не возлагалъ никакихъ надеждъ на университеты; и дѣйствительно, университеты протестантскихъ впослѣдствіи странъ, какъ эрфуртскій, франкфуртскій (на Одерѣ), лейпцигскій, гейдель-

бергскій и др. были противниками движенія, и только уступая силѣ обстоятельствъ объявили себя за реформацію, по настоянію царствующихъ особъ, послѣ рѣшенія народа, а также подъ вліяніемъ университетской молодежи. Религіозный переворотъ, вслѣдъ затѣмъ какъ совершился, привелъ, къ сожалѣнію, къ страшной односторонности, къ такой горячей и бесплодной борьбѣ на почвѣ догматическихъ вопросовъ, что прошло не мало времени, пока великая идея его, нравственное освобожденіе, начала приносить плоды.

Въ эпоху, слѣдующую за реформаціей, университеты получили ту организацію, которая удержалась до нашихъ временъ. Студенческій элементъ утратилъ послѣднее ничтожное вліяніе, которое имѣлъ на управленіе дѣлами университета, за исключеніемъ Италіи, гдѣ, напримѣръ, еще во времена Маріи-Терезіи студенты пользовались правомъ выбора ректора. Полицейскія и дисциплинарныя правила, созданныя въ то время для университетской молодежи, не клеились съ участіемъ этой молодежи въ управленіи университетомъ. Вліяніе правителей странъ на дѣла университета, напротивъ того, возрасло, многіе изъ нихъ были основателями университетовъ, платили жалованье преподавателямъ изъ своихъ собственныхъ средствъ, или же приплачивали имъ. Часто правители назначали правительственнымъ чиновниковъ, съ титуломъ канцлера, для высшаго надзора за дѣлами университета; иногда же сами выступали въ роли канцлера, что конечно было возможно только въ маленькихъ нѣмецкихъ государствахъ. Въ ректоры зачастую выбирались члены царствующаго дома или знатные люди, которые замѣняли обыкновенно себя однимъ изъ профессоровъ. На ряду съ ректоромъ было коллегіальное управленіе, состоящее изъ профессоровъ всѣхъ факультетовъ. Къ концу шестнадцатаго столѣтія университеты посѣщались многими князьями, графами и дворянствомъ, которые учились не изъ-за куска хлѣба, а для того, чтобы получить образованіе. Ученые пользовались въ то время большимъ уваженіемъ, и докторъ правъ гордился своимъ званіемъ въ средѣ дворянства не менѣе, чѣмъ кавалеры военнаго сословія (Schwertdtadel). Вновь основаннымъ университетамъ были дарованы съ самаго начала различныя привилегіи, профессора получили званіе пфальцграфовъ, они представляли собою привилегированную судебную инстанцію, и пользовались собственной юрисдикціей въ университетскихъ имѣніяхъ, зачастую весьма обширныхъ.

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи застала университеты тридцатилѣтняя война, съ ея ужасами и опустошеніями, отъ которыхъ не была пощажена почти ни одна часть Германіи, и принесла съ собою рядъ нравственныхъ и матеріальныхъ бѣдъ. Въ Гейдельбергѣ въ 1617 году было 230 студентовъ, въ 1636 всего одинъ. Германскіе

университеты уступили свое мѣсто голландскимъ въ дѣлѣ разработки наукъ, и только со времени основанія университета въ Галле, 1694 года, наступила новая эра, которая началась съ важнѣйшей реформы, а именно съ замѣны латинскаго языка нѣмецкимъ при университетскомъ преподаваніи. Серьезное научное направленіе охватило и преподавателей и студентовъ, и значеніе университетовъ возвысилось не въ однихъ только протестантскихъ странахъ: научное соревнованіе побудило отгѣснить іезуитовъ; участіе, которое принимали образованные монархи въ университетахъ своихъ странъ, сгладило тотъ расколъ, который произвела реформація. Нѣмецкіе университеты при томъ состояніи разрозненности страны были настоящими представителями политическаго единства, и если полной свободы науки и не существовало, преподаваніе все же шло успѣшно. Въ тѣ времена просвѣщеннаго королевскаго деспотизма, конечно, и въ университетахъ господствовала доктрина абсолютизма, и философія Вольфа, преобладавшая тогда въ университетахъ, особливо въ Галле, не безъ основанія называлась премудростью полицейскаго государства.

Конечно, даже и эта смиренная философія вызывала преслѣдованія со стороны робкихъ правительствъ. Къ самому Вольфу враждебно относились его собраты богословскаго факультета и жаловались на него высшимъ сферамъ за то, что онъ въ одной ректорской рѣчи провелъ весьма невинную параллель между христіанской и китайской моралью. Богословскій факультетъ обвинялъ его самымъ настоятельнымъ образомъ, а профессоръ богословія Ланге написалъ гнуснѣйшій доносъ королю Фридриху - Вильгельму I, извѣстному любителю долговязыхъ солдатъ. Всего замѣчательнѣе слѣдующій комическій аргументъ ¹⁾. Генералы Нацмеръ и Лёбенъ прибыли въ Берлинъ и рассказали королю, что Вольфъ защищаетъ такъ-называемую предопредѣленную гармонию по Лейбницу, въ силу которой отрицается свобода воли, такъ что еслибы каждый лейбъ-гренадеръ вздумалъ разсуждать, то могъ привести себѣ это въ оправданіе. Такое еретическое ученіе привело короля въ крайнее негодованіе, и хотя Вольфъ представилъ весьма обстоятельное оправданіе, но 8 ноября 1723 г. вышелъ королевскій приказъ университету немедленно отрѣшиться отъ должности профессора Вольфа, а этому послѣднему приказано, черезъ 48 часовъ по полученіи этого приказа, оставить предѣлы прусскаго государства подѣ страхомъ всей кары законовъ. Вольфъ долженъ былъ немедленно пуститься въ путь съ беременной женой, несмотря

¹⁾ См. между прочими источниками *Eberty, Geschichte des preussischen Staats, Band. IV. S. 516.*

на зимнюю службу, но нашелъ убѣжище въ Марбургѣ, гдѣ ландграфъ Гессенскій Карлъ былъ очень радъ удержать у себя такого знаменитаго человѣка, который, благодаря навлеченному на себя гоненію, долженъ былъ еще сильнѣе привлекать толпы студентовъ въ его университетъ. Фридрихъ-Вильгельмъ переимѣнилъ подвѣе свое иѣніе, такъ какъ берлинская духовная комиссія, которой поручено было разобрать сочиненія Вольфа, объявила ихъ согласными съ библіей. Онъ пытался-было снова привлечь Вольфа, сулилъ ему 2000 талеровъ жалованья и чинъ тайнаго совѣтника, но „пуганая ворона куста боится“, и Вольфъ вернулся въ Пруссію лишь тогда, когда Фридрихъ II вступилъ на престолъ и призвалъ его. Здѣсь кстати замѣтить, что этотъ великій король ничего не сдѣлалъ для университетовъ. Но великое напряженіе національныхъ силъ въ семилѣтнюю войну отразилось на университетахъ. Въ Іенѣ и по близости отъ нея дѣйствовали Шиллеръ, Гердеръ, Гёте, Фихте и Шеллингъ. Какъ изъ отдаленнаго Кёнигсберга содѣйствовалъ пробужденію національнаго духа, который подвѣе помогъ освободиться отъ чужеземнаго яга.

Совѣмъ тѣмъ, хотя исторія нѣмецкихъ университетовъ и представляетъ много темныхъ сторонъ, но за ними тѣмъ не менѣе все же остается безспорная заслуга, что въ тяжелое время чужеземнаго господства они были алтарями, на которыхъ горѣло священное пламя патріотизма, хотя Наполеонъ, инстинктивно боявшійся и ненавидѣвшій ихъ, надзиралъ за ними глазами Аргуса и упразднилъ нѣкоторые.

Основаніе берлинскаго университета въ 1810 г., въ которомъ принимали участіе Фихте, Шлейермакеръ, Нибуръ, Вольфъ и многи другія знаменитости, всегда будетъ считаться крайней точкой этого умственнаго напряженія, которое было необходимо прежде чѣмъ нація могла предпринять послѣднюю отчаянную борьбу. „Это правильно, это хорошо“, сказалъ король-Фридрихъ Вильгельмъ III, когда депутація профессоровъ закрытаго въ Галле университета явилась къ нему въ Мемель, прося основать въ Берлинѣ университетъ: „государство должно умственными силами замѣнить то, что утратило со стороны физическихъ силъ“.

Я упомяну лишь вскользь о времени реакціи, послѣдовавшей за войной освобожденія. Къ сожалѣнію, одинъ изъ профессоровъ явнаго университета, тайный совѣтникъ Шмальцъ, далъ начинъ той странной реакціи своими доносами. Реакція длилась до тѣхъ поръ, пока французская революція 1830 г. не вдохнула въ политическую жизнь всего континента новыи, освѣжающій духъ. Карлсбадскія постановленія учредили строжайшій надзоръ надъ всѣми университетами. Промежутокъ отъ 1819—1829 гг. принадлежатъ къ числу самыхъ печальныхъ въ исторіи Пруссіи. Чтобы оправдать преслѣдованіе де-

магоговъ, пришлось частію издать новые законы, частію измѣнить старыя. Рѣшенія союзнаго собранія распространены были и на кѣнигсбергскій университетъ, который не принадлежалъ къ германскому союзу. Правительственные комиссары получили, 7-го іюня 1822 г., полномочіе удалить изъ университетовъ всѣхъ студентовъ, которые только подозрѣвались въ участіи въ тайныхъ обществахъ, хотя бы это участіе и было недоказаннымъ. Какою мелочностью заражено было правительство, видно изъ того между прочимъ, что прусское министерство по дѣламъ недѣлямъ совѣщалось о томъ, не слѣдуетъ ли ему считать каждаго студента, носящаго старо-нѣмецкое платье (черный, короткій сюртукъ со шнурами), подозрительнымъ. Съ самыми уважаемыми профессорами обращались такъ гнусно, какъ доселѣ считалось немислимымъ въ Германіи. Оба профессора, Велькеры въ Боннѣ, бумаги которыхъ были заарестованы, ссылались на то, что римскіе законы не допускали этого преслѣдованія. Несмотря на всевозможныя старанія, на обоихъ братьевъ нельзя было взвести никакого обвиненія. Они потребовали, чтобы ихъ оправдали, но и этого не могли добиться, и 12-го апрѣля 1822 г. вышелъ министерскій приказъ, въ которомъ министръ народнаго просвѣщенія и полиціи приказывалъ всѣхъ тѣхъ преподавателей, которые навлекли на себя мѣропріятія со стороны государства, было ли то на основаніи *предполагаемыхъ или доказанныхъ фактовъ*, удалить какъ недостойныхъ.

Это гоненіе имѣло, конечно, свои худыя послѣдствія, но все же нельзя сказать, чтобы научный духъ совсѣмъ угасъ въ университетахъ. Не смотря на государственную опеку, принимавшую все большіе и большіе размѣры, все же не удалось низвести профессоровъ на степень обыкновенныхъ, административныхъ чиновниковъ. Столѣтнія традиціи искореняются не такъ легко, и такъ какъ ректоръ, совѣтъ и факультеты все же оставались хранителями академическаго самосознанія, то нуженъ былъ только толчокъ для того, чтобы вызвать здоровую реакцію.

За исключеніемъ отмѣны правительственныхъ комиссаровъ и всѣхъ исключительныхъ правилъ, юридическое положеніе профессоровъ и университетовъ мало измѣнилось до послѣдняго времени. Вотъ въ краткихъ словахъ характеристика этого положенія. Какъ уже выше сказано, университеты суть государственныя учрежденія, профессора — государственные чиновники. Они назначаются королемъ, какъ это категорически сказано въ большинствѣ ихъ статутовъ ¹⁾. Но частію на основаніи статутовъ, частію же на основаніи

¹⁾ Статуты приведены въ подробности у Коха: Die preussischen Universitäten, Berlin. 1839. 2 Bände.

укоренившася обычая, существуетъ право факультетовъ представлять министру народнаго просвѣщенія, при всякой вновь открывающейся вакансіи, трехъ кандидатовъ; но министръ можетъ не стѣсняться этими рекомендаціями.

Когда, въ 1848 г., началось движеніе, то было очень много говорено о необходимыхъ реформахъ въ университетахъ. Требовали упраздненія академической юрисдикціи и расширенія университетской автономіи, а именно возможно болѣе свободы въ избраніи университетскихъ профессоровъ. Въ юніѣ мѣсяцѣ состоялся въ Вартбургѣ конгрессъ студентовъ, въ шутку названный „студенческимъ парламентомъ“, во важность наступившихъ затѣмъ событій заставила позабыть о немъ. Въ сентябрѣ состоялся конгрессъ университетскихъ преподавателей въ Іенѣ, но и его совѣщанія вскорѣ отодвинулись на задній планъ, благодаря событіямъ всемірной важности. Требованіе дарового образованія, ставившееся неоднократно, раздавалось и послѣ того, какъ улеглись бурныя воды революціи. Послѣ событій во Франціи порывались распространить принципъ дарового обученія и на университеты, между тѣмъ, какъ извѣстно, въ нѣмецкихъ университетахъ болѣе большая часть лекцій и какъ разъ тѣхъ самыхъ, которые студентъ *долженъ* слушать, оплачиваются и составляютъ значительный источникъ дохода для профессоровъ. Но тягость такого положенія ослабляется частію тѣмъ, что бѣднѣйшимъ студентамъ разсрочивается уплата за лекціи до тѣхъ поръ, пока они не получаютъ какой-нибудь должности. При великомъ наплывѣ студентовъ и увеличеніи всеобщаго благосостоянія, будутъ, конечно, строже относиться къ этому, и вообще на медицинскомъ и юридическомъ факультетѣ не дѣлается никакихъ послабленій, такъ что молодые люди, поступающіе на эти факультеты, должны быть достаточными людьми, такъ какъ много времени должно пройти, прежде чѣмъ они найдутъ нѣсто или практику. Но въ прежнія времена само собой разумѣлось, что богословы и филологи не платятъ за лекціи потому, что всѣмъ было извѣстно, что они бѣдняки.

Талантливые и энергическіе юноши, конечно, всегда находили возможнымъ изучать медицину и право, хотя и безъ денегъ, но на это нужна желѣзная воля. Въ принципѣ ничего нельзя сказать противъ того, чтобы недостаточные, не талантливые молодые люди были освобождены отъ платы за лекціи, но въ 1848 г. требовали дарового обученія, какъ общаго человѣческаго права. Но въ такомъ случаѣ государству пришлось бы платить гораздо болѣе значительное жалованье профессорамъ, трудъ которыхъ теперь оплачивается главнымъ образомъ слушателями. Всего же сильнѣе отразилось бы такое измѣненіе настоящаго порядка вещей на положеніи приватъ-

доцентовъ, которые до нѣкоторой степени составляютъ основаніе всему нѣмецкому университетскому дѣлу.

Я уже говорилъ выше, что приватъ-доценты даютъ контингентъ для набора профессоровъ, и рѣшаются прибѣгнуть къ довольно смѣлому сравненію, а именно: этотъ институтъ имѣетъ то же значеніе для нѣмецкой науки, что и институтъ одогодичныхъ волонтеровъ для арміи. Принципъ этого института заключается въ томъ, что всякій, кто имѣетъ научную подготовку, можетъ читать лекціи въ университетѣ, не испрашивая на это разрѣшенія правительства. Допущеніе приватъ-доцента въ университетъ зависитъ единственно отъ желанія факультета, къ которому онъ желаетъ присоединиться; этотъ послѣдній можетъ вполне произвольно дѣйствовать съ нимъ, и приватъ-доцентъ не можетъ даже апеллировать противъ его рѣшенія.

Приватъ-доцентъ, попавъ въ университетъ, получаетъ право читать лекціи и *долженъ* читать нѣсколько лекцій даромъ, другія же *можетъ* читать за извѣстное вознагражденіе. Если онъ человѣкъ талантливый, то слушатели будутъ стекаться къ нему толпами—и матеріальное положеніе его обезпечено.

Присовокупляю нѣсколько правилъ, существующихъ для поступленія въ число приватъ-доцентовъ, постановляемыхъ статутами здѣшняго университета. Въ силу ихъ кандидатъ въ приватъ-доценты долженъ доказать, что онъ получилъ степень доктора въ одномъ изъ прусскихъ или чужеземныхъ университетовъ, и, кромѣ того, уже былъ приватъ-доцентомъ въ одномъ изъ таковыхъ университетовъ. Хотя министръ просвѣщенія и можетъ уволить его отъ этого послѣдняго условія, но тогда факультетъ имѣетъ право требовать отъ кандидата выполненія существующаго въ Пруссіи для докторантовъ обязательства, а именно напечатанія диссертациі.

Далѣе, кандидатъ долженъ доказать, что онъ уже отбылъ воинскую повинность, что онъ окончилъ трехгодичный университетскій курсъ и что между его окончаніемъ и поступленіемъ въ приватъ-доценты прошло по крайней мѣрѣ три года. Кромѣ докторской диссертациі, кандидатъ долженъ еще представить рукописную или печатную статью о томъ предметѣ, который онъ намѣревается читать, равно какъ *curriculum vitae* на латинскомъ языкѣ, въ которомъ показать, какія были его научныя занятія по окончаніи университетскаго курса и какія научныя работы сдѣланы или напечатаны имъ.

На основаніи этихъ сообщеній факультетъ рѣшаетъ, можетъ онъ или нѣтъ допустить кандидата до дальнѣйшаго испытанія. Это послѣднее состоитъ изъ лекціи, прочитанной передъ собраннымъ факультетомъ, за которой слѣдуетъ заключительное *colloquium* (что

фактически равняется настоящему экзамену) и наконецъ изъ публичной лекціи, прочитанной студентамъ. Только послѣ *colloquium*'а рѣшается окончательно вопросъ о допущеніи кандидата въ приватъ-доценты.

Декану факультета предоставлена ограниченная дисциплинарная власть надъ приватъ-доцентами; факультетъ же имѣетъ право даже на исключеніе приватъ-доцента. Понятно, что подобныя случаи крайне рѣдки.

Возвратимся къ положенію профессоровъ. Я присутствовалъ въ іенскомъ конгрессѣ 1848 г. Хотя этотъ конгрессъ и не далъ никакихъ практическихъ результатовъ, но тогдашній либеральный министръ народнаго просвѣщенія, Ладенбергъ, находилъ университетскую реформу необходимой и созвалъ въ ноябрѣ 1849 г. делегатовъ отъ прусскихъ университетовъ въ Берлинѣ, которымъ былъ предложенъ цѣлый рядъ вопросовъ, касательно необходимости реформы. Конференція имѣла цѣлый рядъ засѣданій и затѣмъ обнародовала протоколы этихъ засѣданій и доклады отдѣльныхъ членовъ комиссій въ очень интересной, но теперь почти позабытой книгѣ ¹⁾.

На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о назначеніи профессоромъ Кёнигсбергскій университетъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы рѣшенія факультетовъ были обязательны для министра. Но эта мысль не встрѣтила никакого сочувствія въ комиссіи, потому что эта послѣдняя единогласно находила, что отвѣтственность за выборъ должна быть предоставлена министру. Ограниченіе права выбора министра должно имѣть мѣсто лишь тогда, когда факультетъ и совѣтъ объявятъ, что избранное лицо неспособно къ выполненію возложенныхъ на него обязанностей. Но это послѣднее правило не вошло въ практику, такъ какъ вообще разсужденія комиссіи остались мертвой буквой.

Вторымъ важнымъ пунктомъ для нея былъ вопросъ объ умощненіи, дисциплинѣ и пенсіи профессорамъ, такъ какъ очевидно, что если предоставить министерству въ этомъ направленіи очень обширныя полномочія, то оно можетъ задавить свободу преподаванія въ самомъ корнѣ и съ легкостью удалить всѣхъ антипатичныхъ для него людей.

Я уже выше говорилъ, что профессоръ есть чиновникъ и подступенъ на этомъ основаніи общимъ дисциплинарнымъ законамъ, измѣнить которые было бы здѣсь неумѣстно. Изъ нихъ главныхъ два закона: одинъ касается чиновниковъ судейскаго вѣдомства, а другой чиновниковъ не-судейскаго вѣдомства, потому что законодатель по-

¹⁾ Verhandlungen der Conferenz zur Berathung von Reformen in der Verfassung und Verwaltung der preussischen Universitäten. Berlin. 1849. Besser'sche Buchh.

лагалъ, что судейскую независимость слѣдуетъ обставить возможно бѣльшими гарантіями, между тѣмъ какъ въ сферѣ административной правительству должна быть предоставлена самая широкая свобода удалять вредные элементы, для того, чтобы управление не было затруднительно.

Вышеупомянутая конференція о реформѣ университетскаго дѣла занималась вопросомъ: желательно ли профессоръ сравнять въ правахъ съ судьями, но пришла къ тому заключенію, что это нежелательно и что только нѣкоторые параграфы всеобщаго дисциплинарнаго закона не могутъ имѣть никакого отношенія къ профессорамъ. Очевидно, напримѣръ, что переводъ профессора изъ одного университета въ другой, будучи предоставленнымъ на волю министерства, имѣлъ бы совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ переводъ всякаго другого чиновника, потому что профессоръ избираетъ себѣ тотъ или другой университетъ именно потому, что считаетъ его такимъ центромъ, гдѣ его научная дѣятельность можетъ имѣть наилучшее примѣненіе. Заключенія коммисіи не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе правительство никогда не прибѣгало къ системѣ перемѣщенія университетскихъ преподавателей, почему-либо ему неугодныхъ.

Въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области государственной жизни, всеиленъ обычай, замѣщающій писанный законъ. Революція 1848 г., конечно, сдѣлала нѣсколько жертвъ въ средѣ различныхъ нѣмецкихъ университетовъ, и самый извѣстный изъ нихъ былъ тогда еще молодой профессоръ Кинкель, въ Боннѣ, присужденный къ пожизненному заключенію въ смиренномъ домѣ, за участіе въ баденскомъ возстаніи. Но господствующій духъ между профессорами и студентами можно назвать консервативнымъ, и правительство могло неоднократно въ этомъ убѣдиться. Въ наступившій затѣмъ періодъ реакціи, направленіе, царствовавшее въ министерствѣ, хотя и отразилось на университетахъ, однако до настоящихъ преслѣдованій дѣло не доходило и многіе весьма либеральные люди, не скрывавшіе своихъ политическихъ взглядовъ (напр., Вирховъ), были избраны профессорами. Безъ сомнѣнія, тутъ играла роль конкуренція университетовъ маленькихъ государствъ, которые всегда готовы были принять всякаго извѣстнаго профессора. Самымъ яркимъ примѣромъ этого рода служитъ исторія съ такъ-называемыми „Геттингенскими семью“. Когда ганноверскій король Эрнестъ Августъ отменилъ, въ 1837 г., конституцію, семь профессоровъ: Альбрехтъ, Дальманъ, Эвальдъ, Гервинусъ, Іакобъ и Вильгельмъ Гриммы отказались принести присягу, за что были уволены отъ должности и трое изъ нихъ, напечатавшіе свой протестъ, присуждены даже къ

изгнанію. Они нашли въ другихъ университетахъ радушный пріемъ и многіе изъ нихъ стали съ тѣхъ поръ свѣтлами въ нѣмецкой наукѣ. Странная судьба постигла Эвальда, который, не видя на то, что Ганноверъ такъ сурово поступилъ съ нимъ, считалъ, однако, присоединеніе Ганновера къ Пруссіи въ 1866 г. неправымъ дѣломъ и съ тѣхъ поръ самымъ ярнымъ образомъ нападалъ на Пруссію въ своихъ сочиненіяхъ и въ парламентѣ, чѣмъ навлекъ на себя (то-есть сочиненіями, а не парламентской дѣятельностью, которая невѣняема) неоднократныя судебныя преслѣдованія.

Самый реакціонерный прусскій министръ просвѣщенія выказалъ однако настолькоъ патріотизма, что не захотѣлъ опустошить ни одинъ прусскій университетъ, и если я привелъ изъ временъ реакціи, послѣдовавшей за войной освобожденія, примѣръ злѣйшаго произвола относительно Бонна, то слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что этотъ, упраздненный Наполеономъ, университетъ, былъ восстановленъ въ 1818 г. (слѣдовательно, въ эпоху реакціи), потому что правительство считало необходимымъ для Рейнскихъ провинцій существованіе университета, чтобы привлечь къ Пруссіи ихъ населеніе.

Если кто-нибудь найдетъ, что за всѣмъ тѣмъ положеніе нѣмецкихъ профессоровъ не можетъ быть признано вполне независимымъ и удобнымъ, то на это мы можемъ замѣтить, что невыгоды ихъ положенія значительно возмѣщаются конституціоннымъ порядкомъ въ Германіи. Сами университеты имѣютъ своихъ представителей въ палатѣ депутатовъ. Порою, канцлеръ университета былъ *ipso facto* представителемъ университета, порою профессора избирали своего представителя. При составленіи прусской палаты господъ королемъ Фридрихомъ - Вильгельмомъ IV отведено было въ немъ мѣсто для представителей каждаго прусскаго университета, и это право распространено и на новые университеты, присоединенныя въ 1866 г. (Виль Марбургъ и Гёттингенъ). Во всѣхъ парламентскихъ собраніяхъ профессора всегда засѣдали въ большомъ числѣ. Такимъ образомъ, если съ одной стороны университеты находятся въ тѣсной зависимости отъ министерства, то и министерство, съ другой стороны, имѣетъ случай выслушать въ палатѣ университетскихъ представителей, высказывавшихся съ полною независимостью. Бюджетъ министерства просвѣщенія обсуждается ежегодно въ палатѣ, и при этомъ обсуждается также и принципъ, и практическія мѣры, которыхъ намѣрено держаться министерство. Если это и не представляетъ абсолютной гарантіи на всевозможные случаи, то можно утѣшиться тѣмъ, что абсолютныхъ гарантій, въ строгомъ смыслѣ, и не существуетъ.

Въ какомъ направленіи произойдетъ давно ожидаемая реформа нѣмецкихъ университетовъ,—этого нельзя представить себѣ даже

приблизительно, потому что съ 1848 г. всеобщій законъ объ образованіи, имѣвшійся еще тогда въ виду, и который распространится также и на университеты, все еще стоитъ на мѣстѣ. Сначала проведенію его препятствовало нежеланіе министра, затѣмъ различныя крупныя затрудненія. Въ ожиданіи же реформы, нѣмецкіе университеты управляются не столько уставами, сколько въ силу извѣстныхъ словъ Тацита:

Plus valent boni mores, quam bonae leges.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

VII *).

Шатобрианъ и празднества въ Сень-Мало.

I.

Во время краткаго отдыха, царствующаго въ настоящую минуту въ сферѣ внутренней политики, одно литературное торжество занимало въ теченіи нѣсколькихъ дней всю Францію. Сень-Мало, родной городъ Шатобриана, воздвигъ, 4 сентября, памятникъ своему славному уроженцу, на маленькой площади, напротивъ того самаго дома, въ которомъ знаменитый писатель родился, 4 сентября 1768 г. И эта церемонія вызвала въ памяти живущихъ высокую личность автора „Génie du christianisme“, личность, уже поблѣднѣвшую послѣ двадцатисемилѣтняго промежутка. Только благодаря каникуламъ собранія, безмолвію трибуны, перемирію партій, празднество въ Сень-Мало прогремѣло съ одного конца Франціи до другого. Политика завладѣла всѣми умами, а литература занимаетъ лишь нѣсколькихъ упрямцевъ, скрывающихся въ тиши кабинета. Поэтому я не хочу пропустить этого чрезвычайнаго случая, который, быть можетъ, долго еще не повторится. Я хочу поговорить о литературѣ, между тѣмъ какъ Франція отвлечена отъ своихъ гибельныхъ распрей и думаетъ въ настоящую минуту только о своей литературной славѣ.

*) См. „В. Е.“ мартъ, 441 стр.; май, 432; июнь, 874; июль, 381; авг., 825; сент., 400 стр.

Сень-Мало ждалъ двадцать-семь лѣтъ, чтобы уплатить свой долгъ. Надо сказать, что Шатобрианъ, на своемъ смертномъ одрѣ, требовалъ отъ своихъ согражданъ только одной могилы, могилы, истиной его гордыни: гранитной плиты и креста на вершинѣ утеса *Grand-Bé*, въ виду океана. Онъ спитъ тамъ, въ уединенной скѣбѣ, какую влечилъ всю свою жизнь, словно одѣяніе, пришедшее ему во росту. Его тщеславіе простерлось до того, что онъ запретилъ даже вырѣзать свое имя на камнѣ. Онъ—утесъ, колоссальный гранитъ, не поддающийся бурямъ, остающійся вѣчно угрюмымъ и побѣдоноснымъ среди грозъ. Эффектъ поразительный и разсчитанный умомъ, хорошо понимавшимъ величіе. Вотъ почему я думаю, что Шатобрианъ отъкасался бы отъ статуи, если бы его мнѣніе было спрошено. Нѣтъ сомнѣнія, что Сень-Мало руководило трогательное и почтенное чувство. Но какъ давить грандіозная масса *Grand-Bé* жалкую, маленькую бронзовую статую, и какъ самая идея этой статуи ничтожна сравнительно съ геройской обстановкой покойника, мечтавшаго о бессмертіи, лицомъ къ лицу съ безконечностью! Шатобрианъ былъ самымъ ловкимъ *metteur en scène* изъ всѣхъ нашихъ великихъ писателей. Быть можетъ, не слѣдовало измѣнять его апофеоза, которымъ онъ самъ распорядился передъ смертью.

Хуже всего то, что въ Сень-Мало не было мѣста для статуи. Надо видѣть этотъ суровый городъ, словно высѣченный въ гранитѣ, между двухъ крутыхъ береговъ. Онъ тѣснится тамъ словно въ какой трещинѣ, лѣпясь надъ океаномъ, ударяющимъ по немъ со всѣхъ сторонъ, безъ всякаго для него вреда. Крошечный городокъ, сдвинутый въ своихъ толстыхъ стѣнахъ, прорѣзанный узенькими улицами, которыя всѣ упираются въ стѣну, окруженъ тройнымъ рядомъ утесовъ. Въ немъ нѣтъ ни одного гулянья, по близости отъ него не видно ни одного поля. Онъ угрюмъ и замкнутъ, какъ цитадель. Этотъ уголокъ Франціи отличается суровымъ величіемъ; то мужественный и воинственный городъ, въ которомъ, по части мѣди, есть мѣсто только для пушекъ. Поэтому Сень-Мало оказался въ очень затруднительномъ положеніи, когда пришлось выбрать мѣсто для статуи Шатобриана. Пришлось поставить ее среди единственнаго перекрестка этого города, небольшой площади. И окончательно повліяло на рѣшеніе муниципалитета то, что, какъ я уже сказалъ, домъ, въ которомъ родился писатель, нынѣ превращенный въ гостиницу, находится на этой площади. Семь жидкихъ яворовъ тѣснятъ статую: сосѣдніе дома заслоняютъ ее настолько, что кажется, будто она стоитъ на днѣ колодца. Хуже всего то, что вздумали украсить ее по правую и по лѣвую сторону двумя бассейнами, въ родѣ тѣхъ налѣпныхъ бассейновъ, которыми лавочкики, удалившіеся отъ дѣлъ, укра-

шають свои дачи въ Венсеннѣ и Анверѣ. Въ такой обстановкѣ Шатобрианъ похожъ на статуэтку часовъ, красующихся между двухъ подсвѣчниковъ изъ граненаго стекла! И что за жалкая фигура. Г. Эмѣ Миллѣ, творецъ статуи, долженъ былъ, само собою разумѣется, сообразоваться съ размѣрами рамки. Писатель сидитъ на обломкѣ скалы; локтемъ онъ опирается на экземпляръ „Génie du christianisme“, а рука подпираетъ лобъ; другая же держитъ рѣзецъ, которымъ какъ-бы готовится писать. Лицо слегка обращено къ небу. Шатобрианъ мечтаетъ и ждетъ вдохновенія. Признаюсь, что съ своей стороны нахожу эту композицію совсѣмъ неудачной. Я не могу себѣ представить Шатобриана иначе, какъ стоя. Онъ навѣрное писалъ стоя, этотъ чудесный мастеръ слога, фразы котораго уносились вдаль съ такимъ благороднымъ и шумнымъ взмахомъ крыльевъ. Къ тому же, какая буржуазная выдумка, какая поза, достойная трубадура, у этого писателя на скалѣ, съ перомъ въ рукахъ и глазами, устремленными въ облака! Это хорошо въ романсахъ; но въ дѣйствительности обстановка у писателей совсѣмъ иная, когда они собираются писать. Я упомянулъ о статуэткѣ часовъ, и въ самомъ дѣлѣ полагаю, что миниатюрныя копія статуи г. Милле имѣли бы большой успѣхъ на каминнахъ иныхъ старыхъ и чувствительныхъ дамъ. Ахъ! насколько великій прозаикъ величественнѣе на вершинѣ *Grand-Bé*, на вольномъ воздухѣ, гдѣ онъ господствуетъ надъ горизонтомъ, въ неподвижной окаменѣлости гордыни и смерти!

Официальныя торжества ровнымъ образомъ отличаются убогой парадностью, особенно когда приходится чествовать литератора. Городъ Сенъ-Мало, конечно, истратилъ очень много денегъ и сильно поломалъ голову, чтобы сочинить празднества, которыя лишь по своимъ рамкамъ отличались отъ обыкновенныхъ празднествъ въ парижскихъ городскихъ округахъ; хотя бы, по крайней мѣрѣ, у подножія статуи Шатобриана показалась одна изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей, достойная привѣтствовать писателя отъ лица всей французской литературы. По моему мнѣнію, одинъ Викторъ Гюго могъ принять на себя эту роль. Но муниципалитету Сенъ-Мало и въ голову не пришло пригласить великаго поэта, который виноватъ тѣмъ, что республиканецъ и потому могъ наговорить опасныхъ вещей. Муниципалитетъ ограничился приглашеніями, такъ-сказать официальными, и вотъ, три академика: Камилъ Дусэ, Карбъ и де-Ноайль, вмѣстѣ съ Полемъ Февалемъ, предсѣдателемъ общества литераторовъ, оказались представителями французской литературы въ Сенъ-Мало. Камилъ Дусэ и Карбъ—члены академическаго бюрб; г. де-Ноайль—академикъ, наслѣдовавшій кресло Шатобриана; что касается Поля Февала, онъ

бретонецъ, какъ и авторъ *Рене*, и, кромѣ того, предсѣдательствуетъ въ обществѣ литераторовъ, какъ я уже говорилъ — вотъ единственныя основанія, по которымъ выборъ палъ на этихъ господъ, предпочтительно передъ всѣми другими. Надо сказать впрочемъ, что литература была не причеиъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Камиль Дусэ пользуется репутаціей весьма милого человѣка, но по части литературныхъ заслугъ за нимъ числится только нѣсколько комедій, достойныхъ поэта-дилеттанта и стяжавшихъ такъ-называемый *succès d'estime*. Карб—благонамѣренный и приличный философъ, Кузенъ, разсѣянный на мелкую монету, писатель безцвѣтный и приторный, и приличные манеры обезпечили его карьеру. Г. де-Ноайль—герцога, и больше ничего. Наконецъ, Поль Феваль, единственный настоящій литераторъ изъ четырехъ, уже лѣтъ тридцать какъ пишетъ фельетонные романы, не отличающіеся никакими серьезными достоинствами. Я былъ бы въ отчаяніи, еслибы иностранцы вообразили, что эти господа составляютъ священную фалангу нашихъ современныхъ знаменитостей. У насъ есть, утверждаю, гиганты, рядомъ съ этими карликами. Надо знать, что во Франціи великіе люди всегда кажутся подозрительными въ глазахъ властей. Никогда на общественномъ торжествѣ, на которомъ должны присутствовать власти въ мундирахъ, не дадутъ слова какому-нибудь крупному таланту, составляющему украшеніе націи. Оффиціальныя манемены гораздо приличнѣе, и являются естественными аксессуарамн праздника, съ своими титулами и костюмами.

Такимъ образомъ, праздника въ Сень-Мало носили характеръ ничтожества, отъ котораго должна была страдать тѣнь Шатобріана. Программа однако была очень сложна. Въ молдень всѣ приглашенные, кто въ оффиціальныхъ костюмахъ, кто во фракахъ, отправились процессіей въ городскую ратушу, чтобы идти оттуда въ соборъ, гдѣ должны были отслужить заупокойную обѣдню. Оттуда кортежъ двинулся на площадь Шатобріана, биткомъ набитую народомъ. Барабаны били, пушки палили и внезапно покровъ, скрывавшій статую, унагъ при рукоплесканіяхъ публики. Это вѣчный церемоніаль таковаго рода празднествъ. Затѣмъ послѣдовали рѣчи. Разныя ораторы говорили чиновники, делегаты, простые гости, не исключая трехъ академиковъ и предсѣдателя общества литераторовъ. Жалкія рѣчи, готовые фразы, потокъ словъ, производившихъ монотонный шумъ въ ушахъ. Ничего рельефнаго. Въ плохихъ выраженіяхъ повторялись о Шатобріанѣ банальности, давнымъ давно всѣми извѣстныя, и не было высказано ни одного новаго взгляда, ни одного дѣйствительно прочувствованнаго слова. Рѣчи, какъ и ораторы, оставались оффиціальными; а

я не знаю, можно ли злѣе характеризировать ихъ. Одинъ Поль Феваль постарался; онъ прочиталъ тщательно выработанный отрывокъ, походившій на введеніе въ сенсационному роману. И это еще не все: статуѣ пришлось также выслушать декламацию оды, увѣнчанной на конкурсѣ, устроенномъ городомъ Сентъ-Мало прошлой весною. Наконецъ, толпа разошлась, между тѣмъ какъ гости вернулись въ ратушу, гдѣ ихъ ждалъ банкетъ. За десертомъ рѣчи возобновились. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю пирожныхъ, украшавшихъ столы; одно изъ нихъ представляло замокъ *Comburg*, гдѣ Шатобрианъ проводилъ свое дѣтство. Другое, еще изумительнѣйшее, воспроизводило точнѣйшимъ образомъ утесъ *Grand-Bé*, на вершинѣ котораго находится могила писателя. Какая блистательная выдумка! *Grand-Bé* изъ миндаля и могила Шатобриана изъ сахара! Это верхъ лести и сладости! Но какое паденіе! угрюмый и меланхолическій Рене, обрабатываемый восторженными кондитерами!

Кромѣ того, для увеселенія народа устроенъ былъ сельскій праздникъ. Болѣе двадцати тысячъ зѣвакъ сбѣжалось изъ пяти департаментовъ Бретани и многіе изъ нихъ, крестьяне и ремесленники, были одѣты въ національные костюмы, что придавало живописную пестроту толпѣ. Весь этотъ людъ глазѣлъ все утро, какъ надували два воздушныхъ шара, которые къ вечеру поднялись въ воздухъ. Были также столбы съ призами и игры всякаго рода, производившія фуроръ. Все равно, я побожусь, что Шатобрианъ никогда не подозревалъ, что его будутъ когда-нибудь чествовать посредствомъ воздушныхъ шаровъ, столбовъ съ призами и биллиардовъ на открытомъ воздухѣ. Наконецъ, вечеромъ, былъ традиціонный фейерверкъ. Тутъ, сознаюсь охотно, зрѣлище было великолѣпное: казенное вѣстовое судно „*Fuon*“ было иллюминировано и безъ устали палило изъ всѣхъ своихъ пушекъ, между тѣмъ какъ шугуъ двадцать большихъ рыбачьихъ барокъ, освѣщенныхъ венеціанскими фонарями, озаряли портъ подвижными огнями. На высотахъ, въ окрестностяхъ города, электрическій свѣтъ озарялъ горизонтъ. Ночь была ясна и тепла удивительно, море медленно приливало съ той небрежностью, какую оно выказываетъ въ теплые вечера. И въ теченіе трехъ часовъ, среди этихъ великолѣпныхъ декорацій, фейерверкеры, расположившіеся на концѣ насыпи, не переставали пускать ракеты, цѣлый дождь звѣздъ, которыя, казалось, отдѣлялись отъ голубого свода и падали въ океанъ, точно пригоршни небесныхъ свѣтилъ. Въ полночь пустили букетъ, букетъ-монстръ, громадное изверженіе: тысячи огненныхъ стрѣлъ внезапно вспыхивали надъ волнами и раскидывались горящимъ вѣромъ на горизонтѣ. *Grand-Bé*, чернѣвшій среди

этого пожара, казался какъ-бы озареннымъ яркимъ пламенемъ апогеоза. Троекратно новыя струи ракетъ вздымались въ воздухъ, появлялись однѣ за другими, точно море пламени, постоянно возрастающія,—грандіозное изображеніе гордыни поэта, завывшаго собою на одну минуту все небо, чтобы тотчасъ же закатиться и исчезнуть во мракѣ. День кончился вечерней зарей съ факелами. Мимо гранитныхъ укрѣпленій пробѣгали красные огни факеловъ, при барабаномъ боѣ, сопровождаемомъ вликами толпы.

Мнѣ представляется, что въ два часа утра, когда послѣдняя плошка была погашена морскимъ вѣтромъ, *Grand-Bé* обрадовался черной ночи, снова ступившейся надъ нимъ. Онъ могъ снова вернуться къ своей вѣчной сосредоточенности, къ своему угрюмому спокойствію, которое убаюкивается только рѣзкими криками морскихъ птицъ. Кончились официальные рѣчи, ушли маленькіе людяшки, утаившіеся въ громкихъ фразахъ, а главное упали столбы съ призами и погасли ракеты, долетавшія до звѣздъ! Ничего кругомъ, кромѣ мрака вдали, прорѣзываемаго уединенными огнями маяковъ! Ничего, кромѣ обычной тишины ночи; опять тѣ же грезы, что будутъ длиться до скончанія вѣка. Да! утесъ конечно обрадовался, да и великій покойникъ тоже; не даромъ онъ, пренебрегая поклоненіемъ людей, пожелалъ одного лишь вѣчнаго шума волнъ у своихъ ногъ.

II.

Шатобрианъ прожилъ одну изъ самыхъ богатыхъ жизней этого столѣтія. Чтобы правильно судить о немъ, надо вкратцѣ обозрѣть разнообразныя эпизоды его существованія. Обозрѣвая его дѣянія, лучше постигаешь пружины, двигавшія его волей и умомъ.

Онъ былъ младшимъ изъ десяти человѣкъ дѣтей. Отецъ его женился въ 1753 г. на дѣвицѣ де-Бедэ, съ которой и поселился въ Сенъ-Мало. Состояніе у него было повидимому незначительное. До трѣхъ лѣтъ Шатобрианъ воспитывался въ деревнѣ Планко. По возвращеніи въ Сенъ-Мало его предоставили самому себѣ, и онъ росъ на свободѣ между замкомъ и крѣпостью, на той песчаной отмели, гдѣ играютъ всѣ городскіе дѣти. Судьба его была рѣшена заранее; отецъ предназначалъ его къ морской службѣ. Какъ онъ самъ говоритъ въ „Замогильныхъ запискахъ“, изъ которыхъ я заимствую эти подробности, небольшихъ свѣдѣній по части рисованія, англійскаго языка, гидрографіи и математики, казалось слишкомъ достаточно для мальчугана, предназначаемаго къ суровой жизни моряка. Онъ провелъ свое дѣтство въ Сенъ-Мало и въ замкѣ Конбуръ, гдѣ

очень подружился съ сестрой Люсилъ; его лучшія воспоминанія связаны съ этимъ мрачнымъ и угрюмымъ замкомъ, еще и по сіе время посѣщаемомъ туристами. Позднѣе его отдали въ коллегію Доля. До того онъ былъ очень лѣнивъ и семья считала его не особенно умнымъ, но тутъ онъ почувствовалъ, что въ немъ проснулось необыкновенное рвеніе къ занятіямъ и изумительная память. Поэтическое дарованіе внезапно обнаружилось въ немъ при чтеніи Горація и „*Histoire des confessions mal faites*“, попавшихъ ему въ руки. Но писать онъ началъ позже, пробывъ два года въ Реннской коллегіи и напрасно прождавъ въ Брестѣ диплома на гардемарина. Вернувшись въ Конбуръ, онъ повелъ прежнюю жизнь съ ея мечтаніями и прогулками, ея преждевременной скукой, тѣмъ, что онъ самъ называетъ „своимъ необыяснимымъ отчаяніемъ.“ Онъ снова увидѣлся съ сестрой Люсилъ, такой же своенравной и мечтательной, какъ и онъ самъ. Они обожали другъ друга и вмѣстѣ совершали всѣ прогулки. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, молодая дѣвушка, слыша, съ какимъ восторгомъ онъ говоритъ о прелестяхъ уединенія, замѣтила ему: „тебѣ слѣдовало бы изобразить это.“ Я цитирую самого Шатобріана: „эти слова открыли мнѣ музу; божественное дуновение пролетѣло надо мной. Я сталъ лепетать стихами, точно то былъ мой родной языкъ. Я долго писалъ стихами, прежде чѣмъ перейти къ прозѣ. Г. де-Фонтанъ утверждалъ, что я владѣю обоими орудіями“.

Между тѣмъ Шатобріанъ объявилъ, что хочетъ вступить въ духовное званіе. Но ему пришлось отказаться отъ этого намѣренія, потому что онъ открылъ, что страшно влюбивъ и не можетъ жить безъ женщинъ. Тутъ онъ началъ задаваться самыми дикими фантазіями. То собирался ѣхать въ Канаду, обрабатывать землю, то толдовалъ о путешествіи въ Индію, съ цѣлью поступленія въ армію туземныхъ владѣльцевъ. Его послали даже въ Сентъ-Мало, гдѣ готовилась эскадра въ Пондишери. Но отецъ досталъ ему патентъ на подпоручика въ Наварскій полкъ, и Шатобріанъ уѣхалъ въ Парижъ. Съ этихъ поръ началось его бурное существованіе. Его представили королю, онъ сопровождалъ придворные экипажи, познакомился у одной изъ сестеръ съ блестящими умами того времени: Парнй, Лебрѣномъ, Лагарпомъ. Затѣмъ, былъ свидѣтелемъ взятія Бастиліи и, снова увлекшись бродяжническимъ духомъ, уже заставлявшимъ его мечтать о дальнихъ путешествіяхъ, уѣхалъ въ Америку, убаюкивая себя честолюбивой мечтой открытій знаменитый сѣверо-западный проходъ, котораго доискивались такъ усердно тогдашніе мореплаватели. Онъ не нашелъ этого прохода, но дѣвственная природа произвела на него глубокое впечатлѣніе и оставила неизгладимые слѣды въ душѣ. Извѣстіе объ арестѣ Людовика XVI, которое онъ прочиталъ въ англій-

ской газетѣ, валавшеяся на столѣ одной фермы, заставило его вернуться немедленно во Францію, откуда онъ почти тотчасъ же эмигрировалъ и отправился въ Кобленцъ, въ армию принцевъ. Совсѣмъ тѣмъ онъ считалъ эмиграцію глупостью и безуміемъ. Онъ уже былъ въ то время либеральный легитимистъ, поведеніе котораго такъ строго осуждалось позднеѣ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ раненъ и довольно опасно, въ послѣдней битвѣ, при Тіонвиллѣ: осколокъ бомбы задѣлъ его въ правое бедро. Тутъ начался для него періодъ страшныхъ лишеній и бѣдствій. Онъ кое-какъ добрался до Брюсселя, съдаемый лихорадкой; оттуда отправился въ Остенде, гдѣ чуть не умеръ. Наконецъ, ему удалось высадиться на островъ Джерсей, но въ такомъ видѣ, что онъ пролежалъ тамъ четыре мѣсяца въ постели, неподвижно. Выздоровѣвъ, онъ отправился въ Англію, гдѣ написалъ свою первую книгу „Essai historique sur les Révolutions“, въ которой высказывалъ либеральныя мнѣнія, весьма передовыя для той эпохи. На этомъ, такъ сказать, закончился бродяжническій періодъ жизни Шатобриана. Отнынѣ онъ выступалъ на общественное поприще, черезъ широкую дверь успѣха, и принялъ на себя высокоумѣрную роль католика и роялиста, съ которой больше не разставался.

Я опустил фактъ его женитьбы, по возвращеніи во Францію, въ самый разгаръ революціи, въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца 1792 г. Я прошелъ также молчаніемъ всѣ любовныя исторіи. Женщины занимали много мѣста въ его жизни. Онъ былъ не особенно вѣренъ своей женѣ; но она на это не жаловалась и ея вліяніе на него было самое ничтожное. Мать же, напротивъ того, умирая, сильно повліяла на обращеніе его къ роялизму и католицизму, отъ которыхъ онъ было-удалился. Онъ узналъ о желаніяхъ, высказанныхъ ею на одрѣ смерти и рѣшилъ исполнить ихъ. Вотъ что онъ самъ писалъ: „мое убѣжденіе выросло изъ сердца; я плакалъ и увѣровалъ“. Отсюда родился „Génie du christianisme“, эта поэма, воспѣвающая торжественность и сладость христіанской вѣры, этотъ призывъ къ вѣрѣ путемъ поэзіи. Успѣхъ былъ громадный. Книга явилась встатьи, какъ неизбежная роковая реакція, отвѣчавшая общественнымъ потребностямъ. Шатобрианъ получалъ возможность вернуться во Францію, гдѣ Бонапартъ, тогда первый консулъ, принялъ его очень радушно и вскорѣ послалъ въ Римъ, въ качествѣ перваго секретаря посольства. Но его дипломатическая карьера была непродолжительна. Извѣстіе о казни герцога Энгіенскаго заставило его выйти въ отставку. Это заявленіе вѣрности законнымъ королямъ произвело огромный скандалъ. Съ тѣхъ поръ онъ относился съ постояннымъ протестомъ къ побѣдоносному Наполеону. Во все время имперіи онъ держался поодаль, писалъ, издавалъ одну за другою

книги, составившія его славу. Онъ отдѣлилъ изъ „Génie du christianisme“ эпизодъ „Атала“, встрѣченный публикой съ энтузіазмомъ. Онъ уже задумывалъ „Мучениковъ“, и съ цѣлю изучить самыя мѣста, совершилъ тогда путешествіе въ Іерусалимъ, эту скорѣе артистическую прогулку, чѣмъ богомолье, описанную имъ въ такихъ яркихъ краскахъ въ „Itinéraire“. По возвращеніи во Францію, онъ удалился въ Волчью-Долину, близъ Оне. Онъ жилъ тамъ на маленькой дачѣ, въ блаженной пустынѣ, гдѣ окончилъ „Мучениковъ“ и началъ „Замогильныя записки“. Борьба его съ Наполеономъ продолжалась. Одна изъ его статей вызвала запрещеніе „Меркурія“, журнала, купленнаго имъ. Съ другой стороны въ академіи, гдѣ онъ получилъ кресло Мари-Жозефа Шенье, онъ позволилъ себѣ въ своей вступительной рѣчи такіе ясныя намеки на тирана, что былъ приглашенъ къ префекту полиціи и вынужденъ переселиться въ Діеппъ. Надо, впрочемъ, сознаться, что преслѣдованія, какимъ онъ подвергался, не представляли ничего особеннаго. Они оказали ему ту услугу, что выдвинули его въ глазахъ Бурбоновъ, и это, повидимому, обѣщало ему важную роль при реставраціи.

Мы подходимъ къ самому характеристичному періоду въ жизни Шатобріана. Когда Бурбоны возвратились, онъ могъ думать, что станетъ для нихъ необходимымъ человѣкомъ. Его политическая карьера казалась обезпеченной, карьера славная и безпримѣрная. Дебютъ его надѣлалъ шуму небывалаго. Онъ выпустилъ свой знаменитый памфлетъ: „De Buonaparte et des Bourbons“, чтобы побѣдить колебанія союзниковъ. Людовикъ XVIII объявилъ автору, что его брошюра цѣнилась для него, чѣмъ стотысячная армія. Но онъ не долго былъ въ милости и не замедлилъ попасть на худой счетъ у Бурбоновъ. Его вторая брошюра: „Réflexions politiques“ обнаружила его конституціонные взгляды и любовь къ свободѣ, которую онъ приобрѣлъ въ Америкѣ и въ Англіи. Съ этихъ поръ его терпѣли до того дня, когда нашли возможнымъ отдѣлаться отъ него съ возмутительной грубостью. При второй реставраціи онъ былъ назначенъ перомъ Франціи, но книга его „De la monarchie selon la charte“ была арестована полиціей, и приказомъ короля онъ вычеркивался изъ списка министровъ. Онъ, христіанинъ и роялистъ, вынужденъ былъ продать свои книги и свое помѣстье въ Волчьей-Долинѣ. Позднѣе, при паденіи министерства Деказа, онъ вернулся къ управленію и былъ сначала посланникомъ въ Берлинъ, затѣмъ въ Лондонъ; присутствовалъ на конгрессѣ въ Веронѣ и вернулся наконецъ въ Парижъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ его ждала новая немилость. Разъ, когда онъ явился въ Тюльери, ему подали записку отъ де-Виллеля, президента совѣта министровъ, его закоренѣлаго врага, въ которой онъ увольнялся отъ службы, отъ имени короля, но почти грубо. Вторично

Шатобрианъ перешелъ въ либеральную оппозицію. Онъ продолжалъ въ „Journal des Débats“ свою кампанію за свободу, даже послѣ вступленія на престолъ Карла X, до того дня, пока Виллель палъ, чтобы уступить мѣсто Мартиньяку. Мы встрѣчаемъ его тогда посланникомъ въ Римѣ. Но приближался 1830 г., и его политической карьерѣ пришелъ конецъ. Она была какъ-бы загромождена непредвидѣнными препятствіями. Никакое великое дѣяніе не отличило ее. Издали она представляется мелкой и пошлой, недостойной его. Я постараюсь объяснить причины этой крупной неудачи.

Послѣ 1830 г. Шатобрианъ вернулся къ жизни частнаго человѣка. Роковая судьба осуждала его на бездѣйствіе при правленіи, установить которое онъ содѣйствовалъ. Онъ уѣхалъ-было въ Швейцарію, но вернулся въ Парижъ, былъ потревоженъ полиціей въ моментъ Вандейскаго возстанія, но скоро его оставили въ покоѣ. Онъ сохранилъ непоколебимую вѣрность павшей королевской власти. Никогда не казался онъ столь благороднымъ. Неоднократно ѣзжалъ онъ на поклонъ къ графу Шамбору. Онъ старѣлъ, согрѣваемый нѣжной дружбой м-ше Рекамье. Наконецъ, смерть застигла его среди революціоннаго разгара, 4 іюля 1848 г., восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Обнародованіе „Замогильныхъ записокъ“ было какъ-бы ударомъ грома. На могилѣ этого вѣрующаго вдругъ выросла фигура разочарованнаго свептика. Геройскій защитникъ легитимизма оказался только вѣрнымъ паладиномъ, сражавшимся, чтобы сдержать данную клятву, но не сумѣвшимъ убѣдить себя, что дѣло, за которое онъ борется, самое святое дѣло.

Вотъ въ краткихъ чертахъ, и насколько это нужно для настоящаго этюда, біографія Шатобриана. Какъ я уже сказалъ, ничья жизнь не была богаче. Онъ былъ литературнымъ королемъ и участвовалъ въ дѣлахъ своей страны въ теченіе полувѣка. Какъ же случилось, что эта высокая личность представляется намъ въ настоящее время какъ-бы умаленной и блѣдной? Никто изъ предковъ не носитъ такого громкаго имени и ни о комъ такъ мало не заботится современное поколѣніе, какъ о немъ. Его называютъ иногда, но не читаютъ больше. Сочиненія его, великолѣпно переплетенныя, служатъ лишь украшеніемъ библиотекъ. Пыль собирается надъ его дѣяніями и словами. Одни лишь литераторы, люди ремесла, еще любопытствуютъ порою заглядывать въ его произведенія; публика давно уже ихъ не читаетъ. Если тридцатилѣтніе люди и читали кое-что изъ Шатобриана, то они читали это въ лицахъ, въ дождливую погоду, когда нельзя было идти гулять, и ученикамъ разрѣшали чтеніе какихъ-нибудь хорошихъ книгъ, взятыхъ изъ бібліотеки надзирателя. Отчего,

спрашивается, такое равнодушіе смѣнило прежній восторгъ? Я стараюсь это объяснить. Тутъ мы имѣемъ передъ собой интересную страницу изъ нашей политики и литературы. Прошедшее поясняетъ настоящее.

III.

Мнѣ говорили, что празднества въ Сенъ-Мало были организованы роялистами, мечтавшими о политической и религіозной манифестаціи. Они ухватились будто бы за Шатобриана, какъ за побѣдоносный аргументъ противъ республики и свободы мысли. Аргументъ этотъ можетъ годиться развѣ для толпы; но не убѣдить никого изъ тѣхъ, кто знаетъ знаменитаго писателя. И сами роялисты настолько сознавали слабую сторону своей манифестаціи, что промолчали о „Замогильныхъ запискахъ“. Напрасно было бы искать заглавія этого сочиненія въ официальныхъ рѣчахъ и на пьедесталѣ статуи. Дѣло въ томъ, что Шатобрианъ былъ могильщикомъ королевской власти и послѣднимъ трубадуромъ католицизма.

По моему мнѣнію, и хотя бы мои слова возбудили бурю негодованія, жизнь этого человѣка была неудавшеюся жизнью. Онъ родился на свѣтъ, когда одно столѣтіе отживало, а будущее общество едва обрисовывалось. Онъ могъ бы развить свои рѣдкія дарованія, еслибы родился среди суровыхъ бойцовъ, работавшихъ надъ устройствомъ будущаго. Но роковая случайность рожденія помѣстила его въ лагерь прошлаго, обязала славной, но бесплодной вѣрностью. И хуже всего то, что духъ вѣка тронулъ его, что онъ открылъ глаза, помимо воли, что его умъ не могъ не усмотрѣть великаго свѣта, появлявшагося на горизонтѣ. Отсюда колебанія и непослѣдовательности въ его жизни; крылья у него были точно подрѣзаны, и ему какъ будто было запрещено летать. Свобода привлекала его, но онъ былъ прикованъ къ посту защитника абсолютной власти. Если посмотрѣть на него съ точки зрѣнія двойственности, существовавшей въ немъ, то увидишь признаніе въ каждомъ изъ его поступковъ. Онъ дебютируетъ въ „Essai sur les révolutions“ крикомъ свободы и оканчиваетъ „Замогильными записками“, которыя представляютъ выраженіе всеобщаго сомнѣнія. Все, что онъ публиковалъ въ промежуткѣ между этими двумя сочиненіями, „le Génie du christianisme“, „l'itinéraire“, „les Martyrs“, поколеблено, опровергнуто, упразднено. Что касается его политической карьеры, то тутъ дѣло еще сложнѣе; этотъ легитимистъ самый рьяный изъ либераловъ вынужденъ былъ отказаться отъ свободы, какъ только ее завоевалъ. Троекратно гонимый за Бурбоновъ,

вытерпѣвшій ради нихъ преслѣдованіе и ссылку, онъ не могъ прослужить имъ нѣсколько мѣсяцевъ, не навлекши на себя немилости, и они поступаютъ съ нимъ болѣе жестоко, чѣмъ Вонапартъ. Только позднѣе, когда онъ вернулся къ жизни частнаго человѣка, онъ нашелъ возможнымъ установиться на одномъ пунктѣ и выказалъ рыцарскую стойкость и возвышенное самоотверженіе, какія сохранилъ до самой смерти. Понятно поэтому, насколько умъ его былъ обогатѣнъ цѣнами, которыя онъ влачилъ съ гордостью. Онъ мучительно бился въ тѣсной тюрьмѣ, куда самъ заключилъ себя. Неудача оказалась полная и непоправимая. Безъ вѣры въ будущее, колебалась постоянно между своими либеральными инстинктами и ролью вѣроподданнаго, онъ могъ произвести лишь мелкія вещи и погрязъ въ будничныхъ ссорахъ и дразгахъ. Онъ выказался, говоря откровенно, посредственнымъ политикомъ.

И пусть современные роялисты не пытаются искажать исторію Шатобриана не принадлежитъ имъ всецѣло. Человѣкъ, написавшій нижеслѣдующія строки, могъ сражаться за королевскую власть, но не вѣрилъ въ ея торжество.

„Европа стремится къ демократіи. Вѣдь и Франція представляетъ не что иное какъ республику, стѣсняемую королемъ. Развившіеся народы переросли свои пеленки; государи были ихъ благородными опекунами; теперь нація достигли совершеннолѣтія и утверждаютъ, что не нуждаются больше въ опекунахъ. Начиная съ Давида и по наше время, были призываемы короли; теперь, повидимому, наступилъ чередъ націи...“

„Симптомы соціального превращенія многочисленны. Тщетно стараются возсоздать партію для абсолютнаго правленія одного человѣка: основные принципы этого правленія не существуютъ больше. Люди столько же измѣнились, сколько и принципы...“

„Какъ бы то ни было, а придется сойти со сцены. Чтѣ значать три-четыре года, двадцать лѣтъ въ жизни народа? Старое общество погнбло вмѣстѣ съ политикой, создавшей его. Въ Римѣ управление одного человѣка было поставлено на мѣсто закона Цезаремъ. Отъ республики перешли къ имперіи. Въ настоящее время революція совершается въ обратномъ смыслѣ: законъ низлагаетъ человѣка; отъ королевской власти переходятъ къ республикѣ. Наступила эра народовъ“.

Эти цитаты, извлеченныя изъ „Замогильныхъ записокъ“ весьма категоричны. Къ тому же, когда появились эти „Записки“, онъ вызвалъ громкій и гнѣвный вопль. Вся роялистская партія завопила объ измѣнѣ. Я нахожу слѣдующій строгій приговоръ въ статьѣ де-Бролькъ: „самъ Шатобрианъ нашелъ нужнымъ повѣдать намъ, какія бури мел-

каго тщеславія бушевали въ меланхолической душѣ Рене; онъ взялъ на себя трудъ объявить, что былъ эмигрантомъ безъ убѣжденія, т.-е., что поднялъ оружіе противъ своей страны, не имѣя оправданія въ рыцарской вѣрѣ въ королевскую власть“.

А де-Брольи еще церемонился до нѣкоторой степени. Другіе были совсѣмъ жестоки. Съ тѣхъ поръ память о немъ отвергалась всѣми партіями. Республиканцы не могли считать его своимъ; роялисты шумно порвали съ нимъ, и надо было наступить такой смутной эпохѣ, какова наша, чтобы имъ пришло въ голову признать его своимъ и выставить его имя, какъ знамя. До той поры онъ оставался одинокимъ, съ своимъ откровеннымъ скептицизмомъ, никому не нужный, покинутый какъ личность сложная и опасная, изъ которой никакая партія не могла извлечь для себя никакой выгоды.

Вотъ уже первая причина молчанія, внезапно воцарившагося вокругъ Шатобриана. Его сдали въ архивъ, какъ орудіе обоюдоострое, которымъ никто не рѣшался воспользоваться въ великой современной битвѣ.

Но кромѣ этой, чисто практической причины забвенія, существуетъ другая, болѣе глубокая, связанная съ самой личностью Шатобриана, какою я старался изобразить его. Люди переходныхъ типовъ роковымъ образомъ осуждаются на неизвѣстность; если имъ удастся занять собою своихъ современниковъ, за то они окончателно сходятъ со сцены вмѣстѣ съ своимъ поколѣніемъ и ничего не остается отъ пустого звона ихъ жизни. Шатобрианъ, ничего не разрушавшій, ничего не созидавшій и довольствовавшійся ролью рогатки, можетъ поразить насъ благородствомъ своей осанки на порогѣ нынѣшняго вѣка, но онъ ничего не говоритъ нашимъ умамъ, озабоченнымъ политической битвой, не прекращающейся во Франціи уже восемьдесятъ лѣтъ. Для того, чтобы политической дѣятель ожилъ въ памяти людей, необходимо, чтобы его дѣянія отвѣчали страстямъ вѣка. Онъ же представляется намъ слишкомъ чуждымъ. Онъ ничего не оставилъ по себѣ такого, что бы задѣвало насъ за живое. Словомъ, у него не была современная душа. Какъ я уже говорилъ, онъ не впадеъ родился. При паденіи стариннаго общества, онъ остается самой славной его развалиной, но одной изъ тѣхъ преждевременныхъ развалинъ, которыя производятъ самое тягостное впечатлѣніе на зрителя. Онъ могъ бы казаться величественнымъ, если бы былъ бойцомъ прошлаго, не сдающимся ни на какіе компромиссы, боролся съ новымъ міромъ, отрицая его, вѣрилъ безусловно въ свой идеалъ прошлаго. Но роковыя свойства его характера привели его къ тому равновѣсію, къ той золотой серединѣ, въ которой лучшіе умы мельчаютъ. Онъ без-

плодно волновался и угасъ — вотъ и все. Въ настоящее время его дѣянія, его сочиненія кажутся холодными, какъ трупъ.

Слѣдуетъ прибавить, что Шатобрианъ не имѣлъ задатковъ политическаго дѣятеля. Во Франціи общественное мнѣніе признаетъ, что поэтъ, писатель, художникъ не могутъ разумно управлять своей страной, и до послѣдняго времени писатели, становившіеся во главѣ управленія, если исключить изъ нихъ Тьера, какъ будто наперерывъ старались оправдать это мнѣніе. Это, конечно, въ связи съ французскимъ характеромъ. Шатобриана особенно упрекали за его высокомерную и презрительную чопорность, за надменность, съ какою онъ относился къ людямъ, обращавшимся къ нему. Чаще всего онъ выказывалъ оскорбительное тщеславіе. И это бы еще куда ни шло, еслибы онъ не выказалъ полного отсутствія качествъ, необходимыхъ для государственныхъ людей: терпѣнія, настойчивости въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Онъ увлекался, мечталъ о великихъ дѣлахъ; затѣмъ при первой неудачѣ падалъ духомъ, сердился какъ ребенокъ и кончалъ тѣмъ, что впадалъ въ эгоистическую меланхолію, отчаявался въ людяхъ, предсказывалъ самыя страшныя бѣды. Рене проглядывалъ съ своей безнадежностью изъ-подъ маски солиднаго дипломата и министра. Онъ велъ дѣла, какъ писалъ книги, заботясь преимущественно о формѣ, и интересовался только тѣмъ, какъ бы ему выдвинуться впередъ. Поэтому, ошибки его неисчислимы. Указавъ на непослѣдовательность политической карьеры Шатобриана, Сентъ-Бѣвъ основательно прибавляетъ: „три крупныхъ факта неопровержимы: онъ все сдѣлалъ, чтобы поддержать самую плохую палату реставраціи, безумную палату 1815 г. Онъ все сдѣлалъ, чтобы ниспровергнуть лучшее министерство, самое искренне-либеральное министерство реставраціи, министерство Десоля. Наконецъ, самое отвратительное и пагубное изъ всѣхъ министерствъ, министерство Виллеля, было признано имъ таковымъ лишь тогда, когда онъ изъ него вышелъ“. Такое сужденіе, вполне справедливое, доканчиваетъ портретъ политическаго дѣятеля въ Шатобрианѣ. Въ сущности, онъ оказывалъ плохія услуги королевской власти, и королевская власть ничѣмъ не содѣйствовала его славы. Роялисты искажаютъ исторію, когда провозглашаютъ его своимъ.

Точно такъ я нахожу, что люди, которые говорятъ о мнимыхъ услугахъ, оказанныхъ Шатобрианомъ религіи, выказываютъ мало критическаго взгляда и много доброй воли. Лично онъ не былъ религіозенъ; онъ скорѣе былъ поэтомъ въ дѣлѣ религіи. И тутъ я долженъ сказать нѣсколько словъ о безнадежности Рене, о мечтательной меланхоліи и неизлечимой скукѣ, какія онъ всюду влачилъ за собою, точно живую рану неизвѣстнаго недуга. Конечно, тутъ играла роль и фраза, но эта безнадежность существовала въ дѣйствитель-

ности. Былъ моментъ, когда она овладѣла всѣми лучшими умами вѣка. Байронъ былъ проникнуть ею до мозга костей. Во Франціи Мюссэ объявлялъ себя состарѣвшимся и пресыщеннымъ до времени этимъ дуновеніемъ вѣка. И онъ только повторялъ вопль тоски, изданный Шатобрианомъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. То уже не была печаль Жанъ-Жака-Руссо, умѣряемая философіей. Жанъ-Жакъ-Руссо первый заплакалъ, очутившись лицомъ къ лицу съ природой. Но только онъ все еще разсуждалъ, между тѣмъ какъ тѣ, что пришли послѣ него, умѣли только плакать. Шатобрианъ осуществилъ у насъ растрепанный типъ поэта, сидящаго на скалѣ и проливающаго, хорошимъ вечеромъ, слезы, которыхъ самъ не чувствуетъ. Наединѣ съ лѣсомъ, горами, водами, которыми онъ заинтересовался впервые, онъ испытываетъ сильное утомленіе, довольно, впрочемъ, пріятное; его клонитъ ко сну и онъ желалъ бы имъ забыться. У него нѣтъ причины страдать, но онъ страдаетъ отъ всего. Онъ терзается безцѣльными порываніями, безпричинными отвращеніями, томится жизнью. Какое имя дать этому странному состоянію, этой ипохондріи, которая въ одинъ и тотъ же часъ насчитывала жертвы во всѣхъ націяхъ. Анализируя эту безнадежность я прихожу къ заключенію, что то новая форма сомнѣнія. Шатобрианъ, помимо собственнаго сознанія, поддавался революціоннымъ вѣяніямъ своего вѣка. Онъ попалъ въ тиски между пошатнувшимися вѣрованіями общества, которое уже рушилось, и новыми уроками точнаго анализа, преподаваемыми ему природою. Если Рене рыдалъ на своемъ утесѣ, то это потому, что Рене не вѣрилъ больше и тщетно усиливался вѣрить.

Я не хочу рыться долѣе въ жизни Шатобриана. Повторяю, онъ не былъ религіозенъ. Онъ поддавался всѣмъ страстямъ, никогда не умѣлъ убивать плоть. Его признанія показываютъ, что онъ вѣчно гонялся за любовью. Когда онъ отправился въ Іерусалимъ, то сознался, что цѣлью его было не богомолье; онъ искалъ страсти, красоты, славы. Это характерично. „Направлялся ли я,—говоритъ онъ въ своихъ „Запискахъ“,—ко гробу Господню въ сердечномъ сокрушеніи о грѣхахъ? Одна мысль поглощала меня, я считалъ съ нетерпѣніемъ минуты; сидя на кораблѣ, устремивъ взоры на Венеру, вечернюю звѣзду, я молилъ о попутномъ вѣтрѣ, чтобы скорѣе уплыть, молилъ о славѣ, чтобы заслужить любовь. Я надѣялся найти ее въ Спартѣ, въ Сіонѣ, въ Мемфисѣ, въ Каррагенѣ и привезти ее съ собой въ Альгамбру! Помнили ли обо мнѣ такъ, какъ я помнилъ все это время“. Все это означаетъ, что любовница ждала его въ Испаніи и что онъ постоянно горѣлъ страстью къ этой женщинѣ, во время своего продолжительнаго путешествія. Этотъ христіанинъ, носящійся съ своей любовью, несомнѣнно поэтъ; но я утверждаю, что онъ не вѣрующій.

Впрочемъ, личныя чувства Шатобриана ничего бы ровно не значили, еслибы твореніе его было крѣпко и непоколебимо, какъ банна, какъ вооруженная крѣпость, обороняющая религію. Но „le Génie du christianisme“, не говоря уже о другихъ произведеніяхъ, далеко не отличается этой непобѣдимой крѣпостью. Читатели помнятъ, что авторъ, внезапно перенесенный смертію матери къ воспоминаніямъ набожнаго дѣтства, рѣшился исполнить послѣднія желанія умирающей, отрекся отъ свободы мышленія и написалъ „le Génie du christianisme“. Такъ рассказываетъ онъ самъ. Но я полагаю, что это сочиненіе было бы написано и помимо этого. Разсказъ этотъ—легенда. Шатобрианъ уступилъ скорѣе потребности въ реакціи, носившейся въ воздухѣ. Послѣ страшной революціонной бури, послѣ уничтоженія церкви, изгнанія священниковъ, негѣпой выдумки новой религіи, надо было роковымъ образомъ ждать, что возвысится голосъ дѣла прославленія чудеса католицизма. Этотъ законъ реакціи проходитъ черезъ всю исторію. Что это вѣрно, что потребность протестовать противъ ужасовъ, которые были только-что пережиты, была единственной причиною, по которой онъ написалъ свою книгу, доказывается тѣмъ, что Шатобриану и въ голову не приходитъ обсуждать догматы, опровергать нападки философовъ восемнадцатаго столѣтія, написать критическія и полемическія сочиненія. Онъ довольствуется живописуя сладость вѣры. Кровавымъ зрѣлищемъ противопоставляетъ онъ картины свѣта и мира. Въ христіанствѣ онъ усматриваетъ только сюжетъ для поэмы, радъ трогательныхъ или величественныхъ эпизодовъ. Его трогаетъ и заставляетъ проливать слезы торжественною обрядностью религіи; онъ умиляется надъ соборами, кресты которыхъ вырѣзываются на лазури небесъ, надъ оціамомъ, наполняющимъ ихъ своды, надъ блескомъ зажженныхъ свѣчей, надъ колѣнопреклоненной толпой, получающей благословеніе прелатовъ, облаченныхъ въ золото и пурпуръ. Или же, какъ въ „Аталѣ“ примѣшиваетъ челоуѣческую любовь къ религіи, показываетъ въ ней утѣшеніе для несчастныхъ любовниковъ дѣвственныхъ гѣсовъ. Или же, наконецъ, въвлекаетъ изъ драмы Голгоѣи весь трагическій ужасъ, заключающійся въ ней и заинтересовываетъ ея чувствительныя души, какъ печальной исторіей, поэтизируя ея мрачныя стороны. И такимъ образомъ все произведеніе остается изліяніемъ взволнованной души, рѣсзированной перифразой красоты религіи. Религія прекрасна, прекрасна пластично и нравственно—вотъ и все. Поэтъ вѣчно на глазахъ съ своею дрой; мыслитель же и боецъ ни разу не показывается. „Le Génie du christianisme“ должно было бы быть написано въ стихахъ. Конечно, успѣхъ былъ великъ, потому что книга пришлась кстати, удовлетворяла общественной потребности, жаждѣ уйти отъ мучитель-

ной дѣйствительности и убаюкаться мѣрнымъ размѣромъ набожной поэзіи. Послѣ такихъ потоковъ крови, потоки млека казались невъяснимо сладкими. Сочиненіе явилось въ пору, отсюда его громадный успѣхъ. Но прошла его пора, и оно суждено на забвеніе. Въ немъ не было той силы, какая могла бы послужить на пользу религіи. Если она могла утѣшить одно поколѣніе, усладить на время уши, оглушенныя страшными напѣвами санжолотовъ, она бесполезна въ настоящее время; въ ней нѣтъ протидѣйствія свободному мышленію. Она оставляетъ религію беззащитной передъ нападками современной критики. Она такъ же мало защищаетъ религію, какъ и воскресное пѣніе молодыхъ дѣвушекъ въ церквахъ. Напротивъ того, она напѣживаетъ ее, украшаетъ риторическими цвѣтами, надъ которыми нельзя не посмѣяться. Итакъ, по моему мнѣнію, Шатобріанъ былъ такой же плохой католикъ, какъ и плохой политикъ, и въ сущности такъ же мало сдѣлалъ для христіанской религіи, какъ и для королевской власти. Если наше время пренебрегаетъ имъ и не помнитъ о немъ, то это потому, что онъ былъ на всѣхъ поприщахъ фразеромъ и ничего не посѣялъ для будущаго.

Но въ чемъ же заключается его величіе, — величіе несомнѣнное, котораго нельзя отрицать? Оно заключается въ рыцарской преданности, съ какой онъ сьумѣлъ застыть въ одномъ положеніи. Послѣднія двадцать лѣтъ его жизни, проведенныя имъ въ уединеніи, больше сдѣлали для его славы, чѣмъ мимолетный успѣхъ его сочиненій и волненія его политической карьеры. Онъ будетъ жить въ исторіи въ этой послѣдней роли, когда онъ всѣмъ пожертвовалъ для своего короля, хотя и потерялъ вѣру въ королевскую власть. Онъ получилъ отъ монархіи однѣ только раны, онъ видѣлъ ее умирающей и безнадежно, упорно оставался ея вѣрнымъ рыцаремъ. Чтó еще болѣе возвеличиваетъ его, такъ это то, что онъ сознавалъ, что дѣло его проиграно. Онъ сражался за свободу, но отвергъ ее, потому что не могъ получить отъ государя, которому клялся въ вѣрности. То было самоубійствомъ возвышеннаго характера, на которое способны весьма немногіе государственные люди. Прибавьте, что Шатобріанъ съ грандіозной простотой принесъ свою жертву; у него было слишкомъ развито чувство прекраснаго, чтобы онъ не сьумѣлъ отретироваться съ достоинствомъ. 7-го августа, послѣ июльскихъ дней, онъ провнесъ въ палатѣ пэровъ благородную рѣчь, затѣмъ сложилъ съ себя свое званіе, титулъ, и отказался отъ пенсіона, которой не могъ получить отъ легитимной монархіи. И съ этой поры, очищенный отъ своихъ ошибокъ, онъ стоялъ цѣлой головой выше своей эпохи.

IV.

Мнѣ остается изучить писателя. Къ тому же Шатобрианъ цѣлнй типъ. Причины, которыя возвели его, какъ политическаго дѣтеля, на первое мѣсто, чтобы затѣмъ свергнуть въ ничтожество, объясняютъ также громкій успѣхъ его сочиненій и равнодушіе, съ какииъ къ нимъ относятся въ настоящее время. Въ каждой личности существуетъ, такимъ образомъ, главная пружина, управляющая всѣмъ механизмомъ. Стоитъ найти эту пружину, чтобы познакомиться съ дѣяніями и сочиненіями субъекта, анатоміей котораго занимаешься. Я уже сказалъ, что Шатобрианъ, какъ государственный человѣкъ, былъ человѣкомъ переходной эпохи и что неудача его карьеры происходила отъ равновѣсія, въ какомъ онъ держался между двумя вѣками и двумя обществами, упираясь одной ногой въ прошлое, а другою въ будущее. Какъ писатель, онъ точно также очутился между двухъ эпохъ и двухъ школъ, и вотъ что лишило его произведенія живучести.

Часто повторяли, что авторъ „Génie du christianisme“ былъ первымъ романтикомъ. Но столько же справедливо сказать, что онъ былъ послѣднимъ классикомъ, потому что агонія красивыхъ периодовъ и благородныхъ перифразъ примѣшивается у него къ дѣтской смѣлости красокъ и страстному оживленію рѣчи. Его слогъ представляетъ странную смѣсь классической вѣтости, драпированной, разукрашенной по новой романтической модѣ. Имъ заканчивается описательный родъ Делиля и начинается великолѣпный и блестящій родъ Ламартина и Виктора Гюго. Къ тому же, ошибочно думать, что въ литературѣ бываютъ новаторы, приносящіе въ своей чернильницѣ новую школу. Напротивъ того, преобразованія въ литературѣ совершаются съ благоразумной медленностью. Цѣпь длинна и непрерывна. Всегда бываетъ толпа промежуточныхъ писателей, которые ведутъ отъ одной формѣ къ другой. И если позднѣе являются пробѣлы, если иные авторы кажутся какъ-бы независимыми творцами, то это потому, что старшихъ братьевъ ихъ постигаетъ забвеніе и никто не думаетъ возстановить всѣ нити, должствующія роковымъ образомъ провести отъ старѣйшаго произведенія къ новѣйшему. Несомнѣнно, наприимѣръ, что Шатобрианъ—преемникъ Руссо и Бернардена-де-Сенъ-Шьера. Онъ служитъ звеномъ между ними и революціонными писателями 1830 г. Онъ ничего не изобрѣлъ, онъ былъ продолжателемъ, служа, помимо сознанія, движе-

нiю, противъ котораго позднѣе протестовалъ. Это роковой законъ. А хуже всего то, повторяю, что онъ явился на свѣтъ божій въ неопредѣленный часъ, на разсвѣтѣ новаго языка, когда произведенiя сохраняютъ всѣ пути, отъ которыхъ пытаются освободиться, и не получаютъ никакихъ выгодъ отъ усилiй, которыми задаются. Пусть возьмутъ одну изъ лучшихъ страницъ Шатобриана, — она покажется намъ безцвѣтной, фальшивой, напыщенной; смѣлыя выходы, которыя ужасали и восхищали современниковъ, для насъ совсѣмъ непримѣтны, потому что онѣ превзойдены другими, не въ примѣръ болѣе смѣлыми новаторами. Чтобы открыть новатора, нужно воссоздать эпоху, въ какую онъ появился, въ особенности сравнить его съ современниками. Да и то, если и удастся наконецъ понять восторгъ читателей былаго времени, то невозможно его раздѣлять. Его слогъ не что иное, какъ историческiй памятникъ въ нашей литературѣ. Въ немъ нѣтъ ничего живого; онъ весь состоитъ изъ риторики. Когда разложишь фразу Шатобриана, то откроешь пустозвонство, свойственное восемнадцатому столѣтiю, подъ яркими и чаще всего живыми образами. Это уже не истощенiе, къ какому пришла школа Вольтера; но это еще не яркое и пышное возрожденiе, не новое вѣяние, долженствовавшее преобразить нашу литературу и привести ее къ истинѣ. Шатобрианъ занимаетъ у насъ такое странное мѣсто, что не можетъ быть причисленъ ни къ восемнадцатому, ни къ девятнадцатому вѣку; онъ остается въ темномъ пространствѣ, отдѣляющемъ обѣ эпохи. Никакой гений, какъ бы ни былъ онъ богато одаренъ, не можетъ противостоять двойственности прошлаго и будущаго, которыя борются другъ съ другомъ и взаимно заглушаютъ другъ друга.

Мнѣ надо привести примѣры. Я спишу нѣсколько страницъ, которые будутъ достаточно для характеристики слога этого писателя.

И вотъ на первый разъ страница изъ „Martyrs“, гдѣ онъ упоминаетъ о своей боевой жизни во время эмиграци. Само собой разумѣется, что я привожу цитату наудачу.

„Истощенный трудами дня, я имѣлъ въ своемъ распоряженiи всего лишь нѣсколько ночныхъ часовъ для успокоенiя своихъ усталыхъ членовъ. Зачастую мнѣ случалось въ этотъ краткiй отдыхъ позабыть о своемъ новомъ положенiи, и когда, при первыхъ лучахъ зари, трубачи лагеря трубили арию Дiаны, я дивился тому, что пробуждаюсь въ лѣсу. Но это пробужденiе война, возбуждавшаго опасностей ночи, было однако не безъ прiятности. Я не могъ слышать безъ нѣкоторой воинственной радости фанфару рожка, повторенную

эхомъ утесовъ, и первое ржаніе коней, привѣтствовавшихъ зарю. Я любилъ видѣть лагерь, погруженный въ сонъ, палатки еще закрытыя, изъ которыхъ показывались полу-одѣтые солдаты центуріона, расхаживавшаго передъ сложеннымъ оружіемъ, неподвижнаго часового, который, чтобы противиться сну, держалъ палецъ приподнятымъ, какъ фигура безмолвія; всадника, перешивавшаго рѣку, окрашенную лучами утра, и зачастую пастуха, опиравшагося на свой посохъ и глядѣвшаго, какъ пьеть его стадо“.

Я боюсь, что переводъ не передастъ тонкостей и лишитъ этотъ отрывокъ его классической музыкальности. Въ этихъ фразахъ слышно мастерство искуснаго работника. Но все это сочинено и нарисовано, какъ картина Лебрёна, величественной и чопорной кистью, забывающей однако помѣстить живое тѣло подъ великолѣпными драпировки, которыя рисуетъ съ такимъ наслажденіемъ. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ возвышеннымъ слогомъ, который не любилъ называть вещи ихъ настоящимъ именемъ, гонялся за искусственными и закругленными фразами, и монотоннымъ распредѣленіемъ періодовъ наводилъ подавляющую скуку. А между тѣмъ классическій характеръ этого слога уже окрашивается неопровержимымъ стремленіемъ къ живописному, котораго нельзя не признать. „Пастухъ, опирающийся на свой посохъ“, должно быть, возбуждалъ сильные восторги во время оно.

Вотъ другая цитата, которую я заимствую изъ „Замогильныхъ записокъ“. Она написана болѣе фамиллярнымъ тономъ и передаетъ любопытный эпизодъ изъ времени пребыванія Шатобріана въ Англіи, въ эпоху революціи. Изгнанникъ, еще не оправившійся отъ болѣзни, отъ которой онъ чуть-было не умеръ, жилъ тогда статьями и переводами.

„Въ четырехъ лѣтъ отъ Вильза, въ маленькомъ городкѣ, называемомъ Бѣнгэй, жилъ англійскій пасторъ, преподобный м-ръ Айвесь, великій эллинистъ и великій математикъ. У него была жена, еще молодая, прелестная лицомъ, умомъ и манерами, и единственная дочь, пятнадцати лѣтъ. Представленный въ этотъ домъ, я былъ принятъ въ немъ радушіемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Вино здѣсь пивали на манеръ старыхъ англичанъ и за столомъ оставались часа два, послѣ удаленія женщинъ.“

„М-ръ Айвесь, бывавшій въ Америкѣ, любилъ рассказывать о своихъ путешествіяхъ и слушать рассказы о моихъ, любилъ говорить о Ньютонѣ и Гомерѣ. Его дочь, сдѣлавшаяся въ угоду ему учёной женщиной, была превосходной музыкантшей и пѣла, какъ теперь поетъ m-me Паста. Она появлялась за чаемъ и услаждала

дремоту престарѣлаго пастора. Опершись на фортепяно, я молча слушала миссъ Айвесь.

Само собою разумѣется, что Шатобрианъ, сердце котораго было очень впечатлительно, влюбился до безумія въ молодую дѣвушку. Вотъ послѣдняя сцена этого приключенія, которая весьма драматична.

„Я съ ужасомъ видѣлъ приближеніе момента, когда я долженъ буду удалиться. Наканунѣ дня, возвѣщеннаго мною, какъ день отъѣзда, обѣдъ прошелъ очень пасмурно. Къ моему великому удивленію м-ръ Айвесь удалился за десертомъ и увелъ съ собою дочь, а я остался одинъ съ м-ше Айвесь. Она была крайне смущена. Я думалъ, что она готовится упрекать меня за склонность, которую могла открыть, хотя я никогда не говорилъ о ней. Она взглядывала на меня, затѣмъ, опускала глаза, краснѣла и была такъ привлекательна въ своемъ смущеніи, что могла внушить сама самыя нѣжныя чувства. Наконецъ, съ усиленіемъ побѣждая смущеніе, не дававшее ей говорить. „Monsieur,—сказала она мнѣ по-англійски,—вы видѣли мое смущеніе; я не знаю, нравится ли вамъ Шарлотта, но мать невозможно обмануть; моя дочь несомнѣнно любитъ васъ. М-ръ Айвесь и я, мы обсудили это дѣло; вы намъ нравитесь во всѣхъ отношеніяхъ; мы думаемъ, что вы сдѣлаете нашу дочь счастливой. У васъ нѣтъ больше родины, вы лишились своихъ родителей; помѣстья ваши проданы; что же могло бы притягивать васъ во Францію? Въ ожиданіи нашего наслѣдства, вы будете жить съ нами“. Изъ всѣхъ горестей, испытанныхъ мною, настоящая была для меня всего чувствительнѣе и сильнѣе. Я бросился къ ногамъ м-ше Айвесь, покрылъ ея руку поцѣлуями и слезами. Она думала, что я плачу отъ счастья и сама заплакала отъ радости. Она протянула руку къ шнуру звонка, она звала мужа и дочь. „Стойте!—закричалъ я:—я женатъ!“ Она упала въ обморокъ.

„Я вышелъ и, не заходя въ свою комнату, ушелъ пѣшкомъ. Я прибылъ въ Бильвъ и сѣлъ въ почтовую карету, отправлявшуюся въ Лондонъ, написавъ м-ше Айвесь письмо, копія котораго, къ сожалѣнію, не сохранилъ.

„Я сохранилъ самое пріятное, самое нѣжное и самое благодарное воспоминаніе объ этомъ происшествіи. До моей славы, семейство Айвесь одно желало мнѣ добра и приняло меня съ искренней привязанностью. Бѣдный, неизвѣстный, изгнанный, непривлекательный и некрасивый, я нашелъ обезпеченное будущее, отечество, прелестную супругу, для услажденія своихъ досуговъ, почти столь же красивую мать, на мѣсто моей престарѣлой матери; образованнаго отца,

любителя литературы, чтобы замѣнить отца, котораго небо лишило меня. Что могъ дать я взаменъ всего этого? Никакая иллюзія не могла играть роли въ выборѣ, падавшемъ на меня; я долженъ былъ вѣрить, что любимъ! Съ тѣхъ поръ я встрѣтилъ еще только одну привязанность, настолько возвышенную, чтобы внушить мнѣ такое же довѣріе. Что касается участія, съ какимъ ко мнѣ относились послѣдствіи, я никогда не могъ разобрать, не служили ли подкладкой ухаживанію за мной вѣшнія причины, шумъ славы, блескъ высокаго литературнаго или политическаго положенія“.

Оставляю въ сторонѣ кое-какіе недосмотры въ стилѣ. Писатель какъ будто снялъ свою нарядную мантию и облекся въ халатъ. Но даже среди фамильярности воспоминаній, передаваемыхъ нѣскольکو небрежнымъ перомъ, какая искусственная разстановка сценъ и словъ! Истиннаго чувства нѣтъ и слѣда. Объясненіе между нимъ и м-ше Айвесь, какъ онъ его представляетъ, смущеніе женщины, все еще красивой, поцѣлуи и слезы, которыми осыпаются ея руки, внезапный обморокъ, заканчивающій сцену—все это принадлежитъ прежде всего къ области театра. „Я женатъ“—составляетъ верхъ драматическаго искусства. Оно было бы весьма эффектно передъ опущеніемъ завѣса въ четвертомъ актѣ. И, наконецъ, философскія размышленія, слѣдующія затѣмъ, это сомнѣніе въ искренности привязанностей, это желаніе быть любимымъ ради самого себя—все придаетъ разсказу искусственный, неискренній, фразерскій характеръ. Все это отзывается эпохой, которую я назову эпохой паденія классицизма. Романтизмъ едва лепечетъ въ этихъ страницахъ.

Безполезно умножать цитаты. Я вездѣ найду тотъ же звонкій и безсодержательный языкъ, звучащій подъ искусными пальцами писателя, какъ тѣ мѣдныя китайскіе инструменты, звучность которыхъ зависитъ отъ того, какъ они отлиты. Все у Шатобриана отзывается торжественнымъ пустозвонствомъ.

И вотъ почему этотъ ученый артистъ, этотъ могучій сортировщикъ словъ такъ мало трогаетъ насъ нынѣ: въ писателѣ, еще не такъ чѣмъ въ политическомъ дѣятелѣ, сказывается страсть вѣка, страсть къ реальному и къ точному анализу. Романтическій кризисъ, возбужденный имъ, былъ въ нашей литературѣ какъ-бы неизбежнымъ возстаніемъ, наступившимъ въ свою пору за тѣмъ, чтобы свергнуть классическое иго и возвратитъ полную свободу оригинальнымъ личностямъ. Языкъ истощался, измельчавшіе писатели путались въ старческой болтовнѣ, во всякаго рода формальностяхъ и предрассудкахъ, которые слѣдовало отвергнуть. Явились писатели 1830 г., и съ чудной дерзостью отбросили мнимыя правила и устарѣлыя тра-

дици. Полувѣкомъ позднѣе, въ литературѣ совершилась революція, подобная той, которая обновила общество среди жестокой бури. Но революціи только готовятъ будущее; революціонный періодъ, съ его неизбѣжными крайностями, его многочисленными ошибками не можетъ долго продолжаться. Такимъ образомъ, писатели 1830 г., взаи́мъ античной риторики, растерзанной ими на клочки, ввели другую, такую же нелѣпую; они замѣнили пристрастіе къ древности чрезмѣрной нѣжностью къ среднимъ вѣкамъ, стариннымъ соборамъ, оружію,—всею ветоши и дребедени отжившихъ вѣковъ. То была опять ложь, только въ иной формѣ. Поэтому, романтизмъ долженъ былъ быстро состарѣться, воплотившись въ самомъ великолѣпномъ лирическомъ поэтѣ, какого только насчитываетъ наша литература. Въ настоящее время онъ вызываетъ улыбку; его рыцари кажутся еще допотопнѣе, чѣмъ греки и римляне классической школы. Но толчокъ былъ данъ, торжество романтической инсurreкціи расчистило пути, писатели натуральной школы могли свободно творить и изображать людей и природу такими, какими ихъ видѣли. Вотъ въ чемъ незабвенная заслуга романтизма во Франціи: онъ содѣйствовалъ народженію реалистической школы и облегчилъ ея дѣло, расчистивъ поле, на которомъ она могла строить. Я не привожу здѣсь именъ, я только отмѣчаю прсвращеніе, совершившееся во французской литературѣ за послѣдніа пятьдесятъ лѣтъ. Единственная моя цѣль показать, какъ далеко отъ насъ въ настоящее время Шатобрианъ, оставшійся за рубежомъ совершившейся революціи, за рубежомъ романтизма, языкомъ котораго онъ едва начиналъ лепетать.

Со времени Бальзака и слѣдовавшихъ за нимъ романистовъ дѣло сдѣлано. Скальпель анатома—вотъ орудіе вѣка. Наша литература стала литературой экспериментальной. Мы, какъ тѣ химики, которые, понимая, что наука находится еще въ младенчествѣ, не рискуютъ пускаться въ синтезъ и довольствуются тѣмъ, что разлагаютъ и анализируютъ тѣла. Наши романы не хотятъ больше ни чѣмъ заимствоваться отъ воображенія, не хотятъ лживаго возвеличиванія героевъ и болѣе или менѣе искусной группировки событій. Они рисуютъ жизнь такую, какова она есть, и стараются собрать какъ можно больше документовъ о людяхъ. И они не даютъ выводовъ, изъ боязни впасть въ ошибку, предоставляя будущимъ вѣкамъ формулировать общія идеи, когда собраніе документовъ будетъ настолько велико, что дастъ возможность произнести сужденіе о человѣкѣ. Поэтому понятно, какое равнодушіе внушаетъ намъ Шатобрианъ, среди нашихъ всеобщихъ развѣдокъ. Онъ не раздѣлялъ нашей страсти, орудія его не наши орудія; въ сочиненіяхъ его отсутствуетъ

все то, чего мы ищемъ. Хвалили живописность его слога, яркую образность, которую онъ вводилъ въ языкъ; но для насъ чаще всего эта образность невѣрна и похожа на разрисовку; въ средѣ своихъ современниковъ мы насчитываемъ пять-шесть писателей, которые придали своимъ описаніямъ такой несравненный блескъ, сохранивъ совершенную правду красокъ и передавая самыя тонкіе оттѣнки. Въ сравненіи съ чудными страницами, которыя я могъ бы цитировать, самыя яркія страницы Шатобріана показались бы полинялыми лубочными картинами. То же самое можно сказать и о лицахъ; тѣ, которыхъ онъ выводилъ въ своихъ произведеніяхъ, просто тѣни, поэтическія созданія, по ошибкѣ говоряція прозой. Одна Атала пережила другихъ, да и то благодаря картинѣ Жироде. Самъ Рене является загадкой, которую комментаторы все еще силятся разобрать. Въ этомъ блѣдномъ и фантастическомъ образѣ кровь не играетъ въ жилахъ; не взирая на всю свою чувствительность, онъ похожъ на призракъ, танцующій въ лунномъ лучѣ. Какъ интересоваться этими мечтательными куклами, этими надутыми и претенціозными манекенами, когда міръ нашего литературнаго творчества населенъ толпою лицъ съ мясомъ и костями, живыми, знакомыми до того, что, кажется, съ ними встрѣчался на улицѣ. Мы живемъ въ реальной дѣйствительности и не можемъ не относиться съ пренебреженіемъ къ искусственной средѣ, въ которой вращались писатели отжившихъ школъ. И наше пренебреженіе къ произведеніямъ Шатобріана бессознательно; всѣ читатели испытываютъ его, даже тѣ, которые еще отрицаютъ реалистическое движеніе.

Я долженъ, во избѣжаніе недоразумѣній, прибавить, что если сочиненія Шатобріана умираютъ, то это потому, что носятъ въ себѣ залогъ смерти. Еслибы въ немъ была жизнь, онъ жилъ бы вѣчно, несмотря на свою старомодную риторику, несмотря на переходную эпоху, въ какую дѣйствовалъ, несмотря ни на что. Даръ жизни въ писателѣ,—это безсмертіе его произведеній, при какихъ бы условіяхъ они ни появлялись. Даръ жизни есть не что иное, какъ даръ правды. Когда лицо правдиво, оно вѣчно; пусть оно будетъ худо драпировано; пусть въ немъ будутъ неправильныя черты; но достаточно, если сквозъ дыры драпировки виднѣтся живое тѣло. И вотъ, оно проживетъ долгія столѣтія. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ темпераментомъ писателя, и онъ рѣшаетъ вопросъ о жизненности литературныхъ созданій. У художниковъ бываетъ творческія руки; но бываетъ и такія руки, которымъ никогда не оживить вещество, до котораго они дотрогиваются, какъ бы ни было драгоцѣнно само вещество. Шатобріанъ не сумѣлъ творить прав-

диво и не могъ создать ничего живучаго. Въ его время не гонялись за вѣрностью подробностей, а его темпераменту, его генію, если хотять, недоставало пламени, которое вдыхаетъ душу въ придорожные камни. Ему недостаетъ будничной правды и вѣстѣ съ тѣмъ мощной фантазіи, благодаря которой творцы превращаютъ въ правду все, что создаютъ.

Я закончу здѣсь тѣмъ же, чѣмъ закончилъ, когда изучалъ Шатобріана, какъ политическаго дѣятеля. Несмотря на посредственность нѣкоторыхъ его произведеній, несмотря на забвеніе, постигшее его, Шатобріанъ все же личность высокая. И это потому, что роялистъ и католикъ въ немъ сумѣлъ жить и умереть съ достоинствомъ, а писатель сохранилъ до послѣдней строчки неподражаемое благородство. Я говорю о вѣшней, а не о внутренней сторонѣ дѣла. Шатобріанъ былъ очень даровитъ; онъ владѣлъ чуднымъ инструментомъ. Фразы его лились съ поразительной плодovitостью, легкостью, изяществомъ. Если за ними скрывалась пустота, за то оболочка была блистательна. Надо быть самому ремесленникомъ слова, чтобы дивиться этому работнику-колоссу, съ такой легкостью владѣвшему языкомъ.

Жоржъ-Зандъ написала слѣдующія строки, вслѣдъ за довольно строгимъ сужденіемъ о „Замогильныхъ запискахъ“: „и со всѣмъ тѣмъ, несмотря на общую аффектацію слога, соответствующую аффектаціи характера; несмотря на дѣланную простоту; несмотря на злоупотребленіе неологизмами; несмотря на все то, что мнѣ не нравится въ этомъ произведеніи, я безпрестанно открываю въ немъ красоты формы, простыя и свѣжія, страницы, вышедшія изъ-подъ пера величайшаго мастера нынѣшняго столѣтія и которыхъ нѣтъ изъ насъ, мелкоты, воспитанной въ его школѣ, никогда не сумѣетъ написать, несмотря на всѣ старанія“.

Я не захожу такъ далеко, какъ Жоржъ-Зандъ; я знаю страницы такія же прекрасныя, какъ и лучшія страницы Шатобріана; но несомнѣнно, что Шатобріанъ живетъ лишь въ своемъ языкѣ. Форма, поза—были у него весь человѣкъ.

V.

Прошло всего какихъ-нибудь двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ погасла послѣдняя ракета, пущенная въ честь Шатобріана на праздникѣ въ Сень-Мало, и уже шумъ, возникшій вокругъ статуи писателя, гиміамъ официальныхъ рѣчей, восторженныя рукоплесканія толпы, ружейные залпы, трескъ фейерверка погасли въ великомъ и многочисленномъ ропотѣ океана. Кажется, что безмолвіе забвенія еще сильнѣе сгустилось надъ памятью того, кого такъ громко превозносили. Печальная сторона этихъ церемоній заключается въ томъ, что онѣ лишь на одинъ день возбуждаютъ вниманіе живыхъ къ мертвецу и затѣмъ на другой день еще рельефнѣе оказывается, какимъ непробуднымъ сномъ спитъ покойникъ въ своемъ гробу. Сегодня равнодушно проходятъ мимо новой статуи, и замолокли даже самыя отголоски торжества. Остается лишь на вершинѣ *Grand-Bé* одинокая могила Шатобріана.

Прежде всего я желаю быть справедливымъ. Я не хотѣлъ бы, чтобы литературныя симпатіи мои, принадлежащія всецѣло новѣйшей шволѣ точнаго анализа, сдѣлали меня пристрастнымъ въ оцѣнкѣ писателя, роль котораго все же остается колоссальной. Я жажду только истины, и критика въ моихъ глазахъ есть нѣчто въ родѣ историческаго романа, анатомія личности, которая нѣкогда жила и оставила намъ документы, по которымъ мы можемъ изучать ее на просторѣ. Только съ этой стороны критика интересуется мною. Неопровержимымъ фактомъ слѣдуетъ признать, что Шатобріанъ устарѣлъ очень быстро и современное поколѣніе къ нему равнодушно. Но мы еще не составляемъ для него потомства; онъ можетъ апеллировать противъ нашего сужденія и, быть можетъ, найдетъ поднѣ судей, болѣе свободныхъ отъ пристрастій вѣка, которые съумѣютъ отвести ему должное мѣсто. Де-Ломени написалъ слѣдующія строки, вызывающія на размышленія: „съ Шатобріаномъ случилось то, что случится со всѣми почти людьми, которые долго возбуждаютъ восторгъ въ публикѣ; въ періодъ, слѣдующій за ихъ смертью, ихъ обыкновенно судятъ всего строже: подумаешь, что люди испытываютъ потребность вознаградить себя за продолжительную лесть крайнею строгостью. Вотъ какимъ образомъ мы видимъ, что писатели, осыпавшіе Шатобріана всѣми выраженіями восторга и почтенія, вдругъ перемѣнили свое отношеніе къ нему, не заботясь о непослѣдовательности такого поведенія, и стали третировать умершаго Шатобріана съ грубой и неожиданной фамильярностью“.

Въ этомъ есть низкое чувство, которому я не желалъ бы ни подъ какимъ видомъ поддаваться. Хотя смерть Шатобриана случилась не совсѣмъ наканунѣ и хотя двадцать-семь лѣтъ разстоянія придають общественному мнѣнію нѣкоторый вѣсъ, но можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, мы еще слишкомъ близки къ нему, чтобы оцѣнить его по достоинству. Итакъ, я желалъ бы мысленно забѣжать впередъ и постараться предугадать, каково будетъ рѣшительное сужденіе, произнесенное о немъ двадцатымъ вѣкомъ.

Вотъ мое сужденіе, свободное отъ всякаго пристрастія. „Le Génie du christianisme“, „l'itinéraire“, въ особенности же „les Martyrs“—все это поэтическія произведенія, долженствующія все сильнѣе и сильнѣе старѣться съ теченіемъ времени. Въ „Martyrs“, пустота которыхъ была прочувствована уже при самомъ появленіи ихъ, мы можемъ ощупать недостатокъ литературы пустозвонства, быстро заносимой пылью вѣковъ. Напротивъ того, я полагаю, что „Les Mémoires d'Outre Tombe“, встрѣченныя бурей протестовъ, только выиграютъ отъ дальнѣйшаго знакомства.

Если я не ошибаюсь, Шатобрианъ будетъ жить въ томъ произведеніи, которое имѣло наименьшій успѣхъ, это потому, что въ „Замогильныхъ запискахъ“ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, живымъ и дѣятельнымъ, интереснымъ, хотя бы и мало симпатичнымъ. Даромъ, что писатель высказалъ въ нихъ свой эгоизмъ, свое тщеславіе и равнодушіе ко всему, кромѣ личной славы, онъ тѣмъ не менѣе вложилъ въ нихъ лучшую часть самого себя, вдохнулъ въ нихъ душу живую, которой недостаетъ въ его другихъ произведеніяхъ. Въ книгѣ отсутствуетъ порою та вѣчная рисовка, съ которой не разставался авторъ, и тогда она становится оживленной и самобытной. Я не говорю о мѣстахъ, замѣчательныхъ по красотѣ слога; такимъ изобилуютъ всѣ произведенія этого писателя, но въ „Запискахъ“ они особенно многочисленны. И самое даже различіе тона въ этихъ десяти томахъ, написанныхъ черезъ долгіе промежутки времени, кажется мнѣ счастливой случайностью, нарушающей обычную монотонность этого писателя, и показывающей въ немъ простого смертнаго, способнаго грѣшить противъ искусства—группировки событій. Весь первый томъ особенно замѣчателенъ; дѣтство развертывается въ немъ среди чудныхъ пейзажей; жизнь въ замкѣ *Combourg*—чудесный эпизодъ по яркости красокъ и правдѣ. Повторяю, „Запискамъ“ будетъ отведено должное мѣсто. Приговоръ двадцатаго вѣка будетъ безъ сомнѣнія таковъ, что въ тотъ день, какъ Шатобрианъ взглянулъ въ самого себя; онъ необходимо долженъ былъ писать правдиво, а потому сохранилъ живучее произведеніе.

Но какой поучительный примѣръ мы видимъ въ немъ. Я заговорилъ объ этомъ лишь затѣмъ, чтобы показать вредъ лжи въ литературѣ, какъ бы великолѣпно драпирована она ни была. Ни одинъ человѣкъ такъ пламенно не желалъ литературнаго владычества, какъ Шатобрианъ. Онъ самъ навинулъ себѣ на плечи королевскую мантию и въ теченіе долгихъ годовъ фабриковалъ себѣ скипетръ и корону, затѣмъ медленными и благородными стопами пошелъ впередъ въ лучахъ своей славы, рассчитывая каждый жестъ и подготавливая даже торжественную позу, съ какою ляжетъ въ могилу. И все это величіе было призрачное; драпировки, которыми онъ окуталъ себя, сдавили и умалили его. Рядомъ съ нимъ писатель, написавшій десять живыхъ и правдивыхъ страницъ, будетъ всегда колоссомъ, и раздавить его. Это поучительный примѣръ для всѣхъ насъ, владѣющихъ современнымъ орудіемъ — точнымъ анализомъ для изученія дѣйствительной жизни.

Безсмертіе принадлежитъ творцамъ живыхъ людей, тѣмъ, кто вдохновляется жизнью, созидаетъ жизнь...

Em. Z—1—

АНГЛІЙСКІЙ ПЕРЕВОДЪ ЛЕРМОНТОВСКАГО ДЕМОНА.

The Demon: a poem. By Michael Lermontoff. Translated from the russian by Alex. Condie Stephen. London, 1875.

Нѣсколько времени тому назадъ, наша читающая публика была уже извѣщена объ этой книгѣ г. Тургеневымъ, который съ сочувствіемъ привѣтствовалъ первый трудъ г. Стифена въ передачѣ на англійскій языкъ русской поэзіи. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ и заслуживаетъ этого сочувствія.

Г. Стифенъ замѣчаетъ въ предисловіи, какъ мало знаютъ въ Европѣ о русской литературѣ, и спрашиваетъ, чѣмъ объяснить это малое знаніе—трудностью ли языка, или тѣмъ, что русская литература бѣдна и не имѣетъ значительныхъ произведеній. Ошибочность послѣдняго мнѣнія онъ хотѣлъ доказать, представляя публикѣ свой переводъ „Демона“. Свой выборъ онъ объясняетъ большой извѣстностью этой поэмы, тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, какое она произвела при своемъ появленіи („greater sensation, than perhaps any other

poem written in that country before or since"). Это послѣднее не совсѣмъ точно, и безъ сомнѣнія можно было найти въ русской литературѣ не мало вещей, болѣе выгодно свидѣтельствующихъ о поэтическихъ достоинствахъ русской литературы, чѣмъ юношеское произведеніе Лермонтова,—но эта поэма дѣйствительно много читалась, и, еслибъ переводчикъ въ послѣдствіи прибавилъ еще нѣкоторыя изъ болѣе зрѣлыхъ произведеній Лермонтова, то и „Демонъ“ представился бы англійской публикѣ въ болѣе правильномъ освѣщеніи. Но, конечно, онъ и безъ того можетъ быть чрезвычайно интересенъ, какъ образчикъ поэтической манеры Лермонтова, энергической формы, блестящихъ картинъ.

Англійская критика, сколько мы знаемъ, приняла трудъ г. Стифена съ большимъ интересомъ, и съ большими похвалами исполненію; не всегда въ этой критикѣ замѣтно ясное понятіе о поэзіи Лермонтова (да и вообще о русской литературѣ), и выборъ, сдѣланный переводчикомъ, не способствовалъ исправленію этого понятія, но нѣкоторые изъ критиковъ (напр. въ „Athenaeum“, „Saturday Review“) были довольно компетентными судьями. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ и то, что Лермонтова вовсе нельзя назвать мало извѣстнымъ въ европейской литературѣ, гдѣ есть уже нѣсколько переводовъ „Героя нашего времени“ и стихотвореній (на французскій и нѣмецкій языкъ),— между прочимъ замѣчательные переводы Боденштедта. Эти компетентные критики вѣрно судили и о достоинствѣ Лермонтовской поэмы, и ея относительномъ значеніи между другими его произведеніями.

Въ томъ же предисловіи переводчикъ даетъ краткую біографію Лермонтова, составленную недурно по русскимъ біографіямъ; нѣкоторая неопытность въ чтеніи русскихъ книгъ повела его къ ошибкѣ (на стр. 17)—въ русскихъ біографіяхъ не идетъ рѣчь ни о какомъ „minister of high rank“, котораго приводитъ г. Стифенъ: это понятіе имъ невѣрно.

Но при всемъ томъ, предпріятіе г. Стифена заслуживаетъ полного сочувствія. Сколько можемъ судить по отзывамъ англійскихъ критиковъ и собственнымъ впечатлѣніямъ, передача русской поэмы въ англійскомъ стихѣ вообще очень удачна и свѣжа,—что есть большая заслуга, когда идетъ рѣчь о передачѣ Лермонтовскаго стиха.

Приводимъ въ образчикъ два отрывка, выбранные на удачу.

Вотъ первые стихи поэмы:

The exiled Demon, Spirit of Despair,
Was flying o'er earth's sinful climes;
While in his weary brain rose, dark and bare,
Remembrances of happier times,—

When, pure and holy, in the realms of light
 He shone amid God's cherubim;
 When, coursing in its golden tracks at night,
 The fleeting Comet ever would delight
 To interchange a smile with him;
 When, through the circling ether's vast extent,
 Thirsting some knowledge to achieve,
 He watch'd the movements of the firmament,
 And all its wonders could perceive;
 When he could love and still believe,
 First of creation, happy and devout,
 Guiltless of sin and ignorant of doubt;
 Nor had his tranquil mind beset
 A range of fruitless centuries past in ill...
 His brain could hold no more... and yet
 The past, the lost came crowding still!

Или другой отрывокъ:

I swear by midnight's watchful star,
 By sunset's glow, by orient's azure skies,
 No Tartar Khan, no Persian Shah,
 Or any other earthly Tzar,
 In all their glory ever kiss'd such eyes;
 Nay, never in the sunbeams warm
 That play around, that light the harem through,
 Did any fountain with its pearly dew
 Besprinkle such a tender form;
 Nor yet did ever hand that Nature made,
 Or softly, o'er a loved one's forehead stray'd,
 With fondling touch untwine such hair.
 No—since the day the world lost Paradise,
 Never, I swear, did southern sun see twice
 A living flower that bloom'd so fair, etc.

Переводчикъ весьма правильно цѣнить рѣзкую и блестящую красоту Лермонтовскаго стиха, и въ своемъ переводѣ хотѣлъ, какъ онъ говорить, не только передать оригиналъ, но дать читателю почувствовать особенности русскаго языка, какъ онѣ выработаны русскимъ гениемъ. „Для меня самого,—прибавляетъ онъ,—я признаюсь, онѣ имѣютъ невыразимую прелесть. Всѣ изучавшіе языкъ ученымъ образомъ, знаютъ, въ какой далекой мѣрѣ прошедшихъ отношеній и воспоминаній переносить человѣка каждое слово роднаго языка, безъ труда, безъ вниманія, даже безъ мысли о томъ.} Долю этой тонкой сущности языка я старался выразить въ своемъ переводѣ, вмѣстѣ съ мыслью автора. Роковое событіе, картины дикой природы, поэтическое выраженіе, страстный интересъ—принадлежать автору; серебряная мягкость, благородный скорбный тонъ, проникающій все про-

изведеніе, сила и изящество, достигаемая мнимой отрывочностью и внезапными паузами, — въ большой степени принадлежать элементамъ языка. Все это я старался вѣрно передать“.

Теплое чувство, съ которымъ г. Стифенъ говоритъ о русской поэзіи и русскомъ языкѣ, кажется, ручается намъ, что онъ не остановится на первомъ трудѣ. Мы были бы очень рады, если бы писатель съ такой любовью къ предмету взялся передать своей публикѣ еще другія наиболѣе замѣчательныя произведенія русской поэзіи.

Переводъ „Демона“ посвященъ И. С. Тургеневу.

Прибавимъ встати, что въ началѣ нынѣшняго года въ англійской литературѣ появилось еще одно переводное произведеніе — прозаическія повѣсти Пушкина („Капитанская дочка“ и проч.): *Russian Romance*. By Alexander Serguevitch Poushkin. Translated by Mrs. J. Buchan Telfer (née Mouravieff). London; Henry S. Ring and Co. Lond. 1875.

А. Н.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданія Комитета 18-го и 28-го августа.

- 1) Выдано 100 р. ученому, извѣстному своими трудами по филологіи, находящемуся временно въ затруднительномъ положеніи.
- 2) Выдано 70 р. на воспитаніе дочери писателя, не имѣющаго на это средствъ.
- 3) Выдано 250 р. въ предварительное пособіе и на погребеніе тѣла мужа вдовѣ писателя, оставшейся безъ всякихъ средствъ къ жизни.
- 4) Назначено 300 р. въ годичное пособіе вдовѣ другого писателя, извѣстнаго своею педагогическою дѣятельностью, оставшейся съ двумя малолѣтними дѣтьми безъ средствъ къ существованію.
- 5) Сдѣлано сношеніе съ редакціею газеты объ уплатѣ гонорара одному изъ сотрудниковъ.
- 6) Отклонены ходатайства о пособіи одного лица за полученіемъ пенсіи изъ бывшаго мѣста службы и двухъ лицъ за неизмѣнимъ основанія къ выдачѣ.
- 7) Изъявлена благодарность общества Н. М. Благовѣщенскому за содѣйствіе Комитету и М. А. Варшавскому за пожертвованіе 25 р. въ пользу общества.
- 8) Прочитанъ отчетъ казначея за іюль. Къ 1-му іюля въ кассѣ *состояло* 65,949 р. 78 к. Въ іюлѣ *поступило*: годовой взносъ отъ П. В. Анненкова 15 р. и неостребованныхъ денегъ за билеты на предполагавшійся концертъ 257 р.; всего 272 р. *Израсходовано*: на пенсіи 5-ти лицамъ 370 р.; въ единовременное пособіе 6-ти лицамъ 425 р.; въ продолжительное пособіе 1-му лицу 50 р. и въ ссуду 2-мъ лицамъ 210 р.; всего 1055 р. Къ 1-му августа въ кассѣ *состояло* 65,166 р. 78 к.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ 1875.

Книга девятая.—Сентябрь.

	стр.	
Альбомъ.—Группы и портреты.—III.—В. КРЕСТОВСКАГО (Псевдонимъ) . . .	5	✓
Туркестанъ и туркестанцы.—I.—М. ТЕРЕНТЬЕВА . . .	65	✓
Пьеръ-Жозефъ Прудонъ въ письмахъ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.— № 3 Статья третья.—I-VI.—Д.—ЕВА . . .	113	L
Ново-кельтское и провансальское движеніе во Франціи.—IV-VI.—Окончаніе.— М. П. ДРАГОМАНОВА . . .	153	
Холера въ Тамбовѣ въ 1830-мъ году.—По разсказамъ очевидцевъ.—ИВ. ЯКУ- НИНА . . .	204	✓
Консерватизмъ у римлянъ.—О консерватизмѣ римской юриспруденціи. Опытъ по исторіи римскаго права. С. Муромцева—I-III.—В. И. ГЕРБЕ . . .	224	✓
Изъ записокъ рядового перваго призыва.—I-V.—В. П.	269	
Въ Непдалъ.—Изъ путевныхъ замѣтокъ.—И. П. МИНАЕВА	297	
Хроника.—Университетскій вопросъ въ Германіи.—I-IV.—М. С.	319	
Дневникъ французскаго одногодичнаго волонтера.—Journal d'un Volontaire d'un an au 10-e de ligne, par R. Vallery-Radot, 1875. La vie en casque, sacnet intime d'un officier, par E. Billaudel, 1875.—Л. П.	340	
Внутреннее Овозраженіе.—Вопросъ о желѣзно-дорожномъ строительствѣ.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Новыя правила о выдачѣ концессій.—Проектъ образованія таганрогской губерніи.—Вопросъ о мюсскомъ округѣ.—Раз- рѣшеніе вольной продажи пороха.—Вопросъ о введеніи Городового По- ложенія въ остзейскомъ краѣ.—Юбилей въ петербургской думѣ.	360	
Иностранное Овозраженіе.—Возстаніе въ Герцеговинѣ и восточный вопросъ.— Измѣненіе въ условіяхъ этого вопроса.—Положеніе дѣлъ въ 1862 году.— Султанъ Абдуль-Азисъ и администрація.—Турецкіе финансы.—Поло- женіе райевъ.—Сербія и Черногорія.—Отношенія между державами . . .	381	
Парижскія письма.—VI.—Романы гг. Гонкуръ: SOEUR PHILOMENE, CHARLES DE- MAILLY, RENEE MAURENIN, GERMINIE LACERTEUX, MARQUETTE SALOMON, MA- DAME GERVAISIAIS.—I-VI.—Е. Z.—I—	400	
Библиографическій Листокъ.		

Книга десятая.—Октябрь.

	стр.
✓ ЖЕРМИНИ ЛАСЕРТЁ.—Романъ Э. и М. де-Гонкуръ.—А. Э.	437
✓ ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ.—П.—М. А. ТЕРЕНТЬЕВА.	490
✓ ПЬЕРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ въ ПИСЬМАХЪ.—Correspondance de P.-J. Proudhon.— Статья третья.—VII-XII.—Д.—ЕВА.	530
ДРАКОНЪ.—Рассказъ XII-го вѣка, въ стихахъ.—ГР. А. К. ТОЛСТОГО.	561
✓ НАСЕЛЕНІЕ ПЕТЕРБУРГА, и его экономическій и социальный составъ, по переписи 1869 года.—I.—Ю. Э. ЯНСОНА.	606
✓ О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—А. Н. ПЫПИНА.	641
✓ ПОВЪЗКА НА ОВНОВЛЕННЫЯ КАВКАЗСКІЯ ВОДЫ.—Путевыя замѣтки.—ИВАНОВА.	678
✓ ОЧЕРКИ ВОКАВСКАГО ХАНСТВА.—Н. Э. ПЕТРОВСКАГО	722
✓ ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ.—Гдѣ же гнѣздилося наше зло?—В. Я. СТОЮ- НИНА.	758
ХРОНИКА.—Исторія церкви, какъ предметъ университетскаго преподаванія.—АМФ. С. ЛЕБЕДЕВА.	782
Внутреннее Овозрѣніе.—Взглядъ на русскую печать.—Судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ.—Обязательность начального обученія въ Петербургѣ.— Средства города.—Положеніе дѣтей на фабрикахъ и заводахъ.	800
Сто-первый отвѣтъ на вопросъ: Что такое полиція?—Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. Мих. Шпилевскаго.—И. К.—НЬ.	837
Корреспонденція изъ Берлина.—Профессора и университеты въ Австріи и Германіи.—К.	837
Парижскія письма.—VI.—Шатоврианъ и празднества въ Сенъ-Мало.— Е. Z-1—.	857
АНГЛИЙСКІЙ ПЕРЕВОДЪ ЛЕРМОНТОВСКАГО ДЕМОНА.—А. Н.	884
ИЗВѢСТІА.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	888
БИВНОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

592573

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ПРАВЪ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 9-я.

СЕНТЯВРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1875.

- I.—АЛЬБОМЪ.—Группы и портреты.—III.—В. Крестовскаго (Псевдоним).
- II.—ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ.—I.—М. Терентьева
- III.—ПЬЕРРЪ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ. — *Correspondance de P. J. Proudhon.*—Статья третья.—I-VI.—Д—ева
- IV.—НОВО-КЕЛЬТСКОЕ И ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ.—IV-VI.—Озвучаніе.—М. П. Драгоманова
- V.—ХОЛЕРА ВЪ ТАМБОВЪ ВЪ 1830-мъ ГОДУ. — По рассказамъ очевидцев.—Ив. Якунина
- VI.—КОНСЕРВАТИЗМЪ У РИМЛЯНЪ.—О консервативній римской юриспруденціи. Опыт по исторіи римскаго права. С. *Муромцова.*—I-III.—В. П. Герье
- VII.—ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РЯДОВОГО ПЕРВАГО ПРИЗЫВА.—I-V.—В. П.
- VIII.—ВЪ НЕПАЛѢ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—П. П. Мишаева
- IX.—ХРОНИКА.—УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.—I-IV.—М. П.
- X.—ДНЕВНИКЪ ФРАНЦУЗСКАГО ОДНОГОДИЧНАГО ВОЛОНТЕРА.—*Journal d'un Volontaire d'un an au 10-e de ligne, par R. Vallery-Rodot, 1870. Vie en casque, carnet intime d'un officier, par E. Billonnet, 1875.*—I-IV
- XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Вопросъ о желѣзно-дорожномъ строителствѣ.—Новая сѣть желѣзныхъ дорогъ.—Новыя правила о выдачѣ патентовъ.—Проблѣма образованія таганрогской губерніи.—Вопросъ о мусскомъ округѣ.—Введеніе вольной продажи пороха.—Вопросъ о введеніи Геродового Паспорта въ остзейскомъ краѣ.—Юбилей въ петербургской думѣ
- XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Возстаніе въ Герцеговинѣ и поставленный въ связи вопросъ.—Измѣненіе въ условіяхъ этого вопроса.—Положеніе дѣлъ въ 1875 году.—Султанъ Абдуль-Азизъ и администрація.—Турецкіе финансы.—Вопросъ о раялахъ.—Сербія и Черногорія.—Отношенія между державами
- XIII.—ПARIЖСКІЯ ПИСЬМА.—VI.—Романы гг. Гонкурь: SOEUX PHILOXÈNE, OMBRE, DEMAILLY, RENÉE MAUPERIN, GEMINE LASCAZECX, MANETTE SALOMON, MIGNON GERVAINAIS.—I-VI.—E. Z-1
- XIV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1875 г., см. ниже

Объявленіе о пяти первыхъ книгахъ «Русской Библиотеки»: избранныя сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго и А. С. Грибоедова—см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. XIV.

Сборникъ государственныхъ знаний, подъ редакціей В. П. Везобразова. Т. II. Спб. 1875. Стр. 716.

Появленіе второго тома этого изданія все еще не выислывает его характера. Въ предисловіи редакція высказываетъ свою заботливость о „полнотѣ“ изданія. Полнота, дѣйствительно, достигается, во-первыхъ, тѣмъ, что второй томъ объемилъ перваго; во-вторыхъ, тѣмъ, что въ составъ этого тома „вошли статьи по всѣмъ безъ изъятія отраслямъ государственной науки“. Но полнота—понятіе весьма условное. Вопросъ въ томъ, какую цѣль имѣетъ изданіе. Судя по заглавію, по предметамъ нѣкоторыхъ статей и по тому вслѣдъ ихъ — сборникъ имѣетъ цѣлью разработку политическихъ наукъ вообще, то-есть долженъ быть сборникомъ ученыхъ трудовъ, монографій по разнымъ политическимъ наукамъ. Въ такомъ случаѣ забота о томъ, чтобы въ каждомъ томѣ была непременно статья по каждой отрасли тѣхъ наукъ — излишня и можетъ только вредить дѣлу. Лучше дать нѣсколько дѣльныхъ, самостоятельныхъ статей по нѣкоторымъ отраслямъ, чѣмъ непременно помѣстить что-нибудь по каждой. Последнее, впрочемъ, и невозможно. Такъ и въ предлагаемой книгѣ, несмотря на заботливость о полнотѣ, нѣтъ статьи по политической экономіи, хотя есть статьи по камеральному праву и по статистикѣ. Если же сборникъ имѣетъ цѣлью слѣдить преимущественно за фактами современной жизни, то это уже не сборникъ, а журналъ. Но въ такомъ случаѣ характеру его не соответствуютъ такіа статьи, какъ изслѣдованія г. Сергѣевича „О значеніи земскихъ соборовъ въ Московскомъ государствѣ“ и г. Леонтовича „Объ исторіи русскихъ городовъ“. Между тѣмъ статья г. Сергѣевича одна изъ лучшихъ въ „Сборникѣ“. Если редакція, какъ надо думать по содержанию книги, имѣетъ въ виду типъ англійскаго „Magazine“, то ей надо сознаться предъ собой, что „Сборникъ“ есть журналъ, назначить опредѣленные сроки его выходу и не стѣснять себя стремленіемъ къ научной объективности изложенія. Журналъ долженъ вносить въ научную разработку вопросы, представляемые самымъ теченіемъ жизни, опредѣленное направленіе. Если же изданіе это—просто сборникъ ученыхъ трудовъ въ области политическихъ наукъ, то объективность ему пріоритетна, но о какой-либо искусственной „полнотѣ“ не можетъ быть рѣчи, потому что это была бы разработка науки по заказу, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ этомъ чисто-ученомъ значеніи, сборникъ могъ бы обойтись безъ всей второй своей части, то-есть безъ критическихъ замѣтокъ и въ особенности безъ краткаго (на 3-хъ страницахъ) перечня движенія законодательства за полгода, что уже есть чисто-журнальное, и въ такихъ разборахъ даже — еженедельное дѣло. „Сборникъ“ во всякомъ случаѣ выигрываетъ, которое бы изъ двухъ упомянутыхъ назначеній онъ ни выбралъ, лишь бы было выбрано опредѣленное назначеніе. Сдѣланной замѣткой мы никакъ не хотѣли сказать, что второй томъ не имѣетъ никакой цѣли. Напротивъ, въ немъ есть дѣльные статьи: статья о соборахъ, которая уже упомянута, статья г. Чавласкаго о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ, г. Фойницкаго—во исторіи законодательства о печати и др. Но всѣ бы онѣ выиграли, еслибы первый отдѣлъ не задавался строгой объективностью, совершенно лишней, когда тутъ же рядомъ, во второмъ отдѣлѣ, точка зрѣнія

„Сборника“ изъ объективной мѣняется на критическую.

Историческая христоматія. Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курсы новой исторіи. Составлена А. Осляниковымъ. Т. I. Спб. 1875 г. Стр. 764.

Полезна систематическая „книга для чтенія“ по исторіи вообще не подлежитъ сомнѣнію. Услѣхъ исполненія зависитъ отъ выбора статей, расположенія ихъ и объема. Противъ выбора, сдѣланнаго г. Осляниковымъ, мы не скажемъ по существу. Если вся „Христоматія“ могла бы остаться общедоступною, состоя изъ нѣсколькихъ томовъ, болѣе 700 страницъ каждый, послѣднихъ одной новой исторіи, то почему бы не дать объ одномъ Лаврѣи цѣлыхъ шести статей; всѣ онѣ имѣютъ свои достоинства. Но такъ какъ мы догадываемся изъ одной замѣтки, что въ второй томъ останавливается еще только на XVII столѣтіи, то спрашивается, какой же будетъ объемъ всей христоматіи по новой исторіи, и если предположить еще нѣсколько соответствующихъ томовъ по исторіи древней и среднихъ вѣковъ, то что же выйдетъ? Цѣлая бібліотека, большинству не только учащихся въ среднихъ заведеніяхъ и высшихъ училищахъ, но и большинству преподавателей недоступная. Вотъ потому-то и является необходимость дѣлать еще выборъ между „избранными“. Мѣриломъ для такого выбора должна служить „описательность“ изложенія въ картинныхъ главнѣйшихъ эпизодахъ. Прагматичность приходится оставить въ сторонѣ. Какъ ни превосходна, напр., весьма многія характеристики цѣлыхъ эпохъ у Мишле, но ими надо пожертвовать, такъ какъ онѣ вывели бы Христоматию изъ рамокъ доступности для учащихся и притомъ не въ смыслѣ одной матеріальной доступности; историческая книга для чтенія не обязана даже быть христоматіею въ литературномъ смыслѣ; она не обязана вмѣщать исключительно перво-классные по художественности и глубинѣ мысли отрывки; она будетъ полезнѣе, если удастся цѣлью болѣе скромною: знакомить не столько съ исторической литературой, сколько съ матеріаломъ самой исторіи. Ея назначеніе—иллюстрировать систематическій рассказъ преподавателя, вынуть главные моменты, главныя сцены изъ систематическаго чертежа и представить ихъ въ хорошихъ картинкахъ, съ красками, съ колоритомъ эпохи. Но въ картинкахъ этихъ важность, важнѣе самаго мастерства. Выборъ у Маколея, Гизе, Тьерри, Шауссера, даже у Лаврѣи, или хотя бы Нессвальта иногда будетъ болѣе соответствовать цѣли, чѣмъ выборъ у Бокля, Мишле, Ранке.

У океана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. В. И. Немировича-Данченко. Спб. 1875 Стр. 463. Ц. 2 р. 50 к.

Это собраніе шести рассказовъ о русскомъ крайѣ, доселѣ малоизвѣстномъ. Рассказы эти представляютъ удачное соединеніе наблюденій надъ бытомъ населенія, съ передачей въ разговорахъ, сценахъ истиннаго духа, тѣхъ поминаній и нотаций, съ которыми люди далекаго сѣвера несутъ свои лишенія и добиваются себя пропитаніе.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. Н. Мамонтова (А. П. Глазунова)
на Кузнецкомъ-Мосту.

Подписная цѣна на годовую экземпляръ журнала, 12-тъ книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные:

19 р. — вся Европа (кроме Франціи), Египетъ и Сѣв.-Ам.
Штаты; 21 р. — Франція; 24 р. — Азія; 25 р. — остальные
Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, въ книжномъ магазинѣ Н. Н. Мамонтова (бывш. А. П. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

КОММИССИОНЕРЫ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

С.-Петербургъ	Вазуновъ, Нев. пр., 30. Исаковъ, Гос. Дв., 24. Черкесовъ, Нев. пр., 50. Магаз. для Иногор., Нев. пр., 44.		Москва	{	Соловьевъ, Страств. Бѣль.
					Центр. Книжн. магаз., Спб. Балааръ.
			Одесса	:	Черкесовъ, Преображ. ул.
			Харьковъ:		Черкесовъ, Москов. ул. 5

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: явл. отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные оплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ въ иногородныхъ въ иностранные—педоставшее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государственн.

Жалобы выслаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20. ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр. 2 л. 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр. Академ. пер., 9.

592573

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ДВУМЯСЯЗЪ.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 10-я.

ОКТАБРЬ, 1875.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1875.

I.—ЖЕРМИНИ ЛАСЕРТЁ.—Романъ Э. и Ж. де-Гонкуръ.—А. Э.	427
II.—ТУРКЕСТАНЪ И ТУРКЕСТАНЦЫ.—П.—М. А. Терентьева.	498
III.—ПЬЕРРЬ-ЖОЗЕФЪ ПРУДОНЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ. — Correspondance de P.-J. Proudhon.—Статья третья.—VII-XII.—Д—ева	153
IV.—ДРАКОНЪ.—Разсказъ XII-го вѣка, въ стихахъ.—Гр. А. К. Толстого	55
V.—НАСЕЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА и его экономическій и социальный составъ, по переписи 1869 года.—I.—Ю. Э. Янсона	108
VI.—О СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—А. Н. Пышина.	141
VII.—ПОѢЗДКА НА ОБНОВЛЕННЫЯ КАВКАЗСКІЯ ВОДЫ.—Путевыя замѣтки.—Иванова	57
VIII.—ОЧЕРКИ КОКАНСКАГО ХАНСТВА.—Н. Ф. Петровскаго.	72
IX.—ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ. — Гдѣ же гнѣздилося наше зло? — В. Я. Стоюнина.	72
X.—ХРОНИКА.—ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.—Амф. С. Лебедева.	32
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Взглядъ на русскую печать.—Судебная реформа въ Остзейскомъ краѣ.—Обязательность начального обученія въ Петербургѣ.—Средства города.—Положеніе дѣтей на фабрикахъ и заводахъ.	50
XII.—СТО-ПЕРВЫЙ ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ: Чтѣ такое полиція? — Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. Мих. Шиндлерскаго.—Н. К—иъ	32
XIII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Профессора и университеты въ Австріи и Германіи.—К.	32
XIV.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—VII.—Шатоврианъ и празднества въ Сенъ-Мало.—Ем. Z—I—.	85
XV.—АНГЛІЙСКІЙ ПЕРЕВОДЪ ЛЕРМОНТОВСКАГО ДЕМОНА.—А. Н.	88
XVI.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ.	50
XVII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XIV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 г., см. ниже.

Объявленіе о пяти первыхъ книгахъ «Русской Библиотеки»: избранныя сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго и А. С. Грибоѣдова—см. въ отдѣлѣ объявленій, стр. XIV

№ 5-й КАТАЛОГА

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на себя комиссію по постороннимъ изданіямъ, подписку на все періодическія изданія и высылку книгъ иногороднымъ *).

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Априорная философія или положительная наука? По поводу диссертациі г. В. Соловьева. К. Кавелина. Спб. 1875. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Вопросъ о жизни и духѣ. Дж. Г. Льюиса. Перев. съ англ. Т. I. Спб. 1875. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Задачи психологич. О методахъ и программахъ психологическихъ изслѣдованій. К. Кавелина. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Наслѣдственность таланта, ея законы и послѣдствія. Френсисъ Гальтонъ. Перев. съ англ. Спб. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Опытъ исторіи мысли. Т. I, выпускъ I. Спб. 1875. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ. Маудсли. Пер. съ англ. Спб. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Первобытная культура изслѣдованія развитія мнелогіи, философіи, религій, искусства и бытаеязь. Эдуарда Б. Тейлора. 2 т. Ц. 6 р., вѣс. 4 ф.

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Подчиненность женщины. Соч. Джона Стюарта Милля, съ предисловіемъ М. Цебриковой. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Размышленія о представительномъ правленіи. Джона Стюарта Милля. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.

Разсужденія изслѣдованія Дж. Стюарта Милля. 2 ч. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

* Смирнитязь. Миръ духовъ или жизнь послѣ смерти. Соч. Одуаръ. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Алексѣй Слободкинъ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Англійскіе поэты, въ біографіяхъ и образцахъ. Сост. Н. В. Гербель. Спб. 1875. Стр. 448 въ два столбца. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Барчуми. Картины прошлаго. Евгения Маркова. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к.

* Басни М. А. Крылова съ біографіею, написанною П. А. Плетневымъ, подъ редакціею В. Кеневича. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Девяносто третій годъ. Виктора Гюго. Ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Ф. Буслаева. 2 т. Ц. 7 р., вѣс. 12 ф.

Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Какъ я отыскалъ Ливингстона. Генриха М. Стэнли. Съ рисунками и картами. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Кобзарь. Т. Г. Шевченко въ переводѣ Н. А. Чмырева. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.

Крестьяне - присяжные. Бытовне очерки. Н. Златовратскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Натанъ Мудрый, драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крылова. Спб. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Национальный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ. А. Градовскаго. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

*) Книжки, поступившія въ складъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, обозначены землечкомъ; на книгахъ, вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Наша дѣтская литература. Опытъ библиографіи. Ф. Толля. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

* Новиковъ, Николай Ивановичъ, издатель журналовъ 1769—1786 гг. Исслѣдованіе А. Невзеленова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Н. А. Библикова. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Полное собраніе сочиненій Гофмана, переведенныхъ и изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I, II, III, IV. Ц. каждого тома отдѣльно 75 к., вѣс. 2 ф.

М. Г. Помыловскаго, съ портретомъ и біографіей автора. 2 ч. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Шмилера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ переп. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Послѣ труда. Литературный сборникъ, съ рисунками. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 2 ф.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціей Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ переп. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Пѣсни Беранже, 1810—1816, за исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др. Переволъ Н. Лебедева. Кіевъ. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

* Разоренное гнѣздо. (Слѣтая пѣсня). Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Пѣсни и Сатиры Д. Д. Минаева. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Рукопись мадамъзель Камиль. Романъ княгини А. Кочубей. Спб. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

* Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ. Критико-біографическіе этюды Семена Венгерова. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ч. 1 и 2. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Свѣтсні люди. Чернолѣсова. 2 т. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Соборъ парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). В. Гюго, съ портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Собраніе сочиненій М. П. Потаповскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе П.-о-е. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поетовъ, изданныя подъ редакціей Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетъ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

Сочиненія М. Ю. Лермонтова. 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Старосѣтская дѣвушка. Американская повѣсть Луизы Олькотъ. Переводъ Е. Бекетовой. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Столбы. Старая погудка на новый ладъ. Виктора Крылова. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

* Сцены изъ цыганской жизни Г. Мюлре. Переводъ съ французскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Уюндана. Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. В. Н. Немировича-Данченко. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Францъ фонъ-Зинингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крымъ. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Хрестоматія для всѣхъ. Русскіе поети въ біографіяхъ и образцахъ, сост. Ник. Вас. Гербель. Ц. въ бум. 3 р., въ переп. 3 р. 70 к., вѣс. 4 ф.

Шекспиръ въ переводѣ русскихъ писателей. Изданіе Н. А. Некрасова и Н. В. Гербеля. Т. I, II, III, IV. Ц. 14 р., вѣс. 8 ф.

ИСТОРИЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Ц. 1 р. 20 к., съ переп. 1 р. 50 к.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, 1799—1826 гг. П. Анненкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 3 ф.

Годъ Вѣстника Европы. Историко-политическое обозрѣніе за 1873—74 гг. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.—За 1872—73 г., т. I, и 2 р. вѣс. 3 ф.

Демократія въ Америкѣ. А. Токвилля. Ц. 3 р., вѣс. 6 ф.

Жизнь Магомета, съ изложеніемъ его ученія, заключающагося въ Коранѣ. Вашингтонъ-Ирвингъ. Пер. съ англ. подъ ред. Антоновича. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Записки юго-западнаго отдѣла И. Рус. Географическаго Общества. Т. I. Ц. 1 р. 80 к., вѣс. 3 ф.

Исторія Франціи отъ изверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія среднихъ вѣковъ, въ ея писателяхъ и изслѣдователяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стаслевича. Три тома. Т. I—783 стр.; Т. II—966 стр.; Т. III, часть первая—824 стр. Всѣ три тома—7 р. съ переплетомъ.

Исторія умственаго развитія Европы. Джона Вильяма Дрэнера. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Исторические очерки. С. С. Шашкова. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Исторические этюды. С. С. Шашкова. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русская Исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на получение т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Русскія женщины новаго времени. Биографическіе очерки изъ русской исторіи. Сост. Д. Мордовцевъ. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

Очеркъ исторіи русской женщины, съ прибалденіемъ статьи: русская проституція. С. С. Шашкова. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

* **Очеркъ исторіи русскаго народа до XVII-го столѣтія.** Общинный бытъ древней Руси. Д. Д. Сонцова. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Историческій атласъ Россіи. Н. И. Павлицева. Ч. 1 и 2. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Томъ I. Ч. II. Коканъ. Ц. 3 р. 50 к.; вел. 5 р.; вѣс. 5 ф.

Путешествіе по Средней и Восточной Аравіи. Джиффордъ Пальгрэвъ, Переводъ съ англ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Русскій рабочий у стѣры-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Сиб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Соловки. Воспоминанія и разсказы изъ повѣдокъ съ богомольцами. В. И. Немировичъ-Данченко. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Учебная карта Европейской Россіи. Сост. М. Мостовскій. Ц. 65 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ географіи Россіи. Курсъ гимназическій, съ картою Европейской Россіи. Сост. Михаилъ Мостовскій. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

* **Учебный атласъ всеобщей географіи.** Сост. А. Линбергъ. Второе изданіе, исправленное и дополненное 38-ю таблицами. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 5 ф. Отдѣльно выпускъ I-й съ 23-мя таблицами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф. Выпускъ II-й съ 15-ю таблицами. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Ассоціаціи. Настоящее положеніе рабочаго сословія и чѣмъ оно должно быть? Э. Пфейффера. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Малоземлерное хозяйство. Его экономическія особенности и его отношенія къ интересамъ страны. А. Чуирова. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе. Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. Теорія и практика банкаго дѣла. И. И. Кауфмана. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій въ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 8 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Бани и сказки дикихъ народовъ. I. Животный знось и легенды Готтентотовъ. II. Дѣтскія сказки и преданія Зулузовъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Дѣтскіе разсказы. М. Цебриковой. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Задачникъ къ арифметикѣ дѣлѣкъ чисель. Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф.

* **Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чисель.** Составилъ Н. В. Бугаевъ. М. 1875 г. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Изъ русской природы и природы. Разсказы для дѣтей. Е. Водовозовой. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Исторія маленькой дѣвочки. Сочиненіе Е. А. С.—вой. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

— **русской литературы въ очеркахъ и биографіяхъ,** сочиненіе Н. Полевого. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Картины изъ Русской Исторіи. 3 выи. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Краткое русское вѣдѣніе къ методическому изученію естественной исторіи съ многими задачами и вопросами. Августа Любена. Курскъ первый. Ц. 25 к., вѣс. 1 ф.

Кумъ хлѣба и его похождения, разсказанна С. Максимовичемъ. Съ 145 отдѣльными картинками и рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. вѣс. 2 ф.

Курсъ педагогичеки. Составленъ по программѣ, утвержденной для женскихъ институтовъ вѣдомства учреждений имп. Маріи. М. Чистяковичемъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Листы подвижныхъ нотныхъ знаменъ. Составилъ Н. А. Соловьевъ (Несмѣловъ). Ц. 10 к., вѣс. 1 ф.

Малютка. Первая книга поощрѣнія для народной школы и семьи. Сост. барономъ Н. А. Корфомъ. Ц. 35 к., вѣс. 1 ф.

Наглядное обученіе для дѣтей, только что поступившихъ въ народную школу. Составилъ Я. Симоновичъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

- Народныя русскія сказки въ изложеніи П. Полевого, съ рисунками И. Панова. Ц. 4 р., вѣс. 2 ф.
- сказанія. Сборникъ для юношества. Составилъ П. Полевой. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.
- Народы - старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.
- Начальное обученіе русской грамотѣ. Опытъ руководства къ одновременному обученію взрослыхъ письму, чтенію и счисленію. 128 рисунковъ и 3 портрета. Сост. Троицкій-Сенютювичъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.
- Начальное образованіе. Книга для народныхъ школъ и домашняго обученія. Сост. В. Андреевъ. Ц. 1 р. вѣс. 1 ф.
- Нашъ другъ. Книга для чтенія учащихся въ школѣ и дома и руководство къ началному обученію родному языку. Сост. барономъ Н. А. Корфомъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Новая русская литература отъ Петра до настоящаго времени. Учебникъ для мужскихъ и женскихъ институтовъ, гимназій и учительскихъ семинарій. Сост. П. В. Евстафьевъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Общедоступная русская грамматика для младшаго возраста. Составилъ П. Полевой. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ. Составилъ Гинно. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Очерки практической педагогики. Д-ра Ф. Диттеса. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.
- Первые рассказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, приютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Книжка 1 и 2. Ц. за книгу по 1 р., вѣс. 2 ф.
- Первая книжка для дѣтскаго пѣнія. Руководство для семьи, дѣтскихъ садовъ и элементарныхъ народныхъ школъ, со статьей о значеніи пѣнія въ народномъ образованіи. Сост. Н. А. Соловьевъ (Несмѣловъ) Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.
- Первые уроки ботаники. Руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ, съ 68 рисунками въ текстѣ. Соч. Германа Вагнера. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.
- Понемногу обо всемъ изъ трехъ царствъ природы. Рассказы для дѣтей. Составилъ К. К. Веберъ. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.
- * Приготовительный курсъ ботаники. Составленъ по Любену Н. Раевскимъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.
- Простыя бесѣды о научныхъ предметахъ. Джона Гершеля. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Путешествіе калп воды. I. Пиццетта. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.
- Рассказы изъ исторіи. Для школы и для дома. Г. В. Штола. Въ 2-хъ книгахъ:
- I. Передняя Азія и Греція. II. Римская имперія. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.
- Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоа. Съ 10-ю карт. в 35-ю политинажани. Изд. В. Лессяча. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.
- Руководство къ арифметикѣ. Ч. I, арифметика дѣльныхъ чиселъ. Ч. II, арифметика дробныхъ чиселъ. Сост. Н. В. Бугаевъ. Ц. 95 к., вѣс. 2 ф.
- Русская начальная школа. Руководство для земскихъ гласныхъ и учителей сельскихъ школъ. Сост. барономъ Н. А. Корфомъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.
- Русская христоматія, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Андрей Филоновъ. Изд. второе, исправленное и дополненное. Ч. I—1 р. 30 к.; II—1 р. 25 к., III—1 р. 25 к., IV—1 р. 60 коп., вѣс. 4 ф., каждой части, отдѣльно.
- Русская христоматія для третьяго и четвертаго классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Левъ Поливановъ. Ц. 1 р. 20 к., вѣс. 2 ф.
- Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.
- Сборникъ правилъ и программъ для поступления во всѣ учебныя заведенія на 1874—1875 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Смѣтаніе русскаго языка. Сост. Иваномъ Гаруевинымъ. Ц. 45 к., вѣс. 1 ф.
- Сказки Массе и Стала. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.
- Слово о полку Игоревѣ. Пособіе для учащихся. Сост. В. М. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.
- Слуги желудка. Письма о физиологической жизни человѣка. Массе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.
- Собраніе педагогическихъ сочиненій. Сиб. 1875. К. Д. Ушинскаго. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.
- Университетское образованіе женщнны. В. Бѣмертъ. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.
- Уроки русскаго смѣтанія съ графическимъ анализомъ рѣчи. А. Сассъ-Тисовскій. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.
- Учебная русская христоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Часть I. Младшій возрастъ. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф. Часть II. Средній возрастъ. Ц. 70 к., вѣс. 2 ф. Часть III. Старшій возрастъ. Ц. 80 к., вѣс. 2 ф.
- Физика. Профессора Бальфура Стюарта. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.
- Эмилъ XIX-го вѣка. Альфонса Эскиреса, съ приложеніемъ статьи „Теорія воспитанія“ Спенсера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Азбука и скоропись XVII вѣка для нагляднаго изученія. М. 1875 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Grammaire théorique et pratique de la langue française, par D. Margot. 2 ч. Ц. 1 р. 35 к., вѣс. 2 ф.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Θ. Страшкевичемъ. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Cours élémentaire et progressif de la langue française, par D. Margot. Ц. 80 к., вѣс. 2 ф.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. Часть францужско-русская и русско-французская. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Многи классической древности. Г. В. Штоля. 2 т. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 4 ф.

Опытъ русско-ураинскаго словаря. Сост. Михаилъ Левченко. Ц. 1 р. 30 к., вѣс. 2 ф.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМИЯ.

Алгебра. Иосифа Бертрана. 5 выпускъ. Ц. 1 р. 85 к., вѣс. 3 ф.

Аналитическая геометрія. Составилъ I. Сомовъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Былое и современное химіи. Общедоступная лекція Германа Коппъ. Ц. 30 коп., вѣс. 1 ф.

Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ I: о линіяхъ. Ц. 85 к., съ перес. 1 р.

* Геометрія теоретическая и практическая. Соннэ. Выпускъ II. О плоскихъ фигурахъ до площадей. М. 1875 г. Ц. 70 к., съ перес. 85 к.

Иллюстрированная популярная физическая географія, въ 3-хъ частяхъ. Н. И. Зуева. Ц. 5 р., вѣс. 6 ф.; отдѣльная часть 3 р., вѣс. 2 ф.

Исторія неба. К. Фламаріона. Съ рисунками. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ наблюдательной физики, въ 2-хъ ч. Θ. Петрушевскаго. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 5 ф.

_____ начальная алгебра. Составилъ К. Кневрачъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Начала космографіи, съ полетными картами. Составилъ К. Краевичъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальная алгебра съ дополнительными статьями, содержащими курсъ дополнительнаго класса реальныхъ училищъ. Составилъ I. Сомовъ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Начертательная геометрія. Состав. I. Сомовъ. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Опредѣленіе планетныхъ орбитъ изъ трехъ

наблюденій. П. А. Ганзена. Ц. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Основанія физики. Сост. К. Краевичъ. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

* Очеркъ теоріи соединеній (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Грининъ. Слб. 1875 г. Ц. 30 к.

Первые уроки изъ физики. Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій, съ атласомъ. Θ. Θ. Эвальда. Ц. 1 р. 60 к., вѣс. 2 ф.

_____ минералогіи. Пособіе для родителей и наставниковъ. Сост. А. Гердъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Полный курсъ элементарной математики. Состав. Н. В. Христіани. 2 ч. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе геометрическихъ задачъ, по Вѣжелю, Шниццу и др. Состав. Д. Дмитриевъ. Ц. 70 к., вѣс. 2 ф.

Приготовительный курсъ геометріи. Сост. З. Вуликъ. Ц. 50 к., вѣс. 2 ф.

Приложеніе алгебры къ геометріи и начала аналитической геометріи на плоскости. Состав. А. Фроловъ. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Рациональная механика. Часть первая. Кинематика. Сост. I. Сомовъ. Ц. 2 руб. 50 к.; вѣс. 2 ф.

_____ часть II, выпускъ I, съ билетомъ на полученіе II выпуска. Введеніе въ статику и динамику, и статива. Сост. I. Сомовъ. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Руководство въ химическому изслѣдованію важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Э. Вольфа. Ц. 50 к., вѣс. 1 ф.

Сборникъ математическихъ задачъ. Составилъ А. Домовскій. Ц. 1 р. 50 коп., вѣс. 1 ф.

Собраніе ариметическихъ задачъ (по Грубе) въ 2-хъ частяхъ. Состав. В. Волосъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Физическая географія. Мерн Сомервилля. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, науцѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Альпійскіе Ледники. Сочин. Джона Тиндала. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ, Ф. В. Скандони, 2 тома. Ц. 5 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

_____ д-ра К. Шредера, выпускъ I. Ц. 70 к., вѣс. 1 ф.

Болѣзни нечовѣчьхъ органовъ. Клиническія лекціи проф. Генри Томсона. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндала. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Воздухъ и его жизнь. Популярныя очерки атмосферныхъ явленій съ 8-ю хромо-литографированными картинами и политипажамн. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Вопросы общественной гигиены. В. Португалова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Питанія. Г. Детебн. Ц. 1 руб., вѣс. 1 фунтъ.

Главнѣйшіе представители животн. изъ окрестностей Москвы. Съ указаніемъ на образъ ихъ жизни и способъ ловли. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

* **Детнацдцать яблонъ моего сада.** В. В. Каценко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблонъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ перелетѣ 6 р. съ перепл. окладомъ.

Древность человека. Чарльзъ Лайблль. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Единство мірозданія. Сочин. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Естественныя и политипажныя. Мысли о при-мѣненіи началъ естественнаго подбора и наследственности въ политическому обществу. Вальтеръ Беджготъ. Перев. съ англійскаго, подъ редакціею Д. А. Корочевскаго. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Исторія земли. Геологія на новыхъ основаніяхъ. Сочин. Фридриха Мора. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Какъ растутъ сельско-хозяйственныя растенія. Руководство для сельско-хозяйственныхъ школъ и для самообученія. Самуила Джонсона. М. 1875 г. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Картины растительности земнаго шара. Людвигъ Рудольфа. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Клиническія лекціи Трусса. 2 т. Ц. 12 р., вѣс. 10 ф.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней. С. П. Боткина. Вып. III. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.

Скотоводства. Руководство къ разведенію рогатаго скота, овецъ, лошадей и свиней. Соч. К. С. Трипольскаго. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Лѣсовозращеніе. Ученіе о производствѣ продуктовъ лѣсного хозяйства. Соч. Н. С. Шафранова. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажамн, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Московская флора или описаніе высшихъ растений и ботанико-географическій обзоръ московской губерніи. Соч. Н. Кауфмана. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

На берегу моря. Зоологическія этюды. Георга Генри Льюиса. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Настольная книга для русскихъ сельскихъ хозяевъ, составленная А. П. Людоговскимъ и др. Ц. 4 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Насткомья и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ. О. Гримма. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Общая биологія. Извѣдора Жоффруа Сентъ-Илера. 2 част. Ц. 2 р. 75 к., вѣс. 3 ф.

Общая естественная исторія насткомныхъ. Соч. Кэрби и Спенсъ. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Общее земледѣніе. Карла Риттера. Ц. 1 р. вѣс. 2 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. Соч. Эд. Лукаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Опытное руководство къ молочному хозяйству, съ 9-ю политипажамн въ текстѣ. П. М. Преображенскаго. М. 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф.

О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе. Соч. Чарльза Дарвина. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Основанія практической медицины. Д-ра К. Ф. Кунице. Ц. 1 р. 60 к. въ переплетѣ и 1 р. 30 к. безъ переплета, вѣс. 2 ф. Спб. 1875 г.

Основы геологіи. Сост. Траутшольдъ Ч. П. Палеонтологія. Около 300 политипажей. Ц. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р.

Основы рациональнаго земледѣлія. Популярное практическое руководство для русскихъ земледѣльцевъ. А. Ф. Сергѣевъ. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Основы зоологіи. Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. д-ра Карла Клауса. 3 ч. Ц. 6 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

* **Основы зоологіи.** Руководство для слушателей высшихъ учебныхъ заведеній. Соч. доктора Клауса. Выпускъ II, птицы и млекопитающія, съ 292 политипажамн. М. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Основныя начала геологіи или новѣйшія измѣненія земли и ея обитателей. Чарльза Лайблля. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Очеркъ основъ санитарной дѣятельности. А. Доброславина. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Очерки животной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Переселенческія животныя. Соч. Карла Корнелиуса. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Писчебумажное производство. Окраска бу-

маг. Технолога Н. П. Мельникова. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы. Соч. Карла Реклама, съ приложениемъ дѣтской гигиены, соч. д-ра М. С. Зеленскаго. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Популярныя бѣсты о природѣ и животн. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

Практическое земледѣліе. А. Розенбергъ-Дипинскій. Переводъ съ вѣмецкаго П. Костычева, съ измѣненіями и дополненіями въ примѣненіи къ Россіи. Ц. 3 р., вѣс. 8 ф.

— **рыболовство**, по Гааку, сост. О. А. Гримъ. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. І. К. Прокшъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Природа и животн. на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Гартвига. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

Производство бумаги изъ смолы, сѣна, мочала и другихъ растительныхъ матеріаловъ и значеніе ихъ для писчебумажнаго дѣла Россіи. Соч. Н. Мельникова и Шендзиковскаго, съ чертежами. Ц. 1 р., вѣс. 1 фунтъ.

Различные способы удаленія нечистотъ изъ населенныхъ мѣстъ по отношенію къ оздоровленію городовъ, съ 23 рисунками. Ф. Эрисмана. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Растеніе и его жизнь. Популярныя чтенія М. І. Шлейдена. Ц. 3 р. вѣс. 3 ф.

Ружейная охота на птицъ въ Россіи. Съ картинками. Соч. С. Романова. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ геологій. Чарльза Ляйэлла. Т. І. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Руководство къ изученію садоводства и огородничества. Сост. Э. Э. Рего. Ц. 2 р. 50 к. вѣс., 3 ф.

— **къ зоологій.** Животныя лучшія и безформенныя Х. Г. Бронна. 2 т. 3 в. Ц. 6 р., вѣс. 4 ф.

* **Руководство къ изученію болѣзней кожи.** Фердинанда Гебры. Т. І, выпускъ І. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

* **Руководство къ систематическому изученію ботаники, для школъ и самообученія** Августа Любена, составилъ А. Бекетовъ. 2 части Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. А. П. Сабанѣва, съ 6 картинками и 433 политипажими въ текстѣ. М. 1875. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Рѣчи и статьи Джона Тиндала. Ц. 85 к., вѣс. 1 ф.

Собираніе растеній и составленіе гербарія. Н. И. Раевского. Ц. 40 к., вѣс. 1 ф.

Сохраненіе энергій. Бальфуръ Стъжарта.

Съ 14 политипажими, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла. Популярная физиологія съ 255 рисунками въ текстѣ. К. Реклама. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 фунта.

Тропическій міръ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Труды третьяго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Кіевѣ 1871 г. Ц. 5 р., вѣс. 6 ф.

Улѣ и Вагнеръ. Руководство къ общей патологій. Переводъ съ шестого дополненнаго изданія 1874 г. студентовъ университета св. Владимира. Подъ редакціей доцента общей патологій, д-ра Н. С. Афанасьева. Ц. 4 р., вѣс. 3 ф.

Учебникъ практической медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологію. Д-ра К. Ф. Кунце. Т. 1 и 2. Спб. 1875 г. Ц. 8 р., вѣс. 6 ф.

Ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ. Общепонятно изложено Фридрихомъ Ролле. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Ученіе о глазныхъ болѣзняхъ. Шокальскій. М. 1875 г. т. І. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Физиологія ободенной кишки. Соч. Г. Г. Льюиса. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф.

Физиологическія картины. Сочин. Людовика Бюхнера. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Чудеса подземнаго міра. Соч. Гартвига. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Этюды. Популярныя чтенія М. І. Шлейдена. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

* **Духъ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія.** Рудольфа Геринга. Часть І. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій. Изданіе второе. Вятка. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Значеніе римскаго права для новаго міра. Рудольфа Геринга. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Исслѣдованіе объ ответственности малолѣтнихъ преступниковъ по русскому праву, и проектъ законоположеній объ этомъ вопросѣ. Н. С. Таганцевъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 фунтъ.

Изученіе социологій. Г. Спенсера. Перев.

съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Историческій очеркъ конкурснаго процесса, Кронидя Малншева. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Крестъянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

* Курсъ гражданскаго судопроизводства. Сочиненіе Кронидя Малншева. Т. II. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

* Курсъ римскаго гражданскаго права. Профессора Г. Ф. Пухты. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Мошенничество по русскому праву. Сравнительное изслѣдованіе Ив. Фойницкаго. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Новый уставъ о гербовомъ сборѣ, съ дополненіемъ всѣхъ обнародованныхъ законеній, вошедшихъ въ силу 1-го іюля 1875 г. Ц. 60 к., вѣс. 1 ф. Спб. 1875 г.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Уголовной психологіи для врачей и юристовъ. Д-ра Крафта-Эбинга. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Общинное землевланіе. А. Посникова. Выпускъ I. Ярославль. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскіхъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учреждений. Князя А. Васильчикова. 2 части. Ц. 2 р., вѣс. 4 ф.

Очерки нашихъ порядковъ административныхъ и общественныхъ. Е. П. Карновича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Первобытная собственность. Эмилъ-де-Лавелз. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Свобода рѣчи, терпимость и наши законы о печати. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассад. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Судебные уставы 20-го ноября 1864 г. Часть I. Учрежденія судебныхъ установленій со включеніемъ кассад. рѣшеній и послѣдующихъ узаконеній до 1 іюня 1874 г. А. П. Чебышевъ-Дмитріевъ. Ц. 3 р., вѣс. 2 ф.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ иррегулярными судьями. Н. С. Таганцева. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Города Россіи въ XVIII столѣтіи. И. Дяткина. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Учебникъ наидѣтнѣаго права. Соч. пр. Вилншейда. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Общая часть. Т. I. А. Ф. Кнстляковскаго. Киевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Для сцены. Сборникъ мѣся. Т. I: 1) Это мой маленький капризъ. 2) Роговое признание. 3) Дядя Бекхеръ поджугилъ. 4) По кривой дорогѣ впередъ не видать. 5) До поры до времени. 6) Не хитѣе бѣда—похитѣе. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Т. II: 1) Сорви голову. 2) Завоеванное счастье. 3) Старое старится—молодое растетъ. 4) Двѣ скорби. 5) Книга кляномъ вышибай. 6) Въ погоню за прекрасной Еленой. Изданіе Виктора Александрова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физиологическая основа для теоріи музыки. Гельмгольца. Ц. 5 р., вѣс. 4 ф.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Каталогъ антикварной бібліотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной послѣ бывшаго министра Д. П. Троицкаго. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Пожарная книга. Постановленія законовъ о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Сост. А. Н.—въ. Въ текстѣ политипажные рисунки. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для врачей, фармацевтовъ, ветеринаровъ и прочихъ медицинскіхъ чиновъ. Въ 3-хъ частяхъ. Сост. И. Войно. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

* снаряженіе войскъ. Пѣхота, в. I. Сост. А. Невѣровскій. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
МАМОНТОВА,
бывшемъ Александра Ильича Глазунова.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

Въ концѣ августа и началѣ сентября поступили въ
продажу слѣдующія книги:

- СЕРГІЙ**, Архимандритъ. Полный мѣсяцесловъ Востока. Восточная археологія. М. 1875 г. Ц. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р.
- ПОПОВЪ**, Андрей. Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ поместическихъ сочиненій противъ латинянъ (11—15 в.). М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.
- ЧИСТЯКОВЪ**, С. Исторія Петра Великаго. Для юношества, съ рисунками. Спб. 1875 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.
- КЛАУСЪ**. Основы зоологіи. Вып. 2-й (Птицы и млекопитающія), съ 292 таблицами. М. 1875 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.
- СОНЦОВЪ**. Очеркъ Исторіи Русскаго народа до XVII столѣтія. М. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- ГУТМАНЪ**. Руководство къ клиническимъ методамъ изслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ, съ приложеніемъ ларингоскопіи. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
- ИЛЬИНСКІИ**, П. Тисяча случаевъ—хроническихъ болѣзней—излеченныхъ послѣ безуспѣшнаго леченія аптекарскими средствами. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
- МАЛЫШЕВЪ**. Курсъ Гражданскаго Судопроизводства, т. II. Спб. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 50 к.
- СТАНКОВИЧЪ**. Исторія Россіи. М. 1875 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- ШЕНДЗИКОВСКІЙ**. Полный сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, касающихся фабричной и заводской промышленности. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.
- ОДУАРЪ**. Оспиритизмъ (Миръ духовъ или жизнь послѣ смерти). Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.
- ШЕРРЪ**, Іоганнъ. Дочь воздуха. М. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- ФАРМАКОСКІЙ**. Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Вятка. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- ЛИВАНОВЪ**. Путеводитель по Крыму, съ историческимъ описаніемъ достопримечательностей Крыма. М. 1875 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.
- ЕНИРИМЪ и ВОРОВИКОВСКІЙ**. Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената. Спб. 1875 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 30 к.
- ВЯЗЕМСКІЙ**. Замѣчанія на слово о Польку Игоревѣ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.
- ВЕНГИРОВЪ**. Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ. Ч. 2-я. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- СТОЮНИНЪ**. Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы. 4-е изд. М. 1875 г. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.
- БУТАЕВЪ**, Н. В. Нѣкоторые вопросы числовой алгебры. М. 1875 г. Ц. 20 к., съ перес. 30 к.
- Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ. М. 1875 г. Ц. 35 к., съ перес. 50 к.
- КРОТКОВЪ**. Волче стадо. Записки провинціального адвоката. М. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- ГАВРИЛОВЪ**. Стихотворенія задачи для четырехъ нижнихъ классовъ. Спб. 1875 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Гг. многогородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, какъ вновь выходящими, такъ и прежде изданными, въ означенный магазинъ. Требованія исполняются немедленно.

Н. И. МАМОНТОВЪ.

Перваго октября **вышла** и раздается гг. подписчикамъ **октябрьская** (10) **книжка** ежемѣсячнаго, историческаго, иллюстрированнаго **сборника**

„ДРЕВНЯЯ И ПОВАЯ РОССІЯ“

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ СЛѢДУЮЩЕЕ:

ТЕКСТЪ: I. Царь Алексій Михайловичъ и его время. 1629—1675. Правоописательный очеркъ. Гл. III и IV. М. Д. Хмырова.—II. Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ. Гл. IV и V. Л. Н. Майнова.—III. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи въ XVI вѣкѣ. Гл. V—VIII. Проф. Е. Е. Замысловскаго.—IV. Вмѣшательство русской политики въ избраніе Морница Савсонскаго герцога въ Бурляндскимъ. 1711—1748 гг. Гл. V—VIII. Е. П. Карновича.—V. Черты изъ жизни графа Аракчеева. Гл. V. Образъ жизни Аракчеева въ Грузинѣ. М. И. Отто.—VI. Критика и библиографія. „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго“. М. П. Погодинъ. Москва. 1875 г. Е. А. Бѣлова.

РИСУНКИ: 1. М. И. Милославская. — 2. Царь Алексій Михайловичъ. (Автографія). 3. Патриархъ Никонъ. 4. Гербъ Герберштейна.

Первыя девять книжекъ вышли одновременно. Содержаніе ихъ слѣдующее:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

(январь, февраль, мартъ и апрѣль).

ТЕКСТЪ: I. Василій Никитичъ Татищевъ. администраторъ и историкъ первой половины XVII столѣтія. Гл. I—VIII. Проф. М. Н. Бестужевъ-Рюмина.—II. Сенатъ въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II-й. Проф. С. М. Соловьева.—III. Царевичъ Алексій Петровичъ. Проф. М. М. Ностомарова.—IV. Эпизодъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ. (Три повѣсти Павлова). Академ. М. И. Сухомятова.—V. Очерки Восточной Сибири. I. Общая характеристика Восточной Сибири. II. Иркутскъ, его настоящее и прошлое. III. На Кругобайкальской дорогѣ. П. А. Ревякина.—VI. А. И. Артемьевъ. (Некрологъ). П. Н. Петрова.—VII. Черты изъ жизни графа Аракчеева. I. Родственники графа Аракчеева. II. Настасья Менькина и Михаилъ Шумскій. III. Сельское хозяйство и порядки, введенные Аракчеевымъ въ Грузинской волости. М. И. Отто.—VIII. Воспитаніе Екатерины II. Акад. Я. Н. Грота.—IX. Эллино-скинскій мѣръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Проф. Д. И. Миловаина.—X. Юсафъ Батуринъ. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Елизаветы Петровны. А. П. Барсукова.—XI. Калостро въ Петербургѣ въ 1779 г. Е. П. Карновича.—XII. Графъ Петръ Андреевичъ Толстой (1645—1729). Биографическій очеркъ. Проф. М. А. Пешова.—XIII. Безвѣстный герой смутнаго времени. И. Е. Забѣлина.—XIV. Князь иннокъ Василіанъ Патриковъ. Историко-литературный очеркъ. И. Я. Хрущова.—XV. Русская театральная публика во времена Сумарокова. Д. Н. Дмитріева.—XVI. Станиславъ Лещинскій. Историко-биографическій очеркъ. Ф. М. Уманца.—XVII. Малороссія, народные думы и кобзарь Остапъ Вересай. Проф. Ф. Ф. Миллера.—XVIII. А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. А. С. Суворина.—XIX. Два лапидарныхъ памятника. А. И. Савельева.—XX. Восхожденіе на Денежскій камень въ 1873 г.—XXI. Воспамяніе объ А. И. Артемьевѣ и письма его. Н. Н. Тихонова.—XXII. Нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности М. Л. Магницкаго по отношенію къ Симбирской гимназій. С. С. Соболева.—XXIII. Города и курганы въ Минской губерніи.—XXIV. Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича.—XXV. Письмо начальника главнаго штаба Е. И. В. князя П. В. Волконскаго къ штабмейстеру Козенцу о кончинѣ императора Александра I-го.—XXVI. Некрологъ М. Н. Лонгинова.—XXVII. Библиографія. I. Исторія Россіи съ древнѣй-

шихъ времяхъ. С. М. Соловьева.—Т. 24. М. 1874.—II. Сборникъ Императорскаго историческаго общества. Т. 13. Спб. 1874.—III. Архивъ князя Воронцова. Кн. 7. М. 1876.—IV. Очерки русской морской исторіи Ф. И. Веселаго. Ч. I. Спб. 1875. Е. А. Бѣлова.—V. Собрание узаконеній Русскаго государства. Изданіе Е. П. Карновича. Т. I. Царствованіе царя Алексѣя Михайловича, съ 1649 по 1876 г. Спб. 1875.—VI. Исторія Россійской академіи. М. И. Сухомятина. Вып. I. Спб. 1874. Н. Н. Бестужева-Рюмина.—VII. А. Т. Болотовъ. Памятникъ протекшихъ времяхъ или краткія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ. М. 1875. Б. Гив.—XXVIII. Указатель книгъ по русской исторіи, географіи и этнографіи, вышедшихъ съ 1-го января по 8-е марта 1875 года.

РИСУНКИ: 1. Василій Никитичъ Татищевъ, первый русскій историкъ. — 2. Петръ I-й и царица Алексѣя Петровна. (Съ картины проф. Н. Н. Ге, гравированной въ Парижѣ). — 3. Кронпринцесса Шарлотта-Христина-Софія (супруга царицы Алексѣя Петровича). — 4. Бирса, пограничное селеніе Иркутской губерніи, послѣ пожара и наводненія. — 5. Видъ Тельминской фабрики. — 6. Александръ Ивановичъ Артемьевъ. — 7. Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича. — 8. Императрица Екатерина II-я (въ молодости). — 9. Принцъ Христианъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій. (Отецъ Екатерины II-й). — 10. Принцесса Іоанна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская. (Мать Екатерины II-й). — 11. Царица Евдокія Феодоровна. (Литографія). — 12. Серебряная ваза съ изображеніями скивоовъ, найденная въ курганѣ на правомъ берегу Дигъра, близъ Никополя. — 13. Золотая ваза съ изображеніями скивоовъ, найденная въ курганѣ Кульоба, близъ Керчи. — 14. Каліостро. — 15. Видъ Иркутска. — 16. Графъ Петръ Андреевичъ Толстой. — 17. Крестъ преподобнаго Иринуха. — 18 и 19. Два вида пещеры и гробницы въ курганѣ Юзь-Оба. — 20. Рабочіе изъ селенія Тунки на Кругобайкальской дорогѣ (Хромолитографія). — 21. Станиславъ Лещинскій. — 22. Кобзарь Остапъ Вересай. — 23. А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. (Хромолитографія съ картины проф. Н. Н. Ге). — 24. Знаки на лапидарныхъ памятникахъ. — 25. Крестянскіе дома въ селѣ Грузинѣ при графѣ Аракчеевѣ. — 26. Ворота въ Денежномъ камнѣ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

(май, іюнь, іюль и августъ).

ТЕКСТЪ: I. Чума въ Москвѣ 1771 г. Гл. I—V. Д. А. Мордочова.—II. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Критико-біографическій очеркъ. Проф. В. С. Иконникова.—III. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII-го столѣтія. Гл. IX и X. Проф. Н. Н. Бестужева-Рюмина.—IV. Ссылка русскаго почтъ-директора Вагнера въ Сибирь. (1759—1763 гг.) Е. Н. Петровскаго.—V. Остатки засѣчно-сторожевой линіи въ предѣлахъ Воронежской губерніи. В. Н. Майнова.—VI. Херсонскій монастырь. П. Н. Мартынова.—VII. О русскомъ старинномъ церковномъ зодствѣ. Н. А. Чаева.—VIII. Преданія о мѣстныхъ святиныхъ. Проф. Н. Я. Армистова.—IX. Черты изъ жизни графа Аракчеева. Гл. IV. Грузинская усадьба и дворня. Н. И. Отто.—X. Понятовскій и Репнинъ. Историческій очеркъ. Ф. М. Уманца.—XI. Очерки Восточной Сибири. III. Отъ Култуга до Тунки. П. А. Ровинскаго.—XII. Шевалье д'Еонъ при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны. Е. П. Карновича.—XIII. Русскіе самоучки. I. Слѣпущикъ. II. Волосковъ. В. П. Попова.—XIV. Между Бѣлымъ моремъ и Сѣвернымъ ледовитымъ океаномъ. В. И. Немировича-Данченко.—XV. Отношенія Фридриха II-го, до вступленія его на престолъ, къ русскому двору, съ 1737 по 1740 годъ. Е. А. Бѣлова.—XVI. Анекдотъ объ Аракчеевѣ.—XVII. Новые матеріалы для біографіи Т. Г. Шевченко. Е. А. Гаммоню.—XVIII. Историческіе матеріалы. Указы Императора Павла I-го. Сообщеніе Д. А. Норскаго. Письмо графа Ф. В. Ростопчина къ Г. Р. Державину. Сообщено П. А. Болотовымъ. Острота А. Л. Нарышкина.—XIX. Письмо въ редакцію. (По поводу статьи Иконникова „Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“). Е. А. Бѣлова.—XX. Критика и Библиографія. I. Два новыя изслѣдованія по начальной русской исторіи (гг. Васильевскаго и Миллера). Проф. Д. И. Мловайскаго.—II. Императоръ Іоаннъ Антоновичъ и его родственники (1741—1807). А. Г. Бримера. М. 1874 г. Б. Гив.—III. Металлы, металлическія издѣлія и минералы въ древней Россіи (матеріалы для исторіи русскаго горнаго промысла). Соч. М. Д. Хморова, исправленное и дополненное К. А. Скальковскимъ. Спб. 1875 г.—IV. Сношенія Россіи съ Австріей съ XV-го до начала XIX-го столѣтія. („Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными дер-

жавами". По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ, составилъ Ф. Мартенъ, проф. императорскаго Сиб. Университета. Т. I и II. Трактаты съ Австріей). Е. А. Бѣлова.—У. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. XIII. (Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шледера, нѣтъ самими описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 года. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ примѣчаніями и приложеніями) съ портретомъ Шледера. Спб. 1875. Проф. М. Н. Бестужева-Рюмина.—VI. Азбуки и скоросныя XVII в. для нагляднаго изученія. Москва. 1875.—VII. „Московія Джона Мильтона“ съ статью и примѣчаніями Ю. В. Толстого. Изд. Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос. при московскомъ университетѣ. Москва. 1875 г. Чтеніе. 1874 г. Кн. III. Проф. Е. Е. Замысловскаго.—XXI. Указатель книгъ по русской исторіи, географіи и этнографіи, вышедшихъ съ 3-го марта по 28-е іюля 1875 года.

РИСУНКИ: 1. П. Д. Ерошкинъ.—2. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. (Хромолитографія).—3. Карта Воронежской губерніи.—4. Херсонскій монастырь.—5. Фасадъ и планъ собора св. Владимира въ Херсонскомъ монастырѣ.—6. Архіепископъ московскій Амвросій Зертинъ-Каменскій.—7. Покровский соборъ (Василій Блаженный) въ XVII-мъ столѣтіи. (Литографія).—8. Наружныя украшенія на южной сторонѣ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ.—9. Общій видъ села Грузина при графѣ Аракчеевѣ.—10. Станица въ Поклятовскій.—11. Селеніе Тулки въ восточной Сибири.—12. Кавалеръ д'Еонъ.—13. Слѣпущикъ.—14. Князь Н. В. Репнинъ.—15. Печѣнскіе лопари. (Большая литографія).—16. Село Кадалакша.—17. Волосковъ.

Сентябрьская книжка.

ТЕКСТЪ: Симеонъ Полоцкій. Историко-литературный очеркъ. Гл. I—III. А. И. Майнова.—II. Царь Алексѣй Михайловичъ и его время (1629—1676). Нравоописательный очеркъ. Гл. I и II. М. Д. Хмырова.—III. Баронъ Сигизмундъ Герберштейнъ и его сочиненіе о Россіи въ XVI-мъ в. Гл. I—IV. Проф. Е. Е. Замысловскаго.—IV. Внимательство русской политикѣ въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ курляндскимъ (1711—1748). Гл. I—IV. Е. П. Маринича.—V. Критика и библиографія.—I. „Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.“ Ярославль, 1874 г. Соч. М. Владимірскаго-Вуданова. Проф. Н. Я. Арсстова. 72.—II. Въ „Лѣсахъ“. Разсказано Андреемъ Печерскимъ. 4 т. Москва. 1875 г. Е. А. Бѣлова.—VI. Замѣтки по поводу статьи „Чула въ Москвѣ 1771 г.“ Письмо въ редакцію директора московскаго центральнаго архива мин. иностр. дѣлъ, барона Ф. А. Булера.—VII. Воспоминаніе объ Александрѣ Ивановичѣ Артемьевѣ. И. Голышева.—VIII. Каменный крестъ въ стѣнѣ Новгородскаго Софійскаго собора.—IX. Пребываніе въ г. Каргополѣ императора Александра I-го въ 1819 г. Сообщ. В. Неменинъ.—X. Историческіе матеріалы. Грамота князя Петра Ивановича Шуйскаго въ Ревель съ требованіемъ сдачи. Сообщ. Ив. Тихонровъ.—XI. Къ вопросу о слѣдахъ великорусскаго богатырскаго эпоса въ Малороссіи. (Письмо къ О. Ф. Миллеру М. П. Драгоманова, съ предисловіемъ и отвѣтными примѣчаніями О. Ф. Миллера).

РИСУНКИ: Симеонъ Полоцкій.—2. Герберштейнъ.—3. Морицъ Саксонскій.—4. Крестъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

Подписка на сборники „Древняя и Новая Россія“ принимается въ Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, на Невскомъ, рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, при типографіи издателя В. И. Граціанскаго, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ф. Базунова, на Невскомъ пр., д. № 30, и И. Г. Мартынова, на Вознесенскомъ, д. № 15; въ Москвѣ: въ книж. маг. И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и въ кн. маг. Мамонтова (бывшій Глазунова), на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова; въ Варшавѣ: въ кн. маг. В. М. Истомина; въ Кіевѣ: въ кн. маг. Гинтера и Милецкаго; въ Одессѣ: въ кн. маг. Бѣлаго; въ Тифлисѣ: въ кн. маг. Беринтама. Подписная цѣна за 12-ть книжекъ въ годъ 12 руб., съ доставкою 12 р. 50 к., съ пересылкою 13 руб. 50 коп.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества

I. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невскаго проспекта)

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва, Петровка, № 6
(на углу Кузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДШЕВОВОЕ ИЗДАНІЕ ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ:

Для фортепіано: Фенелла, Фиделіо, Эгмонтъ, Аонискія развалины, Норма, Ромео и Юлія, Соннамбула, Пуритане, Бѣлая дама, Іоаннъ Парижскій, Калифъ Багдадскій, Водовозъ, Лючія, Любовный напитокъ, Орфей, Ифигенія, Мессія, Самсонъ, Четыре времени года, Сотвореніе міра, Цампа, Іосифъ прекрасный, Донъ-Жуанъ, Фигаро, Волшебная флейта, Похищеніе изъ серала, Титусъ, Реквиемъ, Stabat Mater, Севильскій цирюльникъ, Отелло, Волшебный стрѣлокъ, Оберонъ, Эврианта, Преціоза. Всѣ эти оперы и ораторіи въ новомъ переложеніи Мендорфа и въ форматѣ альбома (каждая 60 к.). Эти же оперы въ 8 долю листа (каждая 50 к.).

Для фортепіано въ 4 руки: Фиделіо (1 р.); Эгмонтъ (50 к.); Норма (1 р.); Соннамбула (1 р.); Цампа (1 р.); Донъ-Жуанъ (1 р. 25 к.); Фигаро (1 р. 25 к.); Волшебная флейта (1 р. 40 к.); Севильскій цирюльникъ (1 р.); Волшебный стрѣлокъ (90 к.); Оберонъ (1 р.); Фенелла (1 р. 50 к.); Бѣлая дама (1 р.); Лючія (1 р.); Марта (3 р.); Орфей (1 р.); Мессія (1 р.); Сотвореніе міра (1 р.); Реквиемъ (50 к.); Іессоизда (1 р. 50 к.); Трубадуръ (3 р.); Эврианта (1 р. 25 к.); Преціоза (50 к.).

Собраніе любимыхъ увертюръ Бетховена, Белини, Вебера, Моцарта, Россини, Шуберта, Буальде и др., для одного фортепіано; 8 выпусковъ, въ каждомъ отъ 8 до 10 увертюръ (каждый выпускъ 50 к.). Это же собраніе увертюръ въ 4 руки, 9 выпусковъ (по 65 к.); это же собраніе увертюръ для фортепіано со скрипкою 6 выпусковъ (по 75 к.).

Собраніе похурри въ видѣ фантазій изъ любимѣйшихъ оперъ для одного фортепіано, 65 выпусковъ (по 30 к.); Тоже въ 4 руки (по 35 к.); Тоже для фортепіано со скрипкою, 32 выпуска (по 40 к.); Тоже, для фортепіано съ виолончелью (по 40 к.); Тоже, для фортепіано съ флейтою (по 40 к.); Тоже, для фортепіано, скрипки и виолончели (по 45 к.).

Для фортепіано: „Perles de salon“. Сборникъ любимыхъ пьесъ Спиндлера, Юнгмана, Волленгаута, Литольфа, Ричарда, Кеттерера и др. 7 томовъ (I—1 р., остальные по 75 к.); „Perles de salon“ въ 4 руки, 2 тома (по 75 к.); „Lanner-Album“ 10 любимыхъ вальсовъ въ 2 руки (50 к.); 20 любимыхъ вальсовъ въ легкомъ переложеніи (75 к.); 8 вальсовъ въ 4 руки (75 к.); 12 вальсовъ для фортепіано со скрипкой (75 к.); 20 вальсовъ для одной скрипки (50 к.). Фгннскаго, 14 полонезовъ (50 к.); „Oreg-Album“, 50 любимыхъ оперныхъ мелодій (50 к.). Кѣллеръ, 150 мелодій всѣхъ народовъ земного шара, въ 2 руки (1 р.); въ 4 руки (1 р.); 120 танцевъ всѣхъ народовъ земного шара (1 р.); 60 танцевъ, въ 4 руки (1 р.). Шоненъ, Всѣ 14 вальсовъ (1 р.). Мендельсонъ, Всѣ 48 пьесъ безъ словъ (2 р.); „Volkslieder-Album“, 100 народныхъ вальсовъ (65 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса посылки. Требованія Гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Дено лучшихъ итальянскихъ струнъ.

75 КОПѢЕКЪ—КАЖДАЯ КНИГА

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНИЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I.—А. С. ПУШКИНЪ.

Первый отдѣлъ: Мѣдный Всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Ру-
салка. — Евгений Онѣгинъ (гл. 2-я и 6-я). — Братья-разбойники. — Галубъ.

Второй отдѣлъ: Пѣсни, сказки и пр., всего 26.

Третій отдѣлъ: Арапъ Петра Великаго. — Лѣтопись села Горохина. —
Дубровский.

II.—М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Первый отдѣлъ: Демонъ (весь). — Пѣсня про царя Ивана Васильевича, мо-
лодого опричника и удалаго куца Калашникова. — Дума. — Три Палки. —
Мцыри (изъ исповѣди). — Сказка для дѣтей, и мелкія стихотворенія, всего до 40.

Второй отдѣлъ: I. Герой нашего времени: Максимъ Максимычъ; Тамаръ;
Фаталистъ. — II. Два отрывка изъ начатой повѣсти.

III.—Н. В. ГОГОЛЬ.

I. Старосвѣтскіе помѣщики. — II. Вій. — III. Разсказъ о томъ, какъ поссо-
рился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. — Ревизоръ (два послѣд-
нія дѣйствія). — Мертвыя души (первыя четыре главы).

IV.—В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Сельское кладбище. — Свѣтлана. — Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ. — Абба-
дона. — Золота арфа. — Овсянныи кисель. — Графъ Габсбургскій. — Орлеанская дѣва
(Прологъ). — Шильонскій узникъ. — Торжество побѣдителей. — Спящая царевна. —
Война мышей и лягушекъ. — Сказка о царѣ Берендеѣ. — Ундина (9 главъ). — Ру-
стемъ и Зорабъ (Третій бой). — Сказка о Иванѣ Царевичѣ. — Одиссея (9-я пѣсня).
— Царскосельскій лебедь и др. мелкія стихотворенія.

V.—А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Первый отдѣлъ: Планъ драмы и сцена. — Лубочный театръ. — Хищники въ
Чегемѣ. — Своя семья, и пр.

Второй отдѣлъ: Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Третій отдѣлъ: Драматическій писатель и публицистъ. — Грузинская ночь. —
Письма къ друзьямъ.

При каждомъ томѣ: портретъ, біографія и извлеченіе изъ критики
Вѣлинскаго.

Шестая книга — И. С. ТУРГЕНЕВЪ — поступила въ печать.

ЦѢНА: Всѣ пять томовъ вмѣстѣ—3 р. 75 к. въ бум., и 5 р. въ пер.; съ пересылкою: 5 р. въ бум., и 6 р. 25 к. въ пер.

Книгопродавцы, земскія управы и учебныя заведенія, обращающіеся
Книжный Складъ Типографіи М. Стасюлевича, въ Сиб., Вас. О., 2 г.
7, пользуются уступкою 20% съ цѣны экземпляра: 3 р. въ бум. и 4 р.
пер.; съ пересылкою: 4 р. 25 к. въ бум., и 5 р. 25 к. въ пер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

Россия и Англия. Первая сорочъ дѣтъ сношеній между Россіей и Англіею. 1558—1593 гг. Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя *Юріемъ Толстымъ*. Сиб. 1875. Стр. 441.

Наши читатели знакомы съ содержаніемъ этого сборника по статьѣ, помѣщенной нами въ августѣ: „Англія и ея видъ на Россію въ XVI вѣкѣ“. Исправивъ по подлинникамъ то, что помѣшалось въ прежнихъ сборникахъ, издатель значительно дополнилъ ихъ, и изъ 82-хъ документовъ, вошедшихъ въ составъ новаго изданія, 33 появляются въ печати въ первый разъ. Латинскій и англійскій тексты документовъ снабжены русскимъ переводомъ, а русскіе подлинники—англійскимъ. Въ оглавленіи, на стр. X, указаны номера тѣхъ документовъ, которые появляются въ печати въ первый разъ.

Очерки исторіи и догматики международнаго права. Орд. пр. *А. Н. Столнова*. Харьковъ. 1875. Стр. 742.

Въ своемъ предисловіи авторъ объясняетъ происхожденіе и главную цѣль своего труда: это—стенографическія записанныя лекціи и исправленные по литографированному тексту; изданіемъ этихъ лекцій авторъ желалъ избавить слушателей отъ потери времени на составленіе записокъ, а профессора отъ необходимости читать вскаій разъ общій курсъ цѣлаго предмета. Въ послѣдніе годы, какъ мы указывали уже не разъ, наши профессора, особенно юридическаго факультета, сдѣлали очень много для облегченія напраснаго труда слушателей, въ противнствіи сътованіямъ и жалобамъ г. Любимова. Трудъ пр. Столнова является новымъ опроверженіемъ обвиненія, будто бы въ послѣднее время дѣятельность профессорствъ ослабла. Мы позволимъ себѣ только одно возраженіе почтенному профессору: намъ кажется, что печатные курсы не оцѣны освободить профессора отъ обязанности читать вскаій разъ общій курсъ цѣлаго предмета. Это равнялось бы уничтоженію того, что въ нѣмецкихъ университетахъ называется *publica*. Только при такихъ *publica*, могли бы пріести пользу и *privata*, на которыхъ избирается наибольшая отдѣльная сторона общаго курса и подробнѣйшая ея изученія. Налечтанный курсъ долженъ только облегчать профессора, не освобождать отъ устнаго преподаванія ни въ ея цѣлости.

Экардтъ. Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій, съ приложеніемъ примѣчаній и краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній перевелъ и составилъ приложенія *Н. Максимовъ* и *В. Острогорскій*. Сиб. 1875. 8°. 148 и LXII стр. Ц. 1 р.

Книга *Экардта* будетъ полезнымъ вкладомъ нашу дидактическую литературу, которая въ неволатности для изученія поэзіи произведеній. „Краткій учебникъ теоріи поэзіи“ составленъ г. Острогорскимъ по другой В. того же *Экардта*, „*Vorschule der Aesthetik*“ и составленъ весьма обстоятельно, между имъ съ указаніями на произведенія русской поэзіи. Въ прошломъ году г. Острогорскій въ книжку: „Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій гимназій“ (для матерей, воспитателей и учителей), которая рядомъ съ настоящимъ Руководствомъ можетъ быть очень полезнымъ пособиемъ.

русскимъ пособиемъ. Точка зрѣнія издателей книги *Экардта* выражается въ слѣдующихъ словахъ (въ предисловіи ихъ къ Руководству): „Мы вполнѣ соглашаемся съ *Экардтомъ*, что именно путемъ разумнаго чтенія поэтическихъ произведеній можно способствовать ослабленію стремленія къ узкой утилитарности, стремленія, ради наживы и другихъ матеріальныхъ благъ, отказаться отъ всего высокаго“. Это очень справедливо.

Женское спеціальное образованіе въ Петербургѣ. Состав. *М. Л. Златковскій*. Сиб. 1875. Стр. 250. Ц. 1 р. 50 к.

Это, если не ошибаемся, первый и весьма полезный опытъ справочной книги для желающихъ ознакомиться не только съ условіями поступленія и программами преподаванія въ новыхъ женскихъ спеціальныхъ училищахъ и курсахъ, но и съ современными ихъ положеніемъ. Всѣ училища и курсы раздѣлены на 4 отдѣла: медицинскій, педагогическій, художественный и реальныхъ знаний. По приблизительному вычисленію оказывается, что въ нѣняйшему году спеціальнымъ образованіемъ пользуются около 2000 учащихся; но въ нихъ около 500 нуждаются въ матеріальныхъ средствахъ къ существованію. Число всѣхъ учрежденій для спеціальнаго образованія женщинъ дошло до 24. При новомъ изданіи этой полезной и весьма любопытной настольной книги желательно было бы найти подлинныя уставы училищъ и курсовъ; это придало бы новое и весьма важное значеніе сборнику.

Сцены изъ бѣганской жизни (*Scènes de la vie de bohème*) *Г. Мюрже*. Переводъ съ французскаго. Сиб. 1875. Мал. 8°. 418 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Объ авторѣ этихъ разсказовъ была недавно рѣчь въ „Вѣстникѣ Европы“ (см. „Прізванія литературныхъ отцовъ“, янв. и февр.). Читатель найдетъ тамъ указанія объ оригинальной литературной школѣ, въ которой *Мюрже* занималъ самое видное мѣсто. Въ свое время не мало разсказовъ *Мюрже* было переведено на русскій языкъ; но сколько мы помнимъ, „Сцены изъ бѣганской жизни“, одно изъ главнѣйшихъ его произведеній, до сихъ поръ не были извѣстны на русскомъ языкѣ, и вышедшее теперь изданіе очень кстати. „Сцены“ очень своеобразны и дадутъ весьма занимательное чтеніе. Переводъ хорошъ.

Очерки исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка. Сочиненіе *Н. А. Порай-Кошица*. Сиб. 1874. Ц. 1 р. 50 коп. стр. 224.

Такъ какъ сочиненіе это не имѣетъ притязанія на какую-либо научную самостоятельность, то можно оставить въ сторонѣ и отзывы автора о значеніи дворянства въ настоящее время; ограничимся замѣткой о практическомъ значеніи, какое эта книжка можетъ имѣть. Она представляетъ обзоръ, по *Карамзину*, *Соловьеву*, *Костомарову* и разнымъ монографіямъ, чиновъ, изъ которыхъ возникло служилое и помѣстное сословіе въ Россіи, а также постановку вопроса о правахъ земельнаго владѣнія и наконецъ о сословныхъ правахъ дворянства, какъ они были установлены *Екатериною II*. По сжатости своей книга или брошюра эта можетъ служить

B'D. OCT 17 1913

